ЛЕ
М 29
Мартенс Ф
Собрание трак-
татов...
т 12
Спб 1898

RECUEIL
DES
TRAITÉS ET CONVENTIONS,

CONCLUS

PAR LA RUSSIE AVEC LES PUISSANCES ÉTRANGÈRES.

PUBLIÉ

D'ORDRE DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES

PAR

F. de Martens,

MEMBRE PERMANENT DU CONSEIL DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES.

Tome XII.

TRAITÉS AVEC L'ANGLETERRE.

1832—1895.

ST. PÉTERSBOURG.

Imprimerie A. Böhnke, Nowy Péréoulok № 2.

1898.

ЛЕ
М-29

СОБРАНІЕ ТРАКТАТОВЪ и КОНВЕНЦІЙ,

заключенныхъ

РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

По порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

составилъ

Ф. Мартенсъ,
Непремѣнный членъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Томъ XII.

ТРАКТАТЫ СЪ АНГЛІЕЮ.

1832—1895.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.
1898.

Гос. Публ. Библ. имени Салтыкова-Щедрина
Обм.-9329

Печатается съ Высочайшаго соизволенія.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1442642

PRÉFACE.

En publiant dans le présent volume l'acte sub № 470, je termine la *troisième* série des traités et conventions internationales, conclus par la Russie avec les Puissances étrangères. Le XIII volume qui va suivre formera le commencement d'une quatrième série qui comprendra les transactions internationales, conclues entre la Russie et la France depuis la moitié du XVII siècle jusqu'au moment actuel.

Le présent volume contient les actes internationaux intervenus entre la Russie et la Grande-Bretagne depuis 1832 jusqu'à l'année actuelle. Je me flatte de la pensée que les lecteurs trouveront dans les esquisses historiques, placées en tête des actes imprimés, un grand nombre de faits inédits et intéressants, servant à caractériser les relations diplomatiques entre les deux grandes Puissances. Dans la dernière de ces esquisses (№ 456) se trouvent exposées les négociations diplomatiques qui ont amené la catastrophe de la guerre de Crimée 1854—1856.

L'intérêt particulier qui s'attache aux négociations diplomatiques exposées dans le présent volume s'explique en premier lieu par le fait que, de part et d'autre, des diplomates et des hommes d'État de

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отпечатаніемъ въ настоящемъ томѣ акта за № 470, я окончилъ *третью* серію международныхъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Слѣдующимъ XIII томомъ должна начаться четвертая серія, состоящая изъ международныхъ актовъ, заключенныхъ между Россіею и Франціею съ половины XVII вѣка по настоящее время.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ международные акты, состоявшіеся между Россіею и Великобританіею съ 1832 года по настоящій годъ. Осмѣливаюсь думать, что въ историческихъ очеркахъ, предшествующихъ отпечатаннымъ актамъ, читатели найдутъ чрезвычайно много неизвѣстныхъ и интересныхъ фактовъ, служащихъ для характеристики дипломатическихъ сношеній между обѣими великими державами. Въ послѣднемъ историческомъ очеркѣ (№ 456) излагаются дипломатическіе переговоры, приведшіе къ катастрофѣ: Крымской войнѣ 1854—1856 года.

Чрезвычайный интересъ изложенныхъ въ настоящемъ томѣ дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею объясняется, прежде всего, участіемъ въ нихъ, съ обѣихъ сто-

premier ordre y ont participé. Du côté de la Russie nous trouvons sur le premier plan la personnalité imposante et chevaleresque de l'Empereur Nicolas I qui était l'inspirateur et l'âme de la politique de la Russie. Il écrivait de sa main des mémoires détaillés sur les questions politiques du jour et adressait des instructions à ses représentants auprès des Cours étrangères. Dans le Chancelier de l'Empire comte Nesselrode, l'Empereur avait non seulement un serviteur d'un dévouement éprouvé, mais encore un conseiller éclairé par une longue expérience qui unissait une grande finesse d'esprit à toutes les capacités d'un homme d'État éminent. Ses collaborateurs, précisement à la Cour de Londres, étaient des diplomates russes très distingués tels que le comte Matuszevic, le comte Pozzo-di-Borgo et le baron Brunnow. Les nombreuses citations, puisées dans les rapports, les mémoires et les lettres particulières du baron Brunnow et insérées dans les esquisses historiques du présent volume, resteront à tout jamais un témoignage éclatant de l'intelligence remarquable, des talents diplomatiques éminents et du profond patriotisme de cet homme d'État qui est resté, durant quarante ans, sur la brêche à Londres à veiller à l'honneur et aux intérêts de la Russie.

Du côté de l'Angleterre, également des hommes d'Etat remarquables comme lords Melburne, Palmerston, John Russell, Derby, sir Robert Peel et lord Aberdeen ont pris une part considérable et directe aux négociations diplomatiques avec la Russie. Enfin le

ронъ, весьма выдающихся дипломатовъ и государственныхъ мужей. Съ русской стороны, на первомъ планѣ находится рыцарская личность самого Императора Николая I, который былъ руководителемъ и душою политики Россіи. Онъ собственноручно писалъ подробныя записки по текущимъ политическимъ вопросамъ и давалъ инструкціи своимъ представителямъ при заграничныхъ дворахъ. Въ Государственномъ Канцлерѣ, графѣ Нессельроде, Государь имѣлъ не только безгранично преданнаго слугу, но равнымъ образомъ умудреннаго многолѣтнею опытностью совѣтника и одареннаго тонкимъ умомъ и выдающимися способностями государственнаго человѣка. Сотрудниками же его были, въ частности при Лондонскомъ дворѣ, такіе замѣчательно талантливые и умные русскіе дипломаты, какъ графъ Матушевичъ, графъ Поццо-ди-Борго и баронъ Брунновъ. Приведенныя въ историческихъ очеркахъ настоящаго тома многочисленныя выписки изъ донесеній, записокъ и частныхъ писемъ барона Бруннова всегда будутъ служить неопровержимыми доказательствами замѣчательнаго ума, выдающагося дипломатическаго таланта и глубокаго патріотизма этого государственнаго человѣка, который въ продолженіи сорока лѣтъ былъ въ Лондонѣ на стражѣ чести и пользы Россіи.

Со стороны Англіи выдающееся и непосредственное участіе въ дипломатическихъ переговорахъ съ Россіею принимали такіе замѣчательные государственные дѣятели, какъ лорды Мельборнъ, Пальмерстонъ, Джонъ Россель, Дерби, сэръ Робертъ Пиль и лордъ

duc de Wellington, l'éminent héros de Waterloo, est resté jusqu'à sa mort en 1852 le conseiller non seulement de son gouvernement, mais de l'ambassade de Russie à Londres. L'Empereur Nicolas I, aussi bien que les ministres de Russie à la Cour de Londres, faisaient toujours grand cas de ses conseils qui trahissaient invariablement un grand bon sens.

Pendant la période de temps, à l'étude de laquelle est consacré le présent volume, les négociations diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre portaient sur les mêmes questions qui absorbent encore leur attention à la fin du XIX siècle.

Dans la question de *l'Asie Centrale*, que la politique fébrile de lord Palmerston avait mise à l'ordre du jour, dans les années trente, celui-ci ne put s'empêcher, dans un moment de franchise, de s'écrier en présence du représentant de Russie: „Dès que la Russie et l'Angleterre s'entendent, la paix de l'Asie est assurée!“ (p. 53).

L'Empereur Nicolas I et le Chancelier de l'Empire, comte Nesselrode, partagèrent complètement cette manière de voir du ministre anglais. Lorsque en 1838, le comte Pozzo-di-Borgo informait son gouvernement que le projet de conquête de l'Inde par les Russes „travaille toutes les têtes ici (à Londres) non obstant son invraisemblance naturelle et sa réelle fausseté“, le comte Nesselrode adressait à Londres des instructions consignées dans la dépêche du 20 octobre 1838, qui insistait sur la nécessité absolue pour la Russie et l'Angleterre de vivre en paix en Asie Centrale (v. page 75 et suiv.).

Эбердинъ. Наконецъ, маститый герой Ватерлоской битвы, герцогъ Веллингтонъ, оставался, вплоть до своей кончины въ 1852 году, совѣтникомъ не только своего правительства, но и русскаго посольства въ Лондонѣ. Къ его совѣтамъ, всегда обнаруживавшимъ бездну здраваго смысла, относились съ величайшимъ вниманіемъ какъ Императоръ Николай I, такъ и русскіе посланники при Лондонскомъ дворѣ.

Въ продолженіи изучаемаго въ настоящемъ томѣ періода предметами дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею были тѣ самые вопросы, которые поглощаютъ ихъ вниманіе также въ концѣ XIX вѣка

По *Среднеазіятскому* вопросу, поставленному на очередь въ 30-хъ годахъ лихорадочною политическою дѣятельностью лорда Пальмерстона, послѣдній, въ минуту откровенности, не могъ не воскликнуть въ присутствіи представителя Россіи: „Съ того момента, какъ Россія и Англія между собою согласны, миръ въ Азіи обезпеченъ!“ (стр. 53).

Императоръ Николай I и Государственный Канцлеръ графъ Нессельроде вполнѣ раздѣляли такое мнѣніе англійскаго министра. Когда въ 1838 году графъ Поццо-ди-Борго доносилъ, что проектъ завоеванія Русскими Индіи „засѣлъ здѣсь (въ Лондонѣ) во всѣхъ головахъ, не взирая на свою естественную невѣроятность и положительную фальшь“, графъ Нессельроде отправилъ въ Лондонъ депешу-инструкцію отъ 20-го октября 1838 года, въ которой доказывалась абсолютная необходимость мирнаго сожитія Россіи и Англіи въ Средней Азіи. (См. стр. 75 и слѣд.).

Voici ce que le Chancelier de l'Empire écrivait entr'autres à ce sujet:

„La Grande-Bretagne, comme la Russie, doit avoir à coeur le même intérêt: celui de maintenir la paix au centre de l'Asie et d'éviter qu'il ne survienne, dans cette vaste partie du globe, une conflagration générale. Or, pour empêcher ce grand malheur, il faut conserver soigneusement le repos des pays intermédiaires qui séparent les possessions de la Russie de celles de la Grande-Bretagne. Consolider la tranquillité de ces contrées; ne point les exciter les unes contre les autres, en nourrissant leurs haines mutuelles; se borner à rivaliser d'industrie, mais non pas s'engager dans une lutte d'influence politique; enfin, plus que tout le reste, respecter l'indépendance des pays intermédiaires qui nous séparent, tel est à notre avis le système que les deux Cabinets ont un commun intérêt à suivre invariablement, afin d'empêcher la possibilité d'un conflit entre deux grandes Puissances qui, pour rester unies, ont besoin de ne pas se toucher et de ne pas se heurter au centre de l'Asie".

L'Empereur Nicolas I sanctionna ces instructions en inscrivant de sa propre main sur ce travail ces mots: „C'est plus que parfait!"

Lorsque l'opinion publique s'émut en Angleterre à l'occasion de l'expédition du général Perovsky au Khiva en 1840 et que des voix hostiles à la Russie se firent entendre dans la presse et au

Вотъ что писалъ, между прочимъ, Государственный Канцлеръ:

„Великобританія, какъ и Россія, должна имѣть въ виду одинъ и тотъ же интересъ, а именно: поддерживать миръ въ Средней Азіи и предупредить возникновеніе въ этой обширной части свѣта общаго пожара. И вотъ, чтобъ избѣжать этого великаго несчастія, необходимо тщательнымъ образомъ сохранять спокойствіе въ промежуточныхъ странахъ, отдѣляющихъ владѣнія Россіи отъ владѣній Великобританіи. Укрѣплять тишину въ этихъ странахъ; не натравлять ихъ одну противъ другой посредствомъ потворства ихъ взаимной ненависти; ограничиваться соревнованіемъ на поприщѣ промышленности, но не вступать въ борьбу изъ-за политическаго вліянія, и, наконецъ—что важнѣе всего остального — уважать независимость промежуточныхъ, насъ раздѣляющихъ странъ, — такова, по нашему мнѣнію, система, которой оба правительства должны неизмѣнно слѣдовать въ виду общей ихъ пользы и съ цѣлью предупрежденія возможности столкновенія между двумя великими державами, которыя, чтобъ оставаться друзьями, обязаны не имѣть въ Центральной Азіи ни соприкосновенія, ни столкновенія".

Императоръ Николай I утвердилъ эту инструкцію собственноручно написанными словами: „Это болѣе чѣмъ превосходно!"

Когда же по поводу похода генерала Перовскаго противъ Хивы въ 1840 году, общественное мнѣніе Англіи пришло въ лихорадочное состояніе, и въ печати и въ парламентѣ громко

sein du parlement, le baron Brunnow écrivait à son gouvernement: „Soyez sans la moindre inquiétude, pourvu que Perovsky fasse son affaire, qu'il chasse le Khan, qu'il le pende, qu'il le fustige,— il fera toujours bien, personne ne pourra nous en empêcher. Mais, de grâce, *préférez les faits aux écritures.* Elles valent peu, par le temps qui court, même en Europe. Elles valent encore moins en Asie; et sans nous donner plus de sécurité à nous mêmes, tout acte patent que nous signerions avec quelque chef brigand de Khiva, serait un document qui nous ferait beaucoup de mal en Angleterre".

L'éminent duc de Wellington partageait complètement ces vues du baron Brunnow en reconnaissant l'Empereur Nicolas I comme „le maître en Asie", mais il croyait devoir mettre le gouvernement russe en garde contre les conséquences inévitables de toutes les expéditions en Asie. „Dans les entreprises de ce genre, souvenez vous bien qu'il est facile de faire, pas facile de défaire."

Les esquisses concernant les pourparlers diplomatiques sur *la question d'Orient* (№ 442 et suiv.), et sur la convention pour la fermeture du Bosphore et des Dardanelles (№ 446) présentent également un intérêt sérieux. Les diplomates anglais assuraient que la Russie a seule bénéficié de cette transaction, vu que le principe de la fermeture n'était profitable que pour elle (pag. 155).

Le baron Brunnow qui a signé cet acte international ne s'abusait nulle-

высказывались враждебные противъ Россіи голоса, баронъ Брунновъ писалъ своему правительству: „Будьте совершенно покойны, лишь бы только Перовскій сдѣлалъ свое дѣло: пусть онъ прогонитъ хана, или повѣситъ его, или выпоретъ плетьми,—все равно, онъ поступитъ отлично, и никто намъ въ томъ мѣшать не можетъ. Только умоляю васъ: *предпочтите факты писаніямъ!* Эти писанія въ настоящее время, даже въ Европѣ, очень мало имѣютъ значенія. Еще меньше стоютъ они въ Азіи. Всякій открытый актъ, подписанный нами съ какимъ нибудь хивинскимъ разбойникомъ, не дастъ намъ больше безопасности, но навѣрное будетъ для насъ очень вреднымъ въ глазахъ Англичанъ".

Маститый герцогъ Веллингтонъ вполнѣ раздѣлялъ приведенное мнѣніе барона Бруннова и, признавая русскаго Императора „властителемъ Азіи", только предостерегалъ насчетъ неизбѣжныхъ послѣдствій всякихъ походовъ въ Азіи. „Въ подобныхъ предпріятіяхъ", сказалъ онъ, „помните всегда, что легко идти впередъ, но трудно идти назадъ".

Не меньшій интересъ представляетъ очеркъ дипломатическихъ переговоровъ по *Восточному вопросу* (№ 442 и слѣд.) и по заключенію конвенціи о закрытіи Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ для военныхъ судовъ (№ 446). Англійскіе дипломаты доказывали, что одна только Россія выиграла отъ конвенціи о проливахъ, ибо принципъ закрытія исключительно выгоденъ только ей. (Стр. 155).

Баронъ Брунновъ, подписавши самъ этотъ международный актъ, нисколько

ment sur les avantages qu'il présentait à la Russie. Lorsque en 1853 les escadres française et anglaise ont franchi les détroits, le baron Brunnow écrivait à ce sujet au Chancelier de l'Empire dans les termes suivant: „Je persiste à regarder le principe de la fermeture comme une chose utile. Mais, d'un autre côté, il est certain que le traité de 1841 partage le sort de toutes les transactions diplomatiques. Il est sujet à nous faire défaut, quand nous en avons besoin le plus. Il ne s'applique qu'à l'état de paix. Survient une complication. — Adieu le traité des Dardanelles!" (p. 347).

La note du comte Nesselrode du 7 février 1850, sur l'affaire Pacifico (p. 261), qui condamne à juste titre, et d'une manière irréfutable la politique de l'Angleterre vis-à-vis de la Grèce sans défense, restera un monument éclatant de la diplomatie russe à l'époque de l'Emperenr Nicolas I. „Il s'agit, en effet", écrivait le Chancelier de l'Empire, „de savoir si la Grande-Bretagne en abusant de la situation que lui fait son immense superiorité maritime, prétend s'enfermer désormais dans une politique d'isolement, sans souci des transactions qui la lient aux autres Cabinets, se dégager de toute obligation commune, de toute solidarité d'action et autoriser chaque grande Puissance, toutes les fois qu'elle en trouvera l'occasion, à ne reconnaître envers les faibles d'autre règle que sa volonté, d'autre droit que sa force matérielle". (Page 263).

не увлекался его пользою для Россіи. Когда въ 1853 году англійская и французская эскадры прошли через проливы, баронъ Брунновъ писалъ Государственному Канцлеру слѣдующее: „Я продолжаю считать принципъ закрытія проливовъ полезнымъ. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что трактатъ 1841 года раздѣляетъ судьбу всѣхъ дипломатическихъ соглашеній. Онъ можетъ оказаться для насъ безполезнымъ именно тогда, когда мы въ особенности въ немъ будемъ нуждаться. Онъ примѣнимъ только во время мира. Возникаетъ усложненіе—прощай трактатъ о Дарданеллахъ!" (стр. 347).

Блестящимъ памятникомъ русской дипломатіи временъ Императора Николая I навѣрно останется навсегда нота графа Нессельроде отъ 7-го февраля 1850 года по дѣлу еврея Пачифико (стр. 261), въ которой англійская политика въ отношеніи беззащитной Греціи была осуждена самымъ справедливымъ и неопровержимымъ образомъ. „Въ самомъ дѣлѣ", писалъ Государственный Канцлеръ, „нужно знать, намѣрена-ли Англія, злоупотребляя своимъ положеніемъ, создавшимъ ея господство на морѣ, отнынѣ дѣйствовать въ смыслѣ политики разобщенности, не обращая вниманія на обязательства, связующія ее съ другими державами, освободиться отъ всяких общихъ обязательствъ, отъ всякой солидарности дѣйствій и дать право каждой великой державѣ, всякій разъ когда она найдетъ это удобнымъ, не признавать въ отношеніи слабыхъ другого закона, кромѣ своей воли, другого права, кромѣ своей матеріальной силы". (Стр. 263).

La protestation de la Russie contre les représsailles, nullement justifiées, exercées par l'Angleterre contre la Grèce trouva un écho sympathique non seulement sur le continent de l'Europe, mais même en Angleterre. Lord Palmerston fut obligé de revoquer ces représsailles et se retira bientôt du pouvoir. Mais l'affaire Pacifico contribua à accroître en lui les sentiments de haine qu'il entretenait de tout temps envers la Russie. Les dissentiments survenus entre la Russie et la Porte en 1852, au sujet des Lieux Saints, lui fournirent l'occasion de s'associer à Napoléon III pour pousser la Turquie à déclarer la guerre à la Russie et pour entraîner ensuite l'Angleterre et la France à y prendre part.

Je me permets de croire que l'esquisse historique sub № 456 présente un intérêt incontestable et palpitant à cause de toute une série de faits et de documents inédits qui jettent un jour nouveau sur les négociations diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre, qui ont précédé la guerre de Crimée. Si l'on suit, pas à pas, la marche des pourparlers qui ont amené le dénouement fatal, si l'on se rappelle que jusqu'au dernier moment l'Empereur Nicolas I se refusait à la pensée d'une rupture entre la Russie et l'Angleterre, on comprendra le côté hautement tragique de sa situation au commencement de l'année 1854. Cette situation était en effet poignante au dernier degré, car l'Empereur n'a jamais admis la pensée que sa franchise chevaleresque avec l'ambassadeur sir Hamilton Seymour ait pu être interprêtée en Angleterre comme une preuve de visées conqué-

Протестъ Россіи противъ ничѣмъ не оправдываемыхъ репрессалій, предпринятыхъ Англіею противъ Греціи, вызвалъ не только въ континентальной Европѣ, но и въ самой Англіи, искреннее сочувствіе. Лордъ Пальмерстонъ принужденъ былъ отмѣнить свои репрессаліи и даже вскорѣ подать въ отставку. Но дѣло Пачифико еще больше развило то чувство вражды, которое онъ всегда питалъ къ Россіи. Возникшія въ 1852 году разногласія между Россіею и Турціею по поводу святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ, дали лорду Пальмерстону возможность, въ союзѣ съ Наполеономъ III, вызвать сперва объявленіе войны Турціею Россіи, а впослѣдствіи участіе Англіи и Франціи въ этой войнѣ противъ Россіи.

Осмѣливаюсь думать, что историческій очеркъ № 456, въ первый разъ освѣщающій цѣлымъ рядомъ новыхъ документовъ и фактовъ дипломатическіе переговоры между Россіею и Англіею передъ началомъ Крымской войны, представляетъ несомнѣнный и животрепещущій интересъ. Если слѣдить шагъ за шагомъ за поступательнымъ развитіемъ переговоровъ, приведшихъ неминуемымъ образомъ къ роковой развязкѣ; если видѣть, что Императоръ Николай I, до самой послѣдней минуты, отказывался признать возможность разрыва между Россіею и Англіею, то великій трагизмъ положенія, въ которомъ онъ находился въ началѣ 1854 года, будетъ совершенно понятенъ. Этотъ трагизмъ былъ потрясающимъ, ибо Государь никогда не могъ допустить даже мысли, что его рыцарская откровенность съ англійскимъ посломъ сэромъ Гамильтономъ

rantes de la Russie au préjudice de l'Empire Ottoman. Il aimait et estimait sincèrement l'Angleterre et la nation anglaise et se refusait de croire que la Russie, qui a entretenu durant des siècles avec cette Puissance les relations les plus amicales, se verrait dans la nécessité de tirer l'épée contre un ami et un allie plusieurs fois séculaire.

La guerre de Crimée marque un revirement profond dans les relations mutuelles entre la Russie et l'Angleterre et les conséquences fâcheuses de cet événement se font sentir jusqu'à ces derniers temps.

En terminant, je me fais un agréable devoir de réïtérer à mes chers collaborateurs: le comte Nicolas de Sancé et M. Michel Mouromtsew, ma reconnaissance bien sincère de l'empressement avec lequel ils ne cessent de me prêter au besoin leur aimable concours.

F. M.

Сеймуромъ будетъ истолкована въ Англіи, какъ доказательство завоевательныхъ замысловъ Россіи противъ Оттоманской имперіи. Онъ искренне уважалъ и любилъ Англію и англійскій народъ и не могъ себѣ представить, чтобъ Россія, бывшая въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ въ самыхъ дружескихъ и союзныхъ отношеніяхъ съ этою державою, могла быть когда либо вынуждена вынуть мечъ противъ своей многовѣковой союзницы и друга.

Крымская война производитъ крутой переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи, и ея пагубныя послѣдствія даютъ себя чувствовать до новѣйшаго времени.

Въ заключеніе, считаю пріятнымъ долгомъ повторить искреннѣйшую признательность моимъ дорогимъ сотрудникамъ: графу Н. Э. Сансе и М. И. Муромцеву за ихъ всегдашнюю готовность оказывать мнѣ, въ случаѣ надобности, свое любезное содѣйствіе.

Ф. М.

INDEX.

PAGES.

№ 440.

1832, 7 (19) mai. Convention de Londres concernant l'avénement au trône de Grèce du prince Othon de Bavière, conclue entre la Russie, l'Angleterre, la France et la Bavière 1

№ 441.

1833, 18 (30) avril. Article supplémentaire et explicatif de la Convention de Londres de 1832 concernant la Grèce (№ 440). . . . —

№ 440 29
№ 441 37

№ 442.

1839, 7 (19) avril. Traité de Londres, conclu entre la Russie, la Grande-Bretagne, l'Autriche, la Belgique, la France et la Prusse, au sujet de la délimitation de la Hollande et du Royaume des Belges 38

№ 442 84
Annexe 87

№ 443.

1840, 3 (15) juillet. Convention de Londres concernant l'Egypte, conclue entre la Russie, l'Angleterre, l'Autriche, la Prusse et la Turquie 103

№ 444.

1840, 2 (14) août. Protocole secret concernant la participation de la Prusse à la convention de Londres 104

№ 445.

1840, 5 (17) septembre. Protocole de désintéressement des quatre Puissances-contractantes de la convention de juillet. —

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

№ 440.

1832 г., 7-го (19-го) мая. Лондонская конвенція относительно вступленія баварскаго принца Оттона на греческій престолъ, заключенная между Россіею, Англіею, Франціею и Баваріею 1

№ 441.

1833 г., 18-го (30-го) апрѣля. Дополнительная и пояснительная статья къ Лондонской конвенціи 1832 года относительно Греціи (№ 440) . . . . —

№ 440 29
№ 441 37

№ 442.

1839 г., 7-го (19-го) апрѣля. Лондонскій трактатъ, заключенный между Россіею, Великобританіею, Австріею, Бельгіею, Франціею и Пруссіею относительно границъ Голландіи и Бельгійскаго королевства 38

№ 442 84
Приложеніе 87

№ 443.

1840 г., 3-го (15-го) іюля. Лондонская конвенція относительно Египта, заключенная между Россіею, Англіею, Австріею, Пруссіею и Турціею 103

№ 444.

1840 г., 2-го (14-го) августа. Секретный протоколъ относительно участія Пруссіи въ Лондонской конвенціи 104

№ 445.

1840 г., 5-го (17-го) сентября. Протоколъ, подтверждающій безкорыстіе четырехъ державъ-контрагентовъ въ іюльской конвенціи . . . . —

PAGES.

№ 443 130
№ 444 142
№ 445 143

№ 446.

1841, 1 (13) juillet. Convention de Londres au sujet des détroits 144
№ 446 155

№ 447.

1841, 8 (20) décembre Traité concernant la traite des négres, conclu à Londres entre la Russie, l'Angleterre, l'Autriche, la Prusse et la France (Recueil des lois № 15.429). 159

№ 448.

1845, 21 septembre (3 octobre). Traité de Londres, conclu dans le but de modifier certains articles du traité de 1841, ci-dessus inséré sub. № 447 . . . . —

№ 449.

1848, 12 (24) février. Acte d'accession de la Belgique au traité de Londres sub № 447 . . . . —

№ 450.

1879, 17 (29) mars. Le traité de Londres de 1841 renouvelé. L'Empire d'Allemagne y est substitué à la Prusse (2-e Recueil des Lois № 60.418) 160
№ 447 170
№ 448 198
№ 449 201
№ 450 203

№ 451.

1842, 30 décembre (**1843**, 11 janvier). Traité de commerce avec l'Angleterre, signé à St.Pétersbourg . . . . —
№ 451 210

№ 452.

1843, 2 (14) septembre. Convention d'Athènes concernant l'emprunt hellénique de 1832 223
№ 452 228

№ 453.

1850, 21 juillet (2 août). Protocole de la conférence de Londres au sujet de l'intégrité

СТРАН.

№ 443 130
№ 444 142
№ 445 143

№ 446.

1841 г., 1-го (13-го) іюля. Лондонская конвенція относительно проливовъ . . . 144
№ 446 155

№ 447.

1841 г., 8-го (20-го) декабря. Трактатъ относительно торговли неграми, заключенный въ Лондонѣ между Россіею, Англіею, Австріею, Пруссіею и Франціею (П. С. З. № 15.429) 159

№ 448.

1845 г., 21-го сентября (3-го октября). Лондонскій трактатъ, заключенный въ измѣненіе нѣкоторыхъ статей вышеприведеннаго трактата 1841 г., подъ № 447 . —

№ 449.

1848 г., 12-го (24-го) февраля. Актъ приступленія Бельгіи къ Лондонскому трактату подъ № 447 . . . . —

№ 450.

1879 г., 17-го (29-го) марта. Возобновленный Лондонскій трактатъ 1841 года. Германская Имперія заступила мѣсто Пруссіи. (2-е П. С. З. № 60.418) 160
№ 447 170
№ 448 198
№ 449 201
№ 450 203

№ 451.

1842 г., 30-го декабря (**1843** г., 11-го января). Коммерческій трактатъ съ Англіею, подписанный въ С.-Петербургѣ . . . . . —
№ 451 210

№ 452.

1843 г., 2-го (14-го) сентября. Аѳинская конвенція относительно греческаго займа 1832 года 223
№ 452 228

№ 453.

1850 г., 21-го іюля (2-го августа). Протоколъ Лондонской конференціи относи-

PAGES.

de la monarchie Danoise, signé par les plénipotentiaires de Russie, d'Angleterre, d'Autriche, du Danemark, de France, de Suède et de Norvège 232

№ 453 267

№ 454.

1852, 26 avril (8 mai). Traité de Londres, consacrant l'intégrité du Danemark et signé par les plénipotentiaires de Russie, d'Autriche, d'Angleterre, de France, de Prusse, de Suède et de Norvège 269

№ 454 282

№ 455.

1852, 8 (20) novembre. Traité de Londres au sujet de l'ordre de la succession au trône dans le royaume de Grèce 287

№ 455 293

№ 456.

1855, le 1 (13) août. Accord entre la Russie et l'Angleterre au sujet de l'échange des prisonniers de guerre 299

№ 456 349

1856, le 18 (30) mars. Traité de paix de Paris. (V. les Traités avec la France) . . —

№ 457.

1858, le 31 décembre (le 12 janvier **1859**). Traité de commerce et de navigation, signé à St. Pétersbourg. (2-e Recueil des lois № 36.302) 353

1865, le 21 octobre (2 novembre). Acte public relatif à la navigation des embouchures du Danube, signé à Galatz. (V. t. IV, part. II, № 160) . . . . —

№ 458.

1867, mai 11. Traité entre l'Autriche, la Belgique, la France, la Grande-Bretagne, l'Italie, les Pays-Bas, la Prusse et la Russie concernant le règlement des rapports du Grand Duché de Luxembourg, conclu à Londres 370

1871, 1 (13) mars. Traité conclu à Londres concernant la révision du Traité

СТРАН.

тельно неприкосновенности Датской монархіи, подписанный уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи, Даніи, Франціи, Швеціи и Норвегіи 232

№ 453 267

№ 454.

1852 г., 26-го апрѣля (8-го мая). Лондонскій трактатъ, провозглашающій неприкосновенность Датской монархіи и подписанный уполномоченными Россіи, Австріи, Англіи, Франціи, Пруссіи, Швеціи и Норвегіи 269

№ 454 282

№ 455.

1852 г., 8-го (20-го) ноября. Лондонскій трактатъ относительно престолонаслѣдія Греческаго королевства 287

№ 455 293

№ 456.

1855 г., 1-го (13-го) августа. Соглашеніе между Россіею и Англіею относительно размѣна военноплѣнныхъ 299

№ 456 349

1856 г., 18-го (30-го) марта. Парижскій мирный трактатъ. (См. трактаты съ Франціею) . . . . —

№ 457.

1858 г., 31-го декабря (1859 г., 12-го января). Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, подписанный въ С.-Петербургѣ (2-е П. С. З. № 36.302) 353

1865 г., 21-го октября (2-го ноября). Международный актъ относительно судоходства въ устьяхъ Дуная, заключенный въ Галацѣ. (См. т. IV, часть II, № 160). —

№ 458.

1867 г., 11-го мая. Трактатъ, заключенный въ Лондонѣ, между Австріею, Бельгіею, Франціею, Великобританіею, Италіею, Нидерландами, Пруссіею и Россіею объ отношеніяхъ Великаго Герцогства Люксембургскаго 370

1871 г., 1-го (13-го) марта. Трактатъ, подписанный въ Лондонѣ, о пересмотрѣ

PAGES.

de Paris du 18 (30) mars 1856. (V. les Traités avec la France) 370

№ 459.

1871, le 29 juin (11 juillet). Déclaration sur la protection des marques de fabrique, signée à St. Pétersbourg. (Recueil des lois № 49.891) 376

1875, 10 (22) juillet. Convention télégraphique, signée à St. Pétersbourg. (V. t. IV, part. II, № 174) . . . . —

1878, 1 (13) juillet. Traité de Berlin. (V. t. VIII, № 361, p. 639 et suiv.) . . . . —

№ 460.

1880, le 28 juillet (9 août). Déclaration concernant la remise des successions des marins, signée à Londres 379

№ 461.

1881, le 16 (28) mai. Acte additionnel à l'acte public du 2 novembre 1865 relatif à la navigation des embouchures du Danube, signé à Galatz, et le Protocole de la Commission Européenne du Danube du 16 (28) mai 1881 381

№ 462.

1882, le 28 mai (9 juin). Déclaration concernant le jaugeage des navires, signée à Londres 392

1885, 13 (25) février. Acte général de la conférence africaine de Berlin. (V. t. VIII, № 368, p. 695 et suiv.) . . . . —

№ 463.

1883, le 26 février (10 mars). Traité concernant la navigation du Danube, conclu à Londres 395

№ 464.

1885, le 6 (18) mars. Convention de Londres pour régler la situation financière du gouvernement égyptien. Avec des Annexes 439

СТРАН.

Парижскаго трактата 18-го (30-го) марта 1856 года. (См. Трактаты съ Франціею). 370

№ 459.

1871 г., 29-го іюня (11-го іюля). Декларація касательно огражденія фабричныхъ клеймъ, подписанная въ С.-Петербургѣ. (П. С. З. № 49.891) 376

1875 г., 10-го (22-го) іюля. Телеграфная конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ. (См. т. IV, ч. II, № 174) . . . . —

1878 г., 1-го (13-го) іюля. Берлинскій трактатъ. (См. т. VIII, № 361, стр. 639 и слѣд.) . . . . —

№ 460.

1880 г., 28-го іюля (9-го августа). Декларація о выдачѣ наслѣдствъ послѣ моряковъ, подписанная въ Лондонѣ 379

№ 461.

1881 г., 16-го (28-го) мая. Дополнительный актъ къ международному акту 2-го ноября 1865 г. о судоходствѣ въ устьяхъ Дуная, заключенный въ Галацѣ, и протоколъ засѣданія Европейской Дунайской Коммиссіи отъ 16-го (28-го) мая 1881 года 381

№ 462.

1882 г., 29-го мая (9-го іюня). Декларація относительно мѣрительныхъ свидѣтельствъ торговыхъ судовъ, подписанныхъ въ Лондонѣ 392

1885 г., 13-го (25-го) февраля. Заключительный актъ Берлинской африканской конференціи. (См. т. VIII, № 368, стр. 695 и слѣд.) . . . . —

№ 463.

1883 г., 26-го февраля (10-го марта). Трактатъ относительно судоходства по Дунаю, заключенный въ Лондонѣ 395

№ 464.

1885 г., 6-го (18-го) марта. Лондонская конвенція относительно упорядоченія финансовъ Египетскаго правительства. Съ приложеніями 439

PAGES.

№ 465.

1885, le 29 août (10 septembre). Protocole, signé à Londres, concernant la délimitation depuis Khodja-Saleh jusqu'au Hériroud 447

№ 466.

1886, le 12 (24) novembre. Convention de cartel concernant l'extradition des criminels, signée à Londres 451

№ 467.

1887, le 10 (22) juillet. Protocole, signé à St. Pétersbourg, relativement à la délimitation des possessions afghanes sur la rive gauche de l'Amou-Daria 464

1888, le 17 (29) octobre. Convention concernant le canal maritime de Suez, signée à Constantinople. (V. les Traités avec la Turquie) . . . . —

№ 468.

1893, le 3 (15) avril. Convention sanitaire internationale, signée à Dresde 477

№ 469.

1893, le 13 (25) juillet. Protocole, signé à Londres, relativement à l'adhésion de la Grande-Bretagne à la convention internationale sanitaire de Dresde du 3 (15) avril 1893 . . . . -

№ 468 . . . . —

№ 469 497

№ 470.

1895, le 27 février (11 mars). L'arrangement au sujet de la délimitation des sphères d'influence de la Russie et de la Grande Bretagne dans la région des Pamirs . . 498

СТРАН.

№ 465.

1885 г., 29-го августа (10-го сентября). Лондонскій протоколъ относительно опредѣленія границы отъ Ходжа-Салеха до Герируда 447

№ 466.

1886 г., 12-го (24-го) ноября. Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, подписанная въ Лондонѣ 451

№ 467.

1887 г., 10-го (22-го) іюля. Протоколъ С.-Петербургскій относительно разграниченія афганскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи 464

1888 г., 17-го (29-го) октября. Константинопольская конвенція относительно Суэцкаго канала. (См. трактаты съ Турціею) . . . . —

№ 468.

1893 г., 3-го (15-го) апрѣля. Международная санитарная конвенція, подписанная въ Дрезденѣ 477

№ 469.

1893 г., 13-го (25-го) іюля. Протоколъ о присоединеніи Великобританіи къ Дрезденской международной санитарной конвенціи 3-го (15-го) апрѣля 1893 года, подписанный въ Лондонѣ . . . . —

№ 468 . . . . —

№ 469 497

№ 470.

1895 г., 27-го февраля (11-го марта). Соглашеніе по предмету разграниченія сферъ вліянія Россіи и Великобританіи въ области Памировъ 498

№ 440.

1832, 7 (19) mai. Convention de Londres concernant l'avénement au trône de Grèce du prince Othon de Bavière conclue entre la Russie, l'Angleterre, la France et la Bavière.

№ 441.

1833, 18 (30) avril. Article supplémentaire et explicatif de la Convention de Londres de 1832 concernant la Grèce (№ 440).

La signature de la convention de Londres, en novembre 1831, ayant pour objet la séparation des provinces belges du royaume de Hollande (voir t. XI, № 438) ne réussit pas à amener une solution immédiate de la question belgico-hollandaise. Cette convention resta longtemps lettre morte grâce à l'obstination inconcevable du roi de Hollande. Les pourparlers diplomatiques à ce sujet trainèrent pendant neuf années consécutives, et n'aboutirent à une solution qu'en 1839.

Pendant ce laps de temps, la question d'Orient prit également un caractère aigu grâce aux tentatives de Mehemet-Ali, pacha d'Egypte, de s'affranchir de la Porte, et menaçait plus d'une fois de compromettre la paix de l'Europe. Les conventions de Londres de 1840 et 1841 servent jusqu' à nos jours de points de repaire pour la solution de la fameuse question d'Orient.

№ 440.

1832 г., 7-го (19-го) мая. Лондонская конвенція относительно вступленія баварскаго принца Оттона на греческій престолъ, заключенная между Россіею, Англіею, Франціею и Баваріею.

№ 441.

1833 г., 18-го (30-го) апрѣля. Дополнительная и пояснительная статья къ Лондонской конвенціи 1832 года относительно Грепіи (№ 440).

Подписаніемъ въ Лондонѣ, въ ноябрѣ 1831 г., конвенціи объ отдѣленіи бельгійскихъ провинцій отъ Голландскаго королевства (т. XI, № 438) далеко не былъ оконченъ Бельгійско-голландскій вопросъ. Эта конвенція оставалась долгое время мертвою буквою, благодаря невѣроятному упрямству голландскаго короля. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ продолжались дипломатическіе переговоры объ этомъ дѣлѣ, и только въ 1839 году они привели къ желательному концу.

Въ продолженіе этого же самаго періода времени Восточный вопросъ, благодаря попыткамъ египетскаго паши Мегемета-Али добиться полной политической независимости отъ Турціи, принялъ весьма острый характеръ и неоднократно угрожалъ общеевропейскому миру. Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ служатъ по настоящее время этапными пунктами на пути къ разрѣшенію пресловутаго Восточнаго вопроса.

Enfin, c'est à cette époque seulement que la question hellénique, décidée en principe par le traité d'Andrinople, obtint une solution définitive par l'avénement au trône de Grèce du prince Othon de Bavière en 1832.

Avant d'aborder l'exposé des pourparlers diplomatiques concernant ces trois questions, nous croyons opportun d'esquisser, en quelques traits, le caractère des négociateurs qui y ont participé et de parler de l'arène politique qui leur a servi de théâtre.

La Russie était représentée par les mêmes diplomates qui ont pris part aux négociations avec la Cour de St.-James, exposées dans le volume précédent. Le prince de Lieven resta à son poste d'ambassadeur à la Cour Britannique jusqu'en 1834 et la princesse, sa femme, continua à garder entre ses mains habiles tous les fils des intrigues et des pourparlers diplomatiques. A côté de ces deux personnages nous retrouvons toujours sur la brèche le comte Matuszewic dont nous avons eu l'occasion d'apprécier la plume élégante et le brillant esprit dans l'exposé des relations diplomatiques à la fin des années vingt du siècle courant (voir t. XI). Le comte Matuszewic a pris une part des plus active à la conférence de Londres pour les affaires de Grèce et la question belgico-hollandaise. Sans parler des membres de la conférence qui recouraient à sa plume, l'ambassadeur le chargeait de rédiger, non seulement des rapports au Vice-Chancelier, mais encore des articles pour les journaux anglais en vue de refuter des accusations dirigées contre la Russie. Même la princesse de Lieven lui confiait de temps à autre le soin d'une publication dans la presse ou d'une négociation confidentielle avec les ministres anglais.

Le comte Matuszewic se faisait un devoir de s'acquitter scrupuleusement de ces commissions, se rappelant du principe chrétien de rendre le bien pour le mal, et quittait l'Angleterre avec une grande satisfaction en 1834. En présence de ses relations tendues avec le prince et la princesse de Lieven, il éprouvait une joie sincère de l'autorisation que lui accordait le comte Nesselrode de se retirer de son poste provisoire à Londres. Il se considérait comme une „victime", appelée à expier les echecs et les mécomptes qui venaient frapper l'ambassade im-

Наконецъ, въ это же самое время Греческій вопросъ, рѣшенный только принципіально Адріанопольскимъ мирнымъ трактатомъ, дѣйствительно получилъ окончательное рѣшеніе, съ восшествіемъ на греческій престолъ баварскаго принца Оттона, въ 1832 году.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ по всѣмъ тремъ вышеприведеннымъ вопросамъ, намъ кажется необходимымъ дать характеристику какъ главнѣйшихъ дѣятелей въ этихъ переговорахъ, такъ и той политической арены, на которой они происходили.

Со стороны Россіи главными дѣятелями остались тѣже самыя лица, которыя участвовали въ переговорахъ съ С.-Джемскимъ кабинетомъ, изложенныхъ въ предыдущемъ томѣ. Князь Ливенъ оставался до 1834 года посломъ при великобританскомъ дворѣ, и княгиня Ливенъ, его супруга, продолжала держать въ своихъ искусныхъ рукахъ нити дипломатическихъ переговоровъ и интригъ. Рядомъ съ обоими дѣйствовалъ неутомимымъ образомъ графъ Матушевичъ, съ искуснымъ перомъ и блестящимъ умомъ котораго мы познакомились при изложеніи дипломатическихъ сношеній въ концѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія (см. т. XI). Графъ Матушевичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ Лондонской конференціи по дѣламъ греческимъ и бельгійско-голландскимъ. Его блестящимъ перомъ пользовались не только члены конференціи, но также посолъ князь Ливенъ, заставлявшій его сочинять не только общія донесенія Вице-канцлеру, но равнымъ образомъ газетныя статьи для англійской печати въ опроверженіе несправедливыхъ обвиненій Россіи. Даже княгиня Ливенъ поручала, отъ времени до времени, графу Матушевичу то писать статьи для англійскихъ газетъ, то вести дипломатическія и конфиденціальныя сношенія съ англійскими министрами.

Графъ Матушевичъ, помня, какъ онъ самъ говоритъ, что, по правиламъ христіанской вѣры, за зло надо воздавать добромъ, исполнялъ всѣ эти порученія и съ большимъ удовольствіемъ покинулъ въ 1834 году Англію. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія его къ князю и княгинѣ Ливенъ, были настолько непріятны, что онъ сердечно обрадовался разрѣшенію графа Нессельроде уѣхать изъ Англіи. Онъ считалъ себя „жертвою", на которую взваливаются постигшія императорское посольство въ Лондонѣ неудачи или непріятности. (Письма гр. Мату-

périale à Londres (Lettres du comte Matuszewic au comte Nesselrode du 14 (26) decembre 1833).

Les relations du comte Matuszewic avec le prince de Lieven se compliquaient en outre par la présence à Londres du comte Pozzo di Borgo, qui tout en étant accrédité en qualité d'ambassadeur à Paris, depuis l'avénement au trône de Louis-Philippe, passait la plus grande partie de l'année, soit à Londres, soit dans d'autres villes de l'Europe sauf Paris. En présence de ces faits le comte Matuszewic se trouvait placé non plus au second rang, mais au troisième. Il était appelé à signer en commun avec le prince de Lieven et le comte Pozzo di Borgo des rapports dont il ne partageait pas complètement la teneur.

A la suite de la nomination du prince de Lieven au poste éminent de curateur du Grand-Duc Cesarevitch Alexandre Nicolaëvitch, le comte Pozzo di Borgo fut définitivement nommé ambassadeur à la Cour de St.-James. Mais l'âge et son état de santé l'obligèrent bientôt à demander sa démission qu'il obtint en 1839.

Il fut remplacé par le baron Brunnow qui, par sa brillante activité, s'est acquis un nom si honorable dans les annales de la diplomatie russe; chargé d'abord d'une mission provisoire, il fut nommé ensuite ministre plénipotentiaire. Antérieurement à cette nomination en 1839, il avait eu l'occasion de séjourner à Londres où il s'était acquis de nombreuses relations. En 1832 il accompagnait à Londres, en qualité de secrétaire et de conseiller, le comte A. Th. Orlow, chargé de la mission très flatteuse et délicate de se rendre à La Haye et de convaincre le roi des Pays-Bas de la nécessité de renoncer à son obstination insensée dans la question belge. Le baron de Brunnow suivit cet éminent diplomate à La Haye et à Londres et fut chargé de rédiger les rapports très intéressants que le comte Orlow adressait à l'Empereur Nicolas I.

Elevé à l'école diplomatique du comte Nesselrode, jouissant de toute sa confiance et doué d'un esprit brillant et de capacités hors ligne, le baron de Brunnow devait nécessairement excercer une immense influence sur la marche des négociations diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre, concernant toutes les questions po-

шевича къ гр. Нессельроде отъ 14-го (26-го) декабря 1833 года).

Взаимныя отношенія между княземъ Ливеномъ и графомъ Матушевичемъ значительно еще усложнялись пребываніемъ въ Лондонѣ графа Поццо ди Борго, который оффиціально занималъ постъ императорскаго посла въ Парижѣ, но послѣ воцаренія короля Луи Филиппа большую часть года проводилъ или въ Лондонѣ, или въ другихъ европейскихъ городахъ, кромѣ Парижа. Совершенно естественно, что на долю графа Матушевича выпадала, въ виду присутствія графа Поццо ди Борго, не вторая, но третья роль. Ему приходилось подписывать общія съ княземъ Ливеномъ и графомъ Поццо ди Борго донесенія, съ содержаніемъ которыхъ онъ не былъ вполнѣ согласенъ.

Послѣ назначенія князя Ливена, въ 1834 г., на высокую должность попечителя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, графъ Поццо ди Борго былъ окончательно назначенъ императорскимъ посломъ при С.-Джемскомъ дворѣ. Но старость и болѣзненное состояніе заставили его весьма скоро просить объ отставкѣ, которую онъ и получилъ въ 1839 году.

На его мѣсто, сперва съ чрезвычайнымъ временнымъ порученіемъ, а затѣмъ посланникомъ, былъ назначенъ баронъ Брунновъ, блестящей дѣятельности котораго всегда будетъ отведено самое почетное мѣсто въ лѣтописи русской дипломатіи. Баронъ Брунновъ, до своего назначенія на постъ посланника въ 1839 году, побывалъ уже въ Лондонѣ, гдѣ успѣлъ пріобрѣсти много знакомыхъ и друзей. Въ 1832 году онъ прибылъ въ Лондонъ, въ качествѣ секретаря и совѣтника графа А. Ѳ. Орлова, на котораго было возложено весьма почетное и трудное порученіе отправиться въ Гаагу и убѣдить голландскаго короля въ необходимости отказаться отъ своего безразсуднаго упрямства въ Бельгійскомъ вопросѣ. Баронъ Брунновъ сопровождалъ блестящаго графа Орлова въ Гаагу и Лондонъ и былъ авторомъ чрезвычайно интересныхъ донесеній графа Императору Николаю I.

Прошедши чрезъ дипломатическую школу графа Нессельроде, пользуясь неограниченнымъ его довѣріемъ и обладая блестящимъ умомъ и выдающимися способностями, баронъ Брунновъ долженъ былъ имѣть огромное вліяніе на ходъ переговоровъ между Россіею и Англіею по всѣмъ текущимъ политическимъ

litiques du jour. Il fut appelé à apposer sa signature aux conventions de Londres consacrant la semi-indépendance de l'Egypte et la fermeture des Dardanelles et du Bosphore.

En présence de tous ces diplomates russes, si remarquablement doués, on ne saurait s'empêcher de constater que la Russie n' a jamais été représentée à une Cour étrangère quelconque avec autant d'éclat qu'elle l'a été à celle de Londres dans les années trente du siècle courant.

Qu' il nous soit permis de passer en revue les hommes politiques en Angleterre, avec lesquels les représentants russes étaient appelés à conférer à cette époque, et les vues politiques qu' ils poursuivaient dans leurs relations avec le gouvernement Impérial.

Dans le cours de cette période le parti whig, avec lord Grey et lord Melburn en tête, gardait entre ses mains les rènes du gouvernement, et lord Palmerston restait presque inamovible au poste de secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères. Il laissait une empreinte individuelle sur toutes les négociations diplomatiques du jour et particulièrement celles concernant la question belge et la question d'Orient.

La situation intérieure de l'Angleterre devait nécessairement réagir sur la politique étrangère. Nous trouvons un tableau très intéressant de la situation intérieure et extérieure de l'Angleterre dans un rapport remarquable de 24 février (8 mars) 1832, signé par le prince de Lieven, le comte Pozzo di Borgo et le comte Matuszevic, mais émanant exclusivement de la plume du comte Pozzo di Borgo. Comme thèse principale ce mémoire s'applique à démontrer que l'Angleterre et la France, grâce à la communauté de leur régime et de leurs visées politiques, sont étroitement unies, que les trois monarchies conservatrices du continent, la Russie, l'Autriche et la Prusse, doivent également conclure une alliance qui puisse servir de boulevard contre les tendances subversives des deux Puissances maritimes.

La situation intérieure de l'Angleterre fournit parfaitement l'explication d'un pareil groupement des grandes Puissances de l'Europe. En adoptant le Bill of Reforme le gouvernement anglais s'engagea avec lord Grey, lord Palmerston et lord Brougham dans la voie de la révolution. Par conséquent, le rapprochement et un accord intime avec la France révolutionnaire

дѣламъ. Ему было суждено скрѣпить своею подписью Лондонскія конвенціи относительно полу-независимаго Египта и закрытія Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ.

Если имѣть въ виду всѣхъ вышеназванныхъ высоко даровитыхъ русскихъ дипломатовъ, то нельзя не заключить, что рѣдко когда Россія была болѣе блестящимъ образомъ представляема при какомъ-либо иностранномъ дворѣ, чѣмъ въ Лондонѣ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка.

Посмотримъ теперь, съ какими государственными людьми Англіи приходилось имѣть дѣло представителямъ Россіи за означенный періодъ времени и какія политическія цѣли они себѣ ставили въ сношеніяхъ съ императорскимъ правительствомъ.

Въ продолженіе этого времени партія виговъ, съ лордами Греемъ и Мельборномъ во главѣ, держала въ своихъ рукахъ бразды правленія, а лордъ Пальмерстонъ былъ почти несмѣняемымъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. Личность лорда Пальмерстона кладетъ печать на всѣ дипломатическіе переговоры по самымъ важнымъ вопросамъ и, въ особенности, по Бельгійско-голландскому и Восточному. Внутреннее состояніе Англіи должно было отражаться на международной ея политикѣ.

Весьма интересную характеристику внутренняго и внѣшняго положенія Англіи мы находимъ въ замѣчательномъ донесеніи отъ 24-го февраля (8-го марта) 1832 года, подписанномъ княземъ Ливеномъ и графами Поццо ди Борго и Матушевичемъ, но авторомъ котораго былъ одинъ графъ Поццо ди Борго. Основное положеніе этой записки слѣдующее: Англія и Франція, благодаря общности своихъ правительственныхъ порядковъ и политическихъ цѣлей, находятся въ тѣсномъ союзѣ. Отсюда слѣдуетъ, что три консервативныя монархіи континента: Россія, Австрія и Пруссія должны составлять между собою союзъ, который могъ бы послужить твердымъ оплотомъ противъ всесокрушающихъ стремленій двухъ названныхъ великихъ державъ.

Внутреннее состояніе Англіи вполнѣ удовлетворительно объясняетъ такую группировку главнѣйшихъ европейскихъ державъ. Принятіемъ Bill of Reforme англійское правительство, съ лордами Греемъ, Пальмерстономъ и Брумомъ, вступило на путь революціи. Вслѣдствіе этого сближеніе и союзъ его съ революціонною Франціею, въ лицѣ короля Луи Фи-

dans la personne du roi Louis-Philippe devaient se présenter comme un fait tout naturel.

La fameuse réforme de lord Grey amena les résultats suivans: „Le temps n'est plus où le Ministère, quel qu'il fût, pouvait compter sur une majorité stable dont la fixité donnait de la consistance au gouvernement, et devant laquelle venaient se briser les attaques du parti opposé, les violences de la presse et les fureurs du bas peuple. Maintenant chaque question dépendra de la manière dont elle sera envisagée par la plupart des députés de la Chambre des Communes. Quant à la Chambre des Pairs, elle a perdu presque entièrement le poids de cette puissance conservatrice qui arrêtait les écarts de la démocratie. Malgré l'immense propriété appartenante aux noms et aux familles qui la composent, malgré tant d'anciennes ou d'illustres origines et des talents supérieurs, la jalousie des classes moyennes, la guerre ouverte que le Roi et les Ministres actuels ont faite à cette grande et salutaire institution, durant le combat de la réforme, ont excité dans le public perverti l'idée funeste qu' elle est en opposition aux intérêts du peuple, et que ses décrets ne sauraient arrêter ceux de l'autre Chambre, considérée aujourd'hui plus que jamais comme la seule qui représente la nation."

„Il résulte d'un tel état de choses que l'Angleterre est gouvernée de *facto*, et le sera tous les jours davantage, par une *assemblée unique*, et que l'ancienne balance des pouvoirs, dans laquelle consistait principalement l'ordre et la liberté, est détruite par les effets de la dernière réforme parlementaire." Le parti tory a cessé de jouer un rôle quelconque.

En confrontant les conclusions de ces trois hommes d'Etat russes si éminents des années trente avec les faits connus de la fin de siècle, on ne saurait assez admirer leur sagacité et leur pénétration. L'agitation qui se produit de nos jours au sujet de la suppression de la Chambre des Lords se présente comme le résultat inéluctable du nouveau courant que la réforme de lord Grey a introduit dans la vie politique du peuple anglais.

Passant ensuite à la caractéristique des hommes d'Etat anglais les plus marquans de l'époque, l'auteur du mémoire s'arrête avant tout à lord Grey, dont il reconnait l'élévation de caractère, mais qu'il trouve en même temps faible

липпа, представляются совершенно естественными. Знаменитая реформа лорда Грея привела къ слѣдующему результату.

„Прошло то время, когда министерство, какое бы оно ни было, могло разсчитывать на постоянное большинство, котораго сплоченность давала устойчивость правительству и о которое должны были разбиваться нападки оппозиціи, наглость періодической печати и свирѣпость черни. Въ настоящее время каждый вопросъ зависитъ отъ того, какъ на него посмотритъ большинство отдѣльныхъ членовъ Палаты Общинъ... Что касается Палаты Лордовъ, то она почти совершенно потеряла значеніе той консервативной силы, которою останавливались заблужденія демократіи. Не взирая на громадныя богатства, принадлежащія фамиліямъ, ее составляющимъ, не взирая на столько знаменитыхъ родовъ и высокихъ талантовъ, зависть среднихъ классовъ и открытая война, предпринятая королемъ и его настоящими министрами противъ этого великаго и спасительнаго учрежденія во время борьбы за реформу, — все это вмѣстѣ привило къ развращенной публикѣ пагубную мысль, что Палата Лордовъ врагъ народной пользы и что ея рѣшенія не должны останавливать дѣйствія постановленій другой Палаты, которая въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо прежде, считается единою представительницею народа".

„Изъ такого положенія вещей слѣдуетъ, что Англія de facto управляется и съ каждымъ днемъ будетъ все болѣе управляться *одною Палатою* и что то равновѣсіе властей, на которомъ преимущественно покоились прежде порядокъ и свобода, разрушено дѣйствіемъ послѣдней парламентской реформы". Партія торіевъ перестала играть какую-либо роль.

Если сопоставить это заключеніе трехъ выдающихся русскихъ государственныхъ мужей тридцатыхъ годовъ съ общеизвѣстными фактами конца нынѣшняго вѣка, то нельзя не удивляться ихъ остроумію и проницательности. Современная агитація въ Англіи объ упраздненіи Палаты Лордовъ является неизбѣжнымъ результатомъ того новаго направленія, которое водворила реформа лорда Грея въ государственной жизни англійскаго народа.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ наиболѣе выдающихся англійскихъ государственныхъ людей того времени, авторъ мемуара останавливается, прежде всего, на лордѣ Греѣ, который признается человѣкомъ благороднымъ,

et fatigué par l'âge et le travail. Aussi subit-il bien plus les influences de ses collégues, qu'il n'imprime une direction à leurs actes.

Lord Brougham obtint la position la plus élevée en Angleterre de Lord-Chancelier non seulement grâce à ses remarquables capacités et à son intelligence, mais encore à ce besoin insatiable de popularité qui le portait à donner satisfaction aux voeux des masses populaires par tous les moyens en son pouvoir.

Lord Palmerston — un élève médiocre du torysme. Lorsque le parti whig devait prendre en mains les rênes du gouvernement, lord Grey constitua le ministère avec le concours de lord Palmerston qui en récompense reçut le portefeuille de Secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères. „Effrayé d'être surpassé en libéralisme par ses autres collégues et surtout par lord Durham, il est forcé de se montrer de jour en jour plus révolutionnaire et a conçu dans sa tête médiocre et confuse (sic!) le plan de fonder un système soi-disant *constitutionnel* en opposition aux anciennes monarchies. La base de cet édifice est la révolution de Juillet et la conservation de la dynastie d'Orléans en France...“

„Son caractère présomptueux, ses courtes vues et son absence d'éducation vraiment diplomatique le portent à des écarts et à des manques de bienséance qui trahissent même ce qu'il voudrait ou ce qu'il devrait cacher. Mais en même temps aucun moyen ne lui répugne: démarches indirectes et tortueuses, calomnies, réticences, dénégations, tout lui est bon!“

„Lord Palmerston regarde la Russie comme l'obstacle principal contre ses projets subversifs et insensés, et sa haine s'irrite en proportion de ses défaites et de son impuissance.“ *)

Le premier Ministre d'Angleterre subissait facilement l'influence de son beau-frère, lord Durham, qui dans toutes les questions se plaçait à un point de vue opposé à celui de lord Palmer-

*) Il est curieux de constater que cette appréciation de lord Palmerston, portant la signature du prince de Lieven est tout à fait contraire aux vues exprimées par lui antérieurement sur cet homme d'Etat anglais (voir t. XI, p. 444).

но слабохарактернымъ и уставшимъ отъ трудовъ и лѣтъ. Лордъ Грей чаще покоряется получаемымъ отъ другихъ впечатлѣніямъ, нежели направляетъ самъ ихъ дѣйствія.

Лордъ-канцлеръ Брумъ достигъ высшей должности въ Англіи, благодаря не только своимъ замѣчательнымъ способностямъ и уму, но равнымъ образомъ одолѣвающей его жаждѣ популярности, заставляющей его угождать всѣми средствами вкусамъ и желаніямъ народныхъ массъ.

Лордъ Пальмерстонъ — „посредственный ученикъ торизма“. Когда партія виговъ должна была получить въ свои руки бразды правленія, лордъ Грей устроилъ свое министерство при содѣйствіи лорда Пальмерстона, который въ награду получилъ портфель статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. „Опасаясь, что его коллеги, и въ особенности лордъ Дюрэмъ, могутъ перещеголять его въ либерализмѣ, лордъ Пальмерстонъ принужденъ выказывать себя съ каждымъ днемъ все большимъ революціонеромъ и въ своей посредственной и путанной головѣ (sic!) онъ составилъ планъ основать такъ называемую *конституціонную* систему въ противоположность старымъ монархическимъ порядкамъ. Основою этой системы является іюльская революція и сохраненіе орлеанской династіи во Франціи“.

„Его высокомѣрный характеръ, его низменные взгляды и недостатокъ настоящаго образованія дипломата приводятъ его къ преступленіямъ и нарушеніямъ правилъ приличія, выдающимъ то, чего онъ желаетъ или что онъ долженъ бы скрывать. Но въ тоже время онъ не останавливается ни предъ какимъ средствомъ: пути кривые и извилистые, клевета, умолчаніе, запирательство — все онъ считаетъ пригоднымъ“.

„Россію считаетъ лордъ Пальмерстонъ главнымъ тормазомъ для осуществленія своихъ разрушительныхъ и безразсудныхъ проектовъ, и его ненависть ростетъ пропорціонально его неудачамъ и его безсилію“ *).

Огромное вліяніе на англійскаго премьера имѣлъ его зять — лордъ Дюрэмъ, который во всѣхъ вопросахъ придерживался противоположныхъ лорду Пальмерстону взглядовъ. Послѣ

*) Не безъинтересно отмѣтить, что эта оцѣнка лорда Пальмерстона, подписанная княземъ Ливеномъ, совершенно противорѣчитъ прежнему его взгляду на этого англійскаго государственнаго человѣка. Срав. т. XI, стр. 444.

ston. Revenu de son ambassade à St.-Pétersbourg, il devint un défenseur énergique et sincère de la Russie, et se fesait un devoir de refuter les vues fantastiques et blessantes de lord Palmerston sur les visées de la politique russe. Lord Durham est un adversaire déclaré de lord Palmerston qui favorise avec ardeur l'accord avec la France et subit sans réserve l'influence du prince de Talleyrand. Si grâce „à la politique anti-anglaise et absurde" de lord Palmerston, la France domine en Hollande, si un mouvement révolutionnaire se prépare ouvertement en Suisse et en Italie, c'est uniquement au ministre des affaires étrangères d'Angleterre que l'Europe est redevable de ces calamités.

Ce mémoire de février fait suivre cette appréciation des principaux hommes d'Etat anglais de l'examen des principales questions politiques encore pendantes.

Dans la questisn belge Léopold est le lieutenant de Louis-Philippe et la Belgique se trouve entièrement entre les mains des Français. Lord Palmerston profite du conflit entre la Belgique et la Hollande pour pêcher en eau trouble. Il s'inspire de vues tout aussi élevées dans sa politique en Espagne, au Portugal, en Suisse et en Italie; dans tous ces pays les ennemis de l'ordre établi sont assurés de trouver un appui dans le gouvernement anglais. Quant à la question d'Orient, on a lieu de s'étonner de la courte vue de la politique anglaise. Il fut un temps où la présence des Français à Alger, leur suprématie à Tunis et à Tripoli, leur prédominance en Egypte n'eussent pas manqué de soulever l'indignation du peuple anglais. Par contre aujourd'hui les Anglais trouvent toute naturelle cette suprématie de la France sur les côtes septentrionales de l'Afrique.

Cette appréciation remarquable de la situation politique de l'Angleterre se termine par les refléxions suivantes fort curieuses:

„On pourrait être surpris qu'en écrivant sur l'Angleterre et dans sa capitale, le nom du roi n'ait pas fait partie de nos observations et de nos calculs. Malheureusement ce nom et la royauté elle-même sont réduits aujourd'hui à une simple formule. Dépouillée déjà d'un bon nombre de ses prérogatives, menacée de perdre le reste, réduite presque à l'impossibilité de punir ou de récompenser, la couronne est devenue un symbole sans réalité."

своего посольства въ С.-Петербургѣ лордъ Дюрэмъ возвратился оттуда энергическимъ и убѣжденнымъ защитникомъ Россіи. Онъ постоянно опровергаетъ фантастическіе и оскорбительные взгляды лорда Пальмерстона на цѣли русской политики. Лордъ Дюрэмъ открытый противникъ лорда Пальмерстона, который ярый сторонникъ союза съ Франціею и вполнѣ подчиняется вліянію на него князя Тальерана. Если благодаря „анти-англійской и нелѣпой политикѣ" лорда Пальмерстона, Франція господствуетъ въ Голландіи, если въ Швейцаріи и въ Италіи открыто готовятся революціи, то этими бѣдствіями Европа всецѣло обязана англійскому министру иностранныхъ дѣлъ.

Къ этой характеристикѣ главнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Англіи февральская записка присоединяетъ разборъ главныхъ политическихъ вопросовъ.

Въ Бельгійско-голландскомъ вопросѣ „Леопольдъ — намѣстникъ Луи Филиппа" и Бельгія вполнѣ находится въ рукахъ Французовъ. Лордъ Пальмерстонъ пользуется распрею между Голландіею и Бельгіею съ цѣлью въ мутной водѣ ловить рыбу. Той же самой возвышенной политики придерживается лордъ Пальмерстонъ въ Испаніи, Португаліи, Италіи и Швейцаріи: во всѣхъ этихъ странахъ враги существующаго законнаго порядка находятъ поддержку и помощь со стороны англійскаго правительства. Что касается, наконецъ, Восточнаго вопроса, то остается только удивляться близорукости англійской политики. Было время, когда присутствіе Французовъ въ Алжирѣ, ихъ „господство" въ Тунисѣ и Триполисѣ и преобладающее вліяніе въ Египтѣ вызвали бы въ англійскомъ народѣ гнѣвъ и негодованіе. Теперь же Англичанамъ кажется совершенно естественнымъ такое господство Французовъ на сѣверномъ побережьѣ Африки.

Эта замѣчательная характеристика политическаго положенія Англіи оканчивается слѣдующими любопытными словами:

„Можно удивиться тому, что въ запискѣ, составленной объ Англіи и въ англійской столицѣ, имя короля не входитъ ни въ наши замѣчанія, ни въ наши соображенія. Къ несчастію, это имя и самое королевство сведены въ настоящее время къ пустой формулѣ. Уже будучи лишена большей части своихъ прерогативъ, опасаясь потерять что изъ нихъ осталось, ставъ почти безвластною карать или награждать, королевская власть обратилась въ образъ, лишенный реальнаго значенія".

Tel était, en traits principaux, le contenu de ce mémoire de février, rédigé en entier par le comte Pozzo di Borgo et signé par lui en commun avec le prince de Lieven et le comte Matuszevic. Mais celui-ci n'était pas entièrement satisfait de ce travail et y trouvait de sérieuses lacunes. Aussi se fit-il un devoir d'y suppléer par une lettre très circonstanciée au Vice-Chancelier du 22 février (6 mars) 1833.

A la lecture de cette pièce remarquable émanée de la plume du comte Matuszevic on ne saurait s'empêcher de constater qu'elle complète en effet le tableau tracé par le comte Pozzo di Borgo au sujet des agens politiques de l'Angleterre. Ainsi celui-ci négligea complétement de parler de sir Robert Peel. Selon l'avis du comte Matuszewic, sir Robert Peel était, pour ainsi dire, une force unique s'élevant du sein du parlement anglais pour le dominer sans réserve. Son talent le rend maître absolu de la Chambre et son ambition n'a pas de bornes. Voici pourquoi le ministère actuel de lord Grey a peu de chance de durée et devra bientôt donner sa démission. Mais tout autre ministère anglais sera nécessairement frappé de faiblesse intérieure au point d'enlever à l'Angleterre la possibilité de faire une guerre quelconque en Europe.

Le comte Matuszevic croit pouvoir justifier ces sombres prévisions par la dissolution de l'ancien régime politique de l'Angleterre qui reposait sur un accord sagement combiné de l'ordre, du pouvoir et de la liberté. Ces bases ont disparu depuis que le pouvoir royal a été dépouillé de toute signification réelle, la noblesse —de ses droits séculaires et l'église—de son autorité.

En présence de cette situation de l'Angleterre, les trois monarchies du Nord sont tenues de s'unir fortement et d'établir à un congrès général leur programme d'action. Le comte Matuszevic expose en détail le programme de ce congrès appelé à réunir les souverains de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse. Ce congrés siégea en effet à Münchengraetz en automne 1833, et ses dispositions étaient pour une grande part identiques au programme esquissé par le comte Matuszewic.

En tenant compte de l'appréciation ci-dessus exposée de la situation intérieure de l'Angleterre et de ses agens politiques, il sera aisé de comprendre comment la Cour de Londres manifestait dans ses pourparlers diplomatiques soit une énergie fébrile, soit une passive apathie,

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе февральской записки, составленной съ начала до конца графомъ Поццо ди Борго и подписанной также княземъ Ливеномъ и графомъ Матушевичемъ. Но послѣдній не вполнѣ удовлетворился трудомъ графа Поццо ди Борго и находилъ въ немъ существенные пробѣлы. Поэтому онъ считалъ своимъ долгомъ восполнить этотъ недостатокъ въ длинномъ письмѣ на имя Вице-Канцлера отъ 22-го февраля (6-го марта) 1833 года.

При чтеніи этого замѣчательнаго произведенія пера графа Матушевича нельзя не придти къ заключенію, что оно дѣйствительно восполняетъ характеристику англійскихъ государственныхъ дѣятелей, представленную графомъ Поццо ди Борго. Такъ, послѣдній совершенно забылъ сэра Роберта Пиля. По мнѣнію же графа Матушевича надъ всѣмъ англійскимъ парламентомъ возвышается только одна сила—сэръ Робертъ Пиль. Его талантъ владычествуетъ надъ всею палатою и его тщеславіе безпредѣльно. Вотъ почему настоящее министерство лорда Грея весьма недолговѣчно и вскорѣ должно будетъ выйдти въ отставку. Но всякое другое англійское министерство будетъ страдать внутреннимъ безсиліемъ настолько, что Англія въ будущемъ не въ состояніи вести какую-либо европейскую войну.

Такое заключеніе основываетъ графъ Матушевичъ на разрушеніи основъ того стараго государственнаго порядка Англіи, который зиждился на соглашеніи порядка, власти и свободы. Эти основы исчезли съ того времени, когда королевская власть лишилась всякаго реальнаго значенія, дворянство своихъ вѣковыхъ правъ и церковь своего авторитета.

Въ виду такого состоянія Англіи три сѣверныя монархическія державы должны сплачиваться все болѣе и болѣе и на общемъ конгрессѣ установить свою программу дѣйствія. Графъ Матушевичъ развиваетъ подробно программу такого конгресса монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Этотъ конгрессъ въ дѣйствительности состоялся въ Мюнхенгрецѣ, осенью 1833 года, и его постановленія въ значительной части сходятся съ начертанною графомъ Матушевичемъ программою.

Если имѣть въ виду вышеизложенную характеристику внутренняго состоянія Великобританіи и ея государственныхъ дѣятелей, то понятно будетъ, почему въ дипломатическихъ переговорахъ со стороны Лондонскаго двора постоянно обнаруживаются то

soit la prétention d'observer scrupuleusement les formes et les usages établis, soit une violation flagrante des convenances reconnues de tout temps comme obligatoires dans les sphères diplomatiques.

Nous pouvons signaler à titre d'exemple quelques faits intéressans.

Un usage consacré depuis le commencement du siècle établit, qu'avant de procéder à la nomination d'un agent diplomatique à une Cour étrangère, on consulta confidentiellement les dispositions de celle-ci au sujet de la personnalité du titulaire. Le gouvernement anglais, représenté par lord Palmerston, ne s'est fait aucun scrupule de ne tenir aucun compte de cet usage. En 1831 lord Durham fut nommé ambassadeur britannique à St.-Pétersbourg sans que le gouvernement russe fut préalablement consulté à ce sujet. Le prince de Lieven en eut connaissance seulement le jour où le décret fut signé par le roi. Très indigné de ce procédé, le prince de Lieven énonça franchement ses vues à ce sujet à lord Palmerston, mais crut devoir recommander à son gouvernement de ne pas relever à cette occasion cette violation flagrante des traditions établies.

Lord Durham exerçait une influence absolue sur le premier ministre, lord Grey, dont il était la main droite. Selon l'avis du comte Matuszevic, „c'était un des hommes les plus ambitieux, les plus orgueilleux, les plus haineux, les plus susceptibles et les plus intelligens" qu'il ait connus. Il était simultanément aristocrate et jacobin, très riche et terriblement avare, aimable et hautain, aimant ses enfants et cruel avec sa charmante femme. En un mot, c'était un homme tout plein de contradictions et d'excentricités.

Mais en vue de son intelligence et son immense influence politque, le prince et la princesse de Lieven, et le comte Matuszevic recommandaient à l'unisson au gouvernement impérial de l'accueillir, en qualité d'ambassadeur, et de lui rendre agréable le séjour à St.-Pétersbourg pour qu'il en revint en ami et non en adversaire de la Russie.

L'Empereur Nicolas I partagea l'avis de ses conseillers et lui fit l'accueil le plus empressé. Avec cette affabilité impériale dont il avait le secret, il captiva complétement l'ambassadeur d'Angleterre qui, après un court séjour en Russie, quitta ce pays en partisan convaincu d'une alliance entre la Russie et l'Angleterre. Il ne ces-

стремительная энергія, то апатичная пассивность; то претензія на самое строгое соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ, то явное нарушеніе такихъ приличій, которыя издавна соблюдаются въ дипломатическихъ сферахъ.

Въ видѣ примѣровъ можно указать на нѣсколько интересныхъ фактовъ.

Съ начала нынѣшняго столѣтія установился обычай, до назначенія новаго дипломатическаго агента къ иностранному двору, дѣлать конфиденціальный запросъ: угодно-ли будетъ этому двору назначаемое лицо? Англійское правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, находило возможнымъ нарушить этотъ обычай самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ 1831 году оно назначило лорда Дюрэма великобританскимъ посломъ въ С.-Петербургъ безъ предварительнаго запроса. Посолъ князь Ливенъ узналъ объ этомъ назначеніи въ тотъ самый день, когда оно было уже подписано королемъ! Князь Ливенъ былъ чрезвычайно изумленъ такимъ образомъ дѣйствія и откровенно высказалъ свой взглядъ лорду Пальмерстону. Но своему правительству онъ всетаки совѣтовалъ, въ данномъ случаѣ, оставить безъ послѣдствій такое нарушеніе общепринятаго порядка.

Лордъ Дюрэмъ имѣлъ огромное вліяніе на англійскаго премьера, лорда Грея, котораго былъ правою рукою. Онъ былъ, по словамъ графа Матушевича, „однимъ изъ наиболѣе тщеславныхъ, высокомѣрныхъ, злобныхъ, щепетильныхъ и умныхъ людей", которыхъ онъ зналъ. Онъ былъ и аристократомъ, и якобинцемъ въ одно и тоже время; чрезвычайно богатъ и ужасно скупъ, любезенъ и высокомѣренъ, чадолюбивъ и жестокъ со своею прелестною женою. Словомъ сказать, это былъ человѣкъ полный всевозможныхъ самопротиворѣчій и странностей.

Но въ виду его ума и огромнаго политическаго вліянія князь Ливенъ, его супруга и графъ Матушевичъ, въ одинъ голосъ, совѣтовали Императорскому правительству принять его въ качествѣ посла и сдѣлать ему пребываніе въ С.-Петербургѣ настолько пріятнымъ, чтобъ онъ возвратился изъ Россіи ея другомъ, а не врагомъ.

Императоръ Николай I согласился съ своими совѣтниками и устроилъ лорду Дюрэму самый блестящій пріемъ. Свойственной ему одному царскою любезностью онъ совершенно обворожилъ великобританскаго посла, который послѣ весьма недолгаго пребыванія въ Россіи уѣхалъ изъ нея убѣжденнымъ приверженцемъ союза

sait de démontrer qu'un accord intime entre ces deux Puissances ne manquerait pas de leur donner la possibilité de disposer de l'univers entier. Lord Durham ne fut pas seul à quitter la Russie en ami et en allié, ses filles apprirent dans un court espace de temps à parler la langue du pays et à chanter des romances russes!

La nomination de Stratford Canning au poste d'ambassadeur à St.-Pétersbourg, subite et sans avis préalable, n'eut pas une issue aussi satisfesante. En octobre 1832, la gazette officielle de Londres annonçait cette nouvelle et ce n'est que dix jours plus tard que lord Palmerston crut devoir entretenir le prince de Lieven de son intention de procéder à cette nomination qui était déjà un fait accompli. Lorsque l'ambassadeur de Russie s'efforça de démontrer au ministre anglais combien cette conduite était étrange, celui-ci lui répondit avec véhémence „qu'un gouvernement était parfaitement libre dans le choix de ses représentants près les Cabinets étrangers et que ceux-ci ne pouvaient, sans vouloir, pour ainsi dire, entrer dans ses conseils, influer sur ses déterminations à cet égard".

Durant une heure et demi lord Palmerston persistait à défendre cette thèse originale que le refus de l'Empereur de Russie d'accepter Stratford Canning, comme ambassadeur britannique, équivalait à un veto, imposé par lui aux décisions de Sa Majesté le Roi d'Angleterre!

En décembre 1832, lord Palmerston déclara au prince de Lieven que la nomination de Stratford Canning ne serait pas revoquée et que celui-ci ne tarderait pas à se rendre à son poste de St.-Pétersbourg. En admettant le point de vue du gouvernement russe, assurait lord Palmerston, les ministres anglais se verraient obligés de reconnaître à un Souverain étranger une voix délibérative dans les conseils du gouvernement britannique avec le droit de confirmer ou d'invalider ses décisions.

Lorsque le prince de Lieven objecta que l'Empereur de Russie ne songeait nullement à s'ingérer dans les affaires réservées au Conseil des ministres anglais, mais désirait seulement conserver son indépendance et rester maître chez lui, lord Palmerston se mit à démontrer avec ardeur que par ce refus persistant, la Russie manifeste son intention d'humilier l'Angleterre à la face de l'Europe. Cette décision du gouvernement russe trahit son intention de susciter

между Англіею и Россіею. Онъ впослѣдствіи постоянно доказывалъ, что если эти двѣ великія державы соединятся вмѣстѣ тѣснымъ союзомъ, то имъ должно принадлежать владычество надъ всею вселенною. Но не только самъ лордъ Дюрэмъ уѣхалъ изъ Россіи другомъ и союзникомъ: его дочери выучились въ весьма короткое время говорить по-русски и пѣть русскіе романсы!

Гораздо менѣе удовлетворителенъ былъ исходъ внезапнаго и непредупрежденнаго назначенія Стратфорда Каннинга великобританскимъ посломъ въ С.-Петербургъ. Въ октябрѣ 1832 г. въ Лондонской оффиціальной газетѣ было объявлено объ этомъ назначеніи, и только 10 дней спустя лордъ Пальмерстонъ объявилъ князю Ливену о намѣреніи сдѣлать это назначеніе, которое уже состоялось. Когда русскій посолъ объяснилъ англійскому министру всю необычайность его поступка, онъ получилъ слѣдующій запальчивый отвѣтъ: „Каждое правительство совершенно свободно въ выборѣ своихъ представителей при иностранныхъ дворахъ, и послѣдніе не могутъ, если не желаютъ, такъ сказать, вторгаться въ чужую компетенцію, вліять на его сюда относящіяся рѣшенія".

Полтора часа поддерживалъ лордъ Пальмерстонъ то оригинальное положеніе, что отказъ русскаго Императора принять Стратфорда Каннинга въ качествѣ великобританскаго посла равносиленъ veto, налагаемому имъ на рѣшенія Его Величества Короля Великобританскаго!

Лордъ Пальмерстонъ объявилъ, въ декабрѣ 1832 года, князю Ливену, что назначеніе Стратфорда Каннинга не будетъ отложено и что послѣдній непремѣнно отправится на свой постъ въ С.-Петербургъ. Если, доказывалъ англійскій министръ послу, придерживаться точки зрѣнія русскаго правительства, то англійскіе министры обязаны признать за иностраннымъ Государемъ „совѣщательный голосъ" въ великобританскомъ совѣтѣ, съ правомъ утвержденія или неодобренія его постановленій.

Когда князь Ливенъ возражалъ, что русскій Императоръ не вмѣшивается ни въ какія дѣла совѣта англійскихъ министровъ, но только желаетъ сохранить свою независимость и оставаться полнымъ хозяиномъ у себя дома, лордъ Пальмерстонъ горячо сталъ доказывать, что, своимъ отказомъ принять новаго великобританскаго посла, русское правительство только обнаруживаетъ свое намѣреніе унизить Англію въ глазахъ всей Европы. Рѣшеніе русскаго

au Cabinet anglais des difficultés sans nombre durant la période des élections et de lui porter „le coup mortel“.

Le prince de Lieven ne manqua pas de refuter victorieusement les accusations du ministre anglais, en démontrant que si l'Empereur, son Auguste Souverain, ne consent pas à recevoir comme ambassadeur un personnage qui ne lui est pas sympathique, il ne fait qu'user du droit incontestable de rester sans réserve maître chez lui. Son indépendance et non celle du gouvernement anglais serait compromise si celui-ci voulait lui imposer son choix. (Rapport du prince de Lieven du 16 (28) décembre 1832).

Enfin le prince de Lieven ne cessait de prouver à lord Palmerston que la simple convenance avait établi l'obligation de demander préalablement le consentement du gouvernement étranger, à la nomination de la personne désignée, à occuper auprès de lui un poste diplomatique. Le ministre anglais ne persistait pas moins dans sa décision d'envoyer quand même Stratford Canning comme ambassadeur à St.-Pétersbourg, en invoquant des considérations de partie comme motif principal de cette nomination. Le Cabinet anglais devait en quelque sorte ce témoignage de gratitude pour l'appui qu'il en avait obtenu au parti du défunt George Canning auquel Stratford Canning était affilié. (Rapports du prince de Lieven du 25 octobre (6 novembre) 1832 et du 24 février (8 mars) 1833).

L'Empereur Nicolas I jugea qu'il n'était nullement nécessaire, simplement par égard pour les intérêts de parti des ministres anglais, de tolérer une pareille violation de toutes les convenances. L'Empereur connaissait en outre l'hostilité déclarée que Stratford Canning avait manifestée à Constantinople et à d'autres postes à l'égard de la Russie. Comme lord Palmerston continuait dans le cours de plusieurs mois à insister sur cette nomination, le Vice-Chancelier chargea le prince de Lieven de lui déclarer catégoriquement que Stratford Canning ne serait pas reçu par l'Empereur, et que lui-même devrait quitter son poste pour être remplacé par un chargé d'affaires. Ce n'est que cette déclaration catégorique qui détermina le célèbre homme d'Etat anglais à renoncer à son caprice. (Dépêche du comte Nesselrode au prince de Lieven du 25 janvier 1833).

правительства подтверждаетъ его желаніе создать англійскому кабинету всевозможныя затрудненія во время выбора новыхъ членовъ парламента и нанести ему „смертельный ударъ“.

Князь Ливенъ вполнѣ побѣдоносно опровергъ всѣ эти обвиненія англійскаго министра, доказывая, что если Императоръ, его августѣйшій Государь, не соглашается принять, въ качествѣ иностраннаго посла, непріятное ему лицо, то онъ только пользуется своимъ несомнѣннымъ правомъ оставаться полнымъ хозяиномъ у себя дома. Его независимость, но не независимость англійскаго правительства, будетъ нарушена, если послѣднее желаетъ ему навязать свой выборъ. (Донесеніе кн. Ливена отъ 16 (28) декабря 1832 года).

Наконецъ князь Ливенъ не уставалъ доказывать лорду Пальмерстону, что „простое приличіе“ установило обязательность предварительнаго согласія иностраннаго правительства на назначеніе къ нему опредѣленнаго лица въ качествѣ дипломатическаго агента. Но англійскій министръ всетаки продолжалъ настаивать на своемъ рѣшеніи отправить во что бы то ни стало Стратфорда Каннинга посломъ въ С.-Петербургъ, приводя въ главное основаніе такого назначенія—партійныя соображенія. Англійскому кабинету нужно было отблагодарить за поддержку партію покойнаго Джоржа Каннинга, къ которой принадлежалъ Стратфордъ Каннингъ. (Донесенія князя Ливена отъ 25 октября (6 ноября) 1832 и 24 февраля (8 марта) 1833 года).

Императоръ Николай I не усмотрѣлъ ни малѣйшей надобности, изъ уваженія къ партійнымъ интересамъ англійскихъ министровъ, позволить подобное нарушеніе обыкновеннаго приличія. Сверхъ того, Государю была извѣстна открытая враждебность, съ которою Стратфордъ Каннингъ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, относился къ Россіи. Когда лордъ Пальмерстонъ продолжалъ настаивать, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, на этомъ назначеніи, Вице-Канцлеръ поручилъ князю Ливену категорически объявить ему, что Стратфордъ Каннингъ не будетъ принятъ Государемъ, и князь Ливенъ долженъ покинуть свой постъ, на который будетъ назначенъ повѣренный въ дѣлахъ. Только это категорическое заявленіе могло остановить знаменитаго англійскаго государственнаго человѣка отъ исполненія его каприза. (Депеша гр. Нессельроде къ кн. Ливену отъ 25 января 1833 года).

Nous aurons lieu de signaler, dans la suite, d'autres exemples attestant chez les ministres dirigents en Angleterre des vues étranges quant à la manière de poursuivre les négociations diplomatiques. Nous verrons en même temps que toutes les fois qu'une volonté ferme leur était opposée, toutes leurs menaces et leurs attaques s'émoussaient généralement sans laisser de trace.

Passons à l'exposé des pourparlers diplomatiques sur la question *belge* qui ont suivi la signature des 24 articles en novembre 1831 (№ 437). Nous avons eu lieu de constater la satisfaction générale éprouvée par les membres de la conférence de Londres à la suite de la signature de cette convention, qui devait mettre fin à la lutte passionnée entre la Belgique et la Hollande. Les plénipotentiaires de la Russie à la conférence se félicitaient tout particulièrement de la conclusion de ce pacte, car leur position était très difficile: d'une part, leur gouvernement leur recommandait de ne pas perdre de vue les liens de proche parenté et d'amitié qui unissaient leur Souverain avec le roi de Pays-Bas, et c'est pourquoi ils étaient tenus de défendre jusqu'à la dernière extrémité ses droits et ses intérêts; d'une autre part, l'obstination et la duplicité de ce roi paralysait toute possibilité d'une protection efficace.

Lorsque le traité de novembre fut signé, les Puissances contractantes avaient lieu de penser qu'il serait également ratifié par le roi de Hollande. En attendant, celui-ci refusa net cette ratification déclarant qu'il ne reconnaîtrait jamais „ce Léopold“ comme roi des Belges. Au début l'Empereur Nicolas I refusa également la ratification demandée pour ne pas laisser son beau-frère dans un complet isolement. Mais redoutant un rapprochement encore plus intime entre l'Angleterre et la France et se défiant quelque peu de l'Autriche, l'Empereur Nicolas I prévoyait la possibilité d'une pleine dissolution de l'accord des quatre grandes Puissances qu'il considérait comme la seule digue propre à contenir la France révolutionnaire. Voici la raison pour laquelle, il prit la résolution de faire une dernière tentative pour décider le roi Guillaume II des Pays-Bas de changer d'attitude. Il chargea son aide-de-camp général, le comte A. F. Orlow, jouissant à juste titre de sa confiance particulière et de ses sympathies personnelles, de se rendre en mission extraordinaire auprès de son beau-frère.

Ce voyage du comte Orlow par Berlin et La Haye à Londres mérite une attention parti-

Впослѣдствіи мы познакомимся еще съ другими примѣрами, доказывающими у руководящихъ англійскихъ министровъ довольно своеобразный взглядъ на порядокъ веденія дипломатическихъ переговоровъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы увидимъ, что если имъ противоставлялась несокрушимая воля, ихъ угрозы и нападки обыкновенно разбивались безъ всякихъ послѣдствій.

Обратимся теперь къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ по *Бельгійскому* дѣлу послѣ подписанія 24 статей въ ноябрѣ 1831 г. (№ 437). Мы видѣли, насколько велика была общая радость членовъ Лондонской конференціи по случаю подписанія ноябрьской конвенціи, которая должна была положить конецъ чрезвычайно жгучей бельгійско-голландской распрѣ. Въ особенности радовались заключенію этого международнаго акта уполномоченные Россіи на конференціи; ибо ихъ положеніе было наиболѣе тяжелое: съ одной стороны, высшее правительство предписывало имъ не забывать близкаго родства и дружбы, соединяющихъ ихъ Государя съ нидерландскимъ королемъ, и потому они обязывались защищать до послѣдней крайности права и интересы короля; съ другой же стороны, упрямство и вѣроломство того же самаго короля парализовали всякую возможность дѣйствительнаго ему покровительства.

Когда ноябрьскій трактатъ былъ подписанъ, договаривающіяся державы полагали, что онъ будетъ ратификованъ голландскимъ королемъ. Между тѣмъ послѣдній на-отрѣзъ отказался дать свою ратификацію, объявляя, что онъ никогда не признаетъ „ce Léopold“ бельгійскимъ королемъ. Императоръ Николай I сперва также отказывался дать свою ратификацію, не желая содѣйствовать полному обособленію своего зятя. Но опасаясь еще большаго сближенія между Англіею и Франціею и не вполнѣ довѣряя Австріи, Императоръ Николай I предвидѣлъ возможность полнаго распаденія того согласія четырехъ великихъ европейскихъ державъ, въ которомъ онъ усматривалъ единственный оплотъ противъ революціонной Франціи. Вотъ почему онъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку для измѣненія образа дѣйствія нидерландскаго короля Вильгельма II. Онъ отправилъ къ нему, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, графа А. Ѳ. Орлова, своего генералъ-адъютанта, заслуженнымъ образомъ пользовавшагося его особеннымъ довѣріемъ и личнымъ расположеніемъ.

Поѣздка графа Орлова черезъ Берлинъ въ Гаагу и Лондонъ заслуживаетъ особеннаго

culière tant par la personnalité de ce diplomate-général, que par les résultats qu'il a amenés. Le comte Orlow était assisté du jeune baron de Brunnow qui s'est fait dans la suite un renom si mérité parmi les diplomates russes les plus éminens.

Le comte Orlow reçut ses instructions personnellement de l'Empereur. Toutefois, pour confirmer en quelque sorte par écrit la mission dont il était chargé, le Vice-Chancelier crut devoir lui remettre les instructions du 18 janvier 1832. Selon les propres termes de cette pièce le but de cette mission consistait à „offrir au roi des Pays-Bas un dernier moyen de sortir honorablement des embarras de sa position". En chemin le comte Orlow devait s'arrêter à Berlin pour apprendre à connaître les vues du roi de Prusse sur la dernière phase du conflit belgico-hollandais. Le roi s'était engagé à ne pas donner sa ratification sans le consentement préalable de l'Empereur de Russie. En vue de l'obstination insensée du roi de Hollande, le comte Orlow était chargé de déclarer au roi de Prusse, que l'Empereur le dégageait de sa promesse et l'autorisait de ratifier les 24 articles de novembre, sous la réserve de ne pas user de mesures coercitives à l'égard de la Hollande dans le cas où celle-ci refuserait d'accepter les dits articles.

A La Haye le comte Orlow pouvait se trouver en présence des hypothèses suivantes: 1) Le roi de Hollande pouvait accepter le programme des pourparlers, élaboré par les plénipotentiaires russes à la conférence de Londres. Dans ce cas le comte Orlow était tenu de prendre acte des voeux et des amendements formulés par le roi pour les faire parvenir aux plénipotentiaires russes à Londres. Mais il lui était interdit d'entrer dans leur examen. Il devait se borner à déclarer que ces modifications ne devaient en aucune manière outrepasser les limites une fois établies et constater par une déclaration remise au roi son refus de faire des concessions quelconque.

2) Le roi de Hollande pouvait décliner tout moyen de conciliation. Dans ce cas le comte Orlow avait à appliquer tous ses efforts pour décider le roi à renoncer à cette résolution. Si le roi s'obstinait dans son refus, le comte devait présenter la déclaration ci-dessus mentionnée.

3) Enfin le programme d'action russe pouvait ne pas être adopté par la conférence de Londres (voir t. XI, p. 465) et celle-ci pouvait insister

вниманія какъ по личности этого генерала-дипломата, такъ и по результатамъ. При графѣ Орловѣ находился молодой баронъ Брунновъ, впослѣдствіи стяжавшій себѣ столь громкое имя среди самыхъ выдающихся русскихъ дипломатовъ.

Графъ Орловъ получилъ свои инструкціи лично отъ Государя. Но всетаки Вице-Канцлеръ считалъ себя обязаннымъ дать ему письменное подтвержденіе возложеннаго на него порученія въ инструкціи отъ 18 января 1832 года. Цѣль этого порученія была выражена въ слѣдующихъ словахъ: „дать голландскому королю послѣднее средство, чтобъ съ честью выйдти изъ своего затруднительнаго положенія". На пути, въ Берлинѣ, графъ Орловъ долженъ былъ остановиться для личнаго ознакомленія со взглядами прусскаго короля на послѣдній фазисъ бельгійско-голландской распри. Король обязался не давать своей ратификаціи безъ предварительнаго согласія русскаго Императора. Графъ Орловъ, въ виду безразсуднаго упрямства голландскаго короля, получилъ право объявить прусскому королю, что Государь освобождаетъ его отъ даннаго обязательства и разрѣшаетъ ему дать свою ратификацію на ноябрьскія 24 статьи, но не иначе, какъ подъ условіемъ непримѣненія противъ Голландіи принудительныхъ мѣръ за непринятіе этихъ самыхъ статей.

Въ Гаагѣ графу Орлову могли представиться слѣдующія альтернативы: 1) Король нидерландскій принимаетъ планъ переговоровъ, составленный русскими уполномоченными на Лондонской конференціи. Въ этомъ случаѣ графъ Орловъ долженъ былъ принять, для передачи русскимъ уполномоченнымъ въ Лондонѣ, всѣ желанія и поправки, которыя имѣетъ король. Но графу было запрещено входить въ разсмотрѣніе этихъ поправокъ и измѣненій: онъ долженъ былъ только объявить, что эти измѣненія не могутъ переходить за разъ установленныя границы и поданною королю декларацiею подтвердить отказъ свой сдѣлать какія-либо уступки.

2) Нидерландскій король отвергаетъ всякое средство соглашенія. Въ такомъ случаѣ графъ Орловъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобъ король отказался отъ такого рѣшенія. Если же онъ заупрямится, то графъ Орловъ дѣлаетъ декларацію въ вышеприведенномъ смыслѣ.

Наконецъ въ 3) русскій планъ дѣйствія (см. т. XI, стр. 465) не будетъ одобренъ Лондонскою конференціею, и послѣдняя будетъ

sur l'acceptation par le roi des 24 articles sans aucune modification. Cette hypothèse n'était guère probable. Toutefois, si elle devait se présenter, il fallait recommander au roi de Hollande de se soumettre à la force des choses.

Après une halte à La Haye, le comte Orlow devait dans tout état de cause se rendre à Londres. Si le roi de Hollande n'acceptait pas les propositions de la conférence, les plénipotentiaires russes devaient notifier à celle-ci, qu'à la suite d'une déclaration remise au gouvernement néerlandais par le comte Orlow, „l'existence de la Belgique comme pays neutre et indépendant, se trouve (reconnue) établie *) de fait". La Russie reconnait en outre à la Belgique tous les droits et privilèges qui lui ont été adjugés par les décisions de la conférence de Londres, et ne la juge pas tenue de remplir les obligations pécuniaires établies par les actes de novembre.

Enfin le comte Orlow fut muni des ratifications russes des actes de novembre et de décembre (№ 437 et № 438) pour procéder à l'échange dans le cas où le consentement du roi des Pays-Bas était obtenu.

Par une dépêche du 19 janvier 1832, le Vice-Chancelier prit soin d'expliquer en détail aux deux plénipotentiaires russes à la conférence: au prince de Lieven et au comte Matuszewic, le but de la mission du comte Orlow et insistait encore une fois sur la volonté expresse du Souverain de ne point participer aux mesures de coërcition contre la Hollande. „Mais", ajoute le comte Nesselrode, „l'Empereur reconnaît à ses alliés le droit de prendre telles mesures repressives qu'ils jugeront nécessaires pour obliger le roi des Pays-Bas à respecter et à ne pas violer la neutralité de la Belgique". L'Empereur Nicolas I ne consentait pas à reconnaître la Belgique et son roi tant qu'ils ne seraient pas reconnues par le roi de Hollande, de même qu'il ajournait la ratification de l'acte de novembre jusqu'au jour où il serait ratifié par ce souverain.

Le comte Orlow fut très gracieusement accueilli par le roi de Hollande et ses ministres. Mais il ne réussit pas à atteindre son but c.

*) L'Empereur Nicolas I effaça de sa propre main le mot: „*reconnue*" pour le remplacer par: „*établie de fait*".

настаивать на принятіи королемъ 24 статей, безъ всякихъ измѣненій. Эта гипотеза весьма невѣроятна. Но еслибъ она представилась, то слѣдуетъ только совѣтовать королю голландскому, чтобъ онъ покорился силѣ обстоятельствъ.

Побывавъ въ Гаагѣ, графъ Орловъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ отправиться въ Лондонъ. Если голландскій король не принялъ бы предложеній конференціи, то русскіе уполномоченные должны были объявить конференціи, что поданною нидерландскому правительству графомъ Орловымъ декларацією Россія признаетъ „фактическое существованіе Бельгіи, какъ нейтральнаго и независимаго государства"*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія признаетъ за Бельгіею всѣ предоставленныя ей постановленіями Лондонской конференціи права и преимущества и не считаетъ ее обязанною приступить къ исполненію денежныхъ обязательствъ, установленныхъ ноябрьскимъ актомъ.

Наконецъ, графу Орлову были даны акты ратификаціи со стороны Россіи ноябрьскаго и декабрьскаго актовъ (№ 437 и 438) съ тѣмъ, чтобъ онъ приступилъ къ ихъ размѣну въ случаѣ согласія короля нидерландскаго на ратификацію.

Обоимъ уполномоченнымъ Россіи на Лондонской конференціи: князю Ливену и графу Матушевичу Вице-Канцлеръ, депешою отъ 19-го января 1832 года, объяснилъ подробнымъ образомъ цѣль командировки графа Орлова. Еще разъ подтверждается положительная воля Государя не участвовать въ принудительныхъ мѣропріятіяхъ противъ Голландіи, но, прибавилъ графъ Нессельроде, „Государь признаетъ за своими союзниками право на принятіе такихъ принудительныхъ мѣръ, которыя они признаютъ нужными, чтобъ заставить короля нидерландскаго уважать и не нарушать нейтралитета Бельгіи". Императоръ Николай I не согласился признать Бельгію и ея короля, пока они не будутъ признаны королемъ нидерландскимъ, подобно тому какъ свою ратификацію ноябрьскаго акта онъ желалъ поставить въ зависимость отъ ратификаціи его голландскимъ королемъ.

Графъ Орловъ удостоился весьма милостиваго пріема со стороны голландскаго короля и его министровъ. Но онъ совершенно не

*) Императоръ Николай I первоначальное слово: „*reconnue*" собственноручно вычеркнулъ и написалъ: „*établie de fait*".

a. d. à briser l'obstination du roi et à lui faire accepter les décisions de la conférence de Londres. Au contraire, la mission confiée au comte Orlow contribua à confirmer ce souverain dans la pensée, „qu'il tenait entre ses mains la question de la paix et de la guerre". Il se plaisait dans la ferme conviction que les grandes Puissances du continent, et particulièrement la Russie, ne l'abandonneraient pas à la merci du sort; et ne manqueraient pas de défendre sa cause avec toute l'énergie possible.

Une fois au courant de cette situation, le comte Orlow changea aussitôt le ton et la teneur de son langage; il s'appliqua à démontrer au roi de Hollande qu'il s'abusait complétement en pensant que la paix de l'Europe pouvait être sérieusement compromise par cet incident. Si l'Empereur de Russie avait chargé un de ses aide-de-camp-généraux de donner le conseil au gouvernement néerlandais, de faire des concessions et d'accepter les actes de novembre, il n'avait nullement en vue les avantages de la Russie, complétement désintéressée dans le conflit belgico-hollandais, mais uniquement ceux de la Hollande.

Le comte Orlow dit au roi qu'il ne s'est rendu à La Haye „ni pour négocier, ni pour s'ériger en juge du mérite des transactions de Londres". Il ne s'y est présenté que pour donner un témoignage de l'amitié de son Souverain pour le roi de Hollande, son beau-frère.

Dans une note verbale du 11 (23) février, remise au gouvernement néerlandais, le comte Orlow démontrait, de la manière la plus convaincante, la nécessité impérieuse pour la Hollande elle-même de mettre fin le plutôt possible à cette situation, si précaire et dangereuse. Cette note impressionna profondément les ministres hollandais et l'opinion publique dans le pays, qui attendait avec impatience la cessation de cet espèce d'état de guerre très onéreux. Le roi, irrité de ces dispositions, ne put s'empêcher de s'écrier dans un moment de colère: „Je n'ai pas dit que je reconnaîtrai Léopold, mais je n'ai pas dit non plus que je ne le reconnaîtrai pas".

Le comte Orlow se gardait de laisser supposer qu'il applaudissait à cette opposition contre le roi et encore moins qu'il eut songé à l'encourager. Il se bornait à demander avec insistance une réponse à sa note verbale de février.

Ce n'est que le 4 mars qu'il reçut la réponse hollandaise que le ministre Werstolk se fit un devoir de lui lire à haute voix. Elle impliquait

достигъ поставленной ему цѣли: укротить упрямство короля и заставить его принять рѣшенія Лондонской конференціи. Напротивъ, порученіе, возложенное на графа Орлова, еще болѣе укрѣпило короля въ той мысли, что „въ его рукахъ вопросъ о мирѣ или войнѣ". Онъ окончательно утвердился въ убѣжденіи, что великія континентальныя державы, и въ особенности Россія, никогда его не оставятъ на произволъ судьбы, но навѣрно будутъ защищать его претензіи самымъ энергическимъ образомъ.

Когда графъ Орловъ увидѣлъ это, онъ немедленно совершенно измѣнилъ тонъ и содержаніе своихъ рѣчей: онъ сталъ доказывать голландскому королю, что онъ жестоко ошибается, если полагаетъ, что миръ Европы подвергается серьезной опасности. Если же русскій Императоръ поручилъ своему генералъ-адъютанту совѣтовать нидерландскому правительству быть уступчивѣе и принять ноябрьскіе акты, то онъ не руководился соображеніями пользы Россіи, которая нисколько не заинтересована въ бельгійско-голландской распрѣ, но единственно имѣлъ въ виду интересы одной Голландіи.

Графъ Орловъ сказалъ королю, что онъ явился въ Гаагу ни для „переговоровъ, ни для судейской оцѣнки достоинства Лондонскихъ актовъ". Онъ явился только для того, чтобъ доказать дружбу своего Государя къ голландскому королю, его зятю.

Въ „Note verbale" отъ 11 (23) февраля, поданной голландскому правительству, графъ Орловъ доказывалъ убѣдительнымъ образомъ необходимость для самой Голландіи поскорѣе положить конецъ нынѣшнему шаткому и опасному положенію. Эта нота произвела огромное впечатлѣніе на голландскихъ министровъ и на общественное мнѣніе Голландіи, желавшихъ прекращенія полу-военнаго обременительнаго положенія. Но король сердился, видя такое настроеніе, и со злобою воскликнулъ: „Я не говорилъ, что я признаю Леопольда, но равнымъ образомъ я никогда не говорилъ, что я не признаю его".

Графъ Орловъ не подавалъ вида, будто онъ радуется оппозиціи противъ короля и даже ей потворствуетъ. Онъ только настаивалъ на скорѣйшемъ отвѣтѣ на свою февральскую Note verbale.

Не раньше 4-го марта графъ Орловъ получилъ голландскій отвѣтъ, прочитанный ему вслухъ голландскимъ министромъ Верстолкомъ.

le refus catégorique de tenir compte des bons conseils, donnés à la Hollande, au nom de l'Empereur de Russie. Après l'audition de cette note, le comte Orlow déclarait au ministre qu'il refusait de l'accepter et que dans ces conditions, il ne lui restait qu'à remettre au gouvernement néerlandais la déclaration, déjà toute rédigée, constatant l'obstination et le complet isolement de la Hollande, et à quitter La Haye pour se rendre à Londres. Le ministre Werstolk en fut sérieusement troublé, et demanda un délai de 24 heures pour réfléchir.

Revenu de cette audience, le comte Orlow trouva une dépêche et une lettre particulière du comte Nesselrode du 11 (23) février, qui venaient d'arriver de St.-Pétersbourg. La dépêche blâmait, en termes généraux, la duplicité du Cabinet néerlandais et insistait sur la complète impossibilité, même pour la Russie, d'approuver ses propositions à la conférence de Londres du 30 janvier 1832. Le roi de Hollande est seul, écrivait le Vice-Chancelier, à ne pas reconnaître tout le mal qu'il se fait à lui-même et à l'Europe entière en persistant dans son obstination insensée.

A la lecture de ces pièces, le comte Orlow devait se convaincre que l'Empereur Nicolas I lui-même avait perdu patience et qu'il renonçait à appuyer les prétentions du roi. Le lendemain matin le comte Orlow se rendit chez le ministre pour lui donner connaissance de la dépêche du Vice-Chancelier du 11 février. M-r Werstolk fut très péniblement impressionné par cette lecture. Quelques jours après, le comte Orlow reçut une note dans laquelle le gouvernement néerlandais s'attachait à démontrer qu'il consentait à reconnaître Léopold comme roi des Belges, „lorsqu'on se sera entendu sur les conditions de séparation"! Le refus de la Hollande d'accepter les clauses stipulées en novembre y était encore une fois confirmé.

Le comte Orlow notifia aussitôt, qu'il allait remettre sa déclaration et demanda son audience de congé. Il était également indigné de la politique perfide du Cabinet de La Haye, qui communiquait sous main au gouvernement anglais les conseils, donnés par la Russie, et formulait avec intention à Londres et à Bruxelles des prétentions qui ne pouvaient pas être acceptées.

Lorsque le comte Orlow attira sérieusement l'attention du roi sur les conséquences

Этотъ отвѣтъ заключалъ въ себѣ категорическій отказъ уважить добрые совѣты, данные Голландіи отъ имени русскаго Императора. Выслушавъ чтеніе этой голландской ноты, графъ Орловъ объявилъ министру, что онъ отказывается принять ноту и ему остается только подать голландскому правительству заготовленную декларацію, констатирующую упрямство и полную обособленность Голландіи, и немедленно выѣхать изъ Гааги въ Лондонъ. Министръ Верстолкъ совсѣмъ растерялся и просилъ отсрочки для размышленія до слѣдующаго дня.

Возвратившись отъ голландскаго министра на свою квартиру, графъ Орловъ нашелъ тамъ только-что прибывшія изъ С.-Петербурга депешу и частное письмо отъ графа Нессельроде отъ 11 (23) февраля. Въ депешѣ осуждалось въ энергическихъ выраженіяхъ вѣроломство нидерландскаго кабинета и доказывалась совершенная невозможность, даже для Россіи, одобрить его предложенія Лондонской конференціи отъ 30-то января 1832 года. Только одинъ голландскій король, писалъ Вице-Канцлеръ, не хочетъ понять того зла, которое онъ дѣлаетъ самому себѣ и всей Европѣ, продолжая свое безразсудное упорство.

Изъ этихъ документовъ графъ Орловъ долженъ былъ убѣдиться, что наконецъ самъ Императоръ Николай I потерялъ терпѣніе и отказывается поддерживать всѣ претензіи голландскаго короля. Графъ Орловъ, на другой же день утромъ, отправился къ голландскому министру и прочелъ ему депешу Вице-Канцлера отъ 11-го февраля. Это чтеніе произвело на Верстолка самое удручающее впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько дней графъ Орловъ получилъ голландскую ноту, въ которой доказывалось, что Голландія согласится признать Леопольда королемъ Бельгійцевъ „когда состоится соглашеніе насчетъ условій отдѣленія"! Наконецъ опять подтверждался отказъ Голландіи принять ноябрьскія постановленія.

Тогда графъ Орловъ объявилъ, что онъ подаетъ свою декларацію и проситъ прощальной аудіенціи у короля. Онъ также былъ возмущенъ вѣроломною политикою Гаагскаго правительства, которое подъ рукою сообщало англійскому кабинету данные ему со стороны Россіи совѣты и умышленно выставляло въ Лондонѣ и въ Брюсселѣ такія новыя требованія, которыя не могли быть приняты.

Когда графъ Орловъ обратилъ серьезное вниманіе короля на неминуемыя по-

inévitables de cette manière d'agir, celui-ci s'écria:

„Je ne vois pas trop pourquoi je dois faire le sacrifice de mes principes. Je tiens aux principes. Je n'aime pas à traiter avec Monsieur Léopold (sic!)".

„Au surplus, je ne suis roi que d'occasion, je me rappelle d'être le fils d'un stathouder. Si je ne puis défendre mon royaume, je saurais, à l'exemple de mon aïeul Guillaume submerger la Hollande pour passer aux Indes!"

Le comte Orlow répondit à cette boutade présomptueuse finement: „Il l'a dit, Sire, mais l'a-t-il fait?" — Le roi ne put s'empêcher de rire.

Lorsque le gouvernement anglais déclina les ouvertures impossibles de la Hollande, le roi en fut enchanté et les ministres disaient au comte Orlow, qu'ils n'avaient désormais rien à faire et que c'était aux grandes Puissances à trouver une issue à la situation actuelle. Le comte Orlow s'est vu ainsi obligé, par la force des choses, à remettre aux ministres hollandais la déclaration solennelle du 10 (22) mars, notifiant, au nom de la Russie, que désormais l'Empereur ne jugeait plus possible de prêter à la Hollande „un appui ou secours quelconque". La Russie reconnaît la neutralité de la Belgique et ne saurait empêcher les grandes Puissances de prendre des mesures pour la défendre.

A l'audience de congé, le roi adressa entre autres la question suivante au comte Orlow: „Vous allez donc maintenant ratifier le traité? Votre déclaration l'annonce". Le comte répondit qu'il l'ignorait. Selon sa conviction personnelle, cette ratification eut été tout-à-fait naturelle et opportune à l'heure actuelle. Au dernier moment le comte Orlow posa catégoriquement la question au roi: „s'il était résolu d'adhérer aux 24 articles ou non?"

Le roi répondit: „c'est une question de conscience que vous me faites". Après un moment de réflexion il ajouta avec un ton décidé: „Les 24 articles de Londres tels qu'ils sont, *je ne les signerai jamais*. Modifiés, c'est autre chose, parce que ce ne sont plus les mêmes. Ils m'ont été imposés par une note de la conférence *que je ne saurais oublier*. Aussi longtemps que la nation ne m'abandonnera pas, je n'abandonnerai pas non plus la nation. Si elle cesse de me soutenir, si l'on me force de signer, ce ne sera pas moi qui signerai, ce sera un autre qui signera pour moi".

слѣдствія его образа дѣйствія, то король воскликнулъ:

„Я не вижу, почему я долженъ пожертвовать моими принципами. Я держусь принциповъ. Я не хочу имѣть дѣла съ господиномъ Леопольдомъ" (sic!).

„Впрочемъ", прибавилъ король Вильгельмъ II, „я только случайный король; я припоминаю, что я сынъ штатгальтера. Если я не въ состояніи защитить мое королевство, то съумѣю, по примѣру моего предка Вильгельма, потопить Голландію и переселиться въ Индію!"

На эти хвастливыя слова графъ Орловъ очень остроумно замѣтилъ: „Ваше Величество, онъ это сказалъ, но сдѣлалъ-ли онъ это"? — Король не могъ не разсмѣяться.

Когда англійское правительство отвергло невозможныя голландскія предложенія, король былъ въ восторгѣ, и его министры говорили графу Орлову, что имъ теперь нечего дѣлать и великія державы сами должны найти выходъ изъ нынѣшняго положенія. Тогда графу Орлову ничего больше не осталось, какъ вручить голландскимъ министрамъ торжественную декларацію отъ 10 (22-го) марта, въ которой объявлялось, отъ имени Россіи, что Государь отнынѣ не считаетъ болѣе возможнымъ оказывать Голландіи „какую-либо поддержку или помощь". Россія признаетъ нейтралитетъ Бельгіи и не можетъ препятствовать великимъ державамъ принимать мѣры для ея защиты.

На прощальной аудіенціи король спросилъ графа Орлова: „Теперь вы дадите ратификацію на трактатъ?—Это видно изъ вашей деклараціи". Графъ Орловъ отвѣтилъ, что этого не знаетъ. Но, по его личному убѣжденію, ратификація ноябрьскихъ актовъ была бы теперь совершенно естественна и умѣстна. Въ самую послѣднюю минуту графъ Орловъ поставилъ королю категорическій вопросъ: „намѣренъ-ли онъ принять 24 статьи; да или нѣтъ?"

Король отвѣтилъ: „Вы мнѣ ставите вопросъ совѣсти". Послѣ недолгаго размышленія, онъ прибавилъ рѣшительнымъ тономъ: „Лондонскія 24 статьи, въ настоящей ихъ формѣ, *я никогда не подпишу*. Если онѣ будутъ измѣнены — тогда другое дѣло; онѣ не будутъ тѣ же самыя. Онѣ были мнѣ навязаны нотою конференціи, *которую я не могу забыть*. До тѣхъ поръ пока народъ меня не оставитъ, и я не оставлю народъ. Если онъ перестанетъ меня поддерживать, если меня заставятъ подписать, тогда не я подпишу, но будетъ другой, кто за меня подпишетъ".

Госу... библ...

Ainsi se terminait la mission du comte Orlow à La Haye. Il est facile de se convaincre d'après ses lettres particulières au comte Nesselrode, qu'il quittait avec satisfaction la Hollande pour se rendre à Londres où il arriva le 15 (27) mars. A La Haye, écrivait il au Vice-Chancellier à la date du 2 (14) mars 1832: „toutes les ruses du traité de Westphalie, toutes les tracasseries et perfidies ont été mises en oeuvre contre moi".

Il avait à traiter avec un souverain d'un caractère plein de duplicité, pénétré d'égoïsme et d'amour-propre; avec un ministère qui tremblait devant lui, étant dépourvu de talens et perfide par obéissance. Le roi et ses ministres s'épuisaient en efforts pour faire du comte Orlow un arbitre entre la Hollande et la conférence de Londres, et lui enlever cette indépendance d'action à laquelle il tenait essentiellement. Il comprit parfaitement toutes ces manoeuvres du roi visant, à la suite du refus de la conférence d'adopter ses dernières propositions, — à semer la discorde entre les grandes Puissances et à provoquer l'irritation de l'Empereur Nicolas I. Le comte Orlow s'était convaincu que le moment était venu de prendre des mesures décisives pour mettre fin au conflit entre la Hollande et la Belgique.

„Enfin, cher comte", terminait le comte Orlow sa lettre au Vice-Chancelier, „pour ma personne me voilà hors d'affaire; si vous avez l'idée de la joie d'un malade le jour où après trois semaines de fièvre, elle ne vient plus lui faire visite, si vous connaissez le sentiment d'un goutteux à Schoumla (où faisait ses ravages la peste — en 1828 quand le comte Orlow y était) le jour où elle le quitte et où il peut se mettre à cheval, si vous avez enfin l'idée quand on a un cauchemar et qu'on s'en est débarrassé, vous pouvez vous figurer la joie que j'éprouve de dire Adieu au roi et à son ministère".

Tels étaient les sentiments avec lesquels le comte Orlow quittait la Hollande! Il était en effet épuisé de fatigue à la suite des pourparlers avec le roi de Hollande et ses ministres. A l'audience de congé, qui a duré plus de quatre heures, le roi parlait tantôt sérieusement, tantôt d'une manière étrange au point d'exciter l'hilarité. Le comte Orlow avait de la peine à se tenir debout et encore plus de peine à ne pas éclater de rire quand le roi, qui parlait avec emphase de ses principes, se mit à prouver

Такъ кончилась миссія графа Орлова въ Гаагѣ. Изъ его частныхъ писемъ къ графу Нессельроде нельзя не убѣдиться, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ уѣхалъ изъ Голландіи въ Лондонъ, куда прибылъ 15-го (27) марта. Въ Гаагѣ, писалъ онъ Вице-Канцлеру, 2 (14) марта 1832 года, „всѣ хитрости Вестфальскаго трактата, всѣ придирки и вѣроломства были пущены въ ходъ противъ меня". Онъ имѣлъ дѣло съ королемъ, отличающимся въ высшей степени характеромъ фальшивымъ, проникнутымъ эгоизмомъ и самолюбіемъ; съ министерствомъ, которое предъ нимъ трепетало, будучи неспособнымъ по своимъ талантамъ и дѣйствуя вѣроломнымъ образомъ изъ послушанія. Король и его министры выбивались изъ силъ, чтобъ обратить графа Орлова въ посредника между Голландіею и Лондонскою конференціею и лишить его той независимости, которою онъ дорожилъ. Онъ отлично понялъ тактику короля, состоявшую въ томъ, чтобъ непринятіемъ Лондонскою конференціею его новыхъ требованій вызвать рознь между великими державами и возбудить гнѣвъ Императора Николая I. По убѣжденію графа Орлова, наступилъ моментъ рѣшительныхъ мѣръ для окончанія Бельгійско-Голландской распри.

„Наконецъ, любезный графъ", заканчиваетъ графъ Орловъ свое письмо къ Вице-Канцлеру: „что касается меня, то дѣло кончено. Если вы можете представить себѣ радость болѣвшаго три недѣли лихорадкою въ тотъ день, когда эта гостья его болѣе не посѣщаетъ, если вы догадываетесь о чувствѣ страдавшаго подагрою въ Шумлѣ (гдѣ свирѣпствовала чума въ 1828 году, когда тамъ находился графъ Орловъ) въ тотъ день, когда онъ больше не страдалъ и могъ сѣсть на коня, наконецъ, если вы имѣете понятіе о кошмарѣ, отъ котораго чувствуешь себя освобожденнымъ, то вы въ состояніи будете себѣ представить ту радость, которую я чувствую, говоря: прощай! королю и его министрамъ".

Вотъ съ какими чувствами графъ Орловъ покинулъ Голландію! Онъ усталъ отъ веденія переговоровъ съ голландскимъ королемъ и его министрами. Прощальная аудіенція продолжалась болѣе 4 часовъ, въ теченіе которыхъ король то говорилъ дѣло, то вызывалъ смѣхъ. Графъ Орловъ съ трудомъ держался на ногахъ и съ еще большимъ трудомъ удерживался отъ смѣха, когда король голландскій, съ паѳосомъ говорившій о своихъ принципахъ, вдругъ серьезно сталъ доказывать,

qu'il était immolé comme une victime sans dire à qui précisement. Il s'ecriait seulement d'un air désespéré: „je suis absolument comme Iphigénie que les Grecs ont désignée pour victime!"

Le roi de Hollande Guillaume II — une Iphigénie. Le comte Orlow eut de la peine à garder son sérieux et se résumait ainsi dans sa lettre: „c'est un mauvais avocat d'une belle cause".

Les rapports du comte Orlow laissèrent une forte impression à l'Empereur Nicolas I; il finit par se convaincre qu'il était impossible d'encourager indéfiniment l'obstination du roi. A Londres il tira le prince de Lieven et le comte Matuszevic d'un grand embarras. Il leur fut impossible d'empêcher les Cabinets de Vienne et de Berlin d'envoyer leur ratification du traité de novembre. Le comte Matuszevic fit un appel au comte Nesselrode pour prévenir l'isolement de la Russie. „Si nous nous isolons, écrivait il le 5 (17) mars 1832, nous déférons l'ouvrage de Pierre le Grand en devenant Puissance asiatique". Les représentants de Russie à la conférence de Londres attendaient avec la plus grande impatience l'arrivée de St.-Pétersbourg des actes de ratification.

Ils furent enfin reçus à Londres avec l'expédition du 6 (18) avril 1832. Grande fut la joie du comte Orlow et particulièrement celle du prince de Lieven et du comte Matuszevic. Mais elle ne fut pas sans mélange, car l'Empereur Nicolas I consentit à donner sa ratification sous deux réserves essentielles: 1) L'accord entre la Hollande et la Belgique devait être abandonné à la convenance des deux Puissances, et 2) l'Empereur n'admettait pas la pensée que des mesures de coërcition fussent appliquées à la Hollande et ne consentait pas à la reprise des hostilités contre la Belgique. Le gouvernement impérial devait, par conséquent, réclamer l'amendement des articles IX, XII et XIII du traité de novembre.

Le gouvernement anglais applaudit à la décision de l'Empereur de Russie de donner sa ratification, mais s'obstinait au début à ne pas vouloir admettre de réserves affirmant que toute ratification d'un traité international n'impliquait par elle-même ni conditions, ni réserves. Le conseil des ministres anglais se réunit plusieurs fois pour délibérer sur cette question capitale et statua finalement d'accepter la ratification russe avec ses réserves.

что его приносятъ въ жертву, — но кому? Король этого не объяснилъ. Онъ только съ видомъ отчаянія воскликнулъ: „Я совершенно Ифигенія, которую греки отдали на жертву!"

Король голландскій Вильгельмъ II — Ифигенія! Графъ Орловъ съ большимъ трудомъ удержался отъ смѣха и заключилъ: „это плохой адвокатъ хорошаго дѣла".

Донесенія графа Орлова произвели впечатлѣніе на Императора Николая I: онъ наконецъ убѣдился, что нельзя безпредѣльно потворствовать упрямству нидерландскаго короля. Въ Лондонѣ графъ Орловъ явился спасителемъ для князя Ливена и графа Матушевича. Они не могли препятствовать тому, чтобъ Вѣнскій и Берлинскій кабинеты прислали свои ратификаціи на ноябрьскій трактатъ. Графъ Матушевичъ взывалъ къ графу Нессельроде, чтобъ Россія не изолировалась. „Если мы будемъ изолироваться", писалъ онъ 5 (17) марта 1832 года, „то мы передѣлаемъ то, что сдѣлалъ Петръ Великій, и станемъ азіятскою державою". Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждали актовъ ратификацій изъ С.-Петербурга представители Россіи на Лондонской конференціи.

Наконецъ они были получены при экспедиціи отъ 6 (18-го) апрѣля 1832 года. Велика была радость графа Орлова, а въ особенности князя Ливена и графа Матушевича. Но эта радость не была цѣльною, ибо Императоръ Николай I согласился дать свою ратификацію съ двумя существенными оговорками: 1) соглашеніе между Голландіею и Бельгіею должно быть предоставлено полному усмотрѣнію обѣихъ державъ и 2) Государь не допускаетъ мысли о принятіи принудительныхъ мѣръ противъ Голландіи и равнымъ образомъ не соглашается на возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій противъ Бельгіи. Согласно съ этимъ Императорское правительство потребовало измѣненія статей IX, XII и XIII ноябрьскаго трактата.

Англійское правительство очень обрадовалось рѣшенію русскаго Царя дать свою ратификацію, но оно сперва не хотѣло допустить никакихъ оговорокъ этой ратификаціи, утверждая, что всякая ратификація международнаго трактата должна быть безусловная, безъ всякихъ оговорокъ. Совѣтъ англійскихъ министровъ собирался нѣсколько разъ для обсужденія этого капитальнаго вопроса и, наконецъ, рѣшилъ: принять русскую ратификацію съ оговорками.

*

Ce fait fut consigné au protocole de la conférence de Londres du 4 mai, № 58.

Le comte Orlow quitta Londres le même jour pour retourner à St.-Pétersbourg.

Toutefois l'acceptation de la ratification conditionnelle ne mit pas encore fin au différend entre la Belgique et la Hollande. Il fallait encore amener le roi à un accord avec ce pays. Il n'y avait aucun espoir de lui faire accepter de bon gré le traité de novembre, même amendé dans le sens des réserves de la Russie.

Le général Goblet, représentant de la Belgique à la conférence de Londres, était disposé à faire toute espèce de concessions. Il s'appliquait à démontrer, que même après l'abandon d'Anvers par la Hollande, ce pays continuerait à exercer une grande influence sur le commerce et l'industrie de la Belgique et disposerait de moyens nombreux pour lui porter préjudice. Il proposait à la conférence de se borner à formuler des „articles explicatifs“ au traité de novembre. Le comte Matuszevic et le baron Wessenberg, plénipotentiaire d'Autriche, élaborèrent deux projets dans ce sens et les soumirent à l'appréciation de la conférence.

Mais lord Palmerston s'élevait avec toute son énergie contre ces nouvelles propositions, assurant que tant que les troupes hollandaises n'auront pas quitté Anvers, il serait oiseux de faire des ouvertures conciliantes quelconques à la Hollande. A son avis, la flotte anglaise et française devaient bloquer les côtes de la Hollande et capturer ses vaisseaux. Voici le seul argument, qui serait de nature à produire une action efficace sur le roi de Hollande. Le prince de Lieven et le comte Matuszevic protestèrent aussitôt contre l'application de toutes mesures de coërcition à l'égard de la Hollande. Mais ils étaient convaincus, en même temps, que la France et l'Angleterre ne s'arrêteraient pas devant l'éventualité d'une guerre à déclarer à la Hollande. (Rapport du prince de Lieven du 3 (15) juin 1832).

Toutefois lord Palmerston finit par faire des concessions. Il baissa de ton dans ses rapports avec les plénipotentiaires russes, consentit à la revocation des articles IX et XII du traité de novembre, et ne s'opposa plus à ce que les nouveaux „articles explicatifs“ fussent communiqués au roi. Le comte Matuszevic prévoyait qu'un nouveau refus du roi amenerait inévitablement une rupture entre l'Angleterre et la Hollande.

Этотъ фактъ былъ констатированъ протоколомъ Лондонской конференціи отъ 4-го мая, за № 58.

Въ тотъ же самый день графъ Орловъ выѣхалъ изъ Лондона обратно въ С.-Петербургъ.

Однако, принятіемъ русской условной ратификаціи еще не было улажено Бельгійско-голландское дѣло. Нужно было заставить нидерландскаго короля придти къ соглашенію съ Бельгіею. Но добиться добровольнаго согласія короля, даже на измѣненный, въ смыслѣ русскихъ оговорокъ, ноябрьскій трактатъ, не было никакой надежды.

Представитель Бельгіи на Лондонской конференціи, генералъ Гоблэ, готовъ былъ на всевозможныя уступки. Онъ доказывалъ, что даже послѣ оставленія Голландцами Антверпена, все-таки бельгійская торговля и промышленность будутъ находиться въ зависимости отъ Голландіи и послѣдняя будетъ имѣть много средствъ для нанесенія вреда Бельгійцамъ. Онъ предлагалъ конференціи ограничиться составленіемъ „объяснительныхъ статей“ къ ноябрьскому трактату. Графъ Матушевичъ и баронъ Вессенбергъ, австрійскій уполномоченный, составили въ этомъ смыслѣ два проекта и предложили ихъ на обсужденіе конференціи.

Но лордъ Пальмерстонъ самымъ энергическимъ образомъ возсталъ противъ этихъ новыхъ предложеній, доказывая, что пока голландскія войска не покинули Антверпена, излишне дѣлать Голландіи какія-либо примирительныя предложенія. По его мнѣнію, англійскій и французскій флоты должны блокировать голландскіе берега и захватывать голландскія суда—вотъ единственный аргументъ, который произведетъ благотворное дѣйствіе на голландскаго короля. Князь Ливенъ и графъ Матушевичъ немедленно протестовали противъ принятія какихъ бы то ни было принудительныхъ мѣръ противъ Голландіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они были убѣждены, что Англія и Франція не остановятся предъ объявленіемъ войны Голландіи. (Донесеніе князя Ливена отъ 3-го (15-го) іюня 1832 года).

Однако, мало-по-малу лордъ Пальмерстонъ сдѣлался уступчивѣе. Онъ умѣрилъ тонъ въ сношеніяхъ съ уполномоченными Россіи; онъ согласился на отмѣну статей IX и XII ноябрьскаго трактата и, наконецъ, онъ далъ свое согласіе на сообщеніе голландскому королю новыхъ „объяснительныхъ статей“. Графъ Матушевичъ предвидѣлъ отъ новаго отказа короля неминуемый разрывъ между Англіею и Голландіею.

„Vraiment,“ écrivait-il le 3 (15) juin 1832, „le prince de Lieven et moi, nous sommes dans une position désespérante. Il n'y a pas de jour où le Roi des Pays-Bas ne prenne à tâche d'humilier et d'offenser le Ministère anglais... Il traite l'Angleterre avec un mépris insultant“. Il traitait presque avec le même mépris la France, qui prenait énergiquement la défense des intérêts de la Belgique et agissait toujours d'accord avec l'Angleterre à l'égard de la Hollande.

Selon l'observation du comte Matuszevic, le roi de Hollande ne tenait aucun compte de la situation intérieure de la France qui obligeait le roi Louis-Philippe à agir dans une certaine direction. A cette occasion le comte Matuszevic prédisait encore une fois d'une manière prophétique les destinées de la France: „L'alternative est entre un gouvernement militaire et une république. Pour fonder le premier, il faudrait un Bonaparte (1851!). Pour amener la seconde, il suffit d'un Louis Philippe. Je crois donc qu'il y aura république et avec elle une guerre civile“. (Juillet 1848). (Lettre du comte Matuszevic du 3 (15) juin 1832).

On comprend qu'avec son obstination habituelle, le roi de Hollande déclina d'accepter toute proposition nouvelle de la conférence et refusa catégoriquement de procéder à l'évacuation d'Anvers. Cette obstination fit perdre patience aux gouvernements de France et d'Angleterre, qui conclurent en octobre 1832 une convention en vue d'obliger la Hollande, par la force des armes, à accepter les clauses du traité de novembre et à évacuer Anvers. En effet, un blocus fut déclaré sur toutes les côtes de la Hollande, l'embargo imposé à tous les vaisseaux hollandais dans les eaux de l'Angleterre et de la France et un grand nombre de vaisseaux hollandais — capturés en pleine mer.

Les représentants russes à la conférence, dès qu'ils eurent connaissance de la convention anglo-française, s'empressèrent de déclarer, qu'en vue des mesures de coërcition, appliquées à la Hollande, ils se trouvaient forcés de renoncer à participer désormais aux débats de cette assemblée et quittèrent aussitôt la salle où elle siégeait.

Il est à remarquer que le roi des Belges s'est montré, de son côté, moins disposé à faire des concessions qu'on pouvait l'espérer. Il s'est également refusé d'accepter les dernières ouver-

„Дѣйствительно“, писалъ онъ 3 (15) іюня 1832 года Вице-Канцлеру: „князь Ливенъ и я находимся въ отчаянномъ положеніи. Не проходитъ дня, чтобъ король нидерландскій не ставилъ себѣ задачею унижать и оскорблять англійское правительство... Онъ относится къ Англіи съ оскорбительнымъ презрѣніемъ“. Почти съ такимъ же презрѣніемъ онъ относился и къ Франціи, которая энергическимъ образомъ защищала интересы Бельгіи и вполнѣ согласно дѣйствовала съ Англіею противъ Голландіи.

По словамъ графа Матушевича, голландскій король не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на внутреннее состояніе Франціи, заставляющее короля Луи Филиппа дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. При этомъ случаѣ графъ Матушевичъ опять пророчески предсказываетъ будущность Франціи. „Альтернатива существуетъ между военнымъ режимомъ и республикою. Для основанія перваго нуженъ Бонапартъ (1851 годъ!). Для основанія второй (республики) достаточно Луи Филиппа. Я полагаю, что будетъ республика и съ нею междоусобная война“ (Іюль 1848 года!). (Письмо гр. Матушевича отъ 3-го (15-го) іюня 1832 года).

При свойственномъ нидерландскому королю упрямствѣ понятно будетъ, что онъ не принялъ никакихъ новыхъ предложеній конференціи и на отрѣзъ отказался очистить Антверпенъ. Такое упрямство вывело англійское и французское правительства изъ терпѣнія, и въ октябрѣ 1832 года была заключена между ними конвенція, въ силу которой обѣ державы рѣшились силою оружія заставить Голландію принять постановленія ноябрьскаго трактата и очистить Антверпенъ. И дѣйствительно, голландскіе берега были объявлены въ блокадѣ, на голландскія суда въ англійскихъ и французскихъ водахъ было наложено эмбарго, и многія голландскія суда подверглись захвату въ открытомъ морѣ.

По полученіи русскими членами Лондонской конференціи извѣстія объ англо-французской конвенціи, они немедленно объявили, что въ виду принятія мѣръ принужденія противъ Голландіи, они должны отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ конференціи. Они вышли изъ зала засѣданій конференціи.

Надо замѣтить, что король Бельгійцевъ также оказался менѣе уступчивымъ, чѣмъ ожидали. Онъ также отказался принять послѣднія, іюльскія, предложенія конференціи. Въ двухъ

tures faites par la conférence en juillet. Il cherche à justifier cette manière d'agir dans deux lettres, adressées à l'Empereur Nicolas I et au prince de Lieven, en date du 10 juin 1832. Il prie l'Empereur d'établir avec lui des relations diplomatiques régulières, en nommant un ministre de Russie à la Cour de Bruxelles et annonce son intention de nommer le général comte van der Burgh à un poste analogue à St.-Pétersbourg. Dans sa lettre au prince de Lieven, le roi Léopold s'applique à démontrer qu'il est arrivé jusqu'aux dernières limites des concessions à faire à la Hollande „Je suis loin, écrivait le roi, „de désirer quoi que ce soit de ruineux pour la Hollande ou qui peut blesser son honneur national. Jusqu'à présent je ne vois pas que la Hollande, comme telle, ait à se plaindre: elle nous enlève des territoires qui ne lui appartenaient point en 1790, et elle nous impose sa dette".

Le prince de Lieven risquait d'indisposer l'Empereur en se chargeant de la transmission de la lettre du roi des Belges. Il croyait pouvoir se justifier par la possibilité qui se présentait ainsi pour lui d'insister encore une fois dans sa réponse au roi sur la nécessité de faire des concessions à la Hollande.

Toutefois ce bon conseil resta sans effet sur le roi, car l'Empereur Nicolas I refusa catégoriquement d'établir avec lui des relations diplomatiques régulières aussi longtemps qu'un accord entre la Belgique et la Hollande ne fut conclu et que les émigrés du royaume de Pologne feraient partie de l'armée belge. (Rapport du prince de Lieven du 15 (27) juillet 1832).

En général, l'Empereur Nicolas I cherchait à rester conséquent dans sa politique jusqu'à la dernière possibilité. En vue des résultats de la mission du comte Orlow, il dut se convaincre de la nécessité d'exprimer son mécontentement au roi de Hollande. Mais il ne voulait pas aller au delà d'une simple desapprobation, qui s'est manifestée dans le domaine des faits par la ratification du traité de novembre. Aussi ne put il que sourire à la proposition de lord Durham d'agir en commun avec l'Angleterre par des mesures de coërcition contre la Hollande. L'ambassadeur britannique l'assurait que le gouvernement anglais donnerait toujours la préférence à la flotte et à l'armée russe sur celle de la France pour une guerre avec la Hollande. On comprend qu'une pareille combinaison ne pouvait

письмахъ отъ 10-го іюня 1832 года къ Императору Николаю I и князю Ливену онъ старается оправдать свой образъ дѣйствія. Русскаго Царя онъ проситъ установить съ нимъ правильныя дипломатическія сношенія и назначить русскаго посланника къ Брюссельскому двору. Съ своей стороны, онъ намѣренъ назначить на постъ бельгійскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ генерала графа фанъ-деръ-Бурга. Въ письмѣ къ князю Ливену король Леопольдъ доказываетъ, что онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ уступокъ Голландіи. „Я далекъ отъ желанія", пишетъ король, „требовать отъ Голландіи чего-либо разорительнаго или оскорбительнаго для ея національной чести. Пока я не вижу, чтобъ Голландія, какъ Голландія, могла бы жаловаться: она отнимаетъ отъ насъ земли, ей непринадлежавшія въ 1790 году, и она заставляетъ насъ платить ея долги".

Князь Ливенъ рисковалъ вызвать неудовольствіе Государя, принимая на себя передачу ему письма Бельгійскаго короля. Но онъ оправдывался возможностью, въ своемъ отвѣтѣ Леопольду I, еще разъ настаивать на необходимости уступокъ съ его стороны въ пользу Голландіи.

Однако, этотъ добрый совѣтъ не произвелъ никакого дѣйствія на бельгійскаго короля, потому что Императоръ Николай I категорически отказался вступить съ нимъ въ правильныя дипломатическія сношенія, пока не состоялось полнаго соглашенія между Бельгіею и Голландіею и пока въ бельгійскихъ войскахъ будутъ служить польскіе выходцы изъ Царства Польскаго. (Донесеніе кн. Ливена отъ 15-го (27-го) іюля 1832 года).

Вообще Императоръ Николай I старался оставаться послѣдовательнымъ въ своей политикѣ до послѣдней возможности. Результатъ миссіи гр. Орлова убѣдилъ его въ необходимости открыто выразить свое неодобреніе голландскому королю. Но дальше такого неодобренія, формальнымъ выраженіемъ котораго явилась ратификація ноябрьскаго трактата, Государь идти не желалъ. Поэтому онъ смѣялся надъ предложеніемъ, сдѣланнымъ ему лордомъ Дюрэмомъ, о томъ, чтобъ вмѣстѣ съ Англіею дѣйствовать принудительными мѣрами противъ Голландіи. Великобританскій посолъ увѣрялъ его, что англійское правительство предпочтетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, русскіе флотъ и войска французскимъ арміи и флоту для борьбы противъ Голландіи! Понятно, что

être sérieusement accueillie par l'Empereur de Russie qui, de son côté, proposa à l'ambassadeur de faire remettre Anvers — cette pomme de discorde entre la Belgique et la Hollande — en dépôt aux Anglais. Cette proposition devait convenir au gouvernement anglais, mais elle resta sans application pratique. (Dépêche du comte Nesselrode du 16 (28) juillet 1832).

Lorsque les plénipotentiaires russes refusèrent de participer ultérieurement aux travaux de la conférence, le gouvernement impérial jugea opportun d'expliquer la véritable portée de cette démarche. Si les troupes françaises venaient à occuper la Belgique, la Prusse ne manquerait pas de protester contre une pareille mesure et la Russie ne manquerait pas d'appuyer cette protestation, car le gouvernement impérial considère une invasion de la Belgique par les Français comme un acte d'hostilité dirigé contre lui. Dans une pareille éventualité la Russie soutiendrait la Prusse non pas avec un corps d'armée, mais avec toutes ses forces militaires. Si, par contre, les Hollandais prenaient l'initiative d'une attaque contre les Belges, la Russie ne contesterait pas à l'Angleterre et à la France le droit de sauvegarder la neutralité de la Belgique. Mais si la flotte anglaise venait à incendier Rotterdam ou l'armée française se mettait à devaster la Hollande, elles ne sauraient le faire au nom de la Russie pour la défense de la neutralité belge. Le consentement de la Russie à des actes de cette nature serait „une monstruosité politique“ et incompatible avec sa dignité.

En se retirant de la conférence, l'Empereur ne songeait nullement à créer des difficultés au gouvernement anglais; il voulait seulement observer „un silence complet“ à l'égard des Pays-Bas et ne point sanctionner les mesures militaires dirigées contre ce pays. La partialité notoire de l'Angleterre et de la France à l'endroit de la Belgique ne souffrait aucun doute aux yeux du gouvernement russe. (Dépêche et lettre du comte Nesselrode au prince de Lieven du 1 (13) octobre et du 20 octobre (1 novembre) 1832.)

On ne saurait ne pas reconnaître dans ces explications, données par le gouvernement impérial au sujet de l'abandon de la conférence, le désir d'attenuer la gravité de cette décision, annoncée d'avance depuis longtemps. L'Empereur Nicolas I n'ignorait pas que cette démarche avait fortement impressionné l'opinion publique en Angleterre et créé de nouvelles difficultés au

такое предложеніе могло вызвать только улыбку на устахъ русскаго Императора, который, съ своей стороны, сдѣлалъ англійскому послу предложеніе, чтобъ Голландцы передали городъ Антверпенъ — яблоко раздора между Голландіею и Бельгіею — „на храненіе“ Англичанамъ. Это предложеніе должно было понравиться англійскому правительству, но оно не получило практическаго примѣненія. (Депеша гр. Нессельроде отъ 16-го (28-го) іюля 1832 года).

Когда русскіе уполномоченные на Лондонской конференціи отказались отъ дальнѣйшаго участія въ ея трудахъ, Императорское правительство признало нужнымъ объяснить настоящій смыслъ такого шага. Если французскія войска займутъ Бельгію, то Пруссія будетъ протестовать противъ такой мѣры, и Россія поддержитъ ея протестъ, ибо Императорское правительство сочтетъ вступленіе Французовъ въ Бельгію за непріязненное дѣйствіе противъ Россіи. Въ такомъ случаѣ Россія поддержитъ Пруссію не отрядомъ какимъ нибудь, но всѣми своими военными силами. Если же, напротивъ, Голландцы нападутъ на Бельгійцевъ, то Россія признаетъ за Англіею и Франціею право охранять неприкосновенность нейтралитета Бельгіи. Но если англійскій флотъ подожжетъ Роттердамъ, или французская армія начнетъ опустошать Голландію, то ни въ какомъ случаѣ они не могутъ это дѣлать, въ защиту нейтральной Бельгіи, именемъ Россіи. Согласіе Россіи на подобнаго рода дѣйствія было бы „политическимъ уродствомъ“ и не соотвѣтствовало бы ея достоинству.

Государь не желалъ, выходя изъ Лондонской конференціи, создать англійскому правительству какія-либо новыя затрудненія: онъ желалъ только соблюсти въ отношеніи Нидерландовъ „полное молчаніе“ и не одобрять принятыхъ противъ нихъ вооруженныхъ дѣйствій. Полное пристрастіе Англіи и Франціи къ Бельгіи не подлежало никакому сомнѣнію въ глазахъ русскаго правительства. (Депеша и письмо графа Нессельроде къ князю Ливену отъ 1 (13) октября и 20 октября (1 ноября) 1832 года).

Нельзя не видѣть въ этихъ объясненіяхъ Императорскаго правительства его выхода изъ Лондонской конференціи желанія смягчить значеніе этого давно впередъ объявленнаго рѣшенія. Императоръ Николай зналъ, что выходъ Россіи изъ конференціи произвелъ сильное впечатлѣніе на англійское общественное мнѣніе и вызвалъ новыя затрудненія для англій-

ministère. Même la prise d'Anvers par la flotte anglaise ne provoqua qu'une joie passagère au sein de la nation dont les interêts étaient compromis par le blocus des ports hollandais.

On savait en outre à St.-Pétersbourg que le roi Guillaume IV lui-même n'approuvait pas cette politique du ministère hostile à la Hollande. En attendant, les nouvelles reçues d'Angleterre au sujet de l'attentat à la vie du roi aux courses d'Ascott et de l'extrême effervescence au sein de la nation, faisaient croire au gouvernement russe que l'Angleterre elle-même était au bord d'un précipice.

Voici ce que le comte Nesselrode écrivait au prince de Lieven à la date du 26 mai (7 juin) 1832: „Les dernières nouvelles de Londres, vos dépêches, et tout ce que les gazettes impriment, ont causé à l'Empereur les plus sérieuses inquiétudes sur l'état de l'Angleterre. Il y voit la révolution au moment d'éclater, et le roi exposé à subir le sort du malheureux Charles X. Dans ce cas, l'intention de Sa Majesté est que vous vous rendiez auprès du roi, que vous vous cramponniez pour ainsi dire à sa personne, et ne la quittiez pas, jusqu'à nouvel ordre. Vous, qui avez entendu, dans le temps, le reproche fait à Pozzo, vous ne serez pas surpris de recevoir cette instruction, que je vous prie de regarder comme aussi positive que si elle était insérée dans ma dépêche officielle. Demandons à Dieu que vous ne soyez jamais dans le cas d'en faire usage.“

Heureusement le roi Guillaume IV mourut sur le trône d'Angleterre; le prince de Lieven ne fut pas dans le cas de se cramponner à sa personne, et aucune révolution n'éclata en Angleterre.

Ces instructions adressées au prince de Lieven n'attestent pas moins que l'Empereur Nicolas I faisait une distinction entre le roi et ses ministres. Il savait que le roi n'approuvait nullement ses ministres dans la question belge, et qu'au contraire il la blâmait ouvertement. Il était convaincu que le roi ne pouvait que blâmer les attaques violentes dirigées par le parlement anglais contre la personne et la politique du Tzar. C'est particulièrement la politique russe dans le Royaume de Pologne qui provoquait des sorties dont l'Empereur était indigné au plus haut degré. Le prince de Lieven était chargé de prévenir le gouvernement anglais, que ces accusations et ces calomnies incessantes pourraient facilement soulever au sein de la na-

скаго министерства. Даже извѣстіе о взятіи Антверпена англійскимъ флотомъ произвело только мимолетную радость среди англійскаго народа, интересы котораго были нарушены блокадою голландскихъ портовъ.

Кромѣ того, въ С.-Петербургѣ было извѣстно, что самъ англійскій король Вильгельмъ IV совсѣмъ не одобряетъ непріязненную политику его министровъ противъ Голландіи. Между тѣмъ, полученныя изъ Англіи извѣстія о покушеніи на жизнь короля на скачкахъ въ Аскотѣ и о постоянномъ броженіи въ англійскомъ народѣ заставили русское правительство думать, что сама Англія на краю пропасти.

Вотъ что писалъ графъ Нессельроде князю Ливену отъ 26-го мая (7-го іюня) 1832 года: „Послѣднія извѣстія изъ Лондона, ваши донесенія, и все, что печатается въ газетахъ, вызвали въ Государѣ самыя серьезныя опасенія насчетъ состоянія Англіи. Онъ видитъ, что революція можетъ тамъ произойти во всякое время, и королю угрожаетъ судьба несчастнаго Карла X. Въ такомъ случаѣ Его Величеству благоугодно, чтобъ вы находились при королѣ и такъ сказать уцѣпились за его особу и не покидали его до новаго распоряженія. Вы были въ свое время свидѣтелемъ упрека, сдѣланнаго Поццо, и потому вы не будете удивлены, получивъ это наставленіе, которое я васъ прошу считать настолько же положительнымъ, какъ еслибъ оно было внесено въ оффиціальную депешу. Будемъ молить Бога, чтобъ вамъ никогда не пришлось исполнить его“.

Къ счастію, король Вильгельмъ IV скончался на англійскомъ престолѣ; князю Ливену не пришлось уцѣпиться за его августѣйшую особу, и никакой революціи не случилось въ Англіи.

Только данная князю Ливену инструкція доказываетъ, что Императоръ Николай I дѣлалъ различіе между особою англійскаго короля и его министрами. Онъ зналъ, что король, совершенно не одобрялъ политики своихъ министровъ въ бельгійско-голландскомъ вопросѣ и, напротивъ, открыто ее порицалъ. Онъ былъ убѣжденъ также, что король не могъ не порицать тѣхъ возмутительныхъ нападокъ, которымъ подвергались въ англійскомъ парламентѣ личность и политика русскаго Царя. Въ особенности политика Государя въ отношеніи Царства Польскаго вызывала такія нападенія, которыми Государь возмущался до глубины души. Князю Ливену было поручено предупредить англійское правительство, что взводимыя на Государя обви-

tion russe un mouvement spontané d'indignation, „car le souverain en Russie est identifié avec la nation.“ Si les discours „des démagogues forcénés“ à la Chambre des Communes parvenaient à la connaissance du peuple russe, il se laisserait entraîner par un élan d'indignation que rien ne saurait contenir. (Dépêche du comte Nesselrode du 6 (18) juillet 1832).

Ce n'étaient pas seulement les discours et les calomnies des membres radicaux de la Chambre des Communes qui irritaient l'Empereur Nicolas I. Il était révolté de voir que les ministres, loin de les arrêter dans cette voie, semblaient les y encourager en rendant plus haineux leurs propres discours. Ceux de lord Palmerston qui attaquait ouvertement la politique russe fesaient particulièrement l'objet de son mécontentement.

„Si Sa Majesté,“ écrivait le Vice-Chancelier au prince de Lieven le 25 janvier 1833, „ne consultait que le sentiment de mépris que lui inspirent des accusations qui ne sauraient l'atteindre, elle opposerait à la violence du Ministère anglais un silence absolu. Mais Palmerston pourra facilement se laisser aller à croire que la véhémence de son langage nous intimide et que la vérité de ses reproches nous confond“. Pour désabuser entièrement lord Palmerston à ce sujet, le prince de Lieven était chargé de lui donner connaissance de la dépêche réfutant, point par point, toutes les accusations portées contre le gouvernement impérial.

„Le système politique de la Russie“, disait le comte Nesselrode dans cette remarquable dépêche de janvier, „contre lequel le Ministère anglais s'élève et s'irrite aujourd'hui, ne date pas d'hier“.

„La Grande Bretagne, notre ancienne amie et alliée, a trop longtemps partagé avec nous les mêmes opinions pour ne pas les connaître à fond. Nous voulons toujours, ainsi que nous l'avons constamment voulu, le maintien de l'ordre, le respect des traités, l'inviolabilité de l'indépendance et de la sécurité intérieure des Etats, en un mot la conservation de la paix européenne. Nous voulons le but, nous voulons aussi franchement les moyens.“

„Nous ne pensons pas, que l'esprit révolutionnaire, lorsqu'il domine, rende les Etats plus prospères, les traités plus durables, la paix plus solide. Le principe fondamental de notre poli-

ненія и клеветы могутъ вызвать взрывъ негодованія въ русскомъ народѣ, „ибо въ Россіи Государь и народъ составляютъ единое нераздѣльное“. Еслибъ русскому народу сдѣлались извѣстны рѣчи „свирѣпыхъ демагоговъ“ Палаты Общинъ, то онъ возгорѣлся бы такимъ негодованіемъ, котораго ничто не остановитъ. (Депеша графа Нессельроде отъ 6-го (18) іюля 1832 года).

Но Императоръ Николай I не только возмущался рѣчами и клеветами противъ него „членовъ-демагоговъ“ Палаты Общинъ. Онъ былъ еще болѣе возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что англійскіе министры не только не останавливали членовъ парламента, нападавшихъ на него, но даже, въ своихъ рѣчахъ, еще подбавляли яду. Въ особенности его возмущали рѣчи лорда Пальмерстона, который публично нападалъ на русскую политику.

„Еслибъ Его Величество“, писалъ Вице-Канцлеръ князю Ливену 25-го января 1833 года, „руководился только чувствомъ презрѣнія, которое ему внушаютъ обвиненія, немогущія подняться до него, онъ отвѣтилъ бы полнымъ молчаніемъ на нападки англійскихъ министровъ. Но Пальмерстонъ легко можетъ себѣ вообразить, что грубость его рѣчей наводитъ на насъ страхъ и что основательность его упрековъ насъ смущаетъ“. Для того, чтобъ лордъ Пальмерстонъ не предавался такому заблужденію, князю Ливену было поручено прочесть ему депешу, въ которой заключалось подробное опроверженіе всѣхъ взводимыхъ на Императорское правительство обвиненій.

„Политическая система Россіи“, говорится въ замѣчательной январьской депешѣ графа Нессельроде, „противъ которой англійское министерство въ настоящее время возстаетъ и которую оно осуждаетъ, существуетъ не со вчерашняго дня“.

„Великобританія, нашъ старый другъ и союзница, слишкомъ долго раздѣляла съ нами тѣ же самые взгляды, чтобъ не знать ихъ основательнымъ образомъ... Мы продолжаемъ хотѣть, какъ и всегда хотѣли, поддержанія порядка, уваженія трактатовъ, неприкосновенности независимости и внутренней безопасности государствъ, словомъ — сохраненія европейскаго мира. Мы желаемъ этой цѣли и мы откровенно желаемъ также соотвѣтственныхъ ей средствъ“.

„Мы не думаемъ, чтобъ революціонный духъ, гдѣ онъ господствуетъ, сдѣлалъ бы народы болѣе счастливыми, трактаты болѣе крѣпкими и миръ болѣе устойчивымъ. Вотъ

tique nous porte donc à mettre tous nos soins à conserver le pouvoir, partout où il existe, à le fortifier là où il faiblit, enfin à le protéger là où il est ouvertement attaqué.“

Le gouvernement impérial n'a jamais cessé de s'inspirer de ces principes dans les affaires de Belgique, d'Allemagne et dans toutes les autres questions poitiques du jour. En attendant, le Cabinet de Londres, tout en connaissant ces principes de la politique russe, ne se fait pas faute de les attaquer ouvertement et de prêter notoirement son appui et son patronage aux ennemis de la Russie. Les vaisseaux anglais fournissaient des armes et des munitions de guerre aux insurgés polonais, et des émigrés polonais comme le comte Plater prêchaient librement la guerre contre la Russie dans les centres manufacturiers en Angleterre qu'ils parcouraient dans ce but.

Le prince de Lieven fit la lecture à lord Palmerston de cette profession de foi du gouvernement impérial, sans produire sur lui d'impression profonde. Le noble lord persistait dans la conviction que des circonstances sont intervenues qui ont foncièrement modifié les vues des gouvernements sur les rapports avec leurs sujets, „que partout aujourd'hui les peuples éprouvaient un besoin irrésistible d'améliorations progressives dans leur sort et leurs institutions; que la France et l'Angleterre s'associaient à ce besoin universel; que cette disposition réciproque de leur part et la forme de leur gouvernement leur créaient des intérêts homogènes, d'où résultait pour chacune d'elles plus de facilités à s'entendre et à agir conformément; qu'au contraire, les autres Puissances continentales, soit par opinion, soit par situation étaient moins en harmonie avec le désir des peuples, .. qu'il résultait de cette divergence d'opinions et d'intérêts, une divergence de vue et de marche“. (Dépêche du prince de Lieven du 24 février (8 mars) 1833).

Il était difficile d'énoncer avec plus de franchise ses intimes pensées au sujet du nouveau régime politique de l'Europe que ne le fit lord Palmerston dans les paroles ci-dessus mentionnées. Cette franchise rendit le prince de Lieven complètement perplexe — il ne répondit pas un mot à la harangue du ministre anglais et garda le silence le plus complet. Lord Palmerston s'attendait à quelque objection ou à quelque

почему основной принципъ нашей политики заставляетъ насъ прилагать всѣ старанія для сохраненія власти повсюду, гдѣ она существуетъ, для подкрѣпленія ея тамъ, гдѣ она ослабѣваетъ и, наконецъ, для спасенія ея тамъ, гдѣ она открыто подвергается нападенію“.

Вотъ этими самыми началами всегда руководствовалось Императорское правительство въ бельгійскомъ, германскомъ и другихъ текущихъ политическихъ вопросахъ. Между тѣмъ Лондонскій кабинетъ, зная эти начала, рѣшается открыто нападать на нихъ и оказывать явную помощь и покровительство врагамъ Россіи. Англійскія суда подвозили возставшимъ полякамъ оружіе и военные снаряды, и польскіе выходцы, какъ графъ Платеръ, свободно пропагандируютъ войну противъ Россіи въ англійскихъ мануфактурныхъ центрахъ, которые они объѣзжаютъ съ этою цѣлью.

Князь Ливенъ прочелъ эту „profession de foi“ Императорскаго правительства лорду Пальмерстону, но не произвелъ на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Благородный лордъ остался при убѣжденіи, что наступили обстоятельства, которыя кореннымъ образомъ измѣнили взгляды правительствъ на свои отношенія къ подданнымъ, что „теперь повсюду народы чувствуютъ непреодолимую потребность въ прогрессивномъ улучшеніи своей участи и своихъ учрежденій, что Франція и Англія сознаютъ эту всеобщую потребность; что такое общее ихъ расположеніе и государственные ихъ порядки создаютъ для нихъ однородные интересы, и отсюда является для каждой изъ нихъ больше удобствъ для взаимнаго пониманія и соотвѣтственнаго дѣйствія; что, напротивъ, другія континентальныя державы, отчасти по убѣжденію, отчасти по своему положенію, менѣе сообразуются съ желаніями народовъ... и что такое различіе въ убѣжденіяхъ и интересахъ должно приводить къ различію во взглядахъ и дѣйствіяхъ“. (Донесеніе князя Ливена отъ 24 февраля (8 марта) 1833 г.)

Трудно было болѣе откровенно высказать свои тайныя мысли насчетъ новаго политическаго положенія Европы, чѣмъ это сдѣлалъ въ только-что приведенныхъ словахъ лордъ Пальмерстонъ. Эта откровенность совершенно озадачила князя Ливена, который, въ отвѣтъ на длинную рѣчь англійскаго министра, сохранилъ „глубочайшее молчаніе“. Лордъ Пальмерстонъ ожидалъ какого нибудь возраженія

observation de sa part. Mais comme le prince de Lieven persistait à garder ce silence éloquent, le noble lord fit un bond vers sa table à écrire et saisit quelques vieilles dépêches pour lui en donner lecture.

Cette franchise imprévue de lord Palmerston confirma définitivement l'ambassadeur de Russie dans sa conviction, que la France et l'Angleterre tendent à la dissolution de la triple alliance entre la Russie, l'Autriche et la Prusse, dans le but „d'élever contre tous les trônes légitimes une autorité nouvelle et anarchique". En attendant le prince de Lieven considérait cette alliance comme un „palladium du salut commun et un obstacle insurmontable à leur ambition révolutionnaire" (celle de la France et de l'Angleterre). (Dépêche du prince de Lieven du 17 (29) janvier 1833).

Ces épanchements de lord Palmerston nous expliquent son attitude dans le conflit entre la Belgique et la Hollande et, en général, dans toutes les questions politiques de cette époque. Ils servent également à expliquer la politique anglaise dans la *question grecque* à laquelle nous allons revenir.

A la signature du protocole du 3 février 1830, établissant les bases du futur royaume de Grèce, les membres de la conférence de Londres se félicitaient d'en être arrivés à la solution de cette malheureuse question hellénique (voir t. XI, page 423 et s.).

Mais l'évènement a prouvé bientôt que ces félicitations des diplomates, membres de la conférence étaient prématurées. Après de longues recherches d'un candidat qui pût convenir pour le trône de Grèce, les grandes Puissances s'accordèrent à accepter le prince Léopold de Saxe-Cobourg. Mais il refusa d'en prendre possession aussitôt que s'offrit à lui la possibilité de monter sur celui de Belgique, créé par la révolution de juillet.

Les grandes Puissances se trouvèrent ainsi dans la nécessité de se livrer à de nouvelles recherches pour trouver un roi à la Grèce. Après un échange d'idées laborieux et un examen scrupuleux de la valeur de tous les candidats proposés, le choix s'arrêta sur le prince Othon de Bavière, second fils du souverain régnant. Le prince Othon fut proclamé roi de Grèce.

или замѣчанія. Но когда князь Ливенъ продолжалъ соблюдать свое краснорѣчивое молчаніе, благородный лордъ вскочилъ, побѣжалъ къ своему письменному столу и взялъ какія-то старыя депеши, которыя вручилъ послу для прочтенія.

Эта неожиданная откровенность лорда Пальмерстона окончательно утвердила русскаго посла въ его уже сложившемся убѣжденіи, что Франція и Англія стремятся къ разрыву тройственнаго союза между Россіею, Австріею и Пруссіею, съ цѣлью „возвысить противъ всѣхъ законныхъ престоловъ новую анархическую власть". Между тѣмъ въ тройственномъ союзѣ усматривалъ князь Ливенъ „палладіумъ общаго спасенія и несокрушимую плотину противъ ихъ (Франціи и Англіи) революціоннаго тщеславія". (Донесеніе князя Ливена отъ 17 (29) января 1833 года).

Откровенность лорда Пальмерстона объясняетъ намъ его политику въ бельгійско-голландскомъ дѣлѣ и вообще во всѣхъ политическихъ вопросахъ тогдашняго времени. Ею же объясняется англійская политика въ *Греческомъ вопросѣ*, къ которому мы теперь возвращаемся.

Когда члены Лондонской конференціи подписали протоколъ отъ 3-го февраля 1830 года, которымъ опредѣлялись основы будущаго Греческаго королевства, они поздравляли другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ злополучнаго греческаго вопроса (см. т. XI, стр. 423 и слѣд.).

Но весьма скоро оказалось, что эти взаимныя поздравленія дипломатовъ-членовъ Лондонской конференціи были очень преждевременны. Послѣ долгихъ поисковъ за подходящимъ кандидатомъ на греческій престолъ, принцъ саксенъ-кобургскій Леопольдъ былъ принятъ всѣми великими державами. Но этотъ кандидатъ на греческій престолъ отказался отъ него, когда явилась возможность для него вступить на созданный іюльскою революціею бельгійскій тронъ.

Тогда великія державы должны были заняться новыми поисками за будущимъ греческимъ королемъ. Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей и основательнаго разбора достоинства всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ, выборъ остановился на баварскомъ принцѣ Оттонѣ, второмъ сынѣ царствующаго въ Баваріи короля. Протоколомъ Лондонской конференціи отъ 2 (14) февраля 1832 года принцъ Оттонъ былъ провозглашенъ греческимъ королемъ.

Toutefois ce fait ne constituait pas en luimême une solution définitive de la question hellénique, soulevée par l'insurrection de 1821. Il surgissait sans cesse de nouvelles complications qui devaient être réglées avant l'avénement au trône du premier roi de Grèce. La question de religion du nouveau roi présentait de grandes difficultés. Son père ne consentait pas à son passage à l'orthodoxie, mais n'élevait pas d'objections à ce que les enfants de son fils fussent baptisés d'après le rite de l'église d'Orient.

Quant aux Puissances de l'Europe occidentale, les unes traitaient cette question avec indifférence, les autres soutenaient la décision du roi de Bavière.

Seul l'Empereur Nicolas I exigeait catégoriquement que le prince de Bavière passât à l'orthodoxie avant son avénement au trône. L'Empereur fit de sa propre main l'annotation suivante sur le rapport du prince de Lieven et du comte Matuszevic du 5 (17) avril 1832: „Je ne puis nullement consentir à l'élévation du prince Othon sans l'engagement formel d'embrasser aussitôt la religion grecque". L'Angleterre et la France consentirent à cette décision, et le roi de Bavière finit également par l'accepter.

Une autre difficulté consistait dans la garantie à donner par les trois Puissances protectrices à l'emprunt de 60 millions de fr. que la Grèce était appelée à contracter. Le gouvernement anglais s'opposait tout particulièrement à une combinaison de cette nature — il finit par y consentir à la condition que chacune des trois Puissances n'engageât sa responsabilité que pour une somme de 20 millions.

Le roi de Bavière réclama de son côté, au nom du futur souverain de la Grèce, une extension de frontières au détriment de la Porte. Les trois Puissances refusèrent catégoriquement de donner suite à cette réclamation.

Enfin les trois Puissances protectrices refusèrent également, à l'unisson, de prendre en considération le voeu exprimé par la nation grecque quant à l'établissement d'un régime constitutionnel, jugeant avec raison qu'elle n'était nullement préparée à ce mode de gouvernement.

C'est en mai 1832 que fut enfin signée à Londres la convention pour les affaires de Grèce, qui constatait l'accord intervenu entre les trois grandes Puissances et la Bavière (№ 440). Il est à remarquer que la convention fut effectivement

Но этимъ актомъ еще не былъ разрѣшенъ весь Греческій вопросъ, поставленный на очередь возстаніемъ 1821 года. Постоянно возникали новыя затрудненія, требовавшія разрѣшенія до вступленія перваго греческаго короля на престолъ. Весьма труденъ былъ вопросъ о вѣроисповѣданіи новаго короля. Отецъ ни за что не соглашался, чтобъ сынъ его перешелъ въ лоно православной церкви, но онъ не возражалъ противъ крещенія будущихъ дѣтей своего сына по обрядамъ этой церкви.

Западныя европейскія державы отнеслись къ этому вопросу или равнодушно, или поддерживали рѣшеніе баварскаго короля.

Только Императоръ Николай I категорически требовалъ, чтобъ баварскій принцъ, до вступленія на престолъ, перешелъ въ православную вѣру. На донесеніи князя Ливена и гр. Матушевича отъ 5 (17) апрѣля 1832 г., Государь собственноручно надписалъ „Я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться на возведеніе принца Оттона на престолъ безъ формальнаго обязательства немедленно принять православную вѣру". Съ этимъ рѣшеніемъ согласились также Англія и Франція и, наконецъ, самъ король баварскій.

Другое затрудненіе заключалось въ гарантіи тремя покровительствующими державами займа въ 60 милліоновъ франковъ, который Греція должна была заключить. Въ особенности англійское правительство отказывалось дать такую гарантію. Наконецъ оно уступило подъ условіемъ, чтобъ каждая изъ трехъ державъ поручилась только за 20 милліоновъ франковъ.

Далѣе, баварскій король, отъ имени будущаго греческаго короля, потребовалъ измѣненія границъ греческаго королевства, въ смыслѣ ихъ расширенія насчетъ Турціи. Всѣ три державы категорически отказали въ уваженіи этого требованія.

Наконецъ, всѣ три державы-покровительницы единодушно отвергли требованіе греческаго народа устроить у него конституціонный порядокъ правленія, справедливо находя греческій народъ совершенно не подготовленнымъ для жизни подъ сложнымъ конституціоннымъ режимомъ.

Наконецъ, въ маѣ 1832 года, была подписана въ Лондонѣ конвенція по греческимъ дѣламъ, которою констатируется состоявшееся между тремя великими державами и Баваріею соглашеніе (№ 440). Нужно замѣтить, что конвен-

signée non pas le 7 (19), mais le 13 (25) 1832. Mais lord Palmerston a demandé de rapporter cette date au 7 mai qui précédait une défaite sensible subie par le ministère au parlement.

On a tenu compte de ce désir.

En ce qui concerne le № 441 ci-dessous, c'est un acte qui se borne à établir l'ordre de succession pour le royaume de Grèce.

ція была въ дѣйствительности подписана не 7 (19), но 13 (25) мая 1832 года. Но лордъ Пальмерстонъ просилъ отнести день заключенія на 7 мая, чтобы считать его состоявшимся до нанесенія министерству въ парламентѣ чувствительнаго пораженія.

Это желаніе было уважено.

Что касается нижеслѣдующаго № 441, то этимъ актомъ только устанавливаются подробности порядка престолонаслѣдія въ греческомъ королевствѣ.

№ 440.

Les Cours de Russie, de France et de la Grande-Bretagne, exerçant le pouvoir qui Leur a été déféré par la nation Grecque de choisir un Souverain pour la Grèce érigée en Etat indépendant, et voulant donner à ce pays une nouvelle preuve de leurs dispositions bienveillantes par l'élection d'un Prince issu d'une Maison Royale dont l'alliance ne peut qu'être essentiellement utile à la Grèce et qui déjà s'est acquis des titres à son affection et à sa gratitude, ont résolu d'offrir la Couronne du nouvel Etat Grec au Prince Frédéric Othon de Bavière, fils puiné de S. M. le Roi de Bavière.

De son côté, S. M. le Roi de Bavière agissant en qualité de tuteur du dit prince Othon, pendant sa minorité, entrant dans les vues des trois Cours, et appréciant les motifs qui les ont engagées à faire tomber Leur choix sur un prince de sa Maison, s'est décidé à accepter la couronne Grecque pour son fils puiné, le prince Frédéric Othon de Bavière.

En conséquence, et à l'effet de convenir des arrangements, que cette acceptation rend nécessaires, Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, le Roi des Français et le Roi du Roy-

№ 440.

Дворы Россійскій, Французскій и Великобританскій, пользуясь даннымъ имъ отъ Греческаго народа полномочіемъ на избраніе Государя для обращенной въ независимое государство Греціи, и желая дать сей странѣ новое доказательство ихъ благорасположенія выборомъ принца, принадлежащаго къ Королевскому дому, союзъ съ которымъ можетъ быть столь существеннымъ образомъ полезенъ для Греціи и который уже пріобрѣлъ права на ея дружбу и признательность, рѣшили предложить корону новаго греческаго государства младшему сыну Е. В. короля Баварскаго, принцу Фридриху Оттону Баварскому.

Съ своей стороны, Е. В. король Баварскій, дѣйствуя въ качествѣ опекуна надъ сказаннымъ принцемъ Оттономъ во время его малолѣтства, и раздѣляя виды трехъ Дворовъ и оцѣнивая мотивы, побудившіе ихъ остановиться на выборѣ принца изъ его дома, рѣшился принять греческую корону въ пользу своего младшаго сына, принца Фридриха Оттона Баварскаго.

Вслѣдствіе сего, и для опредѣленія требуемыхъ симъ принятіемъ условій, Ихъ Величества: Императоръ Всероссійскій, король Французовъ и король соединеннаго королевства Великобрита-

aume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande d'une part et S. M. le Roi de Bavière de l'autre, ont nommé pour leurs plénipotentiaires savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies le sieur Christophe prince de Lieven, général d'infanterie de ses armées, son aide de camp général, ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, chevalier des ordres de Russie etc.

et le sieur Adam, comte Matuszewić, Conseiller privé de Sa dite Majesté, chevalier de l'ordre de St. Anne de la I classe, etc.

S. M. le Roi des Français, le sieur Charles Maurice de Talleyrand Périgord, prince-duc de Talleyrand, pair de France, ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de Sa dite Majesté près S. M. Britannique, grand' croix de la légion d'honneur, etc.

S. M. le Roi du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, le très honorable Henri Jean, vicomte Palmerston, baron Temple, pair d'Irlande, conseiller de Sa Majesté Britannique en son conseil privé, membre du Parlement et son principal Secrétaire d'Etat, ayant le Département des affaires étrangères;

Et S. M. le Roi de Bavière le sieur Auguste, Baron de Cetto, son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique,

lesquels, après avoir échangé leurs pleins-pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et signé les articles qui suivent:

Article I.

Les Cours de Russie, de France et de la Grande-Bretagne, dûement auto-

ніи и Ирландіи, съ одной стороны, и Е. В. король Баварскій, съ другой, назначили своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій князя Христофора Ливена, своего генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютанта, чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Британскомъ, кавалера россійскихъ орденовъ и т. д.

и графа Адама Матушевича, Тайнаго Совѣтника, кавалера орденовъ св. Анны первой степени и т. д.

Е. В. король Французовъ Карла Маврикія Тальерана Перигоръ, князя-герцога Тальерана, пэра Франціи, чрезвычайнаго и полномочнаго посла Его реченнаго Величества при Е. В. Британскомъ, кавалера ордена Почетнаго легіона большаго креста и т. д.

Е. В. король соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи достопочтеннѣйшаго виконта Генриха Ивана Пальмерстона, барона Тэмпль, пэра Ирландіи, совѣтника Е. В. Британскаго въ его Тайномъ Совѣтѣ, члена парламента и его главнаго статсъ-секретаря въ Департаментѣ Иностранныхъ Дѣлъ;

и Е. В. король Баварскій барона Августа Сетто, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ,

которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, постановили и подписали слѣдующія статьи.

Статья I.

Дворы Россійскій, Французскій и Великобританскій, надлежаще уполномо-

risées à cet acte par la nation grecque, offrent la souveraineté héréditaire de la Grèce au prince Frédéric Othon de Bavière, fils puiné de Sa Majesté le Roi de Bavière.

Article II.

S. M. le Roi de Bavière, agissant au nom de son dit fils, encore mineur, accepte pour lui la souveraineté héréditaire de la Grèce aux conditions déterminées ci-dessous.

Article III.

Le prince Othon de Bavière portera le titre de Roi de la Grèce.

Article IV.

La Grèce, sous la souveraineté du prince Othon de Bavière et la garantie des trois Cours, formera un Etat monarchique indépendant ainsi que le porte le protocole, signé entre les dites Cours le 3 février 1830 et accepté, tant par la Grèce que par la Porte Ottomane.

Article V.

Les limites définitives du territoire grec seront telles qu'elles résulteront des négociations que les Cours de Russie, de France et de la Grande-Bretagne viennent d'ouvrir avec la Porte Ottomane en exécution du protocole du 26 septembre 1831.

Article VI.

Les trois Cours s'étant réservé de convertir en Traité définitif le protocole du 3 février 1830, dès que les négociations relatives aux limites de la

ченные къ сему акту Греческимъ народомъ, предлагаютъ наслѣдственную верховную власть въ Греціи младшему сыну Е. В. короля Баварскаго, принцу Фридриху Оттону Баварскому.

Статья II.

Е. В. король Баварскій, дѣйствуя отъ имени еще малолѣтняго реченнаго своего сына, принимаетъ для него наслѣдственную верховную власть въ Греціи на опредѣленныхъ ниже сего условіяхъ.

Статья III.

Принцъ Оттонъ Баварскій будетъ носить титулъ короля Греческаго.

Статья IV.

Греція, подъ верховною властью принца Оттона Баварскаго и гарантіею трехъ Дворовъ, будетъ монархическимъ независимымъ государствомъ, какъ о томъ постановлено въ протоколѣ отъ 3 февраля 1830 г., подписанномъ сказанными Дворами и принятомъ какъ Греціею, такъ и Оттоманскою Портою.

Статья V.

Окончательныя границы греческой территоріи будутъ опредѣлены переговорами, которые начаты Дворами Россійскимъ, Французскимъ и Великобританскимъ съ Оттоманскою Портою, въ исполненіе протокола отъ 26 сентября 1831 года.

Статья VI.

Три Двора, предоставивъ себѣ право обратить протоколъ отъ 3 февраля 1830 г. въ окончательный трактатъ, какъ только будутъ окончены переговоры

Grèce seront terminées et de porter ce traité à la connaissance de tous les Etats avec lesquels elles se trouvent en relations, il est convenu qu'elles rempliront cet engagement et que S. M. le Roi de Grèce deviendra partie contractante au traité dont il s'agit.

Article VII.

Les trois Cours s'employeront dès à présent à faire reconnaître le prince Othon de Bavière en qualité de Roi de la Grèce par tous les Souverains et Etats avec lesquels elles se trouvent en relations.

Article VIII.

La couronne et la dignité royales devant être héréditaires en Grèce passeront aux descendans et héritiers directs et légitimes du prince Othon de Bavière par ordre de primogéniture. Si le prince Othon de Bavière venait à décéder sans postérité directe et légitime, la couronne grecque passera à son frère puiné et à ses descendans et héritiers directs et légitimes par ordre de primogéniture. Si ce dernier venait à décéder également sans postérité directe et légitime, la couronne grecque passera au frère puiné de celui-ci et à ses descendans et héritiers directs et légitimes par ordre de primogéniture.

Dans aucun cas la couronne grecque et la couronne de Bavière ne pourront se trouver réunies sur la même tête.

Article IX.

La majorité du prince Othon de Bavière, en sa qualité de Roi de la Grèce

о греческихъ границахъ, и довести этотъ трактатъ до свѣдѣнія всѣхъ государствъ, съ которыми они находятся въ сношеніяхъ, постановляютъ, что исполнятъ сіе обязательство и что Е. В. Греческій король будетъ договаривающейся стороною въ этомъ трактатѣ.

Статья VII.

Три двора приложатъ нынѣ же стараніе, чтобы принцъ Оттонъ Баварскій былъ признанъ въ качествѣ греческаго короля всѣми государями и государствами, съ которыми они находятся въ сношеніяхъ.

Статья VIII.

Такъ какъ корона и достоинство королевскія въ Греціи должны быть наслѣдственныя, то перейдутъ по нисходящей линіи къ прямымъ и законнымъ наслѣдникамъ принца Оттона Баварскаго въ порядкѣ первородства. Если принцъ Оттонъ Баварскій умретъ безъ прямого и законнаго потомства, то греческая корона перейдетъ къ его младшему брату и къ его нисходящимъ прямымъ и законнымъ наслѣдникамъ въ порядкѣ первородства. Если этотъ послѣдній равнымъ образомъ умретъ безъ прямого и законнаго потомства, то греческая корона перейдетъ къ его младшему брату и къ его нисходящимъ прямымъ и законнымъ наслѣдникамъ въ порядкѣ первородства.

Ни въ какомъ случаѣ корона греческая и корона баварская не могутъ быть соединены на одной главѣ.

Статья IX.

Совершеннолѣтіе принца Оттона Баварскаго въ его званіи греческаго ко-

est fixée à vingt ans révolus, c. à d. au 1er juin 1835.

Article X.

Pendant la minorité du prince Othon de Bavière, Roi de la Grèce, ses droits de souveraineté seront exercés en Grèce dans toute leur plénitude, par une régence composée de trois conseillers qui lui seront adjoints par S. M. le Roi de Bavière.

Article XI.

Le prince Othon de Bavière conservera la pleine jouissance de ses appanages en Bavière. S. M. le Roi de Bavière s'engage en outre à faciliter, autant qu'il sera en son pouvoir, la position du prince Othon en Grèce jusqu'à ce que la dotation de la couronne y soit formée.

Article XII.

En exécution des stipulations du protocole du 26 février 1830, S. M. l'Empereur de toutes les Russies s'engage à garantir, et Leurs Majestés le Roi des Français et le Roi du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande s'engagent à recommander l'un à son parlement, l'autre à ses chambres, de les mettre à même de se charger de garantir aux conditions suivantes un emprunt qui pourra être contracté par le prince Othon de Bavière en sa qualité de Roi de la Grèce.

1. Le principal de l'emprunt à contracter sous la garantie des trois Cours pourra s'élever jusqu'à la concurrence de soixante millions de francs.

роля устанавливается по достиженіи имъ 20 лѣтъ, т. е. 1 іюня 1835 года.

Статья X.

Во время несовершеннолѣтія принца Оттона Баварскаго, короля греческаго, его права верховной власти будутъ осуществляемы въ Греціи, въ полномъ ихъ объемѣ, регентствомъ, состоящимъ изъ трехъ совѣтниковъ, которые будутъ къ нему назначены Е. В. королемъ Баварскимъ.

Статья XI.

Принцъ Оттонъ Баварскій сохранитъ за собою полное пользованіе принадлежащими ему удѣлами въ Баваріи. Е. В. король Баварскій обязуется, сверхъ того, облегчить, насколько это будетъ въ его власти, положеніе принца Оттона въ Греціи, пока не послѣдуетъ въ оной назначенія содержанія коронѣ.

Статья XII.

Въ исполненіе постановленій протокола отъ 26 февраля 1830 года, Е. В. Императоръ Всероссійскій принимаетъ на себя поручительство, а Ихъ Величества король Французовъ и король соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи обязуются предложить: первый своимъ Палатамъ, второй своему Парламенту—предоставить имъ право взять на себя поручительство, на нижеслѣдующихъ условіяхъ, въ займѣ, который можетъ быть заключенъ принцемъ Оттономъ Баварскимъ въ качествѣ греческаго короля.

1. Капитальная сумма заключаемаго подъ поручительствомъ трехъ Дворовъ займа можетъ простираться до 60.000.000 франковъ.

2. Le dit emprunt sera réalisé par séries de vingt millions de francs chacune.

3. Pour le présent, la première série sera seule réalisée et les trois Cours répondront chacune pour un tiers de l'acquittement des intérêts et du fonds d'amortissement annuel de la dite série.

4. La seconde et la troisième série du dit emprunt pourront être réalisées selon les besoins de l'Etat grec à la suite d'un concert préalable entre les trois Cours et S. M. le Roi de la Grèce.

5. Dans le cas où à la suite d'un tel concert la seconde et la troisième séries de l'emprunt mentionné ci-dessus seraient réalisées, les trois Cours répondront chacune pour un tiers de l'acquittement des intérêts et du fonds d'amortissement annuels de ces deux séries, ainsi que de la première.

6. Le souverain de la Grèce et l'Etat grec seront tenus d'affecter, au payement des intérêts et du fonds d'amortissement annuels de celles des séries de l'emprunt qui auraient été réalisées sous la garantie des trois Cours les premiers revenus de l'Etat, de telle sorte que les recettes effectives du trésor grec seront consacrées *avant tout* au payement des dits intérêts et du dit fonds d'amortissement, sans pouvoir être employés à aucun autre usage tant que le service des séries réalisées de l'emprunt, sous la garantie des trois Cours, n'aura pas été complètement assurée pour l'année courante.

Les représentants diplomatiques des trois Cours en Grèce seront spécialement chargés de veiller à l'accomplissement de cette dernière stipulation.

2. Означенный заемъ будетъ реализованъ серіями, по 20.000.000 франковъ каждая.

3. Сначала будетъ выпущена одна только первая серія, и три Двора будутъ отвѣчать каждый въ третьей части ежегодной уплаты процентовъ и фонда погашенія означенной серіи.

4. Вторая и третья серіи упомянутаго займа могутъ быть реализованы по мѣрѣ нужды греческаго государства, по предварительному соглашенію между тремя Дворами и Е. В. Греческимъ королемъ.

5. Если вслѣдствіе такого соглашенія вторая и третья серіи вышеозначеннаго займа будутъ реализованы, то три Двора примутъ на себя отвѣтственность каждый за одну треть уплаты ежегодныхъ процентовъ и погашенія этихъ двухъ серій, какъ и первой серіи.

6. Государь греческій и греческое государство обязываются употребить на уплату ежегодныхъ процентовъ и погашенія тѣхъ серій займа, которыя были реализованы за поручительствомъ трехъ Дворовъ, первые доходы государства, такъ что поступившіе въ греческое казначейство сборы будутъ назначены *прежде всего* на уплату сказанныхъ процентовъ и погашенія, и не могутъ пойти ни на какое другое употребленіе, пока платежи по выпущеннымъ за поручительствомъ трехъ Дворовъ серіямъ займа не будутъ на текущій годъ вполнѣ обезпечены.

Наблюденіе за исполненіемъ этого послѣдняго обязательства возлагается особливо на дипломатическихъ представителей трехъ Дворовъ въ Греціи.

Article XIII.

Dans le cas où les négociations que les trois Cours ont déjà entamées à Constantinople pour le règlement définitif des limites de la Grèce, donnerait lieu à une compensation pécuniaire en faveur de la Porte Ottomane, il est entendu que le montant de cette compensation sera prélevé sur les produits de l'emprunt dont il a été question dans l'article précédent.

Article XIV.

S. M. le Roi de Bavière facilitera au prince Othon les moyens d'enrôler en Bavière, pour le prendre à son service, en qualité de Roi de la Grèce, un corps de troupes qui pourra se monter à 3.500 hommes, qui sera armé, équipé et soldé par l'Etat grec et qui y sera envoyé le plutôt possible, afin de relever les troupes de l'alliance laissées en Grèce jusqu'à présent.

Ces dernières y resteront entièrement à la disposition du gouvernement de S. M. le Roi de la Grèce jusqu'à l'arrivée du corps mentionné ci-dessus. Dès que ce corps se trouvera en Grèce, les troupes de l'alliance, dont il vient d'être parlé, se retireront et évacueront totalement le territoire grec.

Article XV.

S. M. le Roi de Bavière facilitera également au prince Othon les moyens d'obtenir l'assistance d'un certain nombre d'officiers bavarois, lesquels organiseront en Grèce une force militaire nationale.

Статья XIII.

Въ случаѣ еслибъ начатые уже тремя Дворами въ Константинополѣ переговоры объ окончательномъ установленіи греческихъ границъ вызвали требованіе денежнаго вознагражденія въ пользу Оттоманской Порты, то сумма сего вознагражденія будетъ уплачена изъ поступленій по займу, о которомъ сказано въ предыдущей статьѣ.

Статья XIV.

Е. В. король Баварскій облегчитъ принцу Оттону средства для набора въ Баваріи и отправленія на службу къ нему, въ качествѣ греческаго короля, корпуса войскъ, численностью до 3.500 человѣкъ, который будетъ вооруженъ, экипированъ и оплачиваться жалованьемъ на счетъ греческаго государства и будетъ туда посланъ въ наискорѣйшемъ времени, чтобы вывести союзныя войска, остающіяся до нынѣ въ Греціи.

Эти послѣднія останутся тамъ въ полномъ распоряженіи правительства Е. В. Греческаго короля до прибытія вышеупомянутаго корпуса. Какъ только этотъ корпусъ будетъ въ Греціи, союзныя войска, о коихъ сказано, удалятся и оставятъ совершенно греческую территорію.

Статья XV.

Е. В. король Баварскій равнымъ образомъ облегчитъ принцу Оттону средства заручиться содѣйствіемъ извѣстнаго числа баварскихъ офицеровъ для организаціи въ Греціи національной военной силы.

Article XVI.

Aussitôt que faire se pourra, après la signature de la présente Convention, les trois conseillers qui doivent être adjoints à S. A. le prince Othon par S. M. le Roi de Bavière, pour composer la régence de la Grèce, y entreront dans l'exercice du pouvoir de la dite régence et y prépareront toutes les mesures dont sera accompagnée la réception du souverain, lequel de son côté se rendra en Grèce dans le plus bref délai possible.

Article XVII.

Les trois Cours annonceront à la nation grecque, par une déclaration commune, le choix qu'elles ont fait de S. A. Royale le prince Othon de Bavière pour Roi de la Grèce et prêteront à la régence tout l'appui qui pourra dépendre d'elles.

Article XVIII.

La présente Convention sera ratifiée et les ratifications en seront échangées à Londres dans six semaines ou plutôt, si faire se peut.

En foi de quoi etc.
Fait à Londres, le 7 Mai 1832.

(L. S.) Lieven. (L. S.) B. de Cetto.
(L. S.) Matuszewic.
(L. S.) Talleyrand.
(L. S.) Palmerston.

Статья XVI.

Какъ только окажется возможнымъ, тотчасъ же по подписанiи настоящей конвенцiи, три совѣтника, которые должны быть назначены къ Е. В. принцу Оттону Е. В. королемъ Баварскимъ, чтобы составить регентство Грецiи, приступятъ тамъ къ отправленiю правъ сказаннаго регентства и подготовятъ всѣ мѣры, коими будетъ сопровождаться прiемъ Государя, который, съ своей стороны, прибудетъ въ Грецiю въ возможно кратчайшiй срокъ.

Статья XVII.

Три двора возвѣстятъ греческому народу общею декларацiею о сдѣланномъ ими выборѣ Его Королевскаго Высочества принца Оттона Баварскаго въ греческiе короли и окажутъ всякую зависящую отъ нихъ помощь регентству.

Статья XVIII.

Настоящая конвенцiя будетъ ратификована и ратификацiи оной будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ теченiе шести недѣлей или и скорѣе, если представится возможность.

Въ увѣренiе сего и т. д.
Въ Лондонѣ, 7 мая 1832 года.

(М. П.) Ливенъ. (М. П.) Баронъ де-Сетто.
(М. П.) Матушевичъ.
(М. П.) Тальеранъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.

№ 441.

Les Cours de Russie, de Bavière, de France et de la Grande Bretagne, reconnaissant l'utilité de mieux préciser le sens, et de compléter les dispositions de l'article VIII de la Convention signée entre les dites Cours à Londres, le 7 Mai 1832, sont convenues de ce qui suit:

Article unique.

La succession à la couronne et à la dignité royales en Grèce, dans la branche du prince Othon de Bavière, Roi de la Grèce, comme dans les branches de ses frères puinés, les princes Luitpold et Adalbert de Bavière, lesquelles ont été éventuellement substituées à la branche du dit prince Othon de Bavière, par l'article VIII de la Convention de Londres du 7 Mai 1832, aura lieu *de mâle en mâle*, par ordre de primogéniture.

Les femmes ne seront habiles à succéder à la couronne grecque, que dans le cas de l'extinction totale des héritiers légitimes mâles dans toutes les trois branches de la Maison de Bavière ci-dessus désignées: et il est entendu que dans ce cas, la couronne et la dignité royale en Grèce, passeront à la princesse ou aux descendans légitimes de la princesse qui, dans l'ordre de la succession, se trouvera être la plus rapprochée du dernier Roi de la Grèce.

Si la couronne grecque vient à passer sur la tête d'une femme, les descendans légitimes mâles de celle-ci, obtiendront à leur tour, la préférence sur les femmes, et monteront sur le trône de la

№ 441.

Дворы Россійскій, Баварскій, Французскій и Великобританскій, признавая полезнымъ болѣе точное изложеніе смысла и дополненіе постановленій статьи VIII конвенціи, подписанной сказанными Дворами въ Лондонѣ, 7 мая, 1832 года, согласились о нижеслѣдующемъ.

Статья единственная.

Наслѣдіе короны и достоинства королевскихъ въ Греціи, въ линіи принца Оттона Баварскаго, короля Греческаго, равно какъ и въ линіяхъ его младшихъ братьевъ, принцевъ Луитпольда и Адальберта Баварскихъ, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ заступаютъ линію принца Оттона Баварскаго, на основаніи статьи VIII Лондонской конвенціи 7 мая 1832 года, — будетъ переходить *отъ лица мужескаго пола къ лицу мужескаго пола*, въ порядкѣ первородства.

Лица женскаго пола будутъ допущены къ наслѣдованію греческой короны только въ случаѣ полнаго пресѣченія законныхъ наслѣдниковъ мужескаго пола во всѣхъ трехъ вышеозначенныхъ линіяхъ Баварскаго дома, причемъ разумѣется, что въ семъ случаѣ корона и достоинство королевскія въ Греціи перейдутъ къ принцессѣ или къ нисходящему законному потомству принцессы, которая, въ порядкѣ наслѣдованія, будетъ ближайшею къ послѣднему греческому королю.

Если греческая корона перейдетъ къ лицу женскаго пола, то законные мужескаго пола потомки ея получатъ, въ свою очередь, преимущество передъ лицами женскаго пола и будутъ наслѣ-

Grèce par ordre de primogéniture. Dans aucun cas, la couronne grecque ne pourra être réunie sur la même tête avec la couronne d'un pays étranger.

Le présent article explicatif et complémentaire aura la même force et valeur, que s'il se trouvait inséré mot pour mot dans la Convention du 7 Mai 1832. Il sera ratifié, et les ratifications en seront échangées le plutôt que faire se pourra.

En foi de quoi etc.

Fait à Londres, le 30 avril 1833.

(L. S.) Lieven. (L. S.) A. de Cetto.
(L. S.) Talleyrand.
(L. S.) Palmerston.

№ 442.

1839, 7 (19) avril. Traité de Londres, conclu entre la Russie, la Grande-Bretagne, l'Autriche, la Belgique, la France et la Prusse, au sujet de la délimitation de la Hollande et du Royaume des Belges.

Tandis que se poursuivaient les pourparlers diplomatiques ci-dessus exposées au sujet des affaires de Grèce et de Belgique, l'attention des grandes Puissances de l'Europe était particulièrement absorbée par les évènements qui eurent l'Empire Ottoman comme théatre d'action. Le créateur de l'Egypte moderne, l'intrépide et fortuné Méhémet-Ali leva l'étendard de la révolte contre son souverain légitime, le sultan, et s'appliquait ouvertement à conquérir l'indépendance complète de son pachalik. A mesure que la guerre entre la Porte et l'Egypte manifestait tout le désarroi et toute l'impuissance du gouvernement turc, se dressait à la face de l'Europe la terrible question de l'existence ultérieure de l'Empire Ottoman sur ce continent. Cette fatale question d'Orient réclamait de nouveau les efforts réunis de la diplomatie européenne pour

довать греческій престолъ по порядку первородства. Ни въ какомъ случаѣ греческая корона не можетъ быть соединена на одной главѣ съ короною иноземной страны.

Настоящая объяснительная и дополнительная статья будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ она была дословно внесена въ конвенцію отъ 7 мая 1832 года. Она будетъ ратификована и ратификаціи размѣнены въ скорѣйшее по возможности время.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Лондонѣ, 30 апрѣля 1833 года.

(М. П.) Ливенъ. (М. П.) А. де-Сетто.
(М. П.) Тальеранъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.

№ 442.

1839 г., апрѣля 7-го (19-го). Лондонскій трактатъ, заключенный между Россіею, Великобританіею, Австріею, Бельгіею, Франціею и Пруссіею относительно границъ Голландіи и Бельгійскаго королевства.

Въ то самое время когда происходили вышеизложенные дипломатическіе переговоры по дѣламъ Греціи и Бельгійскаго королевства, вниманіе великихъ европейскихъ державъ было особенно поглощено событіями, театромъ дѣйствія которыхъ была Оттоманская имперія. Творецъ современнаго Египта, предпріимчивый и счастливый Мегеметъ-Али, поднялъ знамя возстанія противъ своего государя, турецкаго султана, и открыто стремился къ полной независимости своего пашалыка. По мѣрѣ того какъ война между Турціею и Египтомъ стала обнаруживать полную безпомощность и безсиліе турецкаго правительства, по мѣрѣ того силою обстоятельствъ ставился грозный вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи въ Европѣ Оттоманской имперіи. Страшный Восточный вопросъ снова требовалъ дружныхъ усилій евро-

rétablir la paix entre les deux belligérants et sauver d'une chute imminente le pouvoir complètement ébranlé du sultan.

Le but que s'était proposé la politique des grandes Puissances de l'Europe fut atteint: malgré la défaite complète des armées turques par Méhémet-Ali, celui-ci fut obligé de reconnaître la suzeraineté du sultan. Mais si ce but fut atteint, et la solution définitive du problème oriental — ajournée, l'Europe était redevable de ce résultat principalement à la Russie et à la politique perspicace de l'Empereur Nicolas I. Un programme très précis fut imposé à la politique russe par la volonté du souverain — celui de conserver à tout prix le pouvoir du Sultan sur les bords de la mer de Marmora, car il était bien plus avantageux pour la Russie d'avoir comme voisin l'Empire Ottoman complètement défaillant, qu'un nouvel Etat musulman parfaitement viable. Avec son intelligence et ses talents politiques éminents Méhémet-Ali avait toutes les données pour renverser le trône des sultans, l'occuper lui-même et appeler à une vie nouvelle l'Empire Ottoman, ébranlé par le malaise intérieur et des troubles incessants. Voici le motif pour lequel l'Empereur Nicolas I ne cessait de soutenir de toute son énergie le pouvoir du sultan et de le protéger contre une perte imminente. En poursuivant ce but d'une manière conséquente et inflexible, la politique russe s'assurait un gage de succès durant le règne de l'Empereur Nicolas I. Le gouvernement anglais était lui-même obligé de reconnaître „la sagesse et le désintéressement" de la politique russe dans la question de l'Egypte. En apprenant la mission dont le lieutenant-général Mouraview était chargé par l'Empereur Nicolas, lord Palmerston ne put s'empêcher d'admirer avec enthousiasme la politique généreuse de l'Empereur et dut convenir que l'Angleterre était impuissante à prêter à la Porte le même appui que la Russie. (Rapport du prince de Lieven du 25 septembre (7 octobre) 1832).

Il semblerait à première vue, en présence de l'intention manifeste de l'Angleterre de soutenir à tout prix l'Empire Ottoman, que la Russie et l'Angleterre fussent appelées à agir dans la question d'Egypte en parfaite intelligence. Les traditions de la politique anglaise en Orient imposaient à lord Palmerston l'obligation de

пейской дипломатіи къ водворенію мира между обѣими воюющими сторонами и къ спасенію совершенно расшатанной имперіи турецкихъ султановъ отъ неизбѣжной гибели.

Цѣль, которую себѣ поставила политика великихъ европейскихъ державъ, была достигнута: несмотря на полное пораженіе турецкихъ армій и войскъ Мегеметомъ-Али, все-таки послѣдній принужденъ былъ признать надъ собою сюзеренную власть султана. Но если эта цѣль была достигнута и окончательное разрѣшеніе Восточнаго вопроса было отсрочено, то Европа обязана была такимъ результатомъ, прежде всего, Россіи и дальновидной политикѣ Императора Николая I. Русской политикѣ державною волею Царя была поставлена совершенно опредѣленная цѣль: предупредить всѣми средствами разрушеніе престола султана на берегахъ Мраморнаго моря, ибо для Россіи несравненно выгоднѣе имѣть сосѣдомъ безсильную Оттоманскую имперію, нежели новое и жизнеспособное мусульманское государство. Мегеметъ-Али, при его огромномъ политическомъ талантѣ и выдающемся умѣ, вполнѣ въ состояніи былъ низложить съ престола султана, занять этотъ престолъ и вдохнуть новую жизнь въ разслабленный постоянными смутами и внутренними недугами организмъ Оттоманской имперіи. Вотъ почему Императоръ Николай I энергическимъ и неуклоннымъ образомъ поддерживалъ верховную власть султана и спасалъ ее отъ неизбѣжной гибели. Въ сознательномъ и послѣдовательномъ стремленіи къ этой цѣли заключался залогъ успѣха русской политики въ царствованіе Императора Николая I. Даже само англійское правительство принуждено было признать „мудрость и безкорыстіе" русской политики въ Египетскомъ вопросѣ. Когда лордъ Пальмерстонъ узналъ о порученіи, возложенномъ Николаемъ I на генералъ-лейтенанта Муравьева, онъ откровенно восторгался „великодушіемъ" политики русскаго Императора и признавался, что Англія не въ состояніи была оказать Турціи такую помощь, какъ Россія. (Донесеніе князя Ливена отъ 25-го сентября (7-го октября) 1832 года).

Съ перваго взгляда кажется, что въ виду положительнаго намѣренія также и Англіи поддерживать всѣми силами Оттоманскую имперію, Россія и Англія должны были бы дѣйствовать въ Египетскомъ вопросѣ вполнѣ согласно и дружескимъ образомъ. Традиціи англійской восточной политики вмѣняли лорду Пальмер-

sauver quand même la Porte d'une perte imminente.

Malheureusement, cet accord si désirable entre les vues politiques des deux grandes Puissances n'existait pas de fait. Tout au contraire, à mesure que se compliquait la question Egyptienne, une complète divergence s'accentuait entre les Cabinets de St. Pétersbourg et de Londres, au point d'amener en 1833 presque une rupture entre les deux Puissances. Cette divergence s'explique en grande partie par des sentiments de défiance mutuelle et de jalousie invétérée. L'Empereur Nicolas I ne pouvait avoir aucune confiance dans la politique anglaise, aussi longtemps que lord Palmerston voyait dans l'accord avec la France le moyen le plus efficace pour la solution du conflit turco-egyptien. L'Empereur savait que la politique de Louis-Philippe dans cette question différait entièrement de ses propres vues. Le gouvernement français encourageait ouvertement les aspirations de Méhémet-Ali à une complète indépendance, et l'Empereur Nicolas I ne comprenait pas le manque de perspicacité du Cabinet de Londres qui s'était laissé entraîner au commencement par les chimères d'une alliance anglo-française. D'une autre part, les succès éclatants de la politique russe à Constantinople et au Caire qui ont abouti au fameux traité d'alliance d'Unkiar-Skelessi devaient nécessairement provoquer des sentiments de jalousie et de dépit chez tous les hommes d'Etat anglais sans distinction de parti.

Ces considérations suffisent à expliquer la marche des négociations diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre dans la question d'Egypte.

Pénétré de ce sentiment de défiance pour la politique anglo-française, l'Empereur Nicolas I ne cessait de recommander à ses représentants à Londres de prévenir toute proposition qui aurait eu pour objet une intervention *collective* entre le Sultan et son pacha rebelle. Il tenait à se reserver une pleine liberté d'action car „les vues qui dirigent actuellement les Cabinets de Londres et de Paris différent trop des nôtres", écrivait le comte Nesselrode au prince de Lieven en septembre 1832.

Au commencement de l'année 1833 le prince de Talleyrand, accrédité à cette époque en qualité d'ambassadeur de France à la Cour de St.-James, proposa au gouvernement anglais de con-

стону въ обязанность спасать во что бы то ни стало Порту отъ угрожающей гибели.

Но на самомъ дѣлѣ такого желательнаго согласія между политическими видами обѣихъ великихъ державъ не существовало. Напротивъ, по мѣрѣ того какъ усложнялся Египетскій вопросъ, обнаруживался полный разладъ между С.-Петербургскимъ и Лондонскимъ кабинетами, чуть не приведшій въ 1833 году къ войнѣ между обѣими державами. Такое разногласіе объясняется, въ значительной степени, чувствомъ взаимнаго недовѣрія и закоренѣлой завистливости Англіи. Императоръ Николай I не могъ питать никакого довѣрія къ англійской политикѣ, пока лордъ Пальмерстонъ усматривалъ въ союзѣ съ Францією лучшее средство для разрѣшенія турецко-египетской распри. Государь зналъ, что политика Луи Филиппа въ Египетскомъ вопросѣ совершенно расходилась съ его собственными политическими видами. Французское правительство открыто поддерживало стремленія Мегемета-Али къ полной независимости, и Императоръ Николай I не могъ понять близорукости Лондонскаго кабинета, первоначально увлекавшагося мечтами объ англо-французскомъ союзѣ. Съ другой стороны, блестящій успѣхъ русской политики въ Константинополѣ и Каирѣ, выразившійся въ знаменитомъ союзномъ трактатѣ Ункіаръ-Искелесскомъ, не могъ не вызвать чувства досады и зависти въ англійскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, все равно къ какой бы политической партіи они ни принадлежали.

Этими соображеніями можетъ быть объясненъ ходъ дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею по Египетскому вопросу.

Руководствуясь чувствомъ недовѣрія къ англо-французской политикѣ, Императоръ Николай I постоянно поручалъ своимъ представителямъ въ Лондонѣ: предупреждать всякое предложеніе объ *общемъ* посредничествѣ великихъ державъ между турецкимъ султаномъ и его строптивымъ египетскимъ пашою. Онъ желалъ сохранить за собою полную свободу дѣйствія, ибо „виды, которыми въ настоящее время руководствуются кабинеты Лондонскій и Парижскій слишкомъ расходятся съ нашими видами", — писалъ графъ Нессельроде князю Ливену въ сентябрѣ 1832 года.

Въ началѣ 1833 года князь Талейранъ, состоявшій въ это время французскимъ посломъ при С.-Джемскомъ дворѣ, предложилъ англійскому правительству заключить конвенцію для

clure une convention pour le plan d'une action en commun dans le conflit turco-égyptien. Le gouvernement anglais déclina ces ouvertures, mais d'une autre part il confirma sa résolution d'agir de concert avec le gouvernement français pour sauver l'Empire Ottoman d'une dissolution définitive. (Rapport signé en commun par le prince de Lieven et le comte Pozzo di Borgo du 17 (29) janvier 1833).

Redoutant de compromettre la liberté d'action de l'Angleterre en l'unissant aux destinées du gouvernement de Louis-Philippe, lord Palmerston crut toutefois pouvoir s'arrêter au projet d'une convention d'alliance entre l'Angleterre, la France, l'Autriche et la Russie, qui devait en quelque sorte légitimer une intervention constante de ces Puissances dans les affaires intérieures de la Turquie. Le prince de Lieven déclina catégoriquement d'entrer dans un échange d'idées quelconque au sujet de cette convention, et le ministre d'Autriche à la Cour de St.-James refusa également de signer le pacte projeté. (Rapport du prince de Lieven du 28 mai (9 juin) 1833).

Le prince de Lieven s'appliquait à démontrer à lord Palmerston, que la Russie ne songeait pas à intervenir dans les affaires intérieures de l'Empire Ottoman, mais qu'elle était seulement disposée à prêter un appui au Sultan dans sa lutte avec un sujet rebelle. Lord Palmerston se refusait de comprendre cette distinction entre une ingérence et un secours, tout comme il n'était pas à même d'apprécier les mobiles réels qui inspiraient la politique russe dans la question d'Egypte.

„Si la chute du Sultan", avouait le noble lord au baron Neumann, ministre d'Autriche, „donnait lieu à l'établissement d'un gouvernement fort à Constantinople, soit moyennant une régence dont Ibrahim-Pacha serait le chef, soit par l'élévation de ce dernier au trône, l'Angleterre s'accommoderait d'un tel état des choses; car tout ce que la politique lui commande est l'existence d'une autorité indépendante et solide dans ce pays" (c. a. d. en Turquie).

Les deux représentants de la Russie — le prince de Lieven et le comte Pozzo di Borgo — étaient indignés de cette manière de voir du ministre anglais, et affirmaient que par ce raisonnement lord Palmerston „trahissait non seulement le secret du gouvernement anglais, mais encore sa propre ignorance". Comment le gouvernement anglais, demandaient-ils, pouvait-il

опредѣленія общаго плана дѣйствія въ турецко-египетской распрѣ. Англійское правительство не приняло этого предложенія, но, съ другой стороны, оно подтвердило свое рѣшеніе дѣйствовать сообща съ французскимъ правительствомъ „для спасенія Оттоманской имперіи отъ окончательнаго распаденія". (Общее донесеніе князя Ливена и графа Поццо-ди-Борго отъ 17-го (29-го) января 1833 года).

Не желая связывать свободы дѣйствія Англіи съ судьбою правительства Луи Филиппа, лордъ Пальмерстонъ придумалъ проектъ союзной конвенціи между Англіею, Франціею, Австріею и Россіею, которымъ узаконялось постоянное вмѣшательство этихъ союзныхъ державъ во внутреннія дѣла Турціи. Князь Ливенъ категорически отказался вступить въ обмѣнъ мыслей объ этой конвенціи, и австрійскій посланникъ при С.-Джемскомъ дворѣ равнымъ образомъ отклонилъ подписаніе проектированнаго акта. (Донесеніе князя Ливена отъ 28 мая (9-го іюня) 1833 г.).

Князь Ливенъ доказывалъ лорду Пальмерстону, что Россія не вмѣшивается во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи, но готова оказать помощь султану противъ его подданнаго-бунтовщика. Лордъ Пальмерстонъ отказывался понять такое различіе между вмѣшательствомъ и оказаніемъ помощи, подобно тому какъ онъ не въ состояніи былъ уразумѣть и настоящихъ мотивовъ русской политики въ Египетскомъ вопросѣ.

„Если", признавался благородный лордъ австрійскому посланнику барону Нейману, „паденіе султана будетъ имѣть послѣдствіемъ установленіе въ Константинополѣ сильнаго правительства посредствомъ-ли учрежденія регентства съ Ибрагимомъ-пашою во главѣ, или посредствомъ возведенія его же на престолъ, то Англія примирится съ такимъ порядкомъ вещей. Все, чего добивается англійская политика, это — существованіе независимаго и прочнаго правительства въ этой странѣ" (т. е. въ Турціи).

Оба представителя Россіи — князь Ливенъ и графъ Поццо-ди-Борго — были возмущены такими взглядами англійскаго министра и утверждали, что лордъ Пальмерстонъ выдалъ только-что приводимыми словами „не только тайну англійскаго правительства, но также обнаружилъ свое невѣжество". Какимъ образомъ, спрашивали они, англійское правительство

admettre que la transformation de tout le régime politique en Turquie, telle qu'il la désirait, pût s'opérer, sans produire les plus grandes perturbations dans tout l'Orient? (Rapport du prince de Lieven et du comte Pozzo di Borgo du 24 février (8 mars) 1833).

Il nous semble, que le prince de Lieven et le comte Pozzo di Borgo étaient injustes dans le jugement porté sur lord Palmerston. Sa définition du but de la politique anglaise manifeste bien moins son ignorance, que la parfaite conscience des véritables visées de cette politique à l'égard de la Porte. Le gouvernement anglais jugeait possible et désirable l'établissement dans l'Empire Ottoman d'un régime politique mieux organisé et plus durable. Le gouvernement impérial trouvait, au contraire, cette création d'un nouvel ordre de choses ni possible, ni désirable.

Aussi longtemps que les deux gouvernements se plaçaient à des points de départ complètement opposés, et visaient à un but également différent, un accord entre eux sur le terrain d'Orient ne pouvait être qu'accidentel et éphémère. Dès que le gouvernement britannique aura reconnu que cette transformation politique de la Turquie n'était ni possible, ni désirable, un accord complet avec les vues de la Russie s'établira de soi-même.

Ce moment n'était pas venu dans les années trente, pendant le différend turco-égyptien. Aussi des conflits sans nombre et des défiances mutuelles devaient résulter naturellement de cette tension de rapports entre la Russie et l'Angleterre. Cette situation s'accusa particulièrement immédiatement après la conclusion, entre la Russie et la Porte, du traité d'Unkiar-Skelessi, en juillet 1833.

Dans une lettre confidentielle adressée au prince de Lieven le 24 juillet 1833, le Vice-Chancelier comte Nesselrode félicite l'ambassadeur et se félicite lui-même de l'heureuse solution du conflit turco-égyptien, grâce au succès de la mission confiée par l'Empereur au général Mouraview et au comte Orlow, à Constantinople. L'Empereur réussit à épargner à l'Europe les conséquences fatales que n'eut pas manqué d'entraîner à sa suite la chute de l'Empire Ottoman.

„Si la paix de l'Orient est établie“, écrit le comte Nesselrode, „si le pouvoir de l'Egypte se trouve comprimé et refoulé au-delà du Taurus;

можетъ думать, что желаемый имъ переворотъ всего государственнаго порядка Турціи можетъ совершиться безъ сильнѣйшихъ потрясеній всего Востока? (Донесеніе кн. Ливена и гр. Поццо-ди-Борго отъ 24-го февраля (8 марта) 1833 года).

Намъ кажется, что князь Ливенъ и графъ Поццо-ди-Борго не совсѣмъ справедливо относились къ лорду Пальмерстону: въ его опредѣленіи цѣли англійской политики нисколько не обнаруживалось его невѣжество, а, напротивъ, проглядывало полное сознаніе дѣйствительныхъ цѣлей англійской политики въ отношеніи Турціи. Англійское правительство считало возможнымъ и желательнымъ водвореніе въ Оттоманской имперіи лучшаго государственнаго порядка и болѣе прочнаго правительственнаго строя. Императорское же правительство признавало установленіе новыхъ и лучшихъ правительственныхъ порядковъ въ Турціи невозможнымъ и нежелательнымъ.

Пока оба правительства исходили изъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія и ставили себѣ совершенно противоположныя цѣли — согласіе между ними въ Восточномъ вопросѣ могло быть только случайное и мимолетное. Когда наступитъ время сознанія, со стороны великобританскаго правительства, невозможности и нежелательности созданія въ Турціи новаго и лучшаго порядка вещей, полное его согласіе съ видами русской политики обнаружится само собою.

Этотъ моментъ еще не наступилъ въ 30-хъ годахъ, во время турецко-египетской распри. Поэтому постоянныя столкновенія и взаимное недовѣріе явились нормальными послѣдствіями взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи. Въ особенности рельефно подтвердилось это положеніе непосредственно послѣ заключеніяУнкіаръ-Искелесскаго союзнаго трактата между Россіею и Оттоманскою имперіею, въ іюлѣ 1833 года.

Въ секретномъ письмѣ отъ 24-го іюля 1833 г. къ князю Ливену, Вице-Канцлеръ гр. Нессельроде поздравляетъ князя и себя съ благополучнымъ окончаніемъ турецко-египетской распри, благодаря счастливому исходу порученій, возложенныхъ Государемъ на генерала Муравьева и графа Орлова въ Константинополѣ. Государю одному удалось предохранить Европу отъ послѣдствій, неминуемо долженствующихъ вытекать изъ паденія Оттоманской имперіи.

„Если“, пишетъ гр. Нессельроде, „миръ на Востокѣ возстановленъ, если власти Египта положены предѣлы и она отодвинута за

si la navigation et le commerce jouissent encore dans le Bosphore de la protection que nos traités leur accordent; enfin, si le trône du Sultan à l'heure qu'il est, se trouve encore debout, c'est uniquement parceque l'Empereur l'a voulu, pour le repos de l'Europe et dans l'intérêt bien entendu de la Russie."

Le traité d'alliance défensive, signé entre la Russie et la Porte à Unkiar-Skelessi, avait pour but d'assurer la sécurité de l'avenir, après avoir rétabli l'ordre et la paix dans le présent. D'après les paroles du comte Nesselrode, ce pacte assure à la Russie deux avantages incontestables:

„D'abord, il servira à décourager les desseins ambitieux du pacha d'Egypté, qui n'aimera pas à avoir la Russie pour ennemie. En second lieu, il empêchera dorénavant la Porte de flotter, comme elle l'à fait cette fois-ci, entre l'Angleterre, la France et la Russie; attendu que c'est cette dernière seule qui, par une transaction formelle, vient de lui promettre aide et protection... Notre intervention armée dans les affaires de Turquie vient d'acquérir une base de légalité... La conclusion de cet acte est d'une importance réelle."

Le prince de Lieven n'était pas autorisé de communiquer au Cabinet de Londres le texte du traité d'alliance turco-russe, signé par le comte Orlow et Boutenew, avant que la Porte ne fixât elle même le moment pour cette communication. Mais, en même temps, l'ambassadeur fut informé que la Porte a désiré signer ce pacte au moment, où les armées russes, arrivées à Constantinople pour sauvegarder le trône du Sultan, allaient quitter cette ville pour reprendre le chemin de la Russie.

On sait que l'une des clauses principales de ce traité était l'article secret, imposant à la Porte l'obligation de fermer les Dardanelles (non le Bosphore) au pavillon de guerre de toutes les nations. Cet article, selon les propres termes de la dépêche du comte Nesselrode du 5 (17) août 1833, „n'impose à la Porte aucune condition onéreuse, et ne lui fait contracter aucun engagement nouveau. Il sert uniquement à constater le fait de la fermeture des Dardanelles au pavillon de guerre des Puissances étrangères; système que la Porte a maintenu de tout temps, et dont elle ne saurait dévier en effet sans porter préjudice à ses intérêts les plus directs".

Тавръ, если судоходство и торговля еще пользуются въ Босфорѣ покровительствомъ, обезпеченнымъ за ними нашими трактатами, наконецъ, если въ настоящее время престолъ султана еще цѣлъ, то исключительно благодаря Государю Императору, который этого желалъ для спокойствія Европы и въ виду разумно понятой пользы Россіи".

Подписанный въУнкіаръ-Искелесси трактатъ оборонительнаго союза между Россіею и Турціею имѣетъ цѣлью обезпечить будущее, послѣ того какъ настоящее улучшено и упорядочено. Этотъ актъ даетъ Россіи двѣ несомнѣнныя выгоды, по словамъ графа Нессельроде:

„Во-первыхъ, онъ остановитъ честолюбивые замыслы египетскаго паши, который не пожелаетъ имѣть врагомъ Россію. Во-вторыхъ, онъ будетъ препятствовать тому, чтобъ отнынѣ Порта, какъ она дѣлала въ послѣднее время, колебалась между Англіею, Франціею и Россіею, потому-что только послѣдняя держава, посредствомъ формальнаго акта, обязалась оказывать ей помощь и покровительство... Наше вооруженное вмѣшательство въ дѣла Турціи получило законный базисъ... Заключеніе этого акта имѣетъ весьма положительное значеніе".

Князю Ливену не было поручено сообщить Лондонскому кабинету текста русско-турецкаго союзнаго трактата, подписаннаго графомъ Орловымъ и Бутеневымъ, пока сама Порта не опредѣлитъ момента такого сообщенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послу было объяснено, что сама Порта пожелала подписать этотъ актъ въ моментъ возвращенія русскихъ войскъ, пришедшихъ въ Константинополь для спасенія престола султана, обратно въ Россію.

Извѣстно, что наиболѣе важнымъ постановленіемъ этого союзнаго трактата была секретная статья, вмѣняющая Портѣ въ обязанность закрывать Дарданельскій (не Босфорскій) проливъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Эта статья, по словамъ депеши графа Нессельроде отъ 5-го (17-го) августа 1833 г., „не налагаетъ на Порту никакого обременительнаго условія и не заставляетъ ее подчиниться какому-нибудь новому обязательству. Она только служитъ подтвержденіемъ факта закрытія Дарданелловъ для военныхъ судовъ иностранныхъ державъ, т. е. системы, которой Порта всегда держалась и отъ которой она дѣйствительно не можетъ отказаться безъ нарушенія своихъ наиболѣе близкихъ интересовъ".

En présence de ce fait positif, ni l'Angleterre, ni la France n'ont aucun droit de protester contre cet article secret du traité d'Unkiar-Skelessi, car de tout temps le détroit des Dardanelles était fermé aux bâtiments de guerre des Puissances étrangères. D'ailleurs, ce principe général est également applicable aux bâtiments de guerre russes, en faveur desquels n'est statué aucun privilège. „Aucune Puissance maritime ne saurait donc se plaindre de la privation d'un droit, que la Russie n'a point établi par exception en sa propre faveur."

Après s'en être préalablement entendu avec la Porte, le gouvernement impérial recommanda à son ambassadeur de communiquer au Cabinet de Londres la copie du traité d'Unkiar-Skelessi. Le prince de Lieven s'acquitta de cette mission au commencement d'août, en donnant lecture à lord Palmerston de la dépêche explicative du comte Nesselrode du 19 juillet. Bien que le noble lord eut déjà connaissance de ce pacte par le Cabinet de Vienne, cette communication ne laisse pas que de l'émouvoir considérablement. A son avis, le mystère qui a présidé à la conclusion de ce pacte, produisait par lui-même une pénible impression. La signature de cette pièce a été soigneusement cachée à toutes les autres Puissances En présence des relations amicales existant entre la Russie et l'Angleterre, le gouvernement anglais semblait pouvoir compter sur plus de franchise et de confiance. Quant au contenu de ce pacte, „il plaçait évidemment la Porte sous le vasselage de la Russie, et dès lors la place qu'avait occupée la Turquie dans le système européen étant effacée, il devenait indispensable d'y suppléer par d'autres combinaisons politiques". Lord Palmerston finit par déclarer que pour l'Angleterre le traité d'alliance entre la Russie et la Porte était „non avenu". (Rapport du prince de Lieven du 4 (16) août 1833).

L'ambassadeur de Russie fut quelque peu surpris de ce sentiment d'indignation, avec lequel le ministre anglais accueillit la communication du traité. Il se rappelait que dernièrement encore, au mois de mai de cette même année, lord Palmerston parlait avec enthousiasme de la générosité du Tsar, qui était venu au secours du Sultan pour le sauver d'une perte imminente. Le noble lord souvenait à ce moment que l'Angleterre n'était pas à même de

Въ виду этого положительнаго факта, ни Англія, ни Франція не имѣютъ права протестовать противъ этой секретной статьи Ункіаръ-Искелесскаго трактата, потому что съ давнихъ временъ Дарданелльскій проливъ былъ закрытъ для военныхъ судовъ иностранныхъ государствъ. Кромѣ того, это общее правило должно получить примѣненіе равнымъ образомъ къ русскимъ военнымъ судамъ, въ пользу которыхъ не устанавливается никакой привилегіи. Слѣдовательно, ни одна морская держава „не можетъ жаловаться на лишеніе ея права, котораго Россія, въ видѣ исключенія, не установила въ свою собственную пользу".

Послѣ предварительнаго соглашенія съ Портою, Императорское правительство предписало своему послу въ Лондонѣ сообщить англійскому кабинету копію съ Ункіаръ-Искелесскаго трактата. Князь Ливенъ исполнилъ это предписаніе, въ началѣ августа, прочтеніемъ лорду Пальмерстону объяснительной депеши графа Нессельроде отъ 19-го іюля. Хотя благородный лордъ уже зналъ объ этомъ актѣ чрезъ Вѣнскій кабинетъ, все-таки сообщеніе русскаго посла произвело на него потрясающее впечатлѣніе. По его мнѣнію, уже тайна, при которой этотъ актъ былъ заключенъ, производитъ непріятное впечатлѣніе. Отъ остальныхъ державъ искусно скрывалось подписаніе этого акта. При дружескихъ отношеніяхъ, существующихъ между Англіею и Россіею, англійское правительство имѣло право разсчитывать на бо̀льшую откровенность и довѣріе. Что же касается содержанія этого акта, то онъ „очевидно ставитъ Порту въ вассальную зависимость отъ Россіи, и потому мѣсто, занятое Турціею въ европейской системѣ, оказывается свободнымъ, и наступила необходимость восполнить этотъ пробѣлъ другими политическими комбинаціями". Въ заключеніе лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что для Англіи союзный трактатъ между Россіею и Турціею „не существуетъ". (Донесеніе князя Ливена отъ 4-го (16-го) августа 1833 года).

Русскій посолъ былъ нѣсколько озадаченъ чувствомъ возмущенія, съ которымъ англійскій министръ отнесся къ сообщенному ему трактату. Онъ вспомнилъ, что весьма недавно, въ маѣ мѣсяцѣ, тотъ же лордъ Пальмерстонъ съ восторгомъ отзывался о великодушіи русскаго Царя, который своими военными силами пришелъ на помощь султану и спасъ послѣдняго отъ гибели. Тогда благородный лордъ сознавался, что Англія не была въ состояніи ока-

prêter à la Porte un secours aussi efficace. (Rapport du prince de Lieven du 18 (30) mai 1833).

Aujourd'hui, au contraire, lord Palmerston ne se faisait aucun scrupule de blâmer en termes violents la manière d'agir du gouvernement impérial qui, par le traité d'Unkiar-Skelessi, ne poursuivait que le seul but d'assurer à l'avenir à la Porte le même secours de la Russie que le ministre anglais n'hésitait pas, en été 1833, d'exalter hautement, comme un acte de noblesse et de désintéressement.

En dehors de lord Grey et de lord Palmerston, l'esprit public en Angleterre s'irritait de plus en plus contre la Russie à l'occasion du traité avec la Porte, et déclarait que c'était un affront à toute la nation anglaise. Le gouvernement prenait des dispositions pour accelérer fiévreusement les armemens de la flotte, et la nation anglaise semblait désirer une guerre avec la Russie.

Le 17 (29) octobre le ministre d'Angleterre à St. Pétersbourg remit une note au Vice-Chancelier, qui était une protestation formelle contre le traité de juillet. Cette pièce commençait par constater que le gouvernement britannique avait appris avec regret la conclusion de ce pacte.

„That treaty“, poursuit la note anglaise, „appears to His Majesty's governement to produce a change in the relations between Turkey and Russia, to which other European States are entitled to object; and the undersigned is instructed to declare, that if the stipulations of that Treaty should hereafter lead to the armed interference of Russia in the internal affairs of Turkey, the British Governement will hold itself at liberty to act upon such an occasion in any manner, which the circumstances of the moment may appear to require, equally as if the Treaty above mentionned were not in existence.“

Le gouvernement de Louis-Philippe protesta, dans des termes anologues, contre le traité de juillet. Le gouvernement impérial répondit aux deux Cabinets par des notes du 24 octobre. Il disait qu'il se refusait de comprendre les causes du déplaisir du gouvernement anglais, vu que celui-ci s'abstenait de les énoncer. En effet, le traité du 8 juillet est, par sa nature, exclusivement défensif, il était conclu entre deux Puissances indépendantes, qui se trouvent en pleine jouissance de leurs droits de souveraineté; il ne porte

зать такой дѣйствительной помощи Турціи. (Донесеніе кн. Ливена отъ 18-го (30-го) мая 1833 года).

Теперь же лордъ Пальмерстонъ не затруднялся въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицать образъ дѣйствія Императорскаго правительства, по мнѣнію котораго Ункіаръ-Искелесскій союзный трактатъ долженъ былъ только обезпечивать на будущее время за Портою ту самую помощь со стороны Россіи, оказаніе которой лѣтомъ 1833 года лордъ Пальмерстонъ самъ признавалъ поступкомъ великодушнымъ и благороднымъ.

Между тѣмъ, не только лорды Грей и Пальмерстонъ, но все общественное мнѣніе въ Англіи все болѣе и болѣе ожесточалис противъ Россіи по поводу союзнаго трактата съ Турціею, объявляя его оскорбленіемъ для всего англійскаго народа. По распоряженію англійскаго правительства вооруженіе англійскаго военнаго флота приняло лихорадочную поспѣшность, и англійскій народъ, казалось, желалъ войны съ Россіею.

Англійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ подалъ 17-го (29-го) октября 1833 года Вице-Канцлеру ноту, заключавшую въ себѣ формальный протестъ противъ іюльскаго русско-турецкаго трактата. Въ этомъ протестѣ было сказано, въ началѣ, что великобританское правительство съ горестью узнало о заключеніи этого акта.

„Этотъ трактатъ“, продолжала англійская нота, „кажется, по мнѣнію правительства Его Величества, производитъ измѣненіе отношеній между Турціею и Россіею, противъ чего другія европейскія державы имѣютъ право протестовать. Нижеподписавшійся уполномоченъ объявить, что если постановленія сего трактата могли бы впослѣдствіи привести къ вооруженному вмѣшательству Россіи во внутреннія дѣла Турціи, то великобританское правительство оставляетъ за собою, въ такомъ случаѣ, свободу дѣйствовать сообразно съ потребностями времени, какъ будто вышеозначеннаго трактата не существовало“.

Совершенно въ такихъ же выраженіяхъ протестовало французское правительство Луи Филиппа противъ іюльскаго трактата. Императорское правительство, нотами отъ 24 октября, отвѣчало обоимъ кабинетамъ. Оно отказывается понять причины неудовольствія англійскаго правительства, потому что послѣднее само ихъ не высказываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, трактатъ отъ 8 іюля исключительно оборонительный; онъ былъ заключенъ между двумя независимыми державами, всецѣло пользующи-

ainsi aucune atteinte aux intérêts d'un Etat quelconque. „Comment surtout pourraient les autres Puissances déclarer, qu'elles ne lui reconnaissent aucune valeur, à moins qu'il n'entre dans leurs vues de renverser un Empire, que le traité est destiné à conserver?"

Le Vice-Chancelier exprime l'espoir que le gouvernement anglais, une fois qu'il aura pris connaissance du texte du traité (en octobre 1833!), voudra bien se convaincre de son erreur et reconnaitra „la valeur et l'utilité d'une transaction, conclue dans un esprit aussi pacifique que conservateur". Le gouvernement impérial finit par notifier que malgré les objections de l'Angleterre et de la France, il se proposait de persévérer dans son attitude à l'égard de la Turquie, sans tenir compte des déclarations non motivées de ces deux Puissances.

Le Vice-Chancelier ne dissimulait pas au prince de Lieven, que le ton de la réponse russe différait considérablement du langage habituel des communications de ce genre avec le gouvernement anglais. C'est qu'il était provoqué par la déclaration hautaine du gouvernement britannique lui-même, qui selon les paroles du comte Matuszevic, marque une date dans les annales de la diplomatie, vu que jamais protestation n'a été faite sans aucune allégation de motifs.

„Il n'y a pas eu jusqu'à présent", poursuit le comte Matuszevic dans sa lettre au comte Nesselrode du 2 décembre 1833, „le divorce avoué entre la diplomatie et le bon sens, or le bon sens veut quand on objecte on fasse connaître l'objection et quand on proteste qu'on dise pourquoi? Il était réservé au ministère de lord Grey de mettre—à la réforme ces principes généralement reconnus".

Cette critique acerbe de la protestation anglaise est d'autant plus curieuse sous la plume du comte Matuszevic, que ce diplomate éminent était, de tout temps, un défenseur ardent de l'alliance anglo-russe dans toutes les questions de la politique du jour. Le comte Matuszevic ne déclara pas moins catégoriquement au comte Nesselrode que „si la Russie reculait devant un Palmerston, elle descendrait du haut rang où elle s'est placée en Europe, elle sacrifierait ses droits, ses intérêts, sa dignité et son indépendance". Selon l'avis de cet homme d'Etat, la Russie devait être toujours prête de prendre en mains „les clés de la mer Noire" et de prévenir ses ennemis par

мися своими правами; онъ нисколько не нарушаетъ интересовъ какого бы то ни было государства... „Какимъ образомъ въ особенности другія державы могутъ объявлять, что онѣ не признаютъ за трактатомъ ни малѣйшаго значенія, если только онѣ не имѣютъ въ виду сокрушить государство, которое трактатъ имѣетъ цѣлью охранить?"

Вице-Канцлеръ выражаетъ надежду, что когда великобританское правительство ознакомится съ текстомъ трактата (въ октябрѣ 1833 года!), оно убѣдится въ своемъ заблужденіи и признаетъ „цѣну и пользу акта, подписаннаго въ духѣ столько же мирномъ, сколько консервативномъ". Наконецъ, Императорское правительство объявляетъ, что несмотря на протесты Англіи и Франціи, оно намѣрено продолжать дѣйствовать по отношенію къ Турціи, совершенно не взирая на ихъ ничѣмъ не мотивированныя заявленія.

Вице-Канцлеръ не скрывалъ отъ князя Ливена, что тонъ русскаго отвѣта на англійскій протестъ значительно отличается отъ обычнаго тона русскихъ сообщеній съ англійскимъ правительствомъ. Но онъ былъ вызванъ дерзкимъ заявленіемъ самого великобританскаго правительства, которое, по словамъ графа Матушевича, останется памятнымъ въ лѣтописяхъ дипломатіи, ибо никогда протестъ не заявлялся безъ всякихъ мотивовъ.

„До сихъ поръ", продолжаетъ графъ Матушевичъ въ своемъ письмѣ къ графу Нессельроде отъ 2 декабря 1833 года, „не было открытаго развода между дипломатіею и здравымъ смысломъ; здравый же смыслъ требуетъ, что если кто возражаетъ, то обязанъ высказать возраженіе, и когда кто протестуетъ, то долженъ сказать почему. Министерству Грея было предоставлено включить эти общепризнанныя правила въ число своихъ - реформъ!"

Надо замѣтить, что такое рѣзкое осужденіе англійскаго протеста противъ Ункіаръ-Искелесскаго трактата со стороны графа Матушевича тѣмъ болѣе любопытно, что этотъ выдающійся русскій дипломатъ былъ убѣжденнымъ поборникомъ русско-англійскаго союза по всѣмъ политическимъ вопросамъ. Но графъ Матушевичъ категорически заявилъ графу Нессельроде, что „если Россія отступитъ передъ какимъ-то Пальмерстономъ, то она низойдетъ съ того высокаго мѣста, на которое встала въ Европѣ и пожертвуетъ своими правами, своими интересами, своимъ достоинствомъ и своею независимостью". По мнѣнію этого госу-

une flotte et une armée qui puissent en tout temps occuper les détroits du Bosphore et des Dardanelles. (Lettre du comte Matuszevic en date de Milton le 2 décembre 1833).

La réponse de la Russie à la protestation anglaise causa un vif déplaisir à Londres, les ministres anglais la trouvaient „dure et hautaine". L'ambassadeur de Russie s'applique à expliquer à lord Palmerston que la note russe correspondait parfaitement, quant à la forme et au contenu, à la protestation anglaise. Le mécontentement de l'Angleterre se traduisait dans le zèle avec lequel elle poursuivait ses armemens et ses efforts à chercher partout des alliés, dans l'éventualité d'une guerre avec la Russie. Heureusement ces efforts restèrent complètement stériles en 1833. Le Cabinet de Vienne déclara, sans détour, qu'il approuvait entièrement le traité turco-russe. L'entrevue des trois souverains à Münchengraetz servit à confirmer l'accord complet entre la Russie, l'Autriche et la Prusse (voir t. IV, p. I, pag. 435 et suiv.) dans les principales questions politiques du jour. Les efforts du Cabinet de Londres de prendre la Suède dans ses filets, resta également sans succès, car le gouvernement de Stockholm s'empressa de déclarer qu'il se proposait de garder sa neutralité dans l'éventualité d'une guerre entre la Russie et l'Angleterre. Restait seulement la France, qui signifia qu'elle était disposée de prendre part à une démonstration militaire contre la Russie, mais qu'elle ne se trouvait pas dans les conditions nécessaires pour commencer une guerre avec l'Empire du Nord, à cause de la situation intériéure du pays. En outre, le gouvernement anglais devait le reconnaître, dès l'année 1833 que dans la question d'Egypte, il ne pouvait se reposer sur la France dont les vues et les aspirations différaient trop essentiellement des siennes.

Dans ces conditions, lord Palmerston se vit obligé de modérer quelque peu son ardeur belliqueuse qui ne trouvait pas un écho suffisant dans la partie influente de la société anglaise — celle-ci désirait le maintien de la paix à tout prix. Le représentant d'Angleterre à St. Pétersbourg remit au Vice-Chancelier une note, en date du 21 novembre (3 décembre), dans laquelle le gouvernement anglais exprimait l'espoir que le traité de juillet n'altérerait point les bonnes relations entre la Russie et l'Angleterre. A

дарственнаго человѣка, Россія должна всегда быть готова взять въ свою власть „ключи къ Черному морю", предупреждая своихъ враговъ флотомъ и арміею, которые во всякое время могли бы занять проливы Босфорскій и Дарданелльскій. (Письмо гр. Матушевича 2 декабря 1833 года изъ Мильтона.)

Русскій отвѣтъ на англійскій протестъ очень не понравился въ Лондонѣ: англійскіе министры находили его „жесткимъ и высокомѣрнымъ". Русскій посолъ пояснилъ лорду Пальмерстону, что русская нота вполнѣ соотвѣтствуетъ тону и содержанію англійскаго протеста. Неудовольствіе Англіи обнаруживалось въ усиленіи англійскихъ вооруженій и въ стараніяхъ ея повсюду отыскивать союзниковъ на случай войны противъ Россіи. Къ счастію, эти старанія оказались въ 1833 году совершенно безплодными. Вѣнскій кабинетъ прямо объявилъ, что онъ вполнѣ одобряетъ русско-турецкій трактатъ. Мюнхенгрецкое свиданіе трехъ монарховъ (см. т. IV, ч. I, стр. 435 и слѣд.) вполнѣ подтвердило полное согласіе Россіи, Австріи и Пруссіи по всѣмъ главнѣйшимъ политическимъ вопросамъ. Старанія Лондонскаго кабинета поймать въ свои сѣти Швецію также остались безуспѣшными, ибо стокгольмское правительство выразило намѣреніе оставаться нейтральнымъ въ войнѣ между Россіею и Англіею. Осталась одна Франція, которая изъявила готовность принять участіе въ военной демонстраціи противъ Россіи. Но воевать противъ великой сѣверной державы французское правительство считало себя неспособнымъ въ виду внутренняго состоянія Франціи. Наконецъ, англійское правительство уже въ 1833 году должно было замѣтить, что въ Египетскомъ вопросѣ оно не можетъ положиться на Францію, взгляды которой значительно расходятся съ его собственными интересами и стремленіями.

При такихъ обстоятельствахъ лордъ Пальмерстонъ принужденъ былъ поубавить свою воинственную прыть, которая при томъ не находила поддержки въ весьма вліятельной части англійскаго общества, желавшей сохраненія мира во что бы то ни стало. Англійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ вручилъ Вице-Канцлеру ноту отъ 21-го ноября (3-го декабря), въ которой выражается надежда англійскаго правительства, что іюльскій трактатъ не нарушитъ добрыхъ отношеній между Англіею и Россіею.

Londres lord Palmerston cherchait à s'expliquer à fond avec l'ambassadeur de Russie au sujet de la teneur et du *but réel* du traité d'Unkiar-Skelessi. Ces entretiens du ministre anglais avec le prince de Lieven méritent une sérieuse attention, tant par le contenu que par la forme.

Lord Palmerston invita l'ambassadeur à son château, et après un bon dîner la conversation suivante s'engagea entre les deux hommes d'Etat. Le ministre anglais commença par accuser la Russie de velléités belliqueuses (sic!), vu qu'elle armait sa flotte dans la Baltique et la mer Noire. Ces armemens devaient nécessairement être dirigés contre l'Angleterre. Mais, demandait le noble lord, quel pouvait être le motif qui portait la Russie à vouloir faire la guerre à l'Angleterre? Le gouvernement anglais se borne à attester le fait incontestable qu'à la suite du traité d'Unkiar-Skelessi, le sultan est devenu le vassal de la Russie. „Au lieu d'avoir sur la frontière un Etat indépendant, la Russie y substitue désormais un Etat vassal. Au lieu d'avoir à craindre, en cas de guerre, les attaques d'un ennemi, elle acquiert les droits à l'assistance d'un allié".

Lord Palmerston ne s'arréta pas à cette seule altération des faits, il continua à accuser la Russie de violer sans cesse les droits de l'Angleterre, en élevant des fortifications aux îls d'Aland! Quand l'ambassadeur de Russie, sans aucune nécessité, s'appliquait à démontrer au ministre anglais que les fortifications russes aux îls d'Aland ne menaçaient pas plus l'Angleterre que ne le fait Cronstadt, le noble lord se mit à refuter cette opinion affirmant „que les îles d'Aland étant situées à l'embouchure du golfe de Bothnie, qui n'est presque jamais pris de glaces, les mouvements de la Russie en cas d'agression seraient beaucoup plus libres et plus indépendants à partir de ce point, qu'ils ne le sont à partir de l'autre". Il ajoutait que, se trouvant en possession de la forteresse d'Abo, la Russie était entièrement couverte du côté de la Suède et „qu'en conséquence, en nous fortifiant aux îles d'Aland, nous (la Russie) ne pouvions avoir en vue que l'Angleterre" (sic!).

Le prince de Lieven eut le tort de ne pas interrompre cet entretien, en signalant les droits incontestables de souveraineté territoriale de la Russie sur les îles d'Aland. Si en 1856, au con-

Въ Лондонѣ лордъ Пальмерстонъ вступилъ въ подробныя объясненія съ русскимъ посломъ насчетъ *дѣйствительнаго* содержанія и цѣли Ункіаръ-Искелесскаго трактата. Эти разговоры между лордомъ Пальмерстономъ и княземъ Ливеномъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ по своей формѣ, такъ и по своему содержанію.

Лордъ Пальмерстонъ пригласилъ посла къ себѣ въ гости, въ свой замокъ, и послѣ хорошаго обѣда между ними завязался слѣдующій разговоръ. Англійскій министръ началъ съ обвиненія Россіи въ воинственномъ настроеніи (sic!), ибо она вооружается на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Само собою разумѣется, что эти вооруженія направлены только противъ Англіи. Но, спрашиваетъ благородный лордъ: почему Россія желаетъ воевать съ Англіею? Вѣдь англійское правительство только подтверждаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что вслѣдствіи Ункіаръ-Искелесскаго трактата Турція сдѣлалась вассальною въ отношеніи Россіи державою. „Вмѣсто независимаго государства на своей границѣ", доказывалъ англійскій министръ, „Россія отнынѣ будетъ имѣть вассальное государство. Вмѣсто того чтобъ, въ случаѣ войны, бояться нападенія со стороны врага, она получаетъ право на помощь союзника".

Лордъ Пальмерстонъ не остановился на такомъ искаженіи фактовъ; онъ продолжалъ обвинять Россію въ постоянномъ нарушеніи правъ Великобританіи—посредствомъ укрѣпленія Аландскихъ острововъ! Когда русскій посолъ, какъ это ни странно, сталъ доказывать англійскому министру, что русскія укрѣпленія на Аландскихъ островахъ столько же угрожаютъ Англіи, сколько угрожаетъ ей Кронштадтъ, благородный лордъ сталъ опровергать это мнѣніе, говоря, что „Аландскіе острова расположены въ началѣ Ботническаго залива, который почти никогда не замерзаетъ, и слѣдовательно движенія Россіи, въ случаѣ нападенія, будутъ гораздо свободнѣе и независимѣе съ этого пункта, нежели съ другого". Онъ прибавилъ, что владѣя крѣпостью Або, Россія имѣетъ полную безопасность со стороны Швеціи и что „слѣдовательно, укрѣпляясь на Аландскихъ островахъ, мы (Россія) можемъ имѣть въ виду только Англію" (sic!).

Къ сожалѣнію, князь Ливенъ не прервалъ этого разговора насчетъ Аландскихъ острововъ простымъ указаніемъ на неотъемлемыя права территоріальнаго верховенства надъ Аланд-

grès de Paris l'Angleterre jugea possible de faire valoir son incroyable prétention au sujet de ces îles, cela pouvait s'expliquer à la rigueur au lendemain d'une guerre victorieuse contre la Russie. Mais en 1833 il n'y avait pas de guerre entre les deux Puissances, et c'est pourquoi la réclamation de lord Palmerston était presque insensée.

Le prince de Lieven s'appliquait, de son côté, à démontrer au ministre anglais que si la réponse du gouvernement impérial avait été acerbe, c'était parceque le Cabinet de Londres n'avait pas été seul à élever sa protestation, mais qu'il l'a fait conjointement avec la France. Lord Palmerston s'abuse en outre complètement en pensant que d'après le traité de juillet, la Porte prenait l'engagement d'assister la Russie dans le cas d'une guerre de celle-ci avec une Puissance européenne quelconque. Le traité d'Unkiar-Skelessi ne contient point de clause de cette nature.

A ces mots lord Palmerston se leva, retira de son bureau le traité en question et lui fit la lecture de l'article séparé, statuant sur cette obligation de la Porte. L'ambassadeur objecta avec raison que cette clause, portée dans le projet primitif, avait été écartée dans la suite et ne se trouvait pas comprise dans le traité signé entre la Russie et la Porte. Le ministre anglais ne crut pas l'ambassadeur sur parole et le pria de lui apporter son exemplaire. Ce désir fut aussitôt exécuté et il dut se convaincre que le texte du sien était défectueux! Il s'est trouvé que la copie, communiquée par la Porte au gouvernement anglais, était inexacte et ces inexactitudes provenaient, d'après les explications du prince de Lieven, d'une traduction insuffisante du texte original turc en français, faite sous les auspices de la Porte elle-même.

Le ministre anglais se livra ensuite à une critique amère de l'article séparé au sujet des Dardanelles. Il s'attachait à démontrer, qu'en vertu de cet article, les Dardanelles seraient désormais fermées au pavillon de toutes les Puissances qui seraient en guerre avec la Russie, et accessible seulement à la flotte militaire russe. L'acte d'Unkiar-Skelessi revoquait ainsi le traité anglo-turc de 1809 par lequel l'Angleterre avait pris l'engagement de respecter la fermeture des Dardanelles, si elles restaient fermées au pavillon de guerre de toutes les nations sans exception.

En réponse à cette déclaration du ministre anglais l'ambassadeur lui fit la lecture de la

скими островами. Если на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года Англія могла провести въ жизнь свою невѣроятную претензію насчетъ Аландскихъ острововъ, то это случилось послѣ побѣдоносной противъ Россіи войны. Но въ 1833 году войны между обѣими державами не было и потому претензія, заявленная лордомъ Пальмерстономъ, была почти безсмысленная.

Съ своей стороны, князь Ливенъ сталъ доказывать англійскому министру, что рѣзкій отвѣтъ Императорскаго правительства на англійскій протестъ противъ Ункіаръ-Искелесскаго трактата былъ исключительно вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Лондонскій кабинетъ не одинъ, но вмѣстѣ съ Франціею, заявилъ свой протестъ. Кромѣ того, лордъ Пальмерстонъ жестоко ошибается, полагая, что по іюльскому трактату, въ случаѣ войны Россіи съ какою-либо европейскою державою, Турція обязалась воевать на сторонѣ Россіи. Подобнаго постановленія нѣтъ въ трактатѣ Ункіаръ-Искелесскомъ.

Тогда лордъ Пальмерстонъ всталъ, досталъ означенный трактатъ и прочелъ ему сепаратную статью, устанавливавшую подобное обязательство Турціи. Посолъ справедливо возразилъ, что такое обязательство было включено въ первоначальный проектъ трактата, но потомъ устранено, и что его нѣтъ въ подписанномъ Россіею и Портою трактатѣ. Англійскій министръ не повѣрилъ послу и просилъ его принести свой экземпляръ этого акта. Его желаніе было исполнено, и онъ принужденъ былъ удостовѣриться въ ошибочности своего экземпляра Ункіаръ-Искелесскаго трактата! Оказалось, что сообщенный англійскому правительству Портою списокъ трактата былъ неточенъ, и эту неточность князь Ливенъ объяснилъ плохимъ французскимъ переводомъ съ турецкаго оригинальнаго текста, сдѣланнымъ самою Портою.

Вслѣдъ затѣмъ англійскій министръ занялся ядовитою критикою сепаратной статьи о Дарданеллахъ. Онъ доказывалъ, что въ силу этой статьи Дарданельскій проливъ будетъ отнынѣ закрытъ для военныхъ судовъ всѣхъ воюющихъ противъ Россіи державъ и открытъ только для русскаго военнаго флота. Такимъ образомъ Ункіаръ-Искелесскій актъ отмѣнилъ англо-турецкій трактатъ 1809 года, въ силу котораго Англія обязалась уважать закрытіе Дарданельскаго пролива, если послѣдній будетъ закрытъ для военныхъ судовъ всѣхъ, безъ исключенія, народовъ.

Въ отвѣтъ на такое заявленіе англійскаго министра посолъ прочелъ ему депешу графа

dépêche du comte Nesselrode du 5 août qui démontrait, de la manière la plus catégorique, que le passage du détroit était interdit à tous les bâtiments de guerre sans exception, et que le traité d'alliance turco-russe ne statuait ainsi aucun privilège en faveur de la Russie. L'ambassadeur saisit cette occasion pour signaler la générosité de son souverain qui se garda de profiter de circonstances très favorables pour obtenir au profit de la Russie des avantages exclusifs.

Là-dessus lord Palmerston adressa au prince de Lieven non sans une certaine ironie la question suivante: „Mais si ce traité ne vous apportait ni avantages, ni privilèges nouveaux, qui vous a donc engagé à le conclure?“ L'ambassadeur répondit que la Porte elle-même insistait sur la conclusion de ce pacte dans l'éventualité de nouvelles agressions pour avoir „une garantie morale équivalente à toutes les sûretés matérielles“!

Ainsi „selon vous“, répliqua lord Palmerston, „ce serait donc la Porte qui a proposé cet acte la première? Cependant nous savons de science certaine que la proposition est venue de vous, que m-r de Boutenew avait reçu ordre de la faire, même avant l'arrivée du comte Orlow à Constantinople, et qu'à cette époque, elle y provoqua des objections de plusieurs membres du Divan“. Lorsque le prince de Lieven se mit à contester cette assertion du ministre anglais, celui-ci lui posa à brûle-pourpoint la question suivante: „En ce cas, pourquoi en avez vous fait mystère?“ La conclusion du traité d'Unkiar-Skelessi fut gardée dans le plus profond secret et soustrait à la connaissance, non seulement de la France et de l'Angleterre, mais encore de l'Autriche qui ne cessait d'exalter le désintéressement de la politique russe en Orient. Ce pacte fut signé le 8 juillet et encore le 1 août le prince de Metternich en ignorait l'existence et déclarait sa signature — impossible.

L'ambassadeur expliquait la nécessité de ce mystère par l'attitude hostile de la France et de l'Angleterre à l'égard de la Russie. Alors lord Palmerston ne se fit aucun scrupule d'avouer franchement que l'Angleterre n'éleverait aucune objection à ce que le trône du Sultan fût occupé par Méhémet-Ali. L'ambassadeur fit observer à ce sujet que la Russie ne saurait jamais admettre une pareille éventualité. (Rapport du prince de Lieven du 15 (27) décembre 1833).

Toutefois à mesure que l'Angleterre se rendait compte de l'impossibilité de faire la guerre à la

Нессельроде отъ 5-го августа, въ которой убѣдительнымъ образомъ доказывалось, что общее запрещеніе прохода военныхъ судовъ относится ко всѣмъ, безъ исключенія, военнымъ судамъ и что, слѣдовательно, въ пользу русскихъ военныхъ судовъ не установлено никакой привиллегіи русско-турецкимъ союзнымъ трактатомъ. Кстати посолъ сталъ восхвалять великодушіе своего Государя, который не воспользовался чрезвычайно благопріятными обстоятельствами, чтобъ добиться какихъ-нибудь исключительныхъ для Россіи выгодъ.

Тогда лордъ Пальмерстонъ довольно язвительно спросилъ русскаго посла: „Однако, если этотъ трактатъ не принесъ вамъ ни выгодъ, ни новыхъ привиллегій, кто же васъ заставилъ заключить его?“ На этотъ вопросъ князь Ливенъ отвѣтилъ, что Порта настаивала на его заключеніи въ виду возможныхъ новыхъ нападеній, чтобъ имѣть за собою „моральную гарантію, равносильную всѣмъ матеріальнымъ гарантіямъ“.

„Итакъ по вашему“, возразилъ лордъ Пальмерстонъ, „Порта первая предложила этотъ актъ? Однако, мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что отъ васъ исходило предложеніе, что Бутеневу было приказано сдѣлать такое предложеніе даже до прибытія въ Константинополь графа Орлова и что въ то время многіе члены дивана возставали противъ него“. Когда князь Ливенъ сталъ оспаривать такое утвержденіе англійскаго министра, послѣдній ему въ упоръ поставилъ вопросъ: „Въ такомъ случаѣ, почему вы окружили такою тайною это дѣло?“ Не только отъ Англіи и Франціи, но даже отъ Австріи, всегда горою стоявшей за безкорыстіе русской политики на Востокѣ, заключеніе Ункіаръ-Искелесскаго трактата было сохранено въ величайшемъ секретѣ. Подписанъ былъ этотъ актъ 8-го іюля, еще 1-го августа князь Ментернихъ ничего не зналъ о его существованіи и объявилъ его подписаніе невозможнымъ.

Русскій посолъ объяснилъ сохраненіе тайны враждебною политикою Англіи и Франціи противъ Россіи. Тогда лордъ Пальмерстонъ совершенно откровенно признался, что Англія ничего не имѣетъ противъ занятія Мегеметомъ-Али турецкаго престола. На это посолъ замѣтилъ, что именно этого Россія никогда не допуститъ. (Донесеніе князя Ливена отъ 15-го (27) декабря 1833 года).

Однако, по мѣрѣ того какъ Англія убѣждалась въ невозможности воевать съ Рос-

Russie, faute d'alliés sur lesquels elle pût se reposer, lord Palmerston baissait de ton dans ses explications avec l'ambassadeur de Russie. Dans le cours du mois janvier 1834, il prétendait n'avoir jamais consenti à voir le pacha d'Egypte sur le trône du Sultan. Il crut devoir se rectifier assurant avoir dit: si l'Empereur de Russie devait occuper le trône du Sultan, il eut préféré y voir Méhémet-Ali. Lord Palmerston fit plus, il chargea m-r Bligh, ministre d'Angleterre, de déclarer au gouvernement impérial, qu'il était entièrement satisfait des explications que le prince de Lieven lui avait données au sujet du l'origine et du but du traité turco-russe.

En présence de ce changement d'attitude du Cabinet anglais, l'Empereur Nicolas I jugea également possible de modifier la nature de ses explications avec l'Angleterre quant à la forme et au contenu.

„Puisque l'Angleterre devient aimable", écrivait le comte Nesselrode en janvier 1834, „nous le serons aussi. Nous la payerons toujours avec sa propre monnaje". Comme le gouvernement anglais *demande* avec politesse des explications sur quelques points, sans l'exiger, l'ambassadeur est autorisé à les donner. Il peut affirmer avec certitude que la flotte militaire russe dans la mer Noire n'a pas été augmentée. Le nombre des bâtiments de guerre dans la Baltique est aujourd'hui le même qu'à l'époque de Cathérine II et d'Alexandre I. La ville d'Abo n'est pas fortifiée. On n'a construit qu'une „caserne fortifiée" pour 2 bataillons aux îles d'Aland. Il serait puérile d'affirmer qu'elle pût menacer la sécurité de l'Angleterre. Les plaintes de l'Angleterre, au sujet des armemens de la Russie dans le royaume de Pologne, semblent tout aussi étranges en présence du fait que les Puissances limitrophes n'élèvent aucune réclamation à ce sujet. Enfin, demande le Vice-Chancelier, le consentement éventuel de l'Angleterre de remplacer le Sultan, ami du gouvernement russe par Méhémet-Ali, son adversaire, ne présente-t-il pas bien plus de danger pour la Russie qu'une caserne fortifiée sur les îles d'Aland—pour l'Angleterre. (Dépêche du comte Nesselrode du 4 (16) janvier 1834).

Il ne fut pas reservé au prince de Lieven de poursuivre ces pourparlers au sujet du but et du contenu du traité turco-russe. A l'occasion de la majorité du Grand Duc Héritier Césarevitch Alexandre Nicolaévitch l'Empereur nomma le prince de Lieven curateur auprès de Son

сіею, не имѣя никакихъ надежныхъ союзниковъ, по мѣрѣ того лордъ Пальмерстонъ смягчалъ тонъ своихъ объясненій съ русскимъ посломъ. Въ январѣ 1834 года онъ сталъ даже отрицать, что соглашался видѣть египетскаго пашу на престолѣ султановъ. Онъ поправился въ томъ смыслѣ, что будто сказалъ: если турецкій престолъ долженъ занять русскій Императоръ, то онъ предпочелъ бы видѣть на немъ Мегемета-Али. Лордъ Пальмерстонъ даже поручилъ англійскому посланнику Mr. Bligh объявить Императорскому правительству, что онъ удовлетворенъ данными ему княземъ Ливеномъ объясненіями насчетъ происхожденія и цѣли русско-турецкаго трактата.

Въ виду такой перемѣны поведенія англійскаго кабинета, Императоръ Николай I счелъ возможнымъ также измѣнить тонъ и содержаніе своихъ объясненій съ Англіею.

„Такъ какъ Англія становится любезною", писалъ гр. Нессельроде въ январѣ 1834 года, „то и мы также будемъ любезны. Мы всегда будемъ ей платить ея собственною монетою". И такъ какъ англійское правительство учтиво *проситъ* (не требуетъ) объясненій по нѣкоторымъ вопросамъ, то посолъ можетъ ему ихъ дать. Онъ можетъ положительно утверждать, что русскій военный флотъ въ Черномъ морѣ нисколько не увеличенъ. Въ Балтійскомъ морѣ число военныхъ судовъ тоже самое, что было при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Въ городѣ Або совсѣмъ нѣтъ укрѣпленій. На Аландскихъ островахъ построена на 2 баталіона „укрѣпленная казарма". Утверждать, что эта казарма угрожаетъ безопасности Англіи — по меньшей мѣрѣ смѣшно. Не менѣе странною представляется жалоба Англіи на русскія вооруженія въ Царствѣ Польскомъ, когда сосѣднія съ Россіею государства ничего не возражаютъ противъ этихъ укрѣпленій. Наконецъ, спрашиваетъ Вице-Канцлеръ, развѣ согласіе Англіи на мѣсто дружескаго по отношенію къ Россіи султана возвести на турецкій престолъ врага ея — Мегемета-Али, не представляетъ гораздо большую для Россіи опасность, нежели для Англіи укрѣпленная казарма на Аландскихъ островахъ? (Депеша гр. Нессельроде отъ 4-го (16-го) января 1834 г.).

Князю Ливену не суждено было продолжать эти переговоры насчетъ цѣли и содержанія русско-турецкаго союзнаго трактата. По случаю достиженія Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ совершеннолѣтія, Государь Императоръ назначилъ князя

Altesse Impériale par un oukaze du 22 avril 1834. Le prince de Lieven fut très satisfait de cette nomination flatteuse et quitta son poste à la Cour de St.-James en été de la même année. Lord Palmerston ne dissimula pas sa joie à l'occasion du rappel du prince de Lieven, mais cette joie devait se dissiper aussitôt quand il apprit que le comte Pozzo di Borgo, qu'il connaissait comme un diplomate habile et un homme ayant la conscience de sa dignité, — était appelé à le remplacer.

Le comte Medem, conseiller d'ambassade à Paris fut provisoirement transféré à Londres pour gérer les affaires de l'ambassade impériale. Les vues du gouvernement impérial sur les relations avec l'Angleterre se trouvaient exposées dans les instructions au comte Medem, en date du 1 (13) juin 1834. Les ministres anglais, était-il dit dans ce document intéressant, ne démordent pas de la pensée que la Russie est pénétrée d'intentions hostiles à l'égard de l'Angleterre. Ils croient voir partout des ennemis poussés par la Russie contre les intérêts anglais non seulement en Europe, mais en Asie et en Amérique. Le comte Medem devait toujours avoir en vue la ferme résolution de l'Empereur d'entretenir avec l'Angleterre les relations les plus amicales „qui depuis tant d'années unissent la Russie à la Grande Bretagne".

„Ce desir", poursuit le comte Nesselrode, „a dirigé de tout temps, et ne cessera de diriger, la politique de l'Empereur, parcequ'il croit l'union des deux pays également avantageuse à leurs relations commerciales, et nécessaire à la conservation des grands intérêts de l'Europe, nommément à l'affermissement de la tranquillité générale".

L'Empereur ne désire pas intervenir dans les affaires intérieures des autres Etats, mais il n'admettra pas non plus une ingérence dans les siennes. „Mais si jamais le Ministère britannique", déclare le Vice-Chancelier, „venait à blesser Notre Auguste Maître dans l'exercice légitime de ses droits, par rapport à une question vraiment russe, une rupture en deviendrait la conséquence infaillible; l'Empereur en accepterait les chances avec une pleine confiance dans la justice de sa cause". Grâce à Dieu, le conflit au sujet du traité turco-russe se termina. Lord Palmerston l'avait provoqué uniquement parcequ'il sentait combien le rôle de l'Angleterre était effacé dans les affaires

Ливена, указомъ отъ 22-го апрѣля 1834 года, попечителемъ къ Великому Князю. Князь Ливенъ былъ чрезвычайно доволенъ этой высокой честью и лѣтомъ того же года покинулъ свой постъ при С.-Джемскомъ дворѣ. Лордъ Пальмерстонъ не скрывалъ своей радости по случаю удаленія князя Ливена. Но эта радость продолжалась весьма недолго: онъ весьма скоро узналъ, что на постъ русскаго посла въ Лондонѣ назначается графъ Поццо-ди-Борго, котораго онъ зналъ, какъ ловкаго дипломата и сознающаго свое достоинство человѣка.

Для временнаго управленія дѣлами Императорскаго посольства былъ переведенъ изъ Парижа въ Лондонъ совѣтникъ посольства — графъ Медемъ. Въ инструкціи отъ 1 (13) іюня 1834 года графу Медему объясняется основная точка зрѣнія Императорскаго правительства на отношенія его къ Англіи. Англійскимъ министрамъ, говорится въ этомъ любопытномъ актѣ, засѣла въ голову мысль, что Россія проникнута враждебными замыслами противъ Англіи. Вездѣ имъ мерещатся враги, двинутые Россіею противъ англійскихъ интересовъ не только въ Европѣ, но также въ Азіи и Америкѣ. Но графъ Медемъ обязанъ постоянно имѣть въ виду непоколебимое рѣшеніе Государя поддерживать съ Англіею самыя дружескія отношенія, которыя „въ продолженіи уже столькихъ лѣтъ соединяютъ Россію съ Великобританіею".

„Это желаніе", продолжаетъ гр. Нессельроде, „всегда руководило и не перестаетъ руководить политикою Государя Императора, ибо онъ убѣжденъ въ томъ, что союзъ обоихъ народовъ настолько же выгоденъ для ихъ коммерческихъ интересовъ, насколько необходимъ для охраненія великихъ интересовъ Европы и въ особенности для укрѣпленія всеобщей тишины".

Государь Императоръ не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ, но онъ также не допуститъ вмѣшательства въ свои собственныя дѣла. „Однако, еслибъ когда либо англійское правительство", заявляетъ Вице-Канцлеръ, „посягнуло на осуществленіе нашимъ августѣйшимъ Государемъ своихъ законныхъ правъ въ отношеніи какого либо дѣйствительно русскаго вопроса, разрывъ былъ бы неминуемымъ послѣдствіемъ и Государь принялъ бы всѣ вытекающія изъ него обстоятельства съ полною увѣренностью въ справедливости своего дѣла". Слава Богу, споръ изъза русско-турецкаго трактата кончился. Лордъ Пальмерстонъ вызвалъ это столкновеніе только

d'Orient comparativement à celui de la Russie, si éclatant.

Lord Palmerston accueillit le comte Medem de la manière la plus aimable et se plaça aussitôt sur un pied de franchise avec lui. Il voulait peut-être prouver ainsi au gouvernement impérial qu'un chargé d'affaires, comme le comte Medem, était plus à même, que le comte Pozzo di Borgo, d'entretenir la bonne intelligence entre les Cours de St. Pétersbourg et de Londres. Ainsi, en s'entretenant avec lui des affaires d'Asie, et particulièrement de celles de la Perse, le noble lord s'écria un jour: *„Dès que la Russie et l'Angleterre s'entendent la paix de l'Asie est assurée"*.

De grandes paroles, même dans la bouche de lord Palmerston! Il est à regretter que les hommes d'Etat anglais oublient trop facilement cette grande vérité contenue dans les paroles précitées du célèbre ministre des affaires étrangères.

Le chargé d'affaires de Russie s'empressa d'aller au devant des dispositions bienveillantes de lord Palmerston, ce qui porta celui-ci à plus de franchise encore. Le comte Medem lui dit sans détour, qu'il ne comprenait positivement pas les errements de la politique anglaise. D'une part, le noble lord ne cesse de l'assurer de ses intentions de marcher d'accord avec la Russie dans les affaires d'Orient, et de l'autre l'ambassadeur d'Angleterre à Constantinople, lord Ponsonby agit dans un sens directement opposé. La Russie applique tous ses efforts pour détourner le Sultan d'une marche agressive contre l'Egypte, et le gouvernement anglais ne croit pas moins qu'elle encourage les intentions de Méhémet-Ali et cherche par tous les moyens à amener une catastrophe en Orient, et la perte de l'Empire Ottoman.

Comment concilier des contradictions aussi manifestes?

Lord Palmerston fit à cette interpellation avec beaucoup de franchise la réponse suivante: „Peut-être est-ce faux que nous attribuons à votre Cour des vues secrètes ayant trait ou à un partage ou à un démembrement de l'Empire Ottoman; mais il n'est pas moins vrai que cette idée prévaudra ici aussi longtemps que la Turquie se trouvera dans l'état de dépendance, où l'a placée le traité du 8 juillet... Nous rendrons justice à la modération de l'Empereur, nous reconnaîtrons ses efforts pour le maintien de la paix, mais nos craintes ne cesseront pas relati-

потому, что чувствовалъ, насколько плачевна была роль Англіи въ восточныхъ дѣлахъ сравнительно съ блестящею ролью Россіи.

Лордъ Пальмерстонъ принялъ графа Медема весьма любезно и немедленно вступилъ съ нимъ въ откровенности. Онъ можетъ быть желалъ доказать Императорскому правительству, что такой повѣренный въ дѣлахъ, какъ графъ Медемъ, лучше, чѣмъ графъ Поццо-ди-Борго, можетъ поддерживать согласіе между Лондонскимъ и С.-Петербургскимъ дворами. Такъ, говоря съ Медемомъ объ азіятскихъ дѣлахъ и въ частности о Персіи, благородный лордъ разъ воскликнулъ: *„Съ того момента, какъ Россія и Англія между собою согласны, миръ въ Азіи обезпеченъ!"*

Великія слова, даже въ устахъ лорда Пальмерстона! Къ крайнему сожалѣнію, весьма рѣдко великобританскіе государственные люди вспоминаютъ о великой истинѣ, заключающейся въ приведенныхъ словахъ знаменитаго англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Русскій повѣренный въ дѣлахъ охотно пошелъ на встрѣчу благодушному настроенію лорда Пальмерстона и вызвалъ его на еще большія откровенности. Онъ ему откровенно сказалъ, что совершенно не понимаетъ англійской политики. Съ одной стороны, благородный лордъ постоянно увѣряетъ его въ своемъ намѣреніи въ восточныхъ дѣлахъ идти рука объ руку съ Россіею; съ другой же стороны, англійскій посолъ въ Константинополѣ, лордъ Понсонби, дѣйствуетъ въ противоположномъ смыслѣ. Россія всѣми силами старается удерживать султана отъ воинственныхъ замысловъ противъ Египта, но англійское правительство увѣрено, что Россія, напротивъ, поддерживаетъ Мегемета-Али и всѣми силами желаетъ вызвать катастрофу на Востокѣ и гибель Оттоманской имперіи.

Какъ же понять такія явныя противорѣчія?

Лордъ Пальмерстонъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ весьма откровенно слѣдующими словами: „можетъ быть это ложно, но мы приписываемъ вашему правительству секретные планы насчетъ раздѣленія или расчлененія Оттоманской имперіи. Однако, тѣмъ не менѣе вѣрно, что эта идея будетъ здѣсь господствовать до тѣхъ поръ, пока Турція будетъ находиться въ состояніи зависимости, въ которое ее поставилъ трактатъ отъ 8-го іюля... Мы отдаемъ справедливость умѣренности вашего Государя; мы признаемъ его усилія для сохраненія мира,

vement aux conséquences de la suprématie russe en Orient".

Ainsi, d'après les paroles de lord Palmerston, ce n'était que le traité d'Unkiar-Skelessi qui excitait et entretenait les sentiments de jalousie et d'hostilité de l'Angleterre à l'égard de la Russie. Mais l'événement prouva bientôt que la révocation de ce traité ne contribua nullement à dissiper ces dispositions malveillantes.

Aussi le comte Medem avait-il parfaitement raison de résumer les résultats de ses conversations avec les hommes d'Etat anglais dans les trois points suivants: „1) que jamais nous ne parviendrons à inspirer à l'Angleterre une confiance véritable dans notre désintéressement et notre loyauté, quels que soient nos efforts pour arriver à ce résultat; 2) que le gouvernement britannique croira devoir profiter de chaque nouvel incident pour chercher par tous les moyens en son pouvoir à nuire à nos relations d'intimité avec la Porte; 3) que si la Cour de Londres témoigne le désir de s'entendre avec nous pour maintenir et consolider l'Empire Ottoman, elle y est portée par le besoin de conserver la paix et de contrôler le degré de notre influence". (Rapport du comte Medem du 14 (26) septembre 1834).

Cette appréciation de la politique anglaise, faite par le comte Medem, obtint la complète approbation de l'Empereur Nicolas I qui inscrivit comme annotation sur ce rapport: „Medem a parfaitement parlé", et fut en outre justifiée par tous les événements ultérieurs. Le comte Medem eut lieu de s'en convaincre lui-même à l'occasion du changement du ministère en Angleterre. Le Cabinet de lord Grey, y compris lord Palmerston, dut céder la place à un ministère tory, en tête duquel se trouvaient lord Wellington et sir Robert Peel, en décembre 1834.

Tant qu'ils n'étaient pas aux affaires ces deux hommes d'Etat blâmaient hautement l'attitude de lord Palmerston et de lord Grey à l'égard de la Russie, particulièrement dans la question du traité de juillet. C'est pour ce motif que le gouvernement impérial crut devoir recommander au comte Medem, par une dépêche du 26 décembre 1834, d'expliquer avec franchise aux nouveaux ministres les circonstances qui ont présidé à la signature du traité. Le comte Medem s'empressa de chercher l'occasion de donner à sir Robert Peel et à lord Wellington ces explications. Il se fit un devoir de leur communiquer la copie des dépêches reçues de St. Pétersbourg

но наши опасенія не исчезнутъ насчетъ послѣдствій господства Россіи на Востокѣ".

Такимъ образомъ, по словамъ лорда Пальмерстона, только Ункіаръ-Искелесскій трактатъ возбуждалъ и поддерживалъ чувства зависти и непріязни Англіи въ отношеніи Россіи. Но весьма скоро оказалось, что отмѣна этого трактата нисколько не уменьшила ея враждебныхъ чувствъ.

Вотъ почему графъ Медемъ былъ совершенно правъ, когда онъ изъ откровенныхъ разговоровъ съ англійскими государственными людьми вывелъ слѣдующія три заключенія: 1) „никогда мы не успѣемъ вселить Англіи дѣйствительнаго довѣрія къ нашему безкорыстію и добросовѣстности, какія бы усилія мы ни дѣлали для этой цѣли; 2) англійское правительство будетъ пользоваться каждымъ новымъ случаемъ, чтобъ всѣми имѣющимися у него средствами вредить нашимъ дружескимъ отношеніямъ къ Портѣ; 3) если Лондонскій дворъ изъявляетъ желаніе согласиться съ нами для поддержанія и упроченія Оттоманской имперіи, то онъ вынужденъ это дѣлать въ силу необходимости сохранять миръ и контролировать дѣйствіе нашего вліянія". (Донесеніе гр. Медема отъ 14-го (26-го) сентября 1834 года).

Характеристика англійской политики, данная графомъ Медемомъ, не только вызвала полное одобреніе Императора Николая I, написавшаго на его донесеніи: „Медемъ отлично говорилъ", но она вполнѣ оправдывалась во всѣ послѣдующія времена. Наконецъ, самъ Медемъ могъ въ этомъ убѣдиться по случаю перемѣны англійскаго министерства. Кабинетъ лорда Грея, вмѣстѣ съ лордомъ Пальмерстономъ, долженъ былъ уступить свое мѣсто торійскому министерству, во главѣ котораго стали герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль. Это случилось въ декабрѣ 1834 года.

Пока эти оба государственные человѣка были не у дѣлъ, они горячо осуждали образъ дѣйствія лордовъ Пальмерстона и Грея въ отношеніи Россіи по поводу іюльскаго трактата. Вотъ почему Императорское правительство, депешею отъ 26-го декабря 1834 года, предписало графу Медему откровенно объяснить новымъ министрамъ обстоятельства, при которыхъ упомянутый трактатъ былъ подписанъ. Графъ Медемъ поспѣшилъ объясниться съ сэромъ Робертомъ Пилемъ и герцогомъ Веллингтономъ. Онъ имъ сообщилъ копіи съ полученныхъ изъ С.-Петербурга депешъ и съ увлеченіемъ доказывалъ, что исключительно

et s'appliquait à démontrer avec ardeur que le traité turco-russe était uniquement provoqué par le désir de sauver la Turquie d'une perte imminente.

Quel fut l'accueil que firent les deux célèbres hommes d'Etat anglais à ces épanchements du chargé d'affaires de Russie?

Sir Robert Peel ne contesta pas la réalité des circonstances qui ont présidé à la conclusion du traité de juillet, et consentit même à en reconnaître l'action bienfesante sur la Turquie. Mais il se refusa de convenir de la nécessité de conclure ce pacte, et surtout de celle d'y insérer l'article séparé sur les détroits. „Pourquoi ce traité,“ demandait-il au comte Medem, „pourquoi la stipulation relative aux Dardanelles, pourquoi cette épithète de *séparé*, lorsque le Cabinet russe s'efforce de démontrer qu'il ne s'est assuré par là aucun avantage exclusif, aucun droit qu'il n'eut pas déjà possédé antérieurement. Il n'y a guère une différence bien tranchée entre la partie d'une alliance *défensive* ou d'une *offensive*, car tout dépend de l'interprétation qu'on veut donner à ces mots quand il s'agit d'en faire l'application“.

Le comte Medem interrompit sir Robert Peel et mit tout son zèle à lui prouver, que son Souverain n'avait en vue que d'épargner à la Porte une chute imminente. Le ministre anglais ne contestait point les intentions généreuses de l'Empereur de Russie, mais se refusait de comprendre le mystère impénétrable dont les pourparlers du comte Orlow avec la Porte étaient entourés. Finalement Robert Peel posa au chargé d'affaires de Russie la question suivante: „Que fera votre gouvernement si une Puissance maritime, se trouvant en guerre avec lui, voulait forcer les détroits et que les Turcs ne se crussent pas en état d'en empêcher le passage?“

En réponse à cette grave et délicate question, le comte Medem déclarait que, si la Porte cédait à la menace et accordait le passage des détroits, „elle deviendrait notre ennemie“. Si elle s'y opposait, „nous accourerons à son secours avec toutes nos forces disponibles“.

Tel fut l'entretien de notre chargé d'affaires avec l'homme d'Etat anglais qui par ses capacités politiques remarquables et par son intelligence, était dans le véritable sens du mot l'âme du nouveau ministère tory. Il est à remarquer que dans la question de la portée du traité turco-russe sir Robert Peel partageait entière-

желаніемъ спасти Турцію отъ неминуемой гибели было вызвано заключеніе русско-турецкаго союзнаго трактата.

Какъ же отнеслись къ этимъ откровенностямъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ оба знаменитые англійскіе государственные дѣятеля?

Сэръ Робертъ Пиль не оспаривалъ обстоятельствъ, при которыхъ іюльскій трактатъ былъ заключенъ, и даже согласился признать его благотворное вліяніе на Турцію. Но онъ не могъ признать необходимости заключенія этого акта, и меньше всего включенія въ него отдѣльной статьи о проливахъ. „Для чего этотъ трактатъ“, спросилъ онъ гр. Медема, „для чего постановленіе о Дарданеллахъ; для чего это названіе: *отдѣльное*, если русскій кабинетъ силится доказать, что онъ этимъ актомъ не обезпечилъ за собою никакой исключительной выгоды, никакого права, которымъ онъ раньше не обладалъ? Нѣтъ особенно рѣзкой разницы между *оборонительнымъ* и *наступательнымъ* союзомъ, ибо все зависитъ отъ толкованія, которое желаешь дать этимъ словамъ въ случаѣ надобности“.

Графъ Медемъ прервалъ сэра Роберта Пиля и горячо сталъ доказывать, что его Государь желалъ только спасти Турцію отъ неминуемой гибели. Англійскій министръ не отрицалъ великодушныхъ намѣреній русскаго Царя, но всетаки не могъ понять, почему такою непроницаемою тайною были окружены переговоры между графомъ Орловымъ и Портою. Наконецъ, сэръ Робертъ Пиль поставилъ русскому повѣренному слѣдующій вопросъ: „Что сдѣлаетъ ваше правительство, если какая-либо морская держава, находящаяся въ войнѣ съ вами, пожелала бы прорваться черезъ проливы, и если Турки не считали бы себя въ силахъ препятствовать проходу?“

Графъ Медемъ отвѣтилъ на этотъ очень важный и щекотливый вопросъ: если Порта уступитъ угрозѣ и пропуститъ чрезъ проливы, то она „сдѣлается нашимъ врагомъ“. Если она воспротивится, „мы поспѣшимъ къ ней на помощь со всѣми нашими свободными силами.“

Такова была бесѣда русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ съ тѣмъ англійскимъ государственнымъ мужемъ, который по своимъ замѣчательнымъ политическимъ способностямъ и уму былъ, въ полномъ смыслѣ слова, душою новаго торійскаго министерства. Нельзя не замѣтить, что въ вопросѣ о значеніи русско-турецкаго союз-

ment les vues de lord Palmerston. C'était même peut-être la seule question sur laquelle ces deux hommes d'Etat anglais fussent complètement d'accord.

Quelle fut l'attitude de lord Wellington par rapport à ce pacte depuis qu'il eut pris possession de son siège ministériel? Il commença son entretien avec le comte Medem en l'assurant que, d'après sa profonde conviction, la Russie et l'Angleterre devaient toujours être unis par des liens d'entente et d'amitié. Mais, ajoutait-il, ces derniers temps deux nuages surgirent à l'horizon dans leurs relations mutuelles: la question polonaise et le traité turco-russe. Dans le Royaume de Pologne l'Empereur agit d'une manière parfaitement légitime, et lord Wellington n'hésita pas à approuver sans réserve la révocation des immunités accordées aux Polonais par l'Empereur Alexandre I.

L'autre question fut celle du traité de juillet. Le duc s'abstint de discuter sur les circonstances et les motifs qui ont pu amener la conclusion de ce pacte. Mais, poursuivait-il, „un fait patent et positif—c'est *l'existence de ce traité* qui est envisagé par le public de tous les pays comme plaçant la Turquie dans un état de vasselage vis-à-vis de la Russie. Cette opinion est générale, elle durera aussi longtemps que le traité subsistera et il n'y a pas un de nous qui osera à entreprendre de défendre cet acte, quoique j'admette qu'il n'est au fond d'aucune valeur pour le gouvernement impérial, l'article séparé ne lui assurant aucun avantage nouveau et exclusif".

„Je vais plus loin, je prétends que cet acte non seulement n'assura point à la Russie une action prépondérante en Orient, mais même qu'il n'augmente en rien les chances pour le maintien de la paix dans ces contrées". (1854!) A titre de preuve lord Wellington cita le fait que Méhémet-Ali dut se soumettre non seulement à la volonté de la Russie, mais à celle des autres grandes Puissances.

„Après cette expérience", disait le duc, „après que la Cour de Russie est convaincue et qu'elle nous prouve que ce traité n'est au fond d'aucune importance réelle pour elle, pourquoi, si le Sultan s'y prêtait de son côté, ne résilierait-elle pas un acte qui éveille contre elle à un

наго трактата сэръ Робертъ Пиль совершенно раздѣлялъ взгляды лорда Пальмерстона. Можетъ быть единственно въ этомъ вопросѣ оба англійскіе государственные дѣятеля были совершенно одинаковаго мнѣнія.

Посмотримъ теперь, какъ отнесся герцогъ Веллингтонъ къ этому самому акту послѣ занятія имъ министерскаго кресла. Онъ началъ свою бесѣду съ графомъ Медемомъ съ увѣренія, что, по его глубокому убѣжденію, Россія и Англія всегда должны быть связаны узами союза и дружбы. Но, прибавилъ онъ, въ послѣднее время на горизонтѣ ихъ взаимныхъ отношеній появились двѣ тучи: польское дѣло и русско-турецкій трактатъ. Въ Царствѣ Польскомъ Государь Императоръ поступилъ совершенно законнымъ образомъ, и герцогъ Веллингтонъ вполнѣ одобряетъ отмѣну вольностей, дарованныхъ Полякамъ Императоромъ Александромъ I.

Другое дѣло: іюльскій трактатъ! Герцогъ не сталъ спорить насчетъ обстоятельствъ и мотивовъ, приведшихъ къ заключенію этого акта. Но, продолжалъ онъ, „имѣется одинъ явный и положительный фактъ, это — *существованіе этого трактата*, который, по общественному мнѣнію всѣхъ странъ, ставитъ Турцію въ положеніе вассальности по отношенію къ Россіи. Это общее мнѣніе, которое будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать этотъ трактатъ, и между нами (министрами) не найдется, никого, кто осмѣлился бы защищать этотъ актъ, хотя я допускаю, что въ сущности онъ не имѣетъ никакого значенія для Императорскаго правительства и что отдѣльная статья не обезпечиваетъ за нимъ никакой новой или исключительной выгоды"...

„Я иду еще дальше", продолжалъ старый герцогъ съ рѣдкою прозорливостію, „я утверждаю, что этотъ актъ не только не обезпечиваетъ за Россіею преобладающаго вліянія на Востокѣ, но даже онъ ни въ чемъ не увеличиваетъ ручательства сохраненія мира въ тѣхъ странахъ". (1854 годъ!) Въ видѣ доказательства герцогъ Веллингтонъ привелъ тотъ фактъ, что Мегеметъ-Али долженъ былъ покориться не только по волѣ Россіи, но также другихъ великихъ державъ.

„Въ виду такого опыта", продолжалъ свою рѣчь герцогъ, „и въ виду того, что само Императорское правительство убѣждено и намъ доказываетъ, что этотъ трактатъ, въ сущности, не имѣетъ никакого положительнаго для него значенія, почему, если султанъ, съ своей сторо-

si haut degré l'animosité nationale dans tous les pays et principalement dans celui-ci? Je le déclare en toute franchise, aussi longtemps que ce traité sera en force, il nous sera impossible de ne pas avoir parfois à nous reprocher des reticences envers votre gouvernement avec lequel nous aimerions tant nous entendre sur tous les points.“ (Rapport du comte Medem du 22 janvier (3 février) 1835).

Toutefois, le duc de Wellington s'empressa d'ajouter qu'il ne se permettait pas de s'adresser à l'Empereur Nicolas I avec une réclamation. Il se bornait à exprimer un voeu personnel, en vue du grand avantage de bonnes relations et d'une entente entre la Russie et l'Angleterre.

Il est hors de doute que les paroles précitées du duc de Wellington diffèrent notablement de l'appréciation du traité de juillet telle qu'il l'avait énoncée au prince de Lieven et au comte Matuszevic. L'influence du poste ministériel et de la responsabilité qu'il incombe se trahit dans cette circonstance d'une manière manifeste. D'une autre part, l'impartialité nous commande de reconnaître dans les paroles du duc un grand fond de logique et une vue nette sur la situation politique crée par l'alliance turco-russe sur la mer de Marmara. Le duc de Wellington était parfaitement d'accord avec lord Palmerston dans cette question, mais son argumentation était pénétrée du désir sincère d'entretenir de bonnes relations avec la Russie.

L'Empereur Nicolas I ne fit aucune annotation sur l'intéressant rapport du comte Medem, qui rendait compte des entretiens susmentionnés avec sir Robert Peel et le duc de Wellington. Mais il suffit de se rappeler le profond respect que l'Empereur Nicolas I professait pour le héros de Waterloo pour comprendre l'impression que les paroles du duc ont dû faire sur ce souverain. Il est fort possible que ces épanchements du duc aient contribué pour une bonne part à décider l'Empereur de ne point renouveler le traité d'Unkiar-Skelessi et de convertir l'article séparé en un acte international, obligatoire pour tous. Cette transaction fut signée en 1841.

Toutefois, lorsque le comte Pozzo di Borgo arriva à Londres pour prendre possession de son poste, on lui recommandait de ne point en-

пы, изъявитъ свое согласіе, не отмѣнитъ оно акта, возбуждающаго въ такой степени и во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ Англіи, національную ненависть? Я совершенно откровенно объявляю, пока этотъ трактатъ будетъ имѣть обязательную силу, намъ невозможно будетъ упрекать себя иногда въ недовѣріи къ вашему правительству, съ которымъ мы такъ желаемъ быть въ согласіи по всѣмъ вопросамъ“. (Донесеніе гр. Медема отъ 22-го января (3 февр.) 1835 года).

Впрочемъ, герцогъ Веллингтонъ не замедлилъ прибавить, что онъ не осмѣливается обратиться къ Императору Николаю I съ требованіемъ. Онъ только выражаетъ свое сердечное желаніе въ виду великой пользы добрыхъ отношеній и согласія между Англіею и Россіею.

Нѣтъ сомнѣнія, что вышеприведенныя слова герцога Веллингтона значительно отличаются отъ оцѣнки іюльскаго трактата, высказанной имъ прежде князю Ливену и графу Матушевичу. Вліяніе министерскаго поста и связанной съ нимъ отвѣтственности проявляется и въ данномъ случаѣ весьма рельефнымъ образомъ. Но, съ другой стороны, безпристрастіе требуетъ признать за словами герцога большую логику и весьма трезвый взглядъ на политическое положеніе, созданное русско-турецкимъ союзомъ на берегахъ Мраморнаго моря. Герцогъ Веллингтонъ также сходился съ лордомъ Пальмерстономъ въ данномъ вопросѣ. Но его аргументація проникнута искреннимъ желаніемъ поддерживать добрыя отношенія съ Россіею.

Императоръ Николай I не сдѣлалъ никакой надписи на интересномъ донесеніи графа Медема, въ которомъ былъ данъ отчетъ о вышеприведенныхъ бесѣдахъ съ сэромъ Робертомъ Пилемъ и съ герцогомъ Веллингтономъ. Но если вспомнить, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относился Императоръ Николай Павловичъ къ герою Ватерлосской битвы, то будетъ понятно впечатлѣніе, произведенное на него словами герцога Веллингтона. Можетъ быть неошибочно будетъ думать, что вышеприведенныя откровенности герцога существеннымъ образомъ повліяли на рѣшеніе Императора не возобновлять Ункіаръ-Искелесскій трактатъ и обратить его сепаратную статью въ особенный общеобязательный международный актъ. Это случилось въ 1841 году.

Впрочемъ, когда графъ Поццо-ди-Борго, въ началѣ 1835 года, явился въ Лондонъ для занятія своего новаго поста, ему было предпи-

trer en discussion avec le gouvernement anglais au sujet du but et de la portée du traité de juillet 1833. L'Empereur exprimait son désir sincère de ne susciter aucune difficulté au ministère du duc de Wellington. La position du gouvernement impérial à l'égard de l'Angleterre devait rester „forte, calme et complètement indépendante".

Quant au traité de juillet, aux termes des instructions du 14 janvier 1835, le comte Pozzo di Borgo devait se rappeler que „tant que durera un état de paix si conforme à nos voeux, ce traité reposera dans nos archives comme un document historique dont la Russie se fait gloire, mais dont elle n'est nullement empressée d'invoquer les effets."

Le gouvernement impérial considérait en 1835 le maintien du traité d'alliance „non seulement comme une question" de dignité et d'honneur, mais encore comme une nécessité politique". C'est le motif pour lequel le comte Nesselrode ne pouvait accepter les observations du duc au sujet de ce pacte. On devait rappeler au chef du Cabinet anglais qu'après le traité d'Andrinople, il avait attribué à la Russie l'intention d'amener la chute de l'Empire Ottoman, tandis qu'aujourd'hui, il lui reprochait la conclusion d'un acte qui a uniquement pour but de sauvegarder l'existence de ce même Empire! (Instructions au comte Pozzo di Borgo du 14 janvier 1835).

Dès sa première entrevue avec l'ambassadeur de Russie, le duc de Wellington insistait, de la manière la plus catégorique, sur la nécessité que l'Empereur Nicolas fît une déclaration dans le but de rétablir la parité de toutes les grandes Puissances vís-à-vís de la Porte que le traité de juillet avait compromise. Le comte Pozzo di Borgo annonçait sans détour que jamais son souverain ne ferait une pareille déclaration. D'ailleurs l'ambassadeur ne voyait aucune nécessité de poursuivre ces débats au sujet du traité de juillet, car il prévoyait avec sureté la chute prochaine du ministère tory avec le duc de Wellington en tête.

En effet, en mars 1835 le ministère Wellington—Peel dut se retirer et un nouveau Cabinet fut constitué sous la direction de lord Melbourne, comme premier-ministre, et de lord Palmerston, comme secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères. D'après les informations de l'ambassa-

сано: не вступать въ споръ съ англійскимъ правительствомъ насчетъ цѣлей и значенія іюльскаго трактата 1833 года. Государь Императоръ выражалъ свое искреннее желаніе не воздвигать министерству герцога Веллингтона никакихъ затрудненій. Положеніе Императорскаго правительства останется, по отношенію къ Англіи, „сильнымъ, спокойнымъ и совершенно независимымъ".

Что касается іюльскаго трактата, то на основаніи инструкціи отъ 14-го января 1835 года, графъ Поццо-ди-Борго обязанъ былъ помнить, что „пока будетъ продолжаться мирное состояніе, столь согласное съ нашими видами, этотъ трактатъ останется въ нашихъ архивахъ историческимъ документомъ, которымъ гордится Россія, но котораго дѣйствіе она нисколько не спѣшитъ вызвать".

Императорское правительство признавало, въ 1835 году, сохраненіе іюльскаго союзнаго трактата не только „дѣломъ достоинства и чести", но также „политическою необходимостью". Вотъ почему графъ Нессельроде не могъ согласиться со всѣми критическими замѣчаніями герцога Веллингтона на іюльскій трактатъ. Герцогу слѣдуетъ напомнить, что послѣ Адріанопольскаго трактата онъ обвинялъ Россію въ намѣреніи разрушить Оттоманскую имперію. Теперь же онъ опять недоволенъ Россіею за заключеніе акта, имѣющаго единственною цѣлью сохраненіе той же Оттоманской имперіи! (Инструкція графу Поццо-ди-Борго отъ 14-го января 1835 года).

Въ первой же бесѣдѣ, которую новый русскій посолъ имѣлъ съ герцогомъ Веллингтономъ, послѣдній категорически настаивалъ на необходимости изданія Императоромъ Николаемъ I декларацiи, возстановляющей нарушенное іюльскимъ трактатомъ равенство всѣхъ великихъ державъ въ отношеніи Турціи. Графъ Поццо-ди-Борго столь же рѣшительно объявилъ, что никогда его Государь не издастъ подобной декларацiи. Посолъ не видѣлъ надобности продолжать подобные разговоры объ іюльскомъ трактатѣ уже потому, что былъ совершенно увѣренъ въ близкомъ паденіи торійскаго министерства съ герцогомъ Веллингтономъ во главѣ.

Дѣйствительно, въ мартѣ 1835 года министерство Веллингтона-Пиля должно было подать въ отставку, и во главѣ новаго правительства стали лордъ Мельборнъ, какъ премьеръ, и лордъ Пальмерстонъ, какъ статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ. Англійскій

deur, le roi d'Angleterre versa des larmes en prenant congé du duc de Wellington. Quant au nouveau Cabinet, le comte Pozzo di Borgo était d'avis „que nous rencontrerons des formes meilleures, et la même mauvaise volonté.“

Pour justifier cette manière de voir, le nouvel ambassadeur crut devoir esquisser une appréciation du régime politique intérieur de l'Angleterre. A son avis, la dernière crise mit au jour l'existence en Angleterre de deux grands partis: d'une part, nous trouvons le roi, la majorité des membres de la chambre des lords, l'église protestante, reconnue par la loi, les sommités commerciales et industrielles et la majorité des propriétaires dans les trois Royaumes-Unis, — de l'autre: les membres du vieux parti whig, qui s'est détaché de l'aristocratie, les sectaires et les dissidens, la petite bourgeoisie avec les républicains d'Ecosse et les catholiques d'Irlande.

Ces derniers ont dans la personne d'O'Conell un leader, très habile et intelligent, qui exerce une grande influence dans les sphères du gouvernement. L'ancienne repartition des partis politiques et „l'ancienne constitution“ n'existent plus. Le pouvoir royal se trouve réduit en Angleterre à „une ombre sans corps“ et n'a plus les moyens „ni de se faire craindre, ni de se faire aimer.“ Il a perdu toute influence et toute portée réelle.

Depuis l'époque, s'applique à démontrer le comte Pozzo di Borgo à son gouvernement, où le roi et l'aristocratie terrienne ont été dépouillés du pouvoir politique qui a passé entre les mains des classes industrielles, un coup mortel a été porté à la monarchie, et celle-ci est devenue une formule dépourvue de toute valeur intrinsèque. Tout le régime politique actuel de l'Angleterre repose sur l'alliance des whigs avec les radicaux. „L'esprit de parti a détruit en Angleterre l'esprit politique.“

En présence de ces faits, on comprendra les motifs pour lesquels le nouveau gouvernement anglais ne dissimule pas une animosité déclarée pour les grandes Puissances conservatrices du continent. C'est ce qui explique l'ascendant acquis par lord Palmerston sur l'administration actuelle. „Devenu jacobin“, écrit l'ambassadeur, „parcequ'il est apostat, il réunit à la violence du caractère un mauvais naturel et un fond de mauvaise volonté. Son esprit, quoique actif, est court et brouillon; il ne se prêtera jamais à rien qui soit conciliant ni qui tende à établir

король, по словамъ русскаго посла, плакалъ, когда разставался съ герцогомъ Веллингтономъ. Самъ же графъ Поццо-ди-Борго былъ того мнѣнія, что отъ новаго министерства „мы встрѣтимъ лучшія формы и ту же самую злую волю“.

Съ цѣлью доказать основательность своего мнѣнія, новый посолъ набросалъ характеристику внутреннихъ правительственныхъ порядковъ Англіи. По его мнѣнію, послѣдній кризисъ обнаружилъ существованіе въ Англіи двухъ главныхъ партій: на одной сторонѣ находятся — король, большинство членовъ палаты лордовъ, протестантская признанная закономъ церковь, именитое купечество и большинство землевладѣльцевъ трехъ соединенныхъ королевствъ; на другой — старые виги, измѣнившіе аристократіи, члены сектъ и диссиденты, мелкая буржуазія, вмѣстѣ съ шотландскими республиканцами и ирландскими католиками.

Послѣдніе имѣютъ, въ лицѣ О'Коннелля, замѣчательно ловкаго и умнаго коновода, имѣющаго огромное вліяніе на всѣ рѣшенія правительства. Старое раздѣленіе политическихъ партій и „старая конституція“ уже болѣе не существуютъ. Королевская власть обратилась въ Англіи „въ тѣнь безъ тѣла“ и не имѣетъ средствъ, ни „чтобъ заставить себя бояться, ни чтобъ заставить себя любить“. Она лишилась всякаго вліянія и дѣйствительнаго значенія.

Съ того времени, доказываетъ графъ Поццо-ди-Борго своему правительству, какъ король и поземельная аристократія лишились политической власти, перешедшей въ руки промышленной народной массы, монархіи былъ нанесенъ смертельный ударъ, и она обратилась въ форму, безъ всякого внутренняго содержанія. На союзѣ виговъ съ радикалами — вотъ на чемъ зиждется современный правительственный порядокъ Англіи. „Партійный духъ убилъ въ Англіи духъ политическій“.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, понятно будетъ, почему новое англійское правительство относится съ нескрываемою ненавистью къ великимъ консервативнымъ державамъ на европейскомъ материкѣ. Вотъ почему лордъ Пальмерстонъ получилъ такое преобладающее вліяніе въ англійскомъ правительствѣ. „Сдѣлавшись якобинцемъ“, пишетъ русскій посолъ про благороднаго лорда, „потому-что онъ отщепенецъ, онъ соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ буйностью характера, злой нравъ и много злой воли. Его умъ, хотя дѣятеленъ, все-таки не-

des relations amicales entre l'Angleterre et les grands alliés monarchiques."

Sur le compte de lord John Russell, qui commençait à percer, l'ambassadeur écrivait que „c'est un petit homme froid, ambitieux, rancuneux, avec beaucoup de persévérance et prêt à marcher, s'il est nécessaire, pour conserver son pouvoir, de réforme en réforme, jusqu'à la république... La haute aristocratie à laquelle il appartient n'a pas un ennemi plus inexorable".

En présence de cette influence de lord Palmerston et de lord John Russell sur la politique anglaise, il était difficile de compter sur de bonnes dispositions durables de l'Angleterre à l'égard de la Russie. Ces deux hommes d'Etat exploitaient habilement l'opinion publique en Angleterre, fortement excitée contre la Russie. Les whigs et les radicaux considéraient ce pays comme „la pierre fondamentale de l'édifice monarchique". Sans parler des révolutionnaires, „presque tout le monde" en Angleterre, écrivait le comte Pozzo di Borgo, „est animé de haîne contre la Russie". (Rapports du 16 (28) avril et du 3 (15) septembre 1835).

Les dispositions personnelles du comte Pozzo di Borgo et ses vues sur le ministère libéral, nouvellement constitué, ne pouvaient guère contribuer au rapprochement des deux gouvernements. L'ambassadeur de Russie avait souvent des conflits avec le chef du Foreign Office et ne dissimulait pas ses défiances à son égard. Il était indigné entr'autres du procédé suivant de lord Palmerston: celui-ci avait prié l'ambassadeur de lui confier pour son information personnelle une dépêche du comte Nesselrode, qui parlait de la satisfaction de la Cour de Russie au sujet de la nomination projetée de lord Durham au poste d'ambassadeur d'Angleterre à St. Pétersbourg. Le noble lord ne se fit aucun scrupule de montrer cette dépêche au Roi, qui fut très indigné de ce qu'on parlait et de ce qu'on écrivait de cette nomination avant qu'il l'eut sanctionnée. Le comte Pozzo di Borgo avait écrit à sa Cour de la nomination de lord Durham comme d'une hypothèse et ne pouvait pas se douter que la dépêche confiée à lord Palmerston tomberait entre les mains du roi d'Angleterre. (Rapport du 21 juin (3 juillet) 1835).

„Votre Altesse", écrivait le comte Pozzo di Borgo au prince de Lieven, gérant ad interim du ministère des affaires étrangères, „com-

далекій и смутный. Никогда онъ не согласится на что нибудь примирительное и способное установить дружескія отношенія между Англіею и великими союзными манархіями".

Про лорда Джона Росселя, тогда только-что выдвигавшагося, русскій посолъ писалъ, что это „маленькій холодный, честолюбивый и злопамятный человѣкъ, имѣющій много выдержки и готовый идти, если нужно, для сохраненія своей власти, отъ одной реформы къ другой—до республики... У высшей аристократіи, къ которой онъ принадлежитъ, нѣтъ болѣе заклятаго врага".

При такомъ вліяніи на англійскую политику лордовъ Пальмерстона и Джона Росселя, нечего было разсчитывать на постоянство добрыхъ отношеній Англіи къ Россіи. Оба эти государственные человѣка ловко экплуатируютъ общественное мнѣніе Англіи, столь сильно возбужденное противъ Россіи. Виги и радикалы усматриваютъ въ Россіи „краеугольный камень монархическаго зданія". Ненавистью къ Россіи проникнуты не только англійскіе революціонеры, но „почти всѣ въ этой странѣ"—писалъ гр. Поццо-ди-Борго. (Его донесенія отъ 16-го (28-го) апрѣля и 3-го (15-го) сентября 1835 года).

Личное настроеніе графа Поццо-ди-Борго и его взглядъ на вновь образованное либеральное англійское министерство не могли содѣйствовать сближенію обоихъ правительствъ. Русскій посолъ часто имѣлъ столкновенія съ главою англійскаго Foreign Office и онъ не скрывалъ того недовѣрія, съ которымъ онъ къ нему относился. Онъ былъ возмущенъ, между прочимъ, слѣдующимъ поступкомъ лорда Пальмерстона: послѣдній просилъ у посла, для личнаго прочтенія, депешу графа Нессельроде, въ которой выражается удовольствіе русскаго двора по случаю предположеннаго назначенія лорда Дюрэма великобританскимъ посломъ въ С.-Петербургъ. Благородный лордъ показалъ эту депешу королю, который возмутился тѣмъ, что о такомъ назначеніи говорятъ и пишутъ раньше, чѣмъ онъ его одобрилъ. Графъ Поццо-ди-Борго писалъ своему двору о назначеніи лорда Дюрэма, какъ о предположеніи, и совершенно не зналъ, что довѣренная имъ лорду Пальмерстону депеша перейдетъ въ руки англійскаго короля. (Донесеніе отъ 21-го іюня (3 іюля) 1835 года).

„Ваша Свѣтлость", писалъ графъ Поццо-ди-Борго князю Ливену, временно управлявшему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, „лучше

prend mieux que personne la difficulté de se conduire avec un tel homme que lord Palmerston. Elle en a fait l'expérience pénible durant de longues années. Je puis vous assurer, mon prince, que loin de s'améliorer, son mauvais naturel augmente chaque jour. Pour ce qui me concerne, je ne lui permettrai pas de prendre envers moi un ton et des libertés que je ne dois pas souffrir. Quant à ses plans hostiles, ils ne nous échapperont pas, et comme nos intérêts directs les plus grands sont sur les points où se porte son activité malfaisante, la nôtre ne sera pas moins vive, vigilante et efficace, pour les contrarier et les combattre". (Rapport du 19 (31) juillet 1835).

всѣхъ поймете, насколько затруднительно имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ лордъ Пальмерстонъ. Вы сами имѣете горькій опытъ за много лѣтъ. Я могу васъ, князь, увѣрить, что его дурной нравъ не только не улучшился, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ ухудшается. Что касается меня, я буду избѣгать вызывать его. Но я не позволю ему въ отношеніи меня тона и вольностей, которыхъ не могу терпѣть. Что касается его враждебныхъ плановъ, то мы ихъ откроемъ вовремя. И такъ какъ наши наибольшіе прямые интересы сосредоточиваются именно въ такихъ мѣстахъ, куда направляется его зловредная дѣятельность, то и наша дѣятельность будетъ не менѣе живою, бдительною и плодотворною съ цѣлью парализовать и уничтожить его планы". (Донесеніе отъ 19-го (31-го) іюля 1835 года).

L'Empereur Nicolas I approuvait complètement la manière d'agir et les dispositions de son ambassadeur à la Cour de Londres. Il ordonna au Vice-Chancelier de lui transmettre qu'il partageait entièrement ses vues, et qu'il considérait sa dépêche sur la situation intérieure de l'Angleterre „comme écrite sous sa dictée". „Notre Auguste Maître", écrivait le comte Nesselrode au comte Pozzo di Borgo à la date du 10 avril 1835, „n'a jamais eu pour principe de trop compter sur le bien, ni de trop appréhender le mal, qui peut nous arriver de l'Angleterre". La Russie est sortie victorieuse de toutes les complications surgies tant en Orient, qu'en Pologne.

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствія и намѣренія своего посла при Лондонскомъ дворѣ. Онъ повелѣлъ Вице-Канцлеру передать ему, что Государь настолько раздѣляетъ его взгляды, что признаетъ его донесенія о внутреннемъ положеніи Англіи написанными „какъ бы по его диктовкѣ". „Нашъ августѣйшій монархъ", писалъ гр. Нессельроде 10-го апрѣля 1835 года графу Поццо-ди-Борго, „никогда не руководился правиломъ слишкомъ полагаться на добро или слишкомъ опасаться зла, которое намъ можетъ сдѣлать Англія". Россія побѣдоносно вышла изъ всѣхъ затрудненій, бывшихъ какъ на Востокѣ, такъ и въ Польшѣ.

„Ces résultats", écrivait le Vice-Chancelier, „vous le savez, Monsieur le comte, n'ont été obtenus que parcequ'un seul principe a présidé à notre système de conduite: celui de nous montrer franchement décidés à accepter les chances d'une guerre toutes les fois qu'il s'agissait de défendre nos intérêts et nos droits dans une question sur laquelle la Russie peut exercer une action directe; mais de modérer au contraire notre langage et de nous abstenir de toute démarche compromettante à l'égard d'une question, lorsqu'elle est placée matériellement hors de notre portée et qu'elle ne concerne pas les intérêts réels de la Russie, telle que nommément les affaires du Portugal et de l'Espagne".

„Эти результаты, какъ вы знаете", писалъ Вице-Канцлеръ, „были достигнуты только потому, что одинъ и тотъ же принципъ лежалъ въ основаніи нашей системы дѣйствій, а именно: открыто заявлять готовность пойдти на рискъ войны всякій разъ, когда требовалось защищать наши интересы и наши права въ какомъ-либо вопросѣ, въ которомъ Россія можетъ имѣть непосредственное дѣйствіе. Съ другой стороны, мы умѣряли наши слова и воздерживались отъ всякаго рискованнаго шага въ вопросѣ, фактически поставленномъ внѣ нашей сферы дѣйствія и не касающемся дѣйствительныхъ интересовъ Россіи, какъ, въ частности, дѣла Португаліи и Испаніи".

En poursuivant cette politique si essentiellement rationelle, dit le comte Nesselrode, la Russie n'a jamais proclamé des résolutions, qu'elle n'aurait pas été en mesure d'exécuter et, d'une autre part, elle a toujours été à même de

Слѣдуя такой безусловно разумной политикѣ, Россія, подтверждаетъ гр. Нессельроде, никогда не возвѣщала о рѣшеніяхъ, которыхъ она не въ состояніи была привести въ исполненіе, а съ другой стороны, она всегда могла осущест-

réaliser les plans reconnus par l'Empereur comme conformes aux avantages et à la dignité de la nation.

En s'inspirant de ces principes sensés dans sa politique étrangère, l'Empereur Nicolas I pouvait garder son sang-froid le plus parfait au milieu des cris belliqueux qui retentissaient, de temps en temps, en Angleterre. Ainsi lord Palmerston parlait à l'ambassadeur tantôt sur un ton familier, tantôt avec une visible aigreur, de l'intention de la Russie de prendre Khiva et de faire ainsi „un pas de plus vers les Indes".

Lorsqu'après les conférences de Tœplitz (voir t. IV, partie I, № 138), les trois Puissances alliées du Nord prirent la décision de supprimer la République de Cracovie et de l'occuper par les troupes autrichiennes, le gouvernement anglais protesta dans des termes très énergiques contre cette mesure. L'Empereur Nicolas I donna l'ordre à son Vice-Chancelier de laisser cette protestation sans réponse.

La confiscation du vaisseau anglais „Vixen", par les autorités russes dans la mer Noire, souleva des cris encore bien plus violents dans la presse et dans la société anglaise. Ce bateau fut saisi dans le port de Soudjouk-Kale avec un chargement de poudre et de munitions de guerre. Aux termes de l'art. IV du traité d'Andrinople, les côtes du Caucase, depuis l'embouchure du Kouban jusqu'au port Saint-Nicolas, se trouvent sous la souveraineté de la Russie; Anapa et Redout-Kale sont les deux seuls ports ouverts au commerce de toutes les nations. Le bateau „Vixen" avait violé sciemment cette clause, ainsi que la disposition interdisant le commerce avec le littoral du Caucase, sauf les deux ports susmentionnés — disposition qui avait été notifiée par l'ambassadeur de Russie à Constantinople à toutes les légations auprès de la Porte.

C'est en vertu de ces faits que le bateau „Vixen" fut capturé avec son chargement. L'ambassadeur de Russie à Londres fut prévenu que toutes les protestations anglaises rencontreraient de la part de la Russie un refus formel, et „que Sa Majesté ne reculera devant aucune conséquence", qui pourrait entraîner à sa suite le verdict porté dans cette affaire. Il fut en outre recommandé à l'ambassade à Londres ainsi qu'à toutes les autres ambassades et légations d'avoir sans cesse en vue, que la Russie ne saurait jamais admettre que ses droits territoriaux, reposant sur les traités conclus avec la Porte puissent être discutés par une Puis-

вить свои планы, признанные Государемъ отвѣчающими пользамъ и чести своего народа.

Руководствуясь такими разумными принципами въ своей международной политикѣ, Императоръ Николай могъ соблюдать полное хладнокровіе во время воинственныхъ криковъ, которые отъ времени до времени раздавались въ Англіи. Такъ, лордъ Пальмерстонъ, то тономъ фамильярности, то съ видимою злобою, говорилъ русскому послу о явномъ намѣреніи Россіи завоевать Хиву и сдѣлать „шагъ впередъ къ Индіи".

Когда, послѣ Теплицкаго совѣщанія (см. т. IV, ч. I, № 138), три сѣверныя союзныя державы рѣшили отмѣнить Краковскую республику и ввести туда австрійскія войска, англійское правительство протестовало, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, противъ этой мѣры. Императоръ Николай I повелѣлъ своему Вице-Канцлеру оставить этотъ протестъ безъ отвѣта.

Гораздо сильнѣе были крики въ англійской періодической печати и обществѣ по поводу конфискаціи русскими властями въ Черномъ морѣ англійскаго судна „*Vixen*". Это судно было захвачено въ гавани Судчукъ-Кале съ грузомъ пороха и военныхъ припасовъ. Въ силу IV-й статьи Адріанопольскаго трактата, все побережье Кавказское, отъ устьевъ Кубани до порта Св. Николая, находилось подъ русскою властью, и только два порта: Анапскій и Редутъ-Кале, были открыты для торговыхъ оборотовъ всѣхъ націй. Судно „Vixen" умышленно нарушило какъ это постановленіе, такъ равно и объявленное русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ всѣмъ иностраннымъ миссіямъ при Портѣ распоряженіе о запрещеніи торговли съ Кавказскимъ побережьемъ, за исключеніемъ двухъ упомянутыхъ портовъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ англійское судно „Vixen", вмѣстѣ съ грузомъ, было конфисковано. Императорскій посолъ въ Лондонѣ былъ предупрежденъ, что всѣ англійскіе протесты встрѣтятъ со стороны Россіи формальный отказъ и „что Государь Императоръ не отступитъ ни предъ какими послѣдствіями", которыя могутъ быть вызваны актомъ правосудія, совершеннаго въ отношеніи „Vixen". Сверхъ того, Лондонскому и другимъ Императорскимъ посольствамъ и миссіямъ было предписано постоянно имѣть въ виду, что никогда Россія не допуститъ, чтобъ ея территоріальныя права, основанныя на трактатахъ, заклю-

sance tierce qui n'y aurait pas pris part. (Dépêches du comte Nesselrode du 4 (16) janvier et du 22 février 1837).

Lord Durham, ambassadeur d'Angleterre à la Cour de Russie, arrivé à St. Pétersbourg avec une grande solennité par la Mediterranée et la mer Noire, se montra complètement satisfait des explications du comte Nesselrode au sujet de l'incident „Vixen". Lord Palmerston jugea cette affaire d'une manière toute différente, et s'appliqua avec ardeur à démontrer à l'ambassadeur, que la souveraineté de la Russie ne s'étendait pas sur tout le littoral du Caucase, et que la Porte n'a jamais pu lui céder des droits de possession dont elle ne disposait pas elle-même. Le comte Pozzo di Borgo déclara la-dessus d'une manière catégorique que son souverain considérait ces territoires comme placés sous son sceptre, et qu'il ne reconnaissait à personne, sauf à la Porte, le droit de discuter sur ses titres de possession, dûment acquis de celle-ci. Néanmoins lord Palmerston se plut à démontrer pendant une heure que le Caucase n'appartenait pas à la Russie et que les autorités russes n'étaient pas appelées à y exercer leur pouvoir.

Malgré ces attaques violentes contre le gouvernement russe à l'occasion de l'incident „Vixen", l'ambassadeur ne croyait pas moins que le gouvernement anglais ferait tout son possible pour liquider cette affaire au plus vite. Mais il ne dissimulait pas „que les préjuges de ce pays contre la Russie sont presque universels. Le peuple anglais est jaloux et ignorant des matières étrangères".

Toutefois le comte Pozzo di Borgo dut se convaincre bientôt qu'il s'était trompé en attribuant un esprit de conciliation au gouvernement anglais. Durant un mois lord Palmerston gardait le silence au sujet de l'incident „Vixen". Il évitait ostensiblement de causer avec l'ambassadeur de Russie, mais le 18 (30) avril le noble lord éclata par une philippique violente contre la Russie. Il se mit avec plus d'ardeur que jamais à contester ses droits sur le Caucase, reconnus par le traité d'Andrinople. Le comte Pozzo di Borgo protesta de nouveau avec énergie, et s'éleva contre le rôle que prétendait assumer l'Angleterre d'un tribunal suprême d'un traité entre Puissances indépendantes. L'ambassadeur insistait ensuite sur la modération de la politique russe à l'égard de la Porte, à laquelle une partie de la contribution de guerre avait été

ченныхъ съ Турціею, были бы обсуждаемы третьей державою, въ нихъ не участвовавшею. (Депеши гр. Нессельроде отъ 4 (16) января и 22 февраля 1837 года).

Великобританскій посолъ при русскомъ дворѣ, лордъ Дюрэмъ, прибывшій съ большою торжественностію въ С.-Петербургъ чрезъ Средиземное и Черное море, вполнѣ былъ доволенъ объясненіями гр. Нессельроде по дѣлу судна „Vixen". Совершенно иначе отнесся къ этому дѣлу лордъ Пальмерстонъ, который сталъ съ жаромъ доказывать русскому послу, что Россія не имѣетъ права на все Кавказское побережье, и что Турція не могла уступить Россіи такихъ правъ владѣнія, которыхъ она сама не имѣла. На эти слова гр. Поццо-ди-Борго самымъ категорическимъ образомъ заявилъ, что его Государь считаетъ эти земли находящимися подъ его властью и что онъ никому (кромѣ Порты) не позволитъ толковать его благопріобрѣтенныя отъ Турціи права. Но лордъ Пальмерстонъ всетаки, въ продолженіи цѣлаго часа, доказывалъ, что Кавказъ не принадлежалъ Россіи и что русскія власти тамъ распоряжаться не могутъ.

Несмотря на энергическое нападеніе на русское правительство по поводу судна „Vixen", посолъ однако предполагалъ, что англійское правительство все сдѣлаетъ, чтобъ скорѣе покончить это дѣло. Но онъ не скрывалъ, что „предразсудки этой страны противъ Россіи почти всеобщіе. Англійскій народъ ревнивъ и ничего не понимаетъ въ иностранныхъ дѣлахъ".

Но графъ Поццо-ди-Борго долженъ былъ скоро убѣдиться въ ошибочности своего взгляда на счетъ духа примиренія, приписаннаго имъ англійскому правительству. Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца лордъ Пальмерстонъ хранилъ молчаніе насчетъ дѣла „Vixen". Онъ явно избѣгалъ разговаривать съ русскимъ посломъ. Но 18-го (30-го) апрѣля благородный лордъ разразился невѣроятною филиппикою противъ Россіи. Онъ еще съ большею силою сталъ оспаривать права Россіи на Кавказъ, признанныя Адріанопольскимъ мирнымъ трактатомъ. Графъ Поццо-ди-Борго снова энергически протестовалъ и отрицалъ право Англіи принимать на себя роль „верховнаго трибунала надъ трактатомъ между независимыми державами". Далѣе, посолъ рѣшительно защищалъ умѣренность русской политики въ

remise, les Principautés Danubiennes — restituées etc. Ici lord Palmerston ne put garder son sang-froid; ces paroles de l'ambassadeur firent eclater sa colère, et il répondit par un violent requisitoire contre la Russie.

„Oui, dit-il, l'Europe a été endormie trop longtemps; elle se reveille enfin pour mettre un terme à ce système d'envahissement que l'Empereur veut accomplir sur toutes les frontières de son vaste Empire. En Pologne, il se fortifie et menace la Prusse et l'Autriche; il a évacué les Principautés, et y sème des troubles pour avoir un prétexte d'y revenir; il construit de grandes places en Finlande, afin d'intimider la Suède; en Perse, votre ministre provoque le Shah à des expéditions insensées et qui le ruinent, et s'offre d'aller lui-même combattre dans ces guerres désastreuses pour l'affaiblir et le mener à sa perte. Maintenant, vous voulez vous approprier la Circassie, mais il se passera plus de quarante ans avant que vous parveniez à vous rendre maître de ce peuple brave et indépendant".

Le comte Pozzo di Borgo écouta avec beaucoup de sang-froid ce requisitoire contre son gouvernement, et quand lord Palmerston eut fini il lui dit seulement qu'il s'étonnait de le voir si inquiet du sort de la Prusse et de l'Autriche — de Puissances qui vivent dans l'accord et l'amitié la plus sincère avec la Russie.

„Vous avez raison de dire cela", répliqua le noble lord, „elles ont tort; mais l'Angleterre doit remplir son rôle *comme protectrice de l'indépendance des nations* et lorsque les moutons sont muets, le berger doit parler".

L'ambassadeur fit observer en souriant que „le berger aura beaucoup à faire s'il veut prendre sur lui la charge de conserver ce qu'il appelle des moutons, qui n'en sont pas et qui ne cherchent pas sa protection". Quant à la Suède, le comte Pozzo di Borgo crut devoir rappeler qu'elle se trouve dans les meilleures relations avec la Russie, et qu'elle ne songe pas à réclamer contre des armements en Finlande.

Ces calmes objections de l'ambassadeur firent perdre patience au ministre anglais. Il s'attacha à démontrer avec ardeur „que le Sultan fortifiait les Dardanelles à l'aide des ingénieurs prussiens que l'Empereur lui avait fait envoyer, pour

отношеніи Турціи, которой была прощена часть контрибуціи, Дунайскія княжества возвращены и т. д. Тутъ лордъ Пальмерстонъ не выдержалъ: эти слова русскаго посла окончательно его взбѣсили, и онъ съ жаромъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи:

„Да", сказалъ онъ, „Европа слишкомъ долго спала. Она наконецъ проснулась, чтобъ положить предѣлъ системѣ захватовъ, которую Императоръ намѣренъ привести въ исполненіе на всѣхъ границахъ своей обширной Имперіи. Въ Польшѣ онъ возводитъ укрѣпленія и угрожаетъ Пруссіи и Австріи. Онъ вывелъ свои войска изъ Княжествъ, но сѣетъ тамъ смуту, чтобъ имѣть предлогъ туда возвратиться. Онъ строитъ большія крѣпости въ Финляндіи съ цѣлью навести страхъ на Швецію. Въ Персіи вашъ посланникъ увлекаетъ шаха на безразсудные походы, его раззоряющіе, и предлагаетъ ему принять личное участіе въ этихъ опустошительныхъ войнахъ съ цѣлью его ослабить и погубить. Теперь вы желаете захватить Кавказъ, но пройдетъ больше сорока лѣтъ, раньше чѣмъ вамъ удастся побѣдить этотъ храбрый и свободный народъ".

Графъ Поццо-ди-Борго выслушалъ этотъ обвинительный актъ противъ своего правительства съ полнымъ хладнокровіемъ, и когда лордъ Пальмерстонъ кончилъ, онъ ему только сказалъ: странно, что онъ такъ безпокоится на счетъ судьбы Пруссіи и Австріи — державъ, живущихъ въ полномъ мирѣ и искренней дружбѣ съ Россіею.

„Вы въ правѣ это сказать", возразилъ благородный лордъ, „онѣ находятся въ заблужденіи. Но Англія должна исполнить свою роль *покровительницы независимости народовъ*, и если овцы молчатъ, то пастухъ долженъ говорить".

Съ улыбкою на устахъ замѣтилъ въ отвѣтъ русскій посолъ: „пастуху много будетъ дѣла, если онъ желаетъ принять на себя обязанность охраны тѣхъ, кого онъ называетъ овцами, но которые не овцы и не ищутъ его покровительства". Что касается Швеціи, то графъ Поццо-ди-Борго замѣтилъ, что она находится въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Россіи и ни на какія вооруженія въ Финляндіи никогда не жаловалась.

Эти хладнокровныя возраженія русскаго посла вывели изъ терпѣнія англійскаго министра. Съ жаромъ сталъ онъ доказывать, что „султанъ укрѣпляетъ Дарданеллы съ помощью прусскихъ инженеровъ, посланныхъ ему по

éviter le scandale d'employer des officiers russes". Quand l'ambassadeur arrêta lord Palmerston en lui fesant observer que le Sultan avait le droit de fortifier toute localité sur son territoire et particulièrement les Dardanelles qui protègent sa capitale, le noble lord s'écria: „Non, monsieur, il fortifie les Dardanelles *contre nous*, car il n'y a pas d'autre Puissance qui pourrait tenter de les forcer".

Enfin passant à l'affaire „Vixen" il dit qu'il ne veut pas préjuger „les droits que l'Angleterre se réserve d'exercer dans d'autres endroits de ce littoral (du Caucase)"!!

A cette étrange déclaration l'ambassadeur répondit catégoriquement que „la Russie ne reconnaissait pas ces droits et qu'elle maintiendrait les siens".

Cet entretien avec lord Palmerston, que le comte Pozzo-di-Borgo trouvait avec raison „extraordinaire et presque incroyable", amena l'ambassadeur à la ferme conviction que le ministre anglais voulait une rupture et qu'il atteindrait son but, s'il restait encore longtemps aux affaires. Il ne pouvait se résigner à la pensée que la nation anglaise n'avait pour lui aucun respect, car tout ce qu'il entreprenait finissait par un échec complet. Il espérait par une guerre avec la Russie devenir „populaire et grand homme". C'est dans le roi qu'il trouvait le plus grand appui pour ses velléités belliqueuses. Le roi, écrivait l'ambassadeur à sa Cour, „veut la guerre avec la Russie d'autant plus vivement, qu'il n'en sait pas lui-même la raison". Peut-être se laisse-t-il entraîner par la pensée que l'humiliation de la Russie pourrait servir de piédestal à sa propre grandeur.

Sur ce remarquable rapport du comte Pozzo-di-Borgo du 20 avril (2 mai) 1837 l'Empereur Nicolas I fit de sa propre main l'annotation suivante pour le Vice-Chancelier:

„Je vous autorise de faire la lecture de cette pièce *in extenso* à Durham, comme une preuve de mon estime et de ma confiance, vous y ajouterez que je ne changerai en rien de conduite, que je resterai calme, mais que je défendrai nos droits quand même".

L'Empereur était en général très satisfait des rapports de son ambassadeur à Londres et chargea le Vice-Chancelier de lui dire „qu'ils

приказанію Императора для того, чтобъ не вызвать скандала посылкою русскихъ офицеровъ". Когда русскій посолъ остановилъ лорда Пальмерстона замѣчаніемъ, что султанъ имѣетъ право укрѣплять каждое мѣсто на своей территоріи, и въ особенности Дарданеллы, обезпечивающіе безопасность его столицы, благородный лордъ воскликнулъ: „Нѣтъ, милостивый Государь, *противъ насъ* онъ укрѣпляетъ Дарданеллы, ибо нѣтъ другой державы, которая въ состояніи была бы прорваться чрезъ нихъ".

Наконецъ лордъ Пальмерстонъ перешелъ къ дѣлу судна „Vixen" и сказалъ, что „Англія оставляетъ за собою всѣ права, которыя она намѣрена осуществлять въ другихъ частяхъ побережья (Кавказскаго)"!!

На это удивительное заявленіе русскій посолъ категорически объявилъ, что „Россія не признаетъ этихъ правъ и поддержитъ свои собственныя".

Этотъ разговоръ съ лордомъ Пальмерстономъ, который графъ Поццо-ди-Борго справедливо назвалъ „изумительнымъ и почти невѣроятнымъ", привелъ посла къ твердому убѣжденію, что англійскій министръ желаетъ войны и если онъ еще долго останется у дѣлъ, то достигнетъ своей цѣли. Онъ не можетъ помириться съ мыслью, что англійскій народъ его не уважаетъ, ибо чего онъ добивается, оканчивается полнымъ фіаско для него. Посредствомъ войны съ Россіею онъ надѣется сдѣлаться „популярнымъ и великимъ человѣкомъ". Главную поддержку въ своемъ воинственномъ настроеніи лордъ Пальмерстонъ находитъ въ королѣ. „Король", писалъ своему двору посолъ, „желаетъ войны съ Россіею тѣмъ болѣе энергически, чѣмъ меньше самъ понимаетъ ея причину". Развѣ только его увлекаетъ мысль, что униженіе Россіи можетъ быть пьедесталомъ для его собственнаго величія.

На этомъ замѣчательномъ донесеніи графа Поццо-ди-Борго отъ 20-го апрѣля (2-го мая) 1837 года Императоръ Николай I сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись для Вице-канцлера:

„Я вамъ разрѣшаю прочесть это донесеніе *цѣликомъ* Дюрэму, въ доказательство моего къ нему уваженія и довѣрія. Вы прибавите, что я ни въ чемъ не измѣню моего образа дѣйствія; что я останусь хладнокровнымъ, но что я буду защищать наши права во что бы то ни стало".

Вообще Государь былъ очень доволенъ донесеніями своего посла въ Лондонѣ и поручилъ своему Вице-канцлеру сказать ему, что его доне-

sont une nouvelle preuve de cette grande supériorité de talent et de cette haute énergie de caractère“ avec lesquels il n'a cessé de défendre les droits et l'honneur de la Russie. Le gouvernement Impérial fut fermement résolu, dans l'affaire „Vixen“, de s'en tenir aux deux principes suivants: 1) de ne point permettre à l'Angleterre de contester la légalité de cette confiscation, et 2) de la considérer comme un fait accompli irrévocable. (Dépêche du comte Nesselrode au comte Pozzo-di-Borgo du 31 mars 1837).

A mesure qu'il se persuadait de l'énergie inébranlable de la Russie dans la défense de ses droits sur les côtes du Caucase, le gouvernement anglais modifiait son ton belliqueux. Les efforts du Cabinet impérial d'isoler l'Angleterre et de l'amener à la conscience de ce complet isolement, furent couronnés d'un plein succès. Lord Palmerston resta sans alliés contre la Russie, et l'opinion publique en Angleterre même se prononçait ouvertement pour le maintien de la paix en Europe. Dans ces conditions le gouvernement anglais s'est vu forcé de reconnaître la légalité du jugement porté par les tribunaux russes dans l'affaire „Vixen“. En mai 1837, le comte Pozzo-di-Borgo fut dans le cas d'informer son gouvernement que lord Palmerston était très satisfait de la solution de cet incident, bien que l'Empereur Nicolas I ne reculât pas d'un iota de sa décision primitive. Cette condescendance imprévue de la part du gouvernement anglais peut s'expliquer par le consentement de la Russie de libérer un autre bateau anglais „Lord Ch. Spencer“, également capturé près des côtes du Caucase. Ce bateau fut mis en liberté, et la Russie consentit à indemniser le capitaine et l'équipage des pertes subies par suite de cette saisie irrégulière.

La question de la mer territoriale ayant été discutée à l'occasion de cet incident, le gouvernement impérial s'éleva avec énergie contre le principe de fixer son extension à trois milles. Le Vice-Chancelier comte Nesselrode écrivit, à la date du 10 mars 1837, à lord Durham ambassadeur d'Angleterre, une lettre qui mérite une attention particulière à cause de la clarté avec laquelle fut posée cette question des limites de la mer territoriale, restée en suspens jusqu'à nos jours.

сенія служатъ „новымъ доказательствомъ того высокаго превосходства таланта и той высокой силы характера“, съ которыми онъ всегда защищалъ права и честь Россіи. Императорское правительство твердо рѣшилось въ дѣлѣ судна „Vixen“ придерживаться двухъ началъ: 1) не позволять Англіи оспаривать законности захвата этого судна и 2) считать конфискацію этого судна безповоротно совершившимся фактомъ. (Депеша гр. Нессельроде къ графу Поццо-ди-Борго отъ 31-го марта 1837 года).

По мѣрѣ того какъ англійское правительство убѣждалось въ непоколебимости энергіи Россіи въ защитѣ своихъ правъ на Кавказское побережье, по мѣрѣ того оно стало измѣнять свой воинственный тонъ. Старанія Императорскаго кабинета изолировать Англію и привести ее къ сознанію ея совершенной изолированности увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Лордъ Пальмерстонъ остался безъ всякихъ союзниковъ противъ Россіи, и даже общественное мнѣніе самой Англіи открыто высказывалось за сохраненіе европейскаго мира. При такихъ обстоятельствахъ англійское правительство принуждено было признать законность рѣшенія русскаго суда въ дѣлѣ конфискаціи корабля „Vixen“. Въ маѣ 1837 года графъ Поццо-ди-Борго могъ донести своему правительству, что лордъ Пальмерстонъ очень радъ окончанію дѣла о захватѣ судна „Vixen“, хотя Императоръ Николай I ни на одну іоту не отступилъ отъ своего первоначальнаго рѣшенія. Столь внезапная уступчивость со стороны англійскаго правительства можетъ быть объяснена согласіемъ Россіи отпустить другое англійское судно „Lord Ch. Spencer“, также захваченное близъ Кавказскаго берега. Но это судно было отпущено на свободу, и капитана и экипажъ его Россія согласилась вознаградить за понесенные убытки и ущербъ, вслѣдствіе неправильнаго захвата судна.

При обсужденіи возбужденнаго, по поводу захвата „Lord Ch. Spencer“, вопроса о пространствѣ территоріальнаго моря, Императорское правительство энергическимъ образомъ опровергало обязательность мнѣнія о трехмильномъ разстояніи отъ берега, составляющемъ будто бы пространство территоріальнаго моря. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде написалъ великобританскому послу, лорду Дюрэму, письмо отъ 10-го марта 1837 года, заслуживающее особеннаго вниманія за ясность постановки спорнаго и по сіе время вопроса о границахъ территоріальнаго моря.

Le gouvernement anglais contestait la légalité de la saisie du bateau „The lord Ch. Spencer“, en se basant sur le principe que la mer territoriale s'étendait seulement à trois milles, et que le bateau fut arrêté à une bien plus grande distance du littoral. Le comte Nesselrode répondit à cela en posant la question suivante: „La distance de 3 milles fixée par la législation anglaise pour l'exercice de ce droit de juridiction, peut elle être considérée comme un principe universel et consacrée par la loi des nations? Nous sommes loin de partager cette opinion. En effet, si l'on s'en réfère à l'autorité des publicistes, on acquiert la conviction qu'il n'a jamais existé de règle générale pour déterminer la juridiction qu'une Puissance quelconque a droit d'exercer sur la mer circonvoisine de ses côtes. Les uns étendent ce droit à 60 milles, à l'horizon apparent, à 3 lieues de distance, tandisque les autres prétendent en restreindre les bornes à la portée seule du canon“ (sic!).

Le vice-chancelier signale ensuite la divergence des dispositions des traités qui atteste l'absence d'un principe généralement accepté. Ainsi, d'après le traité de Paris de 1763, la liberté de la pêche dans le golfe de Saint-Laurent est limitée à 3 milles du littoral britannique et à 15 milles du cap Breton; les traités au sujet de la traite des nègres fixent une distance de 20 milles des côtes pour les mesures répressives que les Puissances sont autorisées à appliquer.

Le vice-chancelier conclut avec raison „qu'il n'existe pas non plus un accord général qui ait consacré un principe obligatoire pour toutes les Puissances et dans toutes les localités. On verra, au contraire, que chaque gouvernement s'est réservé, de son plein gré et sans contrôle, la faculté de statuer sur cette matière, selon ses convenances et ses intérêts. Mais, s'il est un principe sur lequel les publicistes et les gouvernements ont été toujours d'un avis unanime, c'est celui que chaque Etat est en droit, comme en devoir, de consulter avant tout le besoin de sa propre sûreté.“

Le gouvernement anglais ne partageait pas les vues du Cabinet de St. Pétersbourg et insistait sur une distance de trois milles pour la mer territoriale affirmant, bien à tort, que ce principe avait été confirmé de temps immémorial par la législation anglaise. En réalité, ce n'est

Англійское правительство оспаривало законность захвата судна „The Lord Ch. Spencer“ на томъ основаніи, что территоріальное море простирается только на 3 морскихъ мили, судно же было задержано на гораздо большемъ разстояніи отъ берега. На это графъ Нессельроде отвѣчаетъ слѣдующимъ вопросомъ: „Трехмильное разстояніе, установленное англійскимъ законодательствомъ (по свидѣтельству англійскаго правительства) для осуществленія своего права юрисдикціи, можетъ ли быть признано, какъ господствующее правило, освященное международнымъ правомъ? Мы далеки отъ того, чтобъ раздѣлять такое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ авторитету публицистовъ, то убѣждаешься въ томъ, что никогда не существовало общаго правила, опредѣляющаго права державы на воды, омывающія ея берега. Одни распространяютъ эту юрисдикцію на 60 миль, до видимаго горизонта, до 3 миль, между тѣмъ какъ другіе ограничиваютъ ея предѣлъ только на пушечный выстрѣлъ (sic!)“.

Далѣе Вице-канцлеръ указываетъ на разнообразіе постановленій трактатовъ, доказывающее отсутствіе общеустановленнаго правила. Такъ, по Парижскому трактату 1763 года свобода рыболовства въ заливѣ Св. Лаврентія ограничена 3 милями отъ британскаго берега и 15 милями отъ мыса Бретонскаго. Въ силу же трактатовъ относительно негроторговли репрессивныя мѣры, принимаемыя державами, распространяются на 20 миль отъ берега.

Въ заключеніе, Вице-канцлеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „несуществуетъ и общаго соглашенія, установившаго обязательное для всѣхъ державъ и во всѣхъ мѣстностяхъ правило. Напротивъ, можно видѣть, что каждое правительство оставляло за собою право, по собственному усмотрѣнію и безконтрольно, разрѣшать этотъ вопросъ соотвѣтствено своимъ удобствамъ и интересамъ. Но если есть начало, насчетъ котораго и публицисты, и правительства всегда были одинаковаго мнѣнія, то это слѣдующее: каждое государство имѣетъ право и обязанность сообразоваться прежде всего съ потребностями своей собственной безопасности“.

Англійское правительство не соглашалось съ мнѣніемъ С.-Петербургскаго кабинета и настаивало на 3-хъ-мильномъ разстояніи территоріальнаго моря, совершенно ложно утверждая, что англійское законодательство уже издавна утвердило это именно начало

*

qu'en 1878 (Territorial Waters Jurisdiction Act) que ce principe fut reconnu par la loi anglaise.

Tel était l'état peu satisfaisant des relations entre la Russie et l'Angleterre à l'époque où le roi Guillaume IV mourait et la princesse Victoria montait sur le trône d'Angleterre. C'était en juin 1837. La jeune Reine avait à peine dix-huit ans. Le comte Pozzo-di-Borgo communiquait à son gouvernement des données intéressantes au sujet de ce charactère énigmatique.

Elle reçut une éducation étrange; on a cru devoir la garder de tout contact avec l'humanité. La duchesse de Kent, sa mère, l'a entourée de personnes chargées de la suivre à chaque pas et d'empêcher tout entretien intime avec qui que ce fût. Elle ne pouvait causer en tête-à-tête qu'avec sa mère. Pendant nombre d'années, la princesse n'échangea pas une parole même avec sa première dame d'honneur, la duchesse de Northumberland, autrement qu'en présence de témoins. Aussi personne n'avait aucune idée ni de ses vues, ni de son caractère (Rapport du comte Pozzo-di-Borgo du 8 (20) juin 1837).

La duchesse de Kent, sa mère, le roi des Belges Léopold I, son oncle, le frère de celui-ci et lord Melbourne, comme premier ministre, telles étaient les personnes qui avaient le plus d'influence sur la princesse Victoria à son avénement au trône.

Mais la reine s'affranchit bientôt de l'influence de sa mère, et son indépendance à l'égard de ses ministres se manifestait également à différentes occasions. Le roi Léopold I continuait seul à jouir de sa confiance illimitée, elle ne cessait de suivre ses conseils. Le baron de Stokmar était spécialement attaché à la personne de la reine pour ses relations avec le roi des Belges. Elle n'entretenait de relations intimes qu'avec madame Lehzen qui s'est trouvée auprès d'elle dès son enfance, en qualité de gouvernante.

Le premier ministre était journellement reçu par la reine pour le travail politique, mais d'après les informations du comte Pozzo di Borgo, „elle garde une réserve et un secret à toute épreuve, ne parle jamais de quoi que ce

Въ дѣйствительности, только въ 1878 году (Territorial Waters Jurisdiction Act) это начало было признано англійскимъ законодательствомъ.

Въ такомъ мало удовлетворительномъ состояніи находились отношенія между Россіею и Англіею, когда скончался король Вильгельмъ IV и на англійскій престолъ вступила принцесса Викторія. Это случилось въ іюнѣ 1837 г. Молодой королевѣ только что исполнилось 18 лѣтъ. Графъ Поццо-ди-Борго сообщилъ своему правительству любопытныя данныя относительно загадочной личности молодой королевы.

Она получила своеобразное совершенно воспитаніе, основанное на полнѣйшемъ отчужденіи отъ людей. Мать ея, герцогиня кентская, окружала ее людьми, имѣвшими обязанность наблюдать за каждымъ ея шагомъ и не давать ей возможности говорить наединѣ съ кѣмъ бы то ни было. Только со своею матерью она могла говорить глазъ на глазъ, если бы пожелала. Но даже со своею первою статсъ-дамою, герцогинею Норзтумберландскою, принцесса Викторія, въ продолженіи многихъ лѣтъ, не говорила ни слова иначе, какъ въ присутствіи другихъ людей. Вотъ почему никто не имѣлъ опредѣленнаго понятія ни о ея взглядахъ, ни о ея характерѣ. (Донесеніе гр. Поццо-ди-Борго отъ 8-го (20-го) іюня 1837 года).

Когда принцесса Викторія вступила на престолъ, первоначально на нее имѣли значительное вліяніе мать ея, герцогиня кентская, король бельгійцевъ Леопольдъ I, ея родной дядя, братъ послѣдняго и лордъ Мельборнъ, какъ первый министръ.

Но весьма скоро королева освободилась отъ вліянія своей матери, и ея самостоятельность въ отношеніи своихъ министровъ также стала обнаруживаться въ различныхъ случаяхъ. Только король Леопольдъ I продолжалъ пользоваться неограниченнымъ ея довѣріемъ, и его совѣтами она постоянно руководилась. Баронъ Штокмаръ, довѣренное лицо короля Бельгійцевъ, состоялъ при молодой королевѣ для сношеній между нею и королемъ. Въ дѣйствительно интимныхъ отношеніяхъ къ королевѣ находилась только нѣкая г-жа Lehzen, состоявшая при ней съ малолѣтства, въ качествѣ гувернантки и воспитательницы.

Премьеръ каждый день былъ принимаемъ королевою для доклада. Но она, по словамъ гр. Поццо-ди-Борго, „соблюдаетъ безусловное молчаніе и тайну, никогда не разговариваетъ о чемъ нибудь, имѣющемъ отношеніе къ поли-

soit qui ait rapport à la politique ou à l'administration, reçoit du monde à dîner presque tous les jours avec l'exclusion de tout ce qui appartient à l'opposition, et c'est dans cette sorte de mystère", termine l'ambassadeur, „que les choses se passent". (Rapport du 28 janvier (9 février) 1838).

Le comte Pozzo di Borgo admirait la dignité et le tact avec lesquels cette jeune reine de 19 ans remplissait ses pénibles devoirs, mais il ne dissimulait pas sa conviction intime que la reine n'était „que le symbole de la royauté", qui se produisait sur les indications du premier ministre et sur les conseils de son oncle sincèrement vénéré, le roi des Belges.

L'avénement au trône de la reine Victoria ne devait certainement pas arrêter l'évolution progressive des affaires politiques, dont la direction restait entre les mains de lord Palmerston. Les pourparlers se poursuivaient sur les questions d'Egypte, de Belgique, de Grèce et autres. Les affaires de l'Asie Centrale reçurent à cette époque une gravité toute particulière.

Nous allons résumer les données les plus intéressantes concernant ces négociations diplomatiques.

Lord Palmerston en qualité de patron de toutes les aspirations libérales s'est cru appelé à contraindre le roi de Grèce Othon à donner une constitution à son peuple. Beaucoup d'hommes politiques, et dans ce nombre le comte Pozzo di Borgo, étaient opposés à cette fantaisie. L'ambassadeur s'attachait avec énergie à démontrer à lord Melbourne et à lord Palmerston, que la nation grecque, „pauvre, sans éducation préalable, sans finances, sans force publique ni moyens de l'entretenir et presque sans lois", n'avait pas la maturité nécessaire pour un régime constitutionnel (Rapport du 25 février 1838). Mais lord Palmerston réussit à faire adopter son projet, et la nation grecque fut dotée d'une constitution qui amena pour elle des conséquences très fatales.

En général, on ne pouvait contester à ce ministre anglais ni de l'énergie, ni une absence de scrupules dans le choix des moyens pour arriver à ses fins. Lorsqu'il s'est persuadé que lord Durham était tombé sous le charme de l'Empereur Nicolas I et s'était fait le défenseur de la politique russe, lord Palmerston s'empressa de le rappeler de St. Pétersbourg pour lui

тикѣ или администраціи; она почти каждый день приглашаетъ къ обѣду разныхъ особъ, исключая всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ оппозиціи". „И въ такой какъ бы тайнѣ", заключаетъ посолъ, „совершаются дѣла". (Донесеніе отъ 28-го января (9 февраля) 1838 г.).

Графъ Поццо-ди-Борго восторгался достоинствомъ и тактомъ, съ которыми молодая 19-лѣтняя королева исполняла свои трудныя обязанности, но онъ не скрывалъ своего внутренняго убѣжденія, что „королева есть только символъ королевской власти", проявляющійся по указаніямъ перваго министра и по совѣтамъ искренно почитаемаго ею дяди, короля Бельгійцевъ.

Вступленіе на великобританскій престолъ королевы Викторіи, само собою разумѣется, не остановило поступательнаго движенія политическихъ дѣлъ, главное руководительство которыми осталось въ рукахъ лорда Пальмерстона. Продолжались переговоры по греческому, египетскому, голландско-бельгійскому и другимъ дѣламъ. Совершенно особенное значеніе получили въ это самое время среднеазіятскія дѣла.

Постараемся сообщить вкратцѣ наиболѣе интересныя данныя, относящіяся къ этимъ дипломатическимъ переговорамъ.

Лордъ Пальмерстонъ, въ качествѣ покровителя всѣхъ либеральныхъ тенденцій, считалъ себя обязаннымъ заставить греческаго короля Оттона дать конституцію своему народу. Многіе государственные люди, и въ числѣ ихъ графъ Поццо-ди-Борго, были совершенно противъ этой затѣи. Посолъ энергическимъ образомъ доказывалъ лордамъ Мельборну и Пальмерстону, что греческій народъ, будучи „бѣднымъ, безъ предварительнаго образованія, безъ финансовъ, безъ общественной власти, безъ средствъ содержать ее и почти безъ законовъ", еще не выросъ до конституціоннаго порядка управленія. (Донесеніе отъ 25 февраля 1838 г.). Но лордъ Пальмерстонъ настоялъ на своемъ, и греческій народъ получилъ свою конституцію, имѣвшую для него весьма плачевныя послѣдствія.

Вообще нельзя было отказать этому англійскому министру въ энергіи, равно и въ отсутствіи застѣнчивости въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Когда онъ убѣдился, что лордъ Дюрэмъ совсѣмъ подпалъ подъ обворожительное вліяніе Императора Николая I и постоянно защищалъ русскую политику, лордъ Пальмерстонъ отозвалъ его изъ

offrir le poste plus honorifique de gouverneur général au Canada. Lord Duhram fut remplacé par le marquis Clanricarde en juillet 1838.

Lord Palmerston ne se resignait à céder que devant une volonté inébranlalable. Dans l'incident „Vixen", il ne céda que devant le refus péremptoire de l'Empereur Nicolas I de restituer le bateau confisqué. Sous main il insinuait le conseil aux industriels anglais de ne pas envoyer des armes et des marchandises dans les ports du Caucase, en contravention des lois russes. Mais, il ne partageait nullement l'avis de son chef de Cabinet, lord Melbourne, qui avait dit à l'ambassadeur de Russie que le meilleur moyen de mettre un terme aux menées des chercheurs d'aventures anglais serait la conquête de tout le Caucase par les Russes. „Tâchez de le faire le plutôt possible", disait lord Melbourne au représentant de Russie. (Rapport du comte Pozzo di Borgo du 20 juillet (1 août) 1838).

Cette même divergence dans les paroles et les actes, entre le premier ministre d'Angleterre et son collégue, qui dirigeait presque sans contrôle la politique étrangère, se manifestait dans la question d'Egypte, quand elle entra dans une crise aigue en 1838, grâce à Mehemet-Ali.

Comme nous l'avons vu, lord Palmerston était tous disposé de voir Méhémet-Ali sur le trône de Turquie. Mais s'étant persuadé de la ferme décision de la Russie d'empêcher la réalisation de ce plan, et ne pouvant compter avec sureté sur l'appui de la France, il jugeait plus sensé de conseiller au pacha d'Egypte de ne pas chercher à obtenir une complète indépendance. Il savait en même temps, que Méhémet-Ali ne croyait pas à la résolution des grandes Puissances, sauf la Russie, d'arrêter le cas échéant, par la force des armes, sa marche sur Constantinople.

En présence de cette situation et du traité d'alliance turco-russe, le Cabinet de Londres s'est imposé, comme programme, d'empêcher quand-même une intervention isolée de la Russie dans les affaires turco-égyptiennes. Il considerait comme moyen le plus efficace pour atteindre ce but, de concentrer les pourparlers diplomatiques sur ces questions à Londres, où une conférence des représentants des grandes Puissances devait être convoquée. La présidence de cette réunion devait appartenir, de droit, à lord Palmerston. S'étant rendu compte de ce plan, le noble lord

С.-Петербурга, предложивъ ему еще болѣе почетный постъ генералъ-губернатора Канадскагѣ. На мѣсто лорда Дюрэма посломъ былъ назначенъ маркизъ Кланрикардъ въ іюлѣ 1838 года.

Только предъ несокрушимою волею лордъ Пальмерстонъ считалъ нужнымъ уступать. Въ дѣлѣ судна „Vixen" онъ уступилъ въ виду рѣшительнаго отказа Императора Николая возвратить конфискованное судно. Онъ даже подъ рукою сталъ отсовѣтывать англійскимъ промышленникамъ посылать оружіе и другіе товары въ кавказскіе порты, въ нарушеніе русскихъ законовъ. Но онъ совершенно не раздѣлялъ мнѣнія своего премьера, лорда Мельборна, сказавшаго русскому послу, что лучшее средство для уничтоженія происковъ англійскихъ искателей приключеній было бы скорѣйшее завоеваніе русскими всего Кавказа. „Постарайтесь это сдѣлать поскорѣе", сказалъ лордъ Мельборнъ русскому послу. (Донесеніе гр. Поццо-ди-Борго отъ 20-го іюля (1-го авг.) 1838 года).

Такое же противорѣчіе въ словахъ и дѣйствіяхъ между англійскимъ первымъ министромъ и его товарищемъ, управлявшимъ почти безконтрольно внѣшнею политикою Англіи, обнаруживалось постоянно въ египетскомъ вопросѣ, когда онъ съ 1838 года опять былъ поставленъ ребромъ по волѣ Мегемета-Али.

Выше мы видѣли, что лордъ Пальмерстонъ не прочь былъ видѣть Мегемета-Али на турецкомъ престолѣ. Но убѣдившись въ абсолютной рѣшимости Россіи препятствовать осуществленію этого плана и не будучи увѣреннымъ въ серьезной поддержкѣ со стороны Франціи, онъ призналъ болѣе благоразумнымъ отсовѣтовать египетскому пашѣ добиваться полной независимости. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ, что Мегеметъ-Али нисколько не вѣрилъ въ рѣшимость великихъ державъ, за исключеніемъ одной Россіи, въ случаѣ надобности силою оружія остановить его на пути въ Константинополь.

Въ виду такого положенія вещей и русско-турецкаго союзнаго трактата, Лондонскій кабинетъ поставилъ себѣ задачею: предупредить, во что бы то ни стало, одностороннее вмѣшательство Россіи въ турецко-египетскія дѣла. Для этой цѣли казалось ему самымъ лучшимъ средствомъ сосредоточеніе всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ по этимъ дѣламъ въ Лондонѣ, гдѣ должна быть созвана конференція изъ представителей великихъ европейскихъ державъ. Предсѣдательство на этой конференціи по праву принадлежало бы лорду Паль-

travailla à sa réalisation avec le manque de scrupules qui lui était propre.

En septembre 1838, le comte Pozzo di Borgo, en vertu de ses instructions du 10 mai, s'adressait à lord Palmerston avec la dêmande de lui fixer une entrevue. Le ministre anglais la fixa au lendemain à 4 heures. Lorsque l'ambassadeur se présenta à l'heure indiquée à Downingstreet, il trouva chez lord Palmerston les représentants de la France, de l'Autriche et de la Prusse. Le noble lord voulait, par ce moyen élémentaire, improviser une conférence sur le conflit turco-égyptien, en réunissant ainsi, à la même heure dans son cabinet, les représentants des cinq grandes Puissances. Le ministre anglais ouvrit les débats, en exprimant son désir, de voir l'accord s'établir entre toutes les grandes Puissances sur la question d'Egypte.

Mais le comte Pozzo di Borgo, indigné de ce piége organisé par lord Palmerston, ne proféra pas une seule parole. Les ministres d'Autriche et de Prusse suivirent son exemple. Le général Sébastiani, ambassadeur de France, se montra seul disposé à commencer immédiatement les pourparlers sur la question d'Egypte. Toutefois, le morne silence des trois autres membres de cette conférence diplomatique improvisée, dissipa les illusions du ministre anglais.

Lord Melbourne n'approuva nullement ce mode de convocation, et blâmait ouvertement la manière d'agir de lord Palmerston. Il exprimait à l'ambassadeur de Russie son désir sincère de voir un accord complet s'établir entre les grandes Puissances, et partageait l'avis de lord Palmerston là-dessus que l'intervention isolée de la Russie, dans les affaires de la Porte, n'était pas désirable. Mais le chef du cabinet était loin de trouver que tous les moyens et que tous les pièges étaient permis.

Voici pourquoi le comte Pozzo di Borgo avait raison de conseiller à son gouvernement de faire de sérieux préparatifs pour le moment, où le sultan, en vertu du traité d'alliance, réclamerait l'assistance de la Russie. Cette assistance devait être donnée par une armée considérable, car „dès qu'un seul bataillon russe entrera dans le Bosphore, les mots: de Constantinople, de Dardanelles, des Indes, d'ambition de la Russie, feront le bruit du tonnerre à Londres et à Paris. Si donc une démonstration insuffisante exciterait contre nous tous les obstacles que la

мерстону. Выяснивъ себѣ эту цѣль, благородный лордъ сталъ стремиться къ ней съ свойственною ему беззастѣнчивостью.

Въ сентябрѣ 1838 года гр. Поццо-ди-Борго, на основаніи полученныхъ инструкцій (отъ 10-го мая), обратился къ лорду Пальмерстону съ просьбою назначить ему свиданіе. Англійскій министръ назначилъ слѣдующій день въ 4 часа. Когда русскій посолъ явился въ Downingstreet, въ назначенный часъ, онъ уже нашелъ у лорда Пальмерстона представителей Франціи, Австріи и Пруссіи. Такимъ простымъ способомъ благородный лордъ желалъ импровизировать дипломатическую конференцію объ египетско-турецкой распрѣ, собравъ въ одинъ и тотъ же часъ въ своемъ кабинетѣ представителей 5 великихъ державъ. Англійскій министръ открылъ совѣщаніе изъявленіемъ своего желанія согласія между всѣми великими державами въ египетскомъ вопросѣ.

Но графъ Поццо-ди-Борго, возмущенный устроенною лордомъ Пальмерстономъ ловушкою, не промолвилъ ни единого слова. Его примѣру послѣдовали австрійскій и прусскій посланники. Только французскій посолъ, генералъ Себастіани, выразилъ готовность немедленно начать переговоры объ египетскомъ вопросѣ. Однако, гробовое молчаніе трехъ другихъ членовъ импровизованной дипломатической конференціи разрушило всѣ иллюзіи англійскаго министра.

Лордъ Мельборнъ совершенно не одобрялъ такого способа созванія конференціи и открыто осуждалъ образъ дѣйствія лорда Пальмерстона. Но и онъ высказывалъ русскому послу свое задушевное желаніе видѣть полное согласіе между великими державами и раздѣлялъ мнѣніе лорда Пальмерстона насчетъ нежелательности односторонняго вмѣшательства въ турецкія дѣла одной Россіи. Только не всѣ средства и ловушки казались англійскому премьеру дозволенными.

Вотъ почему гр. Поццо-ди-Борго былъ правъ, совѣтуя своему правительству серьезно готовиться къ тому времени, когда султанъ, въ силу трактата, обратится къ Россіи за союзною помощью. Эта помощь должна быть оказана значительною арміею, потому что „какъ только одинъ русскій батальонъ вступитъ въ Босфоръ, слова: Константинополь, Дарданеллы, Индія, тщеславіе Россіи громовымъ раскатомъ разнесутся въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Поэтому, если недостаточная демонстрація подыметъ противъ насъ всѣ преграды, какія только

jalousie peut nous opposer, la prudence et notre salut nous commandent de convertir cette démonstration en une occupation solide et capable de repousser les attaques de nos ennemis".

„Dès que les armées de l'Empereur", affirme très justement le comte Pozzo di Borgo, „seraient établies sur les rives du Bosphore et qu'elles tiendraient les Dardanelles de manière à ne pas craindre d'en être délogées, la Russie peut attendre, sans d'autres mouvements excentriques, ce qui arrivera ailleurs. Nous n'irons pas nous éloigner des rives du Bosphore et des Dardanelles pour faire la guerre à Mehemet-Ali en Syrie et encore moins en Egypte." (Rapport du comte Pozzo di Borgo du 21 juin (3 juillet) 1838).

L'ambassadeur de Russie a prévu d'une manière prophétique l'alliance entre l'Angleterre et la France contre la Russie dans le but de paralyser son intervention isolée dans les affaires de Turquie. Il comprenait parfaitement les motifs dont s'inspirait la politique anglaise.

„La puissance de l'Empire britannique", ecrivait-il à son gouvernement à la date du 26 août 1838, „est sans doute immense, si on en examine séparément chaque chapitre; mais il manque d'hommes, surtout dans le Ministère actuel, pour en former un ensemble et lui donner l'action. La politique étrangère est réglée par les passions et les doctrines; on cherche des collaborateurs révolutionnaires et non pas des alliés, selon la véritable signification du mot. Il résulte de cet esprit clubiste qu'ils ont des complices de circonstance et pas un ami de système, de la petitesse dans les conceptions et de l'insuffisance dans l'exécution. Un Empire qui embrasse le monde connu", conclut avec beaucoup de raison l'ambassadeur, „tracasse sur une infinité de points. Il trouble la paix des faibles et ne leur permet pas de goûter leur bonheur, mais il s'arrête devant les forts ou il cherche à leur nuire par des moyens infimes et obscurs. Devant ce petit mal-faire, la prudence me semble conseiller de rester graves, augmentant les ressources, fortifiant la position. C'est, monsieur le comte, celle de l'Empereur", termine le comte Pozzo di Borgo son rapport du 26 août (7 septembre) 1838.

L'Empereur Nicolas I était complétement d'accord avec son représentant à Londres, si remarquablement intelligent. Il le chargea de décliner catégoriquement le projet d'une conférence vu que toutes les grandes Puissances se

можетъ вызвать ревность, то благоразуміе и наше благо намъ предписываютъ обратить эту демонстрацію въ прочную оккупацію, способную дать отпоръ нападеніямъ нашихъ враговъ".

„Съ того момента", справедливо заявляетъ графъ Поццо-ди-Борго, „когда Императорскія войска займутъ прочнымъ образомъ берега Босфора и Дарданелловъ, безъ опасенія потерять ихъ, Россія спокойно можетъ ожидать, безъ всякихъ другихъ эксцентричныхъ движеній, грядущихъ событій. Намъ ненужно будетъ удаляться съ береговъ Босфора и Дарданелловъ для войны противъ Мегемета-Али ни въ Сирію и еще менѣе въ Египетъ". (Донесеніе гр. Поццо-ди-Борго отъ 21-го іюня (3 іюля) 1838 года).

Русскій посолъ пророчески предвидѣлъ союзъ между Англіею и Франціею противъ Россіи съ цѣлью парализовать одностороннее ея вмѣшательство въ турецкія дѣла. Онъ отлично понималъ основные мотивы, которыми руководилась политика Англіи.

„Нѣтъ сомнѣнія", писалъ онъ своему правительству 26-го августа 1838 года, „что могущество Великобританіи огромно, если ее изучать въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Но у нея нѣтъ людей, въ особенности въ настоящемъ министерствѣ, чтобъ соединить эти части и направить ихъ. Внѣшняя ея политика направляется страстями и доктринерствомъ. Ищутъ сотрудниковъ-революціонеровъ, а не союзниковъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Результатомъ такого клубнаго духа является то, что Англія имѣетъ случайныхъ сообщниковъ, но ни одного постояннаго друга: что ея комбинаціи легковѣсны и неудовлетворительно исполняются". „Имперія", замѣчательно вѣрно заключаетъ посолъ, „обнимающая весь извѣстный міръ, придирается къ всевозможнымъ мелочамъ. Она нарушаетъ миръ слабыхъ и не позволяетъ имъ наслаждаться своимъ счастіемъ; но она останавливается предъ сильными или старается имъ вредить мелочными и темными способами. Въ виду такихъ жалкихъ пріемовъ дѣлать зло, разумъ, кажется, совѣтуетъ намъ оставаться спокойными, умножать свою силу и укрѣплять свое положеніе". „Таково положеніе Государя", заканчиваетъ гр. Поццо-ди-Борго свое донесеніе отъ 26-го августа (7-го сентября) 1838 года.

Императоръ Николай I былъ совершенно согласенъ съ своимъ замѣчательно умнымъ представителемъ въ Лондонѣ. Онъ поручилъ ему рѣшительно отклонить идею о конференціи, ибо всѣ великія державы между

trouvaient d'accord sur la nécessité de maintenir le statusquo en Orient. „La crise est passée", écrivait le vice-chancelier à l'ambassadeur à Londres à la date du 9 septembre 1838, „et l'accord entre les grandes Puissances est complet. Pourquoi donc provoquer une délibération sur les éventualités?" „Rien n'est aussi dangereux en politique", selon l'avis du comte Nesselrode, „que de vouloir mettre en discussion des éventualités plus ou moins éloignées, qui peut-être ne se réaliseront jamais". C'est pourquoi la convocation d'une conférence pour les affaires turco-égyptiennes ne saurait être justifiée que par „une nécessité absolue" ou „une crise imminente". Cette nécessité n'existe pas, et c'est pourquoi le gouvernement impérial ne voit „ni en principe, ni en pratique" l'utilité d'une conférence internationale. Le gouvernement anglais fut très mécontent de ce refus péremptoire de la Russie de participer à la conférence. Il déclarait par la bouche de lord Palmerston qu'il ne tolérerait jamais l'intervention isolée d'une grande Puissance dans les affaires de Turquie, „même au risque d'amener la guerre". C'est le motif pour lequel l'Angleterre entretenait des relations intimes avec la France, car les troupes françaises unies à la flotte d'Angleterre étaient en mesure d'opposer une forte résistance à la Russie. (Rapport du comte Pozzo di Borgo du 30 septembre (12 octobre) 1838).

L'Empereur Nicolas fit sur ce rapport de sa propre main l'annotation suivante: „Il fallait s'y attendre; mais c'est à Constantinople qu'est le danger, et c'est là qu'il faut recommander toute vigilance à Boutenef, pour que nous ne soyons pas trahis par la Porte".

En attendant, d'après les informations de Constantinople, le sultan cédait, de plus en plus, aux influences anglaises, et ne se proposait pas de renouveler le traité d'alliance avec la Russie ni de faire appel à son secours contre Méhémet-Ali. Le Cabinet de Vienne commençait également à pencher du côté de la politique anglaise. Si l'on prend en considération „que la France contre nous mettrait dans la balance un poids immense"— comme s'exprimait le comte Pozzo di Borgo — on comprendra la résolution de l'Empereur de prévenir la formation d'une coalition des grandes Puissances de l'Europe contre nous. C'est pour la solution de ce problème que le baron Brunnow, un des diplomates les plus éminents fut envoyé à Londres en 1839.

собою согласны, что на Востокѣ нужно сохранить statusquo. „Кризисъ прошелъ", писалъ Вице-канцлеръ послу въ Лондонѣ 9-го сентября 1838 года, "и согласіе между державами полное. Для чего же вызывать обсужденіе возможныхъ случайностей?" По мнѣнію графа Нессельроде, „въ политикѣ нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ желаніе вызывать обсужденіе болѣе или менѣе отдаленныхъ случайностей, которыя, можетъ быть, никогда не осуществятся". Поэтому только „абсолютною необходимостью" и „неминуемымъ кризисомъ" можетъ быть оправдываемо созваніе конференціи по турецко-египетскимъ дѣламъ. Такой же необходимости не существуетъ, и вотъ почему Императорское правительство, „ни въ принципѣ, ни въ практикѣ", не видитъ пользы отъ международной конференціи. Англійское правительство было чрезвычайно недовольно такимъ рѣшительнымъ отказомъ Россіи участвовать въ конференціи. Оно объявило, устами лорда Пальмерстона, что оно не допуститъ односторонняго вмѣшательства въ турецкія дѣла одной великой державы и „готово даже рисковать войною". Вотъ почему Англія поддерживала близкія отношенія съ Франціею, ибо французскія войска, соединенныя съ англійскимъ флотомъ, въ состояніи были дать сильный отпоръ Россіи. (Донесеніе гр. Поццо-ди-Борго отъ 30-го сентября (12 октября) 1838 года).

На этомъ донесеніи посла Императоръ Николай I сдѣлалъ собственноручно слѣдующую надпись: „Этого нужно было ожидать. Но опасность идетъ изъ Константинополя и тамъ нужно рекомендовать Бутеневу быть весьма осмотрительнымъ, чтобъ Порта намъ не измѣнила".

Между тѣмъ, по извѣстіямъ изъ Константинополя, султанъ все болѣе и болѣе поддавался вліянію англійскихъ происковъ и не намѣренъ былъ ни возобновлять союзнаго трактата съ Россіею, ни просить о ея помощи противъ Мегемета-Али. Вѣнскій кабинетъ также сталъ склоняться на сторону англійской политики. Если еще прибавить, что „Франція противъ Россіи положитъ на вѣсы страшную тяжесть" — какъ выразился графъ Поццо-ди-Борго — то понятно будетъ рѣшеніе Императора Николая I предупредить скрѣпленіе союза великихъ западно-европейскихъ державъ противъ Россіи. Для разрѣшенія этой задачи одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ, баронъ Брунновъ, былъ въ 1839 году командированъ въ Лондонъ.

Avant d'exposer les résultats de cette mission, nous devrons nous arrêter sur les affaires de l'Asie Centrale qui ont acquis à cette époque une importance particulière.

Nous avons eu l'occasion d'élucider plus haut (voir t. XI, pag. 265) les vues qu'entretenait le gouvernement russe au commencement du siècle au sujet des relations entre la Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale. En 1816 l'Empereur Alexandre I se plaisait à démontrer que les relations de la Russie avec les peuples et les tribus de l'Asie Centrale sont d'une nature si exceptionnelle, qu'on ne saurait y appliquer les principes qui servent de base aux relations politiques en Europe. A cette époque la Russie proclamait le principe d'une non-intervention absolue des Puissances de l'Europe, et particulièrement de l'Angleterre, dans ses relations avec les peuples de l'Asie Centrale, car elle „les considérait plutôt comme des affaires domestiques".

Cet ordre de choses se modifia considérablement dans les années trente du siècle actuel. A mesure que s'accentuait l'action de la Russie sur les affaires de Perse et que se répandait en Asie Centrale la crainte inspirée par cet Empire, cette partie du continent devint l'arène d'une lutte entre les intérêts russes et anglais. Lorsque le Shah de Perse entreprit en 1838 une campagne contre le Hérat, que l'on considérait comme placé sous le sceptre de l'émir de l'Afganistan, le gouvernement anglais n'hésita pas à attribuer cette expédition à des insinuations de la Russie. Les Anglais accusaient le comte Simonitch, ministre de Russie, d'avoir exercé une pression sur le Shah pour le porter à une guerre avec le Hérat. L'opinion publique en Angleterre s'émut pour la première fois de l'idée d'une conquête des Indes par la Russie. Cette idée, écrivait le comte Pozzo di Borgo à la date du 30 septembre (12 octobre) 1838, „travaille presque toutes les têtes ici, nonobstant son invraisemblance naturelle et sa réelle fausseté." Le comte Pozzo di Borgo s'appliquait à démontrer à lord Palmerston que ce projet de conquête des Indes, imputé à la Russie, n'était autre chose qu'un moyen de jeter l'alarme contre la Russie, et d'entretenir sans cesse l'agitation des esprits en Angleterre.

Le ministre anglais, qui excitait systématiquement l'opinion publique de son pays contre la Russie, répondit qu'il ne pouvait être naturellement pas question de ce plan dans ce moment,

Раньше, чѣмъ приступить къ изложенію результатовъ миссіи барона Бруннова, необходимо остановиться на переговорахъ о *средне-азіятскихъ* дѣлахъ, получившихъ въ это время совершенно исключительное значеніе.

Выше (см. т. XI, стр. 265) мы имѣли случай выяснить взглядъ русскаго правительства начала столѣтія на отношенія между Россіею и Англіею въ Средней Азіи. Въ 1816 году Императоръ Александръ I доказывалъ, что отношенія Россіи къ среднеазіятскимъ народамъ и племенамъ до такой степени своеобразны, что никакъ нельзя примѣнять къ нимъ начала, легшія въ основаніе политическихъ отношеній Европы. Тогда Россія провозгласила принципъ полнаго невмѣшательства европейскихъ державъ, и въ особенности Англіи, въ свои отношенія къ среднеазіятскимъ народамъ, ибо она „разсматривала эти отношенія скорѣе, какъ домашнія дѣла".

Такое положеніе вещей существеннымъ образомъ измѣнилось въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. По мѣрѣ того какъ обнаруживалось рѣшительное вліяніе Россіи на дѣла Персіи и по мѣрѣ того какъ въ Средней Азіи сталъ распространяться страхъ предъ русскою властью, по мѣрѣ того Средняя Азія становилась ареною борьбы между русскими и англійскими интересами. Когда персидскій шахъ предпринялъ въ 1838 году походъ противъ Герата, считавшагося подъ властью афганскаго эмира, англійское правительство приписывало этотъ походъ русскимъ внушеніямъ. Русскій посланникъ, гр. Симоничъ, обвинялся Англичанами въ подстрекательствѣ персидскаго шаха къ войнѣ противъ Герата. Общественное мнѣніе Англіи въ первый разъ было серьезно встревожено русскимъ проектомъ завоеванія Индіи. „Этотъ проектъ", писалъ гр. Поццо-ди-Борго 30-го сентября (12-го октября) 1838 года, „засѣлъ здѣсь во всѣхъ головахъ, не взирая на свою естественную невѣроятность и положительную фальшь". Графъ Поццо-ди-Борго доказывалъ лорду Пальмерстону, что приписываемый Россіи планъ завоеванія Индіи есть не что иное, какъ средство бить въ набатъ противъ Россіи и поддерживать постоянную тревогу въ Англіи.

Англійскій министръ, который самъ систематически возбуждалъ общественное мнѣніе своего народа противъ Россіи, отвѣчалъ, что, разумѣется, въ настоящее время не можетъ

„mais“, ajoutait-il, „lorsqu'on veut prendre une place on ne commence pas par la brêche; on fait des reconnaissances et des approches de loin pour venir progressivement à l'attaque“. (Rapport du comte Pozzo di Borgo du 11 (23) octobre 1838).

L'Empereur Nicolas I jugea nécessaire de refuter avec énergie les accusations portées contre la Russie au sujet de ses projets de conquête aux Indes. Après avoir communiqué au comte Nesselrode ses idées au sujet du programme de la politique russe en Asie Centrale, il le chargea d'élaborer des instructions détaillées au comte Pozzo di Borgo. Le Vice-chancelier rédigea la dépêche remarquable du 20 octobre 1838 qui répondait à un tel point aux vues de l'Empereur qu'il fit sur cette pièce *manu proprio* l'annotation suivante en français: *„c'est plus que parfait“*.

Nous croyons devoir nous arrêter sur ce document historique, qui n'a pas perdu de son importance même à la fin du XIX-e siècle. On voit d'après les entretiens de lord Palmerston avec le comte Pozzo di Borgo, dit à son début la dépêche du mois d'octobre, que le gouvernement anglais attribue à la Russie des intentions sérieuses au sujet des Indes. Ces suspicions doivent nécessairement réagir d'une manière fâcheuse sur toutes les relations mutuelles entre la Russie et l'Angleterre. En attendant, la politique de l'Empereur s'inspire en Asie des mêmes principes qu'en Europe. „Loin de toute idée d'envahissement, cette politique n'a pour but que le maintien des droits de la Russie, et le respect de ceux, légitimement acquis à toutes les autres Puissances“.

„La pensée de porter atteinte à la sûreté et au repos de l'état de possession de la Grande-Bretagne aux Indes, ne s'est donc jamais présentée, et ne se présentera jamais à l'esprit de Notre Auguste Maitre. *Il ne veut que ce qui est juste, et ce qui est possible.* Par ce double motif, il n'admet point une combinaison quelconque, dirigée contre la puissance britannique aux Indes. Elle ne serait *pas juste*, parceque rien ne l'aurait provoquée. Elle ne serait *pas possible*, à cause des distances immenses qui nous séparent, des sacrifices qu'il faudrait faire, des difficultés qu'il faudrait vaincre, et tout cela pour réaliser une conception aventureuse qui ne saurait jamais s'accorder avec une politique saine et raisonnable. Un seul regard jeté sur la carte, devrait suffire pour dissiper à cet égard toute préoccu-

быть рѣчи объ исполненіи этого плана. „Но“, прибавилъ онъ, „если хотятъ взять какую нибудь крѣпость, то не начинаютъ осады брешью, но дѣлаютъ рекогносцировки и издали начинаютъ рыть апроши съ цѣлью мало-помалу подготовить аттаку“. (Донесеніе гр. Поццо-ди-Борго отъ 11-го (23-го) октября 1838 года).

Императоръ Николай I призналъ необходимымъ опровергнуть самымъ энергическимъ образомъ обвиненія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ насчетъ Индіи. Сообщивъ графу Нессельроде свои мысли о цѣляхъ русской политики въ Средней Азіи, онъ поручилъ ему выработать подробную инструкцію для графа Поццо-ди-Борго. Вице-канцлеръ написалъ замѣчательную депешу отъ 20-го октября 1838 года, которая настолько удовлетворила Государя, что онъ сдѣлалъ на ней собственноручно французскую надпись: *„Это болѣе чѣмъ превосходно“*.

Мы приведемъ въ подробности этотъ замѣчательный историческій документъ, непотерявшій своего значенія даже въ концѣ XIX вѣка. Изъ разговоровъ лорда Пальмерстона съ графомъ Поццо-ди-Борго, начинается октябрьская депеша, видно, что англійское правительство приписываетъ Россіи серьезные замыслы противъ англійской Индіи. Такія подозрѣнія не могутъ не отозваться пагубнымъ образомъ на всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи. Между тѣмъ политика Государя въ Азіи проникнута тѣми же руководящими началами, какъ и въ Европѣ. „Далекая отъ всякой мысли о захватахъ, эта политика имѣетъ цѣлью только сохраненіе правъ Россіи и уваженіе къ законнопріобрѣтеннымъ правамъ всѣхъ другихъ державъ“.

„Мысль о посягательствѣ на безопасность и спокойствіе великобританскихъ владѣній въ Индіи никогда не возникала и не возникнетъ въ умѣ нашего августѣйшаго монарха. *Онъ только желаетъ того, что справедливо и что возможно.* Вотъ почему онъ не допускаетъ какой бы то ни было комбинаціи, направленной противъ англійской власти въ Индіи. Она была бы *несправедлива*, ибо она ничѣмъ не вызвана. Она не была бы *возможна*, по причинѣ громадныхъ разстояній, насъ отдѣляющихъ, жертвъ, ею вызываемыхъ, трудностей, которыя нужно было бы одолѣть,—и все это для исполненія рискованнаго плана, который никогда не можетъ быть одобренъ здравою и разумною политикою. Достаточно бросить взглядъ на карту для того, чтобъ устранить

pation et pour convaincre chaque homme impartial et éclairé que nul dessein hostile envers l'Angleterre ne saurait diriger en Asie la marche politique de notre Cabinet."

En ce qui concerne la Perse en particulier, la Russie ne saurait ne pas reconnaître les prétentions du Shah sur Hérat et son droit de protéger ses sujets contre les agressions continuelles des Afghans. Si le souverain de la Perse, contrairement aux conseils du gouvernement impérial, s'est mis en marche contre le Hérat, il serait pour le moins injuste d'imputer à la Russie „cette entreprise fatale".

Le comte Simonitch, ministre de Russie à Téhéran, proposait au Shah d'établir un accord avec le khan de l'Afghanistan et de reconnaître l'indépendance de ce pays. Cette transaction „aurait rendu cette contrée accessible au commerce et à l'industrie de toutes les nations, intéressées à l'exploitation des ressources de l'Asie Centrale". Le gouvernement impérial est convaincu que l'Asie Centrale est assez riche „pour être librement ouverte à l'activité commerciale de tous les pays qui, sans vouloir s'exclure les uns les autres, doivent rivaliser entr'eux par une franche et honorable concurrence. Pour notre part, Monsier l'Ambassadeur, nous considérons cette concurrence comme toute pacifique et industrielle, mais nullement comme politique, ni comme hostile".

La Russie n'a rien à cacher quant à sa politique en Asie Centrale. Elle ne conteste pas le voyage de Witkévitch à Caboul, qui s'explique par la mission à St.-Pétersbourg en 1837 de Dost Mohamed, agent du khan Afghan, qui avait exprimé le désir d'établir des relations commerciales avec la Russie. Aucune Puissance étrangère ne saurait élever de réclamations contre la mission de Witkévitch à Caboul qui n'avait pour objet „ni traité de commerce, ni combinaison politique quelconque".

S'il est une Puissance qui aurait un droit légitime de se plaindre, ce serait la Russie, car les voyageurs et les agents anglais répandent systématiquement au sein des populations de l'Asie Centrale des germes d'inquiétude et de troubles qui s'étendent jusqu'aux confins de la Russie. Celle-ci ne réclame, pour sa part, que le droit de participer à la libre concurrence du commerce en Asie Centrale, que les Anglais cherchent au contraire à confisquer à leur profit exclusif.

на этотъ счетъ всякую боязнь и чтобъ убѣдить каждаго безпристрастнаго и просвѣщеннаго человѣка въ томъ, что никакой враждебный въ отношеніи Англіи замыселъ не можетъ руководить политикою нашего кабинета въ Азіи".

Относительно же, въ частности, Персіи Россія не можетъ не признать правъ шаха на Гератъ и его права обезпечить безопасность своихъ подданныхъ противъ постоянныхъ нападеній со стороны Афганцевъ. Если персидскій шахъ, вопреки совѣтамъ Императорскаго правительства, началъ походъ противъ Герата, то винить „въ этомъ роковомъ предпріятіи" Россію, по меньшей мѣрѣ, несправедливо.

Графъ Симоничъ, русскій посланникъ въ Тегеранѣ, предложилъ шаху вступить въ соглашеніе съ ханомъ афганскимъ и признать независимость Афганистана. Подобная сдѣлка „открыла бы эту страну для торговли и промышленности всѣхъ народовъ, эксплуатирующихъ богатства Средней Азіи". Императорское правительство убѣждено, что Средняя Азія настолько богата, что „свободно можетъ быть открыта для торговой дѣятельности всѣхъ народовъ, которые, не исключая другъ друга, должны вступить другъ съ другомъ въ открытую и честную конкурренцію. Съ нашей стороны, г. посолъ, мы понимаемъ это соревнованіе какъ вполнѣ мирное и промышленное, но нисколько не какъ политическое и враждебное".

Россіи нечего скрывать насчетъ своей средneaзіятской политики. Она не отрицаетъ поѣздки Виткевича въ Кабулъ, вызванной посылкою въ 1837 году въ С.-Петербургъ агента Достъ-Могамеда, хана афганскаго, выразившаго желаніе завязать съ Россіею торговыя сношенія. На миссію Виткевича никакая иностранная держава не можетъ быть въ претензіи, ибо этотъ агентъ былъ отправленъ въ Кабулъ „ни для заключенія коммерческаго трактата, ни для преслѣдованія какихъ-либо политическихъ комбинацій".

Если есть держава, имѣющая законное право жаловаться, то это—Россія, ибо англійскіе путешественники и агенты систематически сѣютъ между среднеазіятскими народами сѣмена безпокойства и смутъ, доходящихъ до русскихъ границъ. Россія желаетъ только права участвовать въ свободной конкуренціи на аренѣ среднеазіятской торговли, которую, напротивъ, англичане желаютъ конфисковать въ свою исключительную пользу.

„La Grande Bretagne, comme la Russie, doit avoir à coeur le même intérêt: celui de maintenir la paix au centre de l'Asie et d'éviter qu'il ne survienne, dans cette vaste partie du globe, une conflagration générale".

„Or, pour empêcher ce grand malheur", poursuit le Vice-Chancelier, „il faut *conserver soigneusement le repos des pays intermédiaires qui séparent les possessions de la Russie de celles de la Grande Bretagne.* Consolider la tranquillité de ces contrées; ne point les exciter les unes contre les autres, en nourrissant leurs haines mutuelles; se borner à rivaliser d'industrie, mais non pas s'engager dans une lutte d'influence politique; enfin, plus que tout le reste, respecter l'indépendance des pays intermédiaires qui nous séparent, tel est à notre avis le système que les deux Cabinets ont un commun intérêt à suivre invariablement, *afin d'empêcher la possibilité d'un conflit entre deux grandes Puissances qui, pour rester amies, ont besoin de ne pas se toucher et de ne pas se heurter au centre de l'Asie*".

On ne saurait ne pas convenir que ces paroles remarquables de la dépêche d'octobre 1838 du comte Nesselrode énoncent, pour la première fois et avec une clarté étonnante, la célèbre théorie des tampons qui doivent séparer les possessions russes en Asie Centrale de celles de la Grande Bretagne. En ce qui concerne la Perse, les intérêts de la Russie et de l'Angleterre y sont complètement identiques: les deux Puissances n'ont qu'à désirer le maintien de l'ordre et de la tranquillité dans ce pays. Voici pourquoi il serait désirable que l'Angleterre renonçât à user de provocations à l'égard de la Perse, en rappelant sa flotte du golfe Persique et en restituant à la Perse l'île de Karak, occupé par un détachement anglais. Le gouvernement impérial a lieu d'espérer que l'Angleterre ne se refusera pas de faire droit à cette réclamation équitable, car c'est dans ce même sens que le marquis de Clanricarde, ambassadeur d'Angleterre, s'est exprimé dans sa note au Vice-Chancelier du 28 octobre (9 novembre) 1838.

Tel était le contenu de cette note remarquable du mois d'octobre du comte Nesselrode. Elle avait pour objet: 1) d'exposer à l'Angleterre franchement les mobiles de la politique russe en Asie Centrale, et 2) de forcer le gouvernement anglais à se prononcer au sujet de l'ho-

„Великобританія, какъ и Россія, должна имѣть въ виду одинъ и тотъ же интересъ, а именно: поддерживать миръ въ Средней Азіи и предупредить возникновеніе въ этой обширной части свѣта общаго пожара".

„И вотъ", продолжаетъ вице-канцлеръ, „чтобъ избѣжать этого великаго несчастія, необходимо *тщательнымъ образомъ сохранять спокойствіе въ промежуточныхъ странахъ, отдѣляющихъ владѣнія Россіи отъ владѣній Великобританіи.* Укрѣплять тишину въ этихъ странахъ; не натравлять ихъ одну противъ другой посредствомъ потворства ихъ взаимной ненависти; ограничиваться соревнованіемъ на поприщѣ промышленности, но не вступать въ борьбу изъ-за политическаго вліянія, и, наконецъ—что важнѣе всего остального—уважать независимость промежуточныхъ, насъ раздѣляющихъ странъ, — такова, по нашему мнѣнію, система, которой оба правительства должны неизмѣнно слѣдовать въ виду общей ихъ пользы и *съ цѣлью предупрежденія возможности столкновенія между двумя великими державами, которыя, чтобъ оставаться друзьями, обязаны не имѣть въ Центральной Азіи ни соприкосновенія, ни столкновенія*".

Нельзя не согласиться, что въ этихъ замѣчательныхъ словахъ октябрьской депеши 1838 года графа Нессельроде вполнѣ рельефно и въ первый разъ высказывается знаменитая „теорія буфферовъ", которыми русскія владѣнія въ Средней Азіи должны быть отдѣлены отъ англійскихъ. Что же касается въ частности Персіи, то интересы Россіи и Англіи совершенно тамъ идентичны: обѣ державы могутъ только желать спокойствія и порядка въ этой странѣ. Вотъ почему весьма желательно, чтобъ Англія отказалась отъ своего вызывающаго образа дѣйствія въ отношеніи Персіи, отозвавъ свой флотъ изъ Персидскаго залива и возвративъ Персіи занятый англійскимъ отрядомъ персидскій островъ Каракъ. Императорское правительство надѣется, что Англія исполнитъ это справедливое требованіе, ибо въ такомъ же смыслѣ высказался самъ великобританскій посолъ маркизъ Кланрикардъ въ нотѣ къ Вице-канцлеру отъ 28-го октября (9-го ноября) 1838 года.

Вотъ содержаніе замѣчательной октябрьской ноты графа Нессельроде. Цѣль этой ноты была двоякая: 1) нужно было откровенно объяснить Англіи мотивы русской политики въ Средней Азіи и 2) нужно было заставить англійское правительство высказаться насчетъ

stileté de sa politique à l'egard de la Perse. Par une dépêche confidentielle de cette même date du 20 octobre, le comte Pozzo di Borgo était invité à provoquer un échange d'idées tout amical avec lord Palmerston.

„Dans le cours des contestations", écrivait le comte Nesselrode, „que nous avons eues à soutenir depuis ces dernières années avec l'Angleterre, il n'en est aucune dont les conséquences se présentent à nos yeux sous un aspect plus sérieux que celle qui vient de naître. L'étrange préoccupation qui porte le Ministère anglais à nous attribuer des desseins hostiles contre la puissance britannique aux Indes, l'entraîne vers des moyens extrèmes qu'il considère comme des mesures de précaution destinées à prévenir le mal qu'il redoute, mais qui, dans le fait, tendent précisément à ammener ce conflit qu'il voudrait éviter".

La politique anglaise est pleine de contradictions qu'on ne saurait expliquer. Elle redoute un conflit en Asie Centrale et l'altération du *statuquo,* et elle s'empare en même temps de territoires persans, et compromet le *statuquo.* Elle redoute des perturbations en Turquie, et cherche en même temps à paralyser l'influence conservatrice de la Russie.

Le comte Pozzo di Borgo se fit un devoir de donner connaissance à lord Melbourne et à lord Palmerston de la note d'octobre du comte Nesselrode et de leur en laisser une copie. Le chef du Cabinet fut complètement satisfait de la note russe. Lorsque l'ambassadeur rappela à lord Melbourne la note de lord Palmerston du 5 septembre 1834 qui insistait également sur la nécessité d'un accord avec la Russie sur les affaires de l'Asie Centrale, le premier Ministre répondit: „C'est tout ce que nous voulons, it shall be so. Nous rétablirons les choses dans l'état où elles étaient en 1834". (Rapport du comte Pozzo di Borgo du 29 novembre (11 décembre) 1838).

Lord Palmerston ne mit pas d'empressement à répondre à la note russe d'octobre. Il se borna au commencement à exalter „la générosité et la supériorité d'idées" de l'Empereur Nicolas. Ce n'est que par une note du 20 décembre, qu'il jugea opportun d'attester que le point de vue russe sur les affaires de l'Asie Centrale est exposé dans la note d'octobre d'une manière „entièrement satisfaisante". L'entente et l'amitié existent de tout temps entre la Grande Bretagne et la Russie. Voici pourquoi il serait opportun d'écarter toute circonstance qui pour-

его враждебной въ отношеніи Персіи политики. Графу Поццо-ди-Борго, въ секретной депешѣ отъ того же 20-го октября, было поручено вступить съ лордомъ Пальмерстономъ въ самый дружескій обмѣнъ мыслей.

„Въ продолженіи разногласій", писалъ гр. Нессельроде, „которыя намъ приходилось въ теченіи послѣднихъ лѣтъ имѣть съ Англіею, не было ни одного, которое въ нашихъ глазахъ представлялось бы болѣе серьезнымъ, чѣмъ только что народившееся. Странная боязнь, заставляющяя англійское министерство приписывать намъ враждебные замыслы противъ британскаго владычества надъ Индіею, увлекаетъ его къ крайнимъ мѣрамъ, которыя являются въ его глазахъ мѣрами предосторожности, имѣющими цѣлью предупредить бѣдствіе, котораго оно опасается, но которыя, на дѣлѣ, именно могутъ вызвать столкновеніе, предупредить которое оно желаетъ".

Англійская политика полна необъяснимыхъ самопротиворѣчій. Она боится въ Средней Азіи конфликта и нарушенія statusquo, но въ то же время захватываетъ персидскія земли и нарушаетъ этотъ statusquo. Она опасается нарушенія мира въ Турціи и въ то же время старается парализовать консервативное вліяніе Россіи.

Графъ Поццо-ди-Борго прочелъ лордамъ Мельборну и Пальмерстону октябрьскую ноту графа Нессельроде и оставилъ имъ съ нея копію. Англійскій премьеръ былъ совершенно доволенъ русскою нотою. Когда же посолъ напомнилъ лорду Мельборну ноту лорда Пальмерстона отъ 5-го сентября 1834 года, также доказывавшую необходимость соглашенія съ Россіею по среднеазіятскимъ дѣламъ, то премьеръ отвѣтилъ: „Это все, чего мы желаемъ. Такъ оно и будетъ. Мы возстановимъ положеніе вещей, бывшее въ 1834 году". (Донесеніе гр. Поццо-ди-Борго отъ 29 ноября (11 декабря) 1838 г.).

Лордъ Пальмерстонъ не скоро отвѣтилъ на русскую октябрьскую ноту. Онъ сперва ограничивался восхваленіями „великодушія и возвышенности идей" Императора Николая. Только нотою отъ 20-го декабря лордъ Пальмерстонъ счёлъ возможнымъ подтвердить, что русская точка зрѣнія на среднеазіятскія дѣла, изложенная въ октябрьской нотѣ, „вполнѣ удовлетворительна". Между Великобританіею и Россіею существуютъ издавна союзъ и дружба. Вотъ почему слѣдуетъ устранить всякое обстоятельство, могущее нарушить столь желатель-

rait compromettre cette entente entre les deux Etats, si utile et si désirable. Mais lord Palmerston crut devoir à cette occasion exprimer le voeu, que les agens russes en Asie Centrale règlent désormais leur conduite, en conformité aux instructions de leur gouvernement.

Le ton conciliant de la note anglaise ne trahissait pas l'intention sincère du gouvernement anglais de rétablir le *statuquo* en Asie Centrale, qu'il avait compromis. L'Empereur Nicolas I ne se considérait pas satisfait, aussi longtemps que l'escadre anglaise n'eût quitté le golfe Persique et que l'île de Karak ne fût restituée à la Perse. En attendant, l'Angleterre força le Shah à lever le siège de Hérat et ne songeait pas à restituer l'île de Karak qu'elle continuait à occuper. Par contre, la Russie s'empressa de rappeler de Caboul le lieutenant Witkévitch et notifiait au Shah et à l'Emir Afghan, par l'entremise du général Duhamel, qui avait succédé au comte Simonitch, qu'elle se proposait d'entretenir avec l'Afghanistan des relations exclusivement commerciales. (Dépêche du comte Nesselrode du 21 février 1838.)

Plus l'action de la Russie était conciliante, plus celle de l'Anglettere devenait hardie en Asie Centrale. Le comte Pozzo di Borgo exprimait sa conviction, que de fait le Cabinet anglais ne désirait nullement un accord avec la Russie au sujet des affaires de la Perse, mais travaillait au renversement du trône du Shah et à la révolution dans ce pays.

Cette politique provoquante était désapprouvée en Angleterre, même par des personnes compétentes. Ainsi le fameux gouverneur-général des Indes, marquis Wellesley, frère du duc de Wellington, disait à l'ambassadeur de Russie: „quant à la Perse, nous ne pouvons pas plus mal faire que de jeter le Shah dans vos bras. Vous le soutiendrez et la présence du plus petit détachement, qui serait censé envoyé contre nous, retentira jusqu'au Ganges. Ma politique a toujours été de ne pas vous donner le moindre prétexte de passer votre frontière; on veut vous y forcer; — nous ne pourrons résister sur le territoire persan et bien plus loin; et cette preuve d'infériorité, n'importe où elle se montre, ébranlera toutes les têtes des natifs."

Toutefois, ni les vues d'un expert aussi compétent dans les affaires de l'Asie Centrale que l'était le marquis de Wellesley, ni la sincérité

ное и полезное согласіе между обоими государствами. Но при этомъ случаѣ, лордъ Пальмерстонъ призналъ возможнымъ выразить желаніе, чтобъ отнынѣ русскіе агенты въ Средней Азіи дѣйствовали согласно съ полученными ими отъ своего правительства инструкціями!

Примирительный тонъ англійской ноты не доказывалъ искренняго намѣренія англійскаго правительства возстановить въ Средней Азіи нарушенный имъ *statusquo*. Императоръ Николай I не признавалъ себя удовлетвореннымъ, пока англійская эскадра не покинула Персидскаго залива и пока островъ Каракъ не былъ возвращенъ Персіи. Между тѣмъ Англія заставила шаха снять осаду Герата; но она не думала возвращать захваченнаго ею персидскаго острова. Россія же, напротивъ, отозвала поручика Витквича изъ Кабула и чрезъ генерала Дюгамеля, заступившаго мѣсто гр. Симонича, объявила шаху и афганскому эмиру, что она желаетъ поддерживать съ Афганистаномъ исключительно коммерческія сношенія. (Депеша графа Нессельроде отъ 21 февраля 1838 года).

Чѣмъ примирительнѣе дѣйствовала Россія, тѣмъ болѣе дерзкимъ становился образъ дѣйствія Англіи въ Средней Азіи. Графъ Поццо-ди-Борго выражалъ свое убѣжденіе, что англійскій кабинетъ, на дѣлѣ, нисколько не желаетъ соглашенія съ Россіею насчетъ персидскихъ дѣлъ, но добивается низверженія съ престола царствующаго шаха и революціи въ самой Персіи.

Такая вызывающая политика осуждалась въ самой Англіи весьма компетентными людьми. Такъ, знаменитый индійскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Веллеслей, братъ герцога Веллингтона, сказалъ русскому послу: „Что касается Персіи, то мы не могли поступить хуже, чѣмъ заставить шаха броситься въ ваши объятія. Вы будете его поддерживать, и присутствіе самаго маленькаго отряда, посланнаго, повидимому, противъ насъ, отзовется до береговъ Ганга. Моя политика всегда заключалась въ томъ, чтобъ не давать вамъ ни малѣйшаго повода для перехода вашей границы. Васъ хотятъ принудить къ этому. Мы не въ состояніи держаться на персидской территоріи и еще гораздо дальше. Такое доказательство безсилія, все равно, гдѣ бы оно ни обнаружилось, вскружитъ головы всѣмъ туземцамъ".

Однако, ни взгляды такого авторитетнаго знатока среднеазіятскихъ дѣлъ, какъ маркизъ Веллеслей, ни искренность заявленій Импера-

des déclarations de l'Empereur Nicolas I n'arrêtèrent lord Palmerston dans cette voie de l'excitation systématique des passions nationales, sur laquelle il se trouvait irrévocablement engagé. Le fait suivant prouve, jusqu'à quel oubli des convenances et jusqu'à quelle haîne manifeste à l'égard de la Russie, se livrait impunément lord Palmerston.

Lorsqu'en avril 1839, le comte Pozzo di Borgo eut connaissance de l'arrivée à Londres du M'Neill, ministre d'Angleterre à Téhéran, connu par son animosité à l'égard de la Russie, et de l'interpellation au parlement au sujet des affaires de Perse, il crut devoir prévenir immédiatement la propagation de bruits erronés concernant les visées de la Russie contre la domination de l'Angleterre aux Indes.

L'ambassadeur adressa une lettre à lord Palmerston avec la demande de lui fixer *sans retard* une entrevue. Une journée entière se passa sans réponse. Le jour suivant le comte Pozzo di Borgo se rendit au Foreign Office, sans y trouver le noble lord. L'ambassadeur se rendit à son domicile; lord Palmerston était à la maison, mais il ne daigna pas recevoir l'ambassadeur sous prétexte qu'il se pressait de se rendre au parlement! Il fit prier l'ambassadeur, par son valet de chambre, de passer le lendemain, à quatre heures, au Foreign Office. L'ambassadeur s'y rendit le lendemain à 4 heures précises, mais il dut faire antichambre près de *deux heures* avant que la porte du cabinet ne s'ouvrit, et que lord Palmerston ne daignât se montrer! Jamais un ministre et un gentleman anglais n'avait encore poussé jusque là son insolence. On a de la peine à s'expliquer comment le comte Pozzo di Borgo, connu pour sa fierté, a pu tolérer une conduite aussi blessante de la part du ministre anglais. Dans sa dépêche du 24 mars (5 avril) 1839 l'ambassadeur se bornait à faire remarquer que lord Palmerston „ne fait aucun cas de ces sortes de procédés qu'li n'épargne à personne!.“ Après l'avoir fait attendre deux heures, il le reçut „ordinaire“, avec sa familiarité, sans lui donner aucune réponse précise. Lorsque l'ambassadeur lui remit copie de la dépêche du comte Nesselrode du 21 février, constatant que l'Empereur Nicolas I a non seulement renoncé à ratifier le traité conclu par le comte Simonitch avec l'émir Afghan, mais qu'il a en outre rappelé le lieutenant Witkévitch de Caboul, lord Palmerston, n'a pas cru devoir renoncer à son idée que l'expédition projetée par le gouvernement anglais contre l'Afghanistan était nécessaire et que l'île

тора Николая I не остановили лорда Пальмерстона на пути систематическаго возбужденія народныхъ страстей, на которомъ постоянно находился этотъ англійскій министръ. До какой безцеремонности въ обращеніи и до какого открытаго проявленія своей ненависти къ Россіи могъ безнаказанно дойти лордъ Пальмерстонъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта.

Когда, въ апрѣлѣ 1839 года, графъ Поццо-ди-Борго узналъ о прибытіи въ Лондонъ англійскаго посланника въ Тегеранѣ, M'Neill, извѣстнаго враждебностью къ Россіи, а равно о запросѣ въ парламентѣ о персидскихъ дѣлахъ, онъ счелъ нужнымъ немедленно предупредить распространеніе ложныхъ толковъ насчетъ замысловъ Россіи противъ англійской власти въ Индіи.

Посолъ письмомъ просилъ *немедленнаго* свиданія съ лордомъ Пальмерстономъ. Прошелъ цѣлый день безъ отвѣта. На слѣдующій день графъ Поццо-ди-Борго самъ отправился въ Foreign Office, не дождавшись отвѣта. Благороднаго лорда тамъ не оказалось. Посолъ поѣхалъ къ нему на домъ. Лордъ былъ дома, но не удостоилъ пріема русскаго посла на томъ основаніи, что у него нѣтъ времени, ибо онъ спѣшитъ въ парламентъ! Черезъ камердинера онъ просилъ посла прибыть на слѣдующій день, въ 4 часа пополудни, въ Foreign Office. На другой день, ровно въ 4 часа, прибылъ графъ Поццо-ди-Борго въ Foreign Office. Но онъ не былъ тотчасъ же принятъ благороднымъ лордомъ: въ продолженіи почти *двухъ* часовъ русскій Императорскій посолъ, графъ Поццо-ди-Борго, ждалъ въ передней министерскаго кабинета, пока, наконецъ, открылась дверь кабинета, и вышелъ лордъ Пальмерстонъ! До такой дерзости не доходилъ ни одинъ англійскій министръ и джентльменъ. Остается только совершенно непонятнымъ, какъ гордый графъ Поццо-ди-Борго могъ позволить англійскому министру такое оскорбительное съ нимъ обращеніе. Но графъ только замѣчаетъ, въ своей депешѣ отъ 24-го марта (5 апрѣля) 1839 года, что лордъ Пальмерстонъ „привыкъ такъ обращаться со всѣми“! Заставивъ посла ждать въ передней два часа, онъ принялъ его затѣмъ „съ обычною фамильярностью“ (sic!), но все-таки не удостоилъ его никакимъ опредѣленнымъ отвѣтомъ. Когда посолъ вручилъ ему копію съ депеши графа Нессельроде отъ 21-го февраля въ подтвержденіе того, что Императоръ Николай I не только не утвердилъ заключеннаго графомъ Симоничемъ трактата съ афганскимъ

de Karak serait détenue par l'Angleterre aussi longtemps qu'elle n'aura obtenu une complète satisfaction de la Perse.

Après avoir fait antichambre deux heures l'ambassadeur se retira du ministre anglais sans avoir obtenu un résultat quelconque. Il s'adressa la-dessus à lord Melbourne pour lui demander une entrevue. Le premier ministre se rendit immédiatement chez l'ambassadeur et, après l'avoir écouté, il convenait que, pour sa part, il trouvait l'expédition dans l'Afghanistan inutile et même dangereuse, mais il était malheureusement impuissant à l'arrêter. Lorsque l'ambassadeur s'attachait à démontrer que la paix et l'entente devait exister entre la Russie et l'Angleterre, comme autrefois, le premier ministre s'écria presque avec désespoir: „Vous avez raison; mais toutes ces affaires sont entre les mains du Ministre du Département, et il est difficile de prévenir et d'éviter toujours celles qu'on n'approuve pas entièrement. Je m'intéresserai aux objets, qui ont fait le sujet de notre conversation, et j'espère que la paix et la bonne harmonie entre nous seront conservées".

Quelques jours après, lord Palmerston s'entretenait en effet avec l'ambassadeur de Russie dans un esprit plus conciliant, et dans sa note du 4 avril, il exprimait même sa satisfaction au sujet des explications données par le gouvernement impérial. Toutefois, il ne jugeait pas possible de reduire les réclamations adressées à la Perse à la suite de l'arrestation du courier anglais par les autorités persanes.

Le gouvernement impérial, quoique très soucieux de sa pleine indépendance dans les affaires de l'Asie Centrale, ne jugeait pas opportun d'intervenir directement dans le conflit anglo-persan. Mais d'une autre part, il désirait sincèrement qu'il aboutît à une solution prochaine et que l'île de Karak fut restituée à la Perse — ce que l'Angleterre promit au gouvernement du Shah d'exécuter.

En juin 1839, le comte Pozzo di Borgo recevait une lettre de St. Pétersbourg, adressée par le premier ministre de Perse à lord Palmerston, dans laquelle le gouvernement persan consentait à donner pleine satisfaction à l'Angleterre et souscrivait à toutes ses demandes.

эмиромъ, но также отозвалъ поручика Виткевича изъ Кабула, лордъ Пальмерстонъ все-таки остался при своемъ мнѣніи, что снаряжаемая англійская военная экспедиція въ Афганистанъ необходима и что островъ Каракъ останется въ англійскихъ рукахъ, пока Персія не дастъ Англіи полнаго удовлетворенія.

Русскій посолъ, прождавши два часа въ передней, ушелъ отъ англійскаго министра ни съ чѣмъ. Тогда онъ написалъ лорду Мельборну и просилъ свиданія у него. Англійскій премьеръ немедленно самъ пришелъ къ послу и, выслушавъ его, сознался, что и по его мнѣнію отправляемая изъ Индіи въ Афганистанъ экспедиція совершенно излишня и даже опасна, но что безсиленъ онъ остановить ее. Когда посолъ сталъ доказывать, что между Россіею и Англіею должны быть всегда миръ и согласіе, какъ прежде, англійскій первый министръ почти въ отчаяніи воскликнулъ: „Вы правы. Но всѣ эти дѣла находятся въ рукахъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ и трудно всегда предупреждать и устранять дѣла, которыхъ мы не вполнѣ одобряемъ. Я буду имѣть въ виду дѣла, о которыхъ мы говорили, и я надѣюсь, что миръ и доброе согласіе между нами будутъ сохранены".

Черезъ нѣсколько дней лордъ Пальмерстонъ дѣйствительно говорилъ съ русскимъ посломъ въ болѣе благосклонномъ тонѣ и, нотою отъ 4-го апрѣля, даже выразилъ свое удовольствіе по поводу полученныхъ отъ Императорскаго правительства объясненій. Но все-таки онъ не считалъ возможнымъ убавить свои чрезмѣрныя требованія, предъявленныя персидскому шаху вслѣдствіе задержанія персидскими властями англійскаго дипломатическаго курьера.

Императорское правительство, защищая полную свою самостоятельность въ азіятскихъ дѣлахъ, не считало возможнымъ прямо вмѣшаться въ англо-персидскую распрю. Но, съ другой стороны, оно искренне желало скорѣйшаго окончанія этой распри и возвращенія Персіи острова Каракъ — что было обѣщано Англіею Персіи.

Въ іюнѣ 1839 года графъ Поццо-ди-Борго получилъ изъ С.-Петербурга письмо перваго персидскаго министра къ лорду Пальмерстону, въ которомъ персидское правительство изъявляетъ свое согласіе дать Англіи полное удовлетвореніе и подписываетъ всѣ ея требованія.

L'ambassadeur devait chercher l'occasion de remettre cette lettre personnellement à lord Palmerston. Mais s'il croyait que cette démarche pourrait être interprêtée par le ministre anglais comme une ingérence ou une médiation de la Russie, il devait la remettre au ministre de Perse à Londres pour la faire parvenir à sa destination. (Dépêche du comte Nesselrode du 3 (15) juin 1839).

Il faut croire que le comte Pozzo di Borgo ne réussit pas à remettre à lord Palmerston la lettre en question, car le ministre refusa de recevoir même Goussein-khan, ambassadeur extraordinaire du Shah, arrivé à Londres, en le considérant comme „un simple voyayeur!". Cette conduite de lord Palmerston détermina le comte Pozzo di Borgo à prendre sa démission. Mais avant de quitter son poste à Londres, il jugea opportun d'exposer très franchement à l'Empereur ses vues sur la politique anglaise en Asie Centrale. Il les consigna dans un rapport remarquable au comte Nesselrode du 11 (23) avril 1839.

D'après ses affirmations c'est à lord Palmerston et à son affidé, Mac-Neill, ministre d'Angleterre à Téhéran, qu'appartient l'honneur d'avoir soulevé l'opinion publique en Angleterre contre la Russie au sujet des affaires de l'Asie Centrale. On attribue à l'influence du comte Simonitch les deux campagnes du Shah contre Hérat. La présence de Witkévith à Kaboul fut aussitôt exploité comme une démarche de la Russie contre les Indes Anglaises. Lord Palmerston et ses nombreux agents dans les territoires du centre de l'Asie recueillent avec soin les moindres faits, qui pourraient entretenir une agitation fébrile au sein de la nation anglaise, provoquée par la crainte pour l'intégrité de ses possessions aux Indes. Le gouvernement anglais crut devoir publier tout un recueil, contenant des renseignements sur l'expédition projétée par la Russie dans cette direction. Mac-Neill reçut l'ordre du Bain de la première classe pour la rédaction de ce recueil, et pour l'activité qu'il avait déployée en Perse, et presque tous les Anglais croient aux projets deconquê te, imputés à la Russie.

„L'opinion publique", écrit le comte Pozzo di Borgo, „est contaminée par le souffle du gouvernement et par ces doctrines les plus subversives, et irritée, en même temps, par l'idée qu'il existe une Puissance que l'Angleterre rencontre sur le chemin de son ambition sans bornes et de ses injustices". Tout dépendra du champs de

Посолъ долженъ былъ постараться вручить самому лорду Пальмерстону это письмо. Но если онъ имѣетъ основаніе думать, что англійскій министръ усмотритъ въ этомъ шагѣ вмѣшательство или посредничество со стороны Россіи, то долженъ былъ вручить письмо персидскому посланнику въ Лондонѣ для передачи по принадлежности. (Депеша гр. Нессельроде отъ 3 (15) іюня 1839 года).

Должно думать, что графу Поццо-ди-Борго не удалось представить лорду Пальмерстону письма перваго министра шаха, ибо лордъ даже не принялъ прибывшаго въ Лондонъ чрезвычайнаго персидскаго посла Гуссейнъ-хана. Онъ его призналъ „простымъ туристомъ"! Поведеніе лорда Пальмерстона заставило наконецъ графа Поццо-ди-Борго подать въ отставку. Но раньше, чѣмъ покинуть свой постъ въ Лондонѣ, онъ считалъ нужнымъ совершенно откровенно высказать Государю свои взгляды насчетъ цѣлей англійской политики въ Средней Азіи. Онъ это сдѣлалъ въ замѣчательномъ донесеніи графу Нессельроде отъ 11-го (23-го) апрѣля 1839 года.

По словамъ графа Поццо-ди-Борго, лорду Пальмерстону и его клеврету Mac-Neill, англійскому посланнику въ Тегеранѣ, принадлежитъ честь возбужденія общественнаго мнѣнія Англіи противъ Россіи насчетъ средне-азіятскихъ дѣлъ. Обѣ экспедиціи шаха противъ Герата приписываютъ вліянію графа Симонича. Ихъ неудача не успокоила Англичанъ. Появленіе Виткевича въ Кабулѣ немедленно было эксплуатируемо, какъ новый шагъ Россіи противъ англійской Индіи. Лордъ Пальмерстонъ и его многочисленные агенты въ средне-азіятскихъ земляхъ тщательно собираютъ всѣ факты, могущіе поддерживать лихорадочное настроеніе англійскаго народа, вызванное боязнью за свои индійскія владѣнія. Англійское правительство даже издало цѣлый сборникъ, полный свѣдѣніями о замышляемомъ Россіею походѣ противъ Индіи. Mac-Neill награжденъ за составленіе этого сборника и за свою дѣятельность въ Персіи орденомъ Бани первой степени, и почти всѣ Англичане вѣрятъ въ завоевательные планы, приписываемые Россіи.

„Общественное мнѣніе", пишетъ гр. Поццо-ди-Борго, „заражено дуновеніемъ правительства и самыми разрушительными доктринами и, въ тоже время, возбуждено мыслью, что существуетъ держава, которую Англія встрѣчаетъ на пути своего безпредѣльнаго тщеславія и своихъ несправедливостей". Все будетъ

bataille: moins la Russie s'éloignera de la base naturelle de son pouvoir et mieux ce sera.

„Plus j'examine", conclut le comte Pozzo di Borgo", les faits qui proviennent du Cabinet anglais et plus je cherche d'en pénétrer les motifs, plus il me semble que le plan d'hostilité systématique contre la Russie se montre davantage."

Selon l'avis du comte Nesselrode, le comte Pozzo di Borgo envisageait les affaires de l'Asie Centrale et les relations entre la Russie et l'Angleterre sous un jour trop sombre. L'Empereur Nicolas partageait, sous quelques réserves, les vues de son Vice-Chancelier.

Voici l'annotation qu'il fit de sa propre main sur la pièce du Vice-Chancelier, qui accompagnait les rapports du comte Pozzo di Borgo: „Je suis de votre avis, mon cher ami, mais il est bon d'être sur nos gardes, et si la folie, car c'en est une, poussait l'Angleterre à vouloir se mesurer avec mes troupes dans les déserts de la Perse, j'espère en Dieu, et dans la bravoure de nos troupes pour les en faire repentir."

Ni en 1839, ni jusqu'à l'heure actuelle les troupes anglaises et russes n'ont eu l'occasion de se mesurer sur les champs de bataille dans les déserts de la Perse.

Il nous reste d'ajouter encore quelques mots au sujet, de la transaction internationale ci-dessous (№ 442).

A l'époque où un échange d'idées se poursuivait entre la Russie et l'Angleterre au sujet de toutes les questions politiques ci-dessus exposées, des pourparlers diplomatiques furent également renouvelés à Londres au sujet de la question belge qui, comme on sait, n'avait pas été définitivement réglée par les actes de 1831. (T. XI, №№ 437—439). Le roi de Hollande refusa de signer le traité d'octobre 1833, qui contenait les fameux 24 articles. Mais il s'était ravisé en 1838 et consentait à signer ces articles tels qu'ils étaient consignés dans le traité de 1833, avec de legères modifications. Les représentants de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse étaient tout disposés à accepter les ouvertures de la Hollande. Mais l'Angleterre et la France insistaient sur la revision des 24 articles vu que la situation avait complètement changé.

En décembre 1838 un protocole fut signé à Londres constatant l'adhésion du roi de Hol-

зависѣтъ отъ поля брани: чѣмъ меньше Россія удалится отъ естественнаго базиса своего могущества, тѣмъ лучше.

„Чѣмъ болѣе", заключаетъ графъ Поццо-ди-Борго, „я изучаю факты, исходящіе отъ англійскаго кабинета и чѣмъ болѣе стараюсь вникнуть въ ихъ внутренній смыслъ, тѣмъ больше, мнѣ кажется, обнаруживается планъ систематической враждебности противъ Россіи".

Графъ Нессельроде находилъ, что графъ Поццо-ди-Борго видитъ среднеазіятскія дѣла и отношенія Россіи и Англіи въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ. Императоръ Николай раздѣлялъ мнѣніе своего Вице-канцлера, но съ нѣкоторыми оговорками.

Вотъ что онъ написалъ собственноручно на запискѣ Вице-канцлера, при которой донесеніе гр. Поццо-ди-Борго было представлено на Высочайшее усмотрѣніе: „Я раздѣляю вашъ взглядъ, мой любезный другъ, но полезно быть осторожнымъ, и если сумашествіе — ибо это такъ — довело бы Англію до желанія вступить въ бой съ моими войсками въ пустыняхъ Персіи, я уповаю на Бога и на храбрость нашихъ войскъ, чтобъ заставить ихъ въ этомъ раскаяться".

Ни въ 1839 году, ни до настоящаго времени, къ счастью, русскія и великобританскія войска еще не помѣрялись на полѣ сраженія въ персидскихъ пустыняхъ.

Остается еще прибавить нѣсколько словъ о нижеслѣдующемъ международномъ актѣ (№ 442).

Въ то самое время, когда между Россіею и Англіею происходилъ обмѣнъ мыслей по всѣмъ вышезатронутымъ политическимъ вопросамъ, возобновились также въ Лондонѣ дипломатическіе переговоры о *бельгійско-голландскомъ* вопросѣ, который, какъ извѣстно, не былъ окончательно улаженъ актами 1831 года (т. XI, №№ 437—439). Голландскій король отказался также подписать октябрьскій трактатъ 1833 года, въ который были включены знаменитыя 24 статьи. Но въ 1838 году онъ передумалъ и изъявилъ согласіе подписать эти статьи въ томъ видѣ, какъ онѣ были изложены въ трактатѣ 1833 года, съ незначительными измѣненіями. Представители Россіи, Австріи и Пруссіи готовы были принять предложеніе Голландіи. Но Англія и Франція настаивали на пересмотрѣ всѣхъ 24-хъ статей, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ.

Въ декабрѣ 1838 г. въ Лондонѣ былъ подписанъ протоколъ, констатирующій согласіе гол-

*

lande à deux projets de traité: *le premier* — entre les cinq grandes Puissances, d'une part, et la Hollande, de l'antre; *le second* — entre la Hollande et la Belgique. Toutes les grandes Puissances, sauf la France, accueillirent avec empressement cette combinaison pour en finir avec l'éternelle question belge. (Rapport du comte Pozzo di Borgo du 17 (29) janvier 1839).

Le 7 (19) avril 1839 fut enfin signé à Londres le traité ci-dessous qui constatait définitivement le fait de la séparation de la Belgique et de la Hollande. Au dernier moment, lorsque la France consentait à signer le protocole de décembre, les plénipotentiaires belges soulevèrent des difficultés en insistant sur la cession du Luxembourg et du Limbourg à la Belgique contre une somme de 60 millions de francs. Mais cette proposition, ainsi que d'autres exigences de la Belgique, furent déclinées par la conférence. On peut signaler un détail curieux dans cette circonstance. A la demande de l'ambassadeur de Russie, lord Palmerston fut seul chargé de communiquer la décision de la conférence aux plénipotentiaires belges, invités d'une chambre voisine à passer dans la salle où siégeait cette assemblée; les représentants de Russie, de France, d'Autriche et de Prusse n'étaient pas présents à cette formalité. Les délégués belges, disait le comte Pozzo di Borgo, „pourraient voir quelque différence dans nos physionomies qui les aurait porté à refuser", et il fit valoir cet argument pour amener les représentants des quatre grandes Puissances à quitter la salle des séances.

Au nom de la très-sainte et indivisible Trinité.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, S. M. le Roi des Français, S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, et S. M. le Roi de Prusse, prenant en considération de même que S. M. le Roi des Belges, leur Traité conclu à Londres le 15 novembre 1831, ainsi que les Traités signés en ce jour entre Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, le Roi

ландскаго короля съ проектами двухъ трактатовъ: *перваго* — между 5 великими державами, съ одной стороны, и Голландіею, съ другой; *втораго*—между Голландіею и Бельгіею. Всѣ великія державы, кромѣ Франціи, немедленно согласились покончить на этомъ безконечный бельгійско-голландскій вопросъ. (Донесеніе графа Поццо-ди-Борго отъ 17 (29-го) января 1839 г.).

Наконецъ, 7 (19) апрѣля 1839 года былъ подписанъ въ Лондонѣ нижеслѣдующій трактатъ, которымъ окончательно констатируется фактъ отдѣленія Бельгіи отъ Нидерландскаго королевства. Въ самую послѣднюю минуту, когда уже Франція согласилась подписать декабрьскій протоколъ, затрудненія возбудили бельгійскіе уполномоченные, которые, между прочимъ, настаивали на уступкѣ Бельгіи Люксембурга и Лимбурга за 60 милліоновъ франковъ. Но это предложеніе, какъ и другія бельгійскія требованія были отвергнуты конференціею. Любопытно, что, по требованію русскаго посла, рѣшеніе конференціи было объявлено бельгійскимъ уполномоченнымъ, приглашеннымъ изъ сосѣдней комнаты въ зало засѣданій, однимъ лордомъ Пальмерстономъ, въ отсутствіи представителей Россіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. Графъ Поццо-ди-Борго мотивировалъ выходъ представителей четырехъ великихъ державъ изъ зала засѣданій тѣмъ соображеніемъ, что бельгійскіе уполномоченные могутъ замѣтить „нѣкоторое различіе въ нашихъ физіономіяхъ, могущее побудить ихъ не подчиниться" рѣшеніямъ конференціи.

Во имя пресвятой и нераздѣльной Троицы.

Е. В. Императоръ Всероссійскій, Е. В. Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій, Е. В. король Французовъ, Е. В. королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и Е. В. король Прусскій, принявъ во вниманіе, вмѣстѣ съ Е. В. королемъ Бельгійцевъ, ихъ трактатъ, заключенный въ Лондонѣ 15 ноября 1831 года, равно какъ трактаты, подписанные сего числа между Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ, Императоромъ Австрійскимъ,

des Français, la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande et le Roi de Prusse, d'une part, et S. M. le Roi des Pays Bas, Grand Duc de Luxembourg, de l'autre part, et entre S. M. le Roi des Belges et Sa dite Majesté le Roi des Pays-Bas, Grand Duc de Luxembourg, Leurs dites Majéstés ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, le sieur Charles André, comte Pozzo di Borgo, général d'infanterie de ses armées, son aide-de-camp-général, Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, chevalier des ordres de Russie etc.

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême,

le sieur Frédéric Chrétien Louis, comte de Senfft Pilsach, grand croix de l'ordre impérial de Léopold et de celui de St. Joseph de Toscane, etc., chambellan et conseiller intime actuel de S. M. Impériale et Royale Apostolique et son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. le Roi des Pays Bas;

S. M. le Roi des Français,

le sieur Horace François Bastien, comte Sebastiani Porta, grand croix de son ordre royal de la légion d'honneur, etc., lieutenant-général de ses armées, membre de la chambre des députés de France, son Ambassadeur extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande,

королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, королемъ Французовъ, королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и королемъ Прусскимъ съ одной стороны, и Е. В. королемъ Нидерландскимъ, великимъ герцогомъ Люксембургскимъ съ другой, и между Е. В. королемъ Бельгійцевъ и Его реченнымъ Величествомъ королемъ Нидерландскимъ, великимъ герцогомъ Люксембургскимъ, Ихъ реченныя Величества назначили своими уполномоченными, а именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій графа Карла Андрея Поццо-ди-Борго, генерала отъ инфантеріи, своего генералъ-адъютанта, чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Британскомъ, кавалера орденовъ россійскихъ и др.,

Е. В. Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій

графа Фридриха Христіана Людовика сенфтъ Пильзаха, кавалера орденовъ Императорскаго Леопольда большого креста и Св. Іосифа Тосканскаго и пр.; своего каммергера и Дѣйств. Тайн. Совѣтника, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. королѣ Нидерландскомъ;

Е. В. король Французовъ

графа Горація Франциска Бастіана Себастіани Порта, кавалера его королевскаго ордена Почетнаго легіона большого креста и пр.; генералъ-лейтенанта своихъ армій, члена Французской Палаты депутатовъ, своего чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

Е. В. королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи

le très honorable Henri Jean, vicomte Palmerston, baron Temple, pair d'Irlande, Conseiller de S. M. Britannique en son Conseil Privé, chevalier grand croix du très honorable ordre du bain, membre du Parlement et Principal Secrétaire d'Etat de S. M. Britannique pour les Affaires Ertangères;

S. M. le Roi de Prusse,

le sieur Henri Guillaume, baron de Bülow, grand croix de l'ordre de l'aigle rouge de Prusse de la seconde classe etc., son chambellan, conseiller intime de légation, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique:

Et S. M. le Roi des Belges,

le sieur Sylvain Van de Weyer, son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique, officier de l'ordre de Léopold etc.

Lesquels, après s'être communiqué leurs pleinspouvoirs, trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivans:

достопочтеннаго виконта Генриха Іоанна Пальмерстона, барона Темпль, Ирландскаго пэра, Совѣтника Е. В. Британскаго въ ея Тайномъ Совѣтѣ, кавалера большого креста достопочтеннаго ордена Бани, члена Парламента и главнаго Статсъ-Секретаря Е. В. Британскаго по Иностраннымъ Дѣламъ;

Е. В. Король Прусскій

барона Генриха Вильгельма Бюлова, кавалера Прусскаго ордена большого креста Краснаго Орла второй степени и пр.; своего каммергера; Тайн. Легаціоннаго Совѣтника; чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

и Е. В. Король Бельгійцевъ

Сильвэна Ванъ де Вейера, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ, офицера ордена Леопольда и пр.

которые, по сообщеніи взаимномъ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, согласились о слѣдующихъ статьяхъ:

Article I.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, S. M. le Roi des Français, S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande et S. M. le Roi de Prusse déclarent que les articles ci-annexés et formant la teneur du Traité conclu en ce jour entre S. M. le Roi des Belges et S. M. le Roi des Pays-Bas, grand-duc de Luxembourg, sont considérés comme ayant la même force et valeur, que s'ils étaient textuellement insérés dans le présent Acte, et qu'ils se trouvent ainsi

Статья I.

Е. В. Императоръ Всероссійскій, Е. В. Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій, Е. В. Король Французовъ, Е. В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и Е. В. Король Прусскій объявляютъ, что приложенныя къ сему статьи, составляющія содержаніе заключеннаго сего числа трактата между Е. В. Королемъ Бельгійцевъ и Е. В. Королемъ Нидерландскимъ, великимъ герцогомъ Люксембургскимъ, почитаются имѣющими такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ онѣ буквально

placés sous la garantie de Leurs dites Majestés.

Article II.

Le Traité du 15 novembre 1831, entre Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, roi de Hongrie et de Bohême, le Roi des Français, la Reine du Royaume Uni de la grande Bretagne et d'Irlande et le Roi de Prusse et S. M. le Roi des Belges, est déclaré n'être point obligatoire pour les hautes Parties contractantes.

Article III.

Le présent Traité sera ratifié et les ratifications seront échangées à Londres dans le délai de six semaines ou plutôt, si faire se peut. Cet échange aura lieu en même tems que celui des ratifications du traité entre la Belgique et la Hollande.

En foi de quoi etc.

Fait à Londres, le 7 (19) Avril 1839.

(L. S.) Pozzo di Borgo.
(L. S.) Senfft.
(L. S.) Sebastiani.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bülow.
(L. S.) Sylvain Van de Weyer.

Annexe.

Article I.

Le territoire Belge se composera des provinces de Brabant Méridional, Liège, Namur, Hainault, Flandre Occidentale, Flandre Orientale, Anvers et Limbourg,

были включены въ настоящій актъ, и что онѣ тѣмъ самымъ признаются обезпеченными поручительствомъ Ихъ реченныхъ Величествъ.

Статья II.

Трактатъ 15 ноября 1831 года между Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ, Императоромъ Австрійскимъ, королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, Королемъ Французовъ, Королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и Королемъ Прусскимъ и Е. В. Королемъ Бельгійцевъ объявляется неимѣющимъ никакой обязательной силы для высокихъ договаривающихся сторонъ.

Статья III.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Лондонѣ въ шестинедѣльный срокъ или и ранѣе, если окажется возможнымъ. Этотъ обмѣнъ послѣдуетъ одновременно съ размѣномъ ратификацій трактата между Бельгіею и Голландіею.

Въ увѣреніе чего и пр.

Въ Лондонѣ, 7 (19) апрѣля 1839 г.

(М. П.) Поццо-ди-Борго.
(М. П.) Зенфтъ.
(М. П.) Себастіани.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.
(М. П.) Сильвенъ Ванъ-де-Вейеръ.

Приложеніе.

Статья I.

Бельгійская территорія образуется изъ провинцій Южнаго Брабанта, Льежа, Намюра, Геннегау, Западной Фландріи, Восточной Фландріи, Ант-

telles qu'elles ont fait partie du Royaume des Pays-Bas constitué en 1815 à l'exception des districts de la province de Limbourg désignés dans l'article IV.

Le territoire belge comprendra en outre, la partie du Grand Duché de Luxembourg indiquée dans l'article II.

Article II.

S. M. le roi des Pays Bas, grand duc de Luxembourg, consent à ce que dans le grand duché de Luxembourg, les limites du territoire Belge soient telles qu'elles vont être décrites ci-dessous.

A partir de la frontière de France entre Rodange, qui restera au grand duché de Luxembourg et Athus, qui appartiendra à la Belgique, il sera tiré d'après la carte ci-jointe une ligne, qui laissant, à la Belgique la route d'Arlon à Longwy, la ville d'Arlon avec sa banlieue, et la route d'Arlon à Bastogne, passera entre Messancy, qui sera sur le territoire Belge, et Clemancy qui restera au grand duché de Luxembourg pour aboutir à Steinfort, lequel endroit restera également au Grand Duché. De Steinfort cette ligne sera prolongée dans la direction d'Eischen, de Hecbus, Guirsch, Ober-Pallen, Grende, Nothomb, Parette et Perlé, jusqu'à Martelange; Hecbus, Guirsch, Grende, Nothomb, et Parette, devant appartenir à la Belgique, et Eischen, Ober-Pallen, Perlé et Martelange au Grand Duché. De Martelange, la dite ligne descendra le cours de la Sure, dont le thalweg servira de limite entre les deux Etats, jusque vis-à-vis

верпена и Лимбурга, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ входили въ составъ учрежденнаго въ 1815 году Нидерландскаго королевства, за исключеніемъ округовъ Лимбургской провинціи, означенныхъ въ IV статьѣ.

Въ Бельгійскую территорію войдетъ, сверхъ того, указанная во II статьѣ часть великаго герцогства Люксембургскаго.

Статья II.

Е. В. Король Нидерландскій, великій герцогъ Люксембургскій, соглашается, чтобы границы Бельгійской территоріи въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ были таковыя, какъ ниже сего описываются.

Начиная отъ Французской границы, между Роданжъ, который останется въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ, и Атюсъ, который будетъ принадлежать Бельгіи, проводится, согласно съ прилагаемою при семъ картою, линія, которая, оставивъ за Бельгіею дорогу изъ Арлонъ въ Лонгви, а также городъ Арлонъ съ его округомъ и дорогу изъ Арлонъ въ Бастонь, пойдетъ между Мезанси, который будетъ на Бельгійской территоріи, и Клемаиси, который останется въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ, и примкнетъ къ мѣстечку Штейнфортъ, который останется равнымъ образомъ въ великомъ герцогствѣ. Отъ Штейнфорта эта линія пойдетъ далѣе по направленію къ Ейшенъ, Гекбюсъ, Гиршъ, Оберпаленъ, Грендъ, Нотомбъ, Пареттъ и Перле, до Мартеланжъ, изъ коихъ Гекбюсъ, Гиршъ, Грендъ, Нотомбъ и Пареттъ будутъ принадлежать Бельгіи, а Ейшенъ, Оберпаленъ, Перле и Марте-

Tintange, d'où elle sera prolongée aussi directement que possible vers la frontière actuelle de l'arrondissement de Diekirch, et passera entre Surret, Harlange, Tarchamps, qu'elle laissera au grand duché de Luxembourg, et Honville, Livarchamps et Loutremange, qui feront partie du territoire Belge: atteignant ensuite, aux environs de Doncols et de Soulez, qui resteront au Grand Duché, la frontière actuelle de l'arrondissement de Diekirch, la ligne en question suivra la dite frontière jusqu'à celle du territoire Prussien. Tous les territoires, villes, places et lieux situés à l'ouest de cette ligne, appartiendront à la Belgique, et tous les territoires, villes, places, et lieux situés à l'est de cette même ligne, continueront d'appartenir au grand duché de Luxembourg.

Il est entendu qu'en traçant cette ligne et en se conformant autant que possible à la description qui en a été faite ci-dessus, ainsi qu'aux indications de la carte, jointe pour plus de clarté, au présent article, les commissaires démarcateurs, dont il est fait mention dans l'article VI, auront égard aux localités ainsi qu'aux convenances qui pourront en résulter mutuellement.

Article III.

Pour les cessions faites dans l'article précédent, il sera assigné à S. M. le roi

ланжъ великому герцогству. Отъ Марteланжъ сказанная линія пойдетъ внизъ по теченію Сюры, тальвегъ которой будетъ служить границею между двумя государствами, до мѣста, лежащаго противъ Тентанжа, откуда пойдетъ далѣе насколько возможно въ прямомъ направленіи къ существующей нынѣ границѣ Дикиршскаго округа и пройдетъ между Сюрре, Гарланжъ, Таршанъ, который останется въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ, и Гонвилль, Ливаршанъ и Лутрманжъ, которые войдутъ въ составъ Бельгійской территоріи; дойдя затѣмъ въ окрестностяхъ Донколъ и Сулэ, которые останутся въ великомъ герцогствѣ, до существующей нынѣ границы Дикиршскаго округа, линія эта направится по сказанной границѣ до границы Прусской территоріи. Всѣ земли, города, укрѣпленія и мѣстечки, лежащіе на западъ отъ этой линіи, будутъ принадлежать Бельгіи, а всѣ земли, города, укрѣпленія и мѣстечки, лежащіе на востокъ отъ той же линіи, будутъ по старому принадлежать великому герцогству Люксембургскому.

При семъ разумѣется, что при проведеніи этой линіи, насколько возможно сообразуясь съ сдѣланнымъ выше описаніемъ оной и съ указаніями прилагаемой для большей ясности къ настоящей статьѣ карты, коммиссары по разграниченію, о коихъ упоминается въ статьѣ VI, примутъ во вниманіе мѣстные интересы, равно какъ и взаимныя могущія проистекать изъ сего удобства.

Статья III.

За сдѣланныя согласно предыдущей статьѣ уступки будетъ дано Е. В.

des Pays Bas, grand duc de Luxembourg, une indemnité territoriale dans la province de Limbourg.

Article IV.

En exécution de la partie de l'article I, relative à la province de Limbourg, et par suite des cessions que S. M. le roi des Pays Bas, grand duc de Luxembourg, fait dans l'article II, Sa dite Majesté possédera, soit en sa qualité de grand duc de Luxembourg, soit pour être réunis à la Hollande, les territoires dont les limites sont indiquées ci-dessous:

1) Sur la rive droite de la Meuse: aux anciennes enclaves Hollandaises sur la dite rive dans la province de Limbourg, seront joints les districts de cette même province, sur cette même rive, qui n'appartenaient pas aux Etats Généraux en 1790, de façon que la partie de la province actuelle de Limbourg, située sur la rive droite de la Meuse et comprise entre ce fleuve à l'ouest, la frontière du territoire prussien à l'est, la frontière actuelle de la province de Liège au midi, et la Gueldre Hollandaise au nord, appartiendra désormais toute entière à S. M. le roi des Pays-Bas, soit en sa qualité de grand duc de Luxembourg, soit pour être réunie à la Hollande.

2) Sur la rive gauche de la Meuse: à partir du point le plus méridional de la province hollandaise du Brabant septentrional, il sera tiré, d'après la carte ci-jointe, une ligne qui aboutira à la Meuse au dessus de Wessem, entre cet endroit et Stevenswaardt, au point où

Королю Нидерландскому, великому герцогу Люксембургскому территоріальное вознагражденіе въ Лимбургской провинціи.

Статья IV.

Въ исполненіе части I статьи относительно Лимбургской провинціи и въ виду сдѣланныхъ, согласно II статьи, Е. В. Королемъ Нидерландскимъ, великимъ герцогомъ Люксембургскимъ уступокъ, Его реченное Величество будетъ владѣть, по званію великаго герцога Люксембургскаго, или для присоединенія къ Голландіи, землями въ нижеозначенныхъ границахъ:

1) На правомъ берегу Мааса: къ старымъ Голландскимъ участкамъ на названномъ берегу въ Лимбургской провинціи будутъ присоединены тѣ округа той же провинціи на этомъ берегу, которые не принадлежали Генеральнымъ Штатамъ въ 1790 году, такимъ образомъ, что часть нынѣшней Лимбургской провинціи, лежащая на правомъ берегу Мааса и заключающаяся между этою рѣкою съ запада, границею Прусской территоріи съ востока, нынѣшнею границею Льежской провинціи съ юга и Голландскимъ Гельдерномъ съ сѣвера, будетъ отнынѣ вся принадлежать Е. В. Королю Нидерландскому по званію великаго герцога Люксембургскаго, или для присоединенія къ Голландіи.

2) На лѣвомъ берегу Мааса: начиная отъ самаго южнаго пункта Голландской провинціи Сѣверный Брабантъ, будетъ проведена, согласно съ приложенною при семъ картою, линія, которая примкнетъ къ Маасу ниже Вессема, между этимъ мѣстечкомъ и

se touchent sur la rive gauche de la Meuse, les frontières des arrondissemens actuels de Ruremonde et de Maestricht, de manière que Bergerot, Stamproy, Neer-Itteren, Ittervoordt et Thorn, avec leurs banlieues, ainsi que tous les autres endroits situés au nord de cette ligne, feront partie du territoire hollandais.

Les anciennes enclaves hollandaises dans la province de Limbourg sur la rive gauche de la Meuse, appartiendront à la Belgique, à l'exception de la ville de Maestricht, laquelle, avec un rayon de territoire de douze cents toises à partir du glacis extérieur de la place sur la dite rive de ce fleuve, continuera d'être possédée en toute souveraineté et propriété par S. M. le roi des Pays-Bas.

Article V.

S. M. le roi des Pays-Bas, grand duc de Luxembourg, s'entendra avec la Confédération Germanique et les agnats de la Maison de Nassau, sur l'application des stipulations renfermées dans les articles III et IV, ainsi que sur tous les arrangemens que les dits articles pourraient rendre nécessaires, soit avec les agnats ci-dessus nommés de la maison de Nassau, soit avec la Confédération Germanique.

Article VI.

Moyennant les arrangemens territoriaux arrêtés ci-dessus, chacune des deux parties renonce réciproquement pour jamais à toute prétention sur les territoires, villes, places et lieux situés dans les limites des possessions de l'autre

Стевенсваардтомъ, въ пунктѣ, гдѣ сходятся на лѣвомъ берегу Мааса границы нынѣшнихъ уѣздовъ Рюремондскаго и Мастрихтскаго, такимъ образомъ, что Берсжеро, Стампрой, Неерь-Иттеренъ, Иттервоордтъ и Торнъ, съ ихъ землями, равно какъ всѣ другія мѣстечки, лежащія къ сѣверу отъ этой линіи, войдутъ въ составъ Голландской территоріи.

Старые голландскіе участки въ Лимбургской провинціи на лѣвомъ берегу Мааса будутъ принадлежать Бельгіи, за исключеніемъ города Мастрихта, который, вмѣстѣ съ территоріальнымъ райономъ въ 1200 туазовъ, считая отъ наружнаго гласиса крѣпости на означенномъ берегу этой рѣки, будетъ по старому во владѣніи, на правахъ державныхъ и собственности, у Е. В. Нидерландскаго короля.

Статья V.

Е. В. Король Нидерландскій, великій герцогъ Люксембургскій войдетъ въ соглашеніе съ Германскимъ Союзомъ и съ агнатами Нассаускаго дома на счетъ примѣненія постановленій, вошедшихъ въ III и IV статьи, равно какъ и для заключенія всѣхъ условій, которыя эти статьи могутъ сдѣлать необходимыми, либо съ вышеназванными агнатами Нассаускаго дома, либо съ Германскимъ Союзомъ.

Статья VI.

По воспослѣдовавшемъ, какъ постановлено выше, территоріальномъ распредѣленіи, обѣ стороны взаимно отказываются навсегда отъ всякаго притязанія на земли, города, укрѣпленія и мѣстечки, лежащіе въ границахъ

partie telles qu'elles se trouvent décrites dans les articles I, II et IV.

Les dites limites seront tracées conformément à ces mêmes articles, par des commissaires-démarcateurs belges et hollandais, qui se réuniront le plutôt possible en la ville de Maestricht.

Article VII.

La Belgique, dans les limites indiquées aux articles I, II et IV, formera un Etat indépendant et perpétuellement neutre. Elle sera tenue d'observer cette même neutralité envers tous les autres Etats.

Article VIII.

L'écoulement des eaux des Flandres sera réglé entre la Hollande et la Belgique d'après les stipulations arrêtées à cet égard dans l'article VI du Traité définitif, conclu entre S. M. l'Empereur d'Allemagne et les Etats Généraux le 8 novembre 1785, et conformément au dit article, des commissaires nommés de part et d'autre, s'entendront sur l'application des dispositions qu'il consacre.

Article IX.

§ 1. Les dispositions des articles CVIII jusqu' CXVII inclusivement, de l'Acte général du congrès de Vienne relatives à la libre navigation des fleuves et rivières navigables, seront appliquées aux fleuves et rivières navigables qui séparent ou traversent à la fois le territoire belge et le territoire hollandais.

владѣній другой стороны, какъ онѣ означены въ I, II и IV статьяхъ.

Эти границы согласно съ тѣми же статьями будутъ проведены коммиссарами по разграниченію Бельгійскими и Голландскими, которые соберутся въ возможно скорѣйшемъ времени въ городѣ Мастрихтѣ.

Статья VII.

Бельгія будетъ составлять, въ границахъ, указанныхъ въ I, II и IV ст., независимое и вѣчно-нейтральное государство. Она обязывается соблюдать такой же нейтралитетъ въ отношеніи всѣхъ другихъ государствъ.

Статья VIII.

Пользованіе Фландрскими водами будетъ опредѣлено между Голландіею и Бельгіею согласно правиламъ, постановленнымъ по этому предмету въ VI статьѣ окончательнаго трактата, заключеннаго между Е. В. Императоромъ Германскимъ и Генеральными Штатами 8 ноября 1785 года, и на основаніи сей статьи послѣдуетъ соглашеніе между коммиссарами, назначенными отъ обѣихъ сторонъ, на счетъ примѣненія содержащихся въ оной постановленій.

Статья IX.

§ 1. Постановленія статей CVIII до CXVII включительно Генеральнаго Акта Вѣнскаго конгресса о свободѣ судоходства по судоходнымъ рѣкамъ получатъ примѣненіе къ тѣмъ судоходнымъ рѣкамъ, которыя раздѣляютъ или пересѣкаютъ одновременно территоріи Бельгійскую и Голландскую.

§ 2. En ce qui concerne spécialement la navigation de l'Escaut et de ses embouchures, il est convenu que le pilotage et le balisage ainsi que la conservation des passes de l'Escaut en aval d'Anvers, seront soumis à une surveillance commune et que cette surveillance commune sera exercée par des commissaires nommés à cet effet de part et d'autre. Des droits de pilotage modérés seront fixés d'un commun accord, et ces droits seront les mêmes pour les navires de toutes les nations.

En attendant et jusqu'à ce que ces droits soient arrêtés, il ne pourra être perçu des droits de pilotage plus élevés que ceux qui ont été établis par le tarif de 1829, pour les bouches de la Meuse, depuis la pleine mer jusqu'à Helvost, et de Helvost jusqu'à Rotterdam en proportion des distances. Il sera au choix de tout navire se rendant de la pleine mer en Belgique, ou de la Belgique en pleine mer par l'Escaut, de prendre tel pilote qu'il voudra; et il sera loisible d'après cela aux deux pays d'établir dans tout le cours de l'Escaut et à son embouchure, les services de pilotage qui seront jugés nécessaires pour fournir les pilotes. Tout ce qui est relatif à ces établissemens sera déterminé par le règlement à intervenir conformément au § 6 ci-après.

Le service de ces établissemens sera sous la surveillance commune mentionnée au commencement du présent paragraphe. Les deux gouvernemens s'engagent à conserver les passes navigables de l'Escaut et de ses embouchures, et à y placer et y entretenir les balises et bouées nécessaires, chacun pour sa partie du fleuve.

§ 2. Что касается въ особенности судоходства по Шельдѣ и въ ея устьяхъ, то постановляется, что лоцманская часть и разстановка вѣхъ, равно какъ охрана проходовъ по Шельдѣ ниже Антверпена будутъ подчинены общему надзору, и что этотъ общій надзоръ будетъ производимъ назначенными для сей цѣли тою и другою стороною комиссарами. Умѣренные лоцманскіе сборы будутъ установлены съ общаго согласія, и эти сборы будутъ одинаковые для кораблей всѣхъ націй.

До того же времени, пока эти сборы будутъ опредѣлены, таковые не могутъ быть взимаемы въ большемъ размѣрѣ сравнительно съ установленными тарифомъ 1829 года для устьевъ Мааса, отъ открытаго моря до Хельвоста и отъ Хельвоста до Роттердама, соразмѣрно съ разстояніями. Каждому кораблю, направляющемуся изъ открытаго моря въ Бельгію, или изъ Бельгіи въ открытое море, по Шельдѣ, предоставляется брать лоцмана, какого они пожелаютъ, и обѣ страны будутъ пользоваться свободою учреждать по всему теченію Шельды и въ ея устьяхъ лоцманскіе посты, какіе найдены будутъ необходимыми, чтобы поставлять лоцмановъ. Все относящееся къ симъ учрежденіямъ будетъ опредѣлено регламентомъ, имѣющимъ быть составленнымъ согласно нижеслѣдующему § 6.

Служба сихъ учрежденій будетъ состоять подъ общимъ надзоромъ, о коемъ упомянуто въ началѣ настоящаго параграфа. Оба правительства обязываются охранять судоходные проходы Шельды и ея устьевъ и разставлять въ оныхъ и содержать необходимые вѣхи и буйи, каждая на своей части рѣки.

§ 3. Il sera perçu par le gouvernement des Pays-Bas sur la navigation de l'Escaut et de ses embouchures un droit unique de florins 1,50 par tonneau, savoir florins 1,12 pour les navires qui, arrivant de la pleine mer, remonteront l'Escaut occidental pour se rendre en Belgique par l'Escaut ou par le canal de Terneuze, et de florins 0,38 par tonneau des navires qui, arrivant de la Belgique par l'Escaut ou par le canal de Terneuze, descendront l'Escaut occidental pour se rendre dans la pleine mer. Et afin que les dits navires ne puissent être assujettis à aucune visite, ni à aucun retard ou entrave quelconque dans les rades hollandaises, soit en remontant l'Escaut de la pleine mer, soit en descendant l'Escaut pour se rendre en pleine mer, il est convenu que la perception du droit sus-mentionné aura lieu par les agens néerlandais à Anvers et à Terneuze. De même les navires arrivant de la pleine mer pour se rendre à Anvers par l'Escaut occidental, et venant d'endroits suspects sous le rapport sanitaire, auront la faculté de continuer leur route sans entrave ni retard, accompagnés d'un garde de santé, et de se rendre ainsi au lieu de leur destination. Les navires se rendant d'Anvers à Terneuze et vice versâ, ou faisant dans le fleuve même le cabotage ou la pêche (ainsi que l'exercice de celle-ci sera réglé en conséquence du § 6 ci-après) ne seront assujettis à aucun droit.

§ 3. Голландское правительство будетъ взимать съ судоходства по Шельдѣ и въ ея устьяхъ единичный сборъ въ 1,50 флорина съ тонны, а именно: 1,12 флорина съ тѣхъ кораблей, которые, приходя съ моря, пойдутъ вверхъ по западной Шельдѣ, направляясь въ Бельгію по Шельдѣ или чрезъ каналъ Тернезскій, и 0,38 флор. съ тонны съ кораблей, приходящихъ изъ Бельгіи по Шельдѣ или Тернезскимъ каналомъ и спускающихся по западной Шельдѣ, чтобы выйдти въ море. Для того же, чтобы означенные корабли не могли подвергаться никакому осмотру, никакой задержкѣ или какому-либо помѣшательству въ голландскихъ рейдахъ, на ихъ пути вверхъ по Шельдѣ съ моря или внизъ по Шельдѣ въ море, постановляется, что взиманіе упомянутыхъ выше сборовъ будетъ производиться голландскими агентами въ Антверпенѣ и въ Тернезѣ. Точно также корабли, приходящіе съ моря и идущіе по западной Шельдѣ въ Антверпенъ, и вышедшіе изъ мѣстъ, въ санитарномъ отношеніи сомнительныхъ, будутъ пользоваться свободою продолжать свое плаваніе безъ помѣшательства и задержки, но въ сопровожденіи санитарнаго надсмотрщика, до мѣста ихъ назначенія. Корабли, идущіе изъ Антверпена въ Тернезъ и обратно, или совершающіе на самой рѣкѣ каботажное плаваніе или занимающіеся рыболовствомъ (пользованіе каковымъ будетъ опредѣлено, какъ постановлено ниже сего, въ § 6), не будутъ обложены никакимъ сборомъ.

§ 4. La branche de l'Escaut dite l'Escaut oriental, ne servant point dans l'état actuel des localités, à la naviga-

§ 4. Судоходство по рукаву Шельды, называемому восточная Шельда, коимъ, при нынѣшнемъ состояніи прилегаю-

tion de la pleine mer à Anvers et à Terneuze et vice versâ, mais étant employée à la navigation entre Anvers et le Rhin, celle-ci ne pourra être grévée dans tout son cours, de droits ou péages plus élevés que ceux qui sont perçus, d'après les tarifs de Mayence du 31 mars 1831, sur la navigation de Gorcum, jusqu'à la pleine mer en proportion des distances.

щихъ къ нему мѣстностей, не пользуются для плаванія изъ открытаго моря въ Антверпенъ и въ Тернезъ и обратно, но по коему совершается судоходство, между Антверпеномъ и Рейномъ, не можетъ, на всемъ его протяженіи, быть облагаемо болѣе высокими сборами или пошлинами по сравненію съ взимаемыми по Майнцскому тарифу 31 марта 1831 года съ судоходства отъ Горкума до открытаго моря, въ соразмѣрности съ разстояніями.

§ 5. Il est également convenu que la navigation des eaux intermédiaires entre l'Escaut et le Rhin pour arriver d'Anvers au Rhin et vice versâ, restera réciproquement libre et qu'elle ne sera assujettie qu'à des péages modérés, qui seront les mêmes pour le commerce des deux pays.

§ 5. Равнымъ образомъ постановляется, что судоходство на промежуточныхъ водныхъ путяхъ между Шельдою и Рейномъ, при слѣдованіи отъ Антверпена къ Рейну и обратно, останется взаимно свободнымъ и будетъ обложено умѣренными пошлинами, одинаковыми для торговли обѣихъ странъ.

§ 6. Des commissaires se réuniront de part et d'autre à Anvers, dans le délai d'un mois, tant pour arrêter le montant définitif et permanent de ces péages, qu'afin de convenir d'un règlement général pour l'exécution des dispositions du présent article et d'y comprendre l'exercice du droit de pêche et du commerce de pêcherie dans toute l'étendue de l'Escaut sur le pied d'une parfaite réciprocité et égalité en faveur des sujets des deux pays.

§ 6. Коммиссары отъ той и другой стороны соберутся въ Антверпенѣ въ мѣсячный срокъ какъ для установленія окончательнаго постояннаго размѣра означенныхъ судоходныхъ пошлинъ, такъ и для составленія генеральнаго регламента касательно исполненія постановленій настоящей статьи, со включеніемъ въ оный правилъ о пользованіи правомъ рыболовства и рыбной торговли на всемъ пространствѣ Шельды, на началахъ полнаго взаимства и равенства для подданныхъ обѣихъ странъ.

§ 7. En attendant et jusqu'à ce que le dit règlement soit arrêté, la navigation de la Meuse et de ses embranchemens restera libre au commerce des deux pays, qui adopteront provisoirement à cet égard les tarifs de la Convention signée le 31 mars 1831 à Mayence, pour la libre navigation du Rhin, ainsi que

§ 7. До времени составленія упомянутаго регламента судоходство по Маасу и его развѣтвленіямъ останется свободнымъ для торговли обѣихъ странъ, которыя временно будутъ руководствоваться по сему предмету тарифами конвенціи, подписанной въ Майнцѣ 31 марта 1831 года, о свободномъ

les autres dispositions de cette Convention en autant qu'elles pourront s'appliquer à la dite rivière.

§ 8. Si des événemens naturels, ou des travaux d'art venaient par la suite à rendre impraticables les voies de navigation indiquées au présent article, le gouvernement des Pays-Bas assignera à la navigation belge d'autres voies aussi sûres et aussi bonnes et commodes, en remplacement des dites voies de navigation devenues impraticables.

Article X.

L'usage des canaux qui traversent à la fois les deux pays, continuera d'être libre et commun à leurs habitans. Il est entendu qu'ils en jouiront réciproquement et aux mêmes conditions, et que de part et d'autre, il ne sera perçu sur la navigation des dits canaux que des droits modérés.

Article XI.

Les communications commerciales par la ville de Maestricht, et par celle de Sittard, resteront entièrement libres, et ne pourront être entravées sous aucun prétexte.

L'usage des routes qui, en traversant ces deux villes, conduisent aux frontières de l'Allemagne, ne sera assujetti qu'au payement des droits de barrière modérés pourl 'entretien de ces routes, de telle sorte que le commerce de transit n'y puisse éprouver aucun obstacle, et que moyennant les droits ci-dessus mentionnés, ces routes soient entretenues

судоходствѣ по Рейну, равно и прочими постановленіями сей конвенціи, насколько таковыя могутъ быть примѣнены къ названной рѣкѣ.

§ 8. Если естественныя событія или искусственныя работы сдѣлаютъ впослѣдствіи негодными къ пользованію тѣ судоходные пути, которые означены въ настоящей статьѣ, то голландское правительство предоставитъ бельгійскому судоходству другіе столь же надежные и столь же хорошіе и удобные пути, взамѣнъ сказанныхъ судоходныхъ путей, сдѣлавшихся негодными.

Статья X.

Пользованіе пересѣкающими одновременно обѣ страны каналами продолжаетъ быть свободнымъ и общимъ для ихъ жителей. При семъ разумѣется, что они будутъ пользоваться ими взаимно и на одинакихъ условіяхъ и что съ той и другой стороны будутъ взимаемы за судоходство по симъ каналамъ умѣренные сборы.

Статья XI.

Торговыя сношенія черезъ города Мастрихтъ и Ситтардъ останутся совершенно свободными и не могутъ быть затрудняемы ни подъ какимъ предлогомъ.

Пользованіе проходящими чрезъ оба эти города дорогами, которыя ведутъ къ границамъ Германіи, будетъ обложено умѣренными заставными пошлинами, идущими на содержаніе этихъ дорогъ, такъ чтобы транзитная торговля не подвергалась на нихъ никакому препятствію и чтобы на счетъ вышеупомянутыхъ пошлинъ эти дороги со-

en bon état et propres à faciliter ce commerce.

Article XII.

Dans le cas où il aurait été construit en Belgique une nouvelle route, ou creusé un nouveau canal, qui aboutirait à la Meuse vis-à-vis le canton hollandais de Sittard, alors il serait loisible à la Belgique de demander à la Hollande, qui ne s'y refuserait pas dans cette supposition, que la dite route, ou le dit canal fussent prolongés d'après le même plan, entièrement aux frais et dépens de la Belgique, par le canton de Sittard jusqu'aux frontières de l'Allemagne. Cette route, ou ce canal, qui ne pourraient servir que de communication commerciale, seraient construits, au choix de la Hollande, soit par des ingénieurs et ouvriers que la Belgique obtiendrait l'autorisation d'employer à cet effet dans le canton de Sittard, soit par des ingénieurs et ouvriers que la Hollande fournirait et qui exécuteraient, aux frais de la Belgique, les travaux convenus, le tout sans charge aucune pour la Hollande, et sans préjudice de ses droits de souveraineté exclusifs sur le territoire que traverserait la route ou le canal en question.

Les deux parties fixeraient d'un commun accord le montant et le mode de perception des droits et péages qui seraient prélevés sur cette même route ou canal.

Article XIII.

§ 1. A partir du 1-er janvier 1839, la Belgique du chef du partage des dettes publiques du Royaume des Pays-Bas, restera chargée d'une somme de

держались въ хорошемъ состоянiи и способствовали бы облегченiю сей торговли.

Статья XII.

Въ случаѣ, если въ Бельгiи будетъ сооружена новая дорога или будетъ проведенъ новый каналъ, которые пойдутъ къ Маасу, по направленiю къ Голландскому кантону Ситтардъ, то Бельгiи предоставляется просить Голландiю, которая въ такомъ случаѣ не откажетъ, чтобы упомянутые дорога или каналъ были продолжены, по тому же плану и полностью на счетъ Бельгiи, чрезъ Ситтардскiй кантонъ до границъ Германiи. Эти дорога или каналъ, назначаемые исключительно для коммерческихъ сношенiй, могутъ быть построены, по выбору Голландiи, или инженерами и рабочими, которыми будетъ разрѣшено Бельгiи пользоваться для этой цѣли въ Ситтардскомъ кантонѣ, или инженерами и рабочими, которыхъ поставитъ Голландiя и которые на счетъ Бельгiи исполнятъ условленныя работы,—все это безъ всякаго ущерба для Голландiи и безъ умаленiя ея исключительныхъ державныхъ правъ на территорiи, по которой пойдутъ дорога или каналъ.

Обѣ стороны опредѣлятъ съ общаго согласiя размѣръ и способъ сбора пошлинъ, которыя будутъ взимаемы на этой дорогѣ или по каналу.

Статья XIII.

§ 1. Начиная съ 1 января 1839 года Бельгiя, вслѣдствiе раздѣла публичныхъ долговъ Нидерландскаго королевства, принимаетъ на себя уплату

cinq millions de florins des Pays-Bas de rente annuelle, dont les capitaux seront transférés du débet du Grand livre d'Amsterdam ou du débet du trésor général du royaume des Pays-Bas, sur le débet du Grand livre de la Belgique.

§ 2. Les capitaux transférés et les rentes inscrites sur le débet du Grand livre de la Belgique par suite du paragraphe précédent, jusqu'à la concurrence de la somme totale de 5.000,000 florins des Pays-Bas de rente annuelle, seront considérés comme faisant partie de la dette nationale Belge; et la Belgique s'engage à n'admettre ni pour le présent ni pour l'avenir, aucune distinction entre cette portion de sa dette publique, provenant de sa réunion avec la Hollande, et toute autre dette nationale Belge déjà créé, ou à créer.

§ 3. L'acquittement de la somme de rentes annuelles ci-dessus mentionnées de 5.000,000 florins des Pays-Bas aura lieu régulièrement de semestre en semestre, soit à Bruxelles, soit à Anvers, en argent comptant, sans déduction aucune de quelque nature que ce puisse être, ni pour le présent, ni pour l'avenir.

§ 4. Moyennant la création de la dite somme de rentes annuelles de 5.000,000 florins, la Belgique se trouvera déchargée envers la Hollande de toute obligation du chef du partage des dettes publiques du royaume des Pays-Bas.

§ 5. Des commissaires nommés de part et d'autre, se réuniront dans le délai de quinze jours après l'échange des ratifications du présent Traité en la ville d'Utrecht afin de procéder au

5.000,000 голландскихъ флориновъ ежегодной ренты, капиталы коей будутъ перенесены съ дебета Большой книги Амстердамской или съ дебета главнаго казначейства Нидерландскаго королевства на дебетъ Большой книги Бельгійской.

§ 2. Перенесенные капиталы и рента, записанные въ дебетъ Большой книги Бельгійской, согласно предыдущему параграфу, всего на сумму 5.000,000 голл. флориновъ ежегодной ренты, будутъ почитаться частью національнаго бельгійскаго долга, и Бельгія обязывается не допускать ни теперь, ни въ будущемъ никакого различія между этою частью своего публичнаго долга, происшедшаго изъ ея соединенія съ Голландіею, и всякимъ другимъ національнымъ Бельгійскимъ долгомъ, который уже сдѣланъ или будетъ сдѣланъ.

§ 3. Уплата вышеупомянутой ежегодной ренты на сумму въ 5.000,000 голл. флор. будетъ производиться правильно, по семестрамъ, или въ Брюсселѣ, или въ Антверпенѣ, наличными деньгами, безъ всякихъ какого бы то ни было рода вычетовъ ни теперь, ни въ будущемъ.

§ 4. Принявъ на себя уплату означенной суммы въ 5.000,000 флор. ежегодной ренты, Бельгія освобождается по отношенію къ Голландіи отъ всякаго дальнѣйшаго обязательства по раздѣлу публичныхъ долговъ Нидерландскаго королевства.

§ 5. Назначенные обѣими сторонами коммиссары соберутся, въ двухнедѣльный срокъ по размѣнѣ ратификацій настоящаго трактата, въ городѣ Утрехтѣ для производства перевода капиталовъ

transfert des capitaux et rentes qui, du chef du partage des dettes publiques du royaume des Pays-Bas, doivent passer à la charge de la Belgique jusqu' à la concurrence de 5.000,000 florins de rente annuelle. Ils procéderont aussi à l'extradition des archives, cartes, plans et documens quelconques appartenant à la Belgique ou concernant son administration.

Article XIV.

Le port d'Anvers, conformément aux stipulations de l'article XV du Traité de Paris du 30 mai 1814, continuera d'être uniquement un port de commerce.

Article XV.

Les ouvrages d'utilité publique ou particulière, tels que canaux, routes, ou autres de semblable nature, construits en tout ou en partie aux frais du royaume des Pays-Bas, appartiendront, avec les avantages et les charges qui y sont attachés, au pays où ils sont situés.

Il reste entendu que les capitaux empruntés pour la construction de ces ouvrages, et qui y sont spécialement affectés, seront compris dans les dites charges pour autant qu'ils ne sont pas encore remboursés, et sans que les remboursemens déjà effectués puissent donner lieu à liquidation.

Article XVI.

Les séquestres qui auraient été mis en Belgique, pendant les troubles, pour cause politique, sur des biens et domaines patrimoniaux quelconques, seront

и ренты, которые вслѣдствіе раздѣла публичныхъ долговъ Нидерландскаго королевства должны перейти на счетъ Бельгіи въ количествѣ 5.000,000 флор. ежегодной ренты. Они займутся равнымъ образомъ передачею архивовъ, картъ, плановъ и разныхъ документовъ, принадлежащихъ Бельгіи или относящихся до ея администраціи.

Статья XIV.

Антверпенскій портъ, согласно постановленію XV статьи Парижскаго трактата 30 мая 1814 года, будетъ оставаться исключительно коммерческимъ портомъ.

Статья XV.

Общеполезныя публичныя или частныя сооруженія, какъ-то: каналы, дороги и другія подобнаго рода, построенныя вполнѣ или отчасти на счетъ Нидерландскаго королевства, будутъ принадлежать, со всѣми соединенными съ ними выгодами и обязательствами, той странѣ, въ которой они находятся.

При семъ разумѣется, что уплата капиталовъ, занятыхъ на постройку этихъ сооруженій и спеціально таковыми обезпеченныхъ, будетъ входить въ число упомянутыхъ выше обязательствъ, насколько эти капиталы еще не уплачены, и съ тѣмъ, что сдѣланные уже платежи не могутъ служить поводомъ къ разсчетамъ.

Статья XVI.

Наложенныя въ Бельгіи, во время безпорядковъ, на какіе бы ни было владѣльческіе имѣнія и домены, по политическимъ видамъ, запрещенія бу-

levés sans nul retard, et la jouissance des biens et domaines susdits sera immédiatement rendue aux légitimes propriétaires.

Article XVII.

Dans les deux pays dont la séparation a lieu en conséquence du présent traité, les habitans et propriétaires, s'ils veulent transférer leur domicile d'un pays à l'autre, auront la liberté de disposer pendant deux ans de leurs propriétés meubles ou immeubles, de quelque nature qu'elles soient, de les vendre et d'emporter le produit de ces ventes, soit en numéraire, soit en autres valeurs, sans empêchement ou acquittement de droits autres que ceux qui sont aujourd'hui en vigueur dans les deux pays pour les mutations et transferts.

Il est entendu que renonciation est faite pour le présent et pour l'avenir à la perception de tout droit d'aubaine et de détraction sur les personnes et sur les biens des Hollandais en Belgique, et des Belges en Hollande.

Article XVIII.

La qualité de sujet mixte, quant à la propriété, sera reconnue et maintenue.

Article XIX.

Les dispositions des articles XI jusqu'à XXI inclusivement du Traité conclu entre la Russie et l'Autriche le 3 mai 1815, qui fait partie intégrante de l'Acte général du Congrès de Vienne, dispositions relatives aux propriétaires mixtes, à l'élection de domicile qu'ils sont tenus de faire, aux droits qu'ils exerceront comme ujets de l'un ou de l'autre

дутъ немедленно сняты, и означенные имѣнія и домены тотчасъ же будутъ возвращены ихъ законнымъ собственникамъ.

Статья XVII.

Въ обѣихъ странахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга настоящимъ трактатомъ, жители и собственники, пожелавшіе перенести свое постоянное жительство изъ одной страны въ другую, будутъ въ теченіи двухъ лѣтъ свободно распоряжаться своею движимою и недвижимою собственностью всякаго рода, продавать ее и безпрепятственно брать съ собою вырученныя отъ продажи деньги и другія цѣнности, не платя иныхъ налоговъ, кромѣ существующихъ нынѣ въ обѣихъ странахъ при переходѣ и переводѣ имуществъ.

Отмѣняется навсегда взысканіе пошлины и вычетовъ въ казну за вывозъ и переводъ за-границу наслѣдственныхъ и другихъ имуществъ съ голландскихъ подданныхъ въ Бельгіи и съ бельгійскихъ въ Голландіи.

Статья XVIII.

Права смѣшанныхъ подданныхъ по владѣнію недвижимою собственностью признаются и сохраняютъ свою силу.

Статья XIX.

Постановленія статей XI—XXI трактата, заключеннаго между Австріею и Россіею 3 мая 1815 года и составляющаго нераздѣльную часть главнаго Акта Вѣнскаго конгресса, о смѣшанныхъ собственникахъ, объ обязательномъ избраніи ими постояннаго мѣстожительства, о правахъ, коими они будутъ пользоваться въ качествѣ поддан-

Etat, et aux rapports de voisinage dans les propriétés coupées par les frontières, seront appliquées aux propriétaires, ainsi qu'aux propriétés qui, en Hollande, dans le Grand Duché de Luxembourg, ou en Belgique, se trouveront dans les cas prévus par susdites dispositions des actes du congrès de Vienne.

Il est entendu que les productions minérales sont comprises dans les productions du sol mentionnées dans l'article XX du Traité du 3 mai 1815, susallégué.

Les droits d'aubaine et de détraction étant abolis dès à présent entre la Hollande, le Grand Duché de Luxembourg et la Belgique, il est entendu que, parmi les dispositions ci-dessus mentionnées celles qui se rapporteraient aux droits d'aubaine et de détraction, seront censées nulles et sans effet dans les trois pays.

ныхъ того и другого государства, и объ отношеніяхъ сосѣдскихъ въ недвижимыхъ имѣніяхъ, пересѣкаемыхъ границами, будутъ примѣнены къ собственникамъ и къ имѣніямъ въ Голландіи, великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ и въ Бельгіи, если таковые находятся въ положеніи, предусмотрѣнномъ упомянутыми постановленіями актовъ Вѣнскаго конгресса.

При семъ разумѣется, что продукты минеральные относятся къ числу произведеній земли, о которыхъ упомянуто въ XX статьѣ вышеназваннаго трактата 3 мая 1815 года.

Въ виду того, что пошлины и вычеты въ казну за вывозъ и переводъ за-границу наслѣдственныхъ и другихъ имуществъ иностранцевъ отнынѣ отмѣнены между Голландіею, великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ и Бельгіею, разумѣется, что тѣ изъ вышеупомянутыхъ статей, которыя относятся къ этимъ пошлинамъ и вычетамъ, будутъ почитаться неимѣющими никакой силы и дѣйствія въ этихъ трехъ государствахъ.

Article XX.

Personne dans les pays qui changent de domination, ne pourra être recherché ni inquiété en aucune manière, pour cause quelconque de participation directe ou indirecte aux événemens politiques.

Статья XX.

Въ областяхъ, переходящихъ подъ новую власть, никто не можетъ быть подвергнутъ какому либо преслѣдованію или безпокойству по поводу прямого или косвеннаго участія въ политическихъ происшествіяхъ.

Article XXI.

Les pensions et traitemens d'attente, de non-activité et de réforme seront acquittés à l'avenir de part et d'autre, à tous les titulaires, tant civils que militaires, qui y ont droit conformé-

Статья XXI.

Пенсіи и жалованье, производимое кандидатамъ на должности, а также отчисленнымъ въ вѣдомство и оставшимся за штатомъ, будутъ впредь уплачиваемы тою и другою стороною

ment aux lois en vigueur avant le 1 novembre 1830.

Il est convenu que les pensions et traitemens susdits des titulaires nés sur les territoires qui constituent aujourd'hui la Belgique, resteront à la charge du trésor Belge, et les pensions et traitemens des titulaires nés sur les territoires qui constituent aujourd'hui le royaume des Pays-Bas, à celle du trésor Néerlandais.

Article XXII.

Toutes les réclamations des sujets belges sur des établissemens particuliers, tels que fonds de veuves et fonds connus sous la dénomination de fonds des lègues, et de la caisse des retraites civiles et militaires, seront examinées par la commission mixte dont il est question dans l'article XIII, et résolues d'après la teneur des réglemens qui régissent ces fonds ou caisses.

Les cautionnemens fournis, ainsi que les versemens faits par les comptables belges, les dépôts judiciaires et les consignations seront également restitués aux titulaires sur la présentation de leurs titres.

Si du chef des liquidations dites françaises, des sujets belges avaient encore à faire valoir des droits d'inscription, ces réclamations seront également examinées et liquidées par la dite commission.

Article XXIII.

Seront maintenus dans leur force et vigueur les jugemens rendus en matière

всѣмъ имѣющимъ на нихъ право, какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ лицамъ, согласно съ дѣйствовавшими до 1 ноября 1830 года законами.

При этомъ условлено, чтобы вышеупомянутыя пенсіи и жалованье въ пользу лицъ, родившихся на земляхъ, составляющихъ нынѣ Бельгію, лежали на обязанности бельгійскаго казначейства, а пенсіи и жалованье лицъ, родившихся на земляхъ, составляющихъ нынѣ Нидерландское королевство, — на обязанности нидерландскаго казначейства.

Статья XXII.

Всѣ требованія бельгійскихъ подданныхъ къ частнымъ учрежденіямъ, а именно: къ вдовьимъ фондамъ и къ фондамъ, извѣстнымъ подъ именемъ отказныхъ и кассы отставныхъ гражданскихъ и военныхъ лицъ, будутъ разсмотрѣны смѣшанною коммисіею, о которой сказано въ XIII статьѣ, и разрѣшены на основаніи дѣйствующихъ для сихъ фондовъ или кассъ уставовъ.

Внесенныя обезпеченія, а также взносы, сдѣланные бельгійскими подотчетными лицами, судебные залоги и вклады на храненіе равнымъ образомъ будутъ возвращены имѣющимъ на нихъ права, по представленіи на то доказательствъ.

Еслибъ бельгійскіе подданные имѣли еще требованія по такъ называемымъ Французскимъ ликвидаціямъ, то и таковыя будутъ разсмотрѣны и разочтены означенною коммисіею.

Статья XXIII.

Судебныя рѣшенія по гражданскимъ и торговымъ дѣламъ, акты граждан-

civile et commerciale, les actes de l'Etat civil et les actes passés devant notaire ou autre officier public sous l'administration belge dans les parties de Limbourg et du Grand Duché de Luxembourg, dont S. M. le Roi des Pays-Bas, Grand Duc de Luxembourg, va être remis en possession.

Article XXIV.

Aussitôt après l'échange des ratifications du présent Traité à intervenir entre les deux parties, les ordres nécessaires seront envoyés aux commandans des troupes respectives, pour l'évacuation des territoires, villes, places et lieux qui changent de domination. Les autorités civiles y recevront aussi, en même temps, les ordres nécessaires pour la remise de ces territoires, villes, places et lieux aux commissaires qui seront désignés à cet effet de part et d'autre. Cette évacuation et cette remise s'effectueront de manière à pouvoir être terminées dans l'espace de quinze jours, ou plutôt si faire se peut.

(L. S.) Pozzo di Borgo. (L. S.) Sylvain Van De Weyer.
(L. S.) Senfft.
(L. S.) Sebastiani.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bülow.

№ 443.

1840, 3 (15) juillet. Convention de Londres, concernant l'Egypte, conclue entre la Russie, l'Angleterre, l'Autriche, la Prusse et la Turquie.

скаго состоянія, нотаріальные и другіе публичные акты, совершенные во время бельгійскаго управленія въ тѣхъ частяхъ Лимбурга и великаго герцогства Люксембургскаго, которыя отойдутъ во владѣніе Е. В. Короля Нидерландскаго, великаго герцога Люксембургскаго, будутъ сохранять свою силу и дѣйствіе.

Статья XXIV.

Немедленно по размѣнѣ ратификацій настоящаго трактата, заключаемаго между двумя сторонами, будутъ посланы командующимъ ихъ войсками надлежащія приказанія для очищенія земель, городовъ, укрѣпленій и мѣстечекъ, переходящихъ подъ новую власть. Одновременно тамошнія гражданскія власти также получатъ необходимыя приказанія о сдачѣ сихъ земель, городовъ, укрѣпленій и мѣстечекъ коммисарамъ, которые будутъ для этой цѣли назначены сторонами. Таковыя очищеніе и сдача послѣдуютъ такимъ образомъ, чтобы могли быть окончены въ двухнедѣльный срокъ или и скорѣе, если окажется возможнымъ.

(М. П.) Поццо-ди-Борго. (М. П.) Сильвенъ Ванъ де Вейеръ.
(М. П.) Зенффтъ.
(М. П.) Себастіани.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.

№ 443.

1840 г., 3-го (15-го) іюля. Лондонская конвенція относительно Египта, заключенная между Россіею, Англіею, Австріею, Пруссіею и Турціею.

№ 444.

1840, 2 (14) août. Protocole secret concernant la participation de la Prusse à la convention de Londres.

№ 445.

1840, 5 (17) septembre. Protocole de désintéressement des quatre Puissances contractantes de la convention de juillet.

Par un rescrit impérial du 26 décembre 1839 le comte Pozzo-di-Borgo, en vue de l'altération de sa santé, fut admis à la retraite dans les termes les plus gracieux et les plus flatteurs. L'Empereur Nicolas I savait apprécier les services d'hommes d'Etat aussi éminents que l'était incontestablement le célèbre Corse, diplomate russe.

Avant d'exposer la marche ultérieure des négociations diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre après l'admission à la retraite du comte Pozzo-di-Borgo, nous croyons devoir nous arrêter un moment à la dernière époque de sa mission à la Cour de Londres. En 1839, avant sa retraite, survint un événement, qui laissa incontestablement pour de longues annés une trace profonde dans les relations entre la Russie et l'Angleterre. Ce fut le séjour en Angleterre du Grand-Duc Héritier Césarevitch Alexandre Nicolaevitch. Les conditions, dans lesquelles se fit le voyage du futur Tsar-Emancipateur en Angleterre, et l'impression produite par lui sur la jeune reine Victoria et toute la nation anglaise, étaient d'une nature si particulière qu'elles fixent involontairement l'attention de la postérité.

Lorsque l'Empereur Nicolas I prit la décision de faire à son auguste fils premier-né une tournée en Europe pour son instruction et son développement, il prépara ce voyage de la manière la plus rationelle du monde. Par ordre suprême, il fut adressé à tous les chefs des ambassades et légations un questionnaire sur le pays de leur résidence, le régime politique, la législations, les moeurs, les hommes politiques les plus éminents etc. Les représentants diplomatiques

№ 444.

1840 г., 2-го (14-го) августа. Секретный протоколъ относительно участія Пруссіи въ Лондонской конвенціи.

№ 445.

1840 г., 5-го (17-го) сентября. Протоколъ, подтверждающій безкорыстіе четырехъ державъ-контрагентовъ въ іюльской конвенціи.

Высочайшимъ рескриптомъ отъ 26-го декабря 1839 года графъ Поццо-ди-Борго, въ виду болѣзненнаго своего состоянія, былъ уволенъ отъ службы въ самыхъ милостивыхъ и лестныхъ для него выраженіяхъ. Императоръ Николай I умѣлъ цѣнить заслуги такихъ замѣчательныхъ государственныхъ мужей, какимъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, знаменитый корсиканецъ и русскій дипломатъ.

Но раньше, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею, по выходѣ въ отставку графа Поццо-ди-Борго, необходимо еще разъ возвратиться къ послѣднему времени его дѣятельности при Лондонскомъ дворѣ. Въ 1839 году, до выхода графа въ отставку, случилось событіе, несомнѣнно оставившее на много лѣтъ глубокій слѣдъ во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи. Это событіе — пребываніе въ Англіи В. К. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Обстановка, при которой совершилась поѣздка будущаго Царя-Освободителя въ Англію, и впечатлѣніе, произведенное имъ на молодую королеву Викторію и весь англійскій народъ, были настолько своеобразны, что невольно приковываютъ вниманіе потомства.

Когда Императоръ Николай I рѣшилъ отправить своего августѣйшаго первенца путешествовать по Европѣ для его самообразованія и развитія, онъ подготовилъ эту поѣздку самымъ раціональнымъ образомъ. По Высочайшему повелѣнію начальникамъ Императорскихъ посольствъ и миссій былъ препровожденъ вопросный листъ, содержавшій въ себѣ вопросы относительно страны ихъ пребыванія, государственныхъ порядковъ, законодательствъ, обы-

de la Russie à l'étranger devaient formuler des réponses detaillées à toutes ces questions. Parmi les mémoires, rédigées par les diplomates russes de cette époque, celui du comte Pozzo-di-Borgo sur l'Angleterre et son régime politique tout exceptionnel mérite une attention particulière. Ce travail mit le Grand Duc Héritier tellement au courant de la situation intérieure de l'Angleterre, qu'il faisait les questions et les observations voulues à tous les hommes d'Etat éminents, appelés à se présenter à lui.

Malheureusement, la place nous manque pour reproduire *in-extenso* le mémoire du comte Pozzo-di-Borgo du 22 mars (3 avril) 1838 que l'Empereur Nicolas I qualifiait de „beau travail" et de „document historique". Nous nous bornerons à en signaler les passages principaux.

L'auteur commence par faire un aperçu général de l'histoire d'Angleterre, depuis l'époque des Stuarts, et considère Guillaume d'Orange comme le fondateur du régime constitutionnel actuel, qui repose sur le respect absolu de la loi et de la justice. „Le nom de la loi, toujours révéré plus ou moins en Angleterre", dit le comte Pozzo-di-Borgo, „devint un objet de culte depuis cette époque... Ce qui concerne l'administration de la justice est, si on ose s'exprimer ainsi, divinisée. Le plus infime Breton a la conviction d'être aussi protégé que le premier, lorsqu'il est devant son juge. Ni la différence d'opinions politiques, ni aucune cause au monde ne peuvent inspirer le soupçon, que la justice ne soit scrupuleusement et impartialement administrée".

Voici pourquoi tout Anglais a „un certain sentiment d'estime envers lui-même; il sait que l'injustice ne saurait l'atteindre, et il en est fier".

Le comte Pozzo-di-Borgo fait ensuite un tableau remarquable du régime constitutionnel en Angleterre, et s'applique à élucider les mobiles intérieurs qui ont amené les formes actuelles de ce régime. Il affirme, entr'autres avec raison, que la position insulaire de l'Angleterre qui la protégeait contre toute invasion étrangère se présente comme la condition essentielle du cours original qu'a suivi le développement de l'ordre politique dans ce pays. „Si la Grande-Bretagne n'était pas séparé du continent, cette forme

чаевъ, выдающихся государственныхъ дѣятелей и т. п. На эти вопросы должны были подробно отвѣчать дипломатическіе представители Россіи за-границею. Изъ составленныхъ тогдашними русскими дипломатами обстоятельныхъ записокъ заслуживаютъ особеннаго вниманія записка гр. Поццо-ди-Борго объ Англіи и ея исключительныхъ порядкахъ. Она дала Наслѣднику Цесаревичу полную возможность чувствовать себя въ Англіи, какъ въ странѣ ему хорошо знакомой, и для каждаго представлявшагося ему виднаго политическаго дѣятеля онъ находилъ подлежащіе вопросы и замѣчанія.

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ привести цѣликомъ записку гр. Поццо-ди-Борго отъ 22-го марта (3-го апрѣля) 1838 года, которую Императоръ Николай I оцѣнилъ какъ „превосходный трудъ" и „историческій документъ". Мы ограничимся приведеніемъ главнѣйшихъ ея мыслей.

Въ началѣ записки авторъ дѣлаетъ краткій историческій очеркъ Англіи со временъ Стюартовъ и усматриваетъ въ Вильгельмѣ Оранскомъ основателя нынѣшней конституціонной системы, въ основу которой положено неограниченное уваженіе къ закону и суду. „Имя закона", пишетъ гр. Поццо-ди-Борго, „всегда было болѣе или менѣе почитаемо въ Англіи, но съ той эпохи оно дѣлается предметомъ культа... Отправленіе правосудія, если можно такъ выразиться, обоготворено. Самый послѣдній британецъ убѣжденъ, что передъ своимъ судьею онъ пользуется такимъ же покровительствомъ, какъ самый первый англичанинъ. Ни различіе политическихъ убѣжденій, ни какая другая причина въ мірѣ не могутъ внушить подозрѣніе въ томъ, что правосудіе отправляется не добросовѣстно и лицепріятно".

Вотъ почему каждому Англичанину присуще „извѣстное чувство самоуваженія: онъ знаетъ, что неправосудія для него не существуетъ. Этимъ онъ гордится".

Вслѣдъ затѣмъ гр. Поццо-ди-Борго даетъ замѣчательную характеристику англійскаго конституціоннаго порядка и старается выяснить тѣ внутреннія причины, которыя привели къ новѣйшимъ формамъ этого порядка. Между прочимъ, онъ справедливо утверждаетъ, что островное положеніе Англіи, охранявшее ее отъ иностранныхъ нашествій, является первымъ условіемъ развитія своеобразнаго англійскаго государственнаго порядка. „Еслибъ Великобританія не была отдѣлена отъ континента, эта

du gouvernement aurait péri cent fois dans les luttes qu'elle aurait dû soutenir avec ses voisins". En dehors de cela, l'influence des classes supérieures, l'ordre de succession des grandes fortunes, le niveau général de l'instruction et tout particulièrement „la nature des temps" ont créé la constitution anglaise de nos jours. Mais le comte Pozzo-di-Borgo est persuadé que „si l'Angleterre était condamnée à se donner une constitution aujourd'hui, elle n'en aurait aucune" (sic!).

La réforme de lord Grey a fait perdre au gouvernement anglais, pour toujours, un terrain solide, en déplaçant le centre de gravité de l'aristocratie à la „classe moyenne". Le parti tory est impuissant et celui des whig est à bout de ressources pour contenir les passions populaires qu'il a soulevées lui-même. Il n'y aura plus jamais en Angleterre de gouvernement stable et de majorité constante et fortement constituée au parlement.

On gouvernera, poursuit le comte, et on se partagera les avantages du pouvoir, mais ce gouvernement sera impropre à soutenir l'Empire et la nation à leur hauteur habituelle.

En parlant de l'Irlande, le comte Pozzo-di-Borgo fait observer, que bien que cette île soit occupée par les Anglais depuis six siècles, de fait la conquête n'est pas encore consommée jusqu'à nos jours. Il compare les relations de l'Angleterre avec l'Irlande avec ceux de la Porte avec la Grèce avant la constitution du royaume hellénique.

Le comte Pozzo-di-Borgo termine par un tableau circonstancié de l'organisation politique intérieure de l'Angleterre, des relations de la métropole avec les colonies etc.

Bien qu'il ait obtenue des témoignages de la satisfaction impériale pour ce mémoire, le comte Pozzo-di-Borgo n'a pas cru devoir dissimuler à son gouvernement que, d'après sa conviction intime, le voyage du Grand-Duc Cesarévitch en Angleterre devait être ajourné, vu que l'opinion publique dans ce pays était tellement excitée contre la Russie, qu'on pouvait redouter quelques démonstrations hostiles; l'ambassadeur signalait particulièrement les Polonais dont le nombre était assez considérable à Londres. (Rapport du comte Pozzo-di-Borgo du 24 mars (5 avril) 1839).

Toutefois, l'Empereur Nicolas I était résolu de ne pas ajourner le voyage du Grand-Duc en

форма правленія погибла бы сто разъ во время борьбы, которую она принуждена была бы вести противъ своихъ сосѣдей". Сверхъ того, вліяніе высшихъ классовъ, порядокъ наслѣдственности большихъ состояній, общій уровень образованія и въ особенности „натура временъ" создали современную англійскую конституцію. Но гр. Поццо-ди-Борго глубоко убѣжденъ въ одномъ: „еслибъ Англія была присуждена дать себѣ конституцію въ настоящую минуту, она не имѣла бы никакой конституціи" (sic!).

Реформа лорда Грея лишила англійское правительство навсегда твердой почвы, перенеся центръ тяжести съ аристократіи на средній классъ. Партія Торіевъ безсильна, а партія Виговъ не въ состояніи справиться съ возбужденными ею народными страстями. Отнынѣ никогда не будетъ въ Англіи устойчиваго правительства и не будетъ въ парламентѣ постояннаго и рѣшительнаго большинства.

„Будутъ управлять", продолжаетъ графъ, „и будутъ дѣлить выгоды власти, но это не будетъ управленіе и сохраненіе имперіи и народа на ихъ обычной высотѣ".

Переходя затѣмъ къ Ирландіи, графъ Поццо-ди-Борго замѣчаетъ, что хотя этотъ островъ уже 6 столѣтій тому назадъ завоеванъ Англичанами, но, въ дѣйствительности, это завоеваніе и въ настоящее время еще не окончено. Отношенія Англичанъ къ Ирландцамъ сравниваетъ онъ съ отношеніями Турокъ къ Грекамъ до учрежденія независимаго греческаго королевства.

Наконецъ, гр. Поццо-ди-Борго даетъ полную картину внутренняго государственнаго устройства Англіи, отношеній англійской метрополіи къ колоніямъ и т. п.

Получивъ монаршую благодарность за свою записку, гр. Поццо-ди-Борго, однако, считалъ себя обязаннымъ откровенно сказать своему правительству, что, по его глубокому убѣжденію, поѣздка Наслѣдника Цесаревича въ Англію должна быть отсрочена, ибо общественное мнѣніе настолько возбуждено противъ Россіи, что слѣдуетъ ожидать враждебныхъ противъ Цесаревича демонстрацій. Посолъ, въ частности, указалъ на Поляковъ, число которыхъ было въ Лондонѣ довольно значительно. (Донесеніе гр. Поццо-ди-Борго отъ 24-го марта (5 апрѣля) 1839 года).

Но Императоръ Николай I всетаки рѣшился не откладывать путешествія своего первенца

Angleterre. Il était décidé, écrivait le Vice-Chancelier à l'ambassadeur à Londres à la date du 5 avril 1839, „de placer son fils avec une entière confiance sous la sauvegarde de l'honneur et de la loyauté de la nation anglaise. Telle est la sécurité qu'inspirent à Notre Auguste Maître les souvenirs qu'il a gardés lui même de l'accueil qu'il a trouvé en Angleterre, lorsqu'il a visité ce grand pays, dont le séjour a laissé en lui des impressions profondes qui ne s'effaceront jamais".

Le Grand-Duc Héritier-Cesarévitch arriva à Londres au commencement de mai, en 1839. Il était accompagné du comte A. Orlow, qui avait été déjà deux fois en Angleterre: à l'occasion du conflit entre la Belgique et la Hollande et à l'avénement au trône de la reine Victoria, porteur des félicitations de l'Empereur Nicolas I. Le Grand-Duc Alexandre Nicolaevitch resta en Angleterre durant tout le mois de mai. Il y trouva l'accueil le plus brillant, autant de la part de la reine, que de la part du gouvernement et de la nation. Il sut littéralement charmer tout le monde, depuis la reine jusqu'au dernier des ouvriers aux usines, qu'il eut l'occasion de visiter. L'université d'Oxford s'empressa d'offrir à l'héritier du trône de Russie le grade de docteur en droit honoraire, et le nouveau lauréat inscrivit son nom dans le livre d'or des docteurs honoraires de la célèbre université anglaise.

„J'ai été pénétré d'admiration", écrivait le comte Pozzo-di-Borgo au Vice-Chancelier à la date du 22 avril (4 mai) 1839, „de sa tenue, de sa réserve, de sa facilité et en même temps de sa bonté qui s'annoncent dans chaque mot et dans toutes ses manières". „Sa générosité", écrivait l'ambassadeur après le départ du Grand-Duc, „sage et judicieusement appliquée, selon l'expression du duc de Wellington, a obtenu le respect des riches, l'affection des pauvres et l'approbation de tout le monde". Le comte Pozzo-di-Borgo constatait avec une satisfaction particulière „l'effet politique" de la visite du Grand-Duc Héritier en Angleterre. Durant sa présence sur le sol anglais ont cessé, comme par un effet magique, toutes les attaques haîneuses contre la Russie et sa politique. Si considérable était „l'action de la puissance morale, exercée par la personne de Son Altesse Impériale",— conclut l'ambassadeur son rapport du 19 (31) mai 1839. Nous devons en même temps rendre justice au tact de la nation anglaise, qui a fait cesser les clameurs habituelles contre la politique et le gouverne-

въ Англію. Онъ рѣшился поставить своего сына „подъ защиту чести и лояльности англійской націи". „Таково довѣріе", писалъ 5 апрѣля 1839 года Вице-канцлеръ послу въ Лондонѣ, „которое внушаетъ нашему августѣйшему монарху память, сохранившаяся въ немъ объ оказанномъ ему въ Англіи пріемѣ, когда онъ посѣтилъ эту великую страну, пребываніе въ которой оставило въ немъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе".

Въ началѣ мая 1839 года Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Лондонъ. При немъ состоялъ графъ А. Ѳ. Орловъ, бывшій уже два раза въ Англіи: 1) по поводу бельгійско-голландской распри и 2) по случаю восшествія на престолъ королевы Викторіи съ поздравленіемъ отъ Императора Николая I. Великій Князь Александръ Николаевичъ оставался въ Англіи весь май мѣсяцъ. Ему былъ оказанъ самый блестящій пріемъ, какъ со стороны королевы, такъ и правительства и народа. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, обворожилъ всѣхъ, начиная съ самой королевы и кончая послѣднимъ рабочимъ на осмотрѣнныхъ имъ фабрикахъ. Оксфордскій университетъ возвелъ Наслѣдника русскаго престола въ почетные доктора правъ, и вновь пожалованный докторъ внесъ свое имя въ „золотую книгу" всѣхъ почетныхъ докторовъ знаменитаго англійскаго университета.

„Я былъ проникнутъ удивленіемъ", писалъ гр. Поццо-ди-Борго Вице-канцлеру 22-го апрѣля (4-го мая) 1839 года, „къ его поведенію, его осторожности, его умѣнью обращаться и, въ то же время, его добротѣ, выражавшейся въ каждомъ его словѣ и во всѣхъ его манерахъ". „Его мудрое великодушіе", писалъ посолъ послѣ отъѣзда Наслѣдника Цесаревича, и разумнымъ образомъ осуществляемое, пріобрѣло ему, по словамъ герцога Веллингтона, уваженіе богатыхъ, любовь бѣдныхъ и одобреніе всѣхъ". Графъ Поццо-ди-Борго съ особеннымъ удовольствіемъ констатируетъ „политическое дѣйствіе" посѣщенія Англіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Во время его пребыванія на англійской территоріи, какъ по мановенію волшебнаго жезла, прекратились всѣ ядовитыя нападки на Россію и ея политику. До такой степени могущественно было „дѣйствіе моральной силы" личности Наслѣдника Цесаревича— заключаетъ посолъ свое донесеніе отъ 19 (31) мая 1839 года. Но справедливость требуетъ отдать также дань уваженія чувству такта

ment russe pendant tout le temps que l'héritier du trône de Russie était son hôte.

Le voyage du Grand-Duc Héritier en Angleterre coïncidait avec l'explosion d'une crise aiguë dans ce pays.

Le ministère de lord Melbourne subit un échec au parlement et dût prendre sa retraite. La reine dût s'adresser aux torys et proposa le portefeuille de premier ministre au duc de Wellington, qui ne jouissait pas de sa confiance particulière. Le duc déclina cette honneur à cause de son âge avancé. La reine invita sir Robert Peel à se rendre chez elle et se proposait de lui confier le sceau de l'Etat. Sir Robert Peel posa comme condition pour la formation d'un nouveau Cabinet tory que toutes les dames et les personnes, connues par leurs intrigues continuelles contre le ministère tory, fussent éloignées de la Cour. La jeune reine qui n'a jamais eu de grandes sympathies ni pour le parti tory, ni pour le duc de Wellington et sir Robert Peel en particulier, répondit par un refus catégorique à cette exigence du leader. Celui-ci déclina la mission de prendre en mains les rênes du gouvernement, et lord Melbourne resta premier ministre bien que son parti fondait, comme la neige sous les rayons du soleil au printemps. Mais la jeune reine Victoria, „irritée jusqu'à l'exaltation contre les tories", se prononçait ouvertement pour la continuation de l'oeuvre des reformes commencée par lord Grey et le parti whig, notamment la revocation des lois constitutives de l'Eglise anglicane, l'extension du droit de vote aux élections etc.

„Si la reine se met à la tête des réformateurs extrèmes", écrivait le comte Pozzo-di-Borgo à la date du 19 (31) mai 1839, „elle parviendra à détruire les restes de la puissance politique de l'aristocratie et de l'église et à réduire celle du trône à une pure et insignifiante formalité".

Nous allons reprendre l'exposition des pourparlers diplomatiques entre les Cabinets de St. Pétersbourg et de Londres après la retraite du comte Pozzo-di-Borgo. M-r Kisselew est resté pour très peu de temps comme chargé d'affaires à Londres. L'Empereur Nicolas I tenait à arriver quand même à un accord avec l'Angleterre sur les principales questions politiques encore pendantes. Aussi eut il soin de faire

англійскаго народа, заставившему умолкнуть всѣ обычные крики противъ русской политики и правительства на то время, когда Наслѣдникъ русскаго престола былъ гостемъ англійскаго народа.

Въ то самое время, какъ Наслѣдникъ Цесаревичъ путешествовалъ по Англіи, тамъ разразился весьма острый правительственный кризисъ. Министерство лорда Мельборна потерпѣло пораженіе въ парламентѣ и должно было выйти въ отставку. Королева должна была обратиться къ торіямъ и предложить портфель перваго министра лорду Веллингтону, котораго она не особенно жаловала. Герцогъ отказался отъ высокой чести, ссылаясь на старость лѣтъ. Тогда королева пригласила къ себѣ сэра Роберта Пиля и желала вручить ему государственную печать. Сэръ Р. Пиль поставилъ условіемъ образованія новаго торійскаго кабинета: удаленіе отъ двора всѣхъ дамъ и лицъ, извѣстныхъ постоянными интригами противъ торійскаго министерства. Молодая королева, никогда не питавшая расположенія къ партіи торіевъ вообще и къ герцогу Веллингтону и сэру Р. Пилю въ частности, отвѣтила категорическимъ отказомъ на требованіе лидера партіи торіевъ. Вслѣдствіе этого послѣдній отклонилъ порученіе взять въ свои руки бразды правленія. Лордъ Мельборнъ остался первымъ министромъ, несмотря на то, что его политическая партія неудержимо таяла, какъ снѣгъ подъ лучами весенняго солнца. Но королева Викторія, „возбужденная до крайней степени противъ торіевъ", открыто высказывалась за продолженіе реформъ лорда Грея и партіи виговъ, а именно, за отмѣну конститутивныхъ законовъ англиканской церкви, за расширеніе права голоса на выборахъ и т. д.

„Если", писалъ гр. Поццо-ди-Борго 19-го (31-го) мая 1839 года, „королева станетъ во главѣ крайнихъ реформаторовъ, то она дойдетъ до разрушенія остатковъ политическаго могущества аристократіи и церкви и низведетъ политическое могущество престола до простой и ничего незначущей формальности".

Возвратимся теперь къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ между С.-Петербургскимъ и Лондонскимъ кабинетами послѣ выхода въ отставку графа Поццо-ди-Борго. Повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Лондонѣ остался весьма недолго Киселевъ. Но Императоръ Николай I желалъ во что бы то ни стало добиться соглашенія съ Англіею по главнымъ спорнымъ политическимъ вопросамъ. Поэтому

choix de l'un des diplomates russes les plus capables et de lui confier la mission de se rendre à Londres pour s'expliquer directement avec les ministres anglais.

Ce diplomate était le baron Brunnow. L'Empereur pouvait faire difficilement un choix plus heureux. En dehors de sa connaissance profonde du français, c'était un homme de capacités éminentes, qui se distinguait en particulier par la clarté remarquable de ses vues et de ses conceptions. Ses rapports et ses lettres resteront pour toujours des modèles comme élégance de style diplomatique et comme profondeur de pensée. Si l'on prend en considération que le baron Brunnow connaissait très bien le terrain où il était appelé à se produire à Londres, on comprendra facilement le succès éclatant de sa mission. Il a été durant plusieurs années secrétaire d'ambassade à Londres, à l'époque du prince de Lieven, qui l'appréciait hautement. Il avait accompagné ensuite le comte A. Orlow dans sa mission à Londres pour le règlement du conflit entre la Hollande et la Belgique. A son retour de Londres, le baron Brunnow reprit à St. Pétersbourg son poste de Conseiller-rédacteur de notes diplomatiques auprès du Vice-Chancelier.

En 1839, le baron Brunnow fut nommé au poste de ministre de Russie à Stuttgart. Il fut chargé à cette occasion d'une mission extraordinaire très importante, il devait se rendre à Londres par la voie de Berlin et chercher à établir une entente avec le gouvernement anglais. Il devait se rendre ensuite à Stuttgart pour prendre possession de son nouveau poste. Le but de la mission importante, confiée au baron Brunnow était clairement exposé dans les instructions dont il était muni, à la date du 16 août 1839.

Dans le cours des dernières années, les relations entre la Russie et l'Angleterre ont pris, malheureusement, un caractère peu amical. Mais, d'après les dernières informations, le gouvernement anglais s'est convaincu des intentions conciliantes de la politique russe et semblait disposé à renoncer à ses dispositions hostiles. Le baron Brunnow était chargé de constater ce fait, en entrant dans un échange d'idées avec les ministres anglais. „Vous inviterez“, était-il dit dans ses instructions, „le gouvernement anglais franchement à nous dire ce qu'il pense, ce qu'il désire et où il veut aller“.

онъ выбралъ одного изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ дипломатовъ и поручилъ ему отправиться въ Лондонъ для личныхъ объясненій съ англійскими министрами.

Такимъ дипломатомъ былъ баронъ Бруновъ. Лучшаго выбора не могъ сдѣлать Государь Императоръ. Баронъ Брунновъ не только превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ и перомъ, но обладалъ также выдающимися способностями и въ особенности отличался замѣчательною ясностью взглядовъ и стремленій. Его донесенія и письма останутся навсегда образцами превосходнаго дипломатическаго стиля и глубокой содержательности. Если еще имѣть въ виду, что баронъ Брунновъ отлично былъ знакомъ съ почвою, на которой ему пришлось дѣйствовать въ Лондонѣ, то блестящій успѣхъ его миссіи будетъ совершенно понятнымъ. Брунновъ состоялъ нѣсколько лѣтъ секретаремъ Императорскаго посольства въ Лондонѣ во времена князя Ливена, который его очень высоко цѣнилъ. Затѣмъ онъ пріѣхалъ опять въ Лондонъ въ 1832 году, съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, для улаженія распри между Голландіею и Бельгіею. По возвращеніи изъ Лондона въ С.-Петербургъ Брунновъ занялъ свою прежнюю должность совѣтника-редактора дипломатическихъ нотъ при Вице-канцлерѣ.

Въ 1839 году баронъ Брунновъ былъ назначенъ на постъ русскаго посланника при Штутгартскомъ дворѣ. Но по этому случаю на Бруннова было возложено особенное и чрезвычайно важное порученіе: черезъ Берлинъ онъ долженъ былъ отправиться въ Лондонъ и постараться войти въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ. Затѣмъ уже онъ долженъ былъ выѣхать въ Штутгартъ для занятія своей новой должности. Данная барону Бруннову инструкція отъ 16-го августа 1839 года весьма отчетливо объясняетъ цѣль возложеннаго на него важнаго порученія.

Въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ сношенія между Россіею и Англіею, къ сожалѣнію, приняли недружелюбный характеръ. Но, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, англійское правительство убѣдилось въ миролюбіи русской политики и готово отказаться отъ своихъ враждебныхъ намѣреній. Барону Бруннову поручается констатировать этотъ фактъ посредствомъ вступленія съ англійскими министрами въ откровенный обмѣнъ мыслей. „Вы пригласите“, сказано было въ инструкціи, „англійское правительство искренне намъ сказать, о чемъ оно думаетъ, чего желаетъ и куда намѣрено идти“.

Les pourparlers du baron Brunnow devaient porter sur trois questions: 1) les affaires de Turquie, 2) celles de Perse et 3) la Grèce. En ce qui concerne les deux dernières questions, elles doivent nécessairement passer au second plan comparativement aux affaires de Turquie. C'est sur celles-ci qu'il devait porter particulièrement son attention et s'appliquer à arriver à un accord avec l'Angleterre. Au sujet du conflit turco-égyptien, le baron Brunnow devait poser au gouvernement anglais catégoriquement la question, s'il désirait établir une entente avec la Russie sur les bases suivantes: 1) Les Puissances maritimes (la France et l'Angleterre) renoncent à l'idée de proclamer l'inviolabilité de toutes les possessions de l'Empire Ottoman; 2) elles consentent à ce que la fermeture des Dardanelles et du Bosphore en temps de paix, comme en temps de guerre fût proclamé comme un principe de droit internationale de l'Europe, obligatoire pour toutes les Puissances, sans exception et, 3) les Puissances maritimes renoncent à faire entrer les bâtiments de guerre français et anglais dans la mer de Marmara pour protéger la capitale de la Turquie.

La Russie de son côté 1) garantit collectivement avec les autres Puissances l'arrangement conclu entre la Turquie et Méhémet-Ali, 2) s'engage à ne pas renouveler le traité d'Unkiar-Skelessi et 3) si elle se voyait obligé de faire passer le Bosphore par ses forces militaires pour le salut de l'Empire Ottoman, elle prendrait cette mesure, non pas en vertu d'un accord spécial avec la Turquie, mais comme mandataire de l'Europe entière, et particulièrement au nom de toutes les grandes Puissances.

Le gouvernement impérial est convaincu que, si l'Angleterre accepte les conditions susmentionnées, la France, l'Autriche et la Prusse ne tarderont pas à y adhérer. Il serait désirable qu'un traité définitif sur les affaires turco-égyptiennes fut conclu sans la convocation d'une conférence internationale spéciale.

Le baron Brunnow arriva à Londres le 3 (15) septembre 1839 et se présenta immédiatement à lord Palmerston qui le reçut très aimablement comme une ancienne connaissance. Lorsque le plénipotentiaire de Russie s'efforçait à demontrer au ministre anglais que son souverain ne songeait ni à renouveler le traité d'Unkiar-Skelessi, ni à s'attribuer un protectorat exclusif sur la Turquie, lord Palmerston en parut

О трехъ вопросахъ баронъ Брунновъ долженъ былъ вести переговоры: 1) о турецкихъ дѣлахъ, 2) о персидскихъ дѣлахъ и 3) о Греціи. Что касается послѣднихъ двухъ вопросовъ, то они вполнѣ отступаютъ на задній планъ въ сравненіи съ турецкими дѣлами. Поэтому въ особенности на эти дѣла онъ долженъ былъ обратить серьезнѣйшее вниманіе и постараться придти къ какому нибудь соглашенію съ Англіею. Въ отношеніи турецко-англійской распри баронъ Брунновъ долженъ былъ поставить англійскому правительству категорическій вопросъ: желаетъ ли оно заключить съ Россіею договоръ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) морскія державы (Англія и Франція) отказываются отъ мысли о провозглашеніи неприкосновенности всѣхъ владѣній Оттоманской имперіи; 2) онѣ согласны, чтобъ закрытіе Дарданелловъ и Босфора, какъ во время мира, такъ и войны, было бы провозглашено какъ начало европейскаго международнаго права, обязательное для всѣхъ, безъ исключенія, державъ, и 3) отказываются отъ намѣренія ввести англійскія и французскія военныя суда въ Мраморное море для защиты турецкой столицы.

Съ своей стороны, взамѣнъ, Россія: 1) даетъ свою гарантію, вмѣстѣ съ другими державами, на заключенное между Турціею и Мегеметомъ-Али соглашеніе; 2) она обязывается не возобновлять Ункіаръ-Искелесскаго трактата и 3) еслибъ она принуждена была ввести чрезъ Босфоръ свои вооруженныя силы для спасенія Оттоманской имперіи, то приняла бы такую мѣру не на основаніи особеннаго соглашенія съ Турціею, но какъ бы по порученію всей Европы и, въ частности, отъ имени всѣхъ великихъ державъ.

Императорское правительство убѣждено, что если Англія приметъ вышеприведенныя условія, то къ нимъ также приступятъ Франція, Австрія и Пруссія. Желательно, чтобъ немедленно былъ заключенъ окончательный трактатъ по турецко-египетскимъ дѣламъ, безъ созванія особенной международной конференціи.

Баронъ Брунновъ прибылъ въ Лондонъ 15-го (3-го) сентября 1839 года и немедленно представился лорду Пальмерстону, который принялъ его очень любезно, какъ стараго знакомаго. Когда русскій уполномоченный сталъ доказывать англійскому министру, что его Государь нисколько не желаетъ возобновленія Ункіаръ-Искелесскаго трактата и не думаетъ присвоивать себѣ исключительный протекто-

très surpris et eut de la peine à croire à ses propres oreilles.

„Je ne saurais, M. le comte“, écrivait le baron Brunnow au Vice-Chancelier à la date du 12 (24) septembre, „vous dépeindre la sensation que ce langage a produit sur lord Palmerston. A mesure que je lui développais les intentions et les vues de Notre Auguste Maître, tous ses traits annoncèrent un sentiment de surprise autant que d'admiration. Il m'a exprimé ce double sentiment sans hésitation aucune“.

Lord Palmerston convenait que les objections de l'Angleterre contre le traité d'Unkiar-Skelessi ne concernaient point les Dardanelles. Sous ce rapport, il ne partgeait nullement les vues extrêmes de lord Pousonby qui ne cessait d'insister sur le passage de la flotte anglaise par les Dardanelles „de gré ou de force“. „Assurément“, poursuit le ministre anglais, „si l'on pouvait effectuer ce passage pour toujours et d'une manière permanente, comme on pratique une ouverture à travers un roc,—je conviens que la chose pourrait être utile pour nous. Mais que gagnerions nous à forcer le détroit et même à entrer dans la mer Noire? Il nous faudrait toujours en ressortir. Ce serait à recommencer à chaque fois. Vous n'avez pas plus de motifs et de profit à paraître dans la Méditerranée que nous n'en n'aurions à entrer dans la mer Noire. Nous n'avons rien à gagner de part et d'autre. Conséquemment, ce qui doit nous convenir réciproquement, c'est de considérer les deux détroits comme fermés pour toujours“.

Enfin, lord Palmerston consentait à reconnaitre l'influence de la Russie en Turquie comme „naturelle et légitime“. „Elle (influence) tient“, ajoutait-il, „à votre position géographique“.

Après avoir causé avec lord Palmerston, le baron Brunnow désirait s'expliquer avec le premier Ministre d'Angleterre. Mais, connaissant combien lord Palmerston était soucieux de son indépendance sur le terrain des relations extérieures, il réussit à manœuvrer si habilement que le ministre lui proposa lui-même de s'expliquer avec lord Melbourne. C'est ce qu'il fit. Dès son premier entretien il eut l'occasion de constater une profonde divergence d'opinions entre les deux hommes d'Etat.

Lord Palmerston ne voulait pas abandonner la Syrie à Méhémet-Ali; lord Melbourne était

ратъ надъ Турціею, то лордъ Пальмерстонъ былъ повидимому озадаченъ и не хотѣлъ вѣрить своимъ собственнымъ ушамъ.

„Я не могу вамъ описать изумленіе“, писалъ Брунновъ Вице-канцлеру 12-го (24-го) сентября, „произведенное этими словами на лорда Пальмерстона. По мѣрѣ того, какъ я сталъ развивать ему намѣренія и виды нашего августѣйшаго Государя, всѣ его черты обнаруживали столько же чувство неожиданности, сколько удивленія. Онъ самъ мнѣ выражалъ эти чувства, нисколько не стѣсняясь“.

Лордъ Пальмерстонъ сознался, что возраженія Англіи противъ Ункіаръ-Искелесскаго трактата вовсе не касались закрытія Дарданелльскаго пролива. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не раздѣлялъ крайнихъ взглядовъ лорда Понсонби, который постоянно настаивалъ на проходѣ чрезъ Дарданеллы англійскаго флота, съ согласія Порты или силою. „Само собою разумѣется“, продолжалъ англійскій министръ, „еслибъ можно было обезпечить этотъ проходъ навсегда и постояннымъ образомъ, какъ можно устроить отверстіе чрезъ скалу, я согласенъ, что это можетъ быть для насъ полезно. Но что мы выиграемъ, если прорвемся чрезъ проливъ и даже войдемъ въ Черное море? Всетаки, мы всегда должны будемъ выйти изъ него. Нужно будетъ каждый разъ начинать снова. У васъ нѣтъ больше побудительныхъ причинъ и интереса появляться въ Средиземномъ морѣ, чѣмъ у насъ входить въ Черное море. Намъ обоимъ въ обоихъ случаяхъ не будетъ никакого выигрыша. Слѣдовательно то, что намъ обоимъ взаимно можетъ быть полезно, это закрытіе обоихъ проливовъ навсегда“.

Наконецъ лордъ Пальмерстонъ даже согласился признать вліяніе Россіи въ Турціи „естественнымъ и законнымъ“. „Оно зависитъ“, прибавилъ онъ, „отъ вашего географическаго положенія“.

Переговоривъ съ лордомъ Пальмерстономъ, баронъ Брунновъ желалъ также имѣть объясненіе съ англійскимъ премьеромъ. Но зная, насколько лордъ Пальмерстонъ щепетиленъ насчетъ своей независимости въ области внѣшнихъ сношеній, онъ весьма ловко заставилъ самого лорда предложить ему объясниться съ первымъ министромъ. Это онъ и сдѣлалъ. Изъ первыхъ же объясненій Брунновъ замѣтилъ существованіе различія во взглядахъ обоихъ министровъ.

Лордъ Пальмерстонъ не желалъ оставить за Мегеметомъ-Али Сирію; лордъ Мельборнъ

disposé à consentir à cette cession. Le premier ne voulait pas agir sans le concours de la France bien qu'il admettait, le cas échéant, la possibilité d'une entente à quatre et même à trois; le chef du Cabinet consentait facilement à sacrifier la France.

Quand il fut question de la France, le baron Brunnow profita de l'occasion pour expliquer les relations de son souverain avec le gouvernement de Louis-Philippe. L'Empereur, dit le baron, n'a pas en haut estime le gouvernement français actuel, parcequ'il ne lui inspire aucune confiance et qu'il se voit obligé de louvoyer entre tous les partis.

„Voilà pourquoi", poursuit le baron Brunnow, „l'Empereur établit une distinction constante entre la France et l'Angleterre. L'une n'est pas un pouvoir régulier sur lequel on puisse compter; l'autre est une puissance avec laquelle on peut traiter, parceque fondée sur des bases légitimes elle saura toujours remplir et respecter les engagemens qu'elle aura contractée".

L'Empereur Nicolas souligna de sa propre main le passage ci-dessus et fit l'annotation suivante: „Ce sont mes propres paroles".

Le baron Brunnow se fit un devoir de nier, d'une manière catégorique, l'intention attribuée à la Russie d'intervenir dans les affaires intérieures de la France. L'Empereur n'y songe pas et désire seulement voir le gouvernement français respecter l'ordre établi dans les autres Etats.

L'Empereur Nicolas fut si satisfait du rapport du baron Brunnow qu'il fit sur cette pièce l'inscription: „Impossible de mieux dire".

C'est ainsi que le baron Brunnow posa une base solide pour les négociations avec l'Angleterre au sujet de l'Egypte et de la question des détroits. On ne saurait perdre de vue que, si le traité d'Unkiar- Skelessi ne parlait que de la fermeture des Dardanelles, le gouvernement Impérial lui-même a étendu en 1839 l'application de ce principe au Bosphore.

Le baron Brunnow fut naturellement honoré d'une audience chez la reine Victoria, qui le reçut d'une manière très gracieuse. Il eut facilement l'occasion de se convaincre que la reine était encore toujours sous le charme séduisant du Grand Duc Héritier, car elle se plaisait, dans sa conversation, à revenir au séjour de son Al-

былъ на это согласенъ. Первый не желалъ дѣйствовать безъ Франціи, хотя онъ допускалъ возможность, въ крайнемъ случаѣ, устроить соглашеніе только вчетверомъ или даже втроемъ. Премьеръ же легко соглашался пожертвовать Франціею.

Когда рѣчь шла о Франціи, бар. Брунновъ воспользовался случаемъ, чтобъ объяснить отношеніе своего Государя къ правительству Луи Филиппа. Государь Императоръ, сказалъ баронъ, не уважаетъ нынѣшнее французское правительство, ибо оно не вселяетъ ни малѣйшаго къ себѣ довѣрія и должно постоянно вилять между всѣми партіями.

„Вотъ почему", продолжалъ Брунновъ, „Императоръ проводитъ постоянно различіе между Франціею и Англіею. Въ первой странѣ нѣтъ правильнаго правительства, на которое можно бы было положиться; во второй существуетъ правительство, съ которымъ можно имѣть переговоры, ибо будучи основано на законныхъ началахъ, оно всегда съумѣетъ заставить исполнять и уважать принятыя обязательства".

Только что приведенныя слова Императоръ Николай собственноручно подчеркнулъ и написалъ: „Это мои собственныя слова".

Далѣе, баронъ Брунновъ категорически отрицалъ приписываемое Россіи намѣреніе вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи. Подобнаго намѣренія Государь не имѣетъ, и онъ только желаетъ, чтобъ французское правительство уважало внутренніе порядки другихъ государствъ.

Императоръ Николай настолько остался доволенъ донесеніемъ барона Бруннова, что надписалъ на немъ: „Невозможно говорить лучше".

Такимъ образомъ положилъ баронъ Брунновъ прочное основаніе переговорамъ съ Англіею насчетъ Египта и положенія Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что если Ункіаръ-Искелесскій трактатъ только говоритъ о закрытіи Дарданелловъ, то само Императорское правительство расширило въ 1839 году этотъ вопросъ, распространивъ начало закрытія также на Босфоръ.

Баронъ Брунновъ, само собою разумѣется, удостоился также аудіенціи у королевы Викторіи, которая приняла его весьма милостивымъ образомъ. Онъ немедленно убѣдился, что королева все еще находится подъ обаяніемъ обворожительной личности Наслѣдника Цесаревича, потому что она, въ разговорѣ, посто-

tesse Impériale en Angleterre. La jeune reine parlait avec tant de chaleur du Grand Duc et de l'Empereur Nicolas, que le baron Brunnow resta convaincu qu'elle ne donnerait jamais son consentement à une rupture avec la Russie. Le baron Brunnow trouvait en elle non pas „un manque d'énergie, mais plutôt un excés de volonté".

Le ministre de Russie était en même temps profondément indigné des attaques dont elle était l'objet de la part du parti radical. Il disait à la souveraine et à tout le monde, „que plus on attaquera le gouvernement de la jeune reine, plus elle pourra compter sur l'Empereur comme sur un ami sincère et constant". Il est douteux q'une pareille déclaration d'un diplomate étranger ait pu convenir à tous les Anglais.

Toutefois, lord Palmerston était si amicalement disposé pour le baron Brunnow, qu'il n'éleva probablement aucune objection contre ces sentiments d'indignation. Il ne sourit même pas, lorsque le prince Esterhazy, ambassadeur d'Autriche, sous la pression du baron Brunnow et contrairement à ses propres assurances données au ministre anglais, renonçait à l'insister sur la garantie collective de l'intégrité de l'Empire Ottoman. En parlant du prince de Metternich, qui avait recommandé à l'ambassadeur de se prononcer en faveur de cette garantie, le baron Brunnow le qualifiait de *врагъ-супостатъ* et l'Empereur Nicolas inscrivait en français au dessous de ces deux mots russes: „Il n'a jamais cessé de l'être".

Le baron Brunnow attendait avec impatience la réponse du gouvernement anglais aux ouvertures, qu'il venait de lui adresser. Les réunions du conseil se suivaient l'une après l'autre, et l'impatience du baron était mise à l'épreuve. Ces hésitations du gouvernement anglais provenaient, comme assurait le baron, de son impuissance. Les ministres anglais ne savent pas eux-mêmes ce qu'ils veulent et ils ne sont convaincus que d'une seule chose — de leur propre faiblesse. „Il est triste", écrivait Brunnow au comte Nesselrode à la date du 18 (30) septembre 1839, „de voir cet immense pays que l'on nomme la Grande Bretagne, préoccupé de l'idée de se trouver à la veille de n'avoir ni pain, ni argent".

La crise économique, qui sévissait à cette époque en Angleterre, semblait insuffisante pour expliquer cette faiblesse du gouvernement.

D'après les paroles de Brunnow: „Tout était dans le plus grand désarroi. Il n'y avait pas de com-

янно возвращалась къ пребыванію Его Императорскаго Высочества въ Англіи. Молодая королева говорила съ такимъ жаромъ о Великомъ Князѣ и Императорѣ Николаѣ I, что баронъ Брунновъ пришелъ къ убѣжденію, что она не дастъ своего согласія на разрывъ съ Россіею. Брунновъ находилъ въ ней „не недостатокъ энергіи, но скорѣе избытокъ воли".

Въ тоже время русскій посланникъ до глубины души возмущается нападками на королеву со стороны органовъ радикальной партіи. Онъ самой королевѣ Викторіи и всѣмъ говоритъ, что „чѣмъ больше будутъ нападать на правительство королевы, тѣмъ больше она можетъ разсчитывать на Императора, какъ на искренняго и постояннаго друга". Сомнительно, чтобы такое заявленіе иностраннаго дипломата могло понравиться всѣмъ Англичанамъ.

Впрочемъ, лордъ Пальмерстонъ относился настолько дружелюбно къ барону Бруннову, что навѣрно не возражалъ противъ выраженнаго имъ чувства возмущенія. Онъ даже не улыбнулся, когда австрійскій посолъ, князь Эстергази, подъ давленіемъ со стороны Бруннова и вопреки тому, что онъ недавно доказывалъ англійскому министру, сталъ отказываться отъ требованія всеобщей гарантіи неприкосновенности Оттоманской имперіи. Брунновъ назвалъ князя Меттерниха, предписавшаго австрійскому послу настаивать на такой гарантіи: „*врагъ-супостатъ*", а Императоръ Николай Павловичъ написалъ подъ этими двумя русскими словами по французски: „Онъ никогда не переставалъ имъ быть".

Баронъ Брунновъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта англійскаго правительства на сдѣланныя имъ предложенія. Одинъ совѣтъ министровъ собирался за другимъ, и нетерпѣливый баронъ не зналъ, какъ дождаться скорѣйшаго отвѣта. Эти колебанія англійскаго правительства объясняются, по его словамъ, полнымъ его безсиліемъ. Сами англійскіе министры не знаютъ, чего они хотятъ, и они убѣждены только въ одномъ, а именно въ своемъ собственномъ безсиліи. Печально видѣть „эту великую страну", писалъ Брунновъ гр. Нессельроде 18 (30) сентября 1839 года, „называемую Великобританіею, озабоченною мыслью, что страна эта наканунѣ дня, когда у нея не будетъ ни хлѣба, ни денегъ".

Но не только свирѣпствовавшій въ то время въ Англіи экономическій кризисъ объяснялъ безсиліе правительства.

По словамъ Бруннова: „Все въ большомъ безпорядкѣ. Главнокомандующаго нѣтъ. На-

mandant en chef, pas de chef d'Etat-major. Très peu de provisions de bouche et d'argent comptant". Après avoir énoncé en russe ce jugement sur le gouvernement anglais, le baron Brunnow continue en français sa lettre au comte Nesselrode du 26 septembre (8 octobre) 1839 et dit qu'il est surtout frappé de l'absence de tout plan arrêté pour le réglement du conflit turco-égyptien. Il est arrivé à la conviction „que pour le moment les Anglais ne veulent et ne peuvent rien faire". Le centre de gravité de tous les pourparlers diplomatiques se trouve incontestablement à St. Pétersbourg, et la solution de la question turco-égyptienne dépend entièrement de l'Empereur.

Dans ces conditions, le ministre de Russie pouvait hardiment insister sur ses exigences. Aussi, protesta-t-il avec énergie contre l'entrée d'une flotte anglo-française dans la mer de Marmara. Il s'appliquait à démontrer qu'un semblable „pique-nique maritime" ne ferait que provoquer le fanatisme turc et créer de nouvelles difficultés au gouvernement du Sultan. Il rappelait aux ministres anglais les paroles judicieuses du prince Metternich, qui disait: „Voulons nous faire vivre la Porte, laissons la tranquille". Profitant de sa connaissance imparfaite de l'anglais, il „martelait" sa diction, pour user de ses propres termes, et trouvait que „c'est une excellente manière de se faire bien comprendre, en se fesant pardonner bien des choses". A la fin de septembre, il pouvait déjà affirmer que „l'Angleterre n'est pas encore à nous, mais elle n'est plus à la France".

On ne saurait ne pas signaler que l'influence de lord Durham et du marquis Clanricarde ont notablement contribué au succès des négociations du baron Brunnow à Londres. Lorsque lord Durham se rendait en Russie, en qualité d'ambassadeur, il était pénétré de défiance pour la Russie et d'hostilité pour l'Empereur Nicolas. En quittant son poste après trois ans, il se montrait à toute occasion comme un défenseur ardent de la Russie et un admirateur sincère de l'Empereur. Le baron Brunnow eut l'occasion de constater personellement que „tous les Durham sont Russes". Les filles de lord Durham écrivaient des lettres en russe et chantaient des romances russes.

La personnalité séduisante de l'Empereur Nicolas I opéra cette métamorphose. Lord Palmerston lui-même dut reconnaître ce fait. Il racontait, en riant, à Brunnow, qu'en nommant

чальника штаба нѣтъ. Продовольствія и наличныхъ денегъ весьма мало". Высказавъ по русски такое осужденіе англійскому правительству, баронъ Брунновъ продолжаетъ по французски свое письмо къ гр. Нессельроде отъ 26-го сентября (8 октября) 1839 года и говоритъ, что въ особенности его поражаетъ отсутствіе всякаго плана насчетъ улаженія турецко-египетской распри. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что въ „въ настоящее время Англичане ничего не хотятъ и ничего не могутъ сдѣлать". Центръ тяжести всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ безспорно находится въ С.-Петербургѣ, и отъ Государя Императора вполнѣ зависитъ разрѣшеніе турецко-египетскаго вопроса.

При такихъ обстоятельствахъ русскій посланникъ смѣло могъ настаивать на своихъ требованіяхъ. Такъ, онъ энергически возражалъ противъ введенія англо-французскаго флота въ Мраморное море. Онъ доказывалъ, что подобный „морской пикникъ" можетъ только вызвать турецкій фанатизмъ и новыя затрудненія для турецкаго правительства. Онъ напоминалъ англійскимъ министрамъ остроумныя слова князя Меттерниха: „Если мы хотимъ, чтобъ Порта еще жила, то должны оставить ее въ покоѣ". Пользуясь плохимъ своимъ знаніемъ англійскаго языка, онъ „рубилъ" по-англійски свои мысли (какъ онъ выражается), находя, что это „отличная манера заставить себя хорошо понять, вынуждая прощать многія вещи". Уже въ концѣ сентября онъ могъ утверждать, что „если Англія еще не съ нами, то она всетаки больше не принадлежитъ Франціи".

Нельзя не отмѣтить, что успѣху порученныхъ барону Бруннову переговоровъ въ значительной степени содѣйствовало въ Лондонѣ вліяніе лорда Дюрэма и маркиза Кланрикарда. Когда лордъ Дюрэмъ уѣзжалъ въ Россію, въ качествѣ великобританскаго посла, онъ былъ проникнутъ подозрительностью къ Россіи и враждебностью къ Императору Николаю I. Когда онъ оставилъ свой постъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, онъ постоянно являлся ярымъ защитникомъ Россіи и искреннимъ поклонникомъ русскаго Государя. Баронъ Брунновъ могъ лично констатировать, что „всѣ Дюрэмы — Русскіе". Дочери лорда Дюрэма писали русскія письма и пѣли русскіе романсы.

Такую метаморфозу произвела обворожительная личность Императора Николая I. Самъ лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ признать этотъ фактъ. Смѣясь, разсказалъ онъ Бруннову,

lord Clanricarde au poste de St. Pétersbourg, en remplacement de Durham, il l'avertissait de ne pas se laisser „attraper", comme son prédécesseur. Clanricarde le rassurait, disant qu'il était un homme calme, dénué d'ambition, et qu'il ne se laisserait pas attraper.

„Eh bien", poursuivit lord Palmerston, „quinze jours après son arrivée à St. Pétersbourg, Clanricarde m'écrivait: j'ai vu l'Empereur à Tsarskoe-Sélo; il m'a parlé; je dois vous avouer que je me sens attrapé (caught) comme lord Durham"! Brunnow assurait à lord Palmerston que, s'il parlait lui-même avec l'Empereur, il serait certainement „attrapé" comme l'ont été lord Durham et lord Clanricarde.

Dans tout état de cause, les rapports du marquis Clanricarde et l'influence personnelle de lord Durham ont notablement contribué à faire accepter, par le Cabinet anglais, les ouvertures conciliantes de la Russie. Au commencement d'octobre, lord Palmerston fit connaître à Brunnow les décisions prises par le Conseil des ministres anglais. Il déclarait, que l'Angleterre consentait à agir, dans le conflit turco-égyptien, de concert avec toutes les grandes Puissances et avec la Russie, en particulier. Si Méhémet-Ali marchait sur Constantinople, l'Angleterre reconnaissait à la Russie le droit d'envoyer son armée pour assister le Sultan. Mais, elle se réservait en même temps le droit de prendre part à ces mesures. Admettre l'exclusion de l'Angleterre serait provoquer sûrement la chute du gouvernement actuel. Voici pourquoi, d'après la décision unanime du Conseil des ministres anglais, l'intervention militaire de la Russie dans les affaires de Turquie doit être combinée avec le concours de la flotte anglaise. Il n'y a pas de nécessité que les forces militaires des deux Puissances agissent en commun. Ce ne serait nullement désirable. Mais si des batiments russes passaient par le Bosphore, des batiments anglais, au nombre de 3 ou 4, devront necéssairement entrer par les Dardanelles dans la mer de Marmara. Ce sont uniquement des considérations parlementaires, disait lord Palmerston, qui obligent le gouvernement anglais d'insister, d'une manière absolue, sur l'action simultanée des forces militaires russes et anglaises.

Le baron Brunnow refutait, d'une manière catégorique, la nécessité de la présence des forces militaires anglaises dans la mer de Marmara. „Lorsque", disait-il au ministre anglais, „nos vaisseaux de guerre sortent du port de Cronstadt

что когда онъ назначилъ маркиза Кланрикарда посломъ въ Петербургъ, послѣ лорда Дюрэма, то предостерегалъ его „не попастся", какъ его предшественникъ. Кланрикардъ успокоилъ его, сказавъ, что онъ человѣкъ хладнокровный, не тщеславный и что онъ не попадется.

„И вотъ", продолжалъ лордъ Пальмерстонъ, „двѣ недѣли послѣ своего пріѣзда въ С.-Петербургъ, Кланрикардъ мнѣ пишетъ: я видѣлъ Государя въ Царскомъ Селѣ, онъ со мною говорилъ; я долженъ вамъ признаться, что чувствую, что попался, какъ Дюрэмъ". Брунновъ увѣрялъ лорда Пальмерстона, что ручается, что еслибъ онъ самъ говорилъ съ Императоромъ, то навѣрно также „попался" бы, какъ лорды Дюрэмъ и Кланрикардъ.

Во всякомъ случаѣ, донесенія маркиза Кланрикарда и личное вліяніе лорда Дюрэма не мало содѣйствовали принятію англійскимъ кабинетомъ примирительныхъ русскихъ предложеній. Въ началѣ октября лордъ Пальмерстонъ объявилъ Бруннову рѣшенія, принятыя совѣтомъ англійскихъ министровъ. Онъ заявилъ о согласіи Англіи дѣйствовать въ турецко-египетскомъ вопросѣ сообща со всѣми державами и съ Россіею въ частности. Еслибъ Мегеметъ-Али пошелъ на Константинополь, то Англія признаетъ за Россіею право отправить свои войска на помощь султану. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она оставляетъ также и за собою право участвовать въ этихъ мѣропріятіяхъ. Допустить исключеніе Англіи значило бы неминуемымъ образомъ вызвать паденіе нынѣшняго англійскаго правительства. Вотъ почему, по единогласному рѣшенію совѣта англійскихъ министровъ, военное вмѣшательство Россіи въ дѣла Турціи должно быть соединено съ содѣйствіемъ англійскаго флота. Нѣтъ надобности, чтобъ военныя силы обѣихъ державъ дѣйствовали сообща. Это совершенно нежелательно. Но если чрезъ Босфоръ пойдутъ русскія суда, то чрезъ Дарданеллы непремѣнно должны войти въ Мраморное море англійскія суда, въ количествѣ 3 или 4. Только парламентскія соображенія, сказалъ лордъ Пальмерстонъ, заставляютъ англійское правительство абсолютно настаивать на совмѣстномъ дѣйствіи русскихъ и англійскихъ военныхъ силъ.

Баронъ Брунновъ категорически опровергалъ необходимость появленія англійскихъ военныхъ силъ въ Мраморномъ морѣ. „Если", сказалъ онъ англійскому министру, „наши военныя суда выходятъ изъ Крон-

pour manœuvrer dans la Baltique, vous nous dites que le public s'en inquiète chez vous. Maintenant, que pensez vous de l'impression que nous devons éprouver chez nous, si vos vaisseaux viennent jeter l'ancre dans la Mer de Marmara? Supposez que la situation géographique de l'Angleterre fût semblable à la nôtre, que votre commerce pour communiquer avec le reste du monde fût contraint de passer par un canal étroit, et figurez-vous que des vaisseaux russes soient placés à l'entrée de ce canal! Je vous laisse à deviner ce que dirait votre commerce".

„Depuis l'époque des Croisades", affirmait hardiment Brunnow, „l'entrée des Dardanelles n'a été au pouvoir de personne. Laissons les choses telles que le temps les a faites. N'y changeons rien".

Finalement, le baron Brunnow posa au ministre anglais catégoriquement la question suivante: „Voulez-vous la conservation de l'Empire Ottoman ou ne la voulez-vous pas? Si vous tenez à son existence, laissez la Russie tranquille, respectez la fermeture des Dardanelles et ne mettez pas l'Empereur dans la nécessité de s'en emparer. Car sachez le bien, le jour où vous en forcerez le passage, la Russie se mettra en marche et la dernière heure de l'Empire Ottoman aura sonné".

La franchise du baron Brunnow fit une profonde impression sur le ministre anglais. Il avouait, qu'il redoutait de fortes attaques de la part de l'opposition au sein du parlement, s'il consentait à reconnaître la fermeture des détroits, comme principe du droit international de l'Europe. L'opposition ne se fera pas faute de dire que maintenant la Russie est „invulnérable".

Dans le cours de ces explications intéressantes avec lord Palmerston, le baron Brunnow eut l'occasion de constater le fait suivant: „le ministère anglais, tout en craignant que l'Empereur envoyât son escadre à Constantinople, *craint tout autant et peut-être encore davantage qu'il ne l'envoie pas*". L'Empereur souligna ces mots et inscrivit en marge: „et c'est ce qui arrivera positivement". Lord Palmerston craignait sérieusement que, si la Russie ne venait pas à temps au secours de la Porte, le trône du Sultan s'écroulerait irrévocablement. Voici pourquoi le calme et le sang-froid de l'Empereur l'impressionnait fortement, et il n'est pas, sûr s'il n'eut pas préféré voir la flotte russe arriver à Boujoukdéré pour sauver le trône du Sultan.

штадта для маневрированія въ Балтійскомъ морѣ, то вы намъ говорите, что это тревожитъ вашу публику. Теперь, что вы думаете насчетъ впечатлѣнія, которое произведетъ у насъ извѣстіе о появленіи вашихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ? Допустимъ, что географическое положеніе Англіи было бы одинаковое съ нашимъ, что вашъ торговый флотъ для сношеній съ остальнымъ міромъ былъ бы вынужденъ проходить чрезъ узкій каналъ, и представьте себѣ, что русскія суда были бы поставлены при входѣ въ этотъ каналъ! Я предоставляю вамъ самимъ отгадать, что бы сказала ваша коммерція!"

„Со временъ крестовыхъ походовъ", смѣло утверждалъ Брунновъ, „входъ въ Дарданеллы не находился ни въ чьей власти. Оставимъ вещи въ томъ самомъ положеніи, какъ устроило ихъ время. Не измѣнимъ ничего въ этомъ положеніи".

Наконецъ, бар. Брунновъ поставилъ англійскому министру рѣшительный вопросъ. „Хотите ли вы сохраненія Оттоманской имперіи, или не желаете? Если вы дорожите ея существованіемъ, тогда оставьте въ покоѣ Россію, уважайте закрытіе Дарданелловъ и не ставьте Императора въ необходимость захватить ихъ. И знайте, что въ тотъ самый день, когда вы силою пройдете черезъ проливъ, Россія двинетъ свои войска, и тогда наступитъ послѣдній часъ для Оттоманской имперіи".

Откровенность барона Бруннова произвела на англійскаго министра глубокое впечатлѣніе. Но онъ сознался, что боится сильныхъ нападокъ на него въ парламентѣ со стороны оппозиціи, если согласится на признаніе закрытія проливовъ принципомъ европейскаго международнаго права. Оппозиція не преминетъ сказать, что теперь Россія „неприступна".

Въ продолженіи этого интереснаго объясненія съ лордомъ Пальмерстономъ баронъ Брунновъ сдѣлалъ слѣдующее неожиданное замѣчаніе: „англійское правительство, съ одной стороны, боится, что Императоръ пошлетъ свою эскадру въ Константинополь, съ другой же, *столько же, а можетъ быть даже больше еще боится, что онъ ее не пошлетъ*". Эти слова Государь два раза подчеркнулъ и напротивъ написалъ: „и это именно на дѣлѣ случится". Лордъ Пальмерстонъ сильно боялся, что если Россія не поспѣшитъ во-время на помощь Турціи, то султанскій престолъ рухнетъ безвозвратно. Вотъ почему хладнокровіе и спокойствіе Государя производятъ на него огромное впечатлѣніе, и онъ не знаетъ: не лучше ли было бы видѣть русскій флотъ у Буюкдере для спасенія султанскаго престола.

Sur ce rapport très intéressant du baron Brunnow du 26 septembre (8 octobre) 1839, l'Empereur Nicolas I fit l'annotation suivante: „Parfait; ce que j'ai marqué est frappant de vérité et de précision, car c'est positivement ce que j'ai résolu".

Malgré la réponse assez conciliante de lord Palmerston, le baron Brunnow arrivait à la conviction qu'il n'y avait pas de nécessité pour lui de prolonger son séjour à Londres. Le ministère de lord Melbourne était si faible et si discrédité, qu'il ne pourrait se maintenir longtemps au pouvoir. En dehors de cela, lord Palmerston jouait un double jeu: d'une part il assurait à Brunnow, que l'Angleterre est décidée, dans tous les cas, de se séparer de la France, et de l'autre, il cherchait à inquiéter le gouvernement français par la présence de Brunnow à Londres et la possibilité d'un accord séparé avec la Russie. Enfin, les efforts de l'ambassadeur d'Autriche pour amener une entente entre les cinq grandes Puissances parurent suspectes au baron Brunnow. Il se demandait s'il ne serait pas plus profitable à la Russie de continuer, comme par le passé, à occuper une position isolée à l'égard de la Porte.

Le baron Brunnow ne fit aucune réponse à cette question intéressante et laissa également ouverte celle des détroits. Il apprit du prince Esterhazy que lord Palmerston, la veille d'une réunion décisive du Conseil des ministres, dit à l'ambassadeur d'Autriche mot-à-mot ce qui suit: „Je suis décidé à me prononcer pour l'acceptation des propositions de la Russie telles quelles. C'est une occasion unique qu'il ne faut pas laisser échapper et qui pourra ne se reproduire jamais. Si nous jetons de l'eau froide sur le bon vouloir de l'Empereur, il nous dira une autre fois: vous n'avez pas voulu de mes offres,— votre refus me dispense d'agir de concert avec vous; je ferai désormais à moi seul, ce que je croirai nécessaire et utile". (Rapport très secret du baron Brunnow du 26 septembre (8 octobre) 1839).

Cette franchise du ministre anglais devait donner à penser au gouvernement impérial; le gouvernement anglais était évidemment très satisfait que la Russie se soit volontairement désisté du traité d'alliance d'Unkiar-Skelessi. Quant à la fermeture des détroits, lord Palmerston avait raison de compter que la Porte ne

На этомъ весьма интересномъ донесеніи барона Бруннова отъ 26-го сентября (8-го октября) 1839 года Императоръ Николай I написалъ: „Отлично; то, что я подчеркнулъ изумительно вѣрно и точно, ибо это положительно то, что я рѣшилъ".

Не взирая на довольно примирительный отвѣтъ лорда Пальмерстона, Брунновъ всетаки пришелъ къ тому заключенію, что ему нѣтъ надобности оставаться въ Лондонѣ. Англійское министерство лорда Мельборна настолько слабо и дискредитировано, что долго продержаться не можетъ. Кромѣ того, лордъ Пальмерстонъ играетъ двойную игру: съ одной стороны, онъ говоритъ Бруннову, что Англія, во всякомъ случаѣ, отдѣлится отъ Франціи, а съ другой, онъ пугаетъ французское правительство присутствіемъ въ Лондонѣ Бруннова и возможностью отдѣльнаго соглашенія съ Россіею. Наконецъ, старанія австрійскаго посла въ пользу общаго соглашенія по турецкимъ дѣламъ между всѣми пятью державами вызывали подозрительность Бруннова. Онъ сталъ себя спрашивать: не лучше ли будетъ для Россіи продолжать занимать, по прежнему, особенное и изолированное положеніе по отношенію къ Турціи?

На этотъ интересный вопросъ ничего не отвѣтилъ самъ баронъ Брунновъ. Равнымъ образомъ оставилъ онъ открытымъ другой вопросъ: относительно проливовъ. Отъ князя Эстергази онъ узналъ, что лордъ Пальмерстонъ, наканунѣ рѣшительнаго засѣданія совѣта англійскихъ министровъ, сказалъ австрійскому послу, слово въ слово, слѣдующее: „Я рѣшился высказаться въ пользу принятія русскихъ предложеній въ томъ видѣ, какъ они сдѣланы. Это единственный случай, который не слѣдуетъ упускать и который, можетъ быть, никогда больше не представится. Если мы пустимъ холодный душъ на доброе расположеніе Императора, то онъ намъ другой разъ скажетъ: вы не приняли моихъ предложеній; вашъ отказъ освобождаетъ меня отъ желанія дѣйствовать сообща съ вами; отнынѣ я свершу одинъ то, что мнѣ представится нужнымъ и полезнымъ". (Весьма секретное донесеніе бар. Бруннова отъ 26-го сентября (8-го октября) 1839 года).

Откровенность англійскаго министра должна была заставить призадуматься Императорское правительство: очевидна была радость англійскаго кабинета по поводу добровольнаго отказа Россіи отъ Ункіаръ-Искелесскаго союзнаго трактата. Что же касается до закрытія проливовъ, то лордъ Пальмерстонъ весьма осно-

se ferait pas faute de les ouvrir en faveur d'un allié. L'Angleterre pouvait devenir cet allié — ce qui arriva en 1854.

Le baron Brunnow s'est borné à transmettre au Vice-Chancelier un avoeu intéressant de lord Palmerston, au sujet des motifs, qui l'ont porté à consentir aux ouvertures de la Russie. Il lui communiqua, également sans aucun commentaire, le désir exprimé par le ministre anglais au sujet de l'établissement de relations diplomatiques entre la Belgique et la Russie. D'après les assurances de lord Palmerston, c'était un voeu ardent de la Reine de voir un agent diplomatique russe accrédité auprès de son oncle, le roi des Belges, Léopold I. L'Empereur Nicolas inscrivit la résolution suivante sur le rapport du baron Brunnow du 1 (13) octobre 1839: „Tant qu'un seul Polonais restera au service de Léopold, aucun Russe ne mettra les pieds chez lui".

Convaincu de la faiblesse du ministère de lord Melbourne et ne prévoyant pas la possibilité d'un accord avec l'Angleterre dans un avenir rapproché, le baron Brunnow quitta l'Angleterre le 1 (13) octobre pour se rendre à Stuttgart. Avant son départ, il eut encore une explication avec le premier ministre et une conversation intéressante avec le duc de Wellington. Lord Melbourne avouait franchement que les plus grandes difficultés, pour la solution du conflit turco-égyptien, provenaient de la France où l'opinion publique se prononçait, de plus en plus, énergiquement, en faveur de Méhémet-Ali. Selon l'avis du premier ministre, le gouvernement français se trouvera dans la nécessité de céder à la pression de l'esprit public et de ne point prendre part à l'accord entre les grandes Puissances. Lord Palmerston croit, que le ministère français ne cédera pas, et qu'il s'associera aux mesures de coërcition contre Méhémet-Ali. L'événement a prouvé que lord Melbourne avait raison et non pas lord Palmerston. (Rapport du baron Brunnow du 1 (13) octobre 1839).

En voie de regagner le continent, le baron Brunnow s'arrêta à Walmer-Castle, où séjournait le duc de Wellington. Connaissant l'autorité et le prestige qu'il exerçait, il jugea opportun de s'arrêter chez lui et de lui exposer la situation politique. Après avoir écouté avec attention le récit du diplomate russe au sujet de ses pourparlers avec les ministres anglais, le duc

вательно разсчитывалъ на открытіе ихъ со стороны Турціи въ пользу ея союзника. Такою союзною державою могла быть Англія — что случилось въ 1854 году.

Брунновъ ограничился только передачею Вице-Канцлеру любопытнаго признанія лорда Пальмерстона насчетъ мотивовъ его согласія на русскія предложенія. Такою же простою передачею ограничился онъ въ отношеніи заявленія англійскаго министра объ установленіи дипломатическихъ сношеній между Россіею и Бельгіею. Лордъ Пальмерстонъ передалъ сердечное желаніе королевы, чтобъ при ея дядѣ, королѣ Бельгійцевъ, Леопольдѣ I, былъ русскій дипломатическій агентъ. Императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую резолюцію на донесеніи Бруннова отъ 1-го (13-го) октября 1839 года: „Пока хотя одинъ Полякъ останется на службѣ Леопольда, ни одинъ Русскій не перейдетъ черезъ порогъ его дома".

Будучи увѣренъ въ безсиліи министерства лорда Мельборна и не предвидя въ ближайшемъ будущемъ возможности соглашенія съ Англіею, баронъ Брунновъ, съ разрѣшенія правительства, выѣхалъ 1-го (13-го) октября изъ Англіи въ Штутгартъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ имѣлъ еще объясненіе съ англійскимъ первымъ министромъ и интересный разговоръ съ герцогомъ Веллингтономъ. Лордъ Мельборнъ откровенно признался, что главное затрудненіе для окончанія турецко-египетскаго вопроса исходитъ отъ Франціи, гдѣ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе энергически высказывается въ пользу Мегемета-Али. По мнѣнію англійскаго министра, французское правительство принуждено будетъ уступить давленію общественнаго мнѣнія и не участвовать въ соглашеніи между великими державами. По мнѣнію же лорда Пальмерстона, „французское министерство не уступитъ" общественному мнѣнію и присоединится къ принудительнымъ мѣропріятіямъ противъ Мегемета-Али. События показали, что правъ былъ лордъ Мельборнъ, а не лордъ Пальмерстонъ. (Донесеніе Бруннова отъ 1-го (13-го) октября 1839 года).

По дорогѣ на европейскій континентъ баронъ Брунновъ остановился въ Walmer Castle, гдѣ жилъ герцогъ Веллингтонъ. Зная прошлый авторитетъ и вліяніе герцога, Брунновъ призналъ полезнымъ остановиться у него и объяснить ему политическое положеніе. Выслушавъ со вниманіемъ разсказъ русскаго дипломата объ его переговорахъ съ англійскими министрами,

réflechit un moment et dit: „le grand point est de commencer par poser le principe: que la Porte est le gardien des détroits“. Si la Porte sera reconnue tout-à-fait indépendante et la Mer Noire — proclamée mer fermée, on pourra considérer la question de Turquie comme définitivement réglée (sic!).

Quant à l'alliance anglo-française, le duc ne croyait nullement à sa solidité. „Cette alliance de papier-mâché tire vers sa fin. Vous pouvez en être assuré. Jamais nous ne pourrons tolérer les empiétements de la France dans la Méditerranée. Ses arrière-pensées relativement à l'Egypte sont en opposition directe avec nos intérêts. Ici, l'alliance a échoué et devait échouer“.

Sur son chemin de Londres à Stuttgart, le baron Brunnow s'arrêta pour quelques jours à Johannisberg chez le prince de Metternich, pour le consoler du mécompte qu'il venait de subir. Le chancelier d'Autriche avait proposé de convoquer à Vienne une conférence diplomatique pour régler le conflit turco-égyptien. L'Angleterre accepta sans difficulté ces ouvertures, mais l'Empereur Nicolas I refusa catégoriquement. Le prince de Metternich en éprouva du dépit et déploya tout son zèle pour intriguer à Londres contre la Russie (voir t. IV, partie I, Traités avec l'Autriche, page 482 et suiv).

En novembre 1839, l'Empereur donnait l'ordre à Brunnow de revenir à Londres et de s'appliquer, en qualité d'envoyé extraordinaire, à mener à bonne fin les négotiations commencées. Il reçut la mission de tacher de conclure le plutôt possible une convention au sujet de l'Egypte entre les cinq grandes Puissances. Si la France ne consentait pas, on devait se passer de sa signature.

Le baron Brunnow arriva en Angleterre à la moitié de décembre. Un incident diplomatico-comique signala son passage à Douvres. Le commandant de la forteresse le reçut en grand uniforme et une salve de 17 coups de canons fut tirée à cette occasion. „Vous savez, monsieur le comte“, écrivait-il au Vice-Chancelier, „que je n'ai pas la voix assez forte pour faire taire les canons du château de Dover, une fois que ces respectables canons veulent absolument parler“.

Les impressions que Brunnow avaient emportées d'Angleterre, en octobre, ne s'étaient pas effacées. Il se rappelait avec plaisir de sa visite chez le duc de Wellington à Walmer-Castle, où

герцогъ, послѣ размышленія, сказалъ: „Важнѣе всего начать съ установленія принципа, что Порта стражникъ проливовъ“. Если Порта будетъ признана совершенно независимою державою и Черное море будетъ провозглашено закрытымъ моремъ, тогда весь турецкій вопросъ можно считать рѣшеннымъ (sic!).

Что же касается до англо-турецко-французскаго союза, то герцогъ совсѣмъ не вѣрилъ въ его прочность. „Этотъ союзъ изъ papier-mâché приближается къ своему концу. Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Никогда мы не могли бы допустить французскіе захваты въ Средиземномъ морѣ. Питаемыя Франціею заднія мысли насчетъ Египта прямо противорѣчатъ нашимъ интересамъ. На этомъ союзъ рушился и долженъ былъ рушиться“.

На пути въ Штутгартъ баронъ Брунновъ остановился на нѣсколько дней въ Johannisberg'ѣ, у князя Меттерниха, чтобъ его утѣшить насчетъ постигшей его неудачи. Австрійскій канцлеръ предложилъ созваніе въ Вѣнѣ дипломатической конференціи для улаженія турецко-египетской распри. Англія охотно приняла это предложеніе, но Императоръ Николай I на-отрѣзъ отказалъ. Князь Меттернихъ былъ чрезвычайно опечаленъ и — сталъ усердно интриговать въ Лондонѣ противъ Россіи (Срав. томъ IV (трактаты съ Австріею), часть I, стр. 482 и слѣд.).

Въ ноябрѣ 1839 года Государь повелѣлъ Бруннову возвратиться еще разъ въ Лондонъ и, въ званіи чрезвычайнаго посланника, постараться довести до благополучнаго конца начатые переговоры. Ему было поручено постараться заключить поскорѣе конвенцію относительно Египта между всѣми пятью великими державами. Если же Франція откажется, тогда подписать конвенцію безъ нея.

Въ половинѣ декабря баронъ Брунновъ пріѣхалъ опять въ Англію. Въ Дуврѣ съ нимъ случилось маленькое „intermezzo-diplomatico-comico“. Комендантъ крѣпости встрѣтилъ его въ полной парадной формѣ, и изъ пушекъ ему отданъ былъ салютъ въ 17 выстрѣловъ. „Вы знаете“ писалъ баронъ Вице-Канцлеру, „что мой голосъ недостаточно силенъ, чтобъ заставить замолчать пушки Дуврскаго замка, если ужъ эти почтенныя пушки непремѣнно хотятъ говорить“.

Въ Брунновѣ были свѣжи впечатлѣнія, съ которыми онъ покинулъ въ октябрѣ Англію. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о посѣщеніи герцога Веллингтона въ Walmer-Castle

il s'était promené avec lui pendant deux heures sur la térrasse du château, en vue des côtes de France dans le lointain, et entouré des canons qui avaient fonctionné à Waterloo. Toutes les fois que le baron Brunnow prononçait le nom de son souverain, le héros de Waterloo s'arrêtait pour faire le salut militaire.

Le baron Brunnow se rappelait également du résultat de ses pourparlers avec les ministres anglais, des divergences qui les séparaient et du désarroi complet, qui régnait dans leurs vues politiques. Il savait que le gouvernement anglais était disposé de signer un act concernant les détroits et applaudissait au projet de proclamer la Mer Noire comme mer fermée; mais il regrettait de n'avoir pas réussi à forcer l'Angleterre d'agir énergiquement avec Méhémet-Ali.

Toutefois, dans une lettre curieuse, le baron Brunnow écrivait au comte Nesselrode de Johannisberg, à la date du 10 (22) octobre 1839:

„Souvent, quand j'ai prêché lord Palmerston et Melbourne pour les décider à agir, j'ai cru voir devant moi les lunettes et le long nez oriental de notre brave général Fonton (un agent politique russe connu en Orient). Il a semblé me dire: „Brunnow, mon ami, tu te donnes trop de peine. Laisse les Anglais se mettre dans la boue jusqu'aux oreilles. Nous n'avons rien à gagner *aux yeux des Turcs*, si nous parvenons à faire jouer à l'Angleterre un rôle prépondérant. Ce qui nous convient à nous, c'est de prouver à la Porte qu'elle n'a rien à espérer des belles paroles ni de l'Angleterre, ni de la France, ni de l'Autriche. Moins les autres feront pour la Porte, plus celle-ci tournera les yeux vers l'Empereur".

„Voilà", poursuit le baron Brunnow, „ce que semblait me dire la figure orientale de notre brave général. Je vous avoue que ce raisonnement m'a singulièrement paru juste et profond. Cela me console de l'inaction des Anglais.... Leur faiblesse nous profite plus que ne l'aurait fait leur énergie.... Nous devons ne pas regretter l'inertie, j'allais écrire l'ineptie anglaise. En 1839, comme en 1833, ils ont manqué complètement le rôle qu'ils avaient à jouer".

C'est très habilement que le baron Brunnow signalait ainsi une légère divergence entre ses propres vues et ses instructions, en vertu desquelles il devait chercher à amener quand même un accord avec l'Angleterre, dans la question

гдѣ онъ два часа гулялъ съ нимъ на террассѣ замка, съ которой видѣнъ былъ французскій берегъ вдали, и стояли кругомъ пушки, бывшія въ сраженіи при Ватерлоо. Каждый разъ, когда баронъ Брунновъ произносилъ имя своего Государя, герой Ватерлооской битвы останавливался и по военному отдавалъ честь.

Вспоминалъ Брунновъ также о результатѣ своихъ переговоровъ съ англійскими министрами, о разногласіи между ними существующемъ и о безпорядкѣ, господствовавшемъ въ ихъ политическихъ видахъ. Онъ зналъ, что англійское правительство готово подписать актъ относительно проливовъ, и радовался мысли о провозглашеніи Чернаго моря закрытымъ моремъ. Но Брунновъ сожалѣлъ, что ему не удалось заставить Англію дѣйствовать энергическимъ образомъ противъ Мегемета-Али.

Впрочемъ, въ любопытномъ письмѣ къ графу Нессельроде изъ Іоганнисберга отъ 10-го (22-го) октября 1839 года, Брунновъ сообщаетъ:

„Часто, когда я уговаривалъ лордовъ Пальмерстона и Мельборна дѣйствовать, мнѣ казалось, что я вижу предъ собою очки и длинный восточный носъ нашего храбраго генерала Фонтона (извѣстнаго русскаго политическаго дѣятеля на Востокѣ), который, какъ будто, мнѣ говоритъ: „Брунновъ, мой другъ, ты слишкомъ стараешься. Оставь англичанъ тонуть въ грязи до ушей. Мы рѣшительно ничего не выиграемъ *въ глазахъ Турокъ*, если намъ удастся заставить англичанъ играть первенствующую роль. То, что намъ полезно, это — доказать Портѣ, что ей нечего ожидать отъ прекрасныхъ фразъ Англіи, Франціи или Австріи. Чѣмъ менѣе другіе сдѣлаютъ для Порты, тѣмъ больше она обратитъ свои взоры къ Государю".

„Вотъ что мнѣ казалось", продолжаетъ Брунновъ, „говорила восточная фигура нашего храбраго генерала. Я вамъ признаюсь, что эти его разсужденія мнѣ казались чрезвычайно справедливыми и глубокомысленными. Это меня утѣшаетъ насчетъ бездѣйствія Англичанъ. Ихъ безсиліе намъ болѣе выгодно, нежели ихъ энергія... Мы не должны сожалѣть объ ихъ бездѣятельности (я хотѣлъ сказать, глупости Англичанъ). Въ 1839 году, какъ и въ 1833 году, они совершенно упустили ту роль, которую имъ подобало играть".

Такимъ очень ловкимъ пріемомъ обнаружилъ баронъ Брунновъ маленькое несогласіе своё съ полученными имъ инструкціями, въ силу которыхъ онъ долженъ былъ всѣми силами добиваться соглашенія съ Англіею въ Восточномъ вопросѣ.

d'Orient. Il ne voyait pour sa part aucune nécessité de précipiter les choses pour le réglement des affaires d'Orient. Mais, l'Empereur Nicolas I insistait sur la liquidation immédiate du conflit turco-égyptien et craignait sérieusement que la paix de l'Europe ne fût compromise. Brunnow devait se soumettre aux ordres de son gouvernement.

Après ses entrevues avec les ministres anglais et les membres du corps diplomatique, le baron Brunnow s'est vu presque au désespoir, tellement tout était embrouillé et, pour user de ses propres termes, „misérable au dernier point". C'est ce qu'il éprouva durant 48 heures: 1) Le chargé d'affaires d'Autriche Neumann le priait de lui faire obtenir de Vienne, par l'intervention de lord Palmerston, les pouvoirs nécessaires pour poursuivre les pourparlers au sujet des affaires d'Egypte. 2) Lord Palmerston demandait à Brunnow d'agir sur lord Melbourne, lord Russell et les autres ministres afin que, dans leurs votes au Conseil, ils ne s'écartent pas du programme arrêté par les deux négociateurs. 3) L'ambassadeur de France, général Sebastiani, avouait au ministre de Russie que son gouvernement était impuissant à museler les crieurs dans les Chambres et dans la presse françaises.

„Voilà le charmant tableau de la situation actuelle"—termine Brunnow son rapport du 18 (30) décembre 1839.

Malgré ce triste état de choses, le baron Brunnow devait s'acquitter de la mission qui lui était confiée. En abordant cette tâche difficile, il commença, en suivant le conseil de lord Palmerston, par chercher à persuader les autres ministres de la nécessité impérieuse d'en finir au plus vite avec le conflit turco-égyptien. Il s'est entretenu entr'autres avec lord Clarendon qui fut connu dans la suite comme un homme d'Etat éminent. Brunnow lui demontrait la nécessité de régler cette question, même sans le concours de la France. Lord Clarendon protestait énergiquement contre cette combinaison en assurant que „l'Empereur peut se passer parfaitement de la France, mais nous ne le pouvons pas", car chaque parti radical au parlement s'empresserait de tomber sur le ministère.

En effet, l'opposition au parlement se préparait à renverser le ministère de lord Melbourne, s'il se décidait de sacrifier la France au gré de la Russie. Les organes de la presse anglaise se fesaient une guerre acharnée au sujet de l'incident turco-égyptien, et Brunnow se plaint,

Онъ, очевидно, не видѣлъ никакой надобности въ слишкомъ большой поспѣшности въ разрѣшеніи восточныхъ дѣлъ. Но Императоръ Николай I настаивалъ на скорѣйшемъ окончаніи турецко-египетской распри и серьезно опасался нарушенія европейскаго мира. Брунновъ долженъ былъ безропотно подчиниться волѣ своего правительства.

Повидавшись, послѣ прибытія въ Лондонъ, съ англійскими министрами и членами дипломатическаго корпуса, Брунновъ пришелъ почти въ отчаяніе, до такой степени все было перепутано, или, какъ онъ самъ говоритъ, „въ высшей степени печально". Вотъ что онъ испыталъ въ продолженіи 48 часовъ. Во 1) австрійскій повѣренный въ дѣлахъ Нейманъ просилъ его уговорить Пальмерстона написать въ Вѣну, чтобъ ему дали полномочіе вести переговоры по египетскому дѣлу. Во 2) лордъ Пальмерстонъ проситъ Бруннова, чтобъ онъ постарался уговорить лордовъ Мельборна, Россеља и другихъ англійскихъ министровъ подать голосъ вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ, въ 3) французскій посолъ, генералъ Себастіани, признается русскому посланнику въ полномъ безсиліи своего правительства противъ крикуновъ во французскихъ палатахъ и въ періодической печати.

„Вотъ вамъ прелестная картина настоящаго положенія!"—заключаетъ Брунновъ свое донесеніе отъ 18 (30) декабря 1839 года.

Несмотря на такое печальное положеніе вещей, баронъ Брунновъ всетаки долженъ былъ исполнить возложенное на него трудное порученіе. Онъ приступилъ къ дѣлу и, прежде всего, постарался, по совѣту Пальмерстона, уговорить другихъ англійскихъ министровъ въ неотложной необходимости поскорѣе покончить съ турецко-египетскою распрею. Онъ говорилъ, между прочимъ, съ лордомъ Кларендономъ, получившимъ впослѣдствіи авторитетъ весьма выдающагося государственнаго мужа. Брунновъ доказывалъ ему необходимость покончить дѣло даже безъ Франціи. Противъ этого энергически возражалъ Кларендонъ, доказывая, что „вашъ Государь отлично можетъ обойтись безъ Франціи, но мы этого не можемъ", ибо всякая радикальная партія въ парламентѣ немедленно накинется на министерство.

И дѣйствительно, оппозиція въ парламентѣ готовилась низвергнуть министерство лорда Мельборна, если оно рѣшится пожертвовать Франціею въ угоду Россіи. Въ англійскихъ газетахъ велась ожесточенная война по поводу турецко-египетскихъ дѣлъ, и Брунновъ съ грустью

avec amertume, que ces journaux lui gâtent le sang. Il constate avec déplaisir le fait que tout le monde en Angleterre, à commencer par les enfants, s'occupe de politique. Comme exemple il cite un fait curieux arrivé au chateau de Strathfieldsaye, chez le duc de Wellington, où la fille de lady Wilton (nièce du duc), agée de six ans, refusait d'admirer le cordon rouge de Sainte-Anne du baron Brunnow, parcequ'il était d'une couleur si affectionnée par les libéraux et les radicaux. (Voir mon étude: „l'Empereur Nicolas I et la Reine Victoria. Messager de l'Europe, novembre 1896).

Mais ce qui était le plus difficile, c'était de pousser les ministres anglais et particulièrement lord Palmerston à prendre une décision. „La chose la plus difficile dans ce pays", écrivait-il au comte Nesselrode à la date du 31 janvier (12 février) 1840, — „c'est de savoir ce que les Ministres veulent. Cela devient d'autant plus difficile, qu'ils ne le savent pas eux-mêmes. Pour obliger lord Palmerston de se rendre compte lui-même de ce qu'il *veut* et de ce qu'il peut faire, je l'ai amené enfin à consigner ses idées par écrit, dans une dépêche qu'il adressera à Clanricarde. Quand je lui en ai fait la proposition, savez-vous ce qu'il m'a répondu?"

„Ah, mon Dieu, qu'est-ce que je lui écrirai? Je ne lui ai pas écrit depuis si longtemps. Il me faudrait remplir des volumes pour récapituler tout ce que s'est passé! Jamais je n'en trouverai le temps"! Cette conversation se termina de la manière la plus incroyable: le ministre des affaires étrangères d'Angleterre pria le ministre de Russie d'écrire, en son nom, une dépêche à l'ambassadeur britannique à la Cour de Russie. Le baron Brunnow se rendit à ce voeu de lord Palmerston, et la dépêche rédigée par lui, après quelques corrections faites par le ministre, fut expédiée au marquis Clanricarde. Il serait difficile de trouver un précédent d'une semblable collaboration d'un diplomate étranger avec le ministre des affaires étrangères de la Puissance, auprès de laquelle il se trouve accrédité.

Toutefois, Brunnow réussit à décider lord Palmerston de se prononcer avec plus de précision au sujet des ouvertures de la Russie. Il profita d'une invitation à Broadlands, un château de lord Palmerston, pour obtenir de lui une réponse catégorique. C'est dans ce but qu'il lui communiqua sa dépêche à Tatistchew à Vienne,

жалуется на то, что эти газеты портятъ ему кровь. Вообще онъ недоволенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Англіи всѣ, начиная съ малютокъ, разсуждаютъ о политическихъ дѣлахъ. Въ видѣ примѣра онъ приводитъ очень интересный фактъ, случившійся въ замкѣ Strathfieldsaye, у герцога Веллингтона, гдѣ шестилѣтняя дочка лэди Уильтонъ (племянницы герцога) отказалась признать красивою анненскую ленту барона Бруннова, потому что она красная, цвѣта столь пріятнаго радикаламъ и либераламъ. (См. мою статью: „Императоръ Николай I и Королева Викторія" въ Вѣстникѣ Европы за ноябрь 1896 года).

Но самое трудное было подвинуть самихъ англійскихъ министровъ и въ особенности лорда Пальмерстона на бóльшую рѣшимость. „Вещь наиболѣе трудная въ этой странѣ", писалъ онъ 31-го января (12 февраля) 1840 года гр. Нессельроде, „это—знать, чего собственно хотятъ министры. Это тѣмъ болѣе трудно, что они сами этого не знаютъ. Съ цѣлью заставить лорда Пальмерстона дать самому себѣ отчетъ въ томъ, что онъ *желаетъ* дѣлать и что онъ *можетъ* дѣлать, я его наконецъ-то убѣдилъ изложить свои мысли на письмѣ, въ депешѣ, которую онъ отправитъ лорду Кланрикарду, въ С.-Петербургъ. Когда я ему сдѣлалъ такое предложеніе, знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ?"

„Ахъ, Боже мой", сказалъ благородный лордъ, „что-жъ я ему напишу? Я давнымъ—давно ничего ему не писалъ. Нужно будетъ написать цѣлые тома, чтобъ повторить все, что произошло! Никогда я не найду для этого времени!" Кончился этотъ разговоръ самымъ невѣроятнымъ образомъ: англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ попросилъ русскаго посланника написать, отъ его имени, депешу къ великобританскому послу при русскомъ дворѣ Баронъ Брунновъ исполнилъ просьбу лорда Пальмерстона, и написанная имъ депеша, съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями со стороны Пальмерстона, была отправлена къ маркизу Кланрикарду. Трудно подыскать другой примѣръ подобнаго сотрудничества иностраннаго дипломата Министру Иностранныхъ Дѣлъ той державы, при которой онъ аккредитованъ.

Однако, Брунновъ настоялъ на томъ, чтобъ лордъ Пальмерстонъ высказался болѣе опредѣленнымъ образомъ насчетъ русскихъ предложеній. Онъ воспользовался приглашеніемъ министра навѣстить его въ Broadlands, замкѣ лорда Пальмерстона, чтобъ потребовать отъ него категорическаго отвѣта. Съ этою цѣлью

en date du 9 (21) décembre 1839, dans laquelle se trouvait exposé le contenu des deux actes projetés par la Russie: l'un au sujet de l'Egypte et l'autre au sujet des détroits. Le ministre anglais approuva complètement la teneur de la dépêche du baron Brunnow, mais il crut devoir signaler les difficultés, provenant de la France qui cherchait dans la Méditerranée un appui pour ses possessions en Afrique.

Le plénipotentiaire de Russie ne se contenta pas de ce consentement platonique de la part du ministre anglais. Il lui remit un mémoire circonstancié intitulé: „Détails sur l'arrangement à conclure". On proposait dans ce factum de fixer deux principes: 1) de proclamer comme principe du droit international de l'Europe, la fermeture des deux détroits et celle de la Mer de Marmara et de la Mer Noire; 2) à titre d'exception et et pour la sauvegarde de l'Empire Ottoman, le détroit des Dardanelles pouvait être rendu accessible à une escadre anglaise et française, et le Bosphore — à une flotte militaire russe. L'escadre d'Angleterre et de France sera appelée à défendre la sureté des Dardanelles, celle de la Russie — la sureté du Bosphore. La flotte anglo-française aura en outre la mission de tenir en échec Méhémet-Ali en Egypte et en Syrie.

Lord Palmerston approuva complètement le projet du baron Brunnow et, quant à la forme de l'acte à conclure, il était également d'avis qu'il fallait consigner le tout dans un seul document. Il déclina ainsi le projet autrichien de conclure deux actes séparés.

Le ministre anglais se mit en outre à exposer au plénipotentiaire tout un système de mesures coërcitives que l'Angleterre se proposait d'appliquer à la Porte et à l'Egypte, dans le cas où ils se refuseraient de se soumettre à la volonté des grandes Puissances. Si la démonstration maritime n'aboutissait à aucun résultat, poursuivait lord Palmerston, „nous occuperions Candie en rétablissant dans cette île l'autorité du Sultan". Si nous ne devions pas réussir à expulser Ibrahim-Pacha de la Syrie, il faudra faire une descente sur les côtes d'Egypte. Comme l'Angleterre ne saurait admettre l'occupation de l'Egypte par des troupes françaises, et que la France, d'une autre part, verrait avec déplaisir la présence d'une armée anglaise dans ce pays, il serait préférable de confier cette mission à „quelques milliers d'Autrichiens avec le concours d'un détachement turc".

Брунновъ сообщилъ Пальмерстону свою депешу къ Татищеву въ Вѣнѣ (отъ 9 (21) декабря 1839 г.), въ которой было изложено содержаніе обоихъ проектированныхъ Россіею актовъ: одинъ объ Египтѣ, а другой о проливахъ. Англійскій министръ вполнѣ одобрилъ содержаніе депеши барона Бруннова, но онъ указывалъ на затрудненія, исходящія со стороны Франціи, которая ищетъ опоры въ Средиземномъ морѣ для своихъ африканскихъ владѣній.

Русскій уполномоченный не удовольствовался изъявленіемъ такого платоническаго согласія со стороны англійскаго министра. Онъ ему представилъ подробную записку, подъ заглавіемъ: „Détails sur l'arrangement à conclure". Въ этомъ актѣ предложено было опредѣлить два начала: во 1) провозгласить началомъ европейскаго международнаго права закрытіе обоихъ проливовъ и обоихъ морей: Мраморнаго и Чернаго; во 2) въ видѣ исключенія и для охраненія Оттоманской имперіи, Дарданельскій проливъ открыть для англійской и французской эскадръ, а Босфорскій для русскаго военнаго флота. Флоты Англіи и Франціи будутъ охранять „безопасность" Дарданелловъ, а русскій флотъ безопасность Босфора. Кромѣ того, англо-французскій флотъ долженъ будетъ дѣйствовать противъ Мегемета-Али въ Египтѣ и Сиріи.

Лордъ Пальмерстонъ вполнѣ одобрилъ Брунновскій проектъ, и относительно формы заключаемаго акта онъ также вполнѣ согласился, что нужно включить всё въ одинъ актъ. Такимъ образомъ онъ отвергъ австрійскій проектъ о заключеніи двухъ отдѣльныхъ актовъ.

Сверхъ того, англійскій министръ сталъ развивать русскому уполномоченному систему принудительныхъ мѣръ, которыя Англія намѣрена принять противъ Турціи и Египта, если они не покорятся волѣ великихъ державъ. Если морская демонстрація не приведетъ къ цѣли, то „мы", продолжалъ Пальмерстонъ, „займемъ островъ Кандію для возстановленія на этомъ островѣ авторитета султана". Еслибъ не удалось прогнать изъ Сиріи Ибрагима-пашу, то нужно будетъ высадить войска на египетскій берегъ. И такъ какъ Англія не можетъ допустить, чтобъ французскія войска заняли Египетъ, а съ другой стороны, Французы не пожелаютъ видѣть въ Египтѣ англійскія войска, то Пальмерстонъ полагалъ, что „нѣсколько тысячъ Австрійцевъ съ помощью турецкаго отряда" лучше всего могли бы занять Египетъ.

Il est curieux, qu'une entente complète s'est établie entre Palmerston, Brunnow et Neumann sur tous ces points, et que le ministre anglais se chargea de rédiger lui-même le projet de l'acte international.

Cela se passait à la fin de décembre 1839.

L'Empereur Nicolas I approuvait complètement l'attitude de son plénipotentiaire, lui donnait l'ordre d'insister sur la conclusion d'un seul acte, et énonçait l'espoir que tout serait terminé à la date du 10 (22) avril 1840. (Dépêche du comte Nesselrode au Brunnow du 1 février 1840). Dans une lettre particulière, de la même date, le Vice-Chancelier exprimait ses regrets que les pourparlers sur la question turco-égyptienne avançaient si lentement. L'Angleterre a tort de tant s'occuper de la Russie dans le réglement de cette affaire. „A proprement parler", continue le comte Nesselrode, „nous sommes en dehors de la question (sic!). Nous ne sommes point des acteurs principaux; nous ne jouons qu'un rôle purement secondaire. Le débat n'est point entre la France et nous, mais entre l'Angleterre et la France". Celle-ci propose d'abandonner à Méhémet-Ali toutes ses conquêtes, l'Angleterre insiste sur la restitution à la Porte des provinces envahies; la Russie, l'Autriche et la Prusse s'associent au projet anglais.

„Ceci posé, de quoi s'agit-il aujourd'hui pour le gouvernement anglais? Non point d'opter entre la France et nous, mais entre la France et lui-même".

Brunnow avait de la peine à faire comprendre à lord Palmerston que la question turco-égyptienne n'avait pour la Russie qu'une importance secondaire, et que l'Angleterre se préoccupait bien inutilement de la Russie, tandis qu'elle avait uniquement à briser l'obstination de la France et à régler ses comptes avec elle. La lettre du comte Nesselrode persuada encore d'avantage le baron Brunnow, que la question d'Egypte ne présentait aucun danger et que c'était simplement un „embarras", dont on pouvait se rendre maître avec de l'habileté et du calme.

Voici pourquoi le baron Brunnow recommandait à son gouvernement de ne pas perdre patience, afin que l'Angleterre et la France ne puissent mettre la Russie complètement à l'écart. „J'ose croire", écrivait-il au Vice-Chancelier à la date du 31 janvier (12 février) 1840, „que ce qui nous convient le plus, c'est de laisser durer, trainer cette négociation. Plus elle se prolonge, plus elle aigrira les rapports mutuels de l'Angle-

Любопытно, что между Пальмерстономъ, Брунновымъ и Нейманомъ состоялось полное соглашеніе по всѣмъ пунктамъ, и англійскій министръ взялся самъ составить проектъ международнаго акта.

Это было въ самомъ концѣ декабря 1839 г.

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствія своего уполномоченнаго, повелѣлъ ему настаивать на заключеніи единаго акта и выразилъ надежду, что къ 10 (22) апрѣля 1840 года все это дѣло будетъ окончено. (Депеша гр. Нессельроде къ Бруннову отъ 1-го февраля 1840 года). Въ частномъ письмѣ отъ того же числа Вице-Канцлеръ выражаетъ свое сожалѣніе, что переговоры по турецко-египетскому вопросу такъ тихо двигаются впередъ. Напрасно только въ Англіи такъ много занимаются Россіею при улаженіи турецко-египетскаго дѣла. „Строго говоря", продолжаетъ гр. Нессельроде, „мы находимся внѣ этого вопроса (sic!). Мы нисколько не главные актеры; мы играемъ только вполнѣ второстепенную роль. Споръ происходитъ не между Франціею и нами, но между Англіею и Франціею". Послѣдняя держава предлагаетъ оставить за Меғеметомъ-Али всё, что онъ завоевалъ; Англія требуетъ возвращенія Турціи захваченныхъ областей; Россія, Австрія и Пруссія присоединяются къ англійскому плану.

„Это выяснено; спрашивается: чего теперь желать англійскому правительству? Никакъ не выбора между Франціею и нами, но между Франціею и самимъ собой".

Бруннову довольно трудно было убѣдить лорда Пальмерстона въ томъ, что турецко-египетскій вопросъ имѣетъ для Россіи второстепенное значеніе, и что Англія напрасно такъ много занимается Россіею, когда ей нужно исключительно уломать Францію и съ нею свести свои счеты. Письмо гр. Нессельроде еще болѣе убѣдило Бруннова въ томъ, что египетскій вопросъ не составляетъ опасности, но есть только „затрудненіе", которое можно побороть не иначе, какъ искусствомъ и терпѣніемъ.

Вотъ почему Брунновъ убѣждалъ свое правительство не терять терпѣнія, чтобъ Англія и Франція не могли бы совершенно устранить Россію. „Я осмѣливаюсь думать", писалъ онъ Вице-Канцлеру 31-го января (12 февр.) 1840 г., „что лучше всего соотвѣтствуетъ нашимъ видамъ предоставить переговорамъ продолжаться и затягиваться. Чѣмъ дольше они продолжатся, тѣмъ больше они испортятъ взаимныя отно-

terre et de la France... Laissons leur le temps de se quereller et de se débattre. Mais ne les laissons pas tout seuls. Mettons nous derriére l'Angleterre pour lui dire: tenez bon; nous sommes avec vous, ne cédez pas mal à propos aux exigences du Cabinet français qui veut vous imposer la loi".

La Russie, selon l'avis de Brunnow, devait assister l'Angleterre, mais ne pas la laisser se mettre au premier rang et ne pas permettre au Cabinet anglais de repandre l'opinion, que Brunnow est arrivé à Londres dans le but unique de seconder la politique anglaise.

Toutefois, en vue de l'intention décidée de l'Empereur d'en finir au plus vite avec l'incident turco-égyptien, Brunnow devait insister énergiquement auprès de Palmerston pour que la question soit réglée sans délai. Il appliquait toute son éloquence pour lui prouver que le gouvernement français se moquait du Cabinet anglais avec ses contre-projets, et qu'il ne cherchait qu'à paralyser les mesures de coërcition contre Méhémet-Ali.

Enfin, le 19 janvier 1840, lord Palmerston donna lecture au baron Brunnow de son projet de convention, dont celui-ci resta peu satisfait vu qu'il ne fixait ni les limites de l'Egypte, ni l'hérédité du pouvoir du khédive, ni ses rapports de vasselage avec le Sultan. Il semble qu'en rédigeant son projet, lord Palmerston n'avait qu'un seul but — de laisser une porte ouverte à la France.

En effet, le ministre d'Angleterre avouait qu'il espérait toujours entraîner la France. Brunnow protestait énergiquement contre cette pensée et rappelait à Palmerston la stérilité des résultats obtenus, quand il s'agissait d'entraîner la France dans la question belge.

Finalement, à la demande de M. Neumann, plénipotentiaire d'Autriche, le baron Brunnow consentit à rédiger lui-même un projet de convention, qui différait sur plusieurs points de celui de Palmerston: 1) Brunnow déplaça le centre de gravité de Constantinople à Alexandrie et mis en avant le côté égyptien de la question; 2) il posa l'adhésion du Sultan comme condition absolue de l'entente projetée; 3) la question des limites restait ouverte en vue de la nécessité de l'adhésion du Sultan; 4) les mesures de coërcition contre Méhémet-Ali étaient fixées; 5) la nécessité d'une action commune pour la défense des dé-

шенія между Англіею и Франціею... Дадимъ имъ время поспорить и побороться другъ съ другомъ. Но не оставимъ ихъ совершенно одинхъ. Встанемъ позади Англіи, чтобъ сказать ей: держитесь, мы съ вами, не уступайте безъ надобности требованіямъ французскаго кабинета, который желаетъ предписать вамъ свою волю".

Россія, по мнѣнію Бруннова, должна помогать Англіи, но не позволять ей выдвигать ее впередъ и не дозволять англійскому кабинету распространять мнѣніе, что Брунновъ прибылъ въ Лондонъ только съ цѣлью поддержанія англійской политики.

Однако, въ виду рѣшительнаго желанія Государя поскорѣе покончить съ турецко-египетскимъ вопросомъ, Брунновъ долженъ былъ энергически настаивать у Пальмерстона на скорѣйшемъ окончаніи этого вопроса. Онъ старался краснорѣчиво доказывать ему, что французское правительство только смѣется надъ англійскимъ кабинетомъ своими контръ-предложеніями и старается всѣми силами парализовать враждебныя мѣропріятія противъ Мегемета-Али.

Наконецъ, 19-го января 1840 года лордъ Пальмерстонъ прочелъ Бруннову свой проектъ конвенціи, которымъ послѣдній остался весьма недоволенъ, ибо въ немъ не были опредѣлены ни границы Египта, ни наслѣдственность власти хедива, ни вассальность его въ отношеніи султана. Казалось, что, сочиняя свой проектъ, Пальмерстонъ имѣлъ въ виду только одну цѣль: оставить открытою дверь для Франціи. И дѣйствительно, англійскій министръ сознался, что онъ все еще надѣется „увлечь" Францію.

Брунновъ энергически возражалъ противъ такой мысли, прося Пальмерстона вспомнить, къ чему привели въ Бельгійскомъ вопросѣ старанія увлечь французское правительство.

Наконецъ, по просьбѣ австрійскаго уполномоченнаго Неймана, баронъ Брунновъ согласился составить свой проектъ конвенціи. Послѣдній отличался во многихъ пунктахъ отъ проекта Пальмерстона. Во 1) Брунновъ перенесъ центръ тяжести изъ Константинополя въ Александрію и выдвинулъ впередъ египетскую сторону всего вопроса; во 2) онъ поставилъ согласіе султана, какъ необходимое условіе всего соглашенія; въ 3) вопросъ о границахъ остался открытымъ въ виду необходимости согласія султана; въ 4) были опредѣлены принудительныя мѣры противъ Мегемета-Али; въ

troits était établie seulement pour le cas, où un danger imminent menacerait le trône du Sultan, et enfin, 6) on proclamait le principe de la fermeture des détroits.

Toutefois le baron Brunnow, en parlant de la Mer de Marmara et de la Mer Noire, eut soin avec beaucoup de raison de ne pas user du terme de mer fermée, qui avait donné lieu à des mal-entendus et qui, à proprement parler, ne saurait s'appliquer ni à l'une, ni à l'autre. En ce qui concerne les détroits, le projet du baron Brunnow disait, qu'en temps de paix et de guerre, ils resteraient fermés aux pavillons militaires de toutes les Puissances, „*aussi longtemps que la Porte se trouvera en paix avec elles (les Puissances)*". Par ces mots, ajoutés au texte primitif, le gouvernement turc obtenait le droit légitime d'ouvrir les détroits en temps de guerre.

Mais les doutes et les hésitations du Cabinet anglais ne se dissipèrent pas de sitôt. Brunnow fut dans le cas de poursuivre ses pourparlers avec Palmerston, dans le cours de plusieurs mois, et de seplaindre de son incroyable légereté. Ainsi, il fut indigné du fait que le projet anglais de convention fut communiqué au général Sébastiani. A la suite de ce procédé, il s'abstint de se rendre chez lord Palmerston à une réunion fixée pour en discuter les bases, et crut devoir effacer du projet anglais les concessions qu'il avait déjà faites. En général, Brunnow arriva à la conviction que le ministère anglais était dépourvu d'énergie et de talents. Quant à la France, il ne dissimulait pas sa satisfaction de savoir, qu'il était devenu un objet de haîne dans ce pays. Sur le rapport du baron Brunnow concernant ces pourparlers, du 12 (24) janvier 1840, l'Empereur fit l'inscription suivante: „*Brunnow a supérieurement agi et parlé*".

Les vues du baron Brunnow sur le ministère de lord Melbourne étaient, en tous points, conformes à celles du duc de Wellington, qui disait à Brunnow: „Je vous l'avais dit: les ministres ne sont capables de rien faire. Ils ont mis le pays dans un tel état qu'ils ne peuvent pas se mouvoir dans aucun sens. Nous n'avons pas de gouvernement... Ils ont dés organisé la constitution du pays. Quand ils ont fait la réforme, ils ne savaient pas ce qu'ils faisaient".

Le duc de Wellington était en outre indigné de la faiblesse du gouvernement à l'égard d'une secte, connue sous le nom de „socialistes".

5) необходимость общихъ дѣйствій для защиты проливовъ была установлена только на случай явной опасности для престола султана и, наконецъ, въ 6) былъ провозглашенъ принципъ закрытія проливовъ.

Только Брунновъ весьма благоразумно не употребилъ по отношенію къ Мраморному и Черному морямъ термина „закрытыя моря", въ виду вызываемыхъ этимъ терминомъ недоразумѣній, ибо ни то, ни другое море не суть закрытыя моря. Относительно же проливовъ въ проектѣ барона Бруннова было сказано, что во время мира и войны они останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй „*до той поры, пока Порта будетъ находиться съ державами въ миръ*". Этою прибавкою турецкое правительство получило законное право, въ случаѣ войны, пропускать чрезъ проливы суда союзныхъ съ нею Державъ.

Но еще не скоро кончились сомнѣнія и нерѣшительность англійскаго кабинета. Бруннову пришлось, въ продолженіи еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ вести переговоры съ Пальмерстономъ и сердиться на его „невѣроятное легкомысліе". Такъ, онъ былъ возмущенъ фактомъ сообщенія англійскаго проекта конвенціи генералу Себастіани. Вслѣдствіе этого онъ не только не пошелъ на совѣщаніе, назначенное у лорда Пальмерстона, но и вычеркнулъ изъ англійскаго проекта сдѣланныя имъ уступки. Вообще Брунновъ пришелъ къ тому убѣжденію, что англійское министерство не имѣетъ ни энергіи, ни талантовъ. Что же касается Франціи, то онъ выразилъ свою радость, что сдѣлался „объектомъ ненависти" для этой страны. На донесеніи Бруннова объ этихъ переговорахъ отъ 12 (24) января 1840 г. Государь надписалъ: „*Brunnow a supérieurement agi et parlé*".

Оцѣнка англійскаго министерства лорда Мельборна со стороны Бруннова вполнѣ подтверждалась отзывомъ о немъ герцога Веллингтона. „Я вамъ говорилъ", сказалъ онъ Бруннову, „что министры ни къ чему неспособны. Они довели страну до такого состоянія, что ни въ какую сторону не могутъ двинуться. Прискорбно видѣть такую великую страну доведенною до такого состоянія. У насъ нѣтъ правительства... Они привели въ разстройство весь государственный организмъ. Когда они проводили реформу, они не знали, что дѣлаютъ"...

Затѣмъ герцогъ Веллингтонъ возмущался слабостью правительства въ отношеніи „одной секты, извѣстной подъ именемъ соціалистовъ".

Le héros d'Angleterre fit au baron Brunnow allusion, dans cette circonstance, à un conflit qu'il avait eu récemment avec la reine à la suite du désir de celle-ci de placer le duc Albert, de Saxe-Cobourg, son fiancé, au dessus des ducs, membres de la famille royale. Wellington protestait contre cette violation du droit de préséance, et la reine effaça son nom de la liste des invités à sa noce avec l'inscription: „je n'inviterai pas le vieux duc rebelle!“ Mais toute la société anglaise prit fait et cause pour lui avec une telle ardeur, que lord Melbourne fut obligé de dire à la jeune reine: „il y a des choses que la nation anglaise peut supporter, il y en a d'autres qu'elle ne saurait jamais admettre“. La reine Victoria dut céder. Le duc de Wellington fut invité au mariage et accueilli avec enthousiasme par le public et la haute société qui assistait à cette cérémonie. (Rapport du baron Brunnow du 8 (20) février 1840).

При этомъ случаѣ англійскій герой намекнулъ барону Бруннову на недавно бывшее у него съ королевою столкновеніе, вслѣдствіе ея желанія поставить принца саксенъ-кобургскаго Альберта, нареченнаго жениха королевы, выше герцоговъ, членовъ королевской семьи. Веллингтонъ протестовалъ противъ этого нарушенія droit de préséance, и королева вычеркнула его имя изъ списка особъ, приглашенныхъ на ея бракосочетаніе, словами: „Я не приглашу этого стараго бунтовщика герцога“. Но волненіе, охватившее немедленно все англійское общество въ пользу герцога Веллингтона, было настолько сильно, что лордъ Мельборнъ принужденъ былъ сказать молодой королевѣ: „Есть вещи, которыя англійскій народъ можетъ перенести. Есть другія вещи, которыхъ онъ никогда не допуститъ“. Королева Викторія должна была уступить. Герцогъ Веллингтонъ получилъ приглашеніе на бракосочетаніе и съ восторгомъ былъ встрѣченъ публикою и знатью, присутствовавшею при церемоніи бракосочетанія. (Донесеніе бар. Бруннова отъ 8 (20) февраля 1840 года).

L'insuffisance du gouvernement anglais, pour mener à bonne fin les pourparlers sur la question turco-égyptienne, se manifestait tout particulièrement au moment où le ministère Guizot tombait en France, pour faire place à celui de Thiers, On ne devait s'attendre à aucune concession de celui-ci car, écrivait Brunnow, „le nom de Thiers seul a jeté de la consternation parmi la diplomatie“. Le général Sebastiani fut rappelé de Londres et remplacé par Guizot. Celui-ci insistait sur l'abandon de la Syrie à Méhémet-Ali, et refusa catégoriquement son adhésion et son concours aux mesures de coërcition contre le pacha d'Egypte.

Неспособность англійскаго правительства придти къ окончанію переговоровъ по турецко-египетскому вопросу въ особенности обнаружилась, когда во Франціи пало министерство Гизо и когда Тьеръ сдѣлался первымъ министромъ. Отъ послѣдняго нельзя было ожидать никакихъ уступокъ, ибо „одно имя Тьеръ навело ужасъ на дипломатію“ — какъ писалъ Брунновъ. Генералъ Себастіани былъ отозванъ изъ Лондона и на его мѣсто французскимъ посломъ былъ назначенъ Гизо. Послѣдній сталъ настаивать на оставленіи за Мегеметомъ-Али Сиріи и категорически отказался одобрить или участвовать въ принудительныхъ мѣрахъ противъ египетскаго паши.

En vue de ces dispositions du gouvernement français, il était étrange de la part de lord Palmerston de compter sur la participation de la France à la convention projetée. Il déclara en plein parlement „qu'il est impossible de montrer plus de bonne foi que la Russie ne l'a fait en tout ce qui concerne cette question. L'Empereur fit à ce-sujet l'annotation: „*il était temps*“.

Въ виду такого настроенія французскаго правительства, странно было со стороны лорда Пальмерстона всетаки надѣяться на участіе Франціи въ проектированной конвенціи. Онъ открыто объявилъ въ парламентѣ, что „невозможно показать болѣе добросовѣстности, чѣмъ Россія показала во всемъ, что касается настоящаго вопроса“. Это его заявленіе вызвало замѣчаніе Государя: „*Пора было!*“

Lord Palmerston accueillit avec enthousiasme la nouvelle, que le Cabinet impérial consentait à associer le ministre de Turquie aux négociations, qui se poursuivaient à Londres, et disait à Brunnow: „je vous engage à annoncer à votre Cabinet que nous disons *oui*, avec son *oui*; *non*,

Лордъ Пальмерстонъ пришелъ въ восторгъ отъ согласія Императорскаго кабинета допустить участіе турецкаго посланника въ происходящихъ переговорахъ и сказалъ Бруннову: „Я уполномочиваю васъ сказать вашему кабинету, что мы скажемъ *да*, если онъ ска-

avec son *non*". Neanmoins, les pourparlers traînaient en longueur, et l'Empereur Nicolas I fit l'inscription suivante sur un rapport du baron Brunnow du 7 (19) mai 1840, annonçant la proposition de la France de se constituer médiatrice entre les grandes Puissances et Méhémet-Ali:

„Tout ceci est pitoyable, et je ne prévois aucune fin à tout ce bavardage; je perds patience, et si dans un mois tout n'est pas fini, j'aviserai à d'autres moyens pour terminer l'affaire comme il l'est de notre dignité".

Malgré cela, un mois s'est écoulé sans que l'affaire fut réglée. Ce n'est qu'au commencement de juillet, que le gouvernement anglais prit la décision de procéder à la conclusion de la convention projetée, sans le concours de la France. Lord Palmerston en fit part aux représentans de Russie, d'Autriche et de Prusse, sous le sceau du plus grand secret, dans les termes suivants: „Lorsqu'on ne peut pas faire un voyage ensemble avec tous ceux avec qui on a voulu voyager, on finit par marcher avec ceux qui veulent marcher avec vous". La dernière tentative faite pour engager la France à marcher de concert avec l'Angleterre resta stérile, et c'est pourquoi, disait Palmerston, le gouvernement anglais prit la résolution de signer cet acte avec la Russie, l'Autriche et la Prusse. Palmerston fut chargé par le Cabinet des ministres de rédiger le projet définitif, de le soumettre immédiatement à l'approbation de ses collégues et d'en donner ensuite communication aux représentants des trois Puissances.

En prenant congé de Brunnow, le ministre anglais ne put s'empêcher de lui dire: „Je dois vous avouer que je suis dans l'étonnement de la longanimité que nous a montrée l'Empereur. Le ministre de Russie répondit à cela: „il était donc temps de la justifier". (Rapport du baron Brunnow du 26 juin (8 juillet) 1840).

Le 3 (15) juillet fut enfin signé à Londres l'acte international ci-dessous, qui demeure jusqu'à nos jours la Magna charta libertatum pour la population de l'Egypte. Cet acte a servi, en même temps, à constater la rupture entre l'Angleterre et la France sur le terrain d'Orient. Voici pourquoi le baron Brunnow a été si satisfait de la signature de cette convention. Mais, il s'abusait en croyant que Palmerston ne pardonnerait jamais à Thiers et à Guizot d'avoir soulevé contre lui ses propres collégues au mi-

жетъ *да; нѣтъ,* если онъ скажетъ *нѣтъ*". Однако, переговоры всетаки не двинулись съ мѣста, и Императоръ Николай сдѣлалъ на донесенiи барона Бруннова отъ 7-го (19) мая 1840 года, въ которомъ сообщалось о предложенiи Францiи быть посредницею между великими державами и Мегеметомъ-Али, слѣдующую надпись:

„Все это мизерно, и я не предвижу никакого конца этой болтовни; я теряю терпѣнiе, и если въ продолженiи мѣсяца не будетъ все окончено, то подумаю о другихъ средствахъ для рѣшенiя этого дѣла согласно нашему достоинству".

Но всетаки черезъ мѣсяцъ дѣло не было окончено. Не раньше, какъ въ началѣ iюля мѣсяца, англiйское правительство рѣшилось приступить къ заключенiю проектированной конвенцiи безъ Францiи. Объ этомъ знаменательномъ рѣшенiи лордъ Пальмерстонъ сообщилъ представителямъ Россiи, Австрiи и Пруссiи подъ величайшимъ секретомъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Если нельзя путешествовать вмѣстѣ со всѣми, съ кѣмъ хотѣлось путешествовать, рѣшаешься отправиться въ путь съ тѣми, кто хочетъ идти съ вами". Послѣдняя попытка, сдѣланная въ отношенiи Францiи, чтобъ убѣдить ее идти вмѣстѣ съ Англiею, оказалась тщетною и потому, сказалъ Пальмерстонъ, англiйское правительство рѣшилось подписать актъ съ Россiею, Австрiею и Пруссiею. Пальмерстону поручено кабинетомъ министровъ составить окончательный проектъ и немедленно его представить на одобренiе своихъ коллегъ, а затѣмъ сообщить его представителямъ трехъ державъ.

При прощанiи англiйскiй министръ не могъ удержаться, чтобъ не сказать Бруннову: „Я долженъ вамъ признаться, что удивляюсь долготерпѣнiю, показанному намъ Государемъ Императоромъ". Посланникъ отвѣтилъ: „Пора было оправдать его!" (Донесенiе отъ 26-го iюня (8 iюля) 1840 года).

Наконецъ 3-го (15-го) iюля былъ подписанъ въ Лондонѣ нижеслѣдующiй международный актъ, который до настоящаго времени остается Magna charta libertatum для египетскаго народа. Но, кромѣ того, этимъ актомъ было формальнымъ образомъ констатированъ фактъ разрыва между Англiею и Францiею въ области ихъ восточной политики. Вотъ почему баронъ Брунновъ такъ обрадовался подписанiю этого акта. Но онъ сильно ошибался, полагая, что никогда лордъ Пальмерстонъ не проститъ

nistère. L'evénement prouva bientôt que Palmerston ne cherchait pas moins de marcher de concert avec la France.

Il nous reste à ajouter quelques détails au sujet de la signature de la convention de juillet. Peu de jours avant qu'elle fut signée, il fut décidé d'adresser un ultimatum à Méhémet-Ali, par lequel on lui fixait un terme de dix jours pour accepter les propositions qu'on lui fesait. En cas d'acceptation, il recevait l'hérédité du trône d'Egypte et une fraction méridionale de la Syrie avec le fort de St.-Jean d'Acre. S'il ne se soumettait pas dans le courant de dix jours, il ne recevait pas la Syrie.

Quant à la nécessité de sauver Constantinople par des forces réunies, lord Palmerston convenait que cette éventualité devait entrer dans les prévisions de l'avenir, mais seulement au second plan; Méhémet-Ali et l'Egypte doivent être au premier plan. D'après l'avis du ministre anglais, la France considérait toujours „l'éventualité de Constantinople comme chose essentielle, nous—comme l'accessoire". „N'allons pas retomber à notre tour dans la même faute", poursuivait le ministre. Quant à l'éventualité de Constantinople, plaçons la comme elle doit l'être, en seconde ligne; — selon ma conviction personnelle, le cas n'arrivera point". L'Empereur souligna cette dernière phrase et inscrivit en marge: „c'est d'une vérité incontestable; ce sont mes convictions, presque mes propres expressions".

Si ce cas, peu probable, devait se présenter, lord Palmerston exprimait l'espoir que la flotte russe agirait de concert avec la flotte anglaise dans la Méditerranée. L'Empereur fit à ce sujet l'annotation en russe: „покорно благодарю"! (Merci bien!)

En ce qui concerne l'article IV de la convention de Londres, proclamant le principe de la fermeture des Dardanelles et du Bosphore, lord Palmerston commença par chercher des arguments à l'appui dans le droit international: il s'appliquait à démontrer que les deux rives appartiennent à la Turquie, et que la distance entre elles était au dessous de 3 milles. Mais le Cabinet des ministres déclina ces arguments et statua de se référer à l'ancien principe de la fermeture des détroits. Il croyait, que c'était le seul moyen d'empêcher que l'opposition n'accusât le ministère d'avoir voulu complaire à la Russie.

Франціи, что Тьеръ и Гизо возбуждали противъ него его собственныхъ коллегъ по министерству. Событія весьма скоро доказали, что Пальмерстонъ всетаки старался идти рука объ руку съ Франціею

Остается только прибавить нѣсколько подробностей касательно подписанія іюльской конвенціи. Въ послѣдніе дни до подписанія этого акта было рѣшено поставить Мегемету-Али ультиматумъ, чтобъ онъ въ 10 дней все принялъ, что ему предложено. Если приметъ — онъ получитъ наслѣдственность египетскаго престола и южную часть Сиріи съ крѣпостью St.-Jean d'Acre. Если не подчинится въ продолженіи 10 дней, то не получитъ Сиріи.

Насчетъ необходимости общими силами спасти Константинополь Пальмерстонъ соглашался, что этотъ случай нужно предвидѣть, но только на второмъ планѣ; на первомъ планѣ— Мегеметъ-Али и Египетъ. Франція, по словамъ англійскаго министра, всегда считала „случайность съ Константинополемъ за существенное дѣло, мы же—за второстепенное". „Не слѣдуетъ намъ впасть въ ту же самую ошибку", продолжалъ министръ." „Что касается до случайности съ Константинополемъ, то поставимъ ее туда, гдѣ она должна быть, —на второмъ планѣ. По моему личному убѣжденію, случай этотъ совсѣмъ не произойдетъ". Послѣднюю фразу Императоръ подчеркнулъ и надписалъ на поляхъ: „это неопровержимая истина; это мое убѣжденіе и почти мои собственныя выраженія".

Если-же этотъ совершенно невѣроятный случай произойдетъ, то лордъ Пальмерстонъ выразилъ надежду, что русскій флотъ, вмѣстѣ съ англійскимъ, будетъ дѣйствовать въ Средиземномъ морѣ. На это Императоръ по-русски замѣтилъ: „покорно благодарю"!

Для IV-й статьи Лондонской конвенціи, провозгласившей принципъ закрытія Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ, Пальмерстонъ сперва подъискалъ мотивы въ международномъ правѣ: онъ доказывалъ, что оба берега принадлежатъ Турціи и разстояніе между ними менѣе 3 миль. Но кабинетъ министровъ отвергъ эту мотивировку и постановилъ сослаться на древнее правило о закрытіи проливовъ. Онъ полагалъ, что только такимъ мотивомъ можно будетъ предупредить, со стороны оппозиціи, обвиненіе въ угодничествѣ по отношенію къ Россіи.

Brunnow proposait de stipuler: 1) un acte séparé concernant l'accord entre le sultan et le pacha d'Egypte et 2) un protocole réservé au sujet des mesures de coërcition contre Méhémet-Ali. Ce projet obtint tous les suffrages et fut agréé.

Lord Palmerston eut beaucoup de peine à convaincre ses collégues de la nécessité impérieuse d'èn finir avec la convention. Il dut menacer de prendre sa démission pour les forcer à céder. Il se rendit en personne chez la reine, et lui fit un rapport sur cette affaire à la suite duquel elle sanctionna *manu proprio* le projet de convention par ces mots: „Aighly approved."

Quand le public eut connaissance de la conclusion de ce pacte, beaucoup d'Anglais reprochèrent à Palmerston de s'être vendu à la Russie (sic!).

Sur le rapport du 5 (17) juillet dans lequel Brunnow rendait compte de ces détails, l'Empereur Nicolas I fit de sa propre main l'inscription suivante: „C'est fort intéressant et je suis parfaitement content de Brunnow".

Далѣе, Брунновъ предложилъ составить во 1) отдѣльный актъ о соглашеніи между султаномъ и египетскимъ пашею и во 2) „protocole réservé" относительно принудительныхъ мѣръ противъ Мегемета-Али. Эта мысль понравилась и была принята.

Лорду Пальмерстону стоило много труда, чтобъ убѣдить своихъ коллегъ въ абсолютной необходимости покончить съ конвенціею. Только его угроза выйти въ отставку заставила ихъ уступить. Онъ отправился самъ къ королевѣ и сдѣлалъ ей докладъ по этому дѣлу; впослѣдствіе она собственноручно подписала проектъ конвенціи словами: „вполнѣ одобрено"!

Но когда сдѣлалось въ публикѣ извѣстно заключеніе этого акта, многіе Англичане стали говорить, что Пальмерстонъ продался Россіи! (sic!)

На донесеніи, отъ 5-го (17-го) іюля, въ которомъ Брунновъ разсказалъ о всѣхъ вышеприведенныхъ подробностяхъ, Императоръ Николай Павловичъ собственноручно написалъ: „Это очень интересно и я вполнѣ доволенъ Брунновымъ".

№ 443.

Convention.

Au nom de Dieu très miséricordieux.

Sa Hautesse le Sultan ayant eu recours à Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, et le Roi de Prusse, pour réclamer leur appui et leur assistance au milieu des difficultés dans lesquelles il se trouve placé par suite de la conduite hostile de Méhémet-Ali, pacha d'Egypte, difficultés qui menacent de porter atteinte à l'intégrité de l'Empire Ottoman et à l'indépendance du trône du Sultan, Leurs dites Majestés, mues par le sentiment d'amitié sincère qui subsiste entre Elles et le Sultan; animées du désir de veiller au maintien de l'intégrité et de l'indépendance de

№ 443.

Конвенція.

Во имя Бога всемилостиваго.

Вслѣдствіе обращенія Е. В. Султана къ Ихъ Величествамъ Императору Всероссійскому, Императору Австрійскому, королю Венгерскому и Богемскому, королевѣ соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и королю Прусскому съ просьбою о поддержкѣ и помощи среди затрудненій, въ которыя онъ поставленъ непріязненнымъ поведеніемъ Мегемета-Али, паши Египетскаго, и которыя угрожаютъ цѣлости Оттоманской Имперіи и независимости Султанскаго трона, Ихъ реченныя Величества, движимыя чувствомъ искренней дружбы, существующей между ними и Султаномъ; одушевляемыя желаніемъ блюсти за сохраненіемъ цѣ-

l'Empire Ottoman, dans l'intérêt de l'affermissement de la paix de l'Europe; fidèles à l'engagement qu'Elles ont contracté par la note collective remise à la Porte par leurs représentans à Constantinople le 27 juillet 1839; et désirant de plus prévenir l'effussion de sang qu'occasionnerait la continuation des hostilités qui ont récemment éclaté en Syrie entre les autorités du pacha d'Egypte et les sujets de Sa Hautesse;

Leurs dites Majestés et Sa Hautesse le Sultan ont résolu, dans le but susdit, de conclure entre Elles une convention, et ont nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

le sieur Philippe, baron de Brunnow, chevalier de l'Ordre de Ste.-Anne de première classe etc., son Conseiller privé, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême:

le sieur Philippe, baron de Neumann, commandeur de l'Ordre de Léopold d'Autriche etc., son Conseiller aulique, et plénipotentiaire près S. M. Britannique;

S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande:

le très honorable Henri Jean, vicomte Palmerston, baron Temple, pair d'Irlande, Conseiller de S. M. Britannique en son Conseil Privé, chevalier Grand'Croix du très honorable Ordre du Bain, membre du Parlement et son principal Secrétaire d'Etat ayant le Département des affaires étrangères;

S. M. le Roi de Prusse:

лости и независимости Оттоманской Имперіи, въ интересѣ укрѣпленія европейскаго мира; вѣрныя обязательству, принятому ими на себя въ коллективной нотѣ, переданной Портѣ ихъ представителями въ Константинополѣ 27 іюля 1839 года, и желая, сверхъ того, предупредить кровопролитіе, которое причинилось бы продолженіемъ непріятельскихъ дѣйствій, вспыхнувшихъ недавно въ Сиріи между властями Египетскаго паши и подданными Его Высочества;

Ихъ реченныя Величества и Е. В. Султанъ рѣшили съ вышесказанною цѣлью заключить между собою конвенцію и назначили для сего своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій:

барона Филиппа Бруннова, кавалера ордена Св. Анны первой степени и др., своего Тайнаго Совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

Е. В. Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій:

барона Филиппа Неймана, коммандора ордена Леопольда Австрійскаго и др., своего Надворнаго Совѣтника и уполномоченнаго при Е. В. Британскомъ;

Е. В. Королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи:

достопочтеннаго виконта Генриха Ивана Пальмерстона, барона Тэмпль, пэра Ирландскаго, совѣтника Е. В. Британскаго въ ея Тайномъ Совѣтѣ, кавалера большаго креста достопочтеннѣйшаго ордена Бани, члена парламента и главнаго Статсъ-Секретаря въ Департаментѣ Иностранныхъ Дѣлъ;

Е. В. Король Прусскій:

*

le sieur Henri Guillaume, baron de Bülow, chevalier de l'Ordre de l'Aigle-Rouge de première classe de Prusse etc., son chambellan, Conseiller intime actuel, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

et S. M. le très Majestueux, très Puissant et très Magnifique Sultan Abdul-Medjid, Empereur des Ottomans:

Chekib-Effendi, décoré du Nichan-Iftihar de première classe etc., son Ambassadeur extraordinaire près S. M. Britannique;

lesquels, s'étant réciproquement communiqué leurs pleins-pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et signé les articles suivans.

барона Генриха Вильгельма Бюлова, кавалера прусскаго ордена Краснаго Орла первой степени и др., своего каммергера, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

и Е.В.Блистательнѣйшій, Всемогущій и Великолѣпнѣйшій Султанъ Абдулъ-Меджидъ, Императоръ Оттоманскій:

Хекиба-Еффенди, украшеннаго орденомъ Ниханъ-Ифтіаръ первой степени и пр., своего чрезвычайнаго посла при Е. В. Британскомъ,

которые, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, постановили и подписали слѣдующія статьи:

Article I.

S. H. le Sultan s'étant entendu avec Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, et le Roi de Prusse, sur les conditions de l'arrangement qu'il est de l'intention de S. H. d'accorder à Méhémet-Ali, conditions, lesquelles se trouvent spécifiées dans l'acte séparé ci-annexé, Leurs Majestés s'engagent à agir dans un parfait accord et d'unir leurs efforts pour déterminer Méhémet-Ali à se conformer à cet arrangement, chacune des hautes Parties contractantes se réservant de coopérer à ce but selon les moyens d'action dont chacune d'elles peut disposer.

Статья I.

Въ виду соглашенія Е. В. Султана съ Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ, Императоромъ Австрійскимъ, королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и королемъ Прусскимъ на счетъ условій, которыя Е. В. намѣренъ предложить Мегемету-Али и которыя означены въ приложенномъ у сего отдѣльномъ актѣ, Ихъ Величества принимаютъ на себя обязательство дѣйствовать въ полномъ единодушіи и соединить свои усилія къ побужденію Мегемета-Али согласиться на эти условія, при чемъ Высокія договаривающіяся стороны сохраняютъ за собою право содѣйствовать этой цѣли, сообразуясь съ средствами, коими каждая изъ нихъ будетъ располагать.

Article II.

Si le pacha d'Egypte refusait d'adhérer au susdit arrangement qui lui sera communiqué par le Sultan avec le concours de Leurs dites Majestés, celles-ci s'engagent à prendre, à la réquisition du Sultan, des mesures concertées et arrêtées entre elles, afin de mettre cet arrangement à exécution. Dans l'intervalle, le Sultan ayant invité ses Alliés à se joindre à lui, pour l'aider à interrompre la communication par mer entre l'Egypte et la Syrie, et à empêcher l'expédition de troupes, chevaux, armes, munitions et approvisionnemens de guerre de tout genre d'une de ces provinces à l'autre, Leurs Majestés l'Empereur d'Autriche, roi de Hongrie et de Bohême, et la reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, s'engagent à donner immédiatement à cet effet les ordres nécessaires aux commandans de leurs forces navales dans la Méditerranée; Leurs dites Majestées promettent en outre, que les commandans de leurs escadres, selon les moyens dont ils disposent, donneront, au nom de l'alliance, tout l'appui et toute l'assistance en leur pouvoir à ceux des sujets du Sultan qui manifesteront leur fidélité et obéissance à leur souverain.

Статья II.

Если паша Египетскій откажетъ въ своемъ согласіи на вышеупомянутыя условія, которыя будутъ сообщены ему Султаномъ при участіи Ихъ реченныхъ Величествъ, то послѣднія обязуются принять, по требованію Султана, установленныя по соглашенію между ними мѣры къ приведенію сихъ условій въ исполненіе. До того же времени, вслѣдствіе обращеннаго Султаномъ къ его союзникамъ приглашенія соединиться съ нимъ для оказанія ему помощи въ прекращеніи морскаго сообщенія между Египтомъ и Сиріею и для воспрепятствованія отправкѣ изъ одной провинціи въ другую войскъ, лошадей, оружія, амуниціи и всякаго рода военныхъ припасовъ, Ихъ Величества Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій, и королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи обязуются немедленно дать необходимыя по сему предмету приказанія начальникамъ своихъ морскихъ силъ на Средиземномъ морѣ; сверхъ того, Ихъ реченныя Величества обѣщаютъ, что начальники ихъ эскадръ окажутъ, сообразно съ средствами, какими они располагаютъ, отъ имени союзниковъ, всякую помощь и всякое зависящее отъ нихъ содѣйствіе тѣмъ изъ подданныхъ Султана, которые заявятъ свою вѣрность и покорность ихъ Государю.

Article III.

Si Méhémet-Ali, après s'être refusé de se soumettre aux conditions de l'arrangement mentionné ci-dessus, dirigeait ses forces de terre ou de mer vers Constantinople, les hautes Parties contrac-

Статья III.

Если Мегеметъ-Али, отказавшись подчиниться условіямъ вышеупомянутаго соглашенія, направитъ свои сухопутныя или морскія силы на Константинополь, то на сей случай Высокія

tantes, sur la réquisition expresse qui en serait faite par le Sultan à leurs représentants à Constantinople, sont convenues, le cas échéant, de se rendre à l'invitation de ce Souverain et de pourvoir à la défense de son trône au moyen d'une coopération concertée en commun, dans le but de mettre les deux détroits du Bosphore et des Dardanelles, ainsi que la capitale de l'Empire Ottoman, à l'abri de toute agression.

Il est en outre convenu que les forces qui, en vertu d'une pareille entente, recevront la destination indiquée ci-dessus, y resteront employées aussi longtemps que leur présence sera requise par le Sultan; et lorsque Sa Hautesse jugera que leur présence aura cessé d'être nécessaire, lesdites forces se retireront simultanément et rentreront respectivement dans la mer Noire et la Méditerranée.

Article IV.

Il est toutefois expressément entendu que la coopération mentionnée dans l'article précédent et destinée à placer temporairement les détroits des Dardanelles et du Bosphore, et la capitale Ottomane, sous la sauve-garde des hautes Parties contractantes contre toute agression de Méhémet-Ali, ne sera considérée que comme une mesure exceptionnelle, adoptée à la demande expresse du Sultan et uniquement pour sa défense, dans le cas seul indiqué ci-dessus. Mais il est convenu que cette mesure ne dérogera en rien à l'ancienne règle de l'Empire Ottoman, en vertu de laquelle il a été de tout temps défendu aux bâtimens de guerre des Puissances étrangères

договаривающіяся стороны, по полученіи формальнаго требованія, заявленнаго Султаномъ ихъ представителямъ въ Константинополѣ, согласились принять приглашеніе сего Государя и озаботиться защитою его престола посредствомъ сообща условленныхъ совмѣстныхъ дѣйствій съ цѣлью огражденія отъ всякаго нападенія обоихъ проливовъ Босфорскаго и Дарданельскаго, равно какъ и столицы Оттоманской имперіи.

Сверхъ того, постановлено, что военныя силы, которыя вслѣдствіе такого соглашенія получатъ вышеуказанное назначеніе, будутъ оставаться тамъ лишь столько времени, сколько потребуетъ Султанъ, и когда Е. В. признаетъ, что присутствіе ихъ не представляется болѣе необходимымъ, онѣ удалятся одновременно и войдутъ въ Черное и Средиземное моря.

Статья IV.

При этомъ, однако, разумѣется, что упомянутыя въ предыдущей статьѣ совмѣстныя дѣйствія, предпринимаемыя съ цѣлью поставить временно Дарданельскій и Босфорскій проливы и столицу Оттоманскую подъ защиту Высокихъ договаривающихся сторонъ противъ всякаго нападенія Мегемета-Али, будутъ считаться мѣрою исключительною, принятою по особой просьбѣ Султана и только для его защиты въ единственномъ выше сего означенномъ случаѣ. Посему постановляется, что эта мѣра не будетъ ни въ какомъ отношеніи отмѣнять стараго правила Оттоманской имперіи, въ силу котораго военнымъ судамъ иностранныхъ Дер-

d'entrer dans les détroits des Dardanelles et du Bosphore. Et le Sultan, d'une part, déclare par le présent acte qu'à l'exception de l'éventualité ci-dessus mentionnée, il a la ferme résolution de maintenir à l'avenir ce principe invariablement établi comme ancienne règle de son Empire, et tant que la Porte se trouve en paix, de n'admettre aucun bâtiment de guerre étranger dans les détroits du Bosphore et des Dardanelles; — d'autre part, Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande et le Roi de Prusse, s'engagent à respecter cette détermination du Sultan et à se conformer au principe ci-dessus énoncé.

Article V.

La présente convention sera ratifiée, et les ratifications en seront échangées à Londres dans l'espace de deux mois, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi etc.

Fait à Londres, le 3 (15) juillet, 1840.

(L. S.) Brunnow. (L. S.) Chekib.
(L. S.) Neumann.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bulow.

Acte séparé.

Sa Hautesse le Sultan a l'intention d'accorder et de faire notifier à Méhémet-Ali les conditions de l'arrangement ci-dessous:

§ 1.

Sa Hautesse promet d'accorder à Méhémet-Ali, pour lui et pour ses descen-

жавъ во всѣ времена запрещалось входить въ Дарданельскій и Босфорскій проливы. Вслѣдствіе сего, съ одной стороны Султанъ объявляетъ настоящимъ актомъ, что, за исключеніемъ вышеупомянутаго случая, онъ имѣетъ твердую рѣшимость сохранять на будущее время это начало, неотмѣнно установленное, какъ древнее правило его Имперіи, и пока Порта находится въ мирѣ не допускать никакого военнаго иностраннаго судна въ проливы Дарданельскій и Босфорскій; съ другой стороны, Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій, королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и король Прусскій обязуются уважать это рѣшеніе Султана и дѣйствовать согласно съ вышеозначеннымъ началомъ.

Статья V.

Настоящая конвенція будетъ ратификована и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ или, если возможно, и ранѣе.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Лондонѣ, 3 (15) іюля 1840 года.

(М. П.) Брунновъ. (М. П.) Хекибъ.
(М. П.) Нейманъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.

Отдѣльный актъ.

Е. В. Султанъ имѣетъ намѣреніе поставить и приказать объявить Мегемету-Али нижеслѣдующія условія соглашенія:

§ 1.

Е. В. обѣщаетъ отдать Мегемету-Али въ личное и потомственное въ прямой

dans en ligne directe, l'administration du pachalik de l'Egypte; et Sa Hautesse promet en outre d'accorder à Méhemet-Ali, sa vie durant, avec le titre de Pacha d'Acre, et avec le commandement de la forteresse de St. Jean d'Acre, l'administration de la partie méridionale de la Syrie, dont les limites seront déterminées par la ligne de démarcation suivante:

Cette ligne, partant du Cap Ras-el-Nakhora, sur les côtes de la Méditerranée, s'étendra de là directement jusqu'à l'embouchure de la rivière Seisaban,— extrémité septentrionale du Lac Tiberias; longera la côte occidentale dudit lac; suivra la rive droite du fleuve Jourdain et la côte occidentale de la Mer Morte; se prolongera de là en droiture jusqu'à la Mer Rouge, en aboutissant à la pointe septentrionale du Golfe d'Akaba; et suivra de là la côte occidentale du Golfe d'Akaba et la côte orientale du Golfe de Suez jusqu'à Suez.

Toutefois, le Sultan, en faisant ces offres, y attache la condition que Méhémet-Ali les accepte dans l'espace de dix jours après que la communication lui en aura été faite à Alexandrie par un Agent de Sa Hautesse, et qu'en même temps Méhémet-Ali dépose entre les mains de cet Agent les instructions nécessaires aux commandans de ses forces de terre et de mer, de se retirer immédiatement de l'Arabie et de toutes les villes saintes qui s'y trouvent situées; de l'île de Candie; du district d'Adana; et de toutes les autres parties de l'Empire Ottoman qui ne sont pas comprises dans les limites de l'Egypte et dans celles du pachalik d'Acre, tel qu'il a été désigné ci-dessus.

нисходящей его линіи управленіе пашалыкъ Египетскій, и, кромѣ того, Е. В. обѣщаетъ предоставить Мегемету-Али пожизненное, съ титуломъ Акрскаго паши и съ командованіемъ крѣпостью Санъ-Жанъ-д'Акръ, управленіе надъ южною частью Сиріи, границы которой будутъ опредѣлены слѣдующею чертою:

Пограничная линія, начинаясь у мыса Расъ-эль-Нахора, на берегу Средиземнаго моря, пойдетъ отсюда въ прямомъ направленіи до устья рѣки Сейзабана, составляющаго сѣверную оконечность Тиверіадскаго озера; направится по западному берегу этого озера, потомъ по правому берегу рѣки Іордана и западному берегу Мертваго моря; продолжится отсюда прямо до Краснаго моря, упираясь въ сѣверную точку залива Акаба, и слѣдуя отсюда вдоль западнаго берега залива Акаба и по восточному берегу Суэцскаго залива дойдетъ до Суэца.

Дѣлая эти предложенія, Султанъ, однако, присоединяетъ къ нимъ условіе, чтобы Мегеметъ-Али принялъ ихъ въ теченіи десяти дней по сообщеніи ихъ ему въ Александріи агентомъ Его Высочества, и чтобы въ тотъ же срокъ Мегеметъ-Али вручилъ сему агенту надлежащія инструкціи, обращенныя къ начальникамъ его сухопутныхъ и морскихъ силъ, о немедленномъ выходѣ ихъ изъ Аравіи и изъ всѣхъ тамошнихъ священныхъ городовъ; съ острова Кандіи; изъ округа Аданскаго, и изъ всѣхъ другихъ частей Оттоманской имперіи, которыя не вошли въ вышеозначенныя границы Египта и Акрскаго пашалыка.

§ 2.

Si dans le délai de dix jours fixé ci-dessus, Méhémet-Ali n'acceptait point le susdit arrangement, le Sultan retirera alors l'offre de l'administration viagère du pachalik d'Acre; mais Sa Hautesse consentira encore à accorder à Méhémet-Ali, pour lui et pour ses descendans en ligne directe, l'administration du pachalik d'Egypte, pourvu que cette offre soit acceptée dans l'espace des dix jours suivans, c'est-à-dire, dans un délai de vingt jours à compter du jour où la communication lui aura été faite, et pourvu qu'il dépose également entre les mains de l'Agent du Sultan les instructions nécessaires pour ses commandans de terre et de mer, de se retirer immédiatement en dedans des limites, et dans les ports du pachalik de l'Egypte.

§ 3.

Le tribut annuel à payer au Sultan par Méhémet-Ali sera proportionné au plus ou moins de territoire dont ce dernier obtiendra l'administration, selon qu'il accepte la première ou la seconde alternative.

§ 4.

Il est expressément entendu de plus, que dans la première, comme dans la seconde alternative, Méhémet-Ali (avant l'expiration du terme fixé de dix ou de vingt jours) sera tenu de remettre la flotte turque, avec tous ses équipages et armemens, entre les mains du préposé turc qui sera chargé de la recevoir. Les commandans des escadres alliées assisteront à cette remise. Il est entendu

§ 2.

Если въ упомянутый десятидневный срокъ Мегеметъ-Али не приметъ поставленныхъ ему условій, то Султанъ возьметъ назадъ свое предложеніе о пожизненномъ управленіи Акрскимъ пашалыкомъ; но Его Высочество все-таки будетъ согласенъ предоставить Мегемету-Али въ личное и потомственное въ его нисходящей прямой линіи управленіе Египетскій пашалыкъ, съ тѣмъ, чтобы это предложеніе было принято въ теченіи слѣдующихъ десяти дней, т. е. въ двадцатидневный срокъ, считая со дня сдѣланнаго ему сообщенія, и чтобы онъ также вручилъ агенту Султана надлежащія инструкціи для начальниковъ сухопутныхъ и морскихъ силъ о немедленномъ ихъ удаленіи въ предѣлы и въ порты Египетскаго пашалыка.

§ 3.

Ежегодная подать, платимая Султану Мегеметомъ-Али, будетъ соразмѣрна большей или меньшей территоріи, которую послѣдній получитъ въ управленіе, смотря потому, приметъ-ли онъ первое или второе предложеніе.

§ 4.

Кромѣ того, постановляется, что и въ первомъ, и во второмъ случаѣ Мегеметъ-Али, ранѣе истеченія десятидневнаго или двадцатидневнаго срока, будетъ обязанъ передать турецкій флотъ, со всѣмъ его экипажемъ и вооруженіемъ, уполномоченному къ его пріему турецкому чиновнику. Начальники союзныхъ эскадръ будутъ присутствовать при этой передачѣ. Ни въ какомъ слу-

que, dans aucun cas, Méhémet-Ali ne pourra porter en compte, ni déduire du tribut à payer au Sultan, les dépenses qu'il a faites pour l'entretien de la flotte ottomane pendant tout le temps qu'elle sera restée dans les ports d'Egypte.

§ 5.

Tous les traités et toutes les lois de l'Empire Ottoman s'appliqueront à l'Egypte et au pachalik d'Acre, tel qu'il a été désigné ci-dessus, comme à toute autre partie de l'Empire Ottoman. Mais le Sultan consent qu'à condition du paiement régulier du tribut susmentionné, Méhémet-Ali et ses descendans perçoivent, au nom du Sultan et comme délégués de Sa Hautesse dans les provinces dont l'administration leur sera confiée, les taxes et impôts légalement établis. Il est entendu en outre que, moyennant la perception des taxes et impôts susdits, Méhémet-Ali et ses descendans pourvoiront à toutes les dépenses de l'administration civile et militaire desdites provinces.

§ 6.

Les forces de terre et de mer que pourra entretenir le pacha d'Egypte et d'Acre, faisant partie des forces de l'Empire Ottoman, seront toujours considérées comme entretenues pour le service de l'État.

§ 7.

Si, à l'expiration du terme de vingt jours après la communication qui lui aura été faite (ainsi qu'il a été dit plus haut, § 2), Méhémet-Ali n'adhère point à l'arrangement proposé, et n'accepte

чаѣ не разрѣшается Мегемету-Али ни ставить въ счетъ, ни вычитать изъ платимой Султану подати расходовъ, сдѣланныхъ имъ на содержаніе турецкаго флота во все время, пока онъ оставался въ портахъ Египта.

§ 5.

Всѣ трактаты и всѣ законы Оттоманской имперіи будутъ одинаково относиться къ Египту и къ Акрскому пашалыку, въ вышеозначенныхъ его границахъ, какъ и ко всякой другой части Оттоманской имперіи. Но Султанъ даетъ согласіе, чтобы Мегеметъ-Али и его потомки, подъ условіемъ исправной уплаты вышеупомянутой дани, сами собирали отъ имени Султана и какъ уполномоченные Его Высочества законно установленные во ввѣренныхъ ихъ управленію провинціяхъ подати и налоги. При семъ разумѣется, что изъ сихъ собираемыхъ податей и налоговъ Мегеметъ-Али и его потомки будутъ покрывать всѣ расходы по гражданскому и военному управленію означенныхъ провинцій.

§ 6.

Сухопутныя и морскія силы, которыя будетъ содержать Египетскій и Акрскій паша, какъ составляющія часть военныхъ силъ Оттоманской имперіи, всегда будутъ почитаться содержимыми для службы государству.

§ 7.

Если Мегеметъ-Али, въ теченіи двадцатидневнаго срока послѣ сдѣланнаго ему сообщенія (какъ сказано выше, въ § 2), не приметъ предложеннаго соглашенія и наслѣдственнаго управленія

pas l'hérédité du pachalik de l'Egypte, le Sultan se considérera comme libre de retirer cette offre, et de suivre en conséquence telle marche ultérieure que ses propres intérêts et les conseils de ses alliés pourront lui suggérer.

§ 8.

Le présent acte séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la convention de ce jour. Il sera ratifié, et les ratifications en seront échangées à Londres en même temps que celles de ladite convention.

En foi de quoi etc.

Fait à Londres, le 3 (15) juillet, 1840.

(L. S.) Brunnow. (L. S.) Chekib.
(L. S.) Neumann.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bulow.

Египетскимъ пашалыкомъ, то Султанъ будетъ считать себя въ правѣ взять назадъ это предложеніе и избрать затѣмъ дальнѣйшій путь, какой ему укажутъ собственные его интересы и совѣты его союзниковъ.

§ 8.

Настоящій отдѣльный актъ будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ онъ былъ дословно вписанъ въ заключенную сегодня конвенцію. Онъ будетъ ратификованъ и ратификаціи его будутъ размѣнены одновременно съ ратификаціями сей конвенціи.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Лондонѣ, 3-го (15-го) іюля 1840 г.

(М. П.) Брунновъ. (М. П.) Хекибъ.
(М. П.) Нейманъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.

Protocole signé à Londres le 3 (15) juillet 1840.

En apposant sa signature à la convention de ce jour, le plénipotentiaire de la Sublime Porte Ottomane a déclaré:

Qu'en constatant, par l'article IV de ladite convention, l'ancienne règle de l'Empire Ottoman, en vertu de laquelle il a été défendu de tout temps aux bâtimens de guerre étrangers d'entrer dans les détroits des Dardanelles et du Bosphore, la Sublime Porte se réserve, comme par le passé, de délivrer des firmans de passage aux bâtimens légers sous pavillon de guerre, lesquels sont employés, selon l'usage, au service de la correspondance des légations des Puissances amies.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 3 (15) іюля 1840 года.

При подписаніи конвенціи отъ сегодняшняго числа уполномоченный Блистательной Оттоманской Порты объявилъ:

что удостовѣряя статьею IV означенной конвенціи древнее правило Оттоманской имперіи, въ силу котораго во всѣ времена запрещалось иностраннымъ военнымъ судамъ входить въ Дарданельскій и Босфорскій проливы, Блистательная Порта сохраняетъ за собою, какъ это было и прежде, право выдачи фирмановъ на пропускъ легкихъ военныхъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, которыя, по обычаю, служатъ для сообщенія миссій дружественныхъ Державъ.

Les plénipotentiaires des Cours d'Autriche, de la Grande-Bretagne, de Prusse et de Russie, ont pris acte de la présente déclaration pour la porter à la connaissance de leurs Cours.

(L. S.) Neumann. (L. S.) Chekib.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bulow.
(L. S.) Brunnow.

Уполномоченные Дворовъ Австрійскаго, Великобританскаго, Прусскаго и Россійскаго составили актъ настоящей деклараціи для доведенія оной до свѣдѣнія своихъ Дворовъ.

(М. П.) Нейманъ. (М. П.) Хекибъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.
(М. П.) Брунновъ.

Protocole réservé, signé à Londres le 3 (15) juillet 1840.

Les plénipotentiaires des Cours d'Autriche, de la Grande-Bretagne, de Prusse, de Russie et de la Sublime Porte Ottomane ayant, en vertu de leurs pleins-pouvoirs, conclu et signé en ce jour une convention entre leurs souverains respectifs pour la pacification du Levant;

Considérant que, vu la distance qui sépare les capitales de leurs Cours respectives, un certain espace de temps devra s'écouler nécessairement avant que l'échange des ratifications de ladite convention puisse s'effectuer, et que les ordres fondés sur cet acte puissent être mis à exécution;

Et lesdits plénipotentiaires étant profondément pénétrés de la conviction que, vu l'état actuel des choses en Syrie, des intérêts d'humanité aussi bien que les graves considérations de politique européenne qui constituent l'objet de la sollicitude commune des Puissances signataires de la convention de ce jour, réclament impérieusement d'éviter, autant que possible, tout retard dans l'accomplissement de la pacification que ladite transaction est destinée à atteindre;

Lesdits plénipotentiaires, en vertu de leurs pleins-pouvoirs, sont convenus

Особый протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 3 (15) іюля.

Уполномоченные Дворовъ Австрійскаго, Великобританскаго, Прусскаго, Россійскаго и Блистательной Оттоманской Порты въ силу своихъ полномочій заключивъ и подписавъ сего числа конвенцію между ихъ Государями для умиротворенія Леванта;

принимая во вниманіе, что вслѣдствіе разстоянія, отдѣляющаго столицы ихъ Дворовъ, необходимо должно пройти извѣстное время раньше, чѣмъ послѣдуетъ размѣнъ ратификацій означенной конвенціи и явится возможность привести въ исполненіе основанныя на этомъ актѣ распоряженія;

упомянутые уполномоченные, будучи глубоко проникнуты убѣжденіемъ, что въ виду настоящаго положенія дѣлъ въ Сиріи интересы человѣколюбія, равно какъ и важныя соображенія европейской политики, составляющія предметъ общаго попеченія Державъ, подписавшихъ настоящую конвенцію, настоятельно требуютъ избѣгать, сколь возможно, всякаго промедленія въ дѣлѣ умиротворенія, составляющаго цѣль сего соглашенія;

упомянутые уполномоченные, въ силу ихъ полномочій, согласились между

entr'eux que les mesures préliminaires mentionnées à l'article II de ladite convention seront mises à exécution tout de suite, sans attendre l'échange des ratifications; les plénipotentiaires respectifs constatent formellement par le présent acte l'assentiment de leurs Cours à l'exécution immédiate de ces mesures.

Il est convenu, en outre, entre lesdits plénipotentiaires, que S. H. le Sultan procèdera de suite à adresser à Méhémet-Ali la communication et les offres spécifiées dans l'acte séparé, annexé à la convention de ce jour.

Il est convenu de plus, que les agens consulaires de l'Autriche, de la Grande-Bretagne, de Prusse et de Russie, à Alexandrie, se mettront en rapport avec l'agent que S. H. le Sultan y enverra, pour adresser à Méhémet-Ali la communication et les offres susmentionnées; que lesdits consuls prêteront à cet agent toute l'assistance et tout l'appui en leur pouvoir, et qu'ils emploieront tous leurs moyens d'influence auprès de Méhémet-Ali, à l'effet de le déterminer à accepter l'arrangement qui lui sera proposé d'ordre de S. H. le Sultan.

Les amiraux des escadres respectives dans la Méditerranée recevront les instructions nécessaires pour se mettre en communication à ce sujet avec lesdits consuls.

(L. S.) Neumann. (L. S.) Chekib.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bulow.
(L. S.) Brunnow.

собою, чтобы означенныя въ статьѣ II сказанной конвенціи предварительныя мѣры были приведены въ исполненіе тотчасъ же, не дожидаясь обмѣна ратификацій; о согласіи своихъ Дворовъ на немедленное исполненіе сказанныхъ мѣръ уполномоченные удостовѣряютъ настоящимъ актомъ.

Кромѣ того, условлено между упомянутыми уполномоченными, что Е. В. Султанъ немедленно обратится къ Мегемету-Али съ сообщеніемъ и съ предложеніями, означенными въ приложенномъ къ сей конвенціи отдѣльномъ актѣ.

Условлено также, чтобы консульскіе агенты Австріи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи въ Александріи вошли въ сношеніе съ агентомъ, посылаемымъ туда Е. В. Султаномъ для сообщенія Мегемету-Али вышеупомянутыхъ сообщеній и предложеній; чтобы названные консулы оказали сему агенту всякое содѣйствіе и зависящую отъ нихъ помощь, и чтобъ они употребили всѣ средства своего вліянія на Мегемета-Али съ цѣлью побудить его принять соглашеніе, которое будетъ, по приказанію Его Султанскаго Высочества, ему предложено.

Адмиралы подлежащихъ эскадръ на Средиземномъ морѣ получатъ необходимыя инструкціи, чтобы войти въ сношенія по сему предмету съ сказанными консулами.

(М. П.) Нейманъ. (М. П.) Хекибъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.
(М. П.) Брунновъ.

№ 444.

Protocole réservé, signé à Londres, 1840, 2 (14) Août.

Les plénipotentiaires des Cours d'Autriche, de la Grande-Bretagne, de Prusse et de Russie ayant signé avec celui de la Sublime Porte Ottomane le 15 juillet, au nom de leurs augustes Souverains, une convention pour la pacification du Levant, la Cour de Prusse a jugé nécessaire de préciser l'esprit et le but dans lesquels elle s'associe à la dite convention. Le plénipotentiaire de Prusse a donc, en vertu d'ordre exprès de sa Cour, déclaré ce qui suit:

La Prusse fidèle aux principes qui depuis le commencement de la complication turco-egyptienne ont réglé sa conduite à l'égard de cette affaire, a signé et ratifiera la convention du 15 juillet 1840 uniquement pour constater le bienveillant intérêt qu'elle prend à la conservation de la Sublime Porte et à l'intégrité de l'Empire Ottoman sous la dynastie actuellement régnante, ainsi que sa sollicitude pour la solution pacifique de la question d'Orient.

Ce but du concours de la Prusse à l'acte du 15 juillet serait manqué, si l'affaire d'Orient donnait lieu à un conflit entre les Puissances plus directement interessées à cette affaire qu'elle ne l'est elle-même. Pour ce cas la Prusse se réserve une entière liberté d'action et notamment celle de prendre l'attitude d'une stricte neutralité.

№ 444.

Особый протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 1840 г., 2 (14) августа.

При подписаніи уполномоченными Дворовъ Австрійскаго, Великобританскаго, Прусскаго и Россійскаго съ уполномоченнымъ Блистательной Оттоманской Порты 15-го іюля, отъ имени ихъ августѣйшихъ Государей, конвенціи объ умиротвореніи Леванта, Дворъ Прусскій нашелъ необходимымъ пояснить намѣреніе и цѣль, съ коими онъ присоединяется къ означенной конвенціи. Вслѣдствіе сего, по приказанію своего Двора, уполномоченный прусскій объявилъ нижеслѣдующее:

Пруссія, оставаясь вѣрною началамъ, которыя съ самаго возникновенія турецко-египетскаго усложненія служили для нея руководствомъ въ ея отношеніи къ сему дѣлу, подписала и ратификуетъ конвенцію 15-го іюля 1840 года единственно, чтобъ показать, какое доброе расположеніе питаетъ она къ сохраненію Блистательной порты и къ цѣлости Имперіи Оттоманской подъ властью нынѣ царствующей династіи, равно какъ и свое попеченіе о мирномъ разрѣшеніи Восточнаго вопроса.

Эта цѣль участія Пруссіи въ актѣ 15-го іюля была бы недостигнута, еслибъ Восточныя дѣла привели къ столкновенію между державами, ближе, нежели она, заинтересованными въ этихъ дѣлахъ. На сей случай Пруссія предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствія, и именно право занять строго нейтральное положеніе.

Le plénipotentiaire de Prusse a demandé que sa déclaration fut insérée dans le présent protocole réservé que les plénipotentiaires d'Autriche, de la Grande-Bretagne et de Russie porteront à la connaissance de leurs Cours.

(L. S.) Neumann.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bulow.
(L. S.) Brunnow.

№ 445.

Protocole signé à Londres le 5 (17) septembre 1840.

Les plénipotentiaires des Cours d'Autriche, de Grande-Bretagne, de Prusse et de Russie, après avoir échangé les ratifications de la convention conclue le 3 (15) juillet dernier, ont résolu, — dans le but de placer dans son vrai jour le désintéressement qui a guidé leurs Cours dans la conclusion de cet acte, — de déclarer formellement:

Que, dans l'exécution des engagemens résultant de la susdite convention pour les Puissances contractantes, ces Puissances ne chercheront aucune augmentation de territoire; aucune influence exclusive; aucun avantage de commerce pour leurs sujets, que ceux de toute autre nation ne puissent également obtenir.

Les plénipotentiaires des susdites Cours ont résolu de consigner cette déclaration dans le présent protocole.

Le plénipotentiaire de la Sublime Porte Ottomane en rendant un juste hommage à la loyauté et au désintéressement de la politique des Cours alliées, a pris

Прусскій уполномоченный просилъ о занесеніи этой его деклараціи въ настоящій особый протоколъ, который уполномоченные Австрійскій, Великобританскій и Россійскій доведутъ до свѣдѣнія своихъ Дворовъ.

(М. П.) Нейманъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.
(М. П.) Брунновъ.

№ 445.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 5 (17) сентября 1840 года.

Уполномоченные дворовъ Австріи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи, размѣнявъ ратификаціи конвенціи, заключенной 3 (15) прошлаго іюля, рѣшили, съ цѣлью выставить въ истинномъ свѣтѣ безкорыстіе, руководившее ихъ Дворами при заключеніи этого акта, формально объявить:

Что, при выполненіи обязательствъ, принятыхъ на себя, по вышеозначенной конвенціи, договорившимися Державами, государства эти не намѣрены искать никакого увеличенія территоріи, никакого исключительнаго вліянія, ни полученія какого-либо преимущества въ торговлѣ для своихъ подданныхъ предъ другими націями.

Уполномоченные вышеозначенныхъ Дворовъ положили сію декларацію изложить въ настоящемъ протоколѣ.

Уполномоченный Блистательной Порты Оттоманской, отдавая должное уваженіе прямой и безкорыстной политикѣ союзныхъ Дворовъ, принялъ къ свѣ-

acte de la déclaration contenue dans le présent protocole, et s'est chargé de la transmettre à sa Cour.

(L. S.) Neumann. (L. S.) Chekib.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bulow.
(L. S.) Brunnow.

№ 446.

1841, 1 (13) juillet. Convention de Londres au sujet des détroits.

Les plénipotentiaires de Russie, d'Angleterre, d'Autriche et de Prusse, en signant la convention de juillet concernant l'Egypte n'avaient pas définitivement réglé cette question. Il importait: 1) de procéder à l'exécution du pacte signé à Londres et 2) de paralyser l'hostilité de la France, très irritée de la décision prise par les quatre Puissances sans son concours.

En attendant, la convention de juillet laissait ouverte la question des mesures de coërcition contre l'Egypte dans le cas où Méhémet-Ali refuserait de se soumettre à la volonté des quatre grandes Puissances. Avant la signature de cet acte, il fut question d'appareiller une escadre russe avec un corps de troupes de descente dans le but de vaincre le cas échéant, la résistance de Méhémet-Ali. Mais l'Empereur Nicolas I, connaissant les susceptibilités du gouvernement anglais, refusa catégoriquement d'accéder à cette combinaison. On proposa ensuite confidentiellement au Cabinet de Vienne d'expédier des troupes en Egypte. Le prince de Metternich ne montrait pas beaucoup d'empressement à accepter ces ouvertures, bien qu'il ne les déclinait pas d'une manière absolue. Son attitude pleine de duplicité donna lieu à une espèce de vaudeville à Londres. En présence du baron Brunnow, le baron Neumann, ministre d'Autriche, interpellait de la manière suivante le premier lord de l'Amirauté: „Eh bien, lord Minto, êtes-vous prêts? Vos vaisseaux sont-ils en état? — Oui, répondit lord Minto, ils sont prêts pour embarquer 35,000 Autrichiens".

„Pourquoi dites-vous des Autrichiens", répliquait le ministre d'Autriche, „pourquoi ne ditesvous pas 35,000 Russes". Ici Brunnow intervint dans la conversation et dit: „Lord Minto a raison.

дѣнію декларацію, заключающуюся въ настоящемъ протоколѣ и обязался передать ее своему Двору.

(М. П.) Нейманъ. (М. П.) Хекибъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бюловъ.
(М. П.) Брунновъ.

№ 446.

1841 г., 1-го (13-го) іюля. Лондонская конвенція относительно проливовъ.

Подписаніемъ іюльской конвенціи относительно Египта уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи еще не былъ рѣшенъ весь Египетскій вопросъ. Во 1) требовалось еще привести въ исполненіе подписанный въ Лондонѣ актъ и во 2) нужно было парализовать враждебность Франціи противъ принятія четырьмя державами, безъ ея участія, рѣшенія.

Между тѣмъ въ іюльской конвенціи остался открытымъ вопросъ о принудительныхъ мѣрахъ противъ Египта въ случаѣ несогласія Мегемета-Али покориться волѣ четырехъ великихъ державъ. До подписанія этого акта была возбуждена мысль о снаряженіи русской эскадры съ отрядомъ дессантныхъ войскъ для усмиренія Мегемета-Али. Но Императоръ Николай I, зная подозрительность англійскаго правительства, наотрѣзъ отказался согласиться на такую комбинацію. Тогда Вѣнскому кабинету было конфиденціальнымъ образомъ предложено отправить свои войска въ Египетъ. Но князь Меттернихъ не показывалъ особеннаго сочувствія этому предложенію, хотя онъ и не отвергнулъ его категорическимъ образомъ. Его поведеніе было двусмысленно и привело къ слѣдующему „водевилю" въ Лондонѣ. Въ присутствіи барона Бруннова, австрійскій посланникъ, баронъ Нейманъ, обращается къ лорду Минто, первому лорду адмиралтейства, съ слѣдующимъ вопросомъ: „Ну что, лордъ Минто, готовы-ли вы? Ваши суда снаряжены?" „Да", отвѣтилъ лордъ, „они готовы... для посадки на нихъ 35,000 Австрійцевъ".

„Почему говорите вы Австрійцевъ"? возразилъ австрійскій посланникъ, „почему вы не говорите 35,000 Русскихъ"? Тутъ вмѣшался въ разговоръ баронъ Брунновъ и сказалъ:

Nous avons des vaisseaux nous mêmes pour embarquer nos soldats!“

Lord Minto s'adressa là-dessus avec le plus grand sérieux et le plus profond sang-froid au baron Brunnow avec ces mots: „Vous n'avez pas d'idée de toute la peine que nous avons pour retenir ces Autrichiens. Ils sont d'une activité, d'une fougue, d'une jeunesse extrême. Des soldats par ci; des vaisseaux par là. Ils sont partout. Ils veulent aller partout. On ne sait vraiment que faire pour les tenir tranquilles“.

Cette franchise du ministre anglais déplut au ministre d'Autriche qui voulait la tourner en plaisanterie; mais l'inexorable Anglais l'interrompait avec calme en lui disant: „Ne vous fâchez pas. Je n'ai nullement voulu vous faire de la peine. Nous serons toujours bons amis avec l'Autriche. Vous êtes les meilleurs gens du monde dans votre genre (in your own way) lorsqu'on ne vous demande rien“. (Rapport du baron Brunnow du 5 (17) juillet 1840).

C'est ainsi que finit cette conversation intéressante et l'Empereur Nicolas I fit sur le rapport, qui en rendait compte, l'annotation suivante: „*Le vaudeville est bon*“.

Quant à la France, on sait l'impression foudroyante qu'a produite à Paris la nouvelle de la signature de la convention de juillet. Guizot, occupant à cette époque le poste d'ambassadeur de France à la Cour de St.-James, se refusait de croire à la réalité du fait accompli. Au moment où les plénipotentiaires des quatre Cours signaient la convention, Guizot assurait à l'ambassadeur de Turquie qu'il espérait trouver avec les quatre grandes Puissances une combinaison propre à garantir pour toujours la paix de l'Orient. En apprenant la nouvelle, il ne put dissimuler son profond mécontentement et disait ouvertement que c'était un affront mortel à la France qui exigeait une réparation.

Dans cet accés d'irritation, l'illustre homme d'Etat oubliait les considérations remarquables qu'il avait énoncées au baron Brunnow sur le rôle que la France était appelée à jouer dans la politique du monde.

„Je crois“, disait Guizot, „que la France pour se placer au premier rang des nations, n'a pas besoin de faire usage de ses armes. Les conquêtes qu'elle doit faire, sont celles de l'intelligence. Elle doit étendre et propager son influence autour d'elle par la domination seule de la pensée. C'est

„Лордъ Минто правъ. У насъ самихъ имѣются суда для перевозки нашихъ солдатъ“.

Тогда лордъ Минто съ величайшею серьезностью и хладнокровіемъ обратился къ барону Бруннову и сказалъ: „Вы не можете себѣ представить, какъ намъ трудно сдерживать этихъ Австрійцевъ. Они отличаются изумительною подвижностью, пылкостью и юностью. Здѣсь солдаты; тамъ корабли. Они повсюду. Они всюду хотятъ идти. Правда, не знаешь, что съ ними подѣлать, чтобъ ихъ угомонить“.

Австрійскому посланнику не понравилась такая откровенность англійскаго министра и онъ хотѣлъ обратить ее въ шутку. Но неумолимый Англичанинъ хладнокровно прервалъ его словами: „Не сердитесь. Я нисколько не желалъ васъ обидѣть. Мы всегда будемъ съ Австріею добрыми друзьями. Вы самые милые люди въ свѣтѣ, въ своемъ родѣ (in your own way), если отъ васъ ничего не желаешь имѣть“. (Донесеніе барона Бруннова отъ 5 (17) іюля 1840 г.).

На этихъ словахъ окончился этотъ интересный разговоръ, отчетъ о которомъ заставилъ Императора Николая I поставить резолюцію: „Водевиль хорошъ!“

Что касается Франціи, то извѣстно, какое потрясающее впечатлѣніе произвело въ Парижѣ извѣстіе о подписаніи іюльской конвенціи. Гизо, бывшій въ то время французскимъ посломъ, при С.-Джемскомъ дворѣ, вѣрить не хотѣлъ, что этотъ фактъ совершился. Въ то самое время, когда уполномоченные четырехъ державъ подписывали конвенцію, Гизо увѣрялъ турецкаго посла, что онъ надѣется, вмѣстѣ съ четырьмя великими державами, придумать такой новый порядокъ, который навсегда обезпечитъ миръ и спокойствіе на Востокѣ. Когда же онъ узналъ о конвенціи, онъ не могъ скрыть своего глубокаго неудовольствія: онъ открыто говорилъ, что Франціи нанесена чувствительная обида, требующая возмездія.

Въ минуту такого раздраженія, знаменитый французскій государственный мужъ забылъ слѣдующую замѣчательную характеристику міровой роли Франціи, сообщенную имъ барону Бруннову.

„Я думаю“, сказалъ Гизо, „что Франція не нуждается въ употребленіи оружія, чтобы стать въ первый рядъ народовъ. Завоеванія, которыя она должна дѣлать, относятся къ области ума. Она должна распространять и пропагандировать кругомъ себя свое вліяніе

ainsi qu'elle devra exercer sa prépondérance politique et morale en élargissant la sphère de ses conquêtes pacifiques". (Rapport du baron Brunnow du 7 (19) janvier 1841).

Guizot se rassura en effet bientôt, surtout lorsqu'àprès la retraite du Cabinet Thiers, il se trouva placé à la tête du gouvernement français. Mais Thiers ne se gêna pas de dire à Bulwer, ministre d'Angleterre à Paris, que l'alliance entre les deux pays était rompue par la convention de juillet, parcequ'on n'avait pas jugé nécessaire d'inviter le gouvernement français à signer ce document (sic!). Mais Thiers s'empressa d'ajouter: „il est vrai, cela eût été fort inutile, car nous ne l'aurions pas fait".

D'ailleurs, le Cabinet Thiers poursuivait les préparatifs de guerre avec tant d'ardeur, que lord Melbourne crut devoir écrire une lettre au roi Léopold pour le prévenir que, si ces armements ne prenaient pas une fin, une guerre avec l'Angleterre et ses alliés deviendrait inévitable. Le roi des Belges montra cette lettre au roi Louis Philippe, qui invita aussitôt Thiers à donner sa démission. Un nouveau ministère fut constitué sous la direction de Guizot et du Maréchal Soult.

Le baron Brunnow caractérisait de la manière suivante, avec une pointe d'ironie, la politique française dans la question d'Orient sous ces trois ministères qui se sont succedés: „*Tergiverser* — sous le (premier) ministère Soult; *menacer* — sous Thiers; *mendier* — sous le ministère actuel, voilà comment la France a entendu traiter les grandes affaires de l'Orient, qu'elle a prétendu régler de concert avec nous". (Rapport du baron Brunnow du 5 (17) novembre 1840).

Dans tout état de cause, la convention de juillet eut comme conséquence directe d'amener un rapprochement entre la Russie et l'Angleterre. Lorsque le gouvernement de Thiers brandissait le sabre et l'Angleterre se préparait sérieusement à une guerre, lord Palmerston dit au baron Brunnow que, dans le cas d'une collision avec la France, le gouvernement anglais comptait sur le concours de la Russie. Avant qu'il eut le temps de mander à son gouvernement ces espérances de l'Angleterre, le baron Brunnow reçut l'ordre de son Souverain de déclarer

исключительно владычествомъ мысли. Вотъ какимъ образомъ она должна поддерживать свое политическое и моральное преобладаніе и расширять предѣлы своихъ мирныхъ завоеваній". (Донесеніе Бруннова отъ 7 (19) января 1841 года).

Гизо, дѣйствительно, скоро успокоился, въ особенности когда, послѣ отставки министерства Тьера, онъ принужденъ былъ самъ стать во главѣ французскаго правительства. Но Тьеръ не поцеремонился сказать англійскому посланнику въ Парижѣ, Бульверу, что союзъ Франціи съ Англіею разорванъ іюльскою конвенціею, ибо французское правительство даже не пригласили подписать этотъ актъ (sic!). Но Тьеръ поспѣшилъ немедленно прибавить: „правда, это было бы совершенно излишне, ибо мы не подписали бы его".

Впрочемъ, министерство Тьера столь неосторожно стало вооружать Францію къ войнѣ, что лордъ Мельборнъ счелъ нужнымъ написать письмо къ королю Леопольду, въ которомъ онъ предостерегалъ его, что если эти вооруженія не кончатся, то война съ Англіею и ея союзниками будетъ неизбѣжна. Бельгійскій король показалъ это письмо королю Луи Филиппу, который немедленно заставилъ Тьера выйти въ отставку. Было устроено новое министерство, во главѣ котораго, вмѣстѣ съ Гизо, сталъ маршалъ Су.

Баронъ Брунновъ остроумно охарактеризовалъ французскую политику въ Восточномъ вопросѣ при трехъ министерствахъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „*Вилять* при (первомъ) министерствѣ Су; *угрожать* — при Тьерѣ; *просить милостыню* — при нынѣшнемъ министерствѣ, — вотъ какимъ образомъ Франція думала вести великія восточныя дѣла, которыя она намѣревалась устраивать вмѣстѣ съ нами". (Донесеніе барона Бруннова отъ 5-го (17-го) ноября 1840 года).

Во всякомъ случаѣ іюльская конвенція имѣла одинъ непосредственный результатъ: она привела къ сближенію между Англіею и Россіею. Когда французское правительство Тьера бряцало оружіемъ, и Англія серьезно готовилась къ войнѣ, лордъ Пальмерстонъ сказалъ барону Бруннову, что, въ случаѣ войны съ Франціею, англійское правительство разсчитываетъ на союзную помощь Россіи. Брунновъ еще не имѣлъ времени сообщить о такой надеждѣ Англіи своему правительству, какъ онъ получилъ отъ своего Государя пору-

au gouvernement anglais qu'une escadre russe viendrait de suite l'assister, dans le cas d'une agression française.

„Il me serait impossible", écrivait le baron Brunnow au Vice-Chancelier à la date du 30 juillet (11 août) 1840, „de vous donner une juste idée de la sensation que cet offre, si généreuse et si spontanément faite, a produit sur l'esprit de lord Palmerston. Voici le langage qu'il m'a tenu: „Notre confiance dans l'appui de l'Empereur a été grande. Sa Majesté vient de la justifier d'une manière qui met le comble à tous nos voeux. Nous savons maintenant sur quoi nous pouvons compter. Cette certitude est un secours immense pour nous". Lord Palmerston avouait finalement que c'était lord John Russell, qui avait soulevé au sein du Cabinet la question d'un recours à l'assistance de la Russie contre la France.

Après la signature du „protocole de désintéressement", lord Palmerston affirmait au ministre de Russie qu'il n'y avait aucune nécessité de signer un acte de cette nature. „La Russie", disait-il au baron Brunnow, „a confiance en nous, et nous avons confiance en elle. Il n'y avait donc pas de nécessité absolue d'exprimer par écrit que nous ne chercherions aucun avantage exclusif dans l'exécution des engagemens, que nous avous contractés en commun". Ce n'était que pour le public, ajoutait le ministre, que la signature de cette pièce était nécessaire. (Rapport du baron Brunnow du 6 (18) septembre 1840).

A mesure que le gouvernement français manifestait son intention de défendre, par la force des armes, la cause de Méhémet-Ali et de s'opposer à l'exécution de la convention de juillet, les relations entre la Russie et l'Angleterre devenaient plus intimes et plus amicales. Le roi Louis Philippe substitua au ministère belliqueux Thiers — le ministère incolore Soult-Guizot. Les armements français ne poursuivaient pas moins leur cours. Le roi Louis Philippe croyait devoir lui-même en justifier la nécessité par des considérations très étranges: „Au lieu de se montrer alarmés de nos armemens", disait le roi au compte Appouny, ambassadeur d'Autriche, „les Etats voisins devraient au contraire y puiser un nouveau motif de sécurité. Car ces armemens sont pour moi le meilleur moyen dont je puisse me servir pour réprimer et contenir la révolution. Au fond, je ne puis compter que sur l'armée. Elle m'est dévouée. D'ailleurs,

ченіе объявить англійскому правительству, что русская эскадра поспѣшитъ на помощь Англіи, въ случаѣ нападенія на нее со стороны Франціи.

„Мнѣ было бы невозможно", писалъ Брунновъ 30-го іюля (11-го августа) 1840 года Вице-Канцлеру, „дать вамъ вѣрное понятіе о томъ впечатлѣніи, которое произвело это великодушное и неожиданное предложеніе на лорда Пальмерстона. Вотъ что онъ мнѣ сказалъ: „Наша увѣренность въ поддержкѣ Государя была велика. Его Величество подтвердилъ ее такимъ образомъ, что всѣ наши желанія исполнены. Теперь мы знаемъ, на что мы можемъ разсчитывать. Эта ясность составляетъ для насъ великую силу". Наконецъ, лордъ Пальмерстонъ сознался, что вопросъ объ обращеніи къ Россіи за помощью противъ Франціи возбудилъ въ кабинетѣ лордъ Дж. Россель.

Послѣ подписанія „протокола о безкорыстіи", лордъ Пальмерстонъ признался русскому посланнику, что, по его мнѣнію, не было никакой надобности въ такомъ актѣ. „Россія", сказалъ онъ барону Бруннову, „довѣряетъ намъ, и мы имѣемъ къ ней довѣріе. Поэтому не было абсолютной надобности выражать на письмѣ, что мы не ищемъ никакой исключительной выгоды при исполненіи обязательствъ, сообща нами подписанныхъ". Только для публики и оппозиціи въ парламентѣ, прибавилъ министръ, нужно было подписать такой актъ. (Донесеніе барона Бруннова отъ 6-го (18-го) сентября 1840 года).

По мѣрѣ того, какъ французское правительство выражало намѣреніе даже силою оружія заступиться за Мегемета-Али и противиться исполненію іюльской конвенціи, по мѣрѣ того отношенія между Россіею и Англіею становятся болѣе близкими и дружескими. Король Луи Филиппъ смѣнилъ воинственное министерство Тьера на безцвѣтное министерство Су-Гизо. Но все-таки французскія вооруженія продолжались. Самъ Луи Филиппъ оправдывалъ необходимость такихъ вооруженій весьма оригинальными соображеніями. „Вмѣсто того, чтобъ тревожиться нашими вооруженіями", сказалъ король австрійскому послу, графу Аппони, „сосѣднія державы, напротивъ, должны бы видѣть въ нихъ новое основаніе своей безопасности. Потому что эти вооруженія составляютъ для меня наилучшее средство, имѣющееся въ моемъ распоряженіи для усмиренія и обузданія революціи. На дѣлѣ, я могу

c'est par principe et par goût que le Français, lorsqu'il prend le fusil, contracte l'habitude de l'obléisance. Que voulez-vous, nous sommes faits comme cela. Mettez à un émeutier un pantalon garance, et vous en faites un soldat fidèle". (Rapport du baron Brunnow du 23 décembre 1840 (4 janvier 1841).

Cette explication ingénieuse du roi sur le but des armements français ne pouvait naturellement pas rassurer le gouvernement anglais. Des bruits encore plus alarmants lui parvenaient de Paris: on racontait que la chute du ministère Thiers aurait tellement rassuré l'Empereur de Russie, qu'il aurait pris la décision de se rapprocher de Louis Philippe, et de conclure avec lui un accord séparé sur les affaires turco-égyptiennes. Il est heureux que ces bruits fussent parvenus jusqu'au baron Brunnow, qui a pu en démontrer aussitôt la complète inanité.

Le baron Brunnow était très satisfait de la convention de juillet. Il était convaincu qu'elle servirait à continuer l'action du traité d'Unkiar-Skelessi, qui avait perdu sa force obligatoire par suite de l'echéance du terme stipulé. Il y ajoutait tant de prix qu'il s'est fait un devoir de dissiper chez les ministres anglais toutes les suspicions que des intrigues diplomatiques ou des insinuations ont pu faire naître dans leur esprit. Le baron Brunnow énonça franchement à lord Palmerston ses vues au sujet du changement de ministère en France. En octobre 1840, il profita d'une occasion pour lui dire que la chute du ministère Thiers devait fournir au gouvernement anglais la preuve évidente, combien il était insensé de sa part de compromettre ses relations avec la Russie, par amitié pour la France.

„Si d'une part", disait Brunnow à lord Palmerston, „vous vivez en paix et en bonne intelligence avec le gouvernement français, il ne s'en suit aucunement pour cela, que de l'autre, vous soyez dans la nécessité d'être mal avec nous, parceque vous êtes bon avec la France. Au contraire, je soutiens qu'il est de votre propre intérêt de vous maintenir constamment dans de bonnes relations avec nous, précisément parceque vous réussirez par là à retenir la France dans la voie, dont il est utile pour vous qu'elle ne dévie point... La faute politique que vous avez commise précédemment c'est de vous être brouillé avec la Russie. Dès que le

положиться только на армію. Она мнѣ предана. Впрочемъ, французъ, по принципу и влеченію, взявъ въ руки ружье, пріобрѣтаетъ привычку къ послушанію. Что дѣлать, мы ужъ такъ созданы. Надѣньте бунтовщику красныя панталоны, и вы обратите его въ вѣрнаго солдата". (Донесеніе барона Бруннова отъ 23-го декабря 1840 г. (4 января 1841 г.).

Остроумное объясненіе короля Луи Филиппа цѣли французскихъ вооруженій, само собою разумѣется, не могло успокоить англійскаго правительства. Изъ Парижа доносились до него еще болѣе тревожные слухи: разсказывали, что паденіе министерства Тьера настолько удовлетворило русскаго Императора, что онъ рѣшился сблизиться съ королемъ Французовъ и вступить съ нимъ въ особенное соглашеніе насчетъ турецко-египетскихъ дѣлъ. Хорошо, что эти слухи дошли до барона Бруннова, и онъ могъ немедленно доказать ихъ полную несостоятельность.

Баронъ Брунновъ былъ чрезвычайно доволенъ іюльскою конвенціею. Онъ былъ убѣжденъ, что этимъ актомъ продолжено дѣйствіе Ункіаръ-Искелесскаго трактата, потерявшаго обязательную силу по истеченіи установленнаго срока. Онъ настолько дорожилъ іюльскимъ актомъ, что признавалъ за долгъ всѣми силами заглушать въ англійскихъ министрахъ сѣмена подозрительности, западавшія въ ихъ души вслѣдствіе инсинуацій и дипломатическихъ происковъ. Баронъ Брунновъ совершенно откровенно высказалъ лорду Пальмерстону свой взглядъ на произошедшую во Франціи министерскую перемѣну. Въ октябрѣ 1840 года онъ воспользовался случаемъ, чтобъ сказать ему, что паденіе министерства Тьера только должно открыть глаза англійскому правительству, насколько безразсудно было изъ дружбы къ Франціи портить свои отношенія къ Россіи.

„Если", сказалъ Брунновъ лорду Пальмерстону, „вы живете въ мирѣ и добромъ согласіи съ французскимъ правительствомъ, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ вы, съ другой стороны, были вынуждены быть въ ссорѣ съ нами, потому что вы въ добрыхъ отношеніяхъ съ Франціею. Напротивъ, я утверждаю, что ваша собственная польза требуетъ постоянно поддерживать съ нами добрыя отношенія, ибо вы именно такимъ образомъ въ состояніи будете удерживать Францію на томъ пути, съ котораго она не должна сходить въ виду вашей собственной пользы... Политическая ошибка, въ которую вы прежде впадали, заключалась въ

Cabinet des Tuilleries vous a vu engagé dans des relations peu amicales avec nous, il a pensé que vous ne pouviez plus vous passer de lui. Dès lors, il est devenu envers vous, exigeant, intraitable". (Dépêche du baron Brunnow du 18 (30) octobre 1840).

L'Empereur Nicolas I inscrivit sur ce rapport du baron Brunnow ces mots: „*Fort juste*". Lord Palmerston ne fit aucune objection, mais son ancienne amitié pour la France ne lui fit pas moins regretter les relations tendues que la convention de juillet a suscitées entre les deux Puissances maritimes. Il n'ajoutait aucune foi aux bruits, au sujet d'un rapprochement entre les Cabinets de St. Pétersbourg et des Tuilleries, car il connaissait les sentiments de l'Empereur Nicolas pour Louis Philippe. Mais d'une autre part, il désirait sincérement voir cesser la froideur que témoignait le gouvernement français. Il disait au baron Brunnow:

„Il est juste et prudent de témoigner des égards envers la France. Il ne faut pas la heurter. Mais on ne peut ni se fier à elle, ni lui faire des concessions. L'idée de vouloir en offrir à Mr. Guizot dans l'intérêt de le soutenir personnellement, est une erreur et une illusion. Guizot n'est qu'un accident. Il disparaîtra demain, après-demain. Le roi le laissera tomber, comme ses prédécesseurs, lorsqu'il en aura tiré tout le parti qu'il peut. Alors Guizot ne sera plus rien; resteraient alors les concessions qu'on lui aurait accordées, et alors on s'apercevrait trop tard qu'on les avait faites en pure perte."

L'Empereur Nicolas I approuva pleinement le point de vue de lord Palmerston sur le nouveau ministère Guizot et fit sur le rapport du baron Brunnow du 23 décembre 1840 (4 janvier 1841), en marge des paroles susmentionnées du ministre anglais, l'annotation suivante: „*C'est de toute rérité*". Ce n'est que lorsque le gouvernement anglais s'écartait de ces vues et se montrait disposé à faire toute espèce de concessions à la France que l'Empereur Nicolas, fidèle à ses convictions, se mit en opposition directe avec la politique anglaise.

En août 1840, le roi des Belges Léopold I se trouvait avec son épouse en visite chez la reine Victoria, à Windsor. Inépuisable dans ses combinaisons politiques, le roi des Belges profita de cette occasion pour amener une reconciliation

томъ, что вы ссорились съ Россіею. Съ того момента, когда Тьюлерійскій кабинетъ замѣтилъ, что вы находитесь въ неособенно дружескихъ отношеніяхъ съ нами, онъ вообразилъ, что вы больше не въ состояніи обойтись безъ него. Съ того времени онъ сдѣлался въ отношеніи васъ требовательнымъ и несговорчивымъ".(Донесеніе барона Бруннова отъ 18-го (30-го) октября 1840 г.).

Императоръ Николай написалъ на этомъ донесеніи Бруннова слова: „*Fort juste*". Лордъ Пальмерстонъ ничего не возразилъ, но все-таки его старая любовь къ Франціи заставляла его искренне сожалѣть о натянутыхъ отношеніяхъ между нею и Англіею, вызванныхъ іюльскою конвенціею. Онъ не вѣрилъ слухамъ о сближеніи С.-Петербургскаго и Тьюльерійскаго кабинетовъ, ибо онъ зналъ чувства Императора Николая Павловича къ Луи Филиппу. Но, съ другой стороны, англійскій министръ искренне желалъ прекратить охлажденіе, охватившее французское правительство. Онъ сказалъ барону Бруннову:

„Справедливо и разумно заявить уваженіе къ Франціи. Не нужно ее обижать. Но нельзя ей ни довѣрять, ни дѣлать уступокъ. Мысль сдѣлать уступки Гизо, съ цѣлью поддержать его лично, есть заблужденіе и самообманъ. Гизо только — случай. Онъ исчезнетъ завтра или послѣзавтра. Король броситъ его, какъ его предшественниковъ, лишь только успѣетъ воспользоваться имъ, насколько нужно. Тогда Гизо обратится въ ничто. Тогда останутся уступки, ему сдѣланныя, и тогда будетъ слишкомъ поздно видѣть, что онѣ были сдѣланы совершенно напрасно".

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ эту точку зрѣнія лорда Пальмерстона на новое министерство Гизо, и на донесеніи барона Бруннова отъ 28-го декабря 1840 г. (4 января 1841 г.), противъ вышеприведенныхъ словъ лорда, онъ написалъ: „*C'est de toute vérité*". Только когда англійское правительство стало измѣнять своему первоначальному убѣжденію и стало выказывать готовность пойти на всевозможныя уступки Франціи, тогда Императоръ Николай Павловичъ, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, опять разошелся съ видами англійской политики.

Въ августѣ 1840 года, король Бельгійцевъ, Леопольдъ I, вмѣстѣ съ своею супругою, гостилъ въ Англіи, у королевы Викторіи, въ Виндзорѣ. Неутомимый въ политическихъ комбинаціяхъ, бельгійскій король воспользовался этимъ слу-

entre la France et l'Angleterre. Il ne dissemulait pas qu'une hostilité sérieuse entre ces deux Puissances pourrait lui faire perdu son trône. Voici pourquoi il proposa de modifier la convention de juillet dans un sens plus favorable à Méhémet-Ali. Lord Palmerston refusa au commencement catégoriquement de donner suite à cette demande. Le roi ne s'en tint pas à cette démarche; il trouva une combinaison, en vertu de laquelle, il s'agissait de conclure une nouvelle transaction internationale dans le but de garantir l'inviolabilité de la Porte Ottomane par les cinq grandes Puissances. Lord Palmerston ne voyait pas la nécessité absolue ni de cette garantie collective, ni de la conclusion d'un acte international à cet effet; mais il demanda en passant au baron Brunnow, s'il ne jugeait pas opportun de procèder à la signature d'un acte spécial au sujet de la fermeture des détroits?

C'est ainsi que fut soulevée la question de la convention des détroits. (Rapport du baron Brunnow du 13 (25) août 1840).

Quelques jours après, lord Palmerston reprit cet entretien avec le baron Brunnow et lui exprimait son intention de proposer de conclure avec la France une nouvelle transaction dans le but de confirmer ces deux points essentiels: 1) l'accord intervenu entre la Porte et l'Egypte, et 2) la fermeture du Bosphore et des Dardanelles.

Ce brusque changement dans les vues du ministre anglais était nécessairement dû à l'influence du roi Léopold I. Celui-ci ne pouvait lui pardonner la conclusion de la convention de juillet et l'exclusion de la France. Grâce au roi des Belges, la position de lord Palmerston était sérieusement ébranlée. Dans ces conditions, il jugeait plus prudent de céder et de consentir à la combinaison d'un nouveau pacte international à conclure. (Rapport du baron Brunnow du 27 août (8 septembre) 1840).

Le gouvernement impérial pouvait difficilement se rendre compte de ces tergiversations continuelles de la politique anglaise. Il reconnaissait le côté faible de la convention de juillet consistant dans l'absence de dispositions au sujet des mesures de coërcition à prendre contre le pacha d'Egypte. „On ne prend pas un ours avec un balai“, disait à ce sujet le comte Nesselrode.

L'Empereur Nicolas I ne voyait aucune nécessité de signer une nouvelle convention et inscrivit sur un rapport du baron Brünnow, à la

чаемъ, чтобъ устроить примиреніе между Англіею и Франціею. Онъ не скрывалъ, что серьезная вражда между этими державами можетъ стоить ему престола. Вотъ почему онъ предложилъ измѣнить іюльскую конвенцію въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для Мегемета-Али. Лордъ Пальмерстонъ сперва на отрѣзъ отказался исполнить такое требованіе. Но король не успокоился: онъ придумалъ новую комбинацію, въ силу которой слѣдовало заключить новый международный актъ поручительства пяти великихъ державъ за неприкосновенность Оттоманской имперіи. Лордъ Пальмерстонъ не усматривалъ особенной надобности ни въ такой общей гарантіи, ни въ заключеніи новаго международнаго акта. Но онъ, какъ бы вскользь, спросилъ барона Бруннова: не признаетъ-ли онъ полезнымъ заключеніе особеннаго акта о закрытіи проливовъ?

Такъ былъ поставленъ вопросъ о заключеніи конвенціи о проливахъ. (Донесеніе барона Бруннова отъ 13-го (25-го) августа 1840 года).

Черезъ нѣсколько дней лордъ Пальмерстонъ возвратился къ поставленному имъ Бруннову вопросу. Онъ признался въ своемъ намѣреніи предложить заключеніе новаго акта съ Франціею, въ которомъ подтверждались бы два главныя положенія: во 1) соглашеніе, состоявшееся между Портою и Египтомъ, и во 2) закрытіе Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ.

Такая внезапная перемѣна въ воззрѣніяхъ англійскаго министра, очевидно, представляется результатомъ вліянія короля Леопольда I. Послѣдній не могъ простить лорду Пальмерстону іюльской конвенціи и исключенія Франціи. Благодаря бельгійскому королю, положеніе англійскаго министра значительно пошатнулось. Тогда онъ призналъ болѣе благоразумнымъ уступить и согласиться на комбинацію о новомъ международномъ актѣ. (Донесеніе Бруннова отъ 27-го августа (8-го сентября 1840 года).

Императорское правительство смотрѣло съ недоумѣніемъ на постоянныя колебанія англійской политики. Оно сознавало слабую сторону іюльской конвенціи, заключающуюся въ отсутствіи въ ней постановленій относительно принудительныхъ мѣръ противъ египетскаго паши. „Нельзя поймать медвѣдя метлою“, сказалъ по этому поводу графъ Нессельроде.

Императоръ Николай I. не видѣлъ никакой надобности въ новомъ актѣ, и на одномъ донесеніи барона Бруннова, конца 1840 года, онъ

fin de l'année 1840, une décision à ce sujet en ces termes: „Nous n'avons rien à ajouter à tout ce qui a déjà été dit; il faut donc garder le silence et voir venir; c'est le seul parti sage".

Enfin le baron Brunnow protestait également contre tout projet d'un acte spécial à signer pour garantir l'intégrité de l'Empire Ottoman.

En vue de ces dispositions du gouvernement russe, on comprend que les ouvertures de la France faites par l'entremise du baron de Bourqueney, son chargé d'affaires, aient été déclinées. Ce projet était assez complexe. M. Guizot proposait de conclure une nouvelle transaction à Londres, comprenant les dispositions suivantes: 1) garantie de l'inviolabilité de la Porte; 2) „voeux chrétiens en faveur des populations de la Syrie"; 3) „route commerciale à travers l'isthme de Suez", et 4) fermeture des détroits.

Ce projet français se heurta à une forte opposition non pas seulement de la part du baron Brunnow. Lord Palmerston lui-même crut devoir décliner le premier point du programme français, en assurant que tout le monde se douterait qu'il visait la Russie. Quant au second point, le ministre anglais et le représentant de Russie s'accordaient à trouver qu'il établissait en faveur de la France un droit d'intervention dans les affaires intérieures de la Turquie, — ce qui n'était guère désirable. Le 3me article était également décliné par lord Palmerston pour le motif que chaque Puissance avait un traité de commerce avec la Porte qui lui réservait le droit d'user de la route commerciale par l'isthme de Suez. Restait ainsi le seul 4me point au sujet de la fermeture des detroits.

Lord Palmerston et le baron Brunnow convinrent entre eux de rédiger, chacun de son côté, un projet de convention avec un article unique sur la fermeture des détroits. A la confrontation, les deux projets ont été trouvés conçus dans un esprit complétement identique. (Rapport du baron Brunnow du 17 février (1 mars) 1841).

Toutefois, la convention ne fut conclue définitivement qu'en juillet 1841. Le gouvernement français ne voulait toujours pas renoncer à ses quatre articles et particuliérement à la garantie de l'intégrité de la Porte. Ensuite, survint le prince de Metternich qui ne pouvait pas se faire à la pensée que les affaires de l'Europe se règlaient à Londres, loin de Vienne, en dehors de sa direction immédiate. Aussi recommandait-il

положилъ такую резолюцію: „Намъ нечего прибавить ко всему прежде сказанному. Стало быть нужно молчать и посмотрѣть, что будетъ. Это единственно разумное рѣшеніе".

Наконецъ, баронъ Брунновъ также протестовалъ противъ всякой мысли о заключеніи особеннаго акта поручительства въ неприкосновенности Оттоманской имперіи.

Въ виду такого настроенія русскаго правительства, понятенъ будетъ отказъ принять французское предложеніе, сдѣланное чрезъ барона Буркнея, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ. Оно было довольно сложное. По плану Гизо, слѣдовало бы заключить въ Лондонѣ новый актъ изъ слѣдующихъ постановленій: 1) гарантія неприкосновенности Турціи; 2) „христіанскія пожеланія въ пользу сирійскаго населенія"; 3) „коммерческая дорога чрезъ Суэцкій перешеекъ", и 4) закрытіе проливовъ.

Это французское предложеніе встрѣтило сильную оппозицію не только со стороны барона Бруннова. Даже лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ отвергнуть первый пунктъ французской программы, сказавъ, что каждый пойметъ, что эта статья направлена противъ Россіи. Относительно 2-го пункта англійскій министръ и русскій посланникъ были согласны, что имъ устанавливается право вмѣшательства Франціи во внутреннія дѣла Турціи—чего никакъ нельзя желать. Третья статья также была отвергнута лордомъ Пальмерстономъ на томъ основаніи, что каждая держава имѣетъ свой коммерческій трактатъ съ Турціею, въ силу котораго можно пользоваться коммерческою дорогою чрезъ Суэцкій перешеекъ. Такимъ образомъ оставался только одинъ 4-й пунктъ относительно закрытія проливовъ.

Лордъ Пальмерстонъ и баронъ Брунновъ согласились между собою въ томъ, что каждый изъ нихъ самостоятельно составитъ свой проэктъ конвенціи съ единою статьею о закрытіи проливовъ Босфорскаго и Дарданельскаго. По сличеніи обоихъ проэктовъ, оказалось, что они совершенно одинаковы. (Донесеніе бар. Бруннова отъ 17-го февраля (1-го марта) 1847 г.).

Однако, окончательное заключеніе этого акта все-таки состоялось не ранѣе іюля 1841 года. Французское правительство никакъ не желало отказаться отъ своихъ четырехъ статей, и въ особенности отъ гарантіи цѣлости Турціи. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ князь Меттернихъ который никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что въ Лондонѣ, далеко отъ Вѣны, безъ непосредственнаго его руководительства, обдѣлы-

au ministre d'Autriche à la Cour de St.-James de soulever de nouveau la question de l'inviolabilité de la Turquie, de ses relations avec les Puissances de l'Europe etc. Il ne dissimulait pas en même temps son vif désir que la convention de juillet fût remplacée au plutôt par une transaction revêtue de la signature de la France. L'Autriche et la Prusse redoutaient sérieusement une rupture avec la France à cause de la convention de juillet.

Lord Palmerston refusa catégoriquement de mettre à l'étude les questions posées par le Chancelier d'Autriche. Il esquissa à cette occasion pour le baron Brunnow le portrait suivant, d'après nature, du prince de Metternich:

„Le prince a mille bonnes qualités, mais il ne faut pas s'y fier toujours, et savoir comment s'y prendre avec lui. Il faut être très poli envers lui; lui montrer de la déférence; lui laisser le plaisir de croire qu'il a raison; — ensuite ne rien faire de ce qu'il propose et, s'arrêter tout court. Alors il arrive que par la surabondance des idées qu'il a en tête, une combinaison nouvelle finit toujours par en chasser une autre. Il en résulte qu'en dernière analyse tout ce qu'il a proposé tombe de lui-même. Il se charge ainsi du soin de détruire ce qu'il a inventé, et de renverser ses propres projets". (Rapport du baron Brunnow du 14 (26) mars 1841).

Le baron Brunnow ne put s'empêcher de reconnaitre que ce portrait du chancelier autrichien, dessiné de main de maître, était trés réussi et en fit compliment à lord Palmerston. En général, notre diplomate était à cette époque très satisfait de l'attitude de son „noble ami anglais". Lorsqu'au commencement de l'année 1841, lord John Russell prononça au parlement un admirable discours pour la défense de la politique russe, le baron Brunnow fut très heureux que ce ne fut pas lord Palmerston qui était chargé de répondre aux membres de l'opposition. Cette satisfaction ne provenait pas de quelques sentiments de défiance à cause de ses actes de perfidie d'autrefois à l'égard de la Russie. Tout au contraire; le baron Brunnow affirmait que si lord Palmerston avait répondu, c'eût été regrettable, parceque „Palmerston passe aux yeux du public pour un véritable Séide de la Russie" (sic!). (Lettre particulière du baron Brunnow au comte Nesselrode du 2 (14) février 1841).

ваются европейскія дѣла. Поэтому онъ предписалъ австрійскому посланнику при С.-Джемскомъ дворѣ снова поднять вопросъ о неприкосновенности Турціи, отношеніяхъ къ ней европейскихъ державъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрывалъ своего пламеннаго желанія, чтобъ іюльская конвенція поскорѣе была замѣнена такимъ актомъ, который былъ бы подписанъ также Франціею. Австрія и Пруссія сильно опасались разрыва съ Франціею по поводу іюльской конвенціи.

Лордъ Пальмерстонъ категорически отказался заняться изученіемъ поставленныхъ австрійскимъ канцлеромъ вопросовъ. При этомъ случаѣ онъ написалъ для барона Бруннова слѣдующій „портретъ съ натуры" князя Меттерниха:

„У князя Меттерниха много хорошихъ качествъ, но не слѣдуетъ всегда на нихъ полагаться, и надо знать, какъ къ нему относиться Нужно съ нимъ быть очень вѣжливымъ; показывать ему почтеніе; предоставлять ему думать, что онъ правъ, и потомъ — ничего не принимать изъ того, что онъ предлагаетъ, и остановиться безъ разсужденій. Тогда окажется, что благодаря изобилію мыслей, имѣющихся въ его головѣ, одна новая комбинація погонитъ другую. Въ концѣ концовъ, все, что имъ предложено падетъ само собою. Такимъ образомъ онъ самъ беретъ на себя трудъ разрушить то, что онъ придумалъ, и уничтожить свои собственные проекты". (Донесеніе бар. Бруннова отъ 14-го (26-го) марта 1841 года).

Баронъ Брунновъ не могъ не признать этотъ мастерски набросанный портретъ австрійскаго канцлера весьма удачнымъ и высказалъ лорду Пальмерстону полное свое одобреніе. Вообще нашъ дипломатъ былъ въ это время очень доволенъ поведеніемъ своего „благороднаго англійскаго друга". Когда въ началѣ 1841 года лордъ Джонъ Россель произнесъ превосходную рѣчь въ парламентѣ въ защиту русской политики, баронъ Брунновъ былъ счастливъ, что не лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ членамъ оппозиціи. Это его удовольствіе вытекало не изъ недовѣрія къ Пальмерстону въ виду прежнихъ его вѣроломныхъ поступковъ въ отношеніи Россіи. Нѣтъ, напротивъ! Баронъ Брунновъ утверждаетъ, что еслибъ лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, то было бы хуже, ибо „Пальмерстонъ является въ глазахъ публики настоящимъ сеидомъ Россіи" (sic!!). (Частное письмо Бруннова къ гр. Нессельроде отъ 2-го (14-го) февраля 1841 года).

En général, Brunnow s'applique à cette époque à atténuer son ancienne opinion sur le compte du ministre anglais. Il nous semble, que lady Palmerston a notablement contribué à ce rapprochement avec son mari. Lady Palmerston, que Brunnow appréciait comme une femme d'un esprit rare, cherchait à le convaincre, combien la position de son mari était pénible au sein du ministère.

„Il est bien difficile“, disait-elle, „de se faire une juste idée de la position de mon mari. Il lui arrive aujourd'hui tout juste ce qui est arrivé il y a sept ans. Alors, les Turcs nous ont demandé quelques vaisseaux. Palmerston s'est mis en quatre pour prouver au conseil qu'il fallait les leur accorder. Les collégues ne l'ont pas voulu. Ils l'ont contrarié de toutes manières. Qu'en est il arrivé? Vous vous êtes mis en avant. Vous avez fait ce que nous aurions dû faire. Vous avez secouru la Turquie. Tout l'honneur et tout l'avantage en a été pour vous; la honte et le ridicule pour nous.—Alors, quand il n'en était plus temps, tout le monde est tombé sur Palmerston. Tout le monde s'est écrié: vous n'aviez pas prévu cela! Pourquoi ne pas nous le dire? Pourquoi ne l'avoir pas empêché? Voilà, ce qui s'est passé alors“.

„Aujourd'hui les choses prennent exactement la même tournure. Palmerston a beau leur parler raison. Personne ne l'écoute. Tous se mettent d'accord pour le contrecarrer. Le vieux Holland le premier, qui n'a absolument rien à faire, s'amuse à lui écrire chaque jour des lettres qui sont des volumes. Cela n'a pas le sens commun. Voilà comment le temps se passe et que rien ne se fait.“

Dans sa lettre au Vice-Chancelier du 12 (24) mars 1841, le baron Brunnow se fit un devoir d'attester que ces plaintes de la femme du ministre anglais étaient entièrement fondées. Il lui est arrivé plus d'une fois, en causant avec lord Palmerston des négociations avec la France, de chercher à lui prouver la thése suivante: „notre négociation est *facile*, ou elle est *impossible*. Facile, si vous savez parler à la France comme il convient de le faire; impossible, si vous lui permettez de vous dicter la loi.“

Lord Palmerston partageait ces vues du ministre de Russie, mais il ne pouvait rien faire à cause de l'opposition de ses collégues.

Вообще Брунновъ старается, въ это время, смягчить свое прежнее мнѣніе насчетъ англійскаго министра. Намъ кажется, что лэди Пальмерстонъ значительно содѣйствовала такому дружелюбному отношенію къ ея супругу. Лэди Пальмерстонъ, которую Брунновъ признаетъ женщиною съ рѣдкимъ умомъ, убѣдительно доказывала посланнику, что положеніе ея мужа въ министерствѣ чрезвычайно трудное.

„Весьма нелегко“, сказала она ему, „составить себѣ вѣрное понятіе о положеніи моего мужа. Теперь съ нимъ происходитъ совершенно тоже самое, что случилось 7 лѣтъ тому назадъ. Тогда Турки попросили у насъ нѣсколько судовъ. Пальмерстонъ выбивался изъ силъ, чтобъ доказать совѣту необходимость дать имъ эти суда. Его коллеги этого не пожелали. Они ему дѣлали всевозможныя непріятности. Что же изъ этого вышло? Вы пошли Туркамъ на встрѣчу. Вы сдѣлали то, что мы должны были сдѣлать. Вы пришли имъ на помощь. Вся честь и вся выгода были на вашей сторонѣ; весь стыдъ и срамъ—на нашей. Впослѣдствіи, когда ужъ было поздно, всѣ напали на Пальмерстона. Всѣ стали кричать: „вы этого не предвидѣли! Почему вы намъ этого не сказали? Почему вы это не предупредили? Вотъ что тогда случилось“.

„Въ настоящее время“, продолжала лэди Пальмерстонъ, „дѣла принимаютъ совершенно такой же оборотъ. Пальмерстонъ тщетно старается убѣдить. Никто его не слушаетъ. Всѣ согласны въ одномъ: противодѣйствовать ему. Старый Голландъ, которому рѣшительно нечего дѣлать, первый забавляется тѣмъ, что пишетъ ему каждый день письма размѣромъ въ тома. Это невыносимо! Вотъ какъ проходитъ время, и ничего не дѣлается“.

Баронъ Брунновъ вполнѣ подтвердилъ, въ своемъ письмѣ отъ 12-го (24-го) марта 1841 г. къ Вице-Канцлеру, основательность жалобъ супруги англійскаго министра. Ему самому приходилось неоднократно доказывать лорду Пальмерстону, говоря о переговорахъ съ Франціею: „наши переговоры *легки*, или они *невозможны*. Они легки — если вы заговорите съ Франціею языкомъ, для нея понятнымъ; они невозможны—если вы ей позволите навязать вамъ ея волю“.

Лордъ Пальмерстонъ раздѣляетъ этотъ взглядъ русскаго посланника, но ничего не можетъ сдѣлать въ виду сопротивленія своихъ коллегъ.

Toutefois, Brunnow n'approuvait pas entièrement la manière d'agir du ministre — il lui reproche un grand faible — „c'est une passion malheureuse qu'il a de vouloir tout rédiger et tout faire lui-même. Il écrit ses billets d'invitation. Jugez s'il laisserait à un autre la faculté de rédiger un traité".

Prenant en considération cette attitude de lord Palmerston et du baron Brunnow à l'égard des ouvertures de M. Guizot, on comprendra facilement que la signature de la convention des détroits ne présentait aucune difficulté, du moment où la Russie donnait son consentement à étendre le principe de la fermeture du Bosphore aux Dardanelles. Comme la France avait également inclu ce principe dans son programme, tout obstacle se trouvait écarté.

En effet, la convention des détroits, dont l'application n'est contestée par personne jusqu'à l'heure actuelle, a été signée á Londres le 1 (13) juillet.

L'Empereur Nicolas I était très satisfait de ce pacte, dans la pleine conviction que la Porte, étant détenteur des deux détroits, ne manquera pas de remplir scrupuleusement ses engagements à l'égard de la Russie. Il était convaincu qu'elle ne se laisserait jamais entraîner à une action hostile contre celle-ci avec d'autres Puissances et qu'elle ne serait jamais dans le cas de laisser passer par les détroits leurs bâtiments de guerre. En outre, il avait lieu de croire que si les forts du Bosphore et de Dardanelles étaient entretenus selon les exigences de l'artillerie moderne, il serait impossible de forcer le passage des détroits. En un mot, dans la pensée de l'Empereur Nicolas I, la convention des détroits aurait assuré à la Russie la pleine securité de ses possessions dans la mer Noire.

L'événement n'a pas justifié ces prévisions. La guerre de Crimce en 1854—1856 a prouvé que les flottes ennemies pouvaient librement pénétrer dans la Mer Noire, et le fait que l'escadre anglaise a forcé le passage des Dardanelles en 1878 a servi a constater toute l'insuffisance stratégique des forts destinés a leur défense.

D'ailleurs, au moment même de la signature de la convention, les vues se partageaient à son sujet.

Le baron Brunnow annonçait avec enthousiasme au Vice-Chancelier le réglement satisfaisant de cette question et la signature de ce pacte.

Впрочемъ, Брунновъ не вполнѣ оправдываетъ образъ дѣйствія министра: онъ признаетъ за нимъ одну большую слабость. „Это несчастная страсть хотѣть все писать и все дѣлать самому. Онъ даже пишетъ самъ свои пригласительные билеты. Судите сами, можетъ-ли онъ предоставить другому сочинить трактатъ".

Имѣя въ виду отношеніе лорда Пальмерстона и барона Бруннова къ предложеніямъ Гизо, понятно будетъ, что дѣло подписанія конвенціи о проливахъ не вызывало никакихъ затрудненій съ того момента, когда Россія объявила о своемъ согласіи распространить начало закрытія Босфорскаго пролива также на Дарданельскій проливъ. И такъ какъ даже Франція поставила это начало въ свою программу, то не было уже никакого препятствія для завершенія этого дѣла.

И дѣйствительно, 1 (13-го) іюля была въ Лондонѣ подписана конвенція о проливахъ, обязательность которой никѣмъ не оспаривается до настоящей минуты.

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ этотъ актъ, въ убѣжденіи, что Порта, какъ привратница обоихъ проливовъ, исполнитъ свою должность самымъ удовлетворительнымъ для Россіи образомъ. Онъ былъ увѣренъ, что никогда Турція не будетъ воевать противъ Россіи въ союзѣ съ другими европейскими державами и, стало быть, никогда она не пропуститъ чрезъ проливы военныя суда воюющихъ противъ Россіи государствъ. Наконецъ, онъ имѣлъ основаніе думать, что если Дарданельскія и Босфорскія укрѣпленія будутъ поддерживаться на высотѣ требованій современной артиллеріи, то прорваться силою чрезъ проливы будетъ совершенно невозможно. Словомъ сказать, по убѣжденію Императора Николая I, конвенція о проливахъ создала полную безопасность для русскихъ владѣній на Черномъ морѣ.

Впослѣдствіи обстоятельства показали ошибочность такого убѣжденія: Крымская война 1854—56 годовъ доказала возможность свободнаго входа въ Черное море флотовъ воюющихъ противъ Россіи иностранныхъ Державъ, а насильственный проходъ англійскаго флота чрезъ Дарданеллы въ 1878 году подтвердилъ безсиліе, съ точки зрѣнія артиллерійской, турецкихъ укрѣпленій на этомъ проливѣ.

Впрочемъ, даже въ моментъ подписанія конвенціи о проливахъ существовали разные на нее взгляды.

Баронъ Брунновъ съ восторгомъ оповѣстилъ Вице-Канцлера о благополучномъ окончаніи этого дѣла и о подписаніи конвенціи.

„Voilà donc un morceau de papier de plus", écrivait le baron Brunnow au comte Nesselrode à la date du 11 (13) juillet 1841, „et une tracasserie diplomatique de moins... Pour l'amour de Dieu n'en parlons plus... Ouf; en voilà assez.— „Einmal ist nicht immer"... Après tout, je vous fais mon compliment d'avoir clôturé cette affaire avec Palmerston. Nous n'aurions pas eu aussi bon marché d'Aberdeen. En voulez-vous la preuve? Sir R. Gordon (ambassadeur d'Angleterre près la Cour de Vienne) m'a dit hier soir: que nous sommes les seuls qui gagnons à la convention des détroits; *car le principe de la fermeture tourne en entier à notre profit*".

„Je lui ai répliqué: que ce principe a existé de tout temps. Il m'a repondu que non; qu'à la vérité le traité de 1809 conclu avec l'Angleterre avait mentionné ce principe comme une ancienne règle de l'Empire Ottoman; mais qu'alors, il avait été *facultatif* pour la Porte d'ouvrir les Dardanelles à volonté, en temps de paix, et d'ouvrir de même le Bosphore; que l'Angleterre s'était engagée seulement envers la Porte à respecter ce principe tant que celle-ci y tenait; mais que si la Porte avait voulu faire une exception à cette règle en faveur de l'Angleterre et admettre le pavillon anglais dans la mer Noire,— le Sultan en aurait eu indubitablement le droit, sans l'influence du traité de 1809."

„Mais qu'aujourd'hui cela ne se pourrait plus. Qu'après la lettre de notre convention actuelle, c'était la Porte qui s'est engagée envers nous à maintenir l'ancienne règle de son Empire; de sorte qu'elle n'a plus la *faculté* d'ouvrir à volonté les détroits, mais qu'elle est *obligée* de les tenir fermés."

Telles étaient les vues d'un diplomate anglais éminent au sujet de la convention des détroits. En présence de ces appréciations, le baron Brunnow se croyait d'autant plus autorisé à se féliciter de la signature de cette transaction internationale.

„Вотъ вамъ однимъ кускомъ бумаги больше", писалъ Брунновъ графу Нессельроде 1 (13-го) іюля 1841 г., въ день подписанія конвенціи, „и однимъ дипломатическимъ мученіемъ меньше... Ради Бога, не будемъ больше объ этомъ говорить... Уфъ! Довольно. — „Einmal ist nicht immer"... Во всякомъ случаѣ, я васъ поздравляю съ окончаніемъ этого дѣла съ Пальмерстономъ. Съ Эбердиномъ дѣло не прошло бы такъ гладко. Хотите доказательство? Сэръ Робертъ Гордонъ (великобританскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ) сказалъ мнѣ вчера вечеромъ: только мы одни выигрываемъ отъ конвенціи о проливахъ, *ибо принципъ закрытія исключительно выгоденъ только намъ*".

„Я возразилъ ему, что этотъ принципъ существовалъ съ давнихъ временъ. Онъ отвѣтилъ—нѣтъ. Правда, трактатъ 1809 года, заключенный съ Англіею, упомянулъ объ этомъ началѣ, какъ о древнемъ правилѣ Оттоманской Имперіи. Но въ то время оно было для Порты *факультативно:* она могла открывать, по усмотрѣнію, и во время мира Дарданельскій проливъ, и также открывать Босфоръ. Англія только обязалась уважать это начало настолько, насколько Порта того пожелаетъ. Но еслибъ Порта пожелала сдѣлать исключеніе изъ этого правила въ пользу Англіи и допустить англійскій флагъ въ Черное море, то султанъ несомнѣнно имѣлъ на это право, помимо трактата 1809 года".

„Но въ настоящее время", продолжалъ сэръ Робертъ Гордонъ, „этого больше быть не можетъ. По буквѣ іюльской конвенціи, Порта обязалась по отношенію къ Россіи соблюдать древнее правило своего государства, такъ что она больше не имѣетъ *права* произвольно открывать проливы, напротивъ, она *обязана* держать ихъ закрытыми".

Таковъ былъ взглядъ англійскаго выдающагося дипломата на конвенцію о проливахъ. Въ виду такого взгляда баронъ Брунновъ считалъ себя еще больше въ правѣ искренне радоваться подписанію этого международнаго акта.

Au Nom de Dieu très miséricordieux.

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême; le Roi des Français; la Reine du Royaume Uni de

Во имя Бога всемилостиваго.

Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій, Король Французовъ, Королева соединеннаго коро-

la Grande Bretagne et d'Irlande, et le Roi de Prusse, persuadées que leur union et leur accord offrent à l'Europe le gage le plus certain de la conservation de la paix générale, objet constant de leur sollicitude; et leurs dites Majestés voulant attester cet accord en donnant à Sa Hautesse le Sultan une preuve manifeste du respect qu'Elles portent à l'inviolabilité de ses droits souverains, ainsi que de leur désir sincère de voir se consolider le repos de son Empire;

Leurs dites Majestés ont résolu de se rendre à l'invitation de Sa Hautesse le Sultan, afin de constater en commun par un acte formel, leur détermination unanime de se conformer à l'ancienne règle de l'Empire Ottoman d'après laquelle le passage des détroits des Dardanelles et du Bosphore doit toujours être fermé aux bâtimens de guerre étrangers, tant que la Porte se trouve en paix.

Leurs dites Majestés d'une part et Sa Hautesse le Sultan de l'autre, ayant résolu de conclure entre Elles une convention à ce sujet, ont nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies,— le sieur Philippe, baron de Brunnow, chevalier de l'ordre de l'Aigle blanc etc., son Conseiller Privé, Envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique.

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, le sieur Paul, prince Esterházy de Galantha, comte d'Edelstett, chevalier de la Toison d'Or etc., chambellan, conseiller intime actuel de S. M. l'Empereur d'Autriche et son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique,

левства Великобританіи и Ирландіи и Король Прусскій въ увѣренности, что ихъ союзъ и согласіе представляютъ Европѣ вѣрнѣйшій залогъ сохраненія всеобщаго мира, предмета ихъ постоянныхъ попеченій, и желая засвидѣтельствовать это согласіе, представивъ Его Величеству Султану явное доказательство уваженія, питаемаго ими къ неприкосновенности его владѣтельскихъ правъ, а равно и ихъ искренняго желанія укрѣпить покой его Имперіи;

Ихъ Величества положили согласиться на приглашеніе Его Султанскаго Величества, для подтвержденія сообща формальнымъ актомъ ихъ единодушнаго рѣшенія сообразоваться съ древнимъ правиломъ Имперіи Оттоманской, въ силу коего проходъ чрезъ проливы Дарданеллъ и Босфора постоянно остается закрытымъ для военныхъ иностранныхъ судовъ, пока Порта находится въ мирѣ.

Ихъ Величества съ одной стороны и Е. В. Султанъ съ другой, положивъ заключить между ими на сей конецъ конвенцію, назначили:

Е. В. Императоръ Всероссійскій барона Филиппа Бруннова, кавалера ордена Бѣлаго Орла и пр., своего тайнаго совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

Е. В. Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій князя Павла Эстергази де Галанта, графа Эдельштетскаго, кавалера Золотаго Руна и пр., каммергера, дѣйств. тайн. совѣтника Е. В. Императора Австрійскаго и своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Британскомъ,

et le sieur Philippe, baron de Neumann, commandeur de l'ordre de Léopold d'Autriche etc., conseiller aulique et son plénipotentiaire près S. M. Britannique.

S. M. le Roi des Français, le sieur François Adolphe, baron de Bourqueney, commandeur de l'ordre royal de la Légion d'honneur, Maître des requêtes en son conseil d'Etat, son chargé d'affaires et plénipotentiaire à Londres.

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, le très honorable Henri Jean, vicomte Palmerston, baron Temple, pair d'Irlande, conseiller de S. M. Britannique en son Conseil Privé, chevalier grand'croix du très honorable ordre du Bain, Membre du Parlement du Royaume Uni, et Principal Secrétaire d'Etat de S. M. Britannique ayant le Département des Affaires Etrangères.

S. M. le Roi de Prusse, le sieur Henri Guillaume, baron de Bülow, chevalier de l'ordre de l'Aigle Rouge de première classe de Prusse etc., son chambellan, conseiller intime actuel, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

et S. M. le très majestueux, très puissant, et très magnifique Sultan Abdul Médjid, Empereur des Ottomans, Chékib Effendi, décoré du Nichan Iftihar de première classe, Beylikdgi du Divan Impérial, conseiller honoraire du Département des Affaires Etrangères, son Ambassadeur extraordinaire près S. M. Britannique;

Lesquels, s'étant réciproquement communiqué leurs pleins pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et signé les articles suivans:

и барона Филиппа Неймана, коммандора ордена Леопольда Австрійскаго и пр., надворнаго совѣтника и своего уполномоченнаго при Е. В. Британскомъ;

Е. В. король Французовъ барона Франциска Адольфа Буркенэ, коммандора королевскаго ордена Почетнаго Легіона, рекетмейстера Государственнаго Совѣта, своего повѣреннаго въ дѣлахъ и уполномоченнаго въ Лондонѣ;

Е. В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, высокопочтеннаго виконта Генриха Іоанна Пальмерстона, барона Тэмпля, пэра Ирландіи, совѣтника Е. В. Британскаго въ ея Тайномъ Совѣтѣ, кавалера высокопочтеннаго ордена Бани, члена Парламента Соединеннаго королевства и главнаго статсъ-секретаря Е. В. Британскаго по Департаменту иностранныхъ дѣлъ;

Е. В. король Прусскій барона Генриха Вильгельма Бюлова, кавалера прусскаго ордена Краснаго Орла первой степени и пр., своего каммергера, дѣйств. тайн. совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ,

и Е. В. державнѣйшій, могущественнѣйшій и великолѣпнѣйшій Султанъ Абдулъ Меджидъ, Императоръ Оттоманскій, Хекиба Еффенди, имѣющаго орденъ Ниханъ Ифтихаръ первой степени, бейликджія Императорскаго Дивана, почетнаго совѣтника по Департаменту иностранныхъ дѣлъ, своего чрезвычайнаго посла при Е. В. Британскомъ;

каковые уполномоченные, взаимно сообщивъ свои полномочія и найдя ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, постановили и подписали слѣдующія статьи:

Article I.

Sa Hautesse le Sultan, d'une part, déclare qu'il a la ferme résolution de maintenir à l'avenir le principe invariablement établi comme ancienne règle de son Empire et en vertu duquel il a été de tout temps défendu aux bâtimens de guerre des Puissances étrangères d'entrer dans les détroits des Dardanelles et du Bosphore, et que tant que la Porte se trouve en paix, Sa Hautesse n'admettra aucun bâtiment de guerre étranger dans les dits détroits.

Et Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, le Roi des Français, la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande et le Roi de Prusse, de l'autre part, s'engagent à respecter cette détermination du Sultan, et à se conformer au principe ci-dessus énoncé.

Статья I.

Е. В. Султанъ, съ одной стороны, объявляетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, какъ древнее правило его Имперіи, и въ силу коего всегда было воспрещено военнымъ судамъ иностранныхъ Державъ входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора, и пока Порта находится въ мирѣ, Его Султанское Величество не допуститъ ни одного военнаго иностраннаго судна въ сказанные проливы.

И Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій, Король Французовъ, Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и Король Прусскій, съ другой стороны, обѣщаютъ уважать это рѣшеніе Султана и сообразоваться съ вышеизложеннымъ началомъ.

Article II.

Il est entendu qu'en constatant l'inviolabilité de l'ancienne règle de l'Empire Ottoman mentionné dans l'article précédent, le Sultan se réserve, comme par le passé, de délivrer des firmans de passage aux bâtimens legers sous pavillon de guerre, lesquels seront employés, comme il est d'usage, au service des Légations des Puissances amies.

Статья II.

Положено, что подтверждая неприкосновенность древняго правила Оттоманской Имперіи, изложеннаго въ предыдущей статьѣ, Султанъ предоставляетъ себѣ, по прежнему, выдавать фирманы на проходъ мелкихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, состоящихъ, по обычаю, въ распоряженіи посольствъ дружественныхъ Державъ.

Article III.

Sa Hautesse le Sultan se réserve de porter la présente convention à la connaissance de toutes les Puissances avec lesquelles la Sublime Porte se trouve en relation d'amitié, en les invitant à y accéder.

Статья III.

Е. В. Султанъ предоставляетъ себѣ эту конвенцію довести до свѣдѣнія всѣхъ Державъ, съ коими Блистательная Порта находится въ дружественныхъ сношеніяхъ, и предложить имъ приступить къ оной.

Article IV.

La présente convention sera ratifiée et les ratifications en seront échangées à Londres à l'expiration de deux mois ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 1 (13) juillet 1841.

(L. S.) Brunnow. (L. S.) Chékib.
(L. S.) Esterházy.
(L. S.) Neumann.
(L. S.) Bourqueney.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bülow.

Статья IV.

Настоящая конвенція будетъ ратификована и ратификаціи размѣнены въ Лондонѣ чрезъ два мѣсяца или ранѣе, если возможно.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Лондонѣ, 1-го (13) іюля 1841 г.

(М. П.) Брунновъ. (М. П.) Хекибъ.
(М. П.) Эстергази.
(М. П.) Нейманъ.
(М. П.) Буркенэ.
(М. П.) Пальмерстонъ
(М. П.) Бюловъ.

№ 447.

1841, 8 (20) décembre. Traité concernant la traite des négres, conclu à Londres entre la Russie, l'Angleterre, l'Autriche, la Prusse et la France (Recueil des lois № 15.429).

1841 г., декабря 8-го (20-го). Трактатъ относительно торговли неграми, заключенный въ Лондонѣ между Россіею, Англіею, Австріею, Пруссіею и Франціею. (П. С. З. № 15.429).

№ 448.

1845, 21 septembre (3 octobre). Traité de Londres, conclu dans le but de modifier certains articles du traité de 1841, ci-dessus inséré sub № 447.

1845 г., сентября 21-го (окт. 3-го). Лондонскій трактатъ, заключенный въ измѣненіе нѣкоторыхъ статей вышеприведеннаго трактата 1841 г., подъ № 447.

№ 449.

1848, 12 (24) février. Acte d'accession de la Belgique au traité de Londres sub № 447.

1848 г., февраля 12-го (24-го). Актъ приступленія Бельгіи къ Лондонскому трактату подъ № 447.

№ 450.

1879, 17 (29) mars. Le traité de Londres de 1841 renouvelé. L'Empire d'Allemagne y est substitué à la Prusse (2-e Recueil des Lois № 60.418).

Dans le compte rendu pour l'année 1840 soumis à Sa Majesté, le comte Nesselrode énonçait la certitude que la convention de 1840 au sujet de l'Egypte établirait à l'avenir entre la Russie et l'Angleterre „un sentiment profond de confiance et d'estime réciproques". Il est vrai que la politique anglaise tient compte non des sentiments, mais des intérêts réels, et que la Russie ne sacrifiera jamais à l'Angleterre ses avantages légitimes. Toutefois, poursuit le Vice-Chancelier, on a tort de voir un certain antagonisme d'intérêts entre la Russie et l'Angleterre. Cet antagonisme subsiste bien plus dans l'imagination, que dans la réalité.

„Ne voulant", dit le comte Nesselrode, „ni lutter d'influence maritime avec les Anglais, ni faire un lac Russe de la Mediterranée, ni briser l'Empire Ottoman, ni renverser la puissance britannique aux Indes, — ne demandant à l'Angleterre qu'une juste part des avantages commerciaux qu'offrent aux deux pays, sans préjudice pour l'un ou pour l'autre, les vastes espaces de l'Asie centrale, nous ne voyons pas où serait pour eux, si chacun se montre animé des mêmes sentiments de conciliation, le théâtre d'une collision sérieuse. En effet, il n'a jamais existé entre eux que de simples préventions. Ces préventions, la politique erronée de l'Angleterre à l'égard de la Turquie en avait été la cause principale."

A la suite de la signature de la convention de 1840, le rapprochement qui s'est opéré entre la Russie et l'Angleterre en 1839 est devenu „une alliance effective", et „le système fédératif des Etats Européens" s'est ainsi trouvé retabli „sur ses anciennes bases".

Après la signature de la convention des détroits en 1841, le comte Nesselrode exprimait la même satisfaction au sujet du rétablissement d'une alliance effective entre la Russie et l'Angleterre. Dans son compte rendu de 1841 le Vice-Chancelier se moquait, d'une part, de Guizot qui assu-

№ 450.

1879 г., марта 17-го (29-го). Возобновленный Лондонскій трактатъ 1841 года. Германская Имперія заступила мѣсто Пруссіи. (2-ое П. С. З. № 60.418).

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ графа Нессельроде за 1840 годъ высказывается увѣренность, что Лондонская конвенція 1840 года относительно Египта установитъ, на будущее время, между Россіею и Англіею „глубокое чувство взаимнаго довѣрія и уваженія". Правда, англійская политика считается не съ чувствами, но съ реальными интересами, и никогда Россія не принесетъ въ жертву Англіи свою законную пользу. Однако, продолжаетъ Вице-Канцлеръ, напрасно усматриваютъ какой то непримиримый антагонизмъ интересовъ между Россіею и Англіею. Такой антагонизмъ болѣе существуетъ въ воображеніи, нежели въ дѣйствительности.

„Не желая", продолжаетъ гр. Нессельроде, „ни соперничать съ вліяніемъ Англичанъ на морѣ, ни обратить Средиземное море въ русское озеро, ни сокрушить Оттоманскую имперію, ни низвергнуть британское владычество въ Индіи, и не требуя отъ Англіи ничего, кромѣ справедливой доли въ торговыхъ выгодахъ, представляемыхъ обѣимъ странамъ, безъ ущерба каждой изъ нихъ, обширными областями Средней Азіи, мы не усматриваемъ, гдѣ находится театръ серьезнаго между ними столкновенія, если каждая будетъ проникнута тѣми же примирительными чувствами. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не существовало между ними ничего, кромѣ пустыхъ предубѣжденій, вызванныхъ главнымъ образомъ ошибочною политикою Англіи въ отношеніи Турціи".

Вслѣдствіе же подписанія іюльской конвенціи 1840 года, возникшее въ 1839 году сближеніе между Россіею и Англіею превратилось „въ дѣйствительный союзъ", и такимъ образомъ была возстановлена, на прежнихъ основаніяхъ, „система федераціи европейскихъ государствъ".

Такое же удовольствіе по поводу возстановленія между Россіею и Англіею „дѣйствительнаго союза" высказывалъ графъ Нессельроде послѣ заключенія конвенціи о проливахъ 1841 года. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1841 годъ, Вице-Канцлеръ, съ одной стороны

rait que la convention des détroits a fait admettre „la Turquie dans le droit européen“ et de l'autre, il se félicitait de voir que l'opposition dans les chambres françaises avait parfaitement compris que la convention de 1841 était la continuation de l'oeuvre du traité d'Unkiar-Skelessi, car l'importance de ce dernier pacte pour la Russie consistait dans le fait, que l'accès de la Mer Noire était fermé à tout pavillon de guerre, à l'exception de celui de la Russie. La convention de 1841 a converti „cette garantie de sécurité“ en une „garantie permanente“ et reconnue de tout le monde.

Ainsi le gouvernement impérial avait lieu d'être parfaitement satisfait des deux actes diplomatiques, signés en 1840 et 1841. Ils servaient à consacrer une alliance effective avec l'Angleterre et à assurer, pour un temps indéfini, la sécurité des côtes russes de la Mer Noire. Les événements politiques ultérieurs ont prouvé que ces prévisions étaient un peu téméraires, car l'Angleterre ne s'est pas considérée comme l'alliée de la Russie, et la flotte anglo-française a pu sans obstacle bombarder le littoral russe de la Mer Noire en 1854.

Il a été reconnu bientôt que les vastes régions de l'Asie Centrale étaient trop étroites pour l'Angleterre et la Russie. Ces questions soulevaient sans cesse un échange d'idées entre les deux Puissances qui aboutissait rarement à un accord complet. Tout au contraire, bien des choses restaient non élucidées, ce qui donnait lieu à de nouveaux malentendus et à des conflits inévitables.

La fameuse expédition de Khiva en 1840, sous le commandement du général Peroffsky, fut le point de départ d'un de ces conflits entre la Russie et l'Angleterre. Le droit de la Russie de punir le khan de Khiva, pour les actes de brigandage dont les caravanes russes étaient victimes, ne pouvait faire l'objet d'aucune contestation. Le gouvernement anglais ne fit pas moins tout son possible pour compromettre le succès de cette expédition et ne cessait de prendre le parti de ce brigand. Il poussa les choses jusqu'à envoyer à Khiva le capitaine Abbot avec la mission secrète d'y organiser la résistance du Khan.

Le baron Brunnow recommandait avec insistance à son gouvernement de ne prêter aucune attention aux menées de l'Angleterre, et d'avancer sans crainte. „Soyez sans la moindre inquiétude“, écrivait-il à son gouvernement à la date

смѣется надъ Гизо, утверждавшимъ, что конвенціею о проливахъ Турція „вступила въ европейское право“. Но, съ другой стороны, онъ радовался тому, что оппозиція во французскихъ палатахъ вѣрно замѣтила, что конвенція 1841 года продолжила дѣйствіе Ункіаръ-Искелесскаго трактата, ибо послѣдній актъ имѣлъ для Россіи только одну цѣль: запретить входъ въ Черное море всѣмъ военнымъ судамъ, за исключеніемъ русскихъ. Конвенція же 1841 года превратила эту „гарантію безопасности“ въ общепризнанную и „постоянную гарантію“.

Итакъ Императорское правительство было совершенно довольно обоими международными актами, подписанными въ 1840 и 1841 годахъ: ими утверждался „настоящій союзъ“ съ Англіею и обезпечивалась на вѣчныя времена полная безопасность русскаго побережья на Черномъ морѣ. Послѣдующія политическія событія показали, что такое заключеніе насчетъ обоихъ актовъ было немного опрометчиво, ибо Англія не чувствовала себя союзницею Россіи и англо-французскій флотъ свободно бомбардировалъ русскій берегъ на Черномъ морѣ въ 1854 году.

Весьма скоро оказалось, что обширныя области Средней Азіи всетаки слишкомъ тѣсны для Англіи и Россіи. Среднеазіятскія дѣла возбуждали безпрерывный обмѣнъ мыслей между обѣими державами, который рѣдко кончался полнымъ согласіемъ. Напротивъ, всегда оставалось многое недосказано и многое невыяснено. Отсюда новыя недоразумѣнія и столкновенія были совершенно неизбѣжны.

Ближайшимъ поводомъ къ такому столкновенію между Россіею и Англіею послужилъ въ 1840 году извѣстный походъ противъ Хивы, подъ начальствомъ генерала Перовскаго. Право Россіи наказать хивинскаго хана за постоянныя разбойническія нападенія на русскіе караваны не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но англійское правительство старалось противодѣйствовать всѣми средствами успѣху этой экспедиціи и не переставало держать сторону хивинскаго разбойника. Оно послало даже въ Хиву капитана Эббота съ тайнымъ порученіемъ организовать сопротивленіе хивинскаго хана.

Но баронъ Брунновъ настоятельнымъ образомъ совѣтовалъ своему правительству не обращать никакого вниманія на англійскія происки и безбоязненно идти впередъ. „Будьте совершенно покойны“, писалъ онъ 31 января

du 31 janvier (12 février) 1840, „pourvu que Peroffsky fasse son affaire, qu'il chasse le khan, qu'il le pende, qu'il le fustige,—il fera toujours bien, personne ne pourra nous en empêcher. Mais, de grâce, *préférez les faits aux écritures.* Elles valent peu, par le temps qui court, même en Europe. Elles valent encore moins en Asie; et sans nous donner plus de sécurité à nous-mêmes, tout acte patent que nous signerions avec quelque chef brigand de Khiva, serait un document qui nous ferait beaucoup de mal en Angleterre.“

Toutefois, si le gouvernement anglais, dans la personne de lord Palmerston, blâmait avec ostentation l'expédition de Khiva, le duc de Wellington et d'autres hommes d'Etat anglais n'hésitaient pas à l'approuver ouvertement. Voici ce que le héros de Waterloo disait à ce sujet au baron Brunnow:

„L'affaire de Khiva est ce qu'elle doit être. L'Empereur de Russie est en Asie le maître, — comme la Reine d'Angleterre dans le Canada, — d'empêcher que des brigands ne viennent infecter leurs frontières, piller leurs sujets, méconnaître leur autorité. Personne n'a le droit de blâmer l'Empereur, lorsqu'il prend les armes pour punir de pareils actes de brigandage.“ Lorsque le baron Brunnow fit part au duc de Wellington que lord Palmerston protestait contre les termes „d'influence légitime“ dont avait usé la déclaration russe sur l'expédition de Khiva, le duc s'écriait avec vivacité: „L'influence de la Russie est un fait; entendez bien ce que je vous dis, l'influence de la Russie est un fait. On ne peut le nier ni le contester. Peut-être vaudrait-il mieux pour vous de ne point en parler, mais chez nous il serait absurde de vouloir le disputer.“

Ce vieux capitaine anglais ne cessait, au déclin de l'âge, de professer pour l'Empereur Nicolas I et sa politique un profond respect et une sincère sympathie. Le duc de Wellington ne pouvait pactiser ni avec les reformes de lord Grey, ni avec les principes de lord Palmerston, et de John Russell qui se laissaient entraîner par le mouvement novateur et révolutionnaire. Pour le duc, le maintien de l'ordre légal-tel que le poursuivait avec conséquence et énergie l'Empereur de Russie,-était bien plus sympathique et d'après sa conviction intime, bien plus fecond en résul-

(12 февр.) 1840 г. своему правительству, „лишь бы только Перовскій сдѣлалъ свое дѣло: пусть онъ прогонитъ хана, или повѣситъ его или выпоретъ плетьми—все равно, онъ поступитъ отлично, и никто вамъ въ томъ мѣшать не можетъ. Только умоляю васъ: *предпочтите факты писаніямъ!* Эти писанія въ настоящее время, даже въ Европѣ, очень мало имѣютъ значенія. Еще меньше стоютъ они въ Азіи. Всякій открытый актъ, подписанный нами съ какимъ нибудь хивинскимъ разбойникомъ, не дастъ намъ больше безопасности, но навѣрное будетъ для насъ очень вреднымъ въ глазахъ Англичанъ“.

Впрочемъ, если англійское правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, открыто осуждало хивинскую экспедицію, то, съ другой стороны, герцогъ Веллингтонъ и нѣкоторые другіе государственные дѣятели Англіи не менѣе открыто одобряли ее. Вотъ что сказалъ барону Бруннову герой Ватерлооской битвы:

„Хивинское дѣло такое дѣло, какимъ оно должно быть. Императоръ Всероссійскій есть властитель Азіи, подобно тому какъ королева англійская властвуетъ надъ Канадою, и потому они могутъ принимать мѣры, чтобъ разбойники не нападали на ихъ границы, не грабили ихъ подданныхъ и не посягали на ихъ авторитетъ. Никто не имѣетъ права осуждать Императора за то, что онъ берется за оружіе для наказанія за подобныя разбойничьи дѣла“. Когда же баронъ Брунновъ сообщилъ герцогу Веллингтону, что лордъ Пальмерстонъ протестовалъ противъ словъ: „законное вліяніе“ въ русской деклараціи о хивинской экспедиціи, герцогъ съ живостію воскликнулъ: „Вліяніе Россіи (въ Азіи) — это положительный фактъ. Замѣтьте хорошенько, что я вамъ говорю: вліяніе Россіи есть фактъ, котораго нельзя ни отрицать, ни оспаривать. Можетъ быть, было бы лучше для васъ вовсе не говорить о немъ; но было бы съ нашей стороны глупо хотѣть его оспаривать“.

Старый англійскій полководецъ, на склонѣ своихъ лѣтъ, не переставалъ выказывать Императору Николаю I и его политикѣ глубочайшее уваженіе и искреннее сочувствіе. Герцогъ Веллингтонъ не могъ сочувствовать ни реформамъ лорда Грея, ни увлеченіямъ революціями и новыми порядками, которымъ поддавались лорды Пальмерстонъ и Джонъ Россель. Для герцога стойкая и послѣдовательная въ охраненіи существующаго законнаго порядка политика русскаго Государя была несравненно болѣе симпатична и, по его глубокому

tats. C'est pourquoi le baron Brunnow se faisait un devoir de tenir le duc de Wellington au courant des affaires politiques, car il savait que l'Empereur Nicolas I ajoutait une grande importance à l'opinion de cet éminent homme de guerre. C'est pourquoi le duc, fut-il ministre ou loin des affaires, était toujours initié à toutes les discordes et à tous les conflits entre les deux gouvernements. Aussi l'Empereur fut-il très satisfait de l'avis, énoncé par le duc de Wellington, au sujet de la légalité de l'expédition de Khiva de 1840.

Mais le duc ne se borna pas à approuver hautement cette expédition, en vue de la nécessité de mettre fin au brigandage des habitants de Khiva. Il crut devoir adresser un avertissement au sujet des conséquences éventuelles de cette campagne et énonça, à ce sujet, des considérations qu'on ferait bien de ne jamais perdre de vue dans la gestion des affaires de l'Asie Centrale. Voici textuellement les paroles qu'il dit au baron Brunnow.

„De ce côté-là (de l'Asie Centrale) tout est à craindre: le succès comme le revers. Si la fortune est pour vous, vous ne savez pas jusqu'où vous irez dans ces déserts. Si la fortune vous est contraire, vous ne savez pas comment vous en sortirez". „*Dans des entreprises de ce genre,*" ajouta le duc après une longue pause, „*souvenez vous bien qu'il est facile de faire, pas facile de défaire.*" (Rapport de Brunnow du 24 novembre (6 décembre) 1840).

Ces paroles d'or du duc de Wellington se sont bien souvent justifiées dans le cours des affaires de l'Asie Centrale, et ont été encore bien plus souvent oubliées. L'histoire des conquêtes en Asie Centrale présente une suite continue d'événements imprévus, qu'il était de toute impossibilité au gouvernement de refaire, selon ses convenances. On pouvait les provoquer par une marche intrépide en avant, poussée comme par la force des éléments. Mais il est rare, qu'on ait pu les refaire à son gré, par un mouvement de recul rationnel et opportun. La Russie et l'Angleterre ont dû se convaincre de cette vérité déjà en 1840, à la suite de la malencontreuse expédition à Khiva, sous le commandement de Peroffsky.

A cette époque, c'était la fameuse compagnie des Indes Orientales qui dirigeait la politique de l'Angleterre en Asie Centrale. Il y avait, il est vrai, à Londres un ministre pour les affaires des Indes, et dans le Cabinet de Lord Melbourne

убѣжденію, болѣе благотворна. Вотъ почему баронъ Брунновъ постоянно докладывалъ герцогу Веллингтону о текущихъ политическихъ дѣлахъ, зная, что Императоръ Николай I придавалъ особенное значеніе мнѣнію маститаго англійскаго героя. Вотъ почему герцогъ, будучи министромъ, или не удѣлъ, всегда зналъ о всѣхъ разногласіяхъ и столкновеніяхъ между англійскимъ и русскимъ правительствами. И вотъ почему Государь былъ крайне доволенъ отзывомъ герцога Веллингтона о законности хивинскаго похода 1840 года.

Но герцогъ не ограничился громкимъ оправданіемъ этого похода въ виду неотложной необходимости положить конецъ разбойничеству хивинцевъ. Онъ предостерегалъ насчетъ послѣдствій этого похода и высказалъ мысли, которыя всегда слѣдуетъ помнить въ веденіи среднеазіятскихъ дѣлъ. Вотъ его подлинныя слова, сказанныя барону Бруннову.

„Тамъ, съ этой стороны (Средней Азіи), всего должно опасаться: какъ успѣха, такъ и погрома. Если на вашей сторонѣ будетъ успѣхъ, вы не будете знать, какъ далеко вамъ идти въ тѣхъ пустыняхъ. Если же судьба будетъ противъ васъ, то вы не будете знать, какъ выйдти оттуда". „*Въ подобныхъ предпріятіяхъ*", прибавилъ герцогъ Веллингтонъ послѣ долгаго раздумья, „*помните всегда, что легко идти впередъ, но трудно идти назадъ*". (Донесеніе Бруннова отъ 24-го ноября (6 декабря) 1840 года).

Эти золотыя слова герцога Веллингтона весьма часто оправдывались и еще чаще забывались въ среднеазіятскихъ дѣлахъ. Исторія завоеваній въ Средней Азіи есть безпрерывный рядъ случайностей, которыя передѣлывать не было никакой возможности. Можно было ихъ вызвать стихійнымъ движеніемъ впередъ. Но рѣдко можно было ихъ передѣлать по своему желанію разумнымъ и своевременнымъ движеніемъ назадъ. Къ такому именно заключенію должны были придти Россія и Англія уже въ 1840 году по поводу несчастной экспедиціи на Хиву, подъ начальствомъ Перовскаго.

Въ то время среднеазіятскою политикою Англіи управляла знаменитая Остъ-индская компанія. Правда, имѣлся въ Лондонѣ министръ по дѣламъ Индіи, которымъ былъ, въ кабинетѣ лорда Мельборна, лордъ Гобгаузъ. Но роль этого

ce poste était confié a lord Hobhouse. Mais le rôle de ce ministre était très effacé: il n'avait aucun pouvoir réel. Le gouvernement central en Angleterre n'avait aucune possibilité d'arrêter l'ardeur aventureuse des chefs de l'armée des Indes, entretenue par la Compagnie. En 1840 elle était commandée par lord Auckland, qui rendait compte de ses actes non pas aux ministres anglais, mais à l'administration de la Compagnie. Il informait celle-ci, qu'il s'est avancé jusqu'à Kandahar et Caboul, qu'il jugeait nécessaire d'occuper ces villes et qu'il se proposait de s'avancer jusqu'à Herat. Le gouvernement anglais était impuissant de l'arrêter, car tout dépendait de la Compagnie.

Lorsque le baron Brunnow insistait auprès de Lord Hobhouse sur la nécessité impérieuse de rappeler de Khiva le capitaine Abbot, le ministre anglais convenait que cet officier n'avait rien à faire dans cette localité, et que sa présence y était inutile et dangereuse. Inutile, parcequ'il était impuissant d'arrêter la marche de l'armée russe, et dangereuse parcequ'il compromettait l'Angleterre. Mais la Compagnie des Indes avait seule le pouvoir de rappeler Abbot — c'est ce qu'elle fit.

Lord Hobhouse ne put s'empêcher de rire en apprenant du baron Brunnow que, selon l'avis du comte Nesselrode, tous les Khans et les Emirs de l'Asie Centrale étaient des misérables dont le commerce était soigneusement à éviter. Il était complètement du même avis, et disait à Brunnow: „Pour notre repos tâchons de ne pas nous quereller à cause de ces misérables". (Rapport du baron Brunnow du 30 avril (12 mai) 1840).

Le baron Brunnow partageait entièrement les vues du ministre anglais et ne cessait de prémunir son gouvernement contre les dangers d'une marche inconsidérée dans les déserts de de l'Asie Centrale. Mais d'une autre part, déjà en 1840, il voyait dans le mouvement agressif de la Russie en Asie Centrale un moyen politique de nuire et d'inspirer des craintes à l'Angleterre. Voici ce qu'il écrivait au comte Nesselrode dans une lettre particulière à la date du 6 (18) mai 1841.

„Vous n'avez pas d'idée combien l'Angleterre nous craint de ce côté-là! Je vous avoue, que, pour punir Palmerston de ses pêchés, quelques officiers russes à Téhéran, ne feraient pas mal. Mais, en pareil cas, la difficulté n'est jamais dans le *commencement*; il faut toujours songer

министра была довольно печальная: онъ не имѣлъ никакой дѣйствительной власти. Англійское центральное правительство не имѣло никакой возможности останавливать предпріимчивыхъ главнокомандующихъ индійской арміи, которая содержалась компаніею. Въ 1840 году главнокомандующимъ былъ лордъ Аукландъ, который давалъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ не англійскимъ министрамъ, но правленію Остъиндской компаніи. Послѣднему онъ доносилъ, что пошелъ на Кандагаръ и Кабулъ, что онъ считаетъ нужнымъ занять эти города и что онъ намѣренъ дойти до Герата. Но англійское правительство не въ состояніи было его остановить, ибо все зависѣло отъ правленія Остъиндской компаніи!

Когда баронъ Брунновъ настаивалъ предъ лордомъ Гобгаузомъ на неотложной необходимости отозвать изъ Хивы капитана Эббота, англійскій министръ соглашался, что этому офицеру нечего дѣлать въ Хивѣ и что его присутствіе тамъ излишне и вредно. Излишне потому, что онъ не остановитъ русскихъ войскъ; вредно потому, что онъ компрометируетъ Англію. Но только Остъиндская компанія могла отозвать Эббота изъ Хивы—что она и сдѣлала.

Лордъ Гобгаузъ очень смѣялся, узнавъ отъ барона Бруннова, что, по мнѣнію графа Нессельроде, всѣ среднеазіятскіе ханы и эмиры „негодяи", съ которыми нужно стараться поменьше имѣть дѣла. Онъ вполнѣ согласился съ такимъ мнѣніемъ и сказалъ Бруннову: „Для нашего спокойствія будемъ стараться не спорить другъ съ другомъ изъ-за этихъ негодяевъ". (Донесеніе Бруннова отъ 30-го апрѣля (12 мая) 1840 года).

Баронъ Брунновъ совершенно раздѣлялъ это убѣжденіе англійскаго министра и постоянно предостерегалъ свое правительство отъ неосторожнаго движенія впередъ въ дебряхъ и пустыняхъ Средней Азіи. Но, съ другой стороны, онъ уже въ 1840 году усматривалъ въ наступательномъ движеніи Россіи въ Средней Азіи политическое средство вредить и внушать страхъ Англіи. Вотъ что онъ писалъ графу Нессельроде въ частномъ письмѣ отъ 6 (18) мая 1841 года.

„Вы не можете себѣ представить, насколько Англія насъ боится съ этой именно стороны (Средней Азіи)! Я признаюсь вамъ, что, для наказанія Пальмерстона за всѣ его грѣхи, полезно было бы послать нѣсколько русскихъ офицеровъ въ Тегеранъ. Однако, въ такомъ

à la *fin*; et, d'uniforme en uniforme, d'officiers en officiers, on pourrait en venir plus loin qu'on ne voudrait aller. Ce sont des affaires si graves, que je ne me permettrai jamais de vous engager dans une combinaison dont les conséquences seraient incalculables". Toutefois, tout en recommandant à son gouvernement de ne pas se laisser entraîner par des visées de conquête, il ne lui conseillait nullement de témoigner au gouvernement anglais une condescendance exagérée dans les affaires de l'Asie Centrale. Ainsi, pour citer un exemple, il ne pouvait pas pardonner à lord Palmerston sa conduite, pleine de duplicité, dans la question de l'île de Karak. Il avait expressément promis de restituer à la Perse cette île, illégalement occupée par une escadre anglaise dans le golfe Persique, aussitôt que les Persans auraient restitué Ghorian à l'Afganistan. Ghorian était restitué, et l'Angleterre ne continuait pas moins à détenir Karak. Brunnow croyait pouvoir expliquer ce manque de foi, non seulement par l'ambition politique insatiable de l'Angleterre, mais encore par l'esprit de contradiction qui était un trait distinctif du caractère de lord Palmerston.

„Proposez lui de garder Karak", écrivait Brunnow au comte Nesselrode à la date du 10 (22) juin 1841, „son premier mouvement sera de le rendre. Proposez lui de le rendre, il voudra le garder. C'est l'homme tel que le bon Dieu l'a crée pour nos pêchés".

Cette activité hostile de lord Palmerston à l'égard de la Russie prit fin pour quelque temps en été 1841, lorsque le ministère de lord Melbourne fut obligé de se retirer. Sir Robert Peel fut placé à la tête du nouveau Cabinet tory et lord Aberdeen reprit le poste de secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères.

Lord Palmerston en se retirant des affaires, changea immédiatement de langage dans ses entretiens avec le ministre de Russie: il devint un défenseur ardent d'une entente anglo-russe. Il ne trouvait pas de paroles pour exalter la politique désintéressée de l'Empereur Nicolas. Il profita d'une occasion, en septembre 1841, pour faire au baron Brunnow une déclaration d'amour en toute forme:

„Je ne pourrai jamais reconnaître assez hautement", dit-il au ministre de Russie, „combien

случаѣ вся трудность никогда не кроется въ *началѣ*, но постоянно надо думать о *концѣ*, ибо посылая одинъ мундиръ за другимъ и офицеровъ за офицерами, можно зайти гораздо дальше, чѣмъ самому желательно было въ началѣ! Это такія серьезныя дѣла, что я никогда не позволю себѣ увлечь васъ въ комбинацію, послѣдствія которой невозможно предвидѣть". Впрочемъ, совѣтуя своему правительству не увлекаться завоевательными замыслами, баронъ Брунновъ нисколько не предлагалъ выказывать англійскому правительству излишней уступчивости въ среднеазіятскихъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, онъ не могъ простить лорду Пальмерстону его вѣроломнаго поведенія въ удержаніи персидскаго острова Карака. Онъ положительно обѣщалъ возвратить Персіи этотъ островъ, незаконнымъ образомъ захваченный англійскою эскадрою въ Персидскомъ заливѣ, если только Афганистану будетъ возвращенъ Персіянами Горіанъ. Послѣдніе возвратили Горіанъ, но Англія продолжала удерживать Каракъ. Брунновъ объяснялъ такое вѣроломство не только ненасытнымъ властолюбіемъ Англіи, но также личнымъ характеромъ лорда Пальмерстона, у котораго противорѣчіе было страстью.

„Предложите ему", писалъ Брунновъ 10-го (22-го) іюня 1841 года графу Нессельроде, „оставить за Англіею Каракъ, его первымъ движеніемъ будетъ возвратить его. Предложите ему возвратить его,— онъ пожелаетъ его сохранить. Таковъ ужъ человѣкъ, созданный Богомъ за наши грѣхи!"

Этой враждебной въ отношеніи Россіи дѣятельности лорда Пальмерстона былъ положенъ временно конецъ лѣтомъ 1841 года, когда министерство лорда Мельборна должно было подать въ отставку. Во главѣ новаго торійскаго кабинета сталъ сэръ Робертъ Пиль и статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ опять сдѣлался лордъ Эбердинъ.

Когда лордъ Пальмерстонъ вышелъ въ отставку, онъ немедленно перемѣнилъ тонъ своихъ бесѣдъ съ русскимъ посланникомъ: онъ сдѣлался ярымъ защитникомъ англо-русскаго союза! Онъ не находилъ словъ для выраженія своего удивленія къ благородной политикѣ Императора Николая I. Въ сентябрѣ 1841 года онъ воспользовался случаемъ, чтобъ прямо таки объясниться въ любви съ барономъ Брунновымъ.

„Я никогда не былъ бы въ состояніи", сказалъ онъ русскому посланнику, „достаточно

nous devons de reconnaissance et d'admiration à la conduite de l'Empereur. Elle a été pleine de véritable grandeur. Elle a porté l'empreinte d'une volonté qui a conscience de sa force". L'Empereur Nicolas, en possession d'une armée et d'une flotte, restait tranquille quand tout autour de lui s'agitait. „C'est là", dit lord Palmerston en terminant, „ce qui nous a paru vraiment grand, et c'est ce que personne de nous ne saurait oublier". Malheureusement, lord Palmerston fut le premier à l'oublier quand, bientôt après, il s'est trouvé replacé à la tête du Foreign Office.

L'ancien chef de Cabinet, lord Melbourne, parlait avec bien plus de sincérité des relations entre la Russie et l'Angleterre. Il exprimait sa sincère satisfaction au sujet du rapprochement plus intime intervenu entre les deux Puissances depuis quelques années et s'appliquait à démontrer au baron Brunnow, que ce rapprochement répondait complètement aux traditions du parti Whig et, en particulier, aux convictions du célèbre Fox. „La Russie," disait lord Melbourne en terminant, „est celle de toutes les Puissances dont l'Angleterre a le plus besoin pour tenir en équilibre l'ambition de la France".

Si les ministres anglais, retirés des affaires, qui se distinguaient par leur hostilité à l'égard de la Russie affectaient de parler dans un esprit aussi conciliant de la politique russe, on comprend que lord Aberdeen, sir Robert Peel et le duc de Wellington, qui faisaient partie du nouveau Cabinet tory, mettaient encore plus d'ardeur à plaider pour l'amitié et l'alliance entre la Russie et l'Angleterre. C'est particulièrement lord Aberdeen qui fut le défenseur le plus sincère d'un rapprochement entre les deux Puissances. (Rapport de Brunnow du 26 août (7 septembre) 1841).

Le nouveau ministre, préposé à la direction de la politique étrangère en Angleterre était visiblement inquiet des relations entre la Russie et la France. Il semblait redouter une rupture entre les deux Puissances en vue du desaccord complet subsistant entre l'Empereur Nicolas I et le roi Louis Philippe. Cette question préoccupait lord Aberdeen à cause des bruits, répandus par le prince Metternich, au sujet de l'imminence d'une guerre entre la France et la Russie, à laquelle l'Angleterre serait nécessairement appelée à prendre part.

Le baron Brunnow profita de la première occasion pour exposer à lord Aberdeen les vues du gouvernement Impérial sur le régime de la

громко подтвердить, сколько признательности и удивленія мы обязаны воздать образу дѣйствія Императора. Этотъ образъ дѣйствія отличался истиннымъ величіемъ. Онъ носилъ отпечатокъ воли, сознающей свою силу". Императоръ Николай I, обладая и арміею и флотомъ, оставался спокойнымъ, когда все кругомъ находилось въ тревогѣ. „Вотъ именно что", заключилъ лордъ Пальмерстонъ, „намъ казалось по истинѣ великимъ и чего никто изъ насъ забыть не можетъ". Къ сожалѣнію, лордъ Пальмерстонъ самъ это забылъ, когда онъ вскорѣ опять сдѣлался главою Foreign Office'а.

Съ гораздо бо̀льшею искренностію говорилъ бывшій премьеръ, лордъ Мельборнъ, объ отношеніяхъ между Россіею и Англіею. Онъ выражалъ свою искреннюю радость по поводу состоявшагося въ послѣдніе годы бо̀льшаго сближенія между обѣими державами, доказывая барону Бруннову, что такое сближеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ традиціямъ партіи виговъ и, въ частности, убѣжденіямъ знаменитаго Фокса. „Россія", заключилъ свою рѣчь лордъ Мельборнъ „изъ всѣхъ державъ есть именно та, въ которой наиболѣе нуждается Англія для противовѣса честолюбію Франціи".

Если вышедшіе въ отставку англійскіе министры, всегда отличавшіеся своимъ непріязненнымъ отношеніемъ къ Россіи, заговорили такимъ дружескимъ тономъ о русской политикѣ, то понятно будетъ, что лордъ Эбердинъ, сэръ Робертъ Пиль и герцогъ Веллингтонъ, вошедшіе въ составъ новаго торійскаго кабинета, еще съ бо̀льшею силою защищали дружбу и союзъ между Россіею и Англіею. Въ особенности лордъ Эбердинъ былъ искреннимъ приверженцемъ тѣснаго сближенія между обѣими державами. (Донесеніе Бруннова отъ 26-го августа (7-го сент.) 1841 года).

Но новаго руководителя англійской внѣшней политики чрезвычайно безпокоилъ вопросъ: какъ относится Россія къ Франціи? Не будетъ ли разрыва между этими державами въ виду полнаго разногласія во всемъ между Императоромъ Николаемъ I и королемъ Луи Филиппомъ? Лорда Эбердина тревожилъ этотъ вопросъ по причинѣ распространяемыхъ княземъ Меттернихомъ слуховъ о неминуемости войны между Франціею и Россіею,—войны, въ которой Англія должна будетъ неизбѣжно принять участіе.

Баронъ Брунновъ воспользовался первымъ случаемъ для объясненія лорду Эбердину настоящаго взгляда Императорскаго правитель-

France à l'époque de Louis Philippe. Il lui faisait comprendre que l'Empereur Nicolas I n'avait aucune animosité pour la nation française. Ce qu'il éprouvait pour la France était plutôt un sentiment de peine et de la pitié car, en effet, que voyons nous dans ce pays? „Mépris de l'autorité, absence de religion, domination du journalisme, émeutes, changement de Ministère chaque année"—telle est la situation intérieure de la France. Mais l'Empereur Nicolas I ne songe ni à intervenir dans les affaires intérieures de la France, ni à lui imposer ses propres convictions politiques.

Lord Aberdeen resta très satisfait de ces explications du ministre de Russie et lui donna, comme réponse, l'assurance que le moment où une alliance était possible entre la France et l'Angleterre est irrévocablement perdu. Le duc de Wellington et sir Robert Peel partageaient complètement les vues de lord Aberdeen sur le gouvernement français. Bulwer, l'écrivain et le diplomate bien connu, a notablement contribué à propager ces vues dans les sphères officielles en Angleterre, en faisant un tableau peu flatteur du roi Louis Philippe. D'après les paroles de Bulwer, le roi aime la paix — pas une paix calme, mais agitée. Il est toujours en mouvement et jamais tranquille. Louis Philippe a horreur d'un gouvernement ferme et solidement établi; il a la passion de nommer et de congédier des ministres, de faire et de défaire des ministères.

Sir Robert Peel se prononçait dans ce même sens au sujet du roi de France. En parlant du projet de Louis Philippe d'arranger le mariage de son fils le duc d'Aumale avec la reine Isabelle d'Espagne, le premier ministre terminait ses reflexions par ces mots anglais: „After all, Louis Philippe must be a vulgar fellow" (sic!). Sur Robert Peel y ajouta en outre ces paroles qu'il tenait d'un ministre français, monsieur Molé: „en affaire d'argent, ou bien s'il s'agit d'un mariage,— on ne devait jamais se fier au roi Louis Philippe".

Pour achever la caractéristique du roi de France, sir Robert Peel raconta au baron Brunnow l'incident suivant: lors de son dernier séjour à Paris, il fut mandé chez le roi qui désirait s'entretenir avec le célèbre homme d'Etat anglais. Celui-ci s'appliqua à démontrer au roi la nécessité de fusionner tous les éléments conservateurs de la France. Le roi interrompit sir Robert Peel avec ces mots: „je vais vous expliquer pourquoi cela ne se peut pas." „A ces mots",

ства на режимъ Франціи временъ Луи Филиппа. Онъ объяснилъ ему, что Императоръ Николай I не питаетъ ни малѣйшей ненависти къ французскому народу. То чувство, которое онъ питаетъ къ Франціи, есть скорѣе чувство сожалѣнія и даже жалости, ибо что мы видимъ во Франціи? „Неуваженіе къ власти, отсутствіе религіи, господство журнализма, бунты и ежегодныя перемѣны министерствъ"— вотъ внутреннее положеніе Франціи. Но Императоръ Николай I нисколько не желаетъ ни вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, ни навязывать ей своихъ собственныхъ политическихъ убѣжденій.

Лордъ Эбердинъ остался очень доволенъ такими объясненіями русскаго посланника и, въ видѣ отвѣта, увѣрялъ его, что безвозвратно прошло время союза Англіи съ Франціею. Герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль совершенно раздѣляли взглядъ лорда Эбердина на французское правительство. Установленію этого взгляда въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ значительно содѣйствовалъ извѣстный англійскій дипломатъ и писатель Бульверъ, набросавшій вѣрный, но мало лестный портретъ короля Луи Филиппа. По словамъ Бульвера, король любитъ миръ, но не спокойный, а „тревожный". Онъ постоянно въ движеніи и никогда неспокоенъ. Луи Филиппъ ненавидитъ правительство стойкое и постоянное: онъ любитъ назначать министровъ и ихъ отставлять, составлять министерства и разрушать ихъ.

Въ этомъ самомъ смыслѣ отзывался о французскомъ королѣ также сэръ Робертъ Пиль. Говоря о проектѣ Луи Филиппа устроить бракъ своего сына, герцога д'Омаль, съ испанскою королевою Изабеллою, англійскій премьеръ заключилъ по англійски: „After all, Louis Philippe must be a vulgar fellow" (sic!.) Сверхъ того, Пиль прибавилъ слова, сказанныя ему французскимъ министромъ Моле: „въ денежныхъ дѣлахъ, или когда дѣло касается брака,— никогда не слѣдуетъ довѣряться королю Луи Филиппу".

Для лучшей еще характеристики личности французскаго короля, Пиль разсказалъ барону Бруннову слѣдующій случай. Во время послѣдняго пребыванія Пиля въ Парижѣ, король Луи Филиппъ пожелалъ видѣть этого знаменитаго англійскаго государственнаго человѣка. Послѣдній сталъ доказывать королю необходимость соединенія вмѣстѣ всѣхъ консервативныхъ элементовъ Франціи. Король прервалъ Пиля словами: „Я вамъ объясню, почему этого нельзя сдѣ-

continua sir Robert Peel, „le roi me prit par la main, me conduisit à travers plusieurs chambres, et s'arrêta dans une grande pièce où il se trouvait une table entourée de plusieurs sièges. „Voyez-vous cet appartement", me dit le roi, „c'est ce que nous appelons la chambre du conseil; et voyez-vous cette chaise;—c'est ce que nous appelons le fauteuil du président. C'est sur cette place que M. M. Molé et Guizot veulent s'asseoir tous deux; et voilà ce qui vous explique pourquoi ces deux hommes ne peuvent pas marcher ensemble."

En rendant compte de ces confidences de sir Robert Peel, le baron Brunnow fait observer avec raison qu'elles sont assez intéressantes pour être conservées dans les archives du Ministère des affaires étrangères. Dans ces mêmes archives se conserve l'annotation autographe faite, comme toujours, en français, par l'Empereur Nicolas I sur le rapport secret ci-dessus exposé du baron Brunnow du 22 octobre (3 novembre) 1841.

Cette annotation était ainsi conçue: „Je reconnais bien là mon L. P. (Louis Philippe) tel que je me le suis toujours figuré; le tems approche où personne ne sera plus dupe de son impudente fourberie". Au moment où s'opérait entre les Cabinets de St. Pétersbourg et de Londres l'échange d'idées ci-dessus exposé au sujet de la situation politique générale, on procéda à la fin à la signature du traité international concernant la défense de la traite des nègres. Les pourparlers diplomatiques se poursuivaient à ce sujet depuis nombre d'années, et sans la saisie du bateau russe „Goloubtchik" avec des nègres-esclaves, ils n'auraient probablement pas abouti à la signature du traité ci-dessous. La Russie se refusait de signer un acte international de cette nature qu'elle considérait sans objet pour ses intérêts. (Voir mon „Traité de droit international", Paris 1883, t. I, p. 436 et suiv.)

Dans le cours des pourparlers diplomatiques qui ont duré 25 ans, les plénipotentiaires russes étaient toujours appelés à décliner les ouvertures de l'Angleterre, qui avait pour but de soumettre le pavillon russe au pavillon anglais et d'établir des droits exclusifs en faveur des croiseurs anglais. Les représentants de la Russie déclinèrent catégoriquement de conclure le traité pour un terme indéfini; ils imposèrent des limi-

лать". „При этихъ словахъ, король взялъ меня за руку", продолжалъ свой разсказъ сэръ Робертъ Пиль, „повелъ меня черезъ нѣсколько комнатъ и остановился въ большомъ зало, въ которомъ находились столъ съ нѣсколькими креслами". „Вотъ видите эту комнату", сказалъ мнѣ король. „Это—комната, которую мы называемъ зало совѣта, и вотъ видите этотъ стулъ—это то, что мы называемъ кресло предсѣдателя". „Въ это именно кресло гг. Моле и Гизо оба желаютъ сѣсть, и вотъ чѣмъ объясняется, почему эти оба дѣятеля не въ состояніи идти вмѣстѣ".

Сообщая этотъ разсказъ со словъ сэра Роберта Пиля, баронъ Брунновъ справедливо замѣчаетъ, что онъ настолько интересенъ, что долженъ храниться въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Но въ тѣхъ же архивахъ хранится собственноручная надпись по французски (какъ всегда) Императора Николая I, сдѣланная имъ на только-что изложенномъ весьма секретномъ донесеніи барона Бруннова отъ 22-го октября (3 ноября) 1841 года.

Надпись эта гласитъ: „Я отлично узнаю во всемъ этомъ моего L. P. (Louis Philippe), какимъ я его всегда себѣ представлялъ. Близко время, когда никто больше не попадется на его безстыдное плутовство". — Въ то самое время, когда происходилъ только что изложенный обмѣнъ мыслей между С.-Петербургскимъ и Лондонскимъ кабинетами относительно общаго политическаго положенія, состоялось наконецъ подписаніе международнаго трактата о запрещеніи негро-торговли. Дипломатическіе переговоры по этому предмету происходили въ продолженіи многихъ лѣтъ, и еслибъ не случился захватъ русскаго судна „Голубчикъ" съ неграми-невольниками, то вѣроятно они не окончились бы подписаніемъ нижеслѣдующаго трактата. Россія отказывалась подписать подобный международный актъ въ виду полной безполезности его для своихъ интересовъ. (Срав. мое „Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, 3-е изд., т. I, стр. 332 и слѣд.).

Въ продолженіи 25-ти-лѣтнихъ дипломатическихъ переговоровъ русскіе уполномоченные постоянно должны были отстранять англійскія предложенія, имѣвшія цѣлью поработить русскій флотъ англійскому и установить чрезвычайныя права въ пользу англійскихъ крейсеровъ. Представители Россіи категорически отклонили безсрочность заключаемаго трактата; они поставили осуществленіе пресловутаго

tes assez précises à l'application du fameux droit de visite; sur leur insistance, les bateaux de la compagnie Russo-Américaine devaient en être affranchis; enfin le baron Brunnow avisa pour empêcher la saisie de bateaux finlandais avec chargement de planches, sous prétexte de participation à la traite. (Rapport du baron Brunnow du 19 (31) août 1841).

La lettre du comte Nesselrode au baron Brunnow du 24 janvier 1843 est d'une partie très significative pour l'éclaircissement du traité ci-dessous concernant la traite des nègres.

Le Vice-Chancelier rappelle que, lorsqu'au congrès d'Aix-la-Chapelle lord Castelreagh s'efforçait de convaincre l'Empereur Alexandre I de la nécessité pour la Russie d'accéder aux traités sur la défense de la traite, l'Empereur répondit: „Entendez-vous avec la France, et une fois que vous serez d'accord avec elle, j'adhérerai à ce qui aura été convenu entre vous deux". C'est là-dessus que l'Angleterre conclut les conventions de 1831 et 1833.

La condition posée par l'Empereur Alexandre I fut ainsi remplie, et l'établissement du droit de visite consacré. En signant le traité de décembre 1841, l'Empereur Nicolas s'acquittait de l'engagement contracté par son frère de bienheureuse mémoire. Les légistes allemands, poursuit le comte Nesselrode, disent: cessant rationes legis, cessat lex ipsa. Il en résulte que, si l'Angleterre fait des concessions à la France dans la question du droit de visite et s'abstient de l'appliquer aux bateaux français, les autres signataires du traité de décembre ont un droit incontestable de réclamer la modification de ce pacte.

Ces considérations, communiquées par le ministre de Russie au Cabinet de Londres, ne manquèrent pas de produire l'effet voulu: le gouvernement anglais prit la décision de ratifier le traité sans le concours de la France.

Le traité signé à Londres entre la Russie, l'Angleterre, l'Autriche, la Prusse et la France souleva une tempête dans ce pays qui obligea le gouvernement français de refuser la ratification de ce pacte. Ce refus provoqua l'indignation des ministres anglais qui ne décidèrent pas moins de procéder à l'échange des ratifications entre les autres contractants. Cet échange fut opéré le 24 février 1842.

Dans la suite, quelques dispositions du traité de 1841 furent modifiées en 1845 (№ 448), et la

права осмотра въ довольно опредѣленныя границы: они настаивали на освобожденіи отъ осмотра судовъ Русско-американской компаніи; наконецъ, баронъ Брунновъ предупредилъ захватъ финляндскихъ судовъ съ грузомъ досокъ, который могъ совершиться подъ предлогомъ подозрѣнія въ участіи въ негро-торговлѣ. (Донесеніе Бруннова 19 (31) августа 1841 года).

Для характеристики нижеслѣдующаго трактата относительно негро-торговли имѣетъ особенное значеніе частное письмо графа Нессельроде къ бар. Бруннову отъ 24-го января 1843 г.

Вице-Канцлеръ разсказываетъ, что когда на Ахенскомъ конгрессѣ лордъ Кастльри старался убѣдить Императора Александра I въ необходимости приступленія Россіи къ трактатамъ о прекращеніи торговли неграми, Императоръ отвѣтилъ: „Согласитесь съ Франціею, и если вы устроите соглашеніе съ нею, то я приступлю къ тому, что будетъ постановлено между вами обѣими". Тогда Англія заключила конвенціи 1831 и 1833 годовъ.

Такимъ образомъ было исполнено поставленное Императоромъ Александромъ I условіе, которымъ утверждалось право осмотра. Императоръ Николай, заключая декабрьскій трактатъ 1841 года, выполнилъ обѣщаніе, данное его въ Бозѣ почившимъ братомъ. Нѣмецкіе юристы говорятъ, продолжаетъ графъ Нессельроде: Cessant rationes legis, cessat lex ipsa. Отсюда слѣдуетъ: если Англія уступитъ Франціи въ вопросѣ о примѣненіи права осмотра и исключитъ его въ сношеніяхъ съ французскими судами, то другія договаривающіяся въ декабрьскомъ трактатѣ державы имѣютъ несомнѣнное право требовать измѣненія этого акта.

Эти соображенія, переданныя рускимъ посланникомъ Лондонскому кабинету, произвели желательное дѣйствіе: англійское правительство рѣшилось дать свою ратификацію трактату, безъ участія Франціи.

Подписанный въ Лондонѣ трактатъ между Россіею, Англіею, Австріею, Пруссіею и Франціею, поднялъ цѣлую бурю въ послѣднемъ государствѣ, которая заставила французское правительство не давать своей ратификаціи на этотъ актъ. Этотъ отказъ въ свою очередь вызвалъ негодованіе англійскихъ министровъ, которые рѣшили всетаки произвести размѣнъ актовъ ратификаціи между остальными контрагентами, который и состоялся 24 февраля 1842 года.

Затѣмъ, въ 1845 году, нѣкоторыя постановленія трактата 1841 года были измѣнены

Belgique y accéda en 1848. Enfin, à la suite des nouvelles transformations politiques, l'Empire d'Allemagne entra dans le traité comme partie contractante en remplacement de la Prusse. Un nouveau traité fut conclu à ce sujet en 1879 (№ 450) en tous points conforme au précédent.

(№ 448), и въ 1848 году къ нему приступила Бельгія. Наконецъ, вслѣдствіе преобразованія современной Германіи вновь учрежденная Германская имперія вступила въ трактатъ 1841 г., вмѣсто Пруссіи, какъ договаривающаяся сторона. Это случилось въ 1879 г. (№ 450), когда былъ заключенъ новый трактатъ, совершенно согласный съ прежними актами.

Au nom de la très sainte et indivisible Trinité.

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême et le Roi de Prusse, voulant donner un plein et entier effet aux principes déjà énoncés dans les déclarations solennelles faites par la Russie, l'Autriche et la Prusse, d'accord avec d'autres Puissances Européennes, au Congrès de Vienne, le 27 janvier (8 fèvrier) 1815, et au Congrès de Vérone le 16 (28) novembre 1822, déclarations par lesquelles lesdites Puissances ont annoncé qu'elles étaient prêtes à concourir à tout ce qui pourrait assurer et accélérer l'abolition complète et finale de la Traite des Nègres: et Leurs Majestés ayant été invitées par S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, et par S. M. le Roi des Français, à conclure un Traité pour la suppression plus efficace de la Traite, Leurs dites Majestés ont résolu de négocier et de conclure ensemble un traité pour l'abolition finale de ce trafic: et à cet effet Elles ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, le sieur Philippe Baron de Brun-

Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы.

Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій, и Король Прусскій, желая привести въ полное и совершенное дѣйствіе правила, изложенныя уже въ торжественныхъ декларацiяхъ, сдѣланныхъ Россіею, Австріею и Пруссіею по согласію съ другими европейскими Державами, на Вѣнскомъ конгрессѣ 27 января (8 февраля) 1815 и на Веронскомъ конгрессѣ 16 (28) ноября 1822 года, которыми декларацiями вышереченныя Державы объявили, что онѣ готовы содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, способствующимъ къ упроченію и ускоренію совершеннаго и рѣшительнаго уничтоженія торга неграми: и какъ Ихъ Величества были приглашены Е. В. королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и Е. В. королемъ Французовъ къ заключенію трактата для вѣрнѣйшаго искорененія таковаго торга, то ихъ реченныя Величества рѣшились приступить къ переговорамъ и заключить совокупно трактатъ для совершеннаго уничтоженія сего торга: и на сей конецъ назначили своихъ полномочныхъ, и именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій, барона Филиппа Брунова, кавалера

now, chevalier de l'ordre de l'Aigle Blanc, son Conseiller privé, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique.

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, le sieur Auguste Baron de Koller, chevalier de l'ordre de St. Ferdinand et du Mérite de Sicile, conseiller d'ambassade, son chargé d'affaires et plénipotentiaire à Londres.

S. M. le Roi des Français, le sieur Louis de Beaupoil, comte de St. Aulaire, pair de France, grand officier de l'ordre royal de la Légion d'honneur, grand croix de l'ordre de Léopold de Belgique, l'un des Quarante de l'Académie Française, son Ambassadeur extraordinaire près S. M. Britannique.

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, le très honorable George comte de Aberdeen, vicomte Gordon, vicomte Formartine, lord Haddo, Methlick, Tarvis et Kellie, pair du Royaume Uni, conseiller de Sa Majesté en son Conseil Privé, chevalier du très-ancien et très-noble ordre du Chardon, et Principal Secrétaire d'Etat de Sa Majesté ayant le Département des Affaires Etrangères;

Et S. M. le roi de Prusse, le sieur Alexandre Gustave Adolphe baron de Schleinitz, chevalier de l'ordre royal de St. Jean de Jérusalem, son chambellan, conseiller de légation actuel, chargé d'affaires et plénipotentiaire à Londres:

Lesquels, après s'être communiqué leurs pleinspouvoirs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et signé les articles suivans:

ордена Бѣлаго Орла, своего тайнаго совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Ея Великобританскомъ Величествѣ;

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій, барона Августа фонъ Коллера, кавалера Сицилійскаго ордена Св. Фердинанда и за достоинства, совѣтника посольства, своего повѣреннаго въ дѣлахъ и полномочнаго въ Лондонѣ;

Е. В. король Французовъ, Лудвига де-Бопуаля, графа де-Сентъ-Олера, пера Франціи, кавалера ордена почетнаго легіона и большаго креста Бельгійскаго ордена Леопольда, одного изъ сорока членовъ Французской Академіи, своего чрезвычайнаго посла при Ея Великобританскомъ Величествѣ;

Е. В. королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, высокопочтеннаго графа Георгія Абердина, виконта Гордона, виконта Формартейна, лорда Гаддо, Метликъ, Тарвисъ и Кели, пера Соединеннаго Королевства, совѣтника Ея Величества въ Тайномъ ея Совѣтѣ, кавалера древнѣйшаго и почетнѣйшаго ордена Волчца, Главнаго Статсъ-Секретаря Ея Величества, управляющаго Департаментомъ Иностранныхъ Дѣлъ;

и Е. В. Король Прусскій, Александра Густава Адольфа барона фонъ-Шлейница, кавалера королевскаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, своего каммергера, совѣтника Миссіи, повѣреннаго въ дѣлахъ и полномочнаго въ Лондонѣ.

Кои, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, заключили и подписали слѣдующія статьи:

Article I.

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême et le Roi de Prusse, s'engagent à prohiber toute Traite des nègres, soit de la part de leurs sujets respectifs, soit sous leurs pavillons respectifs, soit au moyen de capitaux appartenant à leurs sujets respectifs; et à déclarer un tel trafic crime de piraterie. Leurs Majestés déclarent, en outre, que tout navire qui tenterait d'exercer la Traite des nègres, perdra, par ce seul fait, tout droit à la protection de leur pavillon.

Статья I.

Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій, и Король Прусскій обязуются воспретить всякой торгъ неграми, производимый ихъ подданными, или подъ ихъ флагами, или же посредствомъ капиталовъ, принадлежащихъ ихъ подданнымъ, и объявляютъ таковый торгъ морскимъ разбойничествомъ. Ихъ Величества объявляютъ сверхъ того, что всякое судно, которое покусилось бы производить торгъ неграми, симъ самымъ покушеніемъ лишается всякаго права на покровительство ихъ флага.

Article II.

Afin d'atteindre plus complètement le but du présent Traité, les Hautes parties contractantes sont convenues d'un commun accord, que ceux de leurs bâtimens de guerre qui seront munis de mandats et d'ordres spéciaux dressés d'après les formules de l'Annexe A. du présent Traité, pourront visiter tout navire marchand appartenant à l'une ou l'autre des Hautes parties contractantes, qui, sur des présomptions fondées, sera soupçonné de se livrer à la Traite des nègres, ou d'avoir été équipé à cette fin, ou de s'être livré à cette Traite pendant la traversée où il aura été rencontré par les dits croiseurs; et que ces croiseurs pourront arrêter, et envoyer ou emmener les dits navires, afin qu'ils puissent être mis en jugement d'après le mode convenu ci-après.

Статья II.

Для достиженія вполнѣ цѣли сего трактата, Высокія договаривающіяся стороны постановили съ общаго согласія, что тѣ военныя суда ихъ, которыя будутъ снабжены особенными полномочіями и предписаніями, составленными по формамъ, приложеннымъ къ сему трактату подъ лит. А., могутъ обыскивать всякое торговое судно, принадлежащее той или другой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, которое, вслѣдствіе основательныхъ предположеній, будетъ подозрѣваемо въ производствѣ торга неграми, или въ томъ, что оно снаряжено на сей конецъ или занималось таковымъ торгомъ во время плаванія, въ продолженіи котораго было встрѣчено вышесказанными крейсерами, а также что сіи крейсеры будутъ вправѣ задерживать, отсылать или отводить таковыя суда для преданія оныхъ суду по установленнымъ ниже сего правиламъ.

Toutefois le droit ci-dessus mentionné de visiter les navires marchands de l'une ou l'autre des Hautes parties contractantes, ne pourra être exercé que par des bâtimens de guerre dont les commandans auront le grade de capitaine, ou celui de lieutenant dans la Marine Impériale ou Royale à moins que par suite de décès, ou autre cause, le commandement ne soit échu à un officier d'un rang inférieur. L'officier commandant un tel bâtiment de guerre sera muni de mandats conformes à la formule annéxée au présent Traité sub littera A.

Le dit droit mutuel de visite ne sera pas exercé dans la Mer Méditerranée. De plus, l'espace dans lequel l'exercice du dit droit sera renfermé, aura pour limite, au nord le 32-me degré de latitude septentrionale; à l'ouest, la côte orientale de l'Amérique, à partir du point où le 32-me degré de latitude septentrionale touche cette côte, jusqu'au 45-me degré de latitude méridionale; au sud, le 45-me degré de latitude méridionale, à partir du point où ce degré de latitude touche la côte orientale de l'Amérique, jusqu'au 80-me degré de longitude orientale du méridien de Greenwich; et à l'est, ce même degré de longitude, à partir de son point d'intersection avec le 45-me degré de latitude méridionale jusqu'à la côte des Indes Orientales.

Однако сіе право обыска торговыхъ судовъ той или другой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ предоставлено однимъ только военнымъ судамъ, коихъ командиры будутъ въ чинѣ капитана или лейтенанта въ Императорскомъ или королевскомъ флотѣ, развѣ только по случаю смерти или по какой либо другой причинѣ, начальство достанется офицеру меньшаго чина. Офицеръ, командующій таковымъ военнымъ судномъ, будетъ снабженъ полномочіями сообразными формѣ, приложенной къ сему трактату подъ лит. А.

Вышереченное взаимное право обыска не будетъ имѣть дѣйствія въ Средиземномъ морѣ. Кромѣ сего, пространство, въ коемъ таковое право будетъ дѣйствовать, ограничивается къ Сѣверу, 32-мъ градусомъ Сѣверной широты, къ Западу, восточнымъ берегомъ Америки, начиная отъ той точки, которая подъ 32-мъ градусомъ Сѣверной широты касается сего берега до 45-го градуса Южной широты; къ Югу, 45-мъ градусомъ Южной широты, начиная отъ той точки, гдѣ сей градусъ широты касается восточнаго берега Америки, до 80-го градуса восточной долготы по Гринвичскому меридіану, а къ Востоку, симъ же самымъ градусомъ долготы, начиная отъ точки пересѣченія онаго съ 45-мъ градусомъ Южной широты до береговъ Восточной Индіи.

Article III.

Chacune des Hautes parties contractantes qui voudra armer des croiseurs pour la suppression de la Traite des nègres, et exercer le droit mutuel de visite, se réserve de fixer, selon ses propres convenances, le nombre des bâti-

Статья III.

Каждой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, которая пожелаетъ вооружить крейсеровъ для прекращенія торга неграми, и пользоваться взаимнымъ правомъ обыска, предоставляется, на собственное ея усмотрѣніе,

mens de guerre qui sera employé au service stipulé dans l'article II du présent Traité, ainsi que les stations où les dits bâtimens feront leur croisière.

Les noms des bâtimens désignés à cet effet, et ceux de leurs commandans, seront communiqués par chacune des Hautes parties contractantes aux autres; et elles se donneront réciproquement avis chaque fois qu'un croiseur sera placé à une station, ou qu'il en sera rappelé, afin que les mandats nécessaires puissent être délivrés par les gouvernemens qui autorisent la visite; et restitués à ces mêmes gouvernemens par celui qui les a reçus, lorsque ces mandats ne seront plus nécessaires à l'exécution du présent Traité.

Article IV.

Immédiatement après que le gouvernement qui emploie les croiseurs aura notifié au gouvernement qui doit autoriser la visite, le nombre et les noms des croiseurs qu'il se propose d'employer, les mandats autorisant la visite seront dressés d'après la formule annéxée au présent traité, sub littera A., et seront délivrés par le gouvernement qui autorise la visite à celui qui emploie le croiseur.

Dans aucun cas, le droit mutuel de visite ne pourra être exercé sur les bâtimens de guerre des Hautes parties contractantes.

Les Hautes parties contractantes conviendront d'un signal spécial, à l'usage exclusif de ceux des croiseurs qui seront investis du droit de visite.

назначеніе числа военныхъ судовъ для сообразнаго съ II-ю статьею сего трактата употребленія, а также и тѣхъ пунктовъ, гдѣ оныя суда будутъ крейсеровать.

О названіяхъ судовъ, для того назначенныхъ, и о именахъ командировъ ихъ, будетъ взаимно сообщаемо другъ другу каждою изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ; и онѣ не оставятъ взаимно извѣщать другъ друга каждый разъ, когда крейсеръ назначится на какой-либо пунктъ или оттуда будетъ отозванъ, для выдачи потребныхъ полномочій отъ тѣхъ правительствъ, которыя дозволяютъ обыскъ, и для возвращенія оныхъ симъ же правительствамъ отъ того, которое получило ихъ, когда сіи полномочія окажутся уже ненужными къ исполненію сего трактата.

Статья IV.

Когда правительство, которое употребитъ крейсеровъ, объявитъ другому правительству, которое должно дозволить обыскъ, о числѣ и названіи крейсеровъ, тогда будутъ немедленно составлены по формѣ, приложенной къ сему трактату подъ лит. А, дозволяющія обыскъ Полномочія, и оныя выдадутся правительствомъ, дозволяющимъ обыскъ, тому правительству, которое употребитъ крейсера.

Ни въ какомъ случаѣ взаимное право обыска нельзя распространять на военныя суда Высокихъ договаривающихся сторонъ.

Высокія договаривающіяся стороны условятся о особенномъ сигналѣ, для исключительнаго употребленія тѣми крейсерами, которымъ довѣрено будетъ право обыска.

Article V.

Les croiseurs des Hautes parties contractantes, autorisés à exercer le droit de visite et d'arrestation, en exécution du présent traité, se conformeront exactement aux Instructions annéxées au dit traité sub littera B., en tout ce qui se rapporte aux formalités de la visite et de l'arrestation, ainsi qu'aux mesures à prendre pour que les bâtimens soupçonnés d'avoir été employés à la Traite, soient livrés aux tribunaux compétens.

Les Hautes parties contractantes se réservent le droit d'apporter à ces Instructions, d'un commun accord, telles modifications que les circonstances pourraient rendre nécessaires.

Les croiseurs des Hautes parties contractantes se prêteront mutuellement assistance dans toutes les circonstances où il pourra être utile qu'ils agissent de concert.

Статья V.

Крейсеры Высокихъ договаривающихся сторонъ, уполномоченные во исполненіе сего трактата къ обыску и задержанію судовъ, должны въ точности сообразжаться съ приложенными къ сказанному трактату подъ лит. В инструкціями во всемъ, что касается до производства обыска и задержанія судовъ, а также съ тѣми мѣрами, какія должно принимать, чтобы суда, подозрѣваемыя въ производствѣ таковаго торга, были передаваемы надлежащимъ судебнымъ мѣстамъ.

Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ право дѣлать съ общаго согласія такія перемѣны въ оныхъ инструкціяхъ, какія могутъ оказаться нужными по обстоятельствамъ.

Крейсеры Высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ оказывать другъ другу взаимное вспоможеніе во всѣхъ случаяхъ, гдѣ общее ихъ дѣйствіе окажется полезнымъ.

Article VI.

Toutes les fois qu'un bâtiment de commerce naviguant sous le pavillon de l'une des Hautes parties contractantes, aura été arrêté par un croiseur de l'autre, dûment autorisé à cet effet, conformément aux dispositions du présent traité, ce bâtiment marchand, ainsi que le capitaine, l'équipage, la cargaison et les esclaves qui pourront se trouver à bord, seront conduits dans tel lieu que les Hautes parties contractantes auront respectivement désigné à cet effet; et la remise en sera faite aux autorités préposées dans ce but par le gouvernement dans les possessions duquel

Статья VI.

Каждый разъ, когда торговое судно, плавающее подъ флагомъ одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, будетъ задержано крейсеромъ другой, надлежащимъ образомъ къ сему уполномоченнымъ, по силѣ постановленій сего трактата, таковое купеческое судно, капитанъ онаго, экипажъ, грузъ и какіе могутъ оказаться на ономъ невольники, будутъ отведены въ то мѣсто, которое Высокія договаривающіяся стороны, каждая съ своей стороны, для того назначатъ, и тамъ будутъ переданы властямъ, учрежденнымъ на сей конецъ тѣмъ правительствомъ, въ

ce lieu est situé, afin qu'il soit procédé à leur égard devant les tribunaux compétens, de la manière ci-après spécifiée.

Lorsque le commandant du croiseur ne croira pas devoir se charger lui même de la conduite et de la remise du navire arrêté, il confiera ce soin à un officier du rang de lieutenant dans la Marine Impériale ou Royale, ou pour le moins à l'officier qui sera actuellement le troisième en autorité à bord du bâtiment qui aura fait l'arrestation.

предѣлахъ котораго находится сіе мѣсто, для поступленія съ ними въ надлежащихъ судебныхъ мѣстахъ ниже сего указаннымъ образомъ.

Когда командиръ крейсера не почтетъ за нужное принять на себя лично препровожденіе и сдачу задержаннаго судна, тогда онъ довѣритъ исполненіе сего дѣла офицеру лейтенантскаго чина въ Императорскомъ или королевскомъ флотѣ, или по крайней мѣрѣ тому офицеру, который будетъ состоять тогда третьимъ въ начальствѣ крейсера, сдѣлавшаго задержаніе.

Article VII.

Si le commandant d'un croiseur de l'une des Hautes parties contractantes a lieu de soupçonner qu'un navire marchand naviguant sous le convoi ou en compagnie d'un bâtiment de guerre de l'une des autres Parties contractantes, s'est livré à la Traite des nègres, ou a été équipé pour ce trafic, il devra communiquer ses soupçons au commandant du bâtiment de guerre, lequel procèdera seul à la visite du navire suspect, et dans le cas où le susdit commandant reconnaîtrait que le soupçon est fondé, il fera conduire le navire ainsi que le capitaine, l'équipage, la cargaison et les esclaves qui pourront se trouver à bord, dans un port appartenant à la nation du bâtiment arrêté, pour qu'il y soit procédé devant les tribunaux compétens, de la manière ci-après ordonnée.

Статья VII.

Ежели начальствующій крейсеромъ одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ имѣлъ бы причины подозрѣвать, что торговое судно, плавающее подъ конвоемъ или сопутно съ военнымъ судномъ той или другой изъ договаривающихся сторонъ, было употреблено для торга неграми или снаряжено для таковаго торга, то онъ обязанъ сообщить о своихъ подозрѣніяхъ командиру того военнаго судна, который одинъ долженъ произвести обыскъ подозрѣваемаго торговаго судна. И если означенный командиръ найдетъ, что подозрѣніе основательно, то онъ распорядится, чтобы какъ самое судно, такъ и капитанъ, экипажъ, грузъ и невольники, которые могутъ находиться на суднѣ, были отведены въ портъ, принадлежащій націи задержаннаго судна, дабы тамъ въ надлежащихъ судебныхъ мѣстахъ было поступлено указаннымъ ниже сего образомъ.

Article VIII.

Dès qu'un bâtiment de commerce, arrêté et renvoyé pour être jugé, arrivera dans le port où il devra être conduit conformément à l'annéxe B. du présent traité, le commandant du croiseur qui l'aura arrêté, ou l'officier chargé de sa conduite, remettra aux autorités préposées à cet effet, une expédition signée par lui, de tous les inventaires, déclarations et autres documens spécifiés dans les instructions jointes au présent traité sub litera B; et les dites autorités procèderont, en conséquence, à la visite du bâtiment arrêté et de sa cargaison, ainsi qu'à l'inspection de son équipage et des esclaves qui pourront se trouver à bord, après avoir préalablement donné avis du moment de cette visite et de cette inspection, au commandant du croiseur, ou à l'officier qui aura amené le navire, afin qu'il puisse y assister ou s'y faire réprésenter.

Il sera dressé par duplicata, un procès-verbal de ces opérations lequel devra être signé par les personnes qui y auront procédé ou assisté, et l'un de ces documens sera délivré au commandant du croiseur ou à l'officier chargé par lui de la conduite du bâtiment arrêté.

Article IX.

Tout bâtiment de commerce de l'une ou l'autre des cinq nations, visité et arrêté en vertu des dispositions du présent traité, sera présumé, à moins de preuve contraire, s'être livré à la Traite des nègres, ou avoir été équipé pour ce trafic, si dans l'installation, dans

Статья VIII.

Коль скоро задержанное и отосланное къ слѣдствію торговое судно прибудетъ въ портъ, въ который, согласно съ приложеніемъ къ сему трактату подъ лит. В., отвести его слѣдуетъ, то командиръ задержавшаго крейсера или офицеръ, приведшій взятое судно, обязанъ вручить установленнымъ на то властямъ, подписанную имъ копію со всѣхъ описей, декларацій и прочихъ документовъ, означенныхъ въ приложенныхъ къ сему трактату подъ лит. В. инструкціяхъ; и сіи власти приступятъ тогда къ обыску задержаннаго судна и его груза, а также къ осмотру экипажа и невольниковъ, которые могутъ на ономъ оказаться, увѣдомивъ предварительно о времени сего обыска и осмотра командира крейсера, или офицера, приведшаго судно, дабы онъ могъ находиться при семъ дѣлѣ или отрядить другаго на мѣсто себя.

Всему производству таковаго дѣла долженъ быть составленъ протоколъ вдвойнѣ, который будетъ подписанъ всѣми тѣми лицами, которыя производили дѣло или при томъ находились; и одинъ изъ сихъ документовъ будетъ выданъ командиру крейсера или офицеру, приведшему по его распоряженію задержанное судно.

Статья IX.

Всякое торговое судно той или другой изъ пяти націй, обысканное и задержанное по силѣ постановленій сего трактата, будетъ подозрѣваемо (при неимѣніи доказательствъ противнаго) въ производствѣ торга неграми, или въ снаряженіи къ сему торгу, ежели

l'armement, ou à bord du dit navire durant la traversée pendant laquelle il a été arrêté, il s'est trouvé l'un des objets ci-après spécifiés, savoir:

1-e. Des écoutilles en treillis, et non en planches entières comme les portent ordinairement les navires de commerce.

2-e. Un plus grand nombre de compartimens dans l'entrepont ou sur le tillac que ne l'exigent les besoins des bâtimens employés à un commerce licite.

3-e. Des planches de réserve préparées pour établir un double pont ou un pont dit à esclaves.

4-e. Des colliers de fer, des chevilles, ou des menottes.

5-e. Une plus grande provision d'eau, en bariques ou en réservoirs, que ne l'exigent les besoins de l'équipage de ce bâtiment marchand.

6-e. Une quantité extraordinaire de bariques à eau ou autres vaisseaux propres à contenir des liquides; à moins que le capitaine ne produise un certificat de la douane du lieu du départ, constatant que les armateurs du dit bâtiment ont donné des garanties suffisantes, que cette quantité extraordinaire de bariques ou de vaisseaux, est uniquement destinée a être remplie d'huile de palme ou employée à un autre commerce licite.

7-e. Un plus grand nombre de gamelles ou de bidons que l'usage de l'équipage de ce bâtiment marchand n'en exige.

8-e. Une chaudière ou autre ustensile d'une dimension inusitée pour apprêter les provisions de bouche, et plus grande ou propre à être rendue plus grande que ne l'exigent les besoins de l'équipage de ce

въ размѣщеніи или вооруженіи сего судна или на ономъ во время плаванія, въ продолженіи котораго оно было задержано, найденъ будетъ одинъ изъ предметовъ, ниже сего означенныхъ, а именно:

1. Клѣтчатые люки, а не досчатые глухіе, каковые обыкновенно имѣются на торговыхъ судахъ.

2. Большее число раздѣленій во внутреннемъ декѣ или на палубѣ, нежели сколько потребно на судахъ, употребляемыхъ для позволеннаго торга.

3. Запасныя доски, приготовленныя къ устроенію двойнаго дека, или такъ называемаго дека невольниковъ.

4. Желѣзные ошейники, болты или ручныя кандалы.

5. Большее количество воды въ боченкахъ или водохранилищахъ, нежели сколько нужно для потребностей экипажа сего торговаго судна.

6. Необыкновенное число боченковъ для воды или другіе сосуды для храненія жидкостей, — если капитанъ не предъявитъ свидѣтельства таможни того порта, откуда вышелъ, удостовѣряющаго, что кораблехозяева представили достаточныя доказательства въ томъ, что такое необыкновенное число боченковъ или сосудовъ предназначено единственно къ наполненію ихъ пальмовымъ масломъ, или для какого-либо другаго дозволеннаго торга.

7. Большее число чашъ или мисокъ, нежели сколько нужно для употребленія на семъ торговомъ суднѣ.

8. Котелъ или другой для варки съѣстныхъ припасовъ снарядъ необыкновенной величины и большаго размѣра или приспособленный быть увеличеннымъ болѣе, нежели потребно

bâtiment marchand ou plus d'une chaudière, ou autre appareil de cuisine, de dimension ordinaire.

9-e. Une quantité extraordinaire de riz, de farine du manioc du Brésil, ou de cassade, appelée communément „farina", ou de maïs, ou de blé des Indes, ou de toute autre provision de bouche quelconque, au-delà des besoins probables de l'équipage; à moins que cette quantité de riz, de farina, de maïs, de blé des Indes, ou de toute autre provision de bouche, ne soit portée sur le manifeste, comme faisant partie du chargement commercial du navire.

10-e. Une quantité de nattes, en pièce ou en morceaux, plus considérable que ne l'exigent les besoins de ce bâtiment marchand, à moins que ces nattes ne soient portées sur le manifeste, comme faisant partie de la cargaison.

S'il est constaté qu'un ou plusieurs des objets ci-dessus spécifiés se trouvent à bord, ou y ont été durant la traversée pendant laquelle le bâtiment a été capturé, ce fait sera considéré comme une preuve *primá facie* que le bâtiment était employé à la Traite, en conséquence, il sera condamné et déclaré de bonne prise; à moins que le capitaine ou les armateurs ne fournissent des preuves claires et irrécusables, constatant à la satisfaction du tribunal, qu'au moment de son arrestation ou capture, le navire était employé à une entreprise licite et que ceux des différens objets ci-dessus dénommés, trouvés à bord lors de l'arrestation, ou qui auraient été placés à bord pendant la traversée qu'il faisait lorsqu'il a été capturé, étaient indispensables pour accomplir l'objet licite de son voyage.

для экипажа сего торговаго судна; или лишній котелъ или другой кухонный снарядъ обыкновеннаго размѣра.

9. Необыкновенное количество риса, муки Бразильскаго маніока, или проса (cassade), обыкновенно называемаго „фарина" или маиса, или ржи индѣйской, или всякой иной съѣстной провизіи, превышающей вѣроятныя потребности экипажа, если это количество риса, фарины, маиса и ржи Индѣйской, или всякой другой съѣстной провизіи, не будетъ показано въ корабельной накладной, какъ составляющее часть торговаго груза сего судна.

10. Большее число рогожъ или постилокъ, цѣльныхъ или въ кускахъ, нежели сколько нужно для потребностей сего торговаго судна, если сіи постилки не будутъ показаны въ корабельной накладной, какъ составляющія часть груза.

Ежели будетъ доказано, что одинъ или нѣсколько изъ вышепрописанныхъ предметовъ на суднѣ, находятся или находились на ономъ во время плаванія, въ продолженіи котораго судно было задержано, то сіе обстоятельство будетъ служить первою начальною уликою *(prima facie)*, что судно было употреблено на торгъ неграми; вслѣдствіе чего оно будетъ осуждено и объявлено законнымъ призомъ, если капитанъ или кораблехозяева не представятъ ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ, убѣждающихъ удовлетворительно судебное мѣсто, что во время задержанія или взятія, то судно было употреблено для законно дозволеннаго плаванія, и что тѣ изъ вышепоименованныхъ предметовъ, которые на ономъ были найдены при его задержаніи, или

*

которые погружены въ оное во время плаванія, въ продолженіе котораго судно захвачено, были необходимо нужны къ достиженію дозволенной цѣли его отправленія.

Article X.

Il sera procédé immédiatement contre le bâtiment arrêté, ainsi qu'il est dit ci-dessus, son capitaine, son équipage et sa cargaison, par devant les tribunaux compétens du pays auquel il appartient, et ils seront jugés et adjugés suivant les formes établies et les lois en vigueur dans ce pays: et s'il résulte de la procédure, que le dit bâtiment a été employé à la Traite des nègres, ou équipé pour ce trafic, le navire, son équipement et sa cargaison de marchandise, seront confisqués; et il sera statué sur le sort du capitaine, de l'équipage et de leurs complices, conformément aux lois d'après lesquelles ils auront été jugés.

En cas de confiscation, le produit de la vente du sus-dit bâtiment sera dans l'espace de six mois, à compter de la date de la vente, mis à la disposition du gouvernement du pays auquel appartient le bâtiment qui a fait la prise, pour être employé conformément aux lois du pays.

Статья X.

Къ производству дѣла о задержанномъ суднѣ, какъ выше сего сказано, о его капитанѣ, экипажѣ и грузѣ будетъ приступлено немедленно въ надлежащихъ судебныхъ мѣстахъ того государства, коему оное принадлежитъ; судъ и приговоры должны совершаться по учрежденному тамъ порядку и по существующимъ въ той землѣ законамъ; и если по судопроизводству окажется, что таковое судно было употреблено на торгъ неграми, или было снаряжено для сего торга, тогда сіе судно, снарядъ и товарный грузъ онаго будутъ конфискованы; съ капитаномъ же, экипажемъ и ихъ соучастниками будетъ поступлено по законамъ, по коимъ они были судимы.

Въ случаѣ конфискаціи, выручка за продажу вышереченнаго судна будетъ доставлена, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, считая со дня продажи, тому правительству, которому принадлежитъ крейсеръ, сдѣлавшій призъ, для сообразнаго съ законами той земли употребленія.

Article XI.

Si l'un des objets spécifiés dans l'article IX du présent traité est trouvé à bord d'un bâtiment marchand, ou s'il est constaté qu'il y a été durant la traversée pendant laquelle il a été capturé, nulle compensation des pertes, dommages ou dépenses résultant de l'arresta-

Статья XI.

Ежели хотя одинъ изъ предметовъ, исчисленныхъ въ IX статьѣ сего трактата, будетъ найденъ на торговомъ суднѣ, или ежели будетъ доказано, что таковой предметъ находился на ономъ во время плаванія, въ продолженіи котораго судно было захвачено, то ника-

tion de ce bâtiment, ne sera dans aucun cas accordée, soit au capitaine, soit à l'armateur, soit à toute autre personne intéressée dans l'armement ou dans le chargement, alors même qu'une sentence de condamnation n'aurait pas été prononcée contre le bâtiment, en suite de son arrestation.

кого вознагражденія за убыли, убытки или расходы, происшедшіе отъ задержанія таковаго судна, ни подъ какимъ видомъ выдаваемо не будетъ ни капитану, ни кораблехозяину, ниже какому другому лицу, участвовавшему въ снаряженіи судна или въ его грузѣ, даже и тогда, когда бы никакого обвинительнаго приговора о томъ суднѣ вслѣдствіе задержанія онаго не состоялось.

Article XII.

Toutes les fois qu'un bâtiment aura été arrêté conformément au présent traité, comme ayant été employé à la Traite des nègres ou équipé pour ce trafic, et qu'il aura été jugé et confisqué en conséquence, le gouvernement du croiseur qui aura fait la prise, ou le gouvernement dont le tribunal aura condamné le bâtiment, pourra acheter le vaisseau condamné pour le service de sa marine militaire, au prix fixé par une personne capable, choisie à cet effet par le dit tribunal. Le gouvernement dont le croiseur aura fait la capture, aura un droit de préférence pour l'acquisition du bâtiment. Mais si le vaisseau condamné n'a pas été acheté de la manière ci-dessus indiquée, il sera totalement démoli, immédiatement après la sentence de confiscation et vendu par parties après avoir été démoli.

Статья XII.

Каждой разъ, когда судно будетъ задержано согласно съ симъ трактатомъ, по причинѣ употребленія онаго на торгъ неграми, или по причинѣ снаряженія онаго для сего торга, и когда вслѣдствіе того таковое судно будетъ осуждено и конфисковано, тогда правительство того крейсера, который сдѣлалъ призъ, или правительство того судебнаго мѣста, которое осудило судно, будетъ имѣть право купить осужденное судно для употребленія въ своемъ военномъ флотѣ, за такую цѣну, какая будетъ назначена свѣдущимъ лицемъ, избраннымъ для того помянутымъ судебнымъ мѣстомъ. Правительство крейсера, сдѣлавшаго призъ, будетъ имѣть предпочтительное право къ покупкѣ судна. Но если обвиненное судно не будетъ куплено вышеозначеннымъ образомъ, то оно будетъ совершенно разломано немедленно послѣ приговора о конфискаціи, а по разломкѣ продано по частямъ.

Article XIII.

Lorsque par la sentence du tribunal compétent, il aura été reconnu qu'un bâtiment de commerce arrêté en vertu du présent traité, ne s'est point livré à

Статья XIII.

Когда по приговору надлежащаго судебнаго мѣста будетъ признано, что задержанное по силѣ сего трактата торговое судно не было употреблено

la Traite des nègres, et n'a point été équipé pour ce trafic, il sera restitué à l'armateur, ou aux armateurs propriétaires légitimes. Et si dans le cours de la procédure il venait à être prouvé que le navire a été visité et arrêté illégalement ou sans motif suffisant de suspicion, ou que la visite et l'arrestation ont été accompagnées d'abus ou de vexations, le commandant du croiseur, ou l'officier qui aura abordé le dit navire, ou celui à qui la conduite en aura été confiée, et sous l'autorité duquel, selon la nature du cas, l'abus ou la véxation aura eu lieu, sera passible de dommages et intérêts envers le capitaine et les propriétaires du bâtiment et de la cargaison.

Ces dommages et intérêts pourront être prononcés par le tribunal devant lequel aura été instruite la procédure contre le navire arrêté, son capitaine, son équipage et sa cargaison; et le gouvernement du pays auquel appartiendra l'officier qui aura donné lieu à cette condamnation, devra payer le montant des dits dommages et intérêts dans le délai de six mois à partir de la date du jugement, lorsque ce jugement aura été rendu par un tribunal siégeant en Europe; et dans le délai d'une année lorsque la procédure judiciaire aura eu lieu hors de l'Europe.

Article XIV.

Lorsque dans la visite ou l'arrestation d'un bâtiment de commerce, opérée en vertu du présent traité, il aura été commis quelque abus ou vexation, et que

на торгъ неграми, и не было снаряжено для того торга, въ такомъ случаѣ оно будетъ возвращено кораблехозяину или кораблехозяевамъ, законнымъ его владѣльцамъ. И ежели въ продолженіе производства дѣла будетъ доказано, что судно было обыскано и задержано незаконно, или безъ достаточнаго повода къ подозрѣнію, или что обыскъ и задержаніе были сопровождаемы злоупотребленіями и притѣсненіемъ, въ такомъ случаѣ командиръ крейсера или офицеръ, абордировавшій сказанное судно, или тотъ, кому отводъ онаго былъ порученъ, и подъ чьимъ начальствомъ, смотря по обстоятельствамъ, происходили таковыя злоупотребленія или притѣсненія, будетъ повиненъ сдѣлать вознагражденіе за убытки и ущербъ капитану и хозяевамъ того судна и его груза.

Таковые убытки и ущербъ могутъ быть опредѣлены приговоромъ того судебнаго мѣста, въ которомъ будетъ производиться дѣло о задержанномъ суднѣ, о экипажѣ и грузѣ онаго; и правительство того государства, коему принадлежитъ офицеръ, подавшій поводъ къ сему приговору, обязано заплатить сполна за таковые убытки съ процентами въ продолженіи шести мѣсяцевъ со дня приговора, если оный состоялся въ судебномъ мѣстѣ, находящемся въ Европѣ, или же въ теченіи года, если судопроизводство было внѣ Европы.

Статья XIV.

Когда при обыскѣ и задержаніи торговаго судна, произведенныхъ по силѣ сего трактата, будутъ учинены какія либо злоупотребленія или притѣсненія,

le navire n'aura pas été livré à la juridiction de sa nation, le capitaine devra faire, sous serment, la déclaration des abus ou vexations dont il aura à se plaindre, ainsi que des dommages et intérêts auxquels il prétendra, et cette déclaration devra être faite par lui devant les autorités compétentes du premier port de son pays où il arrivera, ou devant l'agent consulaire de sa nation, dans un port étranger, si le navire aborde en premier lieu dans un port étranger où il existe un tel agent.

Cette déclaration devra être vérifiée au moyen de l'interrogatoire sous serment, des hommes principaux de l'équipage ou des passagers, qui auront été témoins de la visite ou de l'arrestation; et il sera dressé du tout un procès verbal dont deux expédition seront remises au capitaine, qui devra en faire parvenir une à son gouvernement à l'appui de sa demande en dommages et intérêts.

Il est entendu, que si un cas de force majeure empêche le capitaine de faire sa déclaration, celle-ci pourra être faite par le propriétaire du navire ou par toute autre personne intéressée dans l'armement ou dans le chargement du navire.

Sur la transmission officielle d'une expédition du procès-verbal ci-dessus mentionné, le gouvernement du pays auquel appartiendra l'officier à qui des abus ou vexations seront imputés, fera immédiatement procéder à une enquête; et si la validité de la plainte est reconnue, ce gouvernement fera payer au capitaine ou au propriétaire, ou à toute autre

или когда то судно не будетъ передано судебному мѣсту своей націи, тогда капитанъ онаго обязанъ учинить подъ присягою объявку о злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ, на которыя приноситъ жалобу, равнымъ образомъ о убыткахъ и ущербѣ, о коихъ будетъ показывать, и таковая объявка должна быть учинена имъ предъ надлежащими властями перваго порта его націи, въ который онъ прибудетъ, или передъ консульскимъ агентомъ его націи въ иностранномъ портѣ, если судно пристанетъ сперва въ иностранный портъ, гдѣ находится таковый агентъ.

Объявка сія должна быть провѣрена допросомъ подъ присягою старшихъ людей экипажа или пассажировъ, которые были свидѣтелями обыска и задержанія; и сему допросу будетъ составленъ протоколъ и два экземпляра онаго будутъ выданы капитану, который долженъ доставить одинъ изъ нихъ своему правительству въ подкрѣпленіе просьбы своей о вознагражденіи въ убыткахъ и ущербѣ.

Разумѣется, что ежели въ случаѣ непреодолимаго препятствія капитанъ не можетъ самъ сдѣлать свою объявку, то таковая можетъ быть сдѣлана хозяиномъ судна или всякимъ другимъ лицемъ, имѣющимъ участіе въ снаряженіи или грузѣ сего судна.

По доставленіи официальной копіи съ вышесказаннаго протокола, правительство того государства, которому принадлежитъ офицеръ, обвиняемый въ злоупотребленіяхъ или притѣсненіяхъ, велитъ немедленно приступить къ слѣдствію; и если жалоба признана будетъ основательною, тогда сіе правительство прикажетъ заплатить капи-

personne intéressée dans l'armement ou chargement du navire molesté, le montant des dommages et intérêts qui lui seront dûs.

Article XV.

Les Hautes parties contractantes s'engagent à se communiquer réciproquement, sur une demande à cet effet et sans frais, copies des procédures intentées et des jugemens prononcés, relativement à des bâtimens visités ou arrêtés en exécution des dispositions du présent traité.

Article XVI.

Les Hautes parties contractantes conviennent d'assurer la liberté immédiate de tous les esclaves qui seront trouvés à bord des bâtimens arrêtés et condamnés en vertu des stipulations du présent traité.

Article XVII.

Les Hautes parties contractantes conviennent d'inviter les Puissances maritimes de l'Europe qui n'ont pas encore conclu de traités pour l'abolition de la Traite des nègres, à accéder au présent traité.

Article XVIII.

Les actes ou instruments annéxés au présent traité et qu'il est mutuellement convenu de considérer comme en faisant partie intégrante, sont les suivans:

A. Formules des mandats d'autorisation, et d'ordres pour guider les croiseurs chaque de nation, dans les visites et arrestation à faire en vertu du présent traité.

тану или кораблехозяину или всякому другому лицу, участвующему въ снаряженіи или въ грузѣ пострадавшаго судна, за всѣ убытки и ущербъ, сколько оныхъ причитаться будетъ.

Статья XV.

Высокія договаривающіяся стороны обязуются взаимно сообщать другъ другу по требованію, которое о томъ сдѣлано будетъ, и безъ всякихъ на то издержекъ, копіи съ производимыхъ слѣдствій и состоявшихся приговоровъ относительно обысканныхъ или задержанныхъ по силѣ постановленій сего трактата судовъ.

Статья XVI.

Высокія договаривающіяся стороны обязуются немедленно обезпечить свободу всѣхъ невольниковъ, которые будутъ найдены на судахъ, задержанныхъ и обвиненныхъ по силѣ постановленій сего трактата.

Статья XVII.

Высокія договаривающіяся стороны постановили пригласить всѣ морскія Европейскія Державы, которыя не заключили еще трактатовъ о уничтоженіи торга неграми, приступить къ сему трактату.

Статья XVIII.

Приложенные къ сему трактату акты или документы, которые взаимно постановлено признавать за неотъемлемую часть онаго, суть слѣдующіе:

А. Формы полномочій и предписаній для руководства крейсеровъ каждой націи при производствѣ обысковъ и задержаній по силѣ сего трактата.

B. Instructions pour les croiseurs des forces navales employés en vertu du présent traité pour la suppression de la Traite des nègres.

Article XIX.

Les présent traité, consistant en dix-neuf articles, sera ratifié et les ratifications en seront échangées à Londres, à l'expiration de deux mois, à compter de ce jour, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi etc.

Fait à Londres, le 8 (20) décembre 1841.

(L. S.) Brunnow.
(L. S.) Koller.
(L. S.) Ste. Aulaire.
(L. S.) Aberdeen.
(L. S.) Schleinitz.

Annexe A.

Au traité entre la Russie, l'Autriche, la France, la Grande-Bretagne et la Prusse pour la suppression de la Traite des nègres d'Afrique, signé à Londres, le 8 (20) décembre 1841.

I-ère Formule:

Mandats, en vertu desquels un croiseur d'une des Hautes parties contractantes pourra visiter et arrêter un navire de commerce appartenant à une autre des Hautes parties contractantes, ou naviguant sous son pavillon, et soupçonné de se livrer à la Traite des nègres, ou d'être équipé pour ce trafic.

B. Инструкціи крейсерамъ военныхъ морскихъ силъ, употребляемымъ по силѣ сего трактата для прекращенія торга неграми.

Статья XIX.

Предлежащій трактатъ, состоящій изъ девятнадцати статей, имѣетъ быть ратификованъ и ратификаціи онаго имѣютъ быть размѣнены въ Лондонѣ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ отъ нижеписаннаго числа или ранѣе, ежели возможно.

Въ удостовѣреніе и т. д.

Заключенъ въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года.

(М. П.) Бруновъ.
(М. П.) Коллеръ.
(М. П.) Сентъ-Олеръ.
(М. П.) Абердинъ.
(М. П.) Шлейницъ.

Приложеніе подъ лит. А.

Къ трактату между Россіею, Австріею, Франціею, Великобританіею и Пруссіею о уничтоженіи торга африканскими неграми, заключенному въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года.

Форма I.

Полномочія, въ силу коихъ крейсеръ одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ можетъ обыскать и задержать судно торговое, принадлежащее другой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ или плавающее подъ флагомъ оной и подозрѣваемое въ производствѣ торга неграми, или въ томъ, что оно снаряжено для таковаго торга.

Le traité conclu entre la Russie, l'Autriche, la France, la Grande-Bretagne et la Prusse, signé à Londres, le 8 (20) décembre 1841, pour la suppression totale de la Traite des nègres d'Afrique, ayant stipulé que des croiseurs appartenant à l'une ou l'autre des dites Puissances seraient autorisés à visiter et à arrêter dans l'étendue de limites déterminées, les navires de commerce des Hautes parties contractantes se livrant à la Traite des nègres, ou soupçonnés d'être équipés pour ce trafic, et le gouvernement...... ayant jugé convenable d'employer à ce service le bâtiment que vous commandez, et de vous munir d'Instructions spéciales pour vous servir de règles dans le dit service: Vous êtes, en vertu de ces Instructions et du présent mandat, autorisé à visiter dans les limites indiquées dans l'article II du dit traité, les navires de commerce sous pavillon...... soupçonnés de se livrer à la Traite des nègres, et à agir à l'égard des navires qui se seront livrés à la Traite des nègres, ou qui seront soupçonnés d'être équipé pour ce trafic, selon qu'il est prescrit dans le dit traité, et dans les Instructions qui y sont annéxées.

Donné à

le

Au commandant de

II-me Formule.

Ordres pour guider le commandant d'un croiseur d'une des Hautes parties

Такъ какъ трактатомъ, заключеннымъ между Россiею, Австрiею, Францiею, Великобританiею и Пруссiею, подписаннымъ въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года, для совершеннаго уничтоженiя торга африканскими неграми, постановлено, что крейсеры, принадлежащiе той или другой изъ сихъ Державъ, будутъ въ правѣ обыскивать и задерживать на пространствѣ опредѣленныхъ границъ торговыя суда Высокихъ договаривающихся сторонъ, производящiя торгъ неграми или подозрѣваемыя въ томъ, что сiи суда снаряжены для таковаго торга, и такъ какъ . . . . . правительство признало за нужное употребить на сiе крейсерство, состоящее подъ начальствомъ вашимъ судно и снабдить васъ для руководства вашего особенными инструкцiями по сказанному назначенiю; то по силѣ сихъ инструкцiй и сего полномочiя, вы имѣете право обыскивать въ предѣлахъ, означенныхъ во II статьѣ помянутаго трактата, торговыя суда подъ . . . флагомъ, подозрѣваемые въ производствѣ торга неграми, и поступить съ судами, которыя будутъ заниматься симъ торгомъ или которыя будутъ подозрѣваемы въ томъ, что они снаряжены для того торга, такъ какъ о томъ постановлено въ сказанномъ трактатѣ и приложенныхъ къ оному инструкцiяхъ.

Дано въ

дня

командиру

Форма II.

Предписанiя для руководства командира крейсера одной изъ Высокихъ до-

contractantes en ce qui regarde la visite et l'arrestation d'un navire de commerce appartenant à une autre des Hautes parties contractantes ou naviguant sous son pavillon.

Le traité conclu entre la Russie, l'Autriche, la France, la Grande-Bretagne et la Prusse, signé à Londres, le 8 (20) décembre 1841, pour la suppression totale de la Traite des nègres d'Afrique: ayant stipulé que des croiseurs appartenant à l'une ou l'autre des dites Puissances seront autorisés par les Instructions spéciales y mentionnées, à visiter et à arrêter dans l'étendue de limites fixes, les navires de commerce des autres Parties contractantes se livrant à la Traite des nègres, ou soupçonnés d'être équipés pour ce trafic: et le gouvernement..... ayant jugé convenable d'employer à ce service le bâtiment que vous commandez et de vous munir des dites Instructions spéciales, nous vous envoyons ci-joint copie du dit traité du 3 (15) décembre 1841 et des Instructions y annexées, ci-dessus mentionnées, conséquement, et en vertu du présent ordre et du mandat ci-joint du gouvernement de...... vous êtes autorisé à visiter dans les limites indiquées dans l'article II du dit traité, les navires de commerce naviguant sous pavillon..... soupçonnés de se livrer à la Traite des nègres, et à agir à l'égard de ceux de ces navires qui se seront livrés à cette traite, ou qui seront soupçonnés d'être équipés pour ce trafic, ainsi qu'il est indiqué dans le dit traité, le dit mandat et les dites Instructions, et nous vous chargeons et requérons de vous conformer très-strictement à toutes les dispositions

говаривающихся сторонъ относительно обыска и задержанія торговаго судна, принадлежащаго другой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ или плавающаго подъ флагомъ оной.

Такъ какъ трактатомъ, заключеннымъ между Россіею, Австріею, Франціею, Великобританіею и Пруссіею, подписаннымъ въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года, для совершеннаго прекращенія торга африканскими неграми, постановлено, что крейсеры, принадлежащіе той или другой изъ сихъ Державъ, будутъ уполномочены особенными инструкціями, упомянутыми въ томъ трактатѣ, обыскивать и задерживать на пространствѣ опредѣленныхъ границъ торговыя суда другихъ договаривающихся сторонъ, занимающіяся торгомъ неграми или подозрѣваемыя въ томъ, что сіи суда снаряжены для таковаго торга: и такъ какъ . . . . правительство признало за нужное употребить на сіе крейсерство, по сказанному назначенію, судно, коимъ вы начальствуете, и снабдить васъ вышесказанными особенными инструкціями, то мы препровождаемъ къ вамъ при семъ копіи съ помянутаго трактата, заключеннаго 8 (20) декабря 1841 года, и съ инструкцій къ оному приложенныхъ; вслѣдствіе чего, по силѣ сего предписанія и приложеннаго здѣсь полномочія . . . . . правительства, вы уполномочены обыскивать въ предѣлахъ, означенныхъ во II статьѣ помянутаго трактата, торговыя суда, плавающія подъ . . . . . . флагомъ, подозрѣваемыя въ производствѣ торга неграми, и поступать съ тѣми изъ сихъ

et stipulations y contenues, ayant soin d'exercer l'autorité dont vous êtes investi, de la manière la plus douce et avec tous les égards que se doivent des nations alliées et amies; et de coopérer cordialement avec les commandans de tout bâtiment de guerre...... employé au même service.

Donné à

le

Au commandant de

Les présentes formules de mandats et d'ordres seront annexées au Traité signé aujourd'hui entre la Russie, l'Autriche, la France, la Grande Bretagne et la Prusse, pour la suppression de la Traite des nègres d'Afrique et seront considérées comme faisant partie intégrante de de ce traité.

En foi de quoi etc.

Fait à Londres, le 8 (20) décembre 1841.

(L. S.) Brunnow.
(L. S.) Koller.
(L. S.) Ste. Aulaire.
(L. S.) Aberdeen.
(L. S.) Schleinitz.

судовъ, которыя будутъ производить сей торгъ или будутъ подозрѣваемы въ томъ, что они снаряжены для таковаго торга, такъ какъ о томъ въ помянутомъ трактатѣ, помянутомъ полномочіи и помянутыхъ инструкціяхъ означено, и мы поручаемъ вамъ и отъ васъ требуемъ соблюдать въ точности всѣ заключающіяся въ нихъ постановленія и распоряженія, стараясь при томъ употреблять ввѣренную вамъ власть самымъ кроткимъ образомъ и со всею внимательностью, каковую союзныя и дружественныя между собою націи оказывать другъ другу обязаны; равнымъ образомъ искренно содѣйствовать командирамъ всякаго другаго военнаго судна . . . . употребленнаго на таковое же крейсерство.

Дано въ . . .

дня

командиру . . . .

Предлежащія формы полномочій и предписаній будутъ приложены къ трактату, заключенному сего дня между Россіею, Австріею, Франціею, Великобританіею и Пруссіею для прекращенія торга африканскими неграми и будутъ почитаемы за неотъемлемую часть самаго трактата.

Во увѣреніе чего и т. д.

Заключено въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года.

(М. П.) Бруновъ.
(М. П.) Коллеръ.
(М. П.) Сентъ-Олеръ.
(М. П.) Абердинъ.
(М. П.) Шлейницъ.

Annexe B.

Au traité entre la Russie, l'Autriche, la France, la Grande Bretagne et la Prusse, pour la suppression de la Traite des nègres d'Afrique, signé à Londres, le 8 (20) décembre 1841.

Instructions pour les croiseurs.

1-e. Toutes les fois qu'un navire de commerce appartenant à l'une des Hautes parties contractantes, ou naviguant sous son pavillon, sera visité par un croiseur de l'une des autres Hautes parties contractantes, l'officier commandant le croiseur, avant de procéder à la visite, exhibera au capitaine de ce navire les ordres spéciaux qui lui confèrent le droit exceptionnel de le visiter; et il remettra au dit capitaine un certificat, signé de lui, indiquant son rang dans la marine militaire de son pays, ainsi que le nom du bâtiment qu'il commande et attestant que le seul but de sa visite est de s'assurer si le navire se livre à la Traite des nègres, ou s'il est équipé pour ce trafic, ou s'il a été employé à cette Traite durant la traversée pendant laquelle il a été rencontré par le dit croiseur. Lorsque la visite est faite par un officier du croiseur autre que celui qui le commande, cet officier devra avoir le grade de lieutenant, dans la marine militaire, ou au moins être actuellement le second en rang à bord du navire qui fait la visite; dans ce cas, le dit officier exhibera au capitaine du navire marchand une copie des ordres spéciaux dont il est fait mention ci-dessus, signée par le commandant du croiseur, et remettre en outre une dé-

Приложеніе подъ лит. В.

Къ трактату между Россіею, Австріею, Франціею, Великобританіею и Пруссіею, о уничтоженіи торга африканскими неграми, подписанному въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года.

Инструкціи крейсерамъ.

1. Каждый разъ, когда торговое судно, принадлежащее одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, или плавающее подъ ея флагомъ, будетъ обыскиваемо крейсеромъ одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, тогда офицеръ, начальствующій крейсеромъ, прежде нежели приступить къ обыску, долженъ предъявить капитану сего торговаго судна особенныя повелѣнія, которыя даютъ ему исключительное право обыска, и вручить тому капитану за своимъ подписаніемъ свидѣтельство о своемъ чинѣ въ военномъ флотѣ государства его, а также о названіи начальствуемаго имъ судна, объявя при томъ, что единственная цѣль его обыска состоитъ въ томъ, чтобы удостовѣриться, не занимается-ли то судно торгомъ неграми, или не снаряжено-ли оно для сего торга или не было-ли употреблено на таковый торгъ во время плаванія, въ продолженіе котораго встрѣчено сказаннымъ крейсеромъ. Ежели обыскъ производимъ будетъ не самимъ начальникомъ крейсера, а другимъ съ онаго офицеромъ, то сему офицеру должно быть въ чинѣ лейтенанта военнаго флота, или по крайней мѣрѣ состоять тогда вторымъ по чину на крейсерѣ, производящемъ обыскъ; въ семъ случаѣ таковый офицеръ, предъявитъ

claration signée par lui-même indiquant le rang qu'il occupe dans la marine militaire de son pays, le nom du commandant sous les ordres duquel il agit, le nom du croiseur auquel il appartient, et le but de la visite, ainsi qu'il est dit ci-dessus.

Si cette visite constate que les papiers de bord du navire sont en règle et ses opérations licites, l'officier inscrira sur le journal de bord, que la visite a eu lieu en vertu des ordres spéciaux dont il est fait mention ci-dessus: et lorsque ces formalités auront été accomplies, le navire sera libre de continuer sa route.

2-e. Si, d'après le résultat de la visite, l'officier commandant le croiseur juge qu'il y a motifs suffisans de supposer que le navire se livre à la Traite des nègres, ou qu'il a été équipé pour ce trafic, ou qu'il s'était livré à ce trafic durant la traversée pendant laquelle il a été recontré par le croiseur, et s'il se décide, en conséquence, à l'arrêter, et à le faire soumettre au jugement de l'autorité compétente, il fera dresser sur le champ, par duplicata, l'inventaire de tous les papiers trouvés à bord, et signera cet inventaire en double, ajoutant à son nom, son rang dans la marine militaire, ainsi que le nom du bâtiment qu'il commande.

Il dressera et signera de la même manière, par duplicata, un procès-verbal constatant l'époque et le lieu de l'arrestation, le nom du navire, celui de

капитану торговаго судна копію съ вышепомянутыхъ особенныхъ предписаній, за подписью командующаго крейсеромъ, и дастъ сверхъ того за своимъ подписаніемъ объявленіе, въ которомъ показано будетъ, въ какомъ онъ чинѣ служитъ въ военномъ флотѣ государства его, а также имя капитана, подъ начальствомъ котораго онъ дѣйствуетъ, названіе крейсера, къ которому онъ принадлежитъ и цѣль обыска, такъ какъ выше сказано.

Ежели по осмотру окажется, что всѣ документы на купеческомъ суднѣ въ надлежащемъ порядкѣ, и дѣйствія его законны, то офицеръ запишетъ въ журналѣ торговаго судна, что обыскъ былъ произведенъ по особеннымъ вышеупомянутымъ предписаніямъ, и когда все сіе будетъ исполнено, тогда судно будетъ свободно продолжать путь свой.

2. Ежели послѣ обыска начальникъ крейсера будетъ того мнѣнія, что есть достаточныя причины къ предположенію, что судно занимается торгомъ неграми, или было снаряжено для того торга или производило сей торгъ во время плаванія, въ продолженіе котораго встрѣчено крейсеромъ; и ежели вслѣдствіе сего онъ рѣшится задержать то судно и подвергнуть оное надлежащему суду, то немедленно велитъ составить вдвойнѣ опись всѣмъ бумагамъ, найденнымъ на торговомъ суднѣ, и подпишетъ сію опись вдвойнѣ, присовокупя къ имени своему, чинъ свой въ военномъ флотѣ, и названіе начальствуемаго имъ судна.

Такимъ же образомъ онъ вдвойнѣ составитъ и подпишетъ протоколъ или объявленіе о времени и мѣстѣ, гдѣ остановлено судно, о названіи онаго,

son capitaine et ceux des hommes de son équipage, ainsi que le nombre et l'état des esclaves trouvés à bord.

Ce procès-verbal devra en outre contenir une description exacte de l'état du navire et de sa cargaison.

3-e. Le commandant du croiseur conduira ou enverra sans délai le navire arrêté, ainsi que son capitaine, son équipage, ses passagers, sa cargaison et les esclaves trouvés à son bord, à l'un des ports ci-après spécifiés, pour qu'il soit procédé à leur égard, conformément aux lois du pays dont le navire porte le pavillon; et il en fera la remise aux autorités compétentes ou aux personnes qui auront été spécialement préposées à cet effet par le gouvernement à qui appartiendra le dit port.

4-e. Nul individu ne devra être distrait du bord du navire arrêté; et il ne sera enlevé non plus aucune partie de sa cargaison, ou des esclaves trouvés à son bord, jusqu'à ce que le dit navire ait été remis aux autorités de sa propre nation; excepté dans le cas où la translation de la totalité ou d'une partie de l'équipage, ou des esclaves trouvés à bord, serait jugée nécessaire, soit pour conserver leur vie, ou par toute autre considération d'humanité, soit pour la sûreté de ceux qui seront chargés de la conduite du navire après son arrestation. Dans un tel cas, le commandant du croiseur ou l'officier chargé de la conduite du bâtiment arrêté, dressera de la dite translation un procés-verbal, dans lequel il en énoncera les motifs; et les capitaines, matelots, passa-

о именахъ капитана и всѣхъ людей экипажа, а также о числѣ и состоянiи всѣхъ найденныхъ на суднѣ невольниковъ.

Въ томъ же протоколѣ должно заключаться сверхъ того точное описанiе состоянiя судна и его груза.

3. Начальникъ крейсера проводитъ или отошлетъ немедленно задержанное судно, вмѣстѣ съ капитаномъ онаго, съ экипажемъ, съ пассажирами, со всѣмъ грузомъ и всѣми найденными на немъ невольниками въ одинъ изъ портовъ, которые ниже сего означены, чтобы тамъ было поступлено съ ними согласно съ законами того государства, подъ флагомъ котораго плаваетъ то судно; и сдастъ все то надлежащимъ властямъ или тѣмъ лицамъ, кои особенно для сего будутъ назначены отъ правительства, которому принадлежитъ тотъ портъ.

4. Ни одного человѣка не должно снимать съ задержаннаго судна, и никакой части изъ груза или изъ числа найденныхъ на томъ суднѣ невольниковъ, не позволяется свозить съ онаго, пока оно не будетъ передано властямъ той нацiи, которой оно принадлежитъ, исключая такiе только случаи, когда бы перемѣщенiе всего или части экипажа или найденныхъ на томъ суднѣ невольниковъ, было признано нужнымъ для сохраненiя жизни ихъ, или вообще по чувству человѣколюбiя или же для безопасности тѣхъ, кому поручено будетъ управлять плаванiемъ судна по задержанiи онаго. Во всякомъ такомъ случаѣ, начальникъ крейсера или тотъ офицеръ, которому поручено будетъ управленiе задержаннымъ судномъ, долженъ составить протоколъ, въ которомъ

gers ou esclaves, ainsi transbordés, seront conduits dans le même port que le navire et sa cargaison; et leur réception aura lieu de la même manière que celle du navire, conformément aux dispositions ci-après énoncées.

будутъ изложены причины, побудившія къ таковому перемѣщенію; а капитанъ, матросы, пассажиры или невольники, такимъ образомъ перемѣщенные, будутъ отведены въ тотъ же портъ, куда отведено будетъ и судно съ грузомъ, и тамъ будутъ приняты такимъ же образомъ, какъ судно, согласно съ изложенными ниже сего распоряженіями.

Il est entendu qu'aucune des stipulations du paragraphe ci-dessus ne sera applicable aux esclaves trouvés à bord de navires russes, autrichiens ou prussiens, il sera disposé de ces esclaves conformément aux dispositions contenues dans les paragraphes suivans.

Разумѣется, что ни одно изъ постановленій, содержащихся въ вышеписанномъ параграфѣ, не можетъ быть примѣнено къ невольникамъ, найденнымъ на судахъ русскихъ, австрійскихъ или прусскихъ; съ сими невольниками должно будетъ поступать сообразно съ правилами, заключающимися въ слѣдующихъ параграфахъ.

5-e. Tous les navires russes qui seront arrêtés aux stations d'Afrique ou d'Amérique par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction russe à Cronstadt ou à Reval, selon que la saison permettra au navire d'atteindre l'un ou l'autre de ces ports.

5. Всѣ русскія суда, которыя будутъ задержаны на крейсерствахъ африканскихъ или американскихъ, крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы россійскимъ властямъ въ Кронштадтѣ или Ревелѣ, смотря по тому, какъ время года позволитъ судну войти въ тотъ или другой изъ сихъ портовъ.

Mais si des esclaves sont trouvés à bord d'un tel navire russe au moment de son arrestation, le navire sera envoyé d'abord pour déposer les esclaves dans le port où il aurait été conduit pour être jugé s'il avait navigué sous pavillon français ou anglais; le navire sera ensuite envoyé et remis à la juridiction russe à Cronstadt ou à Reval, ainsi qu'il a été stipulé ci-dessus.

Но если на такомъ русскомъ суднѣ во время задержанія найдены будутъ невольники, то судно будетъ отведено сперва для высадки невольниковъ въ тотъ портъ, въ который оно было бы отведено для преданія суду, если бы плавало подъ французскимъ или англійскимъ флагомъ: а послѣ то судно будетъ отослано и передано россійскимъ властямъ въ Кронштадтѣ или Ревелѣ, какъ выше постановлено.

Tous les navires autrichiens qui seront arrêtés aux stations d'Amérique ou d'Afrique par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits

Всѣ австрійскія торговыя суда, которыя будутъ задержаны на американскихъ или африканскихъ крейсерствахъ крейсерами другихъ договаривающихся

et remis à la juridiction autrichienne à Trieste.

Mais si des esclaves sont trouvés à bord d'un tel navire autrichien au moment de son arrestation, le navire sera envoyé d'abord pour déposer les esclaves dans le port où il aurait été conduit pour être jugé, s'il avait navigué sous pavillon français ou anglais; le navire sera ensuite envoyé et remis à la juridiction autrichienne à Trieste, ainsi qu'il a été stipulé ci-dessus.

Tous les navires français qui seront arrêtés sur la côte occidentale d'Afrique par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction française à Gorée.

Tous les navires français qui seront arrêtés sur la côte orientale d'Afrique par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction française à l'Ile de Bourbon.

Tous les navires français qui seront arrêtés sur la côte d'Amérique, au sud du 10-me degré de latitude septentrionale par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction française à Cayenne.

Tous les navires français qui seront arrêtés ou dans les Indes occidentales, ou sur la côte d'Amérique au nord du 10-me degré de latitude septentrionale, par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction française à la Martinique.

Tous les navires britanniques qui seront arrêtés sur la côte occidentale d'Afrique par les croiseurs des autres

сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы австрійскимъ властямъ въ Тріестѣ.

Но если на такомъ австрійскомъ суднѣ во время задержанія найдены будутъ невольники, то судно будетъ отведено сперва для высадки невольниковъ въ тотъ портъ, въ который оно было бы отведено для преданія суду, если бы плавало подъ французскимъ или англійскимъ флагомъ: а послѣ таковое судно будетъ отослано и передано австрійскимъ властямъ въ Тріестѣ, какъ выше постановлено.

Всѣ французскія суда, которыя будутъ задержаны на западномъ берегу Африки крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы французскимъ властямъ въ портѣ Гореѣ.

Всѣ французскія суда, которыя будутъ задержаны крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ на восточномъ берегу Африки, будутъ отводимы и передаваемы французскимъ властямъ на островѣ Бурбонѣ.

Всѣ французскія суда, которыя будутъ задержаны у американскихъ береговъ къ югу отъ 10 градуса сѣверной широты, крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы французскимъ властямъ въ Каенѣ.

Всѣ французскія суда, которыя будутъ задержаны или въ Западной Индіи или у американскихъ береговъ къ сѣверу отъ 10 градуса сѣверной широты, крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы французскимъ властямъ въ Мартиникѣ.

Всѣ британскія суда, которыя будутъ задержаны у западнаго берега Африки крейсерами другихъ договаривающихся

Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction britannique à Bathurst sur la rivière de Gambie.

Tous les navires britanniques qui seront arrêtés sur la côte orientale d'Afrique par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction britannique au Cap de Bonne Espérance.

Tous les navires britanniques qui seront arrêtés sur la côte d'Amérique par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction britannique, ou à la Colonie de Déméraire, ou au Port Royal dans la Jamaïque, selon que le commandant du croiseur le jugera plus convenable.

Tous les navires britanniques qui seront arrêtés dans les Indes Occidentales par les croiseurs des autres Parties contractantes seront conduits et remis à la juridiction britannique au Port Royal dans la Jamaique.

Tous les navires prussiens qui seront arrêtés aux stations d'Afrique ou d'Amérique par les croiseurs des autres Parties contractantes, seront conduits et remis à la juridiction prussienne à Stettin.

Mais si des esclaves sont trouvés à bord d'un tel navire prussien au moment de son arrestation, le navire sera envoyé d'abord pour déposer les esclaves dans le port où il aurait été conduit pour être jugé, s'il avait navigué sous pavillon français ou anglais, le navire sera ensuite envoyé et remis à la juridiction prussienne à Stettin, ainsi qu'il a été stipulé ci-dessus.

6-e. Dès qu'un navire de commerce qui aura été arrêté, comme il a été dit

сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы британскимъ властямъ въ Батурстѣ на рѣкѣ Гамбіи.

Всѣ британскія суда, которыя будутъ задержаны у восточнаго берега Африки крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы британскимъ властямъ на мысѣ Доброй Надежды.

Всѣ британскія суда, которыя будутъ задержаны у береговъ Америки крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы британскимъ властямъ или въ Колоніи Демерари или въ Портъ-Роялѣ на островѣ Ямайкѣ, смотря по тому, какъ командиръ крейсера найдетъ удобнѣе.

Всѣ британскія суда, которыя будутъ задержаны въ Западной Индіи крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы британскимъ властямъ въ Портъ-Роялѣ на островѣ Ямайкѣ.

Всѣ прусскія суда, которыя будутъ задержаны на африканскихъ или американскихъ крейсерствахъ крейсерами другихъ договаривающихся сторонъ, будутъ отводимы и передаваемы прусскимъ властямъ въ Штетинѣ.

Но если на таковомъ прусскомъ суднѣ во время задержанія найдены будутъ невольники, то судно будетъ отведено сперва для высадки невольниковъ въ тотъ портъ, въ который оно было бы поведено для преданія суду, если бы плавало подъ французскимъ или англійскимъ флагомъ: а послѣ таковое судно будетъ отослано и передано прусскимъ властямъ въ Штетинѣ, какъ выше постановлено.

6. Коль скоро торговое судно, задержанное, какъ выше сказано, при-

ci-dessus, arrivera dans un des ports ou lieux dont il est ci-dessus fait mention, le commandant du croiseur, ou l'officier, chargé de la conduite du navire arrêté, remettra immédiatement aux autorités dûment préposées à cet effet par le gouvernement dans le territoire duquel le port ou lieu ci-dessus désigné se trouve, le navire et sa cargaison, ainsi que le capitaine, l'équipage, les passagers et les esclaves trouvés à son bord, et en outre les papiers saisis à bord et l'un des deux exemplaires de l'inventaire des dits papiers, l'autre devant demeurer dans sa possession. Le dit officier remettra en même temps à ces autorités, en original, une des deux expéditions du procès-verbal faites selon ce qui est ci-dessus spécifié, et il y ajoutera un rapport des changemens qui pourraient avoir eu lieu depuis le moment de l'arrestation jusqu'à celui de la remise; aussi bien qu'une copie du rapport de tels transbordemens qui ont pu avoir lieu, ainsi qu'il a été prévu ci-dessus.

En remettant ces diverses pièces, l'officier en attestera la sincérité sous serment et par écrit.

7-e. Si le commandant d'un croiseur d'une des Hautes parties contractantes dûment pourvu des Instructions spéciales ci-dessus mentionnées, a lieu de soupçonner qu'un navire de commerce naviguant sous le convoi, ou en compagnie d'un bâtiment de guerre d'une des autres Parties contractantes, se livre à la Traite des nègres, ou a été équipé pour ce trafic, ou qu'il s'était livré au trafic des nègres durant la traversée pendant la-

будетъ въ одинъ изъ вышеупомянутыхъ портовъ или мѣстъ, то начальникъ крейсера или офицеръ, которому поручено управленіе задержаннымъ судномъ, немедленно передаетъ властямъ, надлежащимъ образомъ для сего назначеннымъ отъ правительства, во владѣніи котораго тотъ портъ или мѣсто находится, какъ вышеозначенное судно съ грузомъ, такъ и капитана, экипажъ, пассажировъ и невольниковъ, наономъ найденныхъ, и сверхъ того бумаги на суднѣ взятыя, и одинъ изъ двухъ экземпляровъ описи сихъ бумагъ; другой же экземпляръ долженъ оставаться въ его рукахъ. Въ то же время упомянутый офицеръ вручитъ симъ властямъ въ подлинникѣ одинъ изъ двухъ экземпляровъ протокола, составленнаго, какъ выше сего объявлено, и присовокупитъ къ тому донесеніе о перемѣнахъ, которыя могли послѣдовать съ того времени, какъ судно было задержано, до того времени, когда оно сдано; — онъ вручитъ также копію съ рапорта о перемѣщеніяхъ, которыя могли случиться, такимъ образомъ какъ выше сказано.

Вручая всѣ сіи документы, офицеръ подтвердитъ достовѣрность оныхъ подъ присягою и письменно.

7. Если командиръ крейсера одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, надлежащимъ образомъ снабженный вышеупомянутыми особенными инструкціями, имѣетъ поводъ къ подозрѣнію, что торговое судно, плавающее подъ конвоемъ или сопутно съ военнымъ судномъ другой изъ договаривающихся сторонъ, занимается торгомъ неграми, или снаряжено для сего торга, или занималось торгомъ неграми

*

quelle il a été rencontré par le croiseur, il devra se borner à communiquer ses soupçons au commandant du bâtiment de guerre, et laisser à celui-ci le soin de procéder seul à la visite du navire suspect, et de le placer, s'il y a lieu, sous la main de la justice de son pays.

8-e. Par l'article IV du traité, il est stipulé, que dans aucun cas le droit mutuel de visite ne pourra s'exercer sur des bâtimens de guerre des Hautes parties contractantes.

Il est convenu que cette exemption s'appliquera également aux navires de la Compagnie Russe Américaine, lesquels, étant commandés par des officiers de la marine impériale, sont autorisés par le gouvernement Impérial à arborer un pavillon qui les distingue de la marine marchande, et sont armés et équipés d'une manière semblable à celle des transports de guerre.

Il est également convenu que les dits navires devront être munis d'une patente Russe, qui constatera leur origine et leur destination. La forme de cette patente sera arrêtée de commun accord. Il est convenu que cette patente, expédiée par l'autorité compétente en Russie, sera visée à St. Pétersbourg par les Consulats d'Angleterre et de France.

9-e. Par l'article IX, § 3 du traité, il est stipulé, qu'à moins de preuve contraire, un navire serait censé s'être livré à la Traite des nègres, s'il se trouvait à son bord des planches de réserve, préparées pour établir un double pont ou un pont dit à esclaves.

во время плаванія, въ продолженіе котораго было встрѣчено крейсеромъ, то сей крейсеръ долженъ ограничиться только сообщеніемъ командиру военнаго судна о своихъ подозрѣніяхъ, и предоставить ему одному произвести обыскъ подозрительнаго судна, а если нужно, то и передать оное въ судебное мѣсто его націи.

8. Статьею IV сего трактата постановлено, что ни въ какомъ случаѣ взаимное право обыска не можетъ имѣть дѣйствія надъ военными судами Высокихъ договаривающихся сторонъ.

Сверхъ того постановляется, что сіе исключеніе распространено также на суда Россійской Американской Компаніи, которыя, находясь подъ начальствомъ офицеровъ Императорскаго флота, имѣютъ дозволеніе отъ Императорскаго Правительства на поднятіе флага, отличающаго ихъ отъ купеческихъ судовъ, и которыя вооружены и снаряжены на подобіе военныхъ транспортовъ.

Равнымъ образомъ постановлено, что сіи суда должны имѣть россійскій патентъ, означающій ихъ происхожденіе и назначеніе. Форма сего патента будетъ установлена съ общаго согласія. Также условлено, что сей патентъ, выданный отъ надлежащаго россійскаго начальства, будетъ засвидѣтельствованъ въ С.-Петербургѣ англійскимъ и французскимъ консульствами.

9. Статьею IX, § 3 сего трактата постановлено, что судно будетъ подозрѣваемо (если нѣтъ доказательствъ противнаго) въ торгѣ неграми, когда найдутся на ономъ запасныя доски, приготовленныя къ устроенію двойнаго дека, или дека, называемаго декомъ невольниковъ.

Afin de prévenir tout abus qui pourrait résulter d'une interprétation arbitraire de cette clause, il est spécialement recommandé aux croiseurs de ne pas en étendre l'application aux navires russes, autrichiens et prussiens, faisant le commerce de bois, dans le cas où il sera constaté par leurs expéditions que les planches et poutres qu'ils ont ou ont eu, à bord, font, ou ont fait, partie de leur cargaison comme objet de commerce licite.

Par conséquent, afin de ne pas entraver un commerce licite, il est expressément enjoint aux croiseurs d'appliquer les dispositions contenues dans le § 3 de l'article IX, seulement aux cas où il se trouverait à bord du bâtiment visité des planches de réserve évidemment destinées pour la formation d'un pont dit à esclaves.

Les plénipotentiaires soussignés, conformément à l'article XVIII du traité de ce jour, sont convenus que les Instructions ci-dessus seront annexées au traité signé ajourd'hui entre la Russie, l'Autriche, la France, la Grande-Bretagne et la Prusse pour la suppression de la Traite des nègres d'Afrique et qu'elles seront considérées comme faisant partie intégrante du dit traité.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 8 (20) décembre 1841.

(L. S.) Brunnow. (L. S.) Aberdeen.
(L. S.) Koller. (L. S.) Schleinitz.
(L. S.) Ste. Aulaire.

Ratifié à St. Pétersbourg, le 3 (15) janvier 1842.

Дабы предупредить всякое злоупотребленіе, могущее произойти отъ произвольнаго толкованія сего постановленія, симъ особенно предписывается крейсерамъ не распространять дѣйствія сего постановленія на суда россійскія, австрійскія и прусскія, употребляемыя для торга лѣсомъ, когда будетъ доказано корабельными документами, что доски и бревна, которыя находятся или находились на оныхъ, составляютъ или составляли часть груза, какъ предметъ дозволеннаго торга.

Слѣдовательно, дабы не дѣлать препятствій дозволенному торгу, симъ особенно предписывается крейсерамъ примѣнять постановленія § 3 статьи IX только къ тѣмъ обыкновеннымъ судамъ, на коихъ найдены будутъ запасныя доски, явно назначенныя для устроенія такъ называемаго дека невольниковъ.

Нижеподписавшіеся полномочные, согласно статьи XVIII трактата сего дня заключеннаго, постановили, что вышеприведенныя инструкціи будутъ приложены къ тому сего числа подписанному трактату между Россіею, Австріею, Франціею, Великобританіею и Пруссіею, для уничтоженія торга африканскими неграми, и что сіи инструкціи будутъ составлять неотъемлемую часть самаго трактата.

Во увѣреніе чего и т. д.

Заключено въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года.

(М. П.) Бруновъ. (М. П.) Абердинъ.
(М. П.) Коллеръ. (М. П.) Шлейницъ.
(М. П.) Сентъ-Олеръ.

Ратификованъ въ С.-Петербургѣ, 3 (15) января 1842 года.

№ 448.

Au nom de la Très-Sainte et Indivisible Trinité.

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, et le Roi de Prusse, en exécution de l'article XVII du traité conclu entr'Elles à Londres le 8 (20) décembre 1841, pour la suppression de la Traite des nègres d'Afrique étant convenues de commun accord d'inviter S. M. le Roi des Belges à accéder au dit traité;

Et S. M. le Roi des Belges, appréciant les motifs qui ont dicté l'invitation qui lui a été adressée à cet effet, et désirant assurer plus efficacement l'application des principes consacrés par la législation en vigueur en Belgique, laquelle répute la Traite crime de piraterie, et prononce notamment la confiscation des navires qui s'y livrent, et désirant contribuer à l'accomplissement du but d'humanité du dit Traité, par une sanction publique et formelle de ses principes et de ses dispositions, a donné son assentiment à la proposition qui lui a été adressée;

Leurs dites Majestés ont, en conséquence, résolu de conclure un Traité pour constater en due forme l'accession de S. M. le Roi des Belges au dit Traité, et l'acceptation de cette accession par les quatre parties contractantes, qui ont ratifié le Traité; et Leurs Majestés ont, en conséquence, nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

№ 448.

Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы.

Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій, Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и Король Прусскій, въ исполненіе XVII статьи трактата, заключеннаго между ими въ Лондонѣ 8 (20) декабря 1841 года о уничтоженіи торга африканскими неграми, по взаимному согласію постановили пригласить Е. В. Короля Бельгійцевъ приступить къ означенному трактату;

И Е. В. Король Бельгійцевъ, уважая побудительныя причины сего приглашенія и желая привести на самомъ дѣлѣ въ исполненіе правила нынѣ дѣйствующаго въ Бельгіи законодательства, которое признаетъ торгъ неграми морскимъ разбойничествомъ и подвергаетъ конфискаціи суда, занимающіяся онымъ, желая также содѣйствовать достиженію человѣколюбивой цѣли вышеозначеннаго трактата, публичнымъ и формальнымъ утвержденіемъ заключающихся въ немъ правилъ и распоряженій, изъявилъ согласіе свое на сдѣланное ему предложеніе;

Вслѣдствіе сего ихъ вышереченныя Величества заблагоразсудили заключить трактатъ, дабы надлежащимъ образомъ удостовѣрить о приступленіи Е. В. Короля Бельгійцевъ къ вышепомянутому трактату и о принятіи сего приступленія четырьмя договаривающимися сторонами, ратификовавшими трактатъ; и на сей конецъ Ихъ Величе-

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, le sieur Philippe Baron de Brunnow, son Conseiller privé, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près Sa Majesté Britannique, chevalier de l'ordre de St. Alexandre Newsky, etc.

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, le sieur Maurice comte de Dietrichstein, grand' croix de l'ordre impérial de Léopold d'Autriche, chambellan, conseiller intime-actuel de S. M. Impériale et Royale Apostolique, son ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique;

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande le très-honorable Henri Jean vicomte Palmerston, baron Temple, Pair d'Irlande, etc.,

S. M. le Roi de Prusse, le sieur Chrétien Charles Josie Bunsen, conseiller intime actuel de S. M. le Roi de Prusse, son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique, etc.,

Et S. M. le Roi des Belges, le sieur Sylvan Van-de-Weyer, envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de S. M. le Roi des Belges près S. M. Britannique, etc.

Lesquels, après s'être communiqué leurs pleinspouvoirs respectifs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et conclu les articles suivans:

Article I.

S. M. le Roi des Belges accède, tant pour lui que pour ses héritiers et successeurs, au Traité pour la suppression

ства назначили своими полномочными, а именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій барона Филиппа Брунова, своего Тайнаго Совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Ея Великобританскомъ Величествѣ, кавалера ордена Св. Александра Невскаго и т. д.;

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій графа Маврикія Дитрихштейна, кавалера большаго креста Императорскаго австрійскаго ордена Леопольда, камергера, Дѣйств. Тайнаго Совѣтника Е. И. К. Апостолическаго Величества, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Ея Великобританскомъ Величествѣ;

Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи виконта Генриха Джона Пальмерстона, Барона Тампля, Пера Ирландіи и т. д.;

Е. В. Король Прусскій Христіана Карла Іосію Бунзена, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Е. В. Короля Прусскаго, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Ея Великобританскомъ Величествѣ и т. д.

И Е. В. Король Бельгійцевъ Сильвана Ванъ-деръ-Вейера, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Ея Великобританскомъ Величествѣ и т. д.

Кои, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, постановили и заключили слѣдующія статьи:

Статья I.

Е. В. Король Бельгійцевъ какъ за себя, такъ и за своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, приступаетъ къ трак-

de la Traite des nègres d'Afrique, signé à Londres, le 20 décembre 1841, par les plénipotentiaires de Russie, d'Autriche, de France, de la Grande Bretagne et de Prusse, lequel a été ensuite dûment ratifié par Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, la Reine du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande et le Roi de Prusse; l'accession de Sa dite Majesté le Roi des Belges étant néanmoins sujette à certaine modification de l'article IX du Traité susdit, laquelle modification a été relatée dans le Protocole de la conférence tenue à Londres le 3 octobre 1845, entre les plénipotentiaires de Russie, d'Autriche, de la Grande-Bretagne et de Prusse; et S. M. le Roi des Belges s'engage à remplir fidèlement toutes les obligations résultant des dits Traité et Protocole (desquelles pièces des copies imprimées se trouvent annexées au présent Traité) de la même manière que si elle avait été partie contractante au dit Traité.

Et Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, la Reine du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, et le Roi de Prusse acceptent formellement l'accession de S. M. le Roi des Belges.

Article II.

Tous les navires belges qui seront arrêtés aux stations d'Amérique ou d'Afrique, comme se livrant à la Traite

тату о уничтоженіи торга африканскими неграми, подписанному въ Лондонѣ 20-го декабря 1841 года полномочными: россійскимъ, австрійскимъ, французскимъ, великобританскимъ и прусскимъ, который былъ въ послѣдствіи надлежащимъ образомъ ратификованъ Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ, Императоромъ Австрійскимъ, Королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и Королемъ Прусскимъ, но при таковомъ приступленіи Его реченнаго Величества Короля Бельгійцевъ къ вышеозначенному трактату IX статья онаго подлежитъ нѣкоторому измѣненію, о которомъ объяснено въ протоколѣ совѣщанія, бывшаго въ Лондонѣ 3-го октября 1845 года между полномочными россійскимъ, австрійскимъ, великобританскимъ и прусскимъ, и Е. В. Король Бельгійцевъ принимаетъ на себя исполнять съ точностію всѣ обязательства, проистекающія изъ вышеозначеннаго трактата и протокола (съ коихъ печатныя копіи прилагаются къ настоящему трактату), такъ какъ бы Его Величество былъ одною изъ договаривающихся сторонъ при заключеніи вышеозначеннаго трактата.

А Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій, Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и Король Прусскій формальнымъ образомъ пріемлютъ приступленіе Е. В. Короля Бельгійцевъ.

Статья II.

Всѣ бельгійскія суда, которыя будутъ задержаны на американскихъ или африканскихъ станціонахъ, въ занятіи

des nègres, seront conduits dans le port d'Anvers ou d'Ostende, pour y être procédé contre les armateurs, le capitaine et les gens de l'équipage, conformément aux lois en vigueur en Belgique.

Cependant, si lors de l'arrestation il y a des esclaves trouvés à bord, ceux-ci seront préalablement déposés dans le port où le bâtiment aurait dû être conduit, s'il avait navigué sous le pavillon du croiseur qui en aura fait la capture.

торгомъ неграми, будутъ отводимы въ порты Антверпенскій или Остендскій, для поступленія тамъ съ арматорами, со шкиперомъ и съ экипажемъ сообразно съ нынѣ дѣйствующими въ Бельгіи законами.

Между тѣмъ однакоже, если во время задержанія судна окажутся на немъ невольники, то они должны быть предварительно высажены въ томъ портѣ, куда надлежало бы отвести судно, еслибъ оно шло подъ флагомъ того крейсера, который его захватитъ.

Article III.

Le présent Traité sera ratifié, et les ratifications en seront échangées à Londres dans le délai de trois mois à partir de la date du dit Traité et plus-tôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres le 12 (24) février, de l'an de grâce 1848.

(L. S.) Brunnow.
(L. S.) Dietrichstein.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Bunsen.
(L. S.) Sylvan Van-der-Weyer.

Статья III.

Настоящій трактатъ имѣетъ быть ратификованъ и ратификаціи онаго имѣютъ быть размѣнены въ Лондонѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, считая со дня заключенія сего трактата, или ранѣе, если можно.

Въ удостовѣреніе чего, и т. д.

Заключенъ въ Лондонѣ 12 (24) февраля въ лѣто отъ Рождества Христова 1848.

(М. П.) Бруновъ.
(М. П.) Дитрихштейнъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Бунзенъ.
(М. П.) Сильванъ Ванъ-деръ-Вейеръ.

№ 449.

Protocole.

Les plénipotentiaires des Cours d'Autriche, de la Grande-Bretagne, de Prusse et de Russie, prenant en considération la teneur de l'art. V du Traité conclu à Londres le 20 décembre 1841, relativement à la suppression de la Traite

№ 449.

Протоколъ.

Полномочные австрійскій, великобританскій, прусскій и россійскій, принимая во вниманіе содержаніе V статьи трактата, заключеннаго въ Лондонѣ 20 декабря 1841 года касательно уничтоженія торга неграми, которою статьею

des Noirs, lequel réserve aux hautes Parties contractantes, le droit d'apporter d'un commun accord aux instructions annexées au dit Traité, telles modifications que les circonstances pourraient rendre nécessaires, ont constaté qu'il s'est présenté des cas où le commerce légitime a été interrompu et où des navires marchands destinés soit au passage d'émigrés libres, soit au transport de bétail, ont été empêchés de se livrer à cette opération par l'application rigoureuse des restrictions, contenues dans le § 5 art. IX, en vertu duquel tout bâtiment ayant à bord une plus grande provisions d'eau, en bariques, ou en réservoir, que ne l'exigent les besoins de l'équipage, se trouve exposé à être détenu comme soupçonné d'avoir été équipé pour le trafic des Noirs.

Reconnaissant la nécessité d'écarter cet empêchement auquel se trouve assujetti un commerce régulier et licite, les plénipotentiaires ont résolu d'apporter aux instructions, dont les croiseurs sont munis, la modification ci-après:

„S'il se trouvait à bord d'un bâtiment marchand, de l'une ou de l'autre des hautes Parties contractantes, une plus grande provision d'eau, en bariques, ou en réservoir, que ne l'exigent les besoins de l'équipage, cette circonstance *seule* ne sera point considérée comme un motif valable pour autoriser l'arrestation et la détention du susdit navire, pourvu que les papiers de bord, dont il est muni, soient en règle, de manière à constater qu'il est engagé à faire un trafic licite".

предоставляется Высокимъ договаривающимся сторонамъ право дѣлать, съ общаго согласія, въ инструкціяхъ, приложенныхъ къ помянутому трактату, такія перемѣны, какія могутъ оказаться нужными по обстоятельствамъ, удостовѣрились, что встрѣчались случаи, въ которыхъ законная торговля была прерываема и въ коихъ купеческія суда, предназначенныя или для переѣзда свободныхъ переселенцевъ, или для перевоза скота, встрѣчали препятствіе въ семъ занятіи, отъ строгаго примѣненія ограниченій, заключающихся въ 5 § ст. IX, по силѣ коего всякое судно, имѣющее бо̀льшее количество воды въ боченкахъ или водохранилищахъ, нежели сколько нужно для потребностей экипажа, подвергается задержанію по подозрѣнію, что оно снаряжено для производства торга неграми.

Признавая надобность устранить это препятствіе, коему подвержена правильная и законная торговля, полномочные постановили сдѣлать въ инструкціяхъ, коими снабжены крейсера, нижеслѣдующее измѣненіе:

„Если на какомъ либо купеческомъ „суднѣ одной или другой изъ Высокихъ „договаривающихся сторонъ найдено „будетъ бо̀льшее количество воды въ „боченкахъ или водохранилищахъ нежели сколько нужно для потребностей „экипажа, то это *единственное* обстоятельство не будетъ считаться достаточною причиною для арестованія и „задержанія вышеозначеннаго судна, „лишь бы только корабельныя бумаги, „коими оно снабжено, были въ надлежащемъ порядкѣ, и доказывали бы, „что оное предназначено для производства законной торговли".

En consignant cette résolution dans le présent protocole, les plénipotentiaires des Cours d'Autriche, de la Grande-Bretagne, de Prusse et de Russie déclarent, que leur unique objet est de protéger le commerce licite et de n'admettre aucune restriction à ce commerce au de-là de ce qui puisse être nécessaire pour donner effet aux mesures arrêtées en commun, afin de parvenir à la suppression de la Traite des Noirs.

Dans ce but, et d'après les principes énoncés dans le présent protocole, les hautes Parties contractantes continueront à s'entendre et à agir dans un parfait accord jusqu'au moment où l'abolition de ce trafic aura finalement accompli l'objet de leurs efforts réunis.

Foreign Office.
3 octobre 1845.

Включая таковое постановленіе въ настоящій протоколъ, полномочные австрійскій, великобританскій, прусскій и россійскій объявляютъ, что они имѣютъ единственною цѣлью покровительствовать законной торговлѣ и не допускать до оной никакого стѣсненія, свыше того, что можетъ быть необходимо для приведенія въ дѣйствіе постановленныхъ совокупно мѣръ для уничтоженія торга неграми.

Съ этою цѣлью и сообразно правиламъ, изложеннымъ въ настоящемъ протоколѣ, Высокія договаривающіяся стороны будутъ продолжать сноситься между собою и дѣйствовать съ совершеннымъ единодушіемъ до самаго того времени, когда уничтоженіемъ этого торга окончательно достигнется предметъ ихъ совокупныхъ усилій.

Министерство Иностраныхъ дѣлъ.
3-го октября 1845 года.

№ 450.

En vue de l'identité absolue du traité de 1879 avec celui de l'année 1841 (№ 447) l'insertion du texte de cet acte a été reconnue inutile.

№ 450.

Въ виду полнаго согласія трактата 1879 года съ актомъ 1841 года № 447 нѣтъ надобности перепечатывать его.

№ 451.

1842, 30 décembre (**1843,** 11 janvier). Traité de commerce avec l'Angleterre, signé à St. Pétersbourg.

Les rapports du baron Brunnow avec le nouveau ministère tory se sont établis sur un pied très amical. Le ministre était particulièrement satisfait de lord Aberdeen avec lequel il traitait de toutes les questions courantes. Brunnow ne pouvait mieux faire l'éloge de lord Aberdeen que de constater dans sa manière de

№ 451.

1842 г., декабря 30-го (**1843 г.,** января 11-го) Коммерческій трактатъ съ Англіею, подписанный въ С.-Петербургѣ.

Между барономъ Брунновымъ и новыми англійскими министрами изъ партіи торіевъ установились самыя пріятныя отношенія. Въ особенности посланникъ былъ доволенъ лордомъ Эбердиномъ, съ которымъ онъ трактовалъ о всѣхъ текущихъ вопросахъ. Лучшей похвалы Брунновъ не могъ высказать о лордѣ Эбердинѣ,

procéder des traits de ressemblance avec le comte Nesselrode. „Il aime comme vous,“ écrivait l'aimable baron à son chef à la date du 9 (21) septembre 1841, „à traiter les choses les unes après les autres.“

„Je vous assure, Monsieur le comte,“ poursuit le baron, „que si je me suis retrouvé si facilement à traiter avec Aberdeen, — qui ne ressemble en rien à Palmerston —, j'en suis uniquement redevable à l'habitude que j'ai eu de travailler avec vous. Il a étonnement de ressemblance avec vous. Ce qu'il dit est solide, vrai et porte le cachet de la probité. Mais, ne me grondez pas si je vous dis qu'il tient, comme vous, la dragée haute aux pauvres ministres étrangers. Il leur marchande les paroles, et ne leur dit tout juste que ce qu'il croit nécessaire de leur communiquer. Au reste, il pousse cette taciturnité encore plus loin que vous“.

Le baron Brunnow entretenait également de bonnes relations avec sir Robert Peel, bien qu'il lui arrivait parfois de lui dire de pénibles vérités. Ainsi, le premier ministre anglais s'est permis un jour de se prononcer au parlement contre le système de russification introduit par l'Empereur Nicolas I dans le Royaume de Pologne. Sir Robert Peel blâmait les mesures adoptées par le gouvernement russe. Brunnow, pour sa part, était pour le maintien de „la ligne morale“ devant séparer la Pologne de l'Empire, car „les Polonais ne sont pas Russes“. Mais il ne trouvait pas moins, qu'il était impossible de laisser passer sans protestation le discours du ministre anglais, qui désapprouvait les mesures intérieures du gouvernement Impérial. Le baron Brunnow n'hésita pas à s'expliquer franchement dans ce sens avec Robert Peel, aussi bien qu'avec lord Aberdeen.

Le baron Brunnow s'inspirait dans cette circonstance d'un principe qu'il formulait dans les termes suivants: „Pour vivre avec les Anglais de bonne amitié, il ne faut jamais leur mâcher les paroles. Il faut leur dire nettement la vérité. Se conduisent-ils bien envers vous, il faut leur dire que l'on en est content. Vous donnent — ils lieu de plainte, il faut le leur dire rondement. C'est ce que j'ai fait“. (Rapport du baron Brunnow du 23 juin (5 juillet) 1842).

L'Empereur Nicolas I approuva complètement la conduite du baron Brunnow et le chargea de redire à sir Robert Peel que son discours sur les affaires de Pologne fut pour son souve-

какъ сказавъ, что онъ чрезвычайно похожъ на самого графа Нессельроде! „Онъ любитъ, какъ вы“, писалъ любезнѣйшій баронъ своему начальнику 9 (21) сентября 1841 года, „разбирать дѣла одно послѣ другого“.

„Я васъ увѣряю, графъ“, продолжаетъ Бруновъ, „если мнѣ такъ легко было найтись въ сношеніяхъ съ Эбердиномъ, который ни въ чемъ не походитъ на Пальмерстона, то я этимъ исключительно обязанъ привычкѣ, которую я пріобрѣлъ, работая съ вами. Онъ удивительно похожъ на васъ. То, что онъ говоритъ, основательно, вѣрно и запечатлѣно честностью. Только не сердитесь на меня, если я вамъ скажу, что онъ, подобно вамъ, не балуетъ бѣдныхъ иностранныхъ министровъ. Онъ скупъ на слова и говоритъ имъ только то, что считаетъ нужнымъ сообщить. Впрочемъ, въ этой своей молчаливости онъ идетъ еще дальше васъ“.

Съ сэромъ Робертомъ Пилемъ баронъ Бруновъ также поддерживалъ пріязненныя отношенія, хотя иногда заявлялъ ему непріятную правду. Такъ, англійскій премьеръ позволилъ себѣ въ парламентѣ высказаться противъ „системы обрусенія“, введенной Императоромъ Николаемъ I въ Царствѣ Польскомъ. Сэръ Робертъ Пиль осуждалъ принятыя русскимъ правительствомъ мѣры. Бруновъ лично стоялъ за сохраненіе „моральной линіи“, долженствующей отдѣлять Польшу отъ Имперіи, ибо „Поляки не Русскіе“. Но онъ не считалъ возможнымъ оставить безъ протеста рѣчь англійскаго министра, осуждавшую внутреннія мѣропріятія Императорскаго правительства. Баронъ Брунновъ откровенно высказался въ этомъ смыслѣ какъ самому Пилю, такъ и лорду Эбердину.

Въ этомъ случаѣ баронъ Брунновъ руководствовался правиломъ, которое онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Для того, чтобъ жить съ Англичанами въ пріятельскихъ отношеніяхъ, всегда слѣдуетъ говорить съ ними безъ обиняковъ. Нужно имъ откровенно заявлять правду. Если они себя хорошо ведутъ въ отношеніи васъ, нужно имъ говорить, что вы ими довольны. Если они васъ обижаютъ, то надо имъ это сказать напрямикъ — что я и сдѣлалъ“. (Донесеніе Бруннова отъ 23-го іюня (5 іюля) 1842 года).

Императоръ Николай I совершенно одобрилъ поведеніе барона Бруннова и поручилъ ему еще разъ высказать Пилю, что его рѣчь по дѣламъ Польши чрезвычайно удивила Государя.

rain un sujet de grand étonnement. Par contre, lorsque lord Aberdeen prit à la chambre des lords énergiquement la défense de la politique russe en Serbie, contre les attaques dont elle était l'objet de la part de quelques membres de cette assemblée, l'Empereur Nicolas I s'empressa d'exprimer sa satisfaction. A la suite de ces dispositions amicales de lord Aberdeen, le baron Brunnow eut l'idée de lui communiquer les transactions de Münchengraetz qui étaient encore inconnues au gouvernement anglais, mais Brunnow crut devoir demander préalablement l'autorisation souveraine. L'Empereur Nicolas I inscrivit la décision suivante sur le rapport du ministre du 20 avril (2 mai) 1842: „Je n'ai rien contre, mais le врагъ супостатъ (le prince Metternich) aura peur; je vous le prédis".

En effet, le chancelier d'Autriche priait d'ajourner de quelque temps la communication des actes de Munchengraetz au Cabinet de Londres.

Toutefois, si sir Robert Peel parlait quelquefois dans ses discours parlementaires avec peu de bienveillance de la politique russe, c'est qu'il y était forcé par sa position précaire au parlement. Son impopularité augmentait journellement, grâce au mécontentement que provoquaient l'impôt sur le revenu, la révocation des lois sur les céréales et la situation de l'Irlande. On lui reprochait de chercher plutôt à désarmer ses ennemis, qu'à s'attacher ses amis. Si on disait autrefois de Castelreagh qu'il dépense largement sa majorité comme un gentleman, ou pouvait le dire également de sir Robert Peel qui dépensait aussi largement sa majorité au parlement, en provoquant sans cesse le mécontentement de son parti. (Rapport de Brunnow du 6 (18) juillet 1843).

En général, la situation intérieure de l'Angleterre soulevait de graves inquiétudes dans les sphères officielles. L'irritation des Irlandais et des dispositions frondeuses très répandues au sein de la nation fesaient redouter des troubles sérieux. Un nouvel attentat à la vie de la reine Victoria, en mars 1843, était un symptôme de cet état des esprits. Un certain Françis tira sur elle un coup de pistolet presque à bout partant, heureusement sans l'atteindre. Toute la nation anglaise était indignée de ce forfait et réclamait une punition exemplaire du criminel. Un obstacle imprévu survînt pour l'application de peine capitale. La loi anglaise de l'époque exigeait dans cette circonstance la preuve que le

Напротивъ, когда лордъ Эбердинъ въ Палатѣ Лордовъ энергически защищалъ русскую политику въ Сербіи противъ нападокъ на нее со стороны нѣкоторыхъ членовъ Палаты, Николай I не замедлилъ высказать свое удовольствіе. Вслѣдствіе такого дружескаго расположенія лорда Эбердина барону Бруннову пришла мысль сообщить ему Мюнхенгрецкіе акты, которые еще не были извѣстны англійскому правительству. Но Брунновъ предварительно спросилъ разрѣшенія Государя на такое сообщеніе. Николай I поставилъ на донесеніи посланника отъ 20 апрѣля (2 мая) 1842 года слѣдующую резолюцію: „Я ничего не имѣю противъ, но врагъ супостатъ (князь Меттернихъ) будетъ бояться. Я вамъ это предсказываю".

И дѣйствительно, австрійскій канцлеръ просилъ повременить сообщеніемъ Мюнхенгрецкихъ актовъ Лондонскому кабинету.

Впрочемъ, если иногда сэръ Робертъ Пиль неодобрительно отзывался, въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, о русской политикѣ, то онъ бывалъ къ тому принуждаемъ шаткостью своего положенія въ парламентѣ. Его непопулярность увеличивалась съ каждымъ днемъ, благодаря ропоту, который вызывали его подоходный налогъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ и положеніе Ирландіи. Ему ставили въ вину, что онъ больше старается обезоружить своихъ враговъ, нежели привязать къ себѣ своихъ друзей. Если про лорда Кастльри, въ свое время, говорили что „онъ широко, какъ джентельменъ, тратитъ свое большинство" въ парламентѣ, то сэръ Робертъ Пиль также широко расходовалъ свое парламентское большинство, вызывая постоянно неудовольствіе своихъ приверженцевъ. (Донесеніе Бруннова отъ 6-го (18) іюля 1843 года).

Вообще, внутреннее состояніе Великобританіи возбуждало въ правительственныхъ сферахъ серьезныя опасенія. Ропотъ Ирландцевъ и сильно распространенное неудовольствіе въ средѣ англійскаго народа заставляли ожидать серьезныхъ безпорядковъ. Симптомомъ такого настроенія народа явилось, въ мартѣ 1843 г., новое покушеніе на жизнь королевы Викторіи. Нѣкій Францисъ выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета на весьма близкомъ разстояніи и, къ счастію, промахнулся. Весь англійскій народъ былъ крайне возмущенъ этимъ злодѣйствомъ и требовалъ примѣрнаго наказанія преступника. Но тутъ случилось совершенно неожиданное препятствіе для присужденія пре-

criminel ait fait usage d'une balle, et cette balle était introuvable. On ne savait comment sortir de cette terrible impasse pour condamner le malfaiteur à la peine de mort qu'il méritait. Finalement la situation fut sauvée par un soldat qui se trouvait posté auprès de la Reine, au moment où elle montait en équipage, et où Françis procédait à l'attentat. Ce soldat déposait sous la foi du serment qu'il avait entendu voler la balle à côté de lui. L'oeuvre de la justice pouvait ainsi suivre son cours et le malfaiteur fut condamné à mort. Mais la reine Victoria lui fit grâce de la vie et il fut condamné aux travaux forcés à perpétuité. L'Empereur Nicolas I fut profondément indigné de cet attentat à la vie de la jeune reine d'Angleterre et fit sur le rapport du baron Brunnow du 19 (31) mars 1842, qui rendait compte des détails susmentionnés, l'annotation autographe suivante: „C'est affreux, et le courage de la Reine est audessus de tout éloge."

Néanmoins, au mois de juin de la même année, il y a eu un nouvel attentat à la vie de la jeune reine, — heureusement il a aussi complètement échoué.

L'Empereur Nicolas ne laissait jamais échapper l'occasion de témoiguer à la reine d'Angleterre ses sentiments de profond respect et de sincère bienveillance. Mais il restait en même temps inébranlable dans ses convictions malgré les insistances de la reine. Ainsi, dans leurs entretiens avec le ministre de Russie, sir Robert Peel et lord Aberdeen revenaient souvent à la question de l'opportunité d'établir des relations diplomatiques régulières entre les Cours de Russie et de Belgique. La reine Victoria, qui avait des sentiments d'estime sincère pour le roi des Belges, son oncle, désirait avec ardeur le voir reconcilié avec l'Empereur de Russie.

„La reine craint pour l'avenir de son oncle," écrivait Brunnow au comte Nesselrode à la date du 6 (18) janvier 1843. „Elle croit que tant que l'Empereur lui refuse l'appui moral de la présence d'un ministre à Bruxelles, la position de Léopold en devient d'autant plus précaire. Elle en éprouve du chagrin. Elle fait un appel aux sentiments personnels de l'Empereur."

Pour complaire à l'Empereur Nicolas I, le roi Léopold fit éloigner de son armée un cer-

ступника къ смертной казни. По тогдашнимъ англійскимъ законамъ, для смертнаго приговора требовалось доказать, что преступникъ выстрѣлилъ пулею. Между тѣмъ, никакъ нельзя было найти эту пулю—она полетѣла неизвѣстно куда. Не знали, какъ выйти изъ ужаснаго затрудненія, чтобы приговорить злодѣя къ заслуженному наказанію. Наконецъ, правосудіе было спасено солдатомъ, стоявшимъ близъ королевы, когда она садилась въ экипажъ и когда въ нее выстрѣлилъ Францисъ. Этотъ солдатъ подъ присягою показалъ, что онъ слышалъ какъ пуля пролетѣла мимо! Дѣло правосудія было спасено, и злодѣй былъ приговоренъ къ смерти. Но королева Викторія помиловала его и онъ былъ присужденъ къ пожизненной каторжной работѣ. Императоръ Николай I былъ крайне возмущенъ этимъ посягательствомъ на жизнь молодой англійской королевы и на донесеніи Бруннова отъ 19-го (31) марта 1842 года, въ которомъ приводятся всѣ вышеизложенныя подробности, собственноручно надписалъ: „Это ужасно, и мужество королевы выше всякихъ похвалъ".

Однако, въ іюнѣ того же года, было новое посягательство на жизнь молодой королевы и также, къ счастію, вполнѣ неудачное.

Императоръ Николай Павловичъ никогда не упускалъ случая, чтобъ высказать англійской королевѣ чувства глубочайшаго почтенія и искренняго расположенія. Но въ то же время онъ оставался непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, несмотря на настойчивыя желанія королевы. Такъ, сэръ Робертъ Пиль и лордъ Эбердинъ неоднократно возвращались, въ разговорахъ съ русскимъ посланникомъ, къ вопросу объ устройствѣ правильныхъ дипломатическихъ сношеній между русскимъ Императорскимъ и королевско-бельгійскимъ дворами. Королева Викторія, искренне почитавшая своего дядю, бельгійскаго короля, чрезвычайно желала примирить его съ русскимъ Императоромъ.

„Королева боится за будущность своего дяди", писалъ Брунновъ 6 (18) января 1843 г. графу Нессельроде. „Она убѣждена, что пока Государь отказываетъ ему въ нравственной поддержкѣ назначеніемъ русскаго посланника въ Брюссель, положеніе Леопольда будетъ становиться все болѣе шаткимъ. Это ее печалитъ и она взываетъ къ личнымъ чувствамъ Государя".

Король Леопольдъ, желая угодить Императору Николаю I, удалилъ изъ своей арміи по-

tain Skrzynecki, le dernier des Polonais qui en fesait encore partie et notification en fut donnée au baron Brunnow.

L'Empereur inscrivit de sa propre main la décision suivante sur le rapport du baron Brunnow de janvier: „Depuis qu'une mission hollandaise se trouve à Bruxelles, il n'y a jamais eu d'autres obstacles à ce qu'il s'y en trouve une à nous, que la présence de Skrzynecki et d'autres Polonais au service de Léopold; s'itôt que je serais officiellement informé qu'ils sont *tous* mis dehors, j'enverrai un ministre après que Léopold m'aura envoyé le sien.“

C'est ce qui arriva dans la suite. Dès que l'Empereur Nicolas I fut informé de l'expulsion de l'armée belge du dernier officier polonais, il consentit à recevoir un ministre du roi des Belges et à nommer à Bruxelles un ministre de Russie. Mais cela a pris du temps par la raison que toutes les communications entre St. Pétersbourg et Bruxelles passaient par la voie de Londres et portaient un caractère accidentel. Les communications par courrier entre St. Pétersbourg et Londres ne reclamaient pas moins de dix jours, et le baron Brunnow fut enchanté quand un feldjaeger réussit à faire le voyage entre les deux capitales en 9 jours et demi. Il n'avait jamais vu „une telle rapidité extraordinaire“.

Le commencement de l'administration de sir Robert Peel fut signalé par la conclusion d'un nouveau traité de commerce entre la Russie et l'Angleterre. La convention de commerce de 1797 (voir t. X № 400) a été reconnue insuffisante par la raison que les conditions des transactions commerciales et industrielles entre les deux pays se sont complètement modifiées depuis cette époque. La question de la conclusion d'un traité de commerce avait déjà été soulevée plus d'une fois, mais un accord pouvait difficilement s'établir parceque les Puissances partaient de points de vue diamétralement opposés. Finalement, après la solution du conflit turco-égyptien par le traité de Londres en 1840, lord Palmerston pris cette affaire en mains avec énergie, mais il ne lui a pas été réservé de l'amener à un résultat définitif.

Le nouveau ministère anglais a trouvée cette question en une si bonne passe qu'avec quelques concessions, de part et d'autre, elle devait nécessairement aboutir à un accord complet.

Sir Robert Peel savait parfaitement que la nation anglaise respecta seulement le gouverne-

слѣдняго Поляка, нѣкоего Скржинецкаго — о чемъ было объявлено барону Бруннову.

На январьскомъ донесеніи барона Бруннова Государь поставилъ собственноручно слѣдующую резолюцію: „Съ тѣхъ поръ, какъ голландская миссія находится въ Брюсселѣ, не было никакихъ другихъ препятствій для назначенія сюда нашей миссіи, кромѣ присутствія Сржинецкаго и другихъ Поляковъ на службѣ у Леопольда. Какъ только меня оффиціальнымъ образомъ извѣстятъ, что они *всѣ* выгнаны, я пошлю посланника, послѣ того какъ Леопольдъ назначитъ своего ко мнѣ“.

Такъ оно и случилось впослѣдствіи: когда Императоръ Николай I былъ извѣщенъ объ изгнаніи изъ бельгійской арміи послѣдняго польскаго офицера, онъ согласился принять посланника короля Бельгійцевъ и назначить русскаго посланника въ Брюссель. Но для этого требовалось время уже по той причинѣ, что всѣ сношенія С.-Петербурга съ Брюсселемъ происходили чрезъ Лондонъ и имѣли совершенно случайный характеръ. Для курьерскихъ сношеній между С.-Петербургомъ и Лондономъ требовалось не менѣе 10 дней, и баронъ Брунновъ пришелъ въ восторгъ, когда одному фельдъегерю удалось въ 9½ дней совершить путь между обѣими столицами! Онъ никогда не видѣлъ „такой чрезвычайной быстроты“.

Въ самомъ началѣ управленія дѣлами Англіи сэра Р. Пиля состоялось заключеніе новаго коммерческаго трактата между Россіею и Англіею. Коммерческая конвенція 1797 года (т. X, № 400) сдѣлалась совершенно несостоятельною въ виду совершеннаго измѣненія условій торговыхъ оборотовъ и промышленности между Россіею и Англіею. Неоднократно поднимался вопросъ о заключеніи новаго коммерческаго трактата, но соглашеніе не могло состояться, ибо обѣ державы выходили изъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Наконецъ, послѣ окончанія турецко-египетской распри Лондонскимъ трактатомъ 1840 г., лордъ Пальмерстонъ энергически взялся за это дѣло. Но ему не было суждено довести это дѣло до благополучнаго конца. Новое англійское министерство застало это дѣло въ такомъ положеніи, что, при нѣкоторой уступчивости съ той и другой стороны, оно должно было кончиться полнымъ согласіемъ.

Сэръ Робертъ Пиль зналъ, что англійскій народъ почитаетъ только то правительство,

ment qui réussit à sauvegarder les intérêts de son commerce et de son industrie. Voici pourquoi il appliqua tout son zèle à terminer cette affaire d'une manière satisfaisante.

Le premier projet du traité de commerce fut rédigé par le Board of Trade anglais et communiqué au gouvernement russe. Le baron Osten-Sacken, premier conseiller du ministère des affaires étrangères, fit un mémoire contenant des observations critiques très judicieuses au sujet de ce projet. Le gouvernement anglais s'était engagé à cette époque dans une voie nouvelle de sa politique commerciale — celle de la liberté du commerce. Il exigeait de la Russie l'entrée en franchise des produits anglais manufacturés. Le comte Cancrine, ministre des finances, et le Vice-Chancelier comte Nesselrode s'élevèrent contre cette prétention qui ne pouvait être acceptée dans la mesure réclamée par les Anglais.

Une autre pierre d'achoppement provenait des lois anglaises de navigation. En vertu de l'Acte de Navigation de Cromwell les bateaux russes, visitant les ports anglais étaient placés dans des conditions bien moins avantageuses que les bateaux anglais dans les ports russes. De fait, il n'y avait pas un traitement de réciprocité. D'après la loi russe, les bateaux anglais jouissaient dans les ports russes identiquement des mêmes droits que les bateaux indigènes. Quant aux bateaux russes visitant les ports anglais, ils pouvaient profiter de quelques privilèges seulement en vertu d'une ordonnance secréte du gouvernement anglais à ses autorités de douane de ne pas leur appliquer les dispositions de l'Act of Navigation. Le gouvernement Impérial insistait sur la révocation de ces dispositions, mais le Cabinet de Londres refusait d'y consentir, car les concessions faites à la Russie auraient été aussitôt étendues aux autres nations.

Le Vice-Chancelier fit les observations suivantes sur le rapport du baron Brunnow du 6 (18) janvier 1842 qui exposait en détail les faits susmentionnés: „Après avoir lu ce rapport, il me parait que pour nous la question à décider est celle-ci: vaut-il mieux conserver le *statu quo* ou retirer aux Anglais les avantages dont ils jouissent chez nous sans réciprocité sous le rapport des droits de navigation? Faire un traité sans qu'ils admettent notre définition de la nationalité des navires serait une duperie. Nous ne pouvons pas y consentir, le traité ne nous offrirait aucun avantage et nous ferait perdre

которое умѣетъ охранять его коммерческие и промышленные интересы. Вотъ почему онъ съ особеннымъ рвениемъ взялся за благополучное окончание этого дѣла.

Первоначальный проектъ коммерческаго трактата былъ составленъ английскимъ Board of Trade и сообщенъ русскому правительству. На этотъ проектъ написалъ весьма дѣльныя критическия замѣчания старший совѣтникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Р. Ѳ. Остенъ-Сакенъ. Английское правительство вступило въ то время на новый путь въ своей торговой политикѣ: свободы торговли. Оно требовало отъ России свободнаго пропуска английскихъ мануфактурныхъ произведений. Противъ такого требования высказались какъ Министръ Финансовъ, графъ Канкринъ, такъ и Вице-Канцлеръ, графъ Нессельроде. Оно не могло быть принято въ желательномъ для Англичанъ объемѣ.

Другой камень преткновения заключался въ английскихъ законахъ о судоходствѣ. Въ силу Кромвеллевскаго Навигационнаго акта русския суда, посѣщающия английские порты, были поставлены въ несравненно худшее положение, чѣмъ английския суда въ русскихъ портахъ. На дѣлѣ не было никакой взаимности. По русскому законодательству английския суда въ русскихъ портахъ могли пользоваться равными съ русскими судами правами. Русския же суда, посѣщавшия английские порты, могли пользоваться нѣкоторыми льготами только вслѣдствие секретнаго предписания английскаго правительства своимъ таможеннымъ властямъ — не примѣнять къ нимъ постановлений Act of Navigation. Императорское правительство настаивало на отмѣнѣ постановлений этого акта, на что Лондонский кабинетъ не могъ согласиться, ибо уступки, сдѣланныя въ пользу России, немедленно распространились бы на другие народы.

На донесении барона Бруннова отъ 6 (18) января 1842 года, въ которомъ подробно изложены вышеприведенныя обстоятельства, Вице-Канцлеръ сдѣлалъ слѣдующия замѣчания: „По прочтении этого донесения, мнѣ кажется, что намъ предстоитъ рѣшить слѣдующий вопросъ: полезно-ли сохранить status quo, или же слѣдуетъ лишить Англичанъ выгодъ, которыми они у насъ пользуются въ отношении судоходныхъ пошлинъ безъ взаимности? Было бы глупо заключать съ ними трактатъ безъ принятия ими нашего опредѣления национальности кораблей. Мы не можемъ на это

peut-être ceux que nous assure la tolérance actuelle des autorités anglaises."

согласиться; трактатъ не предоставляетъ намъ никакихъ выгодъ и лишитъ насъ, можетъ быть, тѣхъ выгодъ, которыми мы пользуемся благодаря нынѣшней терпимости англійскихъ властей".

Lorsque cette résolution du gouvernement Impérial de s'en tenir à l'ancien régime et de ne faire à l'Angleterre aucune concession, réclamée par les principes de sa politique commerciale, fut communiquée au Cabinet de Londres, celui-ci se dédit aussitôt de ses prétentions. Robert Peel tenait lui-même particulièrement à la conclusion du traité de commerce, qui fut signé à St. Pétersbourg, à la fin de l'année 1842. Ce pacte assurait aux bateaux russes dans les ports anglais les mêmes droits dont ils jouissaient jusque-là en vertu des ordonnances secrètes aux autorités de douane anglaises. Le comte Cancrine refusa également de modifier le tarif russe en vue de complaire uniquement à l'Angleterre.

Когда это рѣшеніе Императорскаго правительства оставаться при старомъ режимѣ и не дѣлать Англіи никакихъ уступокъ, несогласныхъ съ началами его торговой политики, было сообщено Лондонскому кабинету, послѣдній немедленно отказался отъ своихъ претензій. Въ особенности стоялъ самъ Пиль за заключеніе коммерческаго трактата, и онъ былъ подписанъ въ С.-Петербургѣ, въ самомъ концѣ 1842 г. Въ силу этого акта за русскими судами въ англійскихъ портахъ были обезпечены тѣ же самыя права, которыми они до тѣхъ поръ пользовались въ силу секретныхъ предписаній англійскимъ таможеннымъ властямъ. Графъ Канкринъ также не согласился на измѣненіе русскаго таможеннаго тарифа въ угоду одной Англіи.

Sir Robert Peel réussit à briser la résistance de ses collégues, lord Aberdeen et lord Ripon, et le traité fut signé, mais le célèbre homme d'Etat anglais ne laissait jamais échapper une occasion pour convaincre le ministre de Russie que le gouvernement Impérial faisait fausse route dans sa politique financière. Le baron Brunnow croyait de son devoir de communiquer à son gouvernement ces pensées et ces conseils du célèbre orateur. Voici ce que sir Robert Peel disait à Brunnow.

Сэръ Р. Пиль сломилъ сопротивленіе своихъ товарищей: лордовъ Эбердина и Рейпона, и трактатъ былъ подписанъ. Но знаменитый англійскій государственный мужъ не упускалъ случая, чтобъ убѣдить русскаго посланника въ ошибочности финансовой политики Императорскаго правительства. Баронъ Брунновъ считалъ своимъ долгомъ сообщить своему правительству эти мысли и совѣты великаго Пиля. Вотъ что говорилъ Пиль барону Бруннову.

A son avis, la Russie est appelée, par la nature même, à être un pays agricole et non industriel. Pour assurer les progrès de l'agriculture, elle a besoin de deux instruments essentiels: la main d'oeuvre et le capital. Dans ces conditions, il ne serait nullement dans les intérêts de la nation russe de protéger l'industrie aux dépens de l'agriculture. D'ailleurs, la Russie doit avoir ses fabriques, mais elle ne doit pas les faire surgir d'une manière factice, par un système de protection continuelle de l'industrie russe.

По его мнѣнію, Россія самою природою создана быть земледѣльческою, а не мануфактурною страною. Для развитія своего земледѣлія Россія нуждается въ двухъ орудіяхъ: во-первыхъ, въ рабочихъ рукахъ и, во-вторыхъ, въ капиталѣ. При такихъ обстоятельствахъ совершенно несогласно съ пользою русскаго народа покровительствовать фабричной промышленности насчетъ земледѣлія. Впрочемъ, Россія должна имѣть свои фабрики, но не должна искусственнымъ образомъ вызывать ихъ къ жизни посредствомъ постояннаго покровительства отечественной промышленности.

„Et notez bien," disait sir Robert Peel, „que lorsque vous entrez une fois dans la carrière du système protecteur, vous ne savez plus jusqu'où vous irez pour satisfaire les exigences de vos industries. Tous veulent gagner le plus possible. Jamais vous ne les contenterez en entier. Rien n'est plus ingrat que l'intérêt manufacturier. Il ne vous sait pas gré de son gain. Mais toujours il vous reproche ses pertes. Ainsi, de concession en concession, vous vous laissez

„И замѣтьте хорошенько", сказалъ сэръ Р. Пиль, „если вы разъ вступили на путь покровительственной системы, то не знаете уже, какъ далеко вы пойдете въ удовлетвореніи претензій вашихъ мануфактуръ. Всѣ желаютъ нажить сколь возможно больше. Никогда вы ихъ вполнѣ не удовлетворите. Нѣтъ ничего неблагодарнѣе, какъ фабричная промышленность. Она не будетъ себя считать обязанною вамъ своими барышами. Но она всегда будетъ ставить вамъ въ вину

aller petit à petit à avancer dans le système de protection au point d'arriver à la fin à une prohibition complète. Lorsque vous en êtes venu là, vous êtes étonné de voir comment il se fait, que, nonobstant la faveur exclusive que vous accordez à l'industrie que vous protégez, elle demeure stationnaire et languissante. Cela est dans la nature des choses. Affranchie de toute concurrence, sûre d'être en possession exclusive de votre marché, l'industrie indigène se ralentit et se néglige... Elle vous impose sa loi. Vous devez acheter les mauvaises marchandises qu'elle vous donne... Le système protecteur qui devait servir à la faire vivre, la frappe de stérilité; car, en industrie, il n'y a du progrès que lorsque vous êtes forcé de lutter sans cesse contre une concurrence rivale qui vous tient toujours en haleine".

Enfin le celèbre reformateur des lois financières de l'Angleterre croyait devoir mettre en garde son interlocuteur contre l'insatiable avidité de pouvoir de l'industrie. Elle ne cesse de répéter au gouvernement: „Vous devez continuer éternellement à m'accorder un droit de protection exclusive, parce que vous l'avez fait depuis nombre d'années." (Rapport du baron Brunnow du 19 (31) janvier 1843).

Ces considérations de sir Robert Peel intéressèrent si vivement le Vice-Chancelier qu'il s'empressa de les communiquer au Ministre des finances, comte Cancrine. Celui-ci en restituant au comte Nesselrode le rappport de Brunnow crut devoir l'accompagner d'une lettre dans laquelle il refutait en détail les opinions du ministre anglais sur les dangers du système protecteur. Il combattait l'assertion de sir Robert Peel que la Russie devait être exclusivement un pays agricole et s'appliquait à démontrer que l'industrie russe, encore peu développée, n'était pas de force à supporter la concurrence des produits fabriqués en Angleterre et dans les autres pays de l'Europe occidentale. Aussi a-t-elle besoin d'être protégée par un système de droits de douane élevés à percevoir sur les produits de fabrication étrangère.

свои потери. Такимъ образомъ, отъ уступки къ уступкѣ, вы дойдете мало по малу въ вашей покровительственной системѣ до полнѣйшаго запрещенія. Когда вы достигнете этого пункта, вы съ удивленіемъ увидите, что несмотря на исключительное покровительство, оказываемое вами промышленности, она все-таки остается неподвижною и отсталою. Это въ природѣ вещей. Будучи освобождена отъ всякой конкурренціи и будучи увѣрена въ исключительномъ владѣніи вашимъ рынкомъ, туземная промышленность останавливается въ своемъ развитіи и падаетъ... Она вамъ предписываетъ свой законъ. Вы принуждены покупать плохой товаръ, который она вамъ даетъ... Покровительственная система, имѣвшая цѣлью дать жизнь промышленности, дѣлаетъ ее безплодною, ибо въ области промышленности нѣтъ прогресса, если вы не принуждены безпрерывно бороться противъ опасной конкурренціи, которая васъ постоянно заставляетъ стремиться впередъ".

Наконецъ, знаменитый реформаторъ англійскаго финансоваго законодательства предостерегалъ еще противъ ненасытнаго властолюбія промышленности. Она непрестанно твердитъ государству: „вы обязаны вѣчно обезпечивать за мною право на исключительное покровительство, ибо вы это дѣлали въ продолженіи многихъ лѣтъ". (Донесеніе бар. Бруннова отъ 19 (31) января 1843 года).

Сужденія сэра Роберта Пиля показались Вице-Канцлеру настолько интересными, что онъ поспѣшилъ сообщить ихъ Министру Финансовъ, графу Канкрину. Послѣдній возвратилъ донесеніе Бруннова при письмѣ къ графу Нессельроде, въ которомъ онъ подробно опровергаетъ мнѣніе англійскаго министра о вредѣ покровительственной системы. Онъ оспаривалъ положеніе Пиля, что Россія должна быть исключительно земледѣльческою страною, и доказывалъ, что неразвитая русская промышленность не въ состояніи выдержать конкурренціи съ произведеніями англійскихъ и другихъ западно-европейскихъ фабрикъ. Поэтому она нуждается въ покровительствѣ посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ на привозныя изъ-за границы фабричныя издѣлія.

Au nom de la très-sainte et indivisible Trinité.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. la Reine du Royaume-Uni

Во имя пресвятыя и нераздѣльныя Троицы.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Королева Соединеннаго королев-

de la Grande-Bretagne et d'Irlande, animés du désir d'étendre, d'accroître et de consolider les relations commerciales entre leurs Etats et possessions respectifs, et de procurer par là toutes les facilités et tous les encouragemens possibles à ceux de leurs sujets qui ont part à ces relations; persuadés que rien ne saurait contribuer davantage à l'accomplissement de leurs souhaits mutuels à cet égard, que l'abolition réciproque des droits différentiels et retorsifs qui actuellement sont exigés et prélevés sur les vaisseaux ou les produits de l'un des deux Etats dans les ports de l'autre, ont nommé leurs plénipotentiaires pour conclure un Traité à cet effet, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, le sieur Charles Robert comte de Nesselrode, son conseiller privé actuel, Vice-Chancelier, Membre du Conseil de l'Empire, chevalier des ordres de Russie et de plusieurs autres, et le sieur George comte de Cancrine, général d'infanterie, Ministre des Finances, Membre du Conseil de l'Empire, chevalier des ordres de Russie et de plusieurs autres, et S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, le très-honorable Charles baron Stuart de Rothsay dans l'île de Bute, Pair du Parlement, Membre du Conseil Privé, chevalier grand croix du très-honorable ordre du Bain et de l'antique ordre de la Tour et de l'Epée de Portugal, Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. l'Empereur de toutes les Russies.

Lesquels, après s'être communiqué leurs pleins pouvoirs respectifs, trouvés en bon-

ства Великобританіи и Ирландіи, будучи побуждаемы желаніемъ распространить, усилить и утвердить торговыя сношенія между ихъ государствами и владѣніями, и чрезъ то доставить всѣ возможныя облегченія и поощренія тѣмъ изъ ихъ подданныхъ, которые имѣютъ участіе въ сихъ сношеніяхъ; а также будучи убѣждены, что къ достиженію обоюдныхъ ихъ желаній въ семъ отношеніи ничто не можетъ столько способствовать, какъ отмѣненіе съ обѣихъ сторонъ надбавныхъ (différentiels) и взаимныхъ (retorsifs) пошлинъ, нынѣ взыскиваемыхъ и взимаемыхъ съ судовъ и произведеній одного изъ двухъ государствъ въ портахъ другаго, назначили на сей конецъ своими полномочными, и именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій, графа Карла Роберта Нессельроде, своего Дѣйств. Тайнаго Совѣтника, Вице-Канцлера, члена Государственнаго Совѣта, орденовъ Россійскихъ и разныхъ иностранныхъ кавалера, и графа Егора Канкрина, генералъ-отъ-инфантеріи, Министра Финансовъ, члена Государственнаго Совѣта, орденовъ Россійскихъ и разныхъ иностранныхъ кавалера, а Е. В. Королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, почтеннѣйшаго барона Карла Стюарта де Ротсей на островѣ Бютѣ, пера Парламента, члена Тайнаго Совѣта, кавалера большаго креста почтеннѣйшаго ордена Бани и древняго Португальскаго ордена Башни и Меча, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Императорѣ Всероссійскомъ.

Кои, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежа-

ne et due forme ont arrêté et conclu les articles suivans:

Article I.

Il y aura réciproquement liberté de navigation et de commerce pour les navires et sujets des deux Hautes Puissances contractantes dans toutes les parties de leurs Etats respectifs, où la navigation et le commerce sont permis à présent, ou seront permis à l'avenir, aux sujets et navires de quelque autre nation.

Article II.

A dater de l'échange des ratifications du présent traité, les navires anglais qui entreront dans les ports de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, ou qui en sortiront, et les bâtimens russes qui entreront dans les ports du Royaume-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, et dans ceux de toutes les possessions de S. M. Britannique, ou qui en sortiront, ne seront sujets à aucuns droits ou charges, de quelque nature qu'ils soient, autres ni plus élevés que ceux qui sont actuellement, ou pourront par la suite être imposés aux navires indigènes, à leur entrée dans ces ports, ou à leur sortie.

Article III.

En considération de ce que les vaisseaux anglais arrivant directement d'autres pays que ceux appartenant aux Hautes Parties contractantes, sont admis avec leurs cargaisons dans les ports de l'Empire de Russie, sans payer d'autres droits quelconques que ceux que payent les vaisseaux russes; et en considération des avantages que, sous ce rapport, le pré-

щемъ порядкѣ, постановили и заключили слѣдующія статьи:

Статья I.

Судамъ и подданнымъ обѣихъ Высокихъ договаривающихся Державъ будетъ предоставлена взаимная свобода мореплаванія и торговли во всѣхъ частяхъ обоюдныхъ ихъ владѣній, гдѣ мореплаваніе и торговля нынѣ дозволены, или на будущее время будутъ дозволены подданнымъ и судамъ какой либо другой націи.

Статья II.

Со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата, англійскія суда, входящія въ порты Е. В. Императора Всероссійскаго, или отходящія изъ оныхъ, и русскія суда, входящія въ порты соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и во всѣ прочіе порты владѣній Ея Великобританскаго Величества, или отходящія изъ оныхъ, не будутъ подлежать никакимъ инымъ пошлинамъ или повинностямъ, подъ какимъ бы то названіемъ ни было, какъ только такимъ же, какія существуютъ нынѣ, или впредь будутъ постановлены для туземныхъ судовъ, при входѣ ихъ, или при выходѣ изъ тѣхъ портовъ.

Статья III.

Въ уваженіе того, что англійскія суда, приходящія прямо изъ другихъ земель, непринадлежащихъ Высокимъ Договаривающимся сторонамъ, допускаются съ ихъ грузами въ порты Россійской Имперіи безъ платежа какихъ либо иныхъ пошлинъ, кромѣ только такихъ же, какія взимаются съ судовъ россійскихъ, и въ уваженіе тѣхъ выгодъ,

sent traité accorde nommément au commerce Britannique dans le Grand-Duché de Finlande; il est convenu qu'à dater de l'échange des ratifications du présent traité, les bâtimens russes venant de l'embouchure de la Vistule, du Niemen, ou de tout autre fleuve, dans lequel se jette une rivière navigable prenant sa source dans les Etats de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, ou traversant les dits Etats, seront admis avec leurs cargaisons dans les ports du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, et de toutes les possessions de S. M. Britannique, exactement de la même manière que si ces vaisseaux venaient directement de ports russes ou finlandais, avec tous les privilèges et immunités convenus par le présent traité de navigation et de commerce. De la même manière, des bâtimens russes, expédiés d'un port de la Grande Bretagne ou des possessions Britanniques pour l'embouchure des fleuves susmentionnés, seront traités comme s'ils retournaient vers un port de l'Empire de Russie, ou du Grand-Duché de Finlande. Il est entendu toutefois, que ces privilèges, ne s'appliqueront aux vaisseaux russes et à leurs cargaisons, par rapport aux places situées à l'embouchure des fleuves susmentionnés qu'aussi longtems que les vaisseaux anglais et leurs cargaisons y seront traités, à leur arrivée et à leur départ, sur le même pied que les vaisseaux russes.

которыя въ семъ отношеніи предлежащимъ трактатомъ предоставлены именно англійской торговлѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи, постановляется, что со дня размѣна ратификацій сего трактата россійскія суда, приходящія отъ устьевъ Вислы, Нѣмана или всякой другой большой рѣки, въ которую впадаетъ какая-либо судоходная рѣка, имѣющая истокъ свой во владѣніяхъ Е.В. Императора Всероссійскаго, или протекающая чрезъ тѣ владѣнія, будутъ допускаемы съ ихъ грузами въ порты соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и всѣхъ владѣній Ея Британскаго Величества точно такимъ же образомъ, какъ бы суда сіи приходили прямо изъ портовъ россійскихъ и финляндскихъ, пользуясь всѣми преимуществами и льготами, постановленными въ настоящемъ трактатѣ о мореплаваніи и торговлѣ. Равнымъ образомъ россійскія суда, отправляемыя изъ какого-либо порта Великобританіи или Британскихъ владѣній къ устью вышепоименованныхъ большихъ рѣкъ, будутъ допускаемы, какъ будто бы они возвращались въ какой-либо изъ портовъ Россійской Имперіи или Великаго Княжества Финляндіи. Разумѣется однако, что таковыми преимуществами будутъ пользоваться россійскія суда и грузы ихъ относительно мѣстъ, лежащихъ при устьяхъ вышепоименованныхъ большихъ рѣкъ, до того только времени, пока и британскія суда съ ихъ грузами будутъ допускаемы въ тѣхъ мѣстахъ по прибытіи и отплытіи одинакимъ образомъ, какъ и суда россійскія.

Article IV.

Toutes les productions du sol, de l'industrie et de l'art des Etats et des pos-

Статья IV.

Всѣ произведенія почвы, промышленности и художествъ областей и вла-

sessions de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, y compris les dites productions dont l'exportation pourra avoir lieu par les fleuves ou rivières mentionnés à l'article précédent et qui peuvent être importées dans les ports du Royaume-Uni et les possessions de S. M. Britannique; de même que toutes les productions du sol, de l'industrie, et de l'art du Royaume-Uni et des possessions de S. M. Britannique, qui peuvent être importées dans les ports de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, jouiront réciproquement, à tous égards, des mêmes privilèges et immunités, et pourront être importées et exportées exactement de la même manière, sur les navires de l'une comme sur les navires de l'autre des Hautes Parties contractantes.

дѣній Е. В. Императора Всероссійскаго, не исключая и тѣхъ произведеній, кои можно вывозить по большимъ или другимъ рѣкамъ, означеннымъ въ предъидущей статьѣ, и которыя можно привозить въ порты Соединеннаго королевства и владѣнія Ея Великобританскаго Величества, а равнымъ образомъ всѣ произведенія почвы, промышленности и художествъ Соединеннаго королевства и владѣній Ея Великобританскаго Величества, которыя можно привозить въ порты Е. В. Императора Всероссійскаго, будутъ пользоваться взаимно во всѣхъ отношеніяхъ равными преимуществами и льготами, и могутъ быть привозимы и отвозимы совершенно равнымъ образомъ, на судахъ какъ той, такъ и другой изъ двухъ Высокихъ Договаривающихся сторонъ.

Article V.

Tous les objets qui ne sont pas des productions du sol, de l'industrie, et de l'art des Etats respectifs ou de leurs possessions, et qui peuvent légalement être importées des ports de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, ainsi que de ceux des fleuves et rivières dont il est fait mention à l'article III, dans les ports du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, et de toutes les possessions de S. M. Britannique sur des vaisseaux russes, ne seront soumis qu'aux mêmes droits que payeraient ces mêmes objets, s'ils étaient importés sur des vaisseaux anglais.

De même tous les objets qui ne sont pas des productions du sol, de l'industrie, et de l'art des Etats respectifs ou de leurs possessions, et qui peuvent légale-

Статья V.

Всѣ предметы, которые не суть произведенія почвы, промышленности и художествъ обоюдныхъ государствъ и ихъ владѣній, и которые могутъ быть законнымъ образомъ привозимы изъ портовъ Е. В. Императора Всероссійскаго, а также съ тѣхъ большихъ и другихъ рѣкъ, о которыхъ упомянуто въ статьѣ III, въ порты Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и всѣхъ владѣній Ея Британскаго Величества, на россійскихъ судахъ, будутъ подлежать только такимъ пошлинамъ, которыя слѣдовало бы заплатить за такіе же предметы, если бы они были привезены на англійскихъ судахъ.

Равнымъ образомъ всѣ предметы, которые не суть произведенія почвы, промышленности и художествъ обоюдныхъ государствъ и ихъ владѣній, и

ment être importés des ports du Royaume Uni et de toutes les possessions de S. M. Britannique dans les ports de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, sur des vaisseaux anglais, ne seront soumis qu'aux mêmes droits que payeraient ces mêmes objets, s'ils étaient importés sur des vaisseaux russes.

S. M. Britannique accorde par le présent traité à la navigation et au commerce russes, tous les bénéfices et privilèges de navigation et de commerce dont jouissent actuellement ou dont pourraient jouir par la suite, soit par les lois existantes et actes du Parlement, soit en vertu d'ordres du Conseil, ou par traités, les nations les plus favorisées.

Article VI.

Toutes les marchandises et objets de commerce qui, d'après les stipulations convenues par le présent traité, ou d'après les réglemens et ordonnances en vigueur dans les pays respectifs, peuvent être légalement importés dans les Etats et les possessions des Hautes Parties contractantes, ou exportés de ces mêmes Etats ou possessions, soit sous pavillon anglais, soit sous pavillon russe, seront également assujettis aux mêmes droits, qu'ils soient importés par les navires de l'autre Etat ou par les bâtimens nationaux et il sera accordé pour toutes les marchandises et objets de commerce dont la sortie des ports des deux Etats est permise, les mêmes primes, remboursemens de droits, et avantages que l'exportation s'en fasse par les navires de l'un ou par ceux de l'autre Etat.

которые можно законнымъ образомъ привозить изъ портовъ Соединеннаго королевства и всѣхъ владѣній Ея Британскаго Величества въ порты Е. В. Императора Всероссійскаго, на англійскихъ судахъ, будутъ подлежать только такимъ пошлинамъ, которыя слѣдовало бы заплатить за такіе же предметы, если бы они были привезены на россійскихъ судахъ.

Ея Британское Величество предоставляетъ симъ трактатомъ россійской торговлѣ и мореходству всѣ выгоды и преимущества мореплаванія и торговли, коими пользуются нынѣ или будутъ пользоватся на будущее время, по силѣ существующихъ законовъ и актовъ Парламента, или по установленіямъ Совѣта, или по трактатамъ всѣ наиболѣе благопріятствуемыя націи.

Статья VI.

Всѣ товары и предметы, которые, по постановленіямъ сего трактата или по существующимъ узаконеніямъ и учрежденіямъ въ обоюдныхъ государствахъ, могутъ законнымъ образомъ быть вводимы въ области и владѣнія Высокихъ договаривающихся сторонъ или вывозимы изъ сихъ областей и владѣній подъ россійскимъ или англійскимъ флагомъ, будутъ равно подлежать одинаковымъ пошлинамъ, какъ бы оные привезены ни были, на судахъ-ли другаго изъ двухъ государствъ или на судахъ туземныхъ, и всѣмъ товарамъ и предметамъ торговли, коихъ вывозъ изъ портовъ обоихъ государствъ законно дозволенъ, будутъ дарованы тѣ же премiи, возвраты пошлинъ и выгоды, какъ бы таковый вывозъ ни производился, на судахъ того или другаго государства.

Article VII.

Toutes les marchandises et objets de commerce qui seront importés, déposés ou emmagasinés dans les ports des Etats et possessions des Hautes Parties contractantes, seront soumis pendant la durée de l'emmagasinage, aux mêmes réglemens, conditions et droits, qu'ils aient été importés sur des navires anglais ou sur des navires russes. De la même manière la réexportation de ces marchandises ou objets de commerce sera soumise au même traitement et aux mêmes droits qu'ils soient exportés sur des navires anglais ou sur des navires russes.

Статья VII.

Всѣ товары и предметы торговые, которые будутъ привезены, отданы на сохраненіе, или сложены въ пакгаузъ, въ портахъ областей и владѣній Высокихъ договаривающихся сторонъ, будутъ подлежать въ продолженіи всего складочнаго времени одинаковымъ постановленіямъ, условіямъ и пошлинамъ, какъ бы оные привезены ни были, на россійскихъ или на англійскихъ судахъ, а равно и обратный вывозъ сихъ товаровъ или торговыхъ предметовъ будетъ производиться такимъ же образомъ и подлежать одинаковымъ же пошлинамъ, какъ бы они вывозимы ни были, на россійскихъ или на англійскихъ судахъ.

Article VIII.

Il ne sera donné, ni directement, ni indirectement, ni par l'un des deux gouvernemens, ni par aucune compagnie, corporation, ou agent agissant en son nom ou sous son autorité, aucune préférence quelconque pour l'achat d'aucune production du sol, de l'industrie, ou de l'art de l'un des deux Etats et de ses possessions, importée dans les ports de l'autre, à cause de la nationalité du navire qui aurait transporté cette production; l'intention bien positive des deux Parties contractantes étant, qu'aucune différence ou distinction quelconque n'ait lieu à cet égard.

Статья VIII.

Никакого предпочтенія прямо или непосредственно ни со стороны того или другаго изъ двухъ правительствъ, ни со стороны какой-либо компаніи, общества или агента, дѣйствующаго ихъ именемъ, или по ихъ приказу, не будетъ оказываемо при покупкѣ какого бы то ни было произведенія почвы, промышленности или художествъ того или другаго изъ двухъ государствъ и его владѣній, привезеннаго въ порты другаго государства, по причинѣ національности того судна, на которомъ привезено таковое произведеніе, ибо непремѣнное намѣреніе обѣихъ договаривающихся сторонъ есть то, чтобы въ семъ отношеніи не было допускаемо никакого неравенства или различія.

Article IX.

Quant au commerce à faire par les vaisseaux russes avec les possessions anglaises dans les Indes-Orientales, S. M. Britannique consent à accorder aux sujets de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, les mêmes avantages et privilèges dont jouissent ou pourront jouir, en conséquence de tout traité ou acte quelconque du Parlement, les sujets ou citoyens de la nation la plus favorisée, soumis aux lois, règles, réglemens et restrictions qui sont ou peuvent devenir applicables aux vaisseaux et aux sujets de tout autre Etat jouissant des mêmes avantages et privilèges pour faire le commerce avec les dites possessions.

Статья IX.

Относительно торговли россійскихъ судовъ, которая производиться будетъ съ англійскими владѣніями въ Восточной Индіи, Ея Британское Величество соглашается даровать подданнымъ Е. В. Императора Всероссійскаго всѣ тѣ выгоды и преимущества, которыми пользуются нынѣ или будутъ пользоваться впредь, вслѣдствіе всякаго трактата или какого-либо парламентскаго акта, подданные или граждане наиболѣе благопріятствуемой націи, подчиняясь тѣмъ же законамъ, правиламъ, уставамъ и ограниченіямъ, которые нынѣ существуютъ или впредь могутъ относиться до судовъ и подданныхъ всякаго другаго государства, пользующагося тѣми же выгодами и преимуществами въ производствѣ торговли съ вышереченными владѣніями.

Article X.

Les stipulations du présent traité ne s'appliqueront point au commerce de cabotage entre les ports indigènes d'une des Parties contractantes, par les bâtimens à voile ou à vapeur de l'autre, pour ce qui regarde la prise à bord de personnes, de marchandises, ou d'objets de commerce; ce genre de transport étant réservé exclusivement aux bâtimens nationaux.

Статья X.

Постановленія настоящаго трактата не относятся къ прибрежной (каботажной) торговлѣ между туземными портами той или другой изъ договаривающихся сторонъ, производимой парусными судами или пароходами другой, во всемъ, что касается до перевозки пассажировъ, товаровъ или другихъ торговыхъ предметовъ, ибо сія торговля предоставляется исключительно судамъ туземнымъ.

Article XI.

Les vaisseaux et sujets des Hautes Parties contractantes jouiront par le présent traité, réciproquement, de tous les avantages, immunités, et privilèges, dans les ports de leurs Etats respectifs et

Статья XI.

По силѣ сего трактата, суда и подданные обѣихъ Высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ пользоваться взаимно въ портахъ обоюдныхъ государствъ и ихъ владѣній, всѣми выго-

possessions, dont jouissent présentement la navigation et le commerce des nations les plus favorisées; l'objet en étant d'assurer dans le Royaume-Uni et les possessions britanniques, aux vaisseaux et sujets Russes, les avantages pleins et entiers de navigation et de commerce accordés par les lois existantes et actes du Parlement, ordres du Conseil, ou par traités, à d'autres Puissances, ou qui pourraient être accordés à l'avenir; et de même, les vaisseaux et sujets Britanniques jouiront dans les ports des Etats et possessions de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, des avantages pleins et entiers de navigation et de commerce accordés par les lois existantes, réglemens, ordonnances, ou par traités, à des Puissances étrangères, ou qui pourraient être accordés à l'avenir. Et Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies et la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande s'engagent réciproquement à n'accorder aucunes faveurs, privilèges, ou immunités quelconques, en matière de commerce et de navigation, aux sujets ou citoyens d'aucun autre Etat, qui ne soient en même tems accordés aux sujets de l'autre des Hautes Parties contractantes, gratuitement, si la concession en faveur de l'autre Etat a été gratuite, ou en donnant, en autant qu'il sera possible de le faire, la même compensation ou le même équivalent, dans le cas où la concession aura été conditionnelle.

дами, льготами и преимуществами, каковыми нынѣ пользуются по торговлѣ и мореплаванію наиболѣе благопріятствуемыя націи; ибо таково есть намѣреніе, чтобы въ соединенномъ королевствѣ и владѣніяхъ Британскихъ для россійскихъ судовъ и подданныхъ были обезпечены вполнѣ и совершенно всѣ тѣ выгоды по торговлѣ и мореплаванію, какія по существующимъ законамъ и актамъ парламента, по установленіямъ Совѣта, или по трактатамъ иностраннымъ Державамъ предоставлены или впредь будутъ предоставляемы: а равнымъ образомъ суда и подданные Великобританскіе будутъ пользоваться въ портахъ областей и владѣній Е. В. Императора Всероссійскаго вполнѣ и совершенно всѣми выгодами, какія по мореплаванію и торговлѣ существующими законами, учрежденіями, постановленіями или трактатами иностраннымъ Державамъ уже предоставлены, или которыя впредь могутъ быть дарованы. И Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій и Королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи обязываются взаимно не допускать относительно торговли и мореплаванія никакихъ такихъ выгодъ, преимуществъ и льготъ въ пользу подданныхъ или гражданъ какого-либо другаго государства, которыя въ то же время не были бы дарованы подданнымъ другой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ безвозмездно, если выгоды, предоставленныя въ пользу другаго государства, были безвозмездныя, или же назначать, поколику можно будетъ, такое же вознагражденіе или уравненіе, если дарованныя выгоды имѣютъ быть условныя.

Article XII.

Il est entendu que pour ce qui concerne le commerce et la navigation dans les possessions russes sur la côte Nord-Ouest de l'Amérique, la convention conclue à St. Pétersbourg, le 16 (28) février 1825, est maintenue en vigueur.

Article XIII.

Tout vaisseau britannique ou russe, qui sera forcé par des tempêtes ou par quelque accident de se réfugier dans les ports de l'une ou l'autre des Hautes Parties contractantes, aura la liberté de s'y radouber, de s'y pourvoir de tous les objets qui lui seront nécessaires, et de se remettre en mer, sans payer d'autres droits que ceux de port et de fanaux, lesquels seront pour lui les mêmes que pour les bâtimens nationaux. Si, cependant, le patron d'un tel navire se trouvait dans la nécessité de ce défaire d'une partie de ses marchandises pour subvenir à ses dépenses, il sera tenu de se conformer aux ordonnances et aux tarifs de l'endroit où il aura abordé.

En cas de naufrage, arrivé dans un endroit appartenant à l'une ou à l'autre des Hautes Parties contractantes, non seulement il sera donné toute sorte d'assistance aux naufragés, mais encore les marchandises et effets qu'ils auraient jetés à la mer ou qui auraient été sauvés, ne seront point saisis ou retenus sous quelque prétexte que ce soit. Les dits effets et marchandises seront au contraire conservés et rendus, moyennant l'acquittement du même taux de sauvetage, ainsi que des mêmes droits

Статья XII.

Разумѣется, что относительно торговли и мореплаванія въ Россійскихъ владѣніяхъ на Сѣверо-Западномъ берегѣ Америки конвенція, заключенная въ Санктъ-Петербургѣ 16 (28) февраля 1825 года, остается въ своей силѣ.

Статья XIII.

Всякое россійское или британское судно, которое отъ бури, или по какому-либо случаю принуждено будетъ искать убѣжища въ портахъ той или другой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, можетъ свободно тамъ починиваться, запасаться всѣми для него потребностями и снова отходить въ море, не платя никакихъ другихъ пошлинъ, кромѣ портовыхъ и маячныхъ, точно такихъ же, какія платятъ суда туземныя. Однако же, если кораблехозяинъ такого судна найдется въ необходимости продать часть своихъ товаровъ для покрытія своихъ издержекъ, то онъ обязанъ въ такомъ случаѣ сообразоваться съ постановленіями и тарифами того мѣста, куда онъ присталъ.

Если случится кораблекрушеніе въ какомъ либо мѣстѣ, принадлежащемъ той или другой изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, то не токмо подана будетъ всякая помощь людямъ, претерпѣвшимъ кораблекрушеніе, но еще сверхъ того всѣ товары и другія вещи, ими брошенныя въ море, или которыя будутъ спасены, не могутъ быть секвестрованы или задержаны, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было. Таковыя вещи и товары будутъ напротивъ сберегаемы и выдаваемы обратно

de douane ou autres, que payerait en pareil cas un bâtiment national. Dans l'un et l'autre cas de relâche forcée ou de naufrage, les Consuls, Vice-Consuls, ou agens commerciaux respectifs, seront autorisés à intervenir pour prêter l'assistance nécessaire à leurs nationaux.

Article XIV.

Les Consuls, Vice-Consuls, ou agens commerciaux de chacune des deux Hautes Parties contractantes résidans dans les Etats de l'autre, recevront des autorités locales, toute l'assistance qui pourra légalement leur être accordée pour la restitution des déserteurs des navires de guerre ou marchands de leurs pays respectifs.

Article XV.

Le présent traité restera en vigueur pendant l'espace de dix ans à dater de l'échange des ratifications, et au-delà de ce terme jusqu'à l'expiration de douze mois, après que l'une des Hautes Parties contractantes aura donné avis à l'autre de son intention d'en faire cesser l'effet, chacune des Hautes Parties contractantes se réservant le droit de donner un pareil avis à l'autre à l'expiration des premières neuf années; et il est convenu entr'elles, qu'à l'échéance de douze mois après que pareil avis de l'une des Hautes Parties contractantes aura été reçu par l'autre, le présent traité, et toutes les stipulations qu'il

по уплатѣ такой же переемной пошлины (taux de sauvetage) и такихъ же таможенныхъ и другихъ пошлинъ, какія заплатили бы въ подобномъ случаѣ туземныя суда. Въ томъ и другомъ случаѣ, то-есть, вынужденнаго входа въ портъ или кораблекрушенія, обоюдные Консулы, Вице-Консулы или коммерческіе агенты будутъ въ правѣ ходатайствовать объ оказаніи нужной помощи въ пользу своихъ соотечественниковъ.

Статья XIV.

Консуламъ, Вице-Консуламъ или коммерческимъ агентамъ каждой изъ двухъ договаривающихся Высокихъ сторонъ, пребывающимъ во владѣніяхъ другой стороны, мѣстныя начальства будутъ оказывать всякое, какое только можно оказать имъ, законное содѣйствіе для выдачи дезертировъ какъ съ военныхъ, такъ и съ торговыхъ судовъ обоюдныхъ государствъ.

Статья XV.

Настоящій трактатъ будетъ имѣть силу и дѣйствіе въ продолженіи десяти лѣтъ, считая со дня размѣна ратификацій, и сверхъ сего срока еще въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ послѣ объявленія одною изъ двухъ Высокихъ договаривающихся сторонъ другой, о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе сего трактата; каждая изъ двухъ Высокихъ договаривающихся сторонъ предоставляетъ себѣ право объявить о томъ другой сторонѣ по истеченіи первыхъ девяти лѣтъ: и симъ соглашено между ими, что по минованіи двѣнадцати мѣсяцевъ послѣ такого объявленія, полученнаго одною изъ Высокихъ

renferme, cesseront d'être obligatoires pour les deux Parties.

Article XVI.

Le présent traité sera ratifié et les ratifications en seront échangées à Londres, à l'expiration d'un mois, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi etc.

Fait à St. Pétersbourg, le 30 décembre 1842 (11 janvier 1843).

(L. S.) Nesselrode.
(L. S.) Cancrine.
(L. S.) Stuart de Rothsay.

Ratifié à St. Pétersbourg, le 2 janvier 1843.

Article séparé I.

Les relations commerciales de la Russie avec les royaumes de Suède et de Norvège, étant réglées par des stipulations spéciales qui pourront être renouvelées dans la suite, sans que les dites stipulations soient liées aux réglemens existans pour le commerce étranger en général, les deux Hautes Parties contractantes voulant écarter de leurs relations commerciales toute espèce d'équivoque ou de motif de discussion, sont tombées d'accord que ces stipulations spéciales accordées au commerce de la Suède et de la Norvège en considération d'avantages équivalens accordés dans ces pays au commerce du Grand-Duché de Finlande, ne pourront dans aucun cas être invoquées en faveur des relations de commerce et de navigation

договаривающихся сторонъ отъ другой, всѣ обязательства по сему трактату и заключающимся въ немъ постановленіямъ для обѣихъ сторонъ, прекращаются.

Статья XVI.

Настоящій трактатъ имѣетъ быть ратификованъ и ратификаціи онаго имѣютъ быть размѣнены въ Лондонѣ по истеченіи одного мѣсяца или ранѣе, ежели возможно.

Въ удостовѣреніе чего и т. д.

Заключенъ въ Санктпетербургѣ, 30 декабря 1842 года (11 января 1843 года).

(М. П.) Нессельроде.
(М. П.) Канкринъ.
(М. П.) Стюартъ де Ротсей.

Ратификованъ въ С.-Петербургѣ 2-го января 1843 года.

Статья отдѣльная I.

Такъ какъ торговыя сношенія Россіи съ королевствами Шведскимъ и Норвежскимъ опредѣлены особенными постановленіями, которыя могутъ быть возобновлены впослѣдствіи и не имѣютъ связи съ существующими правилами для иностранной торговли вообще, то обѣ Высокія договаривающіяся стороны, желая устранить изъ ихъ торговыхъ сношеній всякаго рода недоразумѣнія и поводы къ спорамъ, согласились, чтобъ особенныя льготы, предоставленныя Шведской и Норвежской торговлѣ, въ замѣнъ равносильныхъ выгодъ, предоставленныхъ въ этихъ странахъ торговлѣ Великаго Княжества Финляндскаго, ни въ какомъ случаѣ не могли быть требуемы въ пользу сношеній торговыхъ и мореплаванія, утвержденныхъ между обѣими

sanctionnées entre les deux Hautes Parties contractantes par le présent traité.

Article séparé II.

Il est entendu de même, que ne seront point censés déroger au principe de réciprocité qui est la base du traité de ce jour, les franchises, immunités et privilèges mentionnés ci-après, savoir:

1) La franchise dont jouissent les vaisseaux construits en Russie, et appartenant à des sujets Russes, lesquels, pendant les premières trois années, sont exempts des droits de navigation;

2) Les exemptions de la même nature accordées dans les ports Russes de la mer Noire, de celle d'Asoff, et du Danube, aux bâtimens Turcs venant des ports de l'Empire Ottoman, situés sur la mer Noire, et ne jaugeant pas au delà de 80 lastes;

3) La faculté accordée aux habitans de la côte du Gouvernement d'Archangel, d'importer en franchise ou moyennant des droits modérés, dans les ports du dit Gouvernement, du poisson sec ou salé, ainsi que certaines espèces de fourrures, et d'en exporter de la même manière des blés, cordes et cordages, du goudron et du ravendouc;

4) Le privilège de la Compagnie Russe-Américaine;

5) Celui des Compagnies de Lubeck et du Hâvre pour la navigation à vapeur; enfin,

6) Les immunités accordées en Russie à différentes compagnies anglaises, dites „Yacht-Clubs."

Les présens articles séparés auront la même force et valeur que s'ils étaient insérés, mot à mot, dans le traité de

Высокими договаривающимися сторонами настоящимъ трактатомъ.

Статья отдѣльная II.

Равнымъ образомъ постановляется, что не будутъ почитаться нарушающими взаимство, служащее основаніемъ настоящаго трактата, нижеозначенныя льготы, изъятія и привилегіи, а именно:

1) Льгота, которою пользуются суда, построенныя въ Россіи и принадлежащія русскимъ подданнымъ, каковыя суда изъяты въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ отъ платежа судоходныхъ пошлинъ;

2) Такого же рода изъятія, предоставленныя въ русскихъ портахъ морей Чернаго и Азовскаго и на Дунаѣ въ пользу турецкихъ судовъ, приходящихъ изъ портовъ Оттоманской имперіи, находящихся на Черномъ морѣ, вмѣстимостью не болѣе 80 ластовъ;

3) Предоставленная береговымъ жителямъ Архангельской губерніи льгота привоза, безъ пошлинъ или съ платою умѣренныхъ пошлинъ, въ порты этой губерніи, сухой и соленой рыбы, а также нѣкоторыхъ родовъ пушныхъ товаровъ, а равно и вывоза оттуда на томъ же основаніи хлѣба, веревокъ и канатовъ, дегтя и равендука;

4) Привилегія Россійско-Американской компаніи;

5) Привилегія компаній Любекской и Гаврской въ отношеніи пароваго судоходства;

6) Льготы, предоставленныя въ Россіи разнымъ англійскимъ компаніямъ, извѣстнымъ подъ именемъ Яхтъ-клубовъ.

Настоящія отдѣльныя статьи будутъ имѣть ту же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ онѣ были включены отъ слова

ce jour. Ils seront ratifiés, et les ratifications en seront échangées en même temps.

En foi de quoi etc.

Fait à St. Pétérsbourg, le 30 décembre 1842 (11 janvier 1843).

(L. S.) Nesselrode.
(L. S.) Cancrine.
(L. S.) Stuart de Rothsay.

№ 452.

1843, 2 (14) septembre. Convention d'Athènes concernant l'emprunt hellénique de 1832.

La conclusion du traité de commerce terminait la liquidation des affaires courantes entre la Russie et l'Angleterre. Pendant la durée du ministère de sir Robert Peel les relations entre les deux Puissances continuaient à suivre une évolution pacifique. Aucune divergence sérieuse ne pouvait surgir, principalement à cause du caractère conciliant de lord Aberdeen, chef du Foreign-Office. Toutefois sir Robert Peel désirait sincèrement lui-même entretenir de bonnes relations avec la Russie. Malheureusement la position du Cabinet était très précaire. La reine Victoria n'aimait ni sir Robert Peel, ni le duc de Wellington, ni le parti tory. Tout le parti de la Cour voyait dans le premier ministre un ennemi mortel.

Lord Palmerston se plaisait à prédire avec obstination la chute prochaine et inévitable du ministère de sir Robert Peel, parce que, selon lui, le temps était passé sans retour où le parti tory pouvait gouverner l'Angleterre. L'opinion publique du pays ne sympatisait plus aux vrais principes de ce parti. Robert Peel semble le reconnaître lui-même, et voudrait donner satisfaction aux aspirations libérales de l'époque. Dans ses efforts, il se heurte aux principes conservateurs, très arrêtés, de son parti. Dans la lutte avec l'opposition, c'est-à-dire avec le parti whigs, les adhérens de Peel, c'est-à-dire les tories, sont tout disposés de le soutenir. Mais, pour ce qui concerne l'administration des affaires

до слова въ трактатъ, заключенный сего числа. Онѣ будутъ ратификованы и ратификаціи ихъ будутъ размѣнены одновременно съ онымъ.

Въ удостовѣреніе чего и т. д.

Въ С.-Петербургѣ, 30 декабря 1842 г. (11 января 1843 г.)

(М. П.) Нессельроде.
(М. П.) Канкринъ.
(М. П.) Стюартъ де Ротсей.

№ 452.

1843 г., сентября 2-го (14-го). Аѳинская конвенція относительно греческаго займа 1832 года.

Заключеніемъ коммерческаго трактата было окончено одно изъ текущихъ дѣлъ между Россіею и Англіею. Въ министерство сэра Роберта Пиля отношенія между обѣими державами продолжали идти путемъ мирнаго развитія. Никакихъ серьезныхъ разногласій не могло быть, благодаря въ особенности примирительному характеру главы англійскаго Foreign Office—лорда Эбердина. Впрочемъ, самъ Пиль также искреннимъ образомъ желалъ поддерживать съ Россіею добрыя сношенія. Только жаль, что положеніе кабинета Пиля было весьма шаткое. Королева Викторія не любила ни сэра Р. Пиля, ни герцога Веллингтона, ни партію торіевъ. Вся придворная партія видѣла въ премьерѣ своего злѣйшаго врага.

Лордъ Пальмерстонъ настойчиво предсказывалъ близкое и неизбѣжное паденіе министерства Пиля, потому что, по его словамъ, безвозвратно прошло время, когда торійская партія могла управлять дѣлами Англіи. Общественное мнѣніе Англіи уже не понимаетъ чистыхъ торійскихъ принциповъ. Самъ Пиль это сознаетъ и желаетъ дать удовлетвореніе прогрессивнымъ стремленіямъ новаго времени. Но въ этомъ стремленіи онъ встрѣчается съ упорнымъ консерватизмомъ своей торійской партіи. Для борьбы съ оппозиціею, т. е. съ партіею виговъ, приверженцы Пиля, т. е. торіи, готовы идти вмѣстѣ съ нимъ. Но въ управленіи дѣлами государства они его не

de l'Etat, ils ne le comprennent pas et ne l'approuvent pas. Voici pourquoi la chute de son Cabinet était inévitable.

Ce ministère n'a pas moins duré jusqu'à l'année 1846. Dans le cours de ces quatre années, les négociations diplomatiques ont eu pour objet: les affaires de l'Asie Centrale, les rapports de la Russie et de l'Angleterre avec la France, le voyage de la reine Victoria en France, l'arrivée de l'Empereur Nicolas I en Angleterre, les affaires de Grèce etc.

A toute occasion lord Aberdeen est resté fidèle à un échange d'idées conciliant et au maintien de relations amicales entre la Russie et l'Angleterre. Mais, en même temps, dans des moments de franchise, il ne dissimulait pas au baron Brunnow la crainte que ses dispositions amicales pour la Russie ne soulèvent contre lui de violents attaques au sein de la presse anglaise et de l'opposition au parlement.

„On a partout", disait le noble lord au ministre de Russie, „et chez nous plus qu'ailleurs une si terrible idée de l'habileté de votre Cabinet, que lorsqu'on entreprend de vous défendre — quand on vous attaque — on a toujours l'air d'avoir été mis dedans" (sic!). Cette judicieuse observation de lord Aberdeen s'explique parfaitement par le prestige énorme excercé par la diplomatie russe, lorsque les oeuvres émanées de sa plume étaient reconnues par tout le monde comme des modèles tant par l'élégance du style que par la profondeur des pensées et des combinaisons. Ce prestige, parfaitement mérité, de la diplomatie russe présentait l'inconvénient qu'on était disposé à attribuer à toute proposition du gouvernement impérial, quelque inoffensive qu'elle fût, la portée d'une combinaison machiavellique et d'un piège. Toutefois, par ces craintes de l'habileté de la diplomatie russe, les gouvernements étrangers contribuaient à augmenter justement ce prestige qu'ils redoutaient à un si haut degré.

Il est hors de doute que, dans la première moitié du siècle présent, la politique russe était redevable de ce prestige principalement à l'esprit et au caractère chevaleresque de l'Empereur Nicolas I. Nous avons eu l'occasion de signaler plus haut le charme exercé par l'Empereur sur les ambassadeurs anglais, accrédités auprès de la Cour Impériale. Nous en donnons encore un exemple.

Voici ce qui s'est passé à Londres, en juin 1843. Le baron Brunnow rencontrait à un bal aristocratique lord Aberdeen qui lui dit en faisant semblant de ne pas y ajouter d'importance: „Si

понимаютъ и не одобряютъ. Вотъ почему паденіе сэра Роберта Пиля было неизбѣжно.

Но все-таки министерство Пиля просуществовало до 1846 года. Въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ были среднеазіятскія дѣла, отношенія Россіи и Англіи къ Франціи, поѣздка королевы Викторіи во Францію, пріѣздъ Императора Николая I въ Англію, греческія дѣла и т. д.

Лордъ Эбердинъ оставался во всѣхъ случаяхъ сторонникомъ мирнаго обмѣна мыслей и дружескихъ отношеній между Россіею и Англіею. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ минуты откровенности, онъ не скрывалъ отъ барона Бруннова своего опасенія, что его дружеское расположеніе къ Россіи вызоветъ сильнѣйшія нападки на него со стороны англійскихъ газетъ и оппозиціи въ парламентѣ.

„Вездѣ", сказалъ благородный лордъ русскому посланнику, „и у насъ больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, имѣютъ столь страшное представленіе объ искусствѣ вашего кабинета, что если начнешь васъ защищать отъ нападокъ на васъ, то всегда имѣешь видъ, что остаешься въ дуракахъ" (sic!). Это оригинальное замѣчаніе лорда Эбердина вполнѣ объясняется громаднымъ престижемъ русской дипломатіи, когда произведенія ея пера всѣми признавались образцовыми, какъ по изяществу стиля, такъ и по глубинѣ мыслей и комбинацій. Этотъ вполнѣ заслуженный престижъ русской дипломатіи имѣлъ то неудобство, что каждому, даже самому простому предложенію Императорскаго правительства придавалось значеніе маккіавеллистической комбинаціи и ловушки. Однако, такою боязнью предъ искусствомъ русской дипломатіи иностранныя правительства только содѣйствовали укрѣпленію того самаго престижа, котораго они такъ страшились.

Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ своимъ престижемъ русская политика первой половины нынѣшняго столѣтія была въ особенности обязана уму и рыцарской личности Императора Николая Павловича. Уже прежде мы имѣли случай указать на обворожительное дѣйствіе, которое Царь производилъ на великобританскихъ пословъ при Высочайшемъ дворѣ. Мы приведемъ еще одинъ примѣръ.

Было это въ іюнѣ, въ 1843 году, въ Лондонѣ. На одномъ аристократическомъ балу баронъ Брунновъ встрѣчаетъ лорда Эбердина, который, какъ-бы мимоходомъ, говоритъ ему: „Еслибъ

vous étiez bien habiles et bien sages, vous nous proposeriez de vous envoyer Strafford-Canning comme ambassadeur à St. Pétersbourg. L'Empereur le mettrait dans sa poche. Il en ferait ce qu'il voudrait et vous ne l'auriez plus à Constantinople.“

Le baron Brunnow s'empressa de tenir compte de cette curieuse proposition de lord Aberdeen et il en conclut que sir Robert Peel désirait éloigner de Constantinople Strafford-Canning, si inquiétant et si obstiné. Connaissant les talents de séduction de l'Empereur, les ministres anglais étaient convaincus que Strafford-Canning se transformerait à St. Pétersbourg de russo-phobe, qu'il était, en russo-phile passionné. Brunnow ne trouvait pas moins impossible de prêter son consentement à une pareille expérience en vue du refus catégorique de l'Empereur Nicolas de recevoir ce diplomate anglais, en qualité d'ambassadeur. Aussi Brunnow s'empressa-t-il le lendemain du bal de se rendre chez lord Aberdeen pour lui faire part d'une lettre confidentielle du Vice-Chancelier contenant la phrase suivante au sujet de Strafford-Canning: „pour rien au monde je ne voudrais être exposé à devoir vivre avec lui“. (Rapport du baron Brunnow du 25 mai (6 juin) 1843).

C'est ainsi que fut écartée encore une fois la candidature du diplomate anglais, auquel le gouvernement russe persistait à refuser ses sympathies — au poste d'ambassadeur britannique à St. Pétersbourg. Lord Stuart Rothsay étant tombeé malade, c'est le duc de Beauford, recommandé également par Brunnow, qui fut appelé à le remplacer. Il fut, entre autres, chargé de la mission d'exposer sous son véritable jour le voyage de la reine Victoria en France et son entrevue avec le roi Louis-Philippe. Ce voyage de la reine attirait l'attention générale en Europe et faisait surgir les bruits et les combinaisons les plus contradictoires. Même en Angleterre bien des personnes ne l'approuvaient pas. Le duc de Wellington trouvait que c'était „une véritable faute“, et croyait devoir prémunir le pays contre les dangers d'une alliance anglo-française. Beaucoup d'Anglais en étaient mécontents, parceque la reine n'avaient pas encore fait de voyage sur le sol anglais Tout le monde savait que la reine avait forcé la main au Cabinet de sir Robert Peel pour obtenir son consentement à cette combinaison.

En général, le baron Brunnow devait, comme bien d'autres, reconnaître „que la reine Victoria

вы были очень ловки и умны, то обратились бы къ намъ съ предложеніемъ назначить Страффорда Каннинга посломъ въ С.-Петербургъ. Императоръ положитъ его въ свой карманъ. Онъ съ нимъ сдѣлаетъ все, что пожелаетъ, и вы не будете больше имѣть его въ Константинополѣ“.

Брунновъ не оставилъ безъ вниманія любопытное предложеніе лорда Эбердина: изъ него онъ вывелъ заключеніе о желаніи сэра Р. Пиля удалить изъ Константинополя безпокойнаго и строптиваго Страффорда Каннинга. Зная талантъ русскаго Царя обвораживать всякаго, англійскіе министры были увѣрены, что Страффордъ Каннингъ обратится въ Петербургѣ изъ руссофоба въ руссофила. Но Брунновъ не считалъ возможнымъ согласиться на этотъ опытъ въ виду бывшаго категорическаго отказа Императора Николая I принять названнаго англійскаго дипломата въ качествѣ посла. Поэтому Брунновъ отправился на другой день послѣ бала къ лорду Эбердину и показалъ ему конфиденціальное письмо Вице-Канцлера, въ которомъ находилась слѣдующая фраза насчетъ Страффорда Каннинга: „ни за что на свѣтѣ я не желалъ бы быть вынужденнымъ жить съ нимъ вмѣстѣ“. (Донесеніе бар. Бруннова отъ 25-го мая (6 іюня) 1843 года).

Такимъ образомъ снова была устранена кандидатура непріятнаго русскому правительству англійскаго дипломата на постъ великобританскаго посла въ С.-Петербургѣ. На мѣсто заболѣвшаго лорда Стюарта Ротсея былъ назначенъ рекомендованный также Брунновымъ герцогъ Бофордъ. На послѣдняго была, между прочимъ, возложена обязанность выставить въ истинномъ свѣтѣ поѣздку королевы Викторіи во Францію для свиданія съ королемъ Луи Филиппомъ. Эта поѣздка англійской королевы обратила на себя всеобщее вниманіе Европы и вызывала самые противорѣчивые слухи и комбинаціи. Даже въ самой Англіи многіе не одобряли этого путешествія молодой королевы. Герцогъ Веллингтонъ назвалъ его „настоящею ошибкою“ и предостерегалъ насчетъ опасностей англо-французскаго союза. Многіе Англичане были недовольны этою поѣздкою по той причинѣ, что королева еще не путешествовала по англійскимъ землямъ. Но всѣ знали, что сама королева Викторія заставила министерство Пиля согласиться на это путешествіе.

Вообще баронъ Брунновъ, вмѣстѣ со многими другими, долженъ былъ признать, что

porte en elle une force de volonté à laquelle on ne s'attendrait guère d'une si jeune souveraine". Il est vrai, que la reine avait un amour sans borne pour son mari le prince Albert, et c'est par affection pour lui et pour remplir sa volonté, qu'elle prit la décision de faire une visite au roi des Français C'est pour ce même motif qu'elle cherchait par tous les moyens à relever la maison princière de Coburg et tout ce qui lui était apparenté. Toutefois, la reine ne perdait jamais de vue les intérêts politiques de l'Angleterre, qui entraient également en ligne de compte dans le voyage à château d'Eu. (Lettre de Brunnow au comte A. Th. Orlow du 3 (15) septembre 1843).

On comprend que les ministres anglais se refusaient à attribuer une partie politique quelconque à ce voyage. Lorsque les ministres de Russie et d'Autriche demandaient à lord Aberdeen des explications sur le but de la visite de la reine d'Angleterre au roi des Français, le noble lord répondit: „qu'il n'y a en cela pas le moindre but politique". „A vrai dire", continuait lord Aberdeen, „la reine est une jeune femme qui, quoique très heureuse dans son intérieur, éprouve le besoin d'un changement. D'autres Souverains voyagent, se rencontrent, échangent des visites entre eux. Elle a voulu ne pas rester privée de cette distraction, qui varie pour elle la monotonie de la vie habituelle.". (Rapport du baron Brunnow du 17 (29) août 1843).

Ce qui a soulevé des doutes quant à l'absence de toute partie politique de ce voyage, c'est le fait que lord Aberdeen accompagnait la reine et Guizot le roi Louis Philippe. Le baron Brunnow redoutait extrèmement l'influence de Guizot sur lord Aberdeen. Il qualifiait cette influence de „magnitisme politique", qui consistait dans l'habilité de Guizot de se donner les apparences d'un homme d'une honnêteté absolue, incapable de tromper qui que ce fût. Ce prestige de probité semblait au baron Brunnow plus dangereux que „la fourberie" de Thiers. (Lettre du baron Brunnow au comte A. Th. Orlow du 3 (15) août 1843).

On sait que le voyage de la reine Victoria en France a été entouré d'un grand éclat. Le roi Louis Philippe appliquait tout son esprit et son amabilité pour complaire à la jeune reine. Un accord complet intervint à château d'Eu entre lord Aberdeen et Guizot au sujet de la question des mariages espagnoles, — accord qui

„королева Викторія обладаетъ такою силою воли, какой никто не ожидалъ отъ такой молодой Государыни". Но королева безгранично любила своего супруга, принца Альберта, и изъ любви къ нему она исполнила его желаніе поѣхать во Францію, въ гости къ французскому королю. Она также изъ любви къ нему старалась всѣми средствами возвысить Кобургскій владѣтельный домъ и его членовъ. Однако, королева никогда не упускала изъ виду и политическихъ интересовъ Англіи, которые также легли въ основаніе ея поѣздки въ Château d'Eu. (Письмо Бруннова къ гр. А. Ѳ. Орлову отъ 3 (15) марта 1843 г.).

Понятно, что англійскіе министры положительно отрицали всякую политическую подкладку этого путешествія. Когда русскій и австрійскій посланники просили лорда Эбердина объяснить имъ цѣль этого визита англійской королевы французскому королю, благородный лордъ отвѣтилъ, что „нѣтъ ни малѣйшей политической цѣли" въ этомъ визитѣ. „Сказать правду", продолжалъ лордъ Эбердинъ, „королева — молодая женщина, которая, хотя и весьма счастлива въ своей семьѣ, чувствуетъ однако, потребность перемѣны. Другіе Государи путешествуютъ, встрѣчаются и обмѣниваются визитами. Она не пожелала лишать себя этого удовольствія, могущаго прервать однообразіе ея обыденной жизни". (Донесеніе Бруннова отъ 17 (29) августа 1843 года).

Отсутствіе всякихъ политическихъ цѣлей при поѣздкѣ королевы Викторіи во Францію вызывало, однако, серьезныя сомнѣнія уже въ виду того факта, что лордъ Эбердинъ провожалъ королеву, и Гизо—короля Луи Филиппа. Вліянія же Гизо на лорда Эбердина баронъ Брунновъ очень боялся. Онъ называлъ это вліяніе „политическимъ магнитизмомъ", заключавшимся въ искусствѣ Гизо придавать себѣ видъ безусловно честнаго человѣка, который не въ состояніи кого-либо обманывать. Этотъ „престижъ честности" казался Бруннову болѣе опаснымъ, нежели „плутни" Тьера. (Письмо Бруннова къ гр. А. Ѳ. Орлову отъ 3 (15) августа 1843 года).

Извѣстно, что путешествіе королевы Викторіи во Францію состоялось при самой блестящей обстановкѣ. Король Луи Филиппъ изощрялъ свой умъ и свою любезность, чтобъ угодить молодой англійской королевѣ. Въ Château d'Eu состоялось между лордомъ Эбердиномъ и Гизо полное соглашеніе насчетъ

dans la suite fut violé par le roi des Français, sans aucun scrupule.

Quoi qu'il en soit, l'opinion publique en Angleterre ne se laissa pas entrainer par tous ces prodiges de courtoisie de Louis Philippe. Tout au contraire, le séjour de la reine en France continuait à provoquer des observations mordantes. On signalait entr'autres l'incident suivant. A l'arrivée de la reine à Dieppe, au moment où le char-à-banc fut avancé pour la course à château d'Eu, le prince Albert évitait de se placer à côté de son épouse, en réservant au roi cette place d'honneur entre lui et la reine. Louis Philippe refusa catégoriquement de prendre la place du milieu, força le prince Albert à l'occuper et lui dit en plaisantant: „je sais bien que je suis un peu gros, mais je me mettrai de côté". Ces paroles courtoises du roi des Français donnèrent lieu en Angleterre aux commentaires suivants assez malicieux: „En vérité Louis Philippe où ne réussirait-il pas à se placer, après avoir trouvé moyen de s'asseoir sur le trône de France"?

D'ailleurs, tous les amateurs de bons mots, amis et ennemis, admiraient les fines reparties du roi des Français. Ainsi, lorsque le protocole № 74 de la dernière séance de la conférence de Londres sur les affaires de Grèce lui fut soumis, le roi après en avoir pris connaissance dit avec finesse: „Je vois bien ce que c'est; c'est un adroit moyen de fermer boutique". Le baron Brunnow, qui n'avait aucune sympathie pour le roi, ne put s'empècher de s'écrier avec enthousiasme à cette occasion: „Cette expression (du roi) est souverainement bourgeoise, mais bourgeoisement spirituelle." (Rapport du baron Brunnow du 10 (22) décembre 1843).

C'était en même temps de la part de baron Brunnow un cri de joie à l'occasion de la clôture des travaux de la conférence de Londres pour les affaires de Grèce. Pendant nombre d'années cette conférence était appelée à organiser les affaires du royaume hellénique qui tombaient de plus en plus en désarroi. L'événement a prouvé que la constitution libérale octroyée à la Grèce sur les instances de la France et de l'Angleterre ne répondait nullement au développement politique de la nation. Le gouvernement du roi Othon ne s'est pas montré à la hauteur de sa mission dans l'administration de ce jeune

вопроса объ испанскихъ бракахъ, которое впослѣдствіи было нарушено довольно безцеремоннымъ образомъ королемъ Французовъ.

Однако, несмотря на изысканную любезность Луи Филиппа, всетаки общественное мнѣніе Англіи имъ не увлекалось. Напротивъ, пребываніе королевы во Франціи продолжало вызывать колкія замѣчанія. Между прочимъ, расказывался слѣдующій случай. Когда королева Викторія прибыла въ Діеппъ и былъ поданъ королевскій шарабанъ для поѣздки въ Château d'Eu, принцъ Альбертъ ни за что не хотѣлъ сѣсть рядомъ со своею августѣйшею супругою, предоставляя королю почетное мѣсто между нимъ и королевою. Луи Филиппъ на-отрѣзъ отказался отъ этой чести и принудилъ принца Альберта занять его мѣсто, сказавъ улыбаясь: „я отлично знаю, что я немножко толстъ, и потому я сяду сбоку". Эти любезныя слова французскаго короля вызвали въ Англіи слѣдующее ехидное замѣчаніе: „Поистинѣ, гдѣ Луи Филиппу не удалось бы найти себѣ мѣста, послѣ того какъ онъ успѣлъ усѣсться на французскомъ престолѣ?"

Впрочемъ, несомнѣннымъ остроуміемъ французскаго короля восторгались всѣ любители ловкихъ словцовъ, — какъ друзья его, такъ и враги. Когда ему былъ представленъ протоколъ (№ 74) послѣдняго засѣданія Лондонской международной конференціи по дѣламъ Греціи, то, по прочтеніи его, онъ остроумно замѣтилъ: „Я отлично вижу, что это такое: это ловкій способъ закрыть лавочку". Баронъ Брунновъ, не питавшій никакого расположенія къ королю Французовъ, узнавъ про это изрѣченіе, съ восторгомъ воскликнулъ: „Это выраженіе (короля) суверееннымъ образомъ буржуазно, по буржуазнымъ образомъ остроумно". (Донесеніе Бруннова отъ 10 (22) декабря 1843 года).

Такое восклицаніе Бруннова было также крикомъ радости по случаю закрытія Лондонской конференціи по дѣламъ Греціи. Въ продолженіе многихъ лѣтъ эта конференція должна была устраивать дѣла греческаго королевства, которыя постоянно приходили все въ бо́льшее разстройство. Данная Грекамъ, по настояніямъ Франціи и Англіи, либеральная конституція оказалась совершенно несоотвѣтствующею политическому развитію греческаго народа. Правительство короля Оттона оказалось рѣшительно неспособнымъ управлять дѣлами этого молодого государства. Хроническая пустота

*

royaume. La pénurie chronique du trésor grec obligeait les trois grandes Puissances protectrices de venir en aide à la Grèce, en se chargeant de garantir l'emprunt qu'elle concluait. Enfin lorsque le fisc hellénique n'était pas en mesure de servir les intérêts de l'emprunt et l'amortissement aux termes fixés au tirage, les gouvernements de Russie, d'Angleterre et de France devaient verser les sommes exigées. Toutes ces questions étaient traitées à la conférence diplomatique de Londres.

L'acte ci-dessous, basé sur les décisions de cette conférence et signé à Athènes, consacre les droits et les obligations des trois Puissances protectrices d'une part, et ceux de la Grèce — de l'autre.

греческой государственной казны заставила три великія державы-покровительницы придти на помощь Греціи посредствомъ поручительства за заключенный ею заемъ. Наконецъ, когда греческая казна не въ состояніи была платить проценты по займу и погашать его въ установленные тиражные сроки, русское, англійское и французское правительства должны были внести требуемыя суммы. Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ происходили разсужденія на Лондонской дипломатической конференціи.

Нижеслѣдующій актъ, основанный на рѣшеніяхъ этой конференціи и подписанный въ Аѳинахъ, утверждаетъ взаимныя права и обязанности трехъ державъ-покровительницъ, съ одной стороны, и Греціи, съ другой.

S. M. le Roi de la Grèce, de concert avec S. M. le Roi des Français, S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande et S. M. l'Empereur de toutes les Russies, reconnaissant l'utilité de compléter et de mieux définir les dispositions nécessaires pour donner un plein et entier effet aux engagements qui résultent de l'Article XII de la Convention conclue à Londres le 7 mai 1832, relative à l'emprunt contracté par le gouvernement grec sous la garantie de la France, de la Grande Bretagne et de la Russie;

Leurs Majestés ont résolu de conclure entre elles, dans ce but, une convention spéciale et ont nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires savoir:

S. M. le Roi de la Grèce,

le sieur Jacques Rizo Néroulos, son Secrétaire d'Etat au Département de la Maison Royale et des relations extérieures, commandeur de son ordre royal du Sauveur etc.;

et le sieur Georges Rhallis, son Secrétaire d'Etat au Département des

Е. В. Греческій Король, по соглашенію съ Е. В. Королемъ Французовъ, Е. В. Королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ, нашелъ полезнымъ дополнить и точнѣе опредѣлить мѣропріятія, необходимыя для полнаго и совершеннаго дѣйствія обязательствъ, вытекающихъ изъ статьи XII конвенціи, заключённой въ Лондонѣ 7-го мая 1832 года, по предмету займа, сдѣланнаго греческимъ правительствомъ за поручительствомъ Франціи, Великобританіи и Россіи.

Съ этою цѣлью Ихъ Величества рѣшили заключить особенную конвенцію и на сей конецъ назначили своими уполномоченными:

Е. В. Греческій Король:

Іакова Ризо Нерулоса, своего статсъ секретаря Департамента королевскаго Двора и внѣшнихъ сношеній, командора королевскаго ордена Спасителя и т. д.

и Георга Ралли, своего статсъ-секретаря Департамента Финансовъ, ко-

Finances, commandeur de son ordre royal du Sauveur;

S. M. le Roi des Français,

le sieur Ch. Piscatory, chevalier de son ordre royal de la Légion d'Honneur etc., son Ministre plénipotentiaire près S. M. le Roi de la Grèce;

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande,

sir Edmund Lyons, Baronet du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, commandeur de l'ordre royal de Hanovre (des Guelphes), et son Ministre plénipotentiaire près S. M. le Roi de la Grèce;

Et S. M. l'Empereur de toutes les Russies,

le sieur Gabriel de Catacazy, son Conseiller privé, Envoyé extraordinaire près S. M. le Roi de la Grèce, chevalier des ordres: de S-te Anne de 1-re classe etc;

Lesquels, après s'être communiqué leurs pleins pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et signé les articles suivants:

Article I.

Le payement des intérêts et du fond d'amortissement de l'emprunt grec, garanti par les trois Puissances, s'élevant à la somme de 3.635,922 francs par an, payables en deux semestres de mars et de septembre, S. M. le Roi de la Grèce s'engage à affecter spécialement au service du dit emprunt les recettes effectives du Trésor grec, provenant de la perception des droits de douane et du timbre. Ces recettes seront mises à part au fur et à mesure de leur rentrée, et ne pourront être employées à aucun

мандора королевскаго ордена Спасителя;

Е. В. Король Французовъ:

Ш. Пискатори, кавалера королевскаго ордена Почетнаго Легіона и т. д., своего полномочнаго министра при Е. В. Греческомъ Королѣ;

Е. В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи:

сэра Эдмунда Лайонса, баронета Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, командора королевскаго ордена Ганновера (Гвельфовъ) и своего полномочнаго министра при Е. В. Греческомъ Королѣ;

и Е. В. Императоръ Всероссійскій:

Гавріила Катакази, своего тайнаго совѣтника, чрезвычайнаго посланника при Е. В. Греческомъ Королѣ, кавалера орденовъ Св. Анны 1-й степени и др.,

которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, постановили и подписали слѣдующія статьи:

Статья I.

Въ обезпеченіе уплаты процентовъ и погашенія гарантированнаго тремя Державами греческаго займа, которые составляютъ 3.635.922 франка въ годъ, выплачиваемые въ два срока, въ мартѣ и сентябрѣ, Е. В. Греческій Король обязуется специально назначить поступающіе въ греческое казначейство доходы отъ таможенныхъ и гербовыхъ пошлинъ. Эти доходы будутъ откладываемы по мѣрѣ ихъ поступленія и не могутъ быть употреблены ни на какую другую надобность, пока платежи по

autre usage, tant que le service de l'emprunt n'aura pas été complétement assuré pour l'année courante.

Article II.

Dans le cas où les recettes spécifiées à article I seraient insuffisantes pour couvrir en entier le service de l'emprunt, le gouvernement grec aura soin d'y suppléer en tenant en réserve à cet effet une partie du produit des taxes directes, nommément de l'impôt des patentes et des impôts fonciers.

Article III.

La maison Rothschild à Paris étant chargée par le gouvernement grec de pourvoir en son nom, au service du dit emprunt, il est convenu qu'elle désignera à Athènes un Agent spécial, entre les mains duquel le gouvernement grec remettra les recettes spécifiées à l'article I, au fur et à mésure de leur rentrée, pour être transmises successivement à la dite maison, afin qu'elle soit nantie à temps des fonds nécessaires pour effectuer régulièrement le payement des intérêts et du fond d'amortissement de l'emprunt grec, à l'échéance de semestres de mars et de septembre.

Article IV.

Les représentants des trois Cours à Athènes étant, en vertu de l'article XII du Traité du 7 mai 1832, spécialement chargés de veiller à l'accomplissement des stipulations contenues dans les trois articles précédents, S. M. le Roi de la Grèce chargera son Ministère d'offrir

займу не будутъ полностью обезпечены па текущій годъ.

Статья II.

Въ случаѣ если означенные въ статьѣ I доходы окажутся недостаточными для полнаго покрытія платежей по займу, то греческое правительство озаботится пополненіемъ ихъ, отдѣливъ для этой цѣли въ запасъ часть дохода отъ прямыхъ налоговъ, а именно: патентнаго и съ недвижимой собственности.

Статья III.

Парижскому дому Ротшильда, коему греческое правительство поручило производить за него платежи по упомянутому долгу, предоставляется назначить въ Аѳины специіальнаго агента, коему греческое правительство будетъ вносить означенные въ статьѣ I доходы, по мѣрѣ ихъ поступленія, для постепенной передачи ихъ названному дому, дабы онъ заблаговременно былъ снабженъ необходимыми фондами для правильнаго производства уплаты процентовъ и погашенія по греческому займу при наступленіи мартовскаго и сентябрскаго сроковъ.

Статья IV.

Такъ какъ представители трехъ Дворовъ въ Аѳинахъ, въ силу статьи XII трактата 7 мая 1832 года, являются спеціально уполномоченными для наблюденія за исполненіемъ постановленій, содержащихся въ трехъ предшествующихъ статьяхъ, то Е. В. Грече-

à ces représentants tous les renseignements dont ils pourront avoir besoin pour s'assurer régulièrement de la mise à exécution des arrangements ci-dessus indiqués.

скій король возложитъ на свое министерство доставленіе этимъ представителямъ всѣхъ свѣдѣній, въ коихъ они могутъ имѣть надобность для надлежащаго удостовѣренія въ исполненіи вышеозначенныхъ постановленій.

Article V.

Les remboursements des avances faites par les trois Cours pour le service de l'emprunt grec s'effectuera de la manière suivante:

Par une ordonnance royale S. M. le Roi de la Grèce autorisera son Ministère des Finances à déposer entre les mains des représentants de trois Cours à Athènes, des bons du Trésor grec, échéants de mois en mois, jusqu'à la concurrence de la somme dont chacune des trois Cours aura fait temporairement l'avance pour compte du gouvernement grec.

Ces bons porteront 5 pour cent d'intérêt à dater du jour où l'avance aura été faite jusqu'à celui de leur acquittement.

Le produit des salines est spécialement affecté au remboursement de cette dette de l'Etat.

Afin de géner le moins possible la marche de l'administration, les représentants des trois Cours à Athènes s'entendront avec le Ministre des Finances pour fixer d'un commun accord l'époque à laquelle les bons mensuels déposés entre leurs mains devront être graduellement réalisés.

Il est entendu que le montant des remboursements à effectuer d'après le mode établi ci-dessus sera reparti en proportion égale entre les trois Cours.

Статья V.

Уплата сдѣланныхъ тремя Дворами авансовъ въ счетъ платежей по греческому займу будетъ произведена слѣдующимъ образомъ.

Королевскимъ указомъ Е. В. Греческій Король уполномочитъ свое министерство финансовъ выдать представителямъ трехъ Дворовъ въ Аѳинахъ свидѣтельства на греческое казначейство, погашаемыя помѣсячно, на всю сумму, которую каждый изъ трехъ Дворовъ временно уплатилъ за счетъ греческаго правительства.

Эти свидѣтельства будутъ приносить 5 процентовъ дохода, считая со дня выдачи аванса до дня его погашенія.

На уплату сего государственнаго долга спеціально назначаются доходы съ солеваренъ.

Для возможно меньшаго стѣсненія хода администраціи представители трехъ Дворовъ въ Аѳинахъ войдутъ въ соглашеніе съ министромъ финансовъ для опредѣленія, съ общаго согласія, времени постепенной реализаціи выданныхъ имъ мѣсячныхъ свидѣтельствъ.

При семъ разумѣется, что сумма имѣющихъ воспослѣдовать вышесказаннымъ образомъ платежей, будетъ распредѣлена въ равныхъ частяхъ между тремя Дворами.

Article VI.

La présente convention sera ratifiée et les ratifications en seront échangées à Athènes dans l'espace de deux mois ou plutôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Athènes, le 2 (14) septembre 1843.

(L. S.) J. Rizo. (L. S.) Catacazy.
(L. S.) Ch. Piscatory.
(L. S.) G. Rhallis.
(L. S.) Edmund Lyons.

№ 453.

1850, 21 juillet (2 août). Protocole de la conférence de Londres au sujet de l'intégrité de la monarchie Danoise, signé par les plénipotentiaires de la Russie, de l'Angleterre, de l'Autriche, du Danemark, de la France, de la Suède et de la Norvège.

Le 11 (23) janvier 1844 le baron Brunnow dînait chez lord Aberdeen, ministre des affaires étrangères d'Angleterre. Il avait pour voisin de table sir Robert Peel, premier-ministre à cette époque. Celui-ci exprimait au représentant de Russie son vif désir de voir l'Empereur Nicolas I visiter l'Angleterre.

A cette même date l'Empereur Nicolas I entretenait à St. Pétersbourg lord Bloomfield, ministre d'Angleterre, de son projet de se rendre en Angleterre. Cette coïncidence remarquable devait nécessairement être un pronostic favorable pour un événement qui s'est accompli en effet en mai 1844.

Dans sa conversation avec le ministre d'Angleterre l'Empereur exprimait sa haute satisfaction au sujet de l'accueil si éclatant dont son auguste frère, le grand-duc Michel Pavlovitch fut l'objet, durant son séjour en Angleterre. Il ajoutait en même temps qu'il serait heureux lui-même de faire une visite à la jeune reine et de voir l'Angleterre, dont il a

Статья VI.

Настоящая конвенція будетъ ратификована и ратификаціи будутъ размѣнены въ Аѳинахъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ или, если возможно, и ранѣе.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Аѳинахъ, 2-го (14-го) сентября 1843 года.

(М. П.) І. Ризо. (М. П.) Катакази.
(М. П.) Ш. Пискатори.
(М. П.) Г. Ралли.
(М. П.) Эдмундъ Лайонсъ.

№ 453.

1850 г., іюля 21-го (августа 2-го). Протоколъ Лондонской конференціи относительно неприкосновенности Датской монархіи, подписанный уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи, Даніи, Франціи, Швеціи и Норвегіи.

11-го (23-го) января 1844 года баронъ Брунновъ обѣдалъ у англійскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, лорда Эбердина. Сосѣдомъ русскаго посланника за столомъ былъ сэръ Робертъ Пиль, тогдашній премьеръ-министръ. Послѣдній высказалъ посланнику свое горячее желаніе, чтобъ Императоръ Николай I посѣтилъ Англію.

Въ тотъ же самый день, въ С.-Петербургѣ, Императоръ выразилъ англійскому посланнику лорду Блумфильду, свое намѣреніе посѣтить Англію. Такое удивительное совпаденіе должно было служить счастливымъ предзнаменованіемъ событія, которое дѣйствительно совершилось въ маѣ 1844 года.

Николай I, въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ, выразилъ свое удовольствіе по случаю блестящаго пріема, оказаннаго въ 1843 году его августѣйшему брату, В. К. Михаилу Павловичу, во время пребыванія его въ Англіи. При этомъ случаѣ Государь прибавилъ, что онъ самъ охотно посѣтилъ бы молодую англійскую королеву и Англію, о которой у

conservé les meilleurs souvenirs après son premier voyage. Bloomfield fit part de cet entretien à lord Aberdeen, qui s'empressa de porter ce fait à la connaissance de la reine. Celle-ci donna aussitôt l'ordre d'informer son agent à St. Pétersbourg qu'elle serait très heureuse de voir l'Empereur en Angleterre. Selon les paroles de lord Aberdeen, cette visite serait le moyen le plus efficace de confirmer „l'entente cordiale avec la Russie". (Rapport du baron Brunnow du 22 février (5 mars) 1844).

C'est dans ces conditions que fut arrêté en principe le projet de voyage de l'Empereur Nicolas en Angleterre. Il est hors de doute que la première pensée en fut donnée par sir Robert Peel qui, dans un brillant discours au dîner annuel de la Société „The Russia Company", énonça le voeu que le Tsar de Russie visitât l'Angleterre. Il termina son discours par un toast „for perpetual amity between Great Britain and Russia". Lord Aberdeen saisit cette idée avec empressement dans l'espoir que la seule présence de l'Empereur Nicolas à Londres suffirait pour mettre fin à toutes les „sottises polonaises", en comprenant sous ce terme les menées des émigrés contre le gouvernement russe.

Au commencement d'avril le baron Brunnow était en mesure d'informer le gouvernement anglais que l'Empereur acceptait l'aimable invitation de la reine, mais sous une double réserve: premièrement, il désirait faire ce voyage sans observation d'étiquette et, si possible, en *incognito* et secondement, il ne saurait prolonger son séjour en Angleterre au-delà de 10 jours.

La reine Victoria éprouva une véritable satisfaction au reçu de cette nouvelle. Elle prit elle-même les dispositions au sujet de l'appartement destiné à l'Empereur au palais de Buckingham et entrait dans tous les détails. Elle le fit seulement prier de ne pas arriver avant la fin du mois de mai espérant qu'à ce terme ses couches seraient heureusement terminées.

L'Empereur Nicolas I arriva à Woolwich le 20 mai (1 juin), où selon son désir aucune réception officielle ne fut préparée. Le baron Brunnow avec le personnel de la légation et quelques représentants des autorités anglaises de second ordre y étaient seuls présents. De Woolwich l'Empereur se rendit à Asburnhamhouse qui à cette époque était le siège de la légation de Russie. Il y passa deux jours. Le lendemain de son arrivée il écrivit au prince Albert pour lui demander quand il lui serait

него сохранились самыя лучшія воспоминанія отъ перваго его путешествія. Блумфильдъ донесъ о своемъ разговорѣ съ Царемъ лорду Эбердину, который тотчасъ сообщилъ о немъ королевѣ. Послѣдняя приказала немедленно написать посланнику, что она была бы очень счастлива видѣть русскаго Царя въ Англіи. По словамъ лорда Эбердина, такая поѣздка наилучшимъ образомъ подтвердила бы „сердечное согласіе съ Россіею". (Донесеніе барона Бруннова отъ 22-го февраля (5-го марта) 1844 года).

Такимъ образомъ устроилась поѣздка Императора Николая I въ Англію. Первоначальная мысль о ней была, безъ всякаго сомнѣнія, подана сэромъ Робертомъ Пилемъ, который, въ блестящей рѣчи на ежегодномъ обѣдѣ компаніи „The Russia Company", высказалъ желаніе, чтобъ русскій Царь посѣтилъ Англію. Свою рѣчь онъ окончилъ тостомъ „за вѣчную дружбу между Великобританіею и Россіею". Лордъ Эбердинъ съ жаромъ ухватился за эту мысль, въ надеждѣ, что присутствіе Императора Николая I въ Лондонѣ достаточно будетъ для уничтоженія всѣхъ „польскихъ глупостей", подразумѣвая подъ послѣдними агитацію польскихъ выходцевъ противъ русскаго правительства.

Въ началѣ апрѣля баронъ Брунновъ могъ сообщить англійскому правительству, что Императоръ принимаетъ любезное приглашеніе королевы Викторіи, но только подъ двумя условіями: во-первыхъ, онъ желаетъ путешествовать безъ особеннаго церемоніала и, по возможности, съ соблюденіемъ incognito, и во-вторыхъ, онъ не можетъ остаться въ Англіи болѣе 10 дней.

Королева Викторія видимо обрадовалась этому извѣстію. Она сама занялась устройствомъ для Государя покоевъ въ Бэкингемскомъ дворцѣ и входила во всѣ подробности. Только объ одномъ она просила Царя: не пріѣзжать раньше конца мая мѣсяца, ибо до этого срока она надѣялась благополучно разрѣшиться отъ бремени.

20-го мая (1-го іюня) Императоръ Николай I прибылъ въ Вулвичъ, гдѣ, по желанію его, не было никакого пріема. Были на пристани только баронъ Брунновъ съ членами миссіи и нѣкоторые представители англійскихъ властей второго ранга. Государь изъ Вулвича поѣхалъ въ Asburnhamhouse, гдѣ въ то время помѣщалась императорская миссія. Тутъ онъ провелъ двое сутокъ. На другой день, послѣ пріѣзда, Государь написалъ письмо принцу Альберту, чтобъ его спросить, когда онъ можетъ видѣть коро-

possible de voir la reine. Le prince Albert se rendit aussitôt à la légation de Russie pour se présenter à l'Empereur. Le lendemain le prince vint chercher Sa Majesté et ils se rendirent ensemble à Buckingham-Palace où la reine descendit pour recevoir son auguste hôte sur le perron de l'escalier. Toutefois l'Empereur déclina l'aimable proposition de la reine d'habiter son palais. Mais il consentit à se rendre à Windsor où il demeura au palais du 3 au 7 juin.

Durant ce court séjour en Angleterre l'Empereur Nicolas I réussit à charmer tout le monde par sa courtoisie chevaleresque et son air majestueux. Il a non seulement gagné par son abord aimable les sympathies de la reine, du Prince-consort et de tous les hommes politiques éminents de l'Angleterre avec lesquels il cherchait à se rapprocher et à entrer dans un échange d'idées, mais il fit en même temps une profonde impression sur la nation anglaise qui en foule le suivait dans les rues avec des manifestations d'enthousiasme. Il se fit un devoir de faire des visites aux dames de la haute société anglaise telles que lady Robert Peel, Palmerston, Canning, Clanrikarde et autres. La générosité toute Impériale du Souverain produisait une forte impression sur la société anglaise. Il remit au duc de Wellington 500 l. st. pour le monument de Nelson. Il fit don de la même somme pour constituer un prix annuel aux courses anglaises d'Ascott auxquelles il assista en personne. D'autres sommes considérables furent offertes en don à différentes institutions de bienfaisance et d'utilité publique en Angleterre.

On ne saurait ne pas constater que durant le séjour de l'Empereur à Londres „les sottises polonaises“ n'aient eu en quelque sorte un temps d'arrêt. A l'exception de l'attentat du comte Ojarowsky qui a vainement cherché à pénétrer jusqu'à l'Empereur en subornant les laquais de la Cour, il n'y a pas eu de démonstrations hostiles et inconvenantes de la part des Polonais et de leurs protecteurs.

On est porté à se demander quelle influence politique produisirent cette visite de l'Empereur Nicolas I à la reine et son séjour en Angleterre?

Dans une lettre détaillée au comte A. Th. Orlow, en date du 6 (18) juin 1844, le baron Brunnow se charge de répondre à cette question. D'après les assurances du ministre, l'Empereur produisit une immense impression en premier

леву. Тогда принцъ Альбертъ немедленно пріѣхалъ въ русскую миссію, чтобъ лично представиться Царю. На слѣдующій день принцъ Альбертъ пріѣхалъ за Государемъ и они вмѣстѣ поѣхали въ Buckingham Palace, гдѣ королева Викторія встрѣтила своего августѣйшаго гостя внизу, на площадкѣ лѣстницы. Но Государь отклонилъ любезное предложеніе королевы жить въ ея дворцѣ. За то онъ согласился переѣхать въ Виндзоръ, гдѣ онъ жилъ, въ королевскомъ дворцѣ, съ 3-го по 7-е іюня.

Въ продолженіе своего кратковременнаго пребыванія въ Лондонѣ Императоръ Николай I рѣшительно всѣхъ обворожилъ своею рыцарскою любезностью и царскимъ величіемъ. Онъ не только очаровалъ своею сердечною любезностью королеву Викторію, ея супруга и наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей тогдашней Великобританіи, съ которыми онъ старался сблизиться и вступить въ обмѣнъ мыслей. Онъ не только дѣлалъ визиты дамамъ высшаго англійскаго общества, какъ лэди Пиль, Пальмерстонъ, Каннингъ, Кланрикардтъ и другія. Но онъ также производилъ огромное впечатлѣніе на англійскій народъ, толпы котораго его провожали на улицахъ съ изъявленіями своего восторга. На англійское общество произвела громадное впечатлѣніе царская щедрость русскаго Государя. Онъ передалъ герцогу Веллингтону 500 ф. ст. на памятникъ Нельсону; онъ столько же пожертвовалъ на ежегодный призъ на Аскотскихъ скачкахъ, на которыхъ онъ лично присутствовалъ. Другія значительныя суммы были пожертвованы имъ на разныя благотворительныя и общеполезныя учрежденія въ Англіи.

Нельзя не сказать, что въ продолженіе пребыванія Государя въ Лондонѣ дѣйствительно прекратились „польскія глупости“. За исключеніемъ покушенія графа Ожаровскаго, неудачно пытавшагося, посредствомъ подкупа придворныхъ лакеевъ, добраться до Государя, не было никакихъ неприличныхъ или враждебныхъ демонстрацій со стороны Поляковъ или ихъ доброжелателей.

Теперь спрашивается: какое политическое дѣйствіе произвело посѣщеніе Императоромъ Николаемъ I англійской королевы Викторіи и Англіи?

На этотъ вопросъ даетъ пространный отвѣтъ письмо барона Бруннова къ графу А. Ѳ. Орлову отъ 6-го (18-го) іюня 1844 года. По словамъ Бруннова, Императоръ произвелъ огромное впечатлѣніе, прежде всего, на королеву, которая

lieu sur la reine qui cette fois-ci „n'a pas montré la confiance d'elle-même qu'on a toujours reconnue en elle dans toute autre occasion". Elle s'est persuadée elle même qu'elle „était intimidée" et ce fait explique les sentiments de gêne et le manque d'assurance qu'on pouvait observer chez elle durant les premiers jours après l'arrivée de l'Empereur. Grâce au bon sens qui lui est propre la reine n'a pas mis beaucoup de temps pour décider la question, si elle devait aimer ou haïr le Tsar de Russie? Ce qui contribua notablement à une résolution favorable c'était le rapprochement sincère qu'elle avait remarqué entre l'Empereur et le prince Albert. „Son amour-propre de femme, et de femme sincèrement dévouée, s'est senti flatté des témoignages d'affection que l'Empereur n'a cessé de donner à ce jeune prince. Elle en a été vivement touchée, et cela d'autant plus que la haute aristocratie anglaise, inquiète de l'ascendant du prince Albert le regarde souvent avec un mélange de jalousie et de froideur".

Dans ces conditions, à la fin du séjour de l'Empereur, la reine Victoria reprit toute la confiance en elle-même qui lui était propre et qu'elle semblait avoir complètement perdue au commencement. Lord Aberdeen constatait avec satisfaction l'immense influence, très favorable, que l'Empereur exerçait sur la jeune reine et exprimait l'espoir qu'elle serait durable. La reine, aussi bien que lord Aberdeen parlaient avec un enthousiasme sincère de la lettre que l'Empereur lui avait adressée de La Haye, à son retour d'Angleterre, pour lui exprimer sa gratitude de son hospitalité.

En effet, on ne saurait ne pas partager l'avis de lord Aberdeen qu'il serait difficile de se représenter une lettre „mieux pensée et mieux écrite" que la lettre autographe de l'Empereur du 30 mai (12 juin) 1844.

„Mes sentiments pour la belle Angleterre sont connus, depuis près de trente ans, les plus beaux souvenirs de ma jeunesse s'y attachaient, comment ne serai-je pas heureux d'y avoir retrouvé la même bienveillance dans la Souveraine et tous ses sujets. Vous dire, Madame, que mon attachement et ma reconnaissance vous sont voués à la vie, c'est vous confesser la pensée intime de mon âme; daignez donc compter sur moi, comme j'ose croire à l'amitié de Votre Majesté, et que ces sentiments là, Madame, soyent la garantie de bonnes et loyales relations entre

въ данномъ случаѣ „не выказала той самоувѣренности, которая признавалась за нею всегда во всѣхъ другихъ случаяхъ". Она сама убѣдилась въ своей робости. Этимъ обстоятельствомъ объясняются тѣ чувства стѣсненія и неувѣренности, которыя можно было наблюдать въ ней въ первые дни пребыванія Государя. Но благодаря свойственной королевѣ разсудительности, она весьма скоро безповоротно рѣшила вопросъ: любить-ли ей или ненавидѣть русскаго Царя? Благопріятному рѣшенію этого вопроса въ значительной степени содѣйствовало замѣченное ею искреннее сближеніе между Царемъ и ея супругомъ. „Ея самолюбіе какъ женщины и жены, искреннѣйше преданной мужу, было польщено тѣми доказательствами расположенія, которыя Государь не переставалъ давать молодому принцу. Она была этимъ чрезвычайно тронута, тѣмъ болѣе, что высшая англійская аристократія, тревожась вліяніемъ принца Альберта, часто на него смотритъ съ смѣшаннымъ чувствомъ ревности и непріязни".

При такихъ обстоятельствахъ королева Викторія, къ концу пребыванія Государя, возвратила себѣ свою естественную самоувѣренность, которую она вначалѣ совершенно потеряла. Лордъ Эбердинъ съ удовольствіемъ констатировалъ огромное и „счастливое" вліяніе, произведенное на молодую королеву Царемъ, и онъ выражалъ надежду, что оно не будетъ преходящимъ. Какъ королева Викторія, такъ и лордъ Эбердинъ съ искреннимъ восторгомъ отзывались о письмѣ Государя, написанномъ имъ королевѣ изъ Гааги, на обратномъ пути изъ Англіи, чтобъ еще разъ выразить свою признательность за оказанное ему гостепріимство.

И дѣйствительно, нельзя не согласиться съ лордомъ Эбердиномъ, что трудно себѣ представить письмо „лучше продуманное и лучше написанное", чѣмъ это собственноручное письмо Государя отъ 30-го мая (12-го іюня) 1844 года.

„Мои чувства къ прекрасной Англіи извѣстны въ продолженіе почти тридцати лѣтъ; наиболѣе пріятныя воспоминанія моей юности съ нею связаны. Какъ же не быть мнѣ счастливымъ, найдя тамъ снова ту же самую благосклонность какъ въ королевѣ, такъ и въ ея подданныхъ. Высказывая вамъ, Государыня, что моя преданность и моя признательность принадлежатъ вамъ на всю мою жизнь, я только открываю вамъ истинную мысль моей души. Соблаговолите же положиться на меня, какъ я осмѣливаюсь вѣрить въ дружбу Вашего

nos deux pays pour la paix du monde et la prospérité générale, et au besoin pour la terreur de ceux qui voudraient tenter de la troubler, et que Dieu m'entende!»

Si la reine Victoria conservait une profonde impression de ses relations personnelles avec l'Empereur de Russie, le prince Albert fut pour sa part, comme l'assurait le baron Brunnow, charmé par la courtoisie exquise de l'hôte auguste de l'Angleterre. L'Empereur eut avec lui un échange d'idées prolongé sur toutes les questions politiques du jour. Il s'énonça en outre vis-à-vis de lui avec une entière franchise au sujet de la mort imminente de „l'homme malade“ sur le Bosphore et lui signalait un accord entre la Russie et l'Angleterre comme très désirable dans l'éventualité de cette catastrophe qui semblait inévitable.

L'Empereur Nicolas I se livrait à des épanchements analogues dans ses entretiens avec les hommes dirigeants de l'Angleterre tels que Robert Peel, lord Aberdeen et lord Palmerston. Cette franchise n'atteint pas le but désiré. Tout au contraire, elle inspira aux hommes politiques en Angleterre une certaine méfiance au sujet des visées de la politique russe en Orient. La guere de Crimée n'était qu' une suite inévitable de cette franchise dangereuse au sujet de modes de solution de la fameuse question d'Orient. Aussi est-il préférable de tenir en réserve son mode de solution et de l'appliquer avec succés dans le cas, où les événements politiques prévus de longue date venaient à se réaliser.

Quoiqu'il en soit, le prince Albert qui exerçait sur la politique anglaise une influence de jour en jour plus accentuée, fut flatté de la franchise et des bonnes dispositions à son égard de l'Empereur de Russie qui en imposait à l'Europe entière. Plus la société anglaise se montrait malveillante à son égard, plus il ajoutait de prix aux preuves de confiance que lui donnait l'Empereur. Lorsque ce Souverain daigna conférer au prince de Galles, âgé seulement de cinq ans, les insignes de l'ordre de St. André, le prince Albert ne dissimulait pas sa satisfaction surtout lorsqu'il avait remarqué, comme l'assurait le baron Brunnow, que le jeune prince au moment où il avait été revêtu de cet ordre le plus élevé en Russie, u en a témoigné sa joie avec beaucoup de vivacité et a parfaitement compris qu'il le devait aux bontés de Sa Majesté l'Empereur“. Il

Величества. Да пребудутъ эти чувства, Государыня, порукою добрыхъ и лояльныхъ отношеній между нашими государствами на благо всеобщаго мира и благосостоянія и, въ случаѣ надобности, на страхъ тѣмъ, которые намѣрены посягнуть на нихъ. Да услышитъ меня Боже“!

Если королева Викторія вынесла глубокое впечатлѣніе изъ личнаго знакомства съ русскимъ Царемъ, то, по словамъ барона Бруннова, принцъ Альбертъ былъ вполнѣ очарованъ изысканною любезностью царственнаго гостя Англіи. Государь имѣлъ съ нимъ продолжительный обмѣнъ мыслей о всѣхъ текущихъ политическихъ вопросахъ. Онъ ему совершенно откровенно высказался насчетъ неминуемой смерти „больного“ на берегахъ Босфора и указалъ на желательность соглашенія между Россіею и Англіею на случай наступленія этой неизбѣжной катастрофы.

Въ такія же откровенности вступалъ Императоръ Николай I въ бесѣдахъ съ руководящими государственными людьми Англіи, какъ-то: съ Пилемъ, лордомъ Эбердиномъ и лордомъ Пальмерстономъ. Но эти откровенности не достигали желанной цѣли. Напротивъ, онѣ вселяли въ англійскихъ политическихъ дѣятелей естественную подозрительность насчетъ цѣлей восточной политики Россіи. Крымская война явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой опасной откровенности насчетъ способовъ разрѣшенія пресловутаго Восточнаго вопроса. Лучше держать свой способъ про себя и примѣнять его въ случаѣ наступленія давно ожидаемыхъ политическихъ обстоятельствъ.

Какъ бы то ни было, но принцъ Альбертъ, вліяніе котораго на англійскую политику увеличивалось съ каждымъ днемъ, былъ польщенъ откровенностью и расположеніемъ къ нему русскаго Царя, предъ могуществомъ котораго трепетала вся Европа. Чѣмъ недоброжелательнѣе къ принцу относилось высшее англійское общество, тѣмъ лестнѣе было для него довѣріе, выказанное ему Императоромъ. Когда Николай I пожаловалъ пятилѣтнему Валлійскому принцу знаки ордена Св. Андрея, принцъ Альбертъ не могъ скрыть своего удовольствія, въ особенности когда онъ увидѣлъ, по словамъ барона Бруннова, что принцъ-малютка, на котораго былъ возложенъ высшій русскій орденъ, „выражалъ свою радость съ большою живостью, понимая, что онъ обязанъ этою честью добротѣ Его Императорскаго Величе-

est rare de trouver chez un enfant de cinq ans cette faculté de comprendre la gravité d'une décoration conférée.

L'Empereur Nicolas I honora naturellement le duc de Wellington de sa visite et ne laissait échapper aucune occasion pour lui donner des témoignages de son respect. Il s'entretenait avec lui de toutes les questions politiques du jour et admirait sincèrement la fraîcheur de memoire et la force de raisonnement de cet éminent vieillard.

Sir Robert Peel éprouvait une satisfaction particulière au sujet de la visite du Tsar en Angleterre. Il se considérait en quelque sorte l'initiateur de cet événement qui s'est accompli au cours de son ministère. D'ailleurs l'Empereur le distinguait tout exclusivement et lui donnait des preuves de confiance très flatteuses en causant avec lui franchement de l'avenir de l'Empire Ottoman. L'Empereur produisit une impression encore plus forte sur lord Aberdeen, qui depuis lors devint un admirateur sincère du Tsar et un défenseur ardent de la politique russe. Lord Aberdeen assurait le baron Brunnow que depuis ce moment il avait une confiance entière dans l'Empereur et sa politique.

Toutefois, dans ses conversations politiques sur les questions du jour l'Empereur Nicolas ne crut pas devoir s'en tenir aux hommes qui se trouvaient au pouvoir à cette époque. Il ne laissait pas échapper l'occasion de se montrer aimable avec les membres de l'opposition dont les dispositions hostiles à son égard et à celui de la Russie lui étaient parfaitement connues. Ainsi il distingua tout particulièrement lord Palmerston. C'est à un raout chez la reine que le noble lord fut présenté à l'Empereur qui le distingua à la face de tout le monde et s'entretint avec lui d'une manière si gracieuse que lord Palmerston fut lui-même dans l'enchantement et disait ensuite au baron Brunnow qu'il a trouvé l'Empereur précisément tel comme il se l'était représenté.

Il est hors de doute que le voyage de l'Empereur en Angleterre y a laissé une trace profonde et qu'on en a ressenti les effets dans la suite à mainte occasion. Dans son discours du trône à l'ouverture de la session parlementaire de 1845 la reine a dit à ce sujet quelques paroles bien senties qui ont été très appréciées par l'Empereur. Le comte Nesselrode fut si satisfait de ce discours qu'il chargea le baron Brunnow de dire à lord Aberdeen que la seule crainte de

ства". Такое пониманіе важности пожалованнаго ордена не всегда встрѣчается у пятилѣтняго ребенка.

Императоръ Николай I, само собою разумѣется, осчастливилъ также герцога Веллингтона своимъ посѣщеніемъ и показывалъ, при всякомъ случаѣ, особенное къ нему уваженіе. Онъ съ нимъ бесѣдовалъ о всѣхъ текущихъ политическихъ вопросахъ и искренне удивлялся свѣжести памяти и силѣ логическаго мышленія маститаго старца.

Особенное удовольствіе по случаю посѣщенія Царемъ Англіи выражалъ сэръ Робертъ Пиль. Онъ былъ виновникомъ этого знаменательнаго событія и оно случилось во время его министерства. Сверхъ того, Императоръ оказывалъ ему лично совершенно исключительное вниманіе и чрезвычайно лестное довѣріе, бесѣдуя съ нимъ откровенно о будущей судьбѣ Оттоманской имперіи. Еще большее впечатлѣніе произвелъ Императоръ на лорда Эбердина, который съ того времени сталъ убѣжденнымъ поклонникомъ русскаго Царя и искреннимъ защитникомъ русской политики. Лордъ Эбердинъ сказалъ барону Бруннову, что отнынѣ онъ вполнѣ вѣритъ въ Императора и въ его политику.

Однако Императоръ Николай I не ограничился членами тогдашняго англійскаго правительства въ своихъ бесѣдахъ о политическихъ вопросахъ. Онъ не упускалъ случая, чтобъ выказать свою царскую любезность даже членамъ оппозиціи, которыхъ враждебное настроеніе противъ него и Россіи было ему доподлинно извѣстно. Такъ, онъ особенно отличилъ лорда Пальмерстона. На раутѣ у королевы ему былъ представленъ благородный лордъ, и Государь, въ присутствіи всѣхъ, столь его отличилъ и милостиво съ нимъ разговаривалъ, что самъ лордъ Пальмерстонъ былъ въ восторгѣ и впослѣдствіи сказалъ барону Бруннову, что онъ увидѣлъ Государя именно такимъ, какимъ онъ всегда его себѣ представлялъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что поѣздка Императора Николая I въ Англію оставила тамъ глубокій слѣдъ и впослѣдствіи неоднократно давала себя чувствовать. Въ рѣчи, которою королева въ 1845 году открыла сессію парламента, объ этомъ визитѣ было сказано нѣсколько прочувствованныхъ словъ, вызвавшихъ истинное удовольствіе Государя. Графъ Нессельроде былъ настолько доволенъ этою рѣчью, что поручилъ барону Бруннову сказать лорду Эбердину, что

blesser les moeurs anglaises l'empêchait de l'embrasser sur les deux joues. Ces paroles firent rire de bon coeur lord Aberdeen et plurent beaucoup à la reine.

Bientôt après l'Empereur, son jeune fils, le grand-duc Constantin, se rendit une seconde fois en Angleterre, à bord de la frégate le Ingermanland, sous pavillon du vice-amiral Th. Lutke. Le grand-duc visita l'Angleterre une première fois en 1844 et il y revint en juin 1845. A chacune de ces visites il fut l'objet de l'admiration générale par ses connaissances, son intelligence et son tact remarquable. Ainsi se trouvant à Alger il avait appris que les Français proclamaient que si la flotte russe s'alliait à celle de la France elles réussiraient à „balayer de la Méditerranée" les Anglais. Le grand-duc s'empressa aussitôt d'effacer l'effet de ces paroles en redoublant de courtoisie avec le consul anglais.

En général, les Souverains et les hommes politiques de l'Europe continentale visitèrent l'Angleterre en grand nombre dans le cours de l'année 1845. Le comte Nesselrode passa l'été à Brighton et se rendit également à Londres et à Windsor. Le roi des Français, le roi des Belges et celui des Pays-Bas ont été également les hôtes de la jeune reine. Celui-ci réussit à arriver à Londres le lendemain de l'arrivée du roi des Belges Léopold I. Lord Aberdeen eut toute la peine du monde de convaincre la reine de lui faire une réception convenable car elle estimait profondément son oncle, le roi Léopold, s'inspirait de ses conseils et partageait son animosité pour le roi des Pays-Bas. La reine se rendit au désir de lord Aberdeen, mais la haute société de Londres ne trouva pas moins qu'elle n'a pas été suffisamment aimable avec le roi de Hollande. (Lettre du baron Brunnow au comte Nesselrode du 31 juillet (12 août) 1845).

Le roi Louis Philippe arriva à Londres en octobre dans des conditions toutes particulières. Au mois d'août, l'hostilité entre la France et l'Angleterre s'était accentuée au point qu'une rupture paraissait imminente. Les prétextes ne manquaient pas. En premier lieu, le fameux incident du missionnaire anglais Pritchard à l'île de Taïti. (Voir *Calvo.* Droit international, t. III, pag. 233). En second lieu au Maroc les Français s'élevaient ouvertement contre l'influence anglaise. Ils allèrent jusqu'à bombarder Tanger. Ces conflits semblaient devoir ébranler pour

только уваженіе къ англійскимъ нравамъ мѣшаетъ ему разцѣловать его въ обѣ щеки. Это заявленіе вызвало искренній смѣхъ благороднаго лорда и чрезвычайно понравилось королевѣ.

Вслѣдъ за Императоромъ вторично прибылъ въ Англію молодой его сынъ, В. К. Константинъ Николаевичъ, на фрегатѣ „Ингерманландъ", находившемся подъ флагомъ вице-адмирала Ѳ. П. Литке. Великій Князь въ первый разъ былъ въ Англіи въ 1844 году. Во второй разъ — въ іюнѣ 1845 года. Оба раза онъ вызывалъ удивленіе всѣхъ своими познаніями, своимъ умомъ и своимъ замѣчательнымъ тактомъ. Когда онъ, напримѣръ, будучи въ Алжирѣ, узналъ, что Французы говорили: если русскій флотъ соединится съ французскимъ, то они вмѣстѣ „выметутъ отъ Англичанъ все Средиземное море", то парализовалъ дѣйствіе этихъ словъ особенно милостивымъ обращеніемъ съ англійскимъ консуломъ.

Вообще въ 1845 году Англію посѣщали одинъ за другимъ монархи и государственные люди континентальной Европы. Былъ тамъ Вице-Канцлеръ графъ Нессельроде, который провелъ лѣто въ Брайтонѣ, но также посѣтилъ Лондонъ и Виндзоръ. Были въ гостяхъ у молодой королевы короли французскій, бельгійскій и голландскій. Послѣдній даже ухитрился пріѣхать въ Лондонъ на другой день по пріѣздѣ туда же короля Бельгійцевъ, Леопольда I. Не мало стоило труда лорду Эбердину уговорить королеву Викторію, почитавшую своего дядю и совѣтника, Леопольда, и, слѣдовательно, раздѣлявшую ненависть его къ нидерландскому королю, принять хорошо послѣдняго. Королева исполнила желаніе лорда Эбердина, но высшее англійское общество всетаки находило, что королева недостаточно была любезна съ королемъ нидерландскимъ. (Письмо барона Бруннова къ графу Нессельроде отъ 31-го іюля (12-го августа) 1845 года).

Въ октябрѣ прибылъ въ Англію король Луи Филиппъ при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ. Въ августѣ взаимныя отношенія между Англіею и Франціею обострились настолько серьезно, что война казалась совершенно неизбѣжною. Поводовъ для разрыва было нѣсколько. Во-первыхъ, знаменитое дѣло англійскаго миссіонера Притчарда на островѣ Таити. (См. *Calvo.* Droit international, t. III, p. 233). Во-вторыхъ, въ Марокко Французы открыто возстали противъ англійскаго вліянія. Они даже бомбардировали Танжеръ. Эти столкно-

longtemps l'amitie entre les deux Puissances maritimes. L'affaire Pritchard, en particulier, agita les esprits à un haut degré en Angleterre.

L'Empereur Nicolas I fit de sa propre main l'annotation suivante en russe, très caracteristique sur le rapport du baron Brunnow du 8 (20) août 1845, qui exposait les péripéties de ces tiraillements entre la France et l'Angleterre:

„Pendant mon séjour en Angleterre il m'a été facile d'observer que déjà à cette époque l'amitié avec la France était *illusoire* et qu'il ne s'en fallait que d'un cheveu pour une rupture définitive; je me bornais naturellement à écouter, à me taire et à rire!"

„Tels sont les fruits *d'une perfidie* *) de quatorze ans".

Toutefois, ces tiraillements entre la France et l'Angleterre se dissipèrent d'une manière tout-à-fait satisfaisante. L'Angleterre obtint entière satisfaction dans l'affaire Pritchard après la retraite de Thiers, et un traité de paix fut conclu entre la France et le Maroc qui n'était pas hostile aux intérêts de l'Angleterre.

Ce n'est qu'après le réglement de ces conflits que le roi Louis Philippe jugea possible de faire une visite à la reine d'Angleterre. Le baron Brunnow communique quelques détails intéressants sur le séjour du roi des Français en Angleterre.

Le roi évita de se montrer à Londres, il n'a été qu'à Windsor, redoutant quelque démonstration hostile de la part de la population de la capitale. Il déclina également la revue des troupes qu'on se proposait d'organiser en son honneur. Par contre, il ne cessait de prononcer des discours en réponse aux adresses que lui remettaient différentes députations. Ces discours produisaient de l'effet, car il avait le don de la parole. Il s'appliquait sans cesse à dévélopper deux thèses: de la nécessité de la paix et de l'amitié entre la France et l'Angleterre, et de l'hospitalité des Anglais qu'il plaçait au-dessus de tout éloge.

Toutefois, les discours du roi provoquaient souvent des observations critiques en Angleterre et particulièrement dans les organes de la presse. Les Anglais semblaient ne pas oublier que cette hospitalité, tant vantée par Louis Philippe qui avait habité le pays encore comme prince

*) L'Empereur souligna quatre fois ce mot.

венія, казалось, надолго разрушатъ дружбу между обѣими морскими державами. Въ особенности возбуждало негодованіе Англичанъ дѣло Притчарда.

На донесеніи барона Бруннова отъ 8-го (20-го) августа 1845 года, въ которомъ излагаются всѣ перипетіи этихъ франко-англійскихъ столкновеній, Императоръ Николай собственноручно сдѣлалъ слѣдующую характеристичную надпись по-русски:

„Когда я былъ въ Англіи, мнѣ не мудрено было замѣтить, что дружба съ Франціею уже тогда была *мнимая*, и что все держалось на волоскѣ къ совершенному разрыву; разумѣется, что я слушалъ, молчалъ и смѣялся!"

„Вотъ плоды 14 лѣтней *подлости*! *).

Однако, эти столкновенія между Англіею и Франціею кончились вполнѣ благополучно. Англія получила, по дѣлу Притчарда, полное удовлетвореніе послѣ отставки Тьера, и между Франціею и Марокко былъ заключенъ мирный трактатъ, который не былъ противенъ интересамъ Англіи.

Только послѣ улаженія этихъ столкновеній король Луи Филиппъ счелъ возможнымъ сдѣлать визитъ англійской королевѣ. Баронъ Брунновъ сообщаетъ о пребываніи въ Англіи французскаго короля подробности, заслуживающія вниманія.

Король совсѣмъ не былъ въ Лондонѣ: онъ былъ только въ Виндзорѣ, ибо опасался враждебныхъ демонстрацій со стороны столичнаго населенія. Онъ также отказался отъ парада войскъ, который хотѣли устроить въ его честь. За то король постоянно произносилъ рѣчи въ отвѣтъ на подносимые ему разными депутаціями адресы. Его рѣчи производили дѣйствіе, потому что король имѣлъ даръ слова. Онъ постоянно развивалъ двѣ темы: во-первыхъ, Франція и Англія должны жить въ дружбѣ и мирѣ, и, во-вторыхъ, гостепріимство Англичанъ выше всякой похвалы.

Тѣмъ не менѣе, рѣчи короля вызывали весьма много критическихъ замѣчаній со стороны Англичанъ и органовъ общественнаго мнѣнія Англіи. Англичане не забыли, что восхваляемое Луи Филиппомъ, бывшимъ въ Англіи еще орлеанскимъ принцемъ, гостепріимство

*) Послѣднее слово Государь подчеркнулъ 4 раза.

d'Orléans, n'avait provoqué qu'une noire ingratitude de la part des princes de la branche ainée des Bourbons. En parlaut de ceux-ci avec le ministre de Russie, lord Aberdeen dit avec beaucoup de raison: „Dans les jours de leur prospérité, Louis XVIII et Charles X, ont eu le tort d'avoir honte du souvenir de l'adversité".

D'ailleurs le roi des Français „a bien parlé, mais trop". La familiarité dont il faisait montre choquait les Anglais car en Angleterre „la royauté ne descende point tendre la main à la foule".

Le roi des Français parlait avec une remarquable franchise avec le premier ministre qu'il connaissait de longue date. Il avouait à sir Robert Peel que les Français redoutaient extrêmement une rupture avec l'Angleterre. Si les hommes politiques en France réclamaient ouvertement une guerre, ce n'était que pour renverser Guizot. Ils en faisaient franchement l'aveu au roi lui-même. En parlant de ces épanchements au baron Brunnow, Robert Peel ne pouvait s'empêcher de s'écrier: „Vous voyez jusqu'où peut aller la dépravation (profligacy) des hommes publics en France".

Du reste, le roi lui-même fit sur le ministre anglais une impression très peu favorable, il était trop familier et trop bavard. „Il a mis une trop grande emphase à manifester sa partialité en faveur de l'Angleterre", disait Robert Peel au ministre de Russie. „Il ne serait guère profitable au roi que ses préférences à ce sujet fussent connues en France. Ce qu'il m'a dit sur la marine française, — dépasse toute croyance. Quand je l'ai complimenté sur la victoire remportée à Isly par le maréchal Bugeaud, le roi s'est retourné vers M-r Guizot et lui a dit: je vous demande pardon de l'avouer, — le maréchal Bugeaud s'est trouvé vis-à-vis des troupes du Maroc comparativement dans la même situation dans laquelle une flotte anglaise se trouverait en face d'une flotte française — le résultat n'en serait pas douteux (sic!)". (Rapport du baron Brunnow du 30 octobre (1 novembre) 1845).

Dans le cours de ces augustes visites les questions politiques du jour continuaient à faire l'objet d'un échange d'idées entre le représentant de Russie et les ministres anglais. Les affaires de l'Asie Centrale entr'autres préoccupaient sans cesse le baron Brunnow, qui prévoyait dans l'avenir un conflit entre la Russie et l'Angleterre, rendu inévitable par les envahissements

отплачено было черною неблагодарностью со стороны французскихъ принцевъ Бурбонской линіи. О послѣднихъ лордъ Эбердинъ весьма удачно выразился, въ бесѣдѣ съ русскимъ посланникомъ, сказавъ: „Въ дни ихъ благополучія Людовикъ XVIII и Карлъ X были не правы стыдиться памяти о своемъ несчастіи".

Кромѣ того, французскій король „хорошо, но слишкомъ много говорилъ". Выказываемая имъ фамильярность озадачивала Англичанъ, потому что въ Англіи „королевская власть не нисходитъ до того, чтобъ подавать руку толпѣ".

Съ удивительною откровенностію говорилъ французскій король съ англійскимъ премьеромъ, котораго онъ зналъ издавна. Онъ сознавался Пилю, что Французы ужасно боятся разрыва съ Англіею. Если же французскіе политическіе дѣятели открыто требовали войны, то только для низверженія Гизо. Въ этомъ они откровенно сознавались самому королю. Разсказывая объ этихъ откровенностяхъ барону Бруннову, Пиль воскликнулъ: „Вы видите, до чего доходитъ деморализація политическихъ дѣятелей Франціи".

Впрочемъ, самъ король произвелъ на англійскаго министра впечатлѣніе весьма невыгодное: онъ былъ слишкомъ фамильяренъ и болтливъ. „Онъ слишкомъ старался показать свое пристрастіе къ Англіи", сказалъ сэръ Робертъ Пиль русскому посланнику. „Было бы весьма невыгодно для короля, еслибъ его наклонности на этотъ счетъ стали извѣстны во Франціи. То, что онъ мнѣ говорилъ насчетъ французскаго флота, совершенно невѣроятно. Когда я его поздравилъ съ побѣдою маршала Бюжо при Исли, король повернулся къ Гизо и сказалъ: простите, но я долженъ признаться, что маршалъ Бюжо находился въ отношеніи марокскихъ войскъ, сравнительно говоря, въ томъ же положеніи, въ какомъ находился бы англійскій флотъ, имѣя противъ себя французскій флотъ. Исходъ такой встрѣчи не подлежалъ бы сомнѣнію" (sic!). (Донесеніе барона Бруннова отъ 20-го октября (1-го ноября) 1845 года).

Во время этихъ августѣйшихъ визитовъ текущіе политическіе вопросы продолжали служить предметомъ обмѣна мыслей между представителемъ Россіи и англійскими министрами. Такъ, между прочимъ, среднеазіятскія дѣла постоянно тревожили барона Бруннова, который предвидѣлъ въ будущемъ столкновеніе Россіи и Англіи въ этой части

continuels des agents du gouvernement anglais. Brunnow dit franchement aux ministres anglais: „Si vous ne vous gênez pas, attendez vous à ce que de notre côté, nous ne nous gênons pas davantage. Cela une fois dit, chacun fera ce qu'il croira de son intérêt et, le cas échéant, nous tâcherons de rester bons amis. Cela sera possible, aussi longtemps que nous vivons à distance. Cela sera difficile, lorsque nous finirons par nous coudoyer". (Lettre de Brunnow au comte Nesselrode du 18 (30) septembre 1845).

Lorsque les affaires de Turquie et de Grèce donnaient des craintes au sujet du maintien du *status quo* dans le midi de l'Europe, le Chancelier de l'Empire chargeait le baron Brunnow de rappeler à lord Aberdeen la conversation que l'Empereur avait eu avec lui à Londres au sujet de l'avenir de l'Empire Ottoman. L'Empereur exprimait l'espoir, que le gouvernement anglais, fidèle à ses engagements enverrait à St. Pétersbourg une personne de confiance, autorisée à prendre les mesures commandées par les événements.

On n'a pas eu lieu de remplir cette volonté de l'Empereur, car les affaires greco-turques ont été réglées sans crise aiguë. D'ailleurs la position du ministère de sir Robert Peel était si ébranlée, qu'il n'osait se laisser entrainer à aucune action politique extérieure. Lorsque Robert Peel redevint chef de cabinet, en décembre 1845, l'Empereur applaudit sincèrement à cette issue de la crise. Il chargea même son ministre de dire à lord Aberdeen qu'il serait heureux de voir le duc de Wellington faire partie du ministère, son nom glorieux pouvant contribuer à en assurer la vitalité. Le duc de Wellington était contraire aux réformes de Robert Peel au sujet de la révocation des lois de céréales, mais il consentit à entrer dans ce cabinet pour agréer au désir de l'Empereur de Russie.

Toutefois, malgré cet appui de la Russie, le ministère Robert Peel ne fut pas de longue durée. Il se retira en juillet 1846 à la suite du refus de la Chambre des Communes de sanctionner les mesures de coërcition contre l'Irlande.

Il fut remplacé par un ministère whig avec lord John Russell en tête. Lord Palmerston redevint chef du Foreign-Office. Ce changement ne pouvait pas être sympathique au gouverne-

свѣта, вызываемое постоянными захватами со стороны агентовъ англійскаго правительства. Брунновъ совершенно откровенно сказалъ англійскимъ министрамъ: „если вы не церемонитесь, то ждите съ нашей стороны, что мы еще меньше будемъ церемониться. Разъ вы съ этимъ согласны, то пусть каждый дѣлаетъ то, что онъ считаетъ для себя полезнымъ, и что̀ бы ни случилось, мы постараемся оставаться добрыми друзьями. Это будетъ возможно, пока мы живемъ далеко другъ отъ друга. Это будетъ трудно, когда мы сдѣлаемся сосѣдями". (Письмо Бруннова къ гр. Нессельроде отъ 18 (30) сентября 1845 года).

Когда турецкія и греческія дѣла опять вызвали опасенія за сохраненіе status quo въ южной Европѣ, Государственный Канцлеръ поручилъ барону Бруннову напомнить лорду Эбердину бесѣду, которую Государь имѣлъ съ нимъ въ Лондонѣ на счетъ будущности Оттоманской имперіи. Государь выразилъ увѣренность, что англійское правительство, согласно обѣщанію, пришлетъ въ Петербургъ довѣренное лицо, уполномоченное на принятіе всѣхъ вызываемыхъ обстоятельствами мѣропріятій.

Это желаніе Государя не было исполнено, потому что греко-турецкія дѣла уладились безъ остраго кризиса. Кромѣ того, положеніе министерства сэра Роберта Пиля было настолько шаткое, что оно не могло увлекаться никакою активною внѣшнею политикою. Когда въ декабрѣ 1845 года Пиль опять сталъ премьеромъ, Государь искренно обрадовался такому исходу кризиса. Онъ даже поручилъ своему посланнику сказать лорду Эбердину, что онъ очень желалъ бы видѣть въ министерствѣ герцога Веллингтона, громкое имя котораго могло бы придать больше жизненныхъ силъ министерству. Герцогъ Веллингтонъ былъ противъ реформы Пиля объ отмѣнѣ Corn laws, но въ виду желанія русскаго Царя согласился вступить въ кабинетъ сэра Роберта Пиля.

Однако, несмотря на такую поддержку со стороны Россіи, министерство Пиля все-таки продержалось весьма недолго. Въ іюлѣ 1846 года оно вышло въ отставку, вслѣдствіе отказа Палаты Общинъ одобрить предложенныя министерствомъ принудительныя мѣры противъ Ирландіи.

На его мѣсто вступило министерство виговъ, съ лордомъ Дж. Росселемъ во главѣ. Лордъ Пальмерстонъ снова сталъ во главѣ Foreign Office. Такая перемѣна не могла вы-

ment Impérial qui connaissait de longue date les errements provocateurs de la politique de lord Palmerston. Il ne chargea pas moins le baron Brunnow d'exprimer sa satisfaction à ce sujet, se basant là-dessus que les ministres anglais pouvaient changer, mais que l'Angleterre restait néanmoins une puissance amie, telle qu'elle avait été pendant des siècles vis-à-vis de la Russie. D'ailleurs lord Palmerston n'avait-il pas signé les actes de 1840 et 1841, qui constituaient les bases des relations mutuelles entre la Russie et l'Angleterre en Orient. (Dépêche du Chancelier de l'Empire du 13 (25) juillet 1846).

Malheureusement, la Russie dût se convaincre bientôt que lord Palmerston, malgré la courtoisie toute exceptionnelle dont il avait été l'objet de la part de l'Empereur Nicolas, était resté un ennemi dangereux dans toutes les affaires politiques. Il protesta à St. Pétersbourg contre l'incorporation de la république de Cracovie à l'Autriche et s'appliquait à contrecarrer partout ouvertement les vues de la politique russe. On comprend qu'une pareille attitude du gouvernement anglais ne pouvait guère lui gagner les sympathies de l'Empereur Nicolas I. Lord Palmerston eut l'occasion de s'en convaincre bientôt à l'occasion du fameux incident, lors des mariages espagnoles. L'Empereur Nicolas I refusa au gouvernement anglais de signer le protocole qu'il lui proposait en vue de confirmer la valeur obligatoire du traité de 1713.

En attendant, lord Palmerston considérait ce protocole comme une satisfaction personnelle pour un manque de procédé de Louis Philippe à son égard. Lors de son séjour à Château d'Eu avec la reine Victoria, le roi des Français prit vis-à-vis de lord Aberdeen l'engagement formel d'ajourner le mariage du duc de Montpensier avec l'infante Louise jusqu'à ce que la reine Isabelle ne se mariât également et que la naissance d'un héritier n'assurât l'hérédité du trône en Espagne. Cette promesse fut aussi confirmée à lord Palmerston.

Néanmoins, dans le courant d'une nuit, le roi Louis Phllippe fit tous les arrangements pour le mariage de la reine Isabelle avec le duc de Cadix qui, d'après toutes les prévisions, devait rester stérile et celui du duc de Montpensier avec l'infante Louise. Le roi des Français espérait ainsi assurer au plus jeune de ses fils les droits à la couronne d'Espagne.

звать сочувствія Императорскаго правительства, которое давнымъ-давно было знакомо съ вызывающею политикою лорда Пальмерстона. Но оно поручило барону Бруннову выразить его удовольствіе на томъ основаніи, что англійскіе министры могутъ смѣняться, но Англія остается тою же самою дружескою державою, какою она была въ отношеніи Россіи въ продолженіи вѣковъ. Наконецъ, лордъ Пальмерстонъ подписалъ акты 1840 и 1841 гг., которые легли въ основаніе взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи на Востокѣ. (Депеша Государственнаго Канцлера отъ 13-го (25-го) іюля 1846 года).

Къ сожалѣнію, Россія весьма скоро должна была убѣдиться на дѣлѣ, что лордъ Пальмерстонъ, несмотря на оказанную ему исключительную любезность со стороны Императора Николая I, все-таки остался опаснымъ врагомъ ея во всѣхъ политическихъ дѣлахъ. Лордъ Пальмерстонъ протестовалъ въ С.-Петербургѣ противъ присоединенія Краковской республики къ Австріи и открыто сталъ противодѣйствовать повсюду видамъ русской политики. Понятно, что такое поведеніе англійскаго правительства не могло вызвать дружескаго къ нему расположенія со стороны Императора Николая I. Въ этомъ лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ весьма скоро убѣдиться по поводу извѣстной исторіи съ испанскими браками. Императоръ Николай I отказалъ англійскому правительству подписать предложенный имъ протоколъ, подтверждающій обязательную силу Утрехтскаго трактата 1713 года.

Между тѣмъ, лордъ Пальмерстонъ усматривалъ въ этомъ протоколѣ личное удовлетвореніе за нанесенную ему Луи Филиппомъ обиду. Французскій король, находясь въ Château d'Eu вмѣстѣ съ королевою Викторіею, положительно обѣщалъ лорду Эбердину, что онъ повременитъ бракомъ герцога Монпансье съ инфантою Луизою, пока не выйдетъ замужъ королева Изабелла и пока рожденіемъ наслѣдника престола не будетъ обезпечено престолонаслѣдіе въ Испаніи. Это обѣщаніе было также подтверждено лорду Пальмерстону.

Но Луи Филиппъ въ одну ночь устроилъ бракъ Изабеллы съ герцогомъ Кадикскимъ, отъ котораго нельзя было ожидать дѣтей, и бракъ герцога Монпансье съ инфантою Луизою. Такимъ образомъ французскій король думалъ обезпечить за своимъ младшимъ сыномъ права на испанскій престолъ.

Lord Palmerston, très indigné de cette conduite du roi, s'empressa d'élever à Paris des protestations énergiques. Quand à l'Empereur Nicolas I, il ne parut nullement surpris de ce procédé. Voici dans quels termes sévères il résumait l'appréciation de cette conduite dans une annotation sur le rapport du baron Brunnow du 10 (22) septembre 1846:

„Cette nouvelle fourberie ne devrait étonner personne, si l'on ne s'efforçait de s'aveugler sur le caractère de Louis Philippe et d'oublier par quelles infamies ce misérable est parvenu au pouvoir et sait s'y maintenir. Sous ce rapport cette nouvelle leçon est fort salutaire. Mais je crains qu'elle ne reste perdue comme tant d'autres. Heureusement que *moi*, je n'en n'avais pas besoin pour rester à mes convictions constantes depuis 15 ans".

Il est curieux que sir Robert Peel partageait complètement l'indignation de lord Palmerston au sujet de la perfidie du roi des Français dans l'affaire des mariages espagnoles. Il disait au baron Brunnow, que s'il avait été au pouvoir il n'eût certainement pas pardonné au roi cette conduite. Mais il redoutait surtout que cet incident ne réagisse sur la politique de lord Palmerston qui jugera certainement nécessaire de donner une satisfaction à l'opinion publique en Angleterre et à lui-même. Il cherchera à obtenir un succès éclatant quelconque et pour arriver à ces fins, il pourrait se placer à la tête du mouvement révolutionnaire de l'Europe entière.

Lorsque le ministre de Russie s'appliquait à démontrer à sir Robert Peel que les intérêts commerciaux de la nation anglaise exigeaient le maintien de la paix internationale et que cette raison suffirait pour contenir l'ardeur belliqueuse de lord Palmerston, le célèbre homme d'Etat prononça, avec une chaleur inaccontumée, les paroles prophétiques suivantes:

„Remerciez le Ciel qu'il en soit ainsi. Félicitez vous, que jusqu'à présent l'intérêt commercial en Angleterre l'emporte sur l'intérêt politique. Je n'en disconviens pas. Mais souvenez vous bien, qu'il peut arriver des circonstances où un homme d'Etat qui se sent le pouvoir de réveiller les passions endormies du pays, serait capable de les agiter fortement. Rappelez vous des paroles de Canning lorsqu'il a fait entendre à l'Europe qu'il dépendait de lui de placer l'Angleterre à la

Лордъ Пальмерстонъ былъ настолько возмущенъ образомъ дѣйствія французскаго короля, что энергическимъ образомъ протестовалъ противъ него въ Парижѣ. Но Императора Николая I нисколько не удивилъ поступокъ Луи Филиппа. Вотъ его рѣзкая оцѣнка поведенія ненавистнаго ему короля Французовъ въ надписи на донесеніи барона Бруннова отъ 10-го (22-го) сентября 1846 года:

„Это новое надувательство никого не должно было бы удивить, еслибъ не старались закрывать глазъ на счетъ характера Луи Филиппа и забывать, какими мерзостями этотъ бездѣльникъ добился престола и съумѣлъ на немъ удержаться. Съ этой точки зрѣнія этотъ новый урокъ весьма полезенъ. Но я боюсь, что онъ пройдетъ безъ пользы, какъ многіе другіе. Что касается *меня*, то, къ счастію, я не нуждался въ немъ, чтобъ остаться вѣрнымъ моимъ постояннымъ убѣжденіямъ въ продолженіи 15 лѣтъ".

Любопытно, что сэръ Робертъ Пиль вполнѣ раздѣлялъ негодованіе лорда Пальмерстона по поводу вѣроломства французскаго короля въ дѣлѣ объ испанскихъ бракахъ. Онъ сказалъ Бруннову, что еслибъ онъ былъ у власти, то навѣрно не простилъ бы королю его вѣроломства. Но онъ въ особенности опасался вреднаго вліянія этого поступка Луи Филиппа на политику лорда Пальмерстона, который сочтетъ нужнымъ дать удовлетвореніе общественному мнѣнію Англіи и самому себѣ. Онъ долженъ будетъ искать какого-нибудь блестящаго успѣха и для этой цѣли онъ въ состояніи стать во главѣ революціоннаго движенія всей Европы.

Когда же русскій посланникъ сталъ доказывать сэру Р. Пилю, что коммерческіе интересы англійскаго народа, требующіе сохраненія международнаго мира, принудятъ лорда Пальмерстона поумѣрить свой воинственный пылъ, то знаменитый англійскій государственный мужъ, съ небывалымъ жаромъ, произнесъ слѣдующія пророческія слова:

„Благодарите Бога, что это такъ. Поздравьте себя, что до сихъ поръ въ Англіи коммерческій интересъ беретъ верхъ надъ политическимъ. Я съ этимъ согласенъ. Но не забывайте никогда, что могутъ наступить обстоятельства, когда государственный человѣкъ, способный пробудить заснувшія страсти народа, въ состояніи будетъ возбудить ихъ сильнымъ образомъ. Припомните слова Каннинга, когда онъ объявилъ Европѣ, что отъ него зависитъ

tête du mouvement. Si, à l'heure qu'il est, un homme de courage, tel qu'était Canning, se trouvait au timon des affaires, — je ne sais ce qui pourrait arriver... Qui sait où s'arrêterait le mouvement qu'il aurait imprimé au flot de l'opinion populaire". (Rapport du baron Brunnow du 2 (14) novembre 1846).

Le baron Brunnow crut devoir attirer l'attention particulière de son gouvernement sur ces paroles du célèbre homme d'Etat anglais, parceque c'était un homme politique „dont la carrière publique était encore loin de toucher à sa fin".

Malheureusement pour l'Angleterre, et peut-être pour la Russie, les jours du grand réformateur anglais étaient comptés et quelques années après il n'était plus de ce monde. Robert Peel semblait avoir le pressentiment de sa mort prématurée. N'ayant aucun ami, comme l'assurait lord Aberdeen, il épuisait ses forces vitales dans une lutte politique incessante et stérile. Il disait avec un sentiment de profonde tristesse au baron Brunnow, à la fin de l'année 1845, les paroles suivantes: „Au pouvoir comme hors du pouvoir je ne cesserai de porter à l'Empereur les mêmes sentiments de respect et d'attachement. Il pourra compter aussi sur ma ferme volonté de faire le bien et d'empêcher le mal, autant que je pourrai. J'ai à me féliciter d'avoir pu contribuer à raffermir les bonnes relations entre l'Angleterre et la Russie. Dans la Chambre des Communes les préventions, qui existaient autrefois, se sont dissipées. La présence de l'Empereur a essentiellement contribué à effacer les mauvaises impressions. Pour ma part, je n'ai cessé de travailler à les faire disparaître. Je continuerai à agir dans le même esprit. Vous pouvez en donner l'assurance à l'Empereur. Mais, s'il me veut du bien, il doit désirer que je sois délivré d'une position qui m'accable".

Une mort prématurée affranchit finalement sir Robert Peel de toutes les agitations de la vie politique. Les bonnes et équitables dispositions pour la Russie font croire naturellement que cette mort a été une perte pour ce pays. Il est fort possible, si Robert Peel avait été au nombre des vivants, lord Palmerston n'eut pas réussi à entraîner la nation anglaise à une guerre avec la Russie. Avec la mort de Robert Peel en 1850 est descendu dans la tombe le seul homme d'Etat anglais qui eut été en mesure de détourner la nation et le parlement de la guerre

поставить Англію во главѣ движенія. Еслибъ въ настоящее время у кормила правленія находился такой отважный человѣкъ, какъ Каннингъ, то я не знаю, что случилось бы... Кто знаетъ, гдѣ остановилось бы движеніе, которое онъ въ состояніи былъ бы дать волнамъ общественнаго мнѣнія". (Донесеніе бар. Бруннова отъ 2-го (14-го) ноября 1846 года).

Баронъ Брунновъ обратилъ особенное вниманіе своего правительства на эти слова знаменитаго англійскаго государственнаго мужа, потому что это былъ дѣятель, „котораго публичная карьера далеко еще не кончена".

Къ несчастію для Англіи и, можетъ быть, для Россіи, дни великаго англійскаго реформатора были сочтены и черезъ нѣсколько лѣтъ его уже не стало. Самъ Пиль, казалось, предчувствовалъ свою преждевременную кончину. Не имѣя, по словамъ лорда Эбердина, никакихъ друзей, онъ истощалъ свои жизненныя силы въ неустанной и неблагодарной политической борьбѣ. Съ чувствомъ глубочайшей грусти сказалъ онъ, въ концѣ 1845 года, барону Бруннову слѣдующія слова: „У власти или безъ оной, я не перестану питать къ Императору тѣ же чувства почтенія и преданности. Онъ также можетъ разсчитывать на мою твердую волю дѣлать добро и предупреждать зло, насколько я въ силахъ. Я могу себя поздравить, что мнѣ удалось закрѣпить добрыя отношенія между Англіею и Россіею. Въ Палатѣ Общинъ прежде существовавшія предубѣжденія исчезли. Присутствіе Государя существеннымъ образомъ содѣйствовало уничтоженію дурныхъ вліяній. Что касается меня, то я не переставалъ трудиться для ихъ искорененія. Я буду продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ. Въ этомъ вы можете увѣрить Государя. Но если онъ желаетъ мнѣ добра, то долженъ желать, чтобъ я былъ освобожденъ отъ положенія, которое меня угнетаетъ".

Преждевременная смерть окончательно освободила сэра Роберта Пиля отъ всѣхъ волненій политической жизни. Но выказанное имъ доброе и справедливое отношеніе къ Россіи заставляетъ думать, что его кончина была потерею для Россіи. Можетъ быть, при его жизни лорду Пальмерстону не удалось бы увлечь англійскій народъ до войны съ Россіею. Со смертью сэра Роберта Пиля въ 1850 году сошелъ въ могилу единственный англійскій государственный мужъ, который былъ бы въ силахъ остановить народъ и парламентъ отъ

de 1854 dont les regrettables effets se font sentir jusqu'à nos jours.

L'année 1848 ne trouva plus sir Robert Peel aux affaires, il ne lui restait qu'à critiquer la politique insensée de lord Palmerston. Il est intéressant de poursuivre, d'après les rapports et les lettres du baron Brunnow de Londres, les péripéties de la politique anglaise à mesure qu'on y recevait les nouvelles du continent au sujet du mouvement révolutionnaire dans les différents Etats de l'Europe.

„L'histoire des peuples", écrivait le Chancelier de l'Empire dans son compte-rendu de l'année 1848, „ou du moins l'histoire contemporaine, offre peu d'exemples d'une année aussi désastreuse, aussi féconde en ruine que celle de l'année passée". La première révolution française n'a été fatale qu'aux pays voisins, et l'Empire de Napoléon I, tout en apportant de la confusion dans l'état de possession des territoires, a laissé intactes les institutions sociales. „Cette fois, institutions et territoires, l'ordre moral et politique ont été également frappés".

„Deux causes principales", poursuit le comte Nesselrode, „ont concouru à soulever partout les peuples: la passion désordonnée des institutions démocratiques, et la folle idée de reconstruire le droit public sur le principe imaginaire de races, de la langue et de la nationalité". A ces causes principales est venue s'ajouter encore la propagande criminelle du socialisme et du communisme.

Les nouvelles idées, proclamées par la révolution française de 1848 troublèrent même les hommes d'Etat anglais. Personne n'aurait pu s'attendre à une chute aussi précipitée de la monarchie de juillet et personne ne pouvait prévoir l'issue de la révolution de février.

Au reçu des premières nouvelles, le baron Brunnow s'empressa de se rendre au parlement pour voir lord Palmerston. Il craignait sérieusement que le ministre anglais ne reconnût immédiatement le nouveau gouvernement révolutionnaire. „Voici pourquoi je le priais", écrivait le baron en russe, „de ne faire aucune démarche sans s'être préalablement entendu avec les Puissances alliées. J'insistais auprès de lui pour qu'il ne suivît pas l'exemple de notre respectable duc en 1830, et qu'il ne mît pas de hâte à reconnaître le nouveau régime en France. Mes obser-

войны 1854 года, прискорбныя послѣдствія которой даютъ себѣ чувствовать по настоящее время.

Когда наступилъ 1848 годъ, сэръ Робертъ Пиль былъ уже не у дѣлъ и могъ только критиковать необдуманную политику лорда Пальмерстона. Весьма интересно слѣдить по донесеніямъ и письмамъ барона Бруннова изъ Лондона, черезъ какія перипетіи проходила англійская политика по мѣрѣ полученія съ континента извѣстій о революціонныхъ движеніяхъ въ разныхъ государствахъ Западной Европы.

„Исторія народовъ", писалъ Государственный Канцлеръ въ своемъ годовомъ отчетѣ за 1848 годъ, „или по меньшей мѣрѣ современная исторія представляетъ мало примѣровъ годовъ столь бѣдственныхъ и столь обильныхъ развалинами, какъ истекшій годъ". Первая французская революція была опасна только для сосѣднихъ государствъ, и имперія Наполеона I перетасовала территоріальныя владѣнія, но оставила неприкосновенными общественныя установленія. „Теперь же, установленія и территоріи, порядокъ нравственный и политическій одинаковымъ образомъ пострадали".

„Двѣ главныя причины", продолжаетъ графъ Нессельроде, „содѣйствовали всеобщему возстанію народовъ: безсмысленная страсть къ демократическимъ установленіямъ и сумасбродная идея перестроить публичное право на воображаемомъ принципѣ расы, языка и національности". Къ этимъ главнымъ причинамъ еще присоединилась преступная проповѣдь соціалистовъ и коммунистовъ.

Новыя идеи, провозглашенныя французскою революціею 1848 года, сбили съ толку даже англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Никто не ожидалъ такого скораго исчезновенія іюльской монархіи Луи Филиппа и никто не могъ предсказать, чѣмъ кончится февральская революція.

Когда баронъ Брунновъ получилъ первыя извѣстія о французской революціи, онъ немедленно поспѣшилъ въ парламентъ, чтобы видѣться съ лордомъ Пальмерстономъ. Онъ серьезно опасался, что англійскій министръ немедленно признаетъ новое революціонное правительство. Поэтому, пишетъ баронъ по-русски, „я убѣдительно и настоятельно просилъ его, чтобъ онъ не дѣйствовалъ иначе, какъ съ согласія съ союзными державами. Я убѣдительно и сильно требовалъ отъ него, чтобъ онъ не слѣдовалъ примѣру поч-

vations lui parurent fondées. Mais tout dépend ici des circonstances, j'ai peu de confiance dans les paroles; nous allons voir les faits. Je tâcherai de mon mieux de prévenir la décision irréfléchie d'une si grave question sans s'être entendu avec les Puissances alliées; mais je ne saurais vous dissimuler que l'exemple de notre respectable duc sera d'un effet puissant sur l'administration actuelle".

Le baron Brunnow ne s'était pas trompé dans ses craintes au sujet de la conduite du gouvernement anglais. Il s'appliquait à démontrer avec ardeur à lord Palmerston qu'il n'y avait que deux Puissances en Europe qui, par leur force et leur position, étaient en mesure de soutenir les bases de l'ordre social et la paix internationale — c'étaient la Russie et l'Angleterre. „Réunies dans leurs efforts", disait-il, „elles auront le pouvoir de garantir la paix générale. Divisées d'intention et d'action, elles feraient perdre à l'Europe le meilleur gage de sa tranquillité". Il cherchait à rencontrer lord Palmerston, tant au parlement que dans les maisons particulières, pour le convaincre de ne pas suivre l'exemple du respectable duc de Wellington en 1830 et de ne pas reconnaître immédiatement le nouveau régime en France. Dans la nuit du 25 au 26 il adressait une lettre remarquable à lord Palmerston, dans laquelle il mettait son zèle à démontrer la nécessité pour l'Angleterre, la Russie, l'Autriche et la Prusse, d'agir en commun à l'égard de la France révolutionnaire. Il formulait de la manière suivante la thèse principale qu'il développait dans cet acte:

„Si nous voulons la paix, restons fermement unis; si nous ne la voulons pas, agissons isolément chacun pour soi".

Le ministre de Russie appliquait tout son zèle pour convaincre lord Palmerston que c'était un devoir pour les quatre grandes Puissances d'agir en commun en vertu du traité d'alliance de 1815. L'Empereur Nicolas I approuva en tous points l'attitude de son représentant et fit sur son rapport du 25 février l'inscription suivante: „Parfait; impossible de mieux faire et vous le lui direz particulièrement". Au début des événements de février, lord Palmerston semblait incliner vers les vues du représentant de Russie. Mais, il inspirait à celui-ci si peu de

теннаго нашего герцога,—въ 1830 году,—чтобъ онъ не торопился насчетъ признанія новаго управленія во Франціи... Примѣчанія мои показались ему основательными. Но все зависитъ здѣсь отъ обстоятельствъ! На слова я мало полагаюсь. Увидимъ, что будетъ на дѣлѣ. Я употреблю всевозможное стараніе, дабы отвратить необдуманное рѣшеніе столь важнаго вопроса безъ совѣщанія съ союзными державами. Но я не могу скрыть предъ Вами, что вліяніе бывшаго примѣра нашего почтеннаго герцога сильно подѣйствуетъ на нынѣшнее управленіе".

Баронъ Брунновъ не ошибся въ своихъ опасеніяхъ насчетъ образа дѣйствія англійскаго правительства. Онъ краснорѣчиво доказывалъ лорду Пальмерстону, что въ Европѣ остались только двѣ державы, которыя еще въ состояніи своимъ могуществомъ и положеніемъ поддерживать основы общественнаго порядка и международный миръ. Это — Россія и Англія. „Будучи соединены въ своихъ стараніяхъ", доказывалъ онъ, „онѣ въ состояніи гарантировать всеобщій миръ. Будучи разъединены въ своихъ видахъ и дѣйствіяхъ, онѣ лишатъ Европу лучшей опоры ея спокойствія". Онъ отыскивалъ лорда Пальмерстона въ парламентѣ и въ частныхъ домахъ, чтобъ уговорить его не слѣдовать примѣру почтеннаго герцога Веллингтона въ 1830 году и не признавать немедленно новаго порядка вещей во Франціи. Въ ночь съ 25 на 26 февраля онъ написалъ лорду Пальмерстону, замѣчательное письмо, въ которомъ увлекательнымъ образомъ доказываетъ необходимость для Англіи, Россіи, Австріи и Пруссіи дѣйствовать вмѣстѣ въ отношеніи революціонной Франціи. Основное положеніе, которое онъ развивалъ въ этомъ актѣ, онъ самъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Если мы желаемъ мира, то останемся крѣпко соединенными; если же мы его не желаемъ, то будемъ дѣйствовать отдѣльно—каждый за себя".

Русскій посланникъ выбивался изъ силъ, чтобъ убѣдить лорда Пальмерстона въ долгѣ четырехъ великихъ союзныхъ державъ дѣйствовать вмѣстѣ въ силу союзнаго трактата 1815 года. Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствія своего посланника и на его донесеніи отъ 25-го февраля сдѣлалъ надпись: „Отлично; нельзя лучше поступить и вы ему это скажете особенно". Лордъ Пальмерстонъ, въ началѣ февральскихъ событій, повидимому вполнѣ склонялся къ мнѣнію представителя Россіи. Но послѣдній такъ

confiance, qu'il cherchait partout à recruter des alliés pour le combattre. Dans ce nombre devaient naturellement se trouver sir Robert Peel, le duc de Wellington et lord Aberdeen.

C'est à eux que s'adressait le baron Brunnow pour invoquer leur conseil et leur concours.

Sir Robert Peel approuva sans réserve les efforts du baron Brunnow d'arrêter le gouvernement anglais sur la pente dangereuse de la reconnaissance trop hâtive du fait accompli. Mais, d'une autre part, il recommandait au ministre de Russie de ne se livrer à aucune illusion quant à la résolution définitive à laquelle s'arrêterait le gouvernement anglais — il est certain qu'il finira par reconnaitre tout gouvernement français, sans exclure celui de la république. En partant de ce point de vue, il conseillait aux Puissances de ne pas s'engager dans „une guerre de principes" avec la France, de se borner à veiller au maintien du *status quo* territorial et d'opposer la force à la force.

L'homme d'Etat anglais s'appliquait à démontrer qu'il fallait donner aux Français le temps de s'épuiser par les troubles révolutionnaires qui ne manqueront pas d'éclater. Mais dans tout état de cause, on devait se garder d'intervenir dans les affaires intérieures de la France.

A la suite de cet entretien avec sir Robert Peel, le baron Brunnow s'arrêta à la conclusion que l'Angleterre était trop faible pour prévenir la guerre qu'elle redoute. Aussi cette guerre lui semblait elle très probable.

Les considérations du duc de Wellington au sujet de la révolution de février 1848 étaient encore plus intéressantes. Le baron Brunnow commença par rappeler au duc les paroles que celui-ci lui avait dites, il y a quelque temps, à Walmer-Castle. „Souvenez-vous, bien", disait le héros de Waterloo, „nous continuons toujours à être en révolution", et le duc répétait ce mêmes paroles à l'Empereur Nicolas I dans le cours de leur entretien à Walmer-Castle.

D'après les assurances de cet éminent vieillard, la révolution de février ne l'a nullement pris au dépourvu. „Un peu plus tôt, un peu plus tard, cela devait arriver". Depuis l'époque de la grande révolution tout nouveau gouvernement passait aux yeux de la nation française pour une usurpation.

„J'ai observé", disait le duc, „que chaque fois qu'il y avait en France du désordre, de l'émeu-

мало довѣрялъ ему, что повсюду искалъ союзниковъ противъ него. Такими естественными союзниками были: сэръ Робертъ Пиль, герцогъ Веллингтонъ и лордъ Эбердинъ.

Къ нимъ обратился баронъ Брунновъ за совѣтомъ и помощью.

Сэръ Р. Пиль совершенно одобрилъ старанія барона Бруннова остановить англійское правительство на скользкомъ пути поспѣшнаго преклоненія предъ совершившимися фактами. Но, съ другой стороны, онъ просилъ русскаго посланника не предаваться никакимъ иллюзіямъ насчетъ окончательнаго рѣшенія, которое приметъ англійское правительство: оно навѣрно признаетъ всякое правительство во Франціи, не исключая республиканскаго. Съ этой точки зрѣнія Пиль горячо совѣтовалъ континентальнымъ державамъ не начинать съ Франціею „войны изъ-за принциповъ", но ограничиваться сохраненіемъ неприкосновенности территоріальнаго состава европейскихъ государствъ и силѣ противопоставить также силу.

Нужно Французамъ дать время, доказывалъ англійскій государственный мужъ, для взаимнаго истребленія посредствомъ внутреннихъ смутъ, которыя неизбѣжнымъ образомъ наступятъ. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи.

Изъ своей бесѣды съ сэромъ Р. Пилемъ баронъ Брунновъ вывелъ заключеніе, что Англія слишкомъ слаба для предупрежденія войны, которой она опасается. Поэтому такая война весьма вѣроятна.

Еще болѣе интересны были соображенія герцога Веллингтона насчетъ февральской революціи 1848 года. Баронъ Брунновъ началъ разговоръ съ герцогомъ, вспоминая слова, сказанныя ему герцогомъ въ Walmer Castle нѣкоторое время тому назадъ. „Не забывайте никогда", сказалъ герцогъ Веллингтонъ, „что мы постоянно продолжаемъ жить въ революціи". Тѣ же самыя слова сказалъ герцогъ Императору Николаю I во время ихъ бесѣды въ Walmer Castle'ѣ.

По словамъ маститаго старца, февральская революція его нисколько не удивила: „Немногимъ раньше, немногимъ позже — это должно было случиться". Со временъ великой французской революціи каждое новое правительство являлось въ глазахъ французскаго народа узурпаціею.

„Я наблюдалъ", сказалъ герой Ватерлоской битвы, „что каждый разъ, когда во Франціи

te,—l'esprit républicain était l'âme de l'émeute... La république est restée au fond des esprits. Les dynasties ont passé les unes après les autres sans prendre racine. La moindre secousse les a renversées. Savez-vous pourquoi? C'est parceque la monarchie quand elle a étéinsultée une fois,— n'a plus d'empire sur l'esprit d'une nation.“

„Pourquoi“, demandait le duc „les Stuarts n'ont-ils jamais pu se rétablir en Angleterre;—c'est que le peuple avait vu Marie Stuart d'Ecosse mise sous jugement et sa tête tombée sur l'échafaud. Pourquoi les Bourbons n'ont-ils pas repris racine en France? — C'est que Louis XVI avait été insulté, mis sous jugement, condamné à mort, par son peuple en révolte“.

„Aujourd'hui“, poursuit le duc, „la famille d'Orléans a été insultée; son trône brûlé; sa maison royale livrée au pillage. Tenez pour sûr“, s'écriait-il avec une perspicacité prophétique, „c'en est fini d'elle. — On dira que la régence est encore possible;— cela se peut. On dira que le comte de Paris peut remonter sur le trône; — cela se peut. Mais je vous dis, moi, que la dynastie est tombée à jamais, parcequ'on s'est habitué à l'idée qu'elle a été insultée une fois par le peuple et qu'elle a succombé sous le peuple.“

„Vous me demanderez maintenant“, poursuivait l'éminent vieillard, „ce qui va arriver en France? — Personne ne peut le prévoir. Mais, je demande quel est l'homme qui sera ce *Napoléon de la France?* Voilà la question. Sera ce Lamoricière? — Nous verrons. Les hommes dont se compose le gouvernement provisoire, ne sont rien par eux-mêmes“.

„*A la France*“, s'écriait le duc de Wellington en février 1848, „*il faut un Napoléon.* — Voilà ce que je dis. Où est-il? Je ne le vois pas encore“.

Après avoir lu ces paroles prophétiques du célèbre homme d'Etat anglais, l'Empereur Nicolas I les souligna et inscrivit en marge: „Comme c'est juste!“

Selon l'avis du duc de Wellington, le roi Louis Philippe était lui-même coupable de sa chute. Au moment, où sous la pression des clameurs populaires, il signait la retraite de Guizot, il renversait lui-même son trône.

En rendant compte de cet entretien avec le duc de Wellington, le baron Brunnow se plaît à rendre justice à la force de ses raisonnements,

бывали смуты и безпорядки, республиканскій духъ былъ душою бунта... Республика осталась на днѣ душъ. Одна династія смѣняла другую, не пуская корней. Малѣйшій толчокъ ихъ опрокидывалъ. Знаете-ли почему? — Потому что, разъ монархію поносили — она лишалась власти надъ духомъ народа“.

„Почему“, спросилъ герцогъ Веллингтонъ, „Стюарты никогда не въ состояніи были возстановить свою власть надъ Англіею? Потому что народъ видѣлъ Марію Стюартъ, королеву шотландскую, передъ судомъ, и видѣлъ, какъ ея голова пала на эшафотѣ. Почему Бурбоны не могли снова пустить корни во Франціи? Потому что Людовика XVI поносилъ, судилъ и казнилъ его взбунтовавшійся народъ“.

„Теперь“, продолжалъ герцогъ, „Орлеанскую династію забросали грязью; ея тронъ сожгли и ея королевскій дворецъ преданъ разграбленію“. „Будьте увѣрены“, съ пророческою прозорливостію воскликнулъ герцогъ Веллингтонъ, „съ этою династіею навсегда покончили. Могутъ сказать, что регентство еще возможно. Это можетъ быть. Могутъ сказать, что графъ Парижскій можетъ вступить на престолъ—это возможно. Но я вамъ скажу, что эта династія пала навсегда, потому что свыклись съ мыслію, что она была поносима народомъ и что она низвергнута народомъ“.

„Теперь вы меня спросите“, продолжалъ маститый старецъ, „что будетъ во Франціи? Никто этого предвидѣть не можетъ. Но я спрашиваю: Кто же будетъ этимъ *Наполеономъ Франціи?* Вотъ въ чемъ вопросъ. Будетъ-ли это Ламорисьеръ? Мы увидимъ. Люди, вошедшіе въ составъ временнаго правительства, сами по себѣ ничего не представляютъ“.

„*Франціи*“, воскликнулъ въ февралѣ 1848 г. герцогъ Веллингтонъ, „*нуженъ Наполеонъ!* Вотъ что я вамъ говорю. Гдѣ онъ? Я его пока еще не вижу“.

Прочитавъ эти пророческія слова знаменитаго англійскаго государственнаго мужа, Николай I ихъ подчеркнулъ и написалъ: „Какъ это вѣрно!“

По мнѣнію герцога Веллингтона, король Луи Филиппъ кругомъ виноватъ въ своемъ паденіи. Въ тотъ моментъ, когда онъ, подъ давленіемъ народныхъ криковъ, далъ отставку Гизо, онъ самъ опрокинулъ свой престолъ.

Давая отчетъ о своей бесѣдѣ съ герцогомъ Веллингтономъ, баронъ Бруновъ, не можетъ не удивляться силѣ мышленія, энергіи выра-

à l'énergie de ses expressions et à la clarté de sa pensée (Rapport du baron Brunnow du 17 (29) février 1848).

L'Empereur Nicolas I partageait complètement cette apprécition de son représentant à la Cour de Londres et le chargea de se rendre chez le duc de Wellington pour lui exprimer la reconnaissance et l'estime de son Souverain. Le duc fut très flatté de cette gracieuse attention de l'Empereur de Russie et se permit de lui donner un seul conseil — celui „de se renfermer dans son droit, dans son territoire, de se défendre fortement. C'est une grande chose que d'avoir la légalité pour soi. Vous êtes dans votre droit,— tenez y ferme". Enfin, selon l'avis du duc de Wellington, la révolution de février aura pour conséquence—une armée, contre laquelle l'Europe entière devra se battre. (Rapport du baron Brunnow du 16 (28) mars 1848).

Il y avait également un accord complet d'idées entre l'Empereur Nicolas I et le duc de Wellington au sujet de cet avis sur les conséquences de la révolution de février. Selon l'opinion du Tzar, elle devait aboutir au triomphe absolu de la démocratie et du régime républicain.

„La république", écrivait le Chancelier de l'Empire au baron Brunnow à la date du 29 février 1848, „est sortie armée de la rue pour s'imposer tumultuairement, le fusil et le sabre en main, aux représentants du pays." L'Empereur ne prit pas moins la résolution de ne pas intervenir dans les affaires intérieures de la France, en restant spectateur des événements dont ce pays était le théâtre.

Mais l'heure est venue où „les questions du jour ne se discutent plus dans les Cabinets, elles se débattent dans les rues et ne se videront que sur le champ de bataille." La France qui a provoqué des soulévements et des troubles dans toute l'Europe Occidentale, „est devenue un fléau pour le monde entier et un châtiment pour elle-même". A mesure que les événements de 1848 suivaient leur cours, les divergences de vues entre le gouvernement russe et anglais s'accentuaient de plus en plus.

Tandis que les ministres anglais en retraite tels que le duc de Wellington, sir Robert Peel et lord Aberdeen admiraient ouvertement la sagesse et la fermeté de la politique de l'Empe-

женій и ясности мыслей этого старца. (Донесеніе барона Бруннова отъ 17-го (29-го) февраля 1848 года).

Императоръ Николай I вполнѣ раздѣлялъ такую оцѣнку своего представителя при Лондонскомъ дворѣ и поручилъ ему отправиться къ герцогу Веллингтону, чтобы выразить ему признательность и уваженіе русскаго Царя. Герцогъ былъ чрезвычайно польщенъ такимъ милостивымъ къ нему отношеніемъ и позволилъ себѣ дать русскому Государю только одинъ совѣтъ: „держаться своего права, своей территоріи и защищаться энергическимъ образомъ. Это великая вещь имѣть на своей сторонѣ законность. На вашей сторонѣ право; держитесь его". Наконецъ, по мнѣнію герцога Веллингтона, февральская революція будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ армію, противъ которой вся Европа должна будетъ воевать. (Донесеніе барона Бруннова отъ 16-го (28-го) марта 1848 года).

Также и въ этомъ мнѣніи насчетъ послѣдствій французской революціи 1848 года было полное согласіе между Императоромъ Николаемъ I и герцогомъ Веллингтономъ. По убѣжденію Царя, февральская революція должна привести къ господству демократіи и республиканскаго режима.

„Республика", писалъ Государственный Канцлеръ барону Бруннову 29-го февраля 1848 г., „вооруженная ружьемъ и съ саблею въ рукахъ, родилась на улицѣ и навязала себя съ шумомъ и грохотомъ представителямъ народа". Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Николай I рѣшилъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, оставаясь зрителемъ совершающихся во Франціи событій.

Но наступили времена, когда „вопросы дня больше не обсуждаются въ кабинетахъ, но разбираются на улицахъ и будутъ рѣшаться только на полѣ сраженія". Франція, вызвавшая возстанія и смуты во всей Западной Европѣ, сдѣлалась „бичемъ для всего міра и наказаніемъ для самой себя". По мѣрѣ развитія событій 1848 года, все болѣе и болѣе обнаруживалось разногласіе между точками зрѣнія русскаго и англійскаго правительствъ.

Въ то самое время, когда англійскіе министры въ отставкѣ, какъ герцогъ Веллингтонъ, сэръ Робертъ Пиль и лордъ Эбердинъ открыто восторгались мудростью и твердостью поли-

reur Nicolas I, les ministres au pouvoir comme lord Palmerston et lord John Russel ne dissimulaient pas leur méfiance à l'égard de la politique russe et adressaient aux représentants anglais à l'étranger des instructions qui portaient l'empreinte d'une hostilité notoire. Sir Robert Peel se plaisait à démontrer au baron Brunnow que la révolution de février était plus dangereuse même que la grande révolution, parcequ'elle n'a laissé, dans le coeur de la nation, „ni principe d'honneur, ni religion, ni courage civil". Lord Russel et lord Palmerston se prononçaient, au contraire, en faveur du complet isolement de l'Angleterre et se montraient disposés à entretenir des relations intimes avec le gouvernement révolutionnaire en France. En dépit des conseils du ministre de Russie, lord Palmerston s'empressa de reconnaître, non seulement la seconde république française, mais encore — le prince Louis Napoléon, en qualité de son président.

D'ailleurs, le baron Brunnow ne croyait pas devoir attribuer au Cabinet de Londres des combinaisons politiques profondes et perfides quelconques. „Son plus grand défaut", écrivait-il au comte Nesselrode en octobre 1848, „est, qu'il n'a de pensée fortement arrêtée sur rien. Il marche au hazard." En outre, l'opinion publique en Angleterre, très excitée contre la Russie semblait sanctionner toutes ces sorties hostiles du ministère anglais. „De la jalousie et de la méfiance profonde subsiste dans le coeur de tout Anglais quant au désir qu'on nous suppose de subjuguer la Turquie pour dominer l'Asie, afin d'ébranler un jour la puissance britannique aux Indes". C'est par l'influence de l'opinion publique en Angleterre, habilement surexcitée par des ministres comme lord Palmerston, que s'expliquent en quelque sorte les divergences continuelles entre les promesses données par le gouvernement anglais et les actes de ses agents à l'étranger. Le Cabinet Impérial ne cessait d'attirer l'attention du gouvernement britannique sur ces divergences, mais toujours d'une manière infructueuse.

En général, on ne saurait contester au gouvernement russe son intention sincère d'agir de concert avec le Cabinet de Londres dans toutes les questions politiques, — mais il était impossible de la réaliser.

Dans une lettre autographe au baron Brunnow du 14 (26) décembre 1848, le comte Nesselrode insiste tout particulièrement sur la néces-

тики Императора Николая I, правящіе дѣлами Англіи министры, какъ лордъ Пальмерстонъ и лордъ Джонъ Россель, не скрывали своего недовѣрія къ русской политикѣ и давали представителямъ Англіи заграницею инструкціи, проникнутыя явною враждебностію къ Россіи. Если сэръ Р. Пиль доказывалъ барону Бруннову, что февральская революція опаснѣе даже великой революціи, ибо она вырвала изъ сердца французскаго народа всѣ „начала чести, религіи и гражданскаго мужества", то, напротивъ, лорды Россель и Пальмерстонъ открыто высказывались за совершенное разобщеніе Англіи съ Россіею и выражали полную готовность вступить въ близкія отношенія съ революціоннымъ французскимъ правительствомъ. Лордъ Пальмерстонъ поспѣшилъ, вопреки настоятельнымъ совѣтамъ русскаго посланника, признать не только вторую французскую республику, но и принца Луи Наполеона, въ качествѣ президента республики.

Впрочемъ, баронъ Брунновъ не приписывалъ Лондонскому кабинету никакихъ глубокомысленныхъ и коварныхъ политическихъ комбинацій. „Его главный недостатокъ", писалъ онъ въ октябрѣ 1848 года графу Нессельроде, „заключается въ отсутствіи у него всякихъ опредѣленныхъ понятій о чемъ-либо. Онъ идетъ впередъ наугадъ". Кромѣ того, общественное мнѣніе Англіи, будучи весьма враждебно настроено противъ Россіи, оправдывало всѣ непріязненныя выходки англійскаго министерства. Повсюду въ Англіи „зависть и глубокое недовѣріе засѣли въ сердце каждаго Англичанина, приписывающаго намъ намѣреніе покорить Турцію для властвованія надъ Азіею, съ цѣлью сокрушить когда-нибудь британское могущество въ Индіи". Такимъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія Англіи, искусно настроеннаго такими министрами, какъ лордъ Пальмерстонъ, объясняется отчасти фактъ постоянныхъ противорѣчій между обѣщаніями англійскаго правительства и дѣйствіями его заграничныхъ агентовъ. На эти противорѣчія Императорскій кабинетъ неоднократно обращалъ вниманіе англійскаго правительства, но совершенно безполезнымъ образомъ.

Вообще нельзя не признать доброй воли русскаго правительства дѣйствовать сообща съ Лондонскимъ кабинетомъ во всѣхъ политическихъ вопросахъ. Но это желаніе оказалось неосуществимымъ.

Въ собственноручномъ письмѣ графа Нессельроде къ барону Бруннову отъ 14-го (26-го)

sité d'un accord entre la Russie et l'Angleterre vu que les deux Puissances ont un intérêt commun: de faire cesser le triomphe de l'anarchie en Europe. Lord Palmerston proclame ouvertement que ce but répond aux voeux de l'Angleterre, et agit dans un sens diamétralement opposé. Il ne veut pas admettre la domination de la France en Italie, mais en attendant il paralyse systématiquement le pouvoir de l'Autriche qui seule peut résister à la France en Italie. Il croit pouvoir justifier cette politique insensée par la haîne des Vénetiens et des Lombards pour l'Autriche.

„Si jamais l'amour des peuples", s'écrie le Chancelier de l'Empire, „devait entrer dans les calculs de la haute politique, que de cessions et de morcellemens ne s'en suivraient-ils pas? Il y aurait de quoi bouleverser l'Europe entière de fond en comble. J'aime mieux prendre pour base de tout système politique les traités et les circonscriptions territoriales, telles qu'ils les ont fixées".

Le Chancelier de l'Empire développait en détail cette pensée dans une notice soumise à l'Empereur le 11 septembre 1848. L'Empereur sanctionna complètement ce travail en y faisant l'annotation suivante: „C'est parfaitement juste et d'accord avec mes convictions".

On nous propose de Paris, écrivait le comte Nesselrode, de prendre part à un congrès général qui aurait pour objet de revoir et de sanctionner à nouveau les traités de 1815. On propose de Berlin un nouveau projet pour l'organisation de l'Italie. Le Chancelier de l'Empire se prononce catégoriquement contre l'idée d'un congrès.

„Il en est des congrès", fait observer très judicieusement le comte Nesselrode, „comme des constitutions qui doivent exister avant d'être écrites. Les traités signés en congrès n'établissent réellement pas un nouvel équilibre; ils ne font que consacrer par écrit celui qui s'est produit forcément à la suite des révolutions et de la guerre. Un congrès ne peut mener à des résultats durables, que quand les questions à régler *en droit*, l'ont déjà été *en fait* par les événemens"...

A ce point de vue, la proposition de Berlin au sujet d'une conférence à réunir pour régler

декабря 1848 года рельефно ставится вопросъ о необходимости полнаго согласія между Россіею и Англіею, ибо обѣ державы имѣютъ одинъ общій интересъ: прекратить господство анархіи въ Европѣ. Лордъ Пальмерстонъ открыто высказывается въ пользу этой цѣли желаній Англіи и дѣйствуетъ въ прямо противоположномъ смыслѣ. Въ Италіи онъ не желаетъ допустить владычества Франціи, а между тѣмъ онъ систематическимъ образомъ парализуетъ власть Австріи, которая одна въ состояніи противостоять Франціи въ Италіи. Но оправдывается такая безразсудная политика ненавистью Венеціанцевъ и Ломбардцевъ къ Австріи.

„Но если когда-либо любовь народовъ", восклицаетъ Государственный Канцлеръ, „должна браться въ расчетъ въ комбинаціяхъ высшей политики, то сколько понадобится территоріальныхъ уступокъ и раздѣловъ? Этого достаточно будетъ, чтобы все поставить въ Европѣ верхъ дномъ. Я предпочитаю принять за основаніе всякой политической системы трактаты и установленныя ими территоріальныя разграниченія".

Эту мысль подробно развивалъ Государственный Канцлеръ въ запискѣ, поданной 11-го сентября 1848 года на Высочайшее усмотрѣніе. Императоръ вполнѣ одобрилъ этотъ трудъ, сдѣлавъ на немъ собственноручную надпись: „Это вполнѣ справедливо и согласно съ моими убѣжденіями".

Изъ Парижа, пишетъ графъ Нессельроде, намъ предлагаютъ участвовать въ общемъ конгрессѣ, имѣющемъ цѣлью пересмотръ и новую санкцію трактатовъ 1815 года. Изъ Берлина получено предложеніе для устройства Италіи. Государственный Канцлеръ категорически опровергаетъ мысль о конгрессѣ.

„Относительно конгрессовъ", весьма остроумно замѣчаетъ графъ Нессельроде, „должно сказать тоже самое, что относительно конституцій: они должны существовать раньше, чѣмъ ихъ сочинили. Трактаты, подписанные на конгрессахъ, въ дѣйствительности не устанавливаютъ новаго равновѣсія; они только утверждаютъ на бумагѣ то равновѣсіе, которое силою вещей выработалось вслѣдствіе переворотовъ и войны. Конгрессъ можетъ привести къ устойчивымъ результатамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы права, подлежащіе разрѣшенію, уже разрѣшены на дѣлѣ событіями"...

Съ этой точки зрѣнія еще менѣе выдерживаетъ критики берлинское предложеніе

les affaires d'Italie, supporte encore moins la critique.

De sérieuses divergences entre les gouvernements anglais et russe ne cessaient de se produire dans toutes les questions politiques du jour et accusèrent la gravité d'un fait positif avec lequel les autres Puissances croyaient devoir compter.

Elles ne se produisaient pas seulement à l'occasion de la reconnaissance de la république en France. Lorsque dans le cours de l'été 1848 une nouvelle insurrection éclatait dans les Principautés Danubiennes, l'Empereur Nicolas I prit en mains le rétablissement de l'ordre légal dans ce pays. Les troupes russes occupèrent les Principautés et y rétablirent l'ordre et la tranquillité. Sous la pression de l'ambassadeur d'Angleterre, le Sultan envoya à Bucharest son plénipotentiaire Soliman-Pacha également avec la mission de les pacifier. Mais ayant reçu du gouvernement révolutionnaire provisoire de Bucharest un don de 20.000 ducats, il changea subitement de tactique et s'attachait à démontrer la nécessité impérieuse de réformes pour les Principautés Danubiennes. Lord Palmerston appuyait chaleureusement cette combinaison et s'opposait à un retour à l'ancien régime. Le baron Brunnow s'appliquait avec énergie à défendre le point de vue de son gouvernement en se basant sur le droit incontestable de la Russie de rétablir dans les Principautés l'ancien ordre légal, „non par les Turcs, mais pour les Turcs et sans les Turcs“. Le ministre de Russie insistait à cette occasion particulièrement sur le principe qu'en dehors du rétablissement de l'ordre légal, toute réforme était impossible. Le gouvernement anglais en a fourni lui-même la preuve. Lorsque des troubles éclatèrent à Londres et à Dublin, le gouvernement ne s'engagea point dans la voie des réformes, réclamés par les révolutionnaires, mais augmenta à Londres de 100.000 hommes le nombre de constables et expédia en Irlande une armée de 50.000 hommes pour le rétablissement de l'ordre légal. (Lettre du baron Brunnow à lord Palmerston du 7 (19) septembre 1848).

Quoiqu'il en soit lord Palmerston crut devoir s'incliner devant le fait accompli de l'occupation des Principautés par les troupes russes, il demandait seulement qu'elle ne fût pas de longue durée. Lorsque la diplomatie russe réussit à obtenir de la Porte la signature de la convention de Balta-Liman, consacrant le droit légitime de la Russie d'intervenir dans les affaires

относительно конференціи по итальянскимъ дѣламъ.

Между тѣмъ существенное разногласіе между русскимъ и англійскимъ правительствами относительно текущихъ политическихъ вопросовъ постоянно обнаруживается и обращается въ положительный фактъ, съ которымъ считаются другія державы.

Такое разногласіе обнаружилось не только относительно признанія французской республики. Когда лѣтомъ 1848 года возникло новое возстаніе въ Дунайскихъ княжествахъ, Императоръ Николай I взялъ въ свои руки возстановленіе въ княжествахъ законнаго порядка. Русскія войска вступили въ предѣлы княжествъ и водворили спокойствіе. Но султанъ, подъ давленіемъ англійскаго посла, отправилъ въ Бухарештъ своего уполномоченнаго Солимана-пашу съ порученіемъ возстановить законный порядокъ. Получивъ отъ временнаго революціоннаго правительства въ Бухарештѣ подарокъ въ 20.000 червонцевъ, онъ перемѣнилъ свою тактику и сталъ доказывать необходимость реформъ для Дунайскихъ княжествъ. Лордъ Пальмерстонъ съ жаромъ сталъ поддерживать пользу такихъ преобразованій вмѣсто возвращенія къ старому законному порядку. Баронъ Брунновъ энергически защищалъ точку зрѣнія своего правительства, основываясь на положительномъ правѣ Россіи возстановить въ княжествахъ старый законный порядокъ „не чрезъ турокъ, но для турокъ и безъ турокъ“. При этомъ случаѣ русскій посланникъ краснорѣчиво развивалъ ту мысль, что помимо возстановленія законнаго порядка немыслимы никакія реформы. Это доказало само англійское правительство. Когда начались безпорядки въ Лондонѣ и Дублинѣ, правительство не вступило на путь реформъ, требуемыхъ революціонерами, но увеличило въ Лондонѣ число констэблей на 100.000 человѣкъ и отправило въ Ирландію армію въ 50.000 человѣкъ для возстановленія законнаго порядка. (Письмо барона Бруннова къ лорду Пальмерстону отъ 7-го (19-го) сентября 1848 года).

Когда русская оккупація Дунайскихъ княжествъ обратилась въ положительный фактъ, лордъ Пальмерстонъ преклонился предъ нимъ и только просилъ объ одномъ: о скорѣйшемъ прекращеніи этой оккупаціи. Когда русской политикѣ удалось заставить Порту подписать Балта-Лиманскую конвенцію, подтверждающую законное право Россіи вмѣшиваться во вну-

intérieures des Principautés, lord Palmerston protestait contre le terme de convention trouvant qu'un protocole eut été suffisant. Mais, lorsqu'en mars 1849 lord Dudley Stuart fît à la Chambre des Communes une motion de blâme au sujet de l'occupation russe des Principautés, lord Palmerston n'hésita pas à défendre énergiquement les actes du gouvernement Impérial et insistait sur son droit de se constituer le défenseur de l'ordre dans ce pays. Mais ce fut Disraeli, plus tard lord Beaconsfield, qui avec le plus d'éloquence prit fait et cause pour la politique russe en Orient!

Toutefois cette défense publique des actes du gouvernement russe n'arrêta point les intrigues que tramait lord Palmerston contre la Russie à Constantinople et dans les capitales de l'Occident.

La duplicité de la politique anglaise se manifesta également dans la question du Schleswig-Holstein. D'une part, l'Angleterre se prononçait en faveur du principe de l'inviolabilité de la monarchie danoise, et de l'autre, lord Palmerston semblait encourager les tentatives de l'unification de l'Allemagne sous le sceptre d'un souverain. „L'unité allemande paraissait à lord Aberdeen un rêve absurde et la confiscation des droits de souveraineté des maisons régnantes en Allemagne lui semblerait le comble de l'injustice". Lord Palmerston sympathisait au contraire à tout mouvement révolutionnaire et se laissait entraîner par les fantaisies absurdes de la Diète de Francfort. (Rapport du baron Brunnow du 19 (31) décembre 1848).

En résumant les relations de la Russie avec l'Angleterre dans son compte-rendu pour l'année 1848, le Chancelier de l'Empire s'arrêtait aux conclusions définitives suivantes, portant une empreinte de déception: Lord Palmerston possède un grand talent „de tout brouiller et de tout confondre"; il a tout fait pour éloigner l'Angleterre de la Russie et sa politique se réduit sans cesse à s'incliner devant le parti dominant et à arracher des concessions et des sacrifices aux faibles et aux vaincus.

Dans le cours de l'année 1849, la politique anglaise suscitait encore plus de mécontentement à St. Pétersbourg, lorsque lord Palmerston poursuivait à jouir son rôle „faux et impolitique". Au lieu de se joindre à la Russie pour le rétablissement de l'ordre en Europe, l'Angleterre se rangea ouvertement du côté des insurgés. Partout, disait le Chancelier dans son compte-rendu

треннія дѣла Дунайскихъ княжествъ, лордъ Пальмерстонъ сталъ возражать противъ термина: конвенція, находя, что протоколъ былъ бы достаточенъ. Но когда въ мартѣ 1849 года лордъ Дэдлей Стюартъ внесъ въ Палату Общинъ предложеніе, осуждавшее русскую оккупацію Дунайскихъ княжествъ, лордъ Пальмерстонъ энергическимъ образомъ защищалъ дѣйствія Императорскаго правительства и доказывалъ его право защищать порядокъ въ княжествахъ. Однако, наиболѣе краснорѣчивымъ защитникомъ русской политики на Востокѣ оказался — Дизраэли, впослѣдствіи лордъ Бэконсфильдъ!

Такая публичная защита дѣйствій русскаго правительства нисколько не остановила интригъ лорда Пальмерстона противъ Россіи въ Константинополѣ и въ западно-европейскихъ столицахъ.

Двуличность англійской политики обнаружилась равнымъ образомъ въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ. Съ одной стороны, Англія высказалась за принципъ неприкосновенности Датской монархіи. Съ другой же стороны, лордъ Пальмерстонъ сочувственно относился къ попыткамъ возсоединенія всей Германіи подъ властью одного монарха. Для лорда Эбердина „единство Германіи казалось безразсуднымъ мечтаніемъ и конфискація суверенитета царствующихъ въ Германіи династій верхомъ несправедливости". Лордъ же Пальмерстонъ открыто сочувствовалъ всякому революціонному движенію и увлекался сумасбродными затѣями франкфуртскаго сейма. (Донесеніе барона Бруннова отъ 19-го (31-го) декабря 1848 года).

Обозрѣвая въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1848 годъ отношенія Россіи къ Англіи, Государственный Канцлеръ приходитъ къ слѣдующему окончательному и „печальному" заключенію: великъ талантъ лорда Пальмерстона „все перепутывать и все смѣшивать", онъ все сдѣлалъ для удаленія Англіи отъ Россіи и, наконецъ, вся его политика постоянно заключалась въ преклоненіи предъ торжествующею партіею и въ требованіи уступокъ и жертвъ отъ слабаго и побѣжденнаго.

Еще большее неудовольствіе вызывала въ С.-Петербургѣ англійская политика въ теченіи 1849 года, когда лордъ Пальмерстонъ продолжалъ играть свою „фальшивую и неполитичную роль". Вмѣсто того, чтобъ присоединиться къ Россіи для возстановленія порядка въ Европѣ, Англія открыто стала на сторону бунтовщиковъ. Повсюду, доказывалъ въ своемъ

pour l'année 1849, le gouvernement britannique et ses agents à l'étranger élevaient des difficultés à la Russie et protégeaient ouvertement ses ennemis.

Il est vrai que, c'est un devoir d'équité de reconnaitre, que la politique russe fournissait elle-même souvent l'occasion à l'Angleterre à une pareille ingérence et à une pareille opposition. L'Empereur Nicolas I restait le défenseur inéxorable d'un ordre de choses qui depuis longtemps avait perdu sa raison d'être et demandait de sérieuses modifications. Il assuma le rôle très ingrat, de protéger tous les gouvernements de l'Europe vis-à-vis de leurs sujets mécontents et insoumis. L'Empereur de Russie était fier de son titre de défenseur de la légalité et haïssait de toute son âme tous les adeptes d'un nouveau régime. A l'intérieur de la Russie il pouvait de droit et en toute liberté réaliser son idéal de gouvernement, mais dans les limites des Etats de l'Occident ces tendances devaient nécessairement se heurter à des méfiances et à de l'opposition.

On peut se convaincre de la vérité de ces conclusions par l'histoire de l'intervention militaire de la Russie dans la révolution de Hongrie en 1849. L'Empereur Nicolas I se croyait en droit et en devoir de sauver d'une perte imminente le gouvernement du jeune souverain d'Autriche François-Joseph et n'hésita pas à expédier en Hongrie une armée russe sous le commandement du prince Paskéwitch d'Erivan (voir t. IV du même Recueil, page 580).

On comprend que la nouvelle de l'entrée des troupes russes dans les limites de la Hongrie devait produire en Angleterre une immense impression. Dans les premiers jours du mois de mai le baron Brunnow rencontrait lord Palmerston à un concert de la Cour et lui fit part de cette occupation. Le noble lord accueillit cette communication avec un visible sang-froid et répondit seulement: „finissez en vite!"

C'est sur ces paroles significatives que se quittèrent lord Palmerston et le représentant de Russie.

Après avoir fait quelques pas, le baron Brunnow rencontrait le duc de Wellington auquel il s'empressait de communiquer cette nouvelle. Après un moment de réflexion, le duc dit, avec sa solennité habituelle, les paroles suivantes: „Tâchez d'agir en masse, avec des forces suffi-

всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1849 годъ Государственный Канцлеръ, великобританское правительство и его заграничные агенты воздвигали препятствія противъ Россіи и открыто покровительствовали ея врагамъ.

Правда, справедливость требуетъ сказать, что сама русская политика часто подавала поводы для такого вмѣшательства и противодѣйствія со стороны Англіи. Императоръ Николай I оставался неутомимымъ защитникомъ порядковъ, которые давнымъ-давно потеряли право на существованіе и требовали существенныхъ измѣненій. Онъ принялъ на себя чрезвычайно неблагодарную роль покровителя всѣхъ европейскихъ правительствъ въ отношеніи ихъ недовольныхъ и непокорныхъ подданныхъ. Русскій Царь гордился своимъ титуломъ „стражника законовъ" и отъ души ненавидѣлъ всѣхъ приверженцевъ новыхъ и лучшихъ порядковъ. Въ предѣлахъ Россіи онъ могъ законно и свободно осуществлять свои государственные идеалы; въ предѣлахъ западно-европейскихъ государствъ стремленіе къ нимъ должно было вызвать не только подозрительность, но и противодѣйствіе.

Въ справедливости этого заключенія можно нагляднымъ образомъ убѣдиться изъ исторіи военнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла венгерской революціи 1849 года. Императоръ Николай I призналъ себя въ правѣ и обязаннымъ спасти правительство молодаго австрійскаго императора Франца Іосифа отъ неминуемой гибели посылкою въ Венгрію русской арміи подъ начальствомъ князя Паскевича-Эриванскаго. (См. т. IV, ч. I, стр. 580).

Понятно, что извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Венгріи произвело въ Англіи громадное впечатлѣніе. Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца баронъ Брунновъ встрѣтилъ на придворномъ концертѣ лорда Пальмерстона и сообщилъ ему, между прочимъ, о вступленіи русскихъ войскъ въ Венгрію. Благородный лордъ выслушалъ это заявленіе съ видимымъ равнодушіемъ и только промолвилъ въ отвѣтъ: „Кончайте поскорѣе!"

На этихъ знаменательныхъ словахъ разошлись лордъ Пальмерстонъ и представитель Россіи.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, баронъ Брунновъ встрѣчаетъ герцога Веллингтона, которому онъ тотчасъ же сообщаетъ эту новость. Герцогъ призадумался на мгновеніе и затѣмъ произнесъ, съ обычною торжественностію, слѣдующія слова: „Постарайтесь дѣйствовать мас-

santes pour briser la révolte d'un seul coup. Faites la grande guerre, usez des grands moyens. Vous en disposez."

Les paroles du duc de Wellington attirèrent l'attention sérieuse de l'Empereur qui les souligna dans le rapport du baron Brunnow du 29 avril (11 mai) 1849.

Il n'y avait pas à douter que le gouvernement anglais était très mécontent de cette intervention de la Russie dans les affaires d'Autriche. Il ne devait pas moins s'incliner devant le fait accompli, car l'Empereur d'Autriche lui-même avait invoqué l'appui de la Russie. Le Cabinet de Londres rédoutait sérieusement que cette assistance militaire n'établit „une domination absolue de la Russie sur la monarchie autrichienne", qui pouvait devenir ainsi „le vassal" de l'Empire voisin.

Lorsque au mois d'août 1849 le baron Brunnow fut dans le cas d'annoncer aux ministres anglais la complète pacification de la Hongrie et le rappel des troupes russes, ils ne dissimulaient pas leur satisfaction et exprimaient ouvertement leur admiration au sujet de la générosité de l'Empereur de Russie. Dans une lettre du 15 septembre, lord Palmerston fit au baron Brunnow la déclaration suivante: „Votre Empereur s'est fait grand honneur, — non par le succès de ses armes, parce que tout le monde savait déjà ce que valent les troupes russes, mais par la modération et la générosité qu'il a montrées après la victoire."

Cette satisfaction des ministres anglais à l'occasion du rappel des troupes russes de Hongrie peut paraître étrange de prime abord. Mais il suffit de se rappeler les errements de la politique anglaise qui ne se désaisit jamais d'un territoire, qu'elle a une fois occupé, pour comprendre l'étonnement des ministres anglais de voir la Russie restituer, de plein gré, la Hongrie, conquise par ses armes. C'était la raison qui les portait à exalter la générosité de l'Empereur de Russie.

Malheureusement cette générosité ne contribua nullement à modifier l'attitude de lord Palmerston à l'égard de la Russie. L'hostilité de sa politique se manifesta particulièrement à l'occasion du conflit surgi entre la Russie et la Porte au sujet de l'extradition des insurgés hongrois, réfugiés en Turquie. Sous la pression du fameux Strafford Canning, la Porte refusait

сами — силами достаточными для сокрушенія смуты однимъ ударомъ. Ведите большую войну, большими средствами. Вы ихъ имѣете".

Слова герцога Веллингтона обратили на себя серьезное вниманіе Государя, который ихъ подчеркнулъ въ донесеніи барона Бруннова отъ 29 апрѣля (11-го мая) 1849 г.

Но не было никакого сомнѣнія въ томъ, что англійское правительство было очень недовольно такимъ вмѣшательствомъ Россіи въ дѣла Австрійской имперіи. Оно вынужденно преклонилось предъ совершившимся фактомъ, потому что самъ австрійскій императоръ просилъ о такой помощи со стороны Россіи. Однако Лондонскій кабинетъ сильно боялся возникновенія, вслѣдствіе такой военной помощи, „абсолютнаго господства Россіи надъ австрійскою монархіею", которая должна сдѣлаться „вассальною" въ отношеніи Россіи державою.

Когда же въ августѣ 1849 г. баронъ Брунновъ могъ сообщить англійскимъ министрамъ о полномъ усмиреніи Венгріи и объ отозваніи русскихъ войскъ, они не скрывали своей радости и откровенно выражали свое удивленіе къ великодушію русскаго Царя. Письмомъ отъ 15-го сентября къ барону Бруннову лордъ Пальмерстонъ заявилъ: „Вашъ Государь заслужилъ великою славу не успѣхами своего оружія, ибо каждый знаетъ, чего стоятъ русскія войска, но умѣренностью и великодушіемъ, показанными имъ послѣ побѣды".

Такая радость англійскихъ министровъ по поводу полученія извѣстія объ отозваніи русскихъ войскъ изъ Венгріи, съ перваго взгляда, можетъ показаться странною. Но если припомнить, что по англійской практикѣ никогда не возвращается земля, разъ она фактически занята англійскимъ оружіемъ, то понятно будетъ изумленіе англійскихъ министровъ по поводу извѣстія о добровольномъ возвращеніи Россіею завоеванной ея оружіемъ Венгріи. Вотъ почему они такъ восторгались великодушіемъ русскаго Царя.

Къ сожалѣнію, это великодушіе не заставило лорда Пальмерстона перемѣнить свой образъ дѣйствія въ отношеніи Россіи. Враждебность его политики наглядно обнаружилась по случаю столкновенія между Россіею и Турціею относительно выдачи венгерскихъ бунтовщиковъ, укрывшихся въ Турціи. Порта, подъ давленіемъ пресловутаго сэра Страф-

de faire droit aux réclamations des représentants de la Russie et de l'Autriche. Dans ces conditions, les ministres de ces deux Puissances cessèrent toute relation avec la Porte et une rupture entre ces trois Cours semblait imminente.

L'Angleterre, et à sa suite la France qui prit également fait et cause pour le gouvernement turc, crurent devoir intervenir dans ce conflit entre la Russie et la Porte. La Russie fondait ses réclamations concernant l'extradition des réfugiés hongrois sur l'article II du traité de Koutchouk-Kainardji de 1774. Lord Palmerston s'appliquait à démontrer au baron Brunnow qu'en vertu de ce traité la Russie avait bien le droit d'élever ces réclamations auprès du Sultan, mais que celui-ci n'était nullement tenu de les exécuter. Le baron Brunnow combattait avec énergie cette interprétation machiavélique du traité de Koutchouk-Kainardji, mais dans un rapport confidentiel au chancelier de l'Empire il ne reconnut pas moins que l'opinion du ministre anglais était parfaitement juste. (Rapport du baron Brunnow du 23 septembre (5 octobre) 1849).

Il ne put également s'empêcher de faire ses réflexions lorsque lord Russell lui dit avec une vivacité hors de coutume: „Parceque les Turcs sont faibles et qu'ils sont Turcs,—voulez-vous que je leur conseille de consentir á ce que je regarde moi-même comme une honte pour tout Etat indépendant? Je ne le puis pas. Je me sens incapable de m'y résoudre.“ (Rapport du baron Brunnow du 10 (22) octobre 1849).

Il est vrai que le baron Brunnow n'avait pas en haute estime les capacités politiques des ministres anglais. Il leur attribuait un esprit d'obstination qui les portait souvent à défendre les vues les plus contradictoires. Dans ce trait de caractère il reconnaissait l'effet de la „bizarrerie de l'esprit anglais“ à la suite de laquelle ils veulent une chose et n'agissent pas moins dans un sens contraire. Le baron Brunnow signale comme un exemple frappant le fait suivant: sir Robert Peel avait nommé sir Strafford Canning au poste d'ambassadeur à Constantinople en vue de sauvegarder la paix entre la Russie et la Porte. En attendant la haîne notoire de ce diplomate pour la Russie pouvait facilement amener une rupture entre ces deux Puissances.

Ces choses se passaient en 1849 à l'occasion des réfugiés hongrois en Turquie. Les relations

форда Каннинга, отказалась исполнить требованіе представителей Россіи и Австріи. Тогда русскій и австрійскій посланники прекратили всѣ сношенія съ Портою, и разрывъ между этими тремя державами казался неизбѣжнымъ.

Въ этотъ споръ между Россіею и Турціею вмѣшалась сперва Англія и вслѣдъ за нею Франція, которая также открыто приняла сторону турецкаго правительства. Россія основывала свое требованіе о выдачѣ венгерскихъ бунтовщиковъ на второй статьѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата 1774 г. Лордъ Пальмерстонъ доказывалъ барону Бруннову, что Россія имѣетъ право, въ силу этого трактата, предъявить такое требованіе султану, но послѣдній нисколько не обязанъ исполнить его. Баронъ Брунновъ энергически отрицалъ основательность такого „макіавеллистическаго“ толкованія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Но въ конфиденціальномъ донесеніи Государственному Канцлеру онъ долженъ былъ признать мнѣніе англійскаго министра совершенно справедливымъ. (Донесеніе барона Бруннова отъ 23 сентября (5-го октября) 1849 г.)

Равнымъ образомъ онъ не могъ не призадуматься, когда лордъ Россель, съ небывалою живостію, сказалъ ему: „Потому что Турки слабы и потому что они Турки,—требуете-ли вы, чтобъ я имъ далъ совѣтъ исполнить то, что я самъ считаю позоромъ для всякаго независимаго государства? Я этого не могу. Я признаю себя неспособнымъ рѣшиться на это“. (Донесеніе барона Бруннова отъ 10 (22-го) октября 1849 г.).

Правда, баронъ Брунновъ былъ не особенно лестнаго мнѣнія насчетъ политическихъ способностей англійскихъ министровъ. Онъ приписывалъ имъ всѣмъ духъ упрямства, заставляющій ихъ упорно держаться самыхъ противорѣчивыхъ взглядовъ. Въ этой чертѣ ихъ характера онъ усматривалъ вліяніе „странности англійскаго духа“, въ силу которой они хотятъ одного, а поступаютъ прямо наоборотъ. Въ видѣ осязательнаго доказательства приводитъ баронъ Брунновъ слѣдующій фактъ: сэръ Робертъ Пиль назначилъ сэра Страффорда Каннинга посломъ въ Константинополь изъ желанія поддержать миръ между Россіею и Турціею. Между тѣмъ, извѣстная ненависть этого англійскаго дипломата къ Россіи въ состояніи привести только къ разрыву между обѣими державами.

Случилось это въ 1849 г., по дѣлу венгерскихъ выходцевъ въ Турціи. Отношенія между

entre la Russie et la Porte devenaient si tendues qu'une rupture semblait inévitable. Mais le Sultan se ravisa au dernier moment, et en dépit des conseils de l'ambassadeur d'Angleterre, prit la résolution d'envoyer en mission à St. Pétersbourg Fuad-Effendi, un des plus capables homme d'Etat turc. Cette disposition du Sultan déplut considérablement à Strafford Canning, qui visait non pas à régler, mais à prolonger le conflit entre la Russie et la Porte. En vue de donner plus de courage et d'obstination au Sultan, Strafford Canning donna l'ordre à l'amiral Parker, qui commandait l'escadre de la Méditerannée, de se rapprocher de la capitale de Turquie. L'amiral anglais commença par jeter l'ancre dans la baie de Besika, mais trouvant que cette station n'était pas sans danger, il franchit les Dardanelles et s'arrêta à la sortie du détroit pour demander au Sultan l'autorisation de stationner aux abords de la capitale.

L'Empereur Nicolas I était indigné au dernier degré de cette violation hardie de la convention des détroits de 1841. Déjà le fait que l'escadre s'est rapproché des Dardanelles l'indisposa fortement. Aussi, lorsque le Chancelier de l'Empire lui soumit avec une notice du 8 octobre un projet de dépêche au baron Brunnow, conçu dans un esprit conciliant, refusa-t-il de le sanctionner et donna l'ordre de rédiger une autre dépêche, plus acerbe.

L'Empereur motivait ainsi son refus, dans une annotation autographe, faite sur la notice du comte Nesselrode. „En conscience, je ne puis approuver le projet de cette dépêche, car j'en trouve le langage beaucoup trop à l'eau de rose, tandis que nous savons déjà que l'escadre anglaise est partie pour les Dardanelles; il est bon de répondre à ce goujat de Palmerston, que ses menaces ne nous effrayent pas, ni que nous ne souffrirons pas d'ingérence dans nos affaires directes avec la Porte. Tout cela peut être dit poliment, mais dignement et fortement.“

Le baron Brunnow attribua une portée sérieuse au passage de l'escadre anglaise par les Dardanelles. Il vit dans cette flagrante violation d'un engagement international, tout récemment conclu, non seulement un acte de provocation à la Russie par l'ambassadeur d'Angleterre à Constantinople, mais la preuve de l'hostilité persistante de lord Palmerston à l'égard de la Russie. Il

Россіею и Турціею становились настолько натянутыми, что разрывъ казался неизбѣжнымъ. Но въ послѣднюю минуту султанъ одумался, и вопреки совѣтамъ англійскаго посла, рѣшился командировать въ С.-Петербургъ способнѣйшаго турецкаго государственнаго дѣятеля Фуада-эффенди. Это распоряженіе султана весьма не понравилось сэру Страффорду Каннингу, который желалъ не уладить, но продолжить столкновеніе между Россіею и Турціею. Съ цѣлью вселить въ султанѣ больше мужества и упрямства, Страффордъ Каннингъ приказалъ адмиралу Паркеру, начальствовавшему англійскою эскадрою въ Средиземномъ морѣ, „приблизиться“ къ турецкой столицѣ. Англійскій адмиралъ остановился съ своею эскадрою сперва въ Безикской бухтѣ, но нашелъ, что тамъ стоянка не безопасна. Поэтому адмиралъ прошелъ съ своею эскадрою чрезъ Дарданеллы и остановился у выхода изъ пролива, чтобъ просить у султана разрѣшенія идти дальше и бросить якорь у самой турецкой столицы.

Императоръ Николай I былъ до крайности возмущенъ такимъ дерзкимъ нарушеніемъ конвенціи о проливахъ 1841 г. Уже одно извѣстіе о приближеніи англійской эскадры къ Дарданельскому проливу вызвало его справедливое негодованіе. Поэтому, когда Государственный Канцлеръ представилъ ему, при запискѣ отъ 8 октября, проектъ депеши къ барону Бруннову, написанный въ примирительномъ тонѣ, онъ отказался его утвердить и повелѣлъ написать другую, болѣе рѣзкую, депешу.

Отказъ свой Государь мотивировалъ въ слѣдующей собственноручной резолюціи на запискѣ графа Нессельроде. „По совѣсти я не могу утвердить проекта этой депеши, ибо я нахожу, что она написана въ слишкомъ сладкомъ тонѣ. Между тѣмъ, мы уже знаемъ, что англійская эскадра отправилась къ Дарданелламъ. Полезно было бы отвѣтить этому нахалу Пальмерстону, что его угрозы насъ не устрашаютъ и что мы не допустимъ вмѣшательства въ наши непосредственныя сношенія съ Портою. Все это можетъ быть сказано вѣжливымъ, но достойнымъ и сильнымъ языкомъ“.

Баронъ Брунновъ придалъ чрезвычайно серьезное значеніе проходу англійской эскадры чрезъ Дарданеллы. Онъ увидѣлъ въ этомъ нарушеніи недавно подписаннаго международнаго обязательства не только дерзкій вызовъ, брошенный Россіи англійскимъ посломъ въ Константинополѣ, но равнымъ образомъ доказательство непримиримой враждебности лорда

prévoyait que l'issue finale de cette crise dépendrait de celui-ci. Il est vrai que le premier ministre, John Russell, était loin d'être édifié de l'activité de Canning à Constantinople, et dans un entretien avec le ministre de Russie il parlait de lui dans les termes suivants: „he is a man who quarrels with his own bread and butter", selon un proverbe anglais connu. Toutefois tous les fils de la politique ètrangére de l'Angleterre se trouvaient entre les mains de lord Palmerston, et les représentants des Puissances à la Cour de Londres devaient nécessairement compter avec lui.

Dans ces conditions, le baron Brunnow trouvait qu'il était de son devoir d'obtenir de lord Palmerston l'aveu par écrit, que l'amiral Parker avait violé la convention de 1841, dont la force obligatoire devait être confirmée encore une fois par l'Angleterre. Dans cette circonstance le baron Brunnow ne crut pas devoir toucher à la question de l'avenir des Dardanelles en tant qu'il se rattachait aux destinées de l'Empire Ottoman. A son avis, si les circonstances mettaient cette question à l'ordre du jour, „il ne s'agit pas de savoir qui sera le premier à y arriver, mais qui sera celui, qui y restera le dernier." (Lettre du baron Brunnow au comte Nesselrode du 23 septembre (5 octobre) 1849).

En général, dans les moments critiques de l'existence politique des nations le sang-froid est incomparablement plus précieux que l'ardeur et, dans le cours de cette crise entre la Russie, la Porte et l'Angleterre, le baron Brunnow ne se prodiguait pas à chercher des combinaisons pour arranger cette affaire. Il attendait de sang-froid le pire des résultats, c. a. d. une rupture et se préparait à aborder la catastrophe visière lévée.

Il y avait à cette époque au Foreign Office en qualité d'adjoint perpétuel du secrétaire d'Etat m-r Addington, que le baron Brunnow appelait" l'homme de bien, comme le Sacken *) du Foreign Office". Il s'entretenait souvent avec lui avant d'entrer dans le cabinet de lord Palmerston. Lorsque dans le feu de la crise turco-russe au sujet de la demande d'extradition des réfugiés

*) Le baron R. Th. Osten-Sacken était premier Conseiller au Ministère des affaires étrangères et jouissait de l'estime général à cause de ses capacités, de ses profondes connaissances et d'un rare sentiment du devoir.

Пальмерстона къ Россіи. Онъ зналъ, что отъ послѣдняго будетъ зависѣть окончательный исходъ наступившаго кризиса. Правда, англійскій первый министръ лордъ Джонъ Россель нисколько не восторгался дѣятельностью Каннинга въ Константинополѣ и, въ бесѣдѣ съ русскимъ посланникомъ, отзывался о немъ, какъ „о человѣкѣ, который ссорится съ своимъ собственнымъ хлѣбомъ и масломъ" — по словамъ англійской пословицы. Все-таки, всѣ нити внѣшней политики Англіи находились въ рукахъ лорда Пальмерстона, и съ нимъ нужно было считаться представителямъ иностранныхъ державъ при Лондонскомъ дворѣ.

При такихъ обстоятельствахъ баронъ Бруновъ считалъ себя обязаннымъ добиться отъ лорда Пальмерстона письменнаго признанія въ томъ, что адмиралъ Паркеръ нарушилъ іюльскую конвенцію 1841 года, обязательность которой должна быть вновь подтверждена со стороны Англіи. При этомъ случаѣ баронъ Брунновъ совершенно не коснулся вопроса о будущности Дарданельскаго пролива, связаннаго съ судьбою самой Оттоманской имперіи. По его мнѣнію, если этотъ вопросъ будетъ поставленъ обстоятельствами, то не важно знать, кто первый займетъ проливъ, но важно знать, кто останется на немъ послѣднимъ. Это совершенно справедливо. (Письмо барона Бруннова къ графу Нессельроде отъ 23 сентября (5-го октября) 1849 г.).

Вообще, въ опасныхъ моментахъ политической жизни народовъ хладнокровіе несравненно драгоцѣннѣе ретивости, и баронъ Брунновъ не старался, въ продолженіи описываемаго кризиса между Россіею, Турціею и Англіею, всѣми силами и всевозможными комбинаціями уладить возникшій споръ. Онъ хладнокровно предвидѣлъ самое худшее, т. е. разрывъ и готовился встрѣтить эту катастрофу съ открытымъ забраломъ.

Былъ въ тѣ времена въ англійскомъ Foreign Office непремѣннымъ товарищемъ статсъ-секретаря мистеръ Аддингтонъ, котораго баронъ Брунновъ называлъ „человѣкомъ добра, Сакеномъ *) Foreign Office". Съ нимъ онъ часто бесѣдовалъ, раньше чѣмъ войти въ кабинетъ лорда Пальмерстона. Когда, въ самомъ разгарѣ русско-турецкаго кризиса по поводу требованія

*) Баронъ Р. Ѳ. Остенъ-Сакенъ былъ всѣми почитаемый за свои способности, глубокія познанія и рѣдкую добросовѣстность старшій совѣтникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

hongrois le baron Brunnow esquissait en traits sombres l'horizon politique et prévoyait l'explosion de la guerre, m-r Addington le rassurait par ces mots: „La situation actuelle est grave, il est vrai, mais je ne désespère nullement d'une issue à l'amiable. Assurément, il faut s'attendre, un jour ou l'autre, à ce que les Turcs s'en aillent au Diable. Je ne fais le moindre doute que cela n'arrive avec le temps. Mais, croyez m'en, cela n'arrivera point cette fois-ci." (Lettre du baron Brunnow au comte Nesselrode du 10 (22) octobre 1849).

En effet m-r Addington avait raison. Un accord est intervenu directement entre la Russie et la Porte sans le concours de l'Angleterre, en vertu duquel les réfugiés hongrois furent expulsés de Turquie.

C'est ainsi, d'une manière très conciliante, que se termina ce conflit sérieux entre la Russie et la Porte auquel l'Angleterre avait pris une part active. L'entraînement des Anglais pour les Hongrois, qu'ils aimaient à se représenter tous comme de brillants cavaliers à la Esterhazy, ne tarda pas à s'emousser et les rebelles hongrois cedèrent la place aux Turcs affectionnés.

Toutefois le baron Brunnow ne jugeait pas possible de laisser sans suite l'incident de la violation de la convention des détroits. Il profita d'une invitation de lord Palmerston de se rendre à son château à Broadlands pour fixer avec précision les droits et les devoirs de la Russie et de l'Angleterre quant aux détroits.

Pendant deux jours entiers lord Palmerston discutait avec le baron Brunnow au sujet de la légalité de la conduite de l'amiral Parker. Il affirmait qu'il était dans son droit „de jeter l'ancre en dedans du détroit, mais sans le franchir." Le baron Brunnow contestait cette ingénieuse interprétation de la convention de 1841. Mais lorsque le ministre anglais insistait à défendre son point de vue, le ministre de Russie lui dit: très bien, mais dans ce cas les droits de l'amiral Parker doivent être reconnus à l'amiral Lazarew. Si le premier peut légalement pénétrer dans les Dardanelles, celui-ci peut franchir le Bosphore.

En vue de ces arguments le ministre anglais se rendit compte du danger de son interprétation et consentit à donner des instructions à l'amiral Parker pour le faire revenir immédiatement dans la Méditerranée. Il donna en outre l'assurance au ministre de Russie que „cela n'arrivera plus."

выдачи венгерскихъ выходцевъ, баронъ Брунновъ нарисовалъ въ весьма черныхъ краскахъ политическій горизонтъ и предвидѣлъ войну, мистеръ Аддингтонъ успокоилъ его словами: „Настоящее положеніе серьезно — это правда Но я нисколько не отчаеваюсь насчетъ миролюбиваго его исхода. Сомнѣнія нѣтъ, нужно ожидать, что когда-нибудь Турки уберутся къ чорту. Я нисколько не сомнѣваюсь, что со временемъ это случится. Но, повѣрьте мнѣ, это никакъ не случится въ настоящее время". (Письмо барона Бруннова къ графу Нессельроде отъ 10 (22-го) октября 1849 г.).

И дѣйствительно, мистеръ Аддингтонъ былъ правъ: непосредственно, безъ участія Англіи, состоялось соглашеніе между Россіею и Турціею, въ силу котораго венгерскіе выходцы были изгнаны изъ предѣловъ Турціи.

Такимъ миролюбивымъ образомъ кончилось серьезное столкновеніе между Россіею и Турціею, въ которомъ Англія приняла дѣятельное участіе. Увлеченіе Англичанъ Венгерцами, которыхъ они себѣ воображали всѣхъ блестящими кавалерами à la Esterhazy, также кончилось, и весьма скоро мѣсто Венгерцевъ-бунтовщиковъ заняли возлюбленные Турки.

Однако, случай нарушенія конвенціи о проливахъ баронъ Брунновъ не считалъ возможнымъ оставить безъ послѣдствій. Онъ воспользовался приглашеніемъ лорда Пальмерстона погостить въ его замкѣ Broadlands для лучшаго опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей Россіи и Англіи на проливахъ.

Въ продолженіи двухъ дней лордъ Пальмерстонъ спорилъ съ барономъ Брунновымъ насчетъ законности поступка адмирала Паркера. Онъ утверждалъ, что Паркеръ имѣлъ право „бросить якорь внутри пролива, но не проходя чрезъ него". Брунновъ оспаривалъ такое остроумное толкованіе конвенціи 1841 года. Когда же англійскій министръ упорно отстаивалъ свою точку зрѣнія, русскій посланникъ ему сказалъ: „хорошо, на что имѣетъ право адмиралъ Паркеръ, на то имѣетъ также право адмиралъ Лазаревъ. Если первый законно можетъ войти въ Дарданельскій проливъ, то послѣдній можетъ пройти чрезъ Босфоръ".

Эта аргументація убѣдила англійскаго министра въ опасности его толкованія конвенціи 1841 года, и онъ согласился предписать адмиралу Паркеру немедленно вернуться въ Средиземное море. Кромѣ того, онъ далъ русскому посланнику удостовѣреніе въ томъ, что „этого больше не случится".

*

Le baron Brunnow fut très satisfait de ce résultat de ses débats avec lord Palmerston qui ont duré pendant deux jours sous le toit hospitalier de son magnifique château de Broadlands. Brunnow démontrait au Chancelier de l'Empire que la flotte anglaise devait nécessairement reprendre sa marche en arrière, „parceque cette flotte a rencontré sur son chemin un traité dicté par l'Empereur en 1841... La flotte anglaise s'est retirée, comme notre traité le voulait.“ (Rapport du baron Brunnow du 17 (29) décembre 1849).

Toutefois l'Empereur Nicolas I ne se laissait pas éblouir par ce „brillant“ succès de la diplomatie russe à Londres. Il y avait toujours à ses yeux le fait positif d'une violation hardie d'un engagement international sur la fermeture des détroits, resté impuni et accompli seulement 8 ans après sa proclamation solennelle à la conférence de Londres. L'événement a prouvé la pleine possibilité de franchir les Dardanelles en dépit de la convention de Londres et sans l'autorisation du Sultan. On a lieu de s'étonner que le baron Brunnow pouvait considérer la proclamation sur papier de la fermeture des Dardanelles et du Bosphore comme une fermeture réelle des détroits pour les pavillons de guerre de toutes les nations.

C'est dans le cours de l'année 1850 qu'un coup sensible fut porté à la politique agressive de lord Palmerston. Il prit prétexte de l'incident Pacifico pour faire valoir la force de l'Angleterre vis-à-vis de la Grèce sans ressources. Ce juif portugais avait invoqué la protection de l'Angleterre pour obtenir du gouvernement grec satisfaction à la suite de la spoliation de sa maison par la populace d'Athènes. Une escadre anglaise vint bloquer les côtes de la Grèce et les bâtiments grecs furent arrêtés et confisqués par la flotte britannique.

Le baron Brunnow, de concert avec Drouyn-de-Lhuys, ministre de France, protestaient de la manière la plus énergique contre „cet abus de pouvoir flagrant“. Il s'appliquait à démontrer à lord Palmerston que depuis 1826 tous les ministères anglais n'ont cessé de travailler à conserver l'indépendance du Royaume de Grèce et à y consolider la dynastie régnante. Selon l'avis du ministre de Russie, aucune des trois Puissances protectrices n'avait le droit, sans le consentement des deux autres, de prendre à l'égard de la Grèce des dispositions quelconque pouvant compromettre l'intégrité du territoire ou les bases

Баронъ Брунновъ былъ очень доволенъ такимъ результатомъ своихъ двухдневныхъ споровъ съ лордомъ Пальмерстономъ подъ гостепріимнымъ кровомъ его великолѣпнаго замка Broadlands. Брунновъ доказывалъ Государственному Канцлеру, что англійскій флотъ долженъ былъ уйдти назадъ, „ибо онъ встрѣтилъ на своемъ пути трактатъ, продиктованный Государемъ въ 1841 году... Англійскій флотъ отступилъ, какъ этого требовалъ нашъ трактатъ“. (Донесеніе барона Бруннова отъ 17 (29-го) декабря 1849 года).

Но Императоръ Николай I далеко не увлекался такимъ „блестящимъ“ успѣхомъ русской дипломатіи въ Лондонѣ. Для него остался положительный фактъ безнаказаннаго и дерзкаго нарушенія международнаго закона о закрытіи проливовъ по истеченіи только 8 лѣтъ послѣ его торжественнаго провозглашенія на Лондонской конференціи. При этомъ случаѣ вполнѣ обнаружилась полная возможность проходить чрезъ Дарданельскій проливъ вопреки Лондонской конвенціи 1841 года и помимо разрѣшенія султана. Странно, что баронъ Брунновъ могъ усматривать въ провозглашеніи на бумагѣ принципа закрытія Дарданелловъ и Босфора *дѣйствительное* закрытіе этихъ проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ народовъ.

Наступилъ 1850 годъ, когда вызывающей политикѣ лорда Пальмерстона былъ нанесенъ весьма чувствительный ударъ. Вслѣдствіе претензій португальскаго еврея Пачифико, поставившаго себя подъ покровительство Великобританіи, къ греческому правительству за разграбленіе его дома аѳинскою чернью, лордъ Пальмерстонъ воспользовался случаемъ, чтобъ доказать могущество Англіи безпомощной Греціи. По его распоряженію англійская эскадра блокировала греческіе берега, и греческія суда были задержаны и конфискованы англійскимъ флотомъ.

Баронъ Брунновъ, вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ Друэнъ-де-Льюисомъ, протестовалъ самымъ энергическимъ образомъ противъ такого „вопіющаго злоупотребленія силою“. Онъ доказывалъ лорду Пальмерстону, что всѣ англійскія министерства дѣйствовали съ 1826 г. въ смыслѣ сохраненія независимости Греческаго королевства и упроченія царствующей въ немъ династіи. По мнѣнію русскаго посланника, ни одна изъ трехъ державъ-покровительницъ не имѣетъ права, безъ согласія двухъ другихъ, предпринимать противъ Греціи какія-либо мѣры, могущія компрометировать тер-

de son existence. Il n'admettait pas la pensée „que le sort de ce pays, tant de fois sauvé par nos efforts réunis, ait été compromis par un acte de rigueur dont l'Angleterre veuille donner l'exemple.“ (Lettre du baron Brunnow à lord Palmerston du 22 janvier (3 février) 1850).

Lord Palmerston ne se plaçait pas au même point de vue que le représentant de Russie. Il s'attachait à démontrer que la Russie elle-même a cherché de tout temps à défendre l'indépendance de sa politique contre toute ingérence des autres Puissances. L'Angleterre croit pouvoir revendiquer ce même droit pour elle-même. Si on voulait admettre le principe qu'aucune des trois Puissances protectrices n'a la faculté, sans le consentement des deux autres, de réclamer de la Grèce le respect de ses droits, ce serait placer les Puissances protectrices dans une situation inférieure à celle des autres qui peuvent en toute liberté faire valoir leurs réclamations en cas d'un conflit avec la Grèce. Voici les motifs pour lesquels lord Palmerston insistait sur son droit d'infliger une punition à la Grèce, abandonnée à elle-même par le blocus de ses ports et la capture de ses vaisseaux.

Mais le gouvernement russe persistait à défendre avec énergie la cause de la Grèce et ne laissait pas échapper l'occasion de mettre au pilier de l'opinion publique la politique de lord Palmerston. Lorsque celui-ci faisait connaître son intention de vendre aux enchères tous les vaisseaux grecs capturés, le baron Brunnow lui déclarait que la Russie se chargerait de les acheter et de rembourser les créanciers anglais. Lorsque les croiseurs anglais se mirent à saisir des vaisseaux sous pavillon russe une protestation des plus énergique fut adressée au gouvernement anglais.

Mais le coup le plus décisif fut porté à lord Palmerston par la célèbre note du Chancelier de l'Empire du 7 février 1850 dont copie fut remise personnellement par le baron Brunnow au chef du Foreign Office. Cette note est un des documents les plus remarquables, émanés du Ministère des affaires étrangères de Russie et restera à jamais un témoignage éclatant de l'intelligence et des talents de la diplomatie russe. La publication de cette pièce fut un coup fatal pour lord Palmerston qui ressentit aussitôt l'effet immense qu'elle produisit sur l'esprit publique en Angleterre.

риторіальную неприкосновенность или основы существованія этой страны. Онъ не допускалъ мысли, чтобъ Греція, „неоднократно спасенная нашими общими усиліями, была бы повергнута па край пропасти насиліемъ, исходящимъ отъ Англіи“. (Письмо барона Бруннова къ лорду Пальмерстону отъ 22 января (3-го февраля) 1850 года).

Лордъ Пальмерстонъ не согласился съ точкою зрѣнія представителя Россіи. Онъ доказывалъ, что сама Россія всегда защищала независимость своей политики отъ вмѣшательства другихъ державъ. На такое же право претендуетъ и Англія. Если же допустить, что ни одна изъ трехъ державъ-покровительницъ Греціи не имѣетъ права, безъ согласія двухъ другихъ, требовать отъ Греціи уваженія своихъ правъ, то положеніе державы-покровительницы будетъ хуже положенія остальныхъ державъ, которыя самостоятельно могутъ защищать свои права въ случаѣ столкновенія съ Греціею. Вотъ почему лордъ Пальмерстонъ настаивалъ на своемъ правѣ наказать безпомощное греческое королевство блокадою его портовъ и задержаніемъ его судовъ.

Но русское правительство осталось энергическимъ защитникомъ Греціи и не упускало случая, чтобъ поставить къ позорному столбу англійскую политику лорда Пальмерстона. Когда послѣдній объявилъ, что онъ прикажетъ продать всѣ захваченныя греческія суда съ публичнаго торга, баронъ Брунновъ объявилъ ему, что Россія купитъ всѣ греческія суда и удовлетворитъ всѣхъ кредиторовъ-Англичанъ. Когда англійскіе крейсера стали также захватывать суда подъ русскимъ флагомъ, Лондонскому правительству былъ представленъ самый энергическій протестъ.

Но рѣшительный ударъ былъ нанесенъ лорду Пальмерстону знаменитою нотою Государственнаго Канцлера отъ 7-го февраля 1850 года, копія съ которой была лично вручена барономъ Брунновымъ главѣ Foreign Office. Эта нота представляется однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ документовъ, вышедшихъ изъ русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и навсегда останется памятникомъ ума и таланта русской дипломатіи. Обнародованіе этого акта было роковымъ ударомъ для лорда Пальмерстона, который немедленно почувствовалъ его потрясающее вліяніе на общественное мнѣніе самой Англіи.

En vue de cette portée exclusive de la note de février sur l'incident Pacifico nous croyons devoir la citer presque *in extenso* *).

L'attitude de l'Angleterre vis-à-vis de la Grèce, commence sa dépêche le Chancelier de l'Empire, a produit sur l'Empereur l'impression la plus pénible. Au milieu de la paix la plus profonde, sans le moindre avertissement au sujet des intentions hostiles du gouvernement anglais, sa flotte se présente devant la capitale de la Grèce. „L'amiral Parker, accueilli amicalement par le roi Othon, déploie le jour suivant vis-à-vis de ce Souverain une attitude comminatoire". On ajoute la portée d'un ultimatum à une réclamation insignifiante, produite subitement et le ministre d'Angleterre n'hésite pas à déclarer qu'elle doit être réglée dans les 24 heures, sans égard si elle est juste ou non. A l'expiration de ce terme le blocus des côtes de la Grèce est établi et les vaisseaux grecs sont saisis. „Chacun est juge de sa dignité, et ce n'est pas à nous qu'il appartient de contester au Cabinet anglais la manière dont il croit devoir envisager et comprendre la sienne. Mais ce que nous sommes fondés à remarquer, ce dont nous avons le droit de nous plaindre, c'est le manque complet d'égards que ce procédé sommaire accuse envers les deux Puissances, co-signataires du traité constitutif de la Grèce, et qui, depuis plus de 23 ans, c. a. d. depuis le 6 juillet de l'année 1827 se sont constamment trouvées, sur les affaires de ce pays, en communauté d'intérêt et d'action avec le Cabinet Britannique".

Si le gouvernement anglais avait prévenu les deux autres Puissances au sujet du conflit surgi avec la Grèce, celles-ci n'eussent pas manqué de vouer tous leurs efforts pour arranger cette affaire. Mais loin d'informer ces Puissances il déclinait catégoriquement les bons offices que les représentants de Russie et de France lui proposaient à Athènes.

„A notre tour, Monsieur le Baron", poursuit le Chancelier de l'Empire, „nous ne saurions admettre une fin de non-recevoir pareille. La Grèce n'est point un Etat isolé, ne devant son existence qu'à lui seul et ne relevant que de lui-même. La Grèce est un Etat créé par la Russie

*) Ce document est signalé dans tous les écrits sur le droit international. V. *Calvo*, Droit International, t. III, § 1820.

Въ виду такого исключительнаго значенія февральской ноты по дѣлу Пачифико, мы считаемъ себя обязанными привести ее почти in extenso *).

Образъ дѣйствія Англіи въ отношеніи Греціи, начинаетъ свою депешу Государственный Канцлеръ, произвелъ на Царя самое тяжелое впечатлѣніе. Во время глубокаго мира, безъ малѣйшаго предупрежденія о враждебныхъ замыслахъ англійскаго правительства, флотъ его является предъ столицею Греціи. „Адмиралъ Паркеръ, будучи дружескимъ образомъ принятъ королемъ Оттономъ, обнаруживаетъ съ слѣдующаго дня угрожающій образъ дѣйствія въ отношеніи этого короля". Внезапно предъявленной ничтожной претензіи придается значеніе ультиматума, и англійскій посланникъ объявляетъ, что въ 24 часа претензія должна быть удовлетворена, — все равно, справедлива она, или несправедлива. По истеченіи же 24 часовъ учреждается блокада греческихъ береговъ и задерживаются греческія суда. „Каждый судья своего достоинства, и не намъ подобаетъ оспаривать представленіе и пониманіе англійскимъ правительствомъ своего собственнаго достоинства... Но мы имѣемъ основаніе замѣтить и имѣемъ право жаловаться на полное отсутствіе уваженія, обнаруженное такимъ насильственнымъ образомъ дѣйствія, въ отношеніи двухъ державъ, которыя подписали основной трактатъ относительно Греціи и которыя, въ продолженіи болѣе 23 лѣтъ, т. е. съ 6 іюля 1827 года, всегда находились съ великобританскимъ кабинетомъ въ общности интересовъ и дѣйствій въ отношеніи дѣлъ этой страны".

Еслибъ англійское правительство предупредило другія двѣ державы-покровительницы о возникшемъ между имъ и Греціею столкновеніи, послѣднія приложили бы всѣ усилія для его улаженія. Но англійское правительство не только не предупредило двѣ другія державы, но даже категорически отклонило добрыя услуги, предложенныя ему представителями Россіи и Франціи въ Аѳинахъ.

„Мы не можемъ, съ нашей стороны", продолжаетъ графъ Нессельроде, „согласиться съ отклоненіемъ нашихъ добрыхъ услугъ. Греція вовсе не отдѣльное государство, обязанное своимъ существованіемъ только самому себѣ и зависящее только отъ себя. Греція —

*) Этотъ документъ постоянно приводится въ сочиненіяхъ по международному праву. См. *Calvo*. Droit international, t. III, § 1820.

et par la France, au même titre et aux mêmes conditions qu'il l'a été par l'Angleterre. Les trois Puissances l'ont fondé en commun; elles ont fixé en commun ses limites et sa forme de gouvernement; elles ont contracté en commun, chacune envers les deux autres, l'engagement de respecter son indépendance, de maintenir son intégrité, d'affermir la dynastie qu'elles y ont placée sur le trône; et dès lors il ne saurait appartenir à l'une d'elles, de défaire cette œuvre collective; de blesser cette indépendance; d'attenter à cette intégrité; d'ébranler cette dynastie, en l'humiliant aux yeux du monde; de troubler la tranquillité du pays, en l'exposant, par la seule apparition d'une flotte menaçante, aux tentatives des factieux et peut-être à la guerre civile".

Il fut recommandé d'ordre suprême au baron Brunnow de faire au gouvernement anglais les représentations les plus sérieuses au sujet de ses prétentions concernant non seulement l'acquittement d'une créance nullement prouvée, mais encore deux îles grecques, subitement occupées par la flotte anglaise au nom du gouvernement des îles Ioniennes.

„L'accueil qui sera fait à nos représentations", dit en terminant sa note remarquable le Chancelier de l'Empire, „est destiné à jeter un grand jour sur la nature des relations que nous aurons désormais à attendre de l'Angleterre, je dirai plus, sur sa position vis-à-vis de toutes les Puissances, grandes ou petites, que leur littoral expose à une attaque inopinée. Il s'agit, en effet, de savoir, si la Grande Bretagne, abusant de la situation que lui fait son immense supériorité maritime, prétend s'enfermer désormais dans une politique d'isolement, sans souci des transactions qui la lient aux autres Cabinets, se dégager de toute obligation commune, de toute solidarité d'action et autoriser chaque grande Puissance, toutes les fois qu'elle en trouvera l'occasion, à ne reconnaître envers les faibles d'autre règle que sa volonté, d'autre droit que sa force matérielle".

La note du Chancelier de l'Empire, dont copie fut remise à lord Palmerston par le baron Brunnow, produisit une forte impression sur le ministre anglais et ses collègues. Son argu-

государство, созданное Россіею и Франціею столько же и на тѣхъ же условіяхъ, насколько оно создано Англіею. Эти три державы создали ее общими силами; онѣ общимъ совѣтомъ опредѣлили ея границы и ея форму правленія; онѣ приняли въ отношеніи другъ къ другу общее обязательство уважать ея независимость, охранять ея неприкосновенность и поддерживать поставленную ими на престолъ династію. Отсюда слѣдуетъ, что одной изъ нихъ не можетъ принадлежать право разрушить это общее дѣло, нарушить эту независимость, покушаться на ея неприкосновенность, колебать ея династію, унижая ее предъ всѣмъ свѣтомъ, нарушать спокойствіе этой страны, вызывая однимъ появленіемъ угрожающаго флота замыслы революціонеровъ и, можетъ быть, междоусобную войну".

По Высочайшему повелѣнію барону Бруннову было предписано сдѣлать англійскому правительству самыя серьезныя представленія на счетъ его претензій, которыя не только касались уплаты ничѣмъ не доказанной суммы денегъ, но также двухъ греческихъ островковъ, совершенно неожиданно занятыхъ англійскимъ флотомъ отъ имени Іоническихъ островковъ.

„Пріемъ, который будетъ оказанъ нашимъ представленіямъ", оканчиваетъ свою замѣчательную ноту Государственный Канцлеръ, „прольетъ свѣтъ на характеръ отношеній, которыхъ отнынѣ нужно ожидать со стороны Англіи. Даже, скажу больше, этотъ пріемъ выяснитъ положеніе Англіи въ отношеніи всѣхъ державъ, великихъ и малыхъ, которыхъ побережье повергаетъ ихъ опасности внезапнаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, нужно знать, намѣрена-ли Англія, злоупотребляя своимъ положеніемъ, создавшимъ ея господство на морѣ, отнынѣ дѣйствовать въ смыслѣ политики разобщенности, не обращая вниманія на обязательства, связующія ее съ другими державами, освободиться отъ всякихъ общихъ обязательствъ, отъ всякой солидарности дѣйствій и дать право каждой великой державѣ, всякій разъ когда она найдетъ это удобнымъ, не признавать въ отношеніи слабыхъ другого закона, кромѣ своей воли, другого права, кромѣ своей матеріальной силы".

Нота Государственнаго Канцлера, копія съ которой была вручена лорду Пальмерстону барономъ Брунновымъ, произвела на англійскаго министра и его коллегъ сильнѣйшее впе-

mentation était si irréfutable que lord Palmerston mettait deux mois à préparer sa réponse.

Mais ce n'est pas seulement dans les sphères officielles que la note de février produisit une immense impression. Une fois publiée, elle réagit fortement sur l'esprit public en Angleterre et contribua à ébranler sérieusement la situation du Cabinet de lord John Russel. En rendant compte de la note russe le „Times“ s'exprimait dans les termes suivants:

„Jamais dépêche touchant plus profondément à la paix de l'Europe, à la dignité de notre pays et aux relations extérieures de la Grande Bretagne n'a été remise à un ministre anglais; et jamais, nous sommes malheureusement forcés de l'ajouter, il n'en a été de plus irréfutable, de plus juste dans ses principes et de plus piquante dans ses reproches“.

Ces paroles de la feuille la plus influente en Angleterre confirmaient en tous points ce que le baron Brunnow écrivait au Chancelier de l'Empire au mois de mai sur l'affaire Pacifico: „Aux yeux de l'Europe il existe une autorité plus haute que celle de toutes les formules écrites du droit rigoureux: c'est la conscience morale de ce qui est généreux et de ce qui est humain“.

Mais lord Palmerston refusait catégoriquement de reconnaître l'autorité morale de ces principes immuables de vérité et de justice dans le domaine des relations internationales. Dans sa réponse du 2 avril 1850 à la note du 7 (19) février le ministre anglais se défendait d'avoir abusé de la force brutale à l'égard de la Grèce et s'appliquait à démontrer que ses reclamations, trouvées exagérées, étaient fondées en droit. Dans sa réponse du 14 (26) avril le Chancelier de l'Empire insistait de son côté sur l'idée que les prétentions anglaises étaient demesurées et ne répondaient nullement aux pertes réelles, éprouvées par Pacifico. D'ailleurs l'Angleterre était tenue de s'adresser préalablement aux bons offices des deux autres Puissances protectrices de la Grèce — la Russie et la France, et de chercher par leur concours à être réintégré dans ses droits légitimes.

Lord Palmerston protestait énergiquement contre ce point de vue. Lorsque le baron Brunnow lui donna connaissance de la note d'avril du comte Nesselrode, il s'écriait avec colère:

чатлѣніе. Ея аргументація была настолько неопровержима, что лорду Пальмерстону понадобились два мѣсяца для составленія отвѣта на нее.

Но не на англійскія только правительственныя сферы февральская нота произвела потрясающее впечатлѣніе. Будучи обнародована, нота не менѣе сильно подѣйствовала на общественное мнѣніе Англіи и серьезно подорвала положеніе кабинета лорда Джона Росселя. Въ „Times“ была напечатана статья о русской нотѣ, въ которой встрѣчалась слѣдующая ея оцѣнка:

„Никогда депеша, болѣе глубоко затрогивающая миръ Европы, достоинство нашего отечества и внѣшнія сношенія Великобританіи, не была еще вручаема какому-либо англійскому министру. Никогда, мы, къ несчастію, принуждены прибавить, не было представлено и депеши болѣе неопровержимой, болѣе справедливой въ основныхъ началахъ и болѣе колкой въ упрекахъ“.

Эти слова вліятельнѣйшей англійской газеты вполнѣ подтвердили то, что баронъ Брунновъ писалъ въ маѣ 1850 года Государственному Канцлеру по дѣлу Пачифико. „Въ глазахъ Европы“, писалъ онъ, „существуетъ авторитетъ выше авторитетовъ всѣхъ писанныхъ формулъ строгаго права: это нравственное сознаніе того, что благородно и что человѣчно“.

Но лордъ Пальмерстонъ наотрѣзъ отказался признать такой нравственный авторитетъ неизмѣнныхъ началъ правды и справедливости въ области международныхъ отношеній. Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 2 апрѣля 1850 г., Императорскому правительству, на ноту отъ 7 (19-го) февраля, англійскій министръ старается опровергнуть обвиненія въ злоупотребленіи грубою силою и доказать законность предъявленныхъ Греціи чрезмѣрныхъ претензій. Но графъ Нессельроде, въ своемъ отвѣтѣ отъ 14 (26-го) апрѣля, настаиваетъ на томъ, что англійскія претензіи чрезмѣрны и совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительной потерѣ, понесенной Пачифико. Сверхъ того, Англія должна была предварительно обратиться къ добрымъ услугамъ двухъ другихъ державъ — покровительницъ Греціи, т. е. Россіи и Франціи, и стараться чрезъ ихъ посредство добиться возстановленія своихъ законныхъ правъ.

Лордъ Пальмерстонъ энергически отрицалъ такую точку зрѣнія. Когда баронъ Брунновъ прочелъ ему апрѣльскую ноту графа Нессельроде, онъ со злобою воскликнулъ: „Вы

„Vous nous faites la leçon comme on la fait aux enfants, et vous nous traitez comme tels". Là-dessus le ministre anglais se mit à démontrer que le point de vue russe sur les relations mutuelles des trois Puissances protectrices de la Grèce une fois admis — la situation de ces Puissances serait inférieure à celle de toutes les autres. Dans le cas où celles-ci auraient des reclamations à élever à la charge de la Grèce, elles pourraient le faire en toute liberté. Si par contre l'une des Puissances protectrices avait à obtenir satisfaction de la Grèce, elle devrait préalablement s'assurer du consentement des deux autres pour faire valoir ses prétentions légitimes.

„Je ne puis pas souscrire à cette doctrine", disait lord Palmerston. „Je ne saurais admettre en principe, que l'Angleterre, pour avoir constitué le nouvel Etat, soit obligée de se laisser insulter ou léser par lui, et qu'elle ait moins qu'une autre Puissance non-garante, le droit de demander et d'obtenir le redressement de ses griefs".

Le ministre de Russie ne partageait pas l'avis de lord Palmerston. Il interprétait la pensée du gouvernement Impérial dans ce sens que „les trois Puissances qui ont fondé l'existence du nouvel Etat, ont plus que toutes les autres le droit à veiller à sa conservation et à son bien-être. De là l'obligation morale pour elles de s'abstenir isolément de ce qui peut compromettre le repos et l'existence d'un Etat qu'elles ont créé et garanti en commun".

„D'ailleurs", ajoutait le baron Brunnow, „chacun reste de son avis. Prolonger la controverse serait inutile". (Rapport du baron Brunnow du 23 avril (5 mai) 1850).

Le baron Brunnow cessait en effet la discussion avec lord Palmerston dont la position était quelque peu ébranlée par la motion de blâme, votée par la Chambre des Lords, au sujet de sa politique dans l'affaire Pacifico. Mais il obtint par contre un succés éclatant à la Chambre des Communes après un discours qui a duré plus de quatre heures et qui exposait de la manière la plus inexacte tous les détails de cet incident.

Toutefois, le ministre de Russie ne laissait jamais échapper l'occasion pour signaler aux autres hommes d'Etat influents en Angleterre tout le danger de cette politique, pleine de chicane, de lord Palmerston. Il dit à lord Lands-

дѣлаете намъ выговоры, какъ читаютъ нотаціи дѣтямъ, и обращаетесь съ нами, какъ съ дѣтьми!" Вслѣдъ затѣмъ англійскій министръ сталъ доказывать, что если принять русскую точку зрѣнія на взаимныя отношенія трехъ державъ-покровительницъ къ Греціи, то окажется, что положеніе этихъ державъ хуже положенія всѣхъ остальныхъ государствъ. Если послѣднія имѣютъ какую-либо претензію къ Греціи, они могутъ самостоятельно требовать удовлетворенія. Если же одна изъ державъ-покровительницъ ищетъ удовлетворенія отъ Греціи, то должна сперва испросить согласіе двухъ остальныхъ для осуществленія своего законнаго права.

„Я не могу согласиться съ такою теоріею", сказалъ лордъ Пальмерстонъ. „Я не могу, въ принципѣ, допустить, чтобы Англія, за учрежденіе этого новаго государства, была бы обязана позволять ему оскорблять себя и терпѣть отъ него вредъ, и чтобы она меньше, чѣмъ всякая другая держава-непоручительница, имѣла бы права требовать удовлетворенія своихъ претензій".

Русскій посланникъ оспаривалъ мнѣніе лорда Пальмерстона. Онъ объяснялъ мысль Императорскаго правительства въ томъ смыслѣ, что „три державы, основавшія это новое государство (Грецію), больше, чѣмъ всѣ другія, имѣютъ право охранять его жизнь и благоденствіе. Отсюда вытекаетъ для нихъ нравственный долгъ воздерживаться, каждой отдѣльно, отъ всего, что можетъ угрожать спокойствію и жизни этого государства, ими созданнаго и поставленнаго подъ ихъ общую гарантію".

„Впрочемъ", прибавилъ баронъ Брунновъ, „каждый остается при своемъ мнѣніи, и продолжать споръ было бы безполезно". (Донесеніе барона Бруннова отъ 23 апрѣля (5-го мая) 1850 года).

Баронъ Брунновъ дѣйствительно прекратилъ споръ съ лордомъ Пальмерстономъ. Положеніе послѣдняго было немного поколеблено принятіемъ Палатою Лордовъ резолюціи, осуждавшей его политику въ дѣлѣ Пачифико. Но за то въ Палатѣ Общинъ онъ одержалъ блестящую побѣду надъ оппозиціею послѣ рѣчи, продолжавшейся 4 часа и наполненной совершенно превратнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла.

Однако, русскій посланникъ не упускалъ случая, чтобъ объяснить другимъ вліятельнымъ государственнымъ дѣятелямъ Англіи всю опасность задирающей политики лорда Пальмерстона. Лорду Ландсдоуну, президенту Тайнаго

downe, président du Conseil Privé, que non seulement il ne pouvait accepter un dîner chez lord Palmerston, mais que lui-même serait embarrassé d'envoyer une invitation pour dîner chez lui, trois semaines à l'avance, quand il s'attendait, d'un moment à l'autre, à une rupture entre la Russie et l'Angleterre. Il s'expliquait également avec le duc de Wellington qui ne put s'empêcher de convenir que „toute la conduite de lord Palmerston était une véritable insanité". (Rapport du baron Brunnow du 30 mai (11 juin) 1850).

L'Empereur Nicolas I approuvait entièrement cette attitude de son représentant à la Cour de St.-James. Il fut particulièrement surpris du jugement porté par lord Landsdowne sur la politique de lord Palmerston. Il dit au baron Brunnow en mai 1850: „Tenez pour certain que maintenant vous pouvez rester tranquille. Ce qui est arrivé, n'arrivera plus. Nous avons eu assez d'embarras. Nous voulons ne plus en avoir".

Mais l'Empereur Nicolas I ne dissimulait point que des paroles ne lui suffisaient pas. Il lui fallait des faits. La conduite de l'Angleterre à l'égard de la Grèce laissa en lui un sentiment de profonde déception: jusqu'à ce moment il pensait que la Russie pouvait compter sur l'Angleterre pour le maintien de l'ordre et de la paix en Europe. Il s'est convaincu maintenant que l'Angleterre elle-même concevait tout autrement les principes du droit international et se montrait disposée à violer la paix de l'Europe de la manière la plus arbitraire.

Les divérgences sérieuses, surgies entre la Russie et l'Angleterre à l'occasion des affaires de Grèce n'arrêtèrent pas les négociations qui se poursuivaient à Londres en vue d'assurer l'intégrité de la monarchie Danoise après la mort du roi Frédéric VII de la maison d'Oldenburg, qui régnait à cette époque. Le protocole ci-dessous signé à Londres devait consacrer les droits imprescriptibles du roi de Danemarc sur les duchés de Schleswig et de Holstein et le protéger contre des attentats éventuels de la Prusse et de la Conféderation Germanique. Bunsen, le ministre de Prusse, refusa de signer cet acte et le représentant de l'Autriche ne se résigna à le faire qu'après un laps de temps.

L'Empereur Nicolas I sanctionna en tous points le document ci-dessous, dans la pensée qu'il servirait à garantir le principe de l'intégrité du Danemarc. Les événements de 1864 ont prouvé que ces prévisions étaient illusoires.

Совѣта, онъ сказалъ, что не только не принялъ приглашенія лорда Пальмерстона на обѣдъ, но и самъ не можетъ, за три недѣли впередъ, посылать приглашенія на обѣдъ у себя, ибо ждетъ, во всякое время, разрыва между Россіею и Англіею. Съ герцогомъ Веллингтономъ онъ также объяснялся и вызвалъ съ его стороны слѣдующую откровенность: „Весь образъ дѣйствія лорда Пальмерстона — настоящее безуміе". (Донесеніе барона Бруннова отъ 30 мая (11-го іюня) 1850 года).

Императоръ Николай I вполнѣ одобрялъ поведеніе своего представителя при С.-Джемскомъ дворѣ. Онъ въ особенности былъ пораженъ отзывомъ лорда Лаунсдоуна о политикѣ лорда Пальмерстона. Первый сказалъ барону Бруннову, въ маѣ 1850 года: „Теперь, будьте увѣрены, вы можете быть покойны. То, что произошло, больше не повторится. У насъ было довольно хлопотъ. Мы ихъ больше не желаемъ имѣть".

Но Императоръ Николай I не скрывалъ, что для него недостаточны слова: ему нужны дѣла. Поведеніе Англіи противъ Греціи оставило въ Государѣ чувство глубокаго разочарованія: до сихъ поръ онъ думалъ, что Россія можетъ разсчитывать на Англію для поддержанія порядка и мира въ Европѣ. Теперь онъ убѣдился, что сама Англія совершенно иначе понимаетъ начала международнаго права и готова нарушить европейскій миръ самымъ произвольнымъ образомъ.

Крупное разногласіе, возникшее между Россіею и Англіею по поводу Греческаго дѣла, не остановило дипломатическихъ переговоровъ въ Лондонѣ по вопросу объ обезпеченіи неприкосновенности Датской монархіи послѣ смерти царствовавшаго датскаго короля изъ Ольденбургскаго дома, Фридриха VII. Подписанный въ Лондонѣ нижеслѣдующій протоколъ долженъ былъ охранять неотъемлемыя права Датской монархіи на герцогства Шлезвигъ и Голштинію противъ посягательствъ на нихъ со стороны Пруссіи и Германскаго Союза. Прусскій посланникъ Бунзенъ отказался подписать этотъ актъ и австрійскій представитель подписалъ его только по истеченіи нѣкотораго времени.

Императоръ Николай I совершенно одобрилъ нижеслѣдующій актъ, полагая, что имъ навсегда обезпеченъ принципъ неприкосновенности Даніи. События 1864 года доказали ошибочность этого убѣжденія.

Présens: les plénipotentiaires d'Autriche, de Danemarc, de France, de la Grande Bretagne, de Russie et de Suède et de Norvège.

S. M. l'Empereur d'Autriche, le Président de la République Française, S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, S. M. le Roi de Prusse, S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et S. M. le Roi de Suède et de Norvège, considérant que le maintien de l'intégrité de la Monarchie Danoise, lié aux intérêts généraux de l'équilibre Européen, est d'une haute importance pour la conservation de la paix, ont résolu, à l'invitation de S. M. le Roi de Danemarc, de constater le parfait accord qui subsiste entre leurs Cabinets quant au maintien de ce principe, et autorisé leurs plénipotentiaires réunis en conférence à émettre en leur nom la déclaration ci-après:

§ 1.

Le désir unanime des dites Puissances est que l'état des possessions actuellement réunies sous la domination de S. M. Danoise soit maintenu dans son intégrité.

§ 2.

En conséquence, elles reconnaissent la sagesse des vues qui déterminent S. M. le Roi de Danemarc à régler éventuellement l'ordre de succession dans Sa Royale Maison, de manière à faciliter les arrangemens au moyen

Присутствовали: уполномоченные Австріи, Даніи, Франціи, Великобританіи, Россіи и Швеціи и Норвегіи.

Е. В. Императоръ Австрійскій, Президентъ Французской Республики, Е. В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Е. В. Король Прусскій, Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Король Шведскій и Норвежскій, принимая во вниманіе, что поддержаніе цѣлости Датской Монархіи, связанное съ общими интересами Европейскаго равновѣсія, имѣетъ большую важность для сохраненія мира, рѣшили, по приглашенію Е. В. Короля Датскаго, засвидѣтельствовать совершенное согласіе, существующее между ихъ кабинетами по вопросу о соблюденіи сего принципа, и поручили своимъ уполномомоченнымъ, собраннымъ въ конференцію, сдѣлать отъ ихъ имени нижеслѣдующую декларацію:

§ 1.

Единодушное желаніе поименованныхъ Державъ заключается въ томъ, чтобы владѣнія, соединенныя нынѣ подъ властью Его Датскаго Величества, сохранялись въ цѣлости.

§ 2.

Вслѣдствіе сего онѣ признаютъ мудрость видовъ, побуждающихъ Е. В. Короля Датскаго опредѣлить на будущее время порядокъ наслѣдованія въ его королевскомъ домѣ такимъ образомъ, чтобы облегчить соглашенія, посред-

desquels le but ci-dessus mentionné pourra être atteint sans altérer les relations du Duché de Holstein avec la Confédération Germanique.

§ 3.

Elles se félicitent que les négociations ouvertes à Berlin sous la médiation de la Grande Bretagne aient déjà amené la signature d'un Traité entre le Danemarc et la Prusse, en son nom et au nom de la Confédération Germanique, Traité, qui, elles en ont le ferme espoir, aura pour résultat le rétablissement de la paix.

§ 4.

Voulant de leur côté manifester dès à présent leur désir de faciliter en autant qu'il peut dépendre d'elles, la conclusion des arrangemens mentionnés dans l'Article II du présent Protocole, les dites Puissances se réservent de se concerter entre elles, afin de donner à ces arrangemens un gage additionnel de stabilité par un acte de reconnaissance Européenne. Il est convenu que cette déliberation aura lieu à Londres, et que les dites Puissances muniront à cet effet leurs représentans des pleins pouvoirs nécessaires.

(L. S.) Reventlow.
(L. S.) E. Drouyn de Lhuys.
(L. S.) Palmerston.
(L. S.) Brunnow.
(L. S.) J. G. Rehausen.

ствомъ коихъ вышеозначенная цѣль можетъ быть достигнута безъ нарушенія отношеній герцогства Голштинскаго къ Германскому Союзу.

§ 3.

Онѣ выражаютъ удовольствіе, что происходившіе въ Берлинѣ, при посредничествѣ Великобританіи, переговоры привели уже къ подписанію трактата между Даніею и Пруссіею, отъ ея имени и отъ имени Германскаго Союза, каковой трактатъ, какъ онѣ твердо надѣются, будетъ имѣть результатомъ возстановленіе мира.

§ 4.

Желая съ своей стороны заявить нынѣ же ихъ добрую волю облегчить, насколько можетъ отъ нихъ зависѣть, заключеніе упомянутыхъ въ статьѣ II сего Протокола соглашеній, названныя Державы предоставляютъ себѣ условиться о томъ, чтобы придать означеннымъ соглашеніямъ еще бóльшее ручательство прочности посредствомъ акта Европейскаго признанія. Постановляется, что совѣщаніе о семъ будетъ происходить въ Лондонѣ и что реченныя Державы снабдятъ на сей конецъ своихъ представителей необходимыми полномочіями.

(М. П.) Ревентловъ.
(М. П.) Е. Друэнъ де Льюисъ.
(М. П.) Пальмерстонъ.
(М. П.) Брунновъ.
(М. П.) І. Г. Рехаузенъ.

№ 454.

1852, 26 avril (8 mai). Traité de Londres, consacrant l'intégrité du Danemarc et signé par les plénipotentiaires de Russie, d'Autriche, d'Angleterre, de France, de Prusse, de Suède et de Norvège.

L'année 1851 fut signalée par deux événements importants: l'élection du prince Louis Napoléon à la présidence de la République française et la retraite de lord Palmerston. Il y eut encore un événement qui attira l'attention du monde civilisé sur l'Angleterre — ce fut la première exposition universelle, organisée à Londres sur l'initiative et sous la direction personnelle du prince-consort. Les produits modèle de l'industrie de l'époque furent en effet réunis à cette exposition.

Il est curieux de constater que cette première exposition rencontrait beaucoup de détracteurs qui se plaisaient à démontrer le danger et l'inutilité de semblables exhibitions. Le baron Brunnow était de ce nombre; c'est bien contre son gré qu'il exécutait les instructions du gouvernement Impérial concernant la participation de la Russie à cette œuvre. Il suppliait le Chancelier de l'Empire de limiter autant que possible le chiffre des passeports délivrés pour l'étranger, car les sujets russes n'ont rien à faire à Londres et à l'exposition universelle: „Ils n'ont rien de profitable à apprendre ici", écrivait le baron Brunnow au comte Nesselrode à la date du 22 janvier (3 février) 1851, „au milieu du concours général des aventuriers et des industriels révolutionnaires qui vont refluer à Londres de tous côtés". L'Empereur Nicolas I fit sur cette lettre l'inscription suivante: „C'est aussi mon opinion".

On est embarrassé de s'expliquer cette opinion du baron Brunnow au sujet de l'utilité des expositions universelles. Il est possible que la nouveauté de l'œuvre et le caractère personnel du baron qui n'aimait pas à être troublé dans son repos olympien par les sollicitations des touristes russes étaient pour quelque chose dans cette manière étrange d'apprécier ce premier concours des nations sur le terrain de l'industrie, si admirablement organisé. Ces vues étroites du baron Brunnow sur cette matière

№ 454.

1852 г., апрѣля 26 (мая 8-го). Лондонскій трактатъ, провозглашающій неприкосновенность Датской монархіи и подписанный уполномоченными Россіи, Австріи, Англіи, Франціи, Пруссіи, Швеціи и Норвегіи.

Въ 1851 году совершились два крупныя событія: избраніе принца Луи Наполеона въ президенты французской республики и отставка лорда Пальмерстона. Но было еще другое событіе, обратившее вниманіе всего цивилизованнаго міра на Англію. Это — первая всемірная выставка въ Лондонѣ, устроенная по идеѣ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ принца-консорта. На этой выставкѣ были собраны дѣйствительно лучшія произведенія тогдашней промышленности.

Любопытно, что первая Лондонская всемірная выставка находила весьма много ярыхъ противниковъ, доказывавшихъ вредъ и безполезность такихъ выставокъ. Къ такимъ противникамъ принадлежалъ также баронъ Брунновъ, который весьма неохотно исполнялъ предписанія Императорскаго правительства, относящіяся до участія Россіи въ первой всемірной выставкѣ. Онъ умолялъ Государственнаго Канцлера ограничивать, насколько возможно, число выдаваемыхъ заграничныхъ паспортовъ, потому что русскимъ подданнымъ нечего дѣлать въ Лондонѣ и на всемірной выставкѣ. „Ничему полезному", писалъ баронъ Брунновъ гр. Нессельроде 22 января (3 февр.) 1851 года, „они не научатся здѣсь, среди общаго съѣзда искателей приключеній и промышленниковъ-революціонеровъ, собирающихся въ Лондонъ со всѣхъ сторонъ". Императоръ Николай I надписалъ на этомъ письмѣ: „Это также и мое мнѣніе".

Несовсѣмъ легко себѣ объяснить мнѣніе барона Бруннова насчетъ пользы всемірныхъ выставокъ. Можетъ быть, новизна этого дѣла, можетъ быть своеобразный характеръ барона, нелюбившаго быть выводимымъ изъ его олимпійскаго спокойствія просьбами русскихъ туристовъ, прибывшихъ въ Англію, были причинами такого страннаго взгляда на первое дѣйствительно образцово устроенное состязаніе народовъ на поприщѣ промышленности. Столь узкій взглядъ барона Бруннова на все-

doivent d'autant plus surprendre qu'il en avait de très larges sur toutes les autres questions politiques.

Il fit preuve entr'autres de cette remarquable faculté de traiter avec lucidité les questions politiques les plus complexes en automne 1851, lorsque se trouvant en congé à St. Pétersbourg il reçut du Chancelier de l'Empire la mission de rédiger des mémoires sur les affaires les plus importantes de la politique du jour.

Mais avant de parler de ces mémoires du baron Brunnow nous croyons devoir rappeler qu'avant son départ de Londres en septembre 1851, il eut des entrevues avec lord Russell, Palmerston et le duc de Wellington. L'entretien avec le chef du Foreign Office a été d'une nature très laconique: les deux interlocuteurs ont parlé des affaires générales de Grèce, de Perse etc. sans abattre les cartes. L'échange d'idées avec le premier ministre était bien plus intéressant.

Lord Russel se plaisait entr'autres à démontrer que l'Angleterre avait incontestablement le droit de réclamer une indemnité des gouvernements italiens pour les pertes subies par les sujets anglais lors des troubles en Italie. Le baron Brunnow hésitait à déclarer à lord Russell qu'il trouvait les prétentions des sujets anglais „intolérables", car ils se placent partout au-dessus de la loi. Mais le ministre de Russie profita de l'occasion pour rappeler au chef du Cabinet anglais les réclamations fondées des sujets russes qui ont éprouvé des dommages sérieux à l'occasion du blocus des côtes grecques par la flotte anglaise. En réponse, lord Russell signalait la réclamation d'un sujet anglais dont le navire a été saisi dans un port russe de la mer Noire.

Sans se laisser intimider le baron Brunnow répliquait à lord Russel: „je crois vous connaître assez pour savoir que si nous commencions par vous payer, vous mettriez notre argent en poche, sauf ensuite à nous refuser tout payement, lorsque nous viendrons à vous demander de faire droit à nos réclamations, de même que nous avons admis les vôtres. Selon vos us et coutumes, je le sais fort bien, il n'y a pas de réciprocité en pareil cas". En présence de cette franchise du ministre de Russie, lord Russell éclata de rire avec bonhomie.

мiрныя выставки тѣмъ болѣе странен, что Брунновъ несомнѣнно обладалъ весьма обширнымъ горизонтомъ во всѣхъ другихъ политическихъ вопросахъ.

Эту свою замѣчательную способность ясно и убѣдительно трактовать о самыхъ сложныхъ политическихъ вопросахъ доказалъ онъ, между прочимъ, осенью 1851 года, когда онъ, находясь въ отпуску въ С.-Петербургѣ, получилъ отъ Государственнаго Канцлера порученiе составить записки о всѣхъ главнѣйшихъ политическихъ вопросахъ.

Впрочемъ, раньше чѣмъ говорить объ этихъ запискахъ барона Бруннова, нужно замѣтить что передъ своимъ отъѣздомъ изъ Англiи въ сентябрѣ 1851 года, онъ видѣлся съ лордами Росселемъ, Пальмерстономъ и герцогомъ Веллингтономъ. Разговоръ съ главою Foreign Office былъ весьма лакониченъ: оба собесѣдника говорили объ общихъ дѣлахъ въ Грецiи, Персiи и т. п., не открывая своихъ картъ. Гораздо интереснѣе былъ обмѣнъ мыслей съ англiйскимъ премьеромъ.

Между прочимъ, лордъ Россель доказывалъ законное право Англiи требовать отъ итальянскихъ правительствъ вознагражденiя за понесенный англiйскими подданными ущербъ во время бывшихъ въ Италiи смутъ. Баронъ Брунновъ затруднился прямо объявить лорду Росселю, что онъ находитъ претензiи англiйскихъ подданныхъ совершенно „невыносимыми", ибо они вездѣ ставятъ себя выше законовъ. Но русскiй посланникъ воспользовался случаемъ, чтобъ напомнить англiйскому премьеру о претензiяхъ русскихъ подданныхъ, потерпѣвшихъ значительные убытки во время блокады греческихъ береговъ англiйскимъ флотомъ. Въ отвѣтъ лордъ Россель вспомнилъ о претензiи англiйскаго подданнаго, котораго судно было захвачено въ русскомъ портѣ на Черномъ морѣ.

Баронъ Брунновъ, нисколько не стѣсняясь, отвѣтилъ лорду Росселю: „Я думаю, что достаточно хорошо васъ знаю, чтобъ предвидѣть, что если мы раньше вамъ заплатимъ, вы положите наши деньги въ карманъ, и впослѣдствiи, когда мы потребуемъ отъ васъ уважить наши претензiи, какъ мы уважили ваши, вы откажете намъ во всякомъ платежѣ. Согласно вашимъ нравамъ и обычаямъ, я это отлично знаю, нѣтъ въ такихъ случаяхъ взаимности". Лордъ Россель, въ отвѣтъ на откровенность русскаго посланника, добродушно засмѣялся.

Le baron Brunnow profita de ces bonnes dispositions pour lui demander ce qu'il devait dire à son Souverain au sujet de lord Palmerston. Peut-on espérer, demandait-il, que les derniers événements aient calmé lord Palmerston et qu'ils le rendront à l'avenir plus sage et modéré?

Lord Russell répondit à cela: „les dispositions resteront les mêmes; mais je crois que les manières seront meilleures".

Le baron Brunnow s'appliqnait alors à démontrer au premier ministre tout le danger de la politique extérieure de lord Palmerston. Lord Russell partageait son avis et disait: „je le sais fort bien. Cela nous a mis en danger". Lorsque le ministre de Russie rappelait au premier ministre que l'Angleterre lui était redevable de la conservation de la paix et que ce serait imprudent de tenter le sort encore une fois, Lord Russell s'écriait: „Que voulez-vous. Je ne pouvais pas l'abandonner. Mon honneur, comme chef du Cabinet, y était engagé. J'ai dû partager avec lui la responsabilité des actes dont l'administration était solidaire. Mais je conviens avec vous que le risque était grand. Mieux vaudrait ne pas en courir la chance".

L'éminent duc de Wellington s'énonçait avec plus de franchise encore vis-à-vis du baron Brunnow au moment où celui-ci quittait l'Angleterre. Le duc déplorait sérieusement la démoralisation de la nation anglaise et prévoyait de grandes calamités dans un avenir rapproché. Il insistait avec une énergie particulière sur l'influence regrettable que lord Palmerston exerçait sur la politique anglaise. Il partageait l'avis du premier ministre qu'il sera dorénavant plus prudent, sans toutefois changer de caractère. D'après les assurances du vénérable héros de Waterloo, lord Palmerston était persécuté par la pensée qu'il est appelé à devenir un second Georges Canning. De même que celui-ci poursuivait un seul but: de refondre le système politique de l'Europe, organisé par lord Castelreagh dans les années 1814 et 1815, lord Palmerston était animé du desir ardent de troubler les relations mutuelles des grandes Puissances du continent. Cela explique la satisfaction qu'il éprouvait en apprenant que le prince de Metternich était exilé de l'Autriche.

Le ministre de Russie s'intéressait particulièrement à la question de savoir si le gouvernement et le parlement ne finiront pas par se lasser de lord Palmerston et s'il restera indéfi-

Баронъ Брунновъ воспользовался хорошимъ расположеніемъ перваго англійскаго министра, чтобъ его спросить: что ему сказать своему Государю насчетъ лорда Пальмерстона? Можно ли надѣяться, спросилъ онъ, что событія послѣднихъ временъ успокоили лорда Пальмерстона и заставятъ его быть болѣе осмотрительнымъ и умѣреннымъ?

На это лордъ Россель отвѣтилъ: „Расположеніе останется тоже самое, но я думаю, что манера будетъ лучше".

Тогда баронъ Брунновъ сталъ доказывать премьеру всю опасность внѣшней политики лорда Пальмерстона. Лордъ Россель съ нимъ согласился и сказалъ: „Я это отлично знаю. Намъ угрожала опасность". Когда же русскій посланникъ высказалъ первому министру Англіи, что только ему обязана Англія сохраненіемъ мира и что другой разъ искушать судьбу не слѣдовало бы, лордъ Россель воскликнулъ: „Что вы хотите. Я не могъ его бросить. Моя честь главы кабинета была затронута. Я долженъ былъ дѣлить съ нимъ отвѣтственность за поступки, за которые отвѣчало все правительство. Но я съ вами согласенъ, что рискъ былъ великъ. Лучше было бы не рисковать".

Гораздо болѣе откровенно высказался маститый герцогъ Веллингтонъ барону Бруннову передъ его отъѣздомъ изъ Англіи. Герцогъ сердечно сокрушался о деморализаціи англійскаго народа и предсказывалъ всевозможныя бѣдствія въ ближайшемъ будущемъ. Но съ особенною энергіею онъ отзывался о пагубномъ вліяніи лорда Пальмерстона на англійскую политику. Онъ раздѣлялъ увѣренность англійскаго премьера, что лордъ Пальмерстонъ будетъ впередъ осторожнѣе. Но его характеръ никогда не измѣнится. По словамъ престарѣлаго англійскаго героя, лорда Пальмерстона преслѣдуетъ мысль, что онъ призванъ быть вторымъ Джорджомъ Каннингомъ. Подобно тому какъ Каннингъ задавался одною цѣлью: передѣлать устроенную въ 1814 и 1815 годахъ лордомъ Кастльри политическую систему Европы, подобно тому лорда Пальмерстона одолѣваетъ пламенное желаніе разстроить взаимныя отношенія великихъ континентальныхъ державъ. Вотъ почему онъ даже обрадовался изгнанію князя Меттерниха изъ Австріи.

Но русскаго посланника въ особенности интересовалъ вопросъ: неужели лордъ Пальмерстонъ никогда не надоѣстъ правительству и парламенту и навсегда останется министромъ?

niment au pouvoir. Il posa un jour cette question directement au duc de Wellington et en reçut la réponse suivante:

„La situation est tout-à-fait extraordinaire quant à Palmerston. La reine en est lasse; le prince Albert en est las; lord John Russell en est las; lord Lansdowne en est plus las que tous les autres. La Chambre haute en est lasse. Mais vous le voyez dans la Chambre basse, Palmerston a les radicaux pour lui. Le soutien qu'ils lui prêtent, fait peur au reste du Cabinet. Il tomberait, s'il se séparait de Palmerston. Les ministres Whigs le savent et n'ont pas le courage de courir cette chance. Voila la situation telle qu'elle est. Vous pouvez y croire".

„C'est moi", s'écriait le duc de Wellington avec emphase, „qui vous le dis!" (Rapport du baron Brunnow du 8 (20) septembre 1851).

Nous aurons lieu de nous convaincre bientôt que malgré son âge avancé, le héros de Waterloo appréciait d'une manière très exacte l'état de choses en Angleterre et portait un jugement très juste sur lord Palmerston et le Cabinet de lord John Russell. Lorsqu'à la fin de l'année 1851, celui-ci se décida de forcer lord Palmerston à prendre sa retraite il ne put se maintenir à son poste que quelques mois et dut se retirer.

C'est aussi très habilement que le duc de Wellington caractérisait certains traits de la vie intérieure en Angleterre. Ainsi, entr'autres, il désapprouvait hautement l'attitude du gouvernement et de la nation à l'égard des émigrés politiques qui étaient les héros du jour et jouissaient du droit d'asyle en Angleterre sans restriction. Mazzini, le célèbre révolutionnaire italien, ouvrait une souscription publique en Angleterre de 10 millions de francs pour achat d'armes en vue d'un nouveau soulévement en Italie. Kossuth, le dictateur hongrois, faisait une marche triomphale à travers toute l'Angleterre et jouissait d'une telle popularité dans ce pays qu'un riche fermier apportait un jour un gros cochon à Mussurus-Pacha, ambassadeur de Turquie, avec prière de l'offrir au Sultan en témoignage de sa reconnaissance pour ses bons procédés à l'égard de Kossuth. L'ambassadeur a eu toute la peine du monde à persuader cet Anglais, généreux et obstiné, que le Sultan, en qualité de musulman, ne mangeait pas ces ani-

Онъ прямо поставилъ этотъ вопросъ герцогу Веллингтону. Послѣдній далъ на него слѣдующій отвѣтъ:

„Положеніе вещей, насколько оно касается Пальмерстона, совершенно необычайное. Королевѣ онъ надоѣлъ; принцу Альберту онъ надоѣлъ; лорду Джону Росселю онъ надоѣлъ; лорду Лансдоуну онъ надоѣлъ больше, чѣмъ всѣмъ другимъ. Палатѣ Лордовъ онъ надоѣлъ. Однако, вы видите, что въ Палатѣ Общинъ стоятъ на сторонѣ Пальмерстона радикалы. Оказываемая ему ими поддержка наводитъ страхъ на другихъ членовъ кабинета. Послѣдній пропалъ, если онъ пожертвуетъ Пальмерстономъ. Министры-виги это знаютъ и не имѣютъ мужества, чтобъ рисковать. Вотъ положеніе вещей, какъ оно есть. Вы можете мнѣ повѣрить".

„Я вамъ это говорю!" — съ паѳосомъ воскликнулъ герцогъ Веллингтонъ. (Донесеніе бар. Бруннова отъ 8-го (20-го) сентября 1851 г.).

Мы весьма скоро убѣдимся, что, несмотря на свою глубокую старость, герой Ватерлоской битвы удивительно вѣрно понималъ положеніе вещей въ Англіи и весьма удачно характеризовалъ лорда Пальмерстона и кабинетъ лорда Джона Росселя. Когда послѣдній, наконецъ-то, въ концѣ 1851 года, рѣшился заставить лорда Пальмерстона подать въ отставку, онъ самъ могъ удержаться на своемъ посту только нѣсколько мѣсяцевъ и долженъ былъ выйти въ отставку.

Герцогъ Веллингтонъ также удачно характеризовалъ многія явленія внутренней жизни Англіи. Такъ, между прочимъ, онъ совсѣмъ не одобрялъ поведенія англійскаго правительства и народа въ отношеніи политическихъ эмигрантовъ, которые были героями дня и неограниченно пользовались въ Англіи правомъ убѣжища. Знаменитый итальянскій революціонеръ Маццини открылъ въ Англіи публичную подписку на заемъ въ 10 милліоновъ франковъ для покупки оружія и новаго возстанія въ Италіи. Венгерскій диктаторъ Кошутъ совершилъ тріумфальное шествіе по всей Англіи и былъ настолько популяренъ, что одинъ англійскій арендаторъ принесъ турецкому послу Муссурусъ-пашѣ жирную свинью, съ просьбою отправить ее въ подарокъ султану въ знакъ благодарности отъ Англичанина за гуманное обращеніе султана съ Кошутомъ! Послу трудно было убѣдить упрямаго и великодушнаго Англичанина, что султанъ, какъ мусульманинъ, такихъ нечистыхъ животныхъ, какъ

maux impurs. (Lettre du baron Brunnow du 12 (24) décembre 1851).

On comprend que l'Empereur Nicolas I était indigné plus encore que le duc de Wellington de ce droit d'asyle illimité que l'Angleterre accordait aux agitateurs politiques du monde entier. Le baron Brunnow était plus d'une fois chargé de protester énergiquement contre cette manière d'agir du gouvernement anglais. Il était appelé à attirer son attention sur cette flagrante violation du droit international qui faisait du territoire anglais un refuge, plein de sécurité, pour la révolution cosmopolite. Il devait rappeler à lord Russell que l'Angleterre connait elle-même les embarras que lui causent les Etats-Unis d'Amérique, en accordant aux Irlandais une hospitalité sans restriction. Lorsque en 1848 ces rebelles, arrivés d'Amérique en Irlande, firent des troubles, le gouvernement anglais protestait énergiquement à Washington contre les abus du droit d'asyle américain. Les Puissances continentales ont le droit d'élever les mêmes réclamations à l'égard de l'Angleterre. (Dépêches du comte Nesselrode au baron Brunnow du 28 septembre 1850 et du 10 novembre 1851).

Toutes ces représentations énergiques du gouvernement Impérial ne produisaient pas le moindre effet sur lord Palmerston. Au contraire, elles ne faisaient que le confirmer dans l'attitude qu'il avait adoptée à l'égard des émigrés politiques et lui fournissait l'occasion d'inquiéter et de troubler sans cesse les gouvernements conservateurs du continent, en général, et le gouvernement russe, en particulier.

Dans cette question du droit d'asyle l'Angleterre s'en est tenue jusqu'à ces derniers temps au point de vue de lord Palmerston, et il a fallu les machines infernales et les dynamiteurs pour lui faire changer sa théorie favorite de l'hospitalité anglaise illimitée.

Dans ces conditions l'échange d'idées sur ces matières, dans lequel s'est engagé l'Empereur Nicolas I avec sir Hamilton Seymour, nouvellement nommé ambassadeur, ne devait avoir aucun résultat pratique. Cette nomination a eu lieu au commencement de l'année 1851, après la retraite de lord Blumfield. Sir H. Seymour avait débuté dans la carrière sous lord Castelreagh et jouissait de l'estime particulier de la reine Victoria qui le désigna elle-même au poste de

свиньи, не кушаетъ. (Письмо бар. Бруннова отъ 12-го (24-го) декабря 1851 года).

Понятно, что Императоръ Николай I былъ еще больше герцога Веллингтона возмущенъ неограниченнымъ правомъ убѣжища, предоставленнымъ въ Англіи политическимъ агитаторамъ всего свѣта. Барону Бруннову было неоднократно поручаемо энергически протестовать противъ образа дѣйствія англійскаго правительства. Онъ долженъ былъ обратить вниманіе послѣдняго на вопіющее нарушеніе имъ международнаго права тѣмъ, что оно дѣлаетъ изъ англійской территоріи безопасное для всѣхъ заговорщиковъ міра убѣжище. Онъ долженъ былъ напомнить лорду Росселю, что сама Англія знаетъ, какой вредъ причиняютъ ей Соединенные Американскіе Штаты оказаніемъ неограниченнаго гостепріимства Ирландцамъ. Когда въ 1848 году бунтовщики-Ирландцы, прибывшіе изъ Америки въ Ирландію, стали бунтовать, англійское правительство энергически протестовало въ Вашингтонѣ противъ американскаго права убѣжища. Континентальныя державы Европы въ правѣ требовать отъ Англіи того же, чего она сама требовала отъ Соединенныхъ Штатовъ. (Депеши гр. Нессельроде къ бар. Бруннову отъ 28-го сентября 1850 г. и 10-го ноября 1851 года).

Всѣ эти энергическія представленія Императорскаго правительства не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія на лорда Пальмерстона. Напротивъ, они скорѣе утверждали его въ принятой имъ системѣ въ отношеніи политическихъ эмигрантовъ, давая ему пріятную возможность постоянно тревожить и сердить континентальныя консервативныя правительства вообще, и русское въ особенности.

Въ вопросѣ о правѣ убѣжища Англія держалась до послѣдняго времени пальмерстоновской точки зрѣнія, и потребовались адскія машины динамитчиковъ, чтобъ заставить ее измѣнить свою излюбленную теорію о безпредѣльности англійскаго гостепріимства.

При такихъ обстоятельствахъ обмѣнъ мыслей, въ который вступилъ Императоръ Николай I съ вновь назначеннымъ англійскимъ посломъ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, насчетъ права убѣжища, не могъ имѣть никакого практическаго результата. Это назначеніе состоялось въ началѣ 1851 года, послѣ выхода въ отставку лорда Блумфильда. Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ началъ свою карьеру при лордѣ Кастельри и пользовался особен-

St. Pétersbourg. Le candidat de lord Palmerston dans cette circonstance était lord Cowley.

Le baron Brunnow s'empressa de recommander sir Hamilton Seymour comme un homme „de la diplomatie anglaise de l'ancienne école", incomparablement supérieure à l'école moderne. (Rapport du baron Brunnow du 12 (24) février 1851).

Le baron Brunnow n'eut pas l'occasion de faire connaissance plus intime avec sir Hamilton Seymour à Londres. Mais ayant passé l'automne de 1851 à St.-Pétersbourg, lors de son congé, il fut à même par ses entretiens avec l'ambassadeur, de vérifier ses premières impressions.

En disant que le baron Brunnow se trouvait en congé en automne 1851, après un séjour non interrompu de 10 ans à Londres, nous devons ajouter que ce congé était d'une nature particulière. Il n'était pas appelé à se reposer comme l'eut fait un diplomate, jouissant d'un congé parfaitement mérité. Le Chancelier de l'Empire lui confia à St.-Pétersbourg la mission d'exposer par écrit ses vues sur les principales questions politiques du jour. Il faut rendre cette justice au comte Nesselrode qu'il savait profiter des services des hommes de talent et cultivés, qu'il avait choisis comme collaborateurs intimes.

Le baron Brunnow rédigea toute une série de mémoires très intéressants sur toutes les affaires politiques courantes. Ces mémoires étaient consacrés à l'étude des questions suivantes: le Danemarc, la Grèce, l'Orient, l'Allemagne, l'Egypte, la Perse, la France et autres. Dans toutes ses considérations politiques le baron Brunnow fait preuve de talent et de solide instruction; on trouve dans ces mémoires une infinité de piquantes comparaisons et de profondes refléxions qui ont gardé leur valeur jusqu'à nos jours.

Ainsi, en parlant de la question du Danemarc, le baron Brunnow fait très judicieusement l'observation suivante: „Chaque affaire devient plus facile, lorsque peu de monde s'en occupe. Le malheur de la question Danoise est que trop de conseillers à la fois cherchent à la compliquer".

нымъ уваженіемъ королевы Викторіи, которая сама его выбрала на С.-Петербургскій постъ. Кандидатъ лорда Пальмерстона былъ лордъ Коулэй.

Баронъ Брунновъ отрекомендовалъ своему правительству сэра Г. Сеймура, какъ человѣка „англійской дипломатіи старой школы", которая несравненно лучше новой. (Донесеніе бар. Бруннова отъ 12 (24-го) февраля 1851 года).

Барону Бруннову не удалось въ Лондонѣ ближе познакомиться съ сэромъ Г. Сеймуромъ. Но находясь всю осень 1851 года въ С.-Петербургѣ въ отпуску, онъ могъ личными бесѣдами съ новымъ великобританскимъ посломъ провѣрить свое первоначальное о немъ мнѣніе.

Говоря, что баронъ Брунновъ находился осенью 1851 года въ отпуску, послѣ десятилѣтняго безпрерывнаго пребыванія въ Лондонѣ, мы должны оговориться, что этотъ отпускъ былъ совершенно своеобразнаго свойства. Барону Бруннову не было суждено отдыхать и бездѣйствовать, какъ дипломату, пользующемуся вполнѣ заслуженнымъ отпускомъ. Государственный Канцлеръ обратился къ нему, въ С.-Петербургѣ, съ предложеніемъ изложить на бумагѣ свои мысли о всѣхъ главнѣйшихъ политическихъ вопросахъ того времени. Надо отдать справедливость графу Нессельроде, что онъ умѣлъ пользоваться услугами тѣхъ талантливыхъ и образованныхъ людей, которыхъ онъ избралъ въ свои ближайшіе сотрудники.

Баронъ Брунновъ составилъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ записокъ по всѣмъ текущимъ политическимъ дѣламъ. Его записки были посвящены изученію слѣдующихъ вопросовъ: Датскаго, Греческаго, Восточнаго, Германскаго, Египетскаго, Персидскаго, Французскаго и другихъ. Во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ баронъ Брунновъ выказываетъ свойственный ему талантъ и солидную образованность. Въ его запискахъ встрѣчается множество остроумныхъ сравненій и глубокомысленныхъ соображеній, не потерявшихъ значенія даже въ настоящее время.

Такъ, говоря о Датскомъ вопросѣ, баронъ Брунновъ остроумно замѣчаетъ: „Каждое дѣло становится болѣе легкимъ, если немногіе имъ занимаются. Все несчастіе Датскаго вопроса заключается въ томъ, что разомъ слишкомъ много совѣтниковъ стараются его запутать".

Et combien de conseillers ne s'occupent-ils pas de la question d'Orient et cherchent à la compliquer par tous les moyens?

Dans un autre mémoire, le baron Brunnow examine la question brûlante de l'avenir de la République française et des relations de l'Angleterre avec le prince Louis Napoléon. D'après ses assurances, les ministres anglais ne croyaient pas à une longue durée de la République en France et prévoyaient la prorogation des pouvoirs du prince Napoléon pour un terme de 10 ans. Ils semblent satisfaits du repos provisoire en France et ne songent pas à l'avenir. Cela répond au caractère de l'administration anglaise, à la tête de laquelle se trouve un premier ministre qui ne peut guère compter de rester au pouvoir au delà d'une période de cinq ans.

„Dans cette manière de voir“, poursuit le baron Brunnow, „il y a quelque chose d'étroit et de profondément égoiste, qui doit répugner à notre Cabinet, dont les vues portent sur l'avenir, parceque le pouvoir, chez nous, a la conviction de sa permanence. Il résulte de là une différence de position, dans les deux pays, dont il est bon de tenir compte quand on raisonne sur les éventualités de l'avenir“.

„L'Empereur“, fait observer le baron Brunnow avec raison, „regarde cet avenir comme une responsabilité morale qui pèse sur sa conscience, parceque la Providence divine lui en a confié le soin. Le chef du Cabinet anglais, au contraire, ne s'acquitte que de son devoir ministériel pour la durée du temps qui constitue, pour lui, la limite de son mandat parlementaire. A ce point de vue, le provisoire, pourvu qu'il soit exempt de danger imminent, satisfait le Premier Ministre anglais, en ce qu'il met sa responsabilité à couvert, devant la nation *pro tempore*. Ce calcul, comme je l'ai dit, tient à l'essence du gouvernement constitutionnel. Il est une de ses imperfections; car il substitue une politique personnelle à une politique d'Etat“.

„Sous l'influence de ces considérations, il est difficile de déterminer les Ministres anglais à s'expliquer sur ce qu'ils pensent et ce qu'ils comptent faire dans telle ou telle conjoncture future“.

Nous avons cru devoir citer textuellement les paroles du baron Brunnow, car nous y voyons une analyse psychologique très exacte de la différence qui a toujours existé entre les visées

А сколько совѣтниковъ занимаются пресловутымъ Восточнымъ вопросомъ и стараются его запутать всѣми силами?...

Въ другой запискѣ баронъ Брунновъ разбираетъ весьма жгучій вопросъ о будущности французской республики и объ отношеніяхъ Англіи къ принцу Луи Наполеону. По его словамъ, англійскіе министры не вѣрили въ долгое существованіе французской республики и предсказывали продолженіе полномочія принца Наполеона на 10 лѣтъ. Они довольны временнымъ спокойствіемъ Франціи и нисколько не думаютъ о будущемъ. Это соотвѣтствуетъ характеру англійской администраціи, во главѣ которой находится первый министръ, могущій разсчитывать не болѣе какъ на 5-ти лѣтнее пребываніе во главѣ государственнаго управленія.

„Въ такомъ образѣ мыслей“, продолжаетъ баронъ Брунновъ, „заключается нѣчто ограниченное и глубоко эгоистичное — что должно претить нашему кабинету, виды котораго обращены на будущность, ибо у насъ власть имѣетъ сознаніе своего постоянства. Отсюда вытекаетъ различіе точекъ зрѣнія въ обѣихъ странахъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться въ соображеніяхъ о случайностяхъ будущаго“.

„Государь“, глубоко основательно разсуждаетъ баронъ Брунновъ, „взираетъ на это будущее, какъ на нравственную отвѣтственность, которая лежитъ на его совѣсти, ибо Божественное Провидѣніе ввѣрило ему это будущее. Глава же англійскаго кабинета, напротивъ, исполняетъ свой министерскій долгъ только въ продолженіи времени, которое ограничивается для него срокомъ его парламентскаго служенія. Съ этой точки зрѣнія, все временное, лишь бы оно не вызывало какой-нибудь неминуемой опасности, удовлетворяетъ англійскаго перваго министра въ томъ смыслѣ, что оно ограждаетъ, на время, его отвѣтственность передъ народомъ. Это соображеніе, какъ я сказалъ, вытекаетъ изъ самаго существа конституціоннаго правительства. Оно составляетъ одинъ изъ его недостатковъ, ибо ставитъ на мѣсто государственной личную политику“.

„Въ виду вліянія такихъ соображеній, трудно заставить англійскихъ министровъ объясниться насчетъ того, что они думаютъ и что предполагаютъ дѣлать въ томъ или другомъ имѣющемъ представиться случаѣ.“

Мы привели цѣликомъ слова барона Бруннова, потому что видимъ въ нихъ замѣчательно вѣрный психологическій анализъ громаднаго различія, всегда существовавшаго, въ цѣляхъ

et les moyens de la politique russe et ceux de la politique anglaise. Le désir tout natuvel du gouvernement russe de soulever le voile de l'avenir et d'embrasser de son regard tout l'horizon politique, se heurtait toujours à des défiances chez le gouvernement anglais et à sa ferme résolution de vivre au jour le jour, sans se préoccuper du lendemain. Cette répulsion invincible des hommes d'Etat anglais pour toute combinaison politique large, au sujet des éventualités de l'avenir, sert à expliquer l'impossibilité d'une entente mutuelle entre eux, d'une part, et les hommes politiques russes, de l'autre. Cette particularité de la politique anglaise, si justement observée par le baron Brunnow fait comprendre l'impression, produite en Angleterre par la franchise de l'Empereur Nicolas I dans ses entretiens avec sir Hamilton Seymour en 1853, au sujet du sort de l'Empire Ottoman. Ces épanchements du Souverain de Russie frappèrent de stupéfaction la nation et le gouvernement anglais, qui voyaient dans ces combinaisons, au sujet de l'avenir de la Porte, la résolution du Cabinet russe de trancher la question d'Orient par l'absorption de la Turquie.

En 1851, à la fin de l'automne, le baron Brunnow retournait à son poste à Londres, et en décembre lord Palmerston était invité par lord Russell à se retirer du Cabinet. Cet événement produisit une immense impression. Lord Palmerston était hors de lui d'indignation. Il se dit joué, chassé et insulté par le premier ministre. Son parti, constitué de radicaux, était également indigné et déclarait la guerre au Cabinet de lord Russell qui ne se faisait aucune illusion et disait au baron Brunnow: „Well, we must fight out our battle as well as we can".

Lord Palmerston lui-même ne dissimulait pas sa colère et la conviction qu'il n'a pas achevé son rôle. Il était très peu sympathique à la reine Victoria, et c'est pourquoi il s'est fait attendre plus d'une heure au palais de Windsor pour lui remettre le sceau de Secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères et finalement ne jugea pas nécessaire de venir. En prenant congé des fonctionnaires du Foreign-Office, il était dans les meilleures dispositions d'esprit, „c'est qu'il a compris fort bien", comme assurait le vieux serviteur Addington, „que cette disgrâce l'a grandi et qu'elle peut lui servir à jouer le premier rôle, au lieu du second".

и средствахъ русской и англійской политики. Естественное желаніе русскаго правительства сорвать завѣсу съ будущаго и обнять своимъ взоромъ весь политическій горизонтъ всегда наталкивалось у англійскаго правительства на открытую подозрительность и твердую рѣшимость жить сегодняшнимъ, а не завтрашнимъ днемъ. Эта непоколебимая вражда великобританскихъ государственныхъ мужей ко всѣмъ широкимъ политическимъ комбинаціямъ въ условіяхъ могущихъ быть случайностей объясняетъ невозможность взаимнаго пониманія между ними, съ одной стороны, и русскими государственными дѣятелями, съ другой. Столь вѣрно подмѣченная барономъ Брунновымъ характеристическая особенность англійской политики вполнѣ просто объясняетъ невѣроятное впечатлѣніе, произведенное въ Англіи откровенностью Императора Николая I въ бесѣдахъ съ сэромъ Г. Сеймуромъ въ 1853 году о судьбѣ Оттоманской имперіи. Откровенность русскаго Царя озадачила и ошеломила англійскій народъ и правительство, которые, въ комбинаціяхъ насчетъ будущности Оттоманской имперіи, усмотрѣли рѣшимость Царя вызвать разрѣшеніе восточнаго вопроса въ смыслѣ поглощенія Турціи Россіею.

Позднею осенью 1851 года баронъ Брунновъ возвратился къ своему посту, а въ декабрѣ лордъ Пальмерстонъ былъ принужденъ лордомъ Росселемъ выйти изъ кабинета. Это событіе произвело громадное впечатлѣніе. Самъ лордъ Пальмерстонъ былъ внѣ себя отъ негодованія: онъ всѣмъ говорилъ, что премьеръ его обманулъ, прогналъ и оскорбилъ. Его партія, изъ радикаловъ, тоже была возмущена и объявила войну кабинету лорда Росселя, который былъ далекъ отъ всякихъ иллюзій, говоря барону Бруннову: „Хорошо, мы должны кончить нашу битву, какъ можемъ".

Лордъ Пальмерстонъ не скрывалъ ни своей злости, ни увѣренности, что онъ еще не съигралъ своей роли. Королевѣ Викторіи онъ былъ весьма несимпатиченъ, и за то онъ заставилъ ее ждать больше часа въ Виндзорскомъ замкѣ, чтобъ вручить печать статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ и, наконецъ, все-таки не пришелъ. Когда онъ прощался съ чинами Foreign-Office, онъ былъ въ превосходномъ настроеніи, потому что, по словамъ стараго служаки Аддингтона, „онъ отлично понималъ, что эта немилость послужитъ ему пьедесталомъ и дастъ ему возможность играть первую роль, вмѣсто второй".

L'année 1854 a prouvé qu'Addington ne se trompait pas. Le baron Brunnow assurait, au contraire, au Chancelier de l'Empire, que lord Palmerston serait le dernier auquel penserait la reine pour lui remettre le sceau de premier ministre d'Angleterre. (Lettre du baron Brunnow au Chancelier de l'Empire du 19 (31) décembre 1851).

Dans l'espoir que lord Palmerston a définitivement quitté la scène politique, le baron Brunnow crut devoir présenter à son gouvernement une nécrologie détaillée de cet homme d'Etat. Cette caractéristique, émanant de la plume élégante du baron Brunnow est très intéressante et instructive en même temps.

Voici en quoi elle consiste.

De tous les hommes d'Etat anglais, lord Palmerston est celui qui a plus souvent, que les autres, changé de collégues et de principes. Il était âgé de soixante sept ans en 1851. Il était déjà ministre de la guerre en 1809 et dans la suite à plusieurs reprises ministre des affaires étrangères.

„Il y avait en lui", écrivait le baron Brunnow, „deux êtres tout-à-fait distincts qui ne ressemblaient en rien l'un à l'autre. L'un, c'était l'homme privé. Comme tel, il était prévenant, facile, ami dévoué, sincèrement attaché à sa famille, régulier et strict en affaires, fidèle à ses promesses. L'autre, c'était l'homme public. Comme tel, il portait au plus haut degré l'esprit de la domination. A son gré, il n'y avait en Europe que le nom de l'Angleterre, qui fût fait pour gouverner le monde. Tout devait céder à cette passion, à laquelle il sacrifiait les considérations les plus graves qui tiennent au repos de l'ordre social".

„Le mot „civis romanus" n'était pas dans sa bouche une parole vaine".

„Le mot célèbre de Machiavel: *divide et impera*, se traduisait par lord Palmerston avec cette variante: Inquiétez le monde, et vous le gouvernez!" Et en effet, c'est en maintenant toujours l'inquiétude parmi les Puissances continentales, que lord Palmerston était à même de leur imposer sa volonté et de les forcer à agir selon son gré.

„Dans la discussion verbale", poursuit le baron Brunnow, „il était lucide, serré et, pour la plupart du temps, fort habile. Rarement il entamait le débat lui-même. Il mettait son interlocuteur dans

Что Аддингтонъ не ошибся, доказалъ 1854 годъ. Но баронъ Брунновъ, напротивъ, увѣрялъ Государственнаго Канцлера, что лордъ Пальмерстонъ будетъ послѣднимъ человѣкомъ, котораго королева призоветъ къ себѣ для врученія печати перваго министра Англіи. (Письмо бар. Бруннова къ Государственному Канцлеру отъ 19-го (31-го) декабря 1851 года).

Въ надеждѣ, что лордъ Пальмерстонъ окончательно сошелъ со сцены, баронъ Брунновъ счелъ нужнымъ представить своему правительству подробный некрологъ этого государственнаго человѣка! Характеристика послѣдняго, написанная талантливымъ перомъ барона Бруннова, весьма интересна и даже поучительна.

Вотъ въ чемъ она заключается.

Изъ всѣхъ государственныхъ людей Англіи лордъ Пальмерстонъ чаще другихъ мѣнялъ своихъ коллегъ и свои принципы. Ему было въ 1851 году, 67 лѣтъ отъ роду. Въ 1809 году онъ уже былъ Военнымъ Министромъ и впослѣдствіи неоднократно Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

„Въ немъ", писалъ бар. Брунновъ, „были два существа, совершенно различныя и другъ на друга вовсе непохожія. Одно — частный человѣкъ. Какъ таковой, онъ былъ любезенъ, пріятенъ, вѣрный другъ, искренне преданъ своему семейству, честенъ и аккуратенъ въ дѣлахъ, вѣренъ своему слову. Совсѣмъ другое — публичный дѣятель. Какъ таковой, онъ былъ въ высшей степени проникнутъ духомъ властвованія. По его убѣжденію, въ Европѣ только одна Англія создана для господства надъ міромъ. Все должно было покоряться этой страсти, которой онъ приносилъ въ жертву наивысшія соображенія, связанныя съ общественнымъ порядкомъ".

„Слова: „civis romanus" не были въ его устахъ пустыми словами".

„Знаменитое изрѣченіе Маккіавелли: „*Divide et impera*", переводилъ лордъ Пальмерстонъ словами: „Тревожьте міръ и вы будете надъ нимъ властвовать!" И дѣйствительно, поддерживая постоянную тревогу между континентальными державами, лордъ Пальмерстонъ въ состояніи былъ навязывать имъ свою волю и заставлять ихъ дѣйствовать по его указаніямъ.

„Въ личной бесѣдѣ", продолжаетъ баронъ Брунновъ, „онъ былъ ясенъ, краток и почти всегда очень искусенъ. Рѣдко онъ самъ начиналъ споръ. Онъ ставилъ своего собе-

la nécessité d'en prendre l'initiative. Alors, il l'écoutait avec une attention suivie; saisissait le côté faible des argumens qu'on lui avait exposés et le battait en détail. Une dialectique plus subtile que logique, fesait sa principale force".

Lord Palmerston devait sa grande popularité à sa réputation d'âtre le plus énergique défenseur de l'honneur et de la dignité de l'Angleterre.

Enfin, d'après les assurances du baron Brunnow, aucun ministre des affaires étrangères n'avait sur sa conscience autant de réputations et de carrières brisées. Il remplit de tristesse les dernières années du prince de Lieven; il abrégea la vie du comte Matuszevic; il a fait fléchir la haute intelligence du comte Pozzo di Borgo; il épuisa l'incroyable patience du prince de Talleyrand et le détermina à quitter son poste de Londres; il provoqua le rappel de Londres du maréchal Sebastiani et la chute de Guizot.

Voici la cause de la joie éprouvée par tous les membres du corps diplomatique à Londres à l'occasion de la chute de lord Palmerston. Le roi Frédéric Guillaume III avait parfaitement raison quand il disait au baron Brunnow en 1839, au moment, où il se rendait à son poste à Londres: „Tenez vous bien sur vos gardes envers lord Palmerston. Cet homme n'est pas de bonne foi".

Telle est la caractéristique curieuse que le baron Brunnow fit de lord Palmerston en décembre 1851. Il est hors de doute que ce diplomate russe éminent considérait le noble lord comme un homme fini et croyait qu'on ne pouvait en parler autrement que comme d'un ministre qui a quitté pour toujours la carrière publique. Aussi la notice susmentionnée peutelle parfaitement remplacer une nécrologie de lord Palmerston.

Mais l'événement a prouvé bientôt au baron Brunnow qu'il s'était profondément trompé au sujet de lord Palmerston. En février 1852 celuici renversait le ministère de lord Russell qui dût céder la place à lord Derby. Le poste de chef du Foreign-Office fut confié à lord Malmesbury, nullement préparé à l'exercice de ses fonctions complexes.

Le baron Brunnow était dans l'enchantement de lord Derby au sujet duquel il écrivait au Chancelier de l'Empire, qu'il était „franc jusqu'à

сѣдника въ необходимость взять на себя починъ. Тогда онъ внимательно прислушивался; схватывалъ слабую сторону доводовъ, ему приводимыхъ, и побивалъ ихъ по одиночкѣ. Діалектика, болѣе ловкая, нежели логичная, составляла его главную силу".

Огромная популярность лорда Пальмерстона создалась его славою энергическаго защитника чести и достоинства Англіи.

Наконецъ, по словамъ барона Бруннова, ни одинъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не имѣетъ на своей совѣсти столько сокрушенныхъ репутацій и испорченныхъ карьеръ, какъ Пальмерстонъ. Онъ опечалилъ послѣдніе годы политической жизни князя Ливена; онъ сократилъ жизнь графа Матушевича; онъ помрачилъ высокій умъ графа Поццо-ди-Борго; онъ истощилъ невѣроятное терпѣніе князя Тальерана и заставилъ его покинуть постъ въ Лондонѣ; онъ былъ причиною отозванія изъ Лондона маршала Себастіани и пораженія Гизо.

Вотъ объясненіе общей радости всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса въ Лондонѣ послѣ паденія лорда Пальмерстона. Глубоко правъ былъ король Фридрихъ Вильгельмъ III, сказавъ въ 1839 году барону Бруннову, отправлявшемуся на свой постъ въ Лондонъ: „Бойтесь лорда Пальмерстона. Это человѣкъ недобросовѣстный".

Такова любопытная характеристика, которую баронъ Брунновъ далъ о лордѣ Пальмерстонѣ въ декабрѣ 1851 года. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ талантливый русскій дипломатъ считалъ благороднаго лорда совсѣмъ „похороненнымъ" человѣкомъ, о которомъ иначе нельзя говорить, какъ о сошедшемъ навсегда съ поприща общественной дѣятельности человѣкѣ. Вышеприведенная характеристика вполнѣ могла бы замѣнить некрологъ лорда Пальмерстона.

Но весьма скоро обстоятельства доказали барону Бруннову, что въ этомъ отношеніи онъ глубоко ошибся. Въ февралѣ 1852 года Пальмерстонъ разбилъ министерство лорда Росселя, который долженъ былъ передать свой постъ лорду Дерби. Должность начальника Foreign Office была поручена лорду Мальмсбэри, неимѣвшему никакой подготовки для отправленія своихъ сложныхъ обязанностей.

Баронъ Брунновъ былъ въ восторгѣ отъ лорда Дерби, о которомъ онъ писалъ Государственному Канцлеру, что онъ „откровененъ

l'indiscrétion, probe jusqu'à l'entêtement et courageux jusqu'à la hardiesse". Pour confirmer cette caractéristique flatteuse, le ministre de Russie citait les paroles suivantes que lui avait adressées lord Derby après un premier entretien un peu prolongé:

„En toute chose, soyez bien sûr que vous pouvez compter sur ma franchise. Si je vous exprime ma pensée, sans phrase, il peut m'arriver parfois de dire la vérité un peu crûment. Vous me le pardonnerez, sans vous en formaliser. Avec moi vous aurez du moins l'avantage que je ne chercherai jamais à vous tromper". (Rapport du baron Brunnow du 16 (28) février 1852).

Il faut rendre pleine justice à lord Derby que, durant sa brillante carrière, il est resté toujours fidèle aux paroles précitées, dites en 1852 au représentant de Russie à la Cour de Londres.

Mais d'une autre part, il restait également fidèle aux traditions de la politique anglaise et professait un profond respect pour le fait accompli. Cette tendance de la politique étrangère de lord Derby se manifestait particulièrement à l'occasion des événements qui se produisaient à cette époque en France.

L'Empereur Nicolas I n'avait aucune sympathie pour le prince Louis Napoléon. Mais, d'une autre part, il espérait qu'une fois président de la République française, il s'appliquerait à maintenir l'ordre à l'intérieur et à prévenir une nouvelle révolution. L'Empereur cherchait par tous les arguments possible à faire abandonner au prince Napoléon son projet de rétablissement de l'Empire, car cela impliquerait la violation de l'article I du traité de Paris qui interdisait le retour d'un Napoléon sur le trône de France. L'Empereur Nicolas I appréciait beaucoup les vues intéressantes, énoncées par le duc de Wellington au sujet du prince Napoléon, mais il savait que le gouvernement anglais ferait toutes les concessions au prince, s'il triomphait.

Voici ce que le héros de Waterloo disait au baron Brunnow au sujet du prince-président de la République française:

„Vous verrez qu'il se perdra. Il veut imiter son oncle. Il ne le peut pas. Il n'est pas militaire. Il n'est pas en état non plus de rassasier la France. Son oncle le pouvait; car ses finances, à lui, c'était le pillage. Il ne publiait pas de

до нескромности, честенъ до упрямства и смѣлъ до отважности". Въ подтвержденіе этой лестной характеристики русскій посланникъ приводитъ слѣдующія слова лорда Дерби, сказанныя ему послѣ первой продолжительной бесѣды.

„Будьте увѣрены всегда, что можете положиться на мою откровенность. Когда я буду вамъ выражать мои мысли, безъ фразъ, то можетъ случиться, что я скажу вамъ иногда правду безъ обиняковъ. Вы меня извините и не поставьте мнѣ этого въ укоръ. Со мной у васъ, по меньшей мѣрѣ, будетъ одна выгода: я никогда не попытаюсь васъ обмануть". (Донесеніе бар. Бруннова отъ 16-го (28-го) февраля 1852 года).

Надо отдать полную справедливость лорду Дерби, что въ продолженіи своей блестящей карьеры онъ дѣйствительно оставался вѣренъ вышеприведеннымъ словамъ, сказаннымъ въ 1852 году представителю России при Лондонскомъ дворѣ.

Но, съ другой стороны, онъ оставался также вѣренъ традиціямъ англійской политики и былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ совершившимся фактамъ. Такое направленіе внѣшней политики лорда Дерби вполнѣ рельефно обнаружилось по поводу событій, совершавшихся въ то время во Франціи.

Императоръ Николай I не питалъ никакого расположенія къ принцу Луи Наполеону. Но онъ надѣялся, что принцъ, сдѣлавшись президентомъ французской республики, поддержитъ во Франціи внутренній порядокъ и предупредитъ новую революцію. Государь старался всѣми доводами отговаривать принца Наполеона отъ намѣренія возстановить во Франціи Имперію, ибо въ такомъ случаѣ была бы нарушена вторая статья Парижскаго трактата, запрещающая возвращеніе одного изъ Наполеоновъ на французскій престолъ. Императору Николаю II чрезвычайно понравился интересный отзывъ герцога Веллингтона о принцѣ Луи Наполеонѣ, но онъ зналъ, что англійское правительство уступитъ принцу во всемъ, если успѣхъ будетъ на его сторонѣ.

Вотъ что сказалъ герой Ватерлоской битвы барону Бруннову насчетъ принца-президента французской республики:

„Вы увидите, что онъ себя погубитъ. Онъ желаетъ подражать своему дядѣ. Онъ этого не можетъ. Онъ не военный. Онъ, кромѣ того, не въ состояніи удовлетворить Франціи. Его дядя могъ это сдѣлать, ибо его финансы были —

budget dans le Moniteur. Il pillait l'Europe. C'est ce que son neveu ne pourra plus faire; car il ne sait pas commander l'armée. Et il ne peut pas en confier le commandement à l'un de ses généraux, parce qu'il en serait jaloux. Voilà pourquoi je dis qu'il se perdra. Nous devons nous attendre alors à de nouveaux bouleversemens en France... Il faut donc que l'Europe reste unie. Il faut l'alliance, l'ancienne l'alliance. Si elle subsiste, elle contiendra la France. Je ne vois pas d'autre salut. Quant à Louis Napoléon, qu'il soit Empereur ou qu'il ne le soit pas, il ira à sa perte".

„Ecoutez bien ce que je vous dis", dit lord Wellington avec solennité. „Pour être Souverain absolu, il faut l'être *de droit*, de son *propre droit*. Autrement on ne le peut pas. La France ne se laissera pas gouverner ainsi par Louis Napoléon qui n'a pas le droit pour lui. Elle s'est habituée à des formes constitutionnelles. Elle y reviendra... Le pays est fatigué. Il supporte. Mais cela ne durera pas... Mais l'Empire, sans l'Empereur véritable, est un nom qui ne veut rien dire". (Rapport du baron Brunnow du 14 (26) mai 1852).

L'Empereur Nicolas I ne pouvait pas ne pas reconnaître le fond de vérité que contenaient ces paroles de l'éminent homme d'Etat anglais, qui prévoyait d'un oeil prophétique la catastrophe de 1870 en France, signalée par la chute du second Empire et la déchéance de Napoléon III et de sa dynastie. Mais, au commencement de l'année 1852, on pouvait s'attendre à de nouvelles perturbations en Europe à la suite de la prise de possession du pouvoir en France par le prince Louis Napoléon. L'esprit public en Occident était convaincu que le nouveau Maître de la France, pour détourner l'attention de la nation des affaires intérieures, chercherait à l'occuper de questions internationales. On s'attendait généralement à une action agressive de la France dirigée contre l'Angleterre, la Belgique ou l'Allemagne.

L'Empereur Nicolas I redoutait particulièrement une invasion de la Belgique et déclarait au Cabinet de Londres qu'une armée russe de 60,000 hommes se tenait préte à venir en aide à ce pays contre la France. Il exprimait, en même temps, l'espoir que l'Angleterre enverrait

грабежъ. Онъ не обнародывалъ въ Монитёрѣ своего бюджета. Онъ грабилъ Европу. Вотъ этого племянникъ его не можетъ сдѣлать, ибо не умѣетъ командовать арміею. Онъ не можетъ и поручить командованіе одному изъ своихъ генераловъ, потому что будетъ питать къ нему зависть. Вотъ почему я говорю, что онъ погубитъ себя. Въ такомъ случаѣ надо будетъ ожидать новыхъ волненій во Франціи... Необходимо поэтому, чтобъ Европа осталась единою. Необходимъ союзъ, старый союзъ. Если онъ будетъ, Франція будетъ сдержана. Другого спасенія я не вижу. Что касается Луи Наполеона, то будетъ онъ Императоромъ или не будетъ, онъ идетъ на свою погибель".

„Обратите серьезное вниманіе на то, что я вамъ скажу", сказалъ торжественно герцогъ Веллингтонъ. „Для того, чтобъ быть неограниченнымъ Государемъ, нужно имъ быть *по праву* по *своему собственному праву*. Иначе имъ нельзя быть. Франція не позволитъ Луи Наполеону управлять ею самодержавно, потому что она не признаетъ за нимъ на это права. Она привыкла къ конституціонной формѣ правленія. Она къ ней возвратится... Она устала и покоряется. Но долго это не будетъ продолжаться... Имперія же безъ настоящаго Императора — это названіе, которое ничего не говоритъ". (Донесеніе бар. Бруннова отъ 14 (26) мая 1852 года).

Императоръ Николай I не могъ не признавать много правды въ приведенныхъ словахъ маститаго англійскаго государственнаго человѣка, который пророческимъ окомъ предвидѣлъ катастрофу, происшедшую въ 1870 году во Франціи съ паденіемъ второй Имперіи и низложеніемъ съ престола императора Наполеона III и всей его династіи. Но въ началѣ 1852 года можно было только ожидать новыхъ тревогъ для Европы вслѣдствіе захвата принцемъ Луи Наполеономъ правленія надъ республиканскою Франціею. Общественное мнѣніе Западной Европы было убѣждено, что новый властитель Франціи, для отвода глазъ народа отъ внутреннихъ дѣлъ, займетъ его вниманіе международными дѣлами. Всѣ ожидали нападенія Франціи или на Англію, или на Бельгію, или на Германію.

Императоръ Николай I больше всего опасался нападенія на Бельгію и заявилъ Лондонскому кабинету, что русская армія въ 60,000 человѣкъ готова поспѣшить на помощь Бельгійскому королевству противъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ надежду, что Англія

également ses troupes en Belgique, sous le commandement du duc de Wellington, dont le nom seul valait toute une armée.

Toutefois, tout en proclamant cette disposition généreuse de sauvegarder la neutralité perpétuelle de la Belgique, l'Empereur Nicolas I faisait observer avec raison que si ce pays donnait lui-même un prétexte légal à une agression, les Puissances garantes ne seraient pas tenues de prendre la défense de sa neutralité. La neutralité perpétuelle ne constitue pas „un brevet d'impunité". D'une autre part, si l'on admettait que tout gouvernement, qui aurait des réclamations à élever contre la Belgique, pourrait obtenir satisfaction en se faisant justice lui-même, cette neutralité se réduirait à un mirage, dénué de toute valeur réelle. Voici pourquoi, dans l'eventualité d'un conflit entre la France et la Belgique, celle-ci devra s'adresser aux bons offices des Puissances garantes.

Selon l'avis du gouvernement Impérial, une invasion de la Belgique par la France équivaudrait à une invasion de l'Europe par ce pays, et serait le signal d'une guerre générale. (Dépêche du comte Nesselrode du 4 (16) mars 1852).

Le gouvernement anglais prêtait toute son attention à ces représentations énergiques de la Russie et partageait ses craintes, au sujet des dangers, auxquels la neutralité perpétuelle du royaume des Belges semblait exposée. Mais il ne jugeait opportun, ni de prendre des engagements quelconque, ni de se prononcer immédiatement sur les mesures à arrêter en commun pour faire face aux projets belliqueux du prince-président de la Republique française. Herogait plus sage d'attendre les événements.

L'Empereur Nicolas I avait encore un autre grief contre la politique anglaise. Au début de l'année 1852, immédiatement après le coup d'Etat du 2 décembre 1851, la conviction se repandait en Europe que le prince-président de la République française allait incessamment se proclamer Empereur des Français. Il importait au gouvernement russe de connaître l'attitude que prendrait l'Angleterre, en présence de cette démarche du prince Louis-Napoléon.

Les Cours du Nord: la Russie, l'Autriche et la Prusse s'étaient entendues de reconnaître le titre d'Empereur à Louis Napoléon, s'il ne violait pas les traités conclus et s'il ne prenait pas prétexte de ce fait pour en tirer d'autres conséquences (Dépêche du comte Nesselrode au baron Brunnow du 15 (27) mai 1852).

также отправить свои войска въ Бельгію подъ командою герцога Веллингтона, одно имя котораго стóитъ цѣлой арміи.

Однако, изъявляя такую великодушную готовность охранять вѣчный нейтралитетъ Бельгійскаго королевства, Императоръ Николай I справедливо замѣтилъ, что если это государство само подастъ законный поводъ для нападенія, то великія державы-поручительницы не обязаны заступаться за его нейтралитетъ. Вѣчный нейтралитетъ не есть „патентъ на безнаказанность". Съ другой же стороны, если допустить, что каждое государство, имѣющее претензію противъ Бельгіи, можетъ самоуправствомъ искать себѣ удовлетворенія, то въ такомъ случаѣ вѣчный нейтралитетъ обратится въ призракъ, неимѣющій никакого реальнаго значенія. Вотъ почему въ случаѣ столкновенія между Франціею и Бельгіею, послѣдняя должна обратиться къ дружескому посредничеству державъ-поручительницъ.

По мнѣнію Императорскаго правительства, нападеніе Франціи на Бельгію равносильно нападенію Франціи на Европу и потому будетъ сигналомъ для всеобщей войны. (Депеша гр. Нессельроде отъ 4-го (16) марта 1852 года).

Англійское правительство съ большимъ вниманіемъ выслушивало всѣ эти энергическія представленія отъ имени Россіи и вполнѣ раздѣляло опасенія за судьбу Бельгійскаго вѣчно нейтральнаго королевства. Но оно не считало возможнымъ принять какое-либо обязательство или участвовать въ немедленномъ рѣшеніи вопроса о мѣрахъ, вызываемыхъ воинственными планами принца-президента французской республики. Оно признавало болѣе благоразумнымъ ждать событій.

Императоръ Николай I былъ еще по другому поводу недоволенъ англійскою политикою. Уже въ началѣ 1852 года, немедленно послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, въ Европѣ распространилось убѣжденіе, что принцъ-президентъ французской республики провозгласитъ себя императоромъ Французовъ. Для русскаго правительства было чрезвычайно важно знать, какъ отнесется Англія къ такому шагу принца Луи Наполеона.

Три сѣверныя державы: Россія, Австрія и Пруссія согласились между собою признать императорскій титулъ за Луи Наполеономъ, если послѣдній не нарушитъ заключенныхъ трактатовъ и не выведетъ изъ титула никакихъ послѣдствій. (Депеша гр. Нессельроде къ бар. Бруннову отъ 15-го (27-го) мая 1852 года).

Le gouvernement anglais s'accordait avec le gouvernement russe sur ce point qu'il était désirable d'obtenir des assurances du prince Napoléon quant à sa ferme intention de respecter les traités internationaux établis. Il jugeait même possible de le contraindre à signer une convention internationale, pour confirmer cet engagement. Mais lord Derby ne consentait d'aucune manière à faire de la signature d'une telle convention la condition préalable pour la reconnaissance du titre impérial. Il voulait commencer par reconnaître ce titre comme un fait accompli, et entrer ensuite en pourparlers avec l'Empereur Napoléon au sujet de la convention projetée.

L'Empereur Nicolas I ne consentait pas à partager cet avis et devait se convaincre à cette occasion à quel point la coutume de s'incliner devant la force du fait accompli était profondément enracinée dans l'esprit des hommes d'Etat anglais.

Nous aurons l'occasion de revenir encore aux négociations entre la Russie et l'Angleterre au sujet de la proclamation du prince-président de la République comme Empereur des Français.

Il ne nous reste qu'à ajouter en terminant, au sujet de l'acte international ci-dessous, que c'est l'exacte reproduction du protocole de Londres sur l'intégrité de la monarchie danoise, revêtue seulement d'une forme plus solennelle (№ 453).

Англійское правительство соглашалось съ русскимъ въ томъ, что желательно получить отъ принца Луи Наполеона удостовѣреніе въ рѣшимости его уважать заключенныя международныя обязательства. Оно даже полагало возможнымъ заставить его подписать международную конвенцію, подтверждающую такое обязательство. Однако, лордъ Дерби никакъ не соглашался поставить подписаніе такой конвенціи предварительнымъ условіемъ признанія за принцемъ Луи Наполеономъ императорскаго титула. Онъ хотѣлъ сперва признать этотъ титулъ, какъ совершившійся фактъ, а затѣмъ вступить съ императоромъ Наполеономъ въ переговоры насчетъ проектируемой конвенціи.

Съ такимъ мнѣніемъ никакъ не могъ помириться Императоръ Николай I, и въ этомъ случаѣ онъ еще разъ долженъ былъ убѣдиться, насколько глубоко укоренилась въ англійскихъ государственныхъ дѣятеляхъ привычка преклоняться предъ силою совершившихся фактовъ.

Мы еще возвратимся къ дипломатическимъ переговорамъ между Россіею и Англіею по поводу провозглашенія себя принцемъ-президентомъ французской республики императоромъ Французовъ.

Въ заключеніе остается прибавить относительно нижеслѣдующаго международнаго акта, что онъ есть ничто иное, какъ облеченіе въ болѣе торжественную форму Лондонскаго протокола о неприкосновенности Датской монархіи (№ 453).

Au nom de la très sainte et indivisible Trinité.

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, le Prince Président de la République Française, S. M. le Roi de Prusse, S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et S. M. le Roi de Suède et de Norvège, considérant que le maintien de l'intégrité de la Monarchie Danoise, lié aux intérêts généraux de l'équilibre Européen, est d'une haute importance pour la conservation de la paix, et qu'une combi-

Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы.

Е. В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Е. В. Императоръ Австрійскій, король Венгерскій и Богемскій, Принцъ Президентъ Французской Республики, Е. В. Король Прусскій, Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Король Шведскій и Норвежскій, имѣя въ виду, что поддержаніе цѣлости Датской монархіи, будучи связано съ общими интересами Европейскаго равновѣсія, представляетъ большую важность для сохраненія мира, и что постановленіе, согласно коему къ на-

naison qui appellerait à succéder à la totalité des Etats actuellement réunis sous le sceptre de S. M. le Roi de Danemark, la descendance mâle, à l'exclusion des femmes, serait le meilleur moyen d'assurer l'intégrité de cette Monarchie, ont résolu, à l'invitation de S. M. Danoise, de conclure un Traité, afin de donner aux arrangemens relatifs à cet ordre de succession, un gage additionnel de stabilité par un acte de reconnaissance Européenne.

En conséquence, les Hautes Parties contractantes ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, le très honorable Jacques Howard, Comte de Malmesbury, Vicomte Fitzharris, Baron Malmesbury, Pair du Royaume Uni, Membre du très honorable Conseil Privé de S. M. Britannique, et Principal Secrétaire d'Etat de S. M. Britannique pour les Affaires Etrangères;

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême, le sieur Louis Charles Baron de Kübeck, chevalier de l'ordre de S-te Anne de Russie de la seconde classe etc., Chargé d'Affaires de S. M. Impériale et Royale Apostolique près la Cour de S. M. Britannique;

Le Prince Président de la République Française, le sieur Alexandre Colonna comte Walewski, commandeur de l'ordre national de la Légion d'honneur etc., Ambassadeur de la République Française près S. M. Britannique;

S. M. Roi de Prusse, le sieur Chrétien Charles Josie Bunsen, commandeur de l'ordre d'Aigle rouge etc., Conseiller

слѣдованію всѣхъ въ настоящее время соединенныхъ подъ скипетромъ Е. В. Датскаго Короля владѣній призывается мужское потомство, съ исключеніемъ женщинъ, является наилучшимъ средствомъ для обезпеченія цѣлости этой монархіи, рѣшили, по приглашенію Его Датскаго Величества, заключить трактатъ, съ цѣлью придать относящимся къ сему порядку наслѣдованія положеніямъ новое ручательство твердости посредствомъ акта Европейскаго признанія.

Вслѣдствіе сего Высокія договаривающіяся стороны назначили своими уполномоченными:

Е. В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи достопочтеннаго Якова Говарда, графа Мальмсбэри, виконта Фитцхарриса, барона Мальмсбэри, пэра Соединеннаго королевства, члена достопочтеннаго Тайнаго Совѣта Е. В. Британскаго и главнаго Статсъ-Секретаря Е. В. Британскаго по Иностраннымъ Дѣламъ;

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій барона Людвига Карла Кюбека, кавалера россійскаго ордена Св. Анны второй степени и др., повѣреннаго въ дѣлахъ Его Императорскаго и Королевскаго Апостолическаго Величества при Дворѣ Е. В. Британскаго;

Принцъ Президентъ Французской Республики графа Александра Колонну Валевскаго, командора національнаго ордена почетнаго Легіона и др., посла Французской Республики при Е. В. Британскомъ;

Е. В. Король Прусскій Христіана Карла Іосію Бунзена, командора ордена Краснаго Орла и др., Дѣйств.

intime actuel de S. M. le Roi de Prusse, son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, le sieur Philippe Baron de Brunnow, chevalier des ordres de Saint Alexandre Newski en diamans etc., son Conseiller Privé, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

S. M. le Roi de Suède et de Norvège, le sieur Jean Gothard, Baron de Rehausen, commandeur de l'ordre de St. Olaf, etc., son chambellan, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

et S. M. le Roi de Danemark, le sieur Christian de Bille, grand-croix de l'ordre de Danebrog, etc., son chambellan, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

lesquels, après s'être communiqué leurs pleins pouvoirs respectifs, trouvés en bonne et due forme, sont convenus des Articles suivans:

Article I.

Après avoir pris en sérieuse considération les intérêts de sa Monarchie, S. M. le Roi de Danemark, de l'assentiment de S. A. R. le Prince Héréditaire, et de ses plus proches cognats, appelés à la succession par la loi Royale de Danemark, ainsi que de concert avec S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chef de la branche aînée de la Maison de Holstein-Gottorp, ayant déclaré vouloir régler l'ordre de succession dans ses Etats, de manière à ce qu'à défaut de descendance mâle en ligne directe du Roi Frédéric III de Danemark, sa

Тайн. Совѣтника Е. В. Короля Прусскаго, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

Е. В. Императоръ Всероссійскій барона Филиппа Бруннова, кавалера орденовъ Св. Александра Невскаго съ брилліантовыми украшеніями и др., своего Тайнаго Совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

Е. В. Король Шведскій и Норвежскій барона Іоанна Готарда Рехаузена, командора ордена Св. Олафа и др., своего камергера, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

и Е. В. Король Датскій Христіана Билле, кавалера ордена Данеброга большаго креста и др., своего камергера, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ:

Статья I.

Принявъ въ серьезное вниманіе интересы своей монархіи, Е. В. Король Датскій, съ согласія Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца и своихъ ближайшихъ когнатовъ, имѣющихъ право наслѣдованія по Королевско-Датскому закону, равно какъ согласившись съ Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ, какъ главою старшей вѣтви Гольштейнъ-Готторпскаго дома, объявилъ о желаніи своемъ опредѣлить порядокъ наслѣдованія въ своихъ государствахъ такимъ образомъ, чтобы при отсутствіи мужскаго потомства въ прямой линіи

couronne soit transmise à S. A. le Prince Christian de Slesvig-Holstein-Sonderbourg-Glücksbourg, et aux descendans issus du mariage de ce Prince avec S. A. la Princesse Louise de Slesvig-Holstein-Sonderbourg-Glücksbourg, née Princesse de Hesse, par ordre de primogéniture, de mâle en mâle; les Hautes Parties contractantes, appréciant la sagesse des vues qui ont déterminé l'adoption éventuelle de cette combinaison, s'engagent d'un commun accord, dans le cas où l'éventualité prévue viendrait à se realiser, à reconnaître à S. A. le Prince Christian de Slesvig-Holstein-Sonderbourg-Glücksbourg, et aux descendans mâles, issus en ligne directe de son mariage avec la dite Princesse, le droit de succéder à la totalité des Etats actuellement réunis sous le sceptre de S. M. le Roi de Danemark.

Короля Фридриха III Датскаго, корона его перешла къ Е. В. Принцу Христіану Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскому и къ потомству, происшедшему отъ брака этого принца съ Е. В. принцессою Луизою Шлезвигъ-Гольштейнъ - Зондербургъ - Глюксбургскою, рожденною принцессою Гессенскою, въ порядкѣ первородства, отъ лица мужскаго пола къ лицу мужскаго пола. Высокія договаривающіяся стороны, признавая мудрость видовъ, побудившихъ къ принятію въ выше означенномъ случаѣ сего постановленія, единодушно обязуются, еслибъ предусматриваемая случайность дѣйствительно наступила, признать за Е. В. принцемъ Христіаномъ Шлезвигъ - Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскимъ и за нисходящимъ мужскимъ потомствомъ, происшедшимъ по прямой линіи отъ его брака съ названною принцессою, право наслѣдованія всѣхъ государствъ, нынѣ соединенныхъ подъ скипетромъ Е. В. Короля Датскаго.

Article II.

Les Hautes Parties contractantes, reconnaissant comme permanent le principe de l'intégrité de la Monarchie Danoise, s'engagent à prendre en considération les ouvertures ultérieures que S. M. le Roi de Danemark jugerait à propos de leur adresser, si, ce qu'à Dieu ne plaise, l'extinction de la descendance mâle, en ligne directe, de S. A. le Prince Christian de Slesvig-Holstein-Sonderbourg-Glücksbourg, issue de son mariage avec S. A. la Princesse Louise de Slesvig-Holstein-Sonderbourg-Glücksbourg, née Princesse de Hesse, devenait imminente.

Статья II.

Высокія договаривающіяся стороны, признавая принципъ цѣлости Датской монархіи постояннымъ, обязуются принять въ уваженіе послѣдующія предложенія, съ коими Е. В. король Датскій нашелъ бы нужнымъ къ нимъ обратиться, еслибъ, чего Боже сохрани, прекращеніе мужского потомства, въ прямой линіи, отъ брака Е. В. принца Христіана Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго съ Е. В. принцессою Луизою Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ -Глюксбургскою, рожденною принцессою Гессенскою, сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Article III.

Il est expressément entendu que les droits et les obligations réciproques de S. M. le Roi de Danemark et de la Confédération Germanique, concernant les Duchés de Holstein et de Lauenbourg, droits et obligations établis par l'Acte fédéral de 1815, et par le droit fédéral existant, ne seront pas altérés par le présent Traité.

Article IV.

Les Hautes Parties contractantes se réservent de porter le présent Traité à la connaissance des autres Puissances, en les invitant à y accéder.

Article V.

Le présent Traité sera ratifié, et les ratifications en seront échangées à Londres dans le délai de six semaines, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 8 Mai 1852 года.

(L. S.) Malmesbury. (L. S.) Rehausen.
(L. S.) Kubeck. (L.S.) Bille.
(L. S.) A. Walewski.
(L. S.) Bunsen.
(L. S.) Brunnow.

Protocole de la Conférence tenue au Foreign Office le 8 mai 1852.

Présens: les plénipotentiaires d'Autriche, de Danemark, de France, de la Grande Bretagne, de Prusse, de Russie et de Suède et de Norvège.

Les plénipotentiaires se sont réunis, ainsi qu'il avait été convenu à la séance du 28 Avril.

Статья III.

При семъ разумѣется, что взаимныя права и обязанности Е. В. Короля Датскаго и Германскаго Союза относительно герцогствъ Гольштинскаго и Лауенбургскаго, установленныя Союзнымъ Актомъ 1815 года и существующимъ союзнымъ правомъ, не будутъ нарушены настоящимъ трактатомъ.

Статья IV.

Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ довести настоящій трактатъ до свѣдѣнія прочихъ Державъ и предложить имъ къ нему приступить.

Статья V.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ теченіе шести недѣль, или и ранѣе, если окажется возможнымъ.

Въ увѣреніе чего, и пр.

Въ Лондонѣ, 8 мая 1852 года.

(М. П.) Мальмсбэри. (М. П.) Рехаузенъ.
(М. П.) Кюбекъ. (М. П.) Билле.
(М. П.) А. Валевскій.
(М. П.) Бунзенъ.
(М. П.) Брунновъ.

Протоколъ конференціи, засѣдавшей въ Foreign Office 8 мая 1852 года.

Присутствовали: уполномоченные Австріи, Даніи, Франціи, Великобританіи, Пруссіи, Россіи и Швеціи и Норвегіи.

Уполномоченные собрались на засѣданіе, какъ было постановлено о семъ въ совѣщании отъ 28 апрѣля.

Le plénipotentiaire d'Autriche a annoncé avoir reçu les pleins pouvoirs qu'il attendait.

Le plénipotentiaire de Prusse étant également muni de ceux qu'il avait demandés, tous les plénipotentiaires ont procédé à la signature du Traité, dont la rédaction avait été arrêtée dans la précédente séance.

Le plénipotentiaire de Danemark, au nom de sa Cour, a exprimé les sentimens de reconnaissance que lui inspirait le témoignage d'intérêt qu'elle venait de recevoir des Puissances amies, qui ont contribué à une transaction d'une si haute importance pour la conservation de l'intégrité de la Monarchie Danoise.

Il a saisi cette occasion de remercier tous les plénipotentiaires du concours empressé qu'ils lui ont prêté pour atteindre un résultat si désirable et si utile à l'affermissement de la paix de l'Europe.

Kubeck. Brunnow.
Bille. Rehausen.
A. Walewski.
Malmesbury.
Bunsen.

Уполномоченный Австріи объявилъ о полученіи имъ полномочій, коихъ онъ ожидалъ.

Такъ какъ равнымъ образомъ и уполномоченный Пруссіи былъ снабженъ истребованными имъ полномочіями, то присутствовавшіе приступили къ подписанію трактата, редакція коего была установлена въ предшествовавшее засѣданіе.

Уполномоченный Даніи выразилъ, отъ имени своего Двора, чувства признательности, коими онъ одушевленъ по случаю оказаннаго ему участія со стороны дружественныхъ Державъ, содѣйствовавшихъ соглашенію столь высокой важности для сохраненія въ цѣлости Датской монархіи.

Онъ пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы принести благодарность всѣмъ уполномоченнымъ за ихъ любезную помощь въ достиженіи столь желаннаго и столь полезнаго для укрѣпленія Европейскаго мира результата.

Кюбекъ. Брунновъ.
Билле. Рехаузенъ.
А. Валевскій.
Мальмсбэри.
Бунзенъ.

№ 455.

1852, 8 (20) novembre. Protocole de Londres au sujet de l'ordre de la succesion au trône dans le royaume de Grèce.

Le ministère de lord Derby n'a pas été de longue durée malgré les aptitudes politiques incontestables du premier ministre. Chez lui, selon les assurances du baron Brunnow, „la tête était plus forte que les bras et les jambes". Toutefois le ministre de Russie désirait sincèrement le maintien de ce Cabinet, dont le chef jugeait la situation politique de l'Europe

№ 455.

1852 г., ноября 8-го (20-го). Лондонскій трактатъ относительно престолонаслѣдія Греческаго королевства.

Министерство лорда Дерби просуществовало весьма недолго, несмотря на несомнѣнныя государственныя способности премьера. У этого министерства, по словамъ барона Бруннова, „голова была сильнѣе, чѣмъ руки и ноги". Но русскій посланникъ искренне желалъ сохраненія этого министерства, глава котораго такъ трезво относился къ тогдашнему политическому положенію

d'une manière si sensé. Le bâron Brunnow avait en haute estime les hommes comme lord Derby, Aberdeen, Russell et Granville, parcequ'ils n'étaient animés d'aucune prévention à l'égard de Russie. Il se plaisait à entretenir avec eux des relations intimes, même après leur retraite, car „dans ce pays", disait-il en parlant de l'Angleterre, „il ne faut jamais dire: Fontaine, je ne boirai pas de ton eau!" Malheureusement, le baron Brunnow semble avoir oublié cette sage maxime à l'occasion de la retraite de lord Palmerston, auquel il a consacré une notice nécrologique très intéressante. Après la retraite du ministère de lord Derby, le pouvoir est échu, en décembre 1852, à lord Aberdeen qui confia le portefeuille du ministère de l'Intérieur à lord Palmerston. Ainsi la retraite de lord Palmerston en 1851 qui, selon le mot de lady Pembroke, a été „un véritable bienfait et un Christmas box", n'a nullement suspendu l'activité politique de cet ennemi implacable de la Russie.

Le représentant de la Russie devait ajouter du prix aux bonnes dispositions pour son pays de ces quelques hommes d'Etat anglais, peu nombreux et dont les rangs s'eclaircissaient visiblement. Ainsi le duc de Wellington, le héros de Waterloo, qui dans les dernières années de son existence, si remplie et si glorieuse, était un admirateur sincère de l'Empereur Nicolas I, mourut à Walmer-Castle le 2 (14) septembre 1852. Encore deux semaines avant sa mort, il reçut la visite de la Grand' Duchesse Cathérine Mikhailovna et de son époux le duc de Meklembourg-Strélitz qui passaient l'été de l'année 1852 à Shanclean à l'île de Wight. Le duc de Wellington cueillit une fleur et la remit à la Grand' Duchesse. Ce fut la dernière fleur, racontait le baron Brunnow, qu'il cueillait de sa propre main. Lorsqu'il prit du mur son portrait placé à côté de ceux de lord North, Pitt et lord Liverpool, ses prédécesseurs au poste de „chef des cinq ports", pour en faire hommage à la Grand' Duchesse, il dit tristement au baron Brunnow: „il faut le remplacer." (Rapport du baron Brunnow du 3 (15) septembre 1852).

L'Empereur Nicolas I fut profondément affecté par la nouvelle de la mort du vieux duc de Wellington. Il fit à ce sujet l'inscription suivante en russe sur le rapport de son représentant à Londres: „Je regrette sincérement la perte de ce respectable vieillard!" Le duc était

Европы. Баронъ Брунновъ очень дорожилъ такими людьми, какъ лорды Дерби, Эбердинъ, Россель и Гренвилль, потому что они не питали никакой предвзятой ненависти къ Россіи. Онъ поддерживалъ съ ними близкія отношенія даже послѣ выхода ихъ въ отставку, ибо, говаривалъ онъ про Англію, „въ этой странѣ никогда не слѣдуетъ говорить: фонтанъ, я не буду пить твоей воды". Къ сожалѣнію, баронъ Брунновъ совершенно забылъ это мудрое изрѣченіе при отставкѣ лорда Пальмерстона, которому онъ написалъ столь интересный некрологъ. Послѣ отставки министерства Дерби, бразды правленія перешли, въ декабрѣ 1852 года, въ руки лорда Эбердина, который поручилъ лорду Пальмерстону портфель Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ, отставка лорда Пальмерстона, въ 1851 году, бывшая, по словамъ лэди Пемброкъ, „настоящимъ благодѣяніемъ и подаркомъ на елку", нисколько не прекратила государственной дѣятельности этого непримиримаго врага Россіи.

Представитель Россіи долженъ былъ дорожить расположеніемъ къ его отечеству немногихъ государственныхъ людей Англіи еще и потому, что число ихъ постоянно уменьшалось. Такъ, скончался 2-го (14-го) сентября 1852 года, въ Walmer Castle, герой Ватерлоской битвы, герцогъ Веллингтонъ, бывшій въ послѣдніе годы своей блестящей и знаменательной жизни искреннимъ почитателемъ Императора Николая I. За двѣ недѣли до его смерти Великая Княгиня Екатерина Михаиловна навѣстила его вмѣстѣ съ своимъ супругомъ, герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ: они проводили лѣто 1852 года въ Шанклинѣ, на островѣ Уайтѣ. Герцогъ Веллингтонъ самъ сорвалъ цвѣтокъ и подалъ его Великой Княгинѣ. Это былъ послѣдній цвѣтокъ, разсказывалъ баронъ Брунновъ, который герцогъ сорвалъ собственноручно. Когда онъ снялъ со стѣны свой портретъ, находившійся подлѣ портретовъ его предшественниковъ: лорда Норта, Питта и лорда Ливерпуля, по должности „начальника пяти портовъ", — чтобъ поднести его русской Великой Княгинѣ, онъ съ грустью сказалъ барону Бруннову: „Нужно его замѣстить". (Донесеніе барона Бруннова отъ 3 (15-го) сентября 1852 года).

Императоръ Николай I былъ глубоко опечаленъ извѣстіемъ о кончинѣ престарѣлаго герцога Веллингтона. На донесеніи своего представителя въ Лондонѣ онъ собственноручно начерталъ по русски слѣдующія слова: „Крѣпко жаль почтеннаго старика"! Въ русской арміи

le doyen des maréchaux dans l'armée russe qui, par ordre suprême, prit le deuil pour trois jours. Connaissant les sentiments du duc pour le Souverain de Russie, ses héritiers se firent un devoir de remettre au baron Brunnow son épée, en souvenir pour l'Empereur Nicolas, et la plume dont il se servait habituellement — pour l'Impératrice Alexandra Féodorovna.

Lorsqu'après la mort du duc de Wellington des pourparlers diplomatiques se poursuivaient entre les deux gouvernements au sujet du coup d'Etat accompli en France par le prince Louis Napoléon, le baron Brunnow eut souvent l'occasion de se rappeler des prévisions énoncées par le duc sur les destinées de la seconde république en France, le Prince-président et les projets qu'il méditait. A cette époque, il y avait beaucoup de Français qui se moquaient de la république et sympathisaient sincèrement au rétablissement du régime monarchique par le prince Napoléon. Ainsi, pour citer un exemple, lorsqu'on demandait à Alexandre Dumas-père en 1848, à l'époque où le choléra sévissait en Europe, ce qui arriverait si l'épidémie se montrait à Paris, le célèbre écrivain répondit sérieusement: „le choléra n'y viendra jamais; il aurait peur de gagner la république."

Mais il était impossible de trancher les complications politiques avec de semblables saillies que le baron Brunnow se plaisait à citer dans ses lettres particulières. Ces complications surgissaient sans cesse en présence de l'avidité de pouvoir du prince Louis Napoléon qui s'est déclaré d'abord président à vie de la république française, et ensuite Empereur des Français avec le titre de Napoléon III.

L'Empereur Nicolas I jugeait impossible de reconnaître ce titre, car ce serait renier les traités de 1815 sur lesquels reposait tout le système international de l'Europe. A son avis les quatre grandes Puissances pouvaient dire à Louis Napoléon: „Vous serez, si vous le voulez, Napoléon III pour la France. Pour l'Europe l'Empereur des Français."

„Quant à l'Empereur," disait le Chancelier de l'Empire dans une lettre au baron Brunnow du 29 octobre 1852, en développant cette même pensée, „arrive que pourra, il veut rester conséquent. Il est résolu à ne pas renier son passé

герцогъ состоялъ старшимъ фельдмаршаломъ и, по Высочайшему повелѣнію, на три дня былъ наложенъ по немъ трауръ на всю армію. Зная чувства преданности герцога Веллингтона къ русскому Царю, наслѣдники его вручили барону Бруннову, на память о немъ: шпагу герцога для Императора Николая, и перо, которымъ онъ всегда писалъ, для Императрицы Александры Θеодоровны.

Когда, послѣ кончины герцога Веллингтона, начались между Императорскимъ и великобританскимъ правительствами дипломатическіе переговоры по поводу государственнаго переворота, совершеннаго принцемъ Луи Наполеономъ во Франціи, барону Бруннову часто приходилось вспоминать отзывъ покойнаго герцога о второй французской республикѣ и о принцѣ Луи Наполеонѣ и его государственномъ переворотѣ. Въ то время многіе остроумные французы смѣялись надъ своею республикою и искренно сочувствовали возстановленію принцемъ Луи Наполеономъ монархическаго режима. Александра Дюма-отца спросили въ 1848 году, когда въ Европѣ свирѣпствовала холера, что случится, если эта эпидемія появится въ Парижѣ? Знаменитый писатель серьезно отвѣтилъ: „Холера никогда не придетъ въ Парижъ: она будетъ бояться получить республику"!

Но остроумными шутками, которыя любилъ приводить въ своихъ частныхъ письмахъ баронъ Брунновъ, нельзя было рѣшить сложныхъ политическихъ вопросовъ дня. Такіе вопросы постоянно возбуждало ненасытное властолюбіе принца Луи Наполеона, который сперва объявилъ себя пожизненнымъ президентомъ французской республики, а вслѣдъ затѣмъ императоромъ французовъ съ титуломъ: „Наполеонъ III".

Императоръ Николай I считалъ совершенно невозможнымъ признать этотъ титулъ, потому что признаніе его за принцемъ Луи Наполеономъ было бы равносильно отказу отъ трактатовъ 1815 года, на которыхъ основывался весь международный строй Европы. По его мнѣнію, четыре великія державы могли бы сказать принцу Луи Наполеону: „Вы будете, если того желаете, Наполеономъ III для Франціи. Для Европы — императоромъ Французовъ".

„Что касается Государя", развивалъ только что приведенную мысль Государственный Канцлеръ въ письмѣ къ барону Бруннову отъ 29 октября 1852 года, „то пусть будетъ, что будетъ, но онъ останется послѣдовательнымъ. Онъ рѣ-

et la mémoire de son frère Alexandre. Par raison d'Etat et par amour pour la paix, il reconnaîtra l'Empereur des Français. Mais pour Napoléon III, il l'ignore".

Le Chancelier de l'Empire ne comprenait pas que l'Angleterre, qui n'avait jamais reconnu Napoléon I, puisse s'arrêter à quelque autre solution. Reconnaître Napoléon III, ce serait pour l'Angleterre renier complétement Trafalgar et Waterloo. La reconnaissance de Napoléon III par les autres grandes Puissances de l'Europe serait „le plus triste Mea culpa qu'on puisse se donner". „Que l'Angleterre ne se fera pas d'illusion! Si Napoléon III est accepté", s'appliquait à démontrer le comte Nesselrode, „toute l'Europe de 1815 aura passé sous les fourches caudines de la France".

Si, poursuivait le Chancelier, toutes les grandes Puissances y donnent leur consentement, Napoléon III est sûr de gagner un prestige immense aux yeux des Français et de toutes les autres nations. „D'ici à peu, Napoléon III sera le prince le plus en crédit et le plus redouté en Europe. L'orgueil national s'exaltera, et de cette exaltation peuvent sortir des prétentions incalculables. Celle de biffer d'un trait de plume l'histoire des dernières 38 années."

Mais le comte Nesselrode n'ignore pas que l'Angleterre est toute disposée à s'incliner devant le fait accompli, par crainte d'un conflit, et même d'une guerre avec la France. Le ministre d'Angleterre à la Cour de St. Pétersbourg lui a déclaré sans détour que son pays ne ferait jamais la guerre pour la question du titre. Le Chancelier de l'Empire répondait à cela en posant, de son côté, la question suivante à sir Hamilton Seymour: „Savez-vous ce qui adviendra d'une trop grande sollicitude à éviter cette guerre? C'est qu'on l'amenera tôt ou tard." Depuis qu'un Napoléon a de nouveau surgi en Europe, cela sent la poudre sur tout le continent, et le nouvel Empereur cherchera sans faute à détourner l'attention de la nation française des affaires intérieures et à l'occuper de complications internationales.

Selon l'avis du gouvernement impérial, il n'y avait pas de nécessité à opposer „un refus absolu" à la reconnaissance de Napoléon comme Empereur des Français. La Russie et l'Angleterre pouvaient en toute sécurité reconnaître ce titre, ainsi que l'Empire français. C'est seu-

шился не отрекаться отъ своего прошлаго и отъ памяти своего брата Александра. Изъ политическихъ соображеній и изъ любви къ миру, онъ признаетъ императора Французовъ. Но Наполеона III — онъ не знаетъ".

Государственный Канцлеръ не могъ понять, какое иное рѣшеніе могла бы принять въ этомъ вопросѣ Англія, которая никогда не признавала даже Наполеона I. Признаніе Наполеона III со стороны Англіи было бы равносильно полному отреченію отъ Трафалгара и Ватерлоо. Признаніе Наполеона III со стороны остальныхъ великихъ европейскихъ державъ означало бы „самое печальное Mea culpa", какое можно себѣ вообразить. „Да не питаетъ Англія иллюзіи! Если Наполеонъ III будетъ признанъ", доказывалъ гр. Нессельроде, „то вся Европа 1815 года пройдетъ чрезъ Кавдинское ущелье Франціи".

Если, продолжалъ Государственный Канцлеръ, на это согласятся всѣ великія державы, то Наполеонъ III пріобрѣтетъ въ глазахъ Французовъ и всѣхъ остальныхъ народовъ громадный престижъ. „Весьма скоро Наполеонъ III станетъ въ Европѣ государемъ наиболѣе вліятельнымъ и наиболѣе опаснымъ. Національная гордость воспылаетъ и дастъ толчекъ непредвидимымъ претензіямъ, въ числѣ которыхъ будетъ и та, чтобъ однимъ взмахомъ пера вычеркнуть всю исторію послѣднихъ 38 лѣтъ".

Но графъ Нессельроде знаетъ, что Англія готова преклониться предъ совершившимся фактомъ изъ опасенія столкновенія или даже войны съ Франціею. Великобританскій посланникъ при С.-Петербургскомъ дворѣ прямо сказалъ ему, что изъ-за титула никогда Англія не начнетъ войны. На это Государственный Канцлеръ отвѣтилъ сэру Гамильтону Сеймуру вопросомъ: „Знаете, что выйдетъ изъ такой слишкомъ большой заботливости о предупрежденіи этой войны? То, что она будетъ рано или поздно". Съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ опять имѣется Наполеонъ, запахъ пороха слышится во всей Европѣ, и новый императоръ естественно постарается отвлечь вниманіе французскаго народа отъ внутреннихъ дѣлъ международными замѣшательствами.

Впрочемъ, по мнѣнію Императорскаго правительства, нѣтъ надобности въ „абсолютномъ отказѣ" признать титулъ: Наполеонъ, императоръ Французовъ. Этотъ титулъ, равно какъ и французскую имперію, Россія и Англія могутъ признать. Только противъ „династической

lement contre „le chiffre dynastique“ que les grandes Puissances devraient protester, „car il mettrait à néant des faits, des droits, des engagemens, tout un ordre de choses enfin.“ Toutefois le gouvernement impérial ne désirait ni une rupture, ni une guerre avec la France. A son avis on pourrait se borner à une protestation par écrit que les représentants des grandes Puissances à Paris seraient chargés de remettre au Ministre des affaires étrangères de France le jour de la proclamation du second Empire aprés la cérémonie. Par ces notes identiques les relations des membres du corps diplomatique avec la Cour de France seraient provisoirrement suspendues. (Dépêche du Chancelier de l'Empire au baron Brunnow du 6 novembre 1852).

L'attitude du Cabinet anglais dans cette question était en tous points conforme à setraditions politiques qui le portaient toujours à s'incliner devant le fait accompli. Il est vrai qu'il a commencé par montrer quelque résistance au prince Louis Napoléon. Lord Malmesbury s'appliquait à démontrer au baron Brunnow qu'il n'y avait pas lieu de reconnaître le titre de Napoléon III, vu que le prince a été placé à la tête du pouvoir en France, non par droit de succession, mais par le vote de la nation. Un débat orageux s'est engagé à ce sujet entre le ministre anglais et le comte Walewsky, ambassadeur de France. (Dépêche du baron Brunnow du 21 octobre (2 novembre) 1852).

L'Empereur Nicolas I fit sur le rapport de son ministre à Londres l'annotation suivante: „C'est fort bien; mon avis serait de ne l'appeler que Louis Napoléon, Empereur des Français — и только (c'est tout). S'il s'en fâche, tant pis pour lui, et s'il devient grossier Киселевъ (Kisselew) quittera Paris.“

Cette opposition du gouvernement angais aux prétentions du prince Louis Napoléon ne fut pas de longue durée. Il consentait bientôt à faire des concessions, parcequ'il s'était persuadé qu'en dépit de toute protestation, le président de la République était fermement résolu à se proclamer Empereur Napoléon III. Le Cabinet de Londres s'attachait à démontrer au ministre de Russie qu'il était impossible de tolérer en France l'établissement d'un ordre de choses qui pût être considéré comme la continuation de l'Empire de Napoléon I. On ne peut reconnaître que le régime existant de fait, tel qu'il a été créé par le prince Louis Napoléon.

цифры“ должны протестовать всѣ великія державы, „ибо эта цифра отмѣнила бы факты, права, обязательства, наконецъ—цѣлый порядокъ вещей“. Но Императорское правительство нисколько не желаетъ ни разрыва, ни войны съ Франціею. По его мнѣнію, можно было бы ограничиться письменнымъ протестомъ, который представители великихъ державъ въ Парижѣ вручили бы французскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ въ день провозглашенія второй французской имперіи, послѣ окончанія церемоніи. Этими идентичными нотами пріостанавливались бы на время сношенія членовъ дипломатическаго корпуса, аккредитованныхъ при французскомъ дворѣ. (Депеша Государственнаго Канцлера къ барону Бруннову отъ 6 ноября 1852 года).

Поведеніе англійскаго кабинета въ этомъ вопросѣ было совершенно согласно съ его традиціонною политикою, требующею покорности предъ совершившимися фактами. Правда, въ началѣ англійское правительство выказывало нѣкоторую строптивость въ отношеніи принца Луи Наполеона. Лордъ Мальмсбэри доказывалъ барону Бруннову невозможность признать титулъ: Наполеонъ III, потому что принцъ Луи Наполеонъ не по праву наслѣдованія, но народнымъ избраніемъ сталъ во главѣ Франціи. Между англійскимъ министромъ и французскимъ посломъ графомъ Валевскимъ происходилъ ожесточенный споръ по этому предмету. (Донесеніе барона Бруннова отъ 21 октября (2-го ноября) 1852 года).

Императоръ Николай надписалъ на донесеніи своего посланника въ Лондонѣ: „Это отлично. По моему мнѣнію, надо его называть просто *Луи Наполеонъ, императоръ Французовъ*—и только. Если онъ разсердится, тѣмъ хуже для него, а если начнетъ говорить грубости, то Киселевъ выѣдетъ изъ Парижа“.

Но сопротивленіе англійскаго правительства противъ претензій принца Луи Наполеона продолжалось недолго. Оно весьма скоро пошло на уступки, убѣдившись, что президентъ французской республики, вопреки всякимъ протестамъ, все-таки провозгласитъ себя императоромъ Наполеономъ III. Лондонскій кабинетъ сталъ доказывать русскому посланнику, что нельзя допустить установленія во Франціи порядка, который былъ бы признанъ продолженіемъ имперіи Наполеона I. Можно признать только фактическій порядокъ вещей, созданный принцемъ Луи Наполеономъ. Но, черезъ нѣсколько дней, послѣ новыхъ объясненій

Mais quelques jours après, à la suite de nouveaux pourparlers entre le comte Walewsky et lord Malmesbury, celui-ci expliquait au baron Brunnow que „le chiffre III est une simple formule arithmétique qui perd toute sa signification dynastique, dès qu'elle ne se fonde plus sur un droit d'hérédité, auquel le prince Louis Napoléon renonce lui-même.“ (Rapport du baron Brunnow du 8 (20) novembre 1852).

Cette décision du gouvernement anglais indigna au plus haut degré l'Empereur Nicolas I qui inscrivit les mots suivants sur le rapport du baron Brunnow du 17 (29) novembre, confirmant cette capitulation définitive de l'Angleterre devant le prince Napoléon: „C'est misérable, quoique prévu!“

Lorsque le baron Brunnow annonçait à son gouvernement que les Anglais redoutent sérieusement Louis Napoléon et semblent convaincus qu'ils ne resteront pas sans alliés en cas d'agression, l'Empereur Nicolas I fit l'annotation suivante: „Les aveux à la fin de la dépêche servent à expliquer la lâcheté du gouvernement. Voilà où en est l'Angleterre!“

Les pourparlers diplomatiques provoqués entre la Russie et l'Angleterre par la crise intérieure en France ne pouvait pas suspendre l'échange d'idées entre les deux Puissances sur les autres questions politiques courantes. Dans ce nombre se trouvait l'ancienne question de l'ordre de succession au trône de Grèce. Des négociations se poursuivaient activement à Londres entre les représentants des trois Puissances garantes, de la Grèce et de la Bavière, pour consacrer le principe, proclamé déjà en 1832, en vertu duquel le roi de Grèce devait absolument professer la foi orthodoxe. Ce principe était consigné dans la constitution du royaume hellénique. La Russie désirait écarter tout espèce de doute à ce sujet pour l'avenir, et c'est dans ce but que fut signé à Londres le traité ci-dessous avec les protocoles explicatifs, confirmant l'accord complet entre la constitution hellénique et ce principe fondamental, proclamé déjà à la conférence de Londres en 1832.

графа Валевскаго съ лордомъ Мальмсбэри, послѣднiй сталъ доказывать барону Бруннову, что „цифра III есть ничто иное, какъ простая ариѳметическая формула, которая теряетъ все свое династическое значенiе, разъ она не основывается на правѣ наслѣдованiя, отъ котораго отказывается самъ принцъ Луи Наполеонъ“ (Донесенiе барона Бруннова отъ 8 (20-го) ноября 1852 года).

Такое рѣшенiе англiйскаго правительства возмутило въ высшей степени Императора Николая I, который надписалъ на донесенiи барона Бруннова отъ 17 (29-го) ноября, подтверждавшемъ окончательную капитуляцiю Англiи предъ принцемъ Луи Наполеономъ: „Это мерзко, хотя предвидѣно!“

Когда же баронъ Брунновъ донесъ своему правительству, что Англичане всетаки очень боятся принца Луи Наполеона и увѣрены, что въ случаѣ его нападенiя на нихъ, они не останутся безъ союзниковъ, Императоръ Николай I сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Признанiя, сдѣланныя въ концѣ донесенiя, служатъ объясненiемъ трусости правительства (англiйскаго). Вотъ до чего дошла Англiя!“

Вызванные важными внутренними переворотами Францiи дипломатическiе переговоры между Россiею и Англiею не могли остановить обмѣна мыслей между обѣими державами по другимъ текущимъ политическимъ вопросамъ. Къ такимъ вопросамъ относилось старое дѣло о престолонаслѣдiи въ Грецiи. Въ Лондонѣ постоянно происходили переговоры между представителями трехъ державъ-покровительницъ и Грецiи и Баварiи о подтвержденiи принципа, уже провозглашеннаго въ 1832 году, въ силу котораго греческiй король непремѣнно долженъ былъ исповѣдывать православную вѣру. Этотъ принципъ вошелъ также въ конституцiю греческаго королевства. Россiя желала предупредить на будущее время всякое по этому предмету сомнѣнiе, и съ этою цѣлью былъ подписанъ въ Лондонѣ нижеслѣдующiй трактатъ съ объяснительными протоколами, подтверждающiй полное согласiе между греческою конституцiею и провозглашеннымъ уже въ 1832 году на Лондонской конференцiи основнымъ началомъ.

Au nom de la Très Sainte et Indivisible Trinité.

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, le Prince Président de la République Française et S. M. l'Empereur de toutes les Russies, en vue de consolider l'ordre de succession au Trône de Grèce, placée sous leur commune garantie; reconnaissant la nécessité dans ce but de mettre les stipulations de l'Article VIII de la Convention du 7 mai, 1832, en harmonie avec la condition établie par l'Article 40 de la Constitution Hellénique; ont résolu de conclure à cet effet un Traité avec le concours de S. M. le Roi de Bavière comme signataire de la Convention de 1832, et de S. M. Hellénique comme directement intéressée à prendre part à une transaction destinée à assurer le repos à venir de la Grèce.

Leurs Majestés le Roi de Bavière et le Roi de Grèce ayant répondu à cette invitation, les Hautes parties contractantes ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, le très honorable Jacques Howard, comte de Malmesbury, vicomte Fitzharris, baron Malmesbury, pair du Royaume Uni, membre du très honorable Conseil privé de S. M. Britannique, et principal Secrétaire d'Etat de S. M. Britannique pour les Affaires Etrangères;

S. M. le Roi de Bavière, le sieur Auguste, baron de Cetto, son chambellan, commandeur de l'ordre du Mérite de la Couronne de Bavière, etc., Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotenti-

Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы.

Е. В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Принцъ Президентъ Французской Республики и Е. В. Императоръ Всероссійскій, имѣя въ виду утвердить порядокъ Греческаго престолонаслѣдія, поставленнаго подъ ихъ общее поручительство, и признавая необходимымъ для сей цѣли согласовать постановленія статьи VIII конвенціи 7 мая 1832 года съ условіемъ, установленнымъ статьею 40 Эллинской конституціи, рѣшили заключить на сей конецъ трактатъ при содѣйствіи Е. В. Баварскаго Короля, какъ подписавшаго конвенцію 1832 года, и Е. В. Короля Эллинскаго, какъ прямо заинтересованнаго быть участникомъ въ соглашеніи, предназначенномъ къ обезпеченію будущаго спокойствія Греціи.

По изъявленіи на то Ихъ Величествами Королемъ Баварскимъ и Королемъ Греческимъ согласія, Высокія договаривающіяся стороны назначили своими уполномоченными:

Е. В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи достопочтеннаго Якова Говарда, графа Мальмсбэри, виконта Фитцхарисса, барона Мальмсбэри, пэра Соединеннаго королевства, члена достопочтеннаго Тайнаго Совѣта Е. В. Британскаго и главнаго Статсъ-Секретаря Е. В. Британскаго по Иностраннымъ Дѣламъ;

Е. В. Король Баварскій барона Августа Сетто, своего камергера, командора ордена за заслуги Короны Баварской и др., чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Е. В.

aire de S. M. le Roi de Bavière près S. M. Britannique;

Le Prince Président de la République Française, le sieur Alexandre Colonna, comte Walewski, commandeur de l'ordre national de la Légion d'Honneur, etc., Ambassadeur de la République Française près S. M. Britannique;

S. M. le Roi de Grèce, le sieur Spyridion Tricoupi, Sénateur du Royaume de Grèce, grand-croix de l'ordre royal du Sauveur, etc., Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire de S. M. Hellénique près S. M. Britannique;

Et S. M. l'Empereur de toutes les Russies, le sieur Philippe baron de Brunnow, chevalier des ordres de Saint Alexandre Newski en diamans, etc., son Conseiller Privé, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique;

Lesquels, après s'être communiqué leurs pleins-pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et signé les Articles suivans:

Баварскаго короля при Е. В. Британскомъ;

Принцъ Президентъ Французской Республики Александра Колонну, графа Валевскаго, командора національнаго ордена Почетнаго легіона и др., посла Французской Республики при Е. В. Британскомъ;

Е. В. Король Греческій Спиридіона Трикупи, сенатора Греческаго королевства, кавалера королевскаго ордена Спасителя большаго креста и др., чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Е. В. Эллинскаго при Е. В. Британскомъ;

и Е. В. Императоръ Всероссійскій барона Филиппа Бруннова, кавалера орденовъ Св. Александра Невскаго съ бриллiантовыми украшеніями и др., своего Тайнаго Совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ;

кои, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, постановили и подписали слѣдующія статьи:

Article I.

Les Princes de la Maison de Bavière appelés par la Convention de 1832 et par la Constitution Hellénique à succéder à la Couronne de Grèce dans le cas où le Roi Othon viendrait à décéder sans postérité directe et légitime, ne pourront monter sur le Trône de Grèce qu'en se conformant à l'Article 40 de la Constitution Hellénique, ainsi conçu:

„Tout successeur de la Couronne de Grèce doit professer la religion de l'Eglise Orthodoxe Orientale".

Статья I.

Принцы Баварскаго Дома, призываемые въ силу конвенціи 1832 года и Эллинской конституціи къ наслѣдованію Греческой короны въ томъ случаѣ, когда король Оттонъ умретъ безъ прямого и законнаго потомства, не могутъ вступить на Греческій престолъ иначе, какъ сообразуясь съ 40 статьею Эллинской конституціи, которая гласитъ слѣдующее:

„Всякій наслѣдникъ короны Греческой долженъ исповѣдывать религію Православной Восточной Церкви".

Article II.

Conformément au troisième Décret de l'Assemblée Hellénique, Sa Majesté la Reine Amélie, pendant son veuvage, est appelée de droit à la Régence, en cas de minorité ou d'absence du successeur au Trône, d'après les conditions de l'Article 40 de la Constitution.

Article III.

Le présent Traité sera ratifié, et les ratifications en seront échangées à Londres dans l'espace de six semaines, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 8 (20) novembre, 1852.

(L. S.) Malmesbury.
(L. S.) A. de Cetto, sauf approbation de son Gouvernement.
(L. S.) A. Walewski.
(L. S.) S. Tricoupi.
(L. S.) Brunnow.

Статья II.

Согласно третьему декрету Эллинскаго Собранія, Ея Величество Королева Амалія, во время своего вдовства, по праву призывается къ регентству въ случаѣ несовершеннолѣтія или отсутствія наслѣдника престола, на основаніи положеній 40 статьи конституціи.

Статья III.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ продолженіи шести недѣль, или и ранѣе, если окажется возможнымъ.

Въ удостовѣреніе сего и т. д.

Въ Лондонѣ, 8 (20) ноября 1852 года.

(М. П.) Мальмсбэри.
(М. П.) А. де-Сетто, подъ условіемъ одобренія его Правительства.
(М. П.) А. Валевскій.
(М. П.) С. Трикупи.
(М. П.) Брунновъ.

Protocole d'une conférence tenue au Foreign Office, le 20 novembre 1852.

Présens: les plénipotentiaires de Bavière, de France, de la Grande Bretagne, de Grèce, et de Russie.

Les plénipotentiaires s'étant réunis au jour fixé dans la dernière conférence pour la signature du Traité, dont le texte paraphé est annexé au Protocole du 12 novembre, ont procédé, séance tenante, à la dite signature.

Le ministre de Bavière, en signant *sub spe rati*, a présenté, d'ordre de sa Cour, la déclaration ci-jointe pour être annexée au présent Protocole (sub lit. A).

Протоколъ конференціи, собранной въ Foreign Office 20 ноября 1852 года.

Присутствовали: уполномоченные Баваріи, Франціи, Великобританіи, Греціи и Россіи.

Уполномоченные, собравшись въ назначенный въ послѣдней конференціи день для подписанія трактата, текстъ коего, въ статьяхъ, приложенъ къ протоколу отъ 12 ноября, приступили немедленно къ означенному подписанію.

Баварскій министръ, подписывая *sub spe rati*, представилъ, по приказанію своего Двора, прилагаемую у сего декларацію для присоединенія ея къ настоящему протоколу (sub lit. A)

En conséquence, le Ministre de Grèce a cru devoir déposer également aux actes de la conférence la déclaration ci-annexée (sub lit. B).

Considérant leur tâche toute de conciliation comme entièrement accomplie par les dispositions du Traité signé en ce jour, les plénipotentiaires de France, de la Grande Bretagne, et de Russie, n'admettant point l'opportunité d'une discussion déjà épuisée, ont cru devoir se borner à s'en référer simplement au texte du Traité, et aux explications contenues dans les précédens Protocoles.

A. de Cetto. Brunnow.
A. Walewski.
Malmesbury.
S. Tricoupi.

Annexe (A) au Protocole de la conférence du 20 novembre, 1852.

Au moment de donner, sauf approbation, le concours de son gouvernement à la convention qui a pour objet de mettre l'article 40 de la constitution hellénique en harmonie avec les stipulations du Traité du 7 mai, 1832, le soussigné, plénipotentiaire de S. M. le Roi de Bavière, se tient pour obligé de réserver à Sa dite Majesté la faculté de donner suite plus tard à l'arrangement de famille dont communication a été faite aux Cabinets de France, de Grande Bretagne et de Russie, en comptant pour cela sur leur assistance bienveillante.

Il se tient aussi pour obligé de constater d'une manière positive, que l'obligation de remplir la condition de l'ar-

Вслѣдствіе сего Греческій министръ счелъ долгомъ равнымъ образомъ внести въ акты конференціи декларацію, при семъ прилагаемую (sub lit. B).

Принимая во вниманіе, что задача полнаго соглашенія совершенно достигнута постановленіями подписаннаго въ сей день трактата, уполномоченные Франціи, Великобританіи и Россіи, не находя удобнымъ вновь допустить исчерпанныя уже пренія, долгомъ почитаютъ ограничиться по этому предмету простою ссылкою на текстъ трактата и на заключающіяся въ предыдущихъ протоколахъ объясненія.

А. де Сетто. Брунновъ.
А. Валевскій.
Мальмсбэри.
С. Трикупи.

Приложеніе (А) къ протоколу конференціи отъ 20 ноября 1852 года.

Въ моментъ пріобщенія своего правительства, подъ условіемъ его согласія, къ участію въ конвенціи, имѣющей своимъ предметомъ согласованіе статьи 40 Эллинской конституціи съ постановленіями трактата 7 мая 1832 года, нижеподписавшійся, уполномоченный Е. В. Короля Баварскаго, считаетъ своею обязанностью оговорить въ пользу Его реченнаго Величества право привести впослѣдствіи въ дѣйствіе семейное соглашеніе, о которомъ было сообщено кабинетамъ Французскому, Великобританскому и Россійскому, разсчитывая въ этомъ на благосклонное ихъ содѣйствіе.

Равнымъ образомъ онъ считаетъ своею обязанностью положительно заявить, что исполненіе условія статьи 40

ticle 40 de la constitution hellénique, ainsi que le veut l'article I de la convention, n'incombe aux princes de la Maison de Bavière qu'après le décès du Roi Othon, non avant; et qu'alors celui des princes de Bavière qui remplira cette condition montera de droit sur le trône de Grèce.

Il doit enfin exprimer la conviction que l'article II de la Convention, dans lequel le décret 3 de l'Assemblée hellénique est cité, ne saurait être entendu comme devant ou pouvant préjudicier, en aucun cas, aux droits de succession que les princes de Bavière ont acquis par les Traités.

Le soussigné a encore un devoir à remplir. L'article I de la convention, en nommant le Traité du 7 mai, 1832, conjointement avec la constitution hellénique, ne fait nulle mention de l'article explicatif et complémentaire du 30 avril, 1833. Toutefois, MM. les plénipotentiaires de France, de la Grande Bretagne et de Russie, ont bien voulu de vive voix donner l'assurance au soussigné, que dans leur pensée comme dans leur intention, l'article explicatif et complémentaire de 1833, bien que non expressément mentionné, est compris implicitement dans la citation du Traité de 1832, vu qu'aux termes du dit article, celui-ci fait partie intégrante du Traité comme s'il y était inséré mot-à-mot. Ayant transmis cette assurance à Munich, le soussigné a reçu ordre de déclarer, ainsi qu'il le déclare par la présente, que le gouvernement bavarois l'accepte, et, qu'en procédant à la signature

Эллинской конституціи, какъ о томъ постановлено въ I статьѣ конвенціи, будетъ обязательно для принцевъ Баварскаго дома только послѣ кончины Короля Оттона, а не ранѣе, и что тогда тотъ изъ принцевъ Баварскихъ, который исполнитъ это условіе, вступитъ по праву на Греческій престолъ.

Онъ долженъ, наконецъ, выразить убѣжденіе, что II статья конвенціи, въ которой заключается ссылка на 3 декретъ Эллинскаго Собранія, не можетъ быть понимаема, какъ долженствующая или могущая въ какомъ-либо случаѣ причинить ущербъ наслѣдственнымъ правамъ, пріобрѣтеннымъ Баварскими принцами по трактатамъ.

Нижеподписавшійся считаетъ своимъ долгомъ, кромѣ того, заявить нижеслѣдующее. Статья I конвенціи, упоминая о трактатѣ 7 мая 1832 года въ связи съ Эллинской конституціею, не дѣлаетъ никакого указанія на статью объяснительную и дополнительную отъ 30 апрѣля 1833 года. Тѣмъ не менѣе гг. уполномоченные Франціи, Великобританіи и Россіи благоволили устно дать завѣреніе нижеподписавшемуся, что, по ихъ мысли и намѣренію, объяснительная и дополнительная статья 1833 года, хотя прямо и не упомянута, но подразумѣвается въ ссылкѣ на трактатъ 1832 года, такъ какъ, по словамъ сказанной статьи, она составляетъ нераздѣльную часть трактата, какъ бы она была отъ слова до слова въ него вписана. По передачѣ сего завѣренія въ Мюнхенъ, нижеподписавшійся получилъ предписаніе объявить, и симъ объявляетъ, что Баварское

de la convention, il regarde comme expressément entendu entre les Cabinets de la France, de la Grande Bretagne, et de Russie, et le Cabinet de Bavière, que le silence de l'article I de cette convention par rapport à l'article explicatif et complémentaire du 30 avril, 1833, est sans préjudice aucun pour les stipulations contenues dans celui-ci, stipulations en vertu desquelles les femmes ne sont appellées à monter sur le trône de Grèce qu'a l'extinction totale des mâles dans toutes les trois branches de la Maison de Bavière désignée pour succéder en Grèce.

Le soussigné a l'honneur de demander que la présente soit jointe comme Annexe au Protocole de ce jour, et se déterminerait pour lors à signer la convention, sauf l'approbation de son gouvernement.

Londres, le 20 novembre 1852.

A. de Cetto.

Annexe (B) au Protocole de la conférence du 20 novembre, 1852.

A la suite de la déclaration du plénipotentiaire de Bavière, le soussigné, plénipotentiaire de Grèce, après avoir fait observer que la constitution grecque ne renferme que les conditions de l'article VIII de la conventiou du 7 mai, 1832, et ne fait nullement mention de l'article dont il est question dans la déclaration du plénipotentiaire bavarois, a remarqué qu'il n'est autorisé par son gouvernement que d'accepter, et par conséquent il n'accepte, que ce qui a été déja in-

правительство принимаетъ его, и что, подписывая конвенцію, онъ считаетъ положительно условленнымъ между кабинетами Французскимъ, Великобританскимъ и Россійскимъ и кабинетомъ Баварскимъ, что умолчаніе статьи I настоящей конвенціи о статьѣ объяснительной и дополнительной 30 апрѣля 1833 года не служитъ ни въ чемъ къ ущербу обязательствъ, въ оной заключающихся, въ силу коихъ лица женскаго пола призываются къ занятію Греческаго престола не ранѣе, какъ по окончательномъ прекращеніи лицъ мужскаго пола во всѣхъ трехъ вѣтвяхъ Баварскаго дома, призываемаго къ наслѣдованію въ Греціи.

Нижеподписавшійся имѣетъ честь просить о присоединеніи настоящаго заявленія, въ видѣ приложенія, къ протоколу отъ сего числа, и только при этомъ условіи рѣшается подписать конвенцію, съ оговоркою на счетъ послѣдующаго согласія своего правительства.

Лондонъ, 20 ноября 1852 года.

А. де-Сетто.

Приложеніе (В) къ протоколу конференціи отъ 20 ноября 1852 года.

Вслѣдствіе деклараціи уполномоченнаго Баваріи, нижеподписавшійся, Греческій уполномоченный, поставивъ на видъ, что Греческая конституція заключаетъ въ себѣ только условія статьи VIII конвенціи отъ 7 мая 1832 года и вовсе не упоминаетъ о статьѣ, о коей идетъ рѣчь въ объявленіи Баварскаго уполномоченнаго, замѣтилъ, что онъ не уполномоченъ своимъ правительствомъ принять и потому не принимаетъ ничего иного, кромѣ того, что

séré d'un commun accord au Traité paraphé le 12 de ce mois par les plénipotentiaires de France, de la Grande Bretagne, de Grèce, et de Russie.

S. Tricoupi.

№ 456.

1855, le 1 (13) août. Accord entre la Russie et l'Angleterre au sujet de l'échange des prisonniers de guerre.

Le prince de Metternich disait un jour au baron Brunnow: „Oh, mon Dieu, qui me délivrera des Turcs et des Grecs!“ Le baron Brunnow se rappelait ces paroles significatives du Chancelier autrichien au sujet de la question d'Orient, en 1853, lorsque l'affaire des Lieux-Saints accusait la gravité d'un problème qui mettait en péril les destinées de l'Empire Ottoman sur le Bosphore. Selon l'avis du baron, „cette maudite affaire orientale est absolument comme la goutte. Tantôt elle vous prend par la jambe; tantôt elle vous pince la main. On est encore fort heureux quand elle ne remonte pas à l'estomac.“

Les négociations diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre, dans le cours de l'année 1853, prouvèrent combien le prince de Metternich avait raison de prier journellement qu'on le délivrât des Turcs et des Grecs. Le baron Brunnow était également dans le vrai, en comparant la question d'Orient à la goutte. A la fin de l'année 1853, il était évident que cette goutte était remontée jusqu'au coeur et qu'elle devait aboutir à une catastrophe. La prière que le prince de Metternich adressait au Très-Haut n'est pas encore exaucée à la fin du XIX siècle et les hommes d'Etat de l'Europe pour raient bien la redire encore journellement à l'instar du célèbre chancelier autrichien.

Au commencement de l'année 1853, l'horizon politique semblait s'éclaircir et on pouvait espérer que le conflit au sujet des Lieux-Saints serait réglé sans entraîner à sa suite de conséquences fâcheuses. Le Sultan proclamait un firman au profit de l'Eglise catholique de Jérusalem qui devait satisfaire les voeux du gouvernement français. Différentes circonstances semblaient favoriser l'établissement de rapports conciliants entre la Russie et l'Angleterre. La reine Victo-

уже занесено, съ общаго согласія, въ статьи трактата отъ 12 числа сего мѣсяца уполномоченными Франціи, Великобританіи, Греціи и Россіи.

С. Трикупи.

№ 456.

1855 г., августа 1 (13-го). Соглашеніе между Россіею и Англіею относительно размѣна военноплѣнныхъ.

Князь Меттернихъ сказалъ когда-то барону Бруннову: „Боже мой, кто меня освободитъ отъ Турокъ и Грековъ!“ Объ этихъ типичныхъ для Восточнаго вопроса словахъ австрійскаго канцлера вспомнилъ баронъ Брунновъ въ 1853 году, когда вопросъ о святыхъ мѣстахъ неудержимымъ образомъ выросъ въ вопросъ о судьбѣ Оттоманской имперіи на берегахъ Босфора. По мнѣнію барона, „это проклятое восточное дѣло совершенно напоминаетъ подагру. То она васъ хватаетъ за ногу, то ущипнетъ вашу руку. Можно еще считать себя особенно счастливымъ, если она не поднимется до желудка“.

Дипломатическіе переговоры между Россіею и Англіею въ продолженіи 1853 года вполнѣ подтвердили, что правъ былъ князь Меттернихъ, когда онъ каждый день молился, чтобъ его освободили отъ Турокъ и Грековъ. Не менѣе правъ былъ баронъ Брунновъ, когда онъ сравнивалъ Восточный вопросъ съ подагрою. Въ концѣ 1853 года было несомнѣнно, что эта подагра поднялась до сердца и грозила кончиться катастрофою. Мольба же ко Всевышнему князя Меттерниха еще не исполнилась и въ концѣ XIX вѣка, и государственные люди Европы могли бы повторять ее ежедневно, по примѣру знаменитаго австрійскаго канцлера.

Въ началѣ 1853 года политическій горизонтъ немного разъяснился и можно было надѣяться, что споръ изъ-за святыхъ мѣстъ кончится безъ всякихъ послѣдствій. Султанъ издалъ фирманъ въ пользу римско-католической церкви въ Іерусалимѣ, который долженъ былъ удовлетворить французское правительство. Сношенія между Россіею и Англіею стали слагаться также при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Королева Викторія была

ria était très satisfaite de la décision de l'Empereur Nicolas d'admettre à sa Cour un ministre du roi des Belges, Léopold I, et d'envoyer un représentant à Bruxelles. On sait que la reine d'Angleterre avait maintes fois exprimé le désir de voir s'établir des relations diplomatiques régulières entre les Cours de St. Pétersbourg et de Bruxelles. Ce voeu légitime ne fut accompli qu'en 1853.

Une autre circonstance favorable était la formation d'un nouveau Cabinet anglais sous la présidence de lord Aberdeen qui jouissait de l'estime et de la confiance particulière de l'Empereur Nicolas I et du Chancelier de l'Empire. Le nouveau ministère surgit de la fusion du parti Whig avec les „Peelites", c. a. d. les adhérents du défunt sir Robert Peel. Dans ce Cabinet le poste de secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères fut réservé à lord Clarendon — il ne jouissait pas de la confiance absolue de lord Aberdeen, qui devait se résigner à cette nomination. Le chef de Cabinet promettait au ministre de Russie de surveiller la politique de lord Clarendon et de ne pas lui donner une entière liberté d'action.

En dehors de lord Clarendon c'était lord John Russell, lord Palmerston, sir Graham, — en un mot les hommes d'Etat les plus distingués en Angleterre au commencement des années cinquante — qui furent appelés à faire partie du Cabinet de lord Aberdeen.

Le comte Nesselrode et le baron Brunnow se félicitaient de la nomination de lord Aberdeen, mais ne dissimulaient pas leurs craintes au sujet des autres membres. „Cette réunion de tant de grands hommes m'effraie", écrivait le comte Nesselrode au baron Brunnow en février 1853, „et je vous ferai à cet égard une observation qui vous paraîtra étrange, c'est qu'à mon avis, depuis Pitt, l'Angleterre a toujours été mieux gouvernée par des médiocrités que par des génies (sic!). Lord Liverpool et Castlereagh n'étaient certainement pas des esprits supérieurs, eh bien ils ont parfaitement bien mené leur barque, tandis que Canning et Peel n'ont fait que gâter la situation du gouvernement".

„D'ailleurs", ajoutait le Chancelier de l'Empire, „vous direz à lord Aberdeen qu'il peut compter sur moi, comme je compte sur lui. Je connais trop sa probité politique pour ne pas lui vouer une entière confiance."

чрезвычайно довольна рѣшеніемъ Императора Николая I принять къ своему двору посланника короля Бельгійцевъ Леопольда I и отправить въ Брюссель своего представителя. Извѣстно, что англійская королева неоднократно выражала свое сердечное желаніе видѣть правильныя дипломатическія сношенія между С.-Петербургскимъ и Брюссельскимъ дворами. Не ранѣе 1853 года это законное желаніе было исполнено.

Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ было образованіе новаго англійскаго министерства, во главѣ котораго сталъ лордъ Эбердинъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ Императора Николая I и Государственнаго Канцлера. Новое англійское министерство возникло изъ союза партіи виговъ съ „пилитами", т. е. приверженцами покойнаго сэра Роберта Пиля. Въ этомъ кабинетѣ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ былъ назначенъ Кларендонъ, которому премьеръ лордъ Эбердинъ не вполнѣ довѣрялъ, но на назначеніе котораго онъ долженъ былъ согласиться. Первый министръ обѣщалъ русскому посланнику слѣдить за лордомъ Кларендономъ и не давать ему полной свободы дѣйствія.

Кромѣ лорда Кларендона, вошли еще въ составъ кабинета лорда Эбердина, лорды Джонъ Россель и Пальмерстонъ, сэръ Грэгэмъ, — словомъ, всѣ наиболѣе выдающіеся государственные люди Англіи начала пятидесятыхъ годовъ.

Графъ Нессельроде и баронъ Брунновъ обрадовались назначенію лорда Эбердина, но не скрывали своихъ опасеній насчетъ остальныхъ членовъ кабинета. „Такое соединеніе стольких выдающихся людей меня пугаетъ", писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову въ февралѣ 1853 года, „и я, при этомъ случаѣ, сдѣлаю замѣчаніе, которое вамъ покажется страннымъ. По моему мнѣнію, со временъ Питта, Англія всегда лучше управлялась посредственностями, нежели людьми геніальными (sic!). Лорды Ливерпуль и Кастльри конечно не были выдающимися людьми, а между тѣмъ они отлично держали бразды правленія. Каннингъ и Пиль только ухудшили положеніе правительства".

„Впрочемъ", прибавилъ Государственный Канцлеръ, „вы скажете лорду Эбердину, что онъ можетъ на меня разсчитывать, какъ и я разсчитываю на него. Я достаточно знаю его политическую честность, чтобъ не питать къ нему полнаго довѣрія".

Il y avait en outre encore une circonstance favorable qui semblait devoir présager une solution pacifique de la question d'Orient. Lord Aberdeen n'éprouvait ni estime ni sympathie pour Napoléon III. Au fond de son âme il approuvait complétement l'Empereur de Russie qui refusait de traiter avec Napoléon III sur un pied d'égalité et l'appelait dans ses lettres: „*Sire et bon Ami*“ au lieu d'user de la formule obligatoire entre souverains: „*Sire et bon Frère.*“

En attendant aucun doute ne pouvait subsister pour le gouvernement russe que la France, dont l'influence dominait dans les conseils du Sultan, ne fut l'âme de la politique antirusse à Constantinople. Paris était le foyer de toutes les intrigues qui tendaient à faire surgir de nouvelles complications en Orient et le gouvernement français usait de tous les moyens pour soulever l'opinion publique en Europe contre la Russie et prendre le gouvernement anglais à sa remorque.

Le Chancelier de l'Empire comte Nesselrode ne se faisait aucune illusion au sujet des visées politiques de Napoléon III et prévoyait dès le commencement de 1853 la possibilité d'une collision de la Russie avec la Turquie et la France. Mais il n'abandonnait pas l'espoir que le bon sens de la nation anglaise et l'équité politique de lord Aberdeen ne reussissent à retenir l'Angleterre dans les voies de la sagesse et de l'amitié séculaire pour la Russie.

Mais, quoi qu'il arrive, Napoléon III a besoin d'une guerre, écrivait le comte Nesselrode au baron Brunnow dans une lettre particulière du 2 (14) février 1853, et il ne manquera pas de la provoquer. Le Chancelier de l'Empire met dans la bouche de Napoléon III le monologue suivant qu'il est censé s'adresser à lui-même:

„Rétablir l'Empire pour l'Empire, sans que les limites de la France soient en rien changées, ne serait qu'une parodie ridicule. En prenant la place des Bourbons, je suis tenu à faire *plus* que les Bourbons. En tout cas, je ne saurais faire *moins*. Les Bourbons de la branche ainée ont conquis l'Algérie. Louis-Philippe a brisé le royaume des Pays-Bas. Où trouver en Europe un accroissement? Sur le Rhin ou l'Escault — impossible. Je créérai moi-même une coalition contre la France. Ce que l'Occident nous refuse, il faut le chercher en Orient. Brouillons la Russie et la Porte, en obligeant celle-ci par mes exigences à mécontenter et insulter la première... La Russie perdra patience et la guerre éclatera. Aucune coalition ne sera en Orient contre moi.

Было еще и другое благопріятное обстоятельство, повидимому обѣщавшее мирную развязку Восточнаго вопроса. Лордъ Эбердинъ не уважалъ и не любилъ императора Наполеона III. Въ душѣ онъ совершенно одобрялъ русскаго Государя, который отказался признать Наполеона III равнымъ себѣ и въ письмахъ къ нему называлъ его: „*Sire et bon Ami*“, вмѣсто обязательной между монархами формулы: „*Sire et bon Frère*“.

Между тѣмъ для русскаго правительства не подлежало никакому сомнѣнію, что душою анти-русской политики въ Константинополѣ является именно Франція, вліяніе которой вполнѣ преобладало въ совѣтѣ султана. Изъ Парижа выходили всѣ происки, направленныя къ запутыванію и безъ того сложнаго Восточнаго вопроса, и французское правительство не щадило никакихъ усилій, чтобъ возбудить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи и взять на буксиръ англійское правительство.

Государственный Канцлеръ графъ Нессельроде не питалъ никакихъ иллюзій насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей политики Наполеона III и уже въ началѣ 1853 года предсказывалъ возникновеніе войны Россіи съ Турціею и съ Франціею. Но онъ не оставлялъ надежды, что здравый смыслъ англійскаго народа и политическая честность лорда Эбердина удержатъ Англію на пути благоразумія и многовѣковой дружбы съ Россіею.

„Но Наполеону III“, писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову въ частномъ письмѣ отъ 2 (14-го) февраля 1853 года, „нужна война во что бы то ни стало, и онъ ее непремѣнно вызоветъ“. Государственный Канцлеръ влагаетъ въ уста Наполеона III слѣдующую рѣчь, сказанную самому себѣ:

„Возстановить имперію для имперіи, безъ измѣненія въ чемъ бы то ни было границъ Франціи, было бы только смѣшною пародіею. Занявъ мѣсто Бурбоновъ, я обязанъ сдѣлать *больше* ихъ. Во всякомъ случаѣ я не могу сдѣлать *меньше*. Бурбоны старшей линіи завоевали Алжирію. Луи Филиппъ разрушилъ Нидерландское королевство. Гдѣ найти въ Европѣ какое нибудь приращеніе? На Рейнѣ или Шельдѣ — немыслимо. Въ такомъ случаѣ я самъ вызову коалицію противъ Франціи. То, что Западъ намъ не дастъ, надо искать на Востокѣ. Будемъ ссорить Россію съ Портою, заставивъ послѣднюю моими требованіями разсердить и оскорбить первую... Россія потеряетъ терпѣніе и вспыхнетъ война. На Востокѣ

Au contraire, elle se fera contre la Russie qui sera seule, pas moi! Car la Prusse sera nulle et indifférente dans la question; l'Autriche neutre tout au plus, sinon favorable à la Porte. Cette guerre n'emploie pas toutes mes forces. Elle n'en réclame qu'une partie minime. Elle ne se fait pas sur mes frontiéres et ne menace pas ma sécurité. Les forces navales de la Turquie, de l'Angleterre et de la France auront bon marché de la flotte russe. Pénétrer dans la mer Noire, — y détruire le commerce de la Russie, incendier les établissemens, jeter des renforts aux insurgés du Caucase — tout cela, combiné à trois, n'exigerait pas des sacrifices trop ruineux... C'est de la gloire et du bruit à bon marché... La Russie peut occuper les Principautés et renverser l'Empire Ottoman. Eh bien, soit! qu'elle le renverse! *Elle ne saurait tout prendre, encore moins tout garder.* Et dès lors surgit la question du partage ..."

„Convenez, mon cher Baron", disait le Chancelier de l'Empire en terminant cette lettre intéressante de février 1853, „que si ce plan n'est pas réel, il est au moins très plausible. Sa mise a exécution nous placerait dans la plus fâcheuse des positions; celle de jouer forcément le jeu de Louis Napoléon — soit que nous nous résignions à la paix, — soit que nous prenions les armes. Il en résulte que nous pouvons, à nous tout seuls — très peu de chose pour empêcher l'accomplissement des vues de Louis Napoléon".

Il faut convenir que le comte Nesselrode a tracé d'une main très habile le tableau de la situation politique de l'Europe au commencement de l'année 1853. Il ne s'est guère trompé au sujet des vues ambitieuses de l'Empereur des Français, mais on est porté à se demander, si Napoléon nourrissait en effet ces projets hostiles à l'égard de la Russie, fallait-il l'encourager dans ces sentiments, en blessant son amour-propre, en contestant ses droits de parité et en refusant de reconnaître son titre?

Quoi qu'il en soit, le Chancelier de l'Empire exprimait catégoriquement sa conviction que l'Angleterre pouvait seule retenir Napoléon III de l'exécution de ses plans hostiles. En parcourant quelques uns des rapports très intéressants du baron Brunnow, l'Empereur Nicolas devait s'arrêter à la pensée que l'opinion publique en

не устроится противъ меня никакая коалиція. Напротивъ, она устроится противъ Россіи; она будетъ одна, но никакъ не я, ибо Пруссія ничего не значитъ въ этомъ вопросѣ и будетъ къ нему равнодушна. Австрія, самое большее останется нейтральною, если не будетъ благопріятствовать Портѣ. Такая война не потребуетъ всѣхъ моихъ силъ; понадобится только незначительная ихъ часть. Она не коснется моихъ границъ и не будетъ угрожать моей безопасности. Соединенные флоты Турціи, Англіи и Франціи легко справятся съ русскимъ флотомъ. Вторгнуться въ Черное море, раззорить тамъ русскую торговлю, сжечь города, бросить подкрѣпленія бунтовщикамъ на Кавказѣ — все это, предпринятое втроемъ, не потребуетъ особенно тяжелыхъ жертвъ... Такимъ образомъ почти даромъ будетъ достигнуто много славы и шума. Россія можетъ занять Дунайскія княжества и низвергнуть Оттоманскую имперію. Ну что жъ? Пусть ее разрушитъ. *Вѣдь она не въ состояніи будетъ взять все и еще менѣе удержать все за собою.* И тогда возникнетъ вопросъ о раздѣлѣ..."

„Согласитесь, любезный баронъ", заключилъ свое интересное февральское письмо Государственный Канцлеръ, „если такого плана и не существуетъ, то онъ все-таки весьма возможенъ. Его исполненіе поставитъ насъ въ самое непріятное положеніе: мы принуждены будемъ играть въ руку Наполеону — все равно, согласимся-ли мы на миръ, или возьмемся за оружіе. Отсюда слѣдуетъ, что мы одни очень мало въ состояніи сдѣлать, чтобъ воспрепятствовать осуществленію видовъ Луи Наполеона".

Нельзя не сказать, что графъ Нессельроде весьма картинно представилъ политическое положеніе Европы въ началѣ 1853 г. Едва ли онъ ошибался насчетъ тщеславныхъ замысловъ императора Французовъ. Но въ такомъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ: если Наполеонъ III имѣлъ такіе враждебные противъ Россіи планы, то зачѣмъ было утверждать его въ этой враждебности оскорбленіемъ его самолюбія посредствомъ отказа признать за нимъ равноправность и право на титулъ?

Какъ бы то ни было, Государственный Канцлеръ категорически выражалъ свою увѣренность, что исключительно одна Англія въ состояніи удержать Наполеона III отъ исполненія его воинственныхъ плановъ. Императоръ Николай I не могъ не вынести впечатлѣнія изъ нѣкоторыхъ интереснѣйшихъ до-

Angleterre s'est considérablement modifiée à l'égard de la Porte et qu'on y redoutait bien moins les projets envahissants de la Russie. Les appréciations des hommes d'Etat anglais sur les Turcs, textuellement citées par le baron, devaient positivement entretenir dans le gouvernement russe l'espoir du maintien de la paix, malgré les menées incessantes de l'Empereur des Français.

Un intérêt particulier sous ce rapport présente un rapport secret du baron Brunnow du 9 (21) février 1853 — qui contient des données curieuses „sur le changement qui s'opère graduellement dans l'esprit anglais quant à la question orientale.“ A son avis les Anglais ont cessé de croire à la possibilité de maintenir l'intégrité de l'Empire Ottoman, en vertu de deux considérations: 1) à mesure que les hommes d'Etat anglais se sont convaincus que le maintien de cet Empire était avantageux pour la Russie, ils ont dû se dire que ce même fait était préjudiciable à l'Angleterre; 2) les philantropes anglais, les libéraux et les économistes sont arrivés à la conviction qu'il était absurde de vouloir introduire la civilisation européenne en Turquie et que toutes les réformes dans ce pays étaient un non-sens.

Il est vrai que ces nouvelles dispositions de l'esprit public n'ont pas encore suffisamment réagi sur le gouvernement pour le rendre plus indifférent vis-à-vis des Turcs. Toutefois le chef du Cabinet anglais n'hésitait pas à exprimer sans détour son profond mépris pour le gouvernement turc.

„Je hais les Turcs“, disait lord Aberdeen au ministre de Russie en élevant considérablement la voix, „car je regarde leur gouvernement comme le plus mauvais, le plus oppressif qu'il y ait au monde. L'une de mes obligations les plus pénibles de ma vie politique, a été de prêter mon appui au maintien de l'Empire Ottoman; j'ai rempli ce devoir, et je continue à le remplir, comme homme public, uniquement parceque je ne vois pas ce que nous pourrions substituer à cet Empire, s'il venait à crouler“. Ces paroles du premier ministre: „je hais les Turcs“ ont été prononcées avec un sentiment de profonde indignation et de mépris et, pour ce motif, firent une profonde impression sur le baron Brunnow.

Bien que ces sentiments de lord Aberdeen ne fussent pas encore partagés par toute, on ne

несеній барона Бруннова, что въ Англіи общественное мнѣніе значительно измѣнилось относительно Турціи и гораздо меньше опасается завоевательныхъ замысловъ Россіи. Приведенныя барономъ Брунновымъ подлинныя слова англійскихъ государственныхъ людей о Туркахъ могли вселить въ русскомъ правительствѣ положительную надежду на сохраненіе мира, несмотря на постоянные происки императора Французовъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія секретное донесеніе барона Бруннова отъ 9 (21-го) февраля 1853 года, въ которомъ приводятся интересныя данныя относительно „происходящаго въ англійскихъ умахъ поступательнаго измѣненія насчетъ Восточнаго вопроса“. По его мнѣнію, Англичане извѣрились въ возможность сохраненія Оттоманской имперіи по двумъ соображеніямъ: 1) по мѣрѣ того какъ англійскіе государственные люди убѣждались въ томъ, что сохраненіе Оттоманской имперіи выгодно для Россіи, они сказали себѣ: значитъ оно невыгодно для Англіи; 2) англійскіе филантропы, либералы и экономисты пришли къ убѣжденію, что ввести въ Турцію европейскую цивилизацію — чепуха, и что всѣ турецкія реформы — вздоръ.

Правда, новое настроеніе общественнаго мнѣнія еще не успѣло надлежащимъ образомъ воздѣйствовать на англійское правительство и заставить его болѣе равнодушно относиться къ Туркамъ. Однако, англійскій премьеръ не затруднился совершенно откровенно выразить свое полное презрѣніе къ турецкому правительству.

„Я ненавижу Турокъ“, сказалъ лордъ Эбердинъ русскому посланнику, значительно возвышая свой голосъ, „ибо я считаю ихъ правительство наихудшимъ и самымъ деспотическимъ на земномъ шарѣ. Одна изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей моей политической жизни заключалась въ поддержаніи Оттоманской имперіи. Я исполнялъ этотъ долгъ и продолжаю его исполнять, какъ политическій дѣятель, исключительно потому, что не вижу, чѣмъ можно было бы замѣстить это государство, если оно рухнетъ“. Слова англійскаго премьера: „я ненавижу Турокъ!“ были сказаны съ чувствомъ глубокаго негодованія и презрѣнія и потому произвели сильное впечатлѣніе на барона Бруннова.

Если эти чувства лорда Эбердина еще не успѣли сдѣлаться общимъ достояніемъ

saurait contester qu'ils gagnaient peu à peu du terrain au sein de la société anglaise. L'opinion publique en Angleterre est ainsi faite que, lorsqu'elle change ses vues sur un objet quelconque, elle abandonne volontiers ses anciennes idées comme surannées et complétement inutiles. „Nous approchons, je le crois,“ poursuit le baron son argumentation, „d'une époque où l'Angleterre s'habituera à considérer la Puissance Ottomane comme une combinaison qui a fait son temps. A ce point de vue, chacun se croira libre de travailler à la dissolution de cet Empire avec la même ardeur qu'on mettait autrefois à le défendre.“

Ces prédictions hardies du baron Brunnow impressionnèrent fortement l'Empereur Nicolas I: la nouvelle du changement qui s'opérait dans l'opinion publique en Angleterre au sujet des Turcs était, dans le vrai sens du mot, un rayon de soleil au milieu des ténébreuses intrigues politiques qui avaient considérablement compliqué la question d'Orient en 1853. Plus l'Empereur Nicolas I mettait de sincerité à désirer le maintien de la paix, plus il s'affligeait de la possibilité d'une rupture avec l'Angleterre, plus il accueillait avec joie les bonnes nouvelles de son représentant à Londres au sujet des symptômes du revirement qui se produisait dans l'opinion publique omnipotente de la nation anglaise.

Cette satisfaction de l'Empereur se trahit tout particulièrement dans l'inscription autographe ci-dessous qu'il fit sur le rapport du baron Brunnow du 9 (21) février 1853:

„Cette dépêche est la plus remarquable de toutes; pour moi elle m'explique la réussite inattendue de nos premières démarches, et me laisse l'espoir de pouvoir avancer dans la route que je me suis tracée.“

L'événement a prouvé bientôt que le baron Brunnow se trompait cruellement au sujet du changement qu'il croyait s'opérer dans les sentiments et les vues de la nation anglaise à l'égard de la Porte. Dans la suite l'Empereur Nicolas I ne pouvait lui pardonner cette faute, quand il s'est convaincu qu'en poursuivant, ce programme, il a fatalement poussé la Russie à une guerre avec la Turquie, l'Angleterre et la France.

Il est vrai que le baron Brunnow lui-même énonçait plus tard bien des fois des plaintes amères au sujet des dispositions turcophiles de

англійскаго народа, то всетаки нельзя отрицать, что они мало по малу распространяются среди англійскаго общества. Общественное же мнѣніе Англіи такого свойства, что если оно разъ измѣнило свой взглядъ на какой-нибудь предметъ, то легко бросаетъ свои прежнія идеи, какъ устарѣлыя и никуда негодныя. „Мнѣ кажется“, продолжаетъ свою аргументацію баронъ Брунновъ, „мы приближаемся къ тому времени, когда Англія привыкнетъ смотрѣть на Оттоманскую имперію, какъ на отжившую комбинацію. Съ этой точки зрѣнія, каждый сочтетъ себя свободнымъ содѣйствовать распаденію этого государства съ тѣмъ же самымъ рвеніемъ, съ какимъ въ былое время старались его оберегать“.

Эти смѣлыя предсказанія барона Бруннова произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на Императора Николая I: вѣсть о переворотѣ, совершающемся въ общественномъ мнѣніи Англіи насчетъ Турціи, была, въ полномъ смыслѣ слова, солнечнымъ лучемъ во мракѣ политическихъ происковъ, запутавшихъ въ 1853 году Восточный вопросъ. Чѣмъ искреннѣе Императоръ Николай I желалъ сохраненія мира, чѣмъ больше онъ печалился о возможности разрыва съ Англіею, тѣмъ радостнѣе онъ принималъ добрыя вѣсти своего представителя въ Лондонѣ о симптомахъ поворота, совершающагося во всемогущемъ общественномъ мнѣніи англійскаго народа.

Это радостное настроеніе Государя рельефно выступаетъ въ собственноручной его надписи на приведенномъ донесеніи барона Бруннова отъ 9-го (21-го) февраля 1853 года. Вотъ эта надпись:

„Эта депеша самая замѣчательная изъ всѣхъ. Мнѣ она объясняетъ неожиданный успѣхъ нашихъ первыхъ шаговъ и оставляетъ мнѣ надежду въ возможности идти впередъ по пути, который я себѣ предначерталъ“.

Между тѣмъ, ходъ событій весьма скоро воочію доказалъ барону Бруннову, что онъ жестоко ошибался насчетъ совершающагося въ англійскомъ народѣ поворота чувствъ и взглядовъ по отношенію къ Турціи. Эту ошибку не могъ ему простить впослѣдствіи Императоръ Николай I, когда онъ убѣдился, что, идя дальше по избранному имъ пути, онъ роковымъ образомъ велъ Россію къ войнѣ съ Турціею, Англіею и Франціею.

Правда, самъ баронъ Брунновъ впослѣдствіи неоднократно высказывалъ горькую истину насчетъ туркофильскихъ наклонностей англій-

la nation anglaise et de son gouvernement. Toutefois il avait compté plus qu'il ne le fallait sur lord Aberdeen et sur l'action du groupe politique qui partageait les vues de John Bright et de Richard Cobden sur la Turquie et qui semblait devoir arrêter les entraînements. Lorsque en octobre 1853 le comte Nesselrode posait au baron Brunnow la question: „comment se peut-il que l'Angleterre suive une politique si absurde, si louche et si honteuse", il s'appliquait à donner une réponse à cette interpellation catégorique. Le baron Brunnow cherchait à démontrer que l'Angleterre s'était „démocratisée" au point que la Russie, comme la seule puissance pouvant enrayer „le progrés en Europe", soulevait au sein de la nation anglaise la haine et la malveillance. Partout, en Allemagne, en Italie, en Hongrie, elle trouvait la Russie sur son chemin; partout l'Angleterre devait s'incliner devant le prestige de l'Empereur de Russie. Quant à la question d'Orient, la nation anglaise espère entraîner la Russie dans les complications turques pour lui porter un coup sensible.

Lord Clarendon que le baron Brunnow appelle „un pauvre ministre", se laisse entraîner par cette même pensée. „Moins on lui parle", dit-il, „mieux cela vaut. Il n'a jamais la même idée en tête, deux jours de suite". „Allez faire de la bonne politique avec une girouette (sic!)." (Rapport du baron Brunnow du 26 octobre (7 novembre) 1853).

L'Empereur Nicolas I fut frappé de cette réponse et inscrivit sur le rapport de Brunnow ces mots: „Charmant tableau!"

En tenant compte de ces faits dont la certitude est hors de question, on peut se représenter facilement quelle devait être l'issue fatale des pourparlers diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre au sujet de la question d'Orient. L'Empereur Nicolas I désirait le maintien de la paix de la manière la plus sincère,—cela ne saurait être mis en doute. Mais d'une autre part, par sa manière d'agir il provoquait des craintes et des irritations qu'il fallait chercher à prévenir par tous les moyens possibles. Il portait l'Empereur des Français à des sentiments ouvertement hostiles en blessant son amour-propre et ses susceptibilités. Il s'abusait complètement sur les véritables dispositions de l'opinion publique en Angleterre, principalement à la suite des rapports trop optimistes de son représentant à Londres, si distingué. Enfin — last not least —

скаго народа и правительства. Но, всетаки, онъ больше надѣялся на лорда Эбердина и на отрезвляющее вліяніе сторонниковъ взглядовъ Джона Брайта и Ричарда Кобдена на Турцію, чѣмъ слѣдовало бы. Когда, въ октябрѣ 1853 г., графъ Нессельроде поставилъ барону Бруннову вопросъ: „какъ это возможно, что Англія слѣдуетъ такой безразсудной, подлой и постыдной политикѣ"?—онъ старался дать отвѣтъ на этотъ категорическій вопросъ. Баронъ Брунновъ доказывалъ, что Англія „демократизировалась" настолько, что Россія, какъ единственная держава, могущая затормозить „прогрессъ въ Европѣ", вызываетъ въ англійскомъ народѣ и ненависть и недоброжелательство. Повсюду: въ Германіи, Италіи и Венгріи, онъ встрѣтилъ на своемъ пути Россію. Вездѣ Англія должна была преклоняться предъ престижемъ русскаго Государя. Что же касается Восточнаго вопроса, то англійскій народъ надѣется увлечь Россію въ турецкія замѣшательства, чтобъ нанести ей чувствительный ударъ.

Этою же мыслію увлекается и лордъ Кларендонъ, котораго баронъ Брунновъ называетъ „мизернымъ министромъ, съ которымъ чѣмъ меньше говоришь, тѣмъ лучше, ибо одну и ту же идею онъ не въ состояніи держать въ своемъ умѣ два дня сряду". „Не угодно ли вамъ", восклицаетъ баронъ, „вести хорошую политику съ флюгаркою!" (sic!) (Донесеніе барона Бруннова отъ 26-го октября (7-го ноября) 1853 г.).

Императоръ Николай I былъ озадаченъ такимъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ и надписалъ на донесеніи Бруннова: „Прелестная картина!"

Имѣя въ виду вышеизложенныя документальныя обстоятельства, не трудно себѣ представить роковой исходъ дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею по поводу Восточнаго вопроса. Императоръ Николай I самымъ искреннимъ образомъ желалъ сохраненія мира — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но, съ другой стороны, онъ своимъ образомъ дѣйствій вызывалъ раздраженіе и опасенія, которыя нужно было предупреждать всѣми доступными средствами. Онъ вызвалъ открыто враждебное настроеніе во французскомъ императорѣ, задѣвъ его самолюбіе и щепетильность. Онъ находился въ полномъ заблужденіи насчетъ дѣйствительнаго настроенія общественнаго мнѣнія Англіи, благодаря въ значительной степени розовымъ донесеніямъ своего талантливаго представителя

l'Empereur Nicolas I lui-même, par son excès de franchise dans ses entretiens avec le ministre d'Angleterre au sujet de la chute imminente de l'Empire Ottoman et de l'organisation des nouveaux Etats à édifier sur ses ruines, entretenait les méfiances des hommes d'Etat anglais et surexcitait d'une manière fébrile les terreurs de la nation au sujet des vues conquérantes de la Russie.

L'Empereur Nicolas espérait que sa franchise chevaleresque serait dûment appréciée à Londres et qu'elle provoquerait de la part des hommes d'Etat anglais des épanchements analogues. Ayant rencontré le représentant d'Angleterre au palais Michel à un dîner chez la Grand-Duchesse Hélène, il le prit à part et lui parla très franchement au sujet de la dissolution inévitable de l'Empire Ottoman. Il développait cette même pensée à une autre occasion devant le ministre d'Angleterre qui devait être péniblement impressionné de cette franchise. Mais l'Empereur était convaincu que ses idées sur la Turquie ne devait étonner personne, car il se souvenait de les avoir énoncées, lors de son séjour à Londres, en 1844, dans ses entretiens avec Robert Peel, lord Aberdeen et lord Palmerston.

Il n'en fut pas ainsi. Dans sa dépêche du 22 janvier 1853 sir Hamilton Seymour s'empressa de faire part à son gouvernement des projets inquiétants du Tsar de Russie. Dans sa dépêche du 9 février lord Russell cherchait à démontrer que l'Empereur s'abusait au sujet de la chute prochaine du régime turc sur le Bosphore. „It may happen", écrivait lord John Russell, „twenty, fifty or a hundred years hence." Lorsque Guillaume III et Louis XIV signaient un traité de partage de la monarchie Espagnole, ajoutait judicieusement lord Russell, la mort du roi d'Espagne était imminente. On ne saurait en dire autant de la chute de la Turquie qui peut survenir dans cent ans et plus. Il semble que sous ce rapport l'homme d'Etat anglais était plus près de la vérité que l'Empereur de Russie.

En dehors de cela, selon l'avis de lord Russell, le désir de l'Empereur de conclure une convention secréte avec l'Angleterre en vue de la dissolution de l'Empire Ottoman était irréalisable, vu l'impossibilité de garder secret un

въ Лондонѣ. Наконецъ — last not least — самъ Императоръ Николай I, своими откровенными разговорами съ англійскимъ посланникомъ насчетъ неминуемой кончины Оттоманской имперіи и устройства на ея развалинахъ новыхъ государствъ, давалъ пищу подозрительности англійскихъ государственныхъ мужей и наводилъ страхъ на болѣзненно развитую фантазію англійскаго народа насчетъ завоевательныхъ замысловъ Россіи.

Императоръ Николай I былъ убѣжденъ, что его рыцарская откровенность будетъ по достоинству оцѣнена въ Лондонѣ и вызоветъ такія же откровенности со стороны англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Встрѣтивъ англійскаго посланника на обѣдѣ въ Михайловскомъ дворцѣ, у Великой Княгини Елены Павловны, онъ отвелъ его въ сторону и совершенно откровенно высказался насчетъ неизбѣжности паденія Оттоманской имперіи. Эту же самую мысль онъ развивалъ еще разъ предъ англійскимъ посланникомъ, на котораго такая откровенность должна была произвести удручающее впечатлѣніе. Но Государь былъ убѣжденъ, что такъ какъ онъ эти свои мысли на счетъ Турціи излагалъ уже въ 1844 г., во время своего пребыванія въ Лондонѣ, въ бесѣдахъ съ Пилемъ, лордами Эбердиномъ и Пальмерстономъ, то онѣ никого удивить не могутъ.

Оказалось совершенно противоположное. Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ, въ депешѣ отъ 22-го января 1853 г., поспѣшилъ донести своему правительству о всесокрушающихъ планахъ русскаго Царя. Лордъ Джонъ Россель, депешею отъ 9-го февраля, старался доказать, что русскій Царь очевидно ошибается насчетъ близкаго конца турецкаго режима на берегахъ Босфора. „Это можетъ случиться", писалъ лордъ Джонъ Россель, „черезъ 20, 50 или 100 лѣтъ!" Когда, остроумно прибавилъ англійскій лордъ, Вильгельмъ III и Людовикъ XIV заключили между собою „трактатъ о раздѣлѣ" Испаніи, кончина испанскаго короля была близка и неизбѣжна. Этого никакъ нельзя сказать о кончинѣ Турціи, которая можетъ наступить черезъ сто и больше лѣтъ. Кажется, англійскій государственный мужъ въ этомъ отношеніи былъ ближе къ истинѣ, нежели русскій Императоръ.

Сверхъ того, по мнѣнію лорда Росселя, желаніе Императора заключить съ Англіею тайную конвенцію, на случай распаденія Оттоманской имперіи, неосуществимо, потому что сохранять въ тайнѣ актъ такой важности

acte d'une telle importance. La France et l'Autriche en auraient eu connaissance et n'auraient pas manqué de prendre des mesures en conséquence pour empêcher un partage de la Turquie sans leur concours. Si l'Empereur proposait de lui réserver la faculté d'occuper provisoirement Constantinople pour remettre cette ville cosmopolite au gouvernement local, établi d'un commun accord par la Russie et l'Angleterre, cette combinaison se heurterait nécessairement à une forte opposition au sein de la nation russe elle-même qui ne consentirait jamais à la remise de Constantinople à un gouvernement étranger quelconque.

Le gouvernement Impérial s'empressait de paralyser l'effet dangereux des confidences de l'Empereur au ministre d'Angleterre. Dans sa note responsive du 21 février 1853, le Chancelier de l'Empire protestait contre l'idée que le Souverain aurait proposé un plan de partage de la Turquie. Dans sa pensée il s'agissait „purement et simplement de se dire confidentiellement des deux parts, moins ce qu'on veut, que ce qu'on ne veut pas, ce qui serait contraire aux intérêts anglais, ce qui le serait aux intérêts russes, afin que, le cas échéant, on évitât d'agir en contradiction des uns ou des autres."

„Il n'y a là", poursuivait le comte Nesselrode, „ni projets de partage, ni convention à rendre obligatoire aux autres Cours. C'est un simple échange d'opinions, et l'Empereur ne voit point qu'il soit nécessaire d'en parler avant le temps" (sic!?). Voici pourquoi l'Empereur a choisi un entretien intime avec le représentant de la Reine, de préférence à une note diplomatique pour communiquer ses vues au gouvernement anglais. Il n'a pas songé à énoncer des prévisions au sujet de la chute de l'Empire Ottoman, il affirmait seulement que cette catastrophe pouvait survenir en tout temps.

D'ailleurs l'Empereur, s'empresse d'ajouter le Chancelier de l'Empire, n'a nullement lieu de regretter les confidences qu'il a faites au ministre d'Angleterre. A son avis, il importe qu'on sache à Londres que la Russie ne saurait jamais admettre l'établissement à Constantinople d'une Puissance chrétienne qui aurait la possibilité de l'inquiéter et de la surveiller. L'Empereur n'a nullement le désir ou l'intention de s'emparer de Constantinople et promet à l'Angleterre de décider la question des desti-

было бы невозможно. О немъ узнали бы Францiя и Австрiя, которыя не замедлили бы принять самыя дѣйствительныя мѣры противъ раздѣла Турцiи безъ ихъ участiя. Если же Царь предлагаетъ предоставить ему временно занять Константинополь для передачи этого всемiрнаго города созданному Россiею и Англiею мѣстному правительству, то подобная комбинацiя навѣрно встрѣтитъ сильную оппозицiю въ нѣдрахъ самого русскаго народа, который ни за что не согласится отдать Константинополь какому бы то ни было иностранному правительству.

Императорское правительство поспѣшило парализовать опасное дѣйствiе откровенностей, сдѣланныхъ Царемъ англiйскому посланнику. Государственный Канцлеръ, въ отвѣтной нотѣ отъ 21-го февраля 1853 года, протестуетъ противъ того мнѣнiя, что Государь предлагаетъ планъ раздѣла Турцiи. Въ его мысляхъ весь вопросъ заключается въ томъ, чтобъ „просто и безъ обиняковъ сказать другъ другу довѣрительнымъ образомъ не столько то, что желательно, сколько то, что нежелательно; сказать то, что было бы противно англiйскимъ интересамъ и что противно интересамъ Россiи, чтобъ въ случаѣ наступленiя критическаго момента, не дѣйствовать противъ тѣхъ или другихъ".

„Рѣчи нѣтъ", продолжалъ графъ Нессельроде, „ни о проектахъ раздѣла, ни о конвенцiи, долженствующей обязывать другiя державы. Это простой обмѣнъ мыслей, и Государь не видитъ надобности говорить о нихъ до поры до времени" (sic!?). Вотъ почему Государь выбралъ интимный разговоръ съ представителемъ англiйской королевы, а не форму дипломатической ноты для сообщенiя своихъ мыслей англiйскому правительству. Онъ не думалъ предсказывать паденiя Оттоманской имперiи, но только утверждаетъ, что эта катастрофа можетъ случиться во всякое время.

Впрочемъ, Государь нисколько не сожалѣетъ о своихъ откровенностяхъ съ англiйскимъ посланникомъ, — спѣшитъ прибавить Государственный Канцлеръ. По его мнѣнiю, крайне необходимо, чтобъ въ Лондонѣ знали, что Россiя никогда не допуститъ учрежденiя въ Константинополѣ какой либо христiанской державы, которая могла бы ее тревожить или наблюдать за нею. Государь категорически отрицаетъ всякое желанiе или намѣренiе завладѣть Константинополемъ и обѣщаетъ

nées de cette ville pas autrement que de concert avec elle et avec la sanction de l'Europe entière. Il semble que le gouvernement anglais n'a pas très bien compris les paroles de l'Empereur quand il assurait qu'il n'y avait pas de nécessité de parler pour le moment d'un partage de l'Empire Ottoman, bien que dans ses entretiens avec les hommes d'Etat anglais il ait abordé lui-même plus d'une fois la question de la chute imminente du trône du Sultan dans un avenir rapproché. Il était d'avis que toutes les Puissances, soucieuses de maintenir le *statu quo* en Orient, devaient non pas se laisser entraîner par des combinaisons sur la chute de l'Empire Ottoman, mais vouer toute leur sollicitude au maintien du régime turc sur le Bosphore.

Le gouvernement Impérial approuvait complètement cette pensée et le Chancelier de l'Empire déclarait dans sa note à Sir Hamilton Seymour du 31 mars 1853 que, selon l'avis de l'Empereur, „le meilleur moyen de soutenir la durée du gouvernement turc, est de ne point le fatiguer par des exigences impérieuses, appuyées d'une manière humiliante pour son indépendance et sa dignité“.

Le gouvernement anglais ne pouvait pas ne pas s'apercevoir des contradictions flagrantes dont ces déclarations du Cabinet de St. Pétersbourg portaient l'empreinte et qui devaient à un certain degré ébranler la confiance dans les épanchements chevaleresques de l'Empereur Nicolas I, inspirés par les intentions les plus nobles et les plus généreuses. Ce n'était pas seulement lord Clarendon et lord John Russell qui étaient pénétrés de cet esprit de défiance — il finit par gagner peu à peu même lord Aberdeen, ce „seul soutien“ de la politique russe au sein du Cabinet anglais.

C'est lord Strafford Redcliffe, ambassadeur d'Angleterre près de la Porte, qui se signala comme l'ennemi le plus acharné et le plus dangereux de la Russie. C'est au commencement de l'année 1853 qu'il prit possession de ce poste très influent à Constantinople. De ce moment commence une guerre ouverte et occulte de l'ambassadeur d'Angleterre avec la Russie, dans le but évident de contrecarrer l'exécution de toutes les réclamations du gouvernement russe, fussent-elles les plus modérées et les plus légitimes. Si la famense mission du prince Menschikow à Constantinople a complètement échoué, c'est l'opposition énergique de lord Redcliffe

Англіи рѣшить вопросъ о судьбѣ этого всемірнаго города не иначе, какъ вмѣстѣ съ Англіею и по совѣту со всею Европою. Англійское правительство не совсѣмъ поняло увѣренія русскаго Императора, что онъ не видитъ надобности, до поры до времени, говорить о раздѣлѣ Оттоманской имперіи, хотя онъ самъ неоднократно вступалъ въ довѣрительныя объясненія съ англійскими политическими дѣятелями о неминуемости паденія султанскаго престола въ ближайшемъ будущемъ. Оно было того мнѣнія, что всѣ державы, желающія сохраненія statusquo на Востокѣ, должны не столько увлекаться комбинаціями на счетъ паденія Оттоманской имперіи, сколько задаваться заботами о сохраненіи турецкаго режима на берегахъ Босфора.

Императорское правительство вполнѣ одобрило послѣднюю мысль, и Государственный Канцлеръ, въ нотѣ отъ 31-го марта 1853 года къ сэру Гамильтону Сеймуру, заявилъ, что, по мнѣнію Государя, „лучшее средство для поддержанія турецкаго правительства состоитъ въ томъ, чтобъ не утруждать его назойливыми требованіями, поддерживаемыми унизительнымъ для его независимости и достоинства образомъ“.

Англійское правительство не могло не замѣтить явнаго самопротиворѣчія въ приведенныхъ заявленіяхъ С.-Петербургскаго кабинета, которое неминуемо подрывало, въ извѣстной степени, довѣріе къ рыцарскимъ откровенностямъ Императора Николая I, вызваннымъ самыми благородными и великодушными намѣреніями. Такимъ духомъ недовѣрія не только были проникнуты слова и дѣйствія лордовъ Кларендона и Джона Росселя. Имъ проникся мало-по-малу самъ лордъ Эбердинъ, „единственная опора“ русской политики въ составѣ англійскаго кабинета.

Но злѣйшимъ и наиболѣе опаснымъ врагомъ Россіи весьма скоро объявился великобританскій посолъ при Портѣ — лордъ Страффордъ Редклифъ, который въ началѣ 1853 г. занялъ свой вліятельнѣйшій постъ въ Константинополѣ. Съ того времени начинается открытая и тайная борьба англійскаго посла противъ Россіи, съ явною цѣлью препятствовать исполненію со стороны Турціи самыхъ умѣренныхъ и справедливыхъ требованій русскаго правительства. Если кончилась полнымъ фіаско знаменитая миссія князя Меншикова въ Константинополѣ, то причиною тому было энергическое противодѣйствіе лорда Редклифа. Если Турція

qui en était la cause. Si la Porte a pris l'initiative pour déclarer la guerre à la Russie, c'est l'ambassadeur d'Angleterre qui l'a forcée à cette démarche. Si tous les efforts de lord Aberdeen pour prévenir une guerre générale en Europe et réconcilier la Russie avec la Porte sont restés complètement stériles — c'est encore lord Redcliffe qui était la cause de ces échus. Enfin si l'influence, hostile à la Russie de Napoléon III a prévalu dans les conseils à Constantinople, il le devait également au concours de son fidèle allié, l'ambassadeur britannique près la Sublime Porte.

Depuis le commencement de l'année 1853 les événements ont marché rapidement dans la voie d'une collision entre la Russie d'une part et la Turquie, l'Angleterre et la France de l'autre. Nous nous appliquerons à exposer la marche des pourparlers diplomatiques qui ont précédé la guerre sur la base de renseignements puisés aux Archives et nous tâcherons, si possible, de nous en tenir au texte même des documents diplomatiques qui se trouvaient à notre disposition. *)

Au commencement de l'année 1853 l'Empereur Nicolas I donnait l'ordre de mobiliser une partie de l'armée russe, car selon les paroles du Chancelier de l'Empire, „la Russie ne peut pas avaler l'affront qu'elle a reçu de la Porte"... „Si vis pacem, para bellum", ajoutait le comte Nesselrode dans sa lettre au baron Brunnow du 2 (14) février 1853.

Les mesures militaires prises par le gouvernement Impérial contribuèrent notablement à entretenir l'inquiétude en Europe et suscitèrent des craintes sérieuses au sujet du maintien de la paix. La fameuse mission du prince Menschikow à Constantinople donna un choc violent à l'avalanche qui, dans sa chute précipitée, renversa les derniers supports de la paix internationale.

En janvier, l'Empereur Nicolas I prit la résolution d'envoyer à Constantinople un ambassadeur extraordinaire avec la mission d'obtenir de la Porte la reconnaissance de tous les droits traditionnels de la Russie sur les populations chrétiennes en Turquie et de consigner

*) Pour les négociations diplomatiques dans le cours de cette période avec l'Autriche et la Prusse voir t. VIII, pag. 421 et suivantes de la présente publication. Voir également: „L'Etude diplomatique sur la guerre de Crimée" par un ancien diplomate (Baron Jomini). Paris 1874. 2 vls.

сама объявила войну Россіи, то ее къ тому принудилъ англійскій посолъ. Если окончились вполнѣ неудачно всѣ старанія лорда Эбердина предупредить общеевропейскую войну и примирить Россію съ Турціею, то виновникомъ такихъ неудачъ былъ тотъ же лордъ Редклифъ. Наконецъ, если враждебное Россіи вліяніе императора Наполеона III на турецкое правительство могло одержать блестящую побѣду въ Константинополѣ, то Наполеонъ III долженъ былъ благодарить за это своего вѣрнаго союзника—англійскаго посла при Блистательной Портѣ.

Съ начала 1853 года событія шли быстро впередъ по пути неизбѣжнаго разрыва между Россіею, съ одной стороны, Турціею, Англіею и Франціею, съ другой. Мы постараемся изложить ходъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, на основаніи архивныхъ источниковъ и, по возможности, словами имѣющихся въ нашемъ распоряженіи дипломатическихъ актовъ*).

Въ самомъ началѣ 1853 года Императоръ Николай I отдалъ повелѣніе о мобилизаціи части русской арміи, ибо, по словамъ Государственнаго Канцлера, „Россія не можетъ снести оскорбленія, нанесеннаго ей Портою". „Si vis pacem, para bellum!"—прибавилъ графъ Нессельроде, въ письмѣ къ барону Бруннову отъ 2 (14) февраля 1853 года.

Принятыя Императорскимъ правительствомъ военныя мѣры значительно содѣйствовали развитію тревожнаго состоянія Европы и вызывали серьезныя опасенія за сохраненіе мира. Знаменитая миссія князя Меншикова въ Константинополь дала сильный толчекъ лавинѣ, разрушившей, въ своемъ стремительномъ паденіи, послѣдніе устои международнаго мира.

Въ январѣ Императоръ Николай I рѣшилъ отправить въ Константинополь чрезвычайнаго посла съ порученіемъ добиться отъ Порты признанія, въ особенномъ международномъ актѣ, всѣхъ историческихъ правъ Россіи въ отношеніи христіанскаго населенія Турціи. Сообщая

*) О дипломатическихъ переговорахъ Россіи за этотъ періодъ съ Австріею и Пруссіею см. томъ VIII, стр. 421 и слѣд. настоящаго изданія. Срав. также: Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate (Baron Jomini). Paris 1874. 2 vls.

cette reconnaissance dans un acte international spécial. En faisant part au baron Brunnow de cette intention de son Souverain, le Chancelier de l'Empire crut devoir ajouter pour sa part les réflexions suivantes: „Je travaille pour que le choix de l'Empereur tombe sur le comte Orloff. Il a déjà sauvé une fois l'Empire Ottoman; mais quoique jusqu'ici je n'ai pas réussi, je ne désespère pas encore".

L'espoir du comte Nesselrode ne devait pas se réaliser: le choix de l'Empereur tomba sur le prince Menschikow qui jouissait de la confiance personnelle toute particulière et de la bienveillance du Souverain. Les craintes qui portaient le Chancelier à prévenir cette nomination se justifièrent entièrement. L'échu complet du voyage solennel du prince Menschikow et de la mission qui lui était confiée amena fatalement une catastrophe.

Le Chancelier de l'Empire n'avait qu'à se résigner à la volonté du Souverain, et même dans sa correspondance intime avec le baron Brunnow il ne s'est pas permis de critiquer ce choix. Il n'était pas en mesure de lui communiquer les instructions dont le prince Menschikow était muni, parce que celui-ci les reçut directement de l'Empereur. Mais le comte Nesselrode crut devoir prévenir le baron que le prince Menschikow pourrait bien perdre patience et adresser de „grosses paroles" aux ministres turcs. Ces petits désagréments ne devaient pas préoccuper le gouvernement anglais, car il ne s'agissait que d'inspirer de la crainte à la Turquie.

Dans ces conditions la situation du baron Brunnow à Londres était loin d'être enviable. Les ministres anglais, le parlement et l'opinion publique se préoccupaient sérieusement de l'issue de la mission du prince Menschikow. Les ennemis de la Russie répandaient avec intention les bruits les plus invraisemblables sur la marche des pourparlers entre le prince Menschikow et la Porte. On attribuait à l'ambassadeur extraordinaire l'intention de forcer le Sultan de se déclarer vassal de l'Empereur de Russie.

Le baron s'appliquait à répondre d'une manière rassurante à toutes les questions qu'on lui adressait sous le coup de ces alarmes. Ces efforts s'adressaient particulièrement à lord Aberdeen qu'il considérait avec raison comme „l'unique ami de la Russie" au sein du Cabinet anglais où l'hostilité de lord Palmerston prenait de plus en plus le dessus.

объ этомъ намѣреніи своего Государя барону Бруннову, Государственный Канцлеръ прибавляетъ: „Я стараюсь, чтобъ выборъ Государя палъ на графа Орлова. Онъ уже однажды спасъ Оттоманскую имперію, и хотя до сихъ поръ я не имѣлъ успѣха, но я не отчаиваюсь".

Надежда графа Нессельроде не исполнилась: выборъ Царя палъ на князя Меншикова, пользовавшагося исключительнымъ личнымъ довѣріемъ и расположеніемъ Государя. Опасенія, заставлявшія Государственнаго Канцлера стараться предупредить такое назначеніе, вполнѣ оправдались. Полная неудача торжественной поѣздки князя Меншикова и возложеннаго на него порученія неизбѣжнымъ образомъ привела къ катастрофѣ.

Государственный Канцлеръ могъ только покориться сдѣланному Государемъ выбору. Онъ не осмѣлился, даже въ интимной перепискѣ съ барономъ Брунновымъ, критиковать этотъ выборъ. Онъ даже не могъ сообщить барону инструкціи, данныя князю Меншикову, ибо послѣдній получилъ ихъ непосредственно отъ самого Государя. Но графъ Нессельроде считалъ своимъ долгомъ предупредить барона Бруннова, что у князя Меншикова можетъ лопнуть терпѣніе и что турецкіе министры, можетъ быть, услышатъ отъ него нѣсколько „рѣзкихъ словъ". Но эти маленькія непріятности не должны пугать англійское правительство: ихъ единственная цѣль — навести страхъ на Турцію.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе барона Бруннова въ Лондонѣ было далеко незавидное. Англійскіе министры, парламентъ и общественное мнѣніе серьезно тревожились насчетъ исхода порученія князя Меншикова. Враги Россіи распространяли всевозможныя злонамѣренныя сказки о ходѣ переговоровъ между княземъ Меншиковымъ и Портою. Русскому чрезвычайному послу открыто приписывали намѣреніе заставить султана объявить себя вассаломъ русскаго Царя!

На всѣ поставленные ему тревожные вопросы баронъ Брунновъ старался отвѣчать успокоительнымъ образомъ. Въ особенности эти старанія касались лорда Эбердина, котораго русскій посланникъ справедливо считалъ „единственнымъ другомъ Россіи" во всемъ англійскомъ кабинетѣ, въ которомъ ненависть лорда Пальмерстона къ Россіи все болѣе и болѣе одерживала верхъ.

Lorsque lord Aberdeen eut connaissance de la mission du prince Menschikow à Constantinople, il dit au ministre de Russie: „whether right or wrong, we advise the Turcs to yield“. Le baron Brunnow reprit aussitôt courage et dit non sans quelque emphase au ministre de Turquie à Londres: „Mandez à votre gouvernement que c'est pour lui la onzième heure“.

Mais lorsque des nouvelles alarmantes de Constantinople au sujet de l'imminence d'une rupture entre la Russie et la Porte arrivèrent à Londres, le premier ministre d'Angleterre avouait avec désespoir au représentant de Russie que sa position devenait tous les jours de plus en plus intolérable. „Ma confiance dans la politique de l'Empereur,“ disait-il au baron Brunnow, „reste inébranlable. Mais, lorsqu'il nous arrive tous les jours et de tous côtés des interpellations fâcheuses, lorsqu'à chaque instant on me reproche de m'être laissé aveugler par les paroles rassurantes venues de votre Cabinet; et lorsque je me sens moi-même dans l'obscurité sur l'issue vers laquelle votre négociation peut arriver à Constantinople, c'est alors que je suis prêt à perdre courage!“

Le baron Brunnow se fit un devoir d'attirer sérieusement l'attention de son gouvernement sur cet aveu de lord Aberdeen. Il assurait le comte Nesselrode que tout autre ministre anglais eût cédé depuis longtemps aux dispositions hostiles de lord Palmerston et de l'opinion publique en Angleterre.

En général les vues du baron Brunnow sur la mission du prince Menschikow étaient empreintes de sang-froid et de raison: „Il faudrait ne pas trop tendre la corde“, écrivait-il à son ami et à son chef à la date du 21 mars (2 avril) 1853. „Ou bien elle finirait par tordre le cou au Sultan, ou bien elle risquerait de rompre entre nos mains. Comme vous ne voulez ni l'un, ni l'autre de ces deux résultats, il faudrait se contenter d'un gentil petit Sened dans le genre Rodofinikin*), „чтобъ волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы.“ Ce serait là, si je ne me trompe, le dénouement le plus satisfaisant de cette crise. Un article plus ou moins long, plus ou moins dur, n'ajouterait rien à la réalité de notre influence en Turquie. *Elle est dans les choses, elle n'est pas dans les mots.* La Russie est forte, la Turquie est faible, voilà le préambule de tous nos traités... Cette

*) Ci-devant Directeur du Département Asiatique du Ministère des Affaires Etrangères.

Когда лордъ Эбердинъ узналъ о миссіи князя Меншикова въ Константинополь, онъ сказалъ русскому посланнику: „хорошо или дурно, но мы совѣтуемъ Туркамъ уступить!“ Баронъ Брунновъ немедленно воспрянулъ духомъ и не безъ паѳоса сказалъ турецкому посланнику при Лондонскомъ дворѣ: „Доложите вашему правительству, что наступилъ для него 11-й часъ“.

Но когда изъ Константинополя стали получаться въ Лондонѣ тревожныя извѣстія о неминуемости разрыва между Россіею и Турціею, англійскій премьеръ съ отчаяніемъ признавался представителю Россіи, что его положеніе становится съ каждымъ днемъ невыносимѣе. „Мое довѣріе къ политикѣ Императора“, сказалъ онъ барону Бруннову, „остается несокрушимымъ. Но если каждый день и со всѣхъ сторонъ насъ осаждаютъ непріятными запросами, если мнѣ постоянно дѣлаютъ упрекъ въ томъ, что я позволилъ себя одурачить успокоительными завѣреніями вашего кабинета, а самъ я чувствую, что нахожусь во мракѣ насчетъ исхода вашихъ переговоровъ въ Константинополѣ, то и я самъ начинаю терять увѣренность!“

Баронъ Брунновъ считалъ своимъ долгомъ обратить серьезное вниманіе своего правительства на это признаніе лорда Эбердина. Онъ увѣрялъ графа Нессельроде, что другой англійскій министръ навѣрное давнымъ-давно уступилъ бы враждебному настроенію лорда Пальмерстона и общественнаго мнѣнія Англіи.

Вообще взглядъ барона Бруннова на посольство князя Меншикова отличался замѣчательною трезвостью и благоразуміемъ. „Не слѣдуетъ слишкомъ натягивать струны“, писалъ онъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1853 года своему начальнику и другу. „Или она затянетъ шею султану, или же она порвется въ нашихъ рукахъ. И такъ какъ вы не желаете ни того, ни другого, то нужно удовольствоваться маленькимъ милымъ фирманомъ въ жанрѣ Родофиникинъ*), чтобъ „волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы“. Это было бы, если не ошибаюсь, самое желательное разрѣшеніе настоящаго кризиса. Одна какая-нибудь болѣе или менѣе длинная или суровая статья ничего не прибавитъ къ дѣйствительности нашего вліяпія въ Турціи. *Оно — въ положеніи вещей, а не въ словахъ.* Россія могущественна, Турція безсильна, — вотъ

*) Бывшій Директоръ Азіатскаго Департамента М. И. Д.

épitaphe est déjà inscrite sur le tombeau de l'Empire Ottoman."

En attendant, la manière d'agir du prince Menschikow à Constantinople prouvait qu'à son avis l'influence de la Russie reposait en Turquie bien plus sur les mots, que sur l'état des choses. Aussitôt après son arrivée dans la capitale de la Turquie, l'ambassadeur extraordinaire de l'Empereur déclarait au Sultan qu'il n'entrerait jamais en pourparlers avec un „coquin" comme Fuad-Effendi, qui occupait à cette époque le poste de Ministre des affaires étrangères. Il exigeait sa démission et l'obtint. Il proposait ensuite au Sultan de signer une convention pour confirmer tous les droits de la Russie, consacrés par l'histoire. Le Sultan refusait de satisfaire à cette demande grâce aux conseils des représentants de France et d'Angleterre. La flotte française se rapproche des Dardanelles et le colonel Rose, chargé d'affaires d'Angleterre, invita l'amiral Dundas, chef de l'escadre anglaise dans la Méditerranée, de quitter l'île de Malte et de se rendre dans l'Archipel.

Toutes ces nouvelles, arrivées à Londres coup sur coup, y ont produit un grand émoi. Le 6 (18) mars le baron Brunnow était invité par la reine à dîner à Buckingham Pallace. Avant de se mettre à table il y rencontrait lord Clarendon qui s'approcha de lui et lui dit: „Vous venez de faire de belles choses à Constantinople!"—„Quelles choses?"—demandait le ministre de Russie. „Vous avez renversé le gouvernement turc", dit lord Clarendon. „Le gouvernement — non, un Ministre — oui", répondait le baron Brunnow. „Pourquoi cela?" — demandait le noble lord. En réponse à cette question le représentant de Russie s'attachait à démontrer au ministre anglais que son gouvernement avait le droit légitime de réclamer de la Porte l'éloignement de Fuad-Effendi, coupable de perfidie, et la réparation de l'affront qu'il a subi.

Lorsqu'on apprit à Londres que la flotte française se trouvait à Smyrne, le ministre de Russie appliquait tous ses efforts pour empêcher sa jonction avec la flotte anglaise. Il cherchait à démontrer que la présence des escadres réunies de la France et de l'Angleterre dans les eaux territoriales de la Turquie équivalait à une occupation militaire du territoire turc (sic!) qui pourrait provoquer, de la part de la Russie, l'occupation des Principautés Danubiennes.

En attendant, le colonel Rose passa complètement dans le camp des Français et consentait

предисловіе всѣхъ нашихъ трактатовъ... Эта эпитафія уже начертана на могилѣ Оттоманской имперіи".

Между тѣмъ образъ дѣйствій князя Меншикова въ Константинополѣ доказывалъ, что, по его мнѣнію, вліяніе Россіи основывается въ Турціи болѣе на словахъ, нежели на положеніи вещей. Немедленно по своемъ прибытіи въ турецкую столицу чрезвычайный посолъ русскаго Царя объявилъ султану, что онъ съ такимъ „мошенникомъ", какъ Фуадъ-эффенди, который былъ тогда Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, въ переговоры не вступитъ. Онъ потребовалъ его отставки и ея добился. Затѣмъ онъ предложилъ султану подписать конвенцію, подтверждающую всѣ историческія права Россіи. Султанъ отказался исполнить это требованіе, благодаря совѣтамъ представителя Франціи и Англіи. Французскій флотъ приблизился къ Дарданельскому проливу, и англійскій повѣренный въ дѣлахъ, полковникъ Росъ, предложилъ адмиралу Дондасу, начальнику англійской эскадры въ Средиземномъ морѣ, покинуть островъ Мальту и явиться въ Архипелагъ.

Всѣ эти извѣстія, слѣдовавшія одно за другимъ, произвели въ Лондонѣ большой переполохъ. 6 (18) марта баронъ Брунновъ былъ приглашенъ королевою къ обѣду въ Buckingham Pallace. Тамъ онъ встрѣтилъ, передъ обѣдомъ, лорда Кларендона, который подошелъ къ нему и сказалъ: „Вы превосходныя дѣла дѣлаете въ Константинополѣ!"—„Какія дѣла?"—спросилъ посланникъ.—„Вы низвергли турецкое правительство",—сказалъ лордъ Кларендонъ.—„Правительство—нѣтъ; министерство—да", отвѣтилъ посланникъ. — „Почему же?" — спросилъ благородный лордъ. Въ отвѣтъ баронъ Брунновъ сталъ доказывать англійскому министру законныя права Россіи требовать отъ Турціи удаленія Фуада-эффенди, виновнаго въ вѣроломствѣ, и удовлетворенія за нанесенныя оскорбленія.

Когда было получено въ Лондонѣ извѣстіе о прибытіи французскаго флота въ Смирну, русскій посланникъ всѣми силами старался предупредить соединеніе англійскаго флота съ французскимъ. Онъ сталъ доказывать, что присутствіе французскихъ и англійскихъ эскадръ въ турецкихъ территоріальныхъ водахъ равносильно военной оккупаціи турецкой территоріи (sic!), которая можетъ вызвать, со стороны Россіи, оккупацію Дунайскихъ княжествъ.

Между тѣмъ полковникъ Росъ совершенно перешелъ въ лагерь Французовъ и на все согла-

à ce que lui proposait le représentant de la France. „Quel être singulier que ce Rose“, écrivait le comte Nesselrode au baron Brunnow à la date du 26 mars (7 avril) 1853. „Dieu sait pourquoi il nous a pris en grippe, et s'est jeté entre les bras de la France et de ce coquin de Fuad“. Lord Aberdeen connaissait lui-même ces dispositions hostiles à la Russie du colonel Rose et cherchait à l'arrêter dans sa russophobie. Ainsi réussit-il à convaincre ses collègues au ministère de la nécessité de révoquer les dispositions du colonel, en vertu desquelles l'escadre anglaise devait se rapprocher des Dardanelles. Après la séance du conseil des ministres où cette décision a été adoptée, lord Aberdeen dit avec satisfaction au ministre de Russie: „Vous devez être content de nous. Ce que je vous avais prédit, vient de s'accomplir. Mon opinion a été unanimement adoptée par le conseil. Nous avons résolu de ne rien faire, pour le moment, et d'attendre.“ (Rapport du baron Brunnow du 11 (23) mars 1853).

Le gouvernement impérial fut très satisfait de cette décision du Cabinet anglais et chargeait son représentant à Londres de recommander encore une fois au gouvernement britannique, de ne pas ajouter foi à tous les bruits répandus au sujet des vues de la politique russe en général, et de la mission du prince Menschikow en particulier. Toutefois la Porte cherchait par tous les moyens possibles de traîner en longueur les pourparlers avec le prince, oubliant complètement que la Russie ne saurait admettre que le gouvernement turc se moquait d'elle impunément. Aussi, écrivait le Chancelier de l'Empire au baron Brunnow à la date du 21 avril 1853: „si le prince Menschikow, après des retards déjà si longs, se voit enfin forcé d'élever la voix, et de recourir à des formes plus péremptoires pour obtenir le consentement de la Porte, c'est la France qui l'aura voulu.“

Plus l'hostilité de Napoléon III et le succès de ses menées se manifestaient à Constantinople, plus l'Empereur Nicolas I ajoutait de prix à l'amitié de l'Angleterre et à un accord avec elle. Lorsqu'en avril 1853, on reçut à St. Pétersbourg la nouvelle de la délivrance de la reine Victoria de son septième enfant, Léopold, duc d'Albany, l'Empereur invita à dîner l'ambassadeur d'Angleterre et son épouse. Dans le courant du dîner l'Impératrice Alexandra Féodorovna se levait et proposait un toast à la santé de la reine Victoria. „Cette démonstration“, écrivait le Chancelier de l'Empire au baron Brunnow

шался, что ему предлагалъ представитель Франціи. „Какой странный человѣкъ этотъ Росъ“, писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову 26-го марта (7-го апрѣля) 1853 года. „Богъ знаетъ, почему онъ на насъ злится и бросился въ объятія Франціи и этого мошенника Фуада“. Самъ лордъ Эбердинъ зналъ это непріязненное отношеніе полковника Роса къ Россіи и старался остановить его въ его руссофобствѣ. Такъ, ему удалось убѣдить своихъ коллегъ по министерству въ необходимости отмѣнить распоряженіе полковника о приближеніи англійской эскадры къ Дарданелламъ. Послѣ засѣданія совѣта министровъ, въ которомъ было принято это рѣшеніе, лордъ Эбердинъ радостно сказалъ русскому посланнику: „Вы должны быть нами довольны. То, что я вамъ предсказалъ, исполнилось. Мое мнѣніе было единогласно принято совѣтомъ. Мы рѣшили пока ничего не дѣлать и ждать“. (Донесеніе барона Бруннова отъ 11-го (23-го) марта 1853 года).

Императорское правительство было чрезвычайно довольно такимъ рѣшеніемъ англійскаго кабинета и поручило своему представителю въ Лондонѣ еще разъ просить англійское правительство не вѣрить всѣмъ слухамъ, распространяемымъ насчетъ видовъ русской политики вообще и посольства Меншикова въ особенности. Однако, Порта всѣми силами старается затянуть дипломатическіе переговоры съ княземъ Меншиковымъ, совершенно забывая, что Россія не можетъ допустить, чтобъ Порта надъ нею насмѣхалась безнаказаннымъ образомъ. Поэтому, писалъ Государственный Канцлеръ барону Бруннову 21-го апрѣля 1853 года, „если князь Меншиковъ, послѣ всѣхъ проволочекъ, будетъ наконецъ вынужденъ возвысить свой голосъ и прибѣгнуть къ болѣе внушительнымъ мѣрамъ для полученія согласія Порты, то вина за это падетъ на Францію“.

Чѣмъ болѣе обнаруживались непріязнь Наполеона III и успѣшное дѣйствіе его происковъ въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе Императоръ Николай I сталъ дорожить дружбою и согласіемъ съ Англіею. Когда, въ апрѣлѣ 1853 года, было получено въ С.-Петербургѣ извѣстіе о разрѣшеніи королевы Викторіи отъ бремени седьмымъ ребенкомъ—Леопольдомъ, герцогомъ Альбанскимъ, Императоръ пригласилъ къ обѣду англійскаго посла съ супругою. Во время обѣда Императрица Александра Θеодоровна встала и предложила тостъ за здоровье королевы Викторіи. „Эта демонстрація“, писалъ Госу-

le 9 (21) avril, „vaut mieux que la plus belle dépêche que je pourrais vous écrire pour vous charger de féliciter la reine au nom de Leurs Majestés Impériales.“

Néanmoins cette démonstration de la part de Leurs Majestés ne réussit pas à déraciner les méfiances toujours croissantes des membres du Cabinet anglais. Les pourparlers avec le prince Menschikow traînaient à l'infini, et même en avril il était impossible de prévoir quel en serait le résultat final. A Londres on recevait de Constantinople les nouvelles les plus alarmantes. Lord Redcliffe informait son gouvernement que le prince Menschikow proposait à la Porte de signer une convention qui étendait considérablement le protectorat de la Russie sur tous les sujets orthodoxes du Sultan. Lord Aberdeen en était désespéré et disait au baron Brunnow: „Si cela était, mon parti serait pris. Je me démettrais du pouvoir. Mon opinion a prévalu dans le Cabinet uniquement parce que j'ai envisagé la question en litige comme restreinte au réglement de l'affaire des Saints-Lieux. Si elle change de face, si elle altère la situation des sujets chrétiens de l'Empire ottoman dans leur totalité, mon opinion ne vaut plus rien. C'est à mes collègues qu'il appartient d'aviser alors aux mesures qu'ils jugeraient nécessaire de prendre. Moi, pour ma part, je me retirerai.“

Le ministre de Russie cherchait par tous les moyens de rassurer le chef du Cabinet et le suppliait de ne pas ajouter de créance à tous les bruits et à toutes les inventions. Mais il ne dissimulait pas au Chancelier de l'Empire que lord Aberdeen pourrait facilement abandonner son poste. Il est vrai que celui-ci lui répétait souvent: „There shall be no war. There can be no war.“ Mais l'énergie morale de lord Aberdeen n'était pas à la hauteur de son équité politique. Il se retirera au moment où il se sera persuadé de son erreur au sujet des visées réelles de la politique russe. (Rapport du baron Brunnow du 21 avril (3 mai) 1853).

Lord Clarendon s'exprimait avec plus de précision encore au sujet de la politique russe. Il confirmait au représentant de Russie que la Porte consentirait facilement à reconnaître les droits de la Russie et de l'Eglise orthodoxe par rapport aux Lieux Saints. Mais des difficultés insurmontables sont soulevées par d'autres clauses

дарственный Канцлеръ барону Бруннову 9-го (21-го) апрѣля, „больше стоитъ, чѣмъ самая лучшая депеша, которую я могъ бы вамъ написать, чтобъ поручить вамъ поздравить королеву отъ имени Ихъ Императорскихъ Величествъ“.

Однако, эта „демонстрація“ со стороны Ихъ Величествъ не могла искоренить постоянно развивающейся подозрительности членовъ англійскаго кабинета. Переговоры съ княземъ Меншиковымъ тянулись до безконечности, и даже въ апрѣлѣ еще нельзя было предвидѣть ихъ окончательнаго результата. Изъ Константинополя получались въ Лондонѣ самыя тревожныя извѣстія. Лордъ Редклифъ доносилъ своему правительству, что князь Меншиковъ предложилъ Портѣ подписать конвенцію, значительно расширяющую право покровительства Россіи надъ всѣми православными подданными султана. Лордъ Эбердинъ былъ въ отчаяніи и сказалъ барону Бруннову: „Если это такъ, то мое рѣшеніе принято. Я подамъ въ отставку. Мое мнѣніе одержало верхъ въ совѣтѣ исключительно потому, что я смотрѣлъ на настоящій споръ, какъ на касающійся только разрѣшенія дѣла о святыхъ мѣстахъ. Если онъ видоизмѣняется и если онъ измѣнитъ положеніе всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Оттоманской имперіи, то мое мнѣніе потеряло всякую цѣну. Въ такомъ случаѣ мои коллеги должны придумать мѣры, которыя должны быть приняты. Что касается меня, то я выйду въ отставку“.

Русскій посланникъ всѣми силами старался успокоить англійскаго перваго министра и просилъ его не вѣрить всѣмъ слухамъ и выдумкамъ. Но онъ не скрывалъ отъ Государственнаго Канцлера, что лордъ Эбердинъ дѣйствительно можетъ легко покинуть свой постъ. Правда онъ неоднократно ему повторялъ: „Не будетъ войны. Не должно быть войны!“ Однако, „нравственная энергія лорда Эбердина не стоитъ на высотѣ его политической честности“. Онъ выйдетъ въ отставку въ тотъ моментъ, когда убѣдится въ своемъ заблужденіи насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей русской политики. (Донесеніе барона Бруннова отъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1853 года).

Лордъ Кларендонъ еще точнѣе выражался насчетъ русской политики. Онъ подтвердилъ представителю Россіи, что Порта легко согласится на признаніе правъ Россіи и православной церкви въ отношеніи святыхъ мѣстъ. Но непреодолимыя затрудненія вызываютъ другія постановленія русской кон-

de la convention russe, qui établissent le protectorat de la Russie non seulement sur toutes les populations orthodoxes en Turquie, mais encore sur les Grecs.

N'ayant pas connaissance de la convention proposée à la Porte par le prince Menschikow, le baron Brunnow était réduit dans sa réponse à lord Clarendon à s'en tenir à des phrases générales et à lui rappeler que la Russie a de tout temps exercé un protectorat sur les chrétiens orthodoxes en Turquie, et qu'elle cherche seulement à confirmer des droits incontestablement acquis, etc.

Enfin, à la fin d'avril, à la veille d'une rupture entre la Russie et la Porte, le Chancelier de l'Empire transmettait au baron Brunnow le projet de convention, proposé par le prince Menschikow au gouvernement turc. „Vous y verrez", écrivait le comte Nesselrode au baron Brunnow à la date du 21 avril (3 mai), „qu'il ne stipule au fond rien de nouveau, qu'il n'y est question que d'un intérêt religieux, de préciser davantage ce que le traité de Kaïnardji a laissé dans le vague." Cette convention n'a rien de commun avec le traité d'Unkiar-Iskelessi, qui dans son temps a inspiré tant de craintes à l'Angleterre.

Il est curieux que quelques jours après l'expédition de cette dépêche, le Chancelier de l'Empire en adressait une autre au baron Brunnow, à la date du 29 avril (11 mai), dans laquelle il exprimait la conviction que les pourparlers à Constantinople aboutiront à une issue pacifique. Mais il constatait en même temps encore une fois l'influence pernicieuse et dominante de l'ambassadeur d'Angleterre. Lord Redcliffe donnait à la Porte le conseil suivant, très astucieux: signez, dit-il aux ministres turcs, l'acte de reconnaissance des droits de la Russie sur les Lieux Saints, mais gardez vous de signer la convention, confirmant le protectorat de la Russie. Il emportait ainsi un double succés: il triomphait de la Russie et de la France, et assumait d'une autre part le rôle généreux de sauveur de la Turquie. Lord Redcliffe disait lui-même à Ozerow, ministre de Russie, qu'il cherche à créer un ordre de choses en présence duquel la Russie ne sera „ni l'amie, ni l'ennemie de l'Empire Ottoman".—„Lord Redcliffe seul y régnera et gouvernera", ajoutait pour sa part le comte Nesselrode.

L'événement a complètement justifié ces prévisions du Chancelier de l'Empire.

венціи, въ силу которыхъ утверждается право покровительства Россіи не только надъ всѣмъ православнымъ населеніемъ Турціи, но даже надъ Греками.

Не имѣя понятія о конвенціи, предложенной княземъ Меншиковымъ Портѣ, баронъ Брунновъ долженъ былъ ограничиться, въ своемъ отвѣтѣ лорду Кларендону, общими фразами о томъ, что Россія всегда имѣла право покровительства въ отношеніи турецкихъ православныхъ христіанъ, что она только добивается подтвержденія своихъ безспорныхъ правъ и т. п.

Наконецъ, въ самомъ концѣ апрѣля, наканунѣ разрыва между Россіею и Турціею, Государственный Канцлеръ препроводилъ къ барону Бруннову проектъ конвенціи, предложенный княземъ Меншиковымъ Портѣ. „Вы увидите", писалъ графъ Нессельроде 21-го апрѣля (3 мая) барону Бруннову, „что въ ней въ сущности ничего новаго не постановлено и что въ ней только говорится о религіозномъ интересѣ и точнѣе опредѣляется то, что Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ оставилъ въ сомнѣніи". Эта конвенція ничего не имѣетъ общаго съ трактатомъ Ункіаръ-Искелесскимъ, который въ свое время навелъ такой страхъ на Англію.

Весьма любопытно, что чрезъ нѣсколько дней послѣ отправленія этой депеши Государственный Канцлеръ, въ депешѣ отъ 29-го апрѣля (11 мая), выражаетъ увѣренность въ миролюбивомъ окончаніи константинопольскихъ переговоровъ. Но, въ то же самое время, онъ еще разъ подтвердилъ господствующее и вредное вліяніе англійскаго посла въ Константинополѣ. Лордъ Редклифъ далъ Портѣ слѣдующій хитрый совѣтъ: подпишите, сказалъ онъ турецкимъ министрамъ, актъ о признаніи правъ Россіи на святыя мѣста, но не подписывайте ни въ какомъ случаѣ конвенціи, утверждающей право протектората Россіи. Такимъ образомъ онъ одержалъ двойную побѣду: онъ восторжествовалъ надъ Россіею и Франціею и, съ другой стороны, принялъ на себя благодарную роль спасителя Турціи. Лордъ Редклифъ самъ сказалъ русскому посланнику Озерову, что онъ создаетъ такое положеніе вещей, при которомъ Россія не будетъ „ни другомъ, ни врагомъ Оттоманской имперіи". „Только одинъ лордъ Редклифъ будетъ въ ней царствовать и управлять"—прибавляетъ отъ себя графъ Нессельроде.

Обстоятельства доказали, что послѣднее предсказаніе Государственнаго Канцлера было совершенно справедливо.

Lorsque le baron Brunnow reçut finalement le projet de convention, proposé par le prince Menschikow à la Porte, il s'empressa d'en donner communication à lord Aberdeen et à lord Clarendon. Tous les deux avaient déjà connaissance de ce factum avec les commentaires malveillants de lord Redcliffe. Lord Aberdeen n'hésita pas moins à reconnaître que les réclamations de la Russie étaient équitables et modérées. Mais il crut devoir prévenir en toute franchise le ministre de Russie que son opinion personnelle n'était nullement partagée par ses collègues au sein du Cabinet, qui subissaient l'action des conseils hostiles de lord Redcliffe.

Le baron Brunnow eut bientôt l'occasion de se convaincre de l'exactitude de cet avertissement dans ses entretiens avec lord Clarendon qui se prononçait avec énergie contre la convention russe. Ses objections portaient sur les points suivants: 1) En vertu des déclarations du gouvernement russe, le Cabinet anglais était convaincu que la convention russe se bornerait au rétablissement des droits de la Russie sur les Lieux-Saints. En attendant le prince Menschikow réclame, au nom de la Russie, „un nouveau droit d'intervention dans les affaires intérieures de la Turquie“ et insiste sur une interprétation extensive du traité de Koutchouk Kaïnardji.

2) En vertu de la convention tous les sujets orthodoxes du Sultan seront exemptés de sa juridiction et la Turquie entière sera placée vis-à-vis de la Russie dans la position qu'occupent aujourd'hui les Principautés Danubiennes vis-à-vis du Sultan. Ces Principautés mêmes seront converties en „provinces russes“.

3) Enfin la nouvelle convention devra modifier entièrement l'attitude de la Russie vis-à-vis de la Porte en réservant au gouvernemeut russe un droit d'intervention permanent dans les affaires intérieures de l'Empire Ottoman.

Le baron Brunnow s'efforçait de combattre ces objections de lord Clarendon sans réussir à le convaincre. Dans ces conditions le baron Brunnow écrivait une longue lettre à lord Aberdeen dans laquelle il démontrait avec éloquence que la Russie avait le droit incontestable d'insister auprès de la Porte sur la signature de cette convention qui ne faisait que confirmer des droits acquis et réclamer des garanties contre de nouvelles perfidies de la part de la Porte.

Lord Aberdeen fut très satisfait de cette lettre et en fit la lecture à la prochaine séance

Когда баронъ Брунновъ получилъ наконецъ проектъ конвенціи, предложенный княземъ Меншиковымъ Портѣ, онъ немедленно сообщилъ его лордамъ Эбердину и Кларендону. Оказалось, что оба уже знали этотъ актъ съ неблагопріятными комментаріями лорда Редклифа. Всетаки лордъ Эбердинъ согласился признать русскія требованія умѣренными и справедливыми. Но онъ добросовѣстно предупредилъ русскаго посланника, что его личное мнѣніе совсѣмъ не раздѣляется его коллегами по кабинету, которые находятся подъ впечатлѣніемъ весьма враждебныхъ совѣтовъ лорда Редклифа.

Въ справедливости этого предупрежденія баронъ Брунновъ имѣлъ весьма скоро случай убѣдиться изъ бесѣдъ съ лордомъ Кларендономъ, который сильно возражалъ противъ русской конвенціи. Его возраженія были слѣдующія: 1) на основаніи заявленій русскаго правительства англійскій кабинетъ былъ увѣренъ, что русская конвенція ограничится возстановленіемъ правъ Россіи въ отношеніи святыхъ мѣстъ. Между тѣмъ князь Меншиковъ требуетъ признанія за Россіею „новаго права вмѣшательства во всѣ внутреннія дѣла Турціи“ и настаиваетъ на распространительномъ толкованіи постановленій Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата.

Во 2), въ силу конвенціи всѣ православные подданные султана будутъ изъяты изъ его юрисдикціи, и вся Турція будетъ поставлена по отношенію къ Россіи въ положеніе, которое занимаютъ Дунайскія Княжества по отношенію къ султану. Сами же Дунайскія княжества должны обратиться въ „русскія губерніи“.

Наконецъ, въ 3), новая конвенція должна совершенно измѣнить положеніе Россіи въ отношеніи Турціи, ибо дастъ первой постоянное право вмѣшательства во всѣ внутреннія дѣла послѣдней.

Баронъ Брунновъ старался опровергнуть эти возраженія лорда Кларендона, но разубѣдить его не успѣлъ. Тогда онъ написалъ длинное письмо лорду Эбердину, въ которомъ краснорѣчиво доказываетъ право Россіи настаивать на подписаніи Портою проекта конвенціи, въ которомъ только подтверждаются несомнѣнныя права Россіи и требуются гарантіи противъ новаго вѣроломства со стороны Турціи.

Лордъ Эбердинъ остался очень доволенъ этимъ письмомъ и прочелъ его въ ближайшемъ

du conseil des ministres. Il assurait qu'elle avait produit une bonne impression sur quelques uns des membres de cette assemblée. Mais le premier ministre n'ajoutait pas moins, avec chagrin, les réflexions suivantes: „Ma position est difficile. Je suis à la fois l'avocat de la cause russe et de la cause anglaise. Il faut tâcher de mettre l'une d'accord avec l'autre."

Il exprimait en même temps de sincères regrets au sujet de quelques défauts de rédaction dans le projet de convention. A son avis, si on avait inséré au „*préambule*" un article spécial servant à confirmer les droits historiques de la Russie, ses collègues n'eussent pas eu de prétexte plausible de parler de nouvelles prétentions de la Russie à un droit permanent d'intervention dans les affaires intérieures de la Turquie. Dans ce cas les articles de la convention auraient traité exclusivement de la solution des questions concernant les Lieux Saints.

„Assurément", ajoutait lord Aberdeen, „je ne puis pas changer l'opinion de mes collègues, qui vous est contraire. Mais eux, à leur tour, ils ne peuvent pas agir sans moi. Voilà le bon côté d'une situation qui autrement serait fort mauvaise." En terminant, le noble lord reparlait encore de sa résolution de se retirer, si une rupture venait à éclater entre la Russie et l'Angleterre. Dans tout état de cause il regrettait sérieusement que le prince Menschikow n'ait pas réussi à s'entendre avec lord Redcliffe ou qu'il n'ait pas voulu le faire. Il ne croyait pas à la russophobie de celui-ci et semblait convaincu qu'il ne pouvait avoir oublié la recommandation qu'il lui avait adressée en prenant congé de lui: „Do not quarrel with Russia!" (Rapport du baron Brunnow du 13 (25) avril 1853).

Toutefois le Chancelier de l'Empire ne se laissait pas ébranler dans sa conviction que l'ambassadeur d'Angleterre près la Porte ne fût l'unique auteur de la rupture entre la Russie et la Turquie. A la mi-avril le prince Menschikow quittait Constantinople avec tout le personnel de la Légation et constatait ainsi la rupture complète entre la Russie et la Porte. La nouvelle de cet événement produisit une impression immense dans toute l'Europe; même à la bourse de Londres les fonds tombaient avec la rapidité de l'éclair.

Le gouvernement impérial accusait ouvertement lord Redcliffe à la barre de son propre gouvernement de l'opposition systématique avec

засѣданіи совѣта министровъ. По его словамъ, это письмо произвело „на нѣкоторыхъ" членовъ совѣта хорошее впечатлѣніе. Но всетаки, прибавилъ съ грустью англійскій премьеръ, „мое положеніе трудное. Я въ одно и то же время адвокатъ и русскихъ и англійскихъ интересовъ. Нужно стараться согласить одни съ другими". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ свое искреннее сожалѣніе о недостаткахъ въ редакціи проекта конвенціи. Еслибъ, по его мнѣнію, въ „*предисловіе*" этого акта была включена отдѣльная статья, служащая подтвержденіемъ историческихъ правъ Россіи, то его коллеги не имѣли бы внѣшняго повода говорить о новой претензіи Россіи на постоянное право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи. Въ такомъ случаѣ всѣ статьи конвенціи ограничивались бы только разрѣшеніемъ вопросовъ относительно святыхъ мѣстъ.

„Само собою разумѣется", прибавилъ лордъ Эбердинъ, „я не въ состояніи перемѣнить мнѣніе моихъ коллегъ, которое вамъ враждебно. Но они, съ другой стороны, ничего не могутъ сдѣлать безъ меня. Вотъ въ чемъ заключается хорошая сторона настоящаго положенія, которое при другихъ обстоятельствахъ было бы очень плохо". Въ заключеніе благородный лордъ еще разъ подтвердилъ свое рѣшеніе выйдти въ отставку, если произойдетъ разрывъ между Россіею и Англіею. Во всякомъ случаѣ онъ очень сожалѣлъ, что князь Меншиковъ не съумѣлъ или не захотѣлъ войти въ соглашеніе съ лордомъ Редклифомъ. Онъ не вѣритъ въ руссофобство послѣдняго и убѣжденъ, что онъ не забылъ сказанныхъ ему лордомъ Эбердиномъ, при прощаніи, словъ: „Не ссорьтесь съ Россіею!" (Донесеніе барона Бруннова отъ 13 (25-го) апрѣля 1853 г.).

Но, по непоколебимому убѣжденію Государственнаго Канцлера, единственнымъ виновникомъ разрыва между Россіею и Турціею былъ англійскій посолъ при Портѣ. Въ половинѣ апрѣля князь Меншиковъ, со всею русскою миссіею, покинулъ Константинополь и констатировалъ такимъ образомъ полный разрывъ между Россіею и Турціею. Извѣстіе объ этомъ событіи произвело громадное впечатлѣніе во всей Европѣ: даже на Лондонской биржѣ всѣ фонды стали падать съ быстротою молніи.

Императорское правительство открыто обвиняло лорда Редклифа предъ его собственнымъ правительствомъ въ систематиче-

laquelle il a cherché à contrecarrer toutes les tentatives de conciliation de la Russie. „Ce n'est plus le sultan Abdul-Medgid qui régne en Turquie, mais lord Redcliffe“ — écrivait le comte Nesselrode au baron Brunnow à la date du 20 Avril (1 Mai). Le prince Menschikow faisait toute espèce de concessions au sujet du texte primitif de la convention. Il consentait également à convertir la convention en firman ou en „Séned“. Lorsque la Porte refusait de signer cet acte, modifié au gré de ses désirs, l'ambassadeur voulait même se contenter d'une simple „note officielle“ en guise d'engagement. Le grand vizir, Reschid-Pacha, était disposé à signer l'acte proposé et priait l'ambassadeur d'Angleterre de ne pas élever d'objections. Mais lord Redcliffe refusait catégoriquement de tenir compte de cette demande et poussait le grand vizir à se jeter corps perdu dans une guerre avec la Russie. Comment ne pas convenir que c'est l'ambassadeur d'Angleterre et non pas le sultan qui gouverne en Turquie?

„Que le gouvernement anglais nous permette de le lui dire en toute franchise“, écrivait le Chancelier de l'Empire au baron Brunnow à la date du 20 avril. „En se préoccupant à un tel point des inconvénients d'une convention, comme donnant à la Russie des droits d'ingérence qu'elle ne possédait pas, on se crée un monstre à plaisir, on se débat contre un fantôme. Pense-t-on sérieusement que nous ayons besoin d'un pareil acte pour intervenir en Turquie en faveur des Grecs orthodoxes, si leurs droits, leurs intérêts, leurs propriétés ou leurs vies venaient à être menacés?“ Le droit de la Russie repose sur un fait incontestable: 50 millions de Russes orthodoxes ne sauraient rester indifférents aux destinées de 12 millions de sujets orthodoxes du sultan.

Selon l'avis du comte Nesselrode, il dépend du gouvernement anglais de sortir de la situation difficile dans laquelle il se trouve placé par „un ambassadeur insensé et furibond“. „C'est entre ses mains que se trouve la question de la paix ou de la guerre.“ „Voudra-t-il convenir“, demandait le Chancelier de l'Empire, „que la conduite de lord Redcliffe, les conseils qu'il a donnés à la Porte sont en contradiction manifeste avec ses promesses envers nous, et par conséquent le désavouer, — alors tout pourra encore se réparer. Dans le cas contraire Dieu seul peut savoir où nous menera ce triste dénouement de la mission Menschikoff, car l'Empereur ne reculera pas

скомъ противодѣйствіи всѣмъ миролюбивымъ попыткамъ Россіи. „Не султанъ Абдулъ-Меджидъ, но лордъ Редклифъ царствуетъ въ Турціи“ — писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову 20 апрѣля (1-го мая). Князь Меншиковъ дѣлалъ всевозможныя уступки насчетъ первоначальнаго текста конвенціи. Онъ даже изъявилъ согласіе на обращеніе конвенціи въ фирманъ или сенедъ. Когда Порта отказалась подписать и этотъ актъ, измѣненный согласно ея желаніямъ, русскій посолъ согласился удовольствоваться простою „оффиціальною нотою“, въ видѣ обязательства. Великій Визирь Решидъ-паша былъ согласенъ подписать предложенный актъ и даже просилъ англійскаго посла не препятствовать этому. Но лордъ Редклифъ категорически отказался исполнить эту просьбу и заставилъ Великаго Визиря броситься, очертя голову, въ войну съ Россіею. Какъ же не сказать, что не султанъ, но великобританскій посолъ управляетъ Турціею?

„Да позволено намъ будетъ сказать совершенно откровенно англійскому правительству“, писалъ Государственный Канцлеръ 20 апрѣля барону Бруннову, „что опасаясь до такой степени неудобствъ конвенціи, будто-бы дающей Россіи право вмѣшательства, котораго она не имѣетъ, оно добровольно создаетъ себѣ пугало и сражается съ призракомъ. Неужели можно серьезно думать, что мы нуждаемся въ такомъ актѣ для вмѣшательства въ дѣла Турціи съ цѣлью охраны православныхъ Грековъ, если ихъ права, интересы, собственность или жизнь подвергнутся опасности?“ Право Россіи основывается на неоспоримомъ фактѣ: 50 милліоновъ русскихъ православныхъ не могутъ относиться равнодушно къ судьбѣ 12 милліоновъ православныхъ подданныхъ султана.

По мнѣнію графа Нессельроде, теперь зависитъ отъ англійскаго правительства выйдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое его поставилъ „сумасшедшій и разъяренный посолъ“. „Въ его рукахъ еще находится вопросъ мира или войны“. „Согласится ли оно“, спросилъ Государственный Канцлеръ, „что поведеніе лорда Редклифа и совѣты, данные имъ Портѣ, находятся въ открытомъ противорѣчіи съ его обѣщаніями, намъ данными, и, слѣдовательно, согласится ли оно его осудить? Въ такомъ случаѣ все еще можетъ поправиться. Въ противномъ случаѣ, одинъ Богъ знаетъ, куда насъ поведетъ этотъ печальный исходъ посоль-

d'un cheveu, et l'occupation des Principautés sera effectuée à la fin du mois." (Lettre du comte Nesselrode au baron Brunnow du 20 mai (1 juin) 1853).

Le Chancelier de l'Empire exprimait l'espoir que le gouvernement britannique chercherait à „réparer l'inconcevable sottise" de lord Redcliffe et qu'il n'obligerait pas l'Empereur de prendre des décisions qui rendraient le maintien de la paix tout-à-fait impossible. Le moment n'est pas encore passé pour réagir sur la Porte.

On a pu se convaincre bientôt que cet espoir n'était pas fondé. Lorsque à la mi-juin on reçut à Londres la nouvelle de l'entrée des troupes russes dans les Principautés Danubiennes sous le commandement du prince Gortchakow, l'opinion publique en Angleterre se prononçait avec violence contre la Russie. A la Chambre Haute lord Clanricarde, qui avait occupé le poste de ministre à St. Pétersbourg, qualifiait, dans son discours, „d'acte de piraterie" l'entrée des troupes russes dans les Principautés. L'Empereur Nicolas I était si indigné de cette expression qu'il ordonnait à son représentant à Londres de suspendre immédiatement toutes relations de société avec lui. Tous les partis politiques se montraient ouvertement hostiles à la Russie et réclamaient une action énergique pour contrecarrer ses vues de conquête sur Constantinople. Lord Derby, lord John Russell, lord Palmerston s'unissaient tous dans cette pensée commune. „Notre Aberdeen est tout seul", écrivait le baron Brunnow au comte Nesselrode à la date du 17 (29) juin 1853.

Lord Aberdeen s'épuisait en efforts pour maintenir l'opinion publique en Angleterre dans les voies de la sagesse et de la paix. Ayant appris le passage de la frontière turque par les troupes russes, le premier ministre crut devoir prévenir le baron Brunnow qu'il sera probablement dans la nécessité de donner l'ordre à l'escadre anglaise de se rapprocher des Dardanelles. L'Angleterre sera forcée de se mettre sur la même ligne que la France. Si la flotte française franchit les Dardanelles, celle de l'Angleterre devra la suivre pour surveiller ses opérations.

Le baron Brunnow appliquait tous ses efforts pour arrêter l'Angleterre sur cette pente épineuse et prévenir une alliance formelle entre les deux Puissances maritimes. Il présentait dans ce but un mémoire dans lequel il exposait avec une

ства Меншикова, потому что Государь ни на волосъ не уступитъ, и занятіе княжествъ последуетъ въ концѣ этого мѣсяца". (Письмо гр. Нессельроде къ барону Бруннову отъ 20 мая (1-го іюня) 1853 г.).

Государственный Канцлеръ выразилъ надежду, что великобританское правительство постарается „исправить невѣроятную глупость" лорда Редклифа, и не принудитъ Государя прибѣгнуть къ рѣшеніямъ, которыя сдѣлаютъ сохраненіе мира совершенно невозможнымъ. Еще есть время для воздѣйствія на Порту.

Однако, весьма скоро выяснилось, что эта надежда не имѣла никакого основанія. Когда было получено, въ половинѣ іюня, извѣстіе въ Лондонѣ о вступленіи русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества, подъ начальствомъ князя Горчакова, общественное мнѣніе Англіи сильнѣйшимъ образомъ высказалось противъ Россіи. Въ Палатѣ лордовъ лордъ Кланрикардъ, бывшій англійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, назвалъ въ своей рѣчи вступленіе русскихъ войскъ въ княжества „актомъ пиратства". Императоръ Николай настолько былъ возмущенъ такимъ выраженіемъ, что приказалъ своему представителю въ Лондонѣ немедленно прекратить всякія социальныя сношенія съ лордомъ Кланрикардомъ. Всѣ политическія партіи были открыто противъ Россіи и требовали противодѣйствія завоевательнымъ планамъ насчетъ Константинополя. Лорды Дерби, Джонъ Россель и Пальмерстонъ соединились вмѣстѣ въ этой общей мысли. „Нашъ лордъ Эбердинъ остался совершенно одинъ", писалъ баронъ Брунновъ графу Нессельроде 17 (29-го) іюня.

Лордъ Эбердинъ выбивался изъ силъ, чтобы остановить общественное мнѣніе Англіи на пути благоразумія и мира. Узнавъ о переходѣ русскими войсками турецкой границы, англійскій премьеръ предупредилъ барона Бруннова, что вѣроятно онъ будетъ вынужденъ приблизить англійскую эскадру къ Дарданелламъ. Тогда Англія будетъ принуждена стать на одну линію съ Франціею. Если же французскій флотъ войдетъ въ Дарданеллы, то англійскій долженъ ему послѣдовать, чтобъ наблюдать за его дѣйствіями.

Баронъ Брунновъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ остановить Англію на этомъ скользкомъ пути и предупредить открытый союзъ между обѣими морскими державами. Съ этою цѣлью онъ составилъ подробную записку, въ

remarquable lucidité la marche des négociations diplomatiques durant ces derniers mois et démontrait avec évidence la justice des réclamations de la Russie. Le ministre de Russie remit ce mémoire entre les mains de lord Aberdeen et de lord Clarendon. Les deux ministres devaient reconnaître qu'ils ne pouvaient élever aucune objection contre les arguments du représentant de Russie. L'Empereur Nicolas I était enchanté de ce remarquable travail du baron Brunnow et y fit *manu proprio* l'annotation suivante:

„Il est impossible de mieux rendre le véritable état de la question; cette pièce est une des mieux écrites que j'aie lues de longtemps, et j'en remercie Brunnow; c'est parfait; oui c'est bien cela; c'est toute la vérité; Dieu décidera de ce qui doit arriver, mais ma conscience est à l'aise, car je n'ai rien à me reprocher, et tôt ou tard la vérité doit l'emporter sur d'infâmes calomnies." (Rapport et memorandum du baron Brunnow du 20 mai (1 juin) 1853).

Malheureusement ce n'était plus le moment où il était encore possible d'arrêter la marche des événements par des mémoires habilement rédigés. Le premier ministre d'Angleterre s'efforçait en toute conscience de prévenir une rupture avec la Russie, qui semblait inévitable. S'étant convaincu de l'action pernicieuse de lord Redcliffe, il résolut de transporter de Constantinople à St. Pétersbourg le centre de gravité des négociations diplomatiques. Il proposait au conseil des ministres d'envoyer à St. Pétersbourg une personne de confiance, munie de pouvoirs exclusifs pour traiter directement avec l'Empereur. Lord Aberdeen proposait en outre un nouveau projet de convention entre la Russie et la Porte qui pût être accepté par les deux Puissances. Il donnait même l'idée d'une correspondance personnelle entre l'Empereur et la reine d'Angleterre pour mieux élucider toutes les questions politiques.

Il est à regretter que toutes ces bonnes intentions n'amenèrent pas au but désiré. Le conseil des ministres n'approuva ni l'idée de lord Aberdeen au sujet d'une correspondance personnelle entre les chefs d'Etat, ni le projet d'envoyer à St. Pétersbourg un ambassadeur extraordinaire. Toutefois ces efforts sincères du premier ministre d'Angleterre portèrent le gouvernement impérial et le baron Brunnow à dire à la fin de juin:

которой замѣчательно ясно былъ изложенъ весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ, за послѣдніе мѣсяцы, по Восточному вопросу и убѣдительно доказывалась справедливость требованій Россіи. Эту записку русскій посланникъ вручилъ лордамъ Эбердину и Кларендону. Оба англійскіе министра должны были признать, что ничего не могутъ возразить противъ аргументаціи русскаго посланника. Императоръ Николай I былъ въ восторгѣ отъ этого замѣчательнаго труда барона Бруннова и сдѣлалъ на немъ собственноручно слѣдующую надпись:

„Невозможно лучше изложить настоящее положеніе вопроса. Этотъ актъ одинъ изъ наилучше написанныхъ, которые мнѣ когда либо приходилось читать, и я благодарю за него Бруннова. Это превосходно. Да это такъ. Это совершенная правда. Господь Богъ рѣшитъ, что должно произойти, но моя совѣсть спокойна, ибо я не имѣю себѣ сдѣлать никакихъ упрековъ и, рано или поздно, истина должна одержать верхъ надъ подлыми клеветами". (Донесеніе и меморандумъ барона Бруннова отъ 20 мая (1-го іюня) 1853).

Къ крайнему сожалѣнію, уже прошло время, когда талантливо и убѣдительно написанными записками можно было остановить ходъ событій. Англійскій премьеръ добросовѣстно старался предупредить неизбѣжный разрывъ съ Россіею. Убѣдившись въ зловредной дѣятельности лорда Редклифа, онъ рѣшилъ перенести центръ тяжести дипломатическихъ переговоровъ изъ Константинополя въ С.-Петербургъ. Онъ предложилъ, въ совѣтѣ министровъ, отправить въ С.-Петербургъ лицо, пользующееся исключительнымъ авторитетомъ и довѣріемъ, для личныхъ переговоровъ съ русскимъ Царемъ. Кромѣ того, лордъ Эбердинъ предложилъ проектъ новой конвенціи между Россіею и Турціею, который могъ бы быть принятъ обѣими державами. Далѣе, онъ подалъ мысль о личной перепискѣ между Царемъ и англійскою королевою для лучшаго выясненія всѣхъ политическихъ вопросовъ.

Но, къ сожалѣнію, всѣ эти благія начинанія не привели къ желанной цѣли. Въ совѣтѣ англійскихъ министровъ не были одобрены ни мысль лорда Эбердина о личной перепискѣ между главами государствъ, ни предложеніе отправить въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго посла. Однако, эти добрыя намѣренія англійскаго перваго министра заставили Императорское правительство и барона Бруннова ска-

nous sortirons „probablement honorablement et pacifiquement de la crise orientale".

Le Chancelier de l'Empire était très satisfait de l'idée de lord Aberdeen de conclure avec la Porte une convention, avec le concours de l'Angleterre et de l'Autriche. „Il nous faut espérer", écrivait-il au baron Brunnow le 4 (16) juin, „que la crise actuelle pourra se résoudre, sans compromis sérieux pour la paix, et moyennant un arrangement conforme à notre dignité, comme aux intérêts du culte orthodoxe. C'est vous dire que l'Empereur vous engage à employer tous vos efforts pour confirmer le Cabinet Britannique dans l'idée qu'il a de nous adresser la proposition par l'entremise de la Cour de Vienne. De toutes les manières de terminer, nulle n'entrerait plus dans nos convenances que la convention imaginée par lord Aberdeen".

L'Empereur attribuait avec raison au baron Brunnow tout le mérite de cette tournure favorable des affaires et chargeait le Chancelier de l'Empire de lui exprimer sa gratitude impériale pour ces négociations si importantes et complexes qui ont porté „un cachet de tact, d'habileté et de prudence".

Mais cet espoir d'une solution pacifique de la crise ne devait pas être de longue durée. Le projet anglais de convention turco-russe, communiqué par sir Hamilton Seymour, fut reconnu très insuffisant à St. Pétersbourg: au lieu de confirmer les droits de la Russie il y apportait des changements et des restrictions. La rédaction même du projet fut reconnue „vague, embarrassée et prolixe".

Le gouvernement impérial ne jugeait pas possible de sanctionner le projet anglais de convention. Mais, d'une autre part, il se sentait très embarrassé de la nécessité impérieuse de le dire ouvertement au gouvernement anglais à la tête duquel se trouvait placé lord Aberdeen, le seul ami de la Russie. L'Empereur Nicolas I résolut tout de même de ne pas accepter le projet anglais de convention et de donner la préférence à une combinaison proposée par le Cabinet de Vienne, sur l'équité duquel il croyait pouvoir compter à cette époque — elle consistait dans une note diplomatique, sous forme d'ultimatum, que la Porte aurait à signer. On faisait en même temps comprendre au Cabinet anglais

зать, въ концѣ іюня, что „по всей вѣроятности мы выйдемъ съ честью и съ миромъ изъ восточнаго кризиса".

Государственный Канцлеръ былъ чрезвычайно радъ мысли лорда Эбердина о заключеніи, при посредничествѣ Англіи и Австріи, конвенціи съ Турціею. „Намъ нужно надѣяться", писалъ онъ 4 (16-го) іюня барону Бруннову, „что настоящій кризисъ разрѣшится, безъ серьезнаго нарушенія мира, посредствомъ соглашенія, соотвѣтствующаго какъ нашему достоинству, такъ и интересамъ православія. Вотъ почему Государь вамъ поручаетъ употребить всѣ ваши усилія для утвержденія великобританскаго кабинета въ его мысли сдѣлать намъ свои предложенія чрезъ посредство Вѣнскаго двора... Изъ всѣхъ способовъ покончить съ кризисомъ ни одинъ не соотвѣтствуетъ больше нашимъ желаніямъ, какъ конвенція, придуманная лордомъ Эбердиномъ".

Барону Бруннову Государь справедливо приписывалъ всю заслугу такого благопріятнаго оборота дѣлъ и поручилъ Государственному Канцлеру выразить ему его монаршую признательность за „тактъ, искусство и умъ", съ которыми онъ велъ эти чрезвычайно важные и сложные дипломатическіе переговоры.

Но эта надежда на мирное разрѣшеніе возникшаго кризиса была весьма непродолжительна. Сообщенный сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ англійскій проектъ русско-турецкой конвенціи былъ признанъ въ С.-Петербургѣ весьма неудовлетворительнымъ: онъ не столько подтверждалъ права Россіи, сколько ихъ видоизмѣнялъ и ограничивалъ. Самая редакція проекта была признана „неясною, запутанною и многорѣчивою".

Императорское правительство не нашло возможнымъ одобрить англійскій проектъ конвенціи. Но, съ другой стороны, его чрезвычайно затрудняла неотложная необходимость сказать это откровенно англійскому правительству, во главѣ котораго стоялъ „единственный другъ" Россіи — лордъ Эбердинъ. Императоръ Николай I всетаки рѣшился предпочесть англійскому проекту придуманную Вѣнскимъ Кабинетомъ (въ добросовѣстность котораго онъ еще вѣрилъ) дипломатическую ноту, въ видѣ ультиматума, которую Порта должна была подписать. Англійскому же кабинету было дано понять, что лучшее средство для мирнаго разрѣшенія кризиса, это — немедленное отозва-

que le moyen le plus efficace pour une solution pacifique de la crise serait le rappel immédiat de lord Redcliffe de Constantinople. (Lettres du comte Nesselrode au baron Brunnow du 18 (30) juillet, 1 (13) août, 29 août (10 septembre) 1853).

Le représentant de Russie à la Cour de Londres ne se livrait pas au désespoir, mais appliquait toute son énergie pour paralyser les menées du gouvernement français dans cette capitale et de ses amis parmi les ministres anglais. Ses efforts ne furent pas couronnés de succès. La flotte anglaise franchit les Dardanelles et le baron Brunnow se félicitait d'avoir réussi à empêcher la réunion des deux escadres au moment où celle de la France pénétrait également dans la mer de Marmara.

A la suite de cette violation de la convention des détroits de 1841, il y a eu entre le représentant de Russie et le premier ministre d'Angleterre un échange d'idées au sujet de ce pacte mémorable, qui mérite encore aujourd'hui la plus sérieuse attention. Lord Aberdeen s'adressa au baron Brunnow, comme à l'auteur principal de la convention de 1841, avec la question suivante:

„Je désirerais que vous me donniez votre avis sur le sens littéral du traité de 1841, dont vous êtes signataire. Une différence d'opinion s'élève sur l'interprétation de ce traité. On nous dit qu'en vertu de cet acte nous sommes tenus de venir en aide à la Turquie, si elle est menacée dans son repos. Comment entendez-vous cet engagement?"

Le baron Brunnow répondit qu'à son avis un engagement de cette nature n'existait pour aucune des Puissances contractantes. Lors de la conclusion du traité de 1841, on avait songé en effet à y inclure un article spécial de garantie. „Mais", poursuit le baron Brunnow, „je m'y suis opposé. Cette suggestion n'a pas été mise en avant par l'Angleterre. Elle provenait du plénipotentiaire autrichien. Lord Palmerston m'a prêté alors son appui pour écarter cette proposition... C'est donc, de l'assentiment et avec le concours du gouvernement de Sa Majesté Britannique que l'idée d'une garantie spéciale à insérer dans le traité, a été combattue et finalement abandonnée. Le préambule du traité exprime le *désir* du maintien de la Turquie dans son intégrité; mais il n'en contracte nullement *l'obligation*. Ce considérant n'est pas un

ніе лорда Редклифа изъ Константинополя. (Письма графа Нессельроде къ барону Бруннову отъ 18 (30-го) іюля, 1 (13-го) августа и 29 августа (10-го сентября) 1853 г.).

Представитель Россіи при Лондонскомъ дворѣ не поддавался отчаянію, но энергически старался парализовать всѣ происки французскаго правительства въ Лондонѣ и его друзей въ средѣ англійскихъ министровъ. Однако, его усилія далеко не увѣнчались желательнымъ успѣхомъ. Англійскій флотъ вошелъ въ Дарданеллы, и баронъ Брунновъ былъ счастливъ, что ему удалось предупредить соединеніе англійской эскадры съ судами французской эскадры, которыя также вошли въ Мраморное море.

По поводу такого нарушенія конвенціи о проливахъ 1841 г. между представителемъ Россіи и первымъ министромъ Англіи произошелъ обмѣнъ мыслей относительно этого знаменитаго акта, заслуживающій и въ настоящее время самого серьезнаго вниманія. Лордъ Эбердинъ обратился къ барону Бруннову, какъ главному творцу конвенціи 1841 года, съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Я бы желалъ", сказалъ онъ, въ началѣ іюня, барону Бруннову, „чтобъ вы мнѣ высказали ваше мнѣніе насчетъ буквальнаго смысла трактата 1841 года, вами подписаннаго. Возникло разногласіе въ толкованіи этого трактата. Насъ увѣряютъ, что въ силу этого акта мы обязаны придти на помощь Турціи, если ея спокойствію угрожаетъ опасность. Въ какомъ смыслѣ понимаете вы этотъ актъ"?

Баронъ Брунновъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, подобнаго обязательства не существуетъ ни для одной изъ договорившихся державъ. Во время заключенія трактата 1841 г. дѣйствительно думали включить въ него особенную статью о гарантіи. „Но", продолжаетъ баронъ Брунновъ, „я воспротивился этому. Эта мысль исходила не отъ Англіи, но отъ уполномоченнаго Австріи. Лордъ Пальмерстонъ помогъ мнѣ, чтобъ устранить это предложеніе... Стало быть, съ согласія и при помощи великобританскаго правительства мысль о включеніи въ трактатъ статьи объ особенной гарантіи была опровергнута и, въ концѣ концовъ, оставлена. Въ предисловіи этого трактата выражается *желаніе* о сохраненіи неприкосновенности Турціи, но вовсе не устанавливается *обязательства*. Вводное объ этомъ со-

engagement, en droit strict; c'est la préface d'une stipulation qui se rapporte *uniquement à la fermeture des détroits, en temps de paix.*" (Rapport du baron Brunnow du 3 (15) juin 1853).

En juin 1853 le chef du Cabinet anglais avait reconnu la justice des arguments du ministre de Russie et convenait avec lui que le passage des détroits par les bâtiments anglo-français constituait une violation du traité de 1841. Après avoir écouté les considérations susmentionnées du baron Brunnow, lord Aberdeen confirmait encore une fois sa décision inébranlable de se retirer des affaires. C'est „avec une émotion profonde" qu'il dit au ministre de Russie ces paroles significatives: „l'homme qui jettera le monde dans un abîme de malheur pour une cause que, pour ma part, je ne crois pas juste, se chargera d'une responsabilité, qu'en ma conscience, je ne veux pas accepter. Je ne terminerai pas ma carrière par faire la guerre, — une guerre de révolution, — une guerre subversive de l'ordre social. Mon parti est pris. Je ne ferai pas cette guerre là. Tenez cela pour bien certain". Le premier ministre se trouvait constamment dans cet abattement d'esprit durant l'année 1853. Il n'avait pas moins des moments de sérénite, où il espérait qu'on n'en viendrait pas à la guerre et que toute cette crise finirait par un accord pacifique entre la Russie et l'Angleterre au sujet d'un partage de l'Empire Ottoman.

C'est dans ce sens que lord Aberdeen s'exprimait encore au mois d'août presque à la veille du jour, où la Porte déclarait la guerre à la Russie.

„Dieu veuille", disait lord Aberdeen au baron Brunnow, „que nous sortions bientôt du dilemme actuel dans lequel nous sommes tombés malgré nous. Alors notre route sera de nouveau déblayée d'obstacles à l'avenir, et nous pourrons réprendre confiance les uns envers les autres. Cela sera indispensable pour nous lorsqu'il surgira des difficultés que je prevois, quant à la Turquie. *J'ai cessé de croire qu'elle puisse se maintenir à la longue. Elle est trop épuisée.* J'avais toujours pensé que nous ne vivrions pas assez longtemps pour nous occuper de cette éventualité. *Elle me paraît peu éloignée, dès ce moment.* Tâchons seulement de nous débarrasser d'abord de la crise actuelle, pour avoir ensuite un meilleur point de départ". (Lettre du baron Brunnow du 12 (24) août 1853).

ображеніе не есть, строго говоря, обязательство. Это — предисловіе къ постановленію, *исключительно относящемуся къ закрытію проливовъ, въ мирное время*". (Донесеніе барона Бруннова отъ 3 (15-го) іюня 1853 г.).

Въ іюнѣ 1853 г. англійскій премьеръ убѣдился доводами русскаго посланника и согласился съ нимъ въ томъ, что только съ нарушеніемъ конвенціи 1841 г. англо-французскія военныя суда могутъ проходить чрезъ проливы. Выслушавъ вышеприведенныя соображенія барона Бруннова, лордъ Эберднпъ еще разъ подтвердилъ свое непоколебимое рѣшеніе подать въ отставку. Съ чувствомъ „глубокой грусти" онъ сказалъ посланнику: „Тотъ человѣкъ, который повергнетъ міръ въ пропасть несчастія за дѣло, которое я лично считаю несправедливымъ, приметъ на себя отвѣтственность, которую я, по совѣсти, не хочу на себя принять. Я не кончу своей карьеры войною, — войною революціонною, — войною, которая низвергнетъ общественный порядокъ. Мое рѣшеніе принято. Я не начну такой войны. Въ этомъ будьте вполнѣ увѣрены". Въ такомъ удрученномъ состояніи духа постоянно находился англійскій первый министръ въ продолженіи 1853 г. Но любопытно, что бывали у него и свѣтлыя минуты, когда онъ надѣялся, что войны всетаки не будетъ и что весь кризисъ кончится — мирнымъ соглашеніемъ между Россіею и Англіею о раздѣлѣ Оттоманской имперіи!

Въ этомъ смыслѣ высказался лордъ Эберднпъ еще въ августѣ мѣсяцѣ, почти наканунѣ объявленія войны Турціею Россіи.

„Дай Богъ", сказалъ лордъ Эберднпъ барону Бруннову, „чтобъ мы поскорѣе вышли изъ настоящей дилеммы, въ которую мы попали вопреки нашему желанію. Тогда нашъ путь въ будущемъ опять будетъ свободенъ отъ препятствій, и мы опять можемъ довѣриться другъ другу. Это будетъ необходимо для насъ, если возникнутъ въ отношеніи Турціи затрудненія, которыя я предвижу. *Я пересталъ вѣрить, чтобъ она могла долго держаться. Она слишкомъ истощена.* Я всегда думалъ, что мы не проживемъ достаточно долго, чтобъ заниматься этою случайностью. *Въ настоящее время она мнѣ кажется весьма близкою.* Постараемся только освободиться, прежде всего, отъ настоящаго кризиса, чтобъ имѣть впослѣдствіи лучшую точку отправленія". (Письмо барона Бруннова отъ 12 (24-го) августа 1853 г.).

*

On peut se représenter facilement l'impression profonde que ces aveux du premier ministre d'Angleterre devaient produire sur l'esprit de l'Empereur Nicolas I, qui ne cessait de démontrer l'imminence de la chute de l'Empire Ottoman et l'inéluctable nécessité de son partage. L'Empereur fut agréablement surpris de cette franchise de lord Aberdeen. Il souligne à plusieurs reprises les paroles du ministre anglais, ci-dessus soulignées au sujet de la dissolution de l'Empire Ottoman et inscrivit en marge ce seul mot: „*Enfin!!!!!!*" Mais ce mot était éloquent.

Le baron Brunnow était moins frappé de la franchise de lord Aberdeen connaissant combien son caractère était impressionnable et combien il désirait sincèrement le maintien de la paix. Il crut de son devoir de mettre en garde son gouvernement contre la mobilité de caractère du premier ministre et l'hostilité générale des Anglais à l'égard de la Russie.

„Nous traversons une crise pénible", écrivait-il au comte Nesselrode à la date du 30 septembre (12 octobre), „où les mauvais jours alternent avec les lueurs d'espoir. Durant le cours de cette fièvre intermittente, l'Angleterre a tantôt le délire, tantôt un retour de raison. Ne me demandez pas lequel des deux finira par l'emporter." „Lord Aberdeen", poursuit le baron Brunnow, „supplie l'Empereur de l'aider cette fois-ci à conserver la paix. A son avis, la dissolution de la Turquie est une éventualité peu éloignée."

D'ailleurs le baron Brunnow prévoyait qu'il serait impossible de retenir l'Angleterre sur la pente glissante dans laquelle elle s'est engagée, vu que la crise d'Orient était exploitée par les partis politiques pour „lesquels les Turcs ne sont qu'un prétexte". Après tout les whigs ne désirent que de se débarrasser de lord Aberdeen et jeter par dessus bord les adhérents du parti de Robert Peel. „C'est une pauvre intrigue de sérail", s'écriait le baron Brunnow. „L'opinion publique, faussée par ces maudits journaux, hurle la guerre".

Il serait permis de douter de la justice de cette appréciation de la crise politique de 1853. Il serait difficile d'admettre que la lutte des partis politiques en Angleterre fût la seule cause des dispositions hostiles de la nation à l'égard de la Russie. Le désir de lord Derby et de lord Palmerston d'arracher le pouvoir des mains de lord Aberdeen pouvait-il seul amener une guerre ouverte avec la Russie? Le baron Brunnow lui-

Не трудно себѣ представить, какое глубокое впечатлѣніе эти признанія англійскаго перваго министра должны были произвести на Императора Николая I, который не уставалъ доказывать неминуемость кончины Оттоманской имперіи и неизбѣжность раздѣла турецкихъ владѣній. Государь былъ удивленъ и обрадованъ откровенностью лорда Эбердина. Онъ нѣсколько разъ подчеркнулъ вышеозначенныя слова лорда относительно паденія Оттоманской имперіи и написалъ напротивъ нихъ только одно слово: „*Enfin!!!!!!*" Но это слово весьма краснорѣчиво.

Баронъ Брунновъ менѣе удивлялся откровенности лорда Эбердина, зная его впечатлительный характеръ и искреннѣйшее желаніе поддерживать миръ. Но онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить свое правительство о крайней неустойчивости характера англійскаго премьера и о повальной враждебности Англичанъ къ Россіи.

„Мы переживаемъ тяжелый кризисъ", писалъ онъ 30 сентября (12-го октября) графу Нессельроде, „когда дурные дни смѣняются проблесками надежды. Въ продолженіи этой перемежающейся лихорадки, у Англіи то бредъ, то возвратъ сознанія. Не спрашивайте меня, что изъ двухъ одержитъ наконецъ верхъ"... „Лордъ Эбердинъ", продолжаетъ Брунновъ, „умоляетъ Государя помочь ему спасти этотъ разъ миръ. По его мнѣнію, распаденіе Турціи есть событіе, которое очень недалеко".

Впрочемъ, по мнѣнію барона Бруннова, удержать Англію на скользкомъ пути, на который она вступила, будетъ почти невозможно, потому что кризисомъ въ Восточномъ вопросѣ воспользовались политическія партіи, для которыхъ „Турки служатъ только предлогомъ". На самомъ же дѣлѣ виги, во что бы то ни стало, желаютъ освободиться отъ лорда Эбердина и потомъ выбросить за бортъ и приверженцевъ партіи Пиля. „Это — мизерная интрига сераля"! — восклицаетъ баронъ Брунновъ, „и общественное мнѣніе, извращенное этими проклятыми газетами, вопитъ за войну".

Позволительно сомнѣваться въ основательности такой оцѣнки политическаго кризиса 1853 г. Едва ли борьба политическихъ партій въ Англіи была единственною причиною враждебнаго настроенія англійскаго народа противъ Россіи. Едва ли желаніе лордовъ Дерби и Пальмерстона вырвать власть изъ рукъ лорда Эбердина могло привести къ открытой войнѣ съ Россіею. Самъ баронъ Брунновъ не-

même signalait, plus d'une fois, d'autres causes plus sérieuses. Il n'était guère juste de représenter la guerre de Crimée comme le résultat d'une „pauvre intrigue de sérail". Mais cette appréciation de la crise d'Orient qui trahissait un profond sentiment de mépris eut les suffrages de l'Empereur Nicolas I qui à côté des mots „intrigue de sérail" inscrivit ce seul mot: *„voilà!"*

Toutefois pour être juste il faut dire que le représentant de Russie à la Cour de Londres ne cédait que rarement et pour de courts moments à ces sentiments de mépris et d'humeur; il s'épuisait en efforts, d'une part, pour arrêter l'Angleterre d'une rupture avec la Russie et, de l'autre, pour convaincre son gouvernement de la nécessité absolue du maintien de la paix. Nous croyons devoir signaler une lettre très intéressante, sous ce rapport, adressée au Chancelier de l'Empire le 20 mai (1 juin) 1853, dans laquelle il s'applique à décider la question fatale de l'utilité que pourrait offrir à la Russie une guerre pour la défense des sujets chrétiens du Sultan. Le baron Brunnow donne la réponse suivante, très judicieuse, au sujet de cette très ancienne question, qui ne garde pas moins un intérêt d'actualité:

„La guerre détruirait l'Empire Ottoman. Elle mettrait en lambeaux ce même traité de Kaïnardji que nous tenons à l'honneur de conserver intact. Elle ferait naître des débris de la Turquie toute sorte de nouveaux Etats; — aussi ingrats envers nous que l'a été la Grèce; — aussi incommodes pour nous que le sont les Principautés Danubiennes; — et de plus, — un ordre de choses à venir, où notre influence sera plus combattue, plus restreinte par les rivalités de la France, de l'Angleterre et même de l'Autriche, qu'elle ne l'a été jusqu'ici sous le régime ottoman".

„Donc la guerre, dans ses résultats, ne pourra pas tourner à l'avantage de nos intérêts directs. Nous verserons notre sang et nous répandrons nos trésors pour que le roi Othon gagne la Thessalie; que les Anglais prennent quelques îles de plus à leur convenance; que les Français en ayent leur part; et que l'Empire ottoman se transforme en Etats indépendants, qui deviendront pour nous ou des protégés onéreux ou des voisins hostiles".

однократно указывалъ на другія, болѣе глубокія, причины. Признать Крымскую войну результатомъ „мизерной интриги сераля"—едва ли было справедливо. Но эта оцѣнка восточнаго кризиса, въ которой звучитъ чувство явнаго презрѣнія, очень понравилась Императору Николаю I, написавшему противъ словъ: „интрига сераля" только одно слово: *„voilà!"*

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что чувства презрѣнія или досады рѣдко и не надолго завладѣвали представителемъ Россіи при Лондонскомъ дворѣ: онъ не только выбивался изъ силъ, чтобъ остановить Англію отъ разрыва съ Россіею, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми силами старался убѣдить свое собственное правительство въ абсолютной необходимости поддерживать миръ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія письмо его къ Государственному Канцлеру отъ 20 мая (1-го іюня) 1853 г., въ которомъ онъ замѣчательно вѣрно разрѣшаетъ роковой вопросъ: какую пользу можетъ принести Россіи война изъ-за христіанскихъ подданныхъ султана? На этотъ старый и всетаки современный вопросъ баронъ Брунновъ даетъ слѣдующій очень остроумный отвѣтъ.

„Война", пишетъ онъ, „разрушитъ Оттоманскую имперію. Она обратитъ въ клочки тотъ самый Кайнарджійскій трактатъ, который мы признаемъ себя обязанными сохранять въ цѣлости. Она создастъ на развалинахъ Турціи всевозможныя новыя государства, которыя будутъ въ отношеніи насъ столь же неблагодарны, какъ была Греція; которыя настолько же будутъ неудобны для насъ, какъ Дунайскія княжества въ настоящее время; и, что еще хуже, она создастъ въ будущемъ такой порядокъ вещей, при которомъ наше вліяніе еще больше будетъ встрѣчать противодѣйствія и будетъ ограничиваемо соперничествомъ со стороны Франціи, Англіи и даже Австріи, чѣмъ было до сихъ поръ, во время господства Турокъ".

„Слѣдовательно, война, въ своихъ конечныхъ результатахъ, не можетъ принести никакой пользы нашимъ прямымъ интересамъ. Мы будемъ проливать нашу кровь и тратить наши деньги для того, чтобъ король Оттонъ пріобрѣлъ Ѳессалію; чтобъ Англичане забрали нѣсколько новыхъ островововъ, имъ удобныхъ; чтобъ Французы имѣли въ этомъ дѣлежѣ свою часть, и чтобъ Оттоманская имперія замѣнилась независимыми государствами, которыя сдѣлаются для насъ или обременительными покровительствуемыми, или враждебными сосѣдями".

„Voilà, à mes yeux, le résultat probable de la guerre. S'il le faut, nous devons nous y résigner. Mais, s'il y a moyen de l'éviter, je le crois, cela vaudra mieux. Car là, où il n'y a rien à gagner, je me dis qu'il y a plutôt quelque chose à perdre".

Le baron Brunnow avoue qu'il a été amené à ces réflexions par ses entretiens avec le représentant de la Grèce à la Cour de Londres qui désire sincèrement l'explosion de la guerre, dont tout le poids tomberait sur la Russie et dont tous les avantages pourraient tourner au profit de l'Empire de Byzance.

„Cette ardeur hellénique", termine sa lettre le baron Brunnow, „me calme infiniment, au point de vue de nos intérêts russes... Je suis de ceux qui croyent que la Russie est faite pour elle-même, et qu'elle n'est pas née pour les beaux yeux de Thémistocle".

On ne saurait nier que ces réflexions du baron Brunnow attestent une appréciation profonde et juste des véritables intérêts de la Russie dans le domaine de la fameuse question d'Orient. Mais cette vérité éternelle et immuable que la Russie existe pour les Russes et non pour les chrétiens en Turquie n'a réussi ni à prévenir la guerre sanglante de 1853, ni à empêcher, 24 ans plus tard, la nation russe à accomplir de nouveaux exploits héroïques pour ces ingrates populations chrétiennes de l'Empire ottoman.

En 1853 les événements marchaient à pas de géant vers un dénouement précipité. Lorsque les escadres française et anglaise franchissaient les Dardanelles et lord Aberdeen croyait pouvoir justifier cette violation flagrante de la convention de 1841 par la nécessité de protéger le trône du sultan contre l'explosion du fanatisme musulman, le baron Brunnow fit observer très judicieusement au premier ministre que l'armée russe ne pouvait pas abandonner les Principautés Danubiennes, car les populations chrétiennes locales devaient redouter une explosion analogue. De plus, la présence de l'escadre anglo-française sous les murs de Constantinople devait plutôt provoquer le fanatisme musulman, que le calmer. Enfin, le baron Brunnow protestait énergiquement contre la violation de la convention de 1841, en démontrant que la guerre n'étant pas encore déclarée entre la Russie et la Porte, le sultan n'avait pas le droit d'invoquer l'appui des flottes anglaise et française.

Lord Aberdeen écoutait toutes ces objections du représentant de Russie avec „un morne

„Вотъ, по моему мнѣнію, вѣроятный результатъ войны. Если нужно, мы должны ее предпринять. Но если есть средство избѣгнуть ея, то, я думаю, это было бы лучше, ибо тамъ, гдѣ ничего нельзя выиграть, мнѣ кажется, скорѣе можно что нибудь потерять".

Баронъ Брунновъ сознается, что на всѣ эти соображенія его навели бесѣды съ представителемъ Греціи при Лондонскомъ дворѣ, который искреннѣйше желалъ возникновенія войны, всю тяжесть которой должна принять на себя Россія и всѣ выгоды отъ которой надѣется получить Византійская имперія.

„Это греческое рвеніе", заключаетъ свое письмо баронъ Брунновъ, „чрезвычайно меня охлаждаетъ въ виду интересовъ Россіи... Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые убѣждены, что Россія существуетъ для самой себя и что она родилась не для прекрасныхъ глазъ Ѳемистокла!"

Нельзя не признать въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ барона Бруннова весьма трезваго и глубокаго пониманія насущныхъ интересовъ Россіи въ области пресловутаго Восточнаго вопроса. Но вѣчная и неизмѣнная истина, что Россія существуетъ для Русскихъ, а не для турецкихъ христіанъ, не предупредила, въ 1853 году, кровопролитной войны и не остановила, 24 года позже, совершенія новыхъ геройскихъ подвиговъ со стороны русскаго народа на пользу „неблагодарныхъ" христіанскихъ народовъ Оттоманской имперіи.

Въ 1853 году событія шли исполинскими шагами къ своей развязкѣ. Когда англійская и французская эскадры вошли въ Дарданеллы, и лордъ Эбердинъ оправдывалъ такое открытое нарушеніе конвенціи 1841 года необходимостью спасти тронъ самого султана отъ взрыва мусульманскаго фанатизма, баронъ Брунновъ весьма ловко замѣтилъ премьеру, что русскія войска не могутъ покинуть Дунайскихъ княжествъ, ибо мѣстное христіанское населеніе также должно бояться взрыва мусульманскаго фанатизма. Сверхъ того, присутствіе англо-французскаго флота предъ Константинополемъ должно скорѣе вызвать фанатизмъ мусульманъ, нежели его усмирить. Наконецъ, баронъ Брунновъ энергически протестовалъ противъ нарушенія конвенціи 1841 года, доказывая, что такъ какъ еще нѣтъ войны между Россіею и Турціею, то султанъ не имѣлъ права призывать на помощь англійскій и французскій флоты.

Лордъ Эбердинъ выслушалъ всѣ эти возраженія представителя Россіи „съ грустью и

abattement". „Il était inutile de le convaincre", poursuit le baron Brunnow. „Il l'était. Mais il devenait également superflu de chercher à l'encourager à marcher dans une meilleure voie, car déjà il sent qu'il touche à la fin de sa carrière politique. Voici, Monsieur le Chancelier, le vrai de la situation".

D'ailleurs, bien que les affaires politiques en Orient se compliquaient de plus en plus le premier ministre gardait encore l'espoir qu'on n'en viendrait pas à une collision entre la Russie et l'Angleterre. Il ne pouvait pas empêcher les Turcs de déclarer la guerre à la Russie, mais il contenait l'ardeur de ses collègues au ministère qui réclamaient son consentement à l'entrée des bâtiments anglo-français dans la mer Noire. Il applaudissait aux entrevues des trois souverains de Russie, d'Autriche et de Prusse à Olmütz et à Varsovie espérant que la paix reposerait sur des bases inébranlables. (Voir t. VIII, pag. 430 et suiv.). Lord Aberdeen avouait lui-même qu'on le croyait vendu à la Russie, il ne s'épuisait pas moins en efforts pour trouver un moyen quelconque de rapprochement entre la Russie et la Porte. Il imagina un nouveau projet de note que les quatre Puissances auraient à adresser à celle-ci pour lui recommander avec insistance de se réconcilier avec la Russie. Lorsqu'il conçut des doutes au sujet du succès de cette démarche, il s'arrêta à la pensée que le Cabinet de Vienne devait assumer le rôle principal dans les négociations diplomatiques pour calmer la Porte qui devenait hautaine outre mesure. Enfin, il restait encore un ancre de salut pour lord Aberdeen — c'était la générosité de l'Empereur de Russie et il y faisait appel à maintes reprises par l'entremise du baron Brunnow et de sir Hamilton Seymour.

Le représentant de Russie à la Cour de Londres ne décourageait pas les espérances du premier ministre d'Angleterre au sujet de la patience généreuse de son souverain, mais il lui répétait, en même temps, qu'il y a des bornes à toute patience. Aussi ne pouvait-il approuver le projet d'une note à adresser par les quatre Puissances; à son avis, une fois que la guerre a été déclarée par la Porte et que le sang a été versé en Europe et en Asie, il fallait conclure un traité de paix et non signer une note diplomatique. Le baron Brunnow savait également que cette longaminité de son souverain, en présence des provocations de la Porte, avait surpris

унынiемъ". „Безполезно было его убѣждать", продолжаетъ баронъ Брунновъ. „Онъ уже былъ убѣжденъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было равнымъ образомъ излишне стараться уговорить его слѣдовать по лучшему пути, ибо онъ уже чувствуетъ, что приближается конецъ его политической карьеры. Вотъ, Г. Государственный Канцлеръ, истина о настоящемъ положенiи вещей".

Впрочемъ, несмотря на поступательное осложненiе политическихъ дѣлъ на Востокѣ, англiйскiй премьеръ не терялъ надежды, что всетаки войны Англiи съ Россiею не будетъ. Онъ не могъ остановить Турокъ отъ объявленiя войны Россiи, но онъ остановилъ своихъ коллегъ по министерству, требовавшихъ вступленiя англо-французскихъ судовъ въ Черное море. Онъ радовался свиданiямъ трехъ монарховъ Россiи, Австрiи и Пруссiи въ Ольмюцѣ и Варшавѣ, надѣясь, что миръ будетъ обезпеченъ на самыхъ незыблемыхъ основанiяхъ. (Срав. т. VIII, стр. 430 и слѣд.) Лордъ Эбердинъ самъ признавался, что его считали продавшимся Россiи, но онъ всетаки неутомимо старался отыскивать новыя средства для примиренiя съ Турцiею. Онъ изобрѣлъ проектъ новой ноты отъ имени четырехъ державъ къ Портѣ, въ которой послѣдней настоятельнымъ образомъ совѣтуется примириться съ Россiею. Когда его одолѣло сомнѣнiе насчетъ успѣха этого шага, онъ пришелъ къ убѣжденiю, что Вѣнскiй кабинетъ долженъ принять на себя главную роль въ дипломатическихъ переговорахъ съ цѣлью усмирить расходившуюся Турцiю. Наконецъ, послѣднимъ и единственнымъ якоремъ спасенiя для лорда Эбердина осталось великодушiе русскаго Государя, и къ этому великодушiю онъ неоднократно обращался чрезъ барона Бруннова и сэра Гамильтона Сеймура.

Представитель Россiи при Лондонскомъ дворѣ не отнималъ надежды у англiйскаго перваго министра насчетъ великодушнаго терпѣнiя своего Государя. Но онъ неоднократно ему повторялъ, что всякому терпѣнiю бываетъ предѣлъ. Такъ, онъ не могъ одобрить мысли о нотѣ четырехъ державъ, потому что послѣ объявленiя войны со стороны Турцiи и послѣ пролитiя крови въ Европѣ и Азiи, нужно заключить трактатъ мира, а не подписывать дипломатическую ноту. Баронъ Брунновъ зналъ, что долготерпѣнiе Государя и его равнодушiе къ вызову, брошенному Турцiею, озадачили многихъ членовъ англiйскаго кабинета.

plusieurs membres du Cabinet anglais qui s'attendaient à voir la déclaration de guerre du gouvernement turc immédiatement suivie d'un mouvement agressif de l'armée russe. En attendant la Russie continuait à rester sur la défensive.

Lord Aberdeen convenait lui-même au ministre de Russie que cette attitude de l'Empereur avait étonné à un haut degré lord Landsdown et lord Russell. „Ce que je désire", disait-il à Brunnow, „c'est que Sa Majesté soit bien persuadée que sa modération contrarie le plus ses adversaires. Ce qu'ils veulent c'est de lasser sa patience, en la poussant à bout, afin de rejeter sur la Russie le tort de l'agression".

„C'est une politique misérable et détournée (shuffling) qui nous fait honte (sic!)", s'écriait le chef du gouvernement anglais lui-même. „Dans ce même but on voudrait amener une rencontre dans la mer Noire, si le mouvement de votre escadre en donne l'occasion. J'ai fait tout ce que j'ai pu pour empêcher le danger d'une semblable rencontre. Pendant l'hiver, elle me parait peu probable, si vous n'attaquez pas les ports turcs. Mais la possibilité en existe".

Lord Aberdeen ne s'en tint pas à ces confidences; après un moment de silence il ajoutait: „Si je pouvais compter sur Stratford (Redcliffe), je serais tranquille; mais le plus grand malheur est, quand on a affaire à un homme dont on se méfie, sans qu'on puisse s'en passer (sic!). Pourtant je dois dire qu'en tout dernier lieu, il parait avoir désapprouvé lui-même la conduite des Turcs. Il en est inquiet. La question est de savoir s'il a encore assez d'influence sur eux pour pouvoir les retenir, une fois qu'ils sont lancés. Nous allons bientôt le savoir. Ce que je crains c'est que ces brutes (sic!) soyent intraitables à l'heure qu'il est. Faut-il avoir du malheur pour être, malgré soi, traîné à la remorque de ces brutes qu'on méprise, sans qu'on soit libre de les abandonner à leur sort." (Rapport très secret du baron Brunnow du 17 (29) octobre 1853).

On peut se représenter facilement l'impression que ces confidences du premier ministre d'Angleterre devaient produire sur l'Empereur Nicolas I qui estimait sincèrement ce pays et

которые были вполнѣ убѣждены, что на объявленіе войны со стороны Порты Императоръ Николай I отвѣтитъ стремительнымъ наступленіемъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ, Россія продолжала сохранять свое оборонительное положеніе.

Самъ лордъ Эбердинъ сознался русскому посланнику, что такое поведеніе Государя совершенно поставило въ тупикъ лордовъ Ландсдоуна и Росселя. „Мое желаніе", сказалъ онъ Бруннову, „заключается въ томъ, чтобъ Его Величество вполнѣ убѣдился, что его умѣренность въ высшей степени неудобна его противникамъ. Все ихъ желаніе сводится къ тому, чтобы вывести его изъ терпѣнія и заставить его дойдти до крайности, чтобы свалить на Россію вину нападенія".

„Это жалкая и коварная (shuffling) политика", воскликнулъ самъ глава англійскаго правительства, „которая насъ срамитъ (sic!). Въ виду той же цѣли желаютъ вызвать столкновеніе въ Черномъ морѣ, если вашъ флотъ своими движеніями дастъ къ тому поводъ. Я все сдѣлалъ, что въ состояніи, для предупрежденія такого столкновенія. Въ продолженіи зимы это столкновеніе мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, если только вы не совершите нападенія на турецкіе порты. Но возможность стычки существуетъ".

Лордъ Эбердинъ не остановился на этихъ откровенностяхъ. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавилъ: „Еслибъ я могъ положиться на Стратфорда (Редклиффа), я былъ бы спокоенъ; но величайшее несчастіе заключается въ томъ, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, которому не довѣряешь, но безъ котораго нельзя обойтись (sic!) Впрочемъ, я долженъ сказать, что, въ самое послѣднее время, онъ, кажется, самъ начинаетъ осуждать поведеніе Турокъ. Оно его тревожитъ. Вопросъ въ томъ: сохранилъ ли онъ еще достаточно вліянія на нихъ, чтобъ быть въ силахъ ихъ удерживать, когда они уже закусили удила. Это мы скоро увидимъ. Но вотъ чего я боюсь: что эти скоты (sic!) сдѣлаются теперь несговорчивыми. Нужно же имѣть несчастіе быть вынужденнымъ, вопреки желанію, идти въ хвостѣ этихъ скотовъ, которыхъ презираешь, и не имѣть возможности предоставить ихъ собственной ихъ участи". (Весьма секретное донесеніе барона Бруннова отъ 17-го (29-го) октября 1853 года).

Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе эти откровенности перваго министра Англіи должны были произвести на Императора Николая I, который искренно почиталъ

cette nation. On a de la difficulté à comprendre comment le chef du gouvernement anglais, qui ressentait un si profond mépris pour les Turcs, pouvait consentir à unir les destinées de sa nation à celles de „ces brutes“! On ne saurait également comprendre comment le gouvernement anglais pouvait maintenir à l'ambassade de Constantinople un homme dont l'activité avait été reconnue pernicieuse par le premier ministre lui-même. Ce qui restera toujours une énigme c'est cette résolution prise par l'Angleterre, d'un coeur léger, de s'engager dans une guerre avec la Russie à cause de „ces brutes“ et de forcer ainsi celle-ci de chercher de son côté, à partir de l'année 1854, des occasions de nuire partout à une ancienne alliée et de se venger de l'injustice criante de la guerre de Crimée.

Le Chancelier de l'Empire ne trouvait qu'une seule explication à cette manière d'agir de l'Angleterre. „On dirait que tout le monde est devenu fou en Angleterre“, écrivait-il au baron Brunnow à la date du 21 septembre (3 octobre), et „que ce calme refléchi qui était le caractère proéminent des hommes d'Etat anglais a tout-à-fait disparu“.

Les débats du parlement anglais sur la question d'Orient ont contribué à confirmer le Chancelier de l'Empire dans ces idées. Par une singularité remarquable „le monarque le plus absolu de l'Europe“ trouvait de fidéles alliés et des partisans dans le camp des radicaux anglais, dans la personne de John Bright et Richard Cobden qui ne se lassaient pas de mettre en garde leurs compatriotes contre les conséquences incontestablement fatales de la guerre qui se préparait. Ils avaient parfaitement raison de en pas prendre au sérieux les cantiques de louange de lord Palmerston au sujet des progrès accomplis par la Turquie durant les trente dernières années, dans les voies de la civilisation.

Tous ces faits affligeaient profondément l'Empereur Nicolas I et son conseiller le plus intime. Tous les deux se refusaient de comprendre la cause „de ce sentiment de haine et de malveillance qui en conscience la Russie ne mérite pas de la part de l'Angleterre, qui a toujours trouvé en nous de fidèles et souvent de très utiles alliés.“ (Lettre du comte Nesselrode au baron Brunnow du 20 octobre (1 novembre) 1853).

En attendant, après la déclaration de la guerre à la Russie par la Porte et l'entrée de la flotte anglo-française dans la mer de Marmara, les opérations militaires entre les forces armées des

эту страну и ея народъ. Трудно было понять, какимъ образомъ глава англійскаго правительства, чувствовавшій такое глубокое презрѣніе къ Туркамъ, могъ согласиться связать судьбу своего народа съ судьбою этихъ „скотовъ“! Совершенно непонятно, какъ англійское правительство могло удерживать на посольскомъ постѣ въ Константинополѣ человѣка, дѣятельность котораго признавалась зловредною самимъ англійскимъ премьеромъ. Навсегда останется загадкою рѣшимость Англіи, „съ легкимъ сердцемъ“, вызвать войну съ Россіею изъ-за Турокъ-„скотовъ“ и *заставить* Россію, съ 1854 года, неутомимо искать случаевъ вредить, вездѣ и повсюду, своей старой союзницѣ, чтобы отомстить ей за вопіющую несправедливость Крымской войны.

Государственный Канцлеръ, графъ Нессельроде, нашелъ только одно объясненіе для такого образа дѣйствія Англіи: всѣ съ ума спятили въ Англіи! „Можно подумать“, писалъ онъ 21-го сентября (3-го октября) барону Бруннову, „что въ Англіи поголовное сумашествіе, и что разсудительное хладнокровіе, составлявшее особенное свойство характера англійскихъ государственныхъ людей, совершенно исчезло“.

Въ такомъ заключеніи подтверждали Государственнаго Канцлера, между прочимъ, пренія по Восточному вопросу, происходившія въ англійскомъ парламентѣ. Оказалось, что „абсолютнѣйшій изъ монарховъ Европы“ нашелъ вѣрныхъ союзниковъ и единомышленниковъ только въ средѣ англійскихъ радикаловъ, въ лицѣ Джона Брайта и Ричарда Кобдена, которые неутомимо и краснорѣчиво предостерегали своихъ соотечественниковъ насчетъ неизбѣжно пагубныхъ послѣдствій предстоящей войны. Они имѣли полное основаніе осмѣивать диѳирамбы лорда Пальмерстона о великихъ успѣхахъ Турціи, „за послѣдніе тридцать лѣтъ“, на пути культуры и цивилизаціи.

Всѣ эти факты глубоко опечалили Императора Николая I и его ближайшаго совѣтника. Они оба не въ состояніи были понять причины того „чувства ненависти и злобы, котораго по совѣсти не заслужила Россія со стороны Англіи, всегда находившей въ насъ вѣрныхъ и часто очень полезныхъ союзниковъ“. (Письмо графа Нессельроде къ барону Бруннову отъ 20-го октября (1-го ноября) 1853 г.).

Между тѣмъ, послѣ объявленія войны Россіи Турціею и прохода англо-французскаго флота въ Мраморное море, военныя дѣйствія между русскими и турецкими вооруженными

deux pays pouvaient à chaque instant accuser un caractère sérieux et cesser d'être de simples escarmouches comme c'était le cas jusqu'à présent. L'Empereur Nicolas I, par sa nature ennemi de toute équivoque, jugeait nécessaire de poser à l'Angleterre catégoriquement la question: quelle attitude elle se proposait d'assumer en cas de collisions sérieuses, en mer ou sur terre, entre les forces armées russes et turques? Par une dépêche du Chancelier de l'Empire du 14 (26) octobre 1853 le baron Brunnow fut chargé de poser cette fatale question à lord Aberdeen. Le baron Brunnow rendait compte de la manière dont il s'est acquitté de cette mission délicate dans son rapport du 26 octobre (7 novembre) sur lequel l'Empereur Nicolas I inscrivait, en grosses lettres, ces mots: „C'est infâme!“ La réponse du premier ministre d'Angleterre est si caractéristique que nous croyons devoir la reproduire ici textuellement presque *in extenso*. Ce qui lui prête en outre un intérêt particulier ce sont les annotations autographes de l'Empereur sur le rapport du baron Brunnow. Tout ce qui est souligné dans la réponse ci-dessous de lord Aberdeen et ce qui se trouve entre parenthèses, appartient au crayon de l'Empereur Nicolas I.

Lord Aberdeen fit la réponse suivante à la question que lui posait le ministre de Russie: „L'Angleterre n'entend pas faire la guerre à la Russie. Le gouvernement de Sa Majesté Britannique tient, à ce que la rupture, si elle a lieu, vienne de nous c. a. d. la Russie. Il évitera de prendre l'initiative d'une politique agressive envers nous. Il ne fera rien pour nous inquiéter dans la position que nous avons militairement prise sur la rive gauche du Danube, *tant que la guerre ne se transporte point sur la rive droite („et les Turcs peuvent inopinément passer à la rive gauche! Voilà un paradoxe digne des Anglais!“)*. Il ne se croira appelé à prêter une assistance matérielle à la Porte que dans le cas, où une attaque maritime de notre part serait dirigée contre l'un des ports turcs de la mer Noire. *Le cas échéant l'escadre anglaise couvrirait les ports contre notre mouvement offensif. En adoptant ce système, le gouvernement de Sa Majesté Britannique prétendrait encore ne point se trouver en guerre avec nous.“ („C'est infâme!“).*

силами могли, каждую минуту, принять самый серьезный оборотъ и не ограничиться одпѣми стычками, какъ до сихъ поръ. Императоръ Николай I, будучи по природѣ врагомъ всякихъ двусмысленностей, призналъ необходимымъ поставить англійскому правительству категорическій вопросъ: какъ оно думаетъ поступить въ случаѣ серьезнаго столкновенія, на морѣ или на сушѣ, между русскими и турецкими военными силами? Барону Бруннову Высочайше было поручено, депешею Государственнаго Канцлера отъ 14-го (26-го) октября 1853 г., поставить этотъ роковой вопросъ лорду Эбердину. Баронъ Брунновъ даетъ отчетъ объ исполненіи возложеннаго на него весьма щекотливаго порученія въ донесеніи отъ 26-го октября (7-го ноября), на которомъ Императоръ Николай I надписалъ, крупными буквами, слова: *„Это подло!“* Отвѣтъ англійскаго перваго министра до такой степени характеристиченъ, что мы считаемъ нашимъ долгомъ привести его, почти цѣликомъ, его собственными словами. Этотъ отвѣтъ получаетъ совершенно исключительный интересъ, благодаря собственноручнымъ помѣткамъ Государя на донесеніи барона Бруннова. Все, что подчеркнуто въ нижеслѣдующемъ отвѣтѣ лорда Эбердина и что поставлено въ скобкахъ, принадлежитъ карандашу Императора Николая I.

На поставленный русскимъ посланникомъ вопросъ лордъ Эбердинъ отвѣчалъ слѣдующее: „Англія не имѣетъ намѣренія воевать съ Россіею. Правительство Ея Великобританскаго Величества желаетъ, чтобъ разрывъ, если онъ произойдетъ, исходилъ бы отъ насъ, т. е. Россіи. Оно постарается не держаться противъ насъ наступающей политики. Оно ничего не предприметъ, чтобъ потревожить насъ въ военномъ положеніи, занимаемомъ нами на лѣвомъ берегу Дуная, *до тѣхъ поръ, пока война не перейдетъ на правый берегъ („и Турки могутъ нежданно перейдти на лѣвый берегъ! Вотъ парадоксъ, достойный Англичанъ!“)*. Оно сочтетъ себя обязаннымъ оказать матеріальную помощь Портѣ только въ томъ случаѣ, если съ моря послѣдуетъ, съ нашей стороны, нападеніе на одинъ изъ турецкихъ портовъ на Черномъ морѣ. *Въ послѣднемъ случаѣ англійская эскадра защититъ турецкіе порты противъ наступленія съ нашей стороны. Придерживаясь такого образа дѣйствія, правительство Ея Великобританскаго Величества все еще будетъ утверждать, что оно не находится въ войнѣ съ нами“. („Это подло!“).*

En dehors de cette curieuse déclaration, lord Aberdeen que le baron Brunnow et le gouvernement impérial continuaient à considérer comme „le seul ferme soutien“ de la paix entre la Russie et l'Angleterre, croyait devoir ajouter que le gouvernement anglais „ne se sent pas libre d'abandonner les Turcs à leur sort, car, en restant neutre durant la lutte, il livrerait l'Empire ottoman à une destruction certaine; catastrophe que l'Angleterre veut prévenir aussi longtemps qu'il est possible“. (*„Ainsi c'est la guerre! Soit!“*).

En reproduisant textuellement la réponse du chef du gouvernement anglais à la question qui lui était posée, le baron Brunnow ne pouvait s'empêcher de faire observer que la résolution à laquelle s'est arrêtée l'Angleterre était très étrange, car „elle enlève à la paix sa sécurité, tandis qu'elle conteste à la guerre son danger. On dirait que l'Angleterre manque de sagesse pour vivre en repos, et qu'elle manque de courage pour se battre. De là son indécision, sa politique tortueuse“.

En attendant, les flottes anglaise et française franchirent le Bosphore et pénétrèrent dans la mer Noire sous prétexte de prendre à bord, à Varna, les consuls des deux pays qui avaient quitté les Principautés Danubiennes. D'une autre part, le baron Brunnow, en prévision de l'issue fatale de la crise d'Orient, prenait toutes ses dispositions pour quitter Londres. Il réussit à retirer en temps utile de la Banque d'Angleterre plus d'un million de Livres sterling qui appartenait à la couronne. Il était fondé à croire que cette somme, si elle était restée en Angleterre jusqu'à la déclaration de guerre, eut été confisquée par le gouvernement anglais.

Il est curieux que, lorsque le baron Brunnow qui ne faisait pas mystère au premier ministre des dispositions qu'il avait prises, lui annonçait qu'il serait probablement dans le cas de quitter bientôt son poste, celui-ci répondait, avec un sangfroid imperturbable: „Eh bien, en ce cas, nous ne saurions pas dire au juste, si nous devons rappeler Hamilton Seymour, ou non. Je crois qu'il resterait, jusqu'à ce qu'il soit renvoyé par vous. Ici, on tient à ce que la rupture provienne de la Russie“. (Lettre du baron Brunnow au comte Nesselrode du 14 (26) novembre 1853).

Le baron Brunnow lui-même, qui avait une confiance sans borne en lord Aberdeen et l'esti-

Къ этой любопытнѣйшей деклараціи лордъ Эбердинъ, котораго баронъ Брунновъ и Императорское правительство продолжали считать „единственною крѣпкою опорою“ мира Россіи съ Англіею, еще прибавилъ, что Англійское правительство „не считаетъ себя въ правѣ предоставить Турокъ ихъ судьбѣ, ибо, оставаясь нейтральнымъ во время этой войны, оно вызоветъ неизбѣжное разрушеніе Оттоманской имперіи, т. е. катастрофу, которую Англія желаетъ отсрочить насколько возможно дольше“. (*„Итакъ это война съ нами! Хорошо!“*).

Передавая доподлинно отвѣтъ главы англійскаго правительства на поставленный ему вопросъ, баронъ Брунновъ не могъ не замѣтить, что рѣшеніе, принятое Англіею, чрезвычайно странно, потому что „оно уничтожаетъ безопасность мира и не признаетъ опасностей войны. Можно сказать, что Англіи недостаетъ ума, чтобъ жить спокойно, и недостаетъ мужества, чтобъ сражаться. Вотъ причина ея нерѣшительности и извилистой политики“.

Между тѣмъ, англійскій флотъ, вмѣстѣ съ французскимъ, прошелъ чрезъ Босфоръ въ Черное море, подъ предлогомъ необходимости принять въ Варнѣ англійскихъ и французскихъ консуловъ, покинувшихъ Дунайскія княжества. Съ другой стороны, баронъ Брунновъ, предвидя неизбѣжный роковой исходъ восточнаго кризиса, сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отъѣзду изъ Лондона. Ему удалось во-время вынуть изъ Англійскаго банка болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ, принадлежавшихъ нашей казнѣ. Онъ имѣлъ полное основаніе думать, что если эта сумма останется въ Англіи до объявленія войны, то будетъ конфискована англійскимъ правительствомъ.

Чрезвычайно любопытно, что когда баронъ Брунновъ, нисколько не скрывая отъ англійскаго премьера сдѣланныя имъ приготовленія къ отъѣзду, сказалъ ему, что онъ, вѣроятно, вскорѣ покинетъ свой постъ, лордъ Эбердинъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ: „Хорошо, но въ такомъ случаѣ мы не можемъ сказать съ точностью, должны ли мы отозвать Гамильтона Сеймура, или нѣтъ. Я думаю, что онъ останется на своемъ посту, пока вы не распорядитесь его выслать. Здѣсь настаиваютъ на томъ, чтобъ разрывъ исходилъ отъ Россіи“. (Письмо барона Бруннова къ графу Нессельроде отъ 14 (26-го) ноября 1853 г.).

Даже баронъ Брунновъ, относившійся всегда съ безграничнымъ довѣріемъ и искреннимъ

mait sincèrement, ne pouvait s'empêcher, en transmettant ces paroles, de s'écrier: „Tout cela est misérable!" Mais rien ne pouvait étonner le chef du Cabinet anglais. Il devint seulement un moment pensif lorsque le ministre de Russie lui fit la lecture du passage suivant d'une lettre du comte Nesselrode du 2 (14) novembre: „le système adopté par le Cabinet anglais est sans exemple et inouï dans les fastes de l'histoire". Lord Aberdeen ne resta pas longtemps pensif ne sachant pas évidemment s'il devait se fâcher ou en rire. Il ne fit ni l'un, ni l'autre, autant qu'on peut en juger d'après la lettre du baron Brunnow.

D'ailleurs, que lord Aberdeen se fut formalisé de cet incident ou qu'il en eut ri avec bonhomie, cela n'aurait en rien changé l'attitude emprunté de duplicité du gouvernement anglais. La réponse, donnée par le premier ministre à la question posée par le représentant de Russie devait dissiper tous les doutes au sujet des visées réelles de la politique anglaise. Toutefois l'Empereur Nicolas I aussi bien que le Chancelier de l'Empire se refusaient encore de croire à la possibilité d'une guerre entre la Russie et l'Angleterre, tellement elle leur paraissait, à tous deux, monstrueuse et contraire à toutes les traditions historiques et aux intérêts bien entendus des deux nations. L'Empereur renonçait à sa première résolution de considérer comme un *casus belli* l'entrée de l'escadre anglaise dans la mer de Marmara. Le baron Brunnow était autorisé de notifier au gouvernement anglais que, la guerre ayant été déclarée par la Porte à la Russie, la convention des détroits de 1841 avait cessé d'exister et que l'escadre anglo-française avait pu franchir les Dardanelles, sur l'invitation du Sultan. Mais, si l'escadre entrait dans la mer Noire, la Russie considérerait ce fait comme un *casus belli.* (Dépêche du comte Nesselrode du 14 (26) octobre 1853).

En présence de ces conjonctures le gouvernement impérial devait se convaincre de l'imminence d'une guerre, non seulement avec la Porte, mais encore avec l'Angleterre et la France. Comme lord Aberdeen a été reconnu comme un soutien peu sûr de la paix avec la Russie et que le baron Brunnow a cessé de conférer avec lord Clarendon à cause de sa „mauvaise foi" notoire, — il ne restait, comme dernière ressource, à l'Empereur Nicolas I qu'un recours direct à la reine Victoria, pour laquelle il entretenait de

уваженіемъ къ лорду Эбердину, не могъ не воскликнуть, послѣ передачи приведенныхъ словъ благороднаго лорда: „Все это позорно!" Но англійскій премьеръ былъ равнодушенъ. Онъ только немного призадумался, когда русскій посланникъ прочелъ ему слѣдующія слова изъ письма графа Нессельроде отъ 2-го (14-го) ноября: „система, принятая англійскимъ кабинетомъ, безпримѣрна и неслыханна въ лѣтописяхъ исторіи". Лордъ Эбердинъ призадумался, очевидно не зная: слѣдуетъ ли ему обидѣться, или смѣяться. Онъ не обидѣлся и не засмѣялся, — по крайней мѣрѣ, этого не видно изъ письма барона Бруннова.

Впрочемъ, ни то, ни другое не измѣнило бы невѣроятной фальши образа дѣйствія англійскаго правительства. Отвѣтъ, данный первымъ министромъ Англіи на поставленный ему представителемъ Россіи вопросъ, долженъ былъ устранить малѣйшее сомнѣніе насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей англійской политики. Однако, ни Императоръ Николай I, ни Государственный Канцлеръ графъ Нессельроде всетаки никакъ не хотѣли вѣрить въ возможность войны между Россіею и Англіею. До такой степени она казалась имъ чудовищною и противною какъ всѣмъ историческимъ традиціямъ, такъ и разумнымъ интересамъ обоихъ народовъ. Государь отказался отъ первоначальнаго своего рѣшенія усматривать *casus belli* во вступленіи англійской эскадры въ Мраморное море. Баронъ Брунновъ былъ уполномоченъ объявить англійскому правительству, что въ виду объявленія Турціею войны Россіи конвенція 1841 года о проливахъ перестала существовать и англо-французскія эскадры могли пройдти, по приглашенію султана, чрезъ Дарданельскій проливъ. Но если эти эскадры вступятъ въ Черное море, Россія сочтетъ этотъ случай за casus belli. (Депеша графа Нессельроде отъ 14 (26-го) октября 1853 г.).

Вслѣдствіе всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ Императорское правительство принуждено было убѣдиться въ неизбѣжности войны не только съ Турціею, но равнымъ образомъ съ Англіею и Франціею. И такъ какъ лордъ Эбердинъ оказался весьма ненадежною опорою мира съ Россіею, а съ лордомъ Кларендономъ баронъ Брунновъ пересталъ объясняться въ виду явной его „недобросовѣстности", то Императору Николаю I осталось, какъ послѣднее средство — личное

tout temps les sentiments d'une amitié très sincère et d'une confiance illimitée. Il est vrai qu'il ne devait pas ignorer les obstacles constitutionnels qui paralysaient la volonté personnelle de la reine d'Angleterre. L'Empereur n'espérait pas moins que la reine comprendrait combien il désirait vivement le maintien de la paix et qu'elle ferait tout ce qui était en son pouvoir pour prévenir une rupture définitive entre la Russie et l'Angleterre.

Il prit la résolution de s'adresser à la reine Victoria par une lettre, datée de Tsarskoe Sélo le 18 (30) octobre, et rédigée, d'un bout à l'autre, par le Souverain lui-même. Cette lettre, inspirée par les sentiments les plus chaleureux, devait, semble-t-il, produire une profonde impression. Nous nous bornerons à signaler les principaux passages de ce document historique.

„A la veille d'événements, peut-être fort graves", dit l'Empereur, „que Votre Majesté daigne donc excuser si je m'adresse droit à Elle, pour essayer de prévenir des calamités que nos deux pays ont un égal intérêt à éviter". Depuis longtemps déjà l'Empereur s'adressait au gouvernement anglais, par l'entremise de sir H. Seymour, pour élucider la situation politique du jour et pour écarter „toute divergence d'opinions entre nous". Le gouvernement anglais consentit alors à entrer dans un échange d'idées avec nous et énonçait ses vues sur les affaires d'Orient.

„Sûrs ainsi de ce que nous désirions de part et d'autre, par quelle fatalité devons nous donc, Madame, en venir à une mésintelligence aussi prononcée, sur des objets qui paraissaient convenus d'avance, car ma parole est engagée vis-à-vis de Votre Majesté, comme je crois celle du gouvernement anglais engagée de même vis-à-vis de moi. C'est à la justice, au coeur de Votre Majesté que j'en appelle, c'est à sa bonne foi et à sa sagesse que je m'en remets; qu'Elle daigne décider entre nous. Devons nous rester, comme je le souhaite ardemment, dans une bonne intelligence, également profitable à nos deux Etats, ou juge-t-Elle que le pavillon anglais doive flotter près du croissant pour combattre la croix de Saint André!!!"

Cet appel chaleureux de l'Empereur Nicolas I qui avait pour but de rendre la reine juge entre lui et les ministres britanniques ne devait pas aboutir au but désiré à cause du régime poli-

обращеніе къ королевѣ Викторіи, къ которой онъ всегда питалъ чувства самой искреннѣйшей привязанности и неограниченнаго довѣрія. Правда, онъ не могъ не знать конституціонныхъ тормазовъ, парализующихъ въ весьма значительной степени свободу воли англійской королевы. Но Государь всетаки надѣялся, что англійская королева пойметъ его безпредѣльную любовь къ миру и сдѣлаетъ все, что въ состояніи, для предупрежденія окончательнаго разрыва между Россіею и Англіею.

Онъ рѣшился обратиться къ королевѣ Викторіи съ письмомъ отъ 18 (30-го) октября, изъ Царскаго Села, составленнымъ, съ начала до конца, самимъ Государемъ. Это письмо отличается большою теплотою чувствъ и, казалось бы, должно было произвести глубокое впечатлѣніе. Мы ограничимся приведеніемъ главнѣйшихъ мѣстъ этого историческаго документа.

„Наканунѣ событій, можетъ быть весьма серьезныхъ, да соизволите Ваше Величество извинить, если я обращаюсь прямо къ Вамъ, съ цѣлью попытаться предупредить бѣдствія, которыхъ избѣгнуть одинаково заинтересованы обѣ наши страны". Уже давно, чрезъ посредство сэра Г. Сеймура, Государь обращался къ англійскому правительству для выясненія современнаго положенія и для устраненія „малѣйшаго разногласія между нами". Тогда англійское правительство вступило въ обмѣнъ мыслей и выражало свои взгляды на восточныя дѣла.

„Будучи такимъ образомъ освѣдомленными въ томъ, чего желаетъ каждая сторона, какой злой рокъ заставляетъ насъ, Государыня, дойдти до такого открытаго антагонизма въ отношеніи предметовъ, касательно которыхъ, казалось бы, уже впередъ состоялось соглашеніе, ибо мое слово дано Вашему Величеству, и я думаю, что слово великобританскаго правительства точно также связано относительно меня. Я обращаюсь къ справедливости, къ сердцу Вашего Величества; я полагаюсь на вашу добросовѣстность и мудрость. Благоволите разсудить между нами. Должны ли мы пребывать, какъ я этого горячо желаю, въ добромъ согласіи, одинаково выгодномъ нашимъ обоимъ государствамъ, или же Вы полагаете, что англійскій флагъ долженъ развѣваться подлѣ полумѣсяца для борьбы противъ креста Св. Андрея!!!"

Это горячее воззваніе Императора Николая I, имѣвшее цѣлью сдѣлать англійскую королеву судьею между нимъ и ея министрами, не могло, въ виду англійскихъ государственныхъ поряд-

tique anglais. La réponse de la reine Victoria du 14 novembre 1853 était très aimable, mais évidemment dictée par les lois inéxorables du régime constitutionnel en Angleterre.

L'Empereur Nicolas I fit sur cette lettre l'annotation autographe suivante: „C'est fort amical, mais cela ne conclut rien du tout".

De même que l'Empereur, la reine voit dans une entière franchise le meilleur moyen de conserver „une amitié bien véritable". Elle a eu soin de relire toutes les communications confidentielles qui lui ont été faites par l'entremise de sir H. Seymour, ainsi que les réponses du gouvernement anglais. Bien qu'une „différence d'opinion très notable" ait pu être constatée entre les vues de l'Empereur et celles de la reine, le mémoire russe du 3(15) avril „vint néanmoins dissiper de la manière la plus heureuse ces fâcheuses appréhensions, car il m'annonçait que, si nous n'étions pas d'accord sur l'état de santé de l'Empire ottoman, nous l'étions cependant sur la nécessité, pour le laisser vivre, de ne point lui faire des demandes humiliantes, pourvu que tout le monde en agît de même, et que personne n'abusât de sa faiblesse pour obtenir des avantages exclusifs." La reine se félicitait de voir que l'Empereur consentait à agir d'accord avec l'Angleterre pour arriver au but commun, tel qu'il est exposé ci-dessus.

La reine avait une confiance inébranlable dans la parole de l'Empereur et serait heureuse que tout le monde partageât cette conviction.

„Mais", poursuit-elle, „quelle que soit la pureté des motifs qui dirigent les actions du Souverain même le plus élevé par le caractère, Votre Majesté sait que les qualités personnelles ne sont pas suffisantes dans des transactions internationales, par lesquelles un Etat se lie envers un autre en de solennels engagements, et les véritables intentions de Votre Majesté ont été à coup sûr méconnues et mal interprêtées".

La Russie a formulé ses prétentions à l'égard de la Porte en se basant sur l'article VII du traité de Koutchouk-Kaïnardji. La reine s'est adressée aux personnes les plus compétentes pour élucider le sens véritable de cet article; elle prit soin de l'étudier elle-même

ковъ, достигнуть желаннаго результата. Отвѣтъ королевы Викторіи, отъ 14 ноября 1853 г., былъ чрезвычайно любезенъ, но очевидно продиктованъ неумолимыми законами конституціоннаго правленія Англіи.

На письмѣ англійской королевы имѣется слѣдующая собственноручная надпись Императора Николая I: „Это очень дружелюбно, но ничего не рѣшаетъ".

Королева Викторія усматриваетъ, подобно Государю, въ полной откровенности лучшее средство для сохраненія „совершенно искренней дружбы". Она снова прочла всѣ конфиденціальныя сообщенія, сдѣланныя Государемъ чрезъ сэра Г. Сеймура, равно и отвѣты на нихъ англійскаго правительства. И хотя обнаружилось „весьма осязательное разногласіе" между взглядами Государя и королевы, тѣмъ не менѣе русская записка отъ 3 (15-го) апрѣля „устранила, самымъ счастливымъ образомъ, существовавшія прискорбныя недоразумѣнія, ибо она удостовѣрила меня, что, если мы и не согласны насчетъ состоянія здоровья Оттоманской имперіи, то согласны, однако, относительно необходимости дать ей жить, не предъявлять ей никакихъ унизительныхъ требованій, съ тѣмъ, чтобъ всѣ дѣйствовали точно также и чтобъ никто не пользовался ея слабостью для пріобрѣтенія исключительныхъ выгодъ". Королева была обрадована согласіемъ Царя дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіею для достиженія указанной общей цѣли.

Королева Викторія имѣетъ непоколебимое довѣріе къ данному Государемъ слову и очень желала бы, чтобъ это ея убѣжденіе было раздѣляемо всѣми.

„Но", продолжаетъ королева, „какъ бы ни были чисты мотивы, направляющіе дѣйствія даже самого высокаго, по своему характеру, Государя, всетаки Вашему Величеству извѣстно, что личныя качества недостаточны въ международныхъ сдѣлкахъ, коими одно государство связываетъ себя въ отношеніи другого торжественными обязательствами, и истинныя намѣренія Вашего Величества навѣрное были непоняты и плохо истолкованы".

Россія предъявила Турціи свои требованія, основываясь на статьѣ VII-й Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Королева обратилась, для выясненія дѣйствительнаго смысла этой статьи, къ наиболѣе компетентнымъ лицамъ, и, кромѣ того, она сама изучила эту статью.

et voici les conclusions auxquelles elle s'est arrêtée *):

„Je suis arrivée à la conviction que cet article n'était point susceptible de l'extension qu'on y a voulu donner. Tous les amis de Votre Majesté ont, comme moi, la certitude que Vous *n'auriez point abusé du pouvoir qui Vous eût ainsi été accordé; mais une demande de ce genre pouvait (???) à peine être acceptée par un Souverain qui tient à son indépendance*" (???).

L'occupation des Principautés Danubiennes émut l'Europe entière et l'effusion de sang qui se produit dans ce pays provoque de graves inquiétudes. Toutefois, poursuit la reine d'Angleterre, „l'attention impartiale, avec laquelle j'ai suivi les causes qui ont fait échouer jusqu'à présent toutes les tentatives de conciliation, *me donne la ferme conviction qu'il n'existe pas d'obstacle réel qui ne puisse être écarté ou promptement surmonté avec l'assistance de Votre Majesté Impériale.*" Voici pourquoi la reine Victoria ne perdait pas l'espoir quant au maintien de la paix „car", disait-elle à la fin de cette lettre remarquable, „j'ai la foi en Dieu que, lorsque de toute part les intentions sont droites, et lorsque les intérêts bien entendus sont communs, le Tout-Puissant ne permettra pas que *l'Europe entière, qui contient déjà tant d'éléments inflammables, soit exposée à une conflagration générale*".

L'Empereur Nicolas I ne fut pas satisfait de cette lettre de la reine d'Angleterre. Il s'attendait à ce que la reine blâmât la conduite du gouvernement anglais et cherchât à conclure un accord directement avec lui. Mais la reine pouvait-elle répondre autrement qu'elle ne l'a fait? Pouvait-elle parler d'une divergence avec ses ministres, même s'il en existait une? Evidemment que non. La lettre de la reine Victoria porte l'empreinte d'un regret sincère au sujet du dissentiment survenu entre la Russie et l'Angleterre. Mais elle est en même temps irréprochable au point de vue d'une souveraine constitutionnelle.

Toutefois, l'Empereur Nicolas I, foncièrement autocrate qu'il était, ne pouvait pas se placer au point de vue de la reine Victoria et crut

*) C'est l'Empereur Nicolas I lui-même qui a posé les points d'interrogation et souligné les passages comme ils le sont dans le présent travail.

И вотъ заключеніе, къ которому она пришла: *)

„Я пришла къ убѣжденію, что эта статья совсѣмъ не поддается такому распространенію, какое хотѣли ей дать. Всѣ друзья Вашего Величества увѣрены, какъ и я, въ томъ, что *Вы никогда не злоупотребили бы властью, которая Вамъ была бы такимъ образомъ предоставлена. Но такого рода требованіе едва ли могло (???) быть удовлетворено Государемъ, уважающимъ свою независимость*" (???).

Занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками вызвало общій переполохъ въ Европѣ, и начавшееся тамъ кровопролитіе возбуждаетъ всеобщія опасенія. Однако, продолжаетъ англійская королева, „безпристрастное вниманіе, съ которымъ я слѣдила за причинами, обусловливавшими до сихъ поръ неуспѣхъ всѣхъ попытокъ примиренія, даетъ *мнѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что не существуетъ такого положительнаго препятствія, которое не могло бы быть устранено или скоро побѣждено съ помощію Вашего Императорскаго Величества*". Вотъ почему королева Викторія не теряетъ надежды на сохраненіе мира, ибо, кончаетъ она свое замѣчательное письмо: „я уповаю на Бога, что разъ намѣренія всѣхъ сторонъ чисты и если разумно понятые интересы суть общіе, то Всемогущій не попуститъ, чтобъ *вся Европа, заключающая въ себѣ уже безъ того столько воспламеняющихся матерьяловъ, была бы подвергнута всеобщему пожару*".

Императоръ Николай I не былъ доволенъ письмомъ англійской королевы. Онъ ожидалъ, что королева осудитъ образъ дѣйствія англійскаго правительства и вступитъ съ нимъ въ непосредственное личное соглашеніе. Но развѣ англійская королева могла иначе отвѣтить, нежели она отвѣтила? Развѣ она могла обнаружить разногласіе со своими министрами, если оно вообще существовало? — Очевидно нѣтъ. Письмо королевы Викторіи проникнуто чувствомъ искренняго сожалѣнія по поводу совершившагося между Англіею и Россіею опаснаго разлада. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно безупречно съ точки зрѣнія конституціонной монархини.

Съ своей стороны, Императоръ Николай I, будучи Самодержцемъ съ ногъ до головы, не могъ стать на точку зрѣнія королевы Викторіи и

*) Всѣ вопросительные знаки и все, что подчеркнуто, принадлежитъ карандашу Императора Николая I.

devoir répliquer à ses reproches, si pleins de délicatesse. Il répondit à la reine par une longue lettre, en date du 4 décembre, qui prouve avec évidence combien les deux points de départ différaient. Nous nous bornerons à en signaler les passages les plus marquants.

L'Empereur commence par remercier la reine pour la confiance qu'elle lui a témoignée. „Cette confiance", dit-il, „je crois y avoir quelque droit. 28 années d'une vie politique, souvent soumise à de pénibles épreuves, sont un titre, que, j'ose le dire, personne n'est autorisé à révoquer en doute. Je me permetterai même de croire, — quelque regret que j'éprouve de me trouver sur ce point d'un autre avis que Votre Majesté; — qu'en affaires publiques et dans les relations de pays à pays, il n'est pas de gages plus sûrs que la parole et le caractère personnel du Souverain; car c'est d'eux, en définitive, que dépendent la guerre ou la paix".

Après avoir énoncé ainsi les divergences notoires qui séparent l'autocrate de toutes les Russies de la reine d'Angleterre, l'Empereur expose les motifs qui l'obligent de réclamer de la Porte le respect des droits traditionnels de la Russie, basés sur l'article VII du traité de Koutchouk-Kaïnardji. L'Empereur se considère obligé d'obtenir „à tous risques" de la Porte Ottomane la reconnaissance de ces droits, „parcequ'il s'agit d'un point vital pour l'existence comme pour l'honneur de la Russie". Si une guerre devait surgir de cette question, la faute en retomberait sur ceux qui ont cherché par tous les moyens à lui donner les proportions colossales qu'elle accuse à l'heure actuelle.

De même, si l'occupation des Principautés Danubiennes a produit une telle „perturbation" en Europe, c'est qu'on s'est plu à interprêter cette „mesure de contrainte" comme „l'accomplissement d'un projet de conquête et d'agrandissement territorial que désavoue mon passé".

Pour attiser le feu dans la question d'Orient, on cherchait à interprêter faussement chaque parole du Souverain, en lui attribuant une importance gratuite et, en poussant les choses à l'extrême, „on m'a placé progressivement dans une position où faire un pas en arrière devient impossible."

оставить безъ возраженія ея деликатные упреки. Онъ отвѣтилъ ей длиннымъ письмомъ отъ 4-го декабря, изъ котораго совершенно наглядно выступаетъ основное различіе въ отправныхъ точкахъ зрѣнія. Мы ограничимся приведеніемъ изъ этого письма наиболѣе выдающихся мѣстъ.

Въ началѣ своего письма Государь благодаритъ англійскую королеву за довѣріе, съ которымъ она къ нему относилась. „На это довѣріе я думаю, что имѣю нѣкоторое право. Двадцать восемь лѣтъ политической жизни, часто подвергавшейся горькимъ испытаніямъ, создали это право, которое, я позволю это высказать, никто не посмѣетъ оспаривать. Я позволю себѣ даже думать, не взирая на все мое сожалѣніе быть въ этомъ вопросѣ другого мнѣнія, чѣмъ Ваше Величество, — что въ государственныхъ дѣлахъ и въ отношеніяхъ между народами нѣтъ устоевъ, болѣе надежныхъ, чѣмъ слово и личный характеръ Государя, ибо вѣдь отъ нихъ, въ концѣ концовъ, зависятъ война и миръ".

Высказавъ въ только что приведенныхъ словахъ существенное разногласіе, отдѣлявшее Самодержца Всероссійскаго отъ королевы великобританской, Государь приступаетъ къ изложенію доводовъ, заставляющихъ его настаивать на уваженіи Турціею историческаго права Россіи, основаннаго на статьѣ VII-ой Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Государь признаетъ себя обязаннымъ добиться, „во что бы то ни стало", уваженія этого права со стороны Оттоманской имперіи, ибо „дѣло идетъ о жизненномъ вопросѣ какъ для существованія, такъ и для чести Россіи". Если же изъ-за этого вопроса возникнетъ война, то вина за нее исключительно падетъ на тѣхъ, кто старался всѣми силами раздуть его до нынѣшнихъ колоссальныхъ размѣровъ.

Равнымъ образомъ занятіе Дунайскихъ княжествъ произвело въ Европѣ такой „переполохъ" только потому, что этой „мѣрѣ принужденія" нарочно старались приписать значеніе „исполненія завоевательнаго плана и территоріальнаго увеличенія,—чего не допускаетъ мое прошлое".

Средствами для разжиганія Восточнаго вопроса послужили: недобросовѣстное толкованіе и умышленное преувеличеніе всякаго слова Государя и, „доведя до крайности дѣло, меня постепенно поставили въ положеніе, въ которомъ нѣтъ возможности сдѣлать шага назадъ".

„Votre Majesté", dit l'Empereur en terminant sa lettre, „veut bien me dire qu'Elle ne doute pas qu'avec mon aide et malgré le sang déjà répandu, une conflagration ne soit encore à éviter. Je n'hésiterai pas à répondre *oui*, si l'on évite de me présenter des conditions qu'en honneur je ne pourrais point admettre, si la guerre effective que les Turcs sont venus porter, non pas seulement dans les principautés,—mais dans l'Asie, chez moi, sur mon propre territoire, n'amène pas dans les progrès des atrocités telles que celles qu'ont déjà commises les hordes asiatiques du Sultan, si enfin, une situation qui n'est déjà que trop tendue n'est pas aggravée par des mesures navales qui porteraient, plus directement qu'elles ne l'ont encore fait jusqu'ici, le caractère de la menace et de l'hostilité". „Reculer devant le danger, serait pire que le danger même, et le noble caractère de Votre Majesté doit assurément le comprendre."

„Вашему Величеству", кончаетъ свое письмо Государь, „угодно было высказать, что Вы не сомнѣваетесь въ томъ, что, съ моею помощью и не взирая на уже пролитую кровь, все-таки еще можно предупредить общій пожаръ. Я не затруднился бы отвѣтить — *да*, еслибъ перестали ставить мнѣ условія, которыхъ я, по чувству чести, никакъ не могу принять; еслибъ настоящая война, начатая Турками не только въ княжествахъ, но и въ Азіи, у меня, на моей собственной территоріи, не привела въ своемъ развитіи къ такимъ звѣрствамъ, какія уже совершены азіятскими полчищами султана; еслибъ, наконецъ, положеніе вещей, уже безъ того слишкомъ натянутое, не сдѣлалось еще болѣе серьезнымъ вслѣдствіе морскихъ мѣропріятій, которыя болѣе непосредственно, чѣмъ было до сихъ поръ, имѣютъ характеръ угрозы и даже вражды". „Уступить передъ опасностью", заключаетъ Государь съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, „было бы хуже самой опасности, и благородное сердце Вашего Величества навѣрное должно это понять".

Cette lettre de l'Empereur Nicolas I à la reine d'Angleterre, si empreinte de franchise ne produisit aucun effet sur la marche des événements. Au contraire, l'éclatante victoire, remportée par la flotte russe à Sinope en novembre 1853, donnait le choc à une rupture définitive entre la Russie et l'Angleterre. Il est difficile de rendre l'impression que produisit en Angleterre la nouvelle de la destruction de la flotte turque dans la baie de Synope.

Les organes de l'opinion publique en Angleterre se plaisaient à représenter ce combat comme une atteinte criminelle à l'existence de l'Empire ottoman et, en même temps, comme une provocation, jetée à la face de la nation anglaise. Les membres du Cabinet anglais démontraient sérieusement au représentant de Russie que si la flotte russe avait attaqué celle de la Porte en mer ouverte, l'Angleterre n'eut pas élevé d'objections. Mais cette attaque dans un port turc—était un crime!

De son côté, le baron Brunnow s'empressait d'insister sur le droit incontestable de la Russie d'entrer partout en lutte avec la Porte qui lui a déclaré la guerre et attaquaït les armées russes en Europe et en Asie. D'ailleurs les considérations juridiques et philosophiques n'avaient plus le pouvoir d'arrêter la marche des événements.

Dans les premiers jours de janvier 1854 les représentants d'Angleterre et de France firent

Откровенное письмо Императора Николая I къ англійской королевѣ не произвело ни малѣйшаго дѣйствія на ходъ событій. Напротивъ, блестящая Синопская побѣда, одержанная русскимъ флотомъ надъ турецкимъ въ ноябрѣ 1853 г., привела неизбѣжно къ полному разрыву между Россіею и Англіею. Трудно себѣ вообразить впечатлѣніе, которое произвело въ Англіи извѣстіе объ уничтоженіи въ Синопской бухтѣ турецкаго флота.

Органы общественнаго мнѣнія Англіи усматривали въ этомъ сраженіи чуть не преступное посягательство на жизнь Оттоманской имперіи и, въ тоже время, вызовъ, брошенный въ лицо англійскому народу. Члены англійскаго кабинета серьезно доказывали представителю Россіи, что еслибъ русскій флотъ аттаковалъ турецкій въ открытомъ морѣ, то Англія ничего не возразила бы. Но нападеніе на турецкій флотъ въ турецкомъ портѣ — это преступленіе!

Баронъ Брунновъ не терялъ времени, на то, чтобы доказывать неотъемлемое право Россіи воевать повсюду противъ Турціи, объявившей ей войну и нападавшей на русскія войска какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Впрочемъ, никакія юридическія или философскія соображенія не въ состояніи были остановить хода событій.

Въ первыхъ числахъ января 1854 года представители Англіи и Франціи, на словахъ,

une communication verbale au Chancelier de l'Empire pour l'informer, au nom de leurs gouvernements, que les flottes anglaise et française sont entrées dans la mer Noire, dans le but de protéger les côtes et les villes de Turquie contre les attaques des forces maritimes russes. Ces dispositions auraient été rendus nécessaires par le combat de Synope, que les deux gouvernements alliés s'accordaient à considérer comme „une agression fortuite"!

Le Chancelier de l'Empire était profondément indigné de ce jugement porté par les deux gouvernements alliés sur cette action d'éclat de la flotte russe et protestait énergiquement contre une appréciation, aussi téméraire. Le comte Nesselrode était également indigné du sans-façon avec lequel les représentants de l'Angleterre et de France ont procédé à leur communication verbale. A son avis, il serait difficile de trouver „dans les fastes de la diplomatie" un précédent qu'une communication officielle, ayant toute la portée d'une déclaration de guerre, se fit verbalement, et non par écrit. (Dépêche du comte Nesselrode au baron Brunnow du 4 (16) janvier 1854).

Toutefois, malgré l'entrée de la flotte alliée dans la mer Noire, le gouvernement impérial hésitait encore à répondre à la notification des représentants d'Angleterre et de France par une déclaration de guerre à ces deux Puissances. Le comte Nesselrode jugeait plus opportun de faire encore une tentative de s'expliquer avec le gouvernement anglais sur les conditions à observer pour que l'entrée de la flotte anglo-française dans la mer Noire ne fût pas considérée comme un *casus belli*.

Voici ces conditions:

1) Les Puissances alliées s'engageraient à détourner les Turcs de toute attaque contre les côtes et les ports russes et à n'élever aucun obstacle aux communications entre ceux-ci.

2) „Les deux Puissances s'engageraient à borner l'action de leurs flottes à la défense des ports turcs, et

3) De notre côté, nous nous engagerions à ne point attaquer ceux-ci". (Rapport du Chancelier de l'Empire à S. M. l'Empereur, du 19 décembre 1853).

En partant du principe que les gouvernements anglais et français ont dû faire à la Porte une déclaration analogue à celle adressée au gouvernement impérial au sujet du passage de la flotte alliée par le Bosphore et de son entrée dans la mer Noire, le comte Nesselrode donnait

сообщили Государственному Канцлеру, что по распоряженію ихъ правительствъ англійскій и французскій флоты вошли въ Черное море для того, чтобъ охранять турецкіе города и берега отъ нападенія со стороны русскихъ морскихъ силъ. Мотивомъ такого распоряженія было выставлено Синопское сраженіе, которое оба союзныя правительства признали „безпричиннымъ нападеніемъ"!

Государственный Канцлеръ искреннѣйшимъ образомъ былъ возмущенъ этимъ отзывомъ обоихъ союзныхъ правительствъ о блестящей побѣдѣ русскаго флота и энергически протестовалъ противъ такой дерзкой ея оцѣнки. Графа Нессельроде возмущала также безцеремонность, съ которою представители Англіи и Франціи сдѣлали свое словесное заявленіе. По его мнѣнію, „въ лѣтописяхъ дипломатіи" не отыщется случая, когда на словахъ, а не письменно, дѣлалось оффиціальное сообщеніе, вполнѣ имѣющее значеніе объявленія войны. (Депеша гр. Нессельроде къ барону Бруннову отъ 4 (16-го) января 1854 года).

Однако, несмотря на вступленіе союзнаго англо-французскаго флота въ воды Чернаго моря, Императорское правительство всетаки не рѣшилось отвѣтить объявленіемъ войны Англіи и Франціи на заявленіе представителей этихъ державъ. Графъ Нессельроде призналъ болѣе благоразумнымъ сдѣлать новую попытку объясниться съ англійскимъ правительствомъ объ условіяхъ, при которыхъ вступленіе англо-французскаго флота въ Черное море можетъ не быть признано за *casus belli*.

Эти условія были слѣдующія:

Во 1-хъ, союзныя державы обязываются препятствовать Туркамъ совершать нападенія на русскіе порты и берега и не мѣшать сношеніямъ между ними;

Во 2-хъ, „обѣ державы обязываются ограничить дѣйствія своихъ флотовъ обороною турецкихъ портовъ, и

Въ 3-хъ, мы, съ нашей стороны, обязываемся не нападать на послѣдніе". (Всеподданнѣйшій докладъ Государственнаго Канцлера отъ 19 декабря 1853 года).

Исходя изъ предположенія, что англійское и французское правительства сдѣлали Портѣ такое же заявленіе, какъ Императорскому правительству, насчетъ прохода чрезъ Босфоръ въ Черное море союзнаго флота, графъ Нессельроде подалъ Государю мысль удостовѣриться

l'idée à l'Empereur de se convaincre d'une manière positive de l'exactitude de ce fait avant de commencer les hostilités contre l'Angleterre et la France. Il proposait dans ce but, dans son rapport du 1 janvier 1854, de charger les représentants de Russie à Londres et à Paris de poser aux deux gouvernements la question formelle: „si effectivement les amiraux (anglais et français) ont eu ordre d'empêcher toute agression de la part des Turcs contre le territoire et le pavillon russes?" Dans le cas d'une réponse négative, les ministres de Russie à Londres et à Paris devraient immédiatement réclamer leurs passeports et quitter l'Angleterre et la France.

Le Chancelier de l'Empire espérait, par ce mode d'action, obtenir un double résultat: 1) faire tomber sur l'Angleterre et la France toute la responsabilité pour la violation de la paix de l'Europe, et 2) ne pas recourir immédiatement aux mesures extrêmes et prolonger encore de quelque temps l'état de paix entre les nations.

L'Empereur sanctionnait le rapport du Chancelier de l'Empire, en y inscrivant de sa propre main la résolution suivante — en français, comme de coutume:

„Bien que je doutais fort que pareille déclaration eut été faite aux Turcs, parcequ'il n'y aurait pas eu de raison d'omettre de nous en informer, et que dans la note française il n'en est nullement fait mention, — je consens cependant à votre proposition, avec l'ordre à Brunnow et Kisseleff de partir *alors* dans les 24 heures, et de signifier à tout ce qui est Russe de quitter les deux pays".

A la suite de cette décision impériale, des instructions identiques, en date du 4 (16) janvier 1854, ont été adressées aux représentants de Russie à Londres et à Paris qui se sont entendus pour s'acquitter de cet ordre suprême en même temps et dans la même forme.

Au moment, où le baron Brunnow recevait ces instructions d'une haute importance, revêtues de la sanction suprême, il achevait un mémoire intéressant sous le titre: „Aperçu de la situation des affaires d'Orient, au mois de janvier de l'année 1854". Ce mémoire, rédigé de main de maître, avait pour but de dégager la responsabilité du représentant de Russie à la Cour de Londres par l'exposé de la dernière phase, la plus critique de la question d'Orient, et de démontrer toute l'inconsistance de la politique anglaise. Même en janvier 1854, le baron Brun-

въ этомъ фактѣ самымъ положительнымъ образомъ раньше, чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Англіи и Франціи. Съ этою цѣлью онъ предложилъ, въ докладѣ отъ 1-го января 1854 года, поручить представителямъ Россіи въ Лондонѣ и Парижѣ обратиться къ подлежащимъ правительствамъ съ формальнымъ вопросомъ, „дѣйствительно ли адмиралы (англійскій и французскій) получили приказаніе предупредить всякое нападеніе со стороны Турокъ на русскую территорію и флагъ?" Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, русскіе посланники въ Лондонѣ и Парижѣ должны немедленно потребовать свои паспорты и выѣхать изъ Англіи и Франціи.

Государственный Канцлеръ желалъ такимъ путемъ достигнуть двухъ цѣлей: во 1-хъ, обратить на Англію и Францію всю вину за нарушеніе европейскаго мира и, во 2-хъ, не прибѣгать немедленно къ крайнимъ мѣропріятіямъ, но дать еще маленькую отсрочку мирному состоянію между народами.

Государь Императоръ утвердилъ докладъ Государственнаго Канцлера слѣдующею собственноручною резолюціею на французскомъ языкѣ—какъ всегда:

„Хотя я очень сомнѣваюсь, чтобъ подобное объявленіе было сдѣлано Туркамъ, ибо насъ не упустили бы объ этомъ увѣдомить, и во французской нотѣ объ этомъ ничего не говорится, но я всетаки соглашаюсь на ваше предложеніе, съ повелѣніемъ Бруннову и Киселеву *потомъ* выѣхать въ 24 часа и объявить всѣмъ Русскимъ покинуть оба государства".

На основаніи этой Высочайшей резолюціи была составлена общая инструкція отъ 4 (16-го) января 1854 года для представителей Россіи въ Лондонѣ и Парижѣ, которые, по полученіи ея, вступили между собою въ соглашеніе для исполненія Высочайшаго повелѣнія въ одно и то же время и въ одинаковой формѣ.

Въ моментъ полученія барономъ Брунновымъ этой Высочайше одобренной важной инструкціи, онъ оканчивалъ интересную записку подъ заглавіемъ: „Обзоръ положенія восточныхъ дѣлъ въ январѣ 1854 года". Цѣль этой мастерски составленной записки заключалась въ томъ, чтобъ изложеніемъ послѣдняго, наиболѣе критическаго, фазиса Восточнаго вопроса оградить отвѣтственность представителя Россіи при Лондонскомъ дворѣ и доказать всю несостоятельность англійской политики. Баронъ Брунновъ былъ, даже въ январѣ

now était convaincu que si Pitt, Castelreagh ou le duc de Wellington se trouvaient à la tête du gouvernement anglais, il eut certainement réussi à prévenir l'explosion de la guerre.

„Mais que peut-on faire avec des Ministres", écrivait-il au comte Nesselrode le 1 (13) janvier 1854, „qui changent tous les jours d'avis. Le moindre incident les détourne de leur chemin. Ils veulent et ne veulent pas. Sinope leur a complètement tourné la tête"! Tout en faisant entrer la flotte anglaise dans la mer Noire, les ministres anglais ne cessent de répéter que cette „plaisanterie maritime" ne saurait „aller loin", ni „rester longtemps". Par contre, ils ne rêvent tous que des „envahissemens de la Russie". „C'est la manie du jour. Elle obscurcit toutes les intelligences et domine toutes les volontés dans ce pays".

Les conclusions générales auxquelles s'arrête le baron Brunnow dans ce mémoire au sujet de la politique de l'Angleterre se résument dans les paroles suivantes: „C'est un triste spectacle de voir un grand pays, tel que l'Angleterre, se précipiter aveuglement dans une lutte, qui le rend tout à la fois, le soutien de la Turquie, qu'il méprise, l'allié de la France, dont il se méfie, et l'adversaire de la Russie qu'il prend en haine sans savoir pourquoi".

Dès la réception des instructions du Chancelier de l'Empire du 4 (16) janvier, le baron Brunnow se rendit chez lord Aberdeen et lui remit copie de la dépêche du comte Nesselrode qui contenait la protestation du Cabinet russe contre l'intervention des Puissances occidentales dans le conflit entre la Russie et la Porte. Cela se passait le 11 (23) janvier.

Le premier ministre d'Angleterre ne contestait pas la justice des considérations de la note russe. Le baron Brunnow priait alors lord Aberdeen de lui donner une réponse sur les deux questions suivantes:

1) „Est-il entendu que le pavillon et le littoral russes, d'une part, le pavillon et le littoral ottomans, de l'autre, soient réciproquement à l'abri d'une agression?

2) Est-il entendu, qu'en ce qui regarde la libre communication d'un port à l'autre, il y ait une égale réciprocité entre les deux parties belligérantes?"

Pour élucider le sens véritable et la portée de ces deux questions, le ministre de Russie donnait lecture à lord Aberdeen de la dépêche du comte Nesselrode, qui lui ordonnait de quitter

1854 года, убѣжденъ, что еслибъ во главѣ англійскаго правительства находились Питтъ, Кастльри или герцогъ Веллингтонъ, то ему навѣрно удалось бы предупредить возникновеніе войны.

„Но что можно сдѣлать съ министрами", писалъ онъ 1 (13-го) января 1854 года графу Нессельроде, „которые каждый день мѣняютъ свои мнѣнія. Малѣйшій случай сбиваетъ ихъ съ толку. Они хотятъ и не хотятъ. Синопъ совершенно заставилъ ихъ потерять головы"! Вводя англійскій флотъ въ Черное море, англійскіе министры сами не перестаютъ твердить, что эта „морская шутка" не должна „заходить далеко" и „не продолжится долго". Но за то всѣ они бредятъ о „захватахъ Россіи". „Это манія дня. Она помрачаетъ всѣ умы и порабощаетъ всѣ воли въ этой странѣ".

Общее заключеніе, къ которому пришелъ баронъ Брунновъ, въ своей запискѣ, относительно политики Англіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „Печальное зрѣлище—видѣть, какъ такое великое государство, какъ Англія, очертя голову бросается въ войну, благодаря которой она одновременно дѣлается опорою Турціи, ею презираемой, союзницею Франціи, которой она не довѣряетъ, и врагомъ Россіи, которую она ненавидитъ, сама не зная почему".

Получивъ инструкцію Государственнаго Канцлера отъ 4 (16-го) января, баронъ Брунновъ немедленно отправился къ лорду Эбердину и вручилъ ему копію съ депеши графа Нессельроде, въ которой изложенъ былъ протестъ Россіи противъ вмѣшательства западныхъ державъ въ споръ между Россіею и Турціею. Это было 11 (23-го) января.

Англійскій первый министръ не отрицалъ основательности соображеній русской ноты. Тогда баронъ Брунновъ покорнѣйше просилъ лорда Эбердина отвѣтить на слѣдующіе два вопроса:

„Во первыхъ, не правда ли, что русскій флагъ и берегъ, съ одной стороны, и турецкій флагъ и берегъ, съ другой, взаимно не будутъ объектомъ какого либо нападенія"?

„Во вторыхъ, не правда ли, что касательно свободныхъ сообщеній между портами существуетъ полное равенство между обѣими воюющими сторонами"?

Въ разъясненіе истиннаго смысла и значенія обоихъ вопросовъ, русскій посланникъ прочелъ лорду Эбердину депешу графа Нессельроде, приказывавшую ему немедленно покинуть Ан-

immédiatement l'Angleterre, si les réponses reçues du gouvernement anglais n'étaient pas satisfaisantes.

Le premier ministre semblait visiblement surpris de ces questions, catégoriquement posées par le représentant de Russie, et convenait que les Puissances occidentales se proposaient de favoriser le pavillon turc, et que les amiraux anglais et français étaient munis d'instructions secrètes pour assister les Turcs dans le transport des troupes et des munitions de guerre.

Le baron Brunnow protestait énergiquement contre ce mode d'action et adressait une note à lord Clarendon pour demander des explications au sujet des deux questions susmentionnées. Il reçut dans quelques jours une réponse identique à celle, donnée par le gouvernement français à Kisselew. C'était le 20 janvier (1 février 1854). Les réponses constataient l'alliance de l'Angleterre et de la France contre la Russie.

La-dessus le baron Brunnow déclarait immédiatement qu'il suspendait les relations diplomatiques avec le gouvernement anglais et qu'il quittait l'Angleterre avec tout le personnel de la Légation de Russie.

Après avoir fait toutes ses dispositions pour son départ de Londres, le baron Brunnow se rendait dans quelques jours chez lord Aberdeen pour prendre congé de lui. Le ministre de Russie avait pour cet homme d'Etat anglais des sentiments de profonde estime. En se rendant chez lui dans ces tristes circonstances, il ne pouvait s'empêcher de se rappeler des paroles de lord Aberdeen qui assurait qu'il n'y aurait jamais de guerre entre la Russie et l'Angleterre et que, dans tous les cas, il ne resterait pas ministre. La guerre a éclatée entre ces deux Puissances, liées par une alliance et une amitié séculaires, et lord Aberdeen est resté premier ministre. Cette dernière entrevue entre ces deux anciens amis était fort curieuse.

Le baron Brunnow trouvait lord Aberdeen très abattu et s'adressant à lui-même d'amères reproches. Il regrettait d'avoir appelé la flotte anglaise de l'île de Malte et d'avoir consenti à l'envoyer dans la baie de Besica, de ne pas avoir envoyé lord Granville à St. Pétersbourg, après l'issue malheureuse de la mission Menschikow, pour des négociations personnelles avec l'Empereur, et, finalement, d'avoir peu à peu suivi une voie qui a amené l'Angleterre à une guerre.

глію, если полученные отъ англійскаго правительства отвѣты будутъ неудовлетворительны.

Англійскій первый министръ былъ видимо озадаченъ категорическими вопросами представителя Россіи и сознался, что обѣ западныя державы намѣрены „благопріятствовать турецкому флагу“ и что англійскій и французскій адмиралы имѣютъ секретное приказаніе помогать Туркамъ перевозкою ихъ войскъ и военной аммуниціи.

Баронъ Брунновъ энергически протестовалъ противъ такого образа дѣйствія и потребовалъ, особенною нотою къ лорду Кларендону, объясненія по двумъ приведеннымъ вопросамъ. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отвѣтъ совершенно идентичный съ отвѣтомъ, даннымъ французскимъ правительствомъ Киселеву. Это было 20 января (1-го февраля) 1854 года. Въ отвѣтахъ былъ констатированъ союзъ между Англіею и Франціею противъ Россіи.

Получивъ такой отвѣтъ, баронъ Брунновъ немедленно объявилъ, что онъ прекращаетъ дипломатическія сношенія съ англійскимъ правительствомъ и, со всѣми членами русской миссіи, выѣзжаетъ изъ Англіи.

Черезъ нѣсколько дней, сдѣлавъ всѣ распоряженія къ отъѣзду изъ Лондона, баронъ Брунновъ пришелъ къ лорду Эбердину прощаться. Русскій посланникъ питалъ къ этому англійскому государственному человѣку чувства искренняго уваженія. Но на пути къ нему, при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, онъ не могъ не вспомнить словъ лорда Эбердина, что никогда не будетъ войны между Англіею и Россіею и что, во всякомъ случаѣ, онъ не останется министромъ. Теперь же началась война между обѣими многовѣковыми союзными и дружескими державами и — лордъ Эбердинъ остался министромъ-премьеромъ. Весьма любопытно было это послѣднее свиданіе между двумя давнишними друзьями.

Баронъ Брунновъ нашелъ лорда Эбердина въ весьма печальномъ настроеніи, и послѣдній сталъ изливаться въ горькихъ самому себѣ упрекахъ. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не оставилъ англійскаго флота у острова Мальты и согласился послать его въ Безикскую бухту; что не отправилъ лорда Гренвилля въ С.-Петербургъ, послѣ неудачнаго исхода миссіи князя Меншикова, для личныхъ переговоровъ съ Царемъ, и что, наконецъ, мало по малу пошелъ по пути, который привелъ Англію къ войнѣ.

Malgré la déclaration de guerre lord Aberdeen, dans sa bonhommie, ne se réfusait pas la satisfaction de penser qu'il n'y en avait pas. „C'est impossible!" disait-il au représentant de Russie en élevant la voix. „Je ne veux pas y croire. Ce serait une guerre monstrueuse, une calamité, qui ne peut tourner qu'au profit de l'esprit révolutionnaire et qui ferait la désolation de tous les gouvernements réguliers".

Le baron Brunnow ne pouvait pas partager cette illusion qu'il n'y avait pas de guerre entre la Russie et l'Angleterre. Il ne lui restait qu'une chose à faire — de prendre congé et de quitter l'Angleterre. Bientôt le bruit du canon arrivait de la mer Noire jusqu'à Londres et devait convaincre le premier ministre que la guerre avec la Russie ne pouvait plus être niée.

Les adieux du baron Brunnow avec lord Clarendon étaient bien plus simples: ils se serrèrent la main en se disant à revoir, à bientôt. (Rapport du baron Brunnow du 25 janvier (6 février) 1854).

Après le départ du baron Brunnow de Londres, sir Hamilton Seymour reçut l'ordre de son gouvernement de quitter St. Pétersbourg. Le Chancelier de l'Empire ne regrettait nullement de voir cesser ses relations personnelles avec ce diplomate anglais.

C'est ainsi que le 26 janvier (6 février) 1854, jour de son départ d'Angleterre, que se terminait la brillante activité du baron Brunnow à la Cour de Londres qui devait se renouveler seulement après le congrès de Paris de 1856.

De Londres le baron Brunnow se rendait par Bruxelles à Darmstadt, où il se proposait de se fixer. Mais, par ordre suprême, il dut retourner à Bruxelles, où il fit un séjour de quelques mois. Il eut dans cette ville des entretiens très intéressants avec le roi Léopold qui le confirmaient dans la conviction que l'Angleterre était entièrement à la remorque de la France. L'Empereur Napoléon III se plaisait à éconduire systématiquement le gouvernement anglais. Les anglais avaient cru, entre autres, qu'il s'agirait d'une guerre maritime et que la direction de toutes les opérations militaires serait entre leurs mains. Napoléon III transféra le centre de gravité en Crimée, et le rôle dirigeant passait entre les mains des Français.

Lord Aberdeen et ses collègues au ministère se trompaient complètement au sujet des sacri-

Но добродушный лордъ Эбердинъ, несмотря на объявленіе войны, всетаки не отказывалъ себѣ въ удовольствіи не вѣрить въ войну. „Это невозможно"! сказалъ онъ возвышеннымъ голосомъ представителю Россіи. „Я не хочу этому вѣрить. Это была бы чудовищная война и бѣдствіе, которое можетъ принести пользу только духу революціи и опечалитъ всѣ порядочныя правительства".

Баронъ Брунновъ не могъ побороть этой его увѣренности, что войны нѣтъ между Россіею и Англіею. Ему осталось только одно — проститься и выѣхать изъ Англіи. Вскорѣ гулъ пушекъ дошелъ съ Чернаго моря до Лондона и долженъ былъ убѣдить перваго министра Англіи, что война съ Россіею не можетъ быть отрицаема.

Гораздо проще было прощаніе барона Бруннова съ лордомъ Кларендономъ. Они пожали другъ другу руки и сказали: „до скораго свиданія!" (Донесеніе барона Бруннова отъ 25 января (6-го февраля) 1854 г.).

Послѣ отъѣзда барона Бруннова изъ Лондона сэру Гамильтону Сеймуру было препровождено его правительствомъ приказаніе покинуть С.-Петербургъ. Государственный Канцлеръ нисколько не сожалѣлъ о томъ, что прекратились его личныя сношенія съ этимъ англійскимъ посланникомъ.

Такимъ образомъ кончилась 26 января (6-го февраля) 1854 года, въ день выѣзда изъ Англіи, блестящая дѣятельность барона Бруннова при Лондонскомъ дворѣ, которая возобновилась только послѣ Парижскаго мирнаго конгресса 1856 года.

Изъ Лондона баронъ Брунновъ отправился, чрезъ Брюссель, въ Дармштадтъ, гдѣ онъ желалъ поселиться. Но, по Высочайшему повелѣнію, онъ долженъ былъ вернуться въ Брюссель, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Брюсселѣ онъ имѣлъ весьма интересныя бесѣды съ королемъ Леопольдомъ I, которыя подтвердили его убѣжденіе, что Англія вполнѣ находится на буксирѣ Франціи. Императоръ Наполеонъ III систематически проводилъ англійское правительство. Англичане думали, между прочимъ, что война будетъ морскою и потому въ ихъ рукахъ будетъ находиться руководительство всѣми военными дѣйствіями. Наполеонъ III перевелъ центръ тяжести на Крымскій полуостровъ, и первенствующая роль перешла къ Французамъ.

Лордъ Эбердинъ и его коллеги по министерству также совершенно ошиблись насчетъ

fices que réclamait une guerre avec la Russie: ils croyaient que les opérations militaires se borneraient au blocus et au bombardement des côtes et des villes russes.

Selon l'avis du roi Léopold, lord Aberdeen était tout-à-fait incapable d'occuper le poste de premier ministre en Angleterre. „Les actes du premier ministre", disait-il au baron Brunnow, „sont en désaccord avec ses convictions. Il consent à mal faire, tout en voulant le bien". Aussi a-t-il perdu tout son crédit dans ce pays, tandis que celui de lord Palmerston augmente, non pas de jour en jour, mais d'heure en heure. Après avoir pris possession du poste de ministre de la guerre, créé pour lui, lord Palmerston exerçait un pouvoir absolu sur le gouvernement anglais. (Lettres du baron Brunnow au comte Nesselrode du 29 avril (11 mai) et du 29 mai (10 juin) 1854).

La rupture définitive avec l'Angleterre impressionna fortement l'Empereur Nicolas I qui, dans le cours de ce long règne est toujours resté fidèle à la conviction que la Russie et l'Angleterre étaient les soutiens de la paix et de l'ordre en Europe. Un moment est survenue, en janvier 1854, où l'Europe s'est vu privée de ces soutiens, grâce à la faiblesse du gouvernement anglais et à la perfidie de l'Empereur Napoléon III. Profondément convaincu de l'imminence de la chute de l'Empire Ottoman, à la suite de cette guerre, l'Empereur Nicolas I se préoccupait sérieusement de la question de savoir ce qu'il fallait mettre à la place de cet Etat en voie de dissolution? Se laissant entraîner par cette pensée, l'Empereur prenait en sérieuse considération les notices de M. P. Pogodine, chef des panslavistes de Moscou, qui insistait sur la nécessité impérieuse de créer, sur les ruines de la Turquie, des Etats slaves indépendants. Sous cette impression l'Empereur Nicolas rédigeait *manu proprio* un mémoire, en français, qui exposait tout un plan d'action par rapport aux populations chrétiennes en Turquie. Ce mémoire, écrit en novembre 1853, présente un intérêt tout particulier et c'est pourquoi nous croyons devoir le reproduire presque *in extenso*.

„Il semble", écrivait l'Empereur, „que le gouvernement anglais, tout en prenant fait et cause pour les Turcs, entrevoit dans un prochain avenir, que cet Empire ne peut durer en Europe et combine déjà comment il pourra faire tourner contre nous les conséquences de cette chute,

жертвъ, которыхъ потребуетъ война съ Россіею: они думали, что всѣ военныя дѣйствія ограничатся блокадою и бомбардированіемъ русскихъ городовъ и береговъ.

По мнѣнію короля Бельгійцевъ, лордъ Эбердинъ былъ совершенно неспособенъ занимать должность перваго министра Англіи. „Дѣйствія перваго министра", сказалъ онъ барону Бруннову, „противорѣчатъ его убѣжденіямъ. Онъ соглашается поступать дурно, хотя желаетъ добра". Поэтому онъ лишился всякаго кредита въ своей странѣ. Напротивъ, престижъ лорда Пальмерстона росъ не по днямъ, а по часамъ. Послѣ занятія созданной для него должности Военнаго Министра, лордъ Пальмерстонъ вполнѣ господствовалъ надъ англійскимъ правительствомъ. (Письма барона Бруннова къ графу Нессельроде отъ 29 апрѣля (11-го мая) и 29 мая (10-го іюня) 1854 года).

Окончательный разрывъ съ Англіею произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Императора Николая I, который, въ продолженіи своего долгаго царствованія, постоянно держался убѣжденія, что Россія и Англія суть устои мира и порядка въ Европѣ. Въ январѣ 1854 года наступилъ моментъ, когда Европа лишилась этихъ устоевъ, благодаря слабости англійскаго правительства и коварству императора Наполеона III. Будучи также глубоко убѣжденъ въ неминуемости разрушенія Оттоманской имперіи, благодаря возникшей войнѣ, Императоръ Николай I постоянно интересовался вопросомъ: что поставить на мѣсто этого разваливающагося государства? Увлекаясь этою мыслью, Государь сталъ серьезно относиться даже къ запискамъ главы московскихъ славянофиловъ, М. П. Погодина, въ которыхъ доказывалась неотложная необходимость созданія, на развалинахъ Турціи, независимыхъ славянскихъ государствъ. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Императоръ Николай I собственноручно написалъ, на французскомъ языкѣ, записку, въ которой излагается цѣлый планъ дѣйствій въ отношеніи христіанскихъ народностей въ Турціи. Эта записка, написанная въ ноябрѣ 1853 г., заслуживаетъ исключительнаго интереса и потому мы приведемъ ее почти цѣликомъ.

„Кажется", пишетъ Государь, „что англійское правительство, усердно защищая Турокъ, предвидитъ въ ближайшемъ будущемъ невозможность существованія этого государства въ Европѣ и уже составляетъ свои планы о томъ, какимъ образомъ оно могло бы направить

en se mettant peut-être à *la tête de l'émancipation des chrétiens de l'Europe* *), quitte à les organiser ensuite de façon á créer leur future existence dans des conditions, *qui seraient directement contraires à nos plus graves intérêts*".

„N'est-il donc pas de notre devoir impérieux de prévenir cet infâme calcul, en déclarant dès-à-présent à toutes les Puissances que reconnaissant l'inutilité des efforts communs pour ramener le gouvernement turc à des sentiments de justice, et forcés à une guerre dont l'issue ne peut être définie, nous restons fidèles à notre principe déjà proclamé de renoncer, s'il est possible, à toute conquête; mais que nous reconnaissons que le moment est venu de rétablir l'indépendance des Etats chrétiens en Europe, tombés depuis des siècles sous le joug ottoman. Qu'en prenant l'initiative de cette résolution sainte, nous en appelons à toutes les nations chrétiennes pour se ojindre à nous dans ce but sacré. Qu'il ne s'agit pas seulement des chrétiens du rit orthodoxe grec, mais du sort de *tous les chrétiens* sans distinction, soumis à la domination musulmane en Europe".

„Ainsi donc, que nous déclarons vouloir rétablir l'indépendance réelle des Moldo-Valaques, des Serbes, des Bulgares, des Bosniaques et des Grecs; que chacune de ces nations entre dans la jouissance du pays qu'elle habite depuis des siècles; que chacune se gouverne par l'homme de son choix, *élu par eux-mêmes et pris parmi leurs nationaux*".

„Je pense qu'un appel, ou déclaration faite ainsi, doit subitement faire changer de face à l'opinion de toute la chrétienté et ramener peut-être à des idées plus justes sur ce grave événement; et au moins de faire échapper à la direction exclusive et malintentionnée du gouvernement anglais".

„Je ne vois que ce seul moyen avec le mauvais vouloir anglais; car il n'est pas croyable, après une déclaration semblable, qu'ils puissent encore se joindre aux Turcs pour combattre contre les Chrétiens. Il s'entend que l'or-

*) C'est l'Empereur lui-même qui a souligné ces passages.

противъ насъ послѣдствія этого паденія, *ставъ, можетъ быть, во главѣ освобожденія христіанъ въ Европѣ* *) и предоставляя себѣ устроить ихъ бытъ впослѣдствіи такимъ образомъ, чтобъ ихъ будущее существованіе было поставлено въ условія, *прямо противоположныя нашимъ наиболѣе важнымъ интересамъ*".

„Развѣ нашъ непреложный долгъ не требуетъ отъ насъ предупредить этотъ подлый расчетъ посредствомъ объявленія нынѣ же всѣмъ державамъ, что сознавая безполезность общихъ усилій для приведенія турецкаго правительства къ чувствамъ справедливости и будучи принуждены начать войну, исходъ которой не можетъ быть предусмотрѣнъ, мы остаемся вѣрными провозглашенному уже нами принципу отреченія, если возможно, отъ всякаго завоеванія. Но мы сознаемъ, что наступилъ моментъ для возстановленія въ Европѣ независимости христіанскихъ государствъ, подпавшихъ много вѣковъ тому назадъ подъ иго Турокъ. Принимая на себя почипъ этого святаго рѣшенія, мы обращаемся ко всѣмъ христіанскимъ народамъ съ приглашеніемъ присоединиться къ намъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Да не обниметъ оно только христіанъ грековосточной вѣры, но распространится на судьбу *всѣхъ* безъ различія *христіанъ*, подвластныхъ мусульманамъ въ Европѣ".

„Такимъ образомъ, мы объявляемъ желаніе возстановить дѣйствительную независимость Молдо-Валаховъ, Сербовъ, Болгаръ, Босняковъ и Грековъ. Пусть будетъ возвращено каждому изъ этихъ народовъ пользованіе землею, на которой онъ живетъ въ продолженіи вѣковъ. Пусть каждый народъ управляется своимъ избранникомъ, который *выбирается ими самими и изъ среды своихъ одноплеменниковъ*".

„Я убѣжденъ, что подобное воззваніе или декларація должна внезапно совершенно перемѣнить мнѣніе всего христіанскаго міра и, можетъ быть, привести къ болѣе справедливымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи и, по меньшей мѣрѣ, вырвать его изъ подъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководительства англійскаго правительства".

„Я не вижу другого средства противъ злой воли Англичанъ, ибо невѣроятно, чтобъ они могли, послѣ подобной деклараціи, еще соединиться съ Турками для борьбы противъ христіанъ. Само собою разумѣется, что будущая

*) Все подчеркнуто самимъ Императоромъ Николаемъ I.

ganisation future des provinces émancipées doit être remise à une entente commune, après que le premier but sera atteint. Il n'est pas douteux qu'il offrira encore maintes difficultés; mais elles ne seront pas invincibles, j'en ai l'intime conviction; et d'ailleurs si nous réussirons *dans ce que nous voulons*, nous aurons plus de chance à faire prévaloir *nos intentions* pour le reste".

En traçant ce vaste programme d'activité l'Empereur ne perdait également pas de vue les moyens d'exécution. Il fallait envoyer immédiatement dans les provinces européennes de la Turquie des agents compétents qui auraient pour mission d'étudier sur les lieux les véritables dispositions des populations et d'élucider le degré de concours sur lequel on pourrait compter de leur part.

Le Chancelier de l'Empire, comte Nesselrode, ne partageait nullement, dans cette occasion, les vues du Souverain quant aux moyens de lutter avec l'Europe Occidentale. Avec une franchise et un courage qui lui font honneur, il objectait énergiquement contre le plan d'action ci-dessus exposé, aussi bien verbalement à son travail personnel avec le Souverain, que par écrit, dans un rapport spécial, qu'il rédigeait lui-même. L'Empereur était irrité de cette opposition d'un conseiller dont le dévouement et la fidélité étaient à toute épreuve, — mais il finit par se convaincre, contre son gré, de la justice des vues du comte Nesselrode et renonçait à l'execution de ce plan. Cet exemple prouve, parmi tant d'autres, que le comte Nesselrode n'hésitait pas, quand il le fallait, à opposer une résistance énergique aux entraînements et aux erreurs du Souverain pour la personne duquel il avait un culte.

Le rapport du Chancelier de l'Empire du 8 novembre 1853, qu'il a écrit en réfutation du mémoire ci-dessus exposé de l'Empereur Nicolas I, mérite une sérieuse attention. Nous nous bornerons à en signaler les idées principales avec les annotations faites par l'Empereur.

Le comte Nesselrode se prononce catégoriquement contre les encouragements à donner aux populations chrétiennes en Turquie à un soulévement en vertu des considérations suivantes: 1) un tel soulévement pourrait devenir très dangereux pour les Chrétiens eux-mêmes que la Russie n'aurait pas la possibilité de protéger contre les atrocités turques. 2) Le plan de l'Empereur se trouve en désaccord avec

организація освобожденныхъ провинцій должна быть дѣломъ общаго соглашенія, когда первая цѣль будетъ достигнута. Не подлежитъ сомнѣнію, что это дѣло представитъ еще множество затрудненій. Но они не будутъ непреодолимы — въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ. Впрочемъ, если мы успѣемъ въ томъ, *чего желаемъ*, то у насъ будетъ больше шансовъ заставить принять *наши намѣренія* въ остальномъ".

Поставивъ себѣ такую широкую программу дѣятельности, Государь выяснилъ себѣ также средства для ея выполненія. Необходимо было немедленно отправить въ европейскія провинціи Турціи свѣдущихъ агентовъ, которые имѣли бы задачею изучить дѣйствительное настроеніе ихъ народонаселенія и выяснить, какой помощи можно отъ нихъ ожидать.

Государственный Канцлеръ графъ Нессельроде совершенно не раздѣлялъ, въ данномъ случаѣ, взглядовъ своего Государя въ отношеніи средствъ борьбы противъ Западной Европы. Съ откровенностью и мужествомъ, дѣлавшими ему великую честь, онъ энергически возражалъ противъ вышеизложеннаго плана дѣйствій, какъ словесно, при личномъ докладѣ, такъ и письменно, въ особенномъ докладѣ, имъ самимъ написанномъ. Государь сильно разсердился на своего вѣрноподданнаго и преданнаго совѣтника и, въ концѣ концовъ, противъ желанія, убѣдился въ вѣрности мнѣнія графа Нессельроде и отказался отъ приведенія въ исполненіе своего плана. Это примѣръ изъ многихъ, доказывающихъ, что графъ Нессельроде не задумывался, въ случаѣ надобности, энергично возражать противъ увлеченій или заблужденій обожаемаго монарха.

Докладъ Государственнаго Канцлера отъ 8 ноября 1853 г., написанный имъ въ опроверженіе вышеизложенной записки Императора Николая I, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Мы ограничимся приведеніемъ его главныхъ положеній, вмѣстѣ съ письменными возраженіями Государя.

Графъ Нессельроде категорически возстаетъ противъ возбужденія христіанскаго населенія Турціи на основаніи слѣдующихъ соображеній. Во 1-хъ, такое возстаніе было бы чрезвычайно опасно для самихъ турецкихъ христіанъ, которыхъ Россія не въ состояніи будетъ защищать противъ турецкихъ звѣрствъ. Во 2-хъ, планъ Государя становится въ разрѣзъ со всею его политикою: никогда онъ не

toute sa politique. Il ne sympathisait jamais au principe des nationalités et à l'idée de les soulever contre leurs gouvernements légitimes. 3) Un tel plan serait contraire aux promesses solennelles qu'on a faites de ne pas aspirer à la chute de la Turquie.

„Je puis me tromper", poursuit le Chanceler de l'Empire, „mais il me semblerait que notre position générale deviendrait meilleure si leur (des chrétiens) soulévement était spontané et amené par les événements de la guerre, au lieu d'être provoqué ou excité par nous, surtout à une époque où notre éloignement et l'insuffisance de nos moyens ne nous permettraient pas de les soutenir efficacement".

En terminant le comte Nesselrode exprime l'espoir qu'au printemps les Slaves se soulèveront eux-mêmes contre le gouvernement turc et alors il faudra leur prêter tout le concours possible. Mais on ne saurait dans aucun cas exposer à être massacrés par les Turcs les malheureux chrétiens, sujets ottomans, excités par les agents russes.

L'Empereur Nicolas I était très mécontent de la franchise et de l'argumentation du mémoire du Chancelier de l'Empire. Il fit ses objections sur le rapport lui-même. On en retire l'impression que, tout en objectant, le Souverain finit par accepter les vues de son conseiller éprouvé. „Le moment sera", écrivait l'Empereur sur ce rapport, „quand nous aurons réussi non seulement à balayer les Turcs de la gauche du Danube, mais quand nous aurons passé la rive droite c. a. d. probablement en Avril 1854".

Le Chancelier de l'Empire n'avait rien à y objecter. L'Empereur insistait ensuite sur la nécessité de recueillir des renseignements précis sur les véritables dispositions des populations chrétiennes en Turquie. Le comte Nesselrode partageait également cette idée.

L'Empereur ne trouvait pas qu'il y avait danger et inopportunité à envoyer des agents secrets en Turquie. A son avis, les Anglais auront certainement recours au même moyen, provoqueront l'affranchissement des chrétiens du joug ottoman et obtiendront, aux frais de la Russie, l'auréole d'émancipateurs. C'est ce qu'on ne saurait admettre. Toutefois l'Empereur convenait sans réserve que l'envoi des agents secrets russes en Turquie devait être subordonné à deux conditions: 1) il fallait attendre que l'armée russe soit sur la rive droite du

сочувствовалъ принципу національности и возбужденію національностей противъ ихъ законныхъ правительствъ. Наконецъ, въ 3-хъ, такой планъ противорѣчилъ бы самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ не желать паденія Турціи.

„Я могу ошибаться", продолжаетъ Государственный Канцлеръ, „но мнѣ думается, что наше общее положеніе сдѣлалось бы лучше, еслибъ ихъ (христіанъ) возстаніе было добровольное и было вызвано событіями войны, вмѣсто того, чтобъ быть вызваннымъ или возбужденнымъ нами, въ особенности въ такое время, когда наша отдаленность и недостаточность нашихъ средствъ не дадутъ намъ возможности поддерживать ихъ дѣйствительнымъ образомъ".

Въ заключеніе графъ Нессельроде выражаетъ надежду, что весною Славяне сами поднимутся противъ турецкаго правительства и тогда должно имъ оказать возможное содѣйствіе. Но брать на свою совѣсть избіеніе Турками возбужденныхъ русскими агентами несчастныхъ христіанъ — турецкихъ подданныхъ, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ.

Императоръ Николай I былъ весьма недоволенъ откровенностью и аргументаціею записки Государственнаго Канцлера. Онъ сдѣлалъ свои возраженія на самомъ докладѣ. Изъ нихъ нельзя не вывести заключенія, что, возражая, Государь всетаки уступилъ своему испытанному совѣтнику. „Время наступитъ", писалъ онъ на докладѣ, „когда намъ не только удастся прогнать Турокъ съ лѣваго берега Дуная, но когда мы перейдемъ на правый берегъ, т. е. вѣроятно въ апрѣлѣ 1854 года".

Противъ этого ничего не возражалъ Государственный Канцлеръ. Далѣе, Государь настаивалъ на собираніи достовѣрныхъ свѣдѣній относительно дѣйствительнаго настроенія христіанскаго населенія Турціи. Съ этимъ былъ согласенъ графъ Нессельроде.

Сверхъ того, Государь не соглашался насчетъ опасности и несвоевременности посылки тайныхъ агентовъ въ Турцію. По его мнѣнію, Англичане навѣрное прибѣгнутъ къ этому средству, вызовутъ освобожденіе христіанъ изъ подъ турецкаго ига и пріобрѣтутъ, въ ущербъ Россіи, ореолъ освободителей христіанъ. Этого допустить нельзя. Однако, Государь, вполнѣ согласенъ, что посылка тайныхъ русскихъ агентовъ въ Турцію должно зависить отъ двухъ условій: во 1-хъ, нужно, чтобъ русскія войска были на правомъ берегу Дуная и, во 2-хъ,

Danube et 2) il fallait acquérir la certitude que les chrétiens de Turquie ne se bornent pas à aspirer à leur affranchissement, mais qu'ils sont prêts à faire le sacrifice de leur sang et de leur vie pour cette oeuvre.

Cette divergence notable entre l'Empereur et son Chancelier devait se dissiper entièrement avec le développement des opérations militaires au cours desquelles les armées russes ont été rappelées des Principautés Danubiennes et la guerre — concentrée en Crimée.

Il est hors de doute que le baron Brunnow partageait dans cette circonstance les convictions de son chef et de son ami. La guerre de Crimée et la part que l'Angleterre y a prise ont fait évanouir bien des illusions qui le soutenait jusque-là. L'attitude perfide du Cabinet de Vienne à l'égard de la Russie l'a profondément indigné, bien qu'il en fit retomber la faute, non sur le jeune souverain de l'Autriche, mais presque exclusivement sur l'incapacité du comte Buol, Ministre des affaires étrangères. Mais il était si pénétré des traditions de la politique russe telle qu'elle se manifestait dans le cours du règne de l'Empereur Nicolas I, qu'il n'admettait pas qu'on puisse se laisser entraîner par le principe des nationalités mis en vogue par Napoléon III.

Au milieu de tant de déceptions que la guerre de Crimée apportait au baron Brunnow, il y en avait une qui lui était particulièrement sensible — elle concernait la Convention des détroits de 1841. Nous avons vu plus haut l'interprétation qu'il donnait à la force obligatoire de cet acte international. Lorsque au cours de la guerre, les bâtiments et les troupes des Puissances maritimes, en lutte avec la Russie, passaient librement les Dardanelles et le Bosphore, le baron Brunnow se rappelait que „nos marins n'ont jamais été amoureux du traité des Dardanelles". Il ne se faisait pas moins l'avocat de cette transaction et la considérait utile en ce sens qu'elle empêchait les Anglais et les Français de naviguer dans la mer Noire et à proximité des côtes de la Russie.

„Voilà pourquoi", écrivait le baron Brunnow au Chancelier de l'Empire le 30 août (11 septembre) 1854, „je persiste à regarder le principe de la fermeture comme une chose utile. Mais, d'un autre côté, il est certain que le traité de 1841 partage le sort de toutes les transactions diplomatiques. Il est sujet à nous faire défaut, quand nous en avons besoin le plus. Il ne s'ap-

нужно имѣть полную увѣренность въ томъ, что турецкіе христіане не только желаютъ своего освобожденія, но и готовы жертвовать на это святое дѣло своею кровью и жизнью.

Это существенное разногласіе между Государемъ и его Канцлеромъ должно было окончательно исчезнуть по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, приведшихъ къ отозванію русскихъ войскъ изъ предѣловъ Дунайскихъ Княжествъ и къ сосредоточенію всей войны на Крымскомъ полуостровѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что баронъ Брунновъ вполнѣ раздѣлялъ, въ данномъ случаѣ, убѣжденія своего начальника и друга. Крымская война и участіе въ ней Англіи разрушили многіе сокровенные идеалы, которыми онъ жилъ. Вѣроломное поведеніе Вѣнскаго кабинета въ отношеніи Россіи глубоко его возмущало, хотя онъ всю вину въ этомъ случаѣ приписывалъ не молодому австрійскому императору, но почти исключительно неспособности австрійскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, графа Буоля. Но онъ настолько былъ проникнутъ традиціонною политикою Россіи въ царствованіе Николая Павловича, что увлеченія наполеоновскимъ принципомъ національности были для него немыслимы.

Крымская война принесла для барона Бруннова, среди многихъ разочарованій, еще одно особенное — относительно конвенціи о проливахъ 1841 года. Мы выше видѣли, какимъ образомъ онъ толковалъ обязательность этого международнаго акта. Когда, во время войны, чрезъ проливы Дарданельскій и Босфорскій свободно проходили военныя суда и войска воюющихъ противъ Россіи западныхъ державъ, баронъ Брунновъ вспомнилъ, что „наши моряки никогда не были влюблены въ трактатъ о Дарданеллахъ". Онъ же всетаки защищалъ этотъ актъ, потому что былъ убѣжденъ въ его пользѣ, заключающейся въ томъ, что онъ предупреждалъ плаваніе Англичанъ и Французовъ въ Черномъ морѣ и близъ русскихъ береговъ.

„Вотъ почему", писалъ баронъ Брунновъ 30 августа (11-го сентября) 1854 г. Государственному Канцлеру, „я продолжаю считать принципъ закрытія проливовъ полезнымъ. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что трактатъ 1841 года раздѣляетъ судьбу всѣхъ дипломатическихъ соглашеній. Онъ можетъ оказаться для насъ безполезнымъ именно тогда,

plique qu'à l'état de paix. Survient une complication—Adieu le traité des Dardanelles! Voilà ce qui est arrivé l'année dernière; et voilà ce qui doit se reproduire en toute circonstance semblable. Le traité du 1 (13) juillet n'est donc pas un remède absolu pour tous les maux que peuvent affliger l'Orient. S'il a fait son temps, je serai le dernier à me chagriner de sa mort".

Dans le cours de cette guerre de Crimée qui durait plus longtemps qu'on ne devait le supposer, le baron Brunnow eut tout le loisir de réfléchir sur l'utilité ou le danger pour la Russie du traité sur la fermeture des détroits. On sait que dans les années 1856 et 1871 c'est avec son concours personnel que la force obligatoire de l'acte international de 1841 a été confirmée.

Après s'être une seconde fois fixé à Darmstadt, avec l'autorisation suprême, le baron Brunnow eut l'occasion de se mettre en rapport indirectement avec le gouvernement de Londres à la suite de l'incident suivant. A la fin d'août de l'année 1854, il reçut une lettre du Chancelier de l'Empire, dans laquelle on le priait de chercher un moyen de soulager le sort des prisonniers de guerre russes en Angleterre, qui étaient molestés de toute manière, tandis que les prisonniers de guerre anglais jouissaient en Russie d'un bien-être complet. Le hazard a fait que le célèbre voyageur et géographe anglais sir Roderick Murchison, qui avait des sentiments de profonde estime pour l'Empereur Nicolas I et entretenait des relations d'amitié avec le baron Brunnow se rendait à cette époque à Darmstadt pour lui faire une visite. Le baron Brunnow lui montrait la lettre du comte Nesselrode.

Sir Roderick se chargeait de s'expliquer à ce sujet avec lord Clarendon, dès son retour à Londres. C'est ce qu'il fit, et s'empressait de communiquer au baron Brunnow, par une lettre du 6 (18) septembre, le résultat de ses pourparlers avec lord Clarendon et sir James Graham, Ministre de la guerre. Les deux ministres niaient catégoriquement que les prisonniers de guerre russes fussent exposés à de mauvais traitements. Sir Roderick Murchison était en outre autorisé de communiquer au baron Brunnow que les règles suivantes seraient observées dans cette circonstance: 1) tout officier russe recevrait 7 schilling 6 pence par jour et serait libre de se déplacer sur un rayon de 10 milles du

когда мы въ особенности въ немъ будемъ нуждаться. Онъ примѣнимъ только во время мира. Возникаетъ усложненіе — прощай трактатъ о Дарданеллахъ! Вотъ что случилось въ прошломъ году и вотъ что должно повторяться при всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ. Трактатъ отъ 1-го (13-го) іюля вовсе не есть абсолютное средство противъ всѣхъ золъ, могущихъ тревожить Востокъ. Если онъ больше ненуженъ, то я не буду печалиться объ его уничтоженіи".

Во время неожиданно продолжительной Крымской войны баронъ Брунновъ много имѣлъ досуга для размышленія надъ пользою или вредомъ для Россіи трактата о закрытіи Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ. Извѣстно, что въ 1856 и 1871 годахъ, при его личномъ участіи, была вновь подтверждена обязательность международнаго акта 1841 года.

Послѣ своего вторичнаго поселенія, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Дармштадтѣ, барону Бруннову пришлось вступить косвенно въ переговоры съ Лондонскимъ правительствомъ по слѣдующему поводу. Въ концѣ августа 1854 г. онъ получилъ отъ Государственнаго Канцлера письмо, въ которомъ его просили отыскать средство для облегченія участи русскихъ военноплѣнныхъ въ Англіи, которые подвергаются всевозможнымъ стѣсненіямъ, между тѣмъ какъ англійскіе военноплѣнные въ Россіи благоденствуютъ. Случилось, что въ это самое время заѣхалъ къ барону Бруннову, въ Дармштадтъ, знаменитый англійскій путешественникъ и географъ, сэръ Родерикъ Мэрчиссонъ, искренне почитавшій Императора Николая I и находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ барономъ. Брунновъ показалъ сэру Родерику Мэрчиссону письмо графа Нессельроде.

Сэръ Родерикъ взялся, немедленно по возвращеніи въ Лондонъ, объясниться по этому дѣлу съ лордомъ Кларендономъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, и въ письмѣ отъ 6 (18-го) сентября онъ сообщилъ барону Бруннову о результатѣ своихъ переговоровъ съ лордомъ Кларендономъ и Военнымъ Министромъ, сэромъ Джемсомъ Грогэмомъ. Оба министра категорически отрицали дурное обращеніе съ русскими военноплѣнными. Вмѣстѣ съ тѣмъ они уполномочили сэра Р. Мэрчиссона объявить барону Бруннову, что въ основаніе обращенія съ русскими военноплѣнными будутъ приняты слѣдующія правила: Во 1-хъ, каждый русскій офицеръ будетъ получать въ сутки 7 шиллинговъ и 6

lieu qui lui serait fixé comme résidence. 2) Tout soldat et matelot aurait une ration de 3/4 de livre de viande et de 3/4 de livre de bon pain. 3) Comme la vie sur les bateaux semble répugner aux soldats russes, ils pourront être logés dans des prisons restées libres (unoccupied prisons). Enfin 4) l'aumônier Popow aura la permission de visiter les prisonniers de guerre et de se faire l'interprète de leurs réclamations, si elles sont fondées. (Lettre du baron Brunnow au comte Nesselrode du 6 (18) septembre 1854).

Le gouvernement prit acte de ce règlement et eut l'occasion, dans le courant des années 1854 et 1855, de procéder plus d'une fois à l'échange des prisonniers de guerre par l'entremise des Légations de Danemarc à St. Pétersbourg et à Londres.

L'accord ci-dessous avec le gouvernement anglais au sujet de l'échange des prisonniers est également intervenu avec le concours gracieux des représentants du Danemarc et porte un caractère plus général. Par une note du 10 septembre 1855, lord Clarendon informait le Ministre de Danemarc à la Cour de Londres qu'il acceptait l'accord proposé au gouvernement anglais, sous reserve de deux modifications insignifiantes au § 2. Il s'agissait d'ajouter 1) après le mot *capitaine* — les mots: *de l'armée*, et 2) après le mot: *Odessa* — les mots: „Libau et Archangel".

пенсовъ и на 10 милей въ окружности отъ назначеннаго ему, на честное слово, мѣста пребыванія онъ можетъ свободно путешествовать. Во 2-хъ, каждый солдатъ или матросъ будетъ получать по 3/4 ф. говядины и 3/4 ф. хорошаго хлѣба. Въ 3-хъ, такъ какъ Русскимъ не нравится жить на особенныхъ судахъ, то „свободныя тюрьмы" будутъ отведены для нижнихъ чиновъ. Наконецъ, въ 4-хъ, священнику Попову будетъ разрѣшено посѣщать военноплѣнныхъ и исполнять ихъ законныя желанія. (Письмо бар. Бруннова къ графу Нессельроде отъ 6-го (18-го) сентября 1854 г.).

Это соглашеніе было принято къ свѣдѣнію Императорскимъ правительствомъ, которое, въ продолженіи 1854 и 1855 годовъ, неоднократно, чрезъ посредство датскихъ миссій въ С.-Петербургѣ и Лондонѣ, приступало къ размѣну англійскихъ военноплѣнныхъ на русскихъ.

Нижеслѣдующее соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ также состоялось при любезномъ посредничествѣ представителей Даніи и имѣетъ болѣе общій характеръ. Лордъ Кларендонъ, нотою отъ 10 сентября 1855 г., извѣстилъ датскаго посланника при Лондонскомъ дворѣ, что онъ принимаетъ предложенное англійскому правительству соглашеніе съ двумя незначительными прибавками во II-мъ § соглашенія: 1) послѣ слова: *капитана* прибавлено слово: *арміи*, и 2) послѣ слова: *Одесса* прибавлены слова: „Либава и Архангельскъ".

St. Pétersbourg, le 13 août 1855.

Monsieur le Général.

Je réclame vos bons offices pour porter à la connaissance du gouvernement de S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande les conditions d'après lesquelles le gouvernement de S. M. l'Empereur de Russie prend l'engagement moyennant un engagement analogue de la part des gouvernements anglais et français, de faire effectuer et de régler, pendant la durée de la guerre, l'échange des prisonniers respectifs.

С.-Петербургъ, 13 августа 1855 г.

Г. Генералъ.

Обращаюсь къ Вашему благосклонному содѣйствію, чтобы довести до свѣдѣнія правительства Е. В. Королевы Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи тѣ условія, на которыхъ Правительство Е. В. Императора Всероссійскаго принимаетъ на себя обязательство, во взаимство такого же обязательства со стороны правительствъ англійскаго и французскаго, по предмету производства и порядка обмѣна обоюдныхъ плѣнныхъ въ продолженіи войны.

1° Pour les prisonniers des marines marchandes:

a) Ces prisonniers seront échangés homme pour homme et grade pour grade, mais à défaut de grade correspondant, un capitaine au long cours sera échangé contre trois matelots, et un capitaine au cabotage, pilote ou second contre deux matelots;

b) Sauf les circonstances spéciales dont les gouvernements respectifs se réservent l'appréciation en commun, les prisonniers seront échangés d'après la priorité de date de leur captivité;

c) L'échange sera effectué à Liebau;

d) Les frais d'entretien et de transport demeureront à la charge du gouvernement sur le territoire duquel les prisonniers ont été détenus;

e) Les Commandans des bâtimens de guerre anglais ou français qui se trouveront en vue des ports de Liebau, d'Odessa ou d'Archangel seront autorisés à recevoir, contre reçu et sauf décompte, les prisonniers anglais ou français de cette catégorie, qui leur seront remis par les gouvernemens militaires de ces ports, et, respectivement, ceux-ci seront autorisés à recevoir aux mêmes conditions les prisonniers russes de la même catégorie, qui leur seront livrés par les dits commandans: le décompte des prisonniers ainsi livrés sans échange immédiat sera établi à Paris par l'intermédiaire du Ministre d'une Puissance neutre;

f) Les Gouvernemens russe, anglais et français se communiqueront respectivement tous les mois, par l'intermédiaire

I. Для плѣнныхъ съ купеческихъ судовъ:

a) эти плѣнные размѣниваются человѣкъ за человѣка и чинъ за чинъ, но, при недостаткѣ соотвѣтственнаго чина, шкиперъ дальняго плаванія будетъ обмѣниваться на трехъ матросовъ, а шкиперъ каботажнаго плаванія, штурманъ или помощникъ шкипера на двухъ матросовъ;

b) исключая особыя обстоятельства, о коихъ правительства имѣютъ разсудить сообща, плѣнные будутъ обмѣниваться по старшинству времени состоянія ихъ въ плѣну;

c) размѣнъ послѣдуетъ въ Либавѣ;

d) расходы содержанія и перевозки относятся на счетъ того правительства, въ странѣ котораго содержались плѣнные;

e) командующіе военными судами французскими и англійскими, которые будутъ находиться близъ портовъ Либавы, Одессы или Архангельска, получатъ полномочіе къ пріему, подъ росписку и съ условіемъ зачета, англійскихъ и французскихъ плѣнныхъ этого разряда, которые будутъ имъ передаваться военными начальниками этихъ портовъ, и, обратно, эти начальники будутъ уполномочены къ пріему на тѣхъ же условіяхъ русскихъ плѣнныхъ того же разряда, которые будутъ имъ сдаваемы сказанными командирами; расчетъ же выданныхъ такимъ образомъ, безъ непосредственнаго обмѣна, плѣнныхъ будетъ установленъ въ Парижѣ, при посредствѣ министра нейтральной Державы;

f) русское, англійское и французское правительства будутъ взаимно сообщать другъ другу, чрезъ министра

du Ministre d'une Puissance neutre à Paris, des listes des prisonniers tombés en leur pouvoir: ces listes indiqueront autant que possible, les noms, prénoms, âges, grades des prisonniers, les noms des bâtiments sur lesquels ils étaient employés, les lieus et dates de leur capture.

2° Pour les prisonniers des armées de terre et de mer:

a) Ces prisonniers seront échangés homme pour homme et grade pour grade selon les catégories ci-après: 1° officiers généraux et supérieurs; 2° officiers depuis le grade de souslieutenant, enseigne ou cornette, jusqu'à celui de lieutenant de vaisseau ou de capitaine de l'armée inclusivement, 3° sous-officiers, soldats et matelots, les sous-officiers devant compter pour deux soldats ou matelots.

Si un prisonnier de l'une des deux premières catégories ne pouvait être échangé contre un prisonnier de la même catégorie, son échange aurait lieu contre les prisonniers de la 3 me catégorie, à raison de 30 hommes pour un prisonnier de la 1me catégorie, et de 15 hommes pour un prisonnier de la seconde;

b) Les prisonniers seront échangés selon la priorité de la date du commencement de leur captivité, sauf les cas exceptionnels sur lesquels les gouvernements respectifs se réservent de s'entendre;

c) Les échanges seront effectués à Odessa, à Liebau ou Archangel;

d) Le gouverneur militaire du port de Liebau sera autorisé à recevoir, contre reçu et sauf décompte, les prisonniers russes des armées de terre et de mer, qui lui seront remis par des

нейтральной Державы въ Парижѣ, ежемѣсячно списки лицъ, взятыхъ ими въ плѣнъ: въ этихъ спискахъ, насколько возможно, будутъ обозначаться имена, фамиліи, возрастъ, чины плѣнныхъ, названія судовъ, на которыхъ они служили, мѣсто и время взятія ихъ въ плѣнъ.

II. Для плѣнныхъ изъ состава сухопутныхъ и морскихъ войскъ:

а) эти плѣнные подлежатъ размѣну человѣкъ за человѣка и чинъ за чинъ, по нижеслѣдующимъ разрядамъ: 1) генералы и штабъ-офицеры; 2) офицеры съ чина подпоручика, ротмистра или мичмана до чина лейтенанта флота или капитана арміи включительно; 3) унтеръ-офицеры, солдаты и матросы, при чемъ унтеръ-офицеры должны считаться за двухъ солдатъ или матросовъ.

Если плѣнный одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ не могъ бы быть размѣненъ на плѣннаго того же разряда, то его размѣнъ послѣдуетъ на плѣнныхъ третьяго разряда, считая 30 человѣкъ за плѣннаго перваго разряда и 15 человѣкъ за плѣннаго второго разряда;

b) плѣнные будутъ размѣниваться по старшинству времени, съ котораго начался ихъ плѣнъ, кромѣ случаевъ исключительныхъ, о коихъ подлежащія правительства войдутъ въ соглашеніе;

c) размѣнъ будетъ производиться въ Одессѣ, Либавѣ и Архангельскѣ;

d) военный начальникъ Либавскаго порта будетъ уполномоченъ къ пріему, подъ росписку и съ условіемъ зачета, тѣхъ русскихъ плѣнныхъ изъ состава сухопутныхъ и морскихъ войскъ, которые будутъ

bâtimens parlementaires anglais ou français, dont les départs seront, autant que possible, notifiés à l'avance au gouvernement russe, et, respectivement, les commandans des bâtimens de guerre anglais ou français qui se trouveront en vue d'Odessa, seront autorisés à recevoir contre reçu et sauf décompte, les prisonniers anglais ou français appartenant à leurs armées de terre ou de mer, qui leur seront livrés par le gouvernement militaire d'Odessa; le décompte des prisonniers ainsi livrés sans échange direct sera établi à Odessa par la voie de communications parlementaires;

e) Les prisonniers mutilés ou grièvement blessés seront réstitués de part et d'autre, sans échange, mais l'appréciation de leur état d'invalidité appartiendra exclusivement aux chirurgiens militaires du pays où ils se trouveront prisonniers;

f) Les prisonniers malades ou dont les blessures exigeront des soins seront traités dans les hôpitaux respectifs jusqu'à leur guérison et seront, immédiatement après, restitués conformément aux dispositions du § dernier, si la date de leur captivité les appelait à être compris dans un échange effectué pendant leur séjour dans les hôpitaux.

g) Les frais d'entretien et de transport des prisonniers respectifs demeureront à la charge du gouvernement au pouvoir duquel ces prisonniers seront tombés;

h) Les Généraux ou Amiraux Commandant en Chef les armées respectives

ему сдаваемы парламентерскими английскими и французскими судами, о посылкѣ коихъ русское правительство будетъ извѣщаемо насколько возможно заранѣе, — и, обратно, командующіе военными судами англійскими и французскими, которые будутъ находиться близъ Одессы, получатъ полномочіе къ пріему, подъ росписку и съ условіемъ зачета, англійскихъ и французскихъ плѣнныхъ, принадлежащихъ къ ихъ сухопутнымъ и морскимъ войскамъ, которые будутъ имъ сдаваемы военнымъ начальствомъ Одессы; расчетъ плѣнныхъ, передаваемыхъ, согласно сему, безъ прямого обмѣна, будетъ сдѣланъ въ Одессѣ посредствомъ парламентерскихъ сношеній;

e) увѣчные или тяжело раненные плѣнные возвращаются, съ той и другой стороны, безъ размѣна, но рѣшеніе вопроса объ ихъ увѣчьяхъ предоставляется исключительно военнымъ хирургамъ страны, гдѣ они будутъ находиться плѣнными;

f) плѣнные больные, или раны коихъ будутъ требовать леченія, будутъ пользуемы въ обоюдныхъ госпиталяхъ до ихъ поправленія, и затѣмъ немедленно будутъ возвращаемы, согласно постановленіямъ послѣдняго §, если окажется, что время взятія ихъ въ плѣнъ давало имъ право на включеніе въ обмѣнъ, послѣдовавшій пока они находились въ госпиталяхъ;

g) издержки содержанія и перевозки обоюдныхъ плѣнныхъ относятся на счетъ того правительства, у котораго они состояли въ плѣну;

h) главноначальствующіе генералы и адмиралы обоюдныхъ армій будутъ имѣть

demeureront autorisés à se concerter, par voie de parlementaires, sur les modifications qui pourront être apportées aux dispositions qui précèdent relativement au lieu et au mode d'échange, ainsi que sur toutes les questions de détail qui pourront surgir à l'ocassion des échanges.

En vous adressant cette communication, par ordre de l'Empereur, je saisis avec empressement l'occassion de vous renouveler, etc.

Nesselrode.

полномочія ко взаимному соглашенію, посредствомъ парламентеровъ, о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя потребовалось бы внести въ вышеизложенныя постановленія относительно мѣста и способа обмѣна, равно какъ и обо всѣхъ частныхъ вопросахъ, могущихъ возникнуть по случаю размѣновъ.

Обращаясь къ Вамъ съ настоящимъ сообщеніемъ по повелѣнію Государя Императора, пользуюсь случаемъ и пр.

Нессельроде.

1856, le 18 (30) mars. Traité de paix de Paris. (V. les Traités avec la France).

1856 г., марта 18 (30). Парижскій мирный трактатъ. (См. Трактаты съ Франціею).

№ 457.

1858, le 31 décembre (le 12 janvier 1859). Traité de commerce et de navigation, signé à St. Pétersbourg. (Second Recueil des lois № 36302.

Au nom de la Très-Sainte et Indivisible Trinité.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, animés du désir d'étendre et de faciliter les relations commerciales entre leurs Etats et sujets respectifs, ont résolu de conclure un traité à cet effet et ont nommé pour leurs plénipotentiaires respectifs, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies: le prince Alexandre Gortchakow, son Conseiller Privé-Actuel et Ministre des Affaires Etrangères, chevalier des ordres de Russie: de St. André, de St. Wladimir de la 1-re classe, etc.

№ 457.

1858 г., декабря 31-го (1859 г. января 12). Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, подписанный въ С.-Петербургѣ (2-ое П. С. З. № 36302).

Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, побуждаемые желаніемъ распространить и облегчить торговыя сношенія между обоюдными ихъ государствами и подданными, постановили заключить для сего трактатъ и назначили своими обоюдными уполномоченными, именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій: князя Александра Горчакова, своего Дѣйств. Тайнаго Совѣтника и Министра Иностранныхъ дѣлъ, кавалера россійскихъ орденовъ: Св. Андрея Первозваннаго, Св. Владиміра 1-й ст., и т. д.;

et S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande Sir John Fiennes Crampton, chevalier Baronet du Royaume Uni, chevalier commandeur du très-honorable ordre du Bain, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire de Sa Majesté près S. M. l'Empereur de toutes les Russies;

lesquels après s'être communiqué leurs pleins pouvoirs respectifs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et conclu les articles suivants:

а Ея В. Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи сиръ Джона Фьенеса Крэмптона, кавалера Баронета Соединеннаго Королевства, коммандора высокопочтеннаго ордена Бани, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Ея В. при Е. В. Императорѣ Всероссійскомъ;

каковые полномочные, по взаимномъ сообщеніи другъ другу своихъ полномочій, найденныхъ въ доброй и надлежащей формѣ, постановили и заключили нижеслѣдующія статьи:

Article I.

Il y aura entre tous les Etats et possessions des deux hautes Parties contractantes liberté réciproque de commerce et de navigation. Les sujets de chacune des deux hautes Parties contractantes pourront respectivement entrer en toute liberté et sécurité, avec leurs navires et cargaisons, dans toutes les places, ports et rivières des Etats et possessions de l'autre, dont l'entrée est ou pourra être permise à d'autres étrangers; et dans toute l'étendue des Etats et possessions de l'autre, ils jouiront en matière de commerce et de navigation des mêmes droits, priviléges, libertés, faveurs, mmunités et exemptions dont jouissent ou jouiront les nationaux.

Il est entendu toutefois que les stipulations qui précèdent ne dérogent en rien aux lois, ordonnances et réglemens spéciaux en matière de commerce, d'industrie et de police en vigueur dans

Статья I.

Между государствами и всѣми владѣніями обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, будетъ существовать взаимная свобода торговли и мореплаванія. Подданнымъ каждой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ взаимно предоставленъ совершенно свободный и безопасный входъ съ ихъ судами и грузами во всѣ мѣста, порты и рѣки государства и владѣній другой стороны, въ которые входъ нынѣ дозволенъ или впредь дозволенъ будетъ другимъ иностранцамъ; и на всемъ пространствѣ государства и владѣній другой стороны, они будутъ пользоваться относительно торговли и мореплаванія тѣми же правами, привилегіями, льготами, преимуществами и изъятіями, какими пользуются или впредь пользоваться будутъ туземные подданные.

При семъ однако разумѣется, что предъидущія постановленія ни въ чемъ не измѣняютъ законовъ, предписаній и особыхъ правилъ по предмету торговли, промышленности и полиціи, дѣй-

chacun des deux pays et applicables à tous les étrangers en général.

Article II.

Il ne sera imposé d'autres ni de plus forts droits sur l'importation dans les Etats et possessions de S. M. l'Empereur de toutes les Russies d'un article quelconque, produit du sol ou de l'industrie des Etats et possessions de S. M. Britannique, de quelque place qu'il arrive, et il ne sera imposé d'autres ni de plus forts droits sur l'importation dans les Etats et possessions de S. M. Britannique d'un article quelconque, produit du sol ou de l'industrie des Etats et possessions de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, de quelque place qu'il arrive, que ceux qui sont ou seront payés pour le même article, produit du sol ou de l'industrie d'un autre pays étranger quelconque; et il n'y aura aucune prohibition pour l'importation d'un article quelconque, produit du sol ou de l'industrie des Etats et possessions de l'une des deux hautes Parties contractantes dans les Etats et possessions de l'autre, laquelle ne s'étendra pas également à l'importation des mêmes articles, produits du sol ou de l'industrie d'un autre pays quelconque.

Article III.

Il ne sera imposé d'autres ni de plus forts droits ou charges dans les Etats et possessions de l'une des Parties contractantes sur l'exportation pour les Etats et possessions de l'autre d'un article quelconque, que ceux qui sont ou seront payés à l'exportation du même article pour un autre pays étranger

ствующихъ въ каждомъ изъ обоихъ государствъ и примѣнимыхъ ко всѣмъ вообще иностранцамъ.

Статья II.

Ни съ какихъ произведенiй земли или промышленности государства и владѣнiй Ея Британскаго Величества, привозимыхъ во владѣнiя Е. В. Императора Всероссiйскаго, откуда бы оныя ни привозились, и ни съ какихъ произведенiй земли или промышленности государства и владѣнiй Е. В. Императора Всероссiйскаго, привозимыхъ во владѣнiя Ея Британскаго Величества, откуда бы оныя ни привозились, не будетъ взимаемо иныхъ или большихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя взимаются или будутъ взиматься съ подобныхъ же предметовъ, произведенiй земли или промышленности всякаго другаго иностраннаго государства; и ввозъ какого либо произведенiя земли или промышленности государства и владѣнiй одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ въ государство и владѣнiя другой стороны не будетъ подвергаться никакому запрещенiю, которое не распространялось бы равнымъ образомъ и на ввозъ тѣхъ же предметовъ, произведенiй земли или промышленности всякаго другаго государства.

Статья III.

Ни съ какихъ предметовъ вывозимыхъ изъ владѣнiй одной изъ договаривающихся сторонъ во владѣнiя другой стороны, не будетъ взимаемо иныхъ или большихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя взимаются или впредь взимаемы будутъ съ вывоза тѣхъ же предметовъ во всякое другое иностранное

*

quelconque, et l'exportation d'un article quelconque des Etats et possessions de l'une des deux Parties contractantes pour les Etats et possessions de l'autre ne sera frappée d'aucune prohibition qui ne s'étendra pas également à l'exportation du même article pour tout autre pays.

государство; и вывозъ какихъ бы то ни было предметовъ изъ государства и владѣній одной изъ договаривающихся сторонъ въ государство и владѣнія другой стороны не будетъ подвергаться никакому запрещенію, которое не распространялось бы равнымъ образомъ на вывозъ тѣхъ же предметовъ во всякую другую страну.

Article IV.

Il y aura réciproquement la même égalité de traitement pour l'emmagasinage, pour le commerce de transit, ainsi que pour les primes, facilités et remboursements de droits qui sont ou qui pourraient être accordés par la législation de l'un ou l'autre pays.

Статья IV.

Будетъ взаимно соблюдаться совершенное равенство относительно склада товаровъ въ пакгаузахъ, транзитной торговли, равно какъ и относительно премій, льготъ и возврата пошлинъ, нынѣ установленныхъ или какія впредь могутъ быть установлены законами того или другаго государства.

Article V.

Toutes les marchandises et tout article de commerce, produits du sol ou de l'industrie soit des Etats et possessions de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, soit d'un autre pays quelconque, qui peuvent ou qui pourront être légalement importés dans les ports du Royaume-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, et de ses Etats et possessions, par navires britanniques, pourront également y être importés par navires russes, sans payer d'autres ni de plus forts droits, sous quelque dénomination que ce soit, que si ces marchandises et articles de commerce étaient importés par navires britanniques; et réciproquement toutes les marchandises et tout article de commerce, produits du sol ou de l'industrie soit du Royame-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, de ses Etats et possession, soit d'un autre

Статья V.

Всякаго рода товары и предметы торговли, произведенія земли или промышленности какъ государства и владѣній Е. В. Императора Всероссійскаго, такъ и всякой другой страны, нынѣ дозволенные или которые впредь будутъ дозволены къ привозу въ порты Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и его владѣній, на великобританскихъ судахъ, будутъ равнымъ образомъ дозволены къ привозу туда на россійскихъ судахъ, не платя иныхъ или большихъ пошлинъ, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, кромѣ тѣхъ, какія взимались бы, еслибъ эти товары и предметы торговли были привезены на великобританскихъ судахъ; и взаимно всякаго рода товары и предметы торговли, произведенія земли или промышленности какъ Соединеннаго Королевства Великобританіи

pays quelconque, qui peuvent ou qui pourront être légalement importés dans les ports des Etats et possessions de S. M. l'Empereur de toutes les Russies par navires russes, pourront également y être importés par navires britanniques, sans payer d'autres ni de plus forts droits, sous quelque dénomination que ce soit, que si ces marchandises et articles de commerce étaient importés par navires russes. Cette réciproque égalité de traitement aura son effet sans distinction de provenance, soit que la marchandise ou article de commerce arrive directement du pays de son origine, soit qu'il arrive de tout autre pays.

De la même manière il y aura parfaite égalité de traitement pour l'exportation, de sorte que les mêmes droits de sortie seront payés et les mêmes primes et remboursemens de droits seront accordés dans les Etats et possessions de chacune des deux hautes Parties contractantes, à l'exportation d'un article quelconque qui peut ou qui pourra en être légalement exporté, sans distinction que l'exportation se fasse par navires russes ou par navires britanniques, et quelle qu'en soit la destination, soit pour un port de l'autre Partie contractante, soit pour un port d'une Puissance tierce quelconque.

и Ирландіи и его владѣній, такъ и всякой другой страны, нынѣ дозволенные или которые впредь будутъ дозволены къ привозу въ порты государства и владѣній Е. В. Императора Всероссійскаго на россійскихъ судахъ, будутъ равнымъ образомъ дозволены къ привозу туда на великобританскихъ судахъ, безъ платежа иныхъ или большихъ пошлинъ, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, кромѣ тѣхъ, какія взимались бы, еслибъ эти товары и предметы торговли были привезены на россійскихъ судахъ. Это взаимное равенство будетъ соблюдаемо независимо отъ того, изъ какого мѣста товары или предметы торговли привозятся, прямо ли изъ мѣста ихъ происхожденія, или изъ какой либо другой страны.

Равнымъ образомъ будетъ соблюдаться совершенное равенство относительно вывоза, такъ, что при вывозѣ какого либо предмета, нынѣ дозволеннаго или который впредь будетъ дозволенъ къ вывозу, въ государствѣ и во владѣніяхъ каждой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ взиматься одинаковыя вывозныя пошлины и предоставляться одинаковыя преміи и возвраты пошлинъ, безъ различія, будетъ ли вывозъ оныхъ производиться на россійскихъ или на великобританскихъ судахъ, и куда бы оные ни назначались, въ портъ ли другой договаривающейся стороны, или въ портъ какой либо иной державы.

Article VI.

Aucun droit de tonnage, de port, de pilotage, de fanaux, de quarantaine, ni autre droit semblable ou correspondant, de quelque nature ou sous quelque dé-

Статья VI.

Въ портахъ одной изъ договаривающихся Державъ не будетъ налагаться на суда другой никакихъ ластовыхъ, портовыхъ, лоцманскихъ, маячныхъ,

nomination que se soit, perçu au nom ou au profit du gouvernement, de fonctionnaires publics, de particuliers, de corporations, ou d'établissemens quelconques, ne sera imposé dans les ports de l'un des deux pays aux navires de l'autre qui ne serait pas également et dans les mêmes conditions, imposé aux navires nationaux en général, l'intention de deux hautes Parties contractantes étant que, sauf certaines exemptions locales dont jouit d'ancienne date la navigation de quelques uns des ports du Royaume-Uni de la Grande Bretangne et d'Irlande, il n'existe dans leurs Etats et possessions respectifs, sous le rapport des droits mentionnés ci-dessus, aucun privilége ni aucune prérogative quelconque favorisant exclusivement le pavillon national au préjudice du pavillon de l'autre Partie contractante. Cette égalité de traitement aura réciproquement son effet à l'égard des navires respectifs, de quelque port ou place qu'ils arrivent et quelle que soit leur destination à leur départ.

карантинныхъ, ниже другихъ подобныхъ или соотвѣтственныхъ пошлинъ, какого бы то ни было рода или подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, взимаемыхъ отъ имени или въ пользу правительства, должностныхъ или частныхъ лицъ, цеховъ или какихъ либо учрежденій, которыя не налагались бы равнымъ образомъ и при одинаковыхъ условіяхъ на туземныя суда вообще, такъ какъ намѣреніе обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ состоитъ въ томъ, чтобы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ изъятій, которыми пользуется съ давняго времени мореплаваніе нѣкоторыхъ портовъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, въ обоюдныхъ ихъ государствахъ и владѣніяхъ не существовало относительно вышепомянутыхъ пошлинъ никакой привилегіи и никакого преимущества, благопріятствующаго исключительно туземному флагу, во вредъ флагу другой договаривающейся стороны. Это равенство будетъ взаимно примѣняться къ обоюднымъ судамъ, безъ различія порта или мѣста, откуда они приходятъ, и ихъ назначенія при отплытіи.

Article VII.

En tout ce qui concerne le placement, le chargement, et le déchargement des navires dans les ports, bassins, docks, rade, ou rivières des deux pays, aucun privilége ne sera accordé aux navires nationaux, qui ne sera également accordé aux navires de l'autre pays, l'intention des hautes Parties contractantes étant que, sous ce rapport aussi, les navires respectifs soient traités sur le pied d'une parfaite égalité.

Статья VII.

Во всемъ что касается размѣщенія, нагрузки и разгрузки судовъ въ портахъ, бассейнахъ, докахъ, на рейдахъ или въ рѣкахъ обоихъ государствъ, не будетъ предоставлено туземнымъ судамъ никакихъ преимуществъ, которыя не были бы равнымъ образомъ предоставлены судамъ другаго государства, такъ какъ намѣреніе высокихъ договаривающихся сторонъ заключается въ томъ, чтобы и въ этомъ отношеніи обоюдныя

ихъ суда также пользовались совершеннымъ равенствомъ.

Article VIII.

Les stipulations des articles qui précèdent ne s'appliqueront point au commerce de cabotage, que chacune des hautes Parties contractantes réglera conformément à ses propres lois.

Toutefois il sera libre aux navires de chacun des deux pays, selon que le capitaine, le propriétaire ou une autre personne, dûment autorisée à agir comme agent pour le navire ou la cargaison, le jugera à propos, de passer d'un port de l'un des deux Etats, dans un ou plusieurs ports du même Etat, soit pour y débarquer tout ou partie de leur cargaison apportée de l'étranger, soit pour y composer ou compléter leur chargement, sans payer d'autres droits que ceux auxquels sont ou seront soumis en pareil cas, les bâtimens nationaux.

Статья VIII.

Постановленія, заключающіяся въ предъидущихъ статьяхъ, не должны распространяться на каботажную торговлю, относительно которой каждая изъ договаривающихся сторонъ будетъ дѣйствовать сообразно съ собственными своими законами.

Однако судамъ каждаго изъ обоихъ государствъ предоставляется свобода, по усмотрѣнію шкипера, владѣльца или другаго лица, надлежащимъ образомъ уполномоченнаго дѣйствовать въ качествѣ агента относительно судна или груза, переходить изъ одного порта одного изъ обоихъ государствъ въ другой или въ нѣсколько другихъ портовъ того же государства, какъ для выгрузки тамъ всего своего привезеннаго изъ чужихъ краевъ груза, или части онаго, такъ и для составленія или пополненія своего груза, безъ платежа другихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, какимъ нынѣ подлежатъ или впредь подлежать будутъ, въ подобномъ же случаѣ, суда туземныя.

Article IX.

Tous les navires qui, en conformité des lois de la Grande Bretagne, doivent être considérés comme navires britanniques, et tous les navires qui, en conformité des lois de l'Empire de Russie, doivent être considérés comme navires russes, seront, pour l'application du présent traité, respectivement considérés comme navires britanniques ou russes.

Статья IX.

Всѣ суда, которыя по законамъ Великобританіи должны почитаться великобританскими, и всѣ тѣ, которыя по законамъ Россійской Имперіи должны почитаться россійскими судами, будутъ, для примѣненія настоящаго трактата, обоюдно признаваемы за великобританскія или россійскія суда.

Article X.

Sa Majesté Britannique promet qu'en tout ce qui concerne le commerce et la navigation, les sujets de S. M. l'Empereur de toutes les Russies jouiront dans les Etats et possessions britanniques de tous les priviléges, faveurs et immunités qui sont actuellement ou qui pourraient être par la suite accordés par S. M. Britannique aux sujets ou citoyens d'une autre Puissance quelconque, et S. M. l'Empereur de toutes les Russies, animé du désir de favoriser et d'étendre les relations commerciales des deux pays, promet de son côté, que tout privilége, toute faveur ou immunité quelconque, que Sa Majesté Imperiale accorde actuellement ou qu'elle pourrait accorder par la suite, en matière de commerce et de navigation, aux sujets ou citoyens d'un autre Etat quelconque sera étendu aux sujets de Sa Majesté Britannique.

Статья X.

Ея Великобританское Величество обѣщаетъ, что во всемъ, что касается торговли и мореплаванія, подданные Е. В. Императора Всероссійскаго будутъ пользоваться въ государствѣ и владѣніяхъ Великобританскаго Королевства всѣми привилегіями, преимуществами и льготами, какъ нынѣ предоставленными, такъ и тѣми, которыя могутъ быть впредь дарованы Ея Великобританскимъ Величествомъ подданнымъ или гражданамъ какой либо другой державы; и Е. В. Императоръ Всероссійскій, побуждаемый желаніемъ благопріятствовать торговымъ сношеніямъ обоихъ государствъ и содѣйствовать ихъ распространенію, обѣщаетъ съ своей стороны, что всѣ какія бы то ни было привилегіи, преимущества или льготы, нынѣ предоставленныя или которыя впредь могутъ быть дарованы Его Императорскимъ Величествомъ, относительно торговли и мореплаванія, подданнымъ или гражданамъ какого либо другаго государства, будутъ распространены и на подданныхъ Ея Великобританскаго Величества.

Article XI.

Les sujets de chacune des deux hautes Parties contractantes, en se conformant aux lois du pays, auront:

1) pleine liberté, avec leurs familles, d'entrer, de voyager ou séjourner dans quelque partie que ce soit des Etats et possessions de l'autre Partie contractante;

2) ils auront la faculté, dans les villes et ports, de louer ou posséder

Статья XI.

Подданные каждой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, сообразуясь съ законами страны, будутъ пользоваться:

1) Полною свободою съ ихъ семействами пріѣзжать, путешествовать или проживать въ какой бы то ни было части государства и владѣній другой договаривающейся стороны.

2) Правомъ нанимать, въ городахъ и въ портахъ, дома, магазины, лавки и

les maisons, magasins, boutiques et terrains qui leur seront nécessaires;

3) ils pourront excercer leur commerce soit en personne, soit par l'intermédiaire d'agens de leur choix; enfin

4) ils ne seront assujettis pour leurs personne ou propriétés ni pour leurs passeports, permis de séjour ou d'établissement, ni en raison de leur commerce ou de leur industrie à des taxes, soit générales soit locales, ni à des impôts ou obligations, de quelque nature que ce soit, autres ni plus onéreux, que ceux qui sont ou pourront être établis pour les nationaux.

земли, которые имъ будутъ нужны, или владѣть таковыми.

3) Правомъ производить свою торговлю, какъ лично сами, такъ и посредствомъ агентовъ по своему выбору; наконецъ,

4) Ни лично съ нихъ, ни съ владѣемой ими собственности, ни за ихъ паспорты, свидѣтельства на жительство или на поселеніе, ниже по случаю производимыхъ ими торговли или промысловъ, не будетъ съ нихъ требоваться никакихъ иныхъ или большихъ сборовъ, общихъ или мѣстныхъ, или налоговъ, ниже какого бы то ни было рода повинностей, кромѣ тѣхъ, которые нынѣ существуютъ или впредь будутъ установлены для туземцевъ.

Article XII.

Seront respectés les habitations et magasins des sujets de chacune des deux hautes Parties contractantes dans les Etats et possessions de l'autre, ainsi que tous les terrains qui en dépendent, servant soit à la demeure, soit au commerce. S'il y avait lieu à faire une perquisition ou visite domiciliaire dans ces habitations et terrains, ou bien à inspecter ou visiter les livres, papiers ou comptes, il ne sera procédé à une telle mesure qu'en vertu d'un arrêt légal ou d'un ordre par écrit d'un tribunal ou de l'autorité compétente.

Les sujets de chacune des deux hautes Parties contractantes dans les Etats et possessions de l'autre auront libre accès dans les tribunaux pour défendre ou pour suivre leurs droits. Ils jouiront sous ce rapport des mêmes droits et

Статья XII.

Жилища и магазины подданныхъ каждой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, въ государствѣ и во владѣніяхъ другой стороны, будутъ уважаемы, равно какъ и всѣ принадлежащія къ онымъ земли, служащія для жительства или для торговли. Если встрѣтится надобность произвести изслѣдованіе или домашній обыскъ въ этихъ жилищахъ и на этихъ земляхъ или разсмотрѣть книги, бумаги или счеты, то къ таковой мѣрѣ будетъ приступлено не иначе, какъ на основаніи законнаго опредѣленія или письменнаго приказанія судебнаго мѣста или подлежащей власти.

Подданные изъ каждой обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ имѣть свободный доступъ въ присутственныя мѣста государства и владѣній другой стороны, для защиты или для отыскиванія своихъ правъ. Они

priviléges que les sujets du pays, et seront, comme ceux-ci, libres de se servir, en toute cause, de leurs avocats, fondés de pouvoirs ou agens, pris parmi les personnes que les lois du pays autorisent à exercer cette espèce de profession.

Article XIII.

Les sujets de chacune des deux Parties contractantes dans les Etats et possessions de l'autre auront pleine liberté d'acquérir, de posséder et d'aliéner toute espèce de propriété que les lois du pays permettent aux étrangers, de quelque nation que ce soit, d'acquérir et de posséder. Ils pourront en faire l'acquisition et en disposer soit par achat, vente, donation, échange, mariage, testament, succession, *ab intestat*, soit de toute autre manière, sous les mêmes conditions que les lois du pays établissent pour tous les étrangers. Leurs héritiers et ayants-cause pourront hériter et prendre possesion d'une telle propriété soit en personne, soit par des agens agissant en leur nom, de la même manière et dans les mêmes formes légales que les sujets du pays. En l'absence d'héritiers et d'ayants-cause, il sera procédé à l'égard de la propriété de la même manière qu'à l'égard d'une propriété semblable appartenant à un sujet du pays et se trouvant dans les mêmes conditions.

будутъ пользоваться въ этомъ отношеніи тѣми же правами и преимуществами, какъ и туземные подданные, и подобно имъ будутъ имѣть право употреблять, по всѣмъ дѣламъ, своихъ адвокатовъ, повѣренныхъ или агентовъ, избирая ихъ изъ числа тѣхъ людей, которымъ законы государства дозволяютъ этимъ заниматься.

Статья XIII.

Подданные каждой изъ обѣихъ договаривающихся сторонъ будутъ пользоваться полною свободою въ государствѣ и во владѣніяхъ другой стороны пріобрѣтать, владѣть и отчуждать всякаго рода собственность, пріобрѣтеніе которой и владѣніе которою законами государства дозволяется иностранцамъ какой бы то ни было націи. Они будутъ имѣть право пріобрѣтать оную и располагать ею посредствомъ купли, продажи, даренія, обмѣна, брачныхъ записей, духовныхъ завѣщаній, наслѣдства по умершемъ безъ духовнаго завѣщанія, или всякими иными способами на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены законами страны для всѣхъ иностранцевъ. Ихъ наслѣдники и представители ихъ правъ могутъ наслѣдовать таковую собственность и вступать во владѣніе оною какъ сами лично, такъ чрезъ дѣйствующихъ отъ ихъ имени агентовъ, точно также и съ соблюденіемъ тѣхъ же закономъ предписанныхъ формальностей, какъ и туземные подданные. Въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ и представителей правъ умершаго, въ отношеніи къ собственности будетъ поступаемо точно такъ же, какъ было бы поступлено съ подобною же собственностію, принадле-

Dans aucun des cas précités, il ne sera payé à raison de la valeur de la propriété d'autres ni de plus forts impôts, droits ou charges, que ceux que payent les sujets du pays. Dans tous les cas il sera permis aux sujets des Parties contractantes d'exporter librement leur propriété ou le produit de la vente, si elle a été vendue, sans être assujettis, à cause de l'exportation, à payer un droit quelconque comme étrangers ni en général des droits autres ou plus élevés que ceux auxquels les sujets du pays sont assujettis en pareille circonstance.

жащею туземному подданному и находящеюся въ тѣхъ же обстоятельствахъ.

Ни въ одномъ изъ вышепомянутыхъ случаевъ не будетъ взыскиваться съ цѣнности собственности другихъ или большихъ налоговъ пошлинъ или сборовъ, кромѣ платимыхъ туземными подданными. Во всѣхъ случаяхъ подданнымъ договаривающихся сторонъ дозволено будетъ свободно вывозить свою собственность или выручку отъ продажи оной, если она была продана, не подвергаясь, по причинѣ вывоза, взысканію какой либо пошлины по своему званію иностранцевъ, и вообще никакихъ иныхъ или большихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, какія обязаны платить и туземные подданные въ подобномъ же случаѣ.

Article XIV.

Les sujets de chacune des deux hautes Parties contractantes dans les Etats et possessions de l'autre seront exempts de tout service militaire forcé, soit dans les armées de terre ou dans la marine, soit dans les gardes ou milices nationales. Ils seront également dispensés de toute charge et fonction judiciaire ou municipale quelconque, ainsi que de toute contribution, soit pécuniaire, soit en nature, établie à titre d'équivalent du service personnel; enfin de tout emprunt forçé et de toute prestation ou réquisition militaire. Seront toutefois exceptées, quant aux charges et fonctions judiciaires ou municipales, celles qui sont attachées à la possession d'un bien-fonds ou d'un bail, et quant aux prestations et réquisitions militaires, celles auxquelles tous les sujets du pays peuvent

Статья XIV.

Подданные каждой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ изъяты въ государствѣ и во владѣніяхъ другой стороны отъ всякой обязательной военной службы, какъ въ сухопутныхъ войскахъ или во флотѣ, такъ и въ національной гвардіи или въ милиціяхъ. Равнымъ образомъ будутъ они свободны отъ службы въ какихъ либо судебныхъ или общественныхъ должностяхъ, а также отъ всякой повинности денежной или натурою, установленной взамѣнъ личной службы; наконецъ, отъ всякаго принужденнаго займа и отъ всякой повинности для военныхъ потребностей или военной реквизиціи. Исключаются изъ сего однако изъ судебныхъ или общественныхъ должностей тѣ, которыя соединены съ владѣніемъ недвижимою соб-

être appelés à concourir comme propriétaires fonciers ou comme fermiers.

Article XV.

Il sera libre à chacune des deux hautes Parties contractantes d'établir des Consuls généraux, Consuls, Vice-Consuls et Agens consulaires dans les villes et ports des Etats et possessions de l'autre. Toutefois ces Consuls généraux, Consuls, Vice-Consuls et Agens consulaires n'entreront en fonctions qu'après avoir été approuvés et admis, dans les formes usitées, par le gouvernement auquel ils sont envoyés. Ils exerceront toutes les fonctions et jouiront de tous les priviléges, exemptions et immunités qui appartiennent ou pourront appartenir aux Consuls de la nation la plus favorisée.

Article XVI.

Tout vaisseau de guerre ou navire marchand de l'une des hautes Parties contractantes qui sera forcé par des tempêtes ou par quelque accident de se réfugier dans un port de l'autre, aura la liberté de s'y radouber, de s'y pourvoir de tous les objets qui lui seront nécéssaires, et de se remettre en mer, sans payer d'autres droits que ceux qui seraient payés en pareil cas par un bâtiment national. Si cependant, le patron d'un navire marchand se trouvait

ственностью или съ арендным содержаніемъ таковой; изъ повинностей же на военныя потребности и военныхъ реквизицій тѣ, которыя могутъ быть возложены на всѣхъ туземныхъ подданныхъ, въ качествѣ поземельныхъ владѣльцевъ или арендаторовъ.

Статья XV.

Каждой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ предоставляется учреждать Генеральныхъ Консуловъ, Консуловъ, Вице-Консуловъ и Консульскихъ агентовъ въ городахъ и портахъ государства и владѣній другой стороны. Однако эти Генеральные Консулы, Консулы, Вице-Консулы и Консульскіе агенты будутъ вступать въ отправленіе своихъ обязанностей не иначе, какъ по утвержденіи и допущеніи ихъ, въ обычной формѣ, тѣмъ Правительствомъ, къ которому они посланы. Они будутъ исполнять всѣ обязанности и пользоваться всѣми привилегіями, изъятіями и льготами, которыя нынѣ принадлежатъ или впредь принадлежать будутъ Консуламъ наиболѣе благопріятствуемой націи.

Статья XVI.

Всякое военное или купеческое судно одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, принужденное бурею или другимъ какимъ либо случаемъ искать убѣжище въ портѣ другой стороны, можетъ свободно тамъ починиваться, запасаться всѣми для него потребностями и снова отходить въ море, не платя другихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, какія заплатило бы въ подобномъ случаѣ и туземное судно. Однако же, если шкиперъ купеческаго судна

dans la nécessité de se défaire d'une partie de ses marchandises pour subvenir à ses dépenses, il sera tenu de se conformer aux ordonnances et aux tarifs de l'endroit où il aura abordé.

S'il arrivait qu'un vaisseau de guerre ou navire marchand de l'une des hautes Parties contractantes échouât ou fît naufrage sur les côtes de l'autre, ce vaisseau ou navire, ainsi que ses débris, ses provisions et gréements et tous les biens et marchandises qui en auront été sauvés, y compris ceux qui auraient été jetés à la mer, ou le produit de la vente, s'ils étaient vendus, de même que tous les papiers trouvés à bord d'un tel vaisseau ou navire échoué ou naufragé, seront remis aux propriétaires ou à leurs agens sur leur réclamation. Au défaut de propriétaires ou d'agents sur les lieux, cette remise se fera entre les mains du Consul-Général, Consul, Vice-Consul ou Agent consulaire russe ou britannique dans le district duquel le naufrage ou échouement aura eu lieu, et ce sur sa réclamation présentée dans le délai que fixent les lois du pays. Les dits Consuls, propriétaires ou agens ne payeront que les frais occasionnés par la conservation de la propriété, ainsi que les mêmes droits de sauvetage et autres, que payerait en pareil cas de naufrage un bâtiment national.

Les biens et marchandises sauvés du naufrage seront exempts de tous droits de douane, à moins qu'ils ne soient admis à la consommation, et dans ce

найдется въ необходимости продать часть своихъ товаровъ для покрытія своихъ издержекъ, то онъ обязанъ въ такомъ случаѣ сообразоваться съ постановленіями и тарифами того мѣста, куда онъ присталъ.

Еслибъ случилось, что военное или купеческое судно одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ стало на мель или претерпѣло крушеніе у береговъ другой стороны, то таковое судно или корабль, равно какъ и его обломки, припасы и снасти, всѣ имущества и товары, которые будутъ спасены, включая въ то число и брошенные за бортъ, или же деньги, вырученныя отъ продажи оныхъ, равно какъ и всѣ бумаги, найденныя на таковомъ сѣвшемъ на мель или потерпѣвшемъ крушеніе кораблѣ или суднѣ, будутъ выдаваемы владѣльцамъ, или ихъ агентамъ, по ихъ требованію. Въ случаѣ отсутствія хозяевъ или агентовъ, выдача будетъ производиться Россійскому или Великобританскому Генеральному Консулу, Вице-Консулу или Консульскому агенту, въ округѣ коего судно стало на мель или потерпѣло крушеніе, и выдача сія послѣдуетъ по его требованію, представленному въ назначенный мѣстными законами срокъ. Сказанные Консулы, владѣльцы или агенты, будутъ обязаны уплачивать только расходы, употребленные на сохраненіе имущества, и только тѣ же самыя пошлины, за спасеніе или иныя, которыя заплатило бы въ подобномъ случаѣ кораблекрушенія туземное судно.

Имущества и товары, спасенные отъ крушенія, будутъ изъяты отъ платежа всякихъ таможенныхъ пошлинъ, если только они не будутъ допущены къ по-

cas ils payeront les mêmes droits que s'ils étaient importés par navire national.

Dans le cas, soit de relâche forcée, soit d'échouement ou de naufrage, si le propriétaire ou le patron ou un autre agent du propriétaire n'est pas présent, ou bien s'il est présent et qu'il le demande, les Consuls généraux, Consuls, Vice-Consuls et Agens consulaires seront autorisés à intervenir pour prêter l'assistance nécessaire à leurs nationaux.

Article XVII.

Les Consuls généraux, Consuls, Vice-Consuls et Agents consulaires de chacune des hautes Parties contractantes dans les Etats et possessions de l'autre recevront des autorités locales toute l'assistance qui pourra légalement leur être accordée pour la restitution des déserteurs des vaisseaux de guerre ou navires marchands de leurs pays respectifs.

Articel XVIII.

Les Iles Ioniennes se trouvant sous la protection de S. M. Britannique, les sujets et navires des dites Iles jouiront, dans les Etats et possessions de S. M. l'Empereur de Russie, de tous les avantages que le présent Traité accorde aux sujets et navires de la Grande Bretagne, aussitôt que le gouvernement des Iles Ioniennes aura déclaré vouloir réciproquement accorder les mêmes avantages dans les dites Iles aux sujets et navires russes, et pour qu'il n'y ait pas

требленію; въ семъ же последнемъ случаѣ съ нихъ будутъ взиматься такія же точно пошлины, какъ бы если оные были привезены на туземномъ суднѣ.

Генеральные Консулы, Консулы и Консульскіе агенты будутъ имѣть право вступаться, для оказанія надлежащаго содѣйствія своимъ соотечественникамъ, если при принужденномъ заходѣ судна въ портъ, посажденіи его на мель или крушеніи, не будетъ находиться на лицо ни хозяина, ни шкипера или инаго агента судохозяина, или таковой и будетъ находиться на лицо, но самъ того пожелаетъ.

Статья XVII.

Генеральнымъ Консуламъ, Консуламъ, Вице-Консуламъ и Консульскимъ агентамъ каждой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ въ государствѣ и во владѣніяхъ другой стороны будетъ оказываться мѣстными властями всякое содѣйствіе, какое законно имъ оказано быть можетъ, для выдачи бѣглыхъ съ военныхъ или съ купеческихъ судовъ ихъ государствъ.

Статья XVIII.

Такъ какъ Іоническіе острова состоятъ подъ покровительствомъ Ея Великобританскаго Величества, то подданные и суда этихъ острововъ будутъ пользоваться въ государствѣ и во владѣніяхъ Е. В. Императора Всероссійскаго всѣми выгодами, которыя настоящимъ трактатомъ предоставляются великобританскимъ подданнымъ и судамъ, какъ скоро Правительство Іоническихъ острововъ объявитъ, что оно желаетъ взаимно предоставить тѣ же

d'abus, il est entendu que tout navire Ionien qui voudra participer au bénéfice du présent Traité, devra être muni d'une patente signée par le Lord Haut-Commissaire ou son représentant.

выгоды на помянутыхъ островахъ Россійскимъ подданнымъ и судамъ; для избѣжанія же злоупотребленій постановляется, что каждое Іоническое судно, желающее участвовать въ выгодахъ настоящаго трактата, должно быть снабжено патентомъ за подписью лорда Верховнаго Коммиссара или его представителя.

Article XIX

Les stipulations du présent Traité seront applicables à tous les bâtimens naviguant sous pavillon russe, sans distinction aucune entre la marine marchande russe proprement dite et celle qui appartient plus particulièrement au Grand Duché de Finlande, lequel forme une partie intégrante de l'Empire de Russie.

Pour ce qui concerne le commerce et la navigation dans les possessions russes sur la côte Nord-Ouest de l'Amérique, la convention conclue à St. Pétersbourg le 16 (28) février 1825 est maintenue en vigueur.

Статья XIX.

Постановленія настоящаго трактата будутъ примѣняемы ко всѣмъ судамъ, плавающимъ подъ россійскимъ флагомъ, безъ всякаго различія между такъ называемымъ въ тѣсномъ смыслѣ россійскимъ торговымъ флотомъ и судами, принадлежащими собственно Великому Княжеству Финляндскому, составляющему нераздѣльную часть Россійской Имперіи.

Относительно торговли и мореплаванія въ Россійскихъ владѣніяхъ по Сѣверо-западному берегу Америки, конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ 16 (28) февраля 1825 года, остается въ полной силѣ.

Article XX.

Les hautes Parties contractantes, désirant assurer, chacune dans ses propres Etats, une complète et efficace protection contre la fraude, à l'industrie manufacturière de l'autre, sont convenues que toute contrefaçon ou imitation frauduleuse, dans l'un des deux pays, des marques de fabrique ou de métier primitivement apposées, *Bona fide*, à des marchandises, produits de l'autre pays, pour constater leur origine et leur qualité, sera sévèrement interdite et réprimée. Sa Majesté Britannique s'engage à re-

Статья XX.

Высокія договаривающіяся стороны, желая упрочить, каждая въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, полную и дѣйствительную защиту мануфактурной промышленности другой стороны, противъ поддѣлокъ, согласились, чтобы всякое подражаніе съ цѣлью обмана, или поддѣлка въ одномъ изъ обоихъ государствъ фабричныхъ или ремесленныхъ знаковъ, первоначально приложенныхъ добросовѣстно *(bona fide)* къ товарамъ, произведеніямъ другаго государства, для удостовѣренія ихъ про-

commander à son Parlement d'adopter telles mesures qui pourront mettre Sa Majeste à même de faire exécuter de la manière la plus complète les stipulations du présent article.

Article XXI.

Les hautes Parties contractantes se réservent de déterminer par la suite, dans une convention spéciale, les moyens de protéger réciproquement, dans leurs Etats respectifs, les droits d'auteur pour les œuvres de littérature et des beaux-arts.

Article XXII.

Le présent Traité de commerce et de navigation restera en vigueur pendant dix ans à dater de l'échange des ratifications, et au delà de ce terme jusqu'à l'expiration de douze mois après que l'une des hautes Parties contractantes aura notifié à l'autre son intention d'en faire cesser l'effet; chacune des hautes Parties contractantes se réservant le droit de faire cette notification à l'autre à l'expiration des neuf premières années ou à toute époque postérieure.

Le présent Traité sera ratifié et les ratifications en seront échangées à Londres dans le délai de six semaines, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à St. Pétersbourg, le 31 décembre 1858 (12 janvier 1859).

(L. S.) Gortchacow.

(L. S.) Sir John Fiennes Crampton.

исхожденія и качества, будетъ строго воспрещаемо и преслѣдуемо. Ея Великобританское Величество обязуется предложить своему парламенту принять такія мѣры, которыя доставили бы Ея Величеству возможность въ самой полной мѣрѣ привести въ исполненіе постановленія настоящей статьи.

Статья XXI.

Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ опредѣлить впослѣдствіи, особенною конвенціею, способы къ взаимной защитѣ въ ихъ обоюдныхъ государствахъ, авторскихъ правъ на произведенія литературы и изящныхъ искусствъ.

Статья XXII.

Настоящій трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи останется въ силѣ и дѣйствіи въ продолженіи десяти лѣтъ, считая со дня размѣна ратификацій, а послѣ сего срока въ теченіи двѣнадцати мѣсяцевъ послѣ того какъ одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ объявитъ другой о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе онаго; каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ предоставляетъ себѣ право учинить таковое объявленіе другой сторонѣ по истеченіи первыхъ девяти лѣтъ или во всякое время послѣ того.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи онаго будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ теченіи шести недѣль или ранѣе, если возможно.

Въ удостовѣреніе чего и т. д.

Учинено въ С.-Петербургѣ 31 декабря 1858 года (12 января 1859 года).

(М. П.) Горчаковъ.

(М. П.) Сэръ Джонъ Фьенесъ Крэмптонъ.

Article séparé I.

Les relations commerciales de la Russie avec les Royaumes de Suède et de Norvège étant réglées par des stipulations spéciales qui pourront être renouvelées dans la suite, sans que les dites stipulations soient liées aux réglemens existans pour le commerce étranger en général, les deux hautes Parties contractantes, voulant écarter de leurs relations commerciales toute espèce d'équivoque ou de motif de discussions, sont tombées d'accord que ces stipulations spéciales accordées au commerce de la Suède et de la Norvège en considération d'avantages équivalents accordés dans ce pays au commerce du Grand Duché de Finlande, ne pourront dans aucun cas être invoqués en faveur des relations de commerce et de navigation établies entre les deux hautes Parties contractantes par le présent Traité.

Article séparé II.

Il est également entendu que ne seront par censés déroger au principe de réciprocité, qui est la base du Traité de ce jour, les franchises, immunités et priviléges mentionnés ci-après, savoir:

1) La franchise dont jouissent les navires construits en Russie et appartenant à des sujets Russes, lesquels, pendant les trois premières années, sont exempts des droits de navigation.

2) La faculté accordée aux habitans de la côte du gouvernement d'Archangel d'importer en franchise ou moyennant des droits modérés dans les ports

Статья отдѣльная I.

Такъ какъ торговыя сношенія Россіи съ Королевствами Шведскимъ и Норвежскимъ опредѣлены особенными условіями, которыя могутъ быть возобновлены въ послѣдствіи и не имѣютъ связи съ постановленіями, существующими касательно иностранной торговли вообще, то обѣ высокія договаривающіяся стороны, желая устранить отъ своихъ торговыхъ сношеній всякаго рода недоразумѣнія или поводы къ спорамъ, согласились, чтобы эти особенныя условія, предоставленныя Шведской и Норвежской торговлѣ, въ замѣнъ равносильныхъ выгодъ, предоставленныхъ въ тѣхъ земляхъ торговлѣ Великаго Княжества Финляндскаго, ни въ какомъ случаѣ не могли служить поводомъ къ требованію распространенія оныхъ на торговыя и мореплавательныя сношенія, утвержденныя между обѣими высокими договаривающимися сторонами настоящимъ трактатомъ.

Статья отдѣльная II.

Равнымъ образомъ постановляется, что не будутъ почитаться нарушающими правила взаимства, служащаго основаніемъ настоящаго трактата, нижеозначенныя льготы, изъятія отъ пошлинъ и привилегіи, а именно:

1) Льгота, которою пользуются суда, построенныя въ Россіи и принадлежащія Россійскимъ подданнымъ, каковыя суда въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ изъяты отъ платежа пошлинъ за право плаванія.

2) Льгота, предоставленная береговымъ жителямъ Архангельской губерніи привозить безпошлинно или съ платою умѣренныхъ пошлинъ, въ порты

du dit gouvernement, du poisson sec ou salé, ainsi que certaines espèces de fourrures, et d'en exporter de la même manière des blés, cordes et cordages, du goudron et du ravendouc.

3) Le privilége de la Compagnie Russe Américaine.

4) Les immunités accordées en Russie à différentes Compagnies Anglaises et Néerlandaises dites Yacht-Clubs.

Article séparé III.

Les présents articles séparés auront la même force et valeur que s'ils étaient insérés mot à mot dans le Traité de ce jour. Ils seront ratifiés et les ratifications en seront échangées en même temps.

En foi de quoi etc.

Fait à St. Pétersbourg, le 31 décembre 1858 (12 janvier 1859).

(L. S.) Gortchacow.

(L. S.) Sir John Fiennes Crampton.

1865, 21 octobre (2 novembre). Acte public relatif à la navigation des embouchures du Danube, signé à Galatz. (V. t. IV, part. II, № 160).

№ 458.

1867, mai 11. Traité entre l'Autriche, la Belgique, la France, la Grande-Bretagne, l'Italie, les Pays-Bas, la Prusse et la Russie concernant le règlement des rapports du Grand-Duché de Luxembourg, conclu à Londres.

Au nom de la Très-Sainte et Indivisible Trinité.

S. M. le Roi des Pays-Bas, Grand-Duc de Luxembourg, prenant en consi-

этой губерніи, сухую и соленую рыбу, а также извѣстные роды пушныхъ товаровъ, и такимъ же образомъ вывозить оттуда хлѣбъ, веревки, канаты, деготь и равендукъ.

3) Привилегія Россійско-Американской Компаніи.

4) Льготы, предоставленныя въ Россіи разнымъ Англійскимъ и Нидерландскимъ компаніямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Яхтъ-Клубовъ.

Статья отдѣльная III.

Настоящія отдѣльныя статьи будутъ имѣть ту же силу и то же дѣйствіе, какъ бы онѣ были включены отъ слова до слова въ трактатъ, заключенный сего числа. Онѣ будутъ ратификованы и ратификаціи ихъ будутъ размѣнены въ то же самое время.

Въ удостовѣреніе чего и т. д.

Учинено въ С.-Петербургѣ 31 декабря 1858 года (12 января 1859 года).

(М. П.) Горчаковъ.

(М. П.) Сэръ Джонъ Фьенесъ Крэмптонъ.

1865 г., октября 21-го (ноября 2-го). Международный актъ относительно судоходства въ устьяхъ Дуная, заключенный въ Галацѣ. (См. т. IV, часть II, № 160).

№ 458.

1867 г., мая 11-го. Трактатъ, заключенный въ Лондонѣ, между Австріею, Бельгіею, Франціею, Великобританіею, Италіею, Нидерландами, Пруссіею и Россіею объ отношеніяхъ Великаго Герцогства Люксембургскаго.

Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы.

Е. В. Король Нидерландскій, Великій герцогъ Люксембургскій, имѣя въ виду

dération le changement apporté à la situation du Grand-Duché, par suite de la dissolution des liens qui l'attachaient à l'ancienne Confédération Germanique, a invité Leurs Majestés l'Empereur d'Autriche, le Roi des Belges, l'Empereur des Français, la Reine du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, le Roi de Prusse et l'Empereur de toutes les Russies, à reunir leurs représentants en conférence à Londres, afin de s'entendre avec les plénipotentiaires de S. M. le Roi Grand-Duc, sur les nouveaux arrangements à prendre dans l'intérêt général de la paix.

Et Leurs dites Majestés, après avoir accepté cette invitation, ont résolu d'un commun accord de répondre au désir que S. M. le Roi d'Italie a manifesté de prendre part à une délibération destinée à offrir un nouveau gage de sûreté au maintien du répos général.

En conséquence Leurs Majestés, de concert avec S. M. le Roi d'Italie, voulant conclure dans ce but un traité, ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême:

le sieur Rodolphe comte Apponyi, chambellan, Conseiller Intime de S. M. Impériale et Royale Apostolique, son Ambassadeur extraordinaire près S. M. Britannique, chevalier de l'ordre de la Toison d'or, grand'croix de l'ordre impérial de Léopold, etc.;

S. M. le Roi des Belges:

le sieur Sylvain Van de Weyer, Ministre d'Etat, son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique, grand'cordon de son ordre de Léopold, etc.;

перемѣну, произошедшую въ положенiи Великаго Герцогства вслѣдствiе расторженiя узъ, соединявшихъ его со старымъ Германскимъ Союзомъ, пригласилъ Ихъ Величества Императора Австрiйскаго, Короля Бельгiйцевъ, Императора Французовъ, Королеву соединеннаго королевства Великобританiи и Ирландiи, Короля Прусскаго и Императора Всероссiйскаго собрать своихъ представителей на конференцiю въ Лондонѣ для соглашенiя съ уполномоченными Е. В. Короля Великаго Герцога объ установленiи новыхъ мѣръ въ общемъ интересѣ мира.

Ихъ реченныя Величества, по принятiи сего приглашенiя, рѣшили, съ общаго согласiя, удовлетворить заявленное Е. В. Королемъ Италiи желанiе участвовать въ совѣщанiи, долженствующемъ дать новый залогъ обезпеченiя сохраненiю всеобщаго спокойствiя.

Вслѣдствiе сего Ихъ Величества, вмѣстѣ съ Е. В. Королемъ Италiи желая заключить съ сказанною цѣлью трактатъ, назначили своими уполномоченными, а именно:

Е. В. Императоръ Австрiйскiй, Король Венгерскiй и Богемскiй:

графа Рудольфа Аппоньи, камергера, тайн. сов. Его Императорскаго и Королевскаго Апостолическаго Величества, своего чрезвычайнаго посла при Е. В. Британскомъ, кавалера ордена Золотого Руна, императорскаго ордена Леопольда большого креста, и т. д.;

Е. В. Король Бельгiйцевъ:

Сильвена Ванъ де Вейера, государственнаго министра, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ, кавалера своего ордена Леопольда большого креста, и т. д.;

*

S. M. l'Empereur des Français:

le sieur Godefroy Bernard Henri Alphonse, Prince de la Tour d'Auvergne-Lauraguais, son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, grand'officier de son ordre impérial de la Légion d'honneur, etc.;

S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande:

le très-honorable Edward Stanley, Lord Stanley, Conseiller de S. M. Britannique en son Conseil Privé, Membre du Parlement, son Principal Secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères, etc.;

S. M. le Roi d'Italie:

le sieur Emmanuel Taparelli de Lagnasco, Marquis d'Azeglio, son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique, grand'croix de l'ordre des Saints Maurice et Lazare, etc.;

S. M. le Roi des Pays-Bas, Grand-Duc de Luxembourg:

le sieur Adolphe Baron Bentinck, son chambellan et Ministre d'Etat, son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près S. M. Britannique, commandeur de son ordre du Lion Néerlandais, etc.;

le Baron Victor de Tornaco, Ministre d'Etat, Président du Gouvernement du Grand-Duché, son chambellan honoraire, grand'croix de son ordre de la Couronne de Chêne, etc.;

et le sieur Emmanuel Servais, Vice-Président du Conseil d'Etat et de la Cour Supérieure de Justice, ancien membre du gouvernement, grand'officier de l'ordre de la Couronne de Chêne, etc.;

S. M. le Roi de Prusse:

le sieur Albert, comte de Bernstorff-Stintenburg, son Ministre d'Etat et

Е. В. Императоръ Французовъ:

князя Годефруа Бернара Генриха Альфонса де ля Туръ д'Овернь-Лорагюэ, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Британскомъ, кавалера офицерскаго креста императорскаго ордена Почетнаго Легіона, и т. д.

Ея В. Королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи:

достопочтеннаго Эдварда Стэнли, лорда Стэнли, совѣтника Е. В. Британскаго въ ея тайномъ совѣтѣ, члена парламента, ея главнаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, и т. д.;

Е. В. Король Италіи:

Эммануила Тапарелли де Ланьяско, маркиза д'Азегліо, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ, кавалера ордена Св. Маврикія и Лазаря большого креста, и т. д.;

Е. В. Король Нидерландскій, Великій Герцогъ Люксембургскій:

барона Антона Бентинка, своего камергера и государственнаго министра, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Е. В. Британскомъ, командора ордена Нидерландскаго Льва, и т. д.;

барона Виктора де Торнако, государственнаго министра, президента правленія Великаго Герцогства, своего почетнаго камергера, кавалера ордена Дубовой короны большого креста, и т. д.;

и Эммануила Сервэ, вице-президента государственнаго совѣта и Верховной судебной палаты, бывшаго члена правленія, кавалера ордена Дубовой короны офицерскаго креста, и т. д.;

Е. В. Король Прусскій:

графа Альберта Бернсторфъ-Штинтенбурга, своего государственнаго ми-

chambellan, son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, grand'croix de son ordre de l'Aigle Rouge avec des feuilles de chêne, etc.;

Et S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

le sieur Philippe Baron de Brunnow, son Conseiller Privé Actuel, Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, chevalier des ordres de Russie, etc.;

Lesquels, après avoir échangé leurs pleins-pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants:

Article I.

S. M. le Roi des Pays-Bas, Grand-Duc de Luxembourg, maintient les liens qui attachent le dit Grand-Duché à la Maison d'Orange-Nassau, en vertu des Traités qui ont placé cet Etat sous la souveraineté de S. M. le Roi Grand-Duc, ses descendants et successeurs.

Les droits que possèdent les Agnats de la Maison de Nassau sur la succession du Grand-Duché, en vertu des mêmes Traités sont maintenus.

Les hautes Parties contractantes acceptent la présente déclaration et en prennent acte.

Article II.

Le Grand-Duché de Luxembourg dans les limites déterminées, par l'Acte annexé au Traité du 19 avril 1839 sous la garantie des Cours d'Autriche, de France, de la Grande-Bretagne, de

нистра и камергера, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Британскомъ, кавалера ордена Краснаго Орла съ дубовыми листьями большого креста, и т. д.;

и Е. В. Императоръ Всероссійскій:

барона Филиппа Бруннова, своего дѣйств. тайн. совѣтника, чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Британскомъ, кавалера россійскихъ орденовъ, и т. д.;

которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Статья I.

Е. В. Король Нидерландскій, Великій Герцогъ Люксембургскій сохраняетъ въ силѣ тѣ связи, которыя соединяютъ Великое герцогство съ Нассау-Оранскимъ домомъ согласно трактатамъ, поставившимъ это государство подъ державную власть Е. В. Короля Великаго Герцога, нисходящихъ его потомковъ и наслѣдниковъ.

Права, принадлежащія въ силу тѣхъ же трактатовъ агнатамъ Нассаускаго дома на наслѣдованіе Великаго Герцогства, сохраняются.

Высокія договаривающіяся стороны удостовѣряютъ настоящую декларацію и принимаютъ ее къ свѣдѣнію.

Статья II.

Великое герцогство Люксембургское въ границахъ, опредѣленныхъ подъ гарантіею Дворовъ Австрійскаго, Французскаго, Великобританскаго, Прусскаго и Россійскаго, въ актѣ, прило-

Prusse et de Russie, formera désormais un Etat perpetuellement neutre.

Il sera tenu d'observer cette même neutralité envers tous les autres Etats.

Les hautes Parties contractantes s'engagent à respecter le principe de neutralité stipulé par le présent article.

Ce principe est et demeure placé sous la sanction de la garantie collective des Puissances signataires du présent Traité, à l'exception de la Belgique, qui est elle-même un Etat neutre.

Article III.

Le Grand-Duché de Luxembourg étant neutralisé, aux termes de l'article précédent, le maintien ou l'établissement de places fortes sur son territoire devient sans nécessité comme sans objet.

En conséquence, il est convenu d'un commun accord que la ville de Luxembourg considérée par le passé, sous le rapport militaire, comme forteresse fédérale, cessera d'être une ville fortifiée.

S. M. le Roi Grand-Duc se réserve d'entretenir dans cette ville le nombre de troupes nécessaires pour y veiller au maintien du bon ordre.

Article IV.

Conformément aux stipulations contenues dans les articles II et III, S. M. le Roi de Prusse déclare que ses troupes actuellement en garnison dans la forteresse de Luxembourg recevront l'ordre de procéder à l'évacuation de cette place

женномъ къ трактату 19 апрѣля 1839 года, будетъ отнынѣ составлять государство вѣчно нейтральное.

Оно будетъ обязано соблюдать такой же нейтралитетъ относительно всѣхъ другихъ государствъ.

Высокія договаривающіяся стороны обязываются уважать установленное настоящею статьею начало нейтралитета.

Это начало будетъ всегда находиться подъ охраной коллективнаго ручательства Державъ, подписавшихъ настоящій трактатъ, кромѣ Бельгіи, которая сама составляетъ нейтральное государство.

Статья III.

Вслѣдствіе объявленія, согласно постановленію предыдущей статьи, Великаго герцогства Люксембургскаго нейтральнымъ государствомъ, сохраненіе и сооруженіе на его территоріи укрѣпленій дѣлается болѣе ненужнымъ и безцѣльнымъ.

Посему съ общаго согласія постановляется, что городъ Люксембургъ, считавшійся въ прежнее время, въ военномъ отношеніи, союзною крѣпостью, перестаетъ быть укрѣпленнымъ городомъ.

Е. В. Король Великій Герцогъ оставляетъ за собою право содержать въ этомъ городѣ количество войска, какое необходимо для поддержанія въ немъ надлежащаго порядка.

Статья IV.

Согласно постановленіямъ, изложеннымъ въ статьяхъ II и III, Е. В. Король Прусскій объявляетъ, что его войска, стоящія въ настоящее время гарнизономъ въ Люксембургской крѣпости, получатъ приказъ объ очищеніи

immédiatement après l'échange des ratifications du présent Traité. On commencera simultanément à retirer l'artillerie, les munitions et tous les objets qui font partie de la dotation de la dite place forte. Durant cette opération, il n'y restera que le nombre de troupes nécessaire pour veiller à la sûreté du matériel de guerre et pour en effectuer l'expédition, qui s'achèvera dans le plus bref délai possible.

этого мѣста немедленно по размѣнѣ ратификацій настоящаго трактата. Одновременно будетъ приступлено къ вывозу артиллеріи, припасовъ и всѣхъ предметовъ, составляющихъ снаряженіе означенной крѣпости. Во время этой операціи тамъ будетъ оставаться только такое число войска, какое нужно для охраны цѣлости военныхъ матеріаловъ и для производства ихъ отправки, каковая будетъ окончена въ возможно кратчайшій срокъ.

Article V.

S. M. le Roi Grand-Duc, en vertu des droits de souveraineté qu'il exerce sur la ville et forteresse de Luxembourg, s'engage de son côté à prendre les mesures nécessaires, afin de convertir la dite place forte en ville ouverte, au moyen d'une démolition que S. M. jugera suffisante pour remplir les intentions des hautes Parties contractantes exprimées dans l'article III du présent Traité. Les travaux requis à cet effet commenceront immédiatement après la retraite de la garnison. Ils s'effectueront avec tous les ménagements que réclament les intérêts des habitants de la ville.

S. M. le Roi Grand-Duc promet en outre que les fortifications de la ville de Luxembourg ne seront pas rétablies à l'avenir, et qu'il n'y sera maintenu, ni créé aucun établissement militaire.

Статья V.

Е. В. Король Великій Герцогъ, въ силу правъ державной власти, принадлежащей ему надъ городомъ и крѣпостью Люксембургомъ, обязывается съ своей стороны принять необходимыя мѣры къ тому, чтобы обратить названное укрѣпленное мѣсто въ открытый городъ посредствомъ сноса его укрѣпленій, какой будетъ признанъ Его Величествомъ достаточнымъ для исполненія намѣреній Высокихъ договаривающихся сторонъ, изложенныхъ въ III статьѣ настоящаго трактата. Необходимыя для этой цѣли работы начнутся немедленно по выступленіи гарнизона. Таковыя будутъ произведены со всѣми предосторожностями, требуемыми интересами городскихъ обывателей.

Е. В. Король Великій Герцогъ, кромѣ того, обѣщаетъ, что укрѣпленія города Люксембурга впредь не будутъ возстановляемы, и въ ономъ не будетъ ни сохранено, ни вновь сооружено никакого военнаго учрежденія.

Article VI.

Les Puissances signataires du présent Traité constatent que la dissolution de

Статья VI.

Подписавшія настоящій трактатъ Державы признаютъ, что такъ какъ

la Confédération germanique ayant également amené la dissolution des liens qui unissaient le Duché de Limbourg collectivement avec le Grand-Duché de Luxembourg à la dite Confédération, il en résulte que les rapports, dont il est fait mention aux articles III, IV et V du Traité du 19 avril 1839, entre le Grand-Duché et certains territoires appartenant au Duché de Limbourg ont cessé d'exister, les dits territoires continuant à faire partie intégrante du Royaume des Pays-Bas.

упраздненіе Германскаго Союза привело равнымъ образомъ къ прекращенію связей, соединявшихъ герцогство Лимбургское, совмѣстно съ великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ, съ названнымъ Союзомъ, то и тѣ отношенія, о коихъ упомянуто въ статьяхъ III, IV и V трактата 19 апрѣля 1839 года, между великимъ герцогствомъ и нѣкоторыми территоріями, принадлежащими герцогству Лимбургскому, перестаютъ существовать, и означенныя территоріи будутъ составлять нераздѣльную часть Нидерландскаго королевства.

Article VII.

Le présent Traité sera ratifié et les ratifications en seront échangées à Londres dans l'espace de quatre semaines, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 11 mai, 1867.

(L. S.) Apponyi. (L. S.) Bentinck.
(L. S.) Van de Weyer. (L. S.) Tornaco.
(L. S.) La Tour d'Auvergne. (L. S.) Servais.
(L. S.) Stanley. (L. S.) Bernstorff.
(L. S.) d'Azeglio. (L. S.) Brunnow.

Статья VII.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ размѣнены въ теченіе четырехъ недѣль или, если возможно, то и ранѣе.

Въ увѣреніе сего и пр.

Въ Лондонѣ, 11 мая 1867 года.

(М. П.) Аппоньи. (М. П.) Бентинкъ.
(М. П.) Ванъ де Вейеръ. (М. П.) Торнако.
(М. П.) Ля Туръ д'Овернь. (М. П.) Сервэ.
(М. П.) Стэнли. (М. П.) Бернсторфъ
(М. П.) д'Азегліо. (М. П.) Брунновъ.

1871, 1 (13) mars. Traité conclu à Londres concernant la révision du Traité de Paris du 18 (30) mars 1856. (V. les Traités avec la France).

1871 г., марта 1-го (13-го). Трактатъ, подписанный въ Лондонѣ, о пересмотрѣ Парижскаго трактата 18-го (30-го марта) 1856 г. (См. Трактаты съ Франціею).

№ 459.

1871, le 29 juin (11 juillet). Déclaration sur la protection des marques de fabrique, signée à St. Pétersbourg. (Recueil des lois № 49891).

Le gouvernement de S. M. l'Empereur de Russie et le gouvernement de

№ 459.

1871 г., іюня 29-го (іюля 11-го). Декларація касательно огражденія фабричныхъ клеймъ, подписанная въ С.-Петербургѣ. (П. С. З. № 49891).

Вслѣдствіе признанной Правительствомъ Е. В. Императора Всероссій-

S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, ayant reconnu nécessaire de préciser et de rendre plus efficaces les stipulations contenues dans l'article XX du Traité de commerce et de navigation conclu entre la Russie et le Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande le 31 décembre (12 janvier) 1858—59, les soussignés, dûment autorisés à cet effet, sont convenus des dispositions suivantes:

скаго и Правительствомъ Ея В. Королевы Соединенныхъ Королевствъ Великобританіи и Ирландіи необходимости точнѣе опредѣлить и сдѣлать болѣе дѣйствительными условія, содержащіяся въ статьѣ XX трактата о торговлѣ и мореплаваніи, заключеннаго Россіею и Соединеннымъ Королевствомъ Великобританіи и Ирландіи 31-го декабря 1858 года (12-го января 1859 года), нижеподписавшіеся, будучи къ сему надлежащимъ образомъ уполномочены, условились о нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Article I.

La mise en vente ou en circulation de produits revêtus de marques de fabriques russes ou anglaises contrefaites en tout pays, sera considérée comme une opération frauduleuse interdite sur le territoire des deux Etats, et passible en Russie des peines édictées par les articles 173—176 et 181 du Code relatif aux peines infligées par les juges de paix et les articles 1665—1669 et 1671—1675 du Code pénal (édition 1866),—en Angleterre des peines portées par l'acte du Parlement de 1862.

Elle pourra donner lieu devant les tribunaux et selon les lois du pays où la dite opération frauduleuse aura été constatée, à une action en dommages-intérêts valablement exercée par la partie lésée envers ceux qui s'en sont rendus coupables.

Статья I.

Выпускъ въ продажу или въ обращеніе произведеній, снабженныхъ поддѣльными русскими или англійскими фабричными клеймами, въ какой бы странѣ оные ни были поддѣланы, будетъ почитаться за обманное дѣйствіе, запрещенное въ предѣлахъ обоихъ государствъ, и виновные въ ономъ будутъ подлежать: въ Россіи наказаніямъ, опредѣленнымъ статьями 173—176 и 181 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и статьями 1665—1669 и 1671—1675 Уложенія о наказаніяхъ (изданія 1866 г.),—а въ Великобританіи: наказаніямъ, опредѣленнымъ Парламентскимъ актомъ 1862 г.

Онъ можетъ служить основаніемъ иску объ убыткахъ въ судебныхъ установленіяхъ и по законамъ той страны, въ которой это обманное дѣйствіе обнаружилось; каковой искъ пострадавшее отъ этого дѣйствія лицо будетъ имѣть законное право простирать къ лицамъ въ томъ дѣйствіи виновнымъ.

Article II.

Les sujets anglais qui voudront s'assurer en Russie la propriété de leurs marques de fabrique, seront tenus de les déposer à St. Pétersbourg au Département du commerce et des manufactures.

Dans le cas où les marques de fabrique en Angleterre, seraient dans la suite soumises à l'enregistrement, les mêmes règles seront applicables aux marques de fabrique tant russes qu'anglaises.

Article III.

Les présents articles, immédiatement exécutoires, seront considérés comme faisant partie intégrante du traité du 31 décembre (12 janvier) 1858—59 et auront même force et durée que le dit traité.

En foi de quoi, les soussignés ont dressé la présente Déclaration et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait en double à St. Pétersbourg, le 29 juin (11 juillet) 1871.

(L. S.) Westmann.
(L. S.) Andrew Buchanan.

Статья II.

Великобританскіе подданные, желающіе оградить себѣ въ Россіи право собственности на свои фабричныя клейма, обязаны будутъ представлять эти клейма въ С.-Петербургѣ, въ Департаментъ Торговли и Мануфактуръ.

Во случаѣ, если впослѣдствіи будетъ установлена въ Великобританіи заявка фабричныхъ клеймъ, тѣже правила будутъ примѣняться къ фабричнымъ клеймамъ, какъ англійскимъ, такъ и русскимъ.

Статья III.

Настоящія статьи, подлежащія немедленному приведенію въ исполненіе, будутъ считаться входящими неразрывно въ составъ трактата 31 декабря 1858 года (12 января 1859 года), и будутъ имѣть равную силу и оставаться въ дѣйствіи на одинаковое время со сказаннымъ трактатомъ.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся составили настоящую декларацію и приложили къ оной печати своихъ гербовъ.

Учинено въ двухъ экземплярахъ въ С.-Петербургѣ 29 іюня (11 іюля) 1871 года.

(М. П.) Вестманъ.
(М. П.) Андрей Букананъ.

1875, 10 (22) juillet. Convention télégraphique, signée à St. Pétersbourg. (V. t. IV, part. II. № 174). *)

1875 г., іюля 10-го (22-го). Телеграфная конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ. (См. т. IV, часть II, № 174). *)

1878, 1 (13) juillet. Traité de Berlin. (V. t. VIII, № 361, p. 639 et suiv.).

1878 г., іюля 1-го (13-го). Берлинскій трактатъ. (См. т. VIII, № 361, стр. 639 и слѣд.).

---

*) La conférence télégraphique de Londres de 1879 a seulement révisé le Règlement de service.

*) Лондонская телеграфная конференція 1879 г. измѣнила только Регламентъ телеграфной службы.

№ 460.

1880, le 28 juillet (9 août). Déclaration concernant la remise des successions des marins, signée à Londres.

Le gouvernement de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et le gouvernement de S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, ayant reconnu utile de régler de commun accord l'ordre à suivre pour la remise des successions des marins, sujets de l'un des deux Etats, qui seraient décédés à bord d'un bâtiment appartenant à l'autre Etat, ou sur le territoire de ce dernier, sont convenus des arrangements suivants:

Article I.

La succession de tout marin russe ou finlandais, qui serait mort, soit à bord d'un navire britannique, soit sur un point quelconque du territoire du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, et de ses colonies, et ne dépassant pas la somme totale de cinquante livres sterling (£ 50) sera délivrée au Consul général de Russie à Londres, sans requérir l'exécution d'aucune des formalités généralement exigées par la loi anglaise pour la remise des héritages.

De même, la succession de tout marin anglais, qui serait mort, soit à bord d'un navire russe ou finlandais, soit sur un point quelconque du territoire russe et ne dépassant pas la somme totale de trois cent cinquante roubles argent (350 Rbls.) sera délivrée au Consul Britannique le plus rapproché sans requérir l'exécution d'aucune des formalités généralement exigées par les lois russes ou finlandaises pour la remise des héritages.

№ 460.

1880 г., 28-го іюля (9-го августа). Декларація о выдачѣ наслѣдствъ послѣ моряковъ, подписанная въ Лондонѣ.

Правительство Е. В. Императора Всероссійскаго и Правительство Ея В. Королевы Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, признавъ полезнымъ войти въ соглашеніе о томъ, какъ должно быть поступаемо при выдачѣ имуществъ мореходцевъ той и другой націи, умершихъ на суднѣ или на территоріи того или другаго государства, постановили нижеслѣдующія статьи:

Статья I.

Наслѣдство русскаго или финляндскаго матроса, умершаго на британскомъ суднѣ или въ какой либо части территоріи Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и его колоній и не превышающее цѣнностью пятидесяти фунтовъ стерлинговъ (50 ф. стерл.), будетъ выдано Россійскому Генеральному Консулу въ Лондонѣ, безъ соблюденія установленныхъ для выдачи наслѣдствъ англійскимъ закономъ формальностей.

Точно также, наслѣдство англійскаго матроса, умершаго на русскомъ или финляндскомъ суднѣ или въ какой либо части территоріи Россійской Имперіи и не превышающее цѣнностью трехсотъ пятидесяти рублей серебромъ (350 руб.), будетъ выдано ближайшему Великобританскому Консулу, безъ соблюденія установленныхъ для выдачи наслѣдствъ русскими или финляндскими законами формальностей.

Article II.

Si le sujet russe décédé avait servi dans la marine Royale de la Grande-Bretagne, il sera procédé conformément aux lois de la Grande-Bretagne, par rapport à tout ce qui pourrait lui revenir de la part de l'Amirauté britannique.

De même, si le défunt, sujet anglais, avait servi dans la marine Impériale russe, il sera procédé conformément aux lois de l'Empire de Russie par rapport à tout ce qui pourrait lui revenir de la part des autorités russes.

Article III.

Le terme „*marin*", employé dans cette Déclaration, comprend toute personne (à l'exception des capitaines et des pilotes) employée ou engagée dans une fonction quelconque à bord d'un bâtiment marchand ou ayant été employée ou engagée de cette manière dans l'intervalle de six mois avant sa mort, et toute personne (n'étant pas un officier „commissioned officer", un officier subalterne, un officier fiscal „warrant officer", ou ingénieur mécanicien) inscrite sur les registres ou formant partie de l'équipage d'un bâtiment de guerre.

Le terme „*succession*" comprend toute propriété, salaires dûs, argent et autres effets laissés par un marin décédé à bord d'un navire.

Le terme „*Consul*" comprend tout Consul Général, Consul, Vice-Consul et toute personne chargée au moment donné des fonctions de Consul Général, Consul ou Vice-Consul.

Статья II.

Если умершій русскій подданный служилъ въ Великобританско-Королевскомъ флотѣ, то со всѣми полученіями, могущими ему причитаться отъ Великобританскаго Адмиралтейства, будетъ поступлено по Великобританскимъ законамъ.

Точно также, если умершій великобританскій подданный служилъ въ Российско-Императорскомъ флотѣ, то со всѣми полученіями, могущими ему причитаться отъ русскихъ властей, будетъ поступлено по русскимъ законамъ.

Статья III.

Подъ словомъ „*мореходецъ*" („marin") разумѣется въ сей Деклараціи всякое лицо (за исключеніемъ шкиперовъ и лоцмановъ), состоящее на службѣ или по найму въ какой бы то ни было должности на купеческомъ суднѣ, или состоявшее на службѣ или по найму въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ до своей смерти, и всякое лицо (не состоящее въ званіи офицера „commissioned officer", субалтернъ офицера или экономическаго офицера „warrant officer" или инженеръ-механика), внесенное въ списки или входящее въ составъ экипажа военнаго судна.

Подъ словомъ „*наслѣдство*" („succession") разумѣется всякое имущество, причитающееся жалованье, деньги и другія вещи, оставшіяся послѣ умершаго на суднѣ матроса.

Подъ словомъ „*Консулъ*" („Consul") разумѣются: Генеральный Консулъ, Консулъ, Вице-Консулъ и всякое лицо, отправляющее, въ данное время, обязанности Генеральнаго Консула, Консула и Вице-Консула.

Article IV.

La présente Déclaration est conclue pour trois ans, et sera exécutoire à partir du jour de sa signature; à l'expiration de ce terme, elle demeurera en vigueur pendant trois années encore, et ainsi de suite, à moins de notification contraire, faite par l'une des deux hautes Parties contractantes un an avant l'expiration de chaque terme.

En foi de quoi les soussignés, dûment autorisés à cet effet, ont signé la présente Déclaration, en y apposant le cachet de leurs armes.

Fait en double, à Londres, le neuvième jour d'août 1880.

(L. S.) Lobanoff.
(L. S.) Granville.

Статья IV.

Настоящая Декларація заключена на три года и вступитъ въ дѣйствіе со дня подписанія оной. По истеченіи этого срока, она будетъ оставаться въ силѣ еще въ теченіе трехъ лѣтъ и такъ далѣе, пока одна изъ Высокихъ договорившихся сторонъ не заявитъ о прекращеніи ея силы за годъ впередъ до истеченія таковаго трехлѣтняго срока.

Въ удостовѣреніе чего, нижеподписавшіеся, съ надлежащаго на сей предметъ уполномочія, подписали настоящую Декларацію и приложили къ оной печати своихъ гербовъ.

Учинено, въ двухъ экземплярахъ, въ Лондонѣ, августа девятаго дня 1880 года.

(М. П.) Лобановъ.
(М. П.) Грэнвиль.

№ 461.

1881 г., le 16 (28) mai. Acte additionnel l'acte public du 2 novembre 1865 relatif à la navigation des embouchures du Danube *), signé à Galatz, et le Protocole de la Commission Européenne du Danube du 16 (28) mai 1881.

Les Puissances représentées au sein de la Commission Européenne du Danube en vertu du Traité de Paris du 30 mars 1856 et la Roumanie, qui a été appelée à en faire partie par l'article 53 du Traité de Berlin du 13 juillet 1878,

Désirant mettre l'Acte public du 2 novembre 1865, relatif à la navigation

*) V. t. IV, part. II, № 160.

№ 461.

1881 г., мая 16-го (28-го). Дополнительный актъ къ международному акту 2-го ноября 1865 г. о судоходствѣ въ устьяхъ Дуная *), заключенный въ Галацѣ, и протоколъ засѣданія Европейской Дунайской Коммиссіи отъ 16-го (28-го) мая 1881 года.

Державы, имѣющія своихъ представителей въ Европейской Дунайской Коммиссіи въ силу Парижскаго трактата отъ 30 марта 1856 г., и Румынія, призванная къ участію въ оной въ силу статьи 53 Берлинскаго трактата отъ 13 іюля 1878 года.

Желая согласовать актъ отъ 2 ноября 1865 г. о судоходствѣ въ устьяхъ

*) См. т. IV, часть II, № 160.

des embouchures du Danube en harmonie avec les stipulations du Traité de Berlin portant que ladite Commission Européenne „exercera dorénavant ses fonctions jusqu'à Galatz, dans une complète indépendance de l'autorité territoriale, et que tous les traités, arrangemens et décisions relatifs à ses droits, privilèges, prérogatives et obligations sont confirmés";

Ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

Le sieur Alexandre Romanenko, Conseiller d'Etat, son Consul à Galatz, chevalier des ordres de Saint Wladimir de troisième classe, etc;

S. M. l'Empereur d'Allemgne, Roi de Prusse:

Le sieur Iohannès Arendt, son Consul à Galatz, commandeur de l'ordre de François-Joseph, etc.;

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohème, etc. et Roi Apostolique de Hongrie:

Le sieur Ernest Baron de Haan, son Consul à Galatz, chevalier de l'ordre de François-Joseph, etc.;

Le Président de la République Française:

Le sieur Camille-Eugène-Pierre Barrère, son Secrétaire d'Ambassade de première classe;

S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, Impératrice des Indes;

Le sieur Herbert Taylor Siborne, colonel dans son armée;

S. M. le Roi d'Italie:

Le sieur Nicola Revest, son Consul à Galatz, chevalier des ordres de la Couronne d'Italie et de Sainte Anne;

Дуная съ постановленіями Берлинскаго трактата, въ которомъ сказано, что означенная Европейская Коммиссія „распространяетъ свой кругъ дѣйствій до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей,—и что всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязательствъ подтверждаются";

Назначили своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій:

Александра Романенко, Статскаго Совѣтника, своего Консула въ Галацѣ, кавалера орденовъ Св. Владиміра 3 ст., и проч.;

Е. В. Императоръ Германскій, Король Прусскій:

Іоганнеса Арендта, своего Консула въ Галацѣ, командора ордена Франца Іосифа, и проч.;

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и проч. и Апостолическій Король Венгерскій:

Эрнеста Барона Гаана, своего Консула въ Галацѣ, кавалера ордена Франца Іосифа и пр.;

Президентъ Французской Республики:

Камиля-Евгенія-Петра Баррера, своего Посольскаго секретаря перваго разряда;

Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи:

Герберта Тэйлора Сиборна, полковника своей арміи;

Е. В. Король Италіи:

Никола Ревеста, своего Консула въ Галацѣ, кавалера орденовъ итальянской короны и Св. Анны;

S. M. le Roi de Roumanie:

Le sieur Eustache Pencovici, colonel d'Etat Major, officier de L'ordre national de l'Etoile de Roumanie;

S. M. l'Empereur des Ottomans:

Constantin Effendi Etienne Carathéodory, son Conseiller d'Etat, fonctionnaire de premier rang, deuxième classe, décoré de l'ordre impérial du Medjidié de 3-me classe.

Lesquels, après avoir produit leurs pleinspouvoirs, trouvés en bonne et due forme, et dont une copie certifiée est restée déposée dans les archives de la Commission Européenne, sont convenus des dispositions additionnelles suivantes au susdit Acte public du 2 novembre 1865.

Article I.

Les droits, attributions et immunités de la Commission Européenne du Danube, tels qu'ils résultent des Traités de Paris du 30 mars 1856, et de Londres du 13 mars 1871, de l'Acte public du 2 Novembre 1865, ainsi que des actes et décisions antérieurs au Traité de Berlin du 13 juillet 1878, continueront à régir ses rapports avec les nouveaux Etats riverains, et leur effet s'étendra jusqu'à Galatz, sauf les modifications ci-après spécifiées.

Article II.

L'Agent spécialement préposé à la police du fleuve, en aval de Galatz et à l'exclusion du port de Soulina, portera dorénavant le titre d'Inspecteur de la navigation du Bas-Danube, et sera, comme par le passé, assisté d'un Chancelier et

Е. В. Король Румыніи:

Евстафія Пенковичи, полковника Генеральнаго Штаба, кавалера офицерскаго національнаго ордена Румынской звѣзды;

Е. В. Императоръ Оттомановъ:

Константина Эфенди Стефана Каратеодори, своего Государственнаго Совѣтника, чиновника перваго ранга, втораго разряда, украшеннаго императорскимъ орденомъ Меджидіе 3-й ст.

Кои, по предъявленіи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей формѣ, копіи съ которыхъ хранятся въ архивѣ Европейской Коммиссіи, согласились о нижеслѣдующихъ дополнительныхъ постановленіяхъ къ сказанному акту отъ 2-го ноября 1865 г.

Статья I.

Права, предметы вѣдомства и преимущества Европейской Дунайской Коммиссіи, опредѣленные трактатами Парижскимъ отъ 30 марта 1856 г., Лондонскимъ отъ 13 марта 1871 г., Международнымъ актомъ отъ 2 ноября 1865 г., равно актами и рѣшеніями, предшествовавшими Берлинскому трактату отъ 13 іюля 1878 г., будутъ служить для опредѣленія отношеній ея къ новымъ прибрежнымъ государствамъ, и дѣйствіе ихъ будетъ распространяться до Галаца, за исключеніемъ ниже сего указанныхъ измѣненій.

Статья II.

Агентъ, спеціально завѣдывающій рѣчною полиціею ниже Галаца, за исключеніемъ Сулинскаго порта, будетъ впредь именоваться Инспекторомъ судоходства по Нижнему Дунаю, и при немъ, по прежнему, будетъ на-

de Surveillants repartis sur les différentes sections fluviales de son ressort et tous placés sous ses ordres.

L'Inspecteur de la navigation, le Chancelier de l'inspection, ainsi que les Surveillants des sections fluviales, le Capitaine du port de Soulina et tout le personnel placé sous les ordres de ce dernier, sont nommés par la Commission, à la simple majorité des voix et sans distinction de nationalité. Ils peuvent également être révoqués par elle.

L'Inspecteur de la navigation et le Capitaine du port de Soulina remplissent leurs fonctions sous l'autorité directe de la Commission, qui les rétribue, et entre les mains de laquelle ils prêtent, ainsi que leurs subordonnés, le serment d'office.

Ils prononcent, en qualité de juges de première instance, sur les contraventions commises dans l'étendue de leurs ressorts respectifs, en matière de police de la navigation, et leurs jugements sont rendus au nom de la Commission Européenne du Danube.

Article III.

Le contrôle des opérations de la caisse de navigation de Soulina ne sera plus confié à un agent spécial; il sera exclusivement exercé par la Commission Européenne ou par l'autorité qui lui succédera, et ce dans la forme qui est ou sera déterminée par ladite Commission ou autorité.

Le mode de perception des taxes et l'administration de la caisse de navigation de Soulina pourront être modifiés par décision prise à l'unanimité des voix, en séance plénière.

ходиться секретарь и надсмотрщики, распредѣленные на рѣчныхъ участкахъ его вѣдомства, кои всѣ будутъ ему подчинены.

Инспекторъ судоходства, секретарь инспекціи и надсмотрщики рѣчныхъ участковъ, капитанъ надъ Сулинскимъ портомъ и весь личный составъ, подвѣдомственный сему послѣднему, назначаются Коммиссіею простымъ большинствомъ голосовъ, безъ различія національности. Они могутъ быть увольняемы Коммиссіею.

Инспекторъ судоходства и капитанъ надъ Сулинскимъ портомъ исполняютъ свои обязанности подъ непосредственнымъ начальствомъ Коммиссіи, которая выдаетъ имъ жалованіе и передъ которою они и ихъ подчиненные приносятъ служебную присягу.

По званію судей первой инстанціи, они постановляютъ приговоры относительно нарушенія постановленій въ предѣлахъ ихъ вѣдомства въ дѣлахъ, относящихся до судоходной полиціи, и ихъ приговоры постановляются отъ имени Европейской Дунайской Коммиссіи.

Статья III.

Контроль надъ операціями Сулинской навигаціонной кассы не будетъ болѣе порученъ особому агенту: онъ будетъ производиться исключительно Европейскою Коммиссіею или властію, которая ее замѣнитъ,—въ формѣ, какая установлена или установится названною Коммиссіею или властію.

Способы взиманія сборовъ и завѣдываніе сулинскою судоходною кассою могутъ быть измѣнены единогласнымъ рѣшеніемъ Коммиссіи въ полномъ ея составѣ.

Article IV.

La disposition finale de l'article 14 de l'Acte public de 1865 est modifiée en ce sens, que l'interdiction d'employer aucune partie des sommes produites par les taxes prélevées sur les bâtiments de mer ou des emprunts réalisés au moyen de l'affectation de ces taxes, pour couvrir les frais des travaux ou des dépenses administratives se rapportant à une section fluviale située en amont d'Isaktcha, est restreinte à la partie du fleuve située en amont de Galatz.

Статья IV.

Послѣдній пунктъ 14-ой статьи международнаго акта 1865 года измѣняется въ томъ смыслѣ, что запрещеніе употреблять какую либо часть суммъ, образующихся изъ сборовъ, взимаемыхъ съ морскихъ судовъ или изъ займовъ, заключенныхъ подъ означенныя пошлины, на покрытіе издержекъ на работы или на административные расходы относительно рѣчнаго участка выше Исакчи,—ограничивается частію рѣки выше Галаца.

Article V.

La Commission Européenne est chargée de l'entretien et de l'administration de tous les phares composant le système d'éclairage des embouchures du Danube: par suite, la quotepart représentant les droits de phare dans le montant des taxes perçues à Soulina restera intégralement acquise à la caisse de navigation.

Статья V.

На Европейскую Коммиссію возложено содержаніе и завѣдываніе всѣми маяками, составляющими систему освѣщенія дунайскихъ устьевъ; вслѣдствіе сего, часть, представляющая маячные сборы изъ общей суммы сборовъ, взимаемыхъ въ Сулинѣ, будетъ всецѣло принадлежать судоходной кассѣ.

Article VI.

Les réglemens sanitaires applicables aux embouchures du Danube y compris les tarifs des taxes sanitaires, seront élaborés et modifiés, de concert avec la Commission Européenne, par le Conseil International qui sera institué à Bucarest.

Les réglemens actuels resteront en vigueur jusqu'à nouvel ordre, sous la réserve du droit de la Commission Européenne de demander l'abrogation immédiate de ceux qui seraient en opposition avec les intérêts de la navigation et avec les principes énoncés dans les ar-

Статья VI.

Санитарныя постановленія, примѣняемыя въ устьяхъ Дуная со включеніемъ тарифа санитарныхъ пошлинъ, будутъ выработаны и измѣняемы, по соглашенію съ Европейскою Коммиссіею, Международнымъ Совѣтомъ, который будетъ учрежденъ въ Бухарестѣ.

Нынѣ дѣйствующія постановленія останутся въ силѣ впредь до новаго распоряженія, подъ условіемъ предоставленія Европейской Коммиссіи права потребовать немедленной отмѣны тѣхъ изъ нихъ, которыя окажутся несогласными съ интересами судоходства

ticles 18, 19 et 20 de l'Acte public du 2 novembre 1865.

Dans le but de déterminer plus exactement la portée des stipulations dudit article 20, relatives aux mesures de quarantaine proprement dites, mises en vigueur en temps d'épidémie, il est expressément entendu et convenu que ces mesures sont exclusivement applicables aux navires et aux voyageurs de provenance brute et dans les ports non contaminés, et que toute mesure exceptionnelle et restrictive doit être supprimée, pour l'intercourse entre les ports du fleuve, dès que l'épidémie est devenue générale sur ses rives.

Et afin de faciliter, en temps d'épidémie, le maintien de la police fluviale, il est convenu, de plus, que l'Inspecteur de la navigation, le Chancelier de l'Inspection et les Surveillants des sections continueront, comme par le passé, à circuler librement sur le fleuve, sous la seule condition de se soumettre, en cas de compromission, aux mesures réglementaires auxquelles sont soumis les agents de la santé. Les mêmes immunités seraient, en cas de besoin, accordées aux ingenieurs, employés et ouvriers de la Commission Européenne.

Article VII.

En ce qui concerne spécialement l'administration du service sanitaire à Soulina, le Conseil International de Bucarest s'entendra avec la Commission du personnel de la santé, sur l'installation et le fonctionnement des bureaux, sur l'établissement et l'entretien d'un laza-

и съ началами, изложенными въ статьяхъ 18, 19 и 20 международнаго акта отъ 2 ноября 1865 года.

Для болѣе точнаго опредѣленія силы постановленій сказанной 20 статьи, относящихся собственно до карантинныхъ мѣръ, принимаемыхъ во время эпидеміи, признано нужнымъ оговорить, что эти мѣры должны примѣняться исключительно къ судамъ и къ путешественникамъ, прибывающимъ съ нечистымъ патентомъ, и въ портахъ незараженныхъ, и что всякая мѣра исключительная и ограничительная между портами рѣки должна быть уничтожена по отношенію къ прибрежному плаванію, лишь только эпидемія сдѣлается повсемѣстною на ея берегахъ.

Для содѣйствія къ удержанію судоходной полиціи на время эпидеміи постановляется, что инспекторъ навигаціи, секретарь инспекціи и надсмотрщики участковъ будутъ продолжать, какъ и до того, свободно разъѣзжать по рѣкѣ, подъ единственнымъ условіемъ подчиненія, въ сомнительныхъ случаяхъ, обыкновеннымъ мѣрамъ, которымъ подчиняются агенты санитарные. Тѣ же преимущества будутъ даны, въ случаѣ надобности, инженерамъ, чиновникамъ и рабочимъ Европейской Коммиссіи.

Статья VII.

Что касается собственно до санитарнаго управленія въ Сулинѣ, то Международный Совѣтъ въ Бухарестѣ войдетъ въ соглашеніе съ Коммиссіею по вопросамъ о назначеніи и содержаніи личнаго состава санитарнаго персонала, объ устройствѣ бюро и ихъ

ret, sur le mode de perception des taxes sanitaires et sur la destination de leur produit, lequel formera un fonds spécial.

Article VIII.

Pour assurer en tout temps, au personnel ainsi qu'aux propriétés et ouvrages de la Commission Européenne le bénéfice de la neutralité qui leur est garantie par les articles 21 de l'Acte public du 2 novembre 1865 et 7 du Traité de Londres du 13 mars 1871, les ingénieurs, employés et ouvriers de la Commission Européenne pourront être munis d'un brassard portant, sur fond bleu, les lettres blanches C. E. D. De plus, elle ne sera pas tenue d'arborer sur ses établissemens de toute nature et sur ses embarcations d'autre pavillon que le sien, lequel et composé de cinq bandes parallèles perpendiculaires à la hampe, disposées dans l'ordre suivant de leurs couleurs: rouge, blanc, bleu, blanc et rouge, la bande bleue ayant une hauteur double de celle de chacune des autres bandes et portant en blanc les lettres C. E. D.

Article IX.

Toutes les dispositions de l'Acte public du 2 novembre 1865, auxquelles il n'est pas expressément dérogé par le présent Acte additionnel, conservent toute leur force et valeur.

Le réglement de navigation et de police et le tarif des droits de navigation seront revisés ultérieurement par la Commission Européenne, pour être mis d'accord avec l'état de choses créé par le Traité de Berlin.

дѣятельности, объ открытіи и содержаніи лазарета, о способѣ взиманія санитарныхъ пошлинъ и объ ихъ назначеніи, каковой сборъ долженъ составить специальный фондъ.

Статья VIII.

Дабы обезпечить навсегда за личнымъ составомъ и за собственностію и сооруженіями Европейской Коммиссіи право нейтралитета, которое гарантировано статьями 21-ю акта отъ 2 ноября 1865 г. и 7-ю статьею Лондонскаго трактата 13 марта 1871 года, инженеры, чиновники и рабочіе Европейской Коммиссіи могутъ быть снабжаемы повязкою съ бѣлыми буквами C. E. D. по синему фону. Кромѣ того Коммиссія не будетъ вынуждаема выставлять на своихъ учрежденіяхъ всякаго рода и на своихъ судахъ другого флага, кромѣ своего, который составленъ изъ пяти параллельныхъ полосъ, перпендикулярныхъ къ древку, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: красная, бѣлая, синяя, бѣлая и красная; на синей полосѣ, которая въ два раза шире каждой изъ остальныхъ полосъ, находятся бѣлыя буквы C. E. D.

Статья IX.

Всѣ постановленія акта отъ 2-го ноября 1865 года, не отмѣненныя настоящимъ дополнительнымъ актомъ, сохраняютъ всю свою силу и значеніе.

Уставъ судоходства и полиціи и тарифъ судоходныхъ пошлинъ будутъ пересмотрѣны впослѣдствіи Европейскою Коммиссіею для согласованія ихъ съ порядкомъ, созданнымъ Берлинскимъ трактатомъ.

*

ARTICLE X.

Le présent Acte sera ratifié.

Chacune des Hautes parties contractantes ratifiera en un seul exemplaire. Les instruments de ratification seront déposés, dans le délai d'une année, ou plus tôt, si faire se peut, dans les archives de la Commission Européenne du Danube.

En foi de quoi les délégués plénipotentiaires respectifs ont signé le présent Acte Additionnel et y ont apposé leur sceau.

Fait à Galatz, le 28 mai 1881 (n. st.).

(L. S.) A. Romanenko.
(L. S.) J. Arendt.
(L. S.) de Haan.
(L. S.) Camille Barrère.
(L. S.) H. Siborne.
(L. S.) N. Revest.
(L. S.) Pencovici.
(L. S.) Const. Et. Carathéodory.

СТАТЬЯ X.

Настоящій актъ будетъ ратификованъ. Каждая изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ ратификуетъ только одинъ экземпляръ. Ратификованные экземпляры будутъ переданы, въ теченіи года, или раньше, если то окажется возможнымъ, въ архивъ Европейской Дунайской Коммиссіи.

Въ удостовѣреніе чего уполномоченные делегаты подписали настоящій дополнительный актъ, съ приложеніемъ своихъ печатей.

Учинено въ Галацѣ, мая 28-го (н. ст.) 1881 года.

(М. П.) А. Романенко.
(М. П.) І. Арендтъ.
(М. П.) Гаанъ.
(М. П.) Камилль Барреръ.
(М. П.) Сиборнъ.
(М. П.) Н. Ревестъ.
(М. П.) Пенковичи.
(М. П.) Конст. Э. Каратеодори.

Commission Européenne du Danube.

PROTOCOLE № 384.

Seance du 28 mai 1881.

PRÉSENTS:

Pour l'Allemagne	M. le Dr. Arendt.
„ l'Autriche-Hongrie	le Baron de Haan.
„ la France	C. Barrère.
„ la Grande-Bretagne	Siborne.
„ l'Italie	le Chevalier Revest.
„ la Roumanie	E. Pencovici.
„ la Russie	A. Romanenko.
„ la Turquie	Constantin Effendi Et. Carathéodory.

Les Délégués produisent les pouvoirs spéciaux qu'ils ont reçus à l'effet de

Европейская Дунайская Коммиссія.

ПРОТОКОЛЪ № 384.

Засѣданіе 28 мая 1881 года.

Присутствовали со стороны:

Германіи	Д-ръ Арендтъ.
Австро-Венгріи	Баронъ Гаанъ.
Франціи	К. Барреръ.
Великобританіи	Сиборнъ.
Италіи	Кавалеръ Ревестъ.
Румыніи	Е. Пенковичи.
Россіи	А. Романенко.
Турціи	Константинъ Эфенди Степ. Каратеодори.

Делегаты представили свои спеціальныя полномочія, полученныя ими для

signer l'Acte Additionnel à l'Acte Public du 2 novembre 1865.

Ces pleinspouvoirs sont trouvés en bonne et due forme et il en est pris des copies certifiées qui seront déposées aux archives de la Commission.

Tous les Délégués étant munis des pleinspouvoirs nécessaires, et des circonstances étant survenues qui rendent indispensables des modifications du texte de l'Acte additionnel tel qu'il a été annéxé au Protocole 341, les Délégués conviennent des changements suivants:

Pour le Préambule:

Les Puissances, représentées au sein de la Commission Européenne du Danube, en vertu du Traité de Paris du 30 mars 1856, et la Roumanie qui a été appelée à en faire partie par l'article 53 du Traité de Berlin du 13 juillet 1878;

Désirant mettre l'Acte public du 2 novembre 1865, relatif à la navigation des embouchures du Danube, en harmonie avec les stipulations du Traité de Berlin portant que ladite Commission Européenne „exercera dorénavant ses fonctions jusqu'à Galatz, dans une complète indépendance de l'autorité territoriale, et que tous les traités, arrangements, actes et décisions relatifs à ses droits, privilèges, prérogatives et obligations sont confirmés";

Ont nommé pour leurs plénipotentiaires:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

Le sieur Alexandre Romanenko, Conseiller d'Etat, son Consul à Galatz, etc.;

S. M. l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse:

подписанія дополнительнаго акта къ международному акту 2 ноября 1865 г.

Полномочія эти найдены въ надлежащей формѣ, и съ нихъ сняты засвидѣтельствованныя копіи для передачи въ архивъ Коммиссіи.

Всѣ делегаты, снабженные необходимыми полномочіями, въ виду обстоятельствъ требующихъ измѣненія текста дополнительнаго акта, пріобщеннаго къ протоколу № 341, соглашаются на слѣдующія измѣненія въ ономъ:

Для предисловія:

Державы, имѣющія своихъ представителей въ Европейской Дунайской Коммиссіи въ силу Парижскаго трактата отъ 30 марта 1856 г. и Румынія, призванная къ участію въ оной въ силу статьи 53 Берлинскаго трактата отъ 13 іюля 1878 года;

Желая согласовать актъ отъ 2-го ноября 1865 г., о судоходствѣ въ устьяхъ Дуная съ постановленіями Берлинскаго трактата, въ которомъ сказано, что означенная Европейская Коммиссія „распространяетъ свой кругъ дѣйствій до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей, и что всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязательствъ подтверждаются";

Назначили своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій:

Александра Романенко, Статскаго Совѣтника, своего Консула въ Галацѣ и пр.;

Е. В. Императоръ Германскій Король Прусскій:

Le sieur Iohannès Arendt, son Consul à Galatz;

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême, etc. et Roi Apostolique de Hongrie:

Le sieur Ernest, Baron de Haan, son Consul à Galatz, etc.;

Le Président de la République Française:

Le sieur Camille-Eugène-Pierre Barrère, son Secrétaire d'Ambassade de première classe;

S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, Impératrice des Indes:

Le sieur Herbert Taylor Siborne, colonel dans son armée;

S. M. le Roi d'Italie:

Le sieur Nicola Revest, son Consul à Galatz;

S. M. le Roi de Roumanie:

Le sieur Eustache Pencovici, colonel d'Etat-Major;

S. M. l'Empereur des Ottomans:

Constantin Effendi Etienne Carathéodory, son Conseiller d'Etat, etc.

Il demeure en outre entendu, sur la demande du Délégué d'Allemagne, que le terme antérieurement fixé, pour la ratification du dit acte, est porté de six mois à un an.

Après avoir introduit ces dispositions additionnelles de pure forme, ils arrêtent définitivement le texte du projet de l'Acte Additionel et y apposent leur paraphe.

Les Délégués collationnent sur l'instrument paraphé les originaux de l'Acte Additionnel à l'Acte public du 2 novembre 1865 et constatent que les dits originaux sont en bonne et due forme.

Іоганнеса Арендта, своего Консула въ Галацѣ;

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и проч. и Апостолическій Король Венгерскій:

Эрнеста Барона Гаана, своего Консула въ Галацѣ, и проч.;

Президентъ Французской Республики:

Камилля-Евгенія-Петра Баррера, своего Посольскаго секретаря перваго разряда;

Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи:

Герберта Тэйлора Сиборна, полковника своей арміи;

Е. В. Король Италіи:

Никола Ревеста, своего Консула въ Галацѣ;

Е. В. Король Румыніи:

Евстафія Пенковичи, полковника Генеральнаго Штаба;

Е. В. Императоръ Оттомановъ:

Константина Эфенди Степана Карасеодори, своего Государственнаго Совѣтника, и проч.

Вслѣдствіе предложенія Германскаго делегата, срокъ, первоначально назначенный для ратификаціи помянутаго акта, продолженъ съ шести мѣсяцевъ на одинъ годъ.

По внесеніи сихъ дополнительныхъ постановленій, относящихся лишь къ формѣ, делегаты окончательно устанавливаютъ текстъ проекта дополнительнаго акта и скрѣпляютъ таковой.

Делегаты свѣряютъ со скрѣпленнымъ оригиналомъ подлинники дополнительнаго акта къ международному акту 2 ноября 1865 г. и удостовѣряютъ, что они составлены въ надлежащей формѣ.

„Au moment de signer l'Acte Additionnel, le Délégué de Russie déclare par ordre de son Gouvernement, qu'il signe l'acte dont il s'agit sous la réserve suivante: les dispositions des articles cinq et six de l'Acte Additionnel ne seront pas applicables à la rive gauche du bras de Kilia, c'est à dire au territoire russe, bien entendu que cette réserve ne saurait changer en rien les stipulations des Traités concernant la Commission Européenne du Danube."

„Le Délégué de Roumanie déclare, de son côté, par ordre de son Gouvernement, qu'il signe l'Acte additionnel sous la réserve de la parité des droits des Etats riverains quant aux dispositions des articles cinq, six et sept du dit acte; il est entendu toutefois que les dispositions de l'article cinq seront applicables, pendant la durée de la Commission Européenne, aux seuls phares existants, et que celles de l'article sept sont maintenues, en ce qui concerne exclusivement la perception des taxes sanitaires et la gestion du fonds qui sera formé au moyen du produit de ces taxes".

„Les Délégués prennent et se donnent respectivement acte de ces déclarations et réserves, et il est constaté, que, postérieurement à la rédaction du texte de l'article sept, une entente est survenue entre le Gouvernement Roumain et la Commission Européenne, en ce sens que la perception des taxes sanitaires et la gestion du fonds à former au moyen de leur produit passent entre les mains de la Commission".

„При подписаніи дополнительнаго акта делегатъ отъ Россіи, по предписанію своего Правительства, заявляетъ, что онъ подписываетъ упомянутый актъ со слѣдующею оговоркою: постановленія 5 и 6 статей дополнительнаго акта не будутъ примѣняемы къ лѣвому берегу Килійскаго рукава, т. е. къ русской территоріи; при этомъ, само собою разумѣется, что это ограниченіе ни въ чемъ не можетъ измѣнить постановленій трактатовъ относительно Европейской Дунайской Коммиссіи".

„Румынскій делегатъ, съ своей стороны, заявилъ по предписанію своего Правительства, что онъ подписываетъ дополнительный актъ подъ условіемъ полнаго равенства правъ прибрежныхъ Государствъ во всемъ, что касается постановленій 5, 6 и 7 статей сказаннаго акта; само собою разумѣется, однако, что постановленія 5 статьи будутъ примѣняемы, за все время существованія Европейской Коммиссіи, къ однимъ лишь существующимъ маякамъ и что постановленія 7 статьи сохраняются въ силѣ во всемъ, что касается исключительно взиманія санитарныхъ пошлинъ и завѣдыванія фондомъ, который будетъ изъ нихъ образованъ".

„Делегаты принимаютъ по принадлежности къ свѣдѣнію эти заявленія и ограниченія, при чемъ удостовѣряется, что за установленіемъ текста седьмой статьи между Румынскимъ Правительствомъ и Европейскою Коммиссіею состоялось соглашеніе въ томъ смыслѣ, что взиманіе санитарныхъ пошлинъ и завѣдываніе фондомъ, который долженъ изъ нихъ образоваться, переходитъ въ вѣдѣніе Коммиссіи".

Les Délégués d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, de France, de la Grande Bretagne, d'Italie, de Roumanie, de Russie et de Turquie apposent à l'Acte Additionnel leurs signatures et le sceau de leurs armes.

Le présent protocole est rédigé et signé en neuf originaux dont l'un est déposé au archives de la Commission, conjointement avec l'instrument paraphé de l'Acte Additionnel.

Fait à Galatz, le 28 mai 1881.

A. Romanenko.
I. Arendt.
V. Haan.
Camille Barrère.
H. Siborne.
N. Revest.
Pencovici.
Const. Et. Carathéodory.

Делегаты Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Великобританіи, Италіи, Румыніи, Россіи и Турціи подписываютъ дополнительный Актъ и прилагаютъ къ оному свои печати.

Настоящій протоколъ составленъ и подписанъ въ девяти подлинныхъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ переданъ въ архивъ Коммиссіи совмѣстно со скрѣпленнымъ оригиналомъ дополнительнаго акта.

Галацъ, 28-го мая 1881 года.

А. Романенко.
І. Арендтъ.
фонъ Гаанъ.
Камиль Баррерѣ.
Сиборнъ.
Н. Ревестъ.
Пенковичи.
Конст. Ст. Каратеодори.

№ 462.

1882, le 28 mai (9 juin). Déclaration concernant le jaugeage des navires, signée à Londres.

La méthode anglaise pour le jaugeage des bâtiments (système Moorsom) étant désormais en vigueur tant dans l'Empire de Russie et le Grand-Duché de Finlande que dans le Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande et dans ses colonies, le gouvernement de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et le gouvernement de S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande sont convenus de la Déclaration suivante:

№ 462.

1882 г., 28-го мая (9-го іюня). Декларація относительно мѣрительныхъ свидѣтельствъ торговыхъ судовъ, подписанная въ Лондонѣ.

Въ виду установленія какъ въ Россійской Имперіи и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, такъ и въ Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи и Ирландіи и въ его колоніяхъ англійскаго способа (система Мурсома) измѣренія судовъ, Правительство Е. В. Императора Всероссійскаго, и Правительство Ея В. Королевы Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи условились постановить нижеслѣдующую Декларацію:

1. Les navires russes et finlandais jaugés d'après la méthode susmentionnée seront admis dans les ports du Royaume-Uni et de ses colonies, ainsi que les navires anglais dont le jaugeage aura été fait selon le même système, seront admis dans les ports russes ou finlandais, sans être assujettis, pour le paiement des droits de navigation à aucune nouvelle opération de jaugeage.

Ces droits de navigation seront calculés d'après le tonnage net.

2. Les Règlements finlandais et anglais sur le jaugeage des navires étant en substance les mêmes, les certificats de jauge anglais dans le Grand-Duché de Finlande, et les certificats de jauge finlandais, délivrés après le 31 mai 1877, dans le Royaume-Uni et ses colonies, seront reconnus sans aucune opération de jauge ou autre formalité quelconque; et le tonnage net de tous les navires britanniques ou finlandais, inscrit sur les papiers de bord sera considéré dans les ports respectifs de chaque pays comme équivalant au tonnage net de registre des navires nationaux.

3. Les certificats de jauge anglais en Russie, et les certificats de jauge russes, délivrés après le 20 décembre 1879 (1 janvier 1880) dans le Royaume-Uni et ses colonies, seront également reconnus réciproquement dans les ports des deux Etats sans aucune opération quelconque de jaugeage.

Attendu toutefois que les dispositions fixées par le Règlement russe ne s'accordent pas entièrement avec les dispositions anglaises relativement au mode

1. Русскія и финляндскія суда, измѣренныя по вышеупомянутому способу, будутъ допускаться въ порты Соединеннаго Королевства и его колоній, равно какъ англійскія суда, измѣренныя по тому же способу, будутъ допускаться въ русскіе или финляндскіе порты, не подвергаясь относительно платежа корабельныхъ сборовъ никакому новому измѣренію.

Эти корабельные сборы будутъ исчисляемы по чистой грузовой вмѣстимости.

2. Вслѣдствіе тождественности, по своей сущности, финляндскихъ и англійскихъ правилъ объ измѣреніи судовъ, англійскія мѣрительныя свидѣтельства въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и финляндскія мѣрительныя свидѣтельства, выданныя послѣ 31 мая 1877 г., въ Соединенномъ Королевствѣ и его колоніяхъ, будутъ признаваемы безъ всякаго переизмѣренія или другой какой либо формальности, и чистая грузовая вмѣстимость всѣхъ британскихъ или финляндскихъ судовъ, обозначенная въ корабельныхъ документахъ, будетъ признаваема въ обоюдныхъ портахъ каждой страны равною чистой грузовой вмѣстимости туземныхъ судовъ.

3. Англійскія мѣрительныя свидѣтельства въ Россіи, и русскія мѣрительныя свидѣтельства, выданныя послѣ 20 декабря 1879 г. (1 января 1880 г.), въ Соединенномъ Королевствѣ и его колоніяхъ, будутъ равнымъ образомъ взаимно признаваемы въ портахъ обоихъ государствъ, безъ всякаго переизмѣренія.

Принимая однако во вниманіе, что русскія правила не вполнѣ соотвѣтствуютъ англійскимъ правиламъ относительно способа опредѣленія про-

suivi pour déterminer les espaces destinés à l'équipage des navires, et à la machine et soutes à charbon des bateaux à vapeur, les déductions à cet égard seront, pour les navires anglais dans les ports russes, calculées d'après les chiffres indiqués dans les certificats de jauge, en conformité du Règlement sanctionné le 20 décembre 1879 (1 janvier 1880), sans remesurage du navire.

Cette mesure sera applicable dans les ports britanniques aux navires russes y abordant, si les capitaines des dits navires en expriment le désir; et dans ce cas, on se conformera aux dispositions du „Merchant Shipping Act" du 10 août 1854.

4. Les prescriptions ci-dessus sont applicables aussi aux navires mus par toute autre force artificielle que la vapeur.

La présente Déclaration entrera en vigueur le 1 (13) juillet 1882, et restera en vigueur tant que l'une des Parties contractantes n'aura pas fait connaître à l'autre six mois d'avance son intention d'en faire cesser les effets.

En foi de quoi les soussignés, dûment autorisés à cet effet, ont signé la présente Déclaration, et l'ont munie du sceau de leurs armes.

Fait, en double, à Londres, le 28 mai (9 juin) 1882.

(L. S.) Lobanow.
(L. S.) Granville.

странствъ, назначенныхъ для помѣщенія экипажа судовъ и для машины и угольныхъ ящиковъ пароходовъ, вычеты въ этомъ отношеніи будутъ исчисляемы, что касается для англійскихъ судовъ въ русскихъ портахъ, по цифрамъ, означеннымъ въ мѣрительныхъ свидѣтельствахъ, согласно правиламъ, утвержденнымъ 20 декабря 1879 г. (1 января 1880 г.), безъ переизмѣренія судна.

Эта мѣра будетъ примѣняема въ британскихъ портахъ къ приходящимъ туда русскимъ судамъ, смотря по желанію шкиперовъ этихъ судовъ, и въ этомъ случаѣ будетъ поступаемо сообразно правиламъ, изложеннымъ въ „Merchant Shipping Act" отъ 10 августа 1854 года.

4. Вышеозначенныя правила будутъ примѣняемы также къ судамъ, плаваніе коихъ совершается при помощи всякаго другаго искусственнаго двигателя, кромѣ пара.

Настоящая Декларація войдетъ въ дѣйствіе 1 (13) іюля 1882 года и останется въ силѣ до того времени, пока одною изъ договаривающихся сторонъ не заявлено будетъ другой, за шесть мѣсяцевъ впередъ, о желаніи своемъ прекратить ея дѣйствіе.

Въ удостовѣреніе чего, нижеподписавшіеся, надлежащимъ образомъ уполномоченные, подписали настоящую Декларацію съ приложеніемъ печати своихъ гербовъ.

Учинено, въ двухъ экземплярахъ, въ Лондонѣ, 28 мая (9 іюня) 1882 года.

(М. П.) Лобановъ.
(М. П.) Грэнвиль.

№ 463.

1883, le 26 février (10 mars). Traité concernant la navigation du Danube, conclu à Londres.

Au Nom de Dieu Tout-Puissant!

Les Puissances signataires du Traité de Berlin ayant jugé nécessaire de réunir leurs plénipotentiaires en conférence à Londres afin de s'entendre sur les décisions à prendre en vertu de l'article LIV du Traité de Berlin du 1 (13) juillet 1878, et sur l'exécution de l'article LV du même Traité concernant la navigation du Danube depuis les Portes de Fer jusqu'à ses embouchures, ont nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies,

le sieur Arthur Baron Mohrenheim, Conseiller Privé, chevalier des ordres de l'Aigle Blanc, de St. Vladimir de 2-me classe, etc., son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique;

S. M. l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

le sieur George Herbert comte de Münster, son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, etc. etc.;

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême etc. et Roi Apostolique de Hongrie,

le sieur Louis comte Károlyi de Nagy-Károly, chambellan et Conseiller intime actuel, chevalier de l'ordre de la Toison d'Or, etc. etc.;

№ 463.

1883 г., февраля 26-го (марта 10-го). Трактатъ относительно судоходства по Дунаю, заключенный въ Лондонѣ.

Во Имя Бога Всемогущаго!

Державы, подписавшія Берлинскій трактатъ, найдя необходимымъ собрать своихъ уполномоченныхъ на конференціи въ Лондонѣ, какъ для соглашенія на счетъ рѣшеній, кои должны быть приняты въ силу LIV-й статьи Берлинскаго трактата 1-го (13-го) іюля 1878 года, такъ и для приведенія въ исполненіе LV-й статьи того же трактата, касающейся плаванія по Дунаю отъ Желѣзныхъ Воротъ до устьевъ, назначили своими уполномоченными, а именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій:

своего чрезвычайнаго и полномочнаго Посла при Ея Британскомъ Величествѣ Барона Артура Моренгейма, Тайнаго Совѣтника, кавалера орденовъ: Бѣлаго Орла, Св. Владиміра 2-й ст., и пр. и пр.;

Е. В. Императоръ Германскій, Король Прусскій:

графа Георгія-Герберта Мюнстера, своего чрезвычайнаго и полномочнаго Посла при Ея Британскомъ Величествѣ и пр.;

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и пр. и Апостолическій Король Венгріи:

своего чрезвычайнаго Посла при Ея Британскомъ Величествѣ графа Людовика Кàроліи Наги-Кàроли, камергера, Дѣйствит. Тайнаго Совѣтника и кавалера орденовъ: Золотаго Руна и пр. и пр.;

Le Président de la République Française:

le sieur Charles Tissot, Membre de l'Institut, grand-officier de l'ordre national de la Légion d'Honneur, Ambassadeur de la République Française près S. M. Britannique, etc. etc.

et le sieur Camille Barrère, Ministre plénipotentiaire de deuxième classe, Délégué Français à la Commission du Danube, chevalier de la Légion d'Honneur, etc. etc.;

S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande:

le très honorable Granville George, comte Granville, Lord Leveson, Pair du Royaume-Uni, chevalier du très noble ordre de la Jarretière, Conseiller de Sa Majesté en son Conseil Privé, Principal Secrétaire d'État de Sa Majesté pour les Affaires Etrangères, etc. etc.

et Lord Edmond George Petty Fitzmaurice, Membre du Parlement du Royaume-Uni, Sous-Secrétaire d'Etat pour les Affaires Etrangères, etc. etc.;

S. M. le Roi d'Italie:

le comte Constantin Nigra, chevalier grand-croix de ses ordres des Saints Maurice et Lazare et de la Couronne d'Italie, son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, etc. etc.;

S. M. l'Empereur des Ottomans:

Constantin Musurus-Pacha, Muchir et Vizir de l'Empire, grand cordon de l'ordre impérial de l'Osmanié en brillants, son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Britannique, etc. etc.;

Lesquels, après avoir échangé leurs pleinspouvoirs trouvés en bonne et due

Президентъ Французской Республики:

Посла Французской Республики при Ея Британскомъ Величествѣ, Карла Тиссо, члена Института, кавалера Національнаго ордена Почетнаго Легіона большаго кавалерскаго креста и пр. и пр.,

и Полномочнаго Министра 2-го класса, французскаго делегата въ Дунайской Коммиссіи, К. Баррера, кавалера ордена Почетнаго Легіона и пр. и пр;

Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи:

члена Тайнаго Совѣта и Главнаго Статсъ-Секретаря Ея Величества для иностранныхъ дѣлъ, Георгія Гранвиля, графа Гранвиля, лорда Левезона, пэра Соединеннаго Королевства, кавалера ордена Подвязки и пр. и пр.

и члена Парламента Соединеннаго Королевства, Товарища Статсъ-Секретаря Иностранныхъ Дѣлъ лорда Эдмунда-Георгія Петти Фицмориса и пр. и пр.;

Е. В. Король Италіи:

своего чрезвычайнаго и полномочнаго Посла при Ея Британскомъ Величествѣ, графа Константина Нигра, кавалера орденовъ: Большаго Креста Св. Морица и Лазаря и Итальянской Короны и пр. и пр.;

Е. В. Императоръ Оттомановъ:

своего чрезвычайнаго и полномочнаго Посла при Ея Британскомъ Величествѣ, Константина Муссуруса - Пашу, Мушира и Визиря Имперіи, кавалера Императорскаго ордена Османіе, украшеннаго алмазами, и пр. и пр.

Кои, по обмѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей и устано-

forme, sont convenus des articles suivants:

Article I.

La juridiction de la Commission Européenne du Danube est étendue de Galatz à Braïla.

Article II.

Les pouvoirs de la Commission Européenne sont prolongés pour une période de vingt et un ans à partir du 24 avril 1883.

A l'expiration de cette période les pouvoirs de la dite Commission seront renouvelés par tacite réconduction de trois en trois ans, sauf le cas où l'une des Hautes Parties contractantes notifierait, un an avant l'expiration de l'une de ces périodes triennales, l'intention de proposer des modifications dans sa constitution ou dans ses pouvoirs.

Article III.

La Commission Européenne n'exercera pas de contrôle effectif sur les parties du bras de Kilia dont les deux rives appartiennent à l'un des riverains de ce bras.

Article IV.

Pour la partie du bras de Kilia qui traversera à la fois le territoire russe et le territoire roumain, et afin d'assurer l'uniformité du régime dans le Bas-Danube, les règlements en vigueur dans le bras de Soulina seront appliqués sous la surveillance des Délégués de Russie et de Roumanie à la Commission Européenne.

вленной формѣ, постановили слѣдующія статьи:

Статья I.

Юрисдикція Европейской Дунайской Коммиссіи расширяется отъ Галаца до Браилова.

Статья II.

Полномочія Европейской Коммиссіи продолжены на двадцать одинъ годъ, считая съ 24-го апрѣля 1883 года.

По истеченіи сего срока, полномочія сказанной Коммиссіи будутъ считаться возобновляемыми на трехлѣтія, за исключеніемъ того случая, когда одна изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ заявитъ, за годъ до истеченія одного изъ этихъ трехлѣтій, о намѣреніи своемъ предложить измѣненія въ составѣ Коммиссіи или въ ея полномочіяхъ.

Статья III.

Фактическій контроль Европейской Коммиссіи не будетъ распространяться на тѣ части Килійскаго рукава, оба берега коихъ принадлежатъ одному изъ прибрежныхъ государствъ сего рукава.

Статья IV.

На той части Килійскаго рукава, которая одновременно проходитъ по Русской и Румынской территоріямъ, въ видахъ установленія однообразнаго порядка на нижнемъ Дунаѣ, будутъ примѣняемы, подъ наблюденіемъ Русскаго и Румынскаго делегатовъ Европейской Коммиссіи, уставы, дѣйствующіе на Сулинскомъ рукавѣ.

Article V.

Au cas où la Russie ou la Roumanie entreprendraient des travaux soit dans le bras mixte, soit entre les deux rives qui leur appartiennent respectivement, l'autorité compétente donnera connaissance à la Commission Européenne des plans de ces travaux dans le seul but de constater qu'ils ne portent aucune atteinte à l'état de navigabilité des autres bras.

Les travaux qui ont déjà été exécutés au Tchatal d'Ismaïl restent à la charge et sous le contrôle de la Commission Européenne du Danube.

En cas de divergence entre les autorités de la Russie ou de la Roumanie et la Commission Européenne quant aux plans des travaux à entreprendre dans le bras de Kilia, ou de divergence au sein de cette Commission quant à l'extension qu'il pourrait convenir de donner aux travaux du Tchatal d'Ismaïl, ces cas seraient soumis directement aux Puissances.

Статья V.

Въ случаѣ если Россія или Румынія предпримутъ работы или на смѣшанной части рукава или тамъ, гдѣ оба берега принадлежатъ одной изъ нихъ, подлежащая власть сообщитъ Европейской Коммиссіи планы этихъ работъ единственно для удостовѣренія въ томъ, что работы эти нисколько не будутъ вредить судоходности другихъ рукавовъ.

Исполненныя уже работы на Измаильскомъ Чаталѣ остаются на попеченіи и подъ наблюденіемъ Европейской Дунайской Коммиссіи.

Въ случаѣ разногласія между властями Россіи или Румыніи и Европейскою Коммиссіею по предмету плановъ работъ, кои предположено будетъ предпринять въ Килійскомъ рукавѣ, или же разногласія въ самой Коммиссіи относительно могущей представиться потребности въ расширеніи работъ на Измаильскомъ Чаталѣ, таковые случаи будутъ непосредственно представляемы на разсмотрѣніе Державъ.

Article VI.

Il est entendu qu'aucune restriction n'entravera le droit de la Russie de prélever des péages destinés à couvrir les frais des travaux entrepris par elle.

Toutefois, en vue de sauvegarder les intérêts réciproques de la navigation dans le bras de Soulina et le bras de Kilia, le Gouvernement Russe, afin d'assurer une entente à ce sujet, saisira les Gouvernements représentés dans la Commission Européenne des règle-

Статья VI.

Само собою разумѣется, что никакое ограниченіе не будетъ стѣснять правъ Россіи взимать сборы, предназначенные на покрытіе расходовъ по предпринятымъ ею работамъ.

Тѣмъ не менѣе, въ видахъ охраненія взаимныхъ интересовъ судоходства въ рукавахъ Сулинскомъ и Килійскомъ, для обезпеченія соглашенія по этому предмету, Русское Правительство сообщитъ Правительствамъ, имѣющимъ представителей въ Европейской

ments de péage qu'il jugerait utile d'introduire.

Article VII.

Le règlement de navigation, de police fluviale et de surveillance élaboré le 2 juin 1882, par la Commission Européenne du Danube, avec l'assistance des délégués de la Serbie et de la Bulgarie, est adopté tel qu'il se trouve annexé au présent traité, et déclaré applicable à la partie du Danube située entre les Portes de Fer et Braïla.

Article VIII.

Tous les traités conventions, actes et arrangements relatifs au Danube et à ses embouchures sont maintenus dans toutes celles de leurs dispositions qui ne sont pas abrogées ou modifiées par les stipulations qui précèdent.

Article IX.

Le présent traité sera ratifié, et les ratifications en seront échangées à Londres dans l'espace de six mois, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 10 mars 1883.

(L. S.) Granville.
(L. S.) E. Fitzmaurice.
(L. S.) Münster.
(L. S.) Károlyi.
(L. S.) Ch. Tissot.
(L. S.) C. Barrère.
(L. S.) Nigra.
(L. S.) Mohrenheim.
(L. S.) Musurus.

Коммиссіи, уставы сборовъ, которые оно признаетъ полезнымъ ввести.

Статья VII.

Уставъ о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ, выработанный 2-го іюня 1882 года Европейскою Дунайскою Коммиссіею при участіи Сербскаго и Болгарскаго делегатовъ, принятъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ приложенъ къ настоящему трактату и объявленъ подлежащимъ примѣненію къ части Дуная, заключающейся между Желѣзными Воротами и Браиловымъ.

Статья VIII.

Всѣ трактаты, конвенціи, акты и соглашенія, относящіеся до Дуная и его устьевъ, сохраняютъ силу по отношенію ко всѣмъ тѣмъ изъ ихъ постановленій, которыя не отмѣняются или не измѣняются вышеизложенными статьями.

Статья IX.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Лондонѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а буде возможно и ранѣе.

Въ силу чего, и т. д.

Въ Лондонѣ, марта 10-го 1883 года.

(М. П.) Гранвиль.
(М. П.) Эдмундъ Фицморисъ.
(М. П.) Мюнстеръ.
(М. П.) Кароліи.
(М. П.) Тиссо.
(М. П.) Баррерь.
(М. П.) Нигра.
(М. П.) Моренгеймъ.
(М. П.) Муссурусъ.

ANNEXE.

Règlement de navigation, de police fluviale et de surveillance, applicable à la partie du Danube située entre les Portes de Fer et Braïla.

TITRE I.

Régime général de la navigation.

Article I.

La navigation continuera à être entièrement libre sur toute la partie du Danube comprise entre Braïla et les Portes de Fer. Les bâtiments marchands de toutes les nations y effectueront librement, comme par le passé, le transport des passagers et des marchandises, ou le remorquage, sous les conditions d'une parfaite égalité stipulées par l'article XVI du traité de Paris.

Article II.

Il ne sera perçu sur le Danube aucun péage basé uniquement sur le fait de la navigation du fleuve, ni aucun droit sur les marchandises, tant qu'elles se trouveront à bord des bâtiments, transports ou radeaux.

Article III.

Les États riverains ont le droit de percevoir dans leurs ports respectifs les droits de quai, grue, balance, magasinage, débarquement, pour les établissements existants ou à établir.

Toutefois, ces droits devront être prélevés indistinctement, suivant des tarifs fixes et publics, sans égard à la provenance des bâtiments et de leur cargaison, et pour autant seulement

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Регламентъ о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ, подлежащій примѣненію на части Дуная, заключающейся между Желѣзными Воротами и Браиловымъ.

РАЗДѢЛЪ I.

Общій порядокъ судоходства.

Статья I.

Судоходство будетъ по прежнему совершенно свободнымъ на всей части Дуная, заключающейся между Браиловымъ и Желѣзными Воротами. Торговыя суда всѣхъ націй будутъ продолжать свободно заниматься перевозкою пассажировъ и товаровъ, или буксированіемъ, подъ условіемъ совершеннаго равенства, установленнаго XVI статьею Парижскаго трактата.

Статья II.

Не будетъ взимаемо на Дунаѣ никакого сбора, основаннаго единственно на фактѣ судоходства по рѣкѣ, и никакой пошлины съ товаровъ, пока они будутъ оставаться на судахъ, транспортахъ или плотахъ.

Статья III.

Прибрежныя государства имѣютъ право взимать въ принадлежащихъ имъ портахъ сборы за набережныя, подъемные краны, вѣсы, склады, выгрузку, въ пользу учрежденій существующихъ или же имѣющихъ осуществиться.

При всемъ томъ, эти сборы должны быть взимаемы безразлично, на основаніи опредѣленныхъ и общеизвѣстныхъ тарифовъ, не взирая на то, откуда слѣдуетъ судно и каково проис-

que les bâtiments assujettis à ces droits auraient profité des dits établissements.

Il est bien entendu que ces tarifs ne pourront être une source de revenus financiers, mais qu'ils produiront seulement la quotité nécessaire au paiement de l'intérêt et à l'amortissement du capital de premier établissement et d'entretien. L'amortissement une fois opéré, les tarifs ne représenteront plus que la quotité nécessaire à l'entretien.

Article IV.

Les ponts à établir sur le fleuve seront construits de façon à ne pas entraver la navigation, soit par des piles trop rapprochées, soit par des tabliers trop peu élevés. Les plus grandes ouvertures seront placées, autant que possible, au-dessus des plus grandes profondeurs, de façon à ne pas obstruer le chenal navigable. Les culées seront construites de manière à ménager le passage des chemins de halage, et les ponts seront établis, en général, de telle sorte que les bâtiments actuellement employés à la navigation du fleuve puissent continuer à pratiquer cette navigation sans aucun changement dans leur mâture, ni dans la hauteur de leur cheminée. Les ponts qui, pour donner passage aux bâtiments, doivent être ouverts, seront construits de manière à ne pas retarder la navigation.

Les plans des ponts devront être communiqués à l'autorité commune avant la construction.

хожденіе его груза, и при томъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой судно, подлежащее этимъ сборамъ, воспользовалось упомянутыми учрежденіями.

Само собою разумѣется, что тарифы эти не могутъ служить источниками фискальнаго дохода, но что они должны доставлять лишь средства, необходимыя для уплаты процентовъ и погашенія капитала, употребленнаго на первоначальное устройство и на содержаніе учрежденія. Съ окончательнымъ погашеніемъ капитала, тарифы будутъ низведены до размѣра, необходимаго на содержаніе учрежденій.

Статья IV.

Мосты, кои будутъ сооружаемы на рѣкѣ, должны быть построены такъ, чтобы судоходство не встрѣчало препятствій, вслѣдствіе малаго разстоянія между устоями или недостаточнаго превышенія верхняго строенія надъ уровнемъ воды. Самые большіе пролеты будутъ по возможности устраиваемы надъ наибольшими глубинами, дабы не стѣснять судоходнаго фарватера. Береговые устои должны быть возведены такъ, чтобы оставалось мѣсто для бечевника, и вообще мосты должны быть сооружаемы такъ, чтобы суда, нынѣ употребляемыя для судоходства по рѣкѣ, могли по прежнему плавать безъ всякаго измѣненія какъ ихъ рангоута, такъ и вышины дымовыхъ трубъ. Мосты, которые предстоитъ разводить для прохода судовъ, имѣютъ быть построены такъ, чтобы не замедлять судоходства.

Планы мостовъ должны быть сообщаемы международной власти до постройки.

Article V.

Les moulins fixes établis sur la voie fluviale, les moulins flottants, les pêcheries, et les roues d'irrigation, ne devront pas entraver la navigation. Ils seront établis sur les parties du fleuve qui ne servent pas de passage aux navires et embarcations, et leur emplacement sera choisi de façon à ne pas nuire au libre écoulement des eaux, et à ne pas causer de changements préjudiciables dans le lit du fleuve.

Статья V.

Постоянныя мельницы, устроенныя на водномъ пути, мельницы плавучія, заколы и тони для рыбныхъ ловель и ирригаціонныя колеса не должны стѣснять судоходства. Они будутъ установлены на такихъ частяхъ рѣки, которыя не служатъ для прохода судовъ и лодокъ; мѣсто для нихъ должно быть выбрано такъ, чтобы не препятствовать свободному стоку водъ и не вызывать вредныхъ измѣненій въ руслѣ рѣки.

Article VI.

Les lignes douanières suivront partout les rives du fleuve, sans jamais le traverser. Il s'en suit que les bâtiments, transports, radeaux etc., tant qu'ils sont en voie de navigation ou à l'ancre dans le lit du fleuve, sans faire aucune opération de commerce avec la rive, sont entièrement en dehors de toute action des douanes.

En conséquence, les États riverains ne peuvent percevoir les taxes douanières qu'à l'égard des marchandises débarquées sur les rives, et cette interdiction s'applique même aux bâtiments, transports ou radeaux traversant les sections du fleuve dont les deux rives appartiennent au même État.

Статья VI.

Таможенныя границы должны слѣдовать повсюду по берегамъ рѣки, нигдѣ ее не пересѣкая. Изъ этого слѣдуетъ, что суда, транспорты, плоты и проч., пока они находятся въ движеніи по рѣкѣ или стоятъ на якорѣ въ руслѣ рѣки и не производятъ никакой торговой операціи съ берегомъ, остаются внѣ сферы дѣйствія таможенъ.

Вслѣдствіе сего, прибрежныя Державы не могутъ взимать таможенныхъ сборовъ иначе, какъ съ товаровъ, выгруженныхъ на берегъ. Это запрещеніе относится даже до судовъ, транспортовъ или плотовъ, проходящихъ по тѣмъ частямъ рѣки, гдѣ оба берега принадлежатъ одному государству.

Article VII.

Le transit est absolument libre pour les marchandises de toutes les nations, quelles que soient leur provenance et leur destination. Lorsqu'un bâtiment, transport ou radeau traverse une section fluviale dont les deux rives dépendent d'un seul État, les capitaines ou patrons ne sont pas assujettis à d'au-

Статья VII.

Транзитъ безусловно свободенъ для товаровъ всѣхъ націй, каково бы ни было ихъ происхожденіе и ихъ назначеніе. Когда судно, транспортъ или плотъ проходятъ участокъ рѣки, оба берега котораго принадлежатъ одному государству, шкипера или хозяева судовъ не подчиняются никакимъ инымъ

tres formalités, quant aux marchandises transportées en transit, qu'au plombage ou à la surveillance d'un agent douanier, exercée à bord jusqu'au point où les deux rives, ou l'une d'elles, cessent d'appartenir au dit État. L'agent douanier, pendant son séjour à bord, a droit à la nourriture, au chauffage et à l'éclairage, sur le même pied que les hommes de l'équipage, mais sans autre rémunération quelconque. Le bâtiment sera tenu de donner passage gratuit au dit agent douanier sans nourriture ni autres frais, au moins jusqu'au dernier port national qu'il touchera dans son premier voyage de retour.

формальностямъ по отношенію къ товарамъ, перевозимымъ транзитомъ, кромѣ пломбировки или надзора таможеннаго агента, который будетъ слѣдовать на суднѣ до мѣста, гдѣ оба берега или одинъ изъ нихъ перестанутъ принадлежать сказанному государству. Таможенный агентъ, во время пребыванія на суднѣ, пользуется пищей, отопленіемъ и освѣщеніемъ наравнѣ съ людьми, составляющими экипажъ, но не получаетъ никакого инаго вознагражденія. Судно должно дать означенному таможенному агенту обратный даровой проѣздъ, безъ прокормленія и другихъ расходовъ, по крайней мѣрѣ до перваго національнаго порта, въ который онъ зайдетъ на обратномъ пути.

Article VIII.

Les bâtiments de mer ne pourront être tenus de produire d'autres documents que leurs papiers de bord. Les bâtiments ou transports fluviaux devront être munis des documents nécessaires, délivrés par l'autorité dont ils relèvent, pour constater le nom, la nationalité et la capacité du bâtiment ou transport, et l'identité du capitaine ou patron et des hommes d'équipage.

Il est bien entendu qu'aucune autre modification ne sera apportée aux conditions dans lesquelles s'exercent actuellement le grand et le petit cabotage, sans distinction de pavillon.

Les petites embarcations et les barques de pêche sont dispensées de se faire délivrer les actes spécifiés dans le présent article; les patrons et les hommes d'équipage sont simplement tenus de se munir des documents né-

Статья VIII.

Морскія суда не могутъ быть обязываемы къ предъявленію иныхъ документовъ, кромѣ своихъ корабельныхъ бумагъ. Разныя суда и транспорты, для удостовѣренія названія, національности и вмѣстимости судна или транспорта, а равно и личностей шкипера или владѣльца и людей экипажа, должны быть снабжены необходимыми документами, выданными тою властью, отъ которой они зависятъ.

Само собою разумѣется, что никакого другаго измѣненія не будетъ введено въ условія, при коихъ производится въ настоящее время, безъ различія флага, большой и малый каботажъ.

Небольшія рыбачьи лодки и барки освобождаются отъ обязанности пріобрѣтать документы, означенные въ настоящей статьѣ; владѣльцы судовъ и экипажъ обязаны имѣть при себѣ документы, удостовѣряющіе ихъ само-

cessaires pour constater leur identité, lorsqu'ils veulent accoster à une rive étrangère. Il est bien entendu, d'ailleurs, que cette disposition ne porte aucune atteinte aux lois et règlements ayant pour objet l'exercice de la pêche dans les eaux de chacun des États riverains.

Article IX.

Aucun moulin, ni autre établissement, aucune construction nouvelle, aucune prise d'eau ne pourront être créés de manière à interrompre la circulation sur les chemins de halage existants, et ces chemins seront entretenus en état de viabilité.

Les mêmes règles s'appliqueront aux chemins de halage nouvellement établis, ainsi qu'aux prolongements des chemins existants.

Article X.

Les dispositions quarantenaires seront conçues de manière à concilier, dans une juste mesure, les garanties sanitaires et les besoins du commerce maritime et fluvial.

Il est expressément entendu que ces mesures seront exclusivement applicables aux navires et aux voyageurs de provenance brute et dans les ports non contaminés, et que toute mesure exceptionnelle et restrictive sera supprimée pour l'intercourse entre les ports du fleuve, dès qu'une épidémie serait devenue générale sur ses rives.

En règle générale, aussi longtemps qu'aucune épidémie dûment constatée ne régnera, soit en amont des Portes de Fer, soit en aval de Braïla, les bâtiments seront affranchis de tout

личность, лишь въ томъ случаѣ, когда пожелаютъ пристать къ иностранному берегу. Разумѣется, впрочемъ, что это постановленіе ни въ чемъ не нарушаетъ законовъ и правилъ, касающихся рыболовства въ водахъ каждаго изъ прибрежныхъ государствъ.

Статья IX.

Никакая мельница или другое зданіе, никакая новая постройка или водоспускъ не должны быть устраиваемы такимъ образомъ, чтобы прерывать движеніе по существующимъ бечевникамъ, каковые должны содержаться въ состояніи удобномъ для движенія.

Тѣ же правила примѣняются какъ къ бечевникамъ вновь устраиваемымъ, такъ равно и къ продолженіямъ уже существующихъ.

Статья X.

Карантинныя правила будутъ составлены такъ, чтобы согласовать, въ должной мѣрѣ, санитарныя требованія съ нуждами морской и рѣчной торговли.

Само собою разумѣется, что эти мѣры будутъ исключительно примѣняемы въ незараженныхъ портахъ по отношенію къ пассажирамъ и судамъ, прибывающимъ изъ зараженныхъ мѣстностей, и что всякая исключительная и стѣснительная мѣра будетъ отмѣнена на протяженіи между портами рѣки, коль скоро эпидемія сдѣлается общею на ея берегахъ.

Какъ общее правило: до тѣхъ поръ, пока существованіе эпидеміи не будетъ констатировано выше Желѣзныхъ Воротъ или ниже Браилова, суда будутъ изъяты отъ всякаго санитарнаго

contrôle sanitaire, en naviguant entre Braïla et les Portes de Fer, tant à la remonte qu'à la descente.

Si une épidémie vient à éclater dans un port maritime, tout bâtiment arrivant de la mer et qui aura obtenu le visa en patente nette à Soulina, à Kilia ou à St. Georges, sera affranchi de toute formalité autre que l'arraisonnement et de toute quarantaine d'observation, sur le parcours de son voyage en amont, jusqu'aux Portes de Fer.

Dans le cas où une épidémie viendrait à éclater sur les rives du fleuve, en amont des Portes de Fer ou en aval de Braïla, le visa obtenu, en patente nette, par les bâtiments en cours de navigation, dans le premier port fluvial non contaminé auquel ils auront touché, dans leur parcours entre les Portes de Fer et Braïla, suffira pour leur assurer le libre accès de tous les autres ports situés sur cette partie du fleuve.

Enfin, si une épidémie vient à éclater sur les rives de cette même partie du fleuve, les bâtiments de mer, aussi bien que les bâtiments fluviaux, continueront à faire leurs opérations en toute liberté, tant qu'ils n'auront pas fait escale dans l'un des ports contaminés. Ils seront simplement tenus de présenter leur patente de santé dans les ports où ils mouilleront.

Afin de faciliter, en temps d'épidémie, le maintien de la police fluviale, l'Inspecteur de la navigation, les Sous-Inspecteurs et autres agents préposés à la police, continueront à circuler librement sur le fleuve, pour les besoins

надзора во время плаванія между Браиловымъ и Желѣзными Воротами, какъ внизъ по теченію, такъ и вверхъ противъ теченія.

Въ случаѣ появленія эпидеміи въ какомъ либо приморскомъ портѣ, всякое судно, пришедшее съ моря и получившее чистый патентъ въ Сулинѣ, Килии или портѣ Св. Георгія, будетъ освобождено отъ всѣхъ формальностей, за исключеніемъ опроса, и отъ всякой карантинной обсерваціи на пути слѣдованія своего вверхъ по рѣкѣ до Желѣзныхъ Воротъ.

Въ случаѣ появленія эпидеміи на берегахъ рѣки выше Желѣзныхъ Воротъ или ниже Браилова, чистый патентъ, выданный идущимъ по рѣкѣ судамъ въ первомъ рѣчномъ незараженномъ портѣ, въ которомъ они остановятся на пути слѣдованія своего между Желѣзными Воротами и Браиловымъ, будетъ достаточенъ для предоставленія имъ свободнаго доступа во всѣ другіе порты, лежащіе на этой части рѣки.

Наконецъ, если эпидемія появится на берегахъ этой самой части рѣки, морскія суда, равно какъ и суда рѣчныя, будутъ продолжать производить свои операціи совершенно свободно до тѣхъ поръ, пока не зайдутъ въ одинъ изъ зараженныхъ портовъ. Они будутъ обязаны только предъявлять свои патенты о здравіи въ портахъ, гдѣ они остановятся.

Въ видахъ обезпеченія, во время эпидеміи, дѣятельности рѣчной полиціи, Инспектору судоходства, Субъ-Инспекторамъ и другимъ полицейскимъ чинамъ будетъ предоставлено свободное плаваніе по рѣкѣ, по на-

de leur service, sous la seule condition de se soumettre, en cas de compromission, aux mesures réglementaires auxquelles sont soumis les agents de la santé.

TITRE II.

Police de la navigation.

CHAPITRE I.

Dispositions générales.

Article XI.

Tout bâtiment à vapeur marchand d'une force au-dessus de cinquante chevaux, naviguant dans le fleuve, est tenu de donner gratuitement passage à l'Inspecteur et aux Sous-Inspecteurs agissant dans l'exercice de leurs fonctions, et de prendre leurs embarcations en remorque.

Article XII.

Les bateaux de service de l'autorité préposée à l'exécution des règlements porteront un pavillon spécial qui sera identique à celui de la Commission Européenne, sauf les lettres portées sur la bande bleue de ce pavillon, lesquelles seront ultérieurement déterminées.

Article XIII.

Les capitaines et leurs équipages, à quelque nationalité qu'ils appartiennent, sont tenus d'obtempérer aux ordres qui leur sont donnés, en vertu du présent règlement, par l'Inspecteur, les Sous-Inspecteurs, les Capitaines de port ou par les agents placés sous leurs ordres.

Ils ne peuvent refuser, lorsqu'ils en sont requis, d'arborer leur pavillon, ni

добностямъ службы, подъ единственнымъ условіемъ подчиняться, въ случаѣ соприкосновенія, предписаннымъ уставомъ мѣрамъ, коимъ подчиняются чины санитарнаго вѣдомства.

РАЗДѢЛЪ II.

Полиція судоходства.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

Статья XI.

Всякое паровое купеческое судно, силою свыше пятидесяти лошадиныхъ силъ, плавающее по рѣкѣ, обязано провозить безвозмездно Инспектора и Субъ-Инспекторовъ во время исполненія ими своихъ обязанностей и брать ихъ лодки на буксиръ.

Статья XII.

Служебныя суда той власти, на которую будетъ возложено исполненіе регламентовъ, будутъ имѣть особый флагъ, тождественный съ флагомъ Европейской Коммиссіи, за исключеніемъ буквъ, находящихся на синей полосѣ флага, которыя будутъ опредѣлены впослѣдствіи.

Статья XIII.

Шкипера и ихъ экипажи, къ какой бы они національности ни принадлежали, обязаны исполнять приказанія, даваемыя имъ, въ силу настоящаго регламента, Инспекторомъ, Субъ-Инспекторами, Капитанами надъ портомъ или подчиненными имъ агентами.

Въ случаѣ требованія, они не могутъ отказываться отъ поднятія флага,

de décliner leurs noms et les noms de leurs bâtiments, ni d'indiquer leur destination et leur provenance.

от объявленія своихъ именъ и названій своихъ судовъ, отъ указанія назначенія и происхожденія таковыхъ.

Article XIV.

Dans tous les endroits convenables du Danube, les États riverains pourront établir des échelles fluviales, pour mesurer la hausse et la baisse des eaux, et l'on affichera le tableau des profondeurs dans les ports principaux.

Статья XIV.

Во всѣхъ удобныхъ для сего мѣстахъ Дуная, прибрежнымъ государствамъ предоставляется учреждать рѣчныя станціи для измѣренія прибыли и убыли водъ; объявленія о глубинахъ будутъ выставляемы въ важнѣйшихъ портахъ.

Article XV.

L'Inspecteur, les Sous-Inspecteurs et les Capitaines de port prononcent sommairement dans les différends entre les capitaines et leurs équipages, en se faisant assister par deux capitaines de la nationalité des parties litigantes, ou à leur défaut, par deux autres capitaines. Ils n'exercent, toutefois, cette partie de leurs attributions qu'autant que l'un des intéressés a réclamé leur intervention et qu'il ne se trouve pas sur les lieux une autre autorité compétente.

Статья XV.

Инспекторъ, Субъ-Инспекторы и Капитаны надъ портомъ рѣшаютъ словесно споры между шкиперами и ихъ экипажемъ въ присутствіи двухъ шкиперовъ одной національности со спорящими сторонами, а за недостаткомъ таковыхъ, въ присутствіи двухъ другихъ шкиперовъ. Впрочемъ, они исполняютъ таковыя обязанности лишь въ томъ случаѣ, если вмѣшательства ихъ потребуетъ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ и если на мѣстѣ не окажется другой подлежащей власти.

Article XVI.

En cas d'échouement ou de naufrage, les Sous-Inspecteurs et les Capitaines de port, chacun dans son ressort, se rendent sur le lieu du sinistre et portent les secours les plus urgents pour assurer le sauvetage de la cargaison, du navire et de ses apparaux, et pour sauvegarder l'intérêt général de la navigation.

Ils constatent les faits et dressent un procès-verbal.

Après quoi, ils se dessaisissent de l'administration du sauvetage et re-

Статья XVI.

Въ случаѣ если судно станетъ на мель или подвергнется крушенію, Субъ-Инспекторы и Капитаны надъ портомъ, каждый, согласно кругу своей дѣятельности, отправляются на мѣсто несчастія и подаютъ наиболѣе необходимую помощь для обезпеченія спасенія груза, корабля и его снастей и для охраненія общихъ интересовъ судоходства.

Они констатируютъ факты и составляютъ протоколъ.

Послѣ сего они слагаютъ съ себя завѣдываніе спасеніемъ судна и пере-

mettent les actes dressés par eux à la plus proche autorité compétente.

даютъ составленные ими акты ближайшей подлежащей власти.

Article XVII.

Au cas où il deviendrait nécessaire de signaler éventuellement les passes difficiles et les endroits où il est défendu de jeter l'ancre, on suivra le système de signaux adopté en aval de Braïla.

Статья XVII.

Въ случаѣ необходимости обозначить временно трудныя для прохода мѣста и пункты, гдѣ воспрещается бросать якорь, будетъ употребляема система знаковъ, принятая ниже Браилова.

Article XVIII.

Tout capitaine ou patron d'un bâtiment à voiles ou à vapeur, ou d'un radeau, en cours de navigation ou stationnant, soit à l'ancre, soit amarré à la rive, est tenu de veiller à ce que son bâtiment ne cause ni entrave à la navigation, ni dommage, soit à d'autres bâtiments, soit aux échelles, bouées, signaux, chemins de halage et autres établissements servant à la navigation, placés sur le fleuve ou sur les rives, et il doit veiller, avec le même soin, à se sauvegarder lui-même.

En se conformant aux dispositions ci-après du présent règlement, les navires doivent tenir compte de tous les dangers de la navigation et avoir égard aux circonstances particulières qui peuvent rendre nécessaire une dérogation aux règles prescrites afin de parer à un péril immédiat.

Статья XVIII.

Каждый шкиперъ или хозяинъ парусного судна, парохода или плота, плавающихъ или стоящихъ на мѣстѣ на якорѣ, или ошвартованными у берега, обязанъ наблюдать за тѣмъ, чтобы его судно не представляло препятствій судоходству и не причиняло поврежденій другимъ судамъ, пристанямъ, буямъ, сигналамъ, бечевникамъ и другимъ предметамъ, служащимъ для судоходства и находящимся на рѣкѣ или по берегамъ; съ равною заботливостью онъ долженъ охранять и собственное свое судно.

Сообразуясь съ нижеслѣдующими постановленіями настоящаго регламента, суда должны принимать въ расчетъ всѣ опасности судоходства и имѣть въ виду особенныя обстоятельства, которыя могутъ сдѣлать необходимымъ отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы предотвратить непосредственную опасность.

CHAPITRE II.

Règles pour les bâtiments qui se croisent ou se dépassent.

ГЛАВА II.

Правила касательно встрѣчи и обхода судовъ.

Article XIX.

En règle générale, il est interdit à un bâtiment de dépasser le bâtiment

Статья XIX.

Какъ общее правило: воспрещается одному судну обгонять другое, иду-

qui suit la même route que lui, et à deux bâtiments allant en sens contraire, de se croiser sur les points où le chenal ne présente pas une largeur suffisante.

щее по тому же направленію, а двумъ судамъ, идущимъ на встрѣчу, обходить другъ друга въ такихъ мѣстахъ, гдѣ фарватеръ не представляетъ достаточной для того ширины.

Article XX.

Aucun bâtiment ne peut se diriger par le travers de la route suivie par un autre bâtiment, de façon à l'entraver dans sa course.

Lorsqu'un bâtiment remontant le fleuve se trouve exposé à rencontrer un bâtiment naviguant à la descente, sur un point qui n'offre pas une largeur suffisante, il doit ralentir sa marche et, en cas de besoin, même s'arrêter en aval du passage, jusqu'à ce que l'autre bâtiment l'ait franchi; si le bâtiment qui remonte est engagé dans le passage au moment de la rencontre, le bâtiment descendant est tenu de s'arrêter en amont, jusqu'à ce que sa route soit libre.

Dans les passes étroites, les bâtiments à vapeur ne peuvent s'approcher à petite distance des bâtiments qui les précèdent.

Статья XX.

Никакое судно не должно идти такимъ образомъ на перерѣзъ курса другаго судна, чтобы помѣшать ходу послѣдняго.

Когда судну, поднимающемуся вверхъ по рѣкѣ, идетъ на встрѣчу другое судно, спускающееся по теченію, въ мѣстѣ, не представляющемъ достаточнаго простора для обхода, первое должно уменьшить свой ходъ и, въ случаѣ надобности, даже остановиться ниже прохода и выждать, пока другое судно оный минуетъ; если поднимающееся вверхъ по рѣкѣ судно уже находится въ узкомъ проходѣ во время встрѣчи, то спускающееся судно должно остановиться выше прохода и ждать до тѣхъ поръ, пока путь не освободится.

Паровыя суда, въ узкихъ проходахъ, не должны подходить на близкое разстояніе къ судамъ, идущимъ впереди ихъ.

Article XXI.

Lorsque deux bâtiments à vapeur ou deux bâtiments à voiles, naviguant par un vent favorable, se rencontrent, faisant route en sens contraire, celui qui remonte le fleuve doit appuyer vers la rive gauche, et celui qui descend, vers la rive droite, de telle sorte qu'ils viennent tous deux sur tribord, ainsi qu'il est d'usage à la mer. Il en est de même lorsque la reucontre a lieu

Статья XXI.

Когда два паровыхъ судна или два парусныхъ судна, идущія при попутномъ вѣтрѣ, встрѣтятся, слѣдуя противоположнымъ курсамъ, тогда изъ нихъ поднимающееся вверхъ по рѣкѣ должно держаться лѣваго берега, а спускающееся—праваго, такимъ образомъ, чтобы имъ обойти другъ друга штирбортомъ, по общепринятому въ морѣ обычаю. Такъ же должно посту-

entre un bâtiment à vapeur et un bâtiment à voiles naviguant par un vent favorable.

Le capitaine ou patron qui s'écarte de ces règles doit prouver, en cas d'avaries, qu'il a été dans l'impossibilité de les observer, à defaut de quoi il est responsable, devant le tribunal compétent, des accidents survenus.

En cas de rencontre et sauf les prescriptions des articles 20, 22, 25, 26 et 27 du présent Règlement, tout bâtiment à vapeur peut faire connaître la marche qu'il a l'intention de suivre en donnant au bâtiment rencontré les signaux spécifiés ci-après:

Un coup bref de sifflet, pour dire: je vais sur tribord.

Deux coups de sifflet, pour dire: je vais sur babord.

Trois coups de sifflet, pour dire: je vais en arrière à toute vitesse.

Ces signaux sont facultatifs, mais le bâtiment qui les a donnés est tenu d'y conformer sa marche. Le signal du bâtiment naviguant à la descente fait règle.

Article XXII.

Lorsque deux bâtiments à vapeur, allant en sens contraire, arrivent dans une passe étroite, ils sont tenus de se donner les signaux prescrits par les articles 23 et 24 ci-après, et celui qui est en aval ralentit sa marche, ou s'arrête en cas de besoin, jusqu'à ce que l'autre bâtiment ait franchi le passage.

Article XXIII.

Lorsque dans une passe étroite, un bâtiment à vapeur veut devancer un

пать при встрѣчѣ пароваго съ парусным судномъ, идущимъ при попутномъ вѣтрѣ.

Шкиперъ или хозяинъ, уклонившійся отъ этихъ правилъ, обязанъ, въ случаѣ аваріи, доказать, что ему невозможно было ихъ соблюсти; въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ отвѣтственности передъ подлежащимъ судомъ за приключившіяся несчастія.

Въ случаѣ встрѣчи, независимо отъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 20, 22, 25, 26 и 27 настоящаго регламента, всякое паровое судно можетъ обозначить направленіе, котораго оно намѣрено держаться, давая встрѣчному судну нижеуказанные сигналы:

Одинъ короткій свистокъ означаетъ: иду на право.

Два свистка означаютъ: иду на лѣво.

Три свистка означаютъ: иду назадъ полнымъ ходомъ.

Эти знаки не обязательны, но судно, которое ихъ дало, должно сообразовать съ ними свой ходъ. Сигналъ съ судна, идущаго внизъ по теченію, считается обязательнымъ для другаго.

Статья XXII.

Когда два паровыя судна, идущія противоположнымъ курсомъ, приходятъ къ узкому мѣсту, они обязаны дать взаимно сигналы, предписанные ниже статьями 23 и 24, и судно, находящееся ниже по рѣкѣ, должно замедлить ходъ, или остановиться, въ случаѣ надобности, пока другое судно не минуетъ проходъ.

Статья XXIII.

Когда въ узкомъ мѣстѣ паровое судно хочетъ обогнать другое паровое

autre bâtiment à vapeur, marchant dans le même sens, il en donne le signal, avant d'être arrivé à petite distance, au moyen de cinq coups de cloche ou de sifflet, et en agitant un pavillon à hampe sur le gaillard d'avant, ou en hissant à mi-mât un pavillon bleu pendant le jour, ou un fanal éclairé, à verre blanc, pendant la nuit. Sur ces signaux, le bâtiment marchant en avant s'écarte à gauche et livre le passage à l'autre bâtiment qui prend la droite; aussitôt que le bâtiment qui suit se trouve à la distance d'une demi-longueur de bâtiment de celui qui précède, ou de la queue du convoi remorqué par lui, ce dernier doit ralentir sa marche jusqu'à ce qu'il ait été dépassé.

судно, идущее по тому же направленію, оно должно, прежде чѣмъ подойдетъ къ нему на близкое разстояніе, дать о томъ сигналъ или пятью свистками и размахиваніемъ при томъ ручнымъ флагомъ на бакѣ, или же поднявъ до половины мачты, днемъ, синій флагъ, а ночью—зажженный фонарь съ бѣлымъ стекломъ. По этимъ сигналамъ, идущее впереди судно сдается влѣво и даетъ, такимъ образомъ, дорогу заднему судну, которое должно держаться вправо; какъ скоро заднее судно подойдетъ на разстояніе полудлины судна къ переднему, или къ хвосту буксируемаго имъ каравана, переднее обязано убавить ходъ на все время, пока другое его не обойдетъ.

Article XXIV.

Lorsqu'un bâtiment meilleur voilier rejoint un bâtiment à voiles et veut le dépasser, il en donne le signal en hélant à temps son devancier, lequel est tenu de lui livrer passage au vent.

Lorsqu'un bâtiment à vapeur veut devancer un bâtiment à voiles marchant dans le même sens que lui, il lui donne le signal prescrit par l'article précédent avant d'être arrivé à petite distance, et il passe sous le vent du bâtiment à voiles.

Статья XXIV.

Когда парусное судно, будучи лучшимъ ходокомъ, нагоняетъ другое парусное судно и хочетъ его обойти, оно заблаговременно даетъ о томъ сигналъ, окликнувъ переднее судно, а сіе последнее обязано дать ему дорогу съ навѣтренной стороны.

Когда паровое судно хочетъ обогнать парусное, идущее по одному съ нимъ направленію, то, прежде чѣмъ подойдетъ къ нему на малое разстояніе, даетъ предписанный въ предъидущей статьѣ сигналъ и затѣмъ проходитъ съ подвѣтренной стороны парусснаго судна.

Article XXV.

Tout bâtiment à vapeur est tenu d'éviter les bâtiments marchant à la dérive qu'il rencontre, soit en remontant, soit en descendant le fleuve.

Статья XXV.

Всякое паровое судно, поднимаясь или спускаясь по рѣкѣ, при встрѣчѣ съ дрейфующими судами, обязано отъ нихъ сторониться.

Le bâtiment naviguant à la dérive doit, de son côté, lorsqu'il rencontre d'autres bâtiments, soit à voiles, soit à vapeur, se ranger le plus près possible de l'une des rives, afin d'opposer le moins d'obstacle possible au passage.

Article XXVI.

Les capitaines ou conducteurs de remorquenrs, naviguant avec ou sans convoi, sont tenus à l'observation de toutes les dispositions qui précèdent; ils doivent spécialement se conformer aux prescriptions des articles 23 et 24 ci-dessus, lorsqu'un convoi veut en dépasser un autre; hors ce dernier cas, deux convois ne peuvent jamais se trouver l'un à côté de l'autre, soit au mouillage, soit en cours de voyage.

En cas de rencontre avec des bâtiments à voiles ou à vapeur faisant route en sens contraire, le remorqueur, s'il remonte le fleuve, a la faculté de s'écarter des prescriptions de l'article 21 ci-dessus pour se tenir en dehors du courant, s'il peut le faire sans danger pour les bâtiments rencontrés.

Le remorqueur est tenu, d'ailleurs, s'il fait usage de cette faculté, de donner les signaux prescrits par les articles 23 et 24 ci-dessus.

Article XXVII.

En règle générale, tout bâtiment à vapeur qui ne remorque pas un convoi, de même que tout bâtiment à voiles naviguant par un vent favorable, doit livrer passage à un convoi de bâtiments

Дрейфующее же судно, съ своей стороны, при встрѣчѣ съ другими парусными или паровыми судами, должно становиться какъ можно ближе къ одному изъ береговъ, дабы сколь возможно менѣе препятствовать ихъ проходу.

Статья XXVI.

Шкипера или проводники буксирныхъ пароходовъ, идущихъ съ буксируемымъ карацаномъ или безъ таковаго, обязаны соблюдать всѣ вышеизложенныя правила, въ особенности же должны они подчиняться правиламъ, предписаннымъ выше въ статьяхъ 23 и 24, въ томъ случаѣ, когда одинъ караванъ хочетъ обойти другой; за исключеніемъ сего послѣдняго случая, два буксируемые каравана никогда не должны находиться рядомъ, ни во время стоянки, ни на ходу.

Буксирному пароходу, идущему вверхъ по рѣкѣ, при встрѣчѣ съ парусными или съ паровыми судами, идущими въ противоположномъ ему направленіи, дозволяется отступать отъ правилъ, предписанныхъ выше въ статьѣ 21, для того, чтобы держаться внѣ теченія, если только онъ можетъ это сдѣлать, безъ опасности для встрѣченныхъ имъ судовъ.

Впрочемъ, буксиръ обязанъ, при пользованіи этою льготою, давать сигналы, предписанные выше въ статьяхъ 23 и 24.

Статья XXVII.

Вообще, всякое паровое судно, не ведущее каравана на буксирѣ, равно какъ и всякое парусное судно, идущее съ попутнымъ вѣтромъ, обязаны давать дорогу каравану судовъ, иду-

remorqués. A défaut d'espace suffisant pour ce faire, les capitaines et conducteurs, tant des remorqueurs que des bâtiments remorqués, sont tenus, même dans le cas où les signaux prescrits par les articles 23 et 24 ci-dessus n'ont pas été donnés, de s'écarter conformément aux dispositions des dits articles.

Les capitaines et conducteurs des remorqueurs et des bâtiments remorqués doivent, d'ailleurs, dans tous les cas de rencontre avec d'autres bâtiments, rapprocher, autant que possible, les uns des autres, les bâtiments conduits à la remorque en convoi, de manière à livrer aux autres bâtiments un passage suffisamment large.

Il est interdit, dans tous les cas, de naviguer dans le fleuve avec plus de trois bâtiments amarrés bord à bord.

щихъ на буксирѣ. При недостаткѣ простора для исполненія сего правила, шкипера и проводники, какъ буксирныхъ пароходовъ, такъ и буксируемыхъ судовъ, обязаны, даже въ томъ случаѣ, если бы установленные выше въ статьяхъ 23 и 24 сигналы не были даны, сдаться въ сторону, согласно предписанному въ означенныхъ статьяхъ правилу.

Впрочемъ, шкиперъ и проводники буксирныхъ пароходовъ и буксируемыхъ судовъ вообще обязаны, при встрѣчѣ съ другими судами, по возможности, сближать между собою суда, составляющія караванъ, который они ведутъ на буксирѣ, дабы такимъ образомъ оставлять достаточный просторъ для прохода другихъ судовъ.

Во всякомъ случаѣ, воспрещается, при плаваніи по рѣкѣ, прикрѣплять бортомъ къ борту болѣе трехъ судовъ.

CHAPITRE III.

Règles pour le halage.

Article XXVIII.

Si deux bâtiments halés en sens contraire se rencontrent le long de la même rive, celui qui remonte s'écarte de manière à laisser passer l'autre.

Si un bâtiment halé par des animaux de trait rejoint un train de halage à bras, celui-ci doit lui livrer passage.

Dans le cas où un bâtiment halé en rencontre un autre amarré à la rive, le capitaine de ce dernier doit permettre aux matelots du bâtiment halé de monter sur son bord pour transporter la corde de halage.

ГЛАВА III.

Правила касательно бечевой тяги.

Статья XXVIII.

Когда встрѣчаются два судна, идущія въ бечевую въ противоположныхъ направленіяхъ около одного берега, то изъ нихъ, идущее вверхъ, должно посторониться, дабы пропустить другое. Когда судно, которое тянется рабочимъ скотомъ, нагоняетъ другое судно, которое тянется людьми, сіе послѣднее обязано пропустить первое.

Когда судно, во время тяги въ бечевую, встрѣтитъ другое судно, причаленное къ берегу, шкиперъ сего послѣдняго обязанъ дозволить рабочимъ тянущагося судна всходить на его судно, дабы перенести бечеву.

Article XXIX.

Un bâtiment halé à bras ne peut entreprendre de dépasser un autre bâtiment halé de même, sauf le cas où il n'en résulterait aucun retard ni embarras pour ce dernier, lequel est tenu, en pareil cas, de se ranger le plus près possible contre la rive qu'il longe.

Статья XXIX.

Судно, которое тянется людьми, не можетъ обгонять другое судно, которое тянется такимъ же образомъ, за исключеніемъ того случая, когда отъ этого не произойдетъ никакой задержки или затрудненія для послѣдняго судна, обязаннаго въ этомъ случаѣ держаться какъ можно ближе берега, вдоль коего оно идетъ.

Article XXX.

Il ne peut y avoir, en dehors des ports, plus de trois bâtiments mouillés ou amarrés bord à bord, le long des chemins de halage.

Статья XXX.

Внѣ портовъ не должно находиться болѣе трехъ судовъ на якоряхъ или ошвартованныхъ бортъ о бортъ вдоль бечевника.

CHAPITRE IV.

Règles pour la navigation pendant la nuit et par un temps de brouillard.

ГЛАВА IV.

Правила касательно плаванія въ ночное или туманное время.

Article XXXI.

Tout bâtiment à vapeur naviguant pendant la nuit (entre le coucher et le lever du soleil) doit être muni d'une lumière blanche, facilement visible à la distance de deux milles au moins, hissée en tête du mât de misaine, d'une lumière verte à tribord et d'une lumière rouge à babord.

Les feux de côté sont pourvus, en dedans du bord, d'écrans dirigés de l'arrière à l'avant, de manière que le feu vert ne puisse pas être perçu de babord avant, ni le feu rouge de tribord avant.

Les bâtiments à voiles, lorsqu'ils font route à la voile ou en remorque, portent les mêmes feux que les bâtiments à vapeur en marche, à l'exception du feu blanc du mât de misaine dont ils

Статья XXXI.

Всякое паровое судно, плавающее ночью (отъ заката до восхода солнца), должно имѣть бѣлый огонь на топѣ фокъ-мачты, который могъ бы быть легко видѣнъ по крайней мѣрѣ за двѣ мили, зеленый огонь на штирбортѣ и красный на бакбортѣ.

Боковые огни должны быть снабжены съ внутренней стороны щитами, поставленными продольно, такъ, чтобы зеленаго свѣта не было видно съ лѣвой стороны, а краснаго съ правой стороны носовой части.

Парусныя суда, когда идутъ подъ парусами или на буксирѣ, имѣютъ такіе же огни, какъ и паровыя суда на ходу, за исключеніемъ бѣлаго огня на фокъ-мачтѣ, котораго они отнюдь

ne doivent jamais faire usage. Les bâtiments à vapeur remorquant un ou plusieurs autres bâtiments portent, indépendamment de leurs feux de côté, deux feux blancs placés l'un au-dessous de l'autre, en tête du mât, pour servir à les distinguer des autres navires à vapeur.

Pour l'application des règles prescrites par le présent article, tout navire à vapeur qui ne marche qu'avec l'aide de ses voiles est considéré comme navire à voiles, et tout navire dont la machine est en action, quelle que soit sa voilure, est considéré comme navire à vapeur.

Les radeaux naviguant pendant la nuit doivent porter un feu blanc à chacun de leurs angles.

Tout bâtiment, soit à voiles, soit à vapeur, en marche pendant la nuit, qui s'aperçoit qu'il est rejoint par un autre bâtiment suivant la même route que lui, est tenu de l'avertir, en lui montrant une lumière blanche à l'arrière.

Article XXXII.

Les bâtiments à voiles, les convois de remorque et les radeaux ne peuvent naviguer que lorsqu'ils aperçoivent distinctement la rive qu'ils suivent.

Article XXXIII.

Par les temps de brume, les bâtiments à vapeur ne peuvent naviguer qu'à vitesse réduite, et les capitaines sont tenus de régler leur marche, suivant l'intensité de la brume, de manière à rester toujours maîtres de leurs mouvements et à pouvoir s'arrêter à temps, en cas d'obstacle. Ils sont tenus, d'ailleurs, de faire tinter sans interruption

не должны имѣть. Паровыя суда, ведущія на буксирѣ одно или нѣсколько судовъ, независимо отъ своихъ боковыхъ огней, должны имѣть, для отличія отъ другихъ паровыхъ судовъ, еще два бѣлыхъ огня, поставленныхъ одинъ подъ другимъ на топѣ мачты.

При примѣненіи правилъ, предписанныхъ настоящею статьею, всякое паровое судно, идущее на однихъ парусахъ, считается за парусное судно, а всякое судно, коего машина въ дѣйствіи, какая бы ни была его парусность, считается за паровое.

Лѣсные плоты, идущіе въ ночное время, должны имѣть по бѣлому огню на каждомъ углу.

Всякое идущее ночью парусное или паровое судно, которое замѣтитъ, что его настигаетъ другое судно, слѣдующее по тому же направленію, должно предварить послѣднее, показавъ ему бѣлый свѣтъ на кормѣ.

Статья XXXII.

Паруснымъ судамъ, каравнамъ на буксирѣ и плотамъ разрѣшается плаваніе лишь тогда, когда они могутъ явственно различать берегъ, вдоль коего слѣдуютъ.

Статья XXXIII.

Въ туманное время паровыя суда могутъ ходить лишь уменьшеннымъ ходомъ и шкипера должны сообразовать ходъ съ густотою тумана, дабы имѣть всегда возможность управлять движеніемъ судна и остановиться во время, въ случаѣ препятствія. Кромѣ того, они должны безпрерывно звонить въ колоколъ, давать свистокъ черезъ

la cloche du bord, en donnant un coup de sifflet de deux en deux minutes, et de jeter l'ancre, si la brume devient épaisse au point qu'il leur soit impossible d'apercevoir la rive sur laquelle ils appuient, ou vers laquelle ils se dirigent.

каждыя двѣ минуты и бросить якорь какъ скоро туманъ усилится на столько, что они не въ состоянiи будутъ видѣть берега, котораго держатся или къ которому направляютъ курсъ.

CHAPITRE V.

Règles pour les bâtiments au mouillage.

Article XXXIV.

Il est expressément défendu de jeter l'ancre ou de s'amarrer dans le chenal de navigation de manière à entraver la marche des bâtiments.

Article XXXV.

Lorsque par suite de brouillard, un bâtiment ou un radeau est obligé de s'arrêter ailleurs que sur un point habituel de mouillage, il est tenu, si c'est un bateau à vapeur, de faire tinter la cloche du bord, et, dans le cas contraire, de héler du portevoix. Ces signaux sont répétés de deux en deux minutes.

Article XXXVI.

Tout bâtiment arrêté sur le fleuve, pendant la nuit, doit être muni d'un fanal éclairé qui est placé, soit à l'extrémité de l'une des grandes vergues, soit sur toute autre partie apparente du bâtiment, du côté du chenal, de telle sorte qu'il puisse être aperçu aussi bien en amont qu'en aval.

Les radeaux stationnant à l'ancre pendant la nuit doivent porter les feux prescrits par l'article 31, sauf les feux des deux angles du côté de la rive, qu'ils sont tenus de supprimer.

ГЛАВА V.

Правила касательно судовъ на стоянкѣ.

Статья XXXIV.

Строго запрещается такъ бросать якорь или ошвартовываться въ судоходномъ фарватерѣ, чтобы этимъ мѣшать движенiю судовъ.

Статья XXXV.

Если, по случаю тумана, судно или плотъ принуждены будутъ остановиться не на одномъ изъ обычныхъ якорныхъ мѣстъ, а въ другомъ мѣстѣ, то они обязаны, буде это паровое судно, звонить въ колоколъ, а другое судно или плотъ, окликать въ рупоръ. Эти сигналы должны повторяться чрезъ каждыя двѣ минуты.

Статья XXXVI.

Судно, остановившееся въ рѣкѣ въ ночное время, должно имѣть зажженный фонарь, на концѣ одной изъ большихъ рей или на какой либо другой видной части судна, обращенной къ фарватеру, такъ чтобы онъ былъ видимъ для судовъ, идущихъ какъ сверху, такъ и снизу рѣки.

Плоты, стоящiе на якорѣ въ ночное время, должны имѣть огни, предписанные выше въ статьѣ 31, за исключенiемъ огней по обоимъ угламъ, обращеннымъ къ берегу, которые они должны погасить.

Article XXXVII.

Lorsqu'un bâtiment ou un radeau est obligé de placer un câble ou une chaîne en travers du chenal, ces amarres doivent être larguées promptement, aussitôt qu'un autre bâtiment se présente pour passer.

Article XXXVIII.

Les radeaux et trains de bois ne peuvent avoir qu'un tirant d'eau inférieur de deux pieds anglais, au moins, à la hauteur de l'eau sur celui des basfonds du fleuve offrant la moindre profondeur, dans le parcours qu'ils doivent traverser.

Article XXXIX.

La dimension des radeaux et trains de bois ne devra pas dépasser la largeur reconnue comme étant compatible avec les conditions de la navigation et la largeur des chenaux.

Tout radeau ou train de bois échoué dans le fleuve, de manière à entraver la navigation, qui n'est pas remis à flot dans les quarante-huit heures, peut être allégé et démonté même, au besoin, par les agents de la police fluviale, aux frais du propriétaire.

CHAPITRE VI.

Règles pour les cas d'échouement et de naufrage.

Article XL.

Tout capitaine ou patron d'un bâtiment ou d'un radeau échoué ou naufragé dans le chenal navigable est tenu de

Статья XXXVII.

Когда судно или плотъ находится въ необходимости протянуть тросъ или цѣпь поперекъ фарватера, то оно обязано немедленно отдать эти снасти, коль скоро подойдетъ другое судно, которое хочетъ пройти.

Статья XXXVIII.

Плоты и лѣсныя гонки должны имѣть осадку по крайней мѣрѣ на два англійскихъ фута меньше противъ высоты воды на наименѣе глубокой изъ отмелей, находящихся на протяженіи рѣки, которое они должны пройти.

Статья XXXIX.

Размѣръ плотовъ и лѣсныхъ гонокъ не долженъ превышать ширину, признанную соотвѣтствующею условіямъ судоходства и ширинѣ фарватера.

Всякій плотъ или лѣсная гонка, ставшіе на мель на рѣкѣ такъ, что этимъ представляютъ препятствіе судоходству, могутъ быть перегружены или, въ случаѣ надобности, даже совсѣмъ разобраны чинами рѣчной полиціи за счетъ владѣльца, если не сняты съ мели въ теченіи сорока восьми часовъ.

ГЛАВА VI.

Правила касательно судовъ, сѣвшихъ на мель или потерпѣвшихъ крушеніе.

Статья XL.

Шкиперъ или хозяинъ судна или плота, сѣвшаго на мель или потерпѣвшаго крушеніе въ судоходномъ

héler les bâtiments qui s'approchent, avant qu'ils ne soient arrivés à petite distance, pour les avertir de son immobilité.

Article XLI.

Si le bâtiment vient à faire naufrage, le capitaine doit faire tous ses efforts pour le haler immédiatement contre la rive, si elle est proche, et dans le cas contraire, pour le placer dans toute autre partie du fleuve, de manière à dégager le chenal navigable.

Le capitaine du bâtiment naufragé et son équipage restent à bord ou à proximité du lieu du sinistre, jusqu'à ce que le procès-verbal des agents de la police ait été dressé.

Article XLII.

Aussitôt après le naufrage, le capitaine du bâtiment, ou le pilote s'il y en a un à bord, fait prévenir le plus promptement possible les agents préposés à la surveillance du fleuve.

Article XLIII.

Si l'Inspecteur juge nécessaire de prendre des mesures immédiates dans l'intérêt de la navigation, il requiert à cet effet le capitaine du bâtiment naufragé, lequel est obligé, soit de déclarer immédiatement qu'il fera abandon de son bâtiment, et de laisser, dans ce cas, toute latitude à l'Inspecteur pour les dispositions à prendre, soit d'agir avec son équipage sous les ordres de l'Inspecteur. Dans ce dernier cas, celui-ci dirige le sauvetage jusqu'au point où il cesse d'être une opération d'utilité publique pour devenir une affaire d'intérêt privé.

фарватерѣ, долженъ окликать приближающіяся суда, прежде чѣмъ они подойдутъ на близкое разстояніе, дабы извѣстить ихъ о своей неподвижности.

Статья XLI.

Когда судно потерпитъ крушеніе, шкиперъ обязанъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы немедленно перетянуть судно къ берегу, если онъ близокъ, или, въ противномъ случаѣ, поставить его въ какую либо другую часть рѣки, съ тѣмъ чтобы очистить фарватеръ.

Шкиперъ и экипажъ судна, потерпѣвшаго крушеніе, остаются на ономъ, или близъ мѣста приключенія, до составленія протокола чинами полиціи.

Статья XLII.

Тотчасъ послѣ крушенія, шкиперъ или лоцманъ, если таковой есть на суднѣ, извѣщаетъ о томъ, въ возможной скорости, агентовъ, назначенныхъ для наблюденія за рѣкою.

Статья XLIII.

Если Инспекторъ признаетъ нужнымъ принять неотлагательныя мѣры въ интересахъ судоходства, то онъ приглашаетъ къ тому шкипера потерпѣвшаго крушеніе судна, который обязанъ или тотчасъ объявить, что покидаетъ судно, и въ семъ случаѣ предоставить Инспектору полную свободу въ принятіи мѣръ, или же дѣйствовать съ экипажемъ, согласно приказаніямъ Инспектора. Въ такомъ случаѣ, сей послѣдній распоряжается спасаніемъ до тѣхъ поръ, пока оно не доведено до той степени, на которой оно перестаетъ быть дѣломъ обще-

ственной пользы и становится дѣломъ частнаго интереса.

Article XLIV.

Si, hors le cas de nécessité immédiate prévu par l'article précédent, l'enlèvement de la carcasse ou des débris du bâtiment naufragé est ultérieurement jugé urgent ou nécessaire, dans l'intérêt de la navigation, les propriétaires, assureurs et tous les autres ayants-droit sont tenus de l'effectuer et parachever dans le délai qui leur est fixé par l'Inspecteur, à défaut de quoi les travaux sont exécutés d'office par l'autorité préposée à l'exécution du présent règlement, dans la limite déterminée par le susdit article 43.

Статья XLIV.

Если, помимо случая неотлагательной необходимости, предусмотрѣннаго предъидущею статьею, будетъ признано впослѣдствіи крайне нужнымъ и необходимымъ для пользы судоходства, поднять кузовъ или обломки погибшаго судна, то судохозяева, страховщики или другія лица, имѣющія на опое право, обязаны выполнить и окончить это въ указанный имъ Инспекторомъ срокъ; въ противномъ случаѣ работы производятся отъ казны, властью надзирающею за исполненіемъ сего регламента, въ предѣлахъ, указанныхъ въ предъидущей 43 статьѣ.

Article XLV.

Tous travaux entrepris, soit par des particuliers, soit par des compagnies, pour opérer le sauvetage de bâtiments naufragés ou de leurs cargaisons, s'effectuent sous la surveillance de l'autorité préposée à l'exécution du présent règlement. Ces travaux peuvent être interdits, s'ils sont de nature à causer une entrave à la navigation, de même qu'ils peuvent être continués ou repris d'office par l'autorité susnommée, dans le cas où ils auraient été abandonnés ou suspendus, le tout sur une simple notification faite aux ayants-droit par l'Inspecteur de la navigation.

Le bâtiment dont le sauvetage a été opéré par les agents de l'autorité préposée à la surveillance du fleuve peut être tenu de couvrir les frais de sauvetage et d'entretien du matériel.

Статья XLV.

Всѣ работы, предпринимаемыя частными лицами или компаніями для спасанія потерпѣвшихъ крушеніе судовъ и ихъ груза, производятся подъ наблюденіемъ власти, назначенной для исполненія настоящаго регламента. Эти работы могутъ быть воспрещены, если онѣ такого свойства, что могутъ стѣснять судоходство. Равнымъ образомъ онѣ могутъ быть продолжены или вновь начаты означенною властью, въ случаѣ если онѣ были брошены или пріостановлены и при томъ по простымъ извѣщеніямъ, сдѣланнымъ Инспекторомъ судоходства лицамъ, до коихъ сіе касается.

Судно, спасенное при содѣйствіи агентовъ той власти, коей поручено наблюденіе за рѣкою, можетъ быть обязано покрыть расходы по спасанію судна и по содержанію спасательныхъ снарядовъ.

*

Les ancres, chaînes et autres objets abandonnés par les navigateurs dans le fleuve, en dehors des ports, ne peuvent être retirés par qui que ce soit, sans une autorisation écrite de l'Inspecteur ou des Sous-Inspecteurs, qui délivrent, s'il y a lieu, cette autorisation, et règlent le mode d'enlèvement, ainsi que la destination des objets abandonnés.

Якоря, цѣпи и другіе предметы, покинутые судовщиками въ рѣкѣ, внѣ портовъ, не могутъ быть никѣмъ вынимаемы безъ письменнаго разрѣшенія Инспектора или Субъ-Инспекторовъ, которые выдаютъ, въ случаѣ надобности, это разрѣшеніе и опредѣляютъ способы подъема и назначеніе оставленныхъ предметовъ.

CHAPITRE VII.

Règles pour le jet du lest.

ГЛАВА VII.

Правила касательно выбрасыванія баласта.

Article XLVI.

Il est interdit d'une manière absolue aux bâtiments de jeter leur lest dans le lit fluvial.

Le déchargement à terre peut être opéré sur les emplacements désignés par les autorités locales, comme lieu de dépôt public, ou sur les points déterminés par les agents préposés à la police de la navigation et désignés dans un avis dûment publié.

Les prescriptions du présent article sont également applicables au jet des cendres et escarbilles des bâtiments à vapeur.

Статья XLVI.

Безусловно запрещается судамъ выбрасывать баластъ въ русло рѣки.

Выгрузка баласта на берегъ можетъ производиться на мѣстахъ, отведенныхъ для склада мѣстными властями, или въ пунктахъ, указанныхъ чинами полиціи судоходства и обозначенныхъ въ надлежаще распубликованномъ объявленіи.

Предписанія настоящей статьи относятся и до выбрасыванія золы и угольнаго мусора съ паровыхъ судовъ.

Article XLVII.

Pour assurer l'exécution de la disposition qui précède, relative au jet du lest, les capitaines ou patrons sont tenus de conserver à bord, pendant toute la durée du voyage en amont, le certificat délivré par le Capitaine du port de Soulina et constatant le tirant d'eau des bâtiments naviguant sur lest, de même que tout autre document délivré au bâtiment en cours de voyage, pour constater un déchargement de lest. Ces

Статья XLVII.

Въ обезпеченіе соблюденія предъидущаго постановленія относительно выбрасыванія баласта, шкипера или хозяева обязаны, во все время плаванія вверхъ по рѣкѣ, сохранять свидѣтельство, выдаваемое Капитаномъ надъ портомъ въ Сулинѣ, въ удостовѣреніе осадки судна, плавающаго съ баластомъ, а равно и всѣ документы, выдаваемые судамъ во время плаванія въ удостовѣреніе выгрузки баласта.

certificats doivent être présentés à toute réquisition des agents préposés à la police.

CHAPITRE VIII.

Des opérations d'allége au cabotage.

Article XLVIII.

Les opérations d'allége peuvent être faites par tous transports à vapeur, chalands de remorque, bâtiments à voiles ou alléges.

CHAPITRE IX.

Du remorquage.

Article XLIX.

L'industrie du remorquage est entièrement libre pour les bateaux à vapeur de tout pavillon.

Les opérations de remorquage peuvent être effectuées, sans aucune entrave et sans aucune nouvelle formalité ni déclaration, par tous les remorqueurs qui opèrent sur la partie du fleuve située entre Braïla et Soulina.

Les propriétaires ou capitaines des remorqueurs destinés à opérer exclusivement entre Braïla et les Portes de Fer, sont tenus d'en faire la déclaration à l'Inspecteur de la navigation et de l'informer du nom du navire, de son pavillon et de sa force en chevaux-vapeur, ainsi que de la date à partir de laquelle commenceront les opérations de remorquage.

Sur cette notification, l'Inspecteur indique sans délai au propriétaire du remorqueur un numéro d'ordre, que celui-ci est tenu de faire porter par son bâtiment, en chiffres arabes, d'un pied de hauteur, peints en blanc à babord

Эти свидѣтельства должны быть представляемы чинамъ полиціи по первому ихъ требованію.

ГЛАВА VIII.

О каботажно-перегрузочныхъ операціяхъ.

Статья XLVIII.

Операціи перегрузки могутъ быть совершаемы всякаго рода паровыми транспортами, буксирными баржами, парусными судами и лихтерами.

ГЛАВА IX.

О буксированіи.

Статья XLIX.

Занятіе буксированіемъ совершенно свободно для пароходовъ всѣхъ флаговъ.

Операціи буксированія могутъ быть совершаемы безпрепятственно и безъ всякой новой формальности или деклараціи, всѣми буксирными пароходами, работающими на части Дуная между Браиловымъ и Сулиною.

Хозяева или шкипера буксирныхъ пароходовъ, предназначенныхъ дѣйствовать исключительно между Браиловымъ и Желѣзными Воротами, должны подать объ этомъ объявленіе Инспектору судоходства и извѣстить его о названіи судна, о его флагѣ, о количествѣ лошадиныхъ силъ, а равно и о времени, съ котораго начнутъ операцію буксированія.

На таковое заявленіе Инспекторъ указываетъ, безъ замедленія, хозяину буксира слѣдующій по порядку номеръ, который владѣлецъ обязанъ имѣть написаннымъ арабскими цифрами, въ одинъ футъ величиной, бѣлою краскою,

et à tribord, sur une partie apparente du bordage extérieur.

Article L.

Lorsque des bâtiments ou transports conduits en remorque s'amarrent ou jettent l'ancre, les remorqueurs ne peuvent larguer les amarres de remorque avant que les bâtiments ou transports remorqués n'aient fait leur évitée au vent ou au courant, et ne se trouvent en sécurité de mouillage.

Article LI.

Lorsque le capitaine d'un remorqueur entreprend de remorquer un ou plusieurs bâtiments, transports, radeaux ou trains de bois, pour lesquels la force de son bâtiment est insuffisante, et qu'il en résulte un dommage ou une entrave pour la navigation, le capitaine est passible de l'amende prévue pour contravention à l'article 18, sans préjudice à la responsabilité qu'il encourt devant les autorités civiles, pour les dommages qui peuvent en résulter.

Article LII.

Les disposition des articles 50 et 51 qui précèdent sont obligatoires pour tous les bâtiments employés à en remorquer d'autres, soit habituellement, soit accidentellement.

En cas d'échouement ou de naufrage d'un bâtiment, transport, radeau ou train de bois remorqué, le capitaine du remorqueur, en continuant son voyage, est tenu de donner avis de l'accident à la première embarcation du service de l'inspection qu'il rencontre.

En règle générale, le remorqueur ne peut continuer son voyage avant qu'il

на видныхъ мѣстахъ наружной обшивки штирборта и бакборта своего судна.

Статья L.

Когда буксируемыя суда или транспорты ошвартовываются или бросаютъ якорь, буксирующіе пароходы не могутъ отдавать швартововъ ранѣе, чѣмъ буксируемые суда или транспорты не станутъ по вѣтру или по теченію и не будутъ находиться въ безопасной стоянкѣ.

Статья LI.

Если шкиперъ буксира возьметъ на буксиръ одно или нѣсколько судовъ, транспортовъ, плотовъ или лѣсныхъ гонокъ, для тяги коихъ сила его судна окажется недостаточною, и если, вслѣдствіе этого, причиненъ будетъ вредъ или задержка судоходству, то шкиперъ подвергается штрафу, предусмотрѣнному за нарушеніе 18 статьи, сверхъ отвѣтственности, падающей на него предъ гражданскими властями за убытокъ, отъ сего происшедшій.

Статья LII.

Правила, изложенныя въ предшествующихъ 50 и 51 статьяхъ, обязательны для всѣхъ судовъ, употребляемыхъ для буксированія постоянно или случайно.

Въ случаѣ посадки на мель или крушенія буксируемыхъ: судна, транспорта, плота или лѣсной гонки, шкиперъ буксирнаго парохода, продолжая свое плаваніе, долженъ извѣстить о случившемся первое встрѣчное имъ судно инспекціи.

По общему правилу, буксиръ не можетъ продолжать дальнѣйшаго плава-

nè soit constaté que la force de son moteur est insuffisante pour remettre à flot le bâtiment, transport, radeau ou train de bois échoué.

Les dispositions du présent article sont applicables à tous bâtiments à vapeur employés au remorquage, soit habituellement, soit accidentellement.

нія, пока не будетъ дознано, что сила его двигателя не достаточна для снятія съ мели судна, транспорта, плота или лѣсной гонки.

Постановленія настоящей статьи относятся до всѣхъ паровыхъ судовъ, употребляемыхъ для буксированія постоянно или случайно.

CHAPITRE X.

De la police des ports.

ГЛАВА X.

О портовой полиціи.

Article LIII.

Aucun navire ne peut entrer dans un port, ni en sortir, sans hisser son pavillon national.

Статья LIII.

Никакое судно не можетъ ни входить въ портъ, ни выходить изъ него, не поднявъ своего національнаго флага.

Article LIV.

Les capitaines sont tenus de jeter l'ancre aux endroits qui leur sont désignés par les autorités du port, et de changer de mouillage, sur la réquisition de ces autorités lorsque cela est reconnu nécessaire.

Статья LIV.

Шкипера обязаны становиться на якорь на мѣстахъ, указанныхъ имъ портовымъ начальствомъ, и мѣнять стоянки по требованію этихъ властей, если сіе признано будетъ необходимымъ.

Article LV.

Pendant toute la durée du mouillage les vergues restent brassées de l'avant à l'arrière.

Статья LV.

Во все время стоянки на якорѣ, реи должны оставаться обрасопленными вдоль судна.

Article LVI.

Une fois à l'ancre, les bâtiments s'amarrent aux poteaux établis à cet effet le long des rives, ou aux bâtiments déjà mouillés. Le corps du bâtiment le plus rapproché de la rive sert de passage aux autres. Les bâtiments rentrent leur bâton de foc et leurs bouts-dehors qui ne peuvent servir, en aucun cas, à amarrer les embarcations.

Статья LVI.

Суда, ставъ на якорь, тотчасъ ошвартовываются къ столбамъ, поставленнымъ для сего вдоль обоихъ береговъ, или къ судамъ, уже стоящимъ на якоряхъ. Корпусъ судна ближайшаго къ берегу долженъ служить для прохода другимъ. Суда убираютъ свои утлегеры и выстрѣливающія деревья, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для прикрѣпленія шлюпокъ.

Article LVII.

Les capitaines se présentent, dans les vingt-quatre heures de leur arrivée, au bureau du Capitaine de port, pour y produire leurs papiers de bord.

Article LVIII.

Tout bâtiment stationnant dans un port est tenu d'avoir toujours à sa disposition assez d'hommes pour exécuter les manœuvres qui pourraient devenir nécessaires.

Article LIX.

Les embarcations des ports ou des bâtiments marchands mouillés dans un port ne peuvent se déplacer pendant la nuit sans porter un fanal allumé.

Article LX.

Il n'est pas permis de chauffer, dans l'intérieur des ports, du goudron ni de la poix, à bord des bâtiments. Les fumigations ne peuvent avoir lieu qu'avec l'autorisation du Capitaine de port.

Le capitaine de tout bâtiment arrivant avec un chargement composé, exclusivement ou en partie, de pétrole, de dynamite, de poudre à canon ou de mine, ou d'autres matières explosibles ou inflammables, est tenu d'en faire immédiatement sa déclaration aux agents préposés à la police du port, avant de prendre son mouillage, et de produire l'autorisation dont il doit être muni pour l'importation de ces matières.

Article LXI.

Les bâtiments ayant du pétrole ou des matières explosibles ou inflammables

Статья LVII.

Шкипера должны, въ теченіе сутокъ по прибытіи, явиться въ контору Капитана надъ портомъ, для предъявленія своихъ корабельныхъ документовъ.

Статья LVIII.

Каждое судно, стоящее въ портѣ, должно имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное число людей для исполненія маневровъ, могущихъ оказаться необходимыми.

Статья LIX.

Шлюпки, принадлежащія порту или купеческимъ судамъ, стоящимъ въ портѣ, не должны перемѣщаться въ ночное время безъ зажженнаго фонаря.

Статья LX.

Запрещается внутри порта варить на судахъ деготь или смолу. Окуриваніе на судахъ можетъ производиться лишь съ разрѣшенія Капитана надъ портомъ.

Шкиперъ судна, приходящаго съ грузомъ исключительно или частью петролеума, динамита, пушечнаго или миннаго пороха, или другихъ взрывчатыхъ или воспламеняющихся веществъ, долженъ немедленно и прежде чѣмъ станетъ на якорь, заявить объ этомъ чинамъ портовой полиціи, и представить разрѣшеніе, которымъ онъ долженъ быть снабженъ для ввоза этихъ веществъ.

Статья LXI.

Суда, имѣющія въ числѣ груза петролеумъ, взрывчатыя или воспламеняю-

à bord, ne peuvent mouiller, ou s'amarrer que dans la partie des ports désignée à cet effet, par les Capitaines de port, et ils sont tenus de porter un pavillon rouge en tête du mât de misaine.

Article LXII.

Tout bâtiment mouillé dans un port est tenu de porter son nom sur une partie facilement visible.

Les capitaines des bâtiments stationnant dans un port sont obligés de dénoncer sans retard aux Capitaines de port tout cas d'abordage ou d'avarie dans lequel leurs bâtiments auraient été engagés, ainsi que tout cas de décès survenu à leur bord.

Article LXIII.

Les dispositions du présent règlement relatives aux amarres et fanaux et au remorquage, sont également applicables dans les ports.

Article LXIV.

Avant de quitter un port, les capitaines sont tenus de se présenter au bureau du Capitaine de port, pour obtenir leurs expéditions et pour payer ou consigner le montant des amendes qui leur seraient infligées en vertu du présent règlement.

Article LXV.

Il est défendu de retirer, sans l'autorisation du Capitaine de port, les ancres, chaînes et autres objets abandonnés dans le port.

щіяся вещества, могутъ бросать якорь или ошвартовываться лишь въ той части портовъ, которая назначена на сей предметъ Капитанами надъ портомъ и должны имѣть красный флагъ на топѣ фокъ-мачты.

Статья LXII.

Каждое судно, стоящее въ портѣ, должно имѣть свое названіе написаннымъ на видномъ мѣстѣ.

Шкипера судовъ, стоящихъ въ портѣ, обязаны заявлять безъ замедленія Капитанамъ надъ портомъ о каждомъ случаѣ столкновенія или аваріи, происшедшемъ съ ихъ судами, равно какъ и о каждомъ случаѣ смерти на ихъ суднѣ.

Статья LXIII.

Постановленія настоящаго регламента, относящіяся до причала и огней, а также до буксированія, равнымъ образомъ примѣняются и въ портахъ.

Статья LXIV.

Предъ оставленіемъ порта, шкипера должны явиться въ контору Капитана надъ портомъ для полученія своихъ бумагъ и для уплаты или внесенія суммы штрафовъ, кои могутъ быть наложены въ силу настоящаго регламента.

Статья LXV.

Запрещается безъ дозволенія Капитана надъ портомъ поднимать покинутые въ портѣ якоря, цѣпи и другіе предметы.

CHAPITRE XI.

Du service du pilotage dans le fleuve.

Article LXVI.

Le pilotage sur le fleuve est facultatif.

Article LXVII.

En dehors du pilotage qui s'exerce librement, il y aura un service spécial facultatif de pilotes brevetés pour les bâtiments qui naviguent sur le fleuve entre les Portes de Fer et Braïla. Ces pilotes sont placés sous l'autorité de l'Inspecteur qui leur délivre le brevet de pilote. Ils sont tenus de faire viser ce brevet chaque année par l'Inspecteur; à défaut de l'accomplissement de cette formalité, le brevet cesse d'être valable.

Article LXVIII.

Un tarif de pilotage sera élaboré par l'autorité préposée à la surveillance des règlements pour les pilotes brevetés.

Article LXIX.

Les Sous-Inspecteurs et les Capitaines de port, chacun dans les limites de son ressort, prononcent sur les contestations survenues entre les pilotes et les capitaines de commerce, lorsque leur intervention est réclamée.

Article LXX.

Les pilotes sont tenus de dénoncer, soit aux agents de l'Inspection, soit aux Capitaines de port, les contraventions commises en leur présence.

Il leur est interdit de s'intéresser, soit directement, soit indirectement, dans

ГЛАВА XI.

О службѣ лоцмановъ на рѣкѣ.

Статья LXVI.

Брать лоцмановъ на рѣкѣ не обязательно.

Статья LXVII.

Кромѣ вольныхъ лоцмановъ будетъ организовано общество патентованныхъ лоцмановъ для судовъ, плавающихъ по рѣкѣ между Браиловымъ и Желѣзными Воротами. Эти лоцмана будутъ состоять въ вѣдѣніи Инспектора, который имъ выдаетъ патентъ на званіе лоцмана. Они обязаны ежегодно представлять Инспектору этотъ патентъ для засвидѣтельствованія; безъ соблюденія этой формальности патентъ считается недѣйствительнымъ.

Статья LXVIII.

Тарифъ платы лоцманамъ будетъ выработанъ властью, поставленною для наблюденія за регламентами для патентованныхъ лоцмановъ.

Статья LXIX.

Субъ-Инспекторы и Капитаны надъ портомъ, каждый въ предѣлахъ своего вѣдомства, рѣшаютъ споры между лоцманами и торговыми шкиперами, когда они обращаются къ ихъ посредничеству.

Статья LXX.

Лоцмана обязаны доносить или чинамъ инспекціи, или Капитанамъ надъ портомъ, о нарушеніяхъ правилъ, учиненныхъ въ ихъ присутствіи.

Имъ воспрещается всякое участіе, прямое или косвенное, въ какихъ либо

aucune opération ou entreprise d'allége ayant pour objet de remettre à flot le bâtiment echoué qu'ils ont conduit lors de l'accident.

Article LXXI.

Les pilotes brevetés qui, par incapacité ou mauvaise volonté, ont été cause d'un bordage, d'un échouement ou d'un naufrage, sont destitués, sans préjudice de l'action civile que les ayants-droit peuvent exercer contre eux devant les tribunaux compétents.

CHAPITRE XII.

Des contraventions.

Section A.

Fixation des amendes.

§ 1. Contraventions au régime général de la navigation.

Article LXXII.

Toute contravention à l'article dixhuit (18) est punie d'une amende de cinq à cinquante francs.

§ 2. Contraventions à la police du fleuve.

Article LXXIII.

Toute contravention à l'une des dispositions des articles vingt-huit, vingt-neuf, trente (28, 29, 30), du second alinéa de l'article quarante-et-un (41), de l'article quarante-deux (42) et du quatrième alinéa de l'article quarante-neuf (49) est punie d'une amende de cinq à trente francs.

операціяхъ или предпріятіяхъ по части перегрузки судовъ, съ цѣлью снять сѣвшее на мель судно, которое они вели во время происшествія.

Статья LXXI.

Патентованные лоцмана, бывшіе, по своей неспособности или по нерадѣнію, причиною столкновенія судовъ, или крушенія, или посадившіе судно на мель, отрѣшаются отъ должности независимо отъ гражданскаго иска, который пострадавшіе могутъ предъявить къ нимъ въ надлежащихъ судахъ.

ГЛАВА XII.

О нарушеніяхъ регламента.

Отдѣленіе А.

Опредѣленіе денежныхъ штрафовъ.

§ 1. Нарушеніе постановленій, касающихся общаго порядка судоходства.

Статья LXXII.

Всякое нарушеніе статьи восемнадцатой (18) наказывается штрафомъ отъ пяти до пятидесяти франковъ.

§ 2. Нарушеніе постановленій о рѣчной полиціи.

Статья LXXIII.

Всякое нарушеніе постановленій, заключающихся въ статьяхъ двадцать восьмой, двадцать девятой, тридцатой (28, 29, 30), во второмъ пунктѣ статьи сорокъ первой (41), въ статьѣ сорокъ второй (42) и въ четвертомъ пунктѣ статьи сорокъ девятой (49), наказывается штрафомъ отъ пяти до тридцати франковъ.

Article LXXIV.

Toute contravention à l'article quarante-cinq (45) est punie d'une amende de cinq à quarante francs.

Статья LXXIV.

Всякое нарушеніе статьи сорокъ пятой (45) наказывается штрафомъ отъ пяти до сорока франковъ.

Article LXXV.

Toute contravention à l'une des dispositions des articles onze, treize, dix-neuf, vingt, trente-quatre, trente-six, trente-huit, quarante, quarante-sept (11, 13, 19, 20, 34, 36, 38, 40, 47), à la disposition du troisième alinéa de l'article quarante-neuf (49), ou à celle du second alinéa de l'article cinquante-deux (52) est punie d'une amende de cinq à cinquante francs.

Статья LXXV.

Всякое нарушеніе постановленій, содержащихся въ статьяхъ одиннадцатой, тринадцатой, девятнадцатой, двадцатой, тридцать четвертой, тридцать шестой, тридцать восьмой, сороковой, сорокъ седьмой (11, 13, 19, 20, 34, 36, 38, 40, 47), въ третьемъ пунктѣ статьи сорокъ девятой (49), и постановленія, содержащагося во второмъ пунктѣ статьи пятьдесятъ второй (52), наказывается штрафомъ отъ пяти до пятидесяти франковъ.

Article LXXVI.

Toute contravention aux dispositions de l'article vingt-cinq (25) est punie d'une amende de cinq à soixante francs.

Статья LXXVI.

Всякое нарушеніе постановленій, содержащихся въ статьѣ двадцать пятой (25), наказывается штрафомъ отъ пяти до шестидесяти франковъ.

Article LXXVII.

Toute contravention à l'article trente-cinq (35) est punie d'une amende de cinq à quatre-vingts francs.

Статья LXXVII.

Всякое нарушеніе статьи тридцать пятой (35) наказывается штрафомъ отъ пяти до восьмидесяти франковъ.

Article LXXVIII.

Toute contravention aux dispositions des articles vingt-six et vingt-sept (26, 27) est punie d'une amende de dix à quatre-vingts francs.

Статья LXXVIII.

Всякое нарушеніе постановленій статей двадцать шестой и двадцать седьмой (26, 27) наказывается штрафомъ отъ десяти до восьмидесяти франковъ.

Article LXXIX.

Toute contravention aux dispositions des articles vingt-et-un, vingt-quatre, trente-et-un et trente-sept (21, 24, 31,

Статья LXXIX.

Всякое нарушеніе постановленій статей двадцать первой, двадцать четвертой, тридцать первой и тридцать седь-

37) est punie d'une amende de cinq à cent francs.

Article LXXX.

Toute contravention aux dispositions des articles vingt-deux, vingt-trois, trente-deux, trente-trois et cinquante (22, 23, 32, 33, 50) est punie d'une amende de dix à cent francs.

§ 3. Contraventions à la police des ports.

Article LXXXI.

Toute contravention à l'une des dispositions des articles cinquante-trois, cinquante-cinq, cinquante-six, cinquante-sept, cinquante-huit et soixante-deux (53, 55, 56, 57, 58, 62) est punie d'une amende de cinq à vingt francs.

Article LXXXII.

Toute contravention à l'article soixante-cinq (65) est punie d'une amende de cinq à quarante francs.

Article LXXXIII.

Toute contravention à l'article cinquante-neuf (59) est punie d'une amende de cinq à cinquante francs.

Article LXXXIV.

Toute contravention à l'article soixante-quatre (64) est punie d'une amende de cinq à cent francs.

Article LXXXV.

Toute contravention aux dispositions des articles soixante et soixante-et-un (60, 61) est punie d'une amende de cinq à deux-cents francs.

мой (21, 24, 31, 37) наказывается штрафомъ отъ пяти до ста франковъ.

Статья LXXX.

Всякое нарушенiе постановленiй статей двадцать второй, двадцать третьей, тридцать второй, тридцать третьей и пятидесятой (22, 23, 32, 33, 50) наказывается штрафомъ отъ десяти до ста франковъ.

§ 3. Нарушенiе постановленiй портовой полицiи.

Статья LXXXI.

Всякое нарушенiе постановленiй статей пятьдесятъ третьей, пятьдесятъ пятой, пятьдесятъ шестой, пятьдесятъ седьмой, пятьдесятъ восьмой и шестьдесятъ второй (53, 55, 56, 57, 58, 62) наказывается штрафомъ отъ пяти до двадцати франковъ.

Статья LXXXII.

Всякое нарушенiе статьи шестьдесятъ пятой (65) наказывается штрафомъ отъ пяти до сорока франковъ.

Статья LXXXIII.

Всякое нарушенiе статьи пятьдесятъ девятой (59) наказывается штрафомъ отъ пяти до пятидесяти франковъ.

Статья LXXXIV.

Всякое нарушенiе статьи шестьдесятъ четвертой (64) наказывается штрафомъ отъ пяти до ста франковъ.

Статья LXXXV.

Всякое нарушенiе постановленiй статей шестидесятой и шестьдесятъ первой (60, 61) наказывается штрафомъ отъ пяти до двухсотъ франковъ.

§ 4. Contraventions commises par les pilotes brevetés.

Article LXXXVI.

Toute contravention aux dispositions de l'article soixante-dix (70) est punie d'une amende de cinq à cinquante francs.

§ 5. Injures et voies de fait.

Article LXXXVII.

Toute offense ou injure commise et toute menace proférée contre les agents préposés au maintien de la police de la navigation, agissant dans l'exercice de leurs fonctions, de même que toute injure ou offense dirigée contre l'autorité de laquelle les dits agents tiennent leur pouvoir, est punie d'une amende de cinq francs et de cinquante francs au plus.

S'il y a voie de fait commise ou tentée contre les agents de la police, à l'occasion de l'accomplissement de leurs fonctions, le maximum de l'amende peut être porté à deux-cents francs, sans préjudice à la poursuite devant l'autorité compétente.

Section B.

Règles pour l'application des amendes.

Article LXXXVIII.

Les amendes ne sont pas applicables aux contraventions occasionnées par des cas de force majeure.

Article LXXXIX.

Le maximum des amendes peut être doublé en cas de récidive.

§ 4. Нарушенія, совершенныя патентованными лоцманами.

Статья LXXXVI.

Всякое нарушеніе постановленій статьи семидесятой (70) наказывается штрафомъ отъ пяти до пятидесяти франковъ.

§ 5. Оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ.

Статья LXXXVII.

Всякая обида или оскорбленіе, нанесенныя назначеннымъ для поддержанія полиціи судоходства агентамъ, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, и всякая противъ нихъ угроза, а равно всякое оскорбленіе и обида, направленныя противъ власти, которою сказанные агенты поставлены, наказывается штрафомъ отъ пяти и не свыше пятидесяти франковъ.

За оскорбленіе дѣйствіемъ, учиненное надъ чинами полиціи, или за попытки таковаго при исполненіи ими своихъ обязанностей, наивысшій штрафъ можетъ быть назначенъ въ двѣсти франковъ, независимо отъ преслѣдованія виновнаго передъ подлежащею властью.

Отдѣленіе Б.

Правила касательно примѣненія штрафовъ.

Статья LXXXVIII.

Штрафъ не примѣняется къ нарушеніямъ, происшедшимъ невольно, въ силу обстоятельствъ.

Статья LXXXIX.

Въ случаѣ вторичнаго нарушенія, высшій размѣръ взысканія можетъ быть удвоенъ.

Il y a récidive lorsqu'une contravention se renouvelle dans l'espace d'un an.

Нарушеніе признается вторичнымъ, если оно повторилось въ теченіи одного и того же года.

Article XC.

Indépendamment des amendes auxquelles ils sont condamnés, les contrevenants peuvent être poursuivis devant les tribunaux compétents, à raison de la réparation civile des dommages qu'ils ont causés.

Статья XC.

Независимо отъ налагаемыхъ на виновныхъ штрафовъ, могутъ быть возбуждаемы противъ нихъ, въ подлежащихъ судебныхъ мѣстахъ, гражданскіе иски о вознагражденіи за причиненные ими убытки.

Article XCI.

Les capitaines et patrons sont responsables des contraventions commises par les gens de leur équipage.

Статья XCI.

Шкипера и судохозяева отвѣтственны за нарушенія, совершенныя людьми ихъ экипажа.

Article XCII.

En tout état de cause, le bâtiment, remorqueur ou allége, à bord duquel une contravention a été commise, demeure affecté par privilége au paiement de l'amende encourue, pour le recouvrement de laquelle il peut être séquestré par les agents préposés à la police du fleuve.

Статья XCII.

Во всякомъ случаѣ судно буксирное или лихтеръ, на коемъ было совершено нарушеніе, несетъ главнымъ образомъ обязанность уплаты наложеннаго штрафа, для покрытія коего оно можетъ быть секвестровано чинами рѣчной полиціи.

Article XCIII.

Les Sous-Inspecteurs de la navigation et les Capitaines de port connaissent des contraventions commises, dans l'étendue de leur ressort, contre les dispositions du présent règlement, et prononcent, en première instance, l'application des amendes encourues à raison de ces contraventions.

La notification de leurs sentences est faite par l'entremise du Capitaine du port où le bateau se trouve, ou hors des ports directement par les Sous-Inspecteurs.

Статья XCIII.

Субъ-Инспекторамъ судоходства и Капитанамъ надъ портомъ подсудны нарушенія, совершенныя въ предѣлахъ ихъ вѣдомства противъ постановленій настоящаго регламента, и они рѣшаютъ, въ первой инстанціи, взысканіе штрафовъ, наложенныхъ за таковыя нарушенія.

Ихъ рѣшенія сообщаются чрезъ посредство Капитана надъ портомъ, гдѣ судно находится, а внѣ портовъ непосредственно Субъ-Инспекторами.

La notification peut aussi être faite valablement par l'entremise de l'autorité consulaire du pavillon.

ARTICLE XCIV.

Le montant des amendes est versé à la caisse de l'autorité commune.

ARTICLE XCV.

Les appels contre les jugements de condamnations rendus en première instance par les agents de police sont portés, dans les trois mois de la notification, devant la Commission Mixte.

En cas d'appel, le montant de l'amende est consigné, à titre provisoire, à la caisse de la Commission Mixte, dans laquelle il reste en dépôt jusqu'à ce que la cause soit vidée.

Les appels ne sont plus recevables après l'expiration du délai de trois mois, à partir de la notification, et le montant de l'amende demeure définitivement acquis à la Commission Mixte.

TITRE III.

Exécution et surveillance des règlements.

ARTICLE XCVI.

L'exécution du présent règlement est placée sous l'autorité d'une Commission dite „Commission Mixte du Danube," dans laquelle l'Autriche-Hongrie, la Bulgarie, la Roumanie et la Serbie seront chacune représentées par un délégué. La présidence de cette Commission appartiendra au délégué de l'Autriche-Hongrie.

Un membre de la Commission Européenne du Danube, désigné pour une

Сообщеніе можетъ быть также сдѣлано чрезъ посредство консульской власти флага.

СТАТЬЯ XCIV.

Вся сумма штрафовъ вносится въ кассу международной власти.

СТАТЬЯ XCV.

Апелляція на рѣшенія чиновъ полиціи, коими присуждается взысканіе въ первой инстанціи, вносятся въ трехмѣсячный по объявленіи срокъ въ Смѣшанную Коммиссію.

Въ случаѣ апелляціи, вся сумма штрафа вносится временно на храненіе въ кассу Смѣшанной Коммиссіи, въ которой остается въ депозитѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ окончено.

Апелляціи не принимаются по истеченіи трехмѣсячнаго срока со дня объявленія рѣшенія, и сумма штрафа остается окончательно въ вѣдѣніи Смѣшанной Коммиссіи.

РАЗДѢЛЪ III.

Исполненіе и надзоръ регламента.

СТАТЬЯ XCVI.

Исполненіе настоящаго регламента поручается власти Коммиссіи, называемой „Смѣшанною Дунайскою Коммиссіею", въ которой Австро-Венгрія, Болгарія, Румынія и Сербія будутъ имѣть представителемъ по одному делегату. Предсѣдательство въ этой Коммиссіи принадлежитъ Австро-Венгерскому делегату.

Одинъ изъ членовъ Европейской Дунайской Коммиссіи, назначаемый на

période de six mois, par ordre alphabétique des Etats, prendra part aux travaux de la Commission Mixte et jouira, pendant cette participation, de tous les droits appartenant à ses autres membres.

Les Etats déjà représentés à la Commission Mixte ne seront pas compris dans ce roulement alphabétique.

Afin que le membre de la Commission Européenne ainsi désigné soit en mesure de prendre part aux délibérations de la Commission Mixte, celle-ci lui fera parvenir le programme de ses travaux un mois avant l'ouverture de chaque session.

La Commission Européenne, quand elle le jugera utile, pourra demander à la Commission Mixte, par l'entremise de son délégué, les renseignements dont elle aurait besoin concernant celles des décisions de la Commission Mixte qui toucheraient à la liberté de la navigation.

Article XCVII.

Les pouvoirs de la Commission Mixte auront une durée égale à ceux de la Commission Européenne du Danube, et cette Commission Mixte subira, s'il est besoin, les modifications qu'il pourrait devenir nécessaire d'introduire dans sa constitution et dans ses pouvoirs, sous réserve de la coexistence des deux Commissions.

Article XCVIII.

La Commission Mixte tiendra chaque année deux sessions ordinaires qui seront fixées de manière à éviter la

шестимѣсячный періодъ времени, въ алфавитномъ порядкѣ государствъ, приметъ участіе въ работахъ Смѣшанной Коммиссіи и будетъ пользоваться, во время своего участія, всѣми правами, принадлежащими другимъ ея членамъ.

Государства, уже имѣющія своихъ представителей въ Смѣшанной Коммиссіи, не будутъ включены въ это чередованіе въ алфавитномъ порядкѣ.

Дабы членъ Европейской Коммиссіи, такимъ образомъ назначенный, имѣлъ возможность принять участіе въ преніяхъ Смѣшанной Коммиссіи, послѣдняя препровождаетъ ему программу своихъ работъ за мѣсяцъ до открытія каждой сессіи.

Европейская Коммиссія, когда признаетъ сіе нужнымъ, можетъ требовать отъ Смѣшанной Коммиссіи, чрезъ посредство своего делегата, необходимыя для нея свѣдѣнія относительно тѣхъ рѣшеній Смѣшанной Коммиссіи, кои касаются свободы судоходства.

Статья XCVII.

Полномочія Смѣшанной Коммиссіи будутъ продолжаться столько же времени, какъ и Европейской Дунайской Коммиссіи, и эта Смѣшанная Коммиссія подвергнется, въ случаѣ надобности, видоизмѣненіямъ, введеніе коихъ можетъ сдѣлаться необходимымъ въ ея составѣ и въ ея правахъ, подъ условіемъ существованія обѣихъ Коммиссій.

Статья XCVIII.

Смѣшанная Коммиссія будетъ имѣть каждый годъ двѣ сессіи обыкновенныя, которыя будутъ назначены такимъ

réunion simultanée de la Commission Mixte et de la Commission Européenne.

Ses décisions seront prises à la majorité des voix.

Elle arrêtera elle-même le règlement intérieur pour l'ordre de ses travaux, ainsi que les instructions spéciales à ses agents en vue de l'application du présent règlement, sauf les points sur la solution desquels le présent règlement a statué lui-même. La Commission procédera, dans sa première session, à la nomination des agents désignés à l'article 100, sous les numéros 1, 2 et 4.

Toutefois, le règlement intérieur et les instructions d'un caractère général et réglementaire, telles que celles dont il est question dans l'article 9 de l'acte public du 2 novembre 1865, relatif à la navigation des embouchures du Danube, seront communiqués préalablement à la Commission Européenne, et ne seront appliqués qu'après que cette Commission les aura trouvés conformes aux principes qui ont servi de base au présent règlement.

образомъ, дабы избѣжать одновременнаго собранія Смѣшанной и Европейской Коммиссій.

Рѣшенія ея постановляются по большинству голосовъ.

Она сама выработаетъ для себя внутренній регламентъ порядка своихъ работъ, равно какъ спеціальныя инструкціи своимъ агентамъ по примѣненію настоящаго регламента, исключая пунктовъ, по коимъ рѣшенія уже постановлены настоящимъ регламентомъ. Коммиссія въ своей первой сессіи приступитъ къ назначенію агентовъ, означенныхъ въ статьѣ 100 подъ нумерами 1, 2 и 4.

Во всякомъ случаѣ, внутренній регламентъ и инструкціи, имѣющіе общій регламентарный характеръ, какъ напримѣръ тѣ, о коихъ говорится въ статьѣ 9 международнаго акта отъ 2-го ноября 1865 года о судоходствѣ въ устьяхъ Дуная, будутъ сообщаемы предварительно въ Европейскую Коммиссію и не будутъ приводимы въ дѣйствіе ранѣе, чѣмъ эта Коммиссія найдетъ ихъ соотвѣтствующими началамъ, послужившимъ основаніемъ настоящаго регламента.

Article XCIX.

Les frais d'administration seront à la charge des États représentés dans la Commission Mixte. Ils y contribueront dans la proportion suivante: l'Autriche-Hongrie pour quatre dixièmes, la Roumanie pour quatre dixièmes et la Bulgarie et la Serbie, chacune pour un dixième.

A la seconde réunion ordinaire, la Commission Mixte fixera son budget pour l'année suivante.

Статья XCIX.

Издержки администраціи падаютъ на государства, имѣющія своихъ представителей въ Смѣшанной Коммиссіи, въ слѣдующей пропорціи: Австро-Венгрія—на четыре десятыхъ, Румынія—на четыре десятыхъ, Болгарія и Сербія—по одной десятой каждая.

Во второмъ обыкновенномъ собраніи, Смѣшанная Коммиссія опредѣляетъ свой бюджетъ на слѣдующій годъ.

Les contributions des Etats seront faites d'avance pour chaque semestre. Les amendes perçues pour contravention au présent règlement seront versées dans la caisse de la Commission Mixte, pour être affectées aux besoins du service.

Взносы будутъ производимы государствами впередъ на каждое полугодіе. Штрафы, взысканные за нарушеніе настоящаго регламента, будутъ вносимы въ кассу Смѣшанной Коммиссіи для употребленія ихъ на надобности службы.

Article C.

Les agents ci-après désignés fonctionneront, chacun dans le ressort qui lui sera assigné, sous les ordres de la Commission Mixte, savoir:

1) un Inspecteur;

2) des Sous-Inspecteurs;

3) des Capitaines de port, pour autant que leur action s'exercera sur la voie fluviale;

4) un Secrétaire et des agents subalternes.

Статья C.

Нижеозначенные агенты будутъ отправлять свои обязанности, каждый въ предѣлахъ своего вѣдомства, подъ вѣдѣніемъ Смѣшанной Коммиссіи, а именно:

1) Инспекторъ;

2) Субъ-Инспекторы;

3) Капитаны надъ портомъ, насколько ихъ дѣятельность будетъ проявляться на водномъ пути;

4) Секретарь и второстепенные агенты.

Article CI.

Les agents désignés à l'article précédent seront choisis parmi des personnes compétentes; ils seront nommés et rétribués comme suit:

L'Inspecteur sera nommé et rétribué par la Commission Mixte, ainsi que le Secrétaire et les agents subalternes.

Les Sous-Inspecteurs et Capitaines de port seront nommés et rétribués par les Etats riverains respectifs, lesquels feront part à la Commission Mixte de la nomination de ces agents ou de leur remplacement.

Les agents ci-dessus nommés, sauf les Sous-Inspecteurs et les Capitaines de port, pourront être révoqués par la Commission Mixte.

Статья CI.

Чины, означенные въ предъидущей статьѣ, выбираются между компетентными лицами; они назначаются и получаютъ содержаніе какъ ниже слѣдуетъ:

Инспекторъ назначается и получаетъ содержаніе отъ Смѣшанной Коммиссіи, равно какъ Секретарь и второстепенные агенты.

Субъ-Инспекторы и Капитаны надъ портомъ назначаются и получаютъ содержаніе отъ подлежащихъ прибрежныхъ государствъ, которыя будутъ сообщать Смѣшанной Коммиссіи, какъ о назначеніяхъ, такъ и замѣщеніяхъ этихъ агентовъ.

Вышепоименованные агенты, исключая Субъ-Инспекторовъ и Капитановъ надъ портомъ, могутъ быть увольняемы Смѣшанною Коммиссіею.

Article CII.

L'Inspecteur est appelé à veiller par voie administrative à la stricte observation des dispositions du présent règlement et à mettre de l'ensemble dans son application.

Sous ce rapport, il est considéré comme directement préposé aux Sous-Inspecteurs et aux Capitaines de port.

Статья CII.

Инспекторъ обязанъ наблюдать въ административномъ порядкѣ за точнымъ соблюденіемъ постановленій настоящаго регламента и установлять единообразіе въ его примѣненіи.

Въ этомъ отношеніи онъ считается непосредственнымъ начальникомъ Субъ-Инспекторовъ и Капитановъ надъ портомъ.

Article CIII.

Le Danube entre les Portes de Fer et Braïla sera divisé, sur la rive gauche, en quatre sections d'inspection, dont:

la première s'étendra des Portes de Fer à Beket inclusivement;

la seconde, de Beket jusqu'à Simnitza inclusivement;

la troisième, de Simnitza jusqu'à Calarash-Silistrie;

la quatrième, comprenant les deux rives, de Calarash-Silistrie jusqu'à Braïla exclusivement.

Sur la rive droite il sera divisé en trois sections, dont:

la première s'étendra des Portes de Fer jusqu'à l'embouchure du Timok;

la seconde, du Timok jusqu'à Nicopolis inclusivement;

la troisième, de Nicopolis jusqu'à Silistrie inclusivement.

La résidence de chacun des Sous-Inspecteurs sera ultérieurement fixée par les États riverains de concert avec la Commission Mixte.

Статья CIII.

Дунай отъ Желѣзныхъ Воротъ до Браилова будетъ раздѣленъ, по лѣвому берегу, на 4 отдѣла инспекціи, изъ коихъ:

первый будетъ простираться отъ Желѣзныхъ Воротъ до Бекета включительно;

второй—отъ Бекета до Зимницы включительно;

третій—отъ Зимницы до Калярашъ-Силистріи;

четвертый, заключающій оба берега,—отъ Калярашъ-Силистріи до Браилова исключительно.

По правому берегу онъ будетъ раздѣленъ на три отдѣленія, изъ коихъ:

первое будетъ простираться отъ Желѣзныхъ Воротъ до устьевъ Тимока;

второе—отъ Тимока до Никополя включительно;

третье—отъ Никополя до Силистріи включительно.

Мѣстопребываніе каждаго изъ Субъ-Инспекторовъ будетъ впослѣдствіи опредѣлено прибрежными государствами, по соглашенію съ Смѣшанною Коммиссіею.

Article CIV.

Les États riverains prêteront à la Commission Mixte et à ses agents tout le concours dont elle pourra avoir besoin dans l'accomplissement de sa tâche.

Статья CIV.

Прибрежныя государства будутъ оказывать Смѣшанной Коммиссіи и ея агентамъ все содѣйствіе, въ которомъ она будетъ имѣть надобность при исполненіи ея обязанностей.

Article CV.

Les ports ou échelles situés sur le parcours de chaque section fluviale et pour lesquels les États riverains auront institué des Capitaines de port, conformément aux dispositions du présent règlement, ne seront pas compris dans le ressort du Sous-Inspecteur de la section. Les ports ou échelles seront placés sous la surveillance des Capitaines de port, lesquels relèveront directement de l'Inspecteur et seront tenus de suivre ses instructions, pour tout ce qui concernera leur action sur la voie fluviale.

On entend par la dénomination de port, au sens du présent règlement, toute la partie du fleuve comprise entre deux lignes droites partant, normalement aux rives, des limites d'amont et d'aval des dits ports ou échelles et se prolongeant jusqu'au thalweg.

Si la rive opposée appartient au même État, le port comprend également la partie du fleuve située au delà du thalweg, entre les deux lignes prolongées jusqu'à la dite rive, à moins toutefois qu'il n'existe sur cette rive, dans les mêmes eaux, un port ou échelle muni d'un Capitaine de port.

Les bâtiments en cours de navigation et traversant les eaux d'un port,

Статья CV.

Порты или пристани, лежащіе на протяженіи каждаго рѣчнаго отдѣла, для которыхъ прибрежныя государства назначатъ Капитановъ надъ портомъ, согласно постановленію настоящаго регламента, не будутъ включены въ вѣдомство Субъ-Инспектора отдѣла. Порты или пристани будутъ поставлены подъ надзоръ Капитановъ надъ портомъ, которые будутъ зависѣть непосредственно отъ Инспектора и должны будутъ слѣдовать его указаніямъ во всемъ томъ, что относится до ихъ дѣятельности на рѣчномъ пути.

Подъ наименованіемъ порта въ смыслѣ настоящаго регламента разумѣется вся часть рѣки, заключающаяся между двумя прямыми линіями, идущими перпендикулярно берегамъ отъ границъ сказанныхъ портовъ или пристаней, выше и ниже теченія до талвега рѣки.

Если противоположный берегъ принадлежитъ тому же государству, портъ заключаетъ въ себѣ также и часть рѣки по ту сторону талвега, между помянутыми двумя линіями, продолженными до сказаннаго берега, за исключеніемъ, впрочемъ, того случая, когда на другомъ берегу, въ тѣхъ же водахъ, существуетъ портъ или пристань, гдѣ есть Капитанъ надъ портомъ.

Суда, находящіяся въ плаваніи и проходящія, не останавливаясь, воды

sans s'y arrêter, ne sont pas soumis à la juridiction des Capitaines de port; l'Inspecteur et les Sous-Inspecteurs sont seuls compétents pour agir à l'égard de ces bâtiments.

Article CVI.

Les attributions spéciales de la police judiciaire fluviale seront exercées par les Sous-Inspecteurs et les Capitaines de port, par chacun dans son domaine de surveillance, et les appels seront portés devant la Commission Mixte, qui jugera en dernier ressort.

Si, dans l'exercice de leurs fonctions, les Sous-Inspecteurs avaient à relever des contraventions commises en dehors de leur ressort, ils constateraient ces contraventions et les porteraient à la connaissance du Sous-Inspecteur compétent.

Article CVII.

La Commission Mixte aura son siège à Giurgevo.

Article CVIII.

Les articles 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9 et 10, ainsi que les articles 96 à 108 inclusivement du présent règlement, ne pourront être modifiés qu'à la suite d'une entente des Puissances intéressées. Les autres articles ne pourront être modifiés par la Commission Mixte qu'avec le concours de la Commission Européenne du Danube.

1885, 13 (25) février. Acte général de la conférence africaine de Berlin. (V. t. VIII, № 368, p. 695 et suiv.).

порта, не подчиняются юрисдикціи Капитановъ надъ портомъ; лишь Инспекторъ и Субъ-Инспекторы имѣютъ право надзора за этими судами.

Статья CVI.

Специальныя обязанности рѣчной судебной полиціи исполняются Субъ-Инспекторами и Капитанами надъ портомъ, каждымъ въ части подчиненной его наблюденію, и апелляціи подаются въ Смѣшанную Коммиссію, которая рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи.

Если Субъ-Инспекторы, при исполненіи своихъ обязанностей, замѣтятъ нарушеніе постановленій, совершенное внѣ круга ихъ вѣдомства, то они констатируютъ фактъ этихъ нарушеній и сообщаютъ таковой подлежащему Субъ-Инспектору.

Статья CVII.

Смѣшанная Коммиссія будетъ имѣть свое пребываніе въ Журжево.

Статья CVIII.

Статьи 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9 и 10, равно какъ статьи отъ 96 до 108 включительно настоящаго регламента, не могутъ быть измѣнены иначе, какъ по соглашенію заинтересованныхъ Державъ. Другія статьи могутъ быть измѣняемы Смѣшанною Коммиссіею, но не иначе, какъ при участіи Европейской Дунайской Коммиссіи.

1885 г., февраля 13-го (25-го). Заключительный актъ Берлинской африканской конференціи. (См. т. VIII, № 368, стр. 695 и слѣд.).

№ 464.

1885, le 6 (18) mars. Convention de Londres pour régler la situation financière du gouvernement égyptien. Avec des Annexes.

Dans le but de faciliter au gouvernement égyptien la conclusion d'un emprunt destiné, pour partie, à pourvoir aux indemnités d'Alexandrie, dont le réglement présente un caractère particulier d'urgence, et pour le surplus à liquider la situation financière, et à assurer le service de certaines dépenses extraordinaires.

Les gouvernements de Russie, d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, de France, de la Grande-Bretagne, d'Italie et de Turquie ont arrêté d'un commun accord les dispositions suivantes:

Article I.

Le gouvernement égyptien, avec l'assentiment de S. M. Impériale le Sultan et sous la garantie résultant de la présente convention, émettra à un taux qui ne pourra excéder 3 1/2 pour cent la quantité de titres nécessaires pour produire une somme effective maxima de 9.000.000 l.

Un décret de Son Altesse le Khédive déterminera le taux, les conditions et la date des émissions.

Article II.

Les coupons seront payés en or en Egypte, à Londres et à Paris, le 1-er mars et le 1-er septembre de chaque année.

A Paris les paiements seront faits au change fixe de 25 fr. la livre sterling.

№ 464.

1885 г., марта 6-го (18-го). Лондонская конвенція относительно упорядоченія финансовъ Египетскаго правительства. Съ приложеніями.

Съ цѣлью облегчить Египетскому правительству заключеніе займа, предназначеннаго частью на уплату имѣющихъ характеръ особой неотложности вознагражденій пострадавшимъ въ Александріи, а въ остальной части,—на приведеніе въ порядокъ финансоваго положенія и на обезпеченіе уплаты нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ расходовъ.

Правительства Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Турціи приняли, съ общаго согласія, нижеслѣдующія постановленія:

Статья I.

Египетское правительство, съ согласія Е. В. Султана и за поручительствомъ, вытекающимъ изъ настоящей конвенціи, выпуститъ въ количествѣ, необходимомъ для образованія дѣйствительной суммы, не превышающей 9 милліоновъ ф. с., облигаціи, приносящія не свыше 3 1/2 процентовъ.

Размѣръ процентовъ, условія и срокъ выпусковъ опредѣлены будутъ декретомъ Его Высочества Хедива.

Статья II.

Купоны будутъ оплачиваемы золотомъ въ Египтѣ, Лондонѣ и Парижѣ 1-го марта и 1-го сентября каждаго года.

Въ Парижѣ уплата будетъ производиться по постоянному курсу въ 25 франковъ за фунтъ стерлинговъ.

Article III.

Les obligations de cet emprunt ne pourront être frappées d'aucun impôt au profit du gouvernement égyptien.

Article IV.

Une annuité fixe de 315.000 l. destinée au service de l'emprunt, sera prélevée, comme première charge, sur les revenus affectés au service de la Dette Privilégiée et de la Dette Unifiée.

Article V.

La portion de cette annuité qui ne serait pas absorbée par le service de l'intérêt sera affectée à l'amortissement de l'emprunt. L'amortissement se fera par rachat au cours du marché. Lorsque le cours sera supérieur au pair, il s'effectuera au pair par voie de tirage, sous réserve toutefois du droit du gouvernement égyptien de rembourser l'emprunt au pair.

Article VI.

Le service du nouvel emprunt sera effectué par la Caisse de la Dette Publique égyptienne dans les mêmes conditions que le service des Dettes Privilégiée et Unifiée.

Article VII.

Les gouvernements d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, de France, de la Grande-Bretagne, d'Italie et de Russie s'engagent, soit à garantir conjointement et

Статья III.

Облигаціи этого займа не могутъ быть облагаемы никакимъ налогомъ въ пользу Египетскаго правительства.

Статья IV.

Изъ доходовъ, предназначенныхъ на производство платежей по долгамъ привилегированному и объединенному, прежде всего будетъ обязательно отчисляться ежегодно постоянная сумма въ 315.000 ф. с., назначенная на платежи по настоящему займу.

Статья V.

Часть этого ежегоднаго взноса, могущая остаться свободною, за уплатою процентовъ, будетъ употребляема на погашеніе по займу. Погашеніе будетъ производиться выкупомъ по биржевой цѣнѣ. Если курсъ будетъ превышать нарицательную цѣну, то погашеніе будетъ производиться по нарицательной цѣнѣ, посредствомъ тиража, съ сохраненіемъ, впрочемъ, за Египетскимъ правительствомъ права выплатить заемъ по нарицательной цѣнѣ.

Статья VI.

Завѣдываніе новымъ займомъ будетъ возложено на Кассу Египетскаго государственнаго долга, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ она завѣдываетъ долгами привилегированнымъ и объединеннымъ.

Статья VII.

Правительства Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Россіи обязуются или гарантировать совмѣстно и солидарно, или

solidairement, soit à demander à leurs Parlements l'autorisation de garantir conjointement et solidairement, le service régulier de l'annuité de 315.000 l. stipulée ci-dessus.

Article VIII.

Les commissaires de la Caisse de la Dette devront, quinze jours avant chaque échéance, rendre compte au gouvernement égyptien, par un rapport spécial qui sera publié au „Journal Officiel", de la situation des ressources affectées au service de l'emprunt.

Article IX.

Tous les versements de l'emprunt seront centralisés à la Caisse de la Dette.

Article X.

Les frais de remise et autres frais de l'opération seront prélevés sur le montant de l'emprunt.

Les commissaires de la Caisse de la Dette prélèveront sur le produit de l'emprunt la somme nécessaire pour parfaire le paiement des indemnités d'Alexandrie, et paieront ces indemnités aux intéressés, pour le compte du gouvernement égyptien, d'après les états de répartition arrêtés par la Commission Internationale des Indemnités. Les indemnités seront payées intégralement et sans intérêts de retard.

Article XI.

Le surplus de l'emprunt sera remis au gouvernement égyptien, au fur et à mesure de ses besoins.

испросить у своихъ парламентовъ разрѣшеніе гарантировать совмѣстно и солидарно правильную уплату означенной выше ежегодной суммы въ 315.000 ф. с.

Статья VIII.

Коммиссары Кассы Долга должны, за 15 дней до наступленія срока платежамъ, представлять Египетскому правительству, въ особомъ донесеніи, подлежащемъ опубликованію въ оффиціальной газетѣ, отчетъ о положеніи денежныхъ средствъ, предназначенныхъ на платежи по займу.

Статья IX.

Всѣ поступленія по займу будутъ сосредоточиваться въ Кассѣ Долга.

Статья X.

Банкирскіе и другіе расходы по операціи будутъ относимы на общую сумму долга.

Изъ дѣйствительно поступившей по займу суммы, коммиссары Кассы Долга отчислятъ сумму, необходимую на выдачу вознагражденій пострадавшимъ въ Александріи, и выплатятъ эти вознагражденія заинтересованнымъ лицамъ за счетъ Египетскаго правительства, согласно распредѣлительнымъ вѣдомостямъ, утвержденнымъ Международною Коммиссіею по вознагражденіямъ. Вознагражденія будутъ уплачиваемы полностью, но безъ процентовъ за промедленіе.

Статья XI.

Остальная затѣмъ сумма займа будетъ передаваться Египетскому правительству, по мѣрѣ надобности.

Article XII.

Tout reliquat non employé de l'emprunt sera affecté au rachat dans les conditions énonçées à l'Article V de titres qui seront annulés.

Article XIII.

La Caisse de la Dette Publique adressera, à la fin de chaque semestre, au gouvernement égyptien un Rapport établissant, d'après les justifications produites par le gouvernement égyptien, l'emploi des fonds provenant de l'emprunt. Ce Rapport sera publié au „Journal Officiel".

Article XIV.

La présente convention sera ratifiée et les ratifications seront échangées à Londres le plus tôt possible.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 18 mars 1885.

(L. S.) Staal.
(L. S.) Munster.
(L. S.) Károlyi.
(L. S.) Waddington.
(L. S.) Granville.
(L. S.) Nigra.
(L. S.) Musurus, le 30 mars.

Entre les gouvernements de Russie, d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, de France, de la Grande-Bretagne, d'Italie et de Turquie a été arrêtée, d'un commun accord, la déclaration suivante:

DÉCLARATION.

Les gouvernements de Russie, d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, de France,

Статья XII.

Всякій, не получившій назначенія, остатокъ займа будетъ обращенъ на выкупъ на указанныхъ въ статьѣ V условіяхъ облигацій, каковыя будутъ уничтожаемы.

Статья XIII.

Касса Государственнаго Долга, въ концѣ каждаго полугодія, будетъ представлять Египетскому правительству, на основаніи предъявляемыхъ имъ оправдательныхъ документовъ, донесеніе относительно расходованія суммъ, поступившихъ по займу. Донесеніе это будетъ опубликовано въ оффиціальной газетѣ.

Статья XIV.

Настоящая конвенція будетъ ратификована и ратификаціи будутъ размѣнены въ Лондонѣ, въ кратчайшій по возможности срокъ.

Въ удостовѣреніе чего, и т. д.

Учинено въ Лондонѣ, 18 марта 1885 г.

(М. П.) Стааль.
(М. П.) Мюнстеръ.
(М. П.) Кàроли.
(М. П.) Ваддингтонъ.
(М. П.) Гранвиль.
(М. П.) Нигра.
(М. П.) Мусурусъ, 30 марта.

Правительства Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Турціи, съ общаго ихъ согласія, составили слѣдующую декларацію:

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Правительства Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Великобри-

de la Grande-Bretagne, d'Italie et de Turquie, signataires de la Déclaration relative aux finances de l'Egypte du 17 mars 1885, conviennent d'insérer les mots „à Berlin“ après le mot „Londres“ dans l'article II du projet de décret annéxé à la dite déclaration, ainsi que dans l'article II de la convention signée par leurs représentants à Londres, le 18 mars 1885, dont le projet a été annexé à la dite Déclaration.

Ils conviennent également d'ajouter à l'article II du décret et de la convention l'alinéa suivant: „A Berlin les payements s'effectueront au cours du jour“.

En foi de quoi, les soussignés plénipotentiares des gouvernements précités, dûment autorisés à cet effet, ont signé la présente déclaration et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Londres, le 25 juillet 1885.

(L. S.) Staal.
(L. S.) Munster.
(L. S.) Kàrolyi.
(L. S.) Waddington.
(L. S.) Salisbury.
(L. S.) Nigra.
(L. S.) Musurus.

Les Puissances signataires de la convention conclue le 18 mars 1885, concernant les finances de l'Egypte, étant tombées d'accord pour que l'échange des ratifications de la dite convention s'ffectue à Londres au moyen d'un seul instrument par chaque Puissance, les soussignés dûment autorisés à cet effet se sont réunis au Ministère des Affaires Etrangères pour procéder au dépôt des dites ratifications.

таніи, Италій и Турціи, подписавшія декларацію 17 марта 1885 года, относящуюся до египетскихъ финансовъ, соглашаются включить слова „въ Берлинѣ“ послѣ слова „Лондонъ“, какъ въ статьѣ II проекта декрета, приложеннаго къ сказанной деклараціи, такъ и въ статьѣ II конвенціи, подписанной ихъ представителями въ Лондонѣ, 18 марта 1885 года, проектъ коей былъ приложенъ къ сказанной деклараціи.

Равнымъ образомъ, они соглашаются прибавить къ статьѣ II декрета и конвенціи слѣдующій новый параграфъ: „Въ Берлинѣ платежи будутъ производиться по курсу дня“.

Въ удостовѣреніе сего, нижеподписавшіеся уполномоченные вышеозначенныхъ правительствъ, имѣющіе надлежащее на сіе разрѣшеніе, подписали настоящую декларацію, съ приложеніемъ герба своихъ печатей.

Учинено въ Лондонѣ, 25 іюля 1885 г.

(М. П.) Стааль.
(М. П.) Мюнстеръ.
(М. П.) Кàроли.
(М. П.) Ваддингтонъ.
(М. П.) Салисбюри.
(М. П.) Нигра.
(М. П.) Мусурусъ.

Такъ какъ Державы, подписавшія конвенцію, заключенную 18 марта 1885 года, касающуюся египетскихъ финансовъ, согласились между собою произвести размѣнъ ратификацій сказанной конвенціи въ Лондонѣ, представленіемъ одного инструмента ратификаціи отъ каждаго правительства, то нижеподписавшіеся, надлежащимъ образомъ на сіе уполномоченные, собрались въ Министерствѣ Иностран-

Les instruments de ces ratifications, qui renferment les textes de la convention susmentionnée, et de la Déclaration y relative du 25 juillet 1885, ont été produits par les représentants de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, de S. M. l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse, de S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême etc., et Roi Apostolique de Hongrie, de Son Excellence le Président de la République Française, de S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande, de S. M. le Roi d'Italie, et de S. M. l'Empereur des Ottomans.

Et ayant été après examen trouvés en bonne et due forme, et conformes, il a été pris acte du dépôt des dits instruments.

En même temps, il a été pris acte des Déclarations suivantes, qui ont été faites à l'égard de la dite convention par les plénipotentiaires de Russie et de Turquie.

Déclaration du gouvernement de Russie.

Le plénipotentiaire de Russie fait au nom de son governement la déclaration suivante:

Si, par la suite, la garantie stipulée à l'Article VII de la présente convention devenait effective, il est bien entendu que dans les comptes à faire entre les Puissances garantes, la part incombant à la Russie ne pourra en aucun cas dépasser le sixième partie de l'intérêt garanti.

ныхъ Дѣлъ, для передачи на храненіе сказанныхъ ратификацій.

Инструменты сихъ ратификацій, заключающіе тексты поименованной конвенціи и относящейся къ ней декларации отъ 25 іюля 1885 года, были предъявлены представителями: Е. В. Императора Всея Россіи, Е. В. Императора Германскаго, Короля Прусскаго, Е. В. Императора Австрійскаго, Короля Богемскаго и Апостолическаго Короля Венгріи, Его Превосходительства Президента Французской Республики, Ея В. Королевы Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Е. В. Короля Италіи и Е. В. Императора Оттомановъ.

Означенные инструменты ратификаціи были, по разсмотрѣніи, признаны составленными въ доброй и надлежащей формѣ и между собою согласными, вслѣдствіе чего передача ихъ на храненіе принята была къ свѣдѣнію.

Въ тоже время приняты къ свѣдѣнію и слѣдующія декларации, сдѣланныя по поводу означенной конвенціи уполномоченными Россіи и Турціи.

Декларація Русскаго Правительства.

Русскій уполномоченный отъ имени своего правительства дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

Еслибы, впослѣдствіи, представилась необходимость выполнить поручительство, выговоренное въ статьѣ VII настоящей конвенціи, то, само собою разумѣется, что при имѣющихъ послѣдовать между Державами-поручительницами расчетахъ, причитающаяся съ Россіи доля не будетъ пре-

Fait à Londres, le 18 mars 1885.

Staal.

Déclaration de la Sublime Porte.

Le plénipotentiaire de Turquie fait au nom de son gouvernement la déclaration suivante.

1. Il est entendu qu'un fonctionnaire ottoman nommé par la Sublime Porte, siégera au sein de la Commission de la Dette Egyptienne en qualité de représentant de la Puissance souveraine pour être tenu au courant de l'état des finances de l'Egypte.

2. La Sublime Porte maintient ses réserves au sujet de la dépêche du comte Granville du 3 janvier 1883 et entend qu'il sera inséré dans l'Acte conventionnel de la Commission Internationale, réunie à Paris pour le règlement du Canal de Suez, que le gouvernement de S. M. Impériale le Sultan aura le plein droit de prendre les mesures nécessaires pour la défense de l'Egypte, soit contre un Etat belligérant, soit en Egypte même en cas de troubles intérieurs.

Fait à Londres, le 30 mars 1885.

Musurus.

Le plénipotentiaire de Turquie fait par suite d'instructions, et au nom de son gouvernement la déclaration complémentaire suivante:

1. Le service du nouvel emprunt, ainsi que de la Dette Privilégiée et de la Dette Unifiée de l'Egypte, tel qu'il

вышать ни въ какомъ случаѣ шестой части гарантированной суммы.

Учинено въ Лондонѣ, 18 марта 1885 года.

Стааль.

Декларація Блистательной Порты.

Уполномоченный Турціи дѣлаетъ отъ имени своего правительства слѣдующее заявленіе.

1. Разумѣется, что турецкій чиновникъ, назначенный Блистательною Портою, будетъ засѣдать въ Коммиссіи Кассы Египетскаго Долга въ качествѣ представителя верховнаго правительства, дабы имѣть свѣдѣніе о положеніи египетскихъ финансовъ.

2. Блистательная Порта оставляетъ за собою право предъявить оговорки по поводу депеши графа Гранвиля отъ 3 января 1883 года и увѣрена, что въ актѣ соглашенія Международной Коммиссіи, созванной въ Парижѣ для составленія регламента Суэзскаго канала, будетъ включено, что правительство Его Императорскаго Величества Султана будетъ имѣть полное право принимать мѣры, необходимыя для защиты Египта, какъ противъ воюющаго государства, такъ и въ самомъ Египтѣ, въ случаѣ внутреннихъ смутъ.

Учинено въ Лондонѣ, 30 марта 1885 года.

Мусурусъ.

Уполномоченный Турціи, на основаніи инструкцій и отъ имени своего правительства, сдѣлалъ слѣдующее дополнительное заявленіе:

1. Уплаты по новому займу, а равно по египетскимъ долгамъ привилегированному и объединенному, согласно

est spécifié, ne saurait en aucune façon retarder le payement du tribut.

2. La mention dans la Déclaration des Tribunaux de Réforme n'implique pas la prolongation indéfinie du fonctionnement de ces tribunaux.

3. Le gouvernement de S. M. Impériale le Sultan réserve sa liberté d'appréciation pour le cas où la Commission d'Enquête, prévue dans l'Article 12 du décret khédivial, viendrait à être instituée; et

4. La désignation éventuelle par le consul des membres des Commissions et des Conseils de Révision ne pourrait étre envisagée comme une immixtion étrangère.

Fait à Londres, le 2 avril 1885.

Musurus.

En foi de quoi les soussignés ont signé le présent protocole et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Londres, le 4 novembre 1886.

(L. S.) Staal.
(L. S.) V. Hatzfeldt.
(L. S.) Kàrolyi.
(L. S.) Waddington.
(L. S.) Iddesleigh.
(L. S.) L. Corti.
(L. S.) Rustem.

постановленнымъ условіямъ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ служить поводомъ къ замедленію уплаты дани.

2. Упоминаніе въ деклараціи о Трибуналахъ Судебной Реформы не должно быть истолковано въ смыслѣ безсрочнаго существованія сихъ трибуналовъ.

3. Правительство Его Императорскаго Величества Султана сохраняетъ за собою свободу мнѣнія, на случай установленія слѣдственной коммиссіи, предусмотрѣнной статьею XII декрета Хедива, и

4. Назначеніе, въ случаѣ надобности, консуломъ членовъ Коммиссій и Ревизіонныхъ Совѣтовъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ иностранное вмѣшательство.

Учинено въ Лондонѣ, 2 апрѣля 1885 года.

Мусурусъ.

Въ удостовѣреніе чего, нижеподписавшіеся подписали настоящій протоколъ, съ приложеніемъ герба своихъ печатей.

Учинено въ Лондонѣ, 4 ноября 1886 года.

(М. П.) Стааль.
(М. П.) В. Гатцфельдъ.
(М. П.) Кàроли.
(М. П.) Ваддингтонъ.
(М. П.) Иддеслей.
(М. П.) Л. Корти.
(М. П.) Рустемъ.

№ 465.

1885, le 29 août 10 (septembre). Protocole, signé à Londres, concernant la délimitation depuis Khodja-Saleh jusqu'au Hériroud.

Le Conseiller Privé de Staal au Conseiller Privé de Vlangaly.

Londres, le 31 août 1885.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à Votre Excellence une expédition du protocole que j'ai signé le 29 août (10 septembre) de concert avec Lord Salisbury à l'effet de confirmer l'accord intervenu entre les deux Cabinets relativement à la délimitation de l'Afghanistan depuis Khodja-Saleh jusqu'au Hériroud.

Je ne crois pas devoir entrer ici dans les détails minutieux de nos derniers pourparlers à propos des différentes dispositions du protocole. Mr. Lessar, auquel je confie cette expédition, est mieux que qui que ce soit à même de combler cette lacune. Je m'en remets à lui pour offrir à Votre Excellence tous les renseignements qu'Elle serait dans le cas de réclamer tant au sujet des définitions du protocole qu'en général de toute cette longue négociation à laquelle il a été appelé à prendre une part active.

Veuillez agréer, etc.

Staal.

PROTOCOLE.

Les soussignés, Son Excellence Monsieur Georges de Staal, Ambassadeur

№ 465.

1885 г., августа 29-го (сентября 10-го). Лондонскій протоколъ относительно опредѣленія границы отъ Ходжа-Салеха до Герируда.

Отъ тайнаго совѣтника Стааля тайному совѣтнику Влангали.

Лондонъ, 31 августа 1885 г.

Имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству экземпляръ протокола, подписаннаго мною 29-го августа (10-го сентября) совмѣстно съ лордомъ Сольсбери въ подтвержденіе состоявшагося между обоими кабинетами соглашенія по предмету опредѣленія границы Афганистана отъ Ходжа-Салеха до Герируда.

Я не считаю нужнымъ входить здѣсь въ мелкія подробности нашихъ послѣднихъ переговоровъ, касавшихся различныхъ постановленій протокола. Г. Лессаръ, которому я ввѣряю настоящую экспедицію, болѣе чѣмъ кто либо въ состояніи восполнить этотъ пробѣлъ. Ему я предоставляю передать Вашему Превосходительству всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя Вы пожелаете получить, какъ по предмету включенныхъ въ протоколъ опредѣленій, такъ и вообще относительно продолжительныхъ переговоровъ по настоящему вопросу, въ которыхъ ему пришлось принять дѣятельное участіе.

Примите и пр.

Стааль.

ПРОТОКОЛЪ.

Нижеподписавшіеся Его Превосходительство Георгій Стааль, Чрезвычайный

Extraordinaire et Plénipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies près Sa Majesté Britannique etc., etc., et le Marquis de Salisbury, chevalier du très-noble ordre de la Jarretière, Principal Secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères de Sa Majesté Britannique etc. etc., se sont réunis dans le but de consigner au présent Protocole l'arrangement suivant intervenu entre Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté la Reine du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande:

1. Il est convenu que la frontière afghane entre le Hériroud et l'Oxus sera tracée comme suit:

La frontière partira du Hériroud à deux verstes environ en aval de la tour de Zoulfagar et suivra jusqu'au point *K* le tracé indiqué en rouge sur la carte № 1, annexée au Protocole, de manière à ne pas se rapprocher à une distance moindre de 3,000 pieds anglais de l'arête de l'escarpement du défilé occidental (y compris l'arête marquée *L M N* de la branche nord du même défilé).

A partir du point *K* le tracé suivra la crête des hauteurs bordant au nord le second défilé qu'il coupera un peu à l'ouest de sa bifurcation à une distance d'environ 850 sagènes du point où convergent les routes d'Adam-Ulan, Koungrouéli et d'Ak-Rabat. Plus loin, le tracé continuera à suivre la crête des hauteurs jusqu'au point *P*, marqué sur la carte № 2 attachée au Protocole. Il prendra ensuite une direction sud-est à peu près parallèle à la route d'Ak-Ra-

и Полномочный Посолъ Е. В. Императора Всероссійскаго при Ея Британскомъ Величествѣ и пр. и пр., и Маркизъ Сольсбери, кавалеръ благороднѣйшаго ордена Подвязки, главный Статсъ-Секретарь для иностранныхъ дѣлъ Ея Британскаго Величества и пр. и пр., собрались съ цѣлію изложенія въ настоящемъ протоколѣ нижеслѣдующаго соглашенія, состоявшагося между Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и Ея В. Королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи:

1. На основаніи состоявшагося соглашенія, афганская граница между Гери-Рудомъ и Оксусомъ будетъ проведена слѣдующимъ образомъ:

Граница, имѣя исходный пунктъ на Гери-Рудѣ въ двухъ приблизительно верстахъ ниже Зульфагарской башни, направится къ пункту *K* по обозначенной на приложенной къ протоколу картѣ № 1 красной чертѣ такимъ образомъ, чтобы разстояніе между нею и гребнемъ откоса западнаго ущелья (включая въ оное гребень, обозначенный буквами *L M N* сѣверной вѣтви того же ущелья) не было нигдѣ менѣе 3,000 англійскихъ футовъ.

Отъ пункта *K* граница направится по гребню высотъ, окаймляющихъ съ сѣвера второе ущелье, и перерѣжетъ ущелье это нѣсколько западнѣе его развѣтвленія, въ разстояніи приблизительно 850 сажень отъ пункта, гдѣ сходятся дороги изъ Адамъ-Елана, Кунгруели и Акъ-Рабата. Далѣе граница будетъ слѣдовать по вершинѣ высотъ до пункта *P*, обозначеннаго на приложенной къ протоколу картѣ №2. Затѣмъ она приметъ юго-восточное направленіе,

bat, passera entre les lacs salés marqués Q et R se trouvant au sud d'Ak-Rabat et au nord de Soumé-Kehriz, et laissant Soumé-Kehriz aux Afghans, se dirigera sur Islim, où la frontière passera sur la rive droite du Egri-Gueuk en laissant Islim en dehors du territoire afghan. Le tracé suivra ensuite les crêtes des collines qui bordent la rive droite de Egri-Gueuk et laissera Tchéméni-Bid en dehors de la frontière afghane. Il suivra de la même manière la crête des collines qui bordent la rive droite du Kouschk jusqu'au Hauzi-Khan. De Hauzi-Khan le tracé suivra une ligne presque droite jusqu'à un point sur le Mourghab au nord de Méroutchak, fixé de manière à laisser à la Russie les terres cultivées par les Saryks et leurs pâturages.

Appliquant ce même principe aux Turcomans sujets de la Russie et aux sujets de l'Emir de l'Afghanistan, la frontière à l'est du Mourghab suivra une ligne au nord de la vallée de Kaïssor et à l'ouest de la vallée de Sangalak (Abi-Andkoï) et, en laissant Andkoï à l'est, rejoindra Khodja-Saleh sur l'Oxus.

La délimitation des pâturages appartenant aux peuplades respectives sera abandonnée aux Commissaires. Dans le cas où ceux-ci ne parviendraient pas à s'entendre, cette délimitation sera réglée par les deux Cabinets sur la base des cartes dressées et signées par les Commissaires.

почти параллельное дорогѣ въ Акъ-Рабатъ, пройдетъ между соляными озерами, обозначенными буквами Q и R и находящимися на югѣ отъ Акъ-Рабата и сѣвернѣе Суме-Кехриза, и, оставляя Суме-Кехризъ Афганцамъ, направится на Ислимъ, гдѣ граница перейдетъ на правый берегъ Егри-Гёка, оставляя Ислимъ внѣ афганской территоріи. Далѣе граница будетъ слѣдовать по вершинамъ холмовъ, окаймляющихъ правый берегъ Егри-Гёка, оставляя Чемени-Бидъ внѣ афганской границы. Такимъ же образомъ она направится по вершинамъ холмовъ, окаймляющихъ правый берегъ Кушка, до Хаузи-Хана. Отъ Хаузи-Хана граница направится почти по прямой линіи къ пункту на Мургабѣ, на сѣверѣ отъ Меручага, опредѣленному такимъ образомъ, чтобы за Россіею оставались обработываемыя Сарыками земли и ихъ пастбища.

Подъ условіемъ примѣненія того же принципа, какъ къ Туркменамъ, подданнымъ Россіи, такъ и къ подданнымъ Эмира Афганистана, граница на востокѣ отъ Мургаба направится по чертѣ, проведенной по сѣверной сторонѣ долины Кайсора и по западной сторонѣ долины Сангалака (Аби-Андхой) и, оставляя Андхой на востокѣ, примкнетъ къ Ходжа-Салеху на Оксусѣ.

Разграниченіе пастбищъ, принадлежащихъ населеніямъ обѣихъ сторонъ, будетъ предоставлено коммисарамъ. Въ случаѣ же еслибы между ними не состоялось соглашенія, разграниченіе будетъ произведено обоими Кабинетами на основаніи картъ, изготовленныхъ и подписанныхъ коммисарами.

Pour plus ample clarté, les principaux points de la ligne frontière sont marqués sur les cartes annexées au présent Protocole.

2. Il est convenu que des Commissaires seront nommés de suite par les Gouvernements de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande; qui procéderont à examiner et à tracer sur les lieux les détails de la frontière afghane, fixée par l'article précédent. Un Commissaire sera nommé par Sa Majesté l'Empereur et un par Sa Majesté la Reine.

Les escortes de la Commission sont fixées à cent hommes au plus de chaque côté et aucune augmentation ne pourra être admise sauf entente entre les Commissaires.

Les Commissaires se réuniront à Zoulfagar dans un délai de deux mois à partir de la date de la signature du présent Protocole et procéderont immédiatement au tracé de la frontière conformément aux stipulations qui précèdent.

Il est entendu que la délimitation sera commencée de Zoulfagar et que, aussitôt que les Commissaires se seront réunis et auront commencé leurs travaux, la neutralisation de Pendjdé sera limitée au district compris entre une ligne au nord allant de Bendi-Nadiri à Bourdj-Uraz-Khan et une ligne au sud allant de Méroutchak à Hauzi-Khan, les postes Russes et Afghans sur le Mourghab étant respectivement à Bendi-Nadiri et à Méroutchak.

Les Commissaires devront terminer leurs travaux aussi vite que possible.

Для большей ясности главные пункты пограничной черты обозначены на приложенныхъ къ настоящему протоколу картахъ.

2. На основанiи состоявшагося соглашенiя, Правительства Е. В. Императора Всероссiйскаго и Ея В. Королевы Соединеннаго Королевства Великобританiи и Ирландiи назначатъ немедленно коммисаровъ, которые приступятъ къ разсмотрѣнiю и обозначенiю на мѣстѣ подробностей афганской границы, опредѣленной въ предшествовавшей статьѣ. Одинъ коммисаръ будетъ назначенъ Е. В. Императоромъ и одинъ Ея В. Королевою.

Конвои коммисiи будутъ состоять не болѣе какъ изъ 100 человѣкъ съ каждой стороны, и никакое увеличенiе не можетъ быть допускаемо помимо соглашенiя между коммисарами.

Коммисары съѣдутся въ Зульфагарѣ чрезъ два мѣсяца со дня подписанiя настоящаго Протокола и немедленно приступятъ къ проведенiю границы согласно предшествующимъ постановленiямъ.

Разграниченiе начнется отъ Зульфагара и, тотчасъ послѣ съѣзда коммисаровъ и начала работъ, нейтрализацiя Пенджэ будетъ ограничена округомъ, заключающимся между чертою, проведенною съ сѣвера, отъ Бенди-Надири до Бурджи-Уразъ-Хана, и чертою, проведенною съ юга, отъ Меручага до Хаузи-Хана, при чемъ русскiе и афганскiе посты будутъ расположены: первые въ Бенди-Надири, а вторые въ Меручагѣ.

Коммисары обязаны будутъ окончить свои работы какъ можно скорѣе.

3. Il est entendu qu'en traçant cette frontière et en se conformant, autant que possible, à la description de cette ligne dans le présent Protocole, ainsi qu'aux points marqués sur les cartes ci-annexées, lesdits Commissaires tiendront dûment compte des localités et des nécessités et du bien-être des populations locales.

4. A mesure de l'avancement des travaux de délimitation, les parties respectives auront le droit d'établir des postes sur la frontière.

5. Il est convenu que quand lesdits Commissaires auront complété leurs travaux, des cartes seront dressées, signées et communiquées par eux à leurs Gouvernements respectifs.

En foi de quoi les soussignés, dûment autorisés à cet effet, ont signé le présent Protocole et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Londres, le 10 septembre 1885.

(L. S.) Staal.
(L. S.) Salisbury.

3. При опредѣленіи границы, помянутые коммисары, сообразуясь, насколько возможно, съ описаніемъ ея, изложеннымъ въ настоящемъ Протоколѣ, а равно съ обозначенными на приложенныхъ къ оному картахъ пунктами, будутъ принимать какъ слѣдуетъ въ соображеніе условія мѣстностей, а также потребности и благосостояніе мѣстныхъ населеній.

4. По мѣрѣ того какъ будутъ подвигаться работы по разграниченію, обѣ стороны будутъ имѣть право учреждать по границѣ посты.

5. На основаніи состоявшагося соглашенія, помянутые коммисары, по окончаніи возложенныхъ на нихъ работъ, изготовятъ и подпишутъ карты, которыя они и сообщатъ своимъ Правительствамъ.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся, будучи на то надлежащимъ образомъ уполномочены, подписали настоящій Протоколъ и приложили къ оному гербовъ своихъ печати.

Учинено въ Лондонѣ, 10 сентября 1885 г.

(М. П.) Стааль.
(М. П.) Сольсбери.

№ 466.

1886, le 12 (24) novembre. Convention de cartel concernant l'extradition des criminels, signée à Londres.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, Impératrice des Indes, ayant jugé convenable, en vue d'une meilleure administration de la justice, et pour prévenir

№ 466.

1886 г., ноября 12-го (24-го). Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, подписанная въ Лондонѣ.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи, признавъ полезнымъ, въ видахъ лучшаго отправленія правосудія и предупрежденія пре-

les crimes dans les deux pays et leurs juridictions, que les individus accusés ou convaincus des crimes ci-après énumérés, et qui se seraient soustraits par la fuite aux poursuites de la justice fussent, dans certaines circonstances, réciproquement extradés; les dites Majestés ont nommés pour leurs plénipotentiaires, à l'effet de conclure un Traité dans ce but, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, M. Georges de Staal, Conseiller privé actuel, grand-croix de plusieurs ordres russes et étrangers, son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près la Cour de S. M. la Reine de Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, Impératrice des Indes etc., etc.;

Et S. M. la Reine du Royaume-Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande, Impératrice des Indes, le très honorable, Stafford Henry comte d'Iddesleigh, vicomte St. Cyres, Pair du Royaume-Uni, baronnet de la Grande-Bretagne, chevalieur grand-croix du trés honorable ordre du Bain, Membre du trés honorable Conseil Privé de Sa Majesté, Principal Secrétaire d'Etat de Sa Majesté pour les Affaires Étrangères, etc., etc.;

Lesquels, après s'être communiqués leurs pleins pouvoirs respectifs, trouvés en bonne et due forme, ont arrêté et conclu les Articles suivants:

Article I.

Les Hautes Parties contractantes s'engagent à se livrer réciproquement les individus qui, poursuivis ou condamnés pour un crime ou un délit commis sur

ступленій въ своихъ обоюдныхъ владѣніяхъ и предѣлахъ судебной юрисдикціи, чтобы лица, обвиняемыя или признанныя по суду виновными въ преступленіяхъ, ниже исчисленныхъ, и укрывшіяся бѣгствомъ отъ судебнаго преслѣдованія, были, въ извѣстныхъ случаяхъ, взаимно выдаваемы,—назначили для заключенія съ этою цѣлью договора своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій, Георгія Стааля, Дѣйств. Тайнаго Совѣтника, кавалера многихъ россійскихъ и иностранныхъ орденовъ большаго креста, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Дворѣ Ея Величества Королевы Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрицы Индіи и проч. и проч.;

а Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи, достопочтеннаго Генриха Стаффорда графа Иддеслей, виконта Сенъ-Сиръ, пера Соединеннаго Королевства, баронета Великобританіи, кавалера большаго креста почетнѣйшаго ордена Бани, члена высокопочтеннаго Тайнаго Совѣта Ея Величества, Главнаго Статсъ-Секретаря Ея Величества по иностраннымъ дѣламъ, и проч., и проч.;

каковые уполномоченные, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей и законной формѣ, постановили нижеслѣдующія статьи:

Статья I.

Высокія договаривающіяся стороны обязуются взаимно выдавать лицъ, которыя, будучи преслѣдуемы или осуждены за преступленія или проступки,

le territoire de l'une des Parties, seraient trouvés sur le territoire de l'autre, dans les circonstances et sous les conditions prévues par le présent Traité.

Article II.

Les crimes et délits pour lesquels l'extradition sera accordée sont les suivants:

1. Meurtre, ou tentative de meurtre, ou complot ayant ce crime pour but.

2. Homicide sans préméditation ou guet-apens.

3. Contrefaction ou altération de monnaie, mise en circulation de monnaie contrefaite ou altérée.

4. Faux, contrefaction, ou altération, ou mise en circulation de ce qui est falsifié, ou contrefait, ou altéré.

5. Détournement frauduleux, ou vol

6. Destruction ou dégradation de toute propriété, lorsque le fait incriminé est punissable de peines criminelles ou correctionnelles.

7. Escroquerie d'argent, ou d'autres objets, sous de faux prétextes.

8. Crimes contre les lois sur la banqueroute.

9. Fraude (abus de confiance) par un administrateur, banquier, agent, commissionaire, curateur, ou directeur, ou membre ou fonctionnaire d'une Société quelconque, pour autant que le fait est puni par les lois en vigueur.

10. Faux serment ou subornation de témoins.

совершенные на территоріи одной изъ договаривающихся сторонъ, укроются на территоріи другой стороны, въ случаяхъ и при условіяхъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ договоромъ.

Статья II.

Выдача будетъ производиться за слѣдующіе преступленія и проступки:

1. Предумышленное убійство или покушеніе на таковое убійство, или заговоръ или подстрекательство, имѣющіе цѣлію совершеніе этого преступленія.

2. Убійство непредумышленное.

3. Поддѣлка или уменьшеніе достоинства монеты, выпускъ въ обращеніе поддѣльной или уменьшенной въ достоинствѣ монеты.

4. Подлогъ, поддѣлка или порча или выпускъ въ обращеніе подложнаго, поддѣльнаго или измѣненнаго въ своемъ достоинствѣ.

5. Растрата или кража.

6. Истребленіе или поврежденіе чужой собственности, когда совершенное преступное дѣяніе подлежитъ наказанію уголовному или исправительному.

7. Полученіе посредствомъ обмана денегъ или другихъ вещей.

8. Преступленія противъ законовъ о несостоятельности.

9. Обманъ (злоупотребленіе довѣріемъ), учиненный управляющимъ, банкиромъ, агентомъ, коммисіонеромъ, опекуномъ или попечителемъ, или директоромъ, или членомъ, или должностнымъ лицомъ какого либо общества, на сколько это дѣяніе наказуется по дѣйствующимъ законамъ.

10. Лжеприсяга или подговоръ свидѣтелей къ дачѣ ложныхъ показаній.

11. Viol.

12. Commerce charnel avec une jeune fille âgée de moins de 16 ans, ou tentative à ce fait.

13. Attentat à la pudeur avec violence.

14. Administration de substances ou emploi d'instruments dans l'intention de provoquer l'avortement.

15. Enlèvement.

16. Vol d'enfants.

17. Séquestration ou détention illégale.

18. Effraction ou escalade d'une habiation et de ses dépendances dans le but de commettre un crime.

19. Incendie volontaire.

20. Vol avec violence.

21. Blessures ou graves injures corporelles infligées avec mauvaise intention.

22. Menaces écrites ou autres, faites en vue d'extorsion.

23. Piraterie considérée comme crime par le droit des gens.

24. Submersion, échouement ou destruction d'un navire en mer, ou tentative ou complot ayant ce crime pour but.

25. Attaque à bord d'un navire en haute mer dans le but d'homicide ou afin de porter de graves lésions corporelles.

26. Révolte ou complot de révolte par deux ou plusieurs personnes à bord d'un navire en haute mer, contre l'autorité du capitaine.

27. Traite des esclaves telle qu'elle est punie par les lois des deux pays.

L'extradition aura également lieu pour complicité à un des crimes ci-dessus

11. Изнасилованіе.

12. Плотское соитіе съ дѣвицею, имѣющее менѣе 16 лѣтъ отъ роду, или покушеніе на это дѣяніе.

13. Покушеніе на цѣломудріе, учиненное съ насиліемъ.

14. Умышленное употребленіе какихъ либо снадобій или орудій для изгнанія плода.

15. Похищеніе женщины или дѣвицы.

16. Похищеніе дѣтей.

17. Противозаконное лишеніе свободы или личное задержаніе.

18. Взломъ или тайное проникновеніе въ жилое или нежилое зданіе съ преступнымъ намѣреніемъ.

19. Умышленный поджогъ.

20. Грабежъ.

21. Умышленное нанесеніе ранъ или тяжкаго тѣлеснаго поврежденія.

22. Угрозы на письмѣ или другія дѣянія въ видахъ вымогательства.

23. Морской разбой, признаваемый преступленіемъ по международному праву.

24. Потопленіе, посадка на мель или истребленіе судна въ морѣ, или покушеніе, или заговоръ съ цѣлію совершенія этого преступленія.

25. Насильственныя дѣйствія, совершенныя на суднѣ въ открытомъ морѣ, съ цѣлію лишенія жизни или причиненія тяжкаго тѣлеснаго поврежденія.

26. Бунтъ или заговоръ двухъ или нѣсколькихъ лицъ на суднѣ въ открытомъ морѣ противъ власти шкипера.

27. Торгъ невольниками, насколько таковой наказуется по законамъ обоихъ государствъ.

Выдача будетъ, равнымъ образомъ, имѣть мѣсто и за соучастіе въ вышеупо-

mentionnés, pourvu que la complicité soit punissable par les lois des deux Parties contractantes.

Il dépendra de l'État requis d'accorder également l'extradition pour tout autre crime à raison duquel l'extradition peut avoir lieu d'après les lois en vigueur des deux Parties contractantes.

мянутыхъ преступленіяхъ, коль скоро такое соучастіе подлежитъ наказанію по законамъ обѣихъ договаривающихся сторонъ.

Экстрадиція можетъ послѣдовать, по усмотрѣнію государства, къ которому обращено о томъ требованіе, и за совершеніе иныхъ преступленій, если только это согласно съ дѣйствующими въ обѣихъ странахъ законами.

Article III.

Chacun des deux gouvernements aura liberté pleine et entière de refuser à l'autre l'extradition de ses propres sujets.

Статья III.

Оба правительства имѣютъ полное право обоюдно отказывать другъ другу въ выдачѣ своихъ собственныхъ подданныхъ.

Article IV.

L'extradition ne sera pas accordée si l'individu réclamé par le gouvernement du Royaume-Uni ou par celui de l'Empire de Russie, a déjà été jugé, acquitté ou puni, ou se trouve encore sous jugement, soit dans l'Empire de Russie, soit dans le Royaume-Uni, pour le crime à raison duquel l'extradition est demandée.

Si la personne réclamée par le gouvernement du Royaume-Uni ou par celui de l'Empire de Russie est en état de prévention ou si ayant été condamnée elle subit la peine qui lui a été infligée dans l'Empire de Russie ou dans le Royaume-Uni, pour un autre crime, son extradition sera différée jusqu'à sa remise en liberté, soit qu'elle ait été acquittée, soit qu'elle ait purgé sa peine ou pour toute autre raison.

Статья IV.

Выдача не будетъ имѣть мѣста, если лицо, преслѣдуемое правительствомъ Соединеннаго Королевства или правительствомъ Россійской Имперіи, было уже судимо, оправдано или подвергалось наказаніямъ, или же если оно находится еще подъ судомъ въ Россійской Имперіи или въ Соединенномъ Королевствѣ за преступленіе, по поводу коего требуется выдача.

Если лицо, выдача котораго требуется правительствомъ Соединеннаго Королевства или правительствомъ Россійской Имперіи, состоитъ подъ слѣдствіемъ или отбываетъ наказаніе по состоявшемуся о немъ судебному приговору въ Россійской Имперіи или въ Соединенномъ Королевствѣ за другое преступленіе, то выдача сего лица отлагается до освобожденія его вслѣдствіе оправданія, или отбытія имъ наказанія, или на какомъ либо другомъ основаніи.

Article V.

L'extradition n'aura pas lieu si depuis la perpétration du crime les poursuites ou la condamnation, la prescription des poursuites ou de la peine est acquise d'après les lois du pays auquel la demande est adressée.

Статья V.

Выдача не производится, если по законамъ государства, къ которому предъявлено требованіе о выдачѣ, истекъ срокъ давности судебнаго преслѣдованія или наказанія со времени совершенія преступленія, начала судебнаго преслѣдованія или постановленія обвинительнаго приговора.

Article VI.

Le criminel fugitif ne sera pas extradé si le délit pour lequel l'extradition est demandée, est considéré comme un délit politique, ou si l'individu prouve que la demande d'extradition a été faite en réalité dans le but de le poursuivre ou de le punir pour un délit d'un caractère politique.

Статья VI.

Бѣжавшій преступникъ не подлежитъ выдачѣ, если преступленіе, по поводу котораго заявлено требованіе о его выдачѣ, считается преступленіемъ политическимъ, или если онъ докажетъ, что требованіе о его выдачѣ вызвано въ дѣйствительности намѣреніемъ преслѣдовать его или подвергнуть наказанію за преступленіе политическаго характера.

Article VII.

L'individu qui aura été livré ne pourra en aucun cas, dans le pays auquel l'extradition a été accordée, être maintenu en état d'arrestation ou poursuivi pour aucun crime ou faits autres que ceux qui avaient motivé l'extradition à moins qu'il n'ait été réintégré ou n'ait eu l'occasion de retourner de lui-même dans l'État qui l'avait extradé.

Cette stipulation n'est pas applicable aux crimes commis après l'extradition.

Статья VII.

Выданный ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть заключенъ подъ стражу или преслѣдуемъ въ странѣ, которой онъ выданъ за какое либо другое преступленіе или другія дѣянія, кромѣ тѣхъ, по поводу коихъ послѣдовала его выдача, если только это лицо не было возвращено или не располагало возможностью вернуться въ государство, коимъ оно было выдано.

Это постановленіе не относится къ преступленіямъ, совершеннымъ послѣ выдачи.

Article VIII.

L'extradition sera demandée par l'organe des Agents diplomatiques respectifs des deux Hautes Parties contractantes.

Статья VIII.

Требованіе о выдачѣ сообщается чрезъ посредство дипломатическихъ агентовъ обѣихъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ.

Le demande d'extradition d'un prévenu devra être accompagnée d'un mandat d'arrêt décerné par l'autorité compétente de l'Etat requérant, et des preuves qui, d'après les lois de l'endroit où le prévenu a été trouvé, justifieraient son arrestation, si l'acte punissable y avait été commis.

Si la demande d'extradition concerne une personne déjà condamnée, elle doit être accompagnée de l'arrêt de condamnation qui a été rendu contre le coupable par le tribunal compétent de l'État requérant.

Un arrêt rendu par contumace ne sera pas considéré comme une condamnation, mais une personne ainsi condamnée pourra être traitée comme une personne poursuivie.

Article IX.

Si la demande d'extradition s'accorde avec les stipulations précédentes, les autorités compétentes de l'État requis procéderont à l'arrestation du fugitif.

Article X.

Si le fugitif est arrête sur territoire britannique, il sera aussitôt amené devant un magistrat compétent qui devra l'entendre et procéder à l'examen préliminaire de l'affaire de la même manière que si l'arrestation avait eu lieu pour un crime commis sur territoire britannique.

Требованіе о выдачѣ обвиняемаго должно сопровождаться предъявленіемъ исходящаго отъ надлежащей власти государства, требующаго выдачи, постановленія о заключеніи подъ стражу, а также такихъ доказательствъ, которыя по законамъ той страны, гдѣ обвиняемый былъ найденъ, оправдывали бы его личное задержаніе, еслибъ наказуемое дѣяніе было совершено имъ въ той странѣ.

Если требованіе о выдачѣ касается преступника, уже осужденнаго, то оно должно быть сопровождаемо предъявленіемъ обвинительнаго приговора, постановленнаго противъ виновнаго лица подлежащимъ судомъ государства, заявляющаго таковое требованіе.

Заочно постановленный приговоръ не будетъ считаться въ силѣ судебнаго рѣшенія, но осужденное такимъ порядкомъ лицо должно быть почитаемо состоящимъ подъ судомъ.

Статья IX.

Если требованіе о выдачѣ состоялось согласно съ вышеизложенными постановленіями, то подлежащія власти государства, къ которому обращено требованіе, принимаютъ мѣры къ задержанію бѣжавшаго лица.

Статья X.

Если бѣжавшій задержанъ на Британской территоріи, то онъ немедленно приводится къ надлежащему должностному лицу, которое должно отобрать отъ него показаніе и приступить къ предварительному разсмотрѣнію дѣла такимъ же порядкомъ, какъ еслибы его задержаніе послѣдовало за преступленіе, совершенное на Британской территоріи.

Les autorités de la Grande-Bretagne quand elles procéderont à l'examen établi par les stipulation précédentes devront admettre comme preuves entièrement valables les dépositions assermentées ou les affirmations faites en Russie, ou les copies de ces pièces, de même que les mandats d'arrêt et les sentences rendues dans ce pays, ainsi que les certificats de condamnation ou les pièces judiciaires constatant le fait d'une condamnation, pourvu que ces documents soient rendus authentiques de la manière suivante:

1. Un mandat doit être signé par un juge, magistrat, ou officier de l'Empire russe.

2. Les dépositions ou affirmations ou les copies de ces pièces doivent porter la signature d'un juge, magistrat, ou officier de l'Empire russe, constatant que ces dépositions ou ces affirmations se trouvent être en expédition originale ou en copie vidimée selon le cas.

3. Un certificat de condamnation ou un document judiciaire constatant le fait d'une condamnation doit être certifié par un juge, magistrat, ou officier de l'Empire russe.

Великобританскія власти, приступая къ установленному предъидущими правилами разсмотрѣнію дѣла, должны принимать за вполнѣ достаточныя доказательства, учиненныя въ Россіи свидѣтельскія показанія, данныя подъ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, или копіи съ оныхъ, равно какъ и постановленія о заключеніи подъ стражу и состоявшіеся въ этой странѣ судебные приговоры, а также удостовѣренія о постановленіи обвинительнаго приговора, или судебные документы, удостовѣряющіе фактъ постановленія обвинительнаго приговора, лишь бы эти документы были удостовѣрены слѣдующимъ образомъ:

1. Постановленіе о заключеніи подъ стражу должно быть подписано судьею, лицомъ судебнаго вѣдомства, или другимъ должностнымъ лицомъ Россійской Имперіи.

2. Свидѣтельскія показанія, данныя подъ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, или копіи съ оныхъ должны быть подписаны судьею, лицомъ судебнаго вѣдомства или другимъ должностнымъ лицомъ Россійской Имперіи, въ удостовѣреніе того, что эти свидѣтельскія показанія, данныя подъ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, представляются въ подлинникѣ, или, смотря по обстоятельствамъ, въ засвидѣтельствованной копіи.

3. Удостовѣреніе о постановленіи обвинительнаго приговора или судебный документъ, удостовѣряющій фактъ состоявшагося обвинительнаго приговора, должны быть засвидѣтельствованы судьею, лицомъ судебнаго вѣдомства

4. Ces mandats, dépositions, affirmations, copies, certificats, ou documents judiciaires doivent être rendus authentiques dans chaque cas, soit par le serment d'un témoin, soit par l'apposition du sceau officiel du Ministre de la justice, ou de tout autre Ministre de l'Empire russe; cependant, les pièces susénoncées pourront être rendues authentiques de toute autre manière qui serait reconnue par les lois locales en vigueur dans la partie du territoire britannique, où l'examen de l'affaire aura lieu.

Article XI.

L'extradition d'un fugitif arrêté en Russie sera accordée, s'il résulte de l'examen qui en sera fait par une autorité compétente que les documents fournis par le gouvernement britannique contiennent des preuves *prima facie* suffisantes pour justifier l'extradition.

Les autorités russes devront admettre comme preuves entièrement valables les procès-verbaux des dépositions de témoins dressés par les autorités britanniques, ou les copies des ces procès-verbaux; ainsi que les procès-verbaux des condamnations ou autres documents judiciaires, ou les copies de ces actes; pourvu que ces documents soient signés ou rendus authentiques par une autorité dont la compétence sera certifiée par le sceau d'un Ministre d'État de S. M. Britannique.

или другимъ должностнымъ лицомъ Российской Имперіи.

4. Вышеупомянутыя постановленія о заключеніи подъ стражу, свидѣтельскія показанія, данныя подъ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, копіи, удостовѣренія или судебные документы, должны быть, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, удостовѣрены либо присягой свидѣтеля, либо приложеніемъ оффиціальной печати Министра Юстиціи или инаго Министра Россійской Имперіи; впрочемъ, всѣ эти факты и документы могутъ быть удостовѣряемы и всякимъ другимъ порядкомъ, который былъ бы признанъ соотвѣтствующимъ мѣстнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ той части британской территоріи, гдѣ состоится разсмотрѣніе дѣла.

Статья XI.

Выдача бѣжавшаго лица, задержаннаго въ Россіи, будетъ разрѣшена, если изъ разсмотрѣнія подлежащею властью сообщенныхъ Британскимъ правительствомъ документовъ окажется, что таковые заключаютъ въ себѣ *prima facie* достаточныя доказательства для оправданія выдачи.

Россійскія власти должны будутъ принимать за совершенное доказательство протоколы свидѣтельскихъ показаній, составленные Британскими властями, или копіи съ этихъ протоколовъ, а также протоколы состоявшихся обвинительныхъ приговоровъ или другіе судебные документы, или копіи съ этихъ актовъ, лишь бы эти акты были подписаны или удостовѣрены властью, компетентность коей будетъ засвидѣтельствована печатью Государствен-

Article XII.

L'extradition n'aura lieu que dans le cas où les preuves fournies auront été trouvées suffisantes, d'après les lois de l'État requis, soit pour justifier la mise sous jugement du prisonnier dans le cas où le crime aurait été commis sur le territoire du dit État, soit pour constater l'identité du prisonnier avec l'individu condamné par les tribunaux de l'État requérant et prouver que le crime dont il a été reconnu coupable aurait pu causer son extradition par l'État requis à l'époque de sa condamnation. L'extradition du fugitif n'aura lieu qu'à l'expiration d'un terme de quinze jours à dater de son emprisonnement en vue de l'extradition.

Article XIII.

Si l'individu réclamé par l'une des Hautes Parties contractantes, en exécution du présent Traité, est aussi réclamé par une ou plusieurs autres Puissances, du chef d'autres crimes ou délits commis sur leurs territoires respectifs, son extradition sera accordée à l'État dont la demande est la plus ancienne en date.

Article XIV.

Le fugitif sera mis en liberté si les preuves suffisantes à l'appui de la de-

наго Министра Ея Британскаго Величества.

Статья XII.

Выдача будетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если сообщенныя доказательства будутъ найдены, по законамъ государства, отъ котораго требуется выдача, достаточными — или для того, чтобы задержанное лицо могло быть отдано подъ судъ, еслибы преступленіе было совершено имъ на территоріи сказаннаго государства, или же для удостовѣренія тождественности задержаннаго лица съ лицомъ, осужденнымъ судебными мѣстами требующаго выдачи государства, съ подтвержденіемъ того, что преступленіе, въ коемъ это лицо было признано виновнымъ, могло бы во время постановленія обвинительнаго о немъ приговора служить основаніемъ къ выдачѣ его государствомъ, отъ котораго эта выдача требуется. Выдача бѣжавшаго лица можетъ послѣдовать лишь по истеченіи пятнадцати дней, считая со дня его задержанія въ видахъ выдачи.

Статья XIII.

Если лицо, о которомъ въ силу настоящаго трактата заявлено одною изъ договорившихся сторонъ требованіе, будетъ также потребовано къ выдачѣ какою-либо другою или нѣсколькими другими Державами, по поводу иныхъ преступленій или проступковъ, совершенныхъ на ихъ территоріяхъ, то это лицо выдается тому государству, коего требованіе о выдачѣ было ранѣе заявлено.

Статья XIV.

Бѣжавшій освобождается изъ подъ стражи, если доказательства, нужныя

mande en extradition ne sont pas produites dans l'espace de deux mois à partir du jour de l'arrestation ou de tel autre terme plus éloigné qui aura été indiqué par l'État requis ou le tribunal compétent de cet État.

для подкрѣпленія требованія о его выдачѣ, не будутъ предъявлены въ теченіе двухмѣсячнаго срока со дня его задержанія или въ теченіе другаго болѣе продолжительнаго срока, назначеннаго государствомъ, отъ котораго требуется выдача, или подлежащимъ судомъ этого государства.

Article XV.

Les objets saisis en la possession de l'individu réclamé au moment de son arrestation seront, si l'autorité compétente de l'État requis en a ordonné la remise, livrés lorsque l'extradition aura lieu; cette remise ne comprendra pas seulement les objets volés, mais encore tout ce qui peut servir de pièce de conviction.

Статья XV.

Вещи, отобранныя у лица, о коемъ заявлено требованіе, въ моментъ его задержанія, подлежатъ передачѣ государству, заявившему требованіе о выдачѣ, если выдача послѣдуетъ и если будетъ сдѣлано соотвѣтствующее о томъ распоряженіе компетентной власти того государства, къ которому предъявлено требованіе о выдачѣ. Передачѣ подлежатъ не только вещи похищенныя, но также и все то, что можетъ служить какъ вещественное доказательство преступленія.

Article XVI.

Toutes les dépenses occasionnées par une demande d'extradition seront à la charge de l'État requérant.

Статья XVI.

Всѣ расходы, которые повлечетъ за собой экстрадиція, относятся на счетъ государства, заявившаго требованіе о таковой.

Article XVII.

Lorsque dans la poursuite d'une affaire pénale non politique, l'un des deux gouvernements jugera nécessaire l'audition de témoins domiciliés dans l'autre État, une commission rogatoire sera envoyée à cet effet par la voie diplomatique et il y sera donné suite en observant les lois du pays où l'audition des témoins devra avoir lieu.

Статья XVII.

Если при производствѣ уголовнаго неполитическаго дѣла одно изъ договаривающихся правительствъ признаетъ нужнымъ допросить свидѣтелей, жительствующихъ въ другомъ государствѣ, то это правительство должно предъявить о томъ дипломатическимъ путемъ надлежащее требованіе, при чемъ исполненіе онаго можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ соблюденіемъ

L'État requérant s'engage à faire les démarches nécessaires et de pourvoir aux dépenses pour la recherche et la citation devant le magistrat de témoins indiqués dans la commission rogatoire.

законовъ той страны, гдѣ свидѣтели должны быть допрошены.

Государство, заявляющее подобное требованіе, принимаетъ на себя какъ всѣ нужныя распоряженія, такъ и расходы по розысканію и вызову къ явкѣ къ суду означенныхъ въ требованіи свидѣтелей.

Article XVIII.

Les stipulations du présent Traité seront applicables aux colonies et possessions étrangères de S. M. Britannique pour autant que faire se pourra d'après les lois en vigueur dans ces colonies et possessions étrangères respectivement.

La demande d'extradition d'un criminel qui s'est réfugié dans une de ces colonies ou possessions étrangères pourra être faite au gouverneur ou à l'autorité supérieure de cette colonie ou possession par l'autorité consulaire principale de l'Empire de Russie dans cette colonie ou possession.

Le gouverneur ou l'autorité supérieure mentionné ci-dessus, décidera à l'égard de telles demandes, en se conformant, autant que faire se pourra, d'après les lois de ces colonies ou possessions étrangères, aux stipulations du présent Traité. Il sera toutefois libre d'accorder l'extradition ou de soumettre le cas à son gouvernement.

Il est réservé toutefois à S. M. Britannique de faire, en se conformant, autant que faire se pourra, d'après les lois de ces colonies ou possessions étrangères, aux stipulations du présent Traité, des

Статья XVIII.

Постановленія настоящаго договора будутъ примѣняться къ колоніямъ и внѣевропейскимъ владѣніямъ Ея Британскаго Величества, насколько это возможно по дѣйствующимъ въ тѣхъ колоніяхъ и внѣевропейскихъ владѣніяхъ мѣстнымъ законамъ.

Требованіе о выдачѣ преступника, укрывшагося въ указанныхъ внѣевропейскихъ колоніяхъ или владѣніяхъ, предъявляется губернатору или высшей власти этой колоніи или этого владѣнія чрезъ посредство главной консульской власти Россійской Имперіи, находящейся въ той колоніи или въ томъ владѣніи.

Распоряженія по такимъ требованіямъ исходятъ отъ вышеупомянутыхъ губернаторовъ или должностныхъ лицъ, которые при семъ сообразуются съ законами этихъ внѣевропейскихъ колоній или владѣній и постановленіями настоящаго договора. Симъ лицамъ однако предоставляется или изъявлять согласіе на выдачу, или же представлять о данномъ случаѣ на усмотрѣніе своего правительства.

Во всякомъ случаѣ Ея Британскому Величеству принадлежитъ право, по соображеніи, насколько это возможно, законовъ этихъ внѣевропейскихъ колоній или владѣній, съ постановленіями

arrangements spéciaux dans les colonies ou possessions étrangères pour l'extradition de criminels russes qui auraient trouvé un refuge dans ces colonies ou possessions étrangères.

Les demandes concernant l'extradition de criminels qui se sont échappés d'une des colonies ou possessions étrangères de S. M. Britannique seront traités suivant les dispositions des Articles précédents du présent Traité.

настоящаго договора, издавать отдѣльныя распоряженія для внѣевропейскихъ колоній или владѣній относительно выдачи русскихъ преступниковъ, укрывшихся въ этихъ внѣевропейскихъ колоніяхъ или владѣніяхъ.

Требованіе относительно выдачи преступниковъ, бѣжавшихъ изъ какой либо изъ внѣевропейскихъ колоній или изъ какого нибудь внѣевропейскаго владѣнія Ея Британскаго Величества, будутъ подчиняться постановленіямъ вышеизложенныхъ статей настоящаго договора.

Article XIX.

La présente convention sera exécutoire à dater du dixième jour après sa promulgation, dans les formes prescrites par les lois des deux pays. Chacune des Hautes Parties contractantes pourra en tout temps mettre fin au Traité en donnant à l'autre six mois à l'avance avis de son intention.

Elle sera ratifiée et les ratifications en seront échangées à Londres, aussitôt que faire se pourra.

En foi de quoi, etc.

Fait à Londres, le 24 novembre, 1886.

(L. S.) Staal.
(L. S.) Iddesleigh.

Статья XIX.

Настоящая конвенція вступитъ въ силу съ десятаго дня по ея обнародованіи, порядкомъ, установленнымъ законами обоихъ государствъ. Каждая изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ можетъ во всякое время прекратить дѣйствіе этой конвенціи, заявивъ другой сторонѣ за шесть мѣсяцевъ впередъ о таковомъ своемъ намѣреніи.

Настоящая конвенція будетъ ратификована и обмѣнъ ратификацій состоится въ Лондонѣ въ возможно непродолжительномъ времени.

Въ удостовѣреніе чего, и т. д.

Учинено въ Лондонѣ, 24-го ноября 1886 года.

(М. П.) Стааль.
(М. П.) Иддеслей.

№ 467.

1887, le 10 (22) juillet. Protocole, signé à St. Pétersbourg, relativement à la délimitation des possessions afghanes sur la rive gauche de l'Amou-Daria.

I.

La frontière dont la description est contenue dans l'annexe au présent protocole sous la lettre A, et qui est comprise entre les poteaux № 1 et № 19 et les poteaux № 36 et № 65, est considérée comme arrêtée définitivement. Les points trigonométriques sur la partie de la ligne frontière décrite ci-dessous et comprise entre les poteaux № 19 et № 36 sont également admis comme définitifs; la description de cette partie de la frontière, ainsi que de la partie à l'est du poteau № 65, pourra être complétée après la démarcation.

Le synopsis des poteaux, attaché au protocole № 15 en date du 1 (13) septembre 1886, est reconnu exact et définitif en ce qui concerne les poteaux depuis le № 1 jusqu'au № 19 et depuis le № 36 jusqu'au № 65; il sera complété ultérieurement par le synopsis des poteaux depuis le № 20 jusqu'au № 35 et de celui des poteaux à l'est du № 65.

II.

A partir du poteau № 19 la frontière suivra une ligne droite jusqu'au sommet de la colline marquée 2.740 sur la carte № I annexée au présent protocole; ce point où sera placé le poteau № 20 est connu sous la dénomination de „station trigonométrique de Kara-Tépé" (lat.

№ 467.

1887 г., іюля 10-го (22-го). Протоколъ С.-Петербургскій относительно разграниченія афганскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи.

I.

Граница, описаніе коей изложено въ приложеніи къ настоящему протоколу подъ литерою А и которая заключается между столбами № 1 и № 19, а также между столбами № 36 и № 65, считается окончательно установленною. Тригонометрическіе пункты на той части пограничной черты, описаніе коей изложено ниже сего и каковая заключается между столбами № 19 и 36, равнымъ образомъ принимаются за окончательные; описаніе этой части границы, а равно и той, которая простирается на востокъ отъ столба № 65, можетъ быть дополнено послѣ проведенія границы на мѣстѣ.

Синопсисъ столбовъ, приложенный къ протоколу № 15, отъ 1 (13 сентября) 1886 года, признается точнымъ и окончательнымъ, насколько онъ касается столбовъ отъ № 1 до № 19, а также столбовъ отъ № 36 до № 65; онъ будетъ дополненъ впослѣдствіи синопсисомъ столбовъ отъ № 20 до № 35, а также столбовъ на востокъ отъ № 65.

II.

Отъ столба № 19 граница направится по прямой линіи до вершины холма, обозначеннаго цифрою 2.740 на приложенной къ настоящему протоколу картѣ № 1; этотъ пунктъ, гдѣ будетъ поставленъ столбъ № 20, извѣстенъ подъ наименованіемъ „тригоно-

35°17′49″, long. 62°15′17″). Plus loin le tracé descendra la crête des collines se dirigeant de ce point vers le confluent du Kouschk et du Moghur; le poteau № 21 sera placé sur un point de cette crête ou de son versant, de manière à être vu du confluent ci-dessus mentionné. Une ligne droite réunira le № 21 au № 22, placé dans la vallée du Kouschk sur la rive gauche de la rivière, à 900 pieds au nord du confluent du Kouschk et du Moghur (à 6.300 pieds environ du Mazari-Shah-Alam, indiqué sur la carte № II annexée au protocole.) A partir du poteau № 22 le tracé remontera le thalweg du Kouschk jusqu'au poteau № 23, placé à 2.700 pieds en amont de la tête du nouveau canal de la rive droite, dont la prise d'eau est située a 6.000 pieds environ au nord-nord-est de Ziaret de Tchil-Doukhtar. Du poteau № 23 une ligne droite sera tracée jusqu'au point marqué 2.925 sur la carte № III annexée au présent protocole (lat. 35°16′53″, long. 62°27′57″; poteau № 24), d'où la frontière suivra la ligne de partage des eaux, en passant par les points suivants: le point 3.017 (Bandi-Akhamar, lat. 35°14′21″, long. 62°35′48″; poteau № 26), le point 3.198 (lat. 35°14′30″, long. 62°41′0″; poteau № 27) et le point Kalari 2 (lat. 35°18′21″, long. 62°47′18″) et aboutira au point marqué № 29 sur la carte № IV annexée au présent protocole. La frontière franchira la vallée de la rivière Kaschan en ligne droite entre les poteaux № 29 et № 30 (station trigonométrique de Tori-Scheïkh, lat. 35°24′51″, long. 62°59′43″) et suivra la ligne de partage des eaux „Sanicha" jusqu'au point (poteau № 31 de la carte № III) où elle

метрическая станція Кара-Тепе" (шир. 35° 17′ 49″; долг. 62° 15′ 17″). Далѣе граница спустится по гребню холмовъ, направляющихся отъ этого пункта къ сліянію Кушка и Могура; столбъ № 21 будетъ поставленъ въ пунктѣ означеннаго гребня или его склона такъ, чтобы онъ могъ быть виденъ отъ упомянутаго выше сліянія. Прямая линія соединитъ № 21 съ № 22, поставленнымъ въ долинѣ Кушка, на лѣвомъ берегу рѣки, въ разстояніи 900 футовъ на сѣверѣ отъ сліянія Кушка и Могура, въ разстояніи приблизительно 6.300 футовъ отъ Мезари-Шахъ-Аляма, обозначеннаго на приложенной къ протоколу картѣ № II. Отъ столба № 22 граница поднимается по тальвегу Кушка до столба № 23, поставленнаго въ разстояніи 2.700 футовъ выше истока новаго канала праваго берега, каковой истокъ находится въ разстояніи приблизительно 6.000 футовъ на ССВ отъ Зіарета-Чиль-Духтара. Отъ столба № 23 будетъ проведена прямая линія до пункта, обозначеннаго цифрою 2.925 на приложенной къ настоящему протоколу картѣ № III (шир. 35° 16′ 53″; долг. 62° 27′ 57″; столбъ № 24), откуда граница направится по водораздѣлу, проходя по слѣдующимъ пунктамъ: пунктъ 3.017 (Бенди-Ахамаръ, шир. 35° 14′ 21″; долг. 62° 35′ 48″; столбъ № 26), пунктъ 3.198 (шир. 35° 14′ 13″; долг. 62° 41′ 0″; столбъ № 27) и пунктъ Калярп 2 (шир. 35° 18′ 21″; долг. 62° 47′ 18″), и примкнетъ къ пункту, означенному подъ № 29 на приложенной къ настоящему протоколу картѣ № IV. Граница пересѣчетъ долину рѣки Кашана по прямой линіи между столбами № 29 и № 30 (триго-

rencontrera la ligne de partage des eaux du Kaschan et du Mourgab, passera sur cette dernière et la suivra jusqu'à la station trigonométrique du Kaschan (lat. 35°38′13″, long. 63°6′4″; poteau № 32.) De cette station une ligne droite sera tracée jusqu'à un point sur le Mourgab (poteau № 35) situé à 700 pieds en amont de la prise d'eau du canal Jaki-yuz (ou Jaki-yangi). Plus loin la frontière en descendant le thalweg du Mourgab rejoindra le poteau № 36 de la frontière démarquée en 1885—1886.

A l'est du poteau № 65 la frontière suivra la ligne marquée A B C D sur la carte № VIII annexée au présent protocole, le point A étant situé à la distance de 3.500 pieds au sud des puits d'Imam-Nazar, le point B se trouvant près de Kara-Tépé-Khurd-Kak, qui reste aux Afghans, le point C à peu près à mi-chemin entre les puits est et ouest de Khatabadji, et enfin le point D à peu près à mi-chemin entre les puits Ali-Kadim et les puits marqués Chahi. Les puits d'Imam-Nazar, Kara-Tépé-Khurd, Khatabadji ouest et Ali-Kadim restent en dehors du territoire afghan. Du point D une ligne droite sera tracée jusqu'au commencement de la frontière locale démarqué eentre Bosagha et Kham-i-Ab, qui continuera à servir de frontière entre ces deux villages, avec la seule réserve que les canaux de Bosagha sur tout leur parcours, c'est-à-dire jusqu'à Koïnli (point H), seront compris dans le territoire russe. En d'autres termes la

нометрическая станція Тори-Шейхъ; шир. 35° 24′ 51″; долг. 62° 59′ 43″, направится по водораздѣлу Санича до пункта (столбъ № 31 на картѣ № III), гдѣ она примкнетъ къ водораздѣлу Кашана и Мургаба, перейдетъ на этотъ водораздѣлъ и пойдетъ по оному до тригонометрической станціи Кашана (шир. 35° 38′ 13″; долг. 63° 6′ 4″; столбъ № 32). Отъ этой станціи будетъ проведена прямая линія до пункта на Мургабѣ (столбъ № 35), находящагося въ разстояніи 700 футовъ выше истока канала Ики-юзъ (Яки-Янги). Далѣе, граница направится по тальвегу Мургаба и примкнетъ къ столбу № 36 границы, обозначенной въ 1885—1886 гг.

На востокъ отъ столба № 65 граница направится по чертѣ, обозначенной литерами A B C D на приложенной къ настоящему протоколу картѣ № VIII; пунктъ A находится въ разстояніи 3.500 футовъ на югъ отъ колодцевъ Имамъ-Назара; пунктъ B— близъ Кара-Тепе-Хурдъ-Каака, остающагося за афганцами; пунктъ C—приблизительно на полпути между восточнымъ и западнымъ колодцами Хотабъ-аджи, и наконецъ, пунктъ D — приблизительно на полпути между колодцами Али-Кадимъ и колодцами, обозначенными именемъ Чахи. Колодцы Имамъ-Назаръ, Кара-Тепе-Хурдъ, Западный Хотабъ-аджи и Али-Кадимъ остаются внѣ афганской территоріи. Отъ пункта D будетъ проведена прямая линія до начала мѣстной границы, проведенной между Босагою и Хаміабомъ, и каковая будетъ продолжать служить границею между этими двумя селеніями, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что

démarcation actuelle consacrera sur les bords de l'Amou-Daria les droits existants des deux parties, c'est-à-dire que les habitants de Kham-i-Ab conserveront toutes leurs terres et tous leurs pâturages, y compris ceux qui se trouvent à l'est de la frontière locale marquée E F G sur les cartes №№ IX et X annexées au protocole; les habitants de Bosagha, d'autre part, conserveront la jouissance exclusive de leurs canaux jusqu'à Koïnli avec le droit de les réparer et de les alimenter, conformément aux usages existants, de ceux de Kham-i-Ab, lorsque les eaux de l'Amou-Daria seront trop basses pour alimenter directement les prises d'eau de Koïnli.

Les officiers qui seront chargés d'exécuter sur les lieux les dispositions du présent protocole entre les poteaux ci-dessus nommés seront tenus de placer le nombre nécessaire de poteaux intermédiaires, en profitant à cet effet autant que possible des points saillants.

III.

La clause du protocole № 4 du 14 (26) décembre 1885 défendant aux Afghans de se servir dans la vallée du Kouschk, en aval de Tchil-Doukhtar, des canaux d'irrigation qui n'étaient pas en exploitation à ce moment, reste en vigueur, mais il est bien entendu que cette clause ne pourra être appliquée qu'aux canaux dérivés du Kouschk.

Les Afghans ne pourront pas se servir, pour leurs travaux de culture au nord

каналы Босаги на всемъ ихъ протяженіи, то-есть до Коинлы (пунктъ Н) будутъ включены въ русскую территорію. Другими словами, настоящимъ разграниченіемъ подтверждаются на берегахъ Аму-Дарьи существующія права обѣихъ сторонъ, т. е. за жителями Каміаба остаются всѣ ихъ земли и пастбища, включая въ оныя и тѣ, кои находятся на востокѣ отъ мѣстной границы, обозначенной литерами E F G на приложенныхъ къ протоколу картахъ №№ IX и X; съ другой стороны, за жителями Босаги сохраняется исключительное право пользоваться ихъ каналами до Коинлы, вмѣстѣ съ правомъ исправлять ихъ и, сообразно существующимъ обычаямъ, питать изъ каналовъ Хаміаба, когда вода въ Аму-Дарьѣ слишкомъ низка, чтобы непосредственно питать истоки каналовъ у Коинлы.

Офицеры, на коихъ возложено будетъ выполненіе на мѣстѣ постановленій настоящаго протокола, между обозначенными выше столбами, будутъ обязаны поставить необходимое число промежуточныхъ столбовъ, пользуясь для сего, насколько возможно, выдающимися пунктами.

III.

Условіе протокола № 4, отъ 14-го (26) декабря 1885 года, воспрещающее афганцамъ пользоваться въ долинѣ Кушка, ниже Чиль-Духтера оросительными каналами, кои въ то время не эксплуатировались, остается въ силѣ, но при этомъ разумѣется, что означенное условіе можетъ примѣняться лишь къ каналамъ, проведеннымъ изъ Кушка.

Афганцы не будутъ имѣть права пользоваться водою Кушка для своихъ

de Tchil-Doukhtar, des eaux de Kouschk, mais les eaux du Moghur leur appartiennent exclusivement, et ils pourront pour s'en servir exécuter tous les travaux qu'ils jugeraient utiles.

IV.

Les clauses des protocoles № 4 du 14 (26) décembre 1885 et № 15 du 1 (13) septembre 1886 relatives à la construction d'une digue sur le Mourgab restent en vigueur. M. Zinoview ayant exprimé le désir que l'obligation imposée à l'émir d'Afghanistan de concéder à cette fin sur la rive droite du Mourgab un terrain dans les conditions stipulées dans les dits protocoles, soit étendue à tout le parcours de la rivière en aval de la prise d'eau de Jaki-Jus, le colonel Ridgeway est d'avis que les démarches nécessaires à cet effet auprès de l'émir afghan pourraient retarder la conclusion du présent arrangement; mais il est néanmoins convaincu que le consentement de l'émir à la concession, dans les mêmes conditions, d'un terrain sur la rive droite pourra être obtenue sans difficultés, si plus tard le gouvernement impérial avisait le gouvernement de Sa Majesté Britannique de son intention de procéder à la construction d'une digue en amont de la prise d'eau du canal de Bendi-Nadiri.

V.

Le gouvernement britannique communiquera sans délai les dispositions ci-dessus convenues à l'émir d'Afghanistan, et le gouvernement impérial de Russie entrera en possession du territoire

полевыхъ работъ на сѣверѣ отъ Чиль-Духтера, но воды Могура принадлежатъ имъ исключительно, и они будутъ имѣть право дѣлать всѣ сооруженія, какія признаютъ полезными, въ видахъ пользованія водами означенной рѣки.

IV.

Условія, заключающіяся въ протоколѣ № 4, отъ 14-го (26) декабря 1885 г. и № 15 отъ 1-го (13) сентября 1886 года, и касающіяся постройки плотины на Мургабѣ—остаются въ силѣ. Вслѣдствіе выраженнаго г. Зиновьевымъ желанія, чтобы возложенное на Эмира Афганскаго обязательство уступить на этотъ конецъ на правомъ берегу Мургаба участокъ земли въ условіяхъ, опредѣленныхъ означенными протоколами, распространено было на все пространство рѣки ниже истока канала Ики-юзъ, полковникъ Риджуэ высказалъ мнѣніе, что необходимыя въ этихъ видахъ представленія Эмиру Афганскому могли бы замедлить заключеніе настоящаго соглашенія, но, при всемъ томъ, онъ убѣжденъ, что согласіе Эмира на уступку на тѣхъ же условіяхъ участка земли на правомъ берегу будетъ безъ затрудненій добыто, если впослѣдствіи Императорское правительство предупредитъ правительство Ея Британскаго Величества о своемъ намѣреніи приступить къ сооруженію плотины выше истока канала Бенди-Надири.

V.

Великобританское правительство безъ замедленія сообщитъ Эмиру Афганскому вышеизложенныя постановленія, и Императорское Россійское правительство вступитъ во владѣніе присуж-

qui lui est adjugé par le présent protocole à partir du 1 (13) octobre de l'année courante.

VI.

La ligne frontière convenue sera démarquée sur les lieux par une commission mixte, conformément aux cartes signées. Dans le cas où les travaux de démarcation éprouveraient des retards, la ligne tracée sur les cartes n'en sera pas moins considérée par les deux gouvernements comme obligatoire.

Zinoview. Ridgeway.

Annexe au protocole.

Description de la frontière afghane entre le Hériroud et l'Oxus (Amou-Daria).

La frontière commence sur la rive droite du Hériroud à un point marqué sur la carte par le poteau № 1, distant d'environ 8.500 pieds d'une petite tour située sur un monticule à l'entrée de la passe de Zoulfagar. Le poteau № 2 se trouve placé au sommet du rocher voisin qui domine le poteau № 1. A partir du poteau № 2 la frontière se dirige vers le Nord sur une distance d'un demi-mille environ jusqu'au poteau № 3 qui est situé sur une hauteur à l'extrémité occidentale d'une partie détachée de l'escarpement. De là la frontière suit une ligne droite vers le sommet d'une colline escarpée, distante d'un mille et demi environ, dans la direction Est-Nord-Est, et arrive au poteau № 4 placé sur un monticule peu élevé dans la plaine. Passé ce poteau, la frontière continue, en inclinant davantage vers l'Est, sur une distance de quatre milles, jusqu'au poteau № 5 placé à un point proémi-

даемою ему, на основанiи настоящаго протокола, территорiею съ 1-го (13) октября текущаго года.

VI.

Условная пограничная черта будетъ проведена на мѣстѣ смѣшанною коммиссiею сообразно подписаннымъ картамъ. Въ случаѣ замедленiя работъ по разграниченiю, обозначенная на картѣ черта будетъ тѣмъ не менѣе признаваться обоими правительствами обязательною.

И. Зиновьевъ. Риджуэ.

Приложенiе къ протоколу.

Описанiе афганской границы между Гери-Рудомъ и Оксусомъ (Аму-Дарьей).

Граница начинается на правомъ берегу Гери-Руда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на картѣ обозначенъ столбъ № 1, который отстоитъ приблизительно на 8.500 футовъ отъ небольшой башни, расположенной на холмѣ при входѣ въ Зульфагарскiй проходъ. Столбъ № 2 поставленъ на вершинѣ сосѣдней скалы, господствующей надъ мѣстомъ, гдѣ находится столбъ № 1. Начиная отъ столба № 2, граница направляется къ сѣверу на протяженiи около полу-мили до столба № 3, поставленнаго на возвышенности, находящейся на западной оконечности выдѣляющейся части откоса. Отсюда граница идетъ по прямой линiи къ вершинѣ крутого холма, расположеннаго на разстоянiи около полторы мили по направленiю ВСВ и достигаетъ столба № 4, установленнаго на пригоркѣ, мало возвышающемся надъ равниною. Далѣе этого столба, уклоняясь болѣе къ востоку,

nent et bien en évidence de la seconde ligne des hauteurs sur le coté nord d'un enfoncement naturel du roc. De ce point la frontière court dans la direction Sud-Est le long de la crête de la seconde ligne des hauteurs jusqu'au poteau № 6 placé sur l'arête de l'escarpement nord du défilé oriental à une distance d'un mille environ du fond du défilé. Le poteau № 7 est placé au-dessous du poteau № 6, près de la route, au milieu de la passe, et le poteau № 8 se trouve sur le haut de l'escarpement Sud faisant face au poteau № 6. La frontière descend alors dans la direction Sud la crête de la seconde ligne des hauteurs et coupe le sentier conduisant à Karez-Elias et Abi-Charmi à un point se trouvant à deux milles et quart environ de distance de la bifurcation des quatre routes convergeant à l'extrémité orientale du défilé de Zoulfagar. Le poteau № 9 est placé à l'est du sentier, sur un petit rocher qui le surplombe. De ce poteau la frontière remonte graduellement la ligne de partage des eaux jusqu'au sommet le plus élevé de la chaîne du Dengli-Dagh, marqué par le poteau № 10.

A l'extrémité est de la même chaîne se trouve le poteau № 11. A une distance de neuf milles et demi environ vers le Sud-Est se trouvent trois basses collines. Sur celle du milieu est placé le poteau № 12. Tournant encore légèrement à l'Est, la frontière se dirige vers le poteau № 13 placé à côté de la route à mi-chemin environ d'Ak-Rabat à Sumbakarez et de là au poteau № 14 situé à une distance de deux milles et

граница тянется на протяженіи четырехъ миль до столба № 5, поставленнаго на выдающемся и ясно примѣтномъ пунктѣ во второмъ ряду возвышенностей, на сѣверной сторонѣ естественной впадины скалы. Отсюда граница слѣдуетъ къ юго-востоку, вдоль гребня второго ряда возвышенностей до столба № 6, поставленнаго на гребнѣ сѣвернаго откоса восточнаго прохода, на разстояніи около одной мили отъ конца ущелья. Столбъ № 7 установленъ ниже столба № 6, у дороги, среди прохода, а столбъ № 8 поставленъ на вершинѣ южнаго склона противъ столба № 6. Затѣмъ граница спускается по направленію къ югу, по гребню втораго ряда возвышенностей, и перерѣзываетъ тропинку, ведущую къ Карезъ-Иліасу и Аби-Шарми въ пунктѣ, находящемся на разстояніи около двухъ съ четвертью миль отъ пересѣченія четырехъ дорогъ, которыя сходятся въ восточной оконечности Зульфагарскаго прохода. Столбъ № 9 находится къ востоку отъ тропинки и утвержденъ на небольшой скалѣ, нависшей надъ нею. Отъ этого столба граница постепенно поднимается по водораздѣлу до высшей точки горной цѣпи Денгли-Дагъ, обозначенной столбомъ № 10.

На восточной оконечности той же цѣпи находится столбъ № 11. На протяженіи около девяти съ половиною миль по направленію къ юго-востоку находятся три низкихъ холма. На среднемъ изъ нихъ утвержденъ столбъ № 12. Поворачивая еще нѣсколько къ востоку, граница идетъ къ столбу № 13, поставленному у дороги приблизительно на полпути отъ Акъ-Рабата къ Сумбекеризу, и оттуда къ столбу № 14,

demi à l'Est, sur le sommet d'une colline.

Le poteau № 15 est à neuf milles environ d'Ak-Rabat sur la route menant à Au-Rohak; de là la frontière se dirige en ligne droite vers le poteau № 16, placé sur celui des deux monticules de Koscha-Tchinguia qui se trouve à l'Est et est le plus élevé, à cinq milles et demi au nord d'Au-Rohak. A une distance à peu près égale au nord-ouest de la source d'Islim se trouve le poteau № 17 placé sur une colline plâte; à côté de la route entre Au-Rohak et Islim sur un léger escarpement est placé le poteau № 18 à trois milles environ à l'ouest d'Islim du côté sud du courant. Le poteau № 19 est placé sur la crête arrondie d'un chaînon de hauteurs à trois milles au sud d'Islim.

A partir du poteau № 36, placé sur la rive droite du Mourgab à trois milles environ au nord du fort de Méroutchak sur une hauteur dominant la rivière, la ligne frontière se dirige à l'Est vers le poteau № 38 en passant par le poteau № 37, placé sur la route montant de la vallée de Méroutchak le long du Galla-Chasma-Schor.

Le poteau № 38 est placé sur un point élevé du Chul à onze milles environ de la vallée de Méroutchak. La ligne frontière continue de là dans la direction Est-Nord-Est vers le poteau № 39 situé à un mille environ au sud-est de la

находящемуся на разстоянiи двухъ съ половиною миль къ востоку, на вершинѣ холма.

Столбъ № 15 поставленъ приблизительно на разстоянiи девяти миль отъ Акъ-Рабата, на дорогѣ, ведущей къ О-Рохаку; оттуда граница идетъ по прямой линiи къ столбу № 16, поставленному на томъ изъ двухъ холмовъ Коша-Чингiя, который лежитъ восточнѣе и болѣе возвышенъ, находясь на разстоянiи пяти съ половиною миль отъ О-Рохака. Почти на такомъ же разстоянiи къ сѣверо-западу отъ источникаИслимъ находится столбъ № 17, утвержденный на плоскомъ холмѣ; близъ дороги между О-Рохакомъ иИслимомъ, на небольшомъ обрывѣ поставленъ столбъ № 18, около трехъ миль къ западу отъ Ислима, съ южной стороны потока. Столбъ № 19 установленъ на округленномъ гребнѣ небольшой цѣпи горъ, на разстоянiи трехъ миль къ югу отъ Ислима.

Начиная отъ столба № 36, поставленнаго на правомъ берегу Мургъ-Аба, на разстоянiи около трехъ миль къ сѣверу отъ форта Меручакъ, на возвышенiи, господствующемъ надъ рѣкою, граничная черта направляется на востокъ къ столбу № 38, проходя черезъ столбъ № 37, который поставленъ на дорогѣ, идущей изъ долины Меручака вдоль Галла-Часма-Шора.

Столбъ № 38 поставленъ на возвышенномъ пунктѣ Чуля, на разстоянiи около одиннадцати миль отъ долины Меручака. Оттуда граничная черта идетъ по направленiю ВСВ къ столбу № 39, находящемуся приблизительно

source de Khvadja-Gougourdak; ensuite dans la direction Nord-Est en ligne droite vers le poteau № 40 sur un point élevé du Chul; de là dans la direction Est-Nord-Est vers le poteau № 41 placé sur une éminence à douze milles environ au nord de Kilavali; plus loin elle suit la direction Est-Nord-Est vers le poteau № 42 placé sur une hauteur à deux milles à l'ouest du Pakana-Schor et toujours dans la même direction jusqu'au poteau № 43. A partir de ce poteau la frontière va dans la direction Sud-Est vers le poteau № 44 placé sur le point le plus élevé de la ligne de partage des eaux des bassins de Kara-baba et du Kaïssar, connue sous le nom de Bel-i-Parandas. Suivant cette ligne dans la direction Nord, la frontière arrive au poteau № 45 placé à trois milles environ au sud-ouest du puits de Beschdara. Elle suit de là, dans la direction Nord-Est, un embranchement de la ligne de partage des eaux et aboutit au poteau № 46, placé à plus d'un mille de distance au sud-est près du puits de Beschdara. Elle suit de là, dans la directton Est, irrégulièrement vers le poteau № 47 placé à quatre milles et demi environ du point où la route de Khvaja-Gachaï et Kasava-Kala traverse le Schor-Egri. De là la frontière se dirige au Nord-Est par une ligne de partage des eaux secondaires vers le poteau № 48 et suit la même ligne jusqu'au poteau № 49 établi au point le plus élevé du partage des eaux au nord du Schor-Egri, à environ six milles à l'ouest du confluent du Schor-Gandaboulak et du Schor-Egri. De ce point la frontière va en ligne droite au Nord-Est traversant le Schor-Gandaboulak au poteau № 50

на разстоянiи одной мили къ юго-востоку отъ источника Ходжа-Гугурдакъ; затѣмъ она идетъ къ сѣверо-востоку по прямой линiи къ столбу № 40, на возвышенномъ пунктѣ Чуля; оттуда по направленiю ВСВ къ столбу № 41, поставленному на возвышенности, на разстоянiи около двѣнадцати миль къ сѣверу отъ Кила-Вали; далѣе граница слѣдуетъ по направленiю ВСВ къ столбу № 42, который установленъ на возвышенности, въ двухъ миляхъ къ западу отъ Пакана-Шура, и идетъ все по тому же направленiю до столба № 43. Отъ этого столба граница идетъ къ юго-востоку до столба № 44, поставленнаго на самой высокой точкѣ водораздѣла бассейновъ Карабаба и Кайссара, извѣстнаго подъ именемъ Бель-и-Парандасъ. Слѣдуя по этому водораздѣлу, по направленiю къ сѣверу, граница достигаетъ столба № 45, поставленнаго приблизительно въ трехъ миляхъ къ юго-западу отъ колодца Бешъ-Дара. Оттуда граница, направляясь съ сѣверо-востоку вдоль вѣтви водораздѣла, доходитъ до столба № 46, поставленнаго на разстоянiи болѣе чѣмъ на милю къ юго-востоку отъ колодца Бешъ-Дара. Оттуда она идетъ къ востоку по неправильной линiи до столба № 47, поставленнаго приблизительно въ четырехъ съ половиною миляхъ отъ мѣста, гдѣ дорога отъ Кваджа-Гашай и Касава-Кала пересѣкаетъ Шоръ-Эгри. Далѣе граница идетъ къ сѣверо-востоку по побочной линiи водораздѣла къ столбу № 48 и слѣдуетъ по тому же направленiю до столба № 49, поставленнаго на самомъ высокомъ мѣстѣ водораздѣла къ сѣверу отъ Шоръ-Эгри и приблизительно въ шести миляхъ къ

placé sur une colline à double sommet faisant saillie sur la ligne de partage des eaux entre Schor-Gandaboulak et Schor-Tara-Koui. En suivant la même direction, elle arrive à Schor-Tara-Koui, ou se trouve le poteau № 51, placé près de la route de Jalaïour sur le Kaïssar à Yalgoun-Koudouk et Kara-baba. La frontière passe de là dans la direction Nord-Est au poteau № 52 à un point distant d'un mille au nord du puits d'Alini. De ce poteau la frontière se dirige au Nord-Nord-Est vers le poteau № 54 croisant la route Daulatabad-Hazara-Koudouk près du poteau № 53. Le poteau № 54 est placé sur le point le plus élevé d'un groupe de collines sablonneuses à deux milles au nord du puits de Katar-Koudouk; de là la ligne frontière court en inclinant légèrement au Nord-Nord-Ouest sur une distance de dix milles environ vers le poteau № 55 placé sur un monticule à l'extremité d'une chaîne de collines qui s'étend entre l'enfoncement de Koui-Saraï et celui ou se trouve le puits de Khodja-Ahman. De ce poteau la frontière va en ligne droite dans la direction Nord, sur un parcours d'un mille et quart, vers le poteau № 56 placé sur une élévation naturelle à quelques pieds au sud de la route reliant Jalanguir à Méroutchak; de là au poteau № 57 distant de deux milles et quart Nord-Nord-Ouest et placé au sommet des hauteurs servant de limite nord à l'enfoncement de Koui-Saraï. De ce point la frontière se dirige au Nord-Nord-Est vers le poteau № 58 placé sur un des monticules sablonneux des hauteurs qui commandent la plaine s'étendant à l'ouest d'Andkhoï; elle tourne ensuite légèrement plus à l'Est vers le poteau № 59

западу отъ слiянiя Шоръ-Гандабулака и Шоръ-Эгри. Отъ этого пункта граница слѣдуетъ по прямой линiи къ сѣверо-востоку, пересѣкаетъ Шоръ-Гандабулакъ и достигаетъ столба № 50, поставленнаго на двухвершинномъ холмѣ, выдающемся надъ водораздѣльною линiею между Шоръ-Гандабулакомъ и Шоръ-Тара-Куй. Слѣдуя затѣмъ по тому же направленiю, граничная черта достигаетъ Шоръ-Тара-Куй, гдѣ находится столбъ № 51, утвержденный около дороги изъ Джала-Ура на р. Кайссарѣ въ Джалгунъ-Кудукъ и Кара-Баба. Граница направляется отсюда на сѣверо-востокъ къ столбу № 52 въ пунктѣ, находящемся на разстоянiи одной мили къ сѣверу отъ колодца Алини. Отъ этого столба граница идетъ по направленiю ССВ къ столбу № 54, пересѣкая дорогу изъ Даулетабада въ Хассара-Кудукъ у столба № 53. Столбъ № 54 поставленъ на самомъ высокомъ мѣстѣ группы песчаныхъ холмовъ въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ колодца Катаръ-Кудукъ; отсюда граничная черта, склоняясь слегка къ ССЗ, идетъ на протяженiи около десяти миль къ столбу № 55, поставленному на небольшомъ пригоркѣ, на оконечности цѣпи холмовъ, которая тянется между котловинами Куи-Сарай и той, у которой находится колодецъ Ходжа-Ахмана. Отъ этого столба граница идетъ по прямой линiи къ сѣверу, на протяженiи одной съ четвертью мили, къ столбу № 56, поставленному на естественномъ возвышенiи, на нѣсколько футовъ южнѣе дороги, соединяющей Джалангиръ съ Меручакомъ; оттуда—къ столбу № 57, находящемуся на разстоянiи двухъ съ

placé sur une colline sablonneuse peu élevée à deux milles et quart environ à l'est-sud-est des puits de Sari-Mat. Elle aboutit ensuite dans la direction Nord-Nord-Ouest au poteau № 60, placé entre les puits de Chichli et Gok-Chah à un quart de mille environ à l'ouest des puits de Chichli. Laissant Gok-Chah à la Russie et Chichli à l'Afghanistan, la frontière court en ligne droite au poteau № 61 placé à 300 pieds à l'est de la route qui mène d'Andkhoï à Sechanchi; elle arrive de là suivant la même direction, au poteau № 62 placé sur un monticule sablonneux bien en évidence, connu sous le nom de Madali-Koum; la ligne frontière aboutit ensuite dans la direction Est-Nord-Est au poteau № 63, placé du côté nord d'Oïkoul—vallée de forme élliptique longue de 3.600 pieds et au fond de laquelle se trouvent deux „kaks" ou bassins d'eau douce qui restent compris dans le territoire afghan. Tournant ensuite dans la direction Est-Sud-Est, la frontière rejoint en ligne droite le poteau № 64, placé sur une colline sablonneuse connue sous le nom de Gichi-Koumi, et continue dans la direction Nord-Est jusqu'au poteau № 65 placé sur la grande route reliant Andkhoï à Douktchi et Karki à un point distant de quatre milles et demi au sud de Douktchi et de deux milles et trois quarts au nord de Sultan-Robat.

Zinoview Ridgeway.

четвертью миль къ ССЗ, и поставленному на вершинѣ возвышенностей, образующихъ сѣверную границу котловины Куи-Сарай. Отъ этого пункта граница идетъ по направленію ССВ къ столбу № 58, утвержденному на одномъ изъ песчаныхъ холмовъ возвышенностей, господствующихъ надъ равниною, простирающеюся на западъ отъ Андхоя; затѣмъ она слегка поворачиваетъ болѣе къ востоку, по направленію къ столбу № 59, который поставленъ на невысокомъ песчаномъ холмѣ, на разстояніи около двухъ съ четвертью миль къ ВЮВ отъ колодцевъ Сари-Матъ. Затѣмъ, слѣдуя по направленію ССЗ, она достигаетъ столба № 60, который поставленъ между колодцами Чичли и Гокъ-Ча, на разстояніи около четверти мили западнѣе колодцевъ Чичли. Оставляя Гокъ-Ча за Россіею и Чичли за Афганистаномъ, граница идетъ по прямой линіи къ столбу № 61, поставленному на разстояніи трехсотъ футовъ къ востоку отъ дороги, ведущей изъ Андхоя въ Сечанчи; оттуда, слѣдуя по тому же направленію, она достигаетъ столба № 62, поставленнаго на примѣтномъ песчаномъ холмѣ, извѣстномъ подъ именемъ Мадали-Кумъ; затѣмъ, слѣдуя по направленію ВСВ, граничная черта доходитъ до столба № 63, поставленнаго съ сѣверной стороны Ойкуля — долины элипсической формы, длиною въ три тысячи шестьсотъ футовъ, и въ глубинѣ которой находятся два „кака" или бассейна прѣсной воды, остающіеся въ предѣлахъ афганской территоріи. Поворачивая затѣмъ къ ВЮВ, граница, по прямой линіи, доходитъ до столба № 64, поставленнаго на песчаномъ холмѣ, извѣстномъ

M. le Secrétaire d'Etat de Giers à Sir Robert Morier.

St. Pétersbourg, le 22 juillet 1887.

Les négociations au sujet du tracé de la frontière nord-ouest de l'Afghanistan, dont avaient été chargés le conseiller privé Zinoview et le colonel sir West Ridgeway, ayant abouti à un arrangement dont les dispositions ont été consignées dans un protocole en date du 10 (22) juillet sub. № 4, signé par les deux délégués, je me fais un devoir d'informer Votre Excellence que le protocole en question vient d'obtenir la sanction du gouvernement de Sa Majesté l'Empereur, mon Auguste Maître.

Veuillez, etc.

Sir R. Morier à M. le Secrétaire d'Etat de Giers.

St. Petersburgh, july 22 (august 3), 1887.

In reply to Your Excellency's note of this day's date, I have the honour, under instructions from Her Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs, to inform you that Her Majesty's government have on their side sanctioned the Protocole № 4 of the 10 (22) july, in which are recorded the details of the arrangement concluded by colonel West Ridgeway, on behalf of Her Majesty's Government, and Privy Councillor

подъ именемъ Гичи-Куми, и затѣмъ слѣдуетъ къ сѣверо-востоку до столба № 65, который поставленъ на большой дорогѣ, соединяющей Андхой съ Дукчи и Карки, въ пунктѣ, находящемся въ четырехъ съ половиною миляхъ къ югу отъ Дукчи и въ двухъ и три четверти миляхъ сѣвернѣе Султанъ-Робата.

И. Зиновьевъ. Риджуэ.

Отъ Статсъ-Секретаря Гирса Сэръ-Роберту Моріеру.

С.-Петербургъ, 22-го іюля 1887 года.

Такъ какъ переговоры по предмету проведенія сѣверо-западной границы Афганистана, возложенные на тайнаго совѣтника Зиновьева и полковника Сэръ-Уэста Риджуэ, привели къ соглашенію, постановленія коего изложены въ протоколѣ отъ 10-го (22) іюля за № 4, подписанномъ обоими делегатами, то я считаю долгомъ увѣдомить Ваше Превосходительство, что означенный протоколъ нынѣ утвержденъ Правительствомъ Е. В. Государя Императора.

Примите и проч.

Отъ Сэръ-Роберта Моріера Статсъ-Секретарю Гирсу.

С.-Петербургъ, 22-го іюля (3 августа) 1887 года.

Въ отвѣтъ на ноту Вашего Высокопревосходительства отъ сего числа, по порученію главнаго статсъ-секретаря Ея Величества по Иностраннымъ Дѣламъ, имѣю честь Васъ увѣдомить, что Правительство Ея Величества съ своей стороны утвердило протоколъ № 4, отъ 10-го (22) іюля, въ коемъ изложены подробности соглашенія, заключеннаго между полковникомъ Сэръ Уэстомъ Риджуэ, со стороны Прави-

Zinoview, on behalf of the Imperial government, respecting the delimitation of the North-West frontier of Afghanistan.

I avail, etc.

Ayant constaté que, par suite d'une erreur de rédaction, toute mention du poteau № 3 a été omise dans l'Annexe A du Protocole IV, Leurs Excellences monsieur le Ministre des Affaires Etrangères et monsieur l'Ambassadeur d'Angleterre se sont mis d'accord pour rémédier à cette lacune, par les insertions suivantes dans le texte même de l'Annexe A.

„La frontière commence sur la rive droite du Hériroud, à un point marqué sur la carte par le poteau № 1, distant d'environ 8.500 pieds d'une petite tour située sur un monticule à l'entrée de la passe de Zoulfagar. Le poteau № 2 se trouve placé au sommet du rocher voisin, qui domine le poteau № 1. *A partir du poteau № 2 la frontière se dirige vers le Nord, sur une distance d'un demi mille environ, jusqu'au poteau № 3, qui est situé sur une hauteur à l'extrémité occidentale d'une partie détachée de l'escarpement.* De là la frontière suit une ligne droite vers le sommet d'une colline escarpée, distante d'un mille et demi environ dans la direction Est-Nord-Est, et arrive au poteau № 4, placé sur un monticule peu élevé dans la plaine"...

Ces insertions ont été faites aujourd'hui au Ministère des Affaires Etrangères, et

тельства Ея Величества, и тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ, со стороны Императорскаго Правительства, относительно опредѣленія сѣверо-западной границы Афганистана.

Пользуюсь, и проч.

Удостовѣрившись въ томъ, что вслѣдствіе редакціонной ошибки въ приложеніи А къ протоколу IV вовсе не упомянуто о столбѣ № 3, Его Высокопревосходительство г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и Его Превосходительство г. Англійскій Посолъ согласились восполнить этотъ пропускъ включеніемъ въ текстъ приложенія А нижепрописаннаго дополненія:

„Граница начинается на правомъ берегу Гери-Руда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на картѣ обозначенъ столбъ № 1, который отстоитъ приблизительно на 8.500 футовъ отъ небольшой башни, расположенной на холмѣ при входѣ въ Зульфагарскій проходъ. Столбъ № 2 поставленъ на вершинѣ сосѣдней скалы, господствующей надъ мѣстомъ, гдѣ находится столбъ № 1. *Начиная отъ столба № 2 граница направляется къ сѣверу на протяженіи около полумили до столба № 3, поставленнаго на возвышенности, находящейся на западной оконечности выдѣляющейся части откоса.* Отсюда граница идетъ по прямой линіи къ вершинѣ крутого холма, расположеннаго на разстояніи около полуторы мили по направленію ВСВ, и достигаетъ столба № 4, установленнаго на пригоркѣ, мало возвышающемся надъ равниною"...

Означенное прибавленіе сдѣлано сего числа въ Министерствѣ Иностранныхъ

certifiées par les paraphes de Leurs Excellences monsieur l'Adjoint du Ministre des Affaires Etrangères (en l'absence de monsieur le Ministre) et monsieur l'Ambassadeur d'Angleterre.

A. Vlangaly.
R. B. D. Morier.

St. Pétersbourg, le 30 juillet (11 août) 1887.

1888, le 17 (29) octobre. Convention concernant le canal maritime de Suez, signée à Constantinople. (V. les Traités avec la Turquie).

№ 468.

1893, le 3 (15) avril. Convention sanitaire internationale, signée à Dresde.

№ 469.

1893, le 13 (25) juillet. Protocole, signé à Londres, relativement à l'adhésion de la Grande Bretagne à la convention internationale sanitaire de Dresde du 3 (15) avril 1893.

№ 468.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies; S. M. l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse, au nom de l'Empire Allemand; S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême, etc., etc., et Roi Apostolique de Hongrie; S. M. le Roi des Belges; le Président de la République Française; S. M. le Roi d'Italie; S. A. R. le Grand-Duc de Luxembourg; S. A. le Prince de Monténégro; S. M. la Reine des Pays-Bas et en son nom S. M. la Reine Régente du Royaume; le Conseil Fédéral Suisse,

Дѣлъ и скрѣплено подписями Ихъ Превосходительствъ г. Товарища Министра Иностранныхъ Дѣлъ (за отсутствіемъ г. Министра) и г. Англійскаго посла.

Влангали.
Р. Моріеръ.

С.-Петербургъ, 30-го іюля (11-го августа) 1887 г.

1888 г., 17-го (29-го) октября. Константинопольская конвенція относительно Суэцкаго канала. (См. трактаты съ Турціей).

№ 468.

1893 г., 3-го (15-го) апрѣля. Международная санитарная конвенція, подписанная въ Дрезденѣ.

№ 469.

1893 г., 13-го (25-го) іюля. Протоколъ о присоединеніи Великобританіи къ Дрезденской международной санитарной конвенціи 3-го (15-го) апрѣля 1893 года, подписанный въ Лондонѣ.

№ 468.

Е. В. Императоръ Всероссійскій; Е. В. Императоръ Германскій, Король Прусскій, именемъ Германской Имперіи; Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и проч. и проч. и Апостолическій Король Венгерскій; Е. В. Король Бельгійцевъ; Президентъ Французской Республики; Е. В. Король Италіянскій; Е. Королевское Высочество Великій Герцогъ Люксембургскій; Е. В. Князь Черногорскій; Ея В. Королева Нидерландская, а ея именемъ Королева-Регентша Королевства; Федеральный Совѣтъ Швейцарскаго Союза,

Ayant décidé d'établir des mesures communes pour sauvegarder la santé publique en temps d'épidémie cholérique, sans apporter d'entraves inutiles aux transactions commerciales et au mouvement des voyageurs, ont nommé pour Leurs Plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

M. Yonine, son Conseiller privé et son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire.

S. M. l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse:

M. le comte Charles de Dönhoff, son Conseiller intime actuel et son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire à Dresde;

M. Hopf, son Conseiller intime supérieur de Régence au Département de l'Intérieur;

M. le chevalier de Landmann, Conseiller supérieur de Régence au Ministère royal de l'Intérieur de Bavière;

M. de Criegern, Conseiller intime de Régence au Ministère royale de l'Intérieur de Saxe;

M. le Dr. Koch, Professeur à l'Université royale de Berlin, son Conseiller intime de médecine, Membre extraordinaire de l'Office Sanitaire Impérial;

M. le Dr. Lehmann, son Conseiller de Légation au Département des Affaires Etrangères.

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême, etc., etc., et Roi Apostolique de Hongrie:

M. Hengelmueller de Hengervár, son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire à Rio de Janeiro;

принявъ рѣшеніе установить одинаковыя мѣры для огражденія народнаго здравія во время холерной эпидеміи, безъ излишняго стѣсненія торговыхъ сношеній и пассажирскаго движенія, назначили своими уполномоченными, именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій:

Г. Іонина, своего Тайнаго Совѣтника и своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра.

Е. В. Императоръ Германскій, Король Прусскій:

графа Карла Дёнгофа, своего Дѣйств. Тайнаго Совѣтника и своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Дрезденѣ;

Г. Гопфа, своего старшаго Тайнаго Совѣтника правленія Департамента Внутреннихъ Дѣлъ;

Г. кавалера фонъ-Ландмана, старшаго совѣтника правленія Королевско-Баварскаго Министерства Внутреннихъ Дѣлъ;

Г. фонъ-Кригерна, Тайнаго Совѣтника правленія Королевско-Саксонскаго Министерства Внутреннихъ Дѣлъ;

Г. д-ра Коха, профессора королевскаго университета въ Берлинѣ, своего Тайнаго Совѣтника медицины, чрезвычайнаго члена Императорскаго Санитарнаго Управленія;

Г. д-ра Лемана, своего Легаціоннаго Совѣтника Департамента Иностранныхъ Дѣлъ.

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и проч. и проч. и Апостолическій Король Венгерскій:

Г. Генгельмюллеръ-фонъ-Генгервара, своего чрезвычайнаго Посланника и полномочнаго Министра въ Ріо-Жанейро;

M. le chevalier de Gsiller, son Consul général, délégué à la Commission Européenne du Danube;

M. le chevalier Dr. Kusy, conseiller au Ministère Impérial Royal de l'Intérieur à Vienne;

M. le Dr. Alexandre de Faschó-Moys, conseiller au Ministère Royal Hongrois de l'Intérieur à Budapest;

M. de Ebner, conseiller de Section au Ministère Impérial Royal de Commerce à Vienne;

M. Charles de Vajkay, Ingénieur supérieur des chemins de fer de l'Etat hongrois.

S. M. le Roi des Belges:

M. E. Beco, Secrétaire Général du Ministère de l'Agriculture, de l'Industrie et des Travaux Publics.

Le Président de la République Française:

M. Camille Barrère, Ministre plénipotentiaire de 1-re classe, Chargé d'Affaires de France à Munich;

M. le professeur Brouardel, Doyen de la Faculté de Médecine de Paris, Membre de l'Institut, Président du Comité Consultatif d'Hygiène Publique;

M. le professeur Proust, Membre de l'Académie de Médecine, Inspecteur Général des Services Sanitaires.

S. M. le Roi d'Italie:

M. le compte Curtopassi, son Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire à Bucarest;

Le commandeur Pagliani, Docteur en médecine, professeur d'hygiène à la Faculté de Médecine, Directeur de la Santé Publique au Ministère de l'Intérieur.

Г. кавалера фонъ-Гзиллера, своего Генеральнаго Консула, делегата въ Европейской Дунайской Коммисіи;

Г. кавалера д-ра Кузи, совѣтника въ Императорско-Королевскомъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ Вѣнѣ;

Г. д-ра Александра де Фашó-Мойсъ, совѣтника въ Королевско-Венгерскомъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ Будапештѣ;

Г. фонъ-Эбнера, совѣтника отдѣленія въ Императорско-Королевскомъ Министерствѣ Торговли въ Вѣнѣ;

Г. Карла де Вайкай, главнаго инженера Венгерскихъ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Е. В. Король Бельгійцевъ:

Г. Э. Беко, Генеральнаго Секретаря по Министерству Земледѣлія, Промышленности и Общественныхъ Работъ.

Президентъ Французской Республики:

Г. Камилля Баррера, полномочнаго Министра 1-го класса, Повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи въ Мюнхенѣ;

Г. профессора Бруарделя, Декана Парижскаго медицинскаго факультета, члена Института, президента Совѣщательнаго Комитета Общественной Гигіены;

Г. профессора Пруста, члена Медицинской Академіи, Генеральнаго Инспектора санитарной службы.

Е. В. Король Италіянскій:

Графа Куртопасси, своего чрезвычайнаго Посланника и полномочнаго Министра въ Бухарестѣ;

Командора Пальяни, доктора медицины, профессора гигіены медицинскаго факультета, Директора Народнаго Здравія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

S. A. R. le Grand-Duc de Luxembourg:

Monsieur le comte H. E. V. de Villers, son Chargé d'affaires à Berlin.

S. A. le Prince de Monténégro,

M. Hengelmueller de Hengervár, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire de S. M. l'Empereur d'Autriche et Roi Apostolique de Hongrie.

S. M. la Reine des Pays-Bas et en son nom S. M. la Reine Régente du Royaume:

M. L. H. Ruyssenaers, son Ministre Résident;

M. le Dr. Ruysch, conseiller au Ministère de l'Intérieur.

Le Conseil Fédéral Suisse:

M. le colonel Dr. Roth, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire de la Confédération Suisse près l'Empire Allemand;

M. le Dr. F. Schmid, Chef du Bureau Sanitaire Fédéral;

Lesquels, ayant échangé leurs pouvoirs trouvés en bonne et due forme, sont convenus des dispositions suivantes:

I.

En ce qui concerne la prophylaxie internationale applicable aux voyageurs et aux marchandises:

Seront appliquées désormais les mesures indiquées et précisées dans l'Annexe I de la présente convention.

Е. К. В. Великій Герцогъ Люксембургскій:

Графа Г. Э. В. фонъ Виллерса, своего Повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ.

Е. В. Князь Черногорскій,

Г. Генгельмюллеръ-фонъ-Генгервара, чрезвычайнаго Посланника и полномочнаго Министра Е. В. Императора Австрійскаго и Апостолическаго Короля Венгерскаго.

Ея В. Королева Нидерландовъ и Ея именемъ Королева Регентша Королевства:

Г. Л. Г. Рюиссенарса, своего Министра-Резидента;

Г. д-ра Рюиша, совѣтника въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Федеральный Совѣтъ Швейцарскаго Союза:

Г. полковника д-ра Рота, чрезвычайнаго Посланника и полномочнаго Министра Швейцарскаго Союза при Германской Имперіи;

Г. д-ра Ф. Шмида, начальника Федеральнаго Санитарнаго Бюро;

каковые уполномоченные, обмѣнявшись своими полномочіями, признанными въ надлежащей и законной формѣ, договорились о нижеслѣдующихъ постановленіяхъ:

I.

По отношенію къ международнымъ предохранительнымъ мѣрамъ, долженствующимъ имѣть примѣненіе къ пассажирамъ и товарамъ, отнынѣ должны примѣняться мѣры, указанныя и точно опредѣленныя въ Приложеніи I къ настоящей конвенціи.

II.

En ce qui touche le régime sanitaire de l'embouchure du Danube (Bouche de Soulina):

Sont adoptées les dispositions consignées dans l'annexe II.

III.

Les pièces ci-annexées ont la même valeur que si elles étaient incorporées dans la présente convention.

IV.

La présente convention aura une durée de cinq ans à partir de la date de la ratification. Elle sera renouvelée de cinq en cinq ans par tacite reconduction, sauf dénonciation, dans une période de six mois avant l'expiration de ce terme, par l'une des Hautes Parties contractantes.

La dénonciation ne produira son effet qu'à l'égard du ou des pays qui l'auront notifiée. La convention restera exécutoire pour les autres Etats. Les hautes Parties contractantes se réservent également la faculté de provoquer, par la voie des négociations diplomatiques, les modifications qu'elles jugeraient nécessaire d'introduire dans la convention et ses Annexes.

La présente convention sera ratifiée; les ratifications en seront déposées à Berlin le plus tôt possible et au plus tard dans le délai de six mois à dater du 15 avril 1893.

En foi de quoi, etc.

II.

Что касается санитарнаго порядка въ устьяхъ Дуная (Сулинскія гирла), приняты правила, изложенныя въ Приложеніи II.

III.

Приложенія къ сему пріобщенныя имѣютъ ту же силу, какъ если-бы они были включены въ настоящую конвенцію.

IV.

Настоящая конвенція останется въ силѣ въ теченіе пяти лѣтъ со дня ея ратификаціи. Она должна считаться возобновленною черезъ каждыя пять лѣтъ при молчаливомъ согласіи Высокихъ договаривающихся сторонъ, пока не послѣдуетъ отъ одной изъ нихъ, за шесть мѣсяцевъ до истеченія этого срока, заявленіе о ея прекращеніи.

Такое заявленіе должно имѣть силу только относительно того государства или тѣхъ государствъ, отъ которыхъ это заявленіе послѣдовало. Конвенція останется для остальныхъ государствъ подлежащей примѣненію. Высокія договаривающіяся стороны равнымъ образомъ предоставляютъ себѣ право предлагать дипломатическимъ путемъ тѣ измѣненія, которыя онѣ признавали бы нужными внести въ конвенцію и ея Приложенія.

Настоящая конвенція должна быть ратификована; ратификаціи ея должны быть доставлены для храненія въ Берлинъ въ возможной скорости и не позже шести мѣсяцевъ съ 15 апрѣля 1893 г.

Въ удостовѣреніе чего, и т. д.

Fait en dix exemplaires, à Dresde, le 15 avril 1893.

(L. S.) Yonine.
(L. S.) Comte Charles de Dönhoff.
(L. S.) Hopf.
(L. S.) Robert von Landmann.
(L. S.) Friedrich von Criegern.
(L. S.) R. Koch.
(L. S.) Lehmann.
(L. S.) Hengelmueller.
(L. S.) Gsiller.
(L. S.) D-r Em. Kusý.
(L. S.) Faschó-Moys.
(L. S.) Ebner.
(L. S.) Vajkay.
(L. S.) E. Beco.
(L. S.) Camille Barrère.
(L. S.) P. Brouardel.
(L. S.) A. Proust.
(L. S.) Comte Curtopassi.
(L. S.) L. Pagliani.
(L. S.) H. de Villers.
(L. S.) Hengelmueller.
(L. S.) L. H. Ruyssenaers.
(L. S.) D-r Ruysch.
(L. S.) Roth.
(L. S.) D-r Schmid.

Составлено въ десяти экземплярахъ въ Дрезденѣ 15 апрѣля 1893 года.

(М. П.) Іонинъ.
(М. П.) Графъ Карлъ Дёнгофъ.
(М. П.) Гопфъ.
(М. П.) Робертъ фонъ-Ландманъ.
(М. П.) Фридрихъ фонъ-Кригернъ.
(М. П.) Р. Кохъ.
(М. П.) Леманъ.
(М. П.) Генгельмюллеръ.
(М. П.) Гзиллеръ.
(М. П.) Д-ръ Эм. Кузи.
(М. П.) Фашò-Мойсъ.
(М. П.) Эбнеръ.
(М. П.) Вайкай.
(М. П.) Э. Беко.
(М. П.) Камилль Баррерь.
(М. П.) П. Бруардель.
(М. П.) А. Прустъ.
(М. П.) Графъ Куртопасси.
(М. П.) Л. Пальяни.
(М. П.) Г. фонъ Виллерсъ.
(М. П.) Генгельмюллеръ.
(М. П.) Л. Г. Рюиссенарсъ.
(М. П.) Д-ръ Рюишъ.
(М. П.) Ротъ.
(М. П.) Д-ръ Шмидъ.

Annexes à la Convention.

Annexe I.

Titre I.

Mesures destinées à tenir les gouvernements signataires de la convention au courant de l'état d'une épidémie de choléra, ainsi que des moyens employés pour éviter sa propagation et son importation dans les endroits indemnes.

Приложенія къ конвенціи.

Приложеніе I.

Отдѣлъ I.

Мѣры, имѣющія цѣлью своевременное извѣщеніе правительствъ, подписавшихъ настоящую конвенцію, о состояніи появившейся холерной эпидеміи, а равно о средствахъ, употребленныхъ противъ ея распространенія и занесенія въ незараженныя мѣста.

Notification et communications ultérieures.

Le gouvernement du pays contaminé doit notifier aux divers gouvernements l'existence d'un foyer cholérique. Cette mesure est essentielle.

Elle n'aura de valeur réelle que si celui-ci est prévenu lui-même des cas de choléra et des cas douteux survenus sur son territoire. On ne saurait donc trop recommander aux divers gouvernements la déclaration obligatoire des cas de choléra par les médecins.

L'objet de la notification sera l'existence d'un foyer cholérique, l'endroit où il s'est formé, la date du début de ce foyer, le nombre des cas constatés cliniquement et celui des décès. Les cas restés isolés ne feront pas nécessairement l'objet d'une notification.

La notification sera faite aux agences diplomatiques ou consulaires dans la capitale du pays contaminé. Pour les pays qui n'y sont pas représentés, la notification sera faite directement par télégraphe aux gouvernements étrangers.

Cette première notification sera suivie de communications ultérieures données d'une façon régulière de manière à tenir les gouvernements au courant de la marche de l'épidémie. Ces communications se feront au moins une fois par semaine.

Les renseignements sur le début et sur la marche de la maladie devront être aussi complets que possible. Ils

Первое и послѣдующія извѣщенія.

Правительство страны, въ которой появилась холера, обязано сообщить другимъ правительствамъ о существованіи очага заразы. Эта мѣра весьма существенна, но своего дѣйствительнаго значенія она достигнетъ лишь въ томъ случаѣ, если само правительство будетъ знать о случаяхъ холеры и случаяхъ сомнительныхъ, происшедшихъ на его территоріи. Поэтому нельзя достаточно рекомендовать правительствамъ обязательное донесеніе врачами о случаяхъ холеры.

Предметомъ сообщенія должно быть существованіе очага заразы, мѣсто, гдѣ таковой образовался, время его появленія, число клинически удостовѣренныхъ случаевъ и число смертныхъ случаевъ. Случаи болѣзни, оставшіеся единичными, обязательному извѣщенію не подлежатъ.

Сообщеніе направляется къ дипломатическимъ или консульскимъ агентамъ, имѣющимъ мѣстопребываніе въ столицѣ зараженной страны. Правительства государствъ, не имѣющихъ своихъ представителей въ послѣдней, извѣщаются непосредственно по телеграфу.

За этимъ первоначальнымъ сообщеніемъ должны слѣдовать дальнѣйшія извѣщенія, въ такомъ опредѣленномъ порядкѣ, чтобы правительства имѣли постоянныя свѣдѣнія о ходѣ эпидеміи. Эти извѣщенія должны быть посылаемы по крайней мѣрѣ по одному разу въ недѣлю.

Свѣдѣнія о появленіи и ходѣ болѣзни должны быть возможно полны. Въ нихъ должны быть особо указаны мѣры, при-

indiqueront plus particulièrement les mesures prises en vue de combattre l'extension de l'épidémie. Ils devront préciser les mesures prophylactiques adoptées relativement

à l'inspection sanitaire ou à la visite médicale,

à l'isolement,

à la désinfection,

et les mesures prescrites au point de vue du départ des navires et de l'exportation des objets susceptibles.

Il est entendu que les pays limitrophes se réservent de faire des arrangements spéciaux en vue d'organiser un service d'informations directes entre les chefs des administrations des frontières.

Le gouvernement de chaque Etat sera tenu de publier immédiatement les mesures qu'il croit devoir prescrire au sujet des provenances d'un pays ou d'une circonscription territoriale contaminée*).

Il communiquera aussitôt cette publication à l'agent diplomatique ou consulaire du pays contaminé, résidant dans sa capitale. A défaut d'agence diplomatique ou consulaire dans la capitale, la communication se fera directement au gouvernement du pays intéressé.

*) On entend par le mot *circonscription* une partie de territoire d'un pays placée sous une autorité administrative bien déterminée, ainsi: une province, un „gouvernement", un district, un département, un canton, une île, une commune, une ville, un village, un port, un polder, etc., quelles que soient l'étendue et la population de ces portions de territoire.

нятыя противъ распространенія эпидеміи, и въ точности исчислены какъ предохранительныя мѣры, принятыя относительно:

санитарной инспекціи и врачебнаго осмотра,

изоляціи,

дезинфекціи,

такъ и мѣры по отходу судовъ и вывозу принимающихъ заразу предметовъ.

Пограничнымъ государствамъ предоставляется вступить въ особыя между собой соглашенія въ видахъ установленія непосредственнаго обмѣна свѣдѣній между начальниками пограничныхъ управленій.

Правительство каждаго государства обязывается немедленно доводить до всеобщаго свѣдѣнія о тѣхъ мѣрахъ, которыя оно признаетъ нужнымъ предписать относительно провенансовъ страны или территоріальнаго округа, подвергшихся зараженію *).

Оно тотчасъ сообщаетъ объявленіе о томъ дипломатическому или консульскому агенту зараженной страны, имѣющему мѣстопребываніе въ его столицѣ. За неимѣніемъ въ столицѣ дипломатическаго или консульскаго агента, сообщеніе доставляется непосредственно правительству подлежащаго государства.

*) Подъ словомъ *„округъ"* подразумѣвается часть территоріи страны, подвѣдомственная точно опредѣленной административной власти, какъ то: провинція, губернія, уѣздъ, департаментъ, кантонъ, островъ, община, городъ, деревня, портъ, „полдеръ" (въ Нидерландахъ) и проч., независимо отъ пространства и числа населенія такихъ частей территоріи.

Il sera tenu également de faire connaître par les mêmes voies le retrait de ces mesures ou les modifications dont elles seraient l'objet.

Оно равнымъ образомъ обязано сообщать тѣмъ же путемъ объ отмѣнѣ или измѣненіи этихъ мѣръ.

Titre II.

Conditions dans lesquelles une circonscription territoriale doit être considérée comme contaminée ou saine.

Est considérée comme contaminée toute circonscription où a été constatée officiellement l'existence d'un foyer de choléra.

N'est plus considérée comme contaminée toute circonscription dans laquelle un foyer a existé, mais où, après constatation officielle, il n'y a eu ni décès, ni cas nouveau de choléra depuis cinq jours, à condition que les mesures de désinfection nécessaires aient été exécutées.

Les mesures préventives seront appliquées au territoire contaminé à partir du moment où le début de l'épidémie aura été officiellement constaté.

Ces mesures cesseront d'être appliquées dès qu'il aura été officiellement constaté que la circonscription est redevenue saine.

Ne sera pas considéré comme donnant lieu à l'application de ces mesures le fait que quelques cas isolés, ne formant pas foyer, se sont manifestés dans une circonscription territoriale.

Отдѣлъ II.

Условія, при коихъ территоріальный округъ долженъ быть признанъ зараженнымъ или незараженнымъ.

Признается зараженнымъ всякій округъ, въ которомъ официальнымъ порядкомъ удостовѣрено существованіе холернаго очага.

Перестаетъ считаться зараженнымъ всякій округъ, въ которомъ существовалъ холерный очагъ, но гдѣ по официальному удостовѣренію не было случаевъ ни смерти, ни новаго заболѣванія холерою за послѣдніе пять дней, если притомъ необходимыя мѣры дезинфекціи были приведены въ исполненіе.

Предохранительныя мѣры будутъ примѣняться къ зараженной территоріи съ того времени, съ какого появленіе эпидеміи удостовѣрено официальнымъ порядкомъ.

Примѣненіе этихъ мѣръ прекращается, какъ скоро официально удостовѣрено, что округъ благополученъ.

Не признается поводомъ къ примѣненію этихъ мѣръ то обстоятельство, что въ территоріальномъ округѣ обнаружилось нѣсколько единичныхъ случаевъ, не составившихъ очага заразы.

Titre III.

Nécessité de limiter aux circonscriptions territoriales contaminées les me-

Отдѣлъ III.

Необходимость ограничить зараженными территоріальными округами при-

sures destinées à empêcher la propogation de l'épidémie.

Pour restreindre les mesures aux seules régions atteintes, les gouvernements ne doivent les appliquer qu'aux provenances des circonscriptions contaminées.

Mais cette restriction limitée à la circonscription contaminée ne devra être acceptée qu'à la condition formelle que le gouvernement du pays contaminé prenne les mesures nécessaires pour prévenir l'exportation des objets susceptibles provenant de la circonscription contaminée.

Quand une circonscription est contaminée, aucune mesure restrictive ne sera prise contre les provenances de cette circonscription, si ces provenances l'ont quittée cinq jours au moins avant le début de l'épidémie.

Titre IV.

Marchandises ou objets susceptibles envisagés au point de vue des défenses d'importation ou de transit — et de la désinfection.

I.

Importation et transit.

Les seuls objets ou marchandises susceptibles, qui peuvent être prohibés à l'entrée, sont:

1° Les linges de corps, hardes et vêtements portés (effets à usage); les literies ayant servi.

Lorsque ces objets sont transportés comme bagages ou à la suite d'un changement de domicile (effets d'installation), ils sont soumis à un régime spécial.

мѣненіе мѣръ, принимаемыхъ противъ распространенія эпидеміи.

Дабы ограничить эти мѣры одними зараженными мѣстностями, правительства должны примѣнять таковыя лишь къ провенансамъ зараженныхъ округовъ.

Но такое ограниченіе предѣлами зараженнаго округа должно быть допускаемо лишь при непремѣнномъ условіи, чтобы правительство зараженной страны приняло необходимыя мѣры для предупрежденія вывоза принимающихъ заразу предметовъ, происходящихъ изъ зараженнаго округа.

Никакія стѣснительныя мѣры не должны приниматься противъ провенансовъ зараженнаго округа, если эти провенансы отправлены изъ онаго по крайней мѣрѣ за пять дней до появленія эпидеміи.

Отдѣлъ IV.

Принимающіе заразу товары или предметы, съ точки зрѣнія запрещенія привоза или транзита,— и дезинфекціи.

I.

Привозъ и транзитъ.

Единственные, принимающіе заразу предметы или товары, ввозъ которыхъ можетъ быть запрещенъ, суть слѣдующіе:

1. Носильное бѣлье, одежда и ношенное платье (предметы употребленія); бывшія въ употребленіи постельныя принадлежности.

Если эти вещи перевозятся какъ багажъ или вслѣдствіе перемѣны мѣстожительства (предметы домашней обстановки), то онѣ подлежатъ особому режиму.

2° Les chiffons et drilles.

Ne doivent pas être interdits: a) les chiffons comprimés par la force hydraulique, qui sont transportés comme marchandises en gros, par ballots cerclés de fer et portant des marques et des numéros d'origine acceptés par l'autorité du pays de destination; b) les déchets neufs, provenant directement d'ateliers de filature, de tissage, de confection ou de blanchiment; les laines artificielles (Kunstwolle, Shoddy) et les rognures de papier neuf.

Le transit des marchandises ou objets susceptibles, emballés de telle façon qu'ils ne puissent étre manipulés en route, ne doit pas être interdit.

De même, lorsque les marchandises ou objets susceptibles sont transportés de telle façon qu'en cours de route, ils n'aient pu être en contact avec des objets souillés, leur transit à travers une circonscription territoriale contaminée ne doit pas être un obstacle à leur entrée dans le pays de destination.

Les marchandises et objets susceptibles ne tomberont pas sous l'application des mesures de prohibition à l'entrée, s'il est démontré à l'autorité du pays de destination qu'ils ont été expédiés cinq jours au moins avant le début de l'épidémie.

Il n'est pas admissible que les marchandises puisseut être retenues en quarantaine, aux frontières de terre. La prohibition pure et simple ou la désinfection sont les seules mesures qui puissent être prises.

2. Тряпье и ветошь.

Не должны быть запрещаемы къ ввозу: а) сжатое гидравлическою силою тряпье, перевозимое какъ оптовой товаръ въ тюкахъ, стянутыхъ желѣзными обручами и снабженныхъ знаками и номерами, указывающими происхожденіе товара и признанными подлежащею властью страны назначенія; б) новые остатки, идущіе непосредственно изъ прядиленъ, ткацкихъ, мастерскихъ готовыхъ вещей или изъ бѣлиленъ; искусственная шерсть (Kunstwolle, Shoddy) и обрѣзки новой бумаги.

Транзитъ принимающихъ заразу товаровъ или вещей, упакованныхъ такимъ образомъ, что ихъ нельзя вскрывать дорогою, не подлежитъ запрещенію.

Равнымъ образомъ, если принимающіе заразу товары или вещи перевозятся такимъ образомъ, что дорогою они не могли быть въ соприкосновеніи съ загрязненными предметами, то провозъ ихъ транзитомъ чрезъ зараженный территоріальный округъ не долженъ служить препятствіемъ къ допущенію ихъ въ страну назначенія.

Принимающіе заразу товары и предметы не подлежатъ дѣйствію запретительныхъ мѣръ при ввозѣ, если подлежащей власти страны назначенія представлены доказательства тому, что эти вещи отправлены по крайней мѣрѣ за пять дней до появленія эпидеміи.

Задержаніе товаровъ въ карантинѣ по сухопутнымъ границамъ не допускается. Единственныя мѣры, которыя могутъ быть приняты, состоятъ въ простомъ запрещеніи или въ дезинфекціи.

II.

Désinfection.

Bagages.—La désinfection sera obligatoire pour le linge sale, les hardes, vêtements et objets, qui font partie de bagages ou de mobiliers (effets d'installation), provenant d'une circonscription territoriale déclarée contaminée et que l'autorité sanitaire locale considérera comme contaminés.

Marchandises. — La désinfection ne sera appliquée qu'aux marchandises et objets que l'autorité sanitaire locale considérera comme contaminés, ou à ceux dont l'importation peut être défendue.

Il appartient à l'autorité du pays de destination de fixer le mode et l'endroit de la désinfection.

La désinfection devra être fait de manière à ne détériorer les objets que le moins possible.

Il appartient à chaque Etat de régler la question relative au payement eventuel de dommages-intérêts résultant d'une désinfection.

Les lettres et correspondances, imprimés, livres, journaux, papiers d'affaires, etc. (non compris les colis-postaux) ne seront soumis à aucune restriction ni désinfection.

Titre V.

Mesures à prendre aux frontières terrestres. Service des chemins de fer. Voyageurs.

Les voitures affectées au transport des voyageurs, de la poste et des bagages ne peuvent être retenues aux frontières.

S'il arrive qu'une de ces voitures soit souillée, elle sera détachée du train pour

II.

Дезинфекція.

Багажъ. Дезинфекціи обязательно подлежатъ: грязное бѣлье; одежда, платье и предметы, принадлежащіе къ багажу или къ домашней утвари (предметы домашней обстановки), происходящіе изъ территоріальнаго округа, объявленнаго зараженнымъ, и признанные мѣстною санитарною властью зараженными.

Товары. Дезинфекціи подлежатъ только товары и предметы, которые мѣстная санитарная власть признаетъ зараженными, или такіе, привозъ которыхъ можетъ быть запрещенъ.

Подлежащей власти страны назначенія предоставляется опредѣлить способъ и мѣсто дезинфекціи.

Дезинфекція должна производиться такимъ образомъ, чтобы по возможности избѣгать порчи вещей.

Каждому правительству предоставляется разрѣшать вопросъ о вознагражденіи за протори и убытки, причиненные дезинфекціей.

Письма, корреспонденціи, произведенія печати, книги, журналы, дѣловыя бумаги и пр. (исключая почтовыхъ посылокъ), не подлежатъ ни стѣснительнымъ мѣрамъ, ни дезинфекціи.

Отдѣлъ V.

Мѣры, принимаемыя по сухопутнымъ границамъ. Желѣзно-дорожная служба.— Пассажиры.

Вагоны, назначенные для перевозки пассажировъ, почты и багажа, не могутъ быть задерживаемы на границахъ.

Если случится, что одинъ изъ этихъ вагоновъ загрязнится, то его отцѣпля-

être désinfectée, soit à la frontiere, soit à la station d'arrêt la plus rapprochée, lorsque la chose sera possible.

Il en sera de même pour les wagons à marchandises.

Il ne sera plus établi de quarantaines terrestres.

Seuls, les malades cholériques et les personnes atteintes d'accidents cholériformes peuvent être retenus.

Il importe que les voyageurs soient soumis, au point de vue de leur état de santé, à une surveillance de la part du personnel des chemins de fer.

L'intervention médicale se bornera à une visite des voyageurs et aux soins à donner aux malades.

S'il y a visite médicale, elle sera combinée, autant que possible, avec la visite douanière, de façon que les voyageurs soient retenus le moins longtemps possible.

Dès que les voyageurs venant d'un endroit contaminé seront arrivés à destination, il serait de la plus haute utilité de les soumettre à une surveillance de cinq jours à compter de la date du départ.

Les mesures concernant le passage aux frontières du personnel des chemins de fer et de la poste sont du ressort des administrations intéressées. Elles seront combinées de façon à ne pas entraver le service régulier.

Les gouvernements se réservent le droit de prendre des mesures particulières à l'égard de certaines catégories de personnes, notamment envers:

a) les bohémiens et les vagabonds;

ютъ отъ поѣзда, чтобы подвергнуть дезинфекціи либо на границѣ, либо на ближайшей станціи остановки, если это возможно.

Такимъ же образомъ поступаютъ съ товарными вагонами.

Сухопутные карантины не должны быть болѣе устанавливаемы.

Одни только больные холерою и лица съ холеровидными припадками могутъ быть задерживаемы.

Необходимо подвергать пассажировъ по отношенію къ состоянію ихъ здоровья наблюденію со стороны должностныхъ лицъ желѣзныхъ дорогъ.

Вмѣшательство врача ограничивается осмотромъ пассажировъ и оказаніемъ помощи больнымъ.

Если предстоитъ медицинскій осмотръ, то онъ долженъ по возможности производиться одновременно съ таможеннымъ осмотромъ, дабы пассажиры задерживались, по возможности, наименѣе долго.

По прибытіи пассажировъ изъ зараженной мѣстности на мѣсто назначенія, чрезвычайно полезно подвергнуть ихъ пятидневному наблюденію, считая со дня ихъ выѣзда.

Мѣры относительно перехода границы чинами личнаго состава желѣзныхъ дорогъ и почты зависятъ отъ подлежащихъ вѣдомствъ. Онѣ должны быть разсчитаны такимъ образомъ, чтобы не мѣшать правильному ходу службы.

Правительства предоставляютъ себѣ принять особенныя мѣры относительно опредѣленной категоріи лицъ, а именно:

а) цыганъ и бродягъ;

b) les émigrants et les personnes voyageant ou passant la frontière par troupes.

Titre VI.

Régime spécial des zones-frontière.

Le règlement du trafic-frontière et des questions inhérentes à ce trafic ainsi que l'adoption de mesures exceptionnelles de surveillance doivent être laissés à des arrangements spéciaux entre les Etats limitrophes.

Titre VII.

Voies fluviales. Fleuves, canaux et lacs.

On doit laisser aux gouvernements des Etats riverains le soin de régler, par des arrangements spéciaux, le régime sanitaire des voie fluviales.

On recommande les Règlements allemands édictés en 1892 dont l'application a donné de bons résultats.

Titre VIII.

Partie maritime.— Mesures à prendre dans les ports.

Est considéré comme *infecté* le navire qui a du choléra à bord ou qui a présenté des cas nouveaux de choléra depuis sept jours.

Est considéré comme *suspect* le navire à bord duquel il y a eu des cas de choléra au moment du départ ou pendant la traversée, mais aucun cas nouveau depuis sept jours.

б) переселенцевъ и лицъ, слѣдующихъ или переходящихъ границу группами.

Отдѣлъ VI.

Специальный режимъ пограничныхъ зонъ.

Порядокъ пограничнаго оборота и разрѣшеніе сопряженныхъ съ нимъ вопросовъ, какъ и принятіе чрезвычайныхъ мѣръ надзора должны быть предоставлены спеціальнымъ соглашеніямъ между смежными государствами.

Отдѣлъ VII.

Рѣчные пути. — Рѣки, каналы и озера.

Забота объ установленіи санитарнаго надзора по рѣчнымъ путямъ посредствомъ спеціальныхъ соглашеній должна быть предоставлена правительствамъ прибрежныхъ государствъ.

Въ этомъ отношеніи рекомендуются изданныя въ 1892 г. Германскія правила, примѣненіе коихъ оказало хорошіе успѣхи.

Отдѣлъ VIII.

Морская часть.— Мѣры, принимаемыя въ портахъ.

Зараженнымъ признается судно, на которомъ имѣются больные холерою или были новые случаи холеры за послѣдніе семь дней.

Сомнительнымъ признается судно, на которомъ были случаи холеры во время отхода или плаванія, но не было новаго случая за послѣдніе семь дней.

Est considéré comme *indemne*, bien que venant d'un port contaminé, le navire qui n'a eu ni décès, ni cas de choléra à bord, soit avant le départ, soit pendant la traversée, soit au moment de l'arrivée.

Les navires infectés sont soumis au régime suivant:

1° Les malades sont immédiatement débarqués et isolés;

2° Les autres personnes doivent être également débarquées, si possible, et soumises à une observation, dont la durée variera selon l'état sanitaire du navire et selon la date du dernier cas, sans pouvoir dépasser cinq jours;

3° Le linge sale, les effets à usage et les objets de l'équipage et des passagers, qui, de l'avis de l'autorité sanitaire du port, seront considérés comme contaminés, seront désinfectés ainsi que le navire ou seulement la partie du navire qui a été contaminée.

Les navires suspects sont soumis aux mesures ci-après:

1° Visite médicale;

2° Désinfection: Le linge sale, les effets à usage et les objets de l'équipage et des passagers, qui, de l'avis de l'autorité sanitaire locale, seront considérés comme contaminés, seront désinfectés;

3° Evacuation de l'eau de la cale après désinfection et substitution d'une bonne eau potable à celle qui est emmagasinée à bord.

Il est recommandé de soumettre à une surveillance, au point de vue de leur état de santé, l'équipage et les passagers pendant cinq jours à dater de l'arrivée du navire.

Благополучнымъ признается судно, хотя идущее изъ зараженнаго порта, но на которомъ не было случаевъ ни смерти, ни заболѣванія холерою какъ до отхода, такъ и въ плаваніи и въ моментъ прихода.

Суда зараженныя подвергаются слѣдующему режиму:

1. Больные немедленно высаживаются и изолируются;

2. Остальныя лица также высаживаются, если возможно, и подвергаются обсерваціи, продолжительность которой зависитъ отъ санитарнаго состоянія судна и отъ времени послѣдняго заболѣванія, но не должна превышать пяти дней;

3. Грязное бѣлье, предметы употребленія и вещи экипажа и пассажировъ, признаваемыя санитарною властью порта зараженными, подвергаются дезинфекціи, какъ равно и самое судно или лишь зараженная часть его.

Суда сомнительныя подлежатъ слѣдующимъ мѣрамъ:

1. Медицинскому осмотру;

2. Дезинфекціи: Грязное бѣлье, предметы употребленія и вещи экипажа и пассажировъ, которыя по мнѣнію мѣстной санитарной власти признаются зараженными, дезинфецируются;

3. Выкачиванію трюмной воды послѣ ея дезинфекціи, и замѣнѣ имѣющейся на суднѣ воды хорошею, годною для питья.

Рекомендуется подвергать экипажъ и пассажировъ наблюденію относительно состоянія ихъ здоровія въ продолженіе пяти дней со времени прихода судна.

Il est également recommandé d'empêcher le débarquement de l'équipage, sauf pour raisons de service.

Les navires indemnes seront admis à la libre pratique immédiate, quelle que soit la nature de leur patente.

Le seul régime que peut prescrire à leur sujet l'autorité du port d'arrivée, consiste dans les mesures applicables aux navires suspects (visite médicale, désinfection, évacuation de l'eau de cale et substitution d'une bonne eau potable à celle qui est emmagasinée à bord).

Il est recommandé de soumettre à une surveillance, au point de vue de leur état de santé, les passagers et l'équipage pendant cinq jours à compter de la date où le navire est parti du port contaminé.

Il est recommandé également d'empêcher le débarquement de l'équipage, sauf pour raisons de service.

Il est entendu que l'autorité compétente du port d'arrivée pourra toujours réclamer un certificat attestant qu'il n'y a pas eu de cas de choléra sur le navire au port de départ.

L'autorité compétente du port tiendra compte, pour l'application de ces mesures, de la présence d'un médecin et d'un appareil de désinfection (étuve) à bord des navires des trois catégories susmentionnées.

Des mesures spéciales peuvent être prescrites à l'égard des navires encombrés, notamment des navires d'émigrants ou de tout autre navire offrant de mauvaises conditions d'hygiène.

Равнымъ образомъ, рекомендуется не допускать высадки экипажа на берегъ, развѣ для исполненія служебныхъ обязанностей.

Суда благополучныя допускаются немедленно къ свободной практикѣ независимо отъ рода ихъ патента.

По отношенію къ нимъ подлежащее начальство порта прибытія можетъ предписать лишь мѣры, примѣнимыя къ судамъ сомнительнымъ (медицинскій осмотръ, дезинфекція, выкачиваніе трюмной воды и замѣна имѣющейся на суднѣ воды хорошею, годною для питья).

Рекомендуется подвергать пассажировъ и экипажъ относительно состоянія ихъ здоровія пятидневному наблюденію со дня отхода судна изъ зараженнаго порта.

Равнымъ образомъ, рекомендуется не допускать высадки экипажа на берегъ, развѣ для исполненія служебныхъ обязанностей.

Подлежащему начальству порта прибытія предоставлено право требовать во всякое время предъявленія свидѣтельства въ томъ, что на суднѣ не было случаевъ холеры въ портѣ отхода.

Подлежащее начальство порта должно принимать въ соображеніе, при примѣненіи этихъ мѣръ, наличность врача и пароваго дезинфекціоннаго аппарата на судахъ трехъ вышепомянутыхъ категорій.

Специальныя мѣры могутъ быть предписаны по отношенію къ судамъ, переполненнымъ пассажирами, въ особенности къ судамъ съ переселенцами или ко всѣмъ инымъ судамъ, представляющимъ неудовлетворительныя гигіеническія условія.

Les marchandises arrivant par mer ne peuvent être traitées autrement que les marchandises transportées par terre, au point de vue de la désinfection et des défenses d'importation, de transit et de quarantaine (voir titre IV).

Tout navire qui ne voudra pas se soumettre aux obligations imposées par l'autorité du port sera libre de reprendre la mer.

Il pourra être autorisé à débarquer ses marchandises, après que les précautions nécessaires auront été prises, à savoir:

1° Isolement du navire, de l'équipage et des passagers;

2° Evacuation de l'eau de la cale, après désinfection;

3° Substitution d'une bonne eau potable à celle qui était emmagasinée à bord.

Il pourra également être autorisé à débarquer les passagers qui en feraient la demande à la condition que ceux-ci se soumettent aux mesures prescrites par l'autorité locale.

Chaque pays doit pourvoir au moins un des ports du littoral de chacune de ses mers d'une organisation et d'un outillage suffisants pour recevoir un navire, quel que soit son état sanitaire.

Les bateaux de cabotage feront l'objet d'un régime spécial à établir d'un commun accord entre les pays intéressés.

Annexe II.

Mesures à prendre à l'égard des navires provenant d'un port contaminé et remontant le Danube.

Товары, привозимые моремъ, не могутъ подлежать инымъ правиламъ, чѣмъ привозимые сухимъ путемъ, относительно дезинфекціи, запрещенія привоза и транзита и карантина (см. отдѣлъ IV).

Всякое судно, не желающее подчиниться требованіямъ портовой власти, можетъ снова выйти въ море.

Ему может быть разрѣшена выгрузка имѣющихся на немъ товаровъ по принятіи необходимыхъ мѣръ предосторожности, а именно:

1. Изоляціи судна, экипажа и пассажировъ.

2. Выкачиванія трюмной воды послѣ ея дезинфекціи.

3. Замѣны имѣющейся на суднѣ воды хорошею, годною для питья.

Ему, равнымъ образомъ, можетъ быть разрѣшено высадить пассажировъ согласно ихъ желанію, съ тѣмъ, чтобъ они подчинились предписаннымъ мѣстною властью мѣрамъ.

Каждая страна должна озаботиться, чтобы по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ портовъ прибрежья каждаго изъ ея морей имѣлось учрежденіе и приспособленія, дозволяющія принять судно, не смотря на его санитарное состояніе.

На счетъ каботажныхъ судовъ долженъ быть установленъ спеціальный порядокъ по взаимному соглашенію между заинтересованными странами.

Приложеніе II.

Мѣры, подлежащія принятію относительно судовъ, приходящихъ изъ зараженнаго порта и поднимающихся вверхъ по Дунаю.

En attendant que la ville de Soulina soit pourvue d'une bonne eau potable, les bateaux qui remontent le fleuve devront être soumis à une hygiène rigoureuse.

L'encombrement des passagers sera strictement interdit.

I. Mesures à prendre à Soulina.

Les bateaux entrant en Roumanie par le Danube seront retenus jusqu'à la visite médicale et jusqu'à parachèvement des opérations de désinfection.

Les bateaux se présentant à Soulina devront subir, avant de pouvoir remonter le Danube, une ou plusieurs visites médicales sérieuses faites de jour. Chaque matin, à une heure indiquée, le médecin s'assurera de l'etat de santé de tout le personnel du bateau et ne permettra l'entrée que s'il constate la santé parfaite de tout le personnel. Il délivrera au capitaine ou au batelier un passeport sanitaire ou patente, ou certificat dont la production sera exigée aux garages ultérieurs.

Il y aura une visite chaque jour. La durée de l'arrêt à Soulina des navires non infectés ne dépassera pas trois jours. La désinfection des linges contaminés sera éffectuée dès l'arrivée.

On substituera une eau potable de bonne qualité à l'eau douteuse qui pourrait être à bord.

L'eau de la cale sera désinfectée.

Les mesures qui viennent d'être indiquées ne seront applicables qu'aux provenances de ports qui sont le siège d'un foyer cholérique.

Впредь до снабженія города Сулины хорошею, годною для питья водою, поднимающіяся вверхъ по рѣкѣ суда должны подвергаться тщательному гигіеническому надзору.

Скучиваніе на судахъ пассажировъ будетъ строго запрещаться.

I. Мѣры, принимаемыя въ Сулинѣ.

Суда, приходящія въ Румынію по Дунаю, должны быть задерживаемы впредь до медицинскаго осмотра и окончательнаго приведенія въ исполненіе мѣръ по дезинфекціи.

Суда, подходящія къ Сулинѣ, должны подвергаться до отхода вверхъ по Дунаю, тщательному однократному или многократному медицинскому осмотру, произведенному въ дневное время. Каждое утро въ назначенный часъ врачъ удостовѣряется въ состояніи здоровія всѣхъ имѣющихся на суднѣ лицъ и лишь въ томъ случаѣ разрѣшаетъ проходъ судна, если убѣдится, что всѣ лица на суднѣ здоровы. Онъ выдаетъ капитану или судовщику санитарный паспортъ или патентъ или свидѣтельство, предъявленіе котораго должно требоваться на слѣдующихъ пристаняхъ.

Медицинскій осмотръ производится по одному разу въ день. Задержаніе незараженныхъ судовъ въ Сулинѣ не должно продолжаться болѣе трехъ дней. Дезинфекція грязнаго бѣлья производится тотчасъ по прибытіи.

Сомнительная вода, которая можетъ оказаться на суднѣ, замѣняется хорошею, годною для питья.

Трюмная вода дезинфецируется.

Вышеуказанныя мѣры должны примѣняться только къ провенансамъ тѣхъ портовъ, гдѣ имѣется очагъ холерной заразы.

Il est bien entendu qu'un navire provenant d'un port non contaminé—c'est-à-dire d'un port qui n'est pas le siège d'un foyer — pourra, s'il ne veut pas être soumis aux mesures restrictives précédemment indiquées, ne pas accepter les voyageurs venant d'un port contaminé.

Il y a lieu de perfectionner à Soulina l'établissement sanitaire, de le pourvoir de l'outillage moderne comme moyens de désinfection et de le compléter de façon à ce qu'on puisse débarquer et isoler les malades provenant d'un navire infecté, ainsi que les autres passagers.

II. Mesures à prendre sur les bords du fleuve.

Des postes sanitaires de moindre importance devront être installés sur les bords du fleuve de façon à pouvoir débarquer les malades s'il s'en trouve à bord; les postes devront être pourvus de bonne eau potable et des moyens de désinfection nécessaires. Une entente doit être établie à cet egard entre le gouvernement russe et le gouvernement roumain.

Un médecin sera attaché à chaque poste sanitaire ou à chaque point de relâche important.

Dans chaque station, une chambre convenablement isolée devra être préparée.

Tous les bateaux subiront en passant devant ces postes la visite médicale. S'il y a des malades ou des suspects, ils seront débarqués et isolés.

Les autres personnes devront être

Само собой разумѣется, что судно, приходящее изъ незараженнаго порта— т. е. изъ порта, гдѣ нѣтъ холернаго очага,— если оно не хочетъ подчиниться вышеуказаннымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, можетъ не принять пассажировъ, прибывшихъ изъ зараженнаго порта.

Въ Сулинѣ требуется усовершенствовать санитарное учрежденіе, снабдить его современными приспособленіями для средствъ дезинфекціи и пополнить его инвентарь такимъ образомъ, чтобы возможно было высаживать на берегъ и изолировать больныхъ, прибывшихъ съ зараженнаго судна, какъ равно и другихъ пассажировъ.

II. Мѣры, принимаемыя по берегамъ рѣки.

Санитарные посты менѣе значительные должны быть установлены по берегамъ рѣки такимъ образомъ, чтобы можно было высаживать больныхъ, если таковые имѣются на суднѣ; эти посты должны быть снабжены хорошею, годною для питья водою и необходимыми средствами дезинфекціи. Въ этомъ отношеніи имѣетъ состояться отдѣльное соглашеніе между правительствами Россіи и Румыніи.

При каждомъ санитарномъ постѣ или на каждомъ важномъ мѣстѣ остановки судна долженъ находиться врачъ.

На каждой станціи должна быть приготовлена комната, надлежащимъ образомъ изолированная.

Всѣ суда при проходѣ у этихъ постовъ должны подлежать медицинскому осмотру. Если на суднѣ окажутся лица больныя или сомнительныя, то они высаживаются и изолируются.

Остальныя лица также высажива-

également débarquées et isolées pendant cinq jours.

Les cabines, dortoirs et autres endroits contaminés, le linge, les hardes et objets souillés seront désinfectés; il en sera de même de la cale; une bonne eau potable sera substituée à l'eau douteuse du bord.

Pour les bateaux dans lesquels il n'y aura ni malade ni suspect, on désinfectera les cabinets et la cale, et on substituera une bonne eau potable à celle qui est à bord et qui pourrait être mauvaise.

Après la visite médicale, on donnera au capitaine ou au chef de l'équipage un certificat indiquant les précautions qui ont été prises et les désinfections qui ont été effectuées; ce certificat précisera en outre le nombre des passagers et des hommes de l'équipage.

Ce certificat devra être présenté dans les différents postes.

Lorsque le bateau abordera une nouvelle circonscription, il subira une nouvelle visite médicale.

La cale sera de nouveau désinfectée, à moins que l'eau ne renferme encore d'une façon non douteuse le mercure ou la chaux à l'état alcalin.

ются и изолируются въ продолженіе пяти дней.

Каюты, спальни и другія мѣста зараженныя, бѣлье, одежда и загрязненные предметы должны дезинфецироваться; то же самое должно соблюдать относительно трюма; имѣющаяся на суднѣ сомнительная вода должна замѣняться хорошею, годною для питья.

На судахъ, на коихъ нѣтъ ни больныхъ, ни сомнительныхъ лицъ, должна производиться дезинфекція отхожихъ мѣстъ и трюма, а вода, которая имѣется на суднѣ и можетъ оказаться испорченной, должна замѣняться хорошею, годною для питья.

Послѣ медицинскаго осмотра капитану или начальнику экипажа должно выдаваться свидѣтельство съ указаніемъ принятыхъ мѣръ предосторожности и произведенной дезинфекціи; въ этомъ свидѣтельствѣ кромѣ того должно точно быть указываемо число пассажировъ и личнаго состава экипажа.

Это свидѣтельство должно быть предъявляемо на другихъ постахъ.

При входѣ судна въ другой округъ, оно должно подлежать новому медицинскому осмотру.

Трюмъ долженъ снова дезинфецироваться, если въ водѣ болѣе не сохранилась несомнѣннымъ образомъ ртуть или известь въ щелочномъ состояніи.

№ 469.

Protocole d'adhésion.

La Conférence sanitaire internationale de Dresde, lors de la signature de la convention dans la séance du 15 avril 1893, a décidé qu'un protocole d'adhé-

№ 469.

Протоколъ присоединенія.

Дрезденская международная санитарная конференція, при подписаніи конвенціи въ засѣданіи 15 апрѣля 1893 г., постановила, чтобы протоколъ

sion resterait ouvert pour les Puissances dont les représentants n'ont pas été à même de signer cette convention.

En conséquence,

S. M. la Reine de Royaume-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande,

désirant faire usage de cette faculté, a nommé plénipotentiaires:

M. Strachey, son Ministre-Résident à Dresde,

M. le Dr. Thorne Thorne, C. B., Chef de la Section Médicale du Local Government Board à Londres,

M. H. Farnall, C. M. G, Secrétaire au Foreign Office à Londres,

lesquels après avoir déposé leurs pleins pouvoirs trouvés en bonne et due forme, ont déclaré ce qui suit:

Le Royaume-Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande adhère à la convention sanitaire internationale, conclue à Dresde le 15 avril 1893, et à ses Annexes, sous la réserve toutefois que dans le Royaume-Uni, les personnes bien portantes qui arrivent à bord d'un navire infecté ne soient pas soumises à une observation, mais seulement à une surveillance médicale dans leur domicile.

Le Secrétaire d'Etat au Département Impérial Allemand des Affaires Etrangères M. le Baron Marschall de Bieberstein, accepte au nom des Puissances signataires de la Convention, cette déclaration d'adhésion et constate en même temps que les gouvernements signataires ont consenti à la réserve faite ci-dessus.

присоединенія остался открытымъ для Державъ, представители которыхъ не имѣли возможности подписать означенную конвенцію.

Вслѣдствіе сего Ея В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи,

желая воспользоваться этимъ правомъ, назначила своими уполномоченными, именно:

Г-на М. Страчей, своего Министра-Резидента въ Дрезденѣ,

Г-на д-ра Торнъ Торнъ, начальника Медицинскаго Отдѣленія Управленія мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій въ Лондонѣ,

Г-на Г. Ферналь, секретаря въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Лондонѣ,

каковые уполномоченные, по представленіи своихъ полномочій, найденныхъ въ доброй и надлежащей формѣ, объявили нижеслѣдующее:

Соединенное Королевство Великобританія и Ирландія присоединяется къ международной санитарной конвенціи, заключенной въ Дрезденѣ 15 апрѣля 1893 года и къ ея Приложеніямъ, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, что въ Соединенномъ Королевствѣ лица здоровыя, прибывающія на неблагополучномъ суднѣ, не будутъ подвергаться обсерваціи, а только медицинскому наблюденію въ мѣстѣ ихъ жительства.

Статсъ-Секретарь Императорскаго Германскаго Департамента Иностранныхъ Дѣлъ, Баронъ Маршалъ-фонъ-Биберштейнъ, именемъ подписавшихъ конвенцію Державъ, принимаетъ эту декларацію присоединенія и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что подписавшіяся

En foi de quoi le présent protocole a été dressé à Londres (Berlin), le 13 (15) juillet 1893.

(L. S.) G. Strachey.
(L. S.) R. Thorne Thorne.
(L. S.) H. Farnall.
(L. S.) B-on Marschall.

№ 470.

1895, le 27 février (11 mars). L'arrangement au sujet de la délimitation des sphères d'influence de la Russie et de la Grande Bretagne dans la région des Pamirs.

NOTE

de M. l'ambassadeur impérial près S. M. la reine du Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande, M. le Conseiller privé actuel de Staal, à M. le Secrétaire d'Etat britannique des affaires étrangères, comte de Kimberley.

Londres, 27 février (11 mars) 1895.

M. le comte,

J'ai eu l'honneur de recevoir la note que Votre Excellence a bien voulu m'adresser en date de ce jour.

Cette communication énumère les dispositions de l'arrangement auquel ont abouti les négociations engagées entre le gouvernement de l'Empereur, mon auguste maître, et le gouvernement de Sa Majesté Britannique, au sujet de la délimitation des sphères d'influence de la Russie et de la Grande-Bretagne dans la région des Pamirs à l'est du lac Zor-Koul (Victoria).

Etant dûment autorisé à constater l'acceptation par mon gouvernement

Державы изъявили согласіе на вышеизложенное условіе.

Въ удостовѣреніе чего настоящій протоколъ составленъ въ Лондонѣ (въ Берлинѣ) 13-го (15-го) іюля 1893 г.

(М. П.) Г. Страчей.
(М. П.) Р. Торнъ Торнъ.
(М. П.) Г. Ферналь.
(М. П.) Б-нъ Маршаль.

№ 470.

1895 г., 27-го февраля (11-го марта). Соглашеніе по предмету разграниченія сферъ вліянія Россіи и Великобританіи въ области Памировъ.

НОТА

Россійско-Императорскаго посла въ Лондонѣ Дѣйств. Тайнаго Совѣтника Стааля къ Великобританскому Статсъ-Секретарю по Иностраннымъ Дѣламъ графу Кимберлею.

Лондонъ, 27-го февраля (11-го марта) 1895 года.

Графъ,

Я имѣлъ честь получить ноту Вашего Сіятельства отъ сего числа.

Это сообщеніе заключаетъ въ себѣ статьи соглашенія, къ коему привели переговоры, происходившіе между правительствомъ Государя Императора, моего Августѣйшаго Повелителя, и правительствомъ Ея Британскаго Величества, по предмету разграниченія сферъ вліянія Россіи и Великобританіи въ области Памировъ, на востокъ отъ озера Зоръ-Куль (Викторія).

Будучи надлежащимъ образомъ уполномоченъ удостовѣрить принятіе моимъ

dudit arrangement, je me fais un devoir d'en reproduire les termes ci-après, savoir:

1. Les sphères d'influence de la Russie et de la Grande-Bretagne à l'est du lac Zor-Koul (Victoria) seront séparées par une ligne-frontière, laquelle, partant d'un point sur ce lac près de son extrémité orientale, suivra les crêtes de la chaîne de montagnes qui s'étend un peu au sud du parallèle de ce lac jusqu'aux passes de Bender et d'Orta-Bel. De là, la ligne-frontière suivra ladite chaîne de montagnes tant que celle-ci se trouve au sud du parallèle du lac mentionné. En touchant cette latitude la ligne-frontière descendra le contrefort de la chaîne vers Kizil-Rabat, situé sur la rivière Aksu, si toutefois cette localité ne se trouve pas au nord du parallèle du lac Victoria; de cet endroit la ligne-frontière se prolongera dans une direction orientale de manière à aboutir à la frontière chinoise. S'il est constaté que Kizil-Rabat est situé au nord du parallèle du lac Victoria, la ligne de démarcation sera tracée jusqu'au point le plus proche et le plus approprié, situé sur la rivière Aksu au sud de la latitude indiquée et de là sera prolongée ainsi qu'il a été dit plus haut.

2. La ligne-frontière sera démarquée et sa configuration précise fixée par une commission mixte, revêtue d'un caractère purement technique et protégée par une escorte militaire qui ne dépassera pas le nombre strictement nécessaire pour sa sécurité. La commission sera composée de délégués russes et anglais, avec les assistants nécessaires pour la partie technique.

правительствомъ означеннаго соглашенія, считаю долгомъ воспроизвести ниже статьи онаго, а именно:

1. Сферы вліянія Россіи и Англіи на востокъ отъ озера Зоръ-Куль (Викторія) будутъ раздѣлены пограничною чертою, которая, начинаясь отъ точки на этомъ озерѣ близъ его восточной оконечности, пойдетъ по гребню горной цѣпи, тянущейся нѣсколько южнѣе параллели сего озера, до переваловъ Бендерскаго и Орта-Бель. Оттуда пограничная черта пойдетъ по сказанной горной цѣпи, доколѣ эта цѣпь находится южнѣе параллели упомянутаго озера. Достигнувъ этой параллели, пограничная черта спустится по откосу цѣпи къ Кизиль-Рабату, лежащему на рѣкѣ Аксу, если только эта мѣстность не находится сѣвернѣе параллели озера Викторіи; отъ этого пункта пограничная черта пойдетъ по направленію на востокъ, дабы примкнуть къ китайской границѣ. Если будетъ установлено, что Кизиль-Рабатъ лежитъ сѣвернѣе параллели озера Викторіи, то пограничная линія будетъ проведена до ближайшаго и наиболѣе удобнаго пункта, расположеннаго на рѣкѣ Аксу къ югу отъ указанной широты, и оттуда будетъ продолжена, какъ сказано выше.

2. Пограничная черта будетъ обозначена и точное ея направленіе установлено смѣшанною коммиссіею чисто техническаго характера подъ охраною военнаго конвоя, не превышающаго того количества, которое безусловно необходимо для безопасности коммиссіи. Коммиссія будетъ состоять изъ русскихъ и англійскихъ делегатовъ съ необходимыми помощниками по технической части.

Le gouvernement de Sa Majesté Britannique s'accordera avec l'émir d'Afghanistan sur la manière dont Son Altesse sera représentée dans la commission.

3. La commission sera également chargée de rapporter toutes les données qui pourraient être recueillies sur place concernant la situation de la frontière chinoise, dans le but de mettre les deux gouvernements à même d'arriver à un accord de la manière qui sera jugée la plus convenable avec le gouvernement chinois, quant aux limites du territoire chinois voisin de la ligne-frontière.

4. Le gouvernement de Sa Majesté l'Empereur de Russie et le gouvernement de Sa Majesté Britannique s'engagent à s'abstenir de l'exercice de tout contrôle ou influence politique, le premier au Sud, le second au Nord, de ladite ligne de démarcation.

5. Le gouvernement de Sa Majesté Britannique s'engage à ce que le territoire compris dans la sphère d'influence anglaise entre l'Hindou-Kouch et la ligne partant de l'extrémité orientale du lac Victoria et rejoignant la frontière chinoise, fasse partie des Etats de l'émir d'Afghanistan, que ce territoire ne soit pas annexé à la Grande-Bretagne et qu'il n'y soit établi ni postes militaires ni ouvrages fortifiés.

L'exécution du présent arrangement est subordonné à l'évacuation par l'émir d'Afghanistan de tous les territoires occupés par Son Altesse sur la rive droite du Piandj, et à l'évacuation par l'émir de Boukhara de la partie du Derwaz située au midi de l'Oxus, les gouvernements de Sa Majesté l'Empe-

Правительство Ея Британскаго Величества условится съ Эміромъ Афганскимъ относительно способа представительства Эмира въ коммиссіи.

3. Коммиссіи будетъ также поручено донести обо всѣхъ данныхъ, которыя можно будетъ собрать на мѣстѣ касательно положенія китайской границы, съ цѣлью дать возможность обоимъ правительствамъ войти въ соглашеніе тѣмъ способомъ, какой будетъ признанъ наиболѣе удобнымъ, съ китайскимъ правительствомъ относительно предѣловъ китайской территоріи, сосѣдней съ пограничной чертой.

4. Правительство Е. В. Императора Россійскаго и правительство Ея Британскаго Величества обязуются воздерживаться отъ всякаго политическаго контроля или вліянія — первое къ югу, второе къ сѣверу отъ разграничительной линіи.

5. Правительство Ея Британскаго Величества принимаетъ на себя обязательство въ томъ, что территорія, входящая въ сферу англійскаго вліянія между Гиндукушемъ и чертою, идущею отъ восточной оконечности озера Викторіи до китайской границы, войдетъ въ составъ владѣній Эмира Афганскаго, что эта территорія не будетъ присоединена къ Великобританіи, и что на ней не будетъ возведено ни военныхъ постовъ, ни укрѣпленій.

Приведеніе въ исполненіе настоящаго соглашенія поставлено въ зависимость отъ очищенія Эміромъ Афганскимъ всѣхъ территорій, занятыхъ имъ на правомъ берегу Пянджа, и отъ очищенія Эміромъ Бухарскимъ части Дарваза, расположенной къ югу отъ Аму-Дарьи, такъ какъ правительства Е. В.

reur de Russie et de Sa Majesté Britannique étant d'accord pour employer à cet effet leur influence respective auprès des deux émirs.

J'ai, etc.

Staal.

Императора Россійскаго и Ея Британскаго Величества согласились употребить въ этомъ отношеніи свое вліяніе на обоихъ Эмировъ.

Имѣю честь быть, и проч.

Стааль.

DESCRIPTION

de la frontière de l'Empire de Russie au Pamir du lac Victoria (Zor-Koul) aux confins de l'Empire Chinois, tracée par la Commission internationale mixte.

A partir du poteau frontière № 1, établi à l'extrémité orientale du lac Victoria, la frontière se dirige vers le Sud (Azimut magnétique S.W. 5°, Azimut astronomique S.W. 12°) et après avoir traversé un petit golfe du lac susmentionné, elle poursuit la même direction méridionale vers le poteau frontière № 2, établi sur le versant du chaînon, le plus rapproché de la chaîne de l'Empereur Nicolas II.

De ce poteau la frontière passe toujours dans la même direction méridionale jusqu'à la cime de la Concorde qu'elle traverse et longe la chaîne de l'Empereur Nicolas II qui forme le partage des eaux des bassins du lac Victoria et du Vakhan-Daria. Ici la frontière tourne à l'Est, suit cette direction sur une étendue de 8 verstes; en faisant ensuite un écart presque vers le Nord-Est, elle conserve cette direction sur une étendue de 22 verstes, et atteint la cîme élevée du prince Lobanow-Rostowsky.

D'ici la frontière se dirige vers le Sud-Est et après avoir suivi cette direction sur une distance de près de 7 verstes, elle monte à la cîme élevée du

ОПИСАНІЕ

Россійско-государственной границы на Памирахъ, отъ озера Викторія (Зоръ-Куль) до предѣловъ Китайской Имперіи, проведенной смѣшанною международною коммиссіею.

Отъ пограничнаго столба № 1, установленнаго у восточной оконечности озера Викторія, граничная черта направляется къ Югу (Магнитный Азимутъ S.W. 5°. Астрономическій Азимутъ S.W. 12°), и пересѣкши небольшой заливъ названнаго озера, слѣдуетъ далѣе на Югъ къ пограничному столбу № 2, установленному на склонѣ горнаго отрога, ближайшаго къ хребту Императора Николая II.

Отъ этого столба граничная линія проходитъ въ южномъ же направленіи къ пику Согласія, перейдя который, примыкаетъ къ хребту Императора Николая II, составляющему водораздѣлъ бассейновъ озера Викторіи и Ваханъ-Дарьи. Здѣсь пограничная черта поворачиваетъ на Востокъ, слѣдуетъ въ восточномъ направленіи на протяженіи 8 верстъ и уклоняясь затѣмъ почти на Сѣверо-Востокъ, она, сохраняя это направленіе на протяженіи 22 верстъ, подходитъ къ высокому пику князя Лобанова-Ростовскаго.

Отсюда граничная черта направляется къ Юго-Востоку и пройдя въ этомъ направленіи около 7 верстъ, поднимается на возвышенный пикъ маркиза Соль-

Marquis Sallisbury et après avoir repris la direction Nord-Est, elle atteint le col de Bender au point où se trouve fixé le poteau № 3.

De ce poteau № 3, établi sur le point le plus élevé du col de Bender, la frontière continue à se diriger vers le Nord-Est sur un parcours de 2 verstes et tourne ensuite brusquement au Nord-Ouest, traverse la cîme de Lord Elgin, prend une direction Est, qu'elle conserve sur un parcours de 13 verstes jusqu'au point de ramification du chaînon qui forme le partage des eaux des rivières Schamal-Tchai et Djaman-Schoura. Ici la frontière fait un écart vers le Sud-Est et après avoir traversé le col, accessible seulement aux piétons, de Djaman-Schoura, tourne encore dans la direction Est-Nord-Est qu'elle conserve sur un parcours de 7 verstes et se porte vers l'Est directement jusqu'au col de Urta-bel et le poteau № 4 qui s'y trouve fixé.

Du poteau № 3 au poteau № 4 la frontière suit la ligne de partage des eaux des rivières Istyk et Ak-Sou.

Du poteau № 4 la frontière suit la direction Est jusqu'au poteau № 5, qui, à une distance de près d'une verste du précédent, se trouve sur le point du partage des eaux de la chaîne principale. Se dirigeant de ce poteau vers l'Est, sur un parcours de près de 5 verstes, la frontière descend vers le Sud le long d'un chaînon qui se détache de la chaîne principale, atteint le point où le ruisseau Gundjibai, s'échappant de la gorge des montagnes poursuit son cours dans la vallée de l'Ak-sou

сбери, и принявъ снова сѣверо-восточное направленіе, достигаетъ перевала Бендерскаго у пункта, гдѣ установленъ столбъ № 3.

Отъ столба № 3, расположеннаго на высшей точкѣ перевала Бендерскаго, граничная черта продолжаетъ слѣдовать въ сѣверо-восточномъ направленіи, на протяженіи около 2 верстъ, послѣ чего она круто поворачиваетъ на Сѣверо-Западъ и пройдя пикъ лорда Эльджина, принимаетъ восточное направленіе, которое сохраняетъ на протяженіи 13 верстъ, до пункта развѣтвленія горнаго отрога, раздѣляющаго бассейны рѣкъ Шамалъ-чай и Джаманъ-Шура, гдѣ граничная черта, уклонившись нѣсколько къ Юго-Востоку и пройдя пѣшеходный перевалъ Джаманъ-Шура, поворачиваетъ снова къ Востоку-Сѣверо-Востоку, и слѣдуя въ этомъ направленіи около 7 верстъ, направляется на Востокъ, вплоть до перевала Урта-бель, и установленнаго здѣсь столба № 4.

На всемъ протяженіи отъ пограничнаго столба № 3 до столба № 4, граничная черта слѣдуетъ по водораздѣлу рѣкъ Истыка и Акъ-су.

Отъ столба № 4 граничная черта слѣдуетъ въ восточномъ направленіи до столба № 5, отстоящаго отъ предъидущаго около одной версты и расположеннаго на точкѣ водораздѣла главнаго хребта. Пройдя затѣмъ, около 5 верстъ, отъ этого послѣдняго столба, къ Востоку, граничная черта спускается по горному отрогу, отдѣляющемуся отъ главнаго хребта къ Югу, до пункта, гдѣ ручей Гунджибай, выйдя изъ ущелья, продолжаетъ свое теченіе въ долинѣ рѣки Акъ-су (столбъ № 6) и затѣмъ,

(poteau № 6). La frontière suit le cours de ce ruisseau jusqu'à sa jonction avec l'Ak-sou et le poteau № 7 est fixé sur la rive droite de celui-ci, vis-à-vis de l'embouchure du Gundjibai.

D'ici la frontière, en suivant l'Ak-sou, prend d'abord la direction de l'Est et puis celle du Nord-Est, arrive à l'embouchure du Mikhman-Djula, où se trouve le poteau № 8 sur la rive gauche de l'Ak-sou.

Ici la frontière traverse encore une fois l'Ak-sou, remonte le cours du Mikhman-Djula à une distance de 3 verstes jusqu'à un sommet sur la rive droite de ce fleuve, sur lequel se trouve fixé le poteau № 9. Elle se dirige ensuite au Sud-Est vers le lac Bakhmardyn-kull, qu'elle traverse, et suit sur une distance de près de deux verstes le bras occidental du ruisseau Kaschka-sou, dont les eaux sont tributaires du lac susmentionné.

Après avoir quitté cet affluent du Kaschka-sou la frontière prend la direction Est-Sud-Est et arrive au poteau № 10, fixé à l'extrémité Nord, sur le versant du massif qui se détache de la chaîne Muss-Taga, près de la cime Montaigu-Gerard et qui forme le partage des eaux du Tegermen-sou et du Kaschka-sou. Ensuite la frontière descend dans la même direction Est-Sud-Est dans la vallée du Tegermen-sou jusqu'au poteau № 11, fixé à l'embouchure d'un ruisseau dont le nom n'est pas désigné; elle remonte le cours de ce ruisseau à une distance de $1^1/_2$ verstes, passe devant le poteau № 12, fixé sur un sommet, sur le bord droit dudit ruisseau, et atteint le chaînon qui se

продолжаетъ слѣдовать по теченію рѣчки Гунджибай, до впаденія его въ рѣку Акъ-су, на правомъ берегу которой, противъ устья рѣчки Гунджибай, поставленъ столбъ № 7.

Отсюда граничная черта, слѣдуя вдоль теченія рѣки Акъ-су, сначала въ восточномъ, а затѣмъ сѣверо-восточномъ направленіяхъ, доходитъ до устья рѣки Михманъ-Джулы, гдѣ на лѣвомъ берегу рѣки Акъ-су установленъ столбъ № 8.

Здѣсь граничная линія вновь пересѣкаетъ рѣку Акъ-су и слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Михманъ-Джулы на протяженіи 3 верстъ, до пункта, гдѣ установленъ столбъ № 9, на возвышеніи праваго берега этой рѣки, направляется далѣе на Юго-Востокъ къ озеру Бахмардынъ-куль, пройдя которое, слѣдуетъ около 2 верстъ по западному рукаву ручья Кашка-су, воды котораго впадаютъ въ озеро Бахмардынъ-Куль.

Отдѣлившись отъ этого рукава, слѣдуя далѣе въ восточно-юго-восточномъ направленіи, граничная черта достигаетъ столба № 10, установленнаго на сѣверной оконечности склона отрога, отдѣляющагося отъ хребта Мусъ-Тага, близь пика Монтегю-Жераръ, и раздѣляющаго воды Тегерменъ-су и Кашка-су. Затѣмъ граничная черта спускается все въ томъ же восточно-юго-восточномъ направленіи въ долину рѣки Тегерменъ-су, къ столбу № 11, установленному у устья безъимяннаго ручья, и слѣдуя вверхъ по его теченію, на протяженіи $1^1/_2$ версты, поднимается, минуя столбъ № 12, поставленный на возвышенности праваго берега того же ручья, достигаетъ кряжа, отдѣляюща-

détache de la chaîne Muss-Taga à la cime Povalo-Schwyikowsky; elle traverse ce chaînon jusqu'à la cime susmentionnée qui se trouve être ainsi le point extrême de la frontière; elle touche ici à la chaîne Muss-Taga, qui forme la frontière des possessions Chinoises sur le Tagdum-basch-Pamir.

Le Général-Major Povalo-Schwyikovsky, du corps de l'Etat-Major.

гося отъ хребта Мусъ-Тага у пика Повало-Швыйковскаго, горнаго отрога, по которому и проходитъ до названнаго пика, являющагося такимъ образомъ крайней точкой граничной черты, примыкающей здѣсь къ горному хребту Мусъ-Тагъ, который составляетъ границу китайскихъ владѣній на Тагдумъ-башъ Памирѣ.

Генеральнаго Штаба Генералъ-маіоръ Повало-Швыйковскій.

ERRATA:

Page 287 sub № 455
„Protocole“, au lieu de „Traité“.

Эбм
Ф329